





4890d

Годъ VII-й.

№ 12-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

60984
ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Д Е К А Б Р Ъ

1898 г.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Гипографія И. Н. Скороходова (Надеждинская 43).

1898.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	СТР.
1. ПРИЧИНЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ И КУЛЬТУРНЫХЪ УСПѢХОВЪ ФИНЛЯНДИИ. В. Фирсовъ	1
2. СТИХОТВОРЕНИЕ. П. Я.	24
3. РЕБЪ ДУВИДЪ. (Психологическій этюдъ). Г. Генкель	25
4. СТИХОТВОРЕНИЕ. СОНЕТЪ. С. Яхонтова.	42
5. 1891 ГОДЪ. (Отрывки изъ воспоминаній). И. Красноперова	43
6. ИЗЪ ДНЕВНИКА Н. В. ШЕЛГУНОВА. (Окончаніе).	59
7. МЕРТВЫЕ МОЛЧАТЪ. Разсказъ Артура Шнитцлера. Переводъ съ нѣмецкаго. Л. Давыдова	84
8. СТИХОТВОРЕНИЕ. ИЗЪ АДЫ НЕГРИ. (Съ итальянскаго). М. В.	98
9. ВЪ ПОИСКАХЪ СВѢТА. (THE CHRISTIAN). Романъ Холль Кэна. Переводъ съ англійскаго З. Журавской. (Книга IV). Святителище. (Окончаніе).	99
10. ДВА СЧАСТЬЯ. (Романъ въ трехъ частяхъ). (Окончаніе). Часть третья. И. Потапенко.	129
11. СТИХОТВОРЕНИЕ. НА ВОЕННО-ГРУЗИНСКОЙ ДОРОГѢ. Allegro	168
12. ИСТОРИЯ РУССКОЙ КРИТИКИ. Часть четвертая. (Окончаніе). Ив. Иванова.	169
13. АДАМЪ МИЦКЕВИЧЪ. (1798—1898). А. Богдановича.	239

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Разсказы г. Вересаева—«Безъ дороги», «Повѣтріе». — Попытки автора уловить новыя настроенія въ интеллигенціи. — Его объективизмъ. — «Ученые» открытія о. Н. Блинова въ вопросѣ о вотякахъ и ихъ культѣ. — Г. Минскій о старой и новой поэзи: Байронизмъ Пушкина и Лермонтова — «чумное пятно», горѣвшее до сихъ поръ на русской поэзи, и жизнерадостность новой. — «Тишина», новый сборникъ стихотвореній г. Бальмонта, какъ образчикъ «жизнерадостности» новой поэзи. А. Б.	1
15. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Изъ голодныхъ мѣстъ. Къ вопросу о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. — Железнодорожные заводы и инструкція чинамъ заводской инспекціи Министерства Путей Сообщенія. — Общество «Помощь въ чтенія больнымъ и бѣднымъ въ Петербургѣ. — Дѣло ксендза Бѣлякевича	17

Годъ VII-й.

№ 12-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

для

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Д Е К А Б Р Ъ

1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская 43).

1898.

то уиш
дидотид

Дозволено цензурою 27-го ноября 1898 г. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

AP50
M47
1898:12
MAIN

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	стр.
1. ПРИЧИНЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ И КУЛЬТУРНЫХЪ УСПѢХОВЪ ФИНЛЯНДІИ. В. Фирсовъ	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. П. Я.	24
3. РЕБЪ ДУВИДЪ. (Психологическій этюдъ). Г. Генкель	25
4. СТИХОТВОРЕНІЕ. СОНЕТЪ. С. Яхонтова.	42
5. 1891 ГОДЪ. (Отрывки изъ воспоминаній). И. Красноперова	43
6. ИЗЪ ДНЕВНИКА Н. В. ШЕЛГУНОВА. (Окончаніе).	59
7. МЕРТВЫЕ МОЛЧАТЪ. Разсказъ Артура Шнитцлера. Переводъ съ нѣмецкаго. Л. Давыдова	84
8. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ АДЫ НЕГРИ. (Съ итальянскаго). М. В.	98
9. ВЪ ПОИСКАХЪ СВѢТА. (THE CHRISTIAN). Романъ Холльмана. Переводъ съ англійскаго З. Журавской. (Книга IV). Святимище. (Окончаніе).	99
10. ДВА СЧАСТЬЯ. (Романъ въ трехъ частяхъ). (Окончаніе). Часть третья. И. Потапенко.	129
11. СТИХОТВОРЕНІЕ. НА ВОЕННО-ГРУЗИНСКОЙ ДОРОГѢ. Allegro	168
12. ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ. Часть четвертая. (Окончаніе). Ив. Иванова.	169
13. АДАМЪ МИЦКЕВИЧЪ. (1798—1898). А. Богдановича.	239

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Разсказы г. Вересаева—«Безъ дороги», «Повѣтріе». — Попытки автора уловить новыя настроенія въ интеллегенціи. — Его объективизмъ. — «Ученые» открытія о. Н. Блинова въ вопросѣ о вотякахъ и ихъ культѣ. — Г. Минскій о старой и новой поэзіи: Байронизмъ Пушкина и Лермонтова — «чумное пятно», горѣвшее до сихъ поръ на русской поэзіи, и жизнерадостность новой. — «Тишина», новый сборникъ стихотвореній г. Бальмонта, какъ образчикъ «жизнерадостности» новой поэзіи. А. Б.	1
15. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Изъ голодныхъ мѣстъ. Къ вопросу о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. — Железнодорожные заводы и инструкція чинамъ заводской инспекціи Министерства Путей Сообщенія. — Общество «Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ въ Петербургѣ. — Дѣло ксендза Бѣлякевича	17

	СТР.
16. За границей. Суданская экспедиція. — Опыты одного фабриканта. — Двадцатипятилѣтіе университетскаго движенія въ Англіи. — Театръ мистерій въ Зельцахѣ	28
17. Изъ иностранныхъ журналовъ. «Revue des deux Mondes». — «National Review». — «Fortnighthly Review». — «Cassel's Magazine».	35
18. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Габріэль де-Мортилье и доисторическая археологія. Н. Могилянскій	49
19. НАУЧНЫЯ НОВОСТИ. Химія. Новый элементъ эфиріонъ. — Біологія. Полъ потомства. — Зоологія. Психологія пчелъ — Ботаника. Интересный случай тератологіи растеній. — Антропологія. Древнѣйшій способъ добыванія огня. — Медицина. 1) Прививка противъ чумы въ Индіи. 2) Часы смерти и рожденія. — Географія и путешествія. Море бѣлаго цвѣта. Н. М. .	55
20. БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя книги. — Критика и исторія литературы. — Публицистика. — Исторія всеобщая и русская. — Политическая экономія — Философія. — Естествознаніе. — Содержаніе библиографическаго отдѣла за 1898 г. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. — Иностранная литература. — Изъ западной культуры. Ив. Иванова. — Новости иностранной литературы.	60
21. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. Безумецъ или мученикъ? По поводу статьи Le centenaire d'Auguste Comte, par Levy-Brühl, Revue des deux Mondes, 1898. Ив. Иванова	87
22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	109

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

23. ЧУДЕСА ВОЗДУШНАГО ОКЕАНА. Морица Фармана. Переводъ съ французскаго, съ дополненіями и подъ редакціей В. Агафонова. (Окончаніе)	71
24. ЭВОЛЮЦІЯ ТОРГОВЛИ У РАЗЛИЧНЫХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ РАСЪ. Шарля Летурно. Переводъ съ французскаго Т. Богдановичъ. (Окончаніе)	159
25. БОРЬБА МІРОВЪ. Романъ Г. Уэллса. Переводъ съ англійскаго З. Журавской. (Окончаніе)	49
26. СОДЕРЖАНІЕ 1898 ГОДА ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ».	
27. КЪ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКѢ. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Причины экономических и культурных успѣховъ Финляндіи.

Когда извѣстный астрономъ и географъ Мопертюи (Pierre de Maupertuis) предпринялъ путешествіе къ Торнео, какъ въ самую сѣверную изъ доступныхъ тогдашнимъ европейцамъ мѣстность, съ цѣлью провѣрить свои теоретическія предположенія о полярныхъ странахъ *), его провожали, какъ героя. Его гибель въ странѣ сѣверныхъ финновъ и лопарей казалась почти неизбѣжной; его безстрашіе поражало самыхъ отважныхъ воиновъ Франціи. Потомъ, когда въ 1736 г. онъ благополучно вернулся въ Парижъ, его встрѣчали съ оваціями, съ трогательнымъ сочувствіемъ къ перенесеннымъ имъ испытаніямъ.

Слишкомъ сто лѣтъ поздиѣ вотъ что писалъ о Финляндіи русскій путешественникъ, князь Голицынъ **): «Земля производитъ такъ мало, что туземецъ не только не продаетъ хлѣба, но даже принужденъ покупать хлѣбъ на зиму для собственнаго прокормленія. Поэтому онъ считаетъ себя счастливымъ, когда можетъ найти работу, напр., въ мраморныхъ и гранитныхъ каменоломняхъ. Когда этого нѣтъ, онъ ловитъ въ озерѣ рыбу»... «Всего болѣе добывается ячменя. Но годовой сборъ хлѣбовъ недостаточенъ для прокормленія финляндскаго народонаселенія. Есть такія мѣста въ Финляндіи, гдѣ поселянинъ *никогда* не ѣстъ хлѣба безъ примѣси. Примѣсь обыкновенно состоитъ изъ мелкоизрубленной соломы, исландскаго моха, толченой древесной коры и тому подобныхъ веществъ, которыя могутъ кое какъ замѣнять *пищу*». У Пирера (1842 г.) про Финляндію сказано: «Климатъ крайне суровый. Жители занимаются земледѣліемъ, которое природой не благопріятствуется; воздѣлываютъ немного льна, очень мало овощей; больше живутъ скотоводствомъ и промыслами (въ сѣверныхъ частяхъ оленеводство). Много лѣсовъ, не лишенныхъ мелкой дичи, и рыболовныхъ угодій. Ископаемыхъ богатствъ мало. Торговля ничтожна, хотя есть хорошіе порты».

Вникнете въ точный смыслъ этихъ свидѣтельскихъ показавій: своего хлѣба въ странѣ не хватаетъ, а торговля ничтожна, слѣдовательно, до-

*) Извѣстно, что Мопертюи первый предположилъ приплюснутость земного шара у полюсовъ.

**) «La Finlande». Par le prince Golitzine. Paris. 1852.

...попытать пищу: приозвѣтъ хлѣбомъ нельзя; единственное вѣрное пополненіе—лѣсные и рыбные промыслы... Это вѣдь точное изображеніе экономическаго состоянія, напримѣръ, нынѣшнихъ обскихъ и кетскихъ остояковъ! Даже мѣры, принимавшіяся правительствомъ для противо-дѣйствія вымиранію финновъ отъ постоянныхъ голодовокъ очень были похожи на мѣры, предпринимаемыя теперь въ пользу остояковъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ кн. Голицынъ: «Разумѣется, въ такой странѣ должно быть много бѣдныхъ. Оно такъ и есть. Но правительство заботится о призрѣніи неимущихъ: въ Финляндіи каждый приходъ обязанъ по закону содержать своихъ бѣдныхъ; надзоръ за этимъ порученъ пасторамъ. Кроме того, въ важнѣйшихъ городахъ существуютъ благотворительныя заведенія. Городъ Або въ своей богадѣльнѣ содержитъ 150 человѣкъ; въ Улеаборгской богадѣльнѣ призрѣны болѣе ста человѣкъ; они получаютъ работу и работаютъ хорошо. Самое обширное благотворительное заведеніе находится въ Гельсингфорсѣ; тутъ есть даже своя школа для мальчиковъ и другая—для дѣвочекъ. Для огражденія финляндевъ отъ пауперизма (?) мѣстное правительство учредило запасныя хлѣбныя магазины»...

Да, финновъ не баловали! Они были всегда самымъ терпѣливымъ, самымъ миролюбивымъ народомъ, а потому и оставались на положеніи остояковъ даже въ такое время, когда по своему просвѣщенію они стояли значительно выше, напримѣръ, итальянцевъ, испанцевъ и португальцевъ. Впрочемъ, ихъ просвѣщеніе даже въ половинѣ нынѣшняго столѣтія имѣло чисто религіозное значеніе и не давало имъ никакого оружія въ борьбѣ за существованіе. Объясняется это ихъ исторіей. Самобытная культура финновъ, вынесенная ими еще изъ Азіи и далеко не ничтожная, какъ видно изъ антологическихъ памятниковъ, въ XII ст. рушилась благодаря шведамъ. Въ 1156 году шведскій король Эрикъ предпринялъ крестовый походъ въ Финляндію съ цѣлью огнемъ и мечемъ насадить среди ея тихихъ обитателей христіанство. Финны не оказывали сопротивленія пришельцамъ, но новой вѣры не принимали. Чтобы сломить ихъ упорство, пускались въ ходъ всякія жестокости: девятерыхъ замучивали, чтобы окрестить десятого. Шестьдесятъ лѣтъ продолжалась эта рѣзня. Докончена она была королемъ Биргеромъ-Ярлемъ, который и сдѣлался повелителемъ уцѣлѣвшихъ финновъ, согласившихся называться христіанами. За эти шестьдесятъ лѣтъ финны кое-чему научились, но отнюдь не христіанскимъ воззрѣніямъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ развалины возведенныхъ тогда шведами замковъ и крѣпостей; до шведской рѣзни крѣпостей противъ финновъ не требовалось. Въ Каянѣ, напримѣръ, сохранились живописныя развалины крѣпости Каянаборгъ. Эта крѣпость построена графомъ Браге въ 1560 году для защиты города Каяны отъ набѣговъ сосѣднихъ жителей, уже христіанъ.

Христіанство насаждали въ Финляндіи шведскіе дворяне; за это

имъ отдавались въ собственность и въ ленное владѣніе обработанныя земли финновъ. Впослѣдствіи Густавъ Ваза однимъ почеркомъ пера превратилъ финновъ изъ католиковъ въ лютеранъ. Особеннаго сопротивленія новому насилію финны не оказали: они исповѣдывали христіанство чисто наружно и имъ было въ сущности безразлично, какъ называется религія, навязываемая имъ силою. Однако, дѣло шло не такъ гладко, какъ могли желать шведы. Объ этомъ свидѣлствуетъ хотя бы знаменательное распоряженіе Густава Вазы: «раздѣлить Финляндію на двѣ епархіи, абовскую и Выборгскую, съ пребываніемъ епископовъ *) въ этихъ городахъ, такъ какъ въ обоихъ имѣются крѣпкія цитадели». Вѣроятно, смуты возникли главнымъ образомъ оттого, что съ введеніемъ лютеранства сильно умножено было духовенство въ Финляндіи, а на содержаніе его отобранны были у населенія земли.

Ясно, при такихъ условіяхъ существованія, нравственный уровень народа не могъ стоять высоко, а слѣдовательно, и большое распространеніе грамотности, вызванное условіями лютеранскаго вѣроисповѣданія, являлось преимуществомъ, которымъ народъ могъ воспользоваться не скоро, лишь при лучшихъ политическихъ условіяхъ. Въ 1734 году появилось, наконецъ, законодательство, оградившее финновъ отъ произвола шведскихъ колонистовъ, причемъ исполненіе законовъ обезпечивалось представительствомъ финскаго крестьянскаго сословія на ландтагѣ. Съ этого времени въ странѣ исчезли наиболѣе вопіющія неурядицы. Но остались, во-первыхъ, укоренившееся во взглядахъ шведовъ пренебреженіе къ финнамъ, какъ къ низшей расѣ, чѣмъ надолго обезпечивалась чисто шведская окраска всей интеллигенціи въ Финляндіи; во-вторыхъ, сохраненіе за шведскимъ языкомъ значенія государственнаго даже въ школахъ, что преграждало финнамъ путь къ серьезному просвѣщенію; въ-третьихъ, отсутствіе финской литературы, если не считать книгъ духовнаго содержанія, вслѣдствіе чего грамотность финновъ не устраняла ихъ безпомощности во всякомъ культурномъ совершенствованіи. Прибавивъ къ этому полнѣйшую экономическую зависимость финновъ отъ шведовъ, созданную захватомъ земель шведскимъ дворянствомъ и казною, съ учрежденіемъ сословія *торпаровъ*, т. е. фермеровъ, пользовавшихся своими участками за барщину, мы укажемъ главнѣйшія причины культурнаго застоя въ Финляндіи до ея присоединенія къ Россіи. Если же обстоятельства не перемѣнялись къ лучшему и подъ властью Россіи вплоть до шестидесятыхъ годовъ, это являлось неизбѣжнымъ послѣдствіемъ *приостановки* сеймовъ, такъ какъ финны были лишены единственной гарантіи въ законодательствѣ. Подъ вліяніемъ графа Аракчеева и его единомышленниковъ Императоръ Александръ I послѣ боргоскаго сейма во

*) Въ Швеціи и въ Финляндіи не чистое лютеранство, а епископальное, какъ въ Англіи.

все свое царствованіе сеймовъ не созывалъ, а его примѣру послѣдовалъ Императоръ Николай I. Какъ всякая полумѣра, эта приостановка дѣйствія конституціи безъ ея отиѣны явилась непреодолимой преградой всякому преуспѣванію въ краѣ, такъ какъ остановила законодательство и нарушила весь привычный строй.

Вотъ почему въ пятидесятихъ годахъ мы застаемъ финновъ, не смотря на ихъ грамотность, не смотря на хорошіе порты въ странѣ и обиліе лѣса, который можно было съ большими выгодами отправлять за границу, не смотря, наконецъ, на близость культурныхъ западныхъ государствъ—въ экономическомъ положеніи остяковъ.

Что благосостояніе и культурное развитіе Финляндіи въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія шли вспять, объ этомъ свидѣлствуютъ цифры. Такъ, въ двадцатыхъ годахъ вывозъ пиленныхъ досокъ изъ двухъ главныхъ портовъ Финляндіи составлялъ около полумилліона дюжинъ; съ тридцатаго года цифра начинаетъ быстро падать и къ сороковому году опускается до полутора ста тысячъ, на чемъ и останавливается до шестидесятихъ годовъ. Заводовъ и фабрикъ въ странѣ еще при шведскомъ правительствѣ было 58; въ 1838 году ихъ уже было только 43; ко времени восшествія на престолъ Императора Александра II эта цифра едва удвоилась; зато со времени возстановленія сеймовъ быстро пошла вверхъ и уже въ 1891 году составляла 1.005. Цифры періодическихъ изданій тоже поучительны. Въ 1809 году въ Финляндіи была только одна газета; въ 1839 году ихъ было 8 (въ томъ числѣ считаемъ официальные вѣдомости и два духовныхъ журнала); слѣдовательно, за тридцать лѣтъ прибавилось 7 періодическихъ изданій. Въ 1850 г. період. изданій было 13; а въ 1880 г., т. е. опять тридцать лѣтъ спустя, ихъ уже 57. Въ 1893 году періодическихъ изданій въ Финляндіи было уже 145, а въ настоящее время *до двухсотъ*. Приведемъ соотвѣтственныя же цифры торговли въ странѣ. Въ 1830 году ввезено товаровъ въ Финляндію на 3 милл. марокъ; таможенный доходъ составлялъ всего 536 тысячъ м.; активъ внутреннихъ торговыхъ фирмъ не превышалъ 42 милл. Черезъ 30 лѣтъ, ко времени общаго оживленія дѣлъ въ Финляндіи, таможенный доходъ поднялся до 5 милл.; ввозъ уже превышалъ 30 м., а капиталъ внутреннихъ фирмъ оцѣнивался слишкомъ въ сто милл. м. Въ 1890 г. таможенный доходъ составлялъ 19.801.057 марокъ; ввозъ—140.602.000 м.; приблизительный активъ внутреннихъ торговыхъ фирмъ—283 милл. м.

Нужны ли тутъ какіе-нибудь комментаріи? Ясно, какъ день, что поразительный подъемъ культурнаго и экономического состоянія Финляндіи всецѣло связанъ съ возстановленіемъ въ ней народнаго представительства при Александрѣ II-омъ. Этого возстановленія требовала простая справедливость. Культурные успѣхи Финляндіи чрезвычайно наглядный примѣръ истинности очень стараго, но вѣчно нарушаемаго и оспариваемаго правила, что въ политикѣ, какъ и въ частной жизни, нравственные пути самые выгодные.

II.

Наибольшихъ и самыхъ удивительныхъ результатовъ финляндцы достигли не въ торговлѣ, а въ полной переработкѣ условій сельскаго хозяйства въ странѣ. Поэтому, остановимъ вниманіе прежде всего на этой основной статьѣ.

Въ большей части Финляндіи почва для хлѣбопашества не только плоха, но даже въ природномъ видѣ совсѣмъ негодна. Страна, какъ извѣстно, почти сплошь покрыта скалистыми гнейсовыми буграми, между которыми безчисленное множество озеръ и еще больше болотъ. Бугры, какъ и болота, покрыты лѣсами. Отъ выѣтрившихся и разсыпавшихся въ щебень породъ, почва сплошь каменистая; на низкихъ мѣстахъ, отъ болотной руды, почва вдобавокъ, что называется въ сельскомъ хозяйствѣ, кислая, т. е. содержитъ въ себѣ много свободныхъ кислотъ, безусловно гибельныхъ для всѣхъ хлѣбныхъ злаковъ. Кромѣ всего этого, надо отмѣтить, что на низкихъ мѣстахъ, вслѣдствіе обилія сильно охлаждающихъ землю торфовъ, а на высокихъ мѣстахъ вслѣдствіе сѣверныхъ вѣтровъ, во всей Финляндіи, за исключеніемъ Або-Бьернеборгской губерніи, хлѣба очень часто прихватываются весенними и осенними морозами. Трудно себѣ представить менѣе удобныя условія для хлѣбопашества.

Оно и не было въ большомъ распространеніи у древнихъ финновъ. Въ древности финны существовали главнымъ образомъ рыбными и лѣсными промыслами, какъ сибирскіе инородцы, лишь кое-гдѣ и въ самомъ ограниченномъ количествѣ воздѣлывая землю подъ рожь, ячмень и овесъ. На бѣду финляндскіе рыбные промыслы далеко не богаты, а звѣря и дичи въ финляндскихъ лѣсахъ никогда не было много, съ увеличеніемъ же населенія стало и того меньше. Поневогѣ финны принуждены были усерднѣе заняться земледѣліемъ, какъ ни тяжелы были для этого условія.

Древнѣйшая хлѣбопашеская система у финновъ была забросная. Выжигался лѣсъ, обыкновенно на болотѣ, имѣющемъ достаточный уклонъ; выжигался самый торфъ, или хотъ верхніе его пласты, болото осушивалось канавами. Съ такого поля бралось двѣ-три жатвы, послѣ чего оно запускалось подъ пастбища и сѣнокосы, такъ какъ въ природномъ видѣ и луговъ въ Финляндіи почти не было. Лѣтъ черезъ пятнадцать, двадцать поле снова поднималось подъ пашню, а за это время такимъ же порядкомъ обрабатывались остальные поля. Вотъ почему финны привыкли селиться вразбросъ, не селами, а отдѣльными хуторами, среди лѣса, по которому разбросаны были отдѣльные поля.

Однако работа шла изъ поколѣнія въ поколѣніе; съ каждымъ годомъ расширялась площадь осушенныхъ и очищенныхъ отъ щебня полей; еще быстрѣе росли луга, изъ коихъ многіе вышли даже очень хорошими, такъ какъ сырости и заморозковъ трава не боится, а осу-

шенная почва постепенно прѣснѣла и становилась тучнѣе. Но пришли шведы и отобрали улучшенную землю себѣ, а финны должны были начать всю работу съизнова, при томъ уже половиннымъ трудомъ, такъ какъ пришлось работать и на помѣщика. Дѣло пошло тише. При томъ стало гороздо тѣснѣе и пришлось покинуть залежную систему. Шведы же внесли съ собою трехольную систему, которой до нихъ финны не знали. Разумѣется, эта система была культурнѣе забросной, но въ ней было два важныхъ недостатка по мѣстнымъ условіямъ: во-первыхъ, сильно замедлилось расширение площади полей; во-вторыхъ, крестьяне остались безъ пастбищъ или съ очень плохими, тѣсными лугами, а слѣдовательно, остановлено было уже начавшее хорошо прививаться въ странѣ скотоводство. Этой ошибкой шведы на сотни лѣтъ остановили развитіе сельскаго хозяйства въ странѣ, такъ какъ для трехпольнаго хозяйства условія были слишкомъ суровы и кое-какъ еще годились въ помѣстьяхъ, но въ бѣдныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ обрекали народъ на постоянныя голодовки.

Прошло болѣе 500 лѣтъ. Въ половинѣ нынѣшняго столѣтія, какъ мы уже выяснили въ статьѣ о народныхъ школахъ въ Финляндіи *), учеными агрономами поднятъ былъ вопросъ о коренномъ измѣненіи основъ сельскаго хозяйства въ странѣ. Доказано было, что хлѣбопашество всегда останется ненадежнымъ источникомъ пропитанія народа и что разумное сельское хозяйство въ Финляндіи должно быть основано на скотоводствѣ и на молочномъ хозяйствѣ. Только травы могутъ хорошо и ровно расти на финляндской почвѣ и въ ея климатѣ. Итакъ, приходилось перейти къ многопольному, клеверному хозяйству, съ разведеніемъ хорошаго дойнаго скота, съ маслобойнями, съ сыровареніемъ и т. д. Но какъ было провести идею въ народъ? Дѣло было крайне трудное, почти безнадежное.

Тогда сеймы не созывались. Попыталось распространить идею старѣйшее въ Финляндіи абовское агрономическое общество; но его усилія не могли быть поддержаны законодательствомъ, — законодательство въ странѣ было тогда пріостановлено, — а населеніе, за полвѣка отвыкнувшее заботиться о себѣ, отнеслось къ дѣлу апатично. Даже помѣщики, хотя и сознавали выгоду перемѣны, отзывались вяло и дѣйствовали нерѣшительно: каждый боялся сдѣлать единичное усиліе, такъ какъ успѣхъ возможенъ былъ только въ общемъ усиліи. Да и мыслимо-ли было безъ поддержки отъ правительства улучшать въ странѣ породы скота, создать необходимыя спеціальныя школы, упорядочить вывозъ молочныхъ продуктовъ за-границу и т. д.?

Все измѣнилось, какъ только созванъ былъ сеймъ 1864 года! Представители крестьянскаго сословія сразу оказались самыми горячими сторонниками идеи и сразу дали ей самое удобопримѣнимое, практи-

*) См. «Міръ Божій» 1897 г., № 8, августъ — «Народныя школы въ Финляндіи».

ческое направленіе. Они же явились ея естественными распространителями въ странѣ, а напряженіе, съ какимъ крестьяне ждали отъ сейма самыхъ крупныхъ мѣръ къ улучшенію своего положенія, всюду подготовило слушателей, отрѣшившихся отъ предубѣждений и готовыхъ испытать всякое новое дѣло на практикѣ. Надо еще взять въ расчетъ общій энтузіазмъ, который удесатерилъ тогда энергію въ каждомъ финляндцѣ и заставлялъ каждого горячо относиться къ вопросамъ общественнымъ. Не будемъ повторять то, что уже говорили въ статьѣ о финскихъ народныхъ школахъ; не будемъ описывать, какимъ образомъ тогда начали быстро возникать въ Финляндіи агрономическія и молочныя школы, сельскохозяйственныя общества, сельскіе союзы взаимопомощи, спеціальныя изданія и т. д. Перейдемъ прямо къ цифрамъ и описанію теперешняго состоянія земледѣльцевъ въ Финляндіи.

Вывозъ масла изъ Финляндіи составлялъ:

Въ 1856 году	538.203	килогр.
» 1866 »	2.031.913	»
» 1876 »	5.484.168	»
» 1886 »	5.496.216	»
» 1895 »	14.115.054	»

Изъ этой таблицы видно, что въ сорокъ лѣтъ вывозъ масла изъ страны возросъ въ 26 разъ, что уже показываетъ полный переворотъ въ сельскомъ хозяйствѣ и полную побѣду луговъ надъ полями. Насколько же движеніе было связано съ народнымъ представительствомъ, показываютъ цифры вывоза масла за десятилѣтіе 1876—1886 годовъ. Въ 1879 г. вывозъ уже достигалъ 6.277.534 кил., въ 1880—6.544.321 к. Въ слѣдующемъ 1881 году въ Финляндіи явилось общее опасеніе преобразованій въ странѣ и отмѣны конституціи. Это опасеніе продержалось цѣлыхъ пять лѣтъ и тотчасъ же отразилось на вывозѣ.

Въ 1881 году вывезено	4.942.645	к.
» 1882 »	»	4.957.419 »
» 1883 »	»	5.051.981 »
» 1884 »	»	4.504.247 »
» 1885 »	»	5.132.130 »

Затѣмъ тревога разсѣялась и тотчасъ же вывозъ опять началъ быстро возрастать. Особенный подъемъ замѣчается въ 1894 году, когда цифра сразу поднялась съ 9 милл. к. до 13 милліоновъ. Въ настоящее время вывозъ масла даетъ Финляндіи около 30 м. марокъ въ годъ, тогда какъ до возстановленія сеймовъ не давалъ и одного милліона.

Очень распространено мнѣніе, будто свои молочные продукты Финляндія сбываетъ главнымъ образомъ въ Россію. Это мнѣніе ошибочно. Такъ, въ 1895 г. въ Россію вывезено всего 831.000 кил. масла; въ прочія же страны (главнымъ образомъ въ Германію) 13.284.054 кил., а всего, какъ уже сказано, 14.115.054 кил. Этимъ отчасти объясняется

особенная чувствительность этой отрасли финляндской торговли къ политическимъ вопросамъ, такъ какъ иностранные рынки уже привыкли довѣрять нынѣшнимъ финансовымъ учрежденіямъ Финляндіи, но тогда же становятся подозрительны, когда распространяются слухи о возможности крупныхъ политическихъ перемѣнъ.

Теперь взглянемъ, каково нынѣшнее экономическое положеніе финляндскихъ земледѣльцевъ, которые, какъ мы видѣли, еще въ половинѣ нынѣшняго столѣтія находились въ величайшей нуждѣ.

Въ настоящее время 77% населенія Финляндіи существуетъ земледѣліемъ и молочнымъ хозяйствомъ. Въ прочихъ частяхъ россійской имперіи эта цифра составляетъ лишь 75%; средняя цифра для всей Европы—58,5%; въ Великобританіи и въ Саксоніи она опускается до 33. Эти цифры не слѣдуетъ забывать при оцѣнкѣ подъема благосостоянія населенія, такъ какъ экономическій подъемъ чисто земледѣльческаго населенія есть нѣчто наиболѣе трудное.

Изъ числа земледѣльцевъ Финляндіи 32% собственники обрабатываемой ими земли, 9%—арендуютъ землю, 19%—торпары (владѣютъ землей за трудъ на землевладѣльца); остальные живутъ въ качествѣ наемныхъ работниковъ по обработкѣ полей и молочному хозяйству. Въ Швеціи, напримѣръ, земледѣльцевъ собственниковъ всего 28%, а въ Англіи только 1,5%.

Размѣръ земельныхъ владѣній въ 1891 году выражался слѣдующей таблицей:

3.658	собственниковъ	имѣли	земли	болѣе	100	гект.	каждый.
22.044	»	»	отъ	25	до	100	»
55.398	»	»	»	5	»	25	»
33.669	»	»	менѣе	5	»		»

Такимъ образомъ, подавляющее большинство среди землевладѣльцевъ въ Финляндіи составляютъ хуторяне. Этотъ видъ земельныхъ собственниковъ и поощряется законодательствомъ настолько, что крупныя помѣстья быстро распадаются и переходятъ въ руки крестьянъ—чаще всего торпаровъ, число которыхъ съ каждымъ годомъ уменьшается, какъ и число крупныхъ помѣщиковъ. Не поощряется закономъ и крайнее раздробленіе участковъ.

Торпарами прежде были почти всѣ крестьяне въ Финляндіи; теперь торпаровъ осталось всего немного менѣе 70.000 человекъ. По нынѣшнимъ финскимъ законамъ торпары сравнены въ своихъ правахъ съ арендаторами и всѣ свои обязательства передъ землевладѣльцемъ могутъ выполнять трудомъ или ставя за себя поденныхъ рабочихъ, а то просто уплатой соотвѣтственныхъ и точно обозначенныхъ въ контрактѣ поденныхъ денегъ.

У торпара обыкновенно хорошая связанная изба изъ двухъ комнатъ, по обѣимъ сторонамъ сѣней, и коморы (неотапливаемой комнаты) для лѣтней спальни среди дома, противъ сѣней. Обстановка въ избѣ со-

стоитъ изъ завѣшиваемыхъ пологомъ или сдвижныхъ кроватей, простого струганнаго или окрашеннаго масляной краской стола, лавки, очень часто шкафа и комода, двухъ, трехъ стульевъ домашняго издѣлія и передвижныхъ скамеекъ или табуретокъ. Въмѣсто тюфяковъ, употребляются сѣнники; подушки, одѣяла и простыни имѣются всегда по числу спящихъ. Обыкновенно имѣются въ избѣ сѣнные часы, полный запасъ металлической глиняной и стеклянной посуды и половики на полу.

Полей у торпаря обыкновенно 8—12 гект. Пастбища общія съ помѣщикомъ; скотъ: 2—3 лошади, 5—8 коровъ, 5—6 овецъ и одна свинья. Птицы мало. При такой обстановкѣ торпарь работаетъ на землевладѣльца дней 50 въ годъ, но отнюдь не болѣе двухъ дней въ одну и ту-же недѣлю. На работу онъ является со своей лошадыю и своими орудіями. Чаше всего торпарь выставляетъ за себя батрака.

Батраковъ и поденныхъ работниковъ въ Финляндіи очень много. Это бѣднѣйшіе люди въ странѣ. Жалованье батрака колеблется отъ 150 до 500 марокъ въ годъ на всемъ готовомъ. Женщинѣ годовая плата ниже, отъ 80 до 200 марокъ. Впрочемъ, есть глухія мѣста, гдѣ жалованье батраку не выше 60 м., а коровницѣ—25 м.; но такія мѣста остались только въ отдаленнѣйшихъ частяхъ страны и исчезаютъ съ улучшеніемъ путей сообщенія. Средняя поденная плата сельскому работнику гѣтомъ 1½ марки; работницѣ 80 пенни.

Крестьяне-собственники, большею частью, не многимъ богаче торпаровъ и ведутъ тотъ-же образъ жизни. Батраки въ крестьянскихъ хозяйствахъ чаще всего живутъ вмѣстѣ съ хозяевами, какъ члены семьи. У помѣщиковъ для женатыхъ батраковъ отдѣльныя избы, а для холостыхъ и незамужнихъ работницъ—людскія.

Укоренившійся теперь многопольный сѣвооборотъ въ различныхъ хозяйствахъ не одинаковъ; но сущность его всегда заключается въ томъ, что подъ паромъ поле оставляется лишь одинъ разъ въ теченіе 8, 10 или 11 лѣтъ, причемъ озимое сѣется всегда послѣ пара, а яровое два раза въ послѣдніе два года сѣвооборота. Всѣ средніе года поле оставляется подъ засѣянной травой. При такомъ хозяйствѣ надо имѣть много скота, чтобы съ выгодой пользоваться травой. Зато, когда такое хозяйство заведено, доходъ съ земли втрое больше, чѣмъ при трехпольномъ порядкѣ. Вдобавокъ, обиліе удобренія быстро и сильно поднимаетъ качество и цѣнность полей, въ то же время повышая урожан. Надо еще напомнить, что хорошо удобренные поля гораздо лучше переносятъ какъ засухи, такъ и излишнюю мокроту, а главное, почти со-всѣмъ не поражаются лѣтними утренниками, которые столько времени опустошали Финляндію.

Сѣются обыкновенныя сѣверныя растенія: рожь, овесъ, ячмень, картофель, полевой горохъ и ленъ; отчасти въ югозападной части Финляндіи пшеница, гречиха и полевая рѣпа. Несмотря на суровый климатъ, урожаи стали прочны и хороши. Средній урожай за послѣд-

нія десять лѣтъ былъ: рожь самъ-7, ячмень $5\frac{1}{2}$, овесъ $5\frac{1}{2}$, гречиха 9, горохъ $5\frac{1}{2}$, картофель $5\frac{1}{2}$; насколько равны урожан, видно хоть изъ слѣдующаго: рожь дала въ 1886 г.—7,00, въ 1887—7,09, въ 1888—6,89, въ 1889—7,04, въ 1890—6,93 и т. д.

Когда-то въ Финляндіи, очень бѣдной природными лугами, скота было мало и скотъ былъ крайне мелкій, плохой. Теперь, благодаря усиліямъ правительства и щедрымъ ассигнованіямъ сеймовъ на улучшеніе финляндскаго скота, тамъ разведены отличныя, вполне уже акклиматизированныя породы дойныхъ коровъ, улучшенныхъ выводными производителями изъ Швеціи, Давіи, Помераніи, Холмогоръ, голландскими, айрширскими, англзскими. Теперь Финляндія обладаетъ слѣдующимъ богатствомъ въ рогатомъ скотѣ: коровъ около милліона головъ, быковъ 80.000, молодого скота 300.000. Такъ какъ скотъ очень хорошъ, его можно оцѣнить въ 45—50 милліоновъ рублей; но еще важнѣе, что скотъ продолжаетъ быстро умножаться и улучшаться, вслѣдствіе чего капиталъ растетъ процентовъ на 18 въ годъ.

Мы видѣли, что, сорокъ лѣтъ тому назадъ, земледѣльцы въ Финляндіи никогда не дождались, а отъ времени до времени выносили жестокия голодовки. Теперь, съ открытіемъ сеймовъ и переходомъ къ молочному хозяйству, основанному на травосѣяніи, въ тѣхъ частяхъ Финляндіи, гдѣ эта перемѣна уже осуществилась, неурожаевъ и голодовокъ не бываетъ и быть не можетъ. Пища крестьянъ средняго достатка, торпаровъ и батраковъ слѣдующая: утретъ, до работы, они пьютъ кофе съ молокомъ и съ ржанымъ хлѣбомъ; кофе обыкновенно употребляется хотя и дешевыхъ сортовъ, но настоящій, привозной, на половину или на треть размѣшанный цикоріей. Заваривается кофе жидкій и на треть разбавляется въ чашкѣ молокомъ. Это дѣлается не только изъ бережливости, но и для здоровья. Ржаной хлѣбъ печется въ видѣ плоскихъ лепешекъ съ дырой по срединѣ и сильно засушивается. Такой хлѣбъ, какъ сухари, очень хорошъ въ храненіи и лучше переваривается при молочной пищѣ; притомъ такой хлѣбъ удобенъ на работѣ и не застываетъ на морозѣ. Обѣдаютъ около полудня: ѣдятъ похлебку изъ гороха, брюквы, мучную или картофельную, а лѣтомъ простоквашу или что-нибудь изъ свѣжихъ овощей; потомъ чаще всего соленую рыбу съ картофелемъ, а по праздникамъ и въ началѣ зимы, во время заготовки солонины, что-нибудь мясное. Запиваютъ обѣдъ молокомъ или прѣсноватымъ квасомъ, заведеннымъ на ячменномъ солодѣ (svagdricka). На ужинъ обыкновенно каша или картофель, почти всегда съ молокомъ.

До водки финны большіе охотники и прежде они много бѣдствовали отъ излишествъ. Но теперь, по почину крестьянскихъ представителей на сеймахъ, приняты строгія законодательныя мѣры противъ алкоголизма. Теперь вовсе запрещено продавать вино въ деревняхъ; купить можно только въ городѣ, притомъ не иначе, какъ на выносъ,

и не менѣе 2 литровъ, или въ любой аптекѣ (хотя бы въ деревнѣ) по рецепту врача. Живутъ финскіе крестьяне чисто; одѣваются хорошо и опрятно; по нашимъ понятіямъ ихъ достатокъ можно назвать большимъ. Во внутреннихъ губерніяхъ такимъ достаткомъ располагаютъ только богатые мужики, да и то живутъ съ меньшими удобствами и потребностями.

Достатокъ финляндскихъ крестьянъ объясняется большой производительностью труда и земли, благодаря высоко-культурнымъ приѣмамъ. Такъ, напримѣръ, финскій хуторъ, съ 11 десятинами обработанныхъ полей и соответственнымъ молочнымъ хозяйствомъ, если перевести все получаемое отъ хутора на деньги, приноситъ при тамошнихъ среднихъ урожаяхъ рублей 540. Въ Курской губерніи, не смотря на несравненно лучшія условія климата и почвы, крестьянское хозяйство при 11 десятинахъ полей въ среднемъ дало бы въ переводѣ на деньги не болѣе 210 рублей. Въ обоихъ случаяхъ затрата труда была бы одинаковая. Но этимъ не ограничиваются преимущества финляндскаго мужика передъ курскимъ. Въ Финляндіи, благодаря сельскохозяйственнымъ союзамъ, крестьянинъ имѣетъ дешевый кредитъ, совѣты агрономовъ, возможность предпринимать улучшенія крупныя, сообщая съ сосѣдями и казной. Кромѣ того, тамъ очень хороши дороги, чѣмъ сберегаются силы лошадей, правильно организованный сбытъ продуктовъ на рынки, и много зимней работы, благодаря торгово-промышленному процвѣтанію страны. Наконецъ, участвуя въ законодательствѣ чрезъ посредство своего представителя, финляндскій крестьянинъ всегда можетъ добиваться дальнѣйшихъ улучшеній своего положенія во всѣхъ отношеніяхъ.

И вотъ этого оказалось вполне достаточнымъ для одержанія полной побѣды надъ такими суровыми природными условіями, которыя, недавно еще казались непобѣдимыми.

III.

Изъ предыдущей главы мы видѣли, что разумное сельское хозяйство, а слѣдовательно, и благосостояніе земледѣльческой страны находятся въ большой зависимости отъ торговли. Мы видѣли также, что торговля въ Финляндіи, не смотря на хорошіе порты, еще въ сороковыхъ годахъ была ничтожная. Подъемъ финляндской торговли начался тотчасъ же по вступленіи на престолъ Императора Александра II, общавшаго Финляндіи возстановленіе ландага; но особенное оживленіе замѣчается лишь по возстановленіи сеймовъ. Вотъ нѣкоторыя цифры:

Въ 1857 г. общ. оборотъ	63.000.000 м.;	вывозъ	16.500.000 м.
» 1866 » » »	75.815.025 »	»	27.748.686 »
» 1873 » » »	175.528.970 »	»	75.355.970 »
» 1885 » » »	175.758.609 »	»	77.368.254 »
» 1890 » » »	238.023.361 »	»	92.420.938 »
» 1893 » » »	241.021.000 »	»	114.777.000 »
» 1894 » » »	274.668.000 »	»	135.965.000 »

Соотвѣтственно таможенный доходъ поднялся съ 6 милл. въ 1857 году до 23.023.413 марокъ въ 1894 г. Стоимость ввозимыхъ товаровъ все это время превышала стоимость вывозимыхъ; но это зависѣло главнымъ образомъ отъ начавшихъ сильно развиваться внутри страны предпріятій и отъ накопленія потребныхъ для этого цѣнностей, поступавшихъ изъ заграницы въ видѣ машинъ, пароходовъ, желѣзно-дорожныхъ принадлежностей, породистаго скота и проч. Предметы же потребления за все время вывозились въ большемъ количествѣ, чѣмъ ввозились. Слѣдовательно, превышеніе ввоза надъ вывозомъ не мѣшало быстрому возрастанію въ странѣ капиталовъ и показывало только оживленіе промышленности съ переходомъ капиталовъ изъ процентныхъ бумагъ въ предпріятія. Ниже это будетъ выяснено нагляднѣе.

Изъ предметовъ вывоза первое мѣсто занимаютъ лѣсъ и молочные продукты. Въ 1894 г. лѣсъ составлялъ 46,39% всего вывоза; молочные продукты—17,85%; бумага и бумажная масса (древесная)—8,78%. Вообще земледѣльческіе продукты составляли почти 74% всего вывоза. Изъ предметовъ ввоза около 61% составляли предметы потребления. Обиѣнъ товаровъ съ иностранными рынками производился главнымъ образомъ на финляндскихъ судахъ.

Въ 1892 году навигація выразилась въ слѣдующей таблицѣ:

Въ порты Финляндіи вошло:

финляндскихъ судовъ	3.445	съ	груз.	414.586	тоннъ.
русскихъ	»	132	»	»	22.521
иностраннхъ	»	620	»	»	203.786

Всего 4.197 съ груз. 640.843 тоннъ.

Изъ портовъ Финляндіи вышло:

финляндск.	судовъ	4.656	съ	груз.	593.439	тоннъ.
русскихъ	»	222	»	»	26.396	»
иностранн.	»	1.354	»	»	575.529	»

Всего 6.232 съ груз. 1.195.364 тоннъ.

Значительное превышеніе числа вышедшихъ судовъ надъ числомъ вошедшихъ объясняется тѣмъ, что въ 1892 году было спущено на воду много новыхъ судовъ (частью построенныхъ для русскихъ фирмъ), а также ранней зимой, задержавшей нѣкоторыя суда въ портахъ съ осени 1891 года.

Наравнѣ съ торговлей имѣетъ вліяніе на процвѣтаніе земледѣлія исправность путей сообщенія и портовъ. Какъ извѣстно, эти статьи народнаго хозяйства давно уже славились своей исправностью въ Финляндіи. Благодаря заботливости сеймовъ, теперь пути сообщенія въ этой странѣ стали еще лучше и достигли поистинѣ изумительной степени совершенства.

Колесныхъ дорогъ въ Финляндіи около 50 тысячъ километровъ, изъ коихъ 25.192 килом. шоссированныхъ; но и грунтовыя дороги,

благодаря хорошему содержанию и благопріятной почвѣ, почти такъ же хороши, какъ шоссированныя.

Желѣзныхъ дорогъ имѣется уже на протяженіи 2.342 верстъ. Развивалось желѣзнодорожное дѣло такъ:

Въ 1862 году	длина	рельс.	путей	составл.	106 км.
» 1865 »	»	»	»	»	111 »
» 1870 »	»	»	»	»	483 »
» 1875 »	»	»	»	»	670 »
» 1880 »	»	»	»	»	885 »
» 1885 »	»	»	»	»	1.211 »
» 1890 »	»	»	»	»	1.928 »
» 1893 »	»	»	»	»	2.131 »

На каждого жителя приходится, слѣдовательно, около 10 метровъ грунтовыхъ дорогъ, столько же шоссе и около 1 метра жел. дорогъ. Въ Курской губерніи, напримѣръ, не смотря на то, что это одна изъ наиболѣе богатыхъ путями сообщеній губерній, на каждого жителя приходится менѣе $\frac{1}{2}$ м. желѣзныхъ дорогъ, столько же шоссе и не болѣе 6 метровъ прочихъ дорогъ, хотя площадь Курской губ. въ шесть разъ меньше Финляндіи и мѣстность тамъ всюду ровная, одинаково заселенная, тогда какъ въ Финляндіи весь сѣверъ почти безлюдная пустыня, не требующая путей сообщенія, а въ прочихъ частяхъ страна гориста, утесиста и многоводна, вслѣдствіе чего проложеніе дорогъ обходится очень дорого.

Глубокихъ морскихъ портовъ въ Финляндіи много. Но подступы къ этимъ портамъ, вслѣдствіе извилистости и засоренности опасными скалами въ шкерахъ, такъ затруднительны, что въ первой половинѣ текущаго столѣтія торговля сосредоточивалась почти всецѣло въ Або, въ Гельсингфорсъ и въ Выборгъ, такъ какъ эти порты въ природномъ видѣ доступнѣе. Ясно однако, что въ приморской странѣ такого протяженія, какъ Финляндіа, довольствоваться тремя портами было плачевно. И вотъ, съ середины шестидесятыхъ годовъ, по инициативѣ представителей финляндскаго купечества, въ сеймѣ начались усиленныя работы по приведенію въ безопасный и удободоступный видъ всѣхъ портовъ Финляндіи. Теперь тамъ 19 удобныхъ торговыхъ портовъ, подступы къ которымъ обезопасены хорошо обозначеннымъ сигналами фарватеромъ, маяками, сигнальными ревунами и вообще всѣмъ, что выработано новѣйшей техникой мореплаванія. Въ соотвѣтствіи съ улучшеніемъ портовъ сталъ возрастать и торговый флотъ Финляндіи.

Въ 1877 г.	было судовъ	1.997,	изъ нихъ	паровыхъ	161	
» 1880 »	»	»	1.857,	»	»	216
» 1885 »	»	»	2.051,	»	»	301
» 1892 »	»	»	2.193,	»	»	417

Въ этой таблицѣ надо обратить вниманіе на увеличеніе числа морскихъ паровыхъ судовъ, а не общаго числа, такъ какъ паровое судно, благодаря быстротѣ своихъ рейсовъ, замѣняетъ, по крайней мѣрѣ, 6 парусныхъ судовъ одинаковаго съ нимъ водоизмѣщенія. Въ настоящее время число морскихъ пароходовъ превышаетъ 500, а общее число судовъ около 2.200.

Почтовое, телеграфное и телефонное сообщеніе поставлено въ Финляндіи въ соотвѣтствіи торговлѣ и путямъ сообщенія. Особенно хороши телефоны. По всей странѣ уже въ 1892 году дѣйствовало 244 телефонныя сѣти, постепенно связанныя между собою. Общее протяженіе телефонныхъ проводовъ достигало 10.000 километровъ. Годовая цѣна за пользованіе телефономъ колеблется между 40 и 100 марками. Благодаря дешевизнѣ телефоновъ, они быстро проникли въ деревни и теперь въ общемъ употребленіи. Изъ городовъ заказы сельскохозяйственныхъ продуктовъ поступаютъ въ деревни главнымъ образомъ по телефону; по телефону же сельскіе хозяева справляются о рыночныхъ цѣнахъ и спросѣ на товаръ; по телефону вызываются для найма рабочіе, заключаются сдѣлки, даются даже официальные извѣщенія. На всемъ этомъ земледѣльцы выгадываютъ много времени, оберегаютъ силы своихъ лошадей, избавляются отъ разныхъ расходовъ, а главное, меньше отвлекаются отъ своего дѣла и вѣрнѣе могутъ вести расчеты.

Въ Финляндіи существуетъ большая гармонія въ соотношеніяхъ всѣхъ учрежденій страны. Земледѣліе, торговля, промышленность и народное просвѣщеніе—все взаимодействуетъ въ самомъ желательномъ и благотворномъ смыслѣ, благодаря большой продуманности законодательства и полного согласованія интересовъ всего населенія при возникновеніи новыхъ учрежденій. Это объясняется тѣмъ, что въ странѣ все создается по почину и подѣ строгимъ контролемъ самого общества, а не въ канцеляріяхъ. Никакія ходатайства отдѣльныхъ группъ людей, а тѣмъ менѣе отдѣльныхъ личностей не могутъ повліять на дѣла страны. Только то, что клонится ко благу всего населенія, при томъ не временному, а на вѣка, имѣетъ шансы на общественное одобреніе, а слѣдовательно, и на осуществленіе законодательнымъ порядкомъ. Отсюда необыкновенная цѣлесообразность и жизненность всего создаваемого; отсюда же безошибочность большинства мѣропріятій, но въ то же время нѣкоторая медлительность въ разрѣшеніи вопросовъ социальныхъ.

Въ заключеніе этой главы необходимо хотъ вкратцѣ коснуться кредитныхъ учрежденій и промышленности Финляндіи.

Подѣ властью Швеціи Финляндія не имѣла собственной монеты, хотя управлялась на собственные средства и финляндскіе финансы не смѣшивались со шведскими. Въ Финляндіи обращались шведскія деньги, ко времени завоеванія преимущественно бумажныя, съ принудительнымъ курсомъ. Тотъ же порядокъ сохранился послѣ присоединенія Фин-

ляндіи къ Россіи, съ тою разницею, что къ шведскимъ деньгамъ прибавились русскія ассигнаціи тоже съ принудительнымъ курсомъ, который однако палъ до $\frac{2}{7}$ по отношенію къ серебру. Постепенно путаница достигла въ странѣ опасныхъ размѣровъ. Въ 1840 году шведскія деньги были изъяты изъ обращенія въ Финляндіи и счетъ, какъ и въ Россіи, введенъ былъ на серебряные рубли.

Уже въ 1811 году, согласно постановленію боргоскаго сейма, учрежденъ былъ финляндскій банкъ. Съ 1840 года, когда шведскіе кредитные билеты были обмѣнены въ Швеціи на серебро, и шведское серебро было перечеканено (на Петербургскомъ монетномъ дворѣ) на рубли, финляндскій банкъ выпустилъ въ обращеніе свои собственные кредитные билеты, которые, благодаря не прекращавшемуся обмѣну на серебро при всякомъ требованіи всегда сохраняли курсъ аль-пари. Но въ страну проникли и русскіе кредитные билеты государственнаго банка, которые тоже обмѣнивались финляндскими кредитными учрежденіями на серебро рубль за рубль—этого требовалъ законъ—и которые затѣмъ государственный банкъ размѣнивалъ финляндскому тоже аль-пари. Ясно, что когда кредитные рубли пали и государственный банкъ прекратилъ ихъ обмѣнъ на серебро, прекращенъ былъ ихъ размѣнъ и въ финляндскомъ банкѣ; но свои собственные обязательства финляндскій банкъ продолжалъ выполнять полностью. Это создало новыя усложненія, которыми воспользовалась спекуляція во вредъ обоимъ банкамъ, и русскимъ правительствомъ ужъ въ 1859 году выдвинутъ былъ вопросъ о выдѣленіи Финляндіи окончательно путемъ представленія странѣ собственной монеты и собственнаго монетнаго двора. При этомъ, во избѣжаніе путаницы, рѣшено было предоставить Финляндіи монету самостоятельнаго наименованія, совершенно различную отъ русской.

4-го апрѣля 1860 года состоялся Высочайшій указъ о финляндской монетѣ, согласно которому, вмѣсто рублей, введены были «марки», стоимостью въ $\frac{1}{4}$ серебрянаго рубля, а вмѣсто копѣекъ «пенни», стоимостью въ $\frac{1}{4}$ коп. Осуществленіе этой мѣры требовало общественнаго содѣйствія, для возстановленія силъ и кредита финляндскаго банка, порядкомъ пострадавшаго отъ предшествовавшей неурядицы. Поэтому преобразование въ дѣйствительности осуществилось только пять лѣтъ позднѣе (8 ноября 1865 г.), благодаря Высочайше утвержденному постановленію сейма, коимъ новое серебро признавалось единственнымъ законнымъ основаніемъ всякихъ расчетовъ въ Финляндіи. Впослѣдствіи, когда начались сильныя колебанія цѣны на серебро, на сеймѣ 1877 года возбужденъ былъ вопросъ о переходѣ къ счету на золото, и 9 августа 1877 г. состоялся соотвѣтственный и донынѣ дѣйствующій законъ. Отчеканены были золотыя монеты десяти и двадцати марковаго достоинства, а серебро осталось только размѣнной монетой.

О финляндскомъ банкѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ подробнѣе.

Въ сущности, это учрежденіе основано было еще въ 1803 году, акціонернымъ обществомъ въ Або, съ основнымъ капиталомъ въ 150.000 риксдалеровъ. Во время войны въ 1808 году оно прекратило свое существованіе. Въ 1811 г. оно возстановлено подъ названіемъ «размѣной и депозиціонной конторы для Финляндіи». Главнѣйшей задачей, банка было тогда посредничество въ финансовыхъ дѣлахъ съ шведскими банками, съ которыми у финляндцевъ оставалось много непоконченныхъ дѣлъ и обязательствъ. Банку предоставлено было право выпуска мелкихъ кредитныхъ билетовъ (не выше четырехъ-рублевого достоинства), соотвѣтственно имѣющимся въ банкѣ фондамъ. Этими правомъ банкъ пользовался осторожно. Въ 1821 году, выпущенныхъ билетовъ было въ обращеніи на 2.139.000 рубл. ассигн. Въ 1833 году, оставалось уже только на 828.000 р.; затѣмъ опять поднялось до 1¹/₂ милл. Въ 1841 году, банкъ открылъ размѣнъ бумажныхъ денегъ на серебро, и съ этого времени окончательно принялъ характеръ государственнаго банка. Во второй періодъ онъ уже смѣлае выпускалъ въ обращеніе кредитные билеты, но не выше 6 милл. руб. серебромъ. Въ 1868 году послѣдовало полное преобразованіе банка въ государственное учрежденіе, съ обезпеченіемъ его кредита *всѣмъ достояніемъ финляндскихъ гражданъ*. Это добровольно принятое сословіями обязательство и явилось основаніемъ кредитоспособности учрежденія, пользующагося теперь большимъ довѣріемъ на всѣхъ иностранныхъ биржахъ; но въ то же время всецѣло связало дѣло съ существованіемъ и дѣйствіемъ финляндской конституціи.

Въ 1892 году средства финляндскаго банка составляли: основной капиталъ—10 милл. марокъ и резервный—8³/₄ милл. м.; выпущенныхъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ было на 46 милл. м., въ обезпеченіе которыхъ имѣлись 22 милл. м. золотомъ и 24 м. милл. депозитами въ иностранныхъ банкахъ. Учтено было векселей на 39 милл. Чистой прибыли получено 2.536.694 м. 10 п. Банкъ имѣетъ отдѣленія въ Петербургѣ и въ 12 финляндскихъ городахъ.

Изъ частныхъ банковъ, возникшихъ за послѣднія 37 лѣтъ въ Финляндіи, слѣдуетъ упомянуть: приватный банкъ, финляндское ипотечное общество, сѣверный, вазаскій, гельсингфорскій народный, наюландскій банки и Кансаллисъ-Осаке. Всѣ эти кредитныя учрежденія осуществились при содѣйствіи финляндскаго правительства, но исполнѣ самостоятельно и всѣ преслѣдуютъ общую цѣль: доставлять финляндцамъ дешевый кредитъ, притомъ, по возможности, личный, т. е. независимо отъ значительности и прочности предпріятій, довѣряя честности заемщика и его поручителей. Мелкій кредитъ земледѣльцамъ основанъ на томъ же принципѣ личнаго довѣрія людямъ, хотя и небогатымъ, но пользующимся уваженіемъ въ своемъ приходѣ. Иногда посредниками между банкомъ и земледѣльцами являются управленія сельскохозяйственныхъ союзовъ, о которыхъ мы говорили въ статьѣ

о финляндскихъ народныхъ школахъ. Вообще, личный кредитъ настолько легокъ въ Финляндіи, что кажется на первый взглядъ даже опрометчивымъ. Въ дѣйствительности же, какъ показали уже многолѣтній опытъ, ничего опрометчиваго тутъ нѣтъ, такъ какъ огромное большинство заемщиковъ выполняютъ свои обязательства исправно или же выручаются поручителями, и потери банковъ совсѣмъ ничтожны въ сравненіи съ ихъ выгодами. Въ результатѣ процвѣтаніе банковъ, торговли, промышленности и земледѣлія, такъ какъ для полученія капитала на предпріятіе въ Финляндіи достаточно хорошей репутаціи и двухъ поручителей съ честнымъ именемъ. Безъ капитала же были бы неосуществимы всѣ успѣхи, достигнутые финляндцами за послѣднее время.

Какъ всѣ эти порядки отозвались на промышленности Финляндіи, могутъ показать слѣдующія таблицы:

Въ 1838 году въ Финляндіи было:

Суконныхъ фабрикъ	24
Хлопчатобумажныхъ	4
Мыловаренныхъ заводовъ.....	4
Парусныхъ	3
Табачныхъ	3
Кожевенныхъ	3
Красочныхъ	2

Всего 43

Въ 1891 году было фабрикъ и заводовъ:

Въ городахъ 3.367, съ произв. на сумму 100.222.735 м.

Въ деревняхъ 3.403, » » » » 75.407.013 »

Итого ... 6.770, » » » » 175.629.748 »

Изъ этого числа, для сравненія съ предъидущей таблицей, отмѣтимъ:

Суконныхъ, хлопчато-бумажн. и парусныхъ..... 975

Мыловаренныхъ, красочныхъ и т. п. 219

Табачныхъ 32

Кожевенныхъ 699

Итого ... 1.925

Такія цифры комментаріевъ не требуютъ. Полезно, однако, отмѣтить, что безъ легкаго личнаго кредита ихъ не было бы, а таковой основанъ въ Финляндіи на поддержкѣ частныхъ банковъ государственнымъ и на круговой порукѣ всего населенія Финляндіи за свой государственный банкъ.

IV.

Мы привели лишь кое-какіе примѣры того, что достигнуто Финляндіей въ дѣлѣ экономическаго прогресса. Съ успѣхами финляндцевъ въ

дѣлѣ народнаго просвѣщенія и въ литературѣ читатели «Міра Божія» уже знакомы. Полагаемъ, всѣхъ этихъ указаній быстрого подъема культуры въ Финляндіи достаточно, и вернемся теперь къ основному вопросу, а именно къ причинамъ этихъ успѣховъ. Причины эти суть:

1) Природная склонность финновъ къ законности и отвращеніе ко всему случайному, произвольному, вслѣдствіе чего какъ только увеличилось ихъ значеніе, благодаря возстановленію сеймовъ, въ странѣ установился большой порядокъ, очень важный въ разрѣшеніи общественныхъ вопросовъ.

2) Благопріятная культурному движенію форма правленія съ особымъ представительствомъ сословія крестьянъ, такъ какъ народные претставители отъ крестьянъ являются въ Финляндіи прочнымъ звеномъ между интеллигенціей и народомъ, а кромѣ того служатъ послѣ сейма лучшими объяснителями народу принятыхъ рѣшеній.

3) Сильное и строгое общественное мнѣніе, благодаря которому процвѣтаетъ пресса и которое является наилучшимъ контролемъ надъ всякими дѣятелями.

4) Высокій подъемъ народнаго просвѣщенія, положенный въ основу всего движенія, благодаря чему всѣ послѣдующія мѣры могли быть поняты и поддержаны всѣми сословіями одинаково.

Эти причины надо считать основными, изъ которыхъ и вытекали всѣ прочія.

О природныхъ качествахъ и особенностяхъ финновъ мы говорили въ началѣ этой статьи достаточно. Поэтому прямо перейдемъ къ разсмотрѣнію послѣднихъ трехъ пунктовъ.

О формѣ правленія въ Финляндіи, благодаря искаженіямъ свѣдѣній въ нѣкоторыхъ органахъ нашей печати, у насъ распространены самыя сбивчивыя понятія. Вотъ вкратцѣ основы финляндской конституціи.

Законодательная и исполнительная власть принадлежитъ Государю Императору, какъ Великому Князю Финляндіи. Но разработка законопроектовъ принадлежитъ земскимъ чинамъ ландтага. Всякій представитель, а также правительство могутъ вносить на разсмотрѣніе сейма предложеніе законопроектовъ. Если одобрено и принято сеймомъ предложеніе не правительственное, оно передается правительству на дальнѣйшую обработку и вторично вносится на слѣдующій сеймъ уже отъ правительства. Такимъ образомъ *все* законопроекты бывають въ концѣ-концовъ правительственными и разработанными въ спеціальныхъ вѣдомствахъ. Во второмъ обсужденіи сеймъ можетъ дополнять и измѣнять законопроектъ, можетъ отвергнуть его или отложить на неопредѣленное время, можетъ, наконецъ, вернуть правительству для исправленія. Если же законопроектъ принять сеймомъ, онъ подается черезъ статсъ-секретаря по дѣламъ Финляндіи на Высочайшее усмотрѣніе уже въ формѣ всеподданнѣйшей петиціи. По утвержденіи Высочайшей властью, законъ публикуется къ исполненію.

На сеймѣ представительство по сословіямъ: дворянства, духовенства, горожанъ и крестьянъ. Въ сословіи дворянъ представителями являются старшіе въ каждомъ родѣ или ихъ замѣстители, слѣдовательно, по одному отъ каждого дворянскаго рода, безъ выборовъ. Духовенство, горожане и крестьяне посылаютъ въ сеймъ выборныхъ представителей, притомъ, кого хотятъ, хотя бы лицъ изъ другихъ сословій. Всякій вопросъ послѣ общаго разсмотрѣнія въ каждомъ сословіи (засѣдаютъ сословія отдѣльно) передается въ спеціальныя коммисіи, потомъ снова рассматривается въ сословіяхъ. Если бы сословія по отдѣльному вопросу не пришли къ соглашенію, онъ рассматривается въ пленумѣ, т. е. въ собраніи всѣхъ четырехъ сословій, или въ смѣшанной коммисіи изъ одинаковаго числа представителей отъ каждого сословія. На практикѣ пленумъ *никогда* не созывается, въ виду численнаго превосходства представителей отъ дворянъ, такъ какъ является несправедливостью и осуждается общественнымъ мнѣніемъ. Соглашеніе всегда происходитъ въ смѣшанной коммисіи, или же петиція подается отъ трехъ сословій, а четвертое представляетъ свое мнѣніе отдѣльно, и споръ разрѣшается Высочайшею властью.

Финляндскій сеймъ нельзя считать парламентомъ, потому что исполнительная власть не подлежитъ контролю сейма. Никто въ странѣ не отвѣтственъ передъ сеймомъ, а только передъ Государемъ и утвержденными имъ законами. Финляндскій сеймъ исключительно органъ, подготовляющій законодательство, но органъ, по основнымъ законамъ, *неустрашимый*.

Слабая сторона финляндскаго сейма—его медлительность, зависящая отъ сложной процедуры и раздробленія на четыре самостоятельныхъ собранія. Не особенно удачно и представительство отъ дворянъ въ формѣ собранія всѣхъ главъ родовъ (*caput familiæ*). Зато именно медленность разработки вопросовъ даетъ общественному мнѣнію оказать свое рѣшающее вліяніе, и именно крайняя устарѣлость дворянскаго представительства принуждаетъ дворянъ очень чутко прислушиваться къ общественному мнѣнію и не идти въ разрѣзъ съ другими сословіями, чтобы не вызвать реформы. Финляндское дворянство, сохранившее чисто шведскую окраску, при нынѣшнемъ преобладаніи финновъ и не имѣя возможности рассчитывать даже на Россію, чувствуетъ себя подъ дамокловымъ мечемъ. Поэтому оно держитъ себя безукоризненно, никогда не отстаиваетъ своихъ сословныхъ интересовъ и принимаетъ рѣшенія, только согласныя съ выгодами всего населенія.

Духовенство не имѣетъ причинъ вести себя такъ опасно и дѣйствуетъ самоувѣреннѣе. Всегда отстаивая прежде всего интересы церкви, оно очень часто оказывается въ оппозиціи прочимъ тремъ сословіямъ. Оно *воспротивилось отнятію смертной казни* въ Финляндіи, оно же по чисто религіозной нетерпимости отстаиваетъ до настоящаго времени варварскій законъ, коимъ въ Финляндіи воспрещается селиться

евреямъ. Все устарѣлое въ финляндскомъ законодательствѣ, каковы: напримѣръ, неравноправность женщинъ въ имущественныхъ правахъ, законы противъ вѣббрачныхъ сожителствъ и т. д.—все это держится только благодаря духовенству. Пользуясь вдобавокъ своимъ преимуществомъ сословія, осужденіе котораго возбраняется обычаями очень строгихъ въ дѣлахъ вѣббшнихъ приличій финляндцевъ, оно одно идетъ въ Финляндіи въ разубъзъ общественному мѣббію и остается какъ бы вѣббі контроля. Насколько это сословіе чуждо общественнымъ интересамъ, мы видѣли въ статьѣ о финляндскихъ народныхъ школахъ: только съ переходомъ школьнаго дѣла изъ рукъ пасторовъ въ руки общинъ, оно быстро двинулось впередъ и дало хорошіе плоды; до тѣхъ поръ дѣло прозябало и было непопулярно.

Горожане и крестьяне на сеймахъ представлены вполнѣ нормально и являются двигателями всего. Почти всегда оказываясь въ союзѣ съ дворянами, низшія два сословія далеко не безсильны. Только въ вопросѣ о языкахъ они все еще не могутъ выйти на чистую воду, да и то главнымъ образомъ вслѣдствіе многочисленности шведовъ среди горожанъ. По экономическимъ вопросамъ всѣ четыре сословія обыкновенно солидарны, такъ какъ вѣббі вопросовъ, затрогивающихъ церковь, финляндское духовенство, благодаря университетскому образованію пасторовъ, всегда на сторонѣ мѣръ полезныхъ, а дворянство, какъ уже сказано, на сторонѣ большинства.

Исполнительная власть въ Финляндіи обставлена тоже довольно сложно. Во главѣ правительства поставленъ императорскій сенатъ, издающій указы въ предѣлахъ основныхъ законовъ отъ Высочайшаго имени. Сенаторы назначаются Государемъ Императоромъ и, кромѣ того, черезъ каждые три года другъ друга баллотируютъ. Президентомъ сената считается генералъ-губернаторъ; но въ дѣйствительности, по установившемуся обычаю, въ сенатѣ всегда председательствуетъ вице-президентъ, назначаемый изъ числа сенаторовъ. Дѣло въ томъ, что по основнымъ законамъ Финляндіи, должностныя лица въ ней должны быть изъ финляндцевъ, и если бы въ распоряженіяхъ сената участвовалъ генералъ-губернаторъ, законность этихъ распоряженій явилась бы, съ теоретической точки зрѣнія, спорной. По избѣжанію этого и назначается вице-президентъ.

Центральныя управленія отдѣльных вѣдомствъ имѣютъ характеръ коллегіальный подъ надзѣненіемъ отдѣльных сенаторовъ. Назначеніе высшихъ и среднихъ должностныхъ лицъ принадлежитъ сенату; высшіе служащіе назначаются управленіями и губернаторами; но всѣ одинаково могутъ быть уволены сенатомъ.

Политическая власть сосредоточена въ рукахъ генералъ-губернатора, губернаторовъ, провинціальныхъ герцоговъ и ландмаршаловъ въ сельскихъ общинахъ. Политическая власть въ Финляндіи очень обременена и разсѣяна подъ вѣдомствомъ губернаторовъ.

Суды имѣютъ, приблизительно, ту же организацію, какую еще недавно имѣли въ прибалтійскихъ губерніяхъ, и завершаются высшей инстанціей—департаментомъ юстиціи сената. Судопроизводство такъ называемое «фрмальное» и безусловно устарѣло.

Земскія дѣла основаны на самоуправленіи приходскихъ общинъ, имѣющихъ во главѣ общинный совѣтъ изъ выборныхъ лицъ.

Финляндскими войсками командуетъ генералъ-губернаторъ, какъ командующій всѣми войсками въ великомъ княжествѣ. Но по основному закону въ мирное время финляндскія войска не могутъ быть поставлены гарнизономъ въ Финляндіи, а также не могутъ пополняться новобранцами или офицерами *не финляндцами*.

Вотъ главнѣйшія свѣдѣнія объ устройствѣ страны. Читатель самъ видитъ съ перваго взгляда, сколько въ этомъ устройствѣ устарѣлаго, излишне запутаннаго и не соответствующаго быстрому подъему культуры въ странѣ. Какимъ же образомъ все это не помѣшало успѣху и улилось съ крупными измѣненіями въ образованіи и въ экономической жизни финляндцевъ? Какимъ образомъ такую форму правленія мы можемъ считать благопріятной и даже одной изъ причинъ достигнутаго Финляндіей культурнаго развитія? Дѣло въ томъ, что здѣсь передъ нами явленіе, происходящее въ маломъ масштабѣ, но на тѣхъ же основаніяхъ что и въ Англіи. Форма правленія, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, даетъ возможность населенію принимать дѣятельное участіе въ законодательствѣ: этимъ финляндцы и довольствуются, отнюдь не заблуждаясь на счетъ недостатковъ строя, но предпочитая мириться съ ними, чѣмъ умалять въ странѣ авторитетъ законовъ быстрыми ихъ измѣненіями. Культъ законности доведенъ въ Финляндіи до чисто религіознаго значенія и всѣми мѣрами поддерживается въ народѣ, какъ основа всего. Подорвать этотъ культъ не желаетъ ни одинъ финляндецъ, какъ бы очевидны ни были выгоды крупныхъ реформъ. Вѣдь всякая крупная перемѣна въ законодательствѣ является осужденіемъ существовавшихъ законовъ, а стало быть, даетъ право относиться скептически и къ новымъ, т. е. идетъ въ разрѣзъ съ основнымъ принципомъ культа. Поэтому финляндцы предпочитаютъ вводить лишь частныя поправки и дополненія законовъ, не разрушая старыхъ и твердо рассчитывая на трезвость общественнаго мнѣнія, которое должно указывать дѣятелямъ способы примѣненія устарѣлыхъ законовъ. Благодаря такому отношенію къ дѣлу, въ странѣ поддерживается культъ законности и воспитывается общественное мнѣніе, которому придается перво-степенное государственное значеніе, а это два такихъ могучихъ фактора, передъ которыми частныя несовершенства строя отступаютъ на второй планъ и мало вредятъ дѣлу.

Общественное мнѣніе въ Финляндіи, пожалуй, даже строже, чѣмъ въ Англіи. Каждый финляндецъ привыкъ считать общественныя дѣла одинаково важными со своими личными, а казенныя деньги—своими же деньгами, порученными только различнымъ вѣдомствамъ для употребле-

нія на общія нужды. Исходя изъ такого основнаго взгляда, каждый считаетъ для себя въ высшей степени важнымъ имѣть объ общественныхъ дѣлахъ точныя свѣдѣнія и отстаиваетъ свое право контроля надъ всякими дѣятелями. Отсюда эта сила общественнаго мнѣнія, какъ многіе находятъ, доходящая зачастую до деспотическаго гнета, но безусловно дѣльная, серьезная, не имѣющая ничего общаго съ простыми пересудами.

Благодаря этому, въ Финляндіи процвѣтаетъ періодическая печать. Это же гарантируетъ странѣ честность чиновниковъ, судей и всякихъ плательщиковъ, такъ какъ устранивается возможность подкупа на выборахъ, злоупотребленій устарѣлыми законами и неблаговидности въ борьбѣ партій. Всякая мелочь, какъ только дѣло касается общественной жизни, вызываетъ обсужденіе и приговоръ общественнаго мнѣнія. И приговоръ всегда безстрастенъ, но суровъ, настолько суровъ и такъ единодушно подхватывается всѣмъ населеніемъ страны, что бравировать имъ нѣтъ ни малѣйшей возможности даже крупнымъ сановникамъ и цѣлымъ учрежденіямъ или корпораціямъ. Только духовенство какъ бы находится нѣ въ привилегированномъ положеніи и можетъ не бояться общественнаго мнѣнія; но и то только, пока оно безупречно съ церковной точки зрѣнія. Если духовное лицо, хотя бы даже епископъ или архіепископъ, позволило себѣ малѣйшее нарушеніе законовъ или малѣйшее несоблюденіе нравственности, оно тотчасъ подверглось бы гласному осужденію общественнымъ мнѣніемъ по всей странѣ и было бы вынуждено удалиться отъ дѣлъ вслѣдствіе общаго презрѣнія. Мы знаемъ много случаевъ, когда сенаторы, пасторы, чиновники, даже просто мелкіе люди, какъ землевладѣльцы или торговцы, не нарушившіе законовъ, но позволившіе себѣ несправедливость или неблаговидныя поступки, принуждены были прекратить свою дѣятельность и прятаться гдѣ-нибудь въ глуши,—такъ непосильно оказывалось презрѣніе, которымъ ихъ заклеяло общественное мнѣніе и такъ безпощадно преслѣдовали ихъ сограждане ежечасными оскорбленіями.

Разумѣется, могущественное и единодушное общественное мнѣніе возможно только въ странахъ съ высокимъ уровнемъ общаго народнаго образованія. При меньшемъ народномъ просвѣщеніи идеалы бываютъ слишкомъ неопредѣленны, противорѣчивы и разбиваются среди разногласій. Вотъ почему важнѣйшимъ условіемъ культурныхъ успѣховъ Финляндіи надо считать то, что въ основу всего движенія, тотчасъ же по возстановленіи сеймовъ, были положены самыя неограниченныя усилія къ подъему школьнаго дѣла въ странѣ и къ установленію принципа, что грамотность еще не есть просвѣщеніе и что народу нужны высшія школы, которыя не только даютъ знанія, но еще и значительное умственное и нравственное развитіе.

О финляндскихъ школахъ и ихъ значеніи мы говорили уже достаточно и здѣсь повторять не будемъ. Отмѣтимъ только, что если бы преобразованія въ Финляндіи начались не съ устройства школъ, а

прямо съ прочихъ реформъ, они не имѣли бы успѣха, потому что не были бы поддержаны самимъ населеніемъ страны. Такъ оно и сознавалось въ шестидесятыхъ годахъ руководителями партій, вслѣдствіе чего, не смотря на энергическое противоудѣйствіе духовенства, на тотъ разъ оно оказалось безсильнымъ и школы были отобраны отъ пасторовъ.

У.

Каковы же общіе выводы, къ которымъ приводитъ насъ наблюденіе всего, что совершилось за послѣднія сорокъ лѣтъ въ Финляндіи?

Во-первыхъ, оказывается, что пока интеллигенція въ странѣ, вслѣдствіе національныхъ причинъ, была чужда народу, культурныхъ успѣховъ не получалось, хотя сама по себѣ шведская интеллигенція была на очень высокой степени развитія, а народъ почти поголовно грамотенъ. Желательное общественное оживленіе получилось въ единеніи народа съ интеллигентными классами, но не путемъ подлаживанія образованныхъ людей къ взглядамъ непроевѣщенныхъ массъ, а путемъ поднятія просвѣщенія этихъ массъ и устраненія національныхъ различій.

Во-вторыхъ, мы видимъ, что безъ возстановленія сеймовъ, иначе говоря, безъ соудѣйствія самого населенія, наилучшія стремленія правительства въ Финляндіи ни къ чему существенному не приводили, тогда какъ съ возстановленіемъ народнаго представительства сразу оказались возможными самыя трудныя преобразованія, каковы: измѣненіе привычныхъ способовъ земледѣлія, переходъ къ интенсивному хозяйству, введеніе фабрично-заводскаго способа въ земледѣліе и т. д.

Въ-третьихъ, весь успѣхъ преобразованій былъ подготовленъ превосходной постановкой школьнаго дѣла, въ особенности, установленіемъ принципа, что простая грамотность, вполнѣ достаточная для церковныхъ цѣлей, не имѣетъ серьезнаго значенія въ культурномъ движеніи.

Въ-четвертыхъ, финляндцы сумѣли примирить интересы всѣхъ сословій, при чемъ довольство и свобода рабочихъ классовъ только возвысились отъ развитія торговли и промышленности.

Наконецъ, воспитаніемъ въ народѣ чувства законности и поднятіемъ значенія общественнаго мнѣнія финляндцы достигли большаго, чѣмъ реформами въ самомъ законодательствѣ, и что тѣ недочеты, какіе еще есть въ ихъ порядкахъ, въ значительной степени зависятъ отъ несоблюденія общихъ принциповъ по отношенію къ сословію духовенства. Этимъ подтверждается правильность самихъ принциповъ.

Но важнѣе всего общій выводъ, а именно, что какъ бы плохи ни были естественныя условія страны, путемъ культуры всегда можно поднять благосостояніе населенія, и что путь этотъ совпадаетъ съ путемъ порядка, законности и миролюбія.

В. Фирсовъ.

* * *

На зарѣ нашихъ дней, ясныхъ солнечныхъ дней,
Люди насъ разлучили!
И гранитами горъ, и снѣгами степей,
Какъ глухою стѣной раздѣлили!
Нашей свѣтлой любви каждый нѣжный побѣгъ
Умертвили съ насмѣшкой холодной
И сказали: „Забудьте другъ друга навѣкъ,
Уважайте въ пустынѣ бесплодной!“

Увядать!.. Позабыть о живыхъ, молодыхъ
И за гробомъ въ свиданье не вѣрить!..
О, способны ли вы этихъ словъ роковыхъ
Все значенье, весь ужасъ измѣрить?
Ужасъ! ужасъ! Ни силъ, ни злобъ людей
Не придумать свирѣпѣе мщенья...
О, очнитесь, очнитесь, заплачьте скорѣй—
Еще слово возможно прощенья!..

.

Нѣтъ, вы слѣпы, вы глухи...

П. Я.

РЕБЪ ДУВИДЪ.

Психологическій этюдъ.

Морозъ, такой морозъ, какого что-то не припомнятъ самые сѣдые дѣды!

Всю послѣднюю недѣлю почти не унимался рѣзкій восточный вѣтеръ, взметавшій на улицахъ маленькаго уѣзднаго городка Л. столь глубокіе сугробы, что, казалось, дорога въ городъ шла не по обычному ровному мѣсту, а по крутымъ горамъ. Но сугробы и ухабы—это бы еще ничего: не избалованы были на счетъ всякихъ удобствъ жители городка. А вотъ что этотъ самый вѣтеръ, налетая неожиданнымъ шеваломъ, срывалъ съ головы обывателя шапку, распахивалъ полы полушубка и проникалъ чуть ли не до костей несчастнаго, обреченнаго въ такіе дни на выходъ изъ дому, вотъ это было поистинѣ ужасно. Сколько отмороженныхъ пальцевъ на рукахъ и на ногахъ, сколько отмороженныхъ носовъ, щекъ и ушей было въ эти дни въ Л.! Но и это бы все ничего. Л—цы отъ природы избалованы не были; эка важность, что отморозилъ ухо: натрешь его хорошенько снѣгомъ, смотришь, какъ будто краснѣть начнетъ, ну и ничего, значить, пройдетъ. Не такія заботы тяготили бѣдныхъ л—цевъ.

Впрочемъ, мнѣ скажутъ: что же за такіе бѣдные л—цы? Вѣдь не всѣ же обыватели городка бѣдны; вѣдь есть же и зажиточные и, пожалуй, богатые люди между ними.

Богатъ, на примѣръ, купецъ Яковлевъ, купецъ Якобсонъ, купецъ Филейкинъ, праотцы котораго первоначально писались Вилейкерами, затѣмъ Вилейкиными и только лѣтъ двадцать тому назадъ обратились въ настоящихъ русскихъ Филейкиныхъ, богатъ и... Ну, да мало ли богачей въ Л.! Ихъ, какъ будто, всѣхъ сразу и не перечестъ. Есть, конечно, и зажиточные люди: г. исправникъ, на примѣръ, нѣкоторые чиновники (главнымъ образомъ, акцизные), да не они насъ интересуютъ. На вниманіе наше претендуютъ бѣдняки, голь, та масса, которая, представляетъ ядро, основу всего Л. Это—то специально-еврейское населеніе маленькаго захолуст-

наго городка, которое жило тутъ еще во времена Ягеллоновъ, которое живетъ здѣсь и понинѣ, котораго потомство еще, вѣроятно, долго будетъ житьна этомъ мѣстѣ, и все по прежнему, грязно, тѣсно, бѣдно въ вѣчномъ трепетѣ за завтрашній день, съ горькимъ тяжелымъ воспоминаніемъ о длинной сѣрой вереницѣ дней прошедшихъ.

Чѣмъ живетъ вся эта масса мѣстныхъ аборигеновъ?

Ну, чѣмъ можетъ жить еврейская семья въ десять-одиннадцать душъ въ такомъ захолустѣ, какъ Л.?

Глава семьи пофакторствуетъ, потаскаетъ дровъ, понаноситъ воды г. младшему учителю уѣзднаго училища, позачинитъ старый дырявый зипунишко сосѣда-москаля, слесаря. Кое-кто, изъ богатыхъ „*нурицовъ*“ держитъ лавченку, въ которой и товару-то всего на всего рублишекъ на 25—30; ребъ Янкель, напрімѣръ, учительствуетъ, школу, „*хедеръ*“ держитъ, а ребъ Ицхокъ, ну, тотъ школы держать не можетъ, и по самой простой причинѣ: у него и угла-то своего нѣтъ. Онъ—„странствующій меламедъ“, т. е. ходитъ изъ Л. въ ближайшія (впрочемъ, верстъ на двадцать въ окружности) селенія, и учитъ тамъ „*бохеровъ*“ грамотѣ за самое, конечно, грошовое вознагражденіе, выплачиваемое, впрочемъ, чаще всего натурой. Ну, да мало ли есть средствъ къ существованію для бѣднаго, невзыскательнаго еврея, который уже почитаетъ себя счастливымъ, если ему удастся заработать въ недѣлю 3—4 рубля. На такія деньги вѣдь жить можно, и хорошо можно жить: въ шабасъ Хайка дастъ и кугелю, и цимису, и кусокъ (вѣрнѣе, кусочекъ) мясца, купленнаго за баснословную цѣну у мѣстнаго шойхета, Аврумки.

Ну, и доволенъ себѣ ребъ Ицхокъ или ребъ Шмуэль, если сѣумѣлъ заработать свои 3—4 рубля въ недѣлю. Дѣти и жена сыты, и самъ тоже, и бодро идетъ онъ на вечернюю молитву, „*минху*“ въ синагогу, и ясно, и свѣтло, и радостно у него на душѣ. Онъ уже забылъ всю свою усталость, всѣ нравственныя страданія, всѣ униженія, которыхъ онъ за истекшую недѣлю довольно потерпѣлся, и всякаго, и cadaго, съ кѣмъ ему приходилось имѣть дѣло, кто давалъ ему возможность грошоваго его заработка. Онъ теперь совсѣмъ счастливъ: онъ знаетъ, что дома его Хайка или Ривка владутъ на столъ *хаму*, рядкомъ устанавливаютъ подсвѣчники, съ обычной молитвой собираются зажигать субботнія свѣчи; онъ знаетъ, что его дѣти, числомъ семь, малъ-мала меньше, прекратили всегдашній шумъ и гамъ свой и чисто вымытыя пособляютъ матери въ ея хлопотливыхъ приготовленіяхъ къ встрѣчѣ субботы; онъ знаетъ, что и имъ весело, тепло, хорошо. Чего же ему еще думать объ униженіяхъ и оскорбленіяхъ? Вѣдь эти униженія для него такъ же неизбѣжны, какъ они были неизбѣжны для его отца, дѣда, прадѣда и для всего

рода его, надъ которымъ всегда и почти вездѣ тяготѣло что-то въ родѣ проклятiя. Онъ, тѣмъ не менѣе, счастливъ. Онъ знаетъ, что въ синагогѣ онъ встрѣтитъ и ребъ Шимона, и ребъ Арье, и ребъ Мойше, которыхъ, въ вѣчной своей суматохѣ и погонѣ за кускомъ хлѣба, онъ не видалъ уже цѣлую недѣлю. Онъ встрѣтитъ ихъ, этихъ достойныхъ членовъ братства Ахавать Арумимъ (подумайте, читатель, даже такое благотворительное общество существуетъ въ маленькомъ захолустномъ уголкѣ!), и самъ онъ, какъ членъ этого братства, будетъ послѣ синагогальной службы толковать съ ними о дѣлахъ ихъ общества, составляющаго, и вполнѣ заслуженно, ихъ гордость и славу. Ну, не хорошо ли все это?

Такъ было до послѣдней зимы. Ничѣмъ не нарушались покой и мирное теченiе жизни еврейскаго населенiя богоспасаемаго городка Л. А тутъ внезапно будто громъ грянулъ надъ головами бѣдныхъ л—цевъ. Нежданно, негаданно потянулись со всѣхъ сторонъ въ городокъ вереницы оборванныхъ, голодныхъ и нравственно убитыхъ единовѣрцевъ съ больными женами и матерями, дряхлыми отцами и почти голыми дѣтьми. Это—все обыватели селъ и деревень! Они переселялись теперь въ города, не по своей волѣ, конечно: вѣдь они шли сюда на вѣрную голодовку. Ихъ было много, страшно много. Казалось, маленький Л. не въ состоянiи будетъ приютить всѣхъ этихъ несчастныхъ, обездоленныхъ свитальцевъ.

И дѣйствительно, гдѣ-гдѣ не ютились бѣдные выселенцы: и въ старыхъ заброшенныхъ сараяхъ, и въ ветхихъ, полуразвалившихся баняхъ, и въ остаткахъ амбаровъ, куда сквозъ дырявую, полусгнившую крышу свободно проникалъ дождь и вѣтеръ, и просто подъ заборами. Много было тутъ горя, много нищеты, еще больше голода и болѣзней. Переполошились л—цы. И не только одни евреи. Самъ г. исправникъ, котораго, казалось, ничто въ мірѣ не было въ состоянiи вывести изъ его вѣчной полудремоты, и тотъ встрепенулся. Телеграфъ и почта заработали усерднѣе. Чины полицiи цѣлыми днями сновали по узкимъ улицамъ городка, заходя во всѣ еврейскiе дома и навязывая и безъ того уже обремененнымъ многочисленными семьями л—цамъ то одного, то двухъ, а гдѣ и цѣлыхъ трехъ выселенцевъ. Много было въ эти дни среди л—цевъ (я разумѣю, конечно, евреевъ) скорби, много денегъ перешло изъ тощихъ кошельковъ обывателей въ карманы форменныхъ шароваръ, много было тревоги за грядущее будущее, которое, дѣйствительно, представлялось въ далеко не розовомъ свѣтѣ: чуть ли не ежедневно прибывали все новыя и новыя партiи переселенцевъ, и съ ихъ приходомъ и безъ того уже крохотная заработная плата опустилась до минимума.

Заявило тогда о себѣ братство Ахавать Арумимъ. Право,

если бы не оно, неизвѣстно, чѣмъ кончился бы неимовѣрный наплывъ непростенныхъ гостей въ Л.

Такъ было, по крайней мѣрѣ, первыя двѣ-три недѣли. Но денежные средства братства быстро истощались. Слѣдовало подумать не только о чужихъ, но и о своихъ. А нужда среди своихъ росла и росла, и не по днямъ, а по часамъ: наступали холода, такіе, какихъ старожилы не припомнятъ. Правда, каждую пятницу бѣднѣйшіе л—цы получали по запискѣ достопочтеннаго раввина ребъ Іегуды отъ шамеса синагоги небольшое количество дровъ (кстати, въ закупкѣ послѣднихъ чуть ли не наибольшее участіе принялъ вышеупомянутый Филейкинъ), но неимущихъ было много, дровъ мало, и помощь оказывалась недостаточной. А морозы все вѣрпчали. Заскрипѣли, затрепали по всѣмъ швамъ убогія лачужки нашихъ л—цевъ, отъ порывистыхъ налетовъ вѣтра затряслись стропила дыравыхъ крышъ, ежеминутно грозя рухнуть, заломило отъ небывалаго холода изможденныя тѣла большинства л—скихъ обывателей и деревнею имъ навязанныхъ гостей.

Никогда, кажется, такъ усердно не посѣщалась синагога, какъ теперь, и я готовъ приписать это не столько необычайному благочестію л—цевъ, сколько тому обстоятельству, что вѣдь въ бейс-гакнесесѣ было тепло, даже очень тепло. Дольше обыкновеннаго оставались въ синагогѣ послѣ вечерняго „ѣдишо“ старики-раввинисты (а ихъ было, конечно, нѣсколько, какъ и во всякой другой благоустроенной общинѣ), въ сотый разъ оспаривая ту или другую мишну изъ трактата Шабасъ, въ тысячный разъ перечитывая сообща ту или другую талмудическую месихту и сопоставляя ее съ толкованіями премудро-свѣтлаго рабби Мойше-Иссерлеса.

Уже догорали свѣчи въ бейс-гакнесесѣ, уже ребъ Іосе окончательно сдался ребъ Лейзеру, хотя и бѣдному портному, но зато великому талмудъ-хахаму, уже было очень поздно и слѣдовало бы расходиться по домамъ, гдѣ почтенныхъ отцовъ семействъ уже давно ждали съ вечернею трапезою семьи, но... стыдно связать!—неохотно возвращались къ себѣ л—скіе талмудисты: скудная вѣдь ѣда ожидала ихъ, а главное, холодъ, нестерпимый холодъ, плачущія отъ него дѣти и изможденное страданіями и осунувшееся лицо вѣрной Ривки или Рухли.

А помощи было ждать нечего, не откуда ей было явиться! Да, тяжело, очень тяжело приходилось л—цамъ въ это время. Тяжелѣе всѣхъ, пожалуй, было ребъ Дувиду, тому ребъ Дувиду, который жилъ на самомъ краю городка, на выѣздѣ въ поле, въ ветхой-ветхой хатенкѣ.

Весь городъ зналъ ребъ Дувиду, да и странно было бы, если бы кто-нибудь въ Л. не зналъ его, потомка славныхъ краков-

скихъ раввиновъ, его, которому двоюроднымъ прапрадѣдомъ приходился самъ великій Иссерлесъ, его, котораго дѣдъ составилъ знаменитыхъ мифтеахъ гатора, включъ къ закону, комментарий (онъ и по сей день еще лежитъ въ рукописномъ видѣ въ л—ской синагогѣ) къ отдѣлу Йоре-Деа кодекса Шулханъ-Оруха, его, который, наконецъ, самъ считался лучшимъ талмудистомъ на стоверстномъ разстояніи въ окружности. Однимъ словомъ, даже раввинъ, ребъ Йегуда, уже куда почтенная личность, и тотъ въ собраніяхъ уступалъ всегда предсѣдательское мѣсто ребъ Дувиду.

Теперь, впрочемъ, ребъ Дувидъ былъ уже очень старъ и потому выходилъ мало. Одинокъ сидя въ своей ветхой, какъ онъ самъ, хатенкѣ, онъ цѣлыми днями и вечерами штудировалъ Зогаръ и Сеферъ-Йециру и всякія къ нимъ толкованія. Заходили къ нему почтеннѣйшіе ребъ Лейзеръ-портной, и ребъ Йосе-мѣдникъ, еще навѣщали его ребъ Хацкель-меламедъ, ребъ Ицхокъ, тоже меламедъ, и самъ рабби Йегуда съ синагогальнымъ хазаномъ, кстати сказать, тоже основательнымъ талмудъ-хахамомъ. Что за чудные вечера проводили эти старики! Сидя вокругъ стараго стола за огромными потемнѣвшими отъ дыма и времени фоліантами, при тускломъ освѣщеніи двухъ сальныхъ свѣчей, они вмѣстѣ читали Зогаръ или, чаще, напряженнымъ ухомъ внимали блестящимъ толкованіямъ ребъ Дувиды. А какъ мастерски пояснялъ онъ 10 каббалистическихъ сефиротъ, какъ стройно красиво раскрывалъ онъ глубокое значеніе всѣхъ этихъ кесеръ эльонъ, хокма, бійна, хеседъ и малхусо, съ какимъ увлеченіемъ раскрывалъ онъ предъ слушателями своими тайники меркабы, какія блестящія подтвержденія своимъ толкованіямъ приводилъ онъ не только изъ мессихтъ Талмуда, но и изъ сборниковъ Эрецъ-хаимъ, Хай-одомъ и прочихъ владезей раввинской премудрости! Да, рѣдко ученый, начитанный и талантливый человѣкъ былъ ребъ Дувидъ! И какая скромность при этомъ, какая необычайная скромность! Вотъ къ кому вполне можно было примѣнить талмудическое изреченіе: *„Наука только тому дается, который сознаетъ, что онъ ничего не знаетъ!“* Не даромъ и самъ ребъ Дувидъ всегда любилъ вспоминать цитату изъ того же Талмуда: *„Какъ вода течетъ только сверху внизъ, обтекая возвышенности, такъ и наука можетъ процвѣтать лишь у скромныхъ людей“*.

Понятно, что л—цы сочли бы за величайшее счастье, если бы такой человѣкъ, какъ ребъ Дувидъ, согласился бы быть ихъ духовнымъ раввиномъ, ихъ „море-гарое“. Но сперва скромность ребъ Дувиды мѣшала ему занять столь отвѣтственный постъ, да и не считалъ онъ себя призваннымъ занимать общественное положеніе, а затѣмъ лѣта и страсть къ наукѣ окончательно приковали его къ его большому старому потертому креслу, въ кото-

ромъ онъ, сиди за своими фоліантами, проводилъ всю недѣлю отъ субботы до пятницы и отъ пятницы до субботы. Это кресло, большой деревянный столъ, нѣсколько лавокъ, пара мѣдныхъ, позеленѣвшихъ отъ времени подсвѣчниковъ и главнымъ образомъ цѣлая груда старинныхъ книгъ и пожелтѣвшихъ рукописей составляли все имущество ребъ Дувидъ.

Нѣтъ, виновать! — у него былъ еще старый-престарый источенный червями шкафъ, гдѣ висѣли, среди убогой смѣны платья, еще темный атласный лапсердакъ и такая же ермолка ребъ Дувидъ. Это было его шабасовымъ одѣяніемъ. Больше у старика ничего не было, если не считать... ну, да это читатели потомъ узнають.

Вотъ какая почтенная, скромная, милая, малымъ довольная личность былъ ребъ Дувидъ. Могъ ли кто-нибудь въ Л. не знать и не уважать такого человѣка?

Насколько всѣ уважали и любили ребъ Дувидъ, видно уже изъ того, что самъ г. исправникъ, имѣвшій обыкновеніе, сидя въ лѣтніе вечера у открытаго окна за стаканомъ чаю съ настоящимъ ямайскимъ ромомъ издѣлія мѣстнаго купца Яковлева, останавливать возвращавшихся по пятницамъ изъ синагоги евреевъ такую стереотипную, всѣмъ извѣстную фразу: „Ей, любезные, не зайдете ли завтра ко мнѣ на закуску? Угощу васъ въ честь шабеса каширной свининой“, причемъ самъ же громко смѣялся своей остроумной и деликатной шуткѣ, даже г. исправникъ никогда не рѣшался обращаться съ подобнаго рода приглашеніемъ къ нашему ребъ Дувиду. Еще издали завидя низенькую, худощавую, нѣсколько сгорбленную фигуру ребъ Дувидъ, шествовавшего изъ синагоги всегда послѣднимъ, опираясь на старую суковатую палку, понуривъ голову и уставивъ пытливый взоръ въ землю, какъ бы ища тамъ разгадки волновавшихъ его казуистическихъ вопросовъ, г. исправникъ поспѣшно вставалъ съ мѣста и удалялся въ глубь комнаты къ столу съ самоваромъ, для того, вѣроятно, чтобы налить себѣ еще стаканчикъ чаю. Впрочемъ, однажды онъ какъ-то не успѣлъ выпить свой стаканъ или ребъ Дувидъ вышелъ изъ синагоги раньше обыкновеннаго, только предъ взорами грознаго г. исправника внезапно предстала фигурка ребъ Дувидъ и — о, чудо! — (это было четыре года тому назадъ, но еще до сихъ поръ л—цы съ умиленіемъ говорятъ объ этомъ фактѣ), г. исправникъ ласково окликнулъ старика, спросилъ о здоровьѣ и минутъ десять милостиво разговаривалъ съ нимъ объ его семьѣ и дѣлахъ. Вотъ, какой человѣкъ былъ ребъ Дувидъ!

Чѣмъ же жилъ ребъ Дувидъ? спросять читатели. Ну, какъ можно задавать такіе вопросы, господа? Чѣмъ можетъ жить такой человѣкъ, какъ ребъ Дувидъ? Въ юности онъ когда-то былъ

меламедомъ, затѣмъ долгіе годы исполнялъ обрѣзанія, т. е. былъ *моэлемъ*, а потомъ, потомъ... да, затѣмъ у него былъ дѣльный сынъ Ицховъ, хорошій портной, хотъ и не важный талмудъ-хахамъ.

У этого Ицхова тоже были сыновья и много ихъ было, но ученыхъ изъ нихъ не вышло ни одного: всѣ эти Мовши, Лейзеры, Аврумки и Аронки по силѣ возможности помогали отцу своему въ его мастерствѣ, и, слава Богу, недостатка въ работѣ никогда не было, жить можно было, и жили себѣ эти люди припѣваячи, а съ ними жилъ и старый ребъ Дувидъ, дѣдушка, патриархъ всей семьи. И онъ жилъ себѣ съ ними, и читалъ свои книги, и поучалъ всю семью и дѣлалъ изъ этихъ юныхъ *амарцевъ* хотъ нѣсколько достойныхъ ихъ великаго пращура потомковъ. Былъ у ребъ Дувиды еще сынъ, но старикъ о немъ вспоминать не любитъ: онъ далеко, этотъ сынъ, и давно уже умеръ для всей семьи. Онъ теперь важный баринъ со звѣздой и въ чинахъ, живетъ постоянно въ столицѣ и профессоромъ его величаютъ, и давно, давно уже не имѣетъ онъ съ л—цами ничего общаго, такъ какъ много лѣтъ тому назадъ отвернулся отъ религіи отцовъ своихъ и отрекся отъ нихъ. Иногда, впрочемъ, разъ въ годъ, не чаще, вспоминаетъ онъ, видно, о существованіи захолустнаго Л., и получается тогда Ицховомъ для ребъ Дувиды почтовый пакетъ съ пятью сургучными печатами, и въ томъ пакетѣ двадцатипятирублевка, завернутая въ чистый листъ почтовой бумаги. Пакетъ этотъ приходитъ обыкновенно къ Хагъ-гапесахъ, къ празднику Пасхи, и это все, что еще напоминаетъ семьѣ ребъ Дувиды, что гдѣ-то вдали, на сѣверѣ, живетъ родной ей по крови человекъ.

За послѣднее время, впрочемъ, пакеты съ двадцатипятирублевками стали прибывать въ Л. почаще, даже до трехъ разъ въ годъ, и это было болѣе чѣмъ кстати: на семью ребъ Дувиды обрушилось несчастье. Ицховъ, единственная, послѣ книгъ, отрада старика, заболѣлъ и умеръ, сыновья его, Мовша, Лейзеръ и Аронка сами успѣли обзавестись семьями и перебрались въ другіе города, гдѣ занимались кто отцовскимъ ремесломъ, кто факторствомъ, а Аврумка одинъ остался со старымъ дѣдомъ въ Л. Но вотъ и онъ женился, а тамъ пошли у него дѣти погодки и съ ними пришла нужда: работы мало, а семья все росла и росла, а съ нею и потребности; удовлетворить же ихъ не изъ чего.

Разнеслась тогда по всей чертѣ осѣдлости, дошла и до Л. вѣсть о благодатномъ краѣ, дальней Аргентинѣ и, подумавъ да поприкинувъ немного, сообразивъ всѣ за и противъ, рѣшилъ Аврумка распродать скарбъ свой и ветхій домишко, забрать всю семью и съ нею стараго дѣдушку и попытать новаго счастья

въ новыхъ краяхъ за дальними странами и широкими морями. Однако, ребъ Дувидъ наотрѣвъ отказался ѣхать изъ родной земли, гдѣ покоились кости его славныхъ предковъ, гдѣ онъ самъ родился, выросъ, прожилъ въ радостяхъ и горѣ семьдесятъ слишкомъ лѣтъ и гдѣ онъ рассчитывалъ умереть.

Благословивъ внука, который оставилъ ему ветхую хатенку да убогую ея обстановку, ребъ Дувидъ остался изъ всей семьи своей одинъ въ Л. съ своими книгами и воспоминаніями. Ему немного нужно было для жизни и это немногое вполне покрывалось двадцатипятирублевыми пакетами сына-гоя, да вѣдь и Ахавать Арумимъ существовало въ Л.! Когда-то, давно уже, въ моментъ особеннаго раздраженія противъ своего первенца-отступника старикъ рѣшилъ отдать нѣсколько его пакетовъ братству, и это доброе дѣло не пропало даромъ. Достопочтеннѣйшіе члены братства съ раввиномъ р. Іегудой, р. Лейзеромъ, р. Хацкелемъ и другими во главѣ постановили разъ навсегда взять на свое попеченіе ребъ Дувидъ и дать ему возможность дожить дни свои въ мирѣ и безъ заботъ. И вотъ жилъ себѣ старикъ со своими книгами и рукописями, со своимъ Зогаромъ и Хайодомомъ, и жилъ безъ особенныхъ заботъ и тревоженій, всѣми любимый и всѣми почитаемый. Рѣдко выходилъ онъ куда-нибудь, чаще всего только въ синагогу, по пятницамъ вечеромъ до звѣзды, да по субботамъ, а въ остальные дни недѣли углублялся въ тайны Мерзабы, молился или спалъ, сидя въ своемъ старомъ, высокомъ креслѣ.

Была пятница. Весь этотъ день ребъ Дувиду шибко нездоровилось: то въ холодъ его бросало, то въ жаръ, и голова и все тѣло его казались ему налитыми свинцомъ. Проснувшись раньше обыкновеннаго въ своемъ креслѣ (кровати у старика не было, онъ всегда спалъ въ креслѣ), ребъ Дувидъ съ ужасомъ замѣтилъ, что въ хатѣ холодно, какъ въ могилѣ. Видно, морозъ все крѣпчалъ и крѣпчалъ. Старикъ бросилъ бѣглый взглядъ въ тотъ уголъ, гдѣ еще наканунѣ лежала небольшая связка осиновыхъ дровъ (даніе братства Ахавать Арумимъ), и вновь убѣдился, что у него всего на всего остается четыре тощихъ полѣна. А голову такъ и ломить, старыя кости болятъ.

Накинувъ сверхъ обычной одежды молитвенный талесъ и навязавъ филиakteriн, ребъ Дувидъ сталъ на молитву. Въ эти мгновенія онъ обыкновенно весь уходилъ въ созерцаніе величія Божія, и ничего въ такія минуты не существовало для него, кромѣ Предвѣчнаго и чувства великаго, полного смиренія предъ нимъ. Ничто, бывало, не могло нарушить благоговѣйнаго настроенія старика: онъ ничего не слышалъ, не видѣлъ вокругъ себя и весь, казалось, уходилъ въ необъятную вѣчность.

Но сегодня... нѣтъ, сегодня было не то: молитва шемонесре положительно грѣховно была прочтена старикомъ. Холодно ему было, мурашки такъ и пробѣгали по тѣлу, колѣни дрожали и болѣли и, когда онъ дошелъ до словъ: „Создатель! воскресни для спасенія Израиля, искупи людей своихъ, ибо Ты единъ еси искупитель нашъ!“ — то, грѣхъ сказать! — благочестіе ребъ Дувидъ измѣнило ему: въ эту минуту онъ вдругъ какъ-то особенно рѣзко почувствовалъ пронизывавшій его холодъ, и подумалъ о теплѣ, о тѣлесномъ благосостояніи. Это было, кажется, первый разъ въ его жизни. Недовольный самимъ собою, старикъ поспѣшилъ окончить молитву.

Бережно снявъ талисъ и филактеріи и спрятавъ ихъ въ шкафъ, ребъ Дувидъ занялся топкою печи. Долго не удавалось ему это: на дворѣ былъ сильный вѣтеръ, который то и дѣло налеталъ на трубу, и въ эти мгновенія избенка наполнялась ѣдкимъ дымомъ. Этотъ дымъ ѣлъ глаза, а еще хуже дѣйствовалъ на голову: разбаливалась она у старика все больше и больше. Измучился онъ совсѣмъ. Наконецъ удалось-таки ему растопить печь.

Въ полномъ изнеможеніи бросился онъ затѣмъ въ свое кресло и на мгновеніе закрылъ глаза. Ему показалось, что все вокругъ него вертится и пляшетъ и самъ онъ кружится съ неимоверною быстротою. Но то было лишь одно мгновеніе. Оправившись, ребъ Дувидъ вспомнилъ, что надо бы идти въ баню, вѣдь была пятница, а какой же благочестивый еврей пропустить въ этотъ день свое тоекратное омовеніе. Но на улицѣ было безбожно холодно и всѣ члены у старика такъ болѣли, что онъ на этотъ разъ рѣшилъ сдѣлать исключеніе и утѣшилъ себя талмудическимъ изреченіемъ:

„Занятія наукою выше всякихъ жертвоприношеній“.

И засѣлъ онъ снова за свои любимыя книги, за каббалистическія Сеферъ-Іециру и за Зогаръ, гдѣ уже нѣсколько дней подъявъ вниманіе его приковывало развитіе ученія о таинственномъ *энъ-софѣ*. Вскорѣ глаза старика опять засвѣтились лихорадочнымъ блескомъ и онъ, ниже наклонясь надъ большими пожелтѣвшими листами, казался, пожиралъ строку за строкою, страницу за страницю. И хорошо, попрежнему хорошо ему было въ эти мгновенія. Забылъ онъ и свое нездоровье, и холодъ въ хатенкѣ и недовольство самимъ собою, незадолго передъ этимъ испытанное имъ во время молитвы. Огонекъ весело пылалъ въ печи, изрѣдка раздавался слабый трескъ и раскаленный уголекъ вылеталъ изъ печки, съ едва слышнымъ стукомъ падалъ на желѣзный листъ и мгновенно гасъ.

А на дворѣ все порывистѣе и порывистѣе шумѣлъ вѣтеръ, вздымая сугробы алмазнаго снѣга и крутя ихъ столбомъ по до-

рогѣ. Ничего этого не замѣчалъ и не слышалъ ребѣ Дувидъ: онъ весь ушелъ въ свою науку, въ тѣ чудные сады съ извилистыми, запутанными, переплетающимися дорожками, которыя раскрывала его внутреннему оку каббалистика.

Такъ прошло нѣсколько часовъ.

Но вотъ ребѣ Дувидъ двинулъ ногою, вотъ онъ всталъ, потянулся и началъ довольно быстро шагать взадъ и впередъ по избѣ, бормоча себѣ подъ носъ отрывистыя фразы. Ему опять стало холодно и снова у него заломило кисти и разболѣлась голова. Взоръ его упалъ на печь. Дрова давно догорѣли, углей почти не было, а тѣмъ менѣе тепла.

„Адонай Шаддай, что же это я? Ну, да ничего, надѣну еще шабасовое платье, вотъ и согрѣюсь“, пробормоталъ старикъ. „Сколько-то теперь времени? И бабушки Ципы нѣтъ. Или она уже приходила? Посмотримъ“.

Ребѣ Дувидъ пріотворилъ дверь, ведущую въ сѣни.

„Боже милосердый, какъ холодно! А дровъ такъ-таки нѣтъ. Нужно бы къ шамесу: онъ дастъ, сегодня пятница, сегодня раздача дровъ. Доплетусь-ка до бабушки Ципы, тутъ недалеко; ей не трудно будетъ послать одного изъ мальчишекъ за дровами“.

Старикъ взялъ палку и уже хотѣлъ пойти къ сосѣдѣ. Но ломота во всемъ тѣлѣ не дала ему добраться до двери. Въ полномъ изнеможеніи вернулся онъ къ креслу.

„Что я хотѣлъ сдѣлать!“ промелькнуло у него въ умѣ. „Какъ такъ идти къ шамесу за дровами! Вѣдь ребѣ Іегуда еще вчера говорилъ, что дровъ почти совсѣмъ не осталось у братства. Ну, да для стараго Дувиды ужъ наплась бы вязанка-другая. Впрочемъ, нѣтъ, нельзя. У Лейзерки-сапожника еще вчера дровъ не было, а у него дѣти малъ-мала меньше, какъ бы его, бѣднаго, не обидѣть! Ужъ какъ-нибудь обойдусь!“ подумалъ старикъ и чрезъ минуту прибавилъ:

„Охъ, Господи, Господи, что за вѣтеръ! Такъ и свистѣтъ, такъ и дуетъ во всѣ щели. Ну, да и стара стала моя хатенка, совсѣмъ расползается. Ахъ, кабы не эти морозы, все бы жить можно, а такъ — трудно. Ну, ужъ какъ-нибудь дотяну до звѣзды, а тамъ, дастъ Всесильный, поутихнетъ вѣтеръ, посмягчится морозъ. Доплетусь до синагоги, тамъ переночую, а завтрашній день проведу у ребѣ Іегуды. Ну, что нѣсколько часовъ! Не хочу, чтобъ говорили, что ребѣ Дувидъ отнимаетъ послѣднее у вдовъ и сиротъ. Богъ согрѣетъ, Предвѣчный поможетъ перенести этотъ холодъ. Надѣну-ка остальное платье!“

Такъ разсуждалъ ребѣ Дувидъ и хотѣлъ немедленно привести въ исполненіе свое намѣреніе. Но не такъ легко было сдѣлать это. Колѣни старика тряслись, руки заоченѣли, пальцы не слу-

шались, ему было холодно, ужасъ, какъ холодно, да и нездоровье его все усиливалось и усиливалось. Послѣ неимовѣрныхъ трудовъ удалось ему, наконецъ, достать изъ шкафа платье, кое-какъ надѣть на себя, закутаться въ старое истертое мѣховое пальто и даже—вотъ какъ человѣкъ можетъ пересилить природу—пододвинуть кресло и столъ поближе къ печи.

Чтобы хоть нѣсколько сократить время до вечерней службы, ребь Дувидъ усѣлся поудобнѣе и постарался вздремнуть. По пятицамъ онъ всегда постился до звѣзды, и это знали всѣ его сосѣди, лучше же другихъ добрая бабушка Ципа, и она, которая всегда приносила ему его скудный обѣдъ, въ этотъ день никогда не рѣшалась до вечера тревожить старика. Затѣмъ, когда онъ, незадолго до восхода звѣзды уходилъ въ синагогу, она обыкновенно зажигала ему его шабасовыя свѣчечки и на цѣлую недѣлю прибирала избу къ его возвращенію. Обыкновенно Ципа уже не заставляла ребь Дувида дома.

Все это зналъ старикъ и былъ увѣренъ, что и сегодня такъ будетъ и что онъ никакъ не пропуститъ службы. А между тѣмъ, какъ ему хотѣлось спать! Если бы вы знали, какъ ему хотѣлось спать! И онъ скорѣ задремалъ.

Съвозъ первый легкій сонъ ему еще слышались рѣзкое скрипѣнье полозьевъ по снѣгу, шумъ и вой вѣтра, трескъ бревенъ его избушки. Но скоро это прекратилось. Ему было сносно тепло неподалеку отъ печки, въ двойной одеждѣ и старомъ мѣховомъ пальто, и онъ скорѣ крѣпко заснулъ въ полумракѣ хатенки, единственное окошечко которой совершенно завалило снѣгомъ...

Прошло опять нѣсколько часовъ. Старикъ потянулся: холодно ему стало, холодиѣе прежняго. Темно было вокругъ. Не сразу пришелъ въ себя ребь Дувидъ. Между тѣмъ рѣзкій холодъ пронизывалъ ему члены, руки болѣли, пальцы заоченѣли, дышать было трудно.

„Боже, Боже, какъ холодно!“ простоналъ старикъ. „Боже, какъ холодно! Да что же это? Я спалъ, я шабесъ проспалъ?! Не можетъ быть. Ципа разбудила бы меня. Нѣтъ, это снѣгъ занесъ окно. Охъ, какъ воетъ вѣтеръ въ трубѣ. Дровъ бы! дровъ! Но гдѣ взять?“

Онъ ощупалъ въ углу на печкѣ сѣрнички и зажегъ, правда, съ большимъ трудомъ, одинъ изъ нихъ. Пріятнымъ тепломъ прошла струйка свѣта по его заоченѣвшимъ пальцамъ. Онъ зажегъ вторую спичку, за нею третью.

„Нужно засвѣтить огонь“, подумалъ онъ. „Слава Богу, что у меня есть еще нѣсколько шабасовыхъ свѣчечъ. Но Боже, Боже, что же это будетъ? Пойду-ка къ сосѣдкѣ. Ципа хоть и недовольна

будетъ, что помѣшаю ей прибираться къ царидѣ всѣхъ дней, ну, да ничего. Отогрѣюсь. Да, насчетъ дровишекъ. Охъ, какой вѣтеръ!“

Въ это мгновеніе налетѣлъ особенно сильный шквалъ. Хатенка ребъ Дувида затряслась и заскрипѣла, какъ бы расшатываясь въ своихъ основаніяхъ, стропила затрепали, стекла въ окошечкѣ зазвенѣли. Холодная струя леденящимъ покровомъ обдала старика.

„Нѣтъ“, подумалъ онъ, „нужно идти къ Ципѣ: здѣсь не вынесешь. Зажгу-ка сперва свѣчки“.

Сѣрнички между тѣмъ вываливались у него изъ окоченѣвшихъ пальцевъ и лишь съ неимоверными усиліями зажегъ онъ, наконецъ, свои тощія салныя свѣчки. Какая-то мгла стояла въ избѣ и густымъ облакомъ пара вылетало дыханіе изъ устъ старика.

Придвинувъ свѣчки къ окну, ребъ Дувидъ взялся было за палку, чтобы выйти въ сѣни и протащиться тѣ нѣсколько десятковъ сажень, которыя отдѣляли его избушку отъ домика Ципы. Голова его опять разболѣлась, въ вискахъ у него стучало и онъ еле передвигалъ ноги. Глубже уйдя въ воротникъ пальто и нахлобучивъ на уши шапку, доплелся онъ до двери, которая вела въ сѣни, и ухватился за ручку, чтобы отворить ее. Но дверь не поддавалась: видно, примерзла. Еще разъ ребъ Дувидъ приложилъ всѣ усилія, нѣтъ, видно, шибко ослабъ онъ, не раскрытъ ему двери.

„Ну,—подумалъ онъ,—не бѣда! Ципа сейчасъ сама должна придти. Вѣдь теперь недолго до минхи. Охъ старость! старость! Вѣрно мудрѣйшіе наши талмудисты говорили: „Юность—вънокъ изъ розъ, а старость—вънецъ терновый!“ Ничего, однако. Сейчасъ придетъ Ципа и тогда я ужъ какъ-нибудь либо доберусь до ея домика, либо до синагоги. Охъ, дровецъ бы! Ну, да этого нельзя. Вѣдь и въ законѣ сказано: „Свѣтъ омрачится для того, кто ставитъ пѣту чужой хлѣбъ“. Отогрѣю-ка руки на свѣчкахъ”—и старикъ наклонился надъ свѣчками. Лицо его теперь уже не выражало его всегдашняго спокойствія. Неописуемое страданіе было написано на немъ. Холодно ему было, очень холодно. Онъ отставилъ подсвѣчники подальше отъ окна: изъ-подъ него сильно дуло.

Руки старика стали какъ будто понемногу отогрѣваться, но за то ноги и все тѣло коченѣли. Вѣтеръ опять завылъ въ трубѣ.

Ребъ Дувидъ прислушался, взоръ его напряженнѣе уставился въ слегка покачиваемое струею воздуха пламя; старикъ вспоминалъ что-то. Гдѣ онъ слышалъ эти звуки? При какихъ такихъ обстоятельствахъ это было?

Ахъ, да! Вотъ онъ вспомнилъ. Это было уже давно, еще тогда, когда и *тотъ*, и Ицхокъ были совсѣмъ еще маленькими бохерами. Возвращался онъ какъ-то домой изъ путешествія по окрест-

ностямъ, гдѣ онъ меламедствовалъ. Суровая тогда тоже была зима. Шель онъ долго, по колѣно увязая въ глубокомъ снѣгу, когорымъ были закутаны всѣ дороги. Ночь была. Звѣздъ почти не было видно, такая стояла мгла. Вѣтеръ вылъ и ревѣлъ и то и дѣло грозилъ совершенно замести снѣгомъ его, бѣднаго странствующаго учителя въ его короткомъ, дырявомъ зипунишкѣ, который на прощанье подарилъ ему богатый пуриць-мельникъ, очень довольный успѣхами своего потомства въ Библіи и Раши. Но Дувидъ былъ тогда молодъ, и крѣпокъ, и здоровъ. Что ему было за дѣло до непогоды. Уповая на Бога отцовъ своихъ, съ самыми розовыми надеждами на отдыхъ въ кругу своей маленькой семейки, ждавшей съ нетерпѣніемъ его возвращенія (а онъ несъ женѣ нѣсколько рублей въ карманѣ и по глиняной свистулкѣ дѣтишкамъ), въ надеждѣ на недѣлю покоя и тихаго безмятежнаго счастья рядомъ съ своей красавицей Сарой, онъ бодро шелъ впередъ. Давно уже не видалъ онъ своихъ милыхъ! Цѣлыхъ два мѣсяца былъ онъ въ разлукѣ съ ними!

Все это время онъ сперва считалъ дни, потомъ часы, когда онъ опять будетъ дома, и вотъ вожделѣнный мигъ свиданья близился. Пускай же воетъ вьюга, пускай морозъ какъ стекломъ рѣжетъ уши и щеки! Все это Дувиду нипочемъ, все это скоро будетъ забыто въ кругу семьи, у теплой печки. Еще остается миновать этотъ перелѣсокъ, а тамъ раскинувшееся на полверсты поле, а тамъ за холмомъ, тамъ его домикъ, его семья, его жизнь, его рай. И прибавилъ шагу молодой меламедъ.

Крѣпче схвативъ въ руку палку и плотнѣе укутавшись въ зипунишко, онъ прибавлялъ и прибавлялъ шагу. Отъ волненія и быстрой ходьбы дыханіе у него замирало. Вотъ уже у холма. Вотъ чернѣетъ и крыша его дома. Но что это? Тамъ, въ окнѣ нѣтъ свѣта!

Злое предчувствіе защемило сердце Дувиды; онъ бросился бѣгомъ.

И завылъ вѣтеръ, такъ же вотъ, какъ и теперь, и заскрипѣли бревна, и застонали стѣны, и застоналъ онъ самъ, когда нашелъ низенькую дверь заколоченною. Бросился онъ тогда къ Ципѣ, а та встрѣчаетъ его въ сѣняхъ, и не смотритъ на него, а на рукахъ у нея маленькое, завернутое въ пеленки существо, маленькая Сара. А большой Сары, *ею* Сары уже нѣтъ въ живыхъ! И завыла Ципа, и завопилъ Дувидъ и громче прежняго раздалось съ трудомъ сдерживаемое всхлипыванье маленькаго Ицхова и *того...* А вѣтеръ вылъ заунывнѣе прежняго, грозя разрушеніемъ и напоминая о смерти...

Тихо катились теперь слезы по морщинистому лицу стараго ребѣ Дувиды. Онъ плакалъ отъ боли. Да, этотъ вой вѣтра ему

знакомъ: онъ всегда причинялъ ему боль! И теперь вотъ (много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ) опять все тогдашнее горе ребъ Дувида вновь ожило въ его душѣ. И тогда было ему такъ холодно, такъ пусто все кругомъ, совсѣмъ какъ и теперь! Нѣтъ, теперь хуже: теперь не лицо и руки рѣжетъ; а всего его, всего. И свѣчки его не согрѣютъ, какъ не согрѣли тогда ласковыя слова Ципы, и ребъ Ниссима, и ребъ Шимшеля и всѣхъ тѣхъ, чьи бранные останки давно уже покоятся тамъ, гдѣ спитъ подъ своимъ холоднымъ и тяжелымъ камнемъ непробуднымъ сномъ его красавица Сара...

Вдругъ острая боль сразу пронизала всѣ члены ребъ Дувида. Онъ слабо вскрикнулъ и упалъ въ кресло. Одна изъ свѣчей выпала изъ подсвѣчника и потухла. Ребъ Дувидъ и не замѣтилъ этого. Онъ только чувствовалъ боль, боль и боль...

Теперь не одно только тѣло болѣло у него, нѣтъ, что-то хватало его за сердце, за самое сердце. Густые еще волосы старика стали у него дыбомъ. Глаза его широко раскрылись и рука судорожно сжалась въ кулакъ, совсѣмъ какъ тогда... О, лучше и не вспоминать. Но мысли неотвязчивы; онъ такъ и лѣзутъ одна за другою; нѣтъ, никакъ не отгонишь ихъ, какъ не отгонишь вьюги отъ огня, отъ трубы, отъ крыши, отъ избы, отъ всего, всего, чего она только не опутала. Долгими, тягучими звуками раздается вой вѣтра, завывающаго какъ собака на могилѣ хозяина, какъ шакалъ въ пустынѣ, какъ... Но что это? Холодно опять стало ребъ Дуvidу; морозъ, страшный, все леденящій морозъ пронизывалъ его снова всего насквозь, ужасъ опять заполонилъ его сердце.

О, онъ знакомъ ему, этотъ ужасъ, не вновинку старому ребъ Дуvidу этотъ ужасъ. Тогда... Онъ вновь отгоняетъ отъ себя вереницу навязчивыхъ воспоминаній. Нѣтъ, онъ не дастъ имъ пересилить его. Но они сильнѣе его, какъ и морозъ сильнѣе его двойной одежды, его желѣзной воли... И вновь онъ видитъ *того*... Видитъ его маленькимъ блѣднымъ Нухимомъ, въ кургузой курточкѣ, коротенькихъ заплатанныхъ штанишкахъ, въ стоптанныхъ, рваныхъ башмакахъ. Онъ видитъ его уставившимъ большіе задумчивые глаза свои въ книгу, видитъ его за книгою въ хедерѣ, дома, на улицѣ, вездѣ за или съ книгою. Какъ тогда радовались ребъ Шимшель и ребъ Ниссимъ, и ребъ Аронъ и другіе ученые мужи, что у Дувида сынъ уже въ столь нѣжномъ возрастѣ дѣлаетъ такіе блестящіе успѣхи и общается быть великимъ талмудъ-хахамомъ, *оръ хамеиръ бейнъ бне Израиль*, архимъ свѣточемъ во Израилѣ. Да, онъ, этотъ Нухимъ, онъ его гордость, гордость всѣхъ л—цевъ! Но острая, рѣзкая боль снова защемила сердце старика — недолго продолжалось это блаженство: въ одно пре-

красное утро Нухимъ куда-то исчезъ (ему было тогда уже лѣтъ тринадцать) и слѣдъ его простылъ. Какъ полоумный терзался тогда ребъ Дувидъ, а испытанія его только что начинались. Послѣ продолжительныхъ тщетныхъ поисковъ и мучительныхъ ожиданій ребъ Дувидъ, получилъ, наконецъ, изъ губернскаго города письмо, длинное письмо отъ дальняго родственника Шмуэля - слесаря. Ребъ Дувидъ никогда, кажется, не забудетъ того мгновенія, когда онъ вскрылъ письмо и взоръ его упалъ на слова: „Горе, позоръ! Нухимъ сталъ гоемъ. Проклятiе на него, на весь родъ нашъ!“

Да, горе, стыдъ, позоръ на весь родъ! Горе, горе, горе!

Старикъ вскочилъ съ кресла и судорожно сжалъ уже безчувственные пальцы.

„Горе, стыдъ, проклятiе, вѣчное проклятiе тому! Да погибнетъ имя его, да сотрется слѣдъ его съ лица земли, да ввернется онъ въ преисподнюю, онъ, отступникъ, религiи отцовъ своихъ отщепенецъ! Да будутъ на вѣки прокляты дѣти его и дѣти дѣтей его, и все потомство его, и всѣ близкiе ему!“ — хриплымъ, душу раздирающимъ голосомъ выкрикивалъ это теперь ребъ Дувидъ, и проклятiя, одно страшнѣе другого, вырывались съ шипѣнiемъ изъ груди его. Въ это мгновенiе старикъ былъ неузнаваемъ, онъ, этотъ обыкновенно столь тихо величавый старикъ. Съ дикимъ остервенѣнiемъ ударялъ онъ теперь себя въ грудь, и страшныя проклятiя такъ и сыпались безъ конца на голову Нухима, который теперь, въ минуту такихъ ужасныхъ нравственныхъ и физическихъ страданiй истерзаннаго отца своего, сидитъ, конечно, въ теплѣ и довольствѣ, безъ горя и заботъ. Можетъ ли онъ знать, что происходитъ въ эту минуту въ душѣ его отца? Нѣтъ, этого не знаетъ еще, но онъ, навѣрно, смутно чувствуетъ это: проклятiя разятъ его невидимо и онъ не устоитъ подъ ихъ ударами, они сразятъ его, и дѣтей его, и друзей его...

Тихiй стонъ вырвался изъ груди измученнаго старика. Въ полномъ изнеможенiи ребъ Дувидъ снова опустился въ кресло.

Шабесовыя свѣчки на столѣ быстро таяли; не много потребуется времени, и потухнутъ онѣ совсѣмъ. И боль въ груди ребъ Дувидъ временами утихаетъ. И онъ думаетъ, думаетъ, думаетъ, и все ему мерещится *тотъ*, въ его невозмутимо спокойномъ благоденствiи.

И опять старикъ готовъ проклинать его: вѣдь отрекся же *тотъ* отъ своихъ, и проклялъ всѣхъ ихъ, и отца, и братьевъ, и сестру, и весь родъ свой. Но — ребъ Дувидъ встрепенулся — развѣ въ законѣ не сказано: „*Тою мѣрою, которою ты мѣришь, и тебѣ возмѣрится?*“ Не сказано развѣ: „*Любовь обязательна какъ по отношенiю къ иудею, такъ и по отношенiю къ гою?*“ Не ска-

зано развѣ: „*Никого не обвиняй, не бывъ въ его положеніи?*“ Не сказано развѣ, наконецъ: „*Даже за безбожныхъ грѣшниковъ нужно молиться Богу, дабы Онъ просвѣтилъ и обратилъ ихъ къ добру*“.

Да, все это сказано въ законѣ, все это хорошо знаетъ ребѣ Дувидъ, потому что въ тысячѣ мѣстъ Талмуда и Яхъ-гахазаки, и Арбаа Туримъ и прочихъ кодексахъ читалъ онъ объ этомъ; все это онъ понимаетъ и чувствуетъ.

И на душѣ у него становится теперь свѣтлѣе и теплѣе.

„Простить тебя Адонай, какъ да простить онъ всѣхъ насъ“ — шепчуть его поблѣвшія губы. И съ этимъ на душѣ у него совсѣмъ просвѣтлѣло и—о, чудо! — не болятъ у него теперь уже ноги, не ломитъ и не щемитъ болѣе въ груди, не рѣжетъ ему лица: тепло ему какъ будто стало. Уже не слышно рѣзкаго свиста вѣтра, его протяжнаго воя въ трубѣ, его грознаго шума подъ крышею. Успокоилось все вокругъ избушки, наступилъ и покой въ душѣ ребѣ Дувиду. Онъ теперь полулежитъ въ креслѣ. Глаза его закрыты. Грудь мѣрно поднимается; онъ впалъ въ состояніе какого-то оцѣпененія. Что-то странное происходитъ съ нимъ: онъ не то спитъ, не то бодрствуетъ. Хорошо и тепло ему сразу стало, такъ хорошо, какъ уже давно не бывало.

И кажется ему, что онъ совсѣмъ, совсѣмъ еще маленькій ребенокъ и лежитъ въ колыбелькѣ, и такъ ему хорошо и тепло и мягко лежать, а надъ нимъ склонилось чье-то доброе, доброе лицо съ большими кроткими глазами. Это лицо его мамы. Такъ хорошо смотритъ она на ребеночка, такъ ужъ хорошо и сладко засыпаетъ онъ подъ тихую пѣснь матери. Но что это? Ахъ, какъ больно, какъ жестоко больно, какъ будто бы его кипяткомъ обварили. Что это?

Ничего не случилось, только морозъ крѣпчаетъ, да вѣтеръ опять загудѣлъ въ трубѣ.

А старому Дувиду померещилось, что гдѣ-то тамъ, въ дальнемъ темномъ полѣ, въ глубокой-преглубокой ямѣ, въ снѣгу видить онъ замерзающаго ребеночка. Онъ бѣжитъ туда, бѣжитъ долго, долго и никакъ не можетъ добраться до ямы. А до нея вѣдь такъ близко: кажется, рукою досталъ бы и схватилъ бы ребеночка въ пеленкахъ и прижалъ бы его къ груди и согрѣлъ бы его. Такъ тепло опять вдругъ стало ребѣ Дувиду. Чувство неизъяснимаго блаженства разлилось по всѣмъ его членамъ, великая радость охватила все его существо. Онъ такъ счастливъ, такъ счастливъ! Только что—видитъ онъ—прекрасная, какъ утренняя заря, младшая дочь врамаря Шлемы стала его женою. Стоять молодые во дворѣ синагоги подъ пестрымъ балдахиномъ и счастьемъ дышитъ все вокругъ ихъ, и весенній теплый, мягкій воздухъ, и ароматы цвѣтовъ, и пестрая промелькнувшая передъ ними ба-

бочка, и веселое щебетанье пташекъ въ вѣтвяхъ широко раскинувшейся липы, и радостныя лица всѣхъ окружающихъ, поздравляющихъ молодыхъ и желающихъ имъ всевозможнаго счастья... Да, это чудный мигъ! но это мигъ—и только...

А вотъ и они, дивныя мгновенія, обѣщающія продлиться безконечно, когда ребъ Дувидъ, достигши тридцатилѣтняго возраста, впервые былъ посвященъ теперь уже умершимъ рабби Мейеромъ въ тайны Меркабы, когда предъ нимъ, какъ въ зеркалѣ, раскрылось таинственное, чудодѣйственное, семидесятичленное имя божества, то имя, которое выше всего въ мірѣ и обладаніе которыми—все. Вотъ онѣ, лучезарныя сефиротъ, вотъ и тайны мірозданія, вотъ они, всѣ эти ключи, ведущіе къ самой Шехинѣ, вотъ и она, предъ его ослѣпшими отъ неземнаго блеска очами, сама Шехина, само божество. Оно кажется такимъ близкимъ. Нѣтъ, оно на самомъ дѣлѣ далеко еще отъ тебя, старый ребъ Дувидъ, но путь не труденъ тебѣ, многоопытному, многострадальному, многотерпѣливому. Путь этотъ лежитъ чрезъ цвѣтушія поля и роскошныя сады съ дивными цвѣтами. И вздымаешься ты все въ гору, но дорога не утомляетъ тебя. Ты не чувствуешь тягости, ты не чувствуешь болѣе своего тѣла, ты не чувствуешь себя, ты ощущаешь одно лишь неизъяснимое, высшее блаженство. И я понимаю тебя: тебя взявъ за руку прекрасный, какъ сонъ, духъ Самаэль и на крыльяхъ летишь ты съ нимъ чрезъ шесть небесныхъ сферъ къ трону Всевышняго. Уже достигъ ты сѣдалища лучезарнаго ангела Метатрона. Еще одно мгновеніе и ты предстанешь предъ ликомъ Самой Шехины...

Въ хатенкѣ ребъ Дувида раздался легкій трескъ: послѣдняя шабесовая свѣчка догорѣла и угасла. Съ нею угасла и жизнь ребъ Дувида...

На слѣдующій день въ Л—цѣ только и было разговору, что о старикѣ-талмудистѣ, котораго, предъ самымъ восходомъ вечерней зари, бабушка Ципа нашла замерзшимъ въ его рваномъ высокомъ креслѣ, склоненнымъ надъ грудой старинныхъ книгъ и пожелтѣвшихъ отъ времени рукописей.

Г. Генкель.

С О Н Е Т Ъ.

Когда души моей послѣдняя струна,
Уныло прозвучавъ, въ груди навѣкъ порвется,
И мой прощальный стонъ, какъ робкая волна,
До слуха твоего, ласкаясь, донесется,—

Смятенія и слезъ раскаянья полна—
Твоя душа, какъ тьма предъ свѣтомъ, содрогнется,
И вспомнится тебѣ минувшихъ дней весна,
И поздняя любовь ко мнѣ опять проснется.

Но твой печальный зовъ ко мнѣ не долетитъ.
Тамъ, посреди могилъ, среди чугунныхъ плитъ,
Тамъ вѣчный сонъ, забвенье и безстрастье.

Лишь ивы иногда, заспоря съ тишиной,
Тоскливо прошемать зеленою листвою:
Здѣсь спитъ земное счастье.

С. Яхонтовъ.

1891 годъ.

(ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ).

I.

Обыкновенно предполагается, что неурожай хлѣбовъ—явленіе, часто повторяющееся только въ послѣднее время, и что прежде, до уничтоженія крѣпостного права, они были рѣдки. Нѣтъ ничего ошибочнѣе этого мнѣнія. Неурожай хлѣбовъ — фактъ довольно сложный, составляющій результатъ вѣковыхъ ненормальныхъ условий. Если о прежнихъ неурожаяхъ мы знаемъ очень мало, то только потому, что о нихъ не писали въ газетахъ, мало говорили въ обществѣ и разсужденія на эту тему ограничивались одними административными сферами. Въ Самарской губерніи, напр., въ каждое десятилѣтіе было всегда 2—3 неурожая: въ десятилѣтіе 40-хъ годовъ было 3 неурожая, въ 50 годы 3, въ 60-е 4, 70-е 4 и т. д. Особенно неблагопріятно отразились на народномъ благосостояніи населенія неурожай 1873 и 1891 годовъ. Собственно съ 1873 года и началось возрастаніе крестьянскихъ недоимокъ и съ тѣхъ поръ оно шло все crescendo, достигнувъ въ 1891 году до 40 милліоновъ рублей. Земство, ежегодно намѣреваясь собирать съ крестьянъ недоимки, почти ежегодно-же вынуждено было ходатайствовать предъ правительствомъ объ ихъ отсрочкѣ. Такъ они все и росли.

Когда, въ 1891 году, въ Самарской губерніи обнаружился неурожай хлѣбовъ и травъ, тамъ существовала уже статистика, были собраны болѣе или менѣе точныя данныя о размѣрахъ постигшаго неурожая, о числѣ голодающаго населенія и т. д. Весной 1891 г. хорошій окладной дождь выпалъ въ Самарѣ 1 мая и съ тѣхъ поръ до іюля мѣсяца не выпадало ни одного дождя. Въ іюлѣ мѣсяцѣ жара на солнцѣ достигала 45—50° R., во время жатвы нѣкоторыя женщины падали и умирали отъ солнечнаго удара. Вотъ что мы читаемъ въ сельскохозяйственномъ обзорѣ за 1891 г. (вып. II). «И весенняя, и лѣтняя погода отличалась у насъ въ текущемъ году чрезвычайно рѣзкими крайностями: весна была сухая, по ночамъ холодная, днемъ жаркая, лѣто началось небывалой знойной погодой, какой никогда не за-

помнить старожилы. Дождей съ начала іюня и до августа почти совсѣмъ не было, жаръ въ теченіе іюня и іюля въ тѣни достигалъ 32—33° R., на солнцѣ 45—50°, такъ что въ термометрѣ недоставало дѣленій для обозначенія силы жара... Знойная погода послужила причиной исчезновенія съ лица земли многихъ озеръ и рѣчекъ, даже во многихъ колодцахъ вода совершенно высохла. Земля отъ постоянной засухи и жаровъ покрылась какимъ-то сѣроватымъ налетомъ, во многихъ мѣстахъ растрескалась, такъ что по дорогамъ мѣстами совсѣмъ нельзя было ѣздить на лошадяхъ, крестьянскія дѣти не могли ходить босые по раскаленной землѣ»... *). Пишущему эти строки пришлось ѣхать въ Ставропольскій уѣздъ въ началѣ октября 1891 г., и въ это время повсюду можно было наблюдать признаки грознаго голода. По дорогѣ, еще не покрытой снѣгомъ, ведущей отъ г. Ставрополя къ сѣверу, чрезъ с. Узюково, пос. Мелекесь и др., часто попадались трупы павшихъ или зарѣзанныхъ домашнихъ животныхъ—лошадей и коровъ—съ содранными съ нихъ шкурами; въ деревняхъ не было слышно ни пѣсенъ, ни громкаго говора, тощія собаки понуро бродили по деревнѣ и не лаяли, даже куры не кудахтали. Было какъ-то жутко отъ этого дневного безмолвія. Среди частныхъ землевладѣльцевъ, у которыхъ на гумнѣ стояли скирды хлѣба, царилъ паника. Помнится, одинъ изъ нихъ, когда я пріѣхалъ къ нему для собиранія свѣдѣній объ урожаѣ, тревожно спросилъ меня:

— А что, не слышали вы, не начали ли крестьяне грабить хлѣбныя магазины и не предвидится ли опасности грабежа со стороны крестьянъ помѣщичьихъ амбаровъ?

Я, конечно, старался успокоить перепуганнаго помѣщика. Два-три случая грабежа сельскихъ магазиновъ, дѣйствительно, были, да и то ночью, такъ что неизвѣстно, кто именно были грабители. Ставропольскій уѣздъ былъ все-таки одинъ изъ менѣе пострадавшихъ отъ неурожая уѣздовъ: урожай ржи въ среднемъ былъ 20—25 пуд. съ десятины, мѣстами былъ и полный неурожай; особенно въ татарскихъ деревняхъ; но уже въ это время многіе изъ крестьянъ питались разными суррогатами. Въ мордовскомъ селеніи, Новой Малыклѣ, состоящей изъ 170 дворовъ, крестьяне съ сентября мѣсяца питались хлѣбомъ, смѣшаннымъ съ лебедой, соломой и т. п. Обыкновенно, на квашню, изъ которой выходило 35 ф. хлѣба, сыпали 10 ф. муки и смѣшивали ее съ 25 ф. гречневой соломой. Въ деревнѣ Старой Сахчѣ хлѣбъ приготавливали изъ смѣси муки и лебеды: на 40-фунтовую квашню къ 10—12 ф. муки сыпали 28—30 ф. лебеды. По деревнямъ повсюду попадались нищія дѣти. Въ с. Пакряскинѣ я не просидѣлъ въ крестьянской избѣ и 10 минутъ, какъ при мнѣ перебывало уже 8 человекъ нищихъ-дѣтей. Вы не можете себѣ представить, ка-

*) «Сельскохоз. обозр. 1891 г.», стр. 1, вып. II.

кое гнетущее впечатлѣніе производили эти нищія дѣти! Крестьяне говорили мнѣ, что дѣтей кормятъ только разъ въ день и то не до сыта. Однако, всѣ они беззаботно бѣгали по улицѣ, играли, хотя ихъ родители увѣряли, что «отъ голоду они скоро уставали и приходили домой». Сельскія школы кишмя кишѣли дѣтьми. «Мы посылаемъ ихъ всѣхъ въ школу,—говорили крестьяне,—чтобы дома не канючили хлѣба». Мнѣ удалось собрать нѣсколько образчиковъ хлѣба изъ лебеды и соломы, а также нѣсколько фунтовъ муки, изъ которой пекся хлѣбъ, и привезть въ Самару въ мѣстный епархіальный благотворительный комитетъ. Мука эта состояла просто изъ амбарной пыли и разнаго сору, собранныхъ съ полу; это почти та же мука, которая тогда была продана, подъ названіемъ 5-го сорта губернскому земству купцомъ Шихобаловымъ по 1 р. 17 к. за пудъ.

Губернская земская управа испрашивала у правительства на продовольствіе населенія и обѣмненіе полей 9.455.831 р., выдано же было въ августѣ мѣсяцѣ 6.500.000 р., изъ коихъ 100.000 р. позволено земству заимствовать на страховые расходы, 1.020.000 р. на покупку сѣмянъ и 5.800.000 р. на продовольствіе. Впослѣдствіи правительствомъ, разными благотворительными учрежденіями и частными лицами было еще прислано до 2.500.000 р. По статистическимъ даннымъ число голодающаго населенія въ октябрѣ мѣсяцѣ было вычислено въ 964.627 человекъ обоюго пола. Но губернское земское собраніе постановило «исключить изъ числа нуждающихся работниковъ въ возрастѣ 18 до 55 лѣтъ и дѣтей моложе двухлѣтняго возраста», разумѣется, потому, что работники могутъ-де прокормиться различными заработками, а дѣти—материнской грудью (?). Но гдѣ же эти люди могли найти заработокъ, когда кругомъ на сотни верстъ во всѣхъ губерніяхъ былъ голодъ: въ Уфимской, Казанской, Саратовской, Симбирской, Нижегородской и т. д.? Но земство много сдѣлало и другихъ несообразностей, и хотя бы вотъ какихъ. Комиссія, избранная октябрскимъ экстреннымъ губернскимъ земскимъ собраніемъ для разсмотрѣнія основаній и размѣра требованій уѣздами на продовольствіе и обѣмненіе полей, признала необходимымъ изъ просимой суммы исключить разницу, которая сказалась между суммами *исчисленными собраніями на октябрь мѣсяцъ* и дѣйствительно израсходованными, въ виду того, что *многія общества во всѣхъ уѣздахъ губерніи въ октябрь не получили ссуды*, и поэтому вся недополученная обществами ссуда должна остаться въ экономіи (?) *). Такихъ оставшихся въ экономіи суммъ оказалось 331.752 р. Первоначально губернская управа постановила—было выдавать на каждаго ѣдока по 1 пуду муки, а затѣмъ министерство внутреннихъ дѣлъ ограничило размѣръ ссуды 30 фунтами на ѣдока въ мѣсяцъ.

Еще съ сентября мѣсяца въ Самарѣ во множествѣ стали появляться

*) См. «Сельскохоз. обзоръ за 1891 г.», вып. II, стр. 62.

нищіе. Если бы вы вздумали тогда проѣхаться вглубь одного изъ южныхъ уѣздовъ, — вы увидѣли бы по дорогѣ толпы крестьянъ, которые неизвѣстно куда и зачѣмъ брели изъ деревень къ городу, изъ города назадъ въ деревню. Люди просто шли наугадъ, надѣясь, что по дорогѣ они найдутъ какую-либо работу. Даже въ городѣ встрѣчавшіеся вамъ крестьяне постоянно спрашивали о работѣ. Воскресные базары въ Самарѣ, обыкновенно столь многочисленные и шумные, были теперь почти пусты и только мѣстами, здѣсь и тамъ, стояли изнуренные гурты рогатаго скота для продажи. Цѣны на скотъ были крайне низки: лошади, стоимостью въ 25—30 р., продавались за 5—6 р., коровы — по 5—7 р., овцы — по 50 к.—1 р. Въ средѣ администраціи и мѣстнаго купечества распространились слухи, что къ зимѣ Самара будетъ наводнена празднымъ, голоднымъ людомъ, и потому послѣдніе заранѣе стали или припрятывать свои хлѣбные запасы, или скорѣе отправлять ихъ воднымъ и рельсовымъ путемъ въ верховые города...

Чтобы народная масса не оставалась бездѣятельной, не бродила безцѣльно изъ стороны въ сторону, администрація и мѣстное городское управленіе придумали организовать общественныя работы. Въ долинѣ по правую сторону р. Самары, начиная отъ желѣзнодорожнаго моста и до самаго устья ея, на протяженіи $1\frac{1}{2}$ версты длины и 50—60 саж. ширины, предполагено было снять верхній слой земли на глубину 1—2 аршинъ съ тѣмъ, чтобы въ полуку весеннюю воду вся эта долина могла быть на все лѣто и осень залита водой, образовавъ, такимъ образомъ, искусственное водохранилище для зимовки пароходовъ и судовъ. Такъ оно дѣйствительно и было въ теченіе одного-двухъ лѣтъ, но впоследствии изъ этой бухты просто образовалось болото, наполненное беспокойными лягушками и служащее источникомъ мiasmатическихъ испареній. Уже въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ на эти работы было вызвано изъ деревень отъ 3 до 4 тысячъ человѣкъ.

Въ минуты общественнаго горя нашлись и общественные дѣятели, готовые положить жизнь «за други своя». Кто бы могъ подумать, что на Руси великой лучшія интеллигентныя молодая силы будутъ призваны сослужить службу русскому народу, и какую службу? — безкорыстную, честную... Могла ли Самара найти такихъ людей среди мѣстнаго чиновничества, среди административныхъ дѣятелей? Нѣтъ, не могла. Въ Самарѣ жило не мало не видныхъ интеллигентныхъ молодыхъ людей, служащихъ въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ, политическихъ ссыльныхъ, поднадзорныхъ, и всѣмъ имъ была дана работа. Это былъ первый опытъ, когда безправной молодежи была дана возможность вступить на арену общественной дѣятельности, проявить свои силы и знанія. Для завѣдыванія общественными работами былъ назначенъ князь Щербатовъ, а потомъ подъ конецъ для ликвидированія всѣхъ дѣлъ по общественнымъ работамъ назначенъ С. О. Лавровъ,

теперь управляющій государственными имуществами. Денежныхъ суммъ было отпущено болѣе 200 т. р.

Въ первое время, по прибытіи въ Самару массы крестьянъ, надо было найти имъ жилище, продовольствіе, распредѣлить между ними работы и руководить ими на первыхъ порахъ. Всѣ крестьяне пришли въ Самару въ лѣтной одеждѣ, нѣкоторые въ одной рубахѣ, при наступленіи зимы работа на открытомъ воздухѣ въ лѣтной одеждѣ была немыслима, поэтому и съ этой стороны надо было какъ-нибудь помочь горю. Администрація и завѣдующіе работами рѣшили такъ: пригласить къ участию въ организациі общественныхъ работъ, къ размѣщенію пришлыхъ крестьянъ по квартирамъ, устройству столовыхъ и чайныхъ, раздачѣ заработной платы и т. д. мѣстную интеллигентную молодежь обоого пола. На ежедневныхъ вечернихъ собраніяхъ молодежи, нерѣдко затягивавшихся далеко за полночь, обсуждались вопросы о томъ: гдѣ найти для рабочихъ квартиры, какъ и чѣмъ ихъ кормить, въ какомъ размѣрѣ платить рабочую плату за тѣ или другія работы и т. д.,—все это вопросы, предоставленные на разрѣшеніе молодежи. Впослѣдствіи, когда всѣ рабочіе были размѣщены по квартирамъ и самыя работы были вполне организованы, собранія происходили одинъ или два раза въ недѣлю, при чемъ для рѣшенія вопросовъ, имѣющихъ общій характеръ, происходило общее соединенное собраніе всѣхъ «отдѣловъ». Чрезвычайно любопытную картину представляли эти собранія: тутъ можно было встрѣтить представителей всѣхъ сословій и профессій—штатскіе пиджаки и студенческіе и военные мундиры перемѣшивались съ священническими рясами. Еще за нѣсколько дней до прибытія партій рабочихъ въ городъ молодежь съ утра до вечера бѣгала по городу для отысканія и найма квартиръ, выдавала хозяевамъ квартиръ задатки, слѣдила за переустройствомъ и приспособленіемъ квартиръ для рабочихъ, закупала дрова для ихъ отопленія, столовую и чайную посуду и т. д. Аккуратно и своевременно всѣ рабочіе были размѣщены въ просторныхъ и свѣтлыхъ квартирахъ по 100—200—300 и 500 человекъ въ каждой, вездѣ были устроены прекрасныя дешевыя столовыя и чайныя за очень недорогую плату. И столовыми, и чайными завѣдывали тѣ же молодые люди обоого пола по очереди. Дежурные, мужчины и женщины, ежедневно въ 5 часовъ утра приходили въ квартиру рабочихъ, получали отъ завѣдующаго дежурнаго деньги и шли на базаръ за провизіей. Обѣдъ всегда состоялъ изъ 2 блюдъ: щей съ мясомъ и каши съ масломъ, въ постные дни щи съ рыбой или горохъ и каша, или же щи изъ ячнхъ крупъ съ картофелемъ. Обѣдъ готовили сами же крестьяне подъ наблюденіемъ дежурныхъ дѣвушекъ. Послѣ спада морозовъ въ февралѣ мѣсяцѣ нѣкоторые изъ столовыхъ были устроены близъ мѣста работъ на пригоркѣ. Мнѣ приходилось видѣть и эти столовыя: онѣ точно также были чисты и просторны, пища точно такая же вкусная, питательная. Обѣдъ стоилъ отъ 10 до 12 к. съ человѣка,

стаканъ чаю съ кускомъ сахару 1 коп. Ежедневная плата рабочихъ простиралась отъ 25 до 30 коп., слѣдовательно, рабочему, за израсходованиемъ 10—15 коп. въ день на обѣдъ и чай, всегда оставалось еще въ карманѣ нѣсколько копѣекъ въ запасѣ. Нѣкоторые изъ нихъ ежедневно копили эти копейки и высылали домой жевѣ и дѣтямъ. Съ наступленіемъ зимы для рабочихъ были закуплены желтые дубленые полушубки, которые молодежь и выдавала на мѣстѣ работы. И нужно было удивляться той кропотливой точности, съ какой всѣ рабочіе записывались въ особую книгу! Здѣсь отмѣчалось семейное и экономическое положеніе каждаго пришлаго рабочаго, отмѣчались его лѣта, дѣлалась краткая характеристика: его физическая организація, его привычки, нравы. Порядокъ въ моментъ самой работы поддерживался выбранными самими рабочими десятскими по одному на каждыхъ 50 человекъ. Выборы производились общимъ выкрикиваньемъ имени рабочаго. Всѣ орудія труда къ ночи сносились рабочими подъ наблюденіемъ десятскихъ къ горѣ, къ тому мѣсту, гдѣ были выстроены изъ досокъ контора и сарай съ рабочими орудіями. Рабочая плата выдавалась завѣдующими партіей, каждый своей партіи отдѣльно разъ въ недѣлю, въ субботу. Къ зимѣ пришло рабочихъ скопилось такая масса, что многимъ изъ нихъ на р. Самарѣ не нашлось работы, но для нихъ найдена была другая работа: они расчищали по улицамъ снѣгъ, кололи ледъ и т. п. Къ намъ въ статистическое бюро ежедневно приходило нѣсколько человекъ для отысканія работы; мы отсылали ихъ съ запиской къ завѣдующимъ партіями рабочихъ и имъ всегда находили какую-либо работу. Этимъ уличнымъ рабочимъ рабочая плата выдавалась по-дневно или тутъ же на улицѣ, на мѣстѣ работы или въ ихъ квартирѣ; большая часть этихъ послѣднихъ рабочихъ жили въ особыхъ квартирахъ въ одиночку, такъ какъ всѣ большія квартиры уже были заняты ранѣе прибывшими рабочими.

Помню, однажды зимой ко мнѣ въ квартиру пришелъ весь иззябшій С. Н. Миклашевскій. Въ одной рукѣ онъ держалъ рукавицу, почти доверху наполненную мелкими серебряными монетами.

— Руки больно озябли, зашелъ погрѣться,—сказалъ онъ, кладя рукавицу съ деньгами на столъ и растирая ооченѣлыя руки.

— Куда жъ столько денегъ вы несете?

— Да вотъ надо рабочимъ раздавать, тутъ недалеко работаютъ... Посижу минутку да и пойду.

При такихъ-то условіяхъ приходилось работать.

Въ другой разъ я поѣхалъ съ С. Н. посмотреть квартиры рабочихъ. На Алексѣевской площади, около памятника Александру II, мы встрѣтили 10 человекъ рабочихъ, которые разгребали снѣгъ; двое изъ нихъ работали въ однихъ рубахахъ.

— Зачѣмъ полушубки сняли?—обратился къ нимъ С. Н.

— Жарко намъ...

— Сейчасъ же надѣвать полушубки, а то простудитесь... худо будетъ! Вонъ и безъ того васъ много хвораетъ.

Рабочіе, улыбаясь, надѣли полушубки.

Мы осматривали помѣщенія рабочихъ днемъ, во время обѣда. Квартіры были чисты и теплы. На стѣнѣ вездѣ висѣли незатѣйливые часы, термометръ Реомюра для регулированія комнатной температуры. Вдоль стѣнъ тянулись нары, тамъ и сямъ у оконъ стояли простые бѣлые столы, на полу, подлѣ наръ мѣстами сундуки съ крестьянскимъ скарбомъ. Къ двоимъ рабочимъ, которые лежали больные у стѣны, ежедневно приходилъ докторъ, даровой, конечно; даромъ имъ давали и лѣкарство. По вечерамъ для развлеченія рабочихъ устраивались чтенія съ волшебнымъ фонаремъ и туманными картинами.

Мнѣ припоминается при этомъ одинъ декабрскій воскресный день. Въ одной изъ квартиръ, въ которой помѣщалось 500 рабочихъ, было устроено празднество. Въ 2 часа пополудни въ квартиру вошли губернаторъ и князь Щербатовъ съ своими женами, человекъ 20—30 мѣстной интеллигенціи и мы, статистики. Человекъ 50 рабочихъ стояли впереди у окна и стройно пѣли божественные гимны подъ руководствомъ своего регента. Остальная масса рабочихъ стояла на нарахъ. Послѣ пѣнія насъ всѣхъ поили чаемъ, при чемъ сами рабочіе и разносили его. В. О. Португаловъ прочиталъ лекцію о пьянствѣ, священникъ о. Лаврскій о томъ, какъ І. Христосъ жилъ на землѣ и чему Онъ училъ народъ.

Замѣчательно, что изъ этой четырехтысячной крестьянской массы, жившей въ Самарѣ въ теченіе 4—5 мѣсяцевъ, всѣ вернулись домой, въ деревни, здоровые. При свиданіи со мной князь Щербатовъ восторженно отзывался о той самарской молодежи, которая принимала дѣятельное, безкорыстное участіе въ организаціи работъ. И нужно было видѣть трогательное прощаніе рабочихъ съ молодежью послѣ окончанія работъ въ началѣ весны...

II.

Въ Самарѣ еще съ начала сентября былъ организованъ по инициативѣ преосвященнаго Владиміра *) епархіальный благотворительный комитетъ. Преосвященный еще лѣтомъ, узнавъ о постигшемъ губернію неурожаѣ, рѣшился лично объѣхать самарскую епархію, благо, ему предстоялъ случай узнать состояніе церквей и изучить нужды духовенства. Въ члены комитета были приглашены нѣкоторые изъ священниковъ, купцовъ и пишущій эти строки, какъ занимающійся статистическими изслѣдованіями и потому «знакомый съ нуждами крестьянъ». Я принесть въ комитетъ всѣ свои статистическіе сборники; по заключающимся въ нихъ даннымъ составлялись районы для организаціи по-

*) Въ настоящее время — митрополита московскаго.

мощи крестьянамъ. Собранія членовъ комитета происходили еженедѣльно по субботамъ въ квартирѣ преосвященнаго. Преосвященный Владиміръ чрезвычайно хорошо зналъ состояніе членовъ сельскаго духовенства, которыхъ онъ лично видѣлъ, зналъ, гдѣ, напр., удобнѣе было устроить въ селѣ столовую для дѣтей-школьниковъ, гдѣ при раздачѣ хлѣба голодающимъ можно было надѣяться на содѣйствіе того или другого священника, гдѣ этого сдѣлать нельзя по неблагонадежности мѣстнаго причта. вспомошествованіе выдавалось всѣмъ нуждающимся безъ различія вѣроисповѣданій. Самую дѣятельную роль въ этомъ комитетѣ игралъ купецъ Прохоровъ, тотъ самый, который впоследствии былъ обвиненъ священникомъ Матюшенскимъ въ принадлежности къ какой-то зловредной сектѣ. Комитетъ всегда просилъ его взять на себя исполненіе самыхъ хлопотливыхъ порученій: закупку и отправку по деревнямъ хлѣба и т., п., и онъ всегда всѣ порученія исполнялъ охотно и аккуратно, хлѣбъ умѣлъ купить по сходной цѣнѣ и хорошій. Существованіе епархіальнаго комитета продолжалось до іюня мѣсяца. Средства комитета состояли изъ пожертвованій частныхъ лицъ, Комитета Государя Наслѣдника Цесаревича, Общества Краснаго Креста. Никакихъ другихъ официальныхъ или частныхъ комитетовъ для помощи крестьянамъ не существовало.

Губернаторъ Свербѣевъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ обратился къ статистическому бюро съ просьбой составить программу для изслѣдованія голода въ губерніи. Программа была разослана губернаторомъ земскимъ начальникамъ для заполнения соответствующими свѣдѣніями, которыя должны быть присланы ему обратно къ 15 ноября. Для разработки этого матеріала губернаторъ разрѣшилъ мнѣ открыть въ его квартирѣ «канцелярію», нанявъ для этого на его счетъ 2—3 счетчиковъ. Разработанными данными губернаторъ не могъ воспользоваться, такъ какъ въ декабрѣ мѣсяцѣ онъ былъ уволенъ отъ должности; они послужили мнѣ матеріаломъ для составленія статьи «Послѣдствія неурожая въ Самарской губерніи», напечатанной въ одномъ изъ номеровъ «Русскихъ Вѣдомостей» въ 1892 г. (мартъ).

Только что уѣхалъ изъ губерніи губернаторъ, какъ тотчасъ же пріѣхали (26 декабря 1891 г.) «для изученія крестьянской нужды» уполномоченные Особого Комитета Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича въ числѣ 6 человекъ: тайный совѣтникъ В. М. Юзefовичъ, камеръ-юнкеры двора Е. И. В. князь Урусовъ и Ѳ. Ѳ. Оомъ, А. В. Воронецъ, князь Крапоткинъ и баронъ Эйнгартъ. Всѣ они на другой же день по пріѣздѣ явились въ статистическое бюро. У каждого изъ нихъ въ рукахъ была одна изъ книжекъ «Юридическаго Вѣстника» за 1891 г. *), въ которой была напечатана моя статья «Формы крестьянскаго кредита въ Самарской губерніи». А. В. Воронецъ сообщилъ мнѣ, что по

*) См. кн. XI.

этой статьѣ они отчасти изучили положеніе крестьянъ въ губерніи и что сообщенныя въ ней свѣдѣнія имъ поручено, между прочимъ, провѣрить на мѣстѣ.

— Я былъ бы этому очень радъ,—говорю я,—но тамъ (въ статьѣ) помѣщена лишь часть данныхъ; если вы поѣдете сами, то узнаете гораздо больше того, что напечатано.

Уполномоченные ежедневно, въ теченіе всѣхъ святокъ, ходили ко мнѣ за разными свѣдѣніями. Они очень лестно отзывались о нашихъ статистическихъ сборникахъ и увѣряли, что кромѣ насъ, статистиковъ, свѣдѣній о положеніи крестьянъ получить не отъ кого. Усиленно упрасиваемый ими сообщить имъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи крестьянъ и причинахъ ихъ обѣднѣнія, прежде чѣмъ они сами рѣшатся отправиться послѣ святокъ въ нѣкоторые изъ уѣздовъ губерніи для изученія голода, я составилъ небольшой очеркъ подъ заглавіемъ «Самарскій голодъ и его причины», о чемъ и сообщилъ имъ.

— Въ такомъ случаѣ назначьте, пожалуйста, день и часть, когда вы можете прочесть его намъ,—сказалъ В. М. Юзефовичъ.

— Ну, пусть завтра въ 4 часа дня, въ гостинницѣ Краснова.

Такъ и сдѣлали. Въ это время никого изъ постороннихъ пускать къ нимъ было не велѣно. Впечатлѣніе, повидимому, получилось сильное, такъ какъ всѣ они просили «эту лекцію» (какъ они называли мою замѣтку) списать для себя; но я на это не согласился. Впослѣдствіи упомянутый очеркъ тоже былъ напечатанъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» *).

Передъ моментомъ своего оправленія въ экспедицію по губерніи всѣ уполномоченные опять пришли ко мнѣ. Они просили составить имъ въ родѣ инструкціи: какъ имъ отправиться лучше въ дорогу, что взять съ собой изъ провизіи, къ кому и за какими свѣдѣніями обратиться въ деревнѣ, какое содѣйствіе могутъ оказать старшина и волостной писарь, можно ли получить въ волостномъ правленіи какія-либо письменныя свѣдѣнія о положеніи крестьянъ и т. п.

Уполномоченные нашли въ деревнѣ много грустнаго. Мнѣ рассказывали про Ѳ. Ѳ. Оома, что онъ, пріѣхавъ въ одну деревню, вошелъ въ крестьянскую избу, въ которой нашелъ лежащаго на полу больного 60-лѣтняго крестьянина, распухшаго отъ голода. Ѳ. Ѳ. завопилъ и потребовалъ, было, лимона; но ему больной спокойно замѣтилъ: «ба-тюшка! да откуда куда ни поѣзжай, нигдѣ лимоновъ не найдешь. И что толку? хошь въ другую избу зайди, то же найдешь». Ѳ. Ѳ. оставилъ священнику сколько-то денегъ на прокормленіе и лѣченіе крестьянъ.

Но вѣдь и другіе видѣли не лучше...

— Все, что вы говорили намъ о крестьянахъ, ихъ житьѣ,—говорилъ мнѣ В. М. Юзефовичъ,—все это справедливо; мы провѣрили даже

*) См. кн. III, 1892 г.

факты експлуатаціи крестьянъ кулаками. Видѣли и ту «поганую книгу», о которой вы говорили намъ. И знаете что, И. М? Улучшить быть крестьянъ... трудно... нужны десятилѣтія и больше...

— Да хоть бы и такъ, и все-таки нужно; а главное—просвѣщеніе для нихъ нужно... широкое...

На одномъ изъ засѣданій епархіального комитета у преосвященнаго Владиміра В. М. Юзефовичъ передалъ ему 100.000 р. для помощи голодающимъ, это послѣ того, какъ онъ лично на мѣстѣ убѣдился въ существованіи голода. Незадолго до своего отъѣзда изъ Самары В. М. сообщилъ мнѣ, что онъ намѣренъ написать въ своемъ отчетѣ Особому Комитету, какія указать причины бѣдственнаго положенія крестьянъ и т. п.

На прощаньи уполномоченные пришли благодарить меня за оказанное имъ содѣйствіе.

— Мы у васъ видѣли много англійскихъ и нѣмецкихъ книгъ, — обратился ко мнѣ О. Оомъ, — скажите, пожалуйста, какія вамъ надо выписать иностранныя книги, мы выпишемъ и вышлемъ вамъ... Мы такъ благодарны...

— Мнѣ теперь не нужны никакія книги, а если понадобится, то самъ выпишу. Пожалуйста, не беспокойтесь. Но если вы дѣйствительно желаете быть чѣмъ-нибудь полезнымъ мнѣ и вообще статистическому бюро, то сдѣлайте такъ, чтобы насъ, статистиковъ, не тѣснили, чтобы не мѣшали намъ работать, не грозили бы намъ постоянно закрытіемъ статистическаго бюро.

— Кто же смѣетъ закрыть вашу статистику, когда безъ нея и шагу теперь сдѣлать нельзя? Вѣдь въ этомъ и мы убѣдились.

— Кто смѣетъ! Да всѣ... губернаторъ, земство. Часто закрываютъ статистику только потому, что не понравится кому-нибудь, за то, что не такъ переданъ фактъ въ сборникъ...

Они всѣ молчали. Молчаливо мы и распрощались.

Уже лѣтомъ 1892 г., въ маѣ или іюнѣ мѣсяцѣ, когда я съ семьей жилъ на дачѣ въ 5 верстахъ отъ Самары, ко мнѣ пріѣхалъ верхомъ на лошади полицейскій и передалъ отъ В. М. Юзефовича карточку, на которой имъ было написано чернилами: «Не зайдете ли навѣстить больного, который очень желалъ бы васъ видѣть. Сегодня уѣзжаю».

Дѣйствительно, я засталъ В. М. страшно измѣнившимся, блѣднымъ и худымъ; онъ постоянно кашлялъ. Онъ ѣхалъ, кажется, въ Бугурусланскій уѣздъ на кумысъ. Въ сентябрѣ того же года онъ умеръ за границей отъ чахотки.

III.

Я говорилъ о молодежи, которая работала въ городѣ; но нашлось много и такихъ людей, которые посвятили свою жизнь и дѣятельность деревнѣ. Никто ихъ не вызывалъ, но они ѣхали туда сами,

единственно движимые чувствомъ состраданія къ бѣдствующему населенію. Одни изъ нихъ несли туда послѣднія деньги, скопленные, быть можетъ, многими годами трудовой жизни, другіе—просто свои умственные и нравственные силы. Въ то же время отовсюду шли пожертвованія: деньгами, вещами, мукой, краснымъ виномъ для больныхъ. И пишущій эти строки не мало получилъ отъ неизвѣстныхъ людей денегъ и разныхъ вещей, а однажды два ящика со 100 бутылками краснаго вина; изъ Крыма 2 большихъ тюка съ разными вещами: сапогами, рубашками, платьями и т. п., въ другой разъ тоже два тюка изъ Москвы съ кусками бумажен. 28-го числа сентября 1891 г. П. А. Соколовскій написалъ мнѣ письмо слѣдующаго содержанія: «Не будете ли вы добры написать мнѣ, кому изъ земцевъ можно посылать деньги съ увѣренностью, что они дойдутъ до голодающихъ самарцевъ». 11-го октября того же года снова получилъ отъ него письмо: «Посылаю вамъ собранные отъ разныхъ лицъ 8 р. для покупки и раздачи пострадавшимъ отъ неурожая хлѣба. Боюсь, не запоздалъ ли, но, можетъ быть, и помимо моихъ сношеній вы найдете способы раздать пособие непосредственно крестьянамъ. Къ сожалѣнію, долженъ сказать, что здѣсь (въ Петербургѣ) относятся къ народной бѣдѣ далеко не съ тѣмъ участіемъ, какъ было бы желательно: отчисляютъ 1% жалованья, сдаютъ... и думаютъ—сдѣлали все, что нужно. Постараюсь собрать что-нибудь еще, хотя едва ли много». Изъ Петербурга я получилъ отъ неизвѣстной госпожи письмо съ 150 р. для раздачи голодающимъ, а затѣмъ отъ нея же еще нѣсколько десятковъ рублей...

Къ зимѣ пріѣхало въ Самару молодыхъ людей. Впрочемъ, первоначально, когда размѣры голодовки еще не выяснились достаточно, нѣкоторые изъ молодыхъ людей—студенты разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, обращались ко мнѣ письменно съ вопросами: могутъ ли они пріѣхать въ Самарскую губернію для помощи голодающимъ и просили узнать объ этомъ у мѣстной администраціи. Разумѣется, я навелъ объ этомъ справки. Оказалось, что пріѣздъ въ Самарскую губернію молодыхъ людей «не желателенъ, такъ какъ это будетъ сопряжено съ большими трудностями: надо-де, можетъ быть, отправлять ихъ изъ деревни на казенный счетъ, а затѣмъ еще беспокоить урядниковъ—слѣдить за поведеніемъ молодыхъ людей; а вѣдь это чего-нибудь будетъ стоить.» Но впоследствии молодые люди обоего пола ѣхали въ деревню безпрепятственно. Губернаторъ старался только сдерживать нѣсколько ихъ порывы, рисуя имъ въ перспективѣ тяжелую, неприглядную жизнь въ деревнѣ. Но эта-то «тяжелая жизнь» и тянула ихъ неудержимо въ деревню. Однажды, зимой, ко мнѣ явился сотрудникъ англійской газеты «Daily Chronicle», которому я далъ матеріалъ для газеты и много кое-чего поразсказалъ о голодающихъ; въ другой разъ изъ Америки пришли ко мнѣ два квакера; но такъ какъ они по-русски понимали плохо, то пришлось объясняться съ ними чрезъ переводчика.

Они говорили, что любятъ и жалѣютъ русскій народъ и пріѣхали сюда помочь голодающимъ деньгами и хлѣбомъ. Черезъ переводчика они записывали въ свои записныя книжки то, что я говорилъ имъ о самарскомъ голодѣ...

Ранѣе всѣхъ въ январѣ мѣсяцѣ въ Самару пріѣхала Надежда Константиновна Ушинская, дочь знаменитаго педагога. Эта благородная дѣвушка привезла съ собой нѣсколько тысячъ рублей денегъ и готова была посвятить свою жизнь и дѣятельность на пользу голодающаго населенія.

Населеніе Николаевского уѣзда было изъ наиболѣе нуждающихся и потому я указалъ ей на этотъ уѣздъ, куда она могла бы направить свою дѣятельность. Долго я не зналъ и ни отъ кого не могъ узнать, куда именно уѣхала Н. К. Меня страшило то, что она уѣхала въ Николаевскій уѣздъ одна, никому неизвѣстная и никому не оставившая своего адреса. Наконецъ, 3-го мая 1892 г. я получилъ отъ Н. К. письмо съ крестьяниномъ изъ села Канаевки *). «Податель этого письма,—писала она,—мой приказчикъ, Иванъ, посланъ въ Самару для забора тѣхъ 600 пудовъ муки, которые мнѣ еще ранѣе позволилъ губернаторъ купить въ комитетскомъ складѣ. Посланному Ивану я поручила купить 150 пуд. ржи зерномъ; но такъ какъ я теперепнихъ цѣнъ не знаю, а на Ивана все-таки не больно надѣюсь, то убѣдительно прошу васъ сдѣлать эту покупку съ Иваномъ и написать мнѣ хоть одно слово на счетъ цѣны купленной ржи... Знаете, И. М., начинается ужасное время, когда положительно будутъ умирать съ голоду... Вы, вѣрно, знаете, что земство отпускаетъ вмѣсто пуда полпуда на фѣдока, разсчитывая на побочныя средства пропитанія; но, увѣряю васъ, что ихъ нѣтъ. Молока здѣсь очень немного, куръ также; да и тѣ не несутся—больно худы; рыбу запретили ловить и кого поймаютъ на этомъ преступленіи, у того отбираютъ сѣти. Помогите, пожалуйста, на счетъ выдачи крестьянамъ всего пуда, пошумите немного». 16-го числа того же мѣсяца я опять получилъ отъ нея письмо: «Дѣло въ томъ, что губернаторъ предлагалъ мнѣ какъ-то нѣсколько пудовъ американской муки, но я тогда отказалась, имѣя въ виду только мои двѣ деревни, обезпечены столовыми и пудомъ на человѣка земскаго хлѣба, теперь же пришлось почти удвоить посѣтителей столовой. Но представьте же себѣ, что дѣлается въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ нѣтъ частной помощи, напр., въ селѣ Горѣломѣ Гаѣ **), находящемся въ 10 верстахъ отъ Канаевки! У меня была тамъ маленькая школьная столовая, которая закрылась послѣ экзаменовъ, такъ какъ мальчики разбѣжались. Посѣвъ и раздача дополнительныхъ сѣмянъ сильно истощили мои фонды, такъ что помогать Горѣлому Гаю я не въ силахъ. Покуда я еще здѣсь,

*) Канаевка имѣетъ 567 дворовъ, съ 2.148 душами обоего пола.

**) Въ селѣ 329 дворовъ, съ 1.732 жителями обоего пола.

могли бы хоть что-нибудь назначить мнѣ изъ этой американской муки и я распорядилась бы о составленіи списковъ нуждающихся въ этомъ селѣ и присылкою подводъ за мукой. Во всякомъ случаѣ, хотѣлось бы получить отвѣтъ. Крестьянинъ, котораго я послала въ Самару, передъ отъѣздомъ оттуда зайдетъ къ вамъ за отвѣтомъ. Письмо съ разными подробностями о нашей мѣстности я скоро вамъ пришлю». Губернаторъ велѣлъ сообщить Н. К., что пусть она только немедленно вышлетъ подводы и ей выдадутъ 300 пуд. хлѣба.

Изъ Николаевского же уѣзда, изъ села Падовки, зимой я получила письмо отъ нѣкоей г-жи Ѳедоровой. «Я писала вамъ уже одно письмо, но вы на него не отвѣтили, вѣроятно, васъ или не было въ городѣ, или было некогда. Опять обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой. Если мнѣ понадобится, то могу ли я васъ просить купить мнѣ кое-чего для столовой: пшена, соли, гороху? Теперь же сообщите мнѣ пожалуйста цѣну на все это, а также на ржаную муку. Мнѣ послали американской муки, но будетъ мало, такъ какъ часть муки отдамъ на деревню Тростянку, въ 3-хъ верстахъ отъ насъ, тамъ голодаютъ и каждый день осаждаютъ меня просьбами о хлѣбѣ. Слышала я, что на нашу Падовку дали денегъ по 7 коп. на душу; объ нихъ, впрочемъ, хлопотала не я, а другая, которая рассчитывала здѣсь открывать столовую, но она ихъ употребила на свою столовую въ другой деревнѣ. Вѣроятно, думаютъ, что деньги пошли на нашу столовую, а между тѣмъ у меня ничего нѣтъ. Пожалуйста, отвѣтите, если будетъ время. У меня кормится теперь уже 500 человѣкъ». Г-жи Ѳедоровой было вѣжливо ржи.

Изъ Николаевского же уѣзда я однажды получила отъ г-жи Яновской, петербургской курсистки, письмо, но уже совершенно въ другомъ родѣ. Она жаловалась на то, что «мѣстный урядникъ, увидавъ у нѣкоторыхъ изъ крестьянъ данныя мною книжки—Пушкина, Лермонтова, Кольцова и другія, отобралъ эти книжки и грозилъ удалить меня изъ деревни. Пожалуйста, похлопочите, чтобы урядникъ не приставакъ ко мнѣ и не гналъ меня. Вѣдь я здѣсь кормлю голодныхъ». Помнится, что я ходилъ по поводу этого письма къ губернатору хлопотать за г-жу Яновскую. У губернатора я засталъ медика V-го курса петербургскаго университета, завѣдывавшаго медицинскимъ отрядомъ изъ 8 человѣкъ, организованнымъ для оказанія помощи больнымъ (голоднымъ тифомъ) въ южныхъ уѣздахъ. Онъ тоже присоединился къ моей просьбѣ на счетъ Яновской, и губернаторъ далъ слово, что ее не тронутъ, что объ этомъ сообщать уряднику. Обо всемъ этомъ и дано было знать г-жѣ Яновской.

Въ сѣверной части Самарскаго уѣзда устройствомъ столовыхъ для школьниковъ и малолѣтнихъ дѣтей энергично занимался В. О. Португаловъ, который самолично собиралъ на это дѣло денежныя пожертвованія; мнѣ приходилось нѣсколько разъ давать ему деньги, присылае-

мыя изъ разныхъ мѣстъ жертвователями. В. О. часто ѣздилъ въ тѣ деревни, гдѣ были устроены столовыя, самъ отвозилъ туда закупленныя въ Самарѣ разныя вещи и провизію.

Къ началу весны къ намъ въ Самару сталъ приходить большими партіями пожертвованный американцами хлѣбъ. Прибытіе въ Самару первой партіи этого хлѣба вызвало въ обществѣ шумную овацію. На выгрузку хлѣба и его отправку съ вокзала въ городъ явился губернаторъ и другія власти; впереди телѣгъ, нагруженныхъ хлѣбными мѣшками, шли съ флагами и барабаннымъ боемъ, громадная толпа народа кричала «ура»! Хлѣбъ присылался и на имя губернатора, и на благотворительный комитетъ; и нѣкоторымъ частнымъ лицамъ. 8-го мая 1892 г., я получилъ изъ Петербурга слѣдующую телеграмму: «Вамъ назначенъ вагонъ муки въ Самару Александру Мягкову предположено выслать 600 пудовъ въ Ставрополь. Сообщите, такъ ли. Графъ Бобринскій». Александръ Геннадіевичъ Мягковъ, студентъ горнаго института, еще съ осени жилъ въ селѣ Куроѣдовкѣ, Ставропольскаго уѣзда, гдѣ онъ тоже открылъ большую столовую. Онъ оставался здѣсь даже въ моментъ появленія въ деревнѣ холеры и цынг и самъ ухаживалъ за больными. Тамъ же жила и для той же цѣли М. И. Токмакова*), всецѣло посвятившая себя уходу за больными. За отъѣздомъ изъ Куроѣдовки А. Г. Мягкова, его мѣсто занялъ студентъ М. П. Миклашевскій. 14-го мая я получилъ изъ Петербурга печатное письмо отъ нѣкоего г. Гильтона слѣдующаго содержанія: «Комитетъ британско-американской церкви для оказанія пособія населенію, пострадавшему отъ неурожая хлѣба, честь имѣетъ сообщить, что онъ опредѣлилъ вамъ 2 вагона кукурузы-зерна изъ парохода «Тайнгезъ», которые будутъ отправлены вамъ изъ города Риги, чрезъ Высочайше утвержденный подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, Особый Комитетъ. Это приношеніе составляетъ выраженіе сочувствія американскаго народа къ нуждѣ русскаго крестьянина. Мы увѣрены, что вы распределите означенный хлѣбъ между болѣе нуждающимися лицами, безъ различія національности и вѣроисповѣданія». Въ концѣ письма г. Гильтонъ чернилами приписываетъ просьбу о высылкѣ ему моей брошюры о Самарской губерніи (о «формахъ крестьянскаго кредита» и о «голодѣ и его причинахъ»). 18-го мая отъ уполномоченнаго Особого Комитета, графа Бобринскаго, я получилъ уведомленіе за № 121, о присылкѣ мнѣ 2 вагоновъ кукурузы, вѣсомъ 1.202 пуд., а 20-го мая г. Кетрицъ въ письмѣ ко мнѣ, между прочимъ, говоритъ, что кукуруза эта отправлена въ мое распоряженіе по его просьбѣ, и преподаетъ совѣтъ, какъ обращаться съ кукурузой: «Гильтонъ говоритъ, что кукурузу послѣ размолу необходимо просѣять чрезъ сито; просѣянная мука годится въ пищу людямъ, а отсѣвки—

*) Впослѣдствіи жена Н. В. Водовова.

скоту. Американцы прилагаютъ къ каждому мѣшку кукурузы объясненіе о томъ, какъ дѣлать изъ кукурузы хлѣбъ, кашу и пр., для того, чтобы отъ нея не болѣли желудки, голова и пр., какъ случилось въ нашихъ голодающихъ мѣстностяхъ». 8-го іюня за подписью того же Гильтона я снова получилъ увѣдомленіе о присылкѣ мнѣ съ парохода «Лео» вагона американской муки; объ этомъ же увѣдомляетъ меня и графъ Бобринскій. Въ концѣ мая мѣсяца послѣдній прислалъ мнѣ литографированное письмо съ увѣдомленіемъ о томъ, что «во время сильной бури, застигшей у береговъ Шотландіи пароходъ «Индіану», на пути его слѣдованія изъ Америки въ Россію съ грузомъ припасовъ для пострадавшихъ отъ неурожая, механикъ парохода Джонъ Аткинсонъ былъ опрокинутъ налетѣвшимъ шкваломъ, при чемъ получилъ поврежденія черепа, отъ которыхъ черезъ нѣсколько часовъ скончался, оставивъ вдову и троихъ дѣтей безъ всякихъ средствъ къ существованію». Графъ проситъ собирать пожертвованія на обезпеченіе семьи Аткинсона, адресуя эти пожертвованія на имя американскаго генеральнаго консула, которому «до сего времени удалось собрать на это доброе дѣло лишь незначительную сумму». Сборы пожертвованій въ г. Самарѣ дали тоже незначительную сумму, такъ какъ тѣ люди, которые всего болѣе могли бы пожертвовать на это дѣло, плохо отзывались. Немного они пожертвовали и на своихъ голодающихъ, а наоборотъ, были изобличены въ продажѣ земству дранной муки за дорогую цѣну...

Изъ присланной мнѣ кукурузы и муки одинъ вагонъ (кукурузы) былъ отправленъ мною въ Николаевскій уѣздъ г-жѣ Яновской, которая раздала ее нуждающимся крестьянамъ 8 селеній: Утевки, Карловки, Лебяжьяго, Павловки, Змѣвки, Романовки, а также 2 селеніямъ Самарскаго уѣзда—Липовкѣ и Растопырковѣ, всего 575 пудовъ. Между прочимъ, она сообщала, что «кукуруза была свѣжая и послѣ сушки изъ присланыхъ 600 пудовъ ушло всего 26 пудовъ», другой вагонъ отправленъ въ с. Куроѣдовку, третій въ Сосновку Ставропольскаго уѣзда. Г. Кетрицъ совѣтовалъ отсѣвки или отруби скаригивать скоту, но голодающіе крестьяне предпочли печь для себя хлѣбъ изъ кукурузы вмѣстѣ съ отрубями, и никакихъ дурныхъ послѣдствій для ихъ желудковъ не было.

Большинство молодежи жило въ деревняхъ до момента появленія холеры (въ концѣ іюня), а нѣкоторые жили и въ холерное время особенно женщины. Н. К. Ушинская уѣхала изъ деревни въ началѣ іюня, да и то только потому, что сама заболѣла въ деревнѣ отъ дурного питанія. 22 іюня я получилъ отъ нея письмо уже изъ Петербурга, въ которомъ она съ большимъ сожалѣніемъ рассказываетъ о томъ, какъ разсталась съ деревней. «И не смотря на то, — пишетъ Н. К., — что я за три тысячи верстъ отъ той деревни, гдѣ я жила, мысли мои еще въ Канаевкѣ. Въ началѣ іюня почти пол-деревни пошли косить къ богатымъ владѣльцамъ, хотя плата и была довольно низкая

за косьбу съ уборкой въ стога (всего 1 р. 80 к.). Рожь у крестьянъ вышла чудная—высокая, чистая, ровная; пшеница также чудная, но только не у мужичковъ, такъ какъ у нихъ поле не было вспахано съ осени, а пахали съ весны и потому поздній сѣвъ далъ не важные всходы, да къ тому же и посѣяно было ее мало. Я не знаю, какъ опять большесемейные дворы (въ 10—12 человѣкъ) будутъ кормиться одной десятиной? Но они и этому рады; все ходили любоваться на свою жиденькую пшеничку...

Когда острая нужда въ деревнѣ миновала и крестьяне приступили къ жатвѣ новаго хлѣба, молодежь вернулась къ своимъ пенатамъ. Человѣкъ 10 изъ этой молодежи въ концѣ іюня заѣхали ко мнѣ. Всѣ они были бодрые, живые, полные вѣры въ лучшее будущее. Всѣ дѣлились впечатлѣніями деревенской жизни, передавали подробности о тѣхъ перипетіяхъ драмы, которая разыгрывалась тамъ, въ деревнѣ, выражалось желаніе, чтобы въ будущемъ, когда явится нужда, вся наша русская интеллигенція понесла опять свои силы и энергію въ захолустныя деревни не только для того, чтобы помогать населенію матеріально, но и вести его къ свѣту знанія.

Уже долго спустя, послѣ памятной невзгоды, когда мнѣ приходилось въ 1893 году ѣздить по нѣкоторымъ деревнямъ Самарской губерніи, крестьяне со слезами благодарности и съ большимъ сожалѣніемъ вспоминали о «молодыхъ господахъ», жившихъ съ ними въ деревнѣ и дѣлившихъ съ ними общее горе. Почему же теперь, въ такую же годину народнаго несчастья, слышится какъ будто недовѣріе къ нашей интеллигенціи, къ нашимъ общественнымъ силамъ?

И. Красноперовъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА Н. В. ШЕЛГУНОВА.

(Окончаніе *)

10-го сентября.

...Когда родится человѣкъ? Неужели при появленіи своемъ въ свѣтъ? Нѣтъ, это рожденіе чисто матеріальное; жизнь человѣка собственно начинается съ той минуты, когда онъ пойметъ истинный путь жизни, когда пойметъ необходимость добра, когда выучится радоваться и быть счастливымъ не въ смѣхѣ и свѣтской паркетной жизни съ гуляньями и катаньями, а въ сознаніи своихъ хорошихъ дѣйствій и въ ненарушеніи правилъ христіанской жизни, и когда, понявъ величіе Бога, проявленіе силы и воли Его во всемъ сущемъ въ этомъ мірѣ, научится бояться Бога, любить Бога и вѣровать въ Него. Если все это есть въ человѣкѣ—онъ началъ жить, онъ живетъ. Сознаніе необходимости добра и человѣческаго чувства явилось во мнѣ съ той минуты, какъ я захотѣлъ, чтобы вы полюбили меня, мое сердце сказало мнѣ, что любовь—жизнь человѣка, а жить нужно съ правилами добра, вѣрностію въ сердцѣ и способностію понимать, что каждый человѣкъ—человѣкъ. Столкновеніе съ вами открыло мнѣ глаза души, и заставило меня думать. Безъ этого столкновенія я не былъ бы тѣмъ, что я теперь. Можетъ быть, вы помните меня въ первый годъ моего знакомства съ вами и мои правила и разсужденія въ зеленой комнатѣ дома Траншея, если бы эти правила развились бы во мнѣ, я вышелъ бы страшный плутъ и лжецъ, и имѣлъ бы много разныхъ *маленькихъ* подлюстей, которыхъ необходимость допускаютъ всѣ женщины, а изъ мужчинъ—свѣтскіе юноши. Столкновеніе съ вами спасло меня, а любовь къ вамъ заставила меня хотѣть быть человѣкомъ.

14-го сентября.

...Въ вашей головѣ много мыслей, въ вашемъ сердцѣ много чувствованій, но все это еще мало, да и не совсѣмъ ясно и осозательно для васъ... Знаете ли, чего вамъ нужно достигнуть въ жизни? въ чемъ нужно укрѣпиться? Въ тѣхъ основаніяхъ жизни, при которыхъ вы

*) См. «Міръ Божій», № 11. Ноябрь.

дѣйствовали бы на мужчину только одной духовностью и возбуждали бы въ мужчинѣ мысль, воображеніе, убивая при этомъ стремленіе мужчины къ сенсуальности, въ разговорахъ съ мужчинами замѣчайте, что говорятъ глаза, не пожираютъ ли мужчины глазами вашихъ формъ, и если замѣтите это, то, возбудивъ въ себѣ въ высшей степени дѣятельность духа и мысли, убейте въ мужчинѣ произведенное вами на него матеріальное впечатлѣніе. Людинька, вы обвиняли меня въ матеріализмѣ, я виноватъ, но вѣдь я находился подъ вашимъ вліяніемъ, я никогда не возбуждалъ въ васъ матеріальнаго чувства, потому что не дѣйствовалъ на васъ своими формами...

...Я извинялся въ началѣ, извиняюсь еще разъ въ концѣ; мнѣ кажется, лучше сказать вамъ все, что я думаю о васъ, чѣмъ утаить хоть одну мысль. И это полезно для меня,—высказавъ, что я думаю, я начинаю смотрѣть на человѣка лучше, досадуя на себя за откровенность, я по закону возмездія стараюсь загладить свою вину лучшимъ взглядомъ на человѣка; если же я не говорю ничего, это худо и для меня, и для другого. Не знаю, какъ вы, но я такъ привыкъ быть съ вами откровеннымъ, что не скрываю отъ васъ ничего; разумѣется, это дурно иногда, когда задѣнешь человѣка, и я вѣчно раскаиваюсь потомъ въ своей глупой откровенности...

...Прошу васъ не думать, что я имѣю слабость указывать людямъ недостатки,—я говорю о недостаткахъ только тѣмъ людямъ, которыхъ люблю, у которыхъ много достоинствъ и которыхъ я хотѣлъ бы сдѣлать еще лучше. Людинька, я люблю васъ крѣпко, и вотъ доказательство тому: я сохраняю свое цѣломудріе въ полной мѣрѣ самаго строгаго понятія о нравственности: я смотрю на женщинъ такъ же, какъ гляжу на ледъ или каменные красивые зданія, ни одна мысль, ни одно чувство, начало котораго тѣло или земля, не являются ни въ головѣ, ни въ сердцѣ моемъ. Даже сцены, разговоры и разныя тѣлодвиженія женщинъ, способные разжечь воображеніе мужчины, скользятъ по мнѣ безъ всякаго впечатлѣнія. Во мнѣ нѣтъ тѣла въ смыслѣ тенденціи къ сенсуальности, и причиной тому мое твердое неизмѣнное правило отношеній своихъ къ женщинамъ, мои понятія о нравственности и цѣломудріи, и мои основанія жизни: я уже не холостой человѣкъ, я мужъ, но не освященный закономъ, и потому я вѣренъ той женщинѣ, которую люблю и для которой живу. Довольны ли вы мною?

15-го сентября.

...Я считаю себя правымъ до тѣхъ поръ, пока не огорчу другого, а потомъ во мнѣ является сожалѣніе и раскаяніе, я готовъ загладить свою вину всѣмъ, чѣмъ хотите...

16-го сентября.

...Поздравляю васъ, съ днемъ вашего ангела, и вотъ вамъ подарокъ: лучшаго я не знаю...

Въ письмѣ слѣдовали двѣ страницы выписки изъ Библии, и затѣмъ Н. В. продолжаетъ:

«Всего выписать невозможно, Библия—я хотѣлъ сказать кладъ—выше, выше, мудрость божія. По моему понятію, лучшее, что я писалъ когда-либо къ вамъ, это сегоднешній журналъ...»

18-го сентября.

...Вотъ что бродило сейчасъ въ головѣ моей: въ Самарѣ, говорятъ, холера, я пью много квасу, потому что меня томить цѣлый день жажда; если бы со мной сдѣлалась холера, я помолился бы Богу и послалъ бы за бухгалтеромъ управленія, чтобы сдѣлать изъ него своего душеприкащика, распорядился бы своими вещами, назначивъ вамъ Библию, съ тѣмъ, чтобы вы не разлучались съ нею ни въ какомъ случаѣ своей жизни, часы и скрипку, и безъ ропота на судьбу, съ покорностью воли Бога, но съ сожалѣніемъ о потерѣ васъ, переселился бы туда, гдѣ будемъ мы съ вами современемъ.

Людишка, вотъ моя просьба къ вамъ: вы говорите, что знаете меня. Напишите мнѣ, какъ вы знаете меня, — какими сторонамъ вашего ума, сердце и души я въ состояніи удовлетворить, и затѣмъ прошу васъ наблюдать за собой, — и хорошо, и дурно, если вы еще развиваетесь. Если развитіе ваше проявится въ благоразуміи, основательности и крѣпости прямого воззрѣнія на вещи—это добро для положительной жизни.

Если же въ сердцѣ вашемъ проявятся особенно утонченныя чувства и требованія такой пищи для души, которыя составляютъ удѣлъ избранныхъ, то горе избранному, и потому только что, онъ избранный.

Есть два рода людей. Способности и чувства однихъ укладываются прекрасно въ рамки повседневной, обыкновенной жизни; способности и чувства другихъ, напротивъ, не могутъ уместиться въ этихъ рамкахъ. Первые люди называются умными, и достоинство ихъ ума заключается именно въ его эластичности и способности приладить человека къ окружающимъ его обстоятельствамъ. Вторые люди—геніи—они вѣчно страдальцы, душа ихъ ищетъ того, что обыкновенныя обстоятельства не могутъ дать ей и чего будничные люди не умѣютъ понять; оттого душа генія, порываясь вѣчно выше тѣхъ предѣловъ, которые назначены для человека, борется постоянно и съ своей оболочкой, и съ окружающимъ міромъ и, наконецъ, если не приладится къ возможному и дѣйствительному, то падаетъ въ бесполезной борьбѣ съ людьми и міромъ, не умѣвшими понять полетовъ генія.

Эти же дѣленія примѣняются къ супружеству, вотъ примѣръ: здѣшній агрономъ Л—ъ, добрый нѣмецъ, но тюфакъ, мѣшокъ, не заглядывающій въ душу человека, да и не умѣющій понять ее; жена его уроженка Таранта (въ Саксоніи), чувствительная, какъ всѣ нѣмки, больная, какъ мнѣ показалось, тоской по родинѣ, и убѣжденная, что

умреть скоро, не увидавъ ничего, кромѣ Самары, худѣетъ постепенно чѣмъ кончится все это—Богъ вѣдаетъ, но супругъ не замѣчаетъ ничего. Здѣсь ясно, что натура женщины выше натуры мужчины, хотя они оба далеки до гениевъ. Хорошо еще, что жена не понимаетъ превосходства своей души надъ душой своего супруга,—явись въ ней это сознаніе, и она будетъ несчастная жена, несчастная по тому же закону, по которому гений страдаетъ между обыкновенными людьми.

Вотъ причина, по которой я хочу знать, какъ коротко знаете вы меня, и какія стороны души предполагаете вы по мнѣ, а если вы не хотите или не умѣете (что непремѣнно, если сердце сильнѣе головы и воли) приладиться къ тѣмъ рамкамъ, въ которыхъ вамъ придется жить—что тогда? Мнѣ уже невозможно передѣлать себя; я объяснялъ вамъ, Людинька, что новыя стороны ума могутъ являться въ человѣкѣ, но чувствъ новыхъ въ сердце человеческое вложить невозможно, когда разумъ отвергъ ихъ. Вы пишете, что вы сдѣлались очень чувствительны; въ чемъ проявленіе вашихъ особенныхъ чувствованій? и съумѣю ли я ихъ понять? Если вы убѣждены, что я не пойму новыхъ требованій вашего сердца, или если вы не въ состояніи приладить своихъ чувствованій и возрѣній къ моему сердцу и моей головѣ, то не выходите за меня, Людинька—вы будете несчастны.

19-го сентября.

...Буду жаловаться вамъ на себя: я давно уже не горячился, но сегодня разсердился на портного, и вовсе не за дѣло, а такъ, мнѣ показалось не то, что было. Я вспыхнулъ, какъ порохъ, менѣе чѣмъ въ секунду, и вспыхнулъ ужасно сильно до того, что забылъ всѣ приличія и выбранилъ портного. Я знаю, что это дурно,—разгорячась я черезъ секунду же затихъ и потомъ мнѣ стало очень жаль бѣднаго портного; но вѣдь дѣло въ томъ, что раскаяніе явилось во мнѣ послѣ проступка, а по настоящему его не слѣдовало допускать. Впрочемъ, если я умѣю горячиться, то и умѣю понимать горячихъ людей, и никогда на нихъ не сержусь. Пускай горячій разбранилъ меня какъ ему угодно, я прощу ему его брань; я знаю, что подъ вспышкой лежитъ горячее доброе сердце, но непремѣнно сердце; но не прощу злости подъ приличной формой, съ язвительной улыбкой. За этими вещами лежатъ не сердце, а камень, ледъ.

Бываютъ ли горячія женщины, горячность которыхъ проявляется въ той же формѣ, какъ у мужчинъ? Мнѣ не случалось видѣть такихъ женщинъ; женщины сердятся большею частью подъ благовидной формой; не люблю эту форму, потому что я и самъ умѣю такъ сердиться; такая досада не пронзаетъ человѣка, вызвавшего ее, а укладывается въ сердце и проявляется въ видѣ злопамятности и ненависти, такая досада не предполагаетъ въ человѣкѣ великодушія. Оттого почти всѣ женщины злопамятны и не прощаютъ обидъ; вы не можете сказать,

что я клевету на женщинъ, наблюдайте надъ ними, и вы скажете, что правда на моей сторонѣ. Женщины, вообще, гораздо мстительнѣе мужчинъ и великодушія въ нихъ мало, если только есть оно въ нихъ. Въ женскомъ сердцѣ много мягкости и расположенія къ сожалѣнію и слезамъ, но способности прощать врага вы не ищите въ немъ.

Это мое убѣжденіе, я не прилагаю его къ лицамъ, но говорю вообще. При этомъ могу сказать о себѣ: я не понимаю мести и прощаю всѣмъ и все; впрочемъ, до сихъ поръ у меня и не было случая къ злобѣ, потому что простая перебранка, относящаяся прямо къ лицу, не можетъ быть причиною къ мести, и такое чувство унижить сердце, въ которомъ найдеть себѣ мѣсто.

Да, вспомнилъ: вы говорили мнѣ, что вздоръ, чтобы человѣкъ не могъ съ собой справиться, что вы были тоже горячи, но передѣляли себя; можетъ быть, это такъ, но также вѣрно и то, что ваша горячность была другого рода. Я вспыхиваю въ мгновеніе ока и всѣмъ жаромъ сердца; возможно ли тутъ удержатъ себя, когда вся досада продолжается менѣе секунды, потушите порохъ, когда упадетъ въ него искра,—не потушите, а загорѣвшуюся сѣру потушить можно, потому что она горитъ медленнѣе. Вотъ еще почему мнѣ кажется, что вы не умѣли горячиться: вы говорили, что не простите человѣку, который разгорячится на васъ. Если бы вы знали короче, что значитъ горячка, вы не сказали бы этого. Вы горячи, какъ женщина, я же горячъ, какъ мужчина. Все происходящее въ васъ скрыто отъ другихъ, потому что вы такъ созданы, все же происходящее во мнѣ видитъ всякій, потому что я похожъ на котелъ, полный воды: заставьте кипѣть эту воду, она выльется изъ котла, потому что для нея въ немъ нѣтъ мѣста.

Впрочемъ, что ни говори, а горячиться все-таки не хорошо; на свѣтѣ мало людей, которые умѣли понимать горячихъ, дайте людямъ улыбающійся камень—они возьмутъ его, но дайте имъ сердце безъ благовидности, они не поймутъ, что это сердце умѣетъ чувствовать, да, наконецъ, и создано для того, и откажутся отъ него. Дайте мнѣ выбирать изъ двухъ людей горячаго до бѣшенства и хладнокровнаго до благоумія,—я возьму горячаго, потому что мнѣ нужно сердце, а не дерево.

21-го сентября.

Нашелъ вчера слова Сираха, подтверждающія мои слова. Горячій. не владѣя собой. наговорить иногда Богъ знаетъ что, и вотъ мысль Сираха къ этому случаю: «есть поползайся словомъ, а не душою: горячіе всѣ такъ») и кто не согрѣши языкомъ своимъ?» Потомъ еще: «Коль добро есть обличити, нежели яритися тайно». Это тоже, что дѣлаю я—я никогда не сержусь въ себѣ; досада и радость видны на мнѣ

Село Курумычъ.

20-го сентября

...Вы спрашивали меня: добры ли вы, или нѣтъ; помню такой случай одинъ, когда сестра Надя сказала вамъ дерзость, и вы пла-

кали—вы были обижены, и вы же протянули руку,—добры ли вы, или нѣтъ, вы сами можете видѣть изъ того случая.

Знаю также, что вы не злопамятны и великодушны, хоть вы и говорили, что человѣка, который обидитъ васъ, вы никогда не простите. Вѣдь вы только сказали это,—сказали, не чувствуя, «и кто не согрѣши языкомъ своимъ».

Я молюсь каждый день, и каждый день говорю Богу: «Господи, сдѣлай меня хорошимъ человѣкомъ и добрымъ мужемъ, а Людвигу доброй женой». Изъ этого вы можете видѣть, хочу ли я быть хорошимъ мужемъ и можете ли вы найти во мнѣ хорошаго человѣка, если не всегда въ дѣйствіяхъ, то, по крайней мѣрѣ, постоянно въ моемъ желаніи быть тѣмъ, чѣмъ нужно быть всякому человѣку, и о чемъ я молю Бога. Странно: моля Бога каждый день сдѣлать меня кроткимъ, я все-таки не могу постоянно управлять собою, — и замѣчаю за собою уже послѣ проступка, не имѣя достаточно благоразумія и воли, чтобы предупредить его, — впрочемъ, это происходитъ отъ того, что память оставляетъ меня передъ ошибкою, и является ко мнѣ на помощь послѣ.

...Меня всѣ находятъ молодымъ для должности ревизора,—это я знаю черезъ Павла,—и даютъ мнѣ только 20 лѣтъ; это продолжается до тѣхъ поръ, пока не поговорятъ со мной и не узнаютъ моего чина, для котораго нужно имѣть не менѣе 28 или 30 лѣтъ.

Не забудьте, что я въ управленіи главный по лѣсной части, и всѣ лѣсныя дѣла взялъ въ свои руки, о чемъ и говорилъ уже съ Борисовымъ. Меня смѣшати поклоны, которыми награждаютъ меня, когда я вхожу въ управленіе. О поклонахъ подчиненныхъ начальнику вы не имѣете понятія, но это очень любопытная вещь. Въ первое время мнѣ дѣлалось какъ-то неловко, когда при входѣ моемъ всѣ (эти всѣ только 5 человѣкъ—здѣсь маленькій штатъ) вставали и отвѣщивали серьезные и почтительные поклоны, но теперь я ужъ привыкъ, и безъ смущенія, съ чувствомъ собственного достоинства прохожу въ комнату присутствія. Ужъ если говорить о себѣ, то говорить до конца. Я не позволяю себѣ ѣсть до пресыщенія, и сѣдаю только половину того, что подаетъ мнѣ Павелъ къ столу,—я умѣренъ, потому что это необходимо для здоровья,—да наконецъ въ умѣренности есть и нравственная польза: если человѣкъ умѣетъ отказывать себѣ въ пищѣ, онъ сѣмѣетъ быть умѣреннымъ и въ остальныхъ своихъ желаніяхъ. Павелъ, замѣтивъ мнѣ разъ, что я ѣмъ мало, и, услышавъ мои основанія, сказалъ, что такихъ господъ въ Самарѣ нѣтъ. Въ другой разъ Павелъ сказалъ мнѣ, что изъ тысячи молодыхъ холостыхъ людей только одинъ живетъ такъ скромно и порядочно, какъ я. Эти мнѣнія Павла мнѣ хотѣлось довести до вашего свѣдѣнія, чтобы вы похвалили меня...

Мелекесъ.

27-го сентября.

Славный Мелекесъ! нигдѣ я не пропитывался такъ духомъ смиренія и сознанія необходимости быть христіаниномъ и человѣкомъ, какъ въ Мелекесѣ. Клоссе сказалъ мнѣ, что я пойду въ монахи, я сказалъ, что не пойду никогда, тогда Клоссе сказалъ, что черезъ годъ я измѣнюсь совершенно. Странные люди! Имъ странно, когда человѣкъ хочетъ быть человѣкомъ и читаетъ священное писаніе, чтобы узнать себя и другихъ и научиться жизни. Во мнѣ есть недостатокъ, который мнѣ, однако не кажется большимъ, — а можетъ быть онъ большой недостатокъ, — вы рѣшите мое сомнѣніе: думая о себѣ, о своихъ поступкахъ и сравнивая ихъ съ дѣйствіями другихъ, я невольно сознаю иногда, впрочемъ, довольно часто, что я дѣйствую гораздо лучше другихъ, и смотрю на вещи болѣе вѣрно и болѣе человѣчно; какъ мнѣ поступать иначе, когда сознаніе себя говоритъ мнѣ объ этомъ, а между тѣмъ является невольная гордость и мнѣ кажется, что я лучше другихъ. Вѣдь это дурно. Хорошо сознаніе, но къ чему же гордость? Я думалъ сегодня и рѣшилъ и опять вслѣдствіе сознанія и гордости, что я гораздо старше своихъ лѣтъ, я чувствую свое благоразуміе, я чувствую, что я мыслю, я ощущаю какъ-то матеріально присутствіе мысли въ моей головѣ; а между тѣмъ я увѣренъ, что люди не вѣрятся мнѣ; скажутъ, что я молодъ, и длину моего благоразумія и твердость правилъ, будутъ мѣрить по длинѣ и мягкости моихъ усовъ. Я хотѣлъ бы только, чтобы вы знали меня такимъ, какъ я есть, положились бы на меня, и вѣрили бы мнѣ: вѣря мнѣ столько, сколько вѣрите себѣ. Людинька, вотъ какимъ образомъ мы раздѣлимъ свои права: вы будете сердце и я вѣрюсь вашему сердцу, я же буду голова, и вы вѣритесь моей головѣ. Не скажите, что это гордость, — нѣтъ вы ошибаетесь; я считаю васъ головой гораздо выше многихъ уже немолодыхъ женщинъ, считаю васъ гораздо, гораздо старше вашихъ лѣтъ, но при всемъ томъ мнѣ кажется, что моя голова крѣпче вашей, ужъ по одному тому, что я могу много и долго думать, и моя голова не разболится.

Ваше же сердце лучше моего, и пусть оно будетъ лучше, — тогда только мы составимъ одно цѣлое, когда сердце будетъ у одного, а голова у другого — мысль, умѣряемая сердцемъ, и сердце, умѣряемое головой, сойдутся, и пойдутъ дружно и крѣпко, и свяжутъ неразрывно жену и мужа.

Отдайте же сердце и голову въ однѣ руки, что выйдетъ? Не будетъ ни равенства, ни уваженія между супругами; супруги не составятъ цѣлаго изъ двухъ равныхъ половинъ, а цѣлымъ будетъ только одна половина владѣтельница всего, другая же будетъ нулемъ. Нужно только, чтобы мы увѣрились, что одинъ голова, а другой сердце (я убѣжденъ, что вы сердце) и дѣйствовали другъ на друга кротко. Пускай сердце не говоритъ уму: «ты, умъ, не понимаешь ничего, гдѣ

тебѣ понять законы чувствованій сердца», и подумать только или же прибавить «женскаго»—это будетъ не хорошо и несправедливо: умъ пойметъ вещь ясную, чувство вѣрное, но не согласится съ капризомъ или съ чувствомъ, котораго начало въ одномъ «такъ»...

...Людинька, прошу васъ, всѣ ваши мысли обо мнѣ—дурныя и хорошія, особенно ваше представленіе меня при чтеніи моихъ журналовъ, писать мнѣ, не скрывая ничего; мнѣ кажется, что мое настоящее направленіе вамъ не нравится,—это кажется мнѣ, потому что вы «сердце», а сердцу женскому, кромѣ мужской мягкости, нужна и мужская жесткость. Впрочемъ, я совсѣмъ, повидимому, не измѣнился, и какъ мнѣ кажется, по наружности я тотъ же; также смѣюсь, хотя и не часто, и въ послѣднее время сдѣлался горячъ: вчера я разгорячился на мужика и даже ударилъ его, хоть легко, а все-таки ударилъ за то, что онъ думалъ, будто бы я обману, обсчитаю его на прогонахъ, —меня задѣла недовѣрчивость мужика, оскорбившая мое убѣжденіе въ своей честности. Не нужно горячиться; впрочемъ, это болѣзнь, которая является временами.

Самара.

2-го октября.

...Я не похожъ на всѣхъ мужчинъ, я ищу въ бракѣ не той стороны супружескихъ радостей и счастья новобрачныхъ, которыхъ ищутъ всѣ мужчины въ женщинахъ; мнѣ нужно не это, и жена, по моему мнѣнію, создана не для того, чтобы быть только красивой формой, а чтобы быть вѣрной помощницей мужу во всѣхъ его дѣйствіяхъ, готовой переносить съ нимъ безъ ропота все дурное и несчастное этой жизни. Правда, я не вижу еще въ васъ (простите меня за мое откровенное мнѣніе, я хотѣлъ бы, чтобы и вы были со мной такъ же откровенны) такого собесѣдника, какъ Евгенія Егоровна, съ которой я любилъ такъ спорить и горячиться, но знаю, что черезъ 2 или менѣе года (менѣе, гораздо менѣе; послѣ замужества женщины развиваются вдругъ, имъ открывается ясно начало почти всѣхъ дѣйствій, человеческихъ) вы будете такимъ же собесѣдникомъ. Супружескія обязанности, налагаемыя Богомъ и закономъ людей на супруговъ, меня пугаютъ, я слишкомъ уважаю невинность и дѣвственную чистоту, и полагаю, что первое сближеніе супруговъ, которое, по моему физическому и нравственному устройству, никогда не можетъ лишить меня сознанія и отуманить совершенно мою голову, испугаетъ меня; мнѣ кажется, что это сближеніе, требуемое законами божескими и человеческими, оскорбитъ нѣкогдамъ образомъ женщину, не въ ея собственныхъ понятіяхъ, а во взглядѣ на нее мужчины, который видитъ въ ней не женщину-человѣка, а женщину-ангела; матеріальное сближеніе прямо говоритъ: это женщина—плоть, а не женщина—духъ; а я ищу духа, а не плоти. Что дѣлать мнѣ? Какъ согласить свое понятіе съ законами? А между тѣмъ, не забудьте борьбу духа и плоти,

которую мнѣ придется испытывать постоянно. Не надобно быть пророкомъ, чтобы угадать, что плоть восторжествуетъ надъ духомъ, и тогда... что тогда?? и тогда нужно понимать непремѣнно, что связь супруговъ выражается хотя и въ матеріальномъ ихъ сближеніи, положенномъ Богомъ, однако духовность начало, причина и вина всего; нужно помнить, что не духъ живетъ для плоти, а плоть для духа, и сближеніе совершается не для ихъ лица, а для выполненія закона божескаго, слѣдовательно, для цѣли болѣе высшей, чѣмъ обыкновенное безсознательное сближеніе многихъ людей и всѣхъ животныхъ. Людинька, я не извиняюсь передъ вами за сегодняшній журналъ, потому что я пишу къ вамъ не какъ къ Людинькѣ дѣвственницѣ, а какъ къ Людинькѣ—женѣ. Вамъ должны быть извѣстны мои взгляды на бракъ, цѣль котораго заключается въ высокой обязанности человѣка—произвести себѣ подобнаго и сдѣлать его достойнымъ имени человѣка, существа духовно-разумнаго.

6-го октября.

...Съ сегодняшняго дня у меня нѣтъ денегъ, и вотъ по какому случаю. Павелъ крѣпостной,—онъ желаетъ откупиться на волю, не имѣетъ денегъ; я обѣщалъ Павлу дать въ долгъ 200 цѣлковыхъ въ будущемъ году. Сегодня, по случаю необходимости перемѣны паспорта Павла, у насъ зашла рѣчь о будущей вольной; я видѣлъ, какъ Павлу хотѣлось быть скорѣе свободнымъ и если можно, то въ нынѣшнемъ году, потому что на будущій годъ Павелъ не слишкомъ полагается, мнѣ стало жаль Павла и я отдалъ ему послѣдніе свои сто цѣлковыхъ, назначенныхъ мною на тарантасъ, обѣщавъ необходимые еще 70 цѣлковыхъ (у Павла есть своихъ 30) занять въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ у лѣсничаго. Вслѣдствіе этого распоряженія, у меня при надеждѣ на будущее осталось въ карманѣ ровно ничего. Я поступилъ, какъ всѣ горячіе люди, по первому впечатлѣнію, поступилъ такъ потому, что на дѣйствительное чужое горе не умѣю смотрѣть холодно-кровно, и въ случаяхъ, когда моя помощь возможна, готовъ отдать кусокъ своего сердца. Были однако минуты, когда я, какъ будто бы жалѣлъ о сдѣланномъ; я знаю, что это худо, и потому теперь не жалѣю, а увѣренъ, что отданные мною Павлу 100 рублей не сдѣлаютъ меня бѣдняке и не помѣшаютъ мнѣ выполнить своего намѣренія и достигнуть своей цѣли. Когда я обѣщалъ Павлу деньги, сердце говорило мнѣ, что я поступаю хорошо, и что Богъ поможетъ мнѣ и пошлетъ мнѣ деньги и на тарантасъ, и на поѣздку въ Петербургъ. Такъ? Теперь устройствомъ своего дома, уже окончательнымъ, надо остановиться до января, когда у меня явятся деньги.

...Въ чемъ причина зла въ дѣйствіяхъ людей?—въ деньгахъ и любви; не будь женщинъ и денегъ, мужчины были бы ангелы. Черезъ деньги люди рѣжутъ, грабятъ и обманываютъ другъ друга, а женщины во-

влекать мужчинъ тоже въ такія вещи, о которыхъ лучше не говорить. Отчего холостые мужчины честиѣ женатыхъ? Оттого, что они холостые. Что нужно холостому? Ничего. У него всегда и вездѣ есть квартира и кусокъ хлѣба, да наконецъ, если холостой и поголодаетъ дня 3—не велика бѣда; женатому не то: онъ самъ и стѣмлять бы стерпѣть и холодъ и голодъ, но жена, дѣти: ихъ нужно согрѣть, одѣть, накормить. Женщины незнакомы съ тѣми непріятностями и скользкими дорожками, по которымъ приходитъ къ намъ тепло, пища и платья. Имъ подай, а откуда—это не интересуется ихъ. Если бы женщины знали, что много подлостей лежитъ на душахъ мужчинъ, онѣ, вѣроятно, заглушили свое тщеславіе, не требовали денегъ на модныя шляпки и, можетъ быть, отказались бы иногда отъ куса бѣлаго хлѣба, который запачкалъ, зачернилъ подлостью совѣсть мужчины.

7-го октября.

...Маменька не пишетъ мнѣ ничего, но я чувствую, что она недовольна вами. Я убѣжденъ, что между вами и маменькой есть нѣчто, хотя вы и не говорите ничего. Маменька моя убѣждена, что вы любите меня менѣе, чѣмъ я васъ, и сомнѣвается въ моемъ будущемъ счастіи. Ради Бога, успокойте маменьку, заставьте ее сдружиться съ вами, — вы не знаете, что за человекъ моя мать. Вы думаете, кто-нибудь имѣетъ еще такую мать, какъ я? Чья мать не станетъ спать для своего сына ночей? Чья мать рѣшится умереть съ голоду, чтобы только накормить своего сына? Чья мать, не смотря ни на какую погоду, пойдетъ изъ дому, истратитъ свои послѣдніе деньги, чтобы только выполнить пустую прихоть, капризъ своего сына?—Моя. Я видѣлъ много матерей, и сомнѣваюсь, чтобы изъ тысячи женщинъ, нашла одна такая, какъ моя маменька. А потомъ эта совѣстливость, честность, отсутствіе всякой жадности и благородное правило не заглядывать въ чужой карманъ? Маменька мнѣ пишетъ: «Твоя Людмила пріѣхала съ Веничкой въ воскресенье во второмъ часу; отдала посылку и письма, которыхъ она, однако, не читала; послѣ уже я рѣшилась спросить, отправить ли письма по назначенію?—она отвѣчала «подумаю», а я въ отвѣтъ (жалѣя тебя и зная твое нетерпѣніе) «довольно было времени думать,—пора и рѣшить»; не знаю, что будетъ...» Вотъ слова, изъ которыхъ я вывелъ свое заключеніе, я убѣжденъ, что моя маменька была огорчена вашимъ стѣмлемъ «подумаю», потому что маменька хотѣла обрадовать меня вѣстью, а что пришлось ей писать послѣ вашего холодного отвѣта? Только передать ей эту сцену. Людинька, еще разъ прошу васъ, не носите на себѣ этой непроницаемой брони, подъ которой не видно чувства; это необходимо для вашего и для моего спокойствія; я неспособенъ понимать вещей и людей, когда не вижу ихъ, и угадывая часто чувство умомъ, я не довѣряю себѣ въ своемъ заключеніи, боясь ошибиться. Я вѣрю вполне тому, что вижу, а не тому, что долженъ угадать...

8-го октября.

Обрѣжьте птицѣ крылья, полетитъ ли она? Такъ и я. Женщина и мужчина во всемъ: въ жизни, въ дѣйствіяхъ, въ физическомъ и духовномъ устройствѣ—это двѣ крайности, которыхъ раздѣляетъ пропасть. Вы пишете, что вы счастливы, а могу ли я сказать то же самое про себя? Для полетовъ моего счастья у меня обрѣзаны крылья. Вы можете чувствовать, вамъ ничто не мѣшаетъ, думать за васъ будутъ другіе и сдѣлаютъ вамъ все необходимое для осуществленія вашихъ желаній. А кто станетъ дѣйствовать за меня? Кто поможетъ мнѣ въ достиженіи моей цѣли? Никто, кромѣ Бога и меня самого. На себя у меня плохая надежда. Да и что можетъ сдѣлать человѣкъ, когда онъ ничего не можетъ сдѣлать? Изъ нуля можетъ выйти нуль, но единицы ни въ какомъ случаѣ...

13-го октября.

...Думалъ о женщинахъ; почему женщины не любятъ, когда имъ говорятъ о женскомъ матеріализмѣ и подчиненности ихъ мужчинѣ? Потому что самолюбіе ихъ не хочетъ этого. Эта же самая причина, при нѣкоторой слабости головного мозга женщинъ, не позволяетъ имъ видѣть, что женщина значитъ гораздо больше мужчины, что въ видимой слабости женщинъ и заключается ихъ сила, да, наконецъ, въ сердцѣ женщины столько высокихъ достоинствъ, которыя никогда не были, да и не будутъ въ сердцѣ мужчины. Только женщина можетъ любить съ самоотверженіемъ и безъ эгоизма и расчетовъ ума, и только женщина можетъ быть матерью. Мужчины не умѣютъ любить всѣмъ существомъ своимъ, потому что сердце мужчины никогда не заглушить его ума и разсудка.

Наконецъ, материнская любовь—это глубокое, полное святое чувство, знакомо слабо мужчинамъ. Неужели женщинамъ мало этихъ исключительныхъ достоинствъ, мало ихъ правъ, какъ женщинъ, что онѣ хотятъ присвоить себѣ права мужчинъ?

14-го октября.

...Надъ этимъ мѣстомъ смѣюсь уже въ четвертый разъ: «Ахъ Н. В. научите меня думать, но умно думать, я хочу развить свой умъ непремѣнно, хочу и добыюсь до этого». Вамъ для этого ничего не нужно дѣлать, оставьте свой умъ въ покоѣ—онъ развѣтвится. Вы будете умнѣе цѣлой Самары; я не знаю здѣшнихъ дамъ и дѣвицъ, но видѣлъ ихъ всѣхъ, и утвердительно говорю, что имъ не быть тѣмъ никогда, что вы теперь, не забудьте, что вамъ 17 лѣтъ; а что наши дѣвицы въ 17 лѣтъ? Пхе—какъ говорятъ турки—и больше ничего; не заставляйте себя думать и размышлять, но думайте о томъ, что думается; и какого ума хотите вы еще?.. Да скажите мнѣ, что такое умъ? и что значитъ развить его?—понять себя какъ человѣка, и другихъ также, а вѣстѣ съ тѣмъ отношенія свои къ человѣку, человѣчеству и при-

родѣ. Вполнѣ понять этого никто не можетъ, потому что это понятіе заходитъ за предѣлы человѣческой мудрости...

15-го октября.

...Выслушайте меня: я становлю женщину вообще, такъ сказать, среднее число женщинъ, далеко ниже мужчинъ. Я не вижу, да и не могу видѣть въ нихъ, ни здраваго разсудка, ни правилъ, ни просвѣщенія, ни понятій, который возвышаютъ мужчину на степень существа духовно-разумнаго, нравственнаго и отвѣтственнаго, а женщину дѣлають прекраснымъ, высокимъ существомъ, которому мужчина долженъ поклоняться.

Я началъ бранить женщинъ съ тѣхъ поръ, когда полюбилъ васъ. Причина моего неудовольствія на женщинъ была сначала безсознательная, но потомъ я понялъ ее. Полюбивъ васъ, я увидалъ, что жизнь человѣка можетъ обѣщать много высокаго и прекраснаго, если сердцу будетъ пища и когда сердце не ошибется въ выборѣ своемъ и не раскается въ немъ. Но когда сердце не можетъ имѣть причины къ раскаянію? Когда оно найдетъ себѣ вѣрнаго друга, способнаго понимать и уважать его, и его чувствованія, и благородныя побужденія, и когда этотъ другъ будетъ вѣренъ и постояненъ. По большинству женщинъ, которое я видѣлъ, я увидѣлъ, что женщина хотя и можетъ чувствовать, однако этотъ жаръ похожъ на жаръ желѣзной печки, которая скоро накалится и скоро простынетъ,—я увидѣлъ, что женщины ищутъ въ жизни не истины и правды и сознанія своего значенія и тѣхъ высокихъ правилъ, которыя природа вложила въ сердце человѣка, а удовлетворенія пустыхъ мелочныхъ прихотей сердца, не способнаго чувствовать и сознавать ни причинъ гордости человѣка (благородства), ни причинъ его униженія (подлости). Я увидѣлъ, что средняя цифра женщинъ не умѣютъ отличить добра отъ зла, все происходитъ въ нихъ безсознательно, рядомъ съ свѣтлою мыслью стоитъ глушость, съ благороднымъ чувствомъ—подлость, съ любовью—мстительность, злость и коварство, съ постоянствомъ—вѣтренность и тщеславіе. Какъ ни ройтесь въ этомъ хаосѣ, вы рѣдко вытащите что-нибудь хорошее, если же и вытащите, то впечатлѣніе добра изгладится тотчасъ же десятью грязными сторонами подобнаго сердца.

Полюбивъ, я понялъ, чего требуетъ мое сердце, и я боялся за свое будущее. Вотъ причины моихъ постоянныхъ нападковъ на женщинъ. Я не хотѣлъ видѣть въ женщинѣ, которую люблю, тѣхъ сторонъ сердца и ума, которыя вы найдете безпрестанно, потому что онѣ между женщинами не рѣдкость. Я хотѣлъ найти въ васъ способность любить вѣрно, истинно, способность понять необходимость правды въ каждой мысли, въ каждомъ дѣйствіи человѣка,—способность сознанія всѣхъ своихъ поступковъ и проступковъ и важность, и глубину нравственныхъ правилъ, которыя въ жизни женщины выражаются въ цѣломудріи фи-

умна, чужда всего грязнаго, но съ глубокой душой и благороднымъ сердцемъ,—жаль, что она могла бы быть лучше наружностью. Сама Геденова такая женщина, что въ Самарѣ нѣтъ подобной. Очень, очень люблю Геденовыхъ. Разучиваю концертъ Беріо, тотъ, который вы играли съ Гердвихомъ, и думаю въ субботу сыграть его съ Геденовой.

10-го ноября.

Прибѣгаю къ вамъ за совѣтомъ: у меня странныя отношенія къ сестрѣ Геденовой. Для васъ ясно, что я люблю ее, какъ добрую, умную дѣвочку съ сердцемъ, чувствующимъ благородно и чисто, какъ всѣ молоденькія дѣвочки—то же самое я показываю и Юліи; но странно: она чрезвычайно внимательна ко мнѣ, смотритъ на меня иногда какъ-то особенно, и, слушая меня, постоянно оживленно и внимательно, какъ будто бы подчиняется мнѣ; мало этого: я смѣло могу дотрогиваться до руки Юліи, и я увѣренъ, что она позволила бы мнѣ взять себя за руку. Сегодня я сидѣлъ съ ней рядомъ на диванѣ, сестра ея играла на роялѣ; какъ-то въ припадкѣ расположенія, я чуть не взялъ Юлію за руку,—я протянулъ свою руку и почти схватилъ руку Юліи, она не отдернула ее, но взглянула на сестру, желая, повидимому, удостовериться, замѣтила ли мое движеніе Евгенія. Что это такое? Мнѣ кажется, что это начало можно возвести на степень чувства, если бы я вздумалъ позволить себѣ что-нибудь болѣе того, что я, любя васъ, своего хорошаго, испытаннаго друга, могъ бы позволить. Я не обвиняю себя вполнѣ, мое вниманіе къ Юліи—вниманіе молодого человѣка, понимающаго достоинства этой женщины, какъ очень, очень хорошаго существа; мнѣ не хотѣлось бы даже невниманіемъ своимъ къ Юліи показать, что я не замѣчаю ея: это была бы ложь и несправедливость относительно достоинствъ Юліи, за которыя она заслуживаетъ всякаго уваженія и расположенія молодого человѣка, имѣющаго теплое сердце и благородныя правила. Но я боюсь, чтобы Юлія, какъ молоденькая дѣвочка, не объяснила бы моего вниманія другимъ источникомъ. Что мнѣ дѣлать? Не показывать своего расположенія будетъ маска, ложь, неправда, показывать же вниманіе—боюсь. Вы видите, что мой вопросъ довольно важенъ. Какъ женщина и дѣвица, вы поймете это обстоятельство! Я самолюбивъ, и вслѣдствіе этого и не объясняю много въ свою пользу. У меня есть кусокъ здраваго смысла и уваженія къ самому себѣ. Помогите мнѣ!

23-го ноября.

Вы говорите, что я насмѣшилъ васъ тѣмъ, что исключая поцѣлуй изъ брачной жизни и что я никогда не выполню этого—не знаю, но мнѣ хотѣлось бы сдѣлать такъ, и я прошу васъ держать меня такимъ образомъ, чтобы я никогда не начиналъ никакой ласки. Мнѣ кажется, что нѣжность мужчины удаляетъ отъ него женщину, тогда какъ ласка женщины заставляетъ мужчину любить ее еще сильнѣе.

8-го декабря.

Я не доволенъ сегодняшнимъ днемъ: я дѣлалъ то, чего не хотѣлъ, и былъ тамъ, гдѣ не думалъ быть. Но теперь поздно говорить о прошломъ. Право, у Гедеоновыхъ скучно, а весело живетъ мнѣ только тогда, когда я играю. Сегодня я былъ безъ скрипки и трубы, былъ потому, что за мной заѣхалъ Воронинъ. Я не вижу разницы между собою и вами,—я тоже болѣе всего люблю свой домъ. Я доказывалъ у Гедеоновыхъ, что каждая жена готова измѣнить своему мужу, если представится къ тому удобный случай и что я вѣрю безусловно въ вѣрность дѣвицъ (и то не всѣхъ), но не женщинъ; мои слова за- дѣли бывшихъ у Гедеоновыхъ дамъ, къ несчастью потому, что всѣ сейчасъ же хотятъ сказать: «я не измѣню», и хотятъ сказать только потому, что сознаютъ въ себѣ возможность измѣны. Терпѣть не могу такого глупаго направленія самолюбія—человѣкъ, говоря, не имѣетъ права говорить о себѣ, но долженъ говорить вообще, и потому чрезвычайно глупо всякую мысль примѣнять къ себѣ съ желаніемъ сказать: «Я не сдѣлаю этого».

...Ев. Ив. я почти не люблю, нашелъ въ ней многіе недостатки, но Юлія хорошая дѣвочка, хоть и не хороша собою,—я отъ души расположенъ къ Юліи... Юлія знаетъ, что я женюсь и ѣду въ маѣ, и, смѣю васъ увѣрить, что наши отношенія самыя дружескія; я мало говорю съ Юліей, а если и говорю, потому что Юлію похожа на васъ головой и благородными правилами.

13-го декабря.

Я былъ сегодня у Борисова. Что это за благородное существо! Для меня въ Самарѣ только три человѣческія души: Борисовъ, Лазинскій (инженеръ, живущій у меня) и Юлія Ивановна. Я совѣтывалъ Лазинскому влюбиться въ Юлію, но онъ, кажется, и безъ моего совѣта сдѣлалъ шагъ къ любви. Сегодня у меня сгнанное состояніе: я чувствую, что моя голова работаетъ и сердце чувствуетъ, но я не могу ничего выразить.

14-го декабря.

Вы пишете: «Я себя не считаю лучше другихъ, потому что почти всѣ женщины, которыхъ я знаю, прекрасны». Зачѣмъ я не могу сказать того же; мой опытъ всей прошлой жизни и жизни въ Самарѣ убѣждаетъ меня въ противномъ—всѣ жены, которыхъ я знаю, или измѣняютъ своимъ мужьямъ, или готовы измѣнить при первой къ тому возможности. Я не знаю только, кого обвинять,—женщинъ ли за ихъ легкость и непостоянство, или мужчинъ за неумѣнье сохранять любовь своихъ женъ. Впрочемъ, я много видѣлъ мужчинъ, которые, для блага своихъ женъ и семействъ, дѣлаютъ все, но при всемъ томъ они подпадаютъ общей участи женатыхъ. Неужели законъ сердца

женщины требуетъ непременно вѣчныхъ утѣхъ любви? а мужъ, вѣдѣти? И къ чему это пустое самолюбіе и безпредѣльное желаніе нравиться. Къ чему дѣвочки и дѣвицы выходятъ замужъ не по любви, а влюбляясь? Можетъ быть, онѣ потому скоро и остываютъ, а не понимая своихъ обязанностей и не испытавъ истинной страсти, онѣ или кидаются, или готовы кинуться въ объятія перваго встрѣчнаго мужчины, который можетъ согрѣть ихъ любовью болѣе пылкой любви мужа...

20-го декабря

Какая тоска была мнѣ вчера: въ управленіи были торги до 4-хъ часовъ (я ухожу изъ управленія обыкновенно въ 11 часовъ), потомъ обѣдалъ у Борисова—это хорошо, наковедъ былъ у Геденова, и это хорошо. Я положилъ себѣ закономъ играть непременно каждый день 4 часа, а то иначе я не выучусь. Съ четверга я начну играть квартеты Моцарта съ музыкантами здѣшняго помѣщика Путилова; я играю вторую скрипку. Со временемъ я буду играть порядочно, и вотъ мы будемъ играть просто до безконечности, вѣдь вы любите играть? и готовы цѣлый день? Я готовъ, если это музыка Моцарта или другихъ подобныхъ. Концерты Беріо мнѣ надоели.

26-го декабря.

Провелъ день очень пріятно: сначала въ церкви напился чувствомъ благоговѣнія, потомъ дѣлалъ визиты, былъ у Геденова, получилъ приглашеніе обѣдать, послѣ обѣда игралъ у Путилова, опять былъ у Геденова и теперь дома. -Я люблю Юлію, славная дѣвочка, но мнѣ кажется, что она кокетничаетъ.

12-го января.

...Вечеромъ хотѣлъ играть на скрипкѣ, но ко мнѣ пришелъ Геденовъ, спросить, не хочу ли я идти къ Путиловымъ. Я отправился, и за то какъ скучалъ, просто ужасъ, вотъ тоска-то! А вѣдь у Путилова двѣ дочери... Старшая можетъ быть человекомъ, въ ней есть вѣкоторая глубина души и способность любить, нужно только, чтобы кто-нибудь взялъ на себя сдѣлать изъ нея женщину. Младшая же даже и не подаетъ надежды на человѣчность. Не люблю эти кадильныя ватуры,—для нихъ жизнь только въ полкѣ.

13-го января.

...Вы знаете, что, можетъ быть, болѣе двухъ недѣль я былъ влюбленъ въ Юлію; не сердитесь и не бойтесь. Васъ не было подлѣ меня, а я нашелъ существо, поразительно сжсшее съ вами, и влюбился въ нее.

14-го января.

...Если бы вы знали, какъ холодно съ самарскими жителями, они точно театральныя солдаты—свѣтять, но не грѣютъ. Удивительно ли, что

я предпочелъ имъ всѣмъ существо мыслящее, чувствующее. Я говорю про Юлію.

17-го января.

...Мнѣ нравятся дочери Путилова, право, добрыя, и вообще все семейство его очень хорошее, особенно сама Путилова.

18-го января.

...Сегодня мнѣ ужасно холодно, такъ озябли ноги, на дворѣ страшная вьюга. Сегодня,—очень серьезно,—предлагали мнѣ жениться, на комъ—я скажу вамъ послѣ, да и весь разговоръ передамъ вамъ это очень интересно.

19-го января.

...Вы не думайте, что только на вашу долю пришлось одерживать побѣды; вѣдь и я тоже немного маракую по этой части, только, признаться по совѣсти, право, не знаю, за что везетъ мнѣ это счастье, я могъ бы одержать въ Самарѣ четыре блистательныхъ побѣды, и можетъ быть, онѣ льстили моему самолюбію, но вопросъ, къ чему поведутъ онѣ, не позволяетъ мнѣ поступать противъ своей совѣсти и своего сердца... Васъ пугаетъ бракъ, Люденька, меня пугаетъ онъ чуть ли не больше. Развѣ я не долженъ сдѣлать васъ счастливой? развѣ я не долженъ обезпечить васъ? А что у меня впереди? Я въ потьмахъ... Надежда,—но развѣ довольно одной надежды на будущее?

21-го января.

Вотъ жизнь-то веду! Опять третій часъ, и я только что пріѣхалъ домой. Впрочемъ, такимъ образомъ живетъ вся Самара. Былъ у Манжоса (управляющій удѣльной конторой, лицо важное). Люди танцовали, а я, въ качествѣ мыслящаго наблюдателя, наблюдалъ, ничего не видя, и думалъ, ничего не мысля. Хотя это и трудно, однако, возможно. Мнѣ нравится Анна Путилова. Прекрасное существо со всѣми началами для женщины; жаль, что институтка. Я хочу поговорить съ ней о людяхъ вообще и о женщинахъ и мужчинахъ въ особенности. Можетъ быть, во мнѣ говоритъ самоувѣренность, но мнѣ кажется, что я лучше и яснѣе понимаю эти вещи, а слѣдовательно, и жизнь; чѣмъ Анна Аристарховна.

27-го января.

Я, кажется, прослылъ въ Самарѣ мечтателемъ. Странные люди, они не хотятъ понять, что человѣкъ прежде всего снабженъ отъ природы сердцемъ. Кто хочетъ понять жизнь, себя и людей, пускай изучаетъ законы человѣческаго сердца, и тогда многое будетъ открыто человѣку, по крайней мѣрѣ, знаніе: имѣть вліяніе надъ людьми и способность угадывать человѣка. А неужели это ничего? Какое можетъ быть прс-

красное существо Анна Пугилова! Жаль, если не найдется человекъ, способный принять эту натуру и сдѣлать изъ нея—институтки—женщину въ прекрасномъ и высокомъ значеніи этого слова.

14-го февраля.

Былъ у Геденовыхъ. Юлія осталась въ Москвѣ, и слава Богу, я благодарилъ за это Якубовича, стоитъ; въ Самарѣ нѣтъ человека, котораго могла бы полюбить Юлія Ивановна, а она не создана, ничего не чувствовать. Былъ также у Пугиловыхъ, узналъ прекрасную вещь: сестры, Анна и Лариса, откровенны между собою во всемъ, онѣ не скрываютъ ничего одна отъ другой. Если бы вы знали, какое впечатлѣніе произвело на меня это открытіе! Гдѣ между людьми откровенность и довѣрчивость? Я не видѣлъ еще это. Даже между нами, Людинька, мнѣ кажется, не будетъ полная откровенность, любовь и вслѣдствіе того нежеланіе огорчить помѣшаютъ нашей откровенности. Умоляю васъ всѣмъ святымъ, будьте откровенны и довѣрчивы во всемъ, даже если бы вамъ пришлось сказать: «Ник. Вас., я не люблю васъ».

22-го февраля.

...Въ моей жизни есть женщины благороднаго сознанія своего несовершенства. Что я такое? Такъ себѣ—а между тѣмъ я могу быть сапожникомъ, портнымъ, поваромъ, столяромъ, музыкантомъ на какомъ угодно инструментѣ, живописцемъ—однимъ словомъ, всѣмъ, потому что у меня есть ко всему способности и ничѣмъ—потому что въ духовно-разумномъ значеніи я только золотая середина. Мое сердце не создано для глубокой любви, любовь не можетъ оставить въ немъ неизлѣчимой раны, а между тѣмъ я все-таки умѣю любить [въ вообще человѣческомъ смыслѣ, потому что люблю, какъ любятъ всѣ женщины и всѣ люди. А между тѣмъ: такъ ли нужно любить, какъ любятъ всѣ? нѣтъ,—далеко не такъ; у насъ любовь крѣпко похожа на пряничнаго кнзя, обмазаннаго мѣстами сусальнымъ золотомъ, любовь,—прихоть, игрушка, но не чувство. Вліяніе ли это положительности XIX вѣка или другихъ—я не берусь рѣшить, но желалъ бы, чтобы природа дала мнѣ способность чувствовать далеко глубже того, какъ я умѣю чувствовать, и любить той сильной страстью, которая составляетъ только удѣлъ избранныхъ.

Потомъ мой умъ. Меня всѣ находятъ умнымъ и я самъ знаю, что умѣю нѣкоторыхъ дураковъ; но этотъ ли умъ составляетъ значеніе человека въ собственномъ мнѣніи?—нѣтъ. Что я узналъ?—ничего. Что я понялъ?—ничего. Я не знаю ни одного человека. А вотъ рѣшительно ни на волосъ. Знаю еще немного самого себя и потому только, что я не имѣю причины льстить самому себѣ.

23-го февраля.

...Гедеонова говоритъ, что она никогда не измѣнитъ своему мужу, что она понимаетъ, что и дѣйствительное должно быть такимъ и что мечты не должны смущать спокойствіе ея совѣсти. Хорошо, очень хорошо. Знаете что? Если я буду не пара вамъ, если я не буду умѣть любить васъ такъ, какъ требуетъ ваше сердце, любите другого, видѣть Богъ, я не разсержусь за это. Я понимаю, что это въ порядкѣ вещей, и что сердце женщины живетъ только чувствомъ, потому что иначе женщина не живетъ и лишена жизни, а имѣю ли я право отнять у васъ жизнь?

Впрочемъ, я странный человѣкъ, во мнѣ есть непостоянство; пожалуйста управляйте мною хорошенько и старайтесь лучше любить меня, а то мнѣ будетъ очень худо.

24-го февраля.

...Былъ у Путилова и провелъ очень хорошо время. Голова моя думала вѣчто, а сердце чувствовало, но что? радость! радость! Мнѣ было весело съ Гедеоновой и Путиловыми. Да и какъ же не веселиться, когда эти люди добры и умны какъ могутъ быть женщины.

27-го февраля.

Еще новая черта моего характера: мнѣ надоѣдаютъ скоро всѣ, я кидаюсь обыкновенно горячо, готовъ за человѣка, который мнѣ понравился, положить свою душу, но когда пройдетъ первый пылъ, и я начну смотрѣть хладнокровнѣе на предметъ, который такъ поразилъ меня, я вижу, что это не то, что я ищу, что голова моя недовольна тою пищею, которую ей предлагаютъ, и сердцу не достаетъ тоже чего-то, и охладѣваю. Это было со мной на вѣку уже нѣсколько разъ, было и въ Самарѣ, Гедеонова и Путиловы неудовлетворили меня, и я остался недоволенъ ими. Я набросился теперь на одного молодого человѣка (Пекарскій), но и здѣсь я уже предвижу разочарованіе. Объясните мнѣ эту особенность моего характера, кто виноватъ: люди или я? И неужели для меня нужна исключительность, напримѣръ, вѣчто въ родѣ «пищи боговъ». Рассмотрите этотъ предметъ и напишите свое мнѣніе, но не забудьте.

28-го февраля.

Знаете что? Пуститесь въ литературу, вѣдь въ этомъ можетъ быть кусокъ хлѣба, хоть небольшой, вѣдь у насъ и аппетитъ будетъ небольшимъ, да? Право пуститесь, мы можемъ писать, я знаю это, потому что знаю и себя, и васъ... Во мнѣ сильное расположеніе къ лѣни. Ужасно люблю сидѣть или лежать и ничего не дѣлать. При этомъ я разумѣется, думаю, но, пожалуйста, не спрашивайте, о чемъ я думаю. Мысли мои блуждаютъ, не останавливаясь твердо ни на одномъ предметѣ. Случается,

что я мечтаю, и въ такомъ случаѣ вы начало моей мечты, вы—пища моему воображенію. Время мечтаній—пріятнѣйшее время моей жизни. Отчего меня не пугаетъ дѣйствительность? для меня какъ будто бы нѣтъ ея. Я смотрю на людей не такъ, какъ они есть, но какъ они могутъ быть. и такъ счастливо дѣйствую, что постоянно смотрю на міръ чрезъ стекло, созданное моимъ воображеніемъ. Поступая такъ, я дѣлаю, можетъ быть ошибку, но какое мнѣ дѣло, что я ошибаюсь, если ошибаться такъ пріятно.

6-го марта.

Масляница кончилась. На меня подѣйствовала она очень разрушительно: я весь ослабъ, не могу писать.

14-го марта.

Вчера былъ пѣлый день дома, началъ новую статью: дай Богъ, чтобы она принесла мнѣ деньги, а то, къ несчастію, большая часть моихъ трудовъ пропадаютъ безъ пользы для меня. Мнѣ кажется, что время начинаетъ идти ужасно медленно, вторникъ второй недѣли, а мнѣ нужна страстная, и потомъ солнце въ нынѣшнемъ году не хочетъ грѣть, снѣгъ таетъ слабо; если не сойдетъ къ страстной недѣлѣ мнѣ нельзя ѣхать, и во всякомъ случаѣ къ 29 числу едва ли успѣю я пріѣхать. Старикъ не хотятъ, чтобы свадьба была въ маѣ. Неужели замѣчаніе ихъ вѣрно? разумѣется, нѣтъ! въ маѣ—маяться—вотъ дичь, и только понятная для русскихъ, потому что нѣмецъ отъ слова май не произведетъ маяться, за неимѣніемъ этого слова.

16-го марта.

Вѣдь наши письма вовсе не отраженіе насъ самихъ въ теченіе пѣлаго дня, а только полуотчетъ въ нашемъ состояніи въ то время, когда мы пишемъ. Неужели мой день прошелъ въ впечатлѣніи тоски, которую навелъ на меня Шульцъ; вовсе нѣтъ. У меня были и радости, я чувствовалъ и мыслилъ, но отъ чего же я не отдаю вамъ отчета въ своихъ мысляхъ и чувствахъ? Вы поступаете точно такъ же, но вашихъ причинъ не знаю, а о своихъ я могу сообщить вамъ кое-что. Я не созданъ для физическаго труда, мое дѣло токъко чувствовать и мыслить, но не излагать своихъ мыслей и чувствъ на бумагѣ. Мысль моя сейчасъ оборвется, если я примусь писать ее, потому что во время изложенія одной мысли въ головѣ моей пройдетъ ихъ нѣсколько, чувства мои точно также охлаждаются, потому что механическое изложеніе убиваетъ ихъ: мое дѣло—говорить и зато съ человѣкомъ, который понимаетъ меня и сочувствуетъ мнѣ, я готовъ говорить безъ умолку, готовъ надобѣсть ему. Хорошо это или худо, судите вы, но въ примѣненіи къ себѣ...

Теперь я понимаю отчего наши письма неполны: написать всѣхъ

думъ и чувствъ нельзя, листъ почтовой бумаги слишкомъ малъ и оттого рисуетъ одну механическую сторону дѣйстви, какъ дѣлалъ я это сегодня, а духовное ускользаетъ. Но, впрочемъ, духовность еще не ушла отъ насъ, мы наговоримся.

18-го марта.

Написалъ двѣ польки: Пекарскій-Polka и Лариса-Polka, нельзя, сочувствіе къ влюбленнымъ, потому что самъ люблю. Да и я могъ бы торжествовать въ Самарѣ побѣды, да только мнѣ ужъ стыдно и потому я держу себя какимъ-то дядюшкой.

Утромъ странствовалъ съ визитами. Вечеръ сидѣлъ дома; это ужъ другой вечеръ. Считаю расходъ; ужасно, какъ идутъ деньги, а все обзаведеніе, да, дорого это мнѣ обходится, а посмотрѣть, такъ все пустяки, мелочь. Жить здѣсь недорого, а проживается много. Жду васъ, вы убавите, вѣроятно, расходъ; впрочемъ, онъ и долженъ убавиться, обзаведеніе кончится. Къ чести Павла, онъ очень экономень, честень и вѣренъ, моя собственность для него свята такъ же, какъ и его.

Надобно молить Бога объ одномъ: чтобы насъ не постигла въ жизни нужда; человѣкъ легко уживется съ самымъ страшнымъ врагомъ, но съ нуждой ужиться не сѹмѣетъ.

Теперь 4 часа, Пекарскій вочуетъ у меня. Мы говорили много о Ларисѣ, и какое счастье говорить о любви! Я такъ и чувствую, что люблю васъ! Меня называютъ восторженнымъ; правда ли это? Мнѣ кажется, напротивъ, что я черзчуръ положителенъ. О положительности—Боже! Боже! дай средства, помоги мнѣ въ обезпеченіи!

...Грустно чувствовать, что счастье жизни зависитъ отъ денегъ. Если бы у насъ были деньги? Да! мечты неосуществимыя. Нужно зарабатывать себѣ корку насущнаго хлѣба и, право, сердце откажется чувствовать радость любви, когда испытываетъ горе недостатка въ обезпеченіи.

23-го марта.

Вчера былъ у Путилова; Лариса ходила и говорила съ Пекарскимъ, Анна и Катенька были заняты гостями, дѣвицами, я ходилъ одинъ и въ пѣлый вечеръ сказалъ не болѣе 10 словъ. Мнѣ не было скучно, но было тяжело на душѣ, и причину грусти я не могу опредѣлить. Это не любовь, потому что сердце мое спитъ для любви пылкой ко всѣмъ, исключая васъ, и не предчувствіе скорой разлуки съ Путиловыми (они уѣзжаютъ завтра въ деревню), а странная прихоть сердца, которому вздумалось чувствовать тоску; впрочемъ, не предчувствіе ли чего-нибудь дурного относительно васъ и меня. Не понимаю ничего, знаю только, что и сегодня мнѣ «и скучно, и грустно».

...Описывать ли вамъ впечатлѣнія сегодняшняго дня? Былъ опять у Путилова, завтра, въ 7 часовъ утра, они ѣдутъ въ деревню.

Тоска или нѣтъ—не знаю.

На четвертой недѣлѣ говѣю, не забудьте, что и вамъ надобно, и достаньте свидѣтельство. Пойду къ хозяину спросить рѣшительно о деньгахъ, у меня уже сдѣланъ заемъ въ 200 цѣлковыхъ, изъ которыхъ 100 истратилъ—страшно выходятъ деньги, экономіи учиться буду у васъ.

11-го апрѣля.

Мысль какъ будто была возбуждена въ разговорѣ съ Пекарскимъ, но, спрашивая себя: «что я вывелъ изъ сегодняшняго разговора?» я долженъ безпристрастно сказать: «ничего» и вы скажете: «да, немного». Такъ бываетъ часто съ человѣкомъ; право, не стоитъ много хлопотать, чтобы дойти до подобнаго неутѣшительнаго результата».

Письма Николая Васильевича обрываются, потому что Волга начала трогаться и онъ выѣхалъ, чтобы жениться.

Въ маѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ Николай Васильевичъ и на третій день послѣ свадьбы мы уѣхали изъ Выборга.

МЕРТВЫЕ МОЛЧАТЪ.

Разсказъ Артура Шнитцлера.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Онъ не въ состояніи былъ дольше сидѣть въ коляскѣ, вышелъ изъ нея и сталъ ходить взадъ и впередъ по тротуару. Уже стемнѣло; огоньки немногихъ фонарей, разсѣянныхъ по этой тихой, лежащей въ сторонѣ улицы, колебались на вѣтрѣ. Дождь кончился, тротуары были почти сухи, но мостовая, не покрытая асфальтомъ, не успѣла еще просохнуть и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовались маленькія лужи.

— Это удивительно,—думалъ Францъ,—до какой степени здѣсь, нѣста шагахъ отъ Пратера, чувствуешь себя точно въ какомъ-нибудь провинціальномъ венгерскомъ городишкѣ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь можно быть совершенно спокойнымъ—не рискуешь встрѣтить никого изъ знакомыхъ.

Онъ посмотрѣлъ на часы. Семь... и уже совсѣмъ ночь. Въ этомъ году осень наступила рано... И эта проклятая буря!

Онъ подвигалъ воротникъ и быстрѣе ускорилъ шаги. Вѣтеръ усиливался, стекла фонарей звенѣли. «Еще полчаса,—думалъ онъ,—и я могу уйти. Мнѣ почти хочется, чтобы это было поторопѣе». Онъ остановился на углу: отсюда ему видны были обѣ улицы, откуда она могла придти.

«Да, сегодня она придетъ,—думалъ онъ, придерживая рукой шляпу, которая каждую минуту угрожала слетѣть.—Пятница, засѣданіе факультета... Этимъ днемъ она всегда пользуется, и можетъ даже остаться подольше...»

До него долетали звонки конокъ; вотъ начался звонъ съ колокольной сосѣдней церкви. Улица немного оживилась; мимо него проходило больше народу, преимущественно, какъ ему казалось, служащіе въ тѣхъ магазинахъ, которые закрывались въ 7 часовъ. Всѣ торопились и боролись съ настигавшими ихъ порывами вѣтра, затруднявшими ходьбу. Никто не обращалъ на него вниманія, только нѣсколько модистокъ съ любопытствомъ посматривали на него, проходя мимо. Вдругъ онъ уви-

дѣлъ издали знакомую женскую фигуру. Онъ быстро пошелъ ей навстрѣчу. «Безъ экипажа,—подумалъ онъ,—Она ли это?»

Это была она; увидѣвъ его, она ускорила шаги.

— Ты пѣшкомъ?—спросилъ онъ.

— Я отпустила извозчика у Карлъ-театра. Мнѣ показалось, что я уже разъ ѣхала съ тѣмъ же самымъ кучеромъ.

Какой-то господинъ прошелъ мимо нихъ и мелькомъ взглянулъ на молодую женщину.

Францъ пристально посмотрѣлъ на него почти угрожающимъ взглядомъ; тотъ быстро прошелъ мимо. Эмма испуганно посмотрѣла ему вслѣдъ.

— Кто это?—спросила она.

— Не знаю. Здѣсь не встрѣтишь знакомыхъ, будь покойна. Но пойдемъ скорѣе, сядемъ въ экипажъ.

— Это твоя коляска?

— Да.

— Открытия?

— Часъ тому назадъ была еще хорошая погода.

Они поспѣшили къ коляскѣ. Молодая женщина сѣла въ нее.

— Кучеръ!—позвалъ Францъ.

— Гдѣ же онъ?—спросила она.

Францъ оглянулся кругомъ.

— Это невѣроятно,—проговорилъ онъ.—Его нигдѣ не видно.

— Боже мой!—воскликнула Эмма тихо.

— Подожди минутку, дитя мое. Онъ навѣрное здѣсь.

Молодой человѣкъ заглянулъ въ маленькій трактиръ, около котораго стоялъ экипажъ. За столомъ сидѣлъ кучеръ съ нѣсколькими другими людьми. Увидя Франца, онъ быстро всталъ.

— Сейчасъ иду, баринъ,—сказалъ онъ и, стоя, допилъ свой стаканъ вина.

— Куда это вы пропали?

— Простите, баринъ. Вотъ я и вернулся.

Онъ пошелъ къ лошадямъ, немного покачиваясь.

— Куда прикажете ѣхать, ваша милость? ¶

— Въ Пратеръ.

Францъ сѣлъ въ экипажъ. Молодая женщина забилась въ уголъ и тѣсно прижалась къ стѣнкѣ коляски.

Францъ взялъ ее обѣ руки. Она оставалась неподвижной.

— Ты не хочешь даже поздороваться со мной?

— Пожалуйста, дай мнѣ отдохнуть еще минутку. Я совсѣмъ запыхалась.

Молодой человѣкъ откинулся въ свой уголъ. Нѣкоторое время оба молчали. Экипажъ свернулъ въ улицу Пратеръ, проѣхалъ мимо памятника Тегетову, и черезъ нѣсколько секундъ вѣхалъ въ широкую

темную аллею Пратера. Тутъ Эмма вдругъ обвила своими руками его шею. Онъ поднялъ вуаль съ ея лица и поцѣловалъ ее.

— Наконецъ-то мы опять вмѣстѣ,—проговорила она.

— Знаешь, сколько времени мы съ тобой не видѣлись?—спросилъ онъ.

— Съ воскресенья.

— Да, и то лишь издалека.

— Какъ, издалека. Вѣдь ты былъ у насъ.

— Ну, да... у васъ. Ахъ, такъ это больше не можетъ продолжаться. Я рѣшилъ никогда больше не приходить къ вамъ. Но что съ тобой?

— Мимо васъ проѣхала какая-то карета.

— Милое дитя мое, люди, которые сегодня катаются въ Пратерѣ, право, нисколько нами не интересуются.

— Это правда. Но случайно кто-нибудь можетъ заглянуть.

— Теперь невозможно узнать кого бы то ни было.

— Прощу тебя, поѣдемъ куда-нибудь въ другое мѣсто.

— Какъ хочешь.

Онъ кликнулъ кучера, который, однако, не услышалъ его призыва. Тогда онъ приподнялся и дотронулся до его плеча. Кучеръ обернулся.

— Поворачивайте назадъ. И къ чему вы такъ гоните лошадей. Мы никуда не спѣшимъ. Слышите? Поѣзжайте... знаете, въ ту аллею, которая ведетъ къ мосту.

— По большому шоссе?

— Да, только не гоните такъ лошадей. Это совѣтъ не нужно.

— Это, баринъ, лошади отъ бури шибко бѣгутъ.

— Ну, конечно, буря виновата.

Францъ снова сѣлъ.

Кучеръ повернулъ. Они поѣхали обратно.

— Почему ты вчера не показывался?—спросила она.

— Гдѣ же?

— Я думала, что ты тоже былъ приглашенъ къ моей сестрѣ.

— Ахъ, вотъ что! Да, я получилъ приглашеніе.

— Почему же ты не пришелъ?

— Потому что я не выношу встрѣчъ съ тобою среди чужихъ людей. Нѣтъ, этого больше никогда не будетъ.

Она пожала плечами.

— Гдѣ мы находимся?—спросила она, немного погодя.

Они въѣзжали на шоссе подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ.

— Мы на дорогѣ къ Дунаю, — сказалъ Францъ. — Здѣсь уже не встрѣтишь знакомыхъ,—прибавилъ онъ насмѣшливо.

— Коляску ужасно трясетъ.

— Да, вотъ мы опять въѣхали на асфальтъ.

— Почему онъ ѣдетъ такъ вкривь и вкось?

— Это тебѣ кажется.

Но онъ и самъ находилъ, что коляска болѣе чѣмъ нужно колышется съ одного бока на другой. Онъ не хотѣлъ говорить объ этомъ, чтобы не усиливать ея тревоги.

— Мнѣ нужно сегодня много и серьезно говорить съ тобой, Эмма.

— Въ такомъ случаѣ начинай скорѣе, потому что въ девять я уже должна быть дома.

— Все можетъ быть рѣшено въ двухъ словахъ.

— Боже, да что это такое!—воскликнула она.

Коляска наѣхала на рельсы конно-желѣзной дороги и кучеръ такъ круто поворачивалъ, что она чуть не опрокинулась. Францъ схватилъ кучера за его плащъ.

— Стойте!—крикнулъ онъ ему.—Вѣдь вы совсѣмъ пьяны!

Кучеръ съ трудомъ остановилъ лошадей.

— Нѣтъ, ваша милость...—началъ онъ.

— Выйдемъ здѣсь, Эмма.

— Гдѣ мы находимся?

— Почти у самаго моста. Да и вѣтеръ уже начинаетъ стихать. Пройдемся немного. Въ экипажѣ нельзя какъ слѣдуетъ поговорить.

Эмма опустила вуаль и послѣдовала за нимъ.

— По твоему, это называется, «вѣтеръ стихаетъ», — воскликнула она, когда ее на первыхъ же шагахъ охватилъ сильный порывъ вѣтра.

Онъ взялъ ее подъ руку и крикнулъ извозчику:

— Поѣзжайте за нами.

Они молча дошли до моста; тамъ остановились на нѣкоторое время у перилъ, посмотрѣть на воду. Кругомъ былъ глубокій мракъ. Широкая рѣка сѣрой полосой простиралась въ неопредѣленную даль, гдѣ виднѣлись красные огоньки, которые точно порхали надъ водою и отражались въ ней. Съ берега, съ котораго они пріѣхали, въ воду спускались дрожащія полосы свѣта отъ фонарей; другой берегъ терялся въ темной мглѣ. Вотъ послышался далекій грохотъ, который дѣлался все ближе и ближе. Они невольно посмотрѣли въ ту сторону, гдѣ мерцали красные огоньки: въ темнотѣ пронесся поѣздъ съ освѣщенными окнами, на мгновеніе озарившими желѣзные переплеты моста, которые внезапно вынырнули изъ темноты и сейчасъ же опять исчезли. Грохотъ понемногу стихъ; только сильные порывы вѣтра нарушали окружающее безмолвіе.

Послѣ долгаго молчанія Францъ сказалъ:

— Намъ нужно уѣхать.

— Конечно,—отвѣтила Эмма тихо.

— Намъ нужно уѣхать,—продолжалъ Францъ настойчиво.—Я хочу сказать, совсѣмъ уѣхать, навсегда...

— Да вѣдь это невозможно.

— Потому что мы трусы, Эмма, потому и невозможно.

— А ребенокъ?

— Онъ отдалъ бы его тебѣ, я въ этомъ твердо убѣжденъ.

— Какъ же быть?—продолжала она тихо.— Убѣжать потихоньку ночью?

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ. Ты должна просто сказать ему, что не можешь больше жить съ нимъ, потому что ты принадлежишь другому.

— Ты съ ума сошелъ, Францъ.

— Если хочешь, я избавлю тебя отъ этого разговора. Я самъ скажу ему.

— Этого ты не сдѣлаешь, Францъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее, но въ темнотѣ видно было только, что она подняла голову и повернула ее къ нему.

Онъ помолчалъ нѣкоторое время, потомъ сказалъ спокойно:

— Не бойся, я этого не сдѣлаю.

Они пошли дальше.

— Ты ничего не слышишь?—спросила она.—Что это такое?

— Кто-то ѣдетъ съ той стороны—отвѣтилъ онъ.

И дѣйствительно, въ темнотѣ появился красный огонекъ; вскорѣ они увидѣли, что онъ исходитъ изъ маленькаго фонаря, прикрѣпленнаго къ передку телѣги, но они не могли разглядѣть, была ли телѣга нагружена чѣмъ-нибудь, были ли въ ней люди. Вслѣдъ за нею проѣхали еще двѣ такія же телѣги. На послѣдней они разглядѣли человека въ крестьянской одеждѣ, курившаго трубку. Телѣги проѣхали мимо. Опять все стихло; слышно было только громоуханье коляски, слѣдовавшей за ними шагахъ въ двадцати. Они дошли до другого берега, и передъ ними открылась широкая, окаймленная деревьями, дорога, уходившая въ темноту. Посаженные по обѣимъ сторонамъ ея ветлы точно нависли надъ пропастями.

Послѣ долгаго молчанія Францъ вдругъ проговорилъ:

— Итакъ, сегодня послѣдній разъ...

— Что?—спросила Эмма озабоченно.

— Что мы вмѣстѣ. Оставайся съ нимъ. Намъ надо проститься.

— Ты говоришь серьезно?

— Совершенно.

— Вотъ видишь, ты самъ теперь отравляешь тѣ немногіе часы, которые мы можемъ быть вмѣстѣ, а вовсе не я.

— Да, да, ты права,—сказалъ Францъ.— Поѣдемъ назадъ.

Она тѣснѣе прижала къ себѣ его руку.

— Нѣтъ,—сказала она нѣжно.—Теперь я не хочу. Я не позволю такъ прогонять себя.

Она притянула его къ себѣ и поцѣловала его долгимъ поцѣлуемъ.

— Куда бы мы прѣхали, если бы ѣхали все прямо по этой дорогѣ?—спросила она.

— Эта дорога идетъ въ Прагу, дитя мое.

— Это слишкомъ далеко,—сказала она, улыбаясь.—Но поѣдемъ еще немного впередъ, если хочешь.

— Эй, кучеръ—крикнулъ Францъ, но тотъ не слышалъ его.

Францъ крикнулъ еще разъ:

— Остановитесь же!

Коляска ѣхала все дальше. Францъ побѣждалъ ей въ догонку, и тутъ увидѣлъ, что кучеръ спитъ. Ему съ трудомъ удалось разбудить его.

— Мы поѣдемъ еще немного дальше... прямо по дорогѣ. Понимаете вы?

— Какъ не понять, ваша милость.

Они опять сѣли въ коляску. Кучеръ взмахнулъ кнутомъ, лошади, какъ бѣшенныя, понеслись по размякшей дорогѣ. Молодые люди сидѣли крѣпко обнявшись, въ то время какъ коляску подбрасывало изъ стороны въ сторону.

— Развѣ намъ не хорошо теперь?—шепнула Эмма, прижавшись къ нему.

Въ эту минуту ей показалось, что экипажъ вдругъ взлетѣлъ вверхъ—она хотѣла уцѣпиться за что-нибудь, но не могла, ей казалось, что она съ головокружительной быстротой летитъ куда-то, вдругъ она очутилась на землѣ и кругомъ настала глубокая, ужасающая тишина, какъ будто она осталась далеко отъ міра и совершенно одинокой. Потомъ до нея донеслись разнообразные звуки: топотъ лошадей гдѣ-то совсѣмъ близко отъ нея и чьи-то тихіе стоны, но видѣть она не могла ничего. Её охватилъ ужасъ; она вскрикнула и ужасъ ея еще усилился, потому что она не слышала своего крика. Она сразу поняла, что случилось: коляска наткнулась на что-нибудь, можетъ быть, на большой камень, опрокинулась и она вылетѣла изъ нея.

Но гдѣ же онъ?—было ея ближайшей мыслью. Она позвала его по имени, и на этотъ разъ услышала свой крикъ. Отвѣта не было. Она попробовала подняться; ей удалось сѣсть на землю, и когда она повела руками кругомъ, чтобы ощупать почву, она прикоснулась къ лежащему рядомъ съ нею человѣку. И тутъ она различила въ темнотѣ Франца, лежащаго рядомъ съ нею совершенно неподвижно. Она дотронулась рукою до его лица и почувствовала прикосновеніе къ ея рукѣ чего-то теплаго и влажнаго. У нея захватило дыханье. Кровь? Что же случилось? Францъ былъ раненъ и лежалъ безъ сознанія. А кучеръ—гдѣ же онъ? Она кликнула его. Никакого отвѣта.—Со мной ничего не случилось,—думала она, хотя ощущала боль во всемъ тѣлѣ.—Что же мнѣ теперь дѣлать, что мнѣ дѣлать... Не можетъ быть, чтобы со мной ничего не случилось...—Францъ!—крикнула она. Чей-то голосъ отвѣтилъ ей совсѣмъ вблизи: «Гдѣ же вы, барышня? Гдѣ же баринъ? Не случилось ли съ вами чего? Вотъ погодите, я зажгу свой фонарь... Не знаю, что это сегодня приключилось съ моими клячами... Я, ей-Богу, не виноватъ... Эти проклятыя лошаденки наскочили на какую то кучу...»

Эмиль удалось приподняться, несмотря на боль во всѣхъ членахъ;

ее немного успокоило то, что кучеръ, очевидно, тоже былъ здоровъ и невредимъ. Она слышала, какъ онъ открылъ дверцу фонаря и чиркнулъ спичкой. Съ тревогой ждала она свѣта. Она не рѣшалась еще разъ дотронуться до Франца, простертаго около нея на землѣ, и думала: «Въ темнотѣ все кажется страшнѣе. Вѣроятно, онъ лежитъ съ открытыми глазами... можетъ быть, съ нимъ ничего серьезнаго не случилось».

При свѣтѣ фонаря она увидѣла коляску, которая, однако, къ ея удивленію, совсѣмъ не была опрокинута, а стояла, прислонившись къ уличной насыпи, точно у нея было сломано колесо. Лошади стояли совершенно неподвижно. Кучеръ съ фонаремъ приближался къ ней. Свѣтъ фонаря скользнулъ по насыпи, спускающейся къ канавѣ, озарилъ свачала ноги Франца, потомъ туловище его, и наконецъ лицо. Кучеръ поставилъ фонарь на землѣ около головы лежавшаго. Эмма стала на колѣни и заглянула ему въ лицо: оно было блѣдно и изъ за полузакрытыхъ вѣкъ виднѣлись только бѣлки глазъ. Изъ праваго виска вытекала струйка крови, медленно сочившаяся по щекѣ и терявшаяся за воротникомъ. «Этого не можетъ быть», сказала она себѣ.

Кучеръ также сталъ на колѣни и пристально смотрѣлъ въ лицо Францу. Потомъ онъ вдругъ взялъ его голову въ обѣ руки и приподнялъ её.

— Что вы дѣлаете? — крикнула Эмма сдавленнымъ голосомъ; ее испугала эта голова, которая точно сама собою приподнялась.

— Барышня, сдается мнѣ, что тутъ случилось большое несчастье.

— Это неправда, — сказала Эмма. — Не можетъ этого быть. Вѣдь вы совсѣмъ не ушиблись. И я тоже...

Кучеръ медленно опустилъ голову Франца и положилъ ее на колѣни къ Эммѣ, которая дрожала всѣмъ тѣломъ. Если бы ктонибудь пришелъ... если бы тѣ крестьяне проѣхали четвертью часомъ позднѣе.

— Что же намъ теперь дѣлать? — проговорила Эмма дрожащими губами.

— Вотъ ужъ не знаю, барышня. Если бы еще коляска не сломалась... Нужно здѣсь ждать, пока кто-нибудь не придетъ. — Онъ говоритъ что то еще, но Эмма не понимала его словъ.

— Далеко до ближайшихъ домовъ? — спросила она наконецъ.

— Не очень далеко, барышня. Если бы было свѣтло, мы бы черезъ пять минутъ увидѣли Йозефсландъ *).

— Такъ идите туда и приведите кого-нибудь, а я останусь здѣсь.

— Мнѣ сдается, барышня, что лучше бы мнѣ остаться здѣсь съ вами — кто-нибудь, навѣрное, да пройдетъ мимо... Здѣсь вѣдь все-таки большая дорога.

— Тогда будетъ поздно, можетъ быть, слишкомъ поздно... Намъ нуженъ докторъ.

*) Деревня подъ Вѣной.

Кучеръ посмотрѣлъ на лицо Франца, лежавшаго безъ движенія, потомъ на Эмму, и покачалъ головой.

— Вы не можете ничего знать;—крикнула Эмма,—и я не могу...

— Точно такъ, барышня, но гдѣ же взять доктора въ Іозефсландѣ?

— Оттуда можно послать кого-нибудь въ городъ.

— Знаете что, барышня? Сдается мнѣ, что у нихъ тамъ, должно быть, есть телефонъ. Тогда можно телефонировать въ общество для оказанія помощи въ несчастныхъ случаяхъ, что случилось несчастіе. Пусть присылаютъ на помощь

— Да, это лучше всего. Идите же, бѣгите бѣгомъ, ради Бога. И приводите съ собой побольше людей. И... пожалуйста, идите же скорѣе, что же вы не идете?

Кучеръ еще разъ посмотрѣлъ на блѣдное лицо, лежавшее на колѣняхъ у Эммы.

— Докторъ ужъ тутъ не поможетъ,—проговорилъ онъ.

— Идите же! Ради Бога, идите!

— Иду, иду... Только бы вамъ не было страшно, барышня, въ темнотѣ.

Онъ быстрыми шагами пошелъ по дорогѣ, бормоча про себя:

— Я тутъ не виноватъ, какъ передъ Богомъ. Вѣдь придетъ же въ голову посреди ночи ѣхать по шоссе...

Эмма осталась одна съ Францемъ, лежавшимъ неподвижно.

— Что будетъ теперь?—думала она.—Это невозможно, совсѣмъ невозможно.—Вдругъ ей послышалось, что около нея кто-то дышитъ. Она нагнулась къ его блѣднымъ губамъ. Нѣтъ, оттуда не выходило дыханье; кровь на вискѣ и щекахъ какъ будто подсохла. Она посмотрѣла въ его угасшіе глаза и вздрогнула. Что ужъ тутъ не вѣрить, вѣдь это же несомнѣнно, это—смерть. Да, мертвецъ, мертвецъ лежитъ у нея на колѣняхъ. Дрожащими руками приподняла она его голову и положила ее на землю. И тутъ ее охватило чувство страшнаго одиночества, заброшенности. Къ чему она отпустила кучера? Что это была за глупость! Что ей дѣлать здѣсь одной, съ мертвецомъ? Когда придутъ люди... Что она будетъ дѣлать, когда придутъ люди? Сколько времени придется ей здѣсь ждать? Она опять посмотрѣла на мертвеца. Я не одна съ нимъ, пришло ей въ голову. Вѣдь фонарь здѣсь. И фонарь представлялся ей чѣмъ-то милымъ и привѣтливымъ, чему она должна быть благодарна. Въ его маленькомъ огонькѣ было больше жизни, чѣмъ во всей далекой темнотѣ, окружающей ее. Этотъ огонекъ точно защищалъ ее отъ страшнаго, блѣднаго человѣка, лежавшаго около нея на землѣ... И она смотрѣла на огонь до тѣхъ поръ, пока у нея въ глазахъ не замелькали свѣтящіеся круги. И вдругъ она точно проснулась, и вскочила съ мѣста. Вѣдь это же невозможно,—думала она.—Нельзя, чтобы меня застали здѣсь... съ нимъ. Она какъ будто видѣла самоё себя, стоящей на улицѣ, съ мертвецомъ, лежащимъ у

ея ногъ.—Чего я жду?—думала она, и мысли ея кружились... Когда придутъ люди? Но зачѣмъ же я имъ нужна? Люди придутъ и будутъ спрашивать... а я? При чемъ же я тутъ? Они спросятъ, кто я? Что же я имъ отвѣчу? Ничего.. ни одного слова. Я буду молчать. Ни слова... Вѣдь не могутъ же они меня заставить заговорить.

Издалека слышались голоса.

— Уже?—подумала она и испуганно стала прислушиваться. Голоса шли съ моста. Значить это были не тѣ люди, которыхъ долженъ былъ привести кучеръ. Но кто бы они ни были, во всякомъ случаѣ они замѣтятъ огонекъ... а этого не должно быть, иначе она будетъ открыта.

Она ногой опрокинула фонарь. Тотъ потухъ. Она очутилась въ глубокомъ мракѣ. Ничего не было видно, только бѣлая песчаная насыпь еле мерцала. Голоса приближались. Она дрожала всѣмъ тѣломъ. Только бы ее здѣсь не застали. Боже мой, вѣдь это теперь единственно важное, вѣдь она погибнетъ, если кто-нибудь узнаетъ, что она была возлюбленной Франца... Она судорожно сжала руки и молилась о томъ, чтобы эти люди прошли по другой сторонѣ дороги и не замѣтили ея. Она стала прислушиваться. Да, они идутъ по той сторонѣ. О чемъ они говорятъ? Это—двѣ женщины, или, можетъ быть, три... Онѣ замѣтили коляску и говорятъ что-то по этому поводу. До нея доносятся слова: коляска... опрокинулась... Что онѣ еще говорятъ? Она не можетъ разобрать. Онѣ идутъ дальше... прошли наконецъ, слава тебѣ, Господи! А теперь? Что будетъ теперь? О, почему она не умерла такъ же, какъ и онъ? Ему можно позавидовать, для него все кончено... Для него больше не существуетъ ни опасности, ни страха. А она всего боится: того, что ее здѣсь найдутъ, что ее будутъ спрашивать: кто вы такая? что ей придется идти въ полицейскій участокъ, и всѣ это узнаютъ... ея мужъ, ребенокъ...

И вдругъ ей стало непонятнымъ, почему она такъ долго сидѣла здѣсь, точно прикованная. Вѣдь она можетъ уйти; оставаясь здѣсь, она никому не поможетъ, а на себя привлечетъ величайшее несчастье. И она сдѣлала одинъ шагъ... осторожнѣе... нужно перейти черезъ насыпь... еще нѣсколько шаговъ, и она посреди улицы. Она остановилась на минуту, чтобы разглядѣть дорогу. Тамъ—городъ. Она ничего не видитъ кругомъ, но направленіе улицы ей ясно. Она обернулась еще разъ. Въ сущности, вовсе не такъ темно. Она хорошо можетъ разглядѣть коляску, и лошадей... и, если хорошенько напередъ зрѣніе, то и чертаніе человѣческаго тѣла, лежащаго на землѣ. Она широко раскрыла глаза и почувствовала, точно что-то удерживаетъ ее здѣсь, и ей кажется, что это онъ не пускаетъ ее... Но она стряхнула съ себя это чувство и пошла впередъ... все скорѣе и скорѣе, почти бѣгомъ. Ей хотѣлось поскорѣе уйти... назадъ, къ свѣту, къ шуму, къ людямъ. Она высоко подняла подборъ платья, чтобы онъ не мѣшалъ ей. Вѣтеръ дулъ ей въ спину и точно подталкивалъ ее. Она уже сама хорошенько

не знала, что заставляет ее бѣжать. То ей кажется, что она убѣгаетъ отъ блѣднаго человѣка, лежащаго тамъ, далеко позади, около уличной насыпи; то она вспоминаетъ, что вѣдь убѣгаетъ она отъ живыхъ людей, которые сейчасъ придутъ туда и будутъ искать ее. Что они подумаютъ? Отправятся ли они догонять ее? Но теперь ее уже не догонишь, она у самаго моста, и когда перейдетъ его, то будетъ уже внѣ опасности. Вѣдь никто не знаетъ, кто она, ни одна душа не подозреваетъ, что она каталась по Рейхсштрассе съ молодымъ человѣкомъ. Кучеръ, вѣроятно, даже не узнаетъ ее, если встрѣтитъ гдѣ-нибудь впослѣдствіи. Да и кто будетъ ее розыскивать? Кому какое дѣло до нея? Съ ея стороны очень умно, что она не осталась тамъ, и ничего въ этомъ нѣтъ неблагогоднаго. Францъ самъ навѣрное найдетъ бы, что она права. Ей нужно спѣшить домой, вѣдь у нея есть ребенокъ, мужъ, вѣдь она бы погибла, если бы ее застали у мертваго возлюбленнаго. Вотъ и мостъ, улица сдѣлалась свѣтлѣе, вотъ и вода шумитъ, какъ прежде. Тутъ они шли съ нимъ подъ руку... когда... когда все это было? Сколько часовъ тому назадъ? Не можетъ быть, чтобы прошло много времени. А вдругъ? Можетъ быть, она была безъ сознанія, можетъ быть уже давно полночь, скоро настанетъ утро и дома о ней уже начали беспокоиться. Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно, она чувствуетъ, что совсѣмъ не теряла сознанія. Теперь она ясно помнитъ, какъ она упала изъ коляски и сейчасъ-же пришла въ себя. Она бѣжитъ по мосту и слышитъ, какъ раздаются ея шаги. Вотъ навстрѣчу ей приближается какая-то фигура. Она умѣряетъ шагъ. Это—какой-то военный. Она идетъ совсѣмъ тихо, чтобы не привлекать къ себѣ вниманія. Ей кажется, что прохожій пристально смотритъ на нее. Она проходитъ мимо и слышитъ, что онъ осановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея. Она употребляетъ надъ собой всѣ усилія, чтобы не побѣжать: это могло бы показаться подозрительнымъ. Вотъ раздаются звонки конно-желѣзной дороги. Очевидно, до полнчи еще далеко. Она пошла немного быстрѣе, спѣша навстрѣчу городу, огни котораго уже жерпаютъ подъ желѣзно-дорожнымъ виадукомъ; издали уже доносится неясный гулъ городской жизни. Остается пройти еще эту глухую улицу и она спасена. Вотъ слышится свистокъ—все рѣзче, все ближе: мимо нея проносится фургоны. Она небольшою останавливается и смотритъ ему вслѣдъ. Это фургонъ общества оказанія помощи въ несчастныхъ случаяхъ. Она знаетъ, куда ѣдетъ этотъ фургонъ. «Какъ скоро», мелькаетъ у нея въ головѣ. Точно какъ въ сказкѣ. На мгновеніе она почувствовала, что ей слѣдовало бы догнать фургонъ, вернуться туда, откуда она бѣжитъ—на мгновеніе ею овладѣлъ невыразимый стыдъ, какова она еще никогда не испытывала: она поняла свое малодушіе и трусость. Но по мѣрѣ того, какъ свистки удалялись, эти чувства замѣнялись въ ней радостнымъ сознаніемъ безопасности. Люди попадались ей на встрѣчу—она уже не боится ихъ. Она знаетъ, что самое

трудное осталось позади. Шумъ города слышится все явственнѣе, передъ нею дѣлается все свѣтлѣе. Она видитъ уже вытянувшуюся въ стрѣлку улицу Пратеръ. Дойдя до уличнаго фонаря, она была настолько спокойна, что могла уже посмотреть на часы. Безъ десяти минутъ девять. Она приложила часы къ уху и убѣдилась, что они идутъ. И она подумала: я жива, здорова, даже часы мои не остановились, а онъ... онъ... умеръ. Судьба! И ей кажется, точно ей все прощено, точно съ ея стороны не было никакой вины. Вѣдь вотъ теперь это обнаружилось. А если бы судьба рѣшила иначе... Если бы она теперь лежала въ канавѣ, а онъ остался въ живыхъ? Онъ не убѣжалъ бы, нѣтъ... Ну, да вѣдь онъ мужчина. Она женщина—у нея есть ребенокъ, мужъ. Она поступила совершенно правильно, это былъ ея долгъ, да долгъ. Положимъ, она прекрасно сознаетъ, что поступила такъ не изъ чувства долга. Все равно, во всякомъ случаѣ она сдѣлала то, что слѣдовало. Безсознательно... Такъ всегда бываетъ съ хорошими людьми. Теперь ее бы уже накрыли и доктора стали бы ее спрашивать: «А кто же вашъ мужъ, милостивая государыня?»—О, Боже! А завтра утромъ всѣ газеты... и семья... Она была бы погублена на всю жизнь, ей ужъ никогда не удалось бы оправиться. Да, это было самое главное: она погибла бы за ничто. Вотъ она дошла до конца моста. Дальше, дальше... Вотъ колонна Тегеттова, откуда расходятся столько улицъ. Сегодня, въ этотъ дождливый, вѣтряный осенній вечеръ здѣсь мало народу, но ей кажется, что вокругъ нея уже шумятъ могучія волны городской жизни, потому что тамъ, откуда она идетъ, царилъ такая ужасающая тишина. У нея есть еще время. Она знаетъ, что мужъ вернется домой только около десяти—она успѣетъ даже переодѣться. Тутъ ей приходится въ голову взглянуть на свое платье. Съ ужасомъ замѣчаетъ она, что оно совершенно перепачкано грязью. Что ей сказать горничной? Въ головѣ ея мелькаетъ мысль, что завтра во всѣхъ газетахъ появится отчетъ о несчастіи на большомъ шоссе. Тамъ будетъ рассказано также про даму, которая была въ коляскѣ и потомъ исчезла—и при этой мысли она содрогнулась. *Одна* неосторожность—и вся ея низость пропала бы даромъ! Но у нея вѣдь есть ключъ отъ квартиры—она сама отпереть дверь и пройдетъ къ себѣ такъ, что ея никто не увидитъ. Сѣвъ на извозчика, она сообразила, что не слѣдуетъ говорить ему адреса и назвала ему первую попавшуюся улицу.

Проѣзжая по улицѣ Пратеръ, она хотѣла вызвать въ себѣ какое-нибудь чувство, но не могла: душа ея была полна однимъ желаніемъ—поскорѣ очутиться дома, въ безопасности. До всего остального ей все равно. Въ тотъ моментъ, когда она рѣшилась оставить мертвеца одного на улицѣ, въ ней замерла всякая жалость и скорбь о немъ. Она испытывала только заботу о себѣ. Она вѣдь не безсердечная... о, нѣтъ! Она знаетъ, что настанутъ дни, когда она будетъ въ отчаяніи. Можетъ быть, она даже не переживетъ ихъ, но теперь всѣ силы ея души

сосредоточились на стремленіи очутиться дома и спокойно, съ сухими глазами сидѣть со своимъ мужемъ и ребенкомъ въ столовой. Она взглянула въ окно кареты, которая ѣхала черезъ центральныя улицы; здѣсь все ярко освѣщено и много людей идутъ по тротуарамъ. Вдругъ ей приходитъ въ голову, что, можетъ быть, всего пережитаго ею за послѣдніе часы, вовсе и не было. Можетъ быть, это былъ только сонъ... нельзя себѣ представить, что это случилось въ дѣйствительности... безповоротно. На одной изъ боковыхъ улицъ она вышла изъ экипажа, отпустила извозчика, быстро повернула за уголъ и взяла другого извозчика, которому сказала свой настоящій адресъ. «Гдѣ-то онъ теперь?» пронеслось въ ея головѣ. Она закрыла глаза и вдругъ отчетливо увидѣла его передъ собой, лежащаго на носилкахъ въ больничной повозкѣ, и ей представилось, что она сидитъ рядомъ съ нимъ и ихъ вмѣстѣ везутъ... Экипажъ начинаетъ колыхаться изъ стороны въ сторону, она боится быть выброшенной, какъ тогда, и вскрикиваетъ. Экипажъ останавливается. Она въ ужасѣ вздрагиваетъ: оказывается, что экипажъ остановился у ея дома. Она быстро выходитъ, тихо проходитъ на лѣстницу, незамѣченная портье, быстро всходитъ наверхъ, неслышно отворяетъ дверь... проскальзываетъ изъ передней въ свою комнату—цѣль достигнута! Никто ея не видѣлъ. Она зажигаетъ свѣчку, стаскиваетъ съ себя платье и запикиваетъ его въ шкафъ. За ночь оно высохнетъ, а утромъ она сама его вычиститъ. Потомъ она моетъ лицо и руки и надѣваетъ капоть.

Раздается звонокъ у парадной двери. Она слышитъ, какъ горничная идетъ отпирать ее, слышитъ голосъ своего мужа, слышитъ, какъ онъ ставитъ свою палку въ уголъ. Она чувствуетъ, что теперь должна быть сильна, иначе все еще можетъ рушиться. Она идетъ въ столовую и входитъ туда въ одно время съ мужемъ.

— А, ты уже дома?—спрашиваетъ онъ.

— Дома,—отвѣчаетъ она.—Давно.

— Прислуга, значить, не видѣла, какъ ты вернулась.

Она улыбается, и эта улыбка выходитъ естественной, хотя и стоитъ ей большихъ усилій. Онъ цѣлуетъ ее въ лобъ.

Сынншка ея сидитъ уже за столомъ. Ему сегодня долго пришлось ждать, и онъ заснулъ. На тарелкѣ передъ нимъ лежитъ раскрытая книга, на которую онъ положилъ свою головку. Она садится рядомъ съ нимъ, напротивъ мужа; тотъ беретъ газету, бѣгло проглядываетъ ее, потомъ откладываетъ въ сторону и говоритъ:

— Остальные еще сидятъ тамъ и разсуждаютъ.

— О чемъ?—спрашиваетъ она.

Мужъ начинаетъ ей разсказывать о сегодняшнемъ засѣданіи, долго, подробно разсказываетъ. Эмма дѣлаетъ видъ, что слушаетъ, иногда киваетъ головой.

Но она ничего не слышитъ, она не знаетъ, о чемъ онъ говоритъ,

она вся полна однимъ чувствомъ: я дома, я спасена. И въ то время, какъ мужъ ея продолжаетъ рассказывать, она подвигаетъ свой стулъ ближе къ мальчику, беретъ его голову и кладетъ ее себѣ на грудь. Ею овладѣваетъ страшная усталость—она не можетъ больше владѣть собою, не можетъ противостоять сну и закрываетъ глаза.

Вдругъ ей приходитъ въ голову мысль о другомъ исходѣ, о которомъ она не думала съ того момента, какъ поднялась изъ канавы. А если онъ не умеръ? Если онъ... Да, вѣтъ, тутъ не можетъ быть сомнѣнія... эти глаза, ротъ... и потомъ... бездыханныя губы. Но вѣдь бываетъ мнимая смерть. Бываютъ случаи, когда самый опытный глазъ ошибается. А у нея вѣдь совсѣмъ неопытный глазъ. Вдругъ онъ еще живъ, вдругъ онъ очнулся, одинъ, въ темнотѣ, посреди пустынной улицы... Можетъ быть, онъ звалъ ее, можетъ быть, онъ думаетъ, что съ нею что-нибудь случилось... Вдругъ онъ скажетъ докторамъ: адѣсь со мной была женщина, что съ ней сдѣлалось? Надо искать ее. Тогда... что тогда будетъ? Ее будутъ искать. Кучеръ вернется съ людьми изъ Іозефсланда, онъ скажетъ: когда я уходилъ, барышня была здѣсь, и Францъ догадается. Францъ пойметъ, онъ вѣдь такъ хорошо ее знаетъ, пойметъ, что она убѣждала, и возненавидитъ ее и назоветъ ея имя, чтобы отомстить ей. Онъ будетъ страшно потрясенъ тѣмъ, что она въ такую минуту покинула его, и скажетъ докторамъ: это была Эмма, моя любовница... Она была труслива и глупа... потому что, не правда ли, докторъ, вѣдь вы, конечно, не стали бы спрашивать ея имени, если бы она сама не пожелала назвать себя? Вѣдь вы бы отпустили ее безъ всякихъ разпросовъ и я тоже, только она должна была бы подождать, пока вы придете. Но потому, что она такъ со мной поступила, я скажу вамъ ея фамилію. Это... О, Боже мой!..

— Что съ тобой?—спросилъ профессоръ очень серьезно и взглянулъ на нее.

— Что?... Что ты спрашиваешь?

— Я спрашиваю, что съ тобою?

— Ничего.

Она крѣпче прижала къ себѣ голову мальчика.

Профессоръ пристально посмотрѣлъ на нее.

— Ты задремала и вдругъ вскрикнула во снѣ. Тебѣ что-нибудь приснилось?

— Не знаю. Не помню.

Напротивъ себя въ зеркалѣ она видитъ блѣдное лицо съ искаженной улыбкой. Она знаетъ, что это ея лицо, и ей дѣлается страшно. И вдругъ она чувствуетъ, что улыбка застываетъ на ея лицѣ, она не можетъ шевельнуть губами и эта улыбка сохранится до тѣхъ поръ, пока она будетъ жива. Ей хочется вскрикнуть. Въ это время она чувствуетъ, что двѣ руки ложатся ей на плечи и видитъ лицо мужа, наклоняющагося къ ней: его глаза испытующе смотрятъ въ ея глаза.

Она знаетъ, что если не выдержать этого послѣдняго испытанія, то все поггло. И она чувствуетъ, что силы возвращаются къ ней, она опять пріобрѣтаетъ власть надъ своимъ лицомъ, но нужно скорѣе воспользоваться ею, иначе будетъ поздно. И она беретъ руки мужа, лежащія у нея на плечахъ, притягиваетъ его къ себѣ, смотритъ на него весело и ласково. И въ то время, какъ мужъ цѣлуетъ ее въ лобъ, она думаетъ: конечно... все это сонъ... Онъ никому не скажетъ... онъ не станетъ мстить... никогда. Вѣдь онъ умеръ... навѣрное умеръ... а мертвые молчатъ.

— Почему ты это говоришь?—слышитъ она вдругъ голосъ мужа.

— Что я сказала?—спрашиваетъ она съ испугомъ. И ей кажется, точно она уже все рассказала ему.

— Мертвые молчатъ,—повторяетъ ей мужъ очень медленно.

— Да,—говоритъ она.—Да...

И въ глазахъ мужа она читаетъ, что отъ него уже нельзя ничего скрыть, и долго смотреть они другъ на друга.

— Уведи мальчика спать,—говоритъ онъ ей.—Я думаю, тебѣ нужно кое-что рассказать мнѣ.

— Да,—говоритъ она.

И она знаетъ, что сейчасъ скажетъ всю правду этому человѣку, котораго въ теченіе столькихъ лѣтъ обманывала.

Въ то время, какъ она уводитъ мальчика и чувствуетъ устремленный на себѣ взглядъ мужа, въ душу ея входитъ глубокий покой, какъ будто многое теперь опять будетъ хорошо.

Л. Давыдова.

ИЗЪ АДЫ НЕГРИ.

(СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО).

Межъ скалъ береговыхъ шумливой чередою
Бѣжить волна и плачетъ. Внимаетъ чутко ей
Свинцовый сводъ небесъ, объятый тишиною,
Безстрастный и нѣмой среди ночныхъ тѣней.

* * *

Бѣжить волна и плачетъ. Несетъ она безгласный,
Недвижный, блѣдный трупъ на лонѣ темныхъ водъ,
Самоубійцы трупъ,—и юной и прекрасной..
Волнуясь и скорбя она его несетъ.

* * *

Бѣжить волна и плачетъ. Въ ея глухомъ стenanъѣ
Таится отзвукъ мукъ и безутѣшныхъ слезъ,
Таится въ плачѣ волнъ безумный вопль страданья,
Осмѣянной любви, разбитыхъ чистыхъ грезъ.

М. В.

ВЪ ПОИСКАХЪ СВѢТА.

(THE CHRISTIAN).

Романъ Холль Кэна.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

КНИГА IV.

С в я т и л и щ е.

(Окончаніе *).

XI.

— Да, черезъ столъ кинула Роза,—пріятельницы сидѣли за обѣдомъ;—да, внезапное паденіе человѣка, игравшаго видную роль въ общественной жизни—прискорбное зрѣлище. Это все равно, что большое дерево въ лѣсу: и не представляешь себѣ, какъ много мѣста оно занимало, пока оно не упадетъ.

— Это ужасно, ужасно!—сказала Глори.

— Симпатиченъ этотъ человѣкъ или нѣтъ, все же такое паденіе трудно примирить съ мыслью о благодѣтельномъ провидѣніи.

— Трудно? Вы хотите сказать: невозможно!

— Глори!

— О, я всегда была язычницей, но я не могу вѣрить въ Бога, который допускаетъ подобныя вещи—и не стану, не стану.

— Вѣдь мы же не знаемъ, чѣмъ это кончится. Послѣ крестной смерти—воскресеніе, какъ говорятъ церковники; кто знаетъ, можетъ быть, изъ всего этого...

— Что станетъ съ его церковью?

— О, на нее найдется много охотниковъ, и если милѣйшій архидіаконъ... Впрочемъ онъ теперь возится съ м-рсь Макрэ,—Господь съ нимъ! Бѣдная женщина совсѣмъ погибаетъ. Она поселилась на какой-то уединенной фермѣ, чтобы имѣть возможность напиваться до без-

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь.

чувствія безъ помѣхи и не на глазахъ у людей! Но архидіаконъ съ лордомъ Робертомъ розыскали ее и теперь кружатъ около нея, какъ два коршуна, ожидая конца. . . .

— А его пріютъ?

— Ну, это дѣло иного рода. Тутъ врядъ-ли сыщутся замѣстители. Кому охота возиться съ учрежденіемъ, которое требуетъ расходовъ, а доходовъ не приноситъ.

— О Боже—Боже! какъ ужасенъ этотъ міръ!

Послѣ обѣда она пошла въ Вестминстеръ отыскивать пріютъ. Онъ находился на углу церковной площади. Дверь была заперта; окна въ нижнемъ этажѣ закрыты ставнями. Глори едѣа добилась, чтобъ ее впустили и провели къ заведующей пріютомъ. Эта послѣдняя оказалась пожилой дамой въ черномъ шелковомъ платьѣ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами.

— Я не смотрительница, милая барышня, — заявила она съ перваго слова.—Смотрительница ушла. убѣжала безъ оглядки, да и всѣ наши сестры изъ высшаго круга тоже ушли. Онѣ боялись, какъ бы и здѣсь не было погрома.

— Въ такомъ случаѣ я знаю, кто вы: вы—м-рсъ Каллендеръ.

— Да, милая барышня, я Джэнъ Каллендеръ. А вы сами кто жетакія будете?

— Я другъ Джона, и мнѣ хотѣлось бы знать, нельзя ли...

— Да ужъ вы не та-ли барышня?.. Ну да, конечно! Я ужъ вижу, что это вы и есть. Ахъ ты Господи! Ну поцѣлуйте же меня, — еще разохъ. Ахъ, Боже мой! Боже мой! Подумать только, какъ намъ довелось встрѣтиться! Все равно, что черезъ могилу познакомились—ей Богу!

Онѣ заплакали въ объятіяхъ другъ друга, и обѣимъ стало легче.

— А дѣти?—скакала Глори; — кто же смотритъ за ними, если начальница и сестры ушли?

— Да вотъ я и смотрю, да еще та дѣвушка, что отворила вамъ; она недавно взята одной прислугой; а то и сами поиграютъ, бѣдняжки! Пойдемте, взгляните на нихъ.

Дортуаръ находился въ верхнемъ этажѣ; м-рсъ Каллендеръ тихонько отворила дверь, и Глори очутилась въ большой темной комнатѣ, гдѣ спало около пятидесяти дѣтей. Ничего не было слышно, кромѣ ровнаго, безмятежнаго дыханія спящихъ. Тяжело было смотрѣть на этихъ дѣтей и думать, что единственный земной отецъ ихъ запертъ въ тюрьмѣ. Съ переполненнымъ сердцемъ и сухостью въ горлѣ обѣ женщины сошли внизъ.

Тѣмъ временемъ площадь, еще недавно пустая, если не считать зѣвакъ, стоявшихъ у подъѣздовъ и по угламъ улицъ, наполнилась шумной толпой. Слышались непристойныя шутки насчетъ «монаховъ», «его сіятельнаго преподобія» и «современныхъ жрецовъ». Нѣсколько

человѣкъ гдѣ-то раздобыли веревку и старались накинуть ее, какъ лассо, на фигуру Богородицы, стоявшую въ нишѣ задъ портикомъ. Статуя, наконецъ, рухнула при восторженныхъ крикахъ толпы. Полиція сдѣлала было попытку усмирить буяновъ; въ охвѣтъ въ окна церкви полетѣли каменья.

Глори опять захотѣлось выбѣжать къ этой низкой трусливой толпѣ и объяснить ей всю низость ея поведенія, но она только прильнула къ окну, возлѣ м-рсъ Каллендеръ и глядѣла, глядѣла на это живое море головъ, на злые глаза и безсмысленно жестокия лица.

— О, какое несчастье быть женщиной!—простонала она,

— Ахъ, дѣточка, не одна ты такъ думаешь!.. — ласково сказала м-рсъ Каллендеръ.

Глори не проронила больше ни слова, пока онѣ стояли на коѣннѣхъ у окна, держась за руки, но слезы, брызнувшія изъ ея глазъ при мысли о своей безпомощности, высохли сами собой, а душа ея озарилась свѣтомъ благородной рѣшимости. Она поняла, что часть ея пробилъ, что это—начало конца.

Она возвращалась домой по Странду. Это было время, когда оканчиваются театральныя представленія. Двери театровъ поминутно хлопали, пропуская выходившихъ; отъ подъѣздовъ ихъ отъѣзжали коляски и кэбы. Глори видѣла свои имя на омнибусахъ, свои портреты въ окнахъ магазиновъ; на мигъ сердце ея сжалось острой болью, но лихорадочное возбужденіе скоро прогнало эту боль.

Дома ее ждало второе письмо отъ Дрэка.

«Сознаю, дорогая моя Глори, что вы имѣете полное право не отвѣчать на мое письмо; но, чтобы показать вамъ какъ глубоко мое раскаяніе, я желаю бы получить возможность искупить, насколько это въ моихъ силахъ, мое поведеніе, огорчившее и оскорбившее васъ. Я буду вѣчно обязанъ вамъ, если вы согласитесь сдѣлаться моей женой. Намъ соединять узы не только любви, но и дружбы, Глори; нашъ вѣкъ преклоняется передъ блескомъ женскаго ума и красоты, и для меня будетъ высокой честью имѣть жену, которая прежде всего — гениальная женщина. Ничто не должно препятствовать свободному развитію вашихъ талантовъ; если оно несовмѣстимо съ требованіями свѣта, страдаете не вы, а требованія свѣта. Помимо этого я не могу дать вамъ ничего, дорогая, кромѣ преимуществъ, присущихъ богатству—и то благодаря доброму отцу, оставившему мнѣ свое состояніе. Но, насколько это въ моей власти, вы будете имѣть все, что можетъ доставить вамъ удовольствіе; если вамъ вздумается отдать свои силы какому-нибудь доброму дѣлу, гуманной зацѣлѣ,—только прикажите, и все будетъ исполнено. Я же могу предложить вамъ только свою любовь и глубокую, сердечную преданность. Со страхомъ и трепетомъ жду отвѣта».

Глори дрожали вѣчки, когда она читала письмо, но рѣшимость

ея не поколебалась. Тѣмъ не менѣе отвѣтити на него было трудно. Она написала вѣсколько писемъ и всѣми осталась недовольна: въ каждомъ изъ нихъ было что то фальшивое. Разстроенная и пристыженная, она, наконецъ, написала слѣдующее:

«Припоминая, какъ добры вы были ко мнѣ съ самаго начала, я готова плакать при мысли о томъ, какой отвѣтъ я должна дать вамъ. Но я не могу иначе — не могу, не могу! Не считайте меня неблагодарной, не думайте, что я сержусь или оскорблена и задѣта, но исполнить ваше желаніе невозможно — совершенно, совершенно невозможно. О, еслибъ вы только знали, чего мнѣ стоитъ отказаться добровольно отъ будущаго, которое вы мнѣ предлагаете, отречься отъ веселья и наслажденій, когда ихъ такъ щедро сыплетъ мнѣ жизнь, отбросить прочь розы, которыми я украшала свои волосы, — вы повѣрили бы, что призваніе, которому я отдаюсь, наконецъ, выше, несравненно выше мірскихъ почестей, блеска и славы. Меня зоветъ голосъ свыше. Женщина можетъ шутить своимъ сердцемъ, пока человѣкъ, котораго она любитъ здоровъ и счастливъ, пока онъ благоденствуетъ; но когда величіе его рухнуло, когда жестокий свѣтъ топчетъ его ногами, лукавить съ самой собой больше нельзя... Да, я должна итти къ нему — иной дороги мнѣ нѣтъ. При томъ же вы можете сбойтись безъ меня, онъ не можетъ. Съ вами всѣ, — у него никого нѣтъ, кромѣ меня. Будь вы женщина, вы поняли бы все это, но вы и такъ поймете. Вы честный, вѣрвый, мужественный человѣкъ; когда я смотрю на ваше письмо, и вспоминаю, сколько разъ вы заступались за павшаго, сердце мое трепещетъ, глаза становятся влажны и я начинаю понимать, что значить быть англійскимъ джентльменомъ».

Окончивъ письмо, Глори пошла въ свою спальню и съ часъ пробыла тамъ, разбирая свои платья и драгоценности и связывая ихъ въ пачки съ надписями на каждой. Костюмы попроче она предназначила тетѣ Аннѣ; мѣховой жакетъ — тетѣ Рэчелли, ротовду — Розѣ, остальное — Лизѣ. Всѣ свои драгоценности и почти все серебро она завернула отдѣльно, въ одну пачку, адресованную тому, кто подарилъ ихъ ей, — сэру Фрэнсису Дрэку.

Наконецъ, все было уложено. На башенныхъ часахъ по-сосѣдству пробило полночь. Глори съ минутку постояла, спрашивая себя: «Не осталось ли еще чего-нибудь?» Въ это время на лѣстницѣ зашлепали туфли, и кто то постучалъ въ дверь.

— Это я, барышня; не нужно ли вамъ чего-нибудь?

Глори отперла дверь; передъ нею стояла Лиза, полуодѣтая и какъ будто съ заплаканными глазами.

— Ничего, Лиза, ничего; благодарю васъ. Почему вы не ложитесь?

— Не спится что-то, барышня; глазъ не могу сомкнуть. — Она взглянула въ комнату. — Вы куда-нибудь поѣдете, миссъ Глорія?

— Да, можетъ быть.

— Я такъ и подумала: снизу слышно было, какъ вы тутъ ходили.

— Не далеко,—такъ, маленькое путешествіе. Идите ложитесь. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, барышня.

Лиза неохотно удалилась.

Полчаса спустя вернулась Роза изъ редакціи и прошла прямо къ себѣ.

Глорія слышала ея шаги. «Добрая душа!» подумала она со вздохомъ и сѣла писать другое письмо.

«Голубушка моя Роза, — приходится покинуть васъ: ничего не подѣлаешь—я должна. Помните я, бывало, говорила, что, если я найду когда-нибудь человѣка, готоваго пожертвовать для меня всѣмъ на свѣтѣ, я брошу все и пойду за нимъ? Я нашла его, дорогая, и онъ не только пожертвовалъ для меня всѣмъ на свѣтѣ, но попраля ногами самое небо. Я не могу уйти къ нему—о, еслибъ я могла!—но не могу и жить прежней жизнью. Поэтому я сдѣлаю, какъ сказала: брошу все—свѣтъ, жестокий и прелестный, искусство, такое прекрасное и трудное, и даже «рукоплесканія въ театрѣ». Вы скажете, что я оселъ; можетъ быть и такъ, но въ такомъ случаѣ потомокъ Валаамовой ослицы, которая знала, что ей нужно дѣлать.

«Простите, что я ухожу, не прощаясь. Вы бы стали меня уговаривать, любя, а съ меня довольно борьбы и съ своими собственными сомнѣніями. И еще простите, что я не говорю вамъ, куда иду и что со мной станется. Васъ будутъ спрашивать и переспрашивать, а я страшно боюсь, какъ бы меня опять не захватила моя прежняя жизнь: теперь я чувствую себя въ родѣ того дурачка, который вообразилъ себя ячменнымъ зернымъ и каждый разъ, завидя пѣтуха или курицу, удиралъ со всѣхъ ногъ. Спасибо вамъ, милая, дорогая, за то, что вы дѣлили со мной вашу уютную квартирку, за счастливые часы, проведенные въ ней, за наши веселыя экскурсіи и прогулки,—за все, за все! Тамъ, куда я иду, у меня не будетъ такого комфорта, зато я буду лишена возможности скакать, очертя голову, по тропинкѣ бѣдствій, что, по крайней мѣрѣ, сбережетъ мнѣ лишнюю пару башмаковъ.

«Прощайте, старый другъ,—вѣрный, безкорыстный, преданный другъ! Богъ еще наградитъ васъ, и добрый человѣкъ, долго гонявшійся за блуждающимъ огонькомъ, пойметъ, наконецъ, что свѣтлая утренняя звѣздочка все время была возлѣ него. Завтра, когда я буду уходить, знаю, мнѣ захочется взбѣжать наверхъ и поцѣловать васъ спящую, но этого нельзя—иначе ступеньки, ведущія къ вашей комнатѣ, уподобятся другой дорогѣ, ведущей въ иное, но не лучшее мѣсто, тоже вымощенное добрыми намѣреніями. Вотъ видите, какая я пустельга! И то сказать, у меня сердце не на мѣстѣ: столько приходится скрывать отъ него милаго, дорогого...

Обнимаетъ васъ (въ послѣдній разъ) ваша глупенькая сожительница Глорія».

На другое утро, чуть свѣтъ, Глори встала и вытащила изъ-подъ кровати маленькій жестяной сундучекъ,—тотъ самый, въ которомъ были уложены ея вещи, когда она впервые пріѣхала въ Лондонъ. Изъ сундучка она вынула простенькое сѣренькое платье,—то самое, въ которомъ ходила въ отпускъ, будучи сидѣлкой въ госпиталѣ,—надѣла его и подошла къ зеркалу. При видѣ скромной сѣрой фигурки, такъ мало похожей на вчерашнюю нарядную Глори, что-то кольнуло ее въ сердце, и она вздохнула.

— Ну, зато, по крайней мѣрѣ, это настоящая Глори,—думала она,—внучка своего дѣда и дочь своего отца, а не выдуманная женщина, которая такъ долго разгуливала ряженой по Лондону.—Но это утѣшеніе плохо дѣйствовало, и по лицу ея катились горячія слезы.

Она связала кой-какія вещи въ маленькій узелочекъ, отворила дверь и прислушалась: въ домѣ ни звука. Она легкой поступью сошла съ лѣстницы, остановилась въ гостиной и въ послѣдній разъ обвела взоромъ эту комнату, гдѣ она провела столько счастливыхъ минутъ, пережила нѣсколько различныхъ фазъ жизни. На порогѣ она еще разъ остановилась, заслышавъ чье-то тяжелое дыханіе. Это храпѣла во снѣ моська, свернувшаяся клубкомъ на софѣ. Упрекая себя за забывчивость, Глори взяла бѣдное маленькое созданіе на руки и поспѣшила внизъ. Собака проснулась и завизжала. Глори тихонько отперла наружную дверь, вышла и затворила ее за собой. Щелканье замка гулко прокатилось по безмолвному саду, и снова ничего не стало слышно, кромѣ чириканья воробьевъ подъ стрѣхою.

Солнце только всходило надъ тихими, прохладными улицами. Извозчики, стоявшіе кучкой у своихъ экипажей, съ любопытствомъ глядѣли на печальную молодую женщину въ костюмѣ сидѣлки, съ узелкомъ въ рукѣ и собакой подъ мышкой. «Можетъ, отъ умирающаго,—замѣтилъ одинъ другому.—Изъ этихъ сидѣлокъ есть предобрыйя. Когда я былъ въ госпиталѣ...» Глори отвернула голову и поспѣшила пройти мимо.

Въ грязныхъ закоулкахъ Вестминстера ей попалась навстрѣчу веселая, шумная толпа фабричныхъ работницъ, направлявшихся на конфектныя фабрики въ Сого. При видѣ заплаканнаго личика юной «сестры», онѣ сразу притихли, и смѣхъ замеръ у нихъ на устахъ.

ХІІ.

Враги Джона Сторма торжествовали. Онъ былъ осужденъ за подстрекательство къ мятежу и можно было ожидать, что его привлекутъ къ суду вторично за предполагаемое соумышленничество въ убійствѣ. Все время онъ держалъ себя спокойно и съ достоинствомъ, замкнувшись въ своемъ упорномъ молчаніи. Горячая вѣтра поддерживала его, и онъ готовъ былъ спокойно принять даже смерть. Когда судъ кончился и полисменъ, стоявшій позади его, за скамьей подсудимыхъ, до-

тронулся до его плеча, онъ даже вздрогнулъ, какъ человѣкъ, мысли котораго далеко.

— Что такое?

— Идемъ!—сказалъ полицейскій и повелъ Джона обратно въ тюрьму.

На другой день его перевели въ Холловэй; и здѣсь онъ оставался такимъ же спокойнымъ и молчаливымъ. Его поведеніе импонировало тюремному начальству, трогало его, и оно старалось разными мелкими льготами смягчить тягость заключенія; но Джонъ туго поддавался любезности.

На второе утро къ нему вошелъ чиновникъ.

— Не хотите ли просмотрѣть газеты, отецъ мой?

— Благодарю васъ, не надо,—отвѣчалъ Джонъ.—Я, и живучи въ міру, мало интересовался газетами, а теперь, когда я ухожу изъ него,—и подавно.

— Полноте, вы преувеличиваете. Положеніе вещей не такъ опасно. Притомъ же, въ газетахъ такъ много пишутъ о васъ...

— Потому-то я и не хочу читать ихъ.

— Вотъ видите ли, батюшка,—правду сказать, въ утренней газетѣ говорится о другой особѣ,—потому я и привесъ ее вамъ.

— Что такое?..

— Объ особѣ, близкой вамъ... очень близкой... Да, впрочемъ, я оставлю газету; взгляните сами... Ничего не пожелаете? Ну, какъ угодно.

Джонъ Стормъ уже углубился въ чтеніе. Онъ скоро нашелъ строки, относящіяся, къ нему,—жестокія, беспощадныя строки: рѣчь шла о смерти его отца. «Такимъ образомъ, несчастный, осужденный два дня тому назадъ въ Бау-стритъ; оказывается перомъ Англіи и прямымъ наслѣдникомъ графства».

Минута была горькая, ужасная. Воспоминанія минувшихъ лѣтъ тѣснились въ умѣ Джона,—вставали полузабытыя картины изъ временъ отрочества, когда отецъ былъ его единственнымъ другомъ, и они шли рука объ руку; вспоминалась любовь къ нему отца, его надежды, планы, честолюбивые замыслы—жалкія обманчивыя мечты, разбитыя имъ, Джовомъ. Потомъ пришли другія мысли: дряхлый старикъ-отецъ умираетъ одинокимъ, а сынъ въ это время сидитъ въ тюрьмѣ. Въ послѣдніе дни его все время преслѣдовала мысль, что, если бы онъ *тогда* уѣхалъ изъ Лондона въ семь утра, то вечеромъ, въ то-же время, онъ уже говорилъ бы съ отцомъ. А теперь отца нѣтъ, послѣдній случай потерянъ; имъ никогда больше не придется бесѣдовать между собой.

Но онъ и тутъ старался побѣдить голосъ крови, который онъ такъ долго заглушалъ въ себѣ, противопоставляя ему требованія своего высокаго призванія и духъ ученія Христова. Что сказалъ Христосъ: «Не называйте никого отцомъ, ибо одинъ у васъ отецъ—Отецъ вашъ Небесный».

— Да,—думалъ онъ,—именно такъ: одинъ отецъ—Небесный.

Джонъ успокоился немного и взялъ газету, чтобы внимательно перечестъ описаніе смерти и похоронъ отца, но ему бросилось въ глаза другое:

«Еще одно таинственное исчезновеніе. Не успѣло общество оправиться отъ недоумѣнія, вызваннаго исчезновеніемъ всѣмъ извѣстнаго священника изъ Вестминстера, какъ пришла новая вѣсть—о не менѣе таинственномъ исчезновеніи популярной артистки одного изъ Вестъ-Эндскихъ театровъ».

Рѣчь шла о Глори!

«Эта артистка—недавнее пріобрѣтеніе нашей сцены, но подаетъ блестящія надежды и въ короткое время успѣла сдѣлаться любимицей публики, такъ что внезапное и непонятное исчезновеніе ея не только удивляетъ насъ, но и огорчаетъ. Въ послѣднюю недѣлю она ни разу не играла, отговариваясь нездоровьемъ, хотя, повидимому, состояніе ея здоровья не внушало никакихъ опасеній, и друзья ея вовсе не были подготовлены къ такому неожиданному шагу съ ея стороны. Что случилось съ ней—неизвѣстно, это вѣтъ всякихъ догадокъ и предположеній; но ея домашніе и товарищи все еще надѣются на лучшее, хотя тонъ записки, оставленной ею, даетъ слишкомъ много основаній бояться печальнаго и, можетъ быть, рокового конца».

Часъ спустя, когда чиновникъ снова вошелъ въ камеру Джона, его поразило лицо заключеннаго, осунувшееся, покрытое сѣроватой блѣдностью. Непрístupная твердыня вѣры, построенная имъ для себя, рассыпалась въ прахъ; мрачныя тучи скрыли ликъ Отца Небеснаго, и смерть, желанная, прекрасная, вѣнецъ мученической жизни, представлялась ему теперь позорнымъ финаломъ карьеры неудачника.

— Развеселитесь немножко,—сказалъ чиновникъ,—у меня есть для васъ хорошія вѣсти.

Узникъ грустно улыбнулся и покачалъ головой.

— Нашлись охотники взять васъ на поруки; нынче утромъ въ Бау-стритъ представленъ залогъ, и вы сегодня же можете разстаться съ нами.

— Когда? — спросилъ Джонъ, уже совсѣмъ другимъ тономъ и голосомъ.

— Ну, конечно, не сейчасъ.

— Ради самого Бога, отпустите меня немедленно. Мнѣ надо сдѣлать... разыскать...

— Да вѣдь это ради вашей же безопасности, батюшка.

— Но почему же? почему?

— Такъ вы не знаете, что за вами послана собака разыскивать васъ.

— Нѣтъ, я этого не зналъ; но если бы и всѣ собаки на свѣтѣ...

— Двуногія собаки хуже четвероногихъ, а онѣ-то и ждуть васъ.

— Это ровно ничего не значитъ; если поручительство принято, вашъ долгъ—освободить меня тотчасъ же. Я васъ прошу—я требую этого!

Чиновникъ изумленно воззрился на него.

— Вы удивляете меня, батюшка. До сихъ поръ вы были спокойны, терпѣливы, послушны власти!..

Джонъ Стормъ помолчалъ минутку потомъ выговорилъ съ трогательной торжественностью:

— Простите меня, пожалуйста. Вы очень добры—всѣ здѣсь добры ко мнѣ. Но, видите ли, я не боюсь, и если вы можете отпустить меня...

Чиновникъ вышелъ. Прошло нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ онъ вернулся. Тѣмъ временемъ долгій лѣтній день склонился къ вечеру: на дворѣ было совсѣмъ темно.

— Они увѣрены, что вы уже ушли. Теперь можно. Сюда, прошу васъ.

Нѣсколько минутъ спустя Джонъ простился съ чиновникомъ у дверей канцеляріи; пожимая ему руку, освобожденный сказалъ:

— Можетъ быть, не надо и спрашивать, кто поручился за меня (онъ думалъ о м-рсѣ Каллендеръ), но все-таки, еслибъ вы сказали мнѣ...

— Отчего же? Съ удовольствіемъ. Это сэръ Фрэнсисъ Дрэкъ.

Джонъ Стормъ серьезно наклонилъ голову и отвернулся. Онъ вышелъ изъ тюрьмы съ опущенными глазами, медленной, нетвердой походкой.

Въ это самое время Дрэкъ ѣхалъ въ Греческій клубъ. Онъ только что прочелъ въ вечерней газетѣ слѣдующую замѣтку:

«Таинственное исчезновеніе. Не странно ли, что при обсужденіи «эпидеміи тайнъ», повисшей надъ Лондономъ, никому, повидимому, не пришло въ голову, что два таинственныхъ исчезновенія, вызвавшихъ такую сенсацію въ обществѣ, въ сущности, можетъ быть, составляютъ одно;—что «Божій посолъ» и «театральная героиня» могли дѣйствовать сообща, имѣть однѣ и тѣ же побужденія и цѣли,—и что богатый и щедрый человѣкъ, пришедшій (судя по послѣднимъ извѣстіямъ) на помощь одному и дѣятельно разыскивающій другую, въ сущности не что иное, какъ легковѣрная, хотя и благонамѣренная жертва обонихъ?

Р. Ю.».

Цѣлыхъ три часа Дрэкъ, съ огнемъ въ глазахъ и яростью во взорѣ разыскивалъ лорда Роберта. Онъ отправился прежде всего въ Бельгравіа-сквэръ, но тамъ шторы были спущены, и домъ запертъ. М-рсъ Макрѣ умерла. Она умерла въ деревнѣ, въ наемномъ помѣщеніи, одинокой, не имѣя возлѣ себя ни одной близкой души. Все ея богатство не могло купить преданности хотя бы одной вѣрной служанки. Она не оставила дочери ничего, кромѣ выговора за ея поведеніе, назначивъ единственнымъ наслѣдникомъ и душеприказчикомъ лорда Роберта.

Лишь только теща испустила послѣднее дыханіе, достойный зять, распорядившись относительно похоронъ, поспѣшилъ вернуться въ Лондонъ. Теперь онъ вознаграждалъ себя за необычныя волненія усиленнымъ дозой ночныхъ развлеченій. Дрэкъ едва разыскалъ его.

Греческій клубъ былъ на рѣдкость оживленъ въ этотъ вечеръ. Бальный оркестръ игралъ громче обыкновеннаго и, судя по количеству

танцоровъ, въ залѣ царило необузданное веселье. Оттѣнокъ распушенности, отличавшій здѣшніе вечера, сказывался особенно ярко; казалось, весь этотъ малenkій мірокъ, поставившій себѣ цѣлью жизни наслажденіе, поддавшись на мигъ чувству страха, спѣшилъ вознаградить себя удвоенными безумствами. Мужчины распѣвали шансонетки и закидывали ноги выше головы, женщины пили шампанское и звонко хохотали.

Лордъ Робертъ ужиналъ въ буфетѣ съ «тремя граціями», разодѣтыми въ бальные платья. Бетти выставяла на видъ кольцо, снятое ею съ руки Поппи, «чтобъ было чѣмъ помянуть ее, бѣдняжку»; остальные сверкали поддѣльными брилліантами. Ихъ полупьяный кавалеръ рассказывалъ имъ объ отцѣ Сториѣ и о своей собственной женѣ шутивымъ тономъ, сквозъ который сквозила ненависть.

— Прекуръзная штука—эта паника, вызванная его проповѣдями. Въ тотъ достопамятный вечеръ, возвращаясь домой, я насчиталъ ни больше, ни меньше, какъ семнадцать человѣкъ, молившихся на когѣняхъ среди улицы—честное слово! Штукъ одиннадцать старухъ лѣтъ по восьмидесяти, двѣ-три семидесятилѣтнихъ, и одна-двѣ помоложе, лѣтъ этакъ шестидесяти-девяти. А эпидемія набожности въ высшемъ свѣтѣ! Какже! Наши миллионеры подають теперь нищимъ по шести пенсовъ сразу—я самъ видѣлъ своими глазами! Одна старая дѣва даже бросила играть въ баккара и подписалась на «Темную Англію». Множество хорошенькихъ бабенокъ исповѣдались передъ мужьями въ своихъ мелкихъ грѣшкахъ, а теперь не знаютъ, что имъ дѣлать... Глядите-ка сюда!

Онъ вытащилъ изъ кармановъ кучу смятыхъ и разорванныхъ писемъ и разложилъ ихъ на столѣ.

— Это все отъ разныхъ викаріевъ штатныхъ и заштатныхъ: разлакомились на вакантный приходъ въ Вестминстерѣ, благо собрать угодилъ въ тюрьму. Раздавать приходы—конечно, дѣло епископа, но все-таки они думаютъ, что рекомендація патрона... О, это мастера умасливать. Вотъ послушайте-ка: «Не угодно ли будетъ вашему сіятельству...

Подъ аккомпаниментъ хлопанья пробокъ и шарканья ногъ танцующихъ лордъ Робертъ ироническимъ тономъ и съ вычурными жестами читалъ письма одно за другимъ. Его размалеванныя пріятельницы визжали отъ смѣха.

Какъ разъ въ эту минуту вошелъ Дрэкъ блѣдный и злой.

— Галло! Сюда! Это вы? Присаживаетесь; выпейте стакачикъ холодненькаго.

— Только не за этимъ столомъ,—сказалъ Дрэкъ. Я предпочитаю пить съ друзьями.

У лорда Роберта засверкали глаза, но онъ сдѣлалъ попытку улыбнуться.

— Въ самомъ дѣлѣ? А я, знаете, думалъ, что вы и меня причисляете къ этой почтенной категоріи.

— Такъ оно и было, но потомъ я понялъ, что другъ только по имени, а не на дѣлѣ есть худшій врагъ.

— Что вы хотите сказать?

— Что это означаетъ—Дрэкъ бросилъ на столъ газету.

— Ну съ, дальше.

— Инициалы ваши, и всѣ говорятъ, что вы авторъ этой замѣтки.

— Говорятъ, говорятъ! Ну такъ что же?

— Не стану спрашивать, вы ли это писали, или не вы...

— Не спрашивайте, голубчикъ.

— Но требую, чтобы вы публично отреклись отъ этой замѣтки и сдѣлали это сейчасъ же.

— А если я не согласенъ,—что тогда?

— Тогда я самъ публично заявлю, что это ложь—низкая, гнусная ложь, и что написать ее могъ только мерзавецъ.

— Ого! Вотъ оно какъ!—Лордъ Робертъ поднялся на ноги и насторожился.

— Да, такъ, лордъ Робертъ Юръ,—потому что женщина, которую вы поносите, такъ же невинна, какъ ваша жена и въ десять тысячъ разъ чище тѣхъ, въ чьемъ обществѣ вы проводите время.

Угловатое, некрасивое лицо лорда Роберта искривилось злорадной усмѣшкой.

— Невинна!—хриплымъ голосомъ крикнулъ онъ и громко расхохотался. Полноте, голубчикъ! Даже слушать досадно! Такъ же невинна, какъ всякая кордебалетная, которая таскалась по лондонскимъ публичнымъ домамъ, пока ее какой-нибудь прирожденный дуракъ не вытащилъ изъ грязи, чтобы сберечь для другого.

— Вы лжете!—крикнулъ Дрэкъ и, быстрый какъ молнія, перегнувшись черезъ столъ, ударилъ лорда Роберта по лицу, потомъ опрокинулъ столъ со всѣмъ, что на немъ находилось, подскочилъ къ оскорбителю и схватилъ его за горло.

— Возьмите назадъ ваши слова,—слышите? Возьмите ихъ назадъ!

— Не возьму!—извиваясь у него въ рукахъ хрипѣлъ лордъ Робертъ.

— Такъ вотъ же вамъ—вотъ—вотъ, чертъ васъ возьми! Удары сыпались градомъ. Въ концѣ концовъ Дрэкъ швырнулъ лорда Роберта на полъ, на кучу разбитой посуды.

Женщины своимъ визгомъ переполошили танцующихъ. Все заведеніе поднялось на ноги. Но Дрэкъ вышелъ рѣшительной поступью и съ такимъ свирѣпымъ лицомъ, что ни у кого не хватило смѣлости задерживать его.

XIII.

Вернувшись домой, Дрэкъ засталъ у себя ожидавшаго его Джона Сторма. Оба соперника сильно измѣнились со времени своей послѣдней встрѣчи; на лица обоихъ легла печать душевнаго страданія.

— Простите мнѣ это посѣщеніе,—сказалъ Джонъ Стормъ. Я считъ долгомъ зайти и поблагодарить васъ за то, что вы для меня сдѣлали.

— Тутъ не за что благодарить.

— Кромѣ того у меня есть дѣло къ вамъ. Вы знаете—какое?

Дрэкъ кивнулъ головой.

— Она ушла, исчезла безъ слѣда.

— Безъ слѣда!

— Такъ и вы ничего не знаете?

— Ничего. А вы?

— Тоже ничего.

Дрэкъ опять кивнулъ головой. Я зналъ, что это ложь, будто она пошла за вами. Я ни минуты не вѣрилъ этому.

— Дай Богъ, чтобы это такъ было!—съ жаромъ вскричалъ Джонъ Стормъ.

Дрэкъ поморщился, но стойко выдержалъ испытаніе.

— Когда она ушла?

— Повидимому, третьяго дня.

— Кто-нибудь искалъ ее?

— Я искалъ всюду-всюду, гдѣ только была хоть тѣнь надежды найти ее, но въ этомъ Лондонѣ...

— Да, да; я знаю, я знаю!

— Два дня я не знаю покоя; вчера весь вечеръ...

Лицо Дрэка нервно подергивалось. Стормъ, наблюдавшій за нимъ, все время вертѣлся на стулѣ; теперь онъ всталъ.

— Вы уже уходите?

— Да.—И хриплымъ голосомъ Джонъ добавилъ:—Не знаю, встрѣтимся ли мы съ вами, когда-нибудь еще. Когда смерть разбиваетъ звено, связующее...

— Ради Бога, не говорите этого!

— Но вѣдь *это* же правда.

— Богъ вѣсть. Положимъ, письмо, оставленное ею — письмо къ Розѣ... Бѣдная дѣвочка! Это было такое чудное созданіе — веселое, жизнерадостное!.. И подумать, что она... Я много виноватъ, я сталъ между вами. Но если бы я только зналъ..

Дрэкъ запнулся. Оба пристально поглядѣли въ глаза другъ другу, и оба разомъ отвернулись.

— Боюсь, что я былъ очень несправедливъ къ вамъ, сэръ, — выговорилъ Стормъ.

— Ко мнѣ?

— Я думалъ, что она для васъ только забава, игрушка; но можетъ быть,—голосъ его оборвался,—можетъ быть, вы также любили ее.

— Всѣмъ сердцемъ и всей душой! — почти беззвучно прошепталъ Дрэкъ.

— Такъ значитъ.... значитъ, мы оба потеряли ее?

— Оба!

— Наступило минутное молчаніе. Руки ихъ встрѣтились, соединились и снова оторвались одна отъ другой.

— Мнѣ нужно идти,—сказалъ Джонъ Стормъ и усталой, невѣрной поступью направился къ двери.

— Куда же вы идете?

— Не знаю... куда-нибудь... никуда... теперь все равно.

— Въ такомъ случаѣ...

— Доброй ночи!

— Доброй ночи!

Дрэкъ стоялъ у дверей, пока тяжелые медленные шаги посѣтителя не замерли вдали.

Теперь Джонъ Стормъ уже не сомнѣвался въ томъ, что Глори, подавленная постигшимъ его несчастьемъ, стыдясь его безславнаго паденія и, можетъ быть, отчасти виня себя, лишила себя жизни.

Странное противорѣчіе! Какъ онъ ни ненавидѣлъ тотъ образъ жизни, который вела Глори, въ эту минуту онъ испытывалъ тяжкія угрызенія совѣсти при мысли, что онъ былъ причиной ея конца. Его несчастье легло мрачной тѣнью на эту веселую, счастливую душу! Худая слава о немъ опорочила ея доброе имя! Его грѣхъ и паденіе запятнали ея чистоту!

Было уже очень поздно. Джонъ началъ спрашивать себя, гдѣ же онъ проведетъ ночь. Въ первый моментъ онъ подумалъ о своей квартиркѣ подъ церковью, но потомъ сказалъ себѣ, что братъ Эндрью навѣрное возвратился уже въ монастырь, а приходъ и самая церковь перешли въ другія руки. Онъ зашелъ въ первую попавшуюся гостиницу на Трафальгаръ-скверѣ и спросилъ, нельзя ли здѣсь переночевать.

— Разумѣется, сэръ,—учтиво и почтительно отвѣтилъ управляющій.

— Можетъ быть, вы дадите мнѣ и поѣсть?

— Столовая нагѣво, сэръ. За багажемъ не прикажете послать?

— У меня нѣтъ багажа.

Управляющій посмотрѣлъ на него подозрительно.

Столовая была пуста и освѣщена только на половину; часть обѣда давно прошелъ; прислуга отдыхала. Джонъ сидѣлъ за маленькимъ столикомъ и ѣлъ поданный ему ужинъ, не поднимая глазъ, почти не сознавая, что происходитъ вокругъ, но потомъ его вниманіе привлекъ стукъ двери. Она поминутно отворялась; показывались какія-то лица, съ любопытствомъ оглядывали Джона и снова скрывались. Изъ-за двери слышны были перешептыванья. Наконецъ, къ нему подошелъ управляющій, видимо сконфуженный, принужденно улыбаясь.

— Прощу прощенія, сэръ, вы можетъ быть отецъ Стормъ?

Джонъ наклонилъ голову.

— Въ такомъ случаѣ, мы, къ сожалѣнію, не можемъ принять васъ, не смѣемъ, сэръ, мы вынуждены просить васъ удалиться.

Джонъ, не говоря ни слова, всталъ, заплатилъ по счету и вышелъ.

Но куда же идти? Гдѣ искать пріюта?.. Если въ эту гостинницу его не пустили, значитъ, не пустятъ и въ другія. Онъ вспомнилъ, объ убѣжищѣ, основанномъ имъ самимъ. Тяжелая, унижительная мысль! Ну да все равно! Онъ выпьетъ до дна чашу Божьяго гнѣва.

Убѣжище запирали, когда Джонъ подшелъ; Джупъ гасилъ лампу у входа.

— Кто это?—спросилъ Джупъ, не разглядѣвъ посѣтителя.

— Вы не узнаете меня?

— Отецъ Джонъ Стормъ! — испуганнымъ шепотомъ выговорилъ Джупъ.

— Мнѣ нуженъ пріютъ на ночь. Найдется у васъ мѣстечко для меня?

— Для васъ, сэръ?

Джупъ до того перепугался, что трясся всѣмъ тѣломъ, и длинный шестъ, которымъ онъ гасилъ лампу, дрожалъ въ его рукѣ, какъ тростникъ. Онъ забормоталъ что-то насчетъ епископа, архидіакона и новыхъ порядковъ, что начальство теперь другое и ему строго приказано...

— Да ну ихъ къ чорту всѣхъ!.. — вскричалъ онъ вдругъ, качая головой изъ стороны въ сторону, какъ человѣкъ, принявшій твердое рѣшеніе.—Я выпущу васъ, сэръ, хоть они тамъ лопни отъ злости!

Это униженіе было горше всѣхъ остальныхъ, но Джонъ проглотилъ его и вошелъ въ домъ. Еще съ порога онъ слышалъ шумъ въ соседней улицѣ, голоса, крики и собачій лай.

Раздали одѣяла на ночь; ночлежники полѣзли на нары. Кромѣ комнатъ, отведенныхъ подъ ночлежниковъ, въ убѣжищѣ была еще крошечная коморка съ стеклянной дверью, подъ самымъ потолкомъ, въ которой спалъ самъ привратникъ. Къ этой комнаткѣ, похожей на клѣтку, вела витая желѣзная лѣстница. Пока Джупъ приготовлялъ постель для гостя, Джонъ Стормъ сидѣлъ, повуривъ голову и опустивъ руки, съ видомъ человѣка, совершенно подавленнаго пережитымъ униженіемъ. Шумъ все приближался; очевидно, толпа собралась передъ домомъ.

— Что это?—спрашивали другъ друга ночлежники. Джупъ сбѣжалъ внизъ и выглянулъ въ дверь. Когда онъ вернулся, лицо у него было совсѣмъ бѣлое; на лбу выступилъ холодный потъ; онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Ради Бога, батшка, уходите! — взмолился онъ шопотомъ къ Джону.—Передъ домомъ толпа. Они разнесутъ убѣжище, если вы не уйдете!

На мигъ воцарилась тишина, потомъ Джонъ вздохнулъ и выговорилъ съ видомъ покорности:

— Хорошо, выпустите меня.

— Не туда, сэръ, вотъ куда!

Джунъ вывелъ его черезъ задній дворъ въ узкій и темный переулокъ.

— Какъ дойдете до конца, возьмите влѣво, батюшка, помните, не вправо, а влѣво.

Но Джонъ Стормъ почти не слушалъ его.

Онъ совсѣмъ упалъ духомъ. Видя низость и неблагодарность тѣхъ, кому онъ посвятилъ свою жизнь, кого старался поднять, поддержать и утѣшить, онъ раскаявался въ своихъ усиліяхъ, проклиналъ надежды и цѣли, доведшія его до банкротства.

— Боже мой! Боже мой! вскую мя оставилъ еси? Да, да! Тутъ не одна человѣческая низость. Не одни люди, глупые и неблагодарные отреклись отъ него,—его оставилъ самъ Богъ! Пути Божіи неисповѣдимы. Невѣжество одного, глѣвъъ другого, досада или ненависть третьяго—все это лишь орудія въ рукахъ Его. Богъ оставилъ его, отвратилъ отъ него лицо Свое, глухъ къ его мольбамъ и раскаянію, лишилъ его друзей, привязанности, любви, вычеркнулъ его изъ списка людей!

Ну и пусть! И отлично! Онъ вернется въ тюрьму и скажетъ: «Примите меня обратно: для меня нѣтъ мѣста на свѣтѣ. Я одинокъ, и сердце мое умерло во мнѣ!»

Тѣмъ временемъ онъ дошелъ до конца переулка, увидалъ передъ собой ярко освѣщенную улицу и, забывъ о предостереженіи Джупа, свернулъ направо. Это была Ольдъ-Пай-Стритъ; онъ уже дошелъ до угла Броунъ-сквэра, когда лай собаки вывелъ его изъ забытья. Черезъ нѣсколько мгновений собака, обезумѣвшая отъ радости, уже прыгала возлѣ него, кидалась ему на грудь, словно стараясь поцѣловать его, и всѣми доступными ей способами выражала свою собачью любовь и преданность.

Это была его собственная собака, его Донъ!

Недостойныя мысли Джона мгновенно разлетѣлись при видѣ вѣрности этого четвероногого друга. Онъ, наклонившись, ласкалъ животное, гладилъ его длинныя уши и нависшія складки кожи на лбу, какъ вдругъ рѣзкій окрикъ:—это онъ!—заставилъ его поднять голову.

Около него стояло нѣсколько человѣкъ, съ лицами, не предвѣщавшими ничего добраго. Джонъ сразу узналъ ихъ; это были: кабатчикъ, съ повязанной головой, Шарки, отсидѣвшій свой срокъ и выпущенный изъ тюрьмы, Пинчеръ и Гаукинсъ, отпущенные на поруки. Всѣ четверо были пьяны: кабатчикъ еле держался на ногахъ; бывшій сторожъ подпирался костылями.

Произошла отвратительная сцена. Всѣ четверо, снявъ шляпы, начали, съ насмѣшливой любезностью, раскланиваться передъ Джономъ Стормомъ. «Ахъ, это кажется, его сіятельство!»—воскликнулъ онъ. «Его сіятельное преподобіе!»—поправилъ другой.

— Оставьте меня ради Бога, оставьте меня!—взмолился Джонъ.

Но шутки принимали угрожающій характеръ.—Ну, а какъ же конецъ міра-то, батюшка?—Не вы ли велѣли мнѣ продать мое заведеніе? Мнѣ вы сказали, что выльчили меня, а посмотрите на меня теперь!

— Пустите, говорятъ вамъ, пустите!—кричалъ Джонъ, пытаясь пройти мимо.

Они шли за нимъ, подталкивая его сзади. Онъ остановился и крикнулъ громкимъ голосомъ, въ которомъ слышалась мучительная борьба: «Оставьте меня! Вы хотите разбудить во мнѣ дьявола? Ступайте домой! слышите? ступайте домой!

Но мучители, смѣясь, продолжали издѣваться надъ нимъ. У Джона свалилась съ головы шляпа; онъ наклонился поднять ее и нечаянно задѣлъ по лицу сторожа.

— А, ты калѣкъ бить!—крикнулъ кабатчикъ и толстой палкой сразмаху ударилъ Джона по плечу. Въ то же мгновеніе собака кинулась на него и сбила его съ ногъ. Бывшій сторожъ поднялъ костыль и верхнимъ концомъ его принялся колотить собаку по головѣ.

— Стойте, стойте! Донъ, Донъ, оставь!

Но собака навалилась на кабатчика и не выпускала его. Пинчеръ перебѣжалъ на другую сторону улицы, добылъ откуда-то складной ножъ и вонзилъ его по рукоятку въ горло собаки. Съ хриплымъ и жалобнымъ визгомъ Донъ выпустилъ свою добычу и принялся кататься по землѣ; кабатчикъ поднялся на ноги.

Это было начало конца. Джонъ Стормъ взглянулъ на собаку, бившуюся въ предсмертныхъ судорогахъ, и дьяволъ овладѣлъ его сердцемъ. Возлѣ угловой лавочки стояло на тротуарѣ нѣсколько тяжелыхъ стульевъ. Джонъ схватилъ одинъ изъ нихъ и принялся наносить ударъ направо и налево.

Поднялась суматоха. Со всѣхъ сторонъ сбѣгались люди, крича: — «Сумасшедшій!» — «Гдѣ же полиція?» — «Вяжите его!» — «Онъ убьетъ кого-нибудь!» — «Хватай его!»

Джонъ Стормъ самъ кричалъ во все горло, какъ вдругъ онъ ощутилъ—самъ не зная хорошенько гдѣ—сильную, ошеломляющую боль. Ему казалось, что онъ движется все быстрѣй и быстрѣй,—что онъ въ поѣздѣ, поѣздъ идетъ по тоннелю,—сторожа перекликаются между собою; его кидало то въ жаръ, то въ холодъ, а онъ все несся куда-то—вотъ передъ нимъ лицо Глори—она говоритъ что-то... Онъ открылъ глаза: надъ нимъ было темное небо; какія-то женщины, склонившись къ нему, взволнованно шептались между собою.

— Что это?

— Отецъ Стормъ. Негодяи, звѣри! Они убили его! И собаку бѣдную тоже!

— Ахъ ты Господи! Чего же это полиція смотреть! Что намъ дѣлать съ нимъ, Агги?

— Перенесемъ его въ мою комнату.

На Большомъ Бенѣ пробило полночь. Потомъ—онъ снова помчался на поѣздѣ... Путь былъ долгій, долгій, и дорога все время шла сквозь тоннель.

XIV.

Полчаса спустя раздался стукъ въ дверь пріюта—одинъ ударъ, громкій и отрывистый; такъ обыкновенно стучать бѣдняки.

Въ верхнемъ этажѣ отворилось окно; тогда встревоженный голосъ съ улицы окликнулъ:

— Глори! миссъ Глори!

Это была Агата Джонсъ.

Глори поспѣшила внизъ и нашла дѣвушку страшно взволнованной. Одного взгляда на ея лицо, освѣщенное свѣтомъ свѣчи, было достаточно, чтобы понять, въ чемъ дѣло.

— Вы нашли его?

— Да, онъ раненъ... Онъ...

— Успокойтесь, дитя. Расскажите все по порядку.

И Агги принялась рассказывать.

— За Джономъ Стормомъ все время слѣдили и нашли его, благодаря собакѣ. На него кинулись нѣсколько человѣкъ сразу, сшибли его съ ногъ и ранили. Теперь онъ лежитъ въ комнатѣ Агги. Больше перенести его было некуда, потому что, какъ его свалили съ ногъ, мужчины всѣ разбѣжались, а женщины боялись однѣ принять его. Полиція явилась, когда уже было поздно; теперь полисменъ побѣждалъ за докторомъ. Съ больнымъ сидитъ м-рессъ Пинчеръ, а бѣдная собака издохла.

Пока Агги говорила, Глори все время прижимала сердце рукой.

— Я иду за вами,—выговорила она, наконецъ.—Вы сказали ему, что я здѣсь? Онъ самъ послалъ васъ за мной?

— Онъ не можетъ говорить.

— Онъ безъ чувствъ?

— Да.

— Такъ я пойду вмѣстѣ съ вами.

Мелкими шажками поспѣвая за Глори, Агги все извинялась за безпорядокъ въ своей комнатѣ.

— Теперь я уже не живу такъ,—говорила она.—Знаете, можетъ вамъ покажется страннымъ, но, пока мой бѣдный мальчикъ былъ живъ, я ни за что на свѣтѣ не могла заставить себя выйти на улицу. А вотъ, съ прошлой недѣли, какъ померъ его отецъ...

На каменной лѣстницѣ, ведущей въ квартиру Агги, толпилась масса женщинъ. Онѣ сбились въ кучу, какъ овцы во время бури. Мужчинъ не видно было ни одного, кромѣ пьянаго матроса, спускавшагося съ верхняго этажа, насвистывая и распѣвая. Женщины принялись шикать на него: какъ ему не стыдно! Или онъ совсѣмъ безчувственный?

— Докторъ ужъ тамъ, сестрица,—сказала женщина, стоявшая у самой двери.

Глори вошла.

Убогая и неубранная комнатка была освѣщена дешевой лампочкой, бросающей неровный свѣтъ: пламя въ ней то вспыхивало, то меркло; часть комнаты оставалась въ тѣни. Джонъ лежалъ на постели бормоча какія-то невнятные слова. Съ него сняли куртку и жилетъ; верхняя пуговица рубашки была разстегнута и шея обнажена.

Его высокій лобъ былъ бѣлѣ мрамора, но щеки горѣли лихорадочнымъ огнемъ. Одна рука его свѣсилась съ кровати; Глори взяла ее и удержала въ своей.

Большіе глаза ея были влажны, но она не плакала и стояла неподвижно, не говоря ни слова. Докторъ промывалъ рану на затылкѣ. Замѣтивъ вошедшую Глори, онъ кивнулъ ей головой. По другую сторону кровати пожилая женщина во вдовьемъ чепцѣ плакала, утирая глаза передникомъ.

Когда докторъ вышелъ, Глори послѣдовала за нимъ.

— Скажите, докторъ, онъ серьезно раненъ?

— Очень серьезно.

Докторъ былъ молодой человѣкъ, живой, подвижный, съ рѣдкой отрывистой рѣчью.

— Но не опас...

— Очень опасно, сидѣлка, но не говорите этого его друзьямъ.

— Значить—надежды—нѣтъ—никакой?

— Ни малѣйшей. Кстати, не мѣшало бы справиться, кто его родные, и дать имъ знать. Я буду здѣсь утромъ. Прощайте!

Глори, шатаясь, вернулась въ комнату, крѣпко прижимая руку къ сердцу. Докторъ внизу гѣстницы столкнулся съ полицейскимъ и репортеромъ.

— «Жестокая расправа, сэръ» — «Да, но вѣдь и не со всякимъ бываютъ такія вещи, самъ нарвался». — «А все таки грустно.» — «Очень грустно».

Короткой гѣтней ночи, казалось, не будетъ конца. Къ разсвѣту убогая комнатка была приведена въ порядокъ: выброшены увядшія розы и окурки сигаръ; разбросанныя принадлежности туалета убраны въ ящикъ. Въ восемь часовъ Глори поѣхала въ пріютъ, оставивъ дежурить м-рессъ Пинчеръ и Агги. Джонъ всю ночь бредилъ, но ни разу не шевельнулся и все время не приходилъ въ сознаніе.

— Доброго утра, сестрица.

— Здравствуйте, дѣти.

Дѣтскія личики, розовыя со сна, радостно улыбались ей. Глори дала дѣтямъ позавтракать и написала отпу настоятелю и м-рессъ Каллендеръ, потомъ надѣла пальто и шляпу и снова вернулась въ Доуингъ стритъ.

Первый министръ въ это утро предсѣдательствовалъ на утреннемъ

засѣданіи Государственнаго Совѣта. Видѣ у него былъ угнетенный и озабоченный, и коллеги это замѣтили. Покончивъ съ дѣлами, онъ не безъ труда поднялся съ мѣста и началъ:

— Милорды и джентельмены, я давно собирался сказать вамъ нѣчто—нѣчто важное,—и мнѣ хочется сказать это теперь. Составляя законы, касающіеся церкви, мы старались, по возможности, сдѣлать реальной и жизненной ея связь съ государствомъ. Но, чѣмъ дальше я живу, тѣмъ больше убѣждаюсь, что эта связь сама по себѣ фальшива, оскорбительна и даже опасна для обоихъ.

Ни въ исторіи, сколько мнѣ извѣстно, ни на памяти моей не было примѣра, чтобы соединеніе церкви и государства въ одно, не вызывало испорченности и частыхъ злоупотребленій со стороны духовенства. Въ результатѣ получалось всегда лицемеріе, торговля святыней, обряды, лишенные внутренняго смысла, грубая пародія на высокое служеніе Богу. Обращаясь къ нашей англиканской церкви, я не скрою своей увѣренности въ томъ, что не будь въ ея лоутѣ немногихъ хорошихъ и честныхъ людей, которые вездѣ составляютъ отрадное исключеніе, она давно перестала бы существовать, такъ часто она попираетъ принципы, составляющіе самую основу христіанства. Ея эпикурейство, уваженіе къ интересамъ кармана, склонность ставить администратора выше апостола это плевеы, выросшія на почвѣ союза ея съ государствомъ. А когда я думаю объ аномаліяхъ ея внутренняго строя, о неравенствѣ положенія массы бѣднаго духовенства. въ сравненіи съ лордами и князьями церкви; а главное, когда я вспомню о ея претензіяхъ на апостольскую чистоту, между тѣмъ какъ въ средѣ ея человѣкъ, живущій истинно жизнью апостоловъ, всегда рискуетъ пріять мученическій вѣнецъ — удѣлъ всѣхъ новаторовъ,—я не могу не думать, что многіе служители церкви были бы рады сбросить съ себя бремя искушеній, связанныхъ съ государственной властью и раздѣлить несоединимое—воздавъ Кесарево Кесареви и Божіе Богу.—Какъ бы тамъ ни было, я имѣю сказать вамъ слѣдующее: считая этотъ вопросъ очереднымъ и наиболѣе важнымъ изъ всѣхъ, но отчаяваясь разрѣшить его въ продолженіе немногихъ остающихся мнѣ лѣтъ жизни, я рѣшилъ выйти въ отставку. Пусть какой-нибудь государственный человѣкъ поможетъ меня вести эту борьбу за разьединеніе духовной и свѣтской власти въ интересахъ истинной религіи и истинной цивилизаціи. Дай Богъ, чтобы онъ былъ христіаниномъ, и Богъ поможетъ ему и благословитъ его начинанія.

Эта рѣчь вызвала среди министровъ необычайное возбужденіе: стараго лидера осыпали изъявленіями преданности; многіе просили его еще «подумать», прежде чѣмъ сдѣлать рѣшительный шагъ. Но всѣ понимали, что его завѣтная мечта неосуществима, и чувствовали, что поводомъ къ его рѣчи послужилъ печальный инцидентъ, о которомъ въ этотъ день кричали всѣ газеты.

Оставшись одинъ въ залѣ Совѣта, первый министръ устылся и предался воспоминаніямъ. Онъ думалъ о Джонѣ Стормѣ и его разбитой жизни; о матери Джона, храбро отрекшейся отъ любви; о себѣ самомъ и своей близкой отставкѣ. На мигъ знакомая жажда власти вновь охватила его, и онъ мысленно увидалъ себя самого отдающимъ государственную печать королевѣ, затѣмъ, на другой день, въ послѣдній разъ поднимающимся съ предсѣдательскаго кресла и выходящимъ изъ этой залы съ тѣмъ, чтобъ ужъ не возвращаться сюда болѣе,—кончено дѣло его жизни, кончена и самая жизнь.

Въ эту минуту лакей пришелъ ему доложить, что его дожидается въ пріемной молодая женщина въ костюмѣ сидѣлки. «Посланная отъ Джона,»—подумалъ первый министръ. Онъ съ трудомъ поднялся ей навстрѣчу; бремя лѣтъ словно придавило его своей тяжестью. Глори вошла взволнованная, съ дрожащей нижней губой, со слезами на глазахъ, но цвѣтущая здоровьемъ, юностью и мужествомъ.

— Присядьте, пожалуйста.—Старикъ пристально всматривался въ нее.—Вы когда-нибудь были здѣсь раньше?

— Ни разу, милордъ.

— Я гдѣ то видѣлъ васъ.

— Я была прежде актрисой. Я другъ Джона.

— Джона? Значить, вы...

— Я Глори.

— Глори! Итакъ, мы наконецъ встрѣтились съ вами, милая барышня. А все-таки я видѣлъ васъ раньше. Онъ такъ много говорилъ о васъ, а показать мнѣ васъ не хотѣлъ; такъ я самъ побывалъ въ театрѣ и...

— Я оставила сцену, милордъ.

— Оставили сцену?

Глори рассказала ему, что она сдѣлала. Старый лидеръ поникъ головой, и въ глазахъ его заблестѣли слезы.

— Я пришла поговорить съ вами не объ этомъ, милордъ, а о другомъ, болѣе тягостномъ.

— Не могу ли я облегчить вамъ вашу задачу, дитя мое? Грустная вѣсть уже дошла до меня. Ею полны всѣ газеты.

— Я не подумала объ этомъ. Но докторъ сказалъ мнѣ, чтобъ я...

— Какъ находить его докторъ?

— Онъ говорить...

— Ну?

— Онъ говорить, что мы потеряемъ его.

— Я послалъ за лучшимъ хирургомъ... Но помощь безъ сомнѣнія ужъ опоздала. Бѣдный мальчикъ! Я какъ сейчасъ вижу его въ первые дни послѣ пріѣзда въ Лондонъ, полнымъ надеждъ и упованій. Вотъ въ этомъ самомъ креслѣ, гдѣ вы теперь сидите, сидѣлъ онъ, съ блестящими глазами рассказывая свои планы. Бѣдный Джонъ! Можно ли

было ожидать такого финала! Но съ такими кипучими натурами всегда такъ бываетъ; ихъ сердца—поле брани, и когда битва кончена, что же останется, кромѣ запустѣнія.

У Глори слезы высохли сами собой; она смотрѣла на старика съ выраженіемъ страданія на лицѣ, но онъ продолжалъ, не замѣчая ея:

— Это одна изъ темныхъ загадокъ невѣдомой силы, управляющей нашей жизнью: хорошіе люди гибнуть, дурные—живутъ и благоденствуютъ.

Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Чѣмъ больше живешь, тѣмъ больше горечи накапливается въ сердцѣ, тѣмъ ярче ощущаешь свое безсиліе облегчить хоть сколько-нибудь бремя скорби, гнетущее смертныхъ.

Онъ остановился и посмотрѣлъ на Глори.

— Я не могу простить ему, что онъ отвергъ столь многое—для столь малаго. Когда я думалъ о васъ, дитя мое, обо всемъ, что могло бы быть и о его плачевномъ концѣ...

— Сэръ, я не могу назвать такой конецъ плачевнымъ, — дрожащимъ голосомъ выговорила Глори.

— Какъ? Пастъ на улицѣ, отъ удара кулака, подъ ноги грубой черни?

— Чтожъ изъ того? Онъ могъ бы умереть, на старости лѣтъ, въ своей постели, и кончить хуже, чѣмъ теперь.

— Совершенно вѣрно, и все же...

— Если это плачевный конецъ, значитъ, и отецъ мой плохо кончилъ, когда умеръ отъ лихорадки въ Африкѣ. Всѣ мученики кончали такъ же плачевно. И такъ бываетъ съ каждымъ, кто добръ и мужественъ, кто дѣлаетъ добро людямъ и готовъ умереть за нихъ. Но это не плачевный, а славный конецъ! Я предпочитаю быть дочерью чело-вѣка, который погибъ такимъ образомъ, чѣмъ дочерью владѣтельнаго графа; и еслибъ я могла сдѣлаться женой чело-вѣка, котораго топтали ногами на улицѣ тѣ самые люди, для которыхъ...

Голосъ ея оборвался; по пылающимъ щекамъ катились слезы. Старикъ не могъ говорить отъ волненія. Наступила минутная пауза. Наконецъ, Глори оправилась и выговорила спокойнѣе:

— Я пришла спросить васъ, не можете ли вы сдѣлать для меня одну вещь.

— Что такое?

— Вы можетъ быть знаете, что Джонъ хотѣлъ жениться на мнѣ?

— И какъ жаль, что вы не согласились!

— Въ то время всѣ прославляли его...

— И что же?

— Теперь всѣ надъ нимъ смѣются, поносятъ его, оскорбляютъ.

— И что же?

— Теперь мнѣ хотѣлось бы выйти за него замужъ, если можно,—если вы думаете, что это возможно устроить.

— Но вѣдь вы говорите, онъ умираетъ?

— Именно потому! Когда онъ придетъ въ себя, онъ будетъ думать,—какъ думаете вы,—что его жизнь завершилась крахомъ, и надо чтобъ кто-нибудь могъ сказать ему:—Неправда, это только начало,—это то зерно горчичное, которое *должно* умереть, но будетъ жить въ сердцахъ людскихъ много и много вѣковъ, а я предпочитаю ваше имя—опороченное и осмѣянное—всей славѣ міра.

Слезы катились по лицу старика; онъ хотѣлъ заговорить и не могъ.

— Ваше желаніе вполне исполнимо. Надо только время, чтобы это устроить. Я самъ съѣзжу похлопочу. Къ вечеру я приѣду въ тотъ домъ, гдѣ онъ лежитъ, и привезу разрѣшеніе. А вы повидайтесь съ какимъ-нибудь священникомъ и приготовьте все, что надо.

Онъ проводилъ Глори по длинному корридору до самаго выхода, поцѣловалъ ее въ лобъ и сказалъ:

— Я давно знаю, что женщина способна быть мужественной, но сегодня утромъ я узналъ нѣчто новое для меня, дитя мое. Не разъ я говорилъ себѣ, что любовь Джона къ вамъ—то же безуміе. Онъ готовъ былъ всѣмъ пожертвовать для васъ—всѣмъ! И онъ былъ правъ! Такая любовь, какъ ваша,—драгоценнѣйшая жемчужина, и кто обладаетъ ею, тотъ царь царей!

Въ тотъ же день послѣ обѣда, одинъ изъ членовъ Совѣта привезъ старому лидеру на домъ номеръ вечерней газеты, гдѣ была помѣщена статья, вызвавшая сенсацію въ Лондонѣ. Ее приписывали одному извѣстному журналисту еврейскаго происхожденія. Статья была озаглавлена:

«Кровь его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ!»

«Это предсказаніе въ теченіе восемнадцати вѣковъ было выраженіемъ исторической истины. Что вся еврейская нація, а не Пилать, или іерусалимская чернь, убила Христа,—это фактъ, который даютъ чувствовать каждому еврею вплоть до нынѣшнихъ дней. Но пусть христіанская нація, неповинная въ подобномъ же грѣхѣ передъ основателемъ христіанства, первая броситъ камень въ евреевъ. Если правда,—какъ сказалъ самъ Иисусъ,—что тотъ, кто подаетъ чашу холодной воды малѣйшему изъ малыхъ, вѣрующихъ въ Него,—Ему подаетъ, значитъ, правда и то, что кто терзаетъ и мучитъ его послѣдователей—распинаетъ его заново. Несчастный, постыдно умерщвленный въ за-коулкахъ Вестминстера, былъ во истину послѣдователемъ Христа, и кто бы ни были виновники его смерти, тяжкая вина падаетъ на христіанскую націю, которая осыпаетъ насмѣшками и обидами всякаго, кто осмѣливается стать одинокимъ подъ знамя Христово.

«Но мы не дадимъ провести себя зубоскальствомъ. Человѣкъ этотъ, при всѣхъ своихъ ошибкахъ, заблужденіяхъ, самообманѣ и разныхъ

человѣческихъ слабостяхъ, былъ христіанинъ. Онъ былъ пророкомъ и защитникомъ женщины, которому не было равнаго со временъ Иисуса. И его затравили, какъ звѣря. Такъ, черезъ девятнадцать вѣковъ послѣ смерти Спасителя, христіанство проявляетъ ту же безпощадную тиранію, которой былъ опозоренъ древне-еврейскій законъ. «У насъ есть законъ, и законъ велитъ предать его смерти». Таковъ приговоръ надъ реформаторами въ странѣ, гдѣ церковные и гражданскіе законы слились въ одно. Дай Богъ, чтобъ не оправдалась и другая половина знаменитаго возгласа—«кровь его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ»

XV.

Ко времени возвращенія Глори передъ меблированнымъ домомъ въ Браунъ-скверъ собралась самая разношерстная толпа; даже на лѣстницѣ стѣнной стояли любопытные. При видѣ Глори они разступились шепча: «сидѣлка»! Агги стояла на площадкѣ, поминутно утирая слезы, и отвѣчала на вопросы; она отчасти боялась громкой извѣстности, которую вдругъ приобрѣла ея бѣдная комнатка, отчасти гордилась ею.

— Тамъ пріѣхала дама, миссъ Глорія, и говорить, чтобы вы ее подождали минуточку здѣсь.

Она просунула голову въ открытую дверь, кивнула м-рсъ Каллендеръ, и та сейчасъ же вышла.

— Тестъ! Онъ приходитъ въ себя. Бѣдный мальчикъ! Онъ все время, не переставая, зоветъ васъ, но ему должно быть представляется, что вы оба уже на томъ свѣтѣ. Вы ужъ ничего такого не говорите, не волнуйте его. Пойдемте и будьте осторожны, дѣточка!

Джонъ все еще бредилъ и нездѣшній свѣтъ сіялъ въ его глазахъ; но губы его улыбались и способность видѣть вернулась къ нему.

— Гдѣ она?—спросилъ онъ беззвучнымъ голосомъ человѣка, говорящаго во снѣ.

— Теперь она здѣсь. Смотри! Она стоитъ около тебя.

Глори подошла и остановилась возлѣ кровати, борясь съ желаніемъ кинуться къ нему на грудь. Джонъ посмотрѣлъ на нее съ улыбкой, но безъ удивленія, и сказалъ:

— Я зналъ, что ты выйдешь ко мнѣ навстрѣчу, Глори. Какой у тебя счастливый видъ! Теперь мы оба будемъ счастливы.

Онъ обвелъ взглядомъ бѣдную, скудно меблированную комнатку.

— Какъ все прекрасно здѣсь! Какъ прозраченъ воздухъ! Смотри! Золотыя врата! И семь золотыхъ шандаловъ! И стеклянное морз, подобное кристалу! И несчетные сонмы ангеловъ!

Агги, вернувшаяся въ комнату, громко плакала.

— Ты плачешь, Глори? Глупое дитя, о чемъ же ты плачешь? Ахъ знаю, понялъ! Дай мнѣ твою милую ручку, дитя мое; мы вмѣстѣ предстанемъ передъ престоломъ Божиимъ и скажемъ: «Отецъ, прости насъ!»

Мы были только люди и не могли справиться съ собой, не могли не любить другъ друга, хотя эта любовь была грѣхомъ для одного изъ насъ и заблужденіемъ для обоихъ». И Богъ проститъ насъ, потому что онъ самъ сотворилъ насъ такими, потому что Онъ—Богъ любви!

Глори не могла долѣе выносить этого.

— Джонъ!—шепнула она.

Онъ приподнялся на локтѣ и наклонилъ голову на бокъ, словно прислушиваясь къ звукамъ, несущимся издалека.

— Джонъ!

— Это голосъ Глори.

— Это и есть Глори, милый.

Ясное выраженіе его лица смѣнилось удивленнымъ.

— Вѣдь Глори умерла.

— Нѣтъ, милый, она жива и никогда больше не разстанется съ вами.

— Гдѣ я?

— Въ комнатѣ Агги.

— Агги?

— Ты не помнишь Агги? Это одна изъ тѣхъ бѣдныхъ дѣвушекъ, для которыхъ ты жилъ и боролся.

— Это ты сама, Глори, или твой двойникъ?

— Я сама, дорогой мой,—я, твоя Глори!

Безконечная радость засвѣтилась въ его глазахъ и, задыхаясь, онъ безъ словъ протянулъ ей объятія.

— Это Глори! Она жива! Боже, благодарю Тебя!

— Ты простила мнѣ, Глори?

— Простила? Мнѣ нечего прощать тебѣ,—развѣ то, что ты слишкомъ много любилъ меня?

— Голубка моя! Ненаглядная!

— Я думалъ, что я уже на небѣ, Глори, а я, оказывается, еще на полпути. Я былъ безъ сознанія?

Глори кивнула головой.

— Долго?

— Со вчерашняго вечера.

— Ага, теперь все помню. Меня ранили ножомъ на улицѣ,—правда? Это сдѣлали тѣ—Пинчеръ, Гаукинсъ и другіе.

— Они будутъ наказаны, Джонъ,—дрожащимъ голосомъ выговорила Глори.—Ихъ покараетъ и небо, и законъ.

— Да, да, голубчикъ,—отозвалась изъ угла м-ръ Каллендеръ,—насчетъ этого будь спокоенъ, ихъ всѣхъ до одного повѣсятъ, какъ блудныхъ кошекъ на дверяхъ риги.

Джонъ покачалъ головой.

— Бѣдные! они не понимаютъ. Когда они поймутъ, что сдѣлали... Господи, не вмѣни имъ этого въ грѣхъ!

Глори отерла слезы, подступившія къ ея глазамъ, сидѣла возлѣ

него на кровати и улыбалась, показывая бѣлые зубки. Алая губы ея слегка вздрагивали, лицо, казалось, разливало вокругъ себя солнечный свѣтъ. Джонъ держалъ ее за руку и, не отрываясь, смотрѣлъ на нее, какъ будто боялся потерять ее изъ виду хоть на минуту.

— А все таки, мнѣ почти жаль, Глори...

— Жаль? чего?

— Что мы оба не въ другомъ мѣрѣ. Тамъ ты была моей невѣстой, и всѣ наши страданія были забыты.

Краска смущенія залила все ея прелестное личико; она склонилась надъ больнымъ и шепнула:

— Попроси меня быть твоей невѣстой въ этомъ мѣрѣ, мой дорогой.

— Не могу! не смѣю!

— Тебя смущаетъ обѣтъ?

— О вѣтъ! Но я—я умираю. Я отлично знаю это. Какое же я имѣю право?..

Она весело тряхнула золотистой головкой.

— Вотъ еще! какъ будто женятся только ради права!

— Но твоя профессія—твоя блестящая карьера?

Она серьезно покачала головой.

— Съ этимъ все покончено.

— Какъ?

Онъ приподнялся на локтѣ.

— Когда ты ушелъ, и всѣ отступились отъ твоего дѣла, я подумала, что мнѣ слѣдуетъ взять часть его на себя.

— И ты это сдѣлала?

Она кивнула головой.

— Слава Богу! Господи, благодарю Тебя! Ты безконечно добръ ко мнѣ!

Тяжело дыша, онъ откинулся на подушки. Глори нервно разсмѣялась.

— Что же, ты хочешь пристыдить меня? Прикажете мнѣ самой броситься вамъ на шею, сэръ? Или можетъ быть вы намѣрены въ концѣ концовъ отказать мнѣ?

— Но зачѣмъ же тебѣ имя неудачника, Глори? Мое безславіе ляжетъ бременемъ на твою молодую жизнь. Я умираю опозоренный, Глори.

— О вѣтъ—покрытый славой, громкой, великой славой! Эти тяжелые дни будутъ скоро забыты, милый,—совсѣмъ, совсѣмъ забыты. А въ будущемъ ко мнѣ будутъ приходить дѣвушки—милыя, храбрыя дѣвушки, которыя, подобно мужчинамъ, мужественно ведутъ борьбу за существованіе,—будутъ приходить и спрашивать: «Вы знали его? Вы въ самомъ дѣлѣ близко знали его!» А я, съ гордой улыбкой, отвѣчу имъ: «Да, близко, потому что онъ любилъ меня. Онъ мой, и я принадлежу ему навѣки, навѣки».

— Это чудно хорошо! Мы не могли сойтись въ этомъ мѣрѣ, но соединиться навѣки на порогѣ будущей...

— Тссъ! ни слова болѣе! Все уже устроено. Отецъ настоятель согласенъ обвинять насъ; первый министръ обѣщалъ лобить разрѣшеніе отъ архіепископа. Это будетъ сегодня—сегодня вечеромъ,—и я первая женщина, которая устроила все сама!

Она смѣялась, и онъ смѣялся вмѣстѣ съ нею, несмотря на слабость и боль. Минуту спустя она скрылась, какъ солнечный лучъ, спрятавшійся за тучку. Вмѣсто нея къ постели больного подошла м-рсъ Каллендеръ, завязывая ленты старомоднаго чепца,

— Золото она у тебя, эта твоя Глори—чистое золото!

— Да, испытанное и закаленное въ огнѣ.

Больной отъ волненія тяжело дышалъ. Жилы на вискахъ его лихорадочно пульсировали.

Глори выбѣжала изъ комнаты поплакать. Вскорѣ м-рсъ Каллендеръ, присоединилась къ ней.

— Я уйду, дѣточка. И рада бы остаться съ тобою, да силъ нѣтъ. Точно мой Алекъ второй разъ умираетъ. Вотъ ужъ сорокъ лѣтъ, какъ онъ умеръ, а до сихъ поръ стоитъ передъ глазами...

— Гдѣ же Глори?

— Сейчасъ придетъ, батюшка—отвѣтила Агги.

Заслышавъ свое имя, Глори отерла глаза и вернулась.

— Такъ ты пришла сюда въ Вестминстеръ, благодаря тому, что я пропалъ безъ вѣсти? И нашла меня!

— Да, и себя также.

— А я-то думалъ, что моя жизнь пропала даромъ! Поистинѣ, неисповѣдимы пути Божіи! Какъ подумаешь о Его величій и мудрости, такимъ себя чувствуешь маленькимъ, ничтожнымъ, какъ трава въ полѣ... Но увѣрена ли ты, что не пожалѣешь?

— Никогда!

— И не станешь оглядываться назадъ?

Она покачала головой.

— Ты бы ужъ сразу назвалъ меня женой Лота!

— Это удивительно! Какое славное дѣло ждетъ тебя, Глори! Ты примешь его изъ моихъ рукъ и будешь продолжать. Ты благороднѣе, меня и сильнѣе,—гораздо сильнѣе, притомъ чище, мужественнѣе. Я всегда говорилъ, что міру нужна теперь великая женщина. А починъ все-таки мой; я видѣлъ истинный свѣтъ, но не былъ достоинъ. Я согрѣшилъ и палъ; я самъ не зналъ своего сердца и не достоинъ былъ войти въ страну обѣтованную. Зато я видѣлъ ее издали; это уже кое-что. Если я былъ...

— Тише, милый, кто-то идетъ.

Это былъ знаменитый хирургъ, за которымъ посылалъ первый министръ. Онъ тщательно изслѣдовалъ раны, далъ кое-какія инструкціи, но Глори видѣла, что у него нѣтъ надежды. Чтобы уменьшить боль

въ головѣ, докторъ хотѣлъ впрыснуть морфій, но Джонъ рѣшительно воспротивился.

— Я иду къ Царю царей и хочу предстать предъ нимъ въ полномъ сознаніи.

Еще при докторѣ вернулся полисменъ вмѣстѣ съ слѣдователемъ и репортеромъ.

— Весьма сожалѣю, что обезпокоилъ васъ, но такъ какъ больной, говорятъ, пришелъ въ сознаніе... Слѣдователь вынулъ книжечку и приготовился записывать показанія Джона.

Репортеръ тоже насторожился; полисменъ сталъ въ ногахъ кровати, докторъ по одну сторону, Глори по другую, держа руку Джона въ своихъ и вся дрожа.

— Знаете ли вы, сэръ, кто васъ ударилъ?

Наступила пауза; потомъ послышалось тихое:

— Знаю.

— Кто же это?

Снова молчаніе и потомъ отвѣтъ:

— Не спрашивайте.

— Но ваше показаніе наиболѣе цѣнно, да въ сущности у насъ и нѣтъ другого. Кто же ударилъ васъ, сэръ?

— Я не могу сказать.

— Но почему же?

Отвѣта не было.

— Почему не назвать имени негодяя, который лишилъ, т. е. хотѣлъ лишить васъ жизни?

Закинувъ голову назадъ и устремивъ глаза вверхъ, Джонъ едва внятно выговорилъ:

— Отче, прости ихъ, не вѣдають бо, что творять.

Настаивать было бесполезно. Глори проводила всѣхъ четверыхъ до дверей.

— Ему нуженъ полный покой,—сказалъ докторъ.—Спасти его уже нельзя, но это человѣкъ съ желѣзной волей и...

Полисменъ отозвался въ свою очередь.

— Все это можетъ быть прекрасно, прощать врагамъ и тому подобное, но вѣдь у каждаго есть долгъ передъ обществомъ, не только передъ самимъ собой.

— Да,—сказала Глори,—среди дюжинныхъ людей великому сердцу нѣтъ мѣста.

Полисменъ съ недоумѣніемъ воззрѣлъ на нее.

— Совершенно вѣрно,—пробормоталъ онъ и поспѣшилъ скрыться.

— Гдѣ она, дитя мое?

— Здѣсь, батюшка.

— Тссъ!—сказала Глори, входя въ комнату,—докторъ запретилъ тебѣ много говорить.

— Такъ дай мнѣ смотрѣть на тебя, Глори. Сядь здѣсь—вотъ здѣсь, и, если тебѣ покажется, что я страдаю, ты не обращай вниманія, потому что въ сущности я очень-очень счастливъ.

На улицѣ заиграла шарманка. Глори думая, что музыка будетъ раздражать Джона, хотѣла послать Агги сказать шарманщику, чтобы онъ не игралъ. Но лицо Джона, напротивъ, освѣтилось улыбкой.

— Спой мнѣ, Глори,—сказалъ онъ.—Дай мнѣ услышать твой голосъ.

Шарманка играла негритянскую пѣсенку; Глори запѣла. Слова ея были простыя, полудѣтскія, и полныя нѣжности и любви. Маленькій негритенокъ ни о чемъ не можетъ и думать, кромѣ своей Лу-лу. И ночью просыпаясь, слезами обливаясь, все время онъ грезить о своей Лу-лу, о своей Лу-лу!

Когда музыка смолкла, они взялись за руки и стали говорить шепотомъ, хотя были одни въ комнатѣ, и никто не могъ подслушать ихъ. Поблѣвшее лицо Джона сіяло радостью, влажные глаза Глори весело улыбались. Они дурачились, шалили, играли другъ съ другомъ, какъ маленькія дѣти, вспоминали милое прошлое, жизнь на «островкѣ», разныя комическіе инциденты... «Господи, отверзи устнѣ моя.. Гдѣ вы, Нейлюсъ?—Я здѣсь ваше преподобіе,—и уста мои возвѣстятъ хвалу Твою!»

Внезапно лицо Джона омрачилось.

— А все-таки жаль...—началъ онъ.

— Чего?

— Говорятъ, знаменосецъ всегда падаетъ первый. Но надо же кому-нибудь нести знамя.

Глори чувствовала, что у нея вотъ-вотъ брызнуть слезы.

— Жаль, что мнѣ придется уйти раньше тебя, Глори...

Она закачала головой, чтобы удержать слезы и весело возразила

— Такъ оно и должно быть. Мнѣ нужно время, чтобъ оглядѣться и хорошенько все обдумать, а потомъ—потомъ я пойду за тобой. Такъ мы, засыпая вечеромъ, незамѣтно переходимъ отъ одного дня къ другому.

Онъ со вздохомъ откинулся на подушки.

— Ну что же, по крайней мѣрѣ подъ конецъ я былъ счастливъ.

XVI.

Весь этотъ день погода стояла прекрасная, зной не спадалъ до самаго вечера; длинныя бѣлыя гряды облаковъ лежали неподвижно въ глубокомъ синемъ небѣ, какъ небесные берега небснаго моря. Только подъ вечеръ повѣяло, наконецъ, прохладой; солнце скрылось за крышами домовъ на сѣверо-западѣ; торжественный блескъ заката разлился по небу, словно крылья улетающихъ ангеловъ. Послѣ дневнаго шума и суеты Лондонъ казался необычайно спокойнымъ. Онъ

затихъ подобно утомленному океану и, какъ океанъ, казалось, спалъ, скрывая въ нѣдрахъ своихъ и мертвыхъ, и живыхъ.

На окраинахъ Вестминстера, на небольшой площади, съ ветхой церковью посерединѣ, окруженной меблированными домами, питейными заведеніями и мастерскими, собралась страннаго вида толпа. Состояла она преимущественно изъ лицъ, которыя считаются обыкновенно лишенными всякихъ правъ въ сочувствіе, изъ подонковъ слабой половины человѣческаго рода—«жрицъ общества». Уже нѣсколько часовъ стояли онѣ здѣсь, молча, или прогуливались, грустныя, заглядывая въ окно комнаты второго этажа, на которомъ игралъ отблескъ заката. Ихъ другъ и защитникъ умиралъ въ этой комнатѣ, и онѣ съ минуты на минуту ждали вѣсти о его кончинѣ.

Первый министръ сдержалъ свое обѣщаніе. Когда онъ проходилъ по Доунинъ-стритъ, лицо его было мрачно: онъ, казалось, старался проникнуть умомъ въ невѣдомыя цѣли невѣдомой силы, замѣнявшей ему божество. Но, когда онъ дошелъ до площади и разглядѣлъ собравшуюся на ней толпу, лицо его прояснилось, и онъ пошелъ дальше примиренный, почти довольный. Женщины разступились, шепотомъ передавая другъ дружкѣ, кто онъ такой, и онъ сталъ подниматься по лѣстницѣ.

Небольшая комнатка была полна народу. Пришелъ отецъ настоятель и привелъ съ собою брата Эндрью; въ углу сидѣла Агги; м-ръ Пинчеръ хлопотала у стола; возлѣ нея стоялъ какой-то незнакомый челоѣкъ въ черномъ сюртукѣ. Въ окно лился мягкій розовый свѣтъ, и всѣ лица казались окруженными ореоломъ.

Глори стояла у постели, стройная и безмолвная. Въ глазахъ ея блескали невыплаканныя слезы; углы рта по временамъ вздрагивали. Джонъ Стормъ былъ спокоенъ и въ полномъ сознаніи. Не выпуская руки Глори изъ своихъ, онъ озирался вокругъ съ видомъ солдата, который совершилъ подвигъ отчаянной, можетъ быть, безумной храбрости и первымъ взмогъ на стѣну вражеской крѣпости. Теперь онъ лежитъ съ пулей въ груди и смертью въ очахъ, но съ гордой улыбкой на устахъ: онъ знаетъ, что армія идетъ за нимъ. Отецъ настоятель захватилъ съ собой образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ и повѣсилъ его на стѣну, въ ногахъ кровати; лучи заката падали на стекло и, отражаясь мягкимъ свѣтомъ, озаряли старческое лицо монаха.

Никто не рѣшался заговорить. Первый министръ, войдя, вынулъ изъ кармана бумагу и подаль ее незнакомцу; тотъ взглянулъ на нее и поклонился. Всѣ столпились вокругъ кровати. Отецъ настоятель открылъ книгу, принесенную имъ съ собой и торжественно началъ:

— Возлюбленные, мы собрались здѣсь передъ лицомъ Божіимъ...

Братъ Эндрью, стоявшій на колѣняхъ возлѣ кровати, припалъ къ ногамъ умирающаго и завылъ, какъ собака. Женщины, стоявшія на

площадкѣ лѣстницы, заглядывая въ открытую дверь, шептались между собой:

— Сейчасъ причащать будутъ. Тише!

Сила воли не измѣнила Джову до конца. Онъ отвѣчалъ на вопросы священника твердо и явственно, напрягая послѣднія силы, хотя жизнь его висѣла на волоскѣ. Глори, когда пришла ея очередь, показала не меньше мужества. Легкая хрипота слышалась въ ея чудномъ голосѣ, чуть вздрагивали вѣки надъ блестящими глазами, но и она до конца осталась стойкой:

— Я, Глори Кэзіль.

— Я, Глори Кэзіль.

— Беру тебя, Джонъ Стормъ.

— Беру тебя, Джонъ Стормъ.

— Моимъ законнымъ мужемъ и обѣщаюсь отнынѣ.

— ...И обѣщаюсь отнынѣ.

— Не оставлять тебя, дѣлать съ тобой горе и радость, бѣдность и богатство, болѣзнь и здоровье.

— ...Болѣзнь и здоровье.

— Любить, жалѣть и повиноваться тебѣ, пока смерть не разлучитъ насъ.

— ...Пока смерть не разлучитъ насъ!

— ...Аминь!

Конецъ.

ДВА СЧАСТЬЯ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

(Окончаніе *).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XIV.

Ощущенія, которыя испытывалъ Бертышевъ въ дорогѣ, чело-
вѣка съ менѣе крѣпкими нервами способны были замучить.

Съ одной стороны глубокое сознаніе необходимости этого шага, какъ самаго рѣшительнаго изъ всѣхъ, какіе онъ предпри-
нималъ до сихъ поръ, шага, который долженъ былъ такъ или
иначе положить конецъ его колебаніямъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ,
пусть бы онъ колебался одинъ, о, тогда кому какое дѣло было бы
до этого, хотя бы онъ дошелъ до головокруженія, до потери соз-
нанія и свалился въ пропасть...

Но на той доскѣ, на которой онъ такъ развязно качается,
сидитъ цѣлая семья, его семья,—Вѣра, которой онъ столько за-
должалъ, что во всю жизнь ему не заплатить, и дѣти, дѣти, ко-
торыхъ онъ такъ безконечно любить и передъ которыми такъ
виноватъ. Очевидно, что надо однимъ сильнымъ толчкомъ оста-
новить это качаніе.

Съ другой стороны его ни на одно мгновеніе не покидало
ощущеніе преступности и при томъ какой-то унижительной,
мальчишеской. Опять ложь, глупая, дѣтская ложь, которую при-
томъ всѣ понимаютъ. Вѣдь уѣзжалъ онъ, зная навѣрно, что жена
его не заблуждается на счетъ направленія его поѣздки и все-
таки дѣлалъ видъ, что ѣдетъ куда-то на порубку, до конца, пока
не простился и не вышелъ изъ дому. О, ничего на свѣтѣ не
желалъ онъ теперь такъ сильно, какъ того, чтобъ это положеніе
скорѣе кончилось. За это онъ былъ бы способенъ пожертвовать

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь.

самымъ пылкимъ чувствомъ, если бы оно у него было... А было ли оно у него?

Онъ задавалъ себѣ и этотъ вопросъ. Танетъ ли его къ Вѣрѣ Поликарповнѣ? Странно сказать, — для того, чтобъ вызвать въ себѣ чувство, похожее на влеченіе къ ней, онъ долженъ былъ по-долгу сосредоточиваться, прогонять изъ головы мѣшающія мысли и ему на подмогу являлись цитаты изъ ея письма о томъ, какъ она въ Парижѣ, одинокая, стояла у окна и ей хотѣлось протянуть къ нему руки. Онъ чувствовалъ, что въ этомъ нѣтъ непосредственности, а есть какая-то страшная натяжка, что-то искусственное.

Но онъ ѣхалъ дальше, ѣхалъ съ упорствомъ, которое въ немъ зашло глубоко и неискоренимо. Поѣздъ мчалъ его мимо городовъ, перевезъ черезъ границу и вотъ уже осталось всего нѣсколько часовъ до Вѣны, гдѣ были въ то время Спонтанѣвы.

Именно тогда, когда осталось всего какихъ-нибудь три часа, онъ подумалъ о томъ, что забылъ послать телеграмму о своемъ пріѣздѣ. Онъ вовсе не имѣлъ въ виду устраивать сюрпризъ, тѣмъ больше, что ему не было достовѣрно извѣстно, будетъ ли этотъ сюрпризъ пріятенъ. Кто безъ сомнѣнія обрадуется ему, такъ это Марья Ивановна, которая навѣрно тамъ чувствуетъ себя безпомощной и въ его появленіи увидитъ помощь, посланную ей свыше.

Но Вѣра... Очень можетъ быть, что это теперь не входитъ въ ея расчеты. „Э, да впрочемъ все равно; я вѣдь ѣду не для нея, а для себя. Мнѣ нужна, мнѣ необходима, неизбежна эта поѣздка“.

Послѣднюю ночь передъ Вѣной онъ почти не спалъ. Въ его распоряженіи были всѣ удобства для хорошаго сна, — онъ запасся спальнымъ вагономъ, — но нервы его были слишкомъ взвинчены и онъ ждалъ Вѣны съ головной болью и съ лицомъ трудно-больного.

Показались предмѣстья и дальнія части города. Поѣздъ замедлилъ ходъ. Нѣсколько краткихъ остановокъ на второстепенныхъ вокзалахъ, наконецъ — огромный Сѣверный вокзалъ. Онъ пріѣхалъ въ Вѣну.

Такъ какъ багажъ его былъ до смѣшного легокъ, то ему не представилось никакихъ хлопотъ. Онъ взялъ фіакръ и поѣхалъ на Opern-Ring-Strasse, въ отель, гдѣ жили Спонтанѣвы.

Свѣжій утренній воздухъ, пестрые впечатлѣнія красивыхъ улицъ, видъ оживленной толпы, роскошные магазины, а главное — ощущение свободы движеній послѣ скованности въ теченіе почти трехъ сутокъ въ поѣздѣ, оживили его. И онъ сталъ смотрѣть нѣсколько веселѣе.

Онъ пріѣхалъ въ отель; съ порядочнымъ усиліемъ, такъ какъ плохо говорилъ по-нѣмецки, спросилъ консьержа, живутъ ли еще

здѣсь Спонтанѣвы и, получивъ утвердительный отвѣтъ, взявъ для себя номеръ и отправился туда.

У него какъ-то не было ни малѣйшей охоты торопиться съ докладомъ о своемъ приѣздѣ; можетъ быть, это было вліяніе дорожной разбитости и безсонной ночи, а также всего пережитаго въ пути, но его не тянуло поскорѣе увидѣть Вѣру Поликарповну.

Ему хотѣлось только одного: хотѣ на одинъ часъ свободно посидѣть только съ самимъ собою, чтобъ никого не видѣть, ни одной живой души, и, можетъ быть, даже забыть на это время о томъ, что онъ притащился изъ Петербурга въ Вѣну и зачѣмъ, и все то мучительное, чѣмъ полна его жизнь.

Комнату ему дали въ четвертомъ этажѣ, но подняли его на ассансѣрѣ. Комната оказалась небольшой, но свѣтлой, высокой и уютной по-нѣмецки, т. е. въ ней было рѣшительно все необходимое: и кровать, и диванъ, и комодъ, и письменный столѣкъ, и калориферъ, и письменный приборъ, и бюваръ, и календарь, и планъ города, словомъ то, что въ русской гостинницѣ ни за какія деньги не найдешь.

Онъ поднялся, потребовалъ себѣ кофе и погрузился въ отдыхъ. Было часовъ десять утра. Къ Спонтанѣвымъ было бы бесполезно идти такъ рано. Онъ навѣрно еще спитъ. И онъ рѣшилъ сидѣть у себя, пока его не потянетъ туда.

Только въ половинѣ двѣнадцатаго онъ подумалъ о томъ, что пора спуститься къ нимъ (онъ жили двумя этажами ниже). По его соображеніямъ, онъ уже встали и привели себя въ порядокъ.

Онъ одѣлся и отправился внизъ. Спонтанѣвы занимали два номера рядомъ и онъ постучалъ въ одинъ изъ нихъ. За дверью не было слышно никакого разговора. „Неужели онъ еще спитъ?“ подумалъ Владиміръ Николаевичъ и постучался вторично, погромче. Послышались медленные шаги, кто-то отперъ дверь и пріотворилъ ее. Онъ сразу узналъ Марью Ивановну, но она очевидно его не узнала, потому что не рѣшалась отворить дверь больше.

Она молчала, очевидно не умѣя спросить по-нѣмецки и не допуская мысли, что это можетъ быть русскій. Бертышевъ тоже помолчалъ съ минуту, умышленно растягивая смѣшное положеніе.

— Ну, васъ воленъ? Васъ воленъ?—Съ необыкновенно смѣшнымъ акцентомъ нетерпѣливо произнесла, наконецъ, Марья Ивановна.

— Доброго утра, Марья Ивановна!—сказалъ, наконецъ, Бертышевъ.

— Да кто же это?—Спросила Спонтанѣва, вдругъ отъ одного только русскаго языка рѣшившись широко растворить дверь.

— Однако, я не ожидалъ, что вы такъ хорошо умѣете забывать!—промолвилъ Бертышевъ, протягивая ей руку.

— Батюшка мой! Родной ты мой, Владиміръ Николаевичъ!— вдругъ воскликнула старуха съ какой-то неистовой радостью, схватила его руку, втянула его въ комнату и—уже совершенно неожиданно для него—поцѣловала его въ губы.—Ну, и хороша же я, хороша! Васъ-то не узнала! Каждый день думаю объ васъ и вдругъ не узнала. Это я по своей старческой слѣпотѣ, Владиміръ Николаевичъ! Дорогой вы мой! Ахъ, ты Господи! Да откуда вы взялись? И какъ же такъ! Хоть бы словечкомъ предупѣдомили... Ай-ай-ай! Встрѣтили бы; а то, подумайте, въ чужой сторонѣ, въ этакомъ-то столпотвореніи вавилонскомъ! Ну, садись же! ахъ-ахъ-ахъ!

Волненію ея не было границъ. „Вотъ ужъ поистинѣ непритворная радость! Право, изъ за одной этой радости, которую я ей доставилъ, не пожалѣешь, что пріѣхалъ сюда“!—подумалъ Владиміръ Николаевичъ.

— А Вѣра Поликарповна? Неужели еще спитъ?—спросилъ онъ.

— Да что вы? что вы? Здѣсь у насъ совсѣмъ иной порядокъ. Она въ семь часовъ встаетъ, а въ восемь уже ея и слѣдъ простылъ.

— Куда? Гдѣ?

— А ужъ этого я вамъ, голубчикъ, Владиміръ Николаевичъ, объяснить не въ состояніи. Все какія-то примѣчательности смотритъ. Куда ни пріѣдетъ, сейчасъ и бѣжитъ къ этимъ примѣчательностямъ. И чего только не смотритъ она! Кажись, ни одной вещички не пропустить... Просто даже понять не могу. Въ Дрезденъ заѣхали мы по пути на два дня, такъ, отдохнуть захотѣлось,—такъ она послѣ этихъ картинъ да статуй, побѣжала какія-то кареты придворныя смотрѣть. Ну, скажите, что можетъ быть хорошаго въ каретахъ? и еще слава Богу, что меня теперь освободили отъ этой бѣготни. А въ Парижѣ, такъ я слонялась до изнуренія; прямо, бывало, до полусмерти дохаживала. А тутъ, слава Богу, Брухманы подвернулись; ну, и меня, значитъ, на волю отпустили.

— Значитъ, Вѣра Поликарповна и теперь съ Брухманами ушла?

— Съ ними, съ ними. А больше съ кѣмъ же? Больше и не съ кѣмъ... Ну, какъ же я вамъ рада, какъ рада, Владиміръ Николаевичъ! Говорите же, рассказывайте, какъ вздумали это...

— Да какъ вздумалъ? Просто, знаете, заработался, вотъ и рѣшилъ освѣжиться. По конторѣ работалъ да и для себя. Картину написалъ... Ну, вспомнилъ, что у меня въ Вѣнѣ есть добрые друзья, взялъ да и поѣхалъ...

— Ну какъ же не друзья? Ужъ для меня и для Вѣры лучшаго человѣка и на свѣтѣ нѣтъ, какъ вы, Владиміръ Николаевичъ.

— А Брухманы?

— Э, что Брухманы?.. Они, конечно, люди любезные... Вотъ

съ. Вѣрой моей таскаются по разнымъ примѣчательностямъ. А это вѣдь не легкое дѣло. Ну, да вѣдь все же нѣмцы они... А ежели человѣкъ нѣмецъ, будь онъ хоть распрекрасный, а мнѣ все отъ него будетъ нѣмцемъ пахнуть.

— А что-жъ, развѣ это дурной запахъ?

— Дурной-не дурной, а все же не русскій. Да чѣмъ же васъ угощать, Владиміръ Николаевичъ?

— Ровно ничѣмъ! вѣдь вы вѣроятно въ опредѣленные часы завтракаете?

— Обѣдаемъ, голубчикъ. Здѣсь все шиворотъ-навыворотъ. У нихъ завтрака-то настоящаго и нѣтъ, а такъ, кофейкомъ про-бавляются; а въ часъ, когда у православныхъ христіанъ завтракаютъ, у нихъ цѣлые обѣды ѣдятъ. А вечеромъ „супе“ называется, такъ, холоднаго чего-нибудь перехватятъ. Даже скучно это. Такъ вотъ въ часъ мы и будемъ обѣдать внизу, въ ресторанѣ, туда придетъ и Вѣра.

— Вотъ и отлично. Значить, не долго ждать.

Марья Ивановна разспрашивала у него про Петербургъ, все ли тамъ осталось такъ, какъ было; про Дмитрія, который, какъ оказалось, не написалъ имъ ни строчки, про дѣла. Бертышевъ давалъ ей подробные отвѣты. Такъ прошло время почти до часу; тогда они пошли внизъ.

Въ огромномъ ресторанѣ, богато обставленномъ въ восточномъ вкусѣ, было немного посѣтителей и вовсе отсутствовалъ табльдотъ. Всѣ занимали отдѣльные столики. Когда они вошли, два лакея почтительно проводили ихъ къ столу, который стоялъ у широкаго окна, завѣшаннаго прозрачной матеріей и выходившаго на улицу. Здѣсь стояло два прибора, очевидно приготовленные для двухъ дамъ. Тотчасъ появился и третій, для Бертышева. Это былъ ихъ постоянный столъ.

— Развѣ Брухманы не съ вами завтракаютъ?—спросилъ Владиміръ Николаевичъ?

— Нѣтъ, они живутъ въ другомъ отелѣ. Они, когда узнали, что мы остановились здѣсь, сказали, что мы сумасшедшія, и выбрали себѣ подешевле.

— Почему же? Но вѣдь они, кажется, очень богаты.

— Еще бы! ужъ во всякомъ случаѣ богаче насъ съ Вѣрой.

— Значить скупы?

— Да какъ вамъ сказать? Я этого не замѣчала. Напримѣръ, цѣты Вѣрѣ принести, и не дешевые, билеты въ театры купить — и ни за что не хотятъ денегъ брать—это сколько угодно. А вотъ на счетъ жизни — норовятъ подешевле. Ужъ это, должно быть, оттого, что нѣмцы. Я и говорю — будь онъ хоть ангельской доброты, а все будетъ пахнуть отъ него нѣмцемъ. Ну, скажите

ради Бога, съ чего люди отказываютъ себѣ въ лучшемъ, когда у каждаго въ карманѣ торчитъ по милліону? Ужь если себѣ удовольствія не доставляютъ, такъ тогда на что же и деньги наживать? Да и то вамъ скажу: какъ приглядѣлась я къ здѣшнимъ цѣнамъ, то вижу, что и недорого здѣсь. Все, я вамъ скажу, все тутъ дешевле, чѣмъ у насъ, а ужъ насколько лучше, такъ это и сравненія нѣтъ. А погодите, погодите, вотъ и Вѣра вошла... Ну-ка... Узнаетъ ли она васъ?

Въ самомъ дѣлѣ, въ полутемной передней, освѣщенной изъ двора цвѣтными стеклами, появилась Вѣра Поликарповна. Она внимательно и озабоченно смотрѣла впередъ, очевидно, стараясь разглядѣть столъ, за которымъ сидѣла бы одна дама, но не находила.

Войдя въ комнату, она по привычкѣ пошла къ обычному столу и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него вдругъ остановилась. Въ глазахъ ея промелькнула какъ бы какая-то тѣнь, какъ будто они на минуту затуманились, а щеки стали чуть-чуть блѣднѣе.

Видя такое впечатлѣніе и не желая длить это состояніе, Владиміръ Николаевичъ всталъ и промолвилъ привѣтливымъ дружескимъ голосомъ.

— Ну, да, это я, это дѣйствительно настоящій я... Живой передъ вами...—и протянулъ ей руку.

— Но это... это навѣрное чудо!—сказала Вѣра Поликарповна, замѣтно вибрирующимъ голосомъ,—пожимая его руку.

— Чудо, съ которымъ, однакожъ, надо примириться, какъ съ совершившимся фактомъ!

— О, я мирюсь охотно! съ искренней радостью мирюсь! Это была дѣйствительно великолѣпная мысль!—уже вполне овладѣвъ собой, воскликнула Вѣра Поликарповна, занимая мѣсто за столомъ,—но воображаю, какъ вы маму удивили!.. Я думаю, она на смерть перепугалась, ха-ха-ха!..

— Чего же мнѣ пугаться, душа моя, хорошаго человѣка?—обидчиво возразила Марья Ивановна.

— Мы съ Марьей Ивановной встрѣтились подружески.

— Надѣюсь, и со мной также?..

— Безъ сомнѣнія...

— Ну, давайте обѣдать!—промолвила Вѣра Поликарповна, такъ какъ въ это время стали подавать кушанья,—я уже шла сюда голодная, а послѣ такой пріятной неожиданности мой аппетитъ удвоился. Видите, какъ мы здѣсь не эстетичны. Ну, кто долженъ прежде давать отчетъ о себѣ,—я или вы?

— Конечно, вы.

— Почему конечно?

— Потому что вы уклонились отъ стараго пути. Я что жъ...

Я сидѣлъ попрежнему на мѣстѣ и дѣлалъ все то же и такъ же, какъ и прежде.

— То же и такъ же?—переспросила Вѣра Поликарповна и съ пытливой внимательностью посмотрѣла на него.

— Почти!—отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ.

— А, почти. Ну, что жъ вамъ о себѣ рассказать? Я живу по Бедеккеру и самое лучшее, если вы возьмете эту заслуживающую глубокаго уваженія книжку и прочтете ее; по крайней мѣрѣ я могу ручаться за точность.

— Въ самомъ дѣлѣ вы живете по Бедеккеру? — спросилъ Владиміръ Николаевичъ и какъ бы пародируя ее, взглянулъ на нее особеннымъ взглядомъ.

— Почти!—отвѣтила она, тоже подражая ему и звонко разсмѣялась.

— А, ну полно вамъ. Я ничего не понимаю изъ вашихъ штукъ! — сказала Марья Ивановна, — говорите ужъ такъ, пожалуйста, чтобъ я могла понимать.

Они начали говорить такимъ образомъ, чтобы понимала Марья Ивановна. Разговоръ придерживался исключительно Россіи и Петербурга. И можно было замѣтить, что Вѣра Поликарповна слушала съ жадностью все, что рассказывалъ Бертышевъ, хотя онъ не привезъ съ собой рѣшительно ни одной сколько-нибудь интересной новости; а у Марьи Ивановны на лицѣ было такое выраженіе, какъ будто передъ ней служили обѣдню.

— А я вижу, что вы таки порядочно проголодались по части дорогаго отечества!—сказалъ Владиміръ Николаевичъ.

— Представьте, до такой степени, что я сама даже не ожидала!—отвѣтила Вѣра Поликарповна.—Да, родина—не свой братъ. Есть такія нитки, которыми мы привязаны къ ней по всѣмъ направленіямъ, въ миллионѣ точекъ. Въ первое время, когда мы переѣзжаемъ границу, должно быть, эти нитки отпущены вольно, но затѣмъ каждый день, каждый часъ, ихъ тамъ какая-то невидимая рука наворачиваетъ на катушки и, чѣмъ дольше сидимъ мы тутъ, тѣмъ туже они натягиваются и вѣроятно придетъ моментъ, когда станетъ неважно. Нитки такъ натянута, что или ворочайся обратно или разомъ перерѣжь ихъ... Вѣдь многіе, такимъ образомъ, перерѣзали...

— Да,—сказалъ Владиміръ Николаевичъ,—но, кажется, отъ этого никто не выигралъ. Тѣ нитки перерѣзаны, а здѣсь не нашли такихъ, чтобы привязаться посредствомъ ихъ къ новой почвѣ. Вѣдь нитки эти вырастаютъ при рожденіи. А безъ нитокъ плохо. Приходится балансировать безъ цѣли...

Обѣдъ прошелъ незамѣтно. Подъ конецъ у Марьи Ивановны стали смыкаться глаза.

— Моя бѣдная старушка хочетъ на покой!—сказала Вѣра Поликарповна.—Ну, мы ее отпустимъ, а сами пойдемъ на свѣжій воздухъ. Надѣюсь, вы, Владиміръ Николаевичъ, не устали и не откажетесь?

— Я и усталъ и не откажусь...

— Тѣмъ пріятнѣе. Я вѣдь по прежнему люблю маленькія жертвы.

— А къ большимъ уже потеряли вкусъ?

— Да... Кажется... Итакъ, мы пойдемъ?

— Куда угодно...

— Куда-нибудь подальше отъ музеевъ, храмовъ и всякихъ достопримѣчательностей. Мнѣ все это надоѣло ужасно. Я только два слова напишу Брухманамъ. Имъ обѣщано въ три часа идти въ Stephanskirche.

— Какъ? Вы еще не осмотрѣли эту церковь? Но это первое, что смотрятъ въ Вѣнѣ и что стоитъ смотрѣть!—воскликнулъ Владиміръ Николаевичъ.

— Какое тамъ!—сказала Марья Ивановна.—Уже и меня таскали не разъ.

— О, да! Это ужъ третій повторительный курсъ. Но дѣло въ томъ, что Брухманы, они милые, любезные люди, но съ ними только и можно проводить время за какимъ-нибудь осмотромъ, иначе въ полчаса они кончены.

Вѣра Поликарповна спросила бумаги и чернилъ и тутъ же написала двѣ строки Брухманамъ и отправила письмо къ нимъ. Затѣмъ она пошла проводить Марью Ивановну наверхъ, такъ какъ старуха ни за что не рѣшалась одна подыматься на ассансёръ. Бертышевъ долженъ былъ ее ждать въ вестибюлѣ.

Такъ какъ онъ пальто свое оставилъ внизу, то ему не было надобности подыматься къ себѣ. Вѣра Поликарповна справилась быстро, и черезъ пять минутъ они уже выходили изъ отеля.

XV.

Они говорили о пустякахъ, случайно приходившихъ имъ въ голову, какъ бываетъ всегда, когда у каждаго есть слишкомъ большой запасъ важныхъ вещей и онъ знаетъ, что все равно это выскажется потомъ, разомъ, при другихъ, болѣе подходящихъ, обстоятельствахъ.

— Куда же мы дѣнемся?—спросилъ Владиміръ Николаевичъ.—Здѣсь такъ шумно, что мы не услышимъ другъ друга.

— Пойдемъ въ Пратеръ; тамъ теперь хоть и скучно безъ зелени, но все же есть хорошія дорожки и, должно быть, никто не гуляетъ.

— Вотъ и отлично.

Они сѣли въ первый попавшійся фіакръ и поѣхали. Путь былъ долгій, они продолжали говорить на случайныя темы, но затѣмъ Вѣра первая поймала себя на этомъ.

— Не странно ли, что мы говоримъ обо всемъ этомъ?— сказала она.— Прежде всего—здравствуй. Владиміръ!

Она протянула ему руку.

— Да, здравствуй, здравствуй! Въ самомъ дѣлѣ, мы еще не поздоровались, какъ въ былое время...

Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— А теперь расскажи, что привело тебя сюда?

— Должно быть, безуміе!

— О, безуміе—слишкомъ неопредѣленная вещь. Надѣюсь, не безумная любовь.

— Нѣтъ, не она... Не знаю, къ счастью или къ несчастью, но изъ моей любви безуміе давно уже исчезло. Что привело меня? неспособность самому рѣшить трудную задачу...

— Ты хочешь, чтобъ я помогла тебѣ? Ну, не знаю... Я, кажется, сама напрасно ломаю голову надъ этимъ...

— Кажется... Значить, все-таки у тебя есть надежда...

— Надежда... Надежда... Ахъ, Владиміръ, дай мнѣ руку...

Она взяла его руку и ухватила за нѣе, какъ будто ей нужна была поддержка; потомъ она заговорила голосомъ взволнованнымъ и искреннимъ.

— Я скажу тебѣ вотъ что... То, что со мной было... Прежде всего о моемъ чувствѣ... Увы!—это для тебя увѣ, оно не подтверждено сомнѣнію! Оно осталось прежнимъ. Въ немъ не произошло ни малѣйшаго ущерба... Видишь ли, у меня бываютъ минуты, часы, даже цѣлыя дни, когда я перестаю быть эгоисткой. И вотъ въ такое время—а оно здѣсь посѣщаетъ меня чаще, чѣмъ дома—для меня становится яснымъ, что моя любовь для тебя вредна. Да это же ясно, какъ день. Она никогда не дастъ тебѣ счастья, я знаю это навѣрно. Не дастъ потому, что ты такой... Ну, однимъ словомъ, не такой, какъ я. Я только *не бываю* эгоисткой минуты, часы и дни, а ты, напротивъ, *бываешь* эгоистомъ только минуты, часы, дни... то-есть не мелкимъ эгоистомъ, въ будничномъ смыслѣ, а настоящимъ эгоистомъ, дѣйствительнымъ, во всемъ ставящимъ свою личность выше всего на свѣтѣ; и моя любовь, можетъ быть, дастъ тебѣ счастье, но только—минуты, часы, пожалуй, дни; но за то цѣлая жизнь мученій. Ты понимаешь, о чемъ я говорю. О той отравѣ, которая будетъ въ твоей душѣ, когда ты будешь думать о другихъ... о твоей семьѣ. Ну, а ты будешь думать о нихъ постоянно. И вотъ, когда я бывала въ такомъ настроеніи, я пришла къ мысли, что должна помочь тебѣ. А чѣмъ? У меня

вѣдь только одно орудіе—моя душа, мое чувство. И я задумала нарочно охладить его, мое чувство, и стала приучать свои мысли къ тому, что могу и безъ тебя, съ кѣмъ-нибудь другимъ... И иногда мнѣ казалось, что это мнѣ доступно... Нѣтъ, нѣтъ, ты не спрашивай подробностей, я тебѣ ихъ не расскажу. Теперь, по крайней мѣрѣ,—потому что не хочу портить нашей встрѣчи. Ну, вотъ видишь, ты поблѣднѣлъ; что-же? значитъ, это тебя трогаетъ? Ахъ, это все не то... Я говорю, что теперь, когда мы опять вмѣстѣ и я сижу рядомъ съ тобой и ты сжимаешь мою руку, я всѣми силами души моей чувствую, что это была бы мучительная, непосильная для меня тяжесть... Ахъ, еслибъ ты зналъ, какъ я тебѣ благодарна за то, что ты пріѣхалъ! еслибъ ты зналъ, что могло случиться?

— Но что же? Что могло случиться?

— Безуміе! Самое страшное и совсѣмъ непоправимое безуміе.

— Вѣра! Ты не можешь не сказать мнѣ этого, ты должна сказать.

— Хорошо. Я была близка къ тому, чтобъ сдѣлаться женой Брухмана.

— Брухмана? Женой?

— Да, ужъ если Брухмана, то женой, конечно.

— И ты говоришь, что хотѣла сдѣлать это для меня?

— Нѣтъ, если разобрать правдиво, то гораздо больше для себя... Я думала, что та жизнь, которая предстояла бы намъ съ тобой... Что въ ней, во всякомъ случаѣ, горе перевѣсило бы... Межъ тѣмъ я, утомленная впечатлѣніями, вообразила, что способна довольствоваться спокойной жизнью во что бы то ни стало, что покой, это—высшее благо. Какое заблужденіе! И что такое покой? Мнѣ кажется, что, для души моей, по крайней мѣрѣ, покой заключается въ томъ, чтобы она брала отъ жизни все, что ее можетъ удовлетворить; а считать покоемъ гарантію, что ты всегда будешь имѣть возможность сидѣть сложа руки, потому что все за тебя сдѣлаютъ другіе... Ахъ, да лучше не будемъ думать объ этомъ заблужденіи. Ты пріѣхалъ, спасибо тебѣ! Ты спасъ меня отъ этого покоя и пока больше ничего не надо. Можетъ быть, ты что-нибудь скажешь о себѣ? Только, ради Бога, чистую правду! Не бойся, что меня что-нибудь можетъ обидѣть. Я такъ ясно вижу весь ужасъ твоего положенія и такъ хорошо понимаю тебя...

Они уже проѣхали весь городъ, и экипажъ теперь катился по широкой аллеѣ Пратера, усыпанной пескомъ и тщательно утрамбованной. По обѣ стороны безмолвно стояли высокія деревья, лишенные листьевъ. Воздухъ былъ тихъ. Легкій холодокъ освѣжалъ ихъ головы и доставлялъ имъ удовольствіе. Кучеръ сдержалъ лошадей и онѣ пошли шагомъ.

— О себѣ я скажу вотъ что,—началь послѣ долгаго раздумья Владиміръ Николаевичъ,—я ѣхалъ сюда, чтобъ еще разъ и окончательно провѣрить себя и рѣшить уже на этотъ разъ безповоротно...

— Да, потому что тамъ ты этого сдѣлать не могъ, я это понимаю вполне! Но скажи, что ты хотѣлъ здѣсь застать? Какого рѣшенія больше желалъ, ѣдучи сюда? Вѣдь это самое важное...

— Да, я скажу это. Я хотѣлъ убѣдиться въ томъ, что мнѣ надо вернуться туда.

— Я и это понимаю... Видишь, какъ мы стали умны съ тобой, Владиміръ.

— О, мы всегда были умны на словахъ. Но видишь ли, я не хочу натяжекъ... Вѣдь при извѣстномъ стараніи можно убѣдить себя, въ чемъ угодно; но я хочу правдиво убѣдиться въ чистой истинѣ. Я боюсь, чтобъ ты не вздумала быть великодушной и, желая мнѣ добра, не сгустила бы краски, чтобы я вѣрнѣе пришелъ къ желательному выводу.

— Этого не бойся. Я вѣдь эгоистка отъ головы до ногъ, въ этомъ я уже убѣдилась безповоротно.

— Ну, такъ вотъ, значитъ, и все.

— Слава Богу!

— Что слава Богу?

— Слава Богу, что мы все это сказали другъ другу. Вѣдь подумай, какъ это было трудно. Мы были почти герои. Слава Богу, что намъ это уже не предстоитъ и теперь давай просто будемъ вмѣстѣ наслаждаться нашей встрѣчей, будемъ молчать, если хочешь... Вѣдь тогда еще легче будетъ вообразить, что мы тѣ же, какъ были годъ тому назадъ и жизнь та же и все то же...

Она придвинулась къ нему ближе, а онъ крѣпко сжалъ ея руку.

— Но какъ ты освободился отъ своихъ обязанностей?—спросила Вѣра Поликарповна.

Онъ разсказалъ ей объ Иванѣ Семеновичѣ, о своей картинѣ и даже не утаилъ эпизода съ порубкой лѣса. Онъ разсказывалъ все такъ просто, какъ будто дѣло касалось не его, а посторонняго; а она точно такъ же слушала и—то удивлялась, то смѣялась, то сочувствовала. Звонкимъ смѣхомъ разразилась она, когда онъ разсказалъ о своемъ визитѣ къ Дмитрію.

Они незамѣтно проболтали часа два. Когда имъ надоѣло сидѣть въ экипажѣ, они вышли и прошлись по узкой боковой аллеѣ. Затѣмъ поѣхали домой.

— Долго вы здѣсь еще будете?—спросилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Вѣна порядочно надоѣла мнѣ! — отвѣтила Вѣра. — При-

томъ же такая погода, какъ сегодня, здѣсь рѣдкость; большею частью слякоть, очень напоминающая Петербургъ. У меня уже давно зрѣетъ мысль проѣхать въ Венецію, а потомъ на Ривьеру.

— Я присоединяюсь къ этой мысли!—сказалъ Владиміръ Николаевичъ.

— И ты поѣдешь съ нами?

— Конечно.

— О, тогда этотъ планъ превращается въ геніальный. Я думаю, тебѣ достаточно трехъ дней, чтобы отдохнуть и посмотрѣть Вѣну.

— Вполнѣ достаточно.

— Ну, значитъ, черезъ три дня мы поѣдемъ въ Венецію.

Когда они вернулись въ отель, Марья Ивановна уже проснулась и даже распорядилась о томъ, чтобы принесли чай.

— Ужъ ты позволи, Вѣра, сегодня сдѣлать это дома, ради гостя. А то, знаете, они меня каждый день въ это время таскаютъ куда-то въ кафе...

— Но, мама, въ кафе есть люди и газеты...

— А Богъ съ ними, съ людьми и газетами... Газетъ я не читаю, а люди... Какіе же это люди? Это нѣмцы!

— Ахъ, мама, въ Вѣнѣ нѣмцевъ гораздо меньше, чѣмъ славянъ.

— Ну, да и славяне твои здѣсь совсѣмъ тѣ же нѣмцы. Такъ ужъ сегодня дома?

— Сегодня, конечно. Владиміръ Николаевичъ на сегодня, по крайней мѣрѣ, способенъ замѣнить намъ и нѣмцевъ, и славянъ, и газеты. А у насъ новость, мама!

— Какая еще?

— Черезъ три дня ѣдемъ въ Венецію.

— Мать моя! Это опять куда-то дальше тащиться?

— Дальше, дальше. Только не очень; всего одну ночь проведемъ въ вагонѣ.

— Охъ-охъ! Ну, что ужъ! Мнѣ все равно, куда тащиться...

— И Владиміръ Николаевичъ съ нами.

— Вотъ хоть это мнѣ будетъ облегченіе... А Брухманы не знаютъ?

— Узнаютъ... Все равно поѣдутъ съ нами... Это можно угадать... Вѣдь они женихи... Ха-ха-ха! Вы знаете, Владиміръ Николаевичъ, что ко мнѣ сватаются Брухманы?

— Какъ? Оба?

— Да, право, не знаю... Но на меня это производитъ такое впечатлѣніе, будто они оба сватаются. Или, по крайней мѣрѣ, имъ обоимъ все равно, тотъ ли, другой ли на мнѣ женится.

— Ну, пошла болтать вздоръ!.. — возмутилась Марья Ива-

новна.—Ничего такого и нѣтъ. Вовсе они даже и не сватались, а такъ, намекали...

— А мама ужъ готова благословить!—смѣясь, замѣтила Вѣра Поликарповна.

— Ну, ужъ и благословить. Я только говорю, что Брухманы партія хорошая.

— Замѣтите, Владиміръ Николаевичъ: Брухманы! Непремѣнно оба! ха-ха-ха!

— Ну, да ужъ, по крайней мѣрѣ, если выйдешь замужъ, такъ мои эти путешествія невѣдомо куда и невѣдомо зачѣмъ кончатся.

Собственно, насколько это зависѣло отъ Бертышева, они могли бы уѣхать и раньше. Онъ совсѣмъ не былъ расположенъ подробно осматривать городъ.

Осмотрѣвъ церковь св. Стефана, побывавъ въ картинной галлерей, онъ уже почувствовалъ, что довольно. Совсѣмъ другое настроеніе требовалось для спокойнаго осмотра, и онъ такимъ настроеніемъ не располагалъ.

Но у Вѣры Поликарповны были свои дѣла. Она заказала себѣ какіе-то туалеты и должна была ждать ихъ. Благодаря этому, они сидѣли почти безъ дѣла, не могли двинуться съ мѣста.

Владиміръ Николаевичъ встрѣтился и съ Брухманами. Они отнеслись къ нему съ снисходительной вѣжливостью, но какъ-то мало обратили на него вниманія. Имъ было извѣстно, что онъ не больше, какъ художникъ, съ одной стороны, и служащій у Спонтанѣвыхъ—съ другой. Они же считали достойнымъ ихъ вниманія только самостоятельнаго хозяина торговаго предпріятія, при чемъ онъ долженъ обладать суммой не меньше милліона. Это былъ рангъ, къ которому они относились съ уваженіемъ, а весь остальной міръ они только терпѣли.

Наблюдая ихъ отношенія съ Вѣрой Поликарповной, Бертышевъ не замѣтилъ рѣшительно ничего такого, что указывало бы на нѣжное чувство со стороны одного изъ нихъ или обоихъ вмѣстѣ. Они дѣйствительно приносили ей цвѣты, были предупредительны, старались всячески угодить ей, но уже одно то, что они дѣлали это всегда вдвоемъ, вносило въ ихъ дѣйствія нѣкоторую холодность.

Но зато ему доставляло искреннее удовольствіе наблюдать ихъ, какъ молодыхъ людей извѣстнаго типа. Они съ такой тщательностью выполняли всѣ правила, которыя считали признакомъ хорошаго тона, что, казалось, состояли на службѣ по этой части или же задались цѣлью рекламировать хорошій тонъ.

Любо было видѣть, какъ они занимались своимъ внѣшнимъ видомъ, стараясь, чтобы въ полдень не повториться по отношенію

къ утру и вечеромъ по отношенію къ полудню. Они по нѣскольکو разъ въ день переодѣвались, являясь каждый разъ къ новомъ видѣ, что несомнѣнно вносило большое разнообразіе въ ихъ жизнь. Любопытно было видѣть также, съ какимъ оттѣнкомъ нарочитой почтительности они нагибались, чтобы поцѣловать руку у Марьи Ивановны, и съ какимъ выраженіемъ подчеркнутой преданности и заученнаго обожанія подносили цвѣты Вѣрѣ Поликарповнѣ.

Любилъ онъ также смотрѣть на перемѣны тона, когда, во время разговора ихъ съ Марьей Ивановной или Вѣрой Поликарповной, вдругъ задавалъ имъ вопросъ Бертышевъ, — какъ они вдругъ почтительную вѣжливость замѣняли холодностью и сразу устанавливали нѣкоторое разстояніе между имъ и собой. Все это его потѣшало и доставляло достаточное развлеченіе въ Вѣнѣ, и онъ думалъ:

„Право, иногда мнѣ даже становится любопытно увидѣть Вѣру Поликарповну въ качествѣ жены одного изъ этихъ экземпляровъ „правиль хорошаго коммерческаго тона“.

Ни съ какой стороны они не подходили къ Вѣрѣ Поликарповнѣ. Вопросы искусства и науки, которые, хотя и по дилетантски, но все же занимали ея голову, для нихъ совершенно не существовали. Въ вопросахъ морали у нихъ были разъ навсегда установлены правила, которыя ни въ какихъ случаяхъ, ни при какихъ обстоятельствахъ не подлежали перемѣнѣ.

Скучны они были безконечно. А между тѣмъ, Вѣра держала ихъ при себѣ, была съ ними откровенно любезна и ни разу не повела себя такъ, чтобы у нихъ явилась мысль о невозможности брака одного изъ нихъ съ нею. „Зачѣмъ же это ей?“ спрашивалъ онъ себя.

Одного только нельзя было отнять у нихъ. У обоихъ ихъ была счастливая наружность. Именно однимъ только этимъ словомъ и можно было опредѣлить этотъ высокій ростъ, удивительно гармоническое сложеніе, великолѣпный цвѣтъ лица, правильныя черты, красивые, чуть вьющіеся русые волосы, мечтательныя, большіе, голубые глаза. Въ ихъ наружности было что-то мягкое, женственное, что-то, какъ мысленно опредѣлилъ Владиміръ Николаевичъ, „молочное“. Они напоминали красивыхъ породистыхъ телятъ, выпоенныхъ на молоко и даже, пожалуй, не самихъ телятъ, а только бѣлую рассыпчатую приготовленную искуснымъ поваромъ и поданную на столъ изящно, артистически — телятину.

— „Нѣтъ, — говорилъ себѣ Владиміръ Николаевичъ, — что тамъ не говори, а очень много значить обладаніе милліономъ. Вѣдь вотъ какъ ихъ выходили, выровняли, точно каждый день стирали ихъ. Если отнять у нихъ эти коммерческія манеры и

дать имъ салонныя, ихъ можно выдать за чистокровныхъ аристократовъ. А попробуйте-ка продѣлать эту операцію съ кѣмъ нибудь изъ насъ, со мной, Вольтовымъ, Скорбянскимъ—все равно останется плебей плебеемъ“.

XVI.

Переѣздъ въ Венецію прошелъ незамѣтно. Ѣхали ночью.

Дамы помѣщались въ особомъ купе. Брухманы тоже предусмотрительно запаслись такимъ же, съ двумя кроватями, какъ бы боясь, чтобы третій путешественникъ нечаянно не попалъ къ нимъ.

Владиміръ Николаевичъ ѣхалъ съ какимъ-то англичаниномъ, который, кромѣ своего языка, другого не зналъ, и они добросовѣстно промолчали весь вечеръ и затѣмъ все утро, такъ какъ оба проснулись слишкомъ рано. Но всю ночь онъ спалъ отлично.

На границѣ всѣ они встрѣтились въ ревизіонномъ залѣ. И ночью ихъ почти заставили пить кофе изъ огромныхъ чашекъ. У Вѣры Поликарповны было сонное лицо, но она все-таки улыбалась; а Марья Ивановна рѣшительно негодовала.

— Господи, — восклицала она, — даже не дадутъ выспаться человѣку!

Таможенный осмотръ ничѣмъ не обезпокоилъ ихъ и, переѣхавъ границу, всѣ опять заснули.

Незадолго до Местре, Владиміръ Николаевичъ постучался въ двери дамскаго купе. Ему отвѣтили, и черезъ десять минутъ они стояли съ Вѣрой Поликарповной около окна и смотрѣли на мелькавшіе мимо нихъ виды. Но не было ничего замѣчательнаго.

Только послѣ остановки въ Местре, когда поѣздъ тихо двигался по плотинѣ, протянутой черезъ широкую лагуну, они почувствовали, что начинается что-то самобытное, оригинальное, не похожее на то, что они видѣли до сихъ поръ. Простыя рыбацкія лодки, въ грубомъ видѣ напоминавшія гондолы городскихъ каналовъ, тихо плыли по лагунѣ въ разныхъ направленіяхъ. На всемъ лежалъ какой-то особенный колоритъ, который нельзя было передать въ словахъ, и они оба молча гладѣли, оба испытывая ожиданіе чего-то новаго.

Наконецъ, поѣздъ пріѣхалъ въ Венецію; послѣ вокзальной сутолоки они очутились въ длинной гондолѣ, которая тихо плыла по широкому каналу, потомъ лавировала въ узенькихъ. Нищіа дѣти на мостикѣ привѣтствовали ихъ серенадой и протягивали руки за подавнiемъ. Надъ ними висѣло голубое небо, кругомъ вода и причудливыя строенія одно удивительнѣе другого. Гранитъ и мраморъ, небо и вода.

Всякій, впервые плывущій по каналамъ Венеціи, испытываетъ странное чувство, что это не то, что онъ представлялъ себѣ, слушая рассказы и читая описанія этого города. Но это не разочарованіе. Это чувство еще большей новизны и неожиданности, потому что описать этого нельзя. И тотъ, кто описываетъ, только старается приблизиться къ истинѣ. И отъ этихъ неожиданностей у всѣхъ слегка кружилась голова и всѣмолчали, никто не рѣшался высказать свое впечатлѣніе.

— Это очаровательно! — наконецъ, въ одинъ голосъ воскликнули Брухманы, какъ бы почувствовавъ обязанность, что-нибудь сказать. Но это восклицаніе бесплодно пронеслось въ воздухѣ, не найдя себѣ ни въ комъ отклика, потому что оно сюда не шло.

Такъ восклицали они по поводу горныхъ видовъ, встрѣчавшихся на пути, по поводу Мадонны въ Дрезденѣ, сотни картинъ въ музеяхъ и, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ въ ихъ душѣ и это не будило никакихъ новыхъ струнъ, не вызывало никакихъ образовъ.

Но Бертышевъ и Вѣра Поликарповна молчали, и на лицѣ дѣвушки даже выразилась досада, когда раздалось это восклицаніе. Марья Ивановна была подавлена и только вздыхала и губы ея шептали:

— Господи ты Боже мой!.. Какія чудеса есть на бѣломъ свѣтѣ...

Гондола подплыла къ отелю. Мрачный вестибюль съ цвѣтными окнами, узкая лѣстница, странныя комнаты со сводчатыми потолками... Когда-то, во время оно, это былъ дворецъ какого-нибудь богатаго патриція.

Вѣра Поликарповна наскоро переодѣлась и, выйдя изъ своего номера, постучала къ Бертышеву.

— Побѣжимъ вдвоемъ на площадь Св. Марка!— сказала она тихо, чтобъ не слышали Брухманы, которые поселились гдѣ-то по сосѣдству.

Это предложеніе удивительно соотвѣтствовало настроенію Владиміра Николаевича. Ему именно хотѣлось освятить свой пріѣздъ въ Венецію чѣмъ-нибудь такимъ, во что не впутался бы всѣ, чѣмъ-нибудь художественнымъ, что осталось бы въ его душѣ воспоминаніемъ навсегда.

А Брухманы, конечно, будутъ мыться, чиститься, отдыхать, словомъ продѣлывать все, что полагается туристу, только-что пріѣхавшему съ поѣзда. Ихъ навѣрно никуда не тянетъ. Потомъ, продѣлавъ все это, они возьмутъ Бедеккера и начнутъ добросовѣстно осматривать все и передъ каждой вещью будутъ оставиваться и восторженно восклицать: „это хорошо“, „это восхитительно“, „это превосходно!“

Они не понимаютъ, что здѣсь, въ этомъ какимъ-то чудомъ со-

хранившемся уголкѣ среднихъ вѣковъ, нѣтъ ни хорошаго, ни восхитительнаго, ни превосходнаго. а все только иное, чрезвычайное, не такое, какъ наша повседневная жизнь, что здѣсь воскресаетъ и живетъ прошлое, отжившее.

И они, не сказавъ ни слова даже Марѣ Ивановнѣ, быстро побѣжали внизъ, какъ дѣти перепрыгивая черезъ ступеньки лѣстницы и тихонько смѣясь отъ какого-то страннаго чувства, равшагося наружу.

Выйдя на маленькую площадь, они очутились на мостикѣ, подъ которымъ тихо плескалась вода въ каналѣ, развѣтвлявшемся по разнымъ направленіямъ. Узенькая улица вела направо; они спросили, какъ пройти къ св. Марку; имъ указали единственную узенькую улицу. Они пошли и черезъ двѣ минуты передъ ними открылась широкая арка, черезъ которую они увидѣли площадь. Туда они вошли и остановились очарованные.

Было тихое утро. Солнце еще не поднялось настолько, чтобы залить своими лучами всю площадь, но только красиво играло на круглыхъ куполахъ св. Марка. Около церкви бродили каіе-то люди, похожіе на тѣни, но площадь была пуста. Цѣлая стая голубей слетѣла съ крышъ и съ какимъ-то дѣловитымъ видомъ хозяевъ рассказывала по ровному гладкому камню. Стояла глубокая тишина.

Они остановились и долго молча глядѣли на открывшуюся передъ ними картину. Имъ ничего не хотѣлось говорить.

Около кафе стояло нѣсколько скамеекъ; они сѣли на одну изъ нихъ и, такъ какъ въ это время къ нимъ подошелъ прислужникъ, то они попросили его принести кофе.

— Знаешь что, — послѣ долгаго-долгаго молчанія тихо сказала Вѣра Поликарповна, взявъ Бертышева за руку, — мнѣ представляется, что эта площадь, заканчивающаяся этимъ удивительнымъ храмомъ, который такъ не похожъ на всѣхъ этихъ Стефановъ, Notre-Dame, и тому подобное, которыхъ я до сихъ поръ видѣла, — отличающимся отъ нихъ какой-то незамѣтностью, какъ будто онъ нарочно хочетъ спрятать отъ свѣта свою интимную, ему только свойственную красоту, тогда какъ тѣ возвышаются къ небесамъ и хвастаютъ передъ цѣлымъ міромъ своей величавостью... Да, такъ вотъ эта площадь съ ея загадочной тишиной, съ этими странными птицами, какъ будто слетѣвшими съ неба, весь этотъ уголокъ, какъ бы отрѣзанный отъ всего міра, представляется мнѣ олицетвореніемъ того нашего чувства, которое... которое мы утратили.

— Это правда! — откликнулся Владиміръ Николаевичъ, — это правда, Вѣра!

И они опять долго-долго молчали, пока на площади не про-

изошли значительныя перемѣны. Началась жизнь. И когда они вновь обвели взоромъ площадь, то она показалась имъ какъ будто новою.

— И посмотри, — продолжала Вѣра Поликарповна, — какъ портится ея видъ по мѣрѣ того, какъ начинается дѣловой день. Взгляни, вонъ торговецъ рыбой идетъ черезъ нее, на головѣ у него корзина и онъ что то кричитъ грубымъ рѣзкимъ голосомъ. А вонъ три англичанина въ коротенькихъ визиткахъ, съ книжками и съ развернутыми планами... Они сейчасъ начнутъ изучать, разбирать по косточкамъ св. Марка, какъ будто это дивное впечатлѣніе можно разобрать, проанализировать, расчленивъ на части. Все это портитъ, портитъ... Они разогнали голубей своимъ строгимъ видомъ туристовъ...

— Посмотри, кафе наполняются; вокругъ колонны собрались группы пріѣзжихъ... Вонъ юркій гидъ съ увлеченіемъ объясняетъ имъ всѣ скрытыя красоты храма... Ну, вотъ и намъ принесли кофе... Пошла проза, мой милый Владиміръ Николаевичъ, и очарованіе исчезло.

— Да, Вѣра, это все такъ... Твое сравненіе правильно. Очарованіе исчезло, — и вѣдь все теперь кажется не такимъ, какъ было. Смотри на св. Марка, — у него теперь какой-то неуклюжій видъ, буржуазный, скучный... а эти голуби, они слишкомъ самоувѣренны и нахальны, они каждому заглядываютъ въ глаза, не дасть ли имъ кукурузнаго зерна... Все испорчено — кончай скорѣй кофе и пройдемъ къ морю. Это кажется тутъ сейчасъ...

Они наскоро допили свои чашки, расплатились и прошли по направленію къ церкви, потомъ повернули направо, мимо дворца дожей, и вышли на набережную.

Здѣсь была уже толпа народу. Гондолы стояли у берега, и ихъ владѣльцы зазывали къ себѣ гуляющихъ. На каждомъ шагѣ попадались туристы. Но еще больше было нищихъ, которые подбѣгали къ нимъ и не просили, а требовали подаванія.

А съ моря вѣяло зимнимъ холодомъ, и погода грозила испортиться.

— Пойдемъ домой, сказала Вѣра Поликарповна, — а то мама вообразитъ, что мы утонули здѣсь гдѣ-нибудь въ каналѣ...

Они нашли старый путь и вернулись въ отель. Брухманы уже продѣлали все, что полагается пріѣзжимъ и явились вымытые, свѣжіе, переодѣтые и приглашали смотрѣть площадь и церковь.

— Хорошо, — сказала Вѣра, — пойдемте! — и ни слова не сообщила имъ о томъ, что уже была на площади.

Погода, однако, цѣлый день продержалась хорошая и они въ этотъ день осмотрѣли нѣсколько церквей и извѣздили чуть ли не по всѣмъ каналамъ Венеціи. Когда стемнѣло, небо нахмури-

лось, весь городъ охватило сыростью и вся красота его поблекла. Явилось такое ощущеніе, какъ будто ихъ засадили въ глубокий колодезь или сырой подвалъ. И такъ длилось нѣсколько дней. Выѣстъ съ погодой и настроеніе у всѣхъ было мрачное.

— Нѣтъ, ѣдемъ дальше, ѣдемъ дальше!—рѣшительно сказала Вѣра Поликарповна, которая руководила маршрутомъ,—и опять они собрались въ дорогу.

Дальнѣйшее путешествіе ихъ было неудачно. Въ Венеціи хотъ въ первый день ихъ побаловало солнце, но затѣмъ надъ всей сѣверной Италіей небо было хмурое и лилъ холодный зимній дождь.

Въ Верронѣ они остановились отдохнуть на одни сутки, и кстати посмотрѣли то, что тамъ выдаютъ за могилу Юліи. Въ Миланѣ было грязно, а въ отелѣ, гдѣ они провели двое сутокъ, всѣ схватили насморкъ. И они рвались въ Ниццу, гдѣ имъ обѣщали тепло. Больше всѣхъ страдала, разумѣется, Марья Ивановна, у которой вернулся старый ревматизмъ въ ногахъ. Но она и въ этомъ нашла утѣшеніе, такъ какъ это давало ей право, куда бы они не пріѣхали, сидѣть безвыходно въ отелѣ. Уже ее не заставляли осматривать даже самыя удивительныя достопримѣчательности. Ей даже простили Миланскій соборъ, про который Брухманы въ одинъ голосъ сказали: „это болѣе чѣмъ восхитительно!“

Въ Ниццѣ не оказалось яркаго солнца, по крайней мѣрѣ, въ тотъ моментъ, когда они пріѣхали. Но за то было тепло, море было спокойно и какой-то необыкновенной тишиной вѣяло отъ него. Они остановились на променаде, у самаго моря, а Брухманы отыскиали гдѣ-то отель, гдѣ останавливаются все коммерческіе люди.

— Ну, мама, можете разложиться! Отсюда ужъ мы не скоро уѣдемъ! — сказала Вѣра Поликарповна. — Теперь, кажется, во всей Европѣ солнечнаго тепла не найдете, а здѣсь его сколько угодно.

Еще изъ Вѣны, гдѣ заранѣе былъ намѣченъ маршрутъ и Ницца была названа конечнымъ пунктомъ, Владиміръ Николаевичъ сообщилъ въ Петербургъ Скорбянскому адресъ для писемъ — Ниццу. Здѣсь дня черезъ два по пріѣздѣ онъ отправился на почту и получилъ два письма. Одно изъ этихъ писемъ уже почеркомъ адреса привело его въ волненіе. Это былъ почеркъ Вѣры Петровны. „Значить, она знаетъ, подумалъ Бертышевъ. — Впрочемъ, это было неизбежно и, можетъ быть, даже къ лучшему“.

Другое письмо было отъ Скорбянскаго и онъ рѣшилъ прочитать его раньше, такъ какъ въ немъ, безъ сомнѣнія, заложается разъясненіе.

Онъ вышелъ на широкую площадь, обсаженную высокими

платанами, нашелъ высокую скамейку и сѣлъ. Матвѣй Ивановичъ писалъ:

„Женщины иногда видятъ сердцемъ лучше, чѣмъ глазами, мой бѣдный запутавшійся другъ, Владиміръ Николаевичъ,—и твоя жена, отпуская тебя на лѣсную порубку, ни на одну секунду не вѣрила въ эту басню. Но если она объ этомъ не сказала и, зная куда ты ѣдешь, ни однимъ намекомъ не остановила тебя, то можешь судить по этому о гигантскихъ размѣрахъ ея души и о той поразительной деликатности, которая только свойственна такимъ женщинамъ, какъ она. Клянусь честью, что твоя жена—великая женщина, но она сама стыдится своего величія и тщательно скрываетъ его. Впрочемъ, такихъ великихъ много на свѣтѣ, а герои, это тѣ, которые всюду говорятъ о своемъ геройствѣ. Ну, однимъ словомъ, не я ей сказалъ истину, а она сказала мнѣ. Вотъ тебѣ и весь сказъ и я больше не прибавлю объ этомъ ни слова. Эта твоя исторія развилась въ такую форму, которая, такъ сказать, превышаетъ мою компетенцію. Клянусь, что если бы я, въ качествѣ беллетриста, началъ писать на эту тему романъ и дошелъ до нынѣшняго его пункта, я не зналъ бы, что будетъ дальше и чѣмъ онъ кончится, и если бы довѣрчивый редакторъ началъ печатать его раньше, чѣмъ получилъ конецъ, то я доставилъ бы ему много огорченія.

„Итакъ, ни слова о вашей исторіи. Распутывайтесь, какъ вамъ угодно, а я буду наблюдать со стороны и посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. А теперь нѣсколько словъ о Вольтовѣ: у него вышли какіе-то нелады съ Березовой, конечно, на принципиальной почвѣ. Онъ молчитъ, но сильно подозреваю, что тутъ виновата музыка. Бѣдные идеалисты! Какъ имъ трудно бываетъ разстаться съ своими мечтами! Очевидно, Березова не захотѣла уступить ему музыку... Онъ перевезъ всѣ свои картины сюда и онѣ, увы, сложены одна на другую и покоятся въ моей квартирѣ. Но между ними есть уже новыя—есть чудный, поразительный Илья Муромецъ, есть Алеша-поповичъ. Этотъ Вольтовъ такое талантище, какого я еще не видалъ. Но не въ томъ дѣло. Все-таки онъ боленъ, все таки у него легкія не въ порядкѣ и, какъ только онъ переѣхалъ въ Петербургъ, такъ это сейчасъ и вернулось; а главное, онъ начинаетъ думать, что мечта его жизни никогда не осуществится, а при болѣе или менѣе основательномъ предчувствіи близкой кончины подобныя мысли ужасны.

„Онъ высчиталъ, что ему надо тысячь шесть, по крайней мѣрѣ, чтобъ организовать дѣло какъ слѣдуетъ, чтобъ оно было настоящимъ дѣломъ, а не шутовскимъ. И его еще больше крушитъ мысль, что это недостижимо, и онъ, разумѣется, правъ. Гдѣ у насъ при нашей художественной черствости найдется такой

добродѣтельный дуракъ, который выбросилъ бы такую сумму безъ всякой надежды на выгоду или хоть благодарность потомства?

„Я, конечно, помочь ему не могу, ибо мои дѣла такъ плохи, какъ еще никогда не бывали. Мой почтенный становой хребетъ трещитъ отъ боли, и я по цѣлымъ днямъ валяюсь на диванѣ. Работать не могу. Началъ большую вещь, но остановился. Въ домѣ ѣдятъ колбасу и запиваютъ ее чаемъ... О, тяжела ты шапка русскаго литератора умѣреннаго достоинства...

„Послушай, неужели ты подъ мелодическій акомпанементъ твоего романа не можешь убѣдить госпожу Спонтанѣву помочь Вольтову въ его великомъ дѣлѣ? Эхъ-эхъ, къ чему тогда и любовь, если она неспособна подвинуть людей на благородное дѣло?“

Другое письмо Бертышевъ распечаталъ не такъ рѣшительно, какъ это; оно было очень кратко. Вѣра Петровна писала:

„Безъ злобы, безъ укоровъ, говорю тебѣ, Владиміръ, что выносила въ своей душѣ и къ чему пришла. Ты далъ мнѣ слово, что останешься съ нами, что бы ни случилось, чего бы ни потребовало отъ тебя новое чувство. И ты держалъ его, какъ могъ. Но много подумавши, я пришла къ мысли, что никакія отношенія, никакія обязанности не позволяютъ рѣзать человѣка живьемъ, заставляя его идти противъ себя самого. И вотъ теперь, убѣдившись въ этомъ, я освобождаю тебя отъ твоего слова; ты, какъ честный человѣкъ, съумѣешь вести себя такъ, чтобъ дѣти наши наименѣе пострадали. Не пострадать совсѣмъ они не могутъ. Если даже они не будутъ знать фактовъ, все же непременно почувствуютъ... Я освобождаю тебя отъ себя. Не бойся, я останусь жить и не дамъ ихъ въ обиду. А ты можешь получить формальную свободу—разводъ, все, что тебѣ понадобится. Вотъ все, что я могу тебѣ сказать. Вѣра“.

Надъ этимъ письмомъ долго неподвижно сидѣлъ Бертышевъ, читая его много разъ сначала до конца. Увидѣвъ почеркъ Вѣры Петровны, онъ могъ ожидать всего, только не этого. То, что она написала, было выше всего, что онъ могъ думать.

И это письмо разомъ нарушило то равновѣсіе, какое за послѣднее время установилось въ его душѣ. Всѣ его ощущенія, все, что онъ наблюдалъ вокругъ себя, все, что встрѣтилъ въ Вѣрѣ Поликарповнѣ и въ самомъ себѣ, все склоняло его къ противоположному рѣшенію. Ихъ встрѣча не была холодна, но отъ нея вѣяло прошлымъ; это была встрѣча людей, въ душахъ которыхъ горитъ воспоминаніе о лучшихъ дняхъ, которыхъ нельзя забыть, вотъ и все. Слабый порывъ сближенія, когда они ѣхали въ фіакръ въ Пратеръ, и былъ только порывъ, ни разу не повторившійся. А эти похоронныя рѣчи на площади св. Марка, развѣ онѣ недостаточно указываютъ на то, что ихъ связываетъ только пре-

красное воспоминааніе объ угаснувшемъ чувствѣ? И вотъ въ этотъ то моментъ такое письмо...

Всегда въ затруднительныхъ случаяхъ жизни у него являлась неотразимая потребность найти поддержку въ какомъ-нибудь близкомъ человѣкѣ. Въ давнее время это была Вѣра Петровна, потомъ Матвѣй Ивановичъ, а теперь,—теперь у него есть только одинъ человѣкъ—Вѣра Поликарповна; и вѣдь это такъ близко ея касается.

Онъ поднялся и быстро пошелъ по направленію къ набережной. Дойдя до отеля, онъ вошелъ во дворъ и увидѣлъ на скамейкѣ Вѣру Поликарповну; она, можетъ быть, ждала его, одѣтая, чтобъ гулять.

— Не подымешься ли ты ко мнѣ?—спросилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Къ тебѣ?

— Да, это почти необходимо.

Она вопросительно взглянула на него и по лицу его увидала, что это въ самомъ дѣлѣ необходимо, и безпрекословно пошла за нимъ.

Войдя въ комнату, она остановилась у окна. Владиміръ Николаевичъ вынулъ письмо жены и подаль ей:—прочитай вотъ это—и самъ сѣлъ на диванъ около стола.

Вѣра Поликарповна прочтала и опустила руку съ письмомъ.

— Что же ты хочешь, чтобъ я сказала?—спросила она, не глядя на него:—ты хочешь, чтобъ я сказала похвальное слово ея самоотверженію?

И при этихъ словахъ на губахъ ея промелькнула ироническая усмѣшка.

— Вѣра, если мы эгоисты, то надо быть хоть справедливыми къ другимъ!—промолвилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Хорошо, я постараюсь. Ну, а въ качествѣ справедливой, что же я должна сдѣлать?

— Прежде всего не унижать себя до ироніи надъ тѣмъ, до чего мы сами не способны возвыситься.

Въ глазахъ Вѣры Поликарповны на мгновеніе блеснула злость, но потомъ вдругъ она точно овладѣла собой, или въ душѣ ея произошло какое-то незамѣтное переживаніе,—она вся перемѣнилась. Она прикусила губу и сказала пониженнымъ, упавшимъ голосомъ, уже совсѣмъ безъ примѣси ироніи.

— Но вѣдь иронія, Владиміръ, иногда бываетъ соломенкой, за которую хватаешься.

— Да, когда неправъ...—Бертышевъ всталъ.—Вотъ въ чемъ дѣло!—промолвилъ онъ съ выраженіемъ рѣшимости, обыкновенно ему несвойственной,—отвѣть мнѣ прямо на вопросъ, который я

тоже поставлю прямо:—чувствуешь ли ты, что я долженъ воспользоваться этимъ освобожденіемъ?

— Чувствую ли я?

— Да, только прямо, какъ себѣ самой...

— Чувствую ли я? Не знаю! А ты? Ты какъ чувствуешь это?

— Я буду страдать и тамъ, и здѣсь...

— Да? Это ты знаешь навѣрно?

— О, да! Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

— Ну, такъ я предпочитаю, чтобъ ты страдалъ тамъ.

— Вотъ что!

— Да, Владиміръ, не удивляйся. Мы оба эгоисты, мы уже это признали. Но между нами та разница, что я эгоистка послѣдовательная, а ты... ты колеблющійся эгоистъ.

Бертышевъ подошелъ къ ней.—Значить, ты ищешь покоя во чтобы то ни стало? Значить, ты сдѣлаешься женой одного изъ Брухмановъ?

Она вздрогнула и подняла плечи.—Это ужасно!—сказала она.

— Да, это ужасно, Вѣра... Ты приносишь себя въ жертву своему эгоизму.

— Слушай, Владиміръ, — воскликнула она, схвативъ его руки.—Что бы то ни было, но ты не покидай меня теперь, сейчасъ... Понимаешь ли ты зачѣмъ? Если я еще стою на нѣкоторой высотѣ, такъ это потому, что ты со мной, потому что со мной мое прошлое. Но если ты меня покинешь, то я опущусь до... до Брухмановъ.

— Только ради этого мнѣ быть съ тобой?

— Не ради этого, а ради того прекраснаго прошлаго, которое было у насъ. Нельзя же его забыть настолько, Владиміръ!

— Пршшлое, прошлое... И почему это все прекрасное всегда бываетъ прошлымъ?

— А тебѣ жаль его? Правда? Правда? — промолвила она, охвативъ его голову обѣими руками и цѣлуя его въ лобъ.

— Да, жаль, но вѣдь съ этимъ все равно ничего не подѣлаешь.

— Такъ ты останешься, Владиміръ?

— Я не уѣду. Но скажи, мы съ тобой рѣшили что-нибудь?

— Нѣтъ, нѣтъ, мы ничего не рѣшили. Дай мнѣ время... Вѣдь теперь у насъ есть такое важное новое, съ нимъ надо свыкнуться. Это къ тебѣ стучатся?

Стучалась Марья Ивановна.

— Тамъ Брухманы пришли,—почти шопотомъ сообщила она,—зовутъ ѣхать куда-то...

— Я иду, мама!—отвѣтила Вѣра Поликарповна и вышла въ корридоръ.

— Что же это? —съ отчаяніемъ подумалъ Бертышевъ, когда

остался одинъ,—даже теперь, даже теперь я не могу ни на что рѣшиться.

XVII.

Брухманы звали не гулять. У нихъ былъ планъ ѣхать въ Монте-Карло.

— Развѣ вы игроки?—смѣясь спросила ихъ Вѣра Поликарповна.

— О, нѣтъ, это же интересно! Это нѣчто единственное въ мірѣ!—отвѣтили братья.

Марья Ивановна наотрѣзъ отказалась ѣхать.

— Нѣтъ, ужъ въ этотъ Вавилонъ я ни за что не поѣду! это прямо грѣхъ!

— А вы?—спросила Вѣра Поликарповна у Бертышева, когда тотъ явился блѣдный, съ осунувшимся лицомъ.

— Мнѣ все равно. Я пожалуй готовъ ѣхать.

— Значить, мы тамъ и пообѣдаемъ?—сказалъ старшій Брухманъ.

— Я и на это согласенъ.

— А я? я что буду дѣлать—взмолилась Марья Ивановна.

— Вы, мама, въ качествѣ жертвы, пообѣдаете одна.

Они пошли пѣшкомъ на вокзалъ и сѣли въ поѣздъ, который отошелъ черезъ три минуты. Брухманы были очень оживлены. На нихъ благопріятно подѣйствовало тепло. Вѣра Поликарповна нервно болтала и черезъ-чуръ звонко смѣялась. Бертышевъ былъ блѣденъ, подавленъ и молчалъ.

— М-г Бертышевъ, кажется, сегодня не въ духѣ? — съ изысканной любезностью сказалъ старшій Брухманъ.

— То есть не въ такомъ духѣ, какъ вы?—неособенно мягко отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Не я только, а всѣ мы... Такая чудная погода! Можно ли быть мрачнымъ въ такую погоду?

— Къ сожалѣнію, я не цвѣтокъ, чтобы зависѣть отъ одной погоды.

— Но и мы не цвѣтки..

— Я этого и не рѣшаюсь утверждать.

Брухманы косо посмотрѣли на него. Вѣра Поликарповна вмигъшлась.

— Полноте, Владиміръ Николаевичъ! охота вамъ впадать въ мрачность, когда на свѣтѣ все такъ прекрасно! Посмотрите, какое дивное море, какое чудное солнце, какія горы! Надо пользоваться тѣмъ, что у насъ есть хорошаго сегодня! Вѣдь завтра этого можетъ и не быть.

Владиміръ Николаевичъ взглянулъ на нее и понялъ, что она находится въ какой-то ажитациі. Брухманъ возразилъ.

— Ну, что касается меня, то я навѣрно знаю, что завтра будетъ у меня все тоже, чѣмъ я обладаю сегодня.

— Однако, не можете же вы заранѣе купить на завтра и солнечные лучи, и спокойствіе моря, и тепло! Не настолько же вы могущественны!—грубовато возразилъ Владиміръ Николаевичъ.

— О, да! этого я и не имѣю въ виду!—отвѣтилъ Брухманъ, который, очевидно, имѣлъ въ виду только то, что онъ и завтра будетъ обладать своимъ милліономъ, какъ и сегодня.

Поездъ тихо прошелъ послѣдній туннель. Одна минута въ Монако, потомъ тихій ходъ и Монте-Карло.

Публика повалила къ подъемной машинѣ. Они опоздали и имъ пришлось ждать второй очереди. Наконецъ, они поднялись и вмѣстѣ съ толпой шли по направленію къ казино. Брухманы шли позади, а Бертышевъ впереди въ Вѣрой Поликарповной.

— Не будь такъ мраченъ, Владиміръ; ты меня убиваешь. Мнѣ такъ и кажется, что ты сейчасъ бросишься въ море съ этой скалы!—тихо промолвила Вѣра.

— Ты очень хорошо знаешь, что я этого никогда не сдѣлаю, потому что не имѣю на это права. Но мнѣ очень трудно улыбаться.

— Мнѣ не легче и даже гораздо тяжелѣе.

— Почему?

— Развѣ ты не чувствуешь по тону, что господа Брухманы уже что-то окончательно обдумали? Съ часу на часъ я жду... Мама сказала мнѣ дома, что старшій уже сдѣлалъ ей намекъ о необходимости поговорить серьезно объ очень важномъ дѣлѣ, „которое составляетъ дѣло цѣлой его жизни“.

— Ну, и ты въ затрудненіи?

— Да, я въ затрудненіи! — Какимъ-то страннымъ тономъ отвѣтила Вѣра Поликарповна.

Они дошли до широкихъ мраморныхъ ступеней, которыя вели въ казино. Ихъ догнали Брухманы. Вмѣстѣ съ другими они пошли въ бюро добывать билеты, потомъ отдали свои платья въ вестибюль и вошли въ игорный залъ.

Было около трехъ часовъ дня. Въ залѣ воздухъ былъ порядочно испорченъ; около каждаго стола толпились кучи народу. Со всѣхъ сторонъ слышался звонъ серебра и золота. Они подошли къ одному изъ столовъ и протискались, чтобы видѣть.

— Я ничего не понимаю!—сказала Вѣра Поликарповна.

— Но навѣрно это очень просто и доступно, иначе здѣсь не играла бы такая толпа!—замѣтилъ Бертышевъ.

— Вы позволите мнѣ поставить на ваше счастье одинъ золотой!—любезно спросилъ у Вѣры Поликарповы старшій Брухманъ.

— О, мое счастье уже испытано! Поставьте на свое!—отвѣтила Вѣра.

— Когда же и кто испыталъ его?

— Я сама. Я знаю, что оно никуда не годится.

— „Если сейчасъ выйдетъ черный, значить, мнѣ остаться; если красный,—уѣхать“,—подумалъ Владиміръ Николаевичъ.

— Noire!—объявилъ крупье. Бертышевъ вздрогнулъ. „Остаться! Какая насмѣшка судьбы! Еслибъ такъ просто разрѣшались жизненные вопросы“!

Владиміръ Николаевичъ внимательно разсматривалъ лица играющихъ и его взглядъ приковалъ къ себѣ молодой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ и воспаленными глазами. Уже минутъ десять онъ наблюдалъ его; когда они пришли, около него лежала порядочная куча золота; онъ раздѣлилъ ее на нѣсколько частей и на каждый ударъ ставилъ одну часть, распредѣляя ее по разнымъ пунктамъ зеленого сукна. Но послѣ каждого удара онъ становился блѣднѣе: всѣ его ставки погибали. Оставалась еще одна ставка.

Прежде чѣмъ сдѣлать ее, онъ пошарилъ у себя въ жилетныхъ карманахъ, но не нашелъ ничего. Тогда онъ отобралъ изъ кучки одинъ золотой и положилъ его въ карманъ. А остальное—на видъ около десятка золотыхъ—рѣшительнымъ движеніемъ дрожащей руки поставилъ на двадцать третій номеръ. „Навѣрно, это его года“! подумалъ Владиміръ Николаевичъ.

Шарикъ уже вертѣлся въ цилиндрѣ, издавая едва слышное мелодическое жужжаніе. Молодой человѣкъ поднялся и отвернулся отъ стола, какъ будто имѣя намѣреніе уйти. Но мускулы лица выдавали его напряженное вниманіе.

— Vingt trois!—вдругъ раздался громкій выкрикъ крупье.

Молодой человѣкъ весь вздрогнулъ и быстро повернулъ голову и съ изумленіемъ и недовѣріемъ смотрѣлъ въ цилиндръ, какъ бы желая воочію убѣдиться въ своемъ глупомъ счастьѣ.

— О! о! раздалось общее восклицаніе за столомъ. Всѣ разглядѣли, какая это была крупная ставка и привѣтствовали его, одни съ сочувствіемъ, другіе съ завистью. Крупье отсчиталъ 6 тысяче-франковыхъ билетовъ и подаль молодому человѣку. Онъ быстро размѣнялъ одинъ изъ нихъ и, оставивъ прежнюю ставку на двадцать третьемъ номерѣ, рассыпалъ золото вокругъ того же номера.

Всѣ устремили взоры на этотъ номеръ; шарикъ вертѣлся.— Vingt trois! съ досадой опять крикнулъ крупье. За столомъ послышалось рычаніе и раздались аплодисменты. Счастью, такъ рѣдко здѣсь появляющемуся, аплодировали. Молодому человѣку дали цѣлую кучу тысячефранковыхъ билетовъ. Всѣ ждали, что

будетъ дальше. По мнѣнію игроковъ, онъ долженъ былъ поставить на счастливый номеръ больше прежняго, но онъ, къ общему негодованію, взялъ свои деньги, снялъ даже ставку, уложилъ бумажки въ боковой карманъ, а золото въ карманъ брюкъ и вышелъ изъ за стола. Крупье нервно повернулъ цилиндръ и пустилъ шарикъ. Вышелъ девятый номеръ. Молодой человѣкъ ушелъ въ время.

— Какой счастливецъ!—сказала Вѣра Поликарповна.

— О,—объяснилъ какой-то рускій, стоявшій рядомъ съ ними,— онъ проигралъ сегодня втрое больше.

Они переходили отъ стола къ столу и вездѣ видѣли одно и то же. Фонъ составляли сѣрые средніе игроки, игравшіе осторожно, рисковавшіе пустяками, а на этомъ фонѣ два три смѣльчака, черезъ-чуръ горячихъ, проигрывали или выигрывали кучи золота. Это было до такой степени однообразно, что у нихъ рябило въ глазахъ, и они, наконецъ, подошли къ столу, гдѣ играли въ *trente et quarante*.

Здѣсь не было такой суетливости, не слышно было плоскаго вульгарнаго звона серебряныхъ монетъ, а раздавался только успокоительный шелестъ бѣлыхъ бумажекъ и тихій пріятный, журчащій звонъ золота. Игроки сидѣли спокойно, съ видомъ равнодушія отдавали проигрышъ и протягивали руки за выигрышемъ; а между тѣмъ на столѣ обращались колоссальныя суммы. Игроки здѣсь были выдержанные, умѣвшіе подавлять въ себѣ и досаду и радость, и только внимательный и тонкій наблюдатель могъ замѣтить и то и другое на ихъ лицахъ.

— Въ общемъ это скучно! сказала—Вѣра Поликарповна.

— Я не поставилъ бы ни одного франка!—замѣтилъ старшій Брухманъ.

— Но вы забываете, господа, что всѣ эти люди хотятъ добиться счастья, а ваше счастье уже сдѣлано. Вамъ выигралъ кто-то другой!—промолвилъ Бертышевъ.

— Вы ошибаетесь, м-съ Бертышевъ; намъ никто не выигралъ!—возразилъ Брухманъ,—наши состоянія получены отъ коммерческихъ дѣлъ.

— Но послушайте, это вѣдь и есть самая настоящая игра. Развѣ мы не видимъ на каждомъ шагу, какъ большія фирмы, казавшіяся солидными, банкротятся,—а если бы у васъ не было счастья, которое дало вамъ состояніе, вы совсѣмъ иначе смотрѣли бы на эту игру и, можетъ быть, сами захотѣли бы попробовать счастья.

— Изъ всего этого я заключаю, Владиміръ Николаевичъ,—сказала Вѣра,—что вы сами не прочь попробовать счастья.

— Для меня это почти бесполезно, такъ какъ оно доказало уже, что не желаетъ мнѣ покровительствовать; но мнѣ кажется,

что нельзя пройти мимо, не испытавъ такого оригинальнаго ощущенія.

— Вы хотите сейчасъ?

— Нѣтъ, это не къ спѣху. Притомъ же намъ пора обѣдать, господа!

Всѣ согласились, что пора обѣдать. Они вышли изъ казино и направились налѣво въ ресторанъ. Здѣсь, въ обширной стеклянной галлерей, куда доносились звуки оркестра, игравшаго внутри ресторана, они заняли столъ. Лица Брухмановъ вытянулись, когда они познакомились съ цѣнами на кушанья и вина. Это было дѣйствительно что-то невѣроятное, вполнѣ разбойничье. Но они не только не высказали досады, а, напротивъ, обратились къ Бертышеву съ любезной улыбкой.

— Надѣюсь, вы позволите считать, что вы у насъ сегодня въ гостяхъ?

Бертышевъ усмѣхнулся. Во-первыхъ, онъ совсѣмъ не былъ расположенъ пользоваться любезностью Брухмановъ, а во-вторыхъ, онъ очень хорошо замѣтилъ, какое впечатлѣніе произвелъ на нихъ преискурантъ.

— Въ такомъ случаѣ я былъ бы слишкомъ дорогимъ гостемъ, а я не имѣю на это никакихъ основаній!—отвѣтилъ онъ.—Нѣтъ, господа, разъ мы въ ресторанѣ, то пусть каждый будетъ хозяиномъ своего обѣда. А Вѣра Поликарповна сдѣлаетъ намъ честь быть нашей общей гостьей.

Брухманы не возражали. Они приступили къ обѣду. Послѣ обѣда, когда уже замѣтно стали спускаться сумерки, они не зашли въ казино, а прошли въ сторону моря и съ высокаго берега любовались раскинувшимся внизу миниатюрнымъ городкомъ Монако и его маленькой бухтой, освѣщенной съ берега и съ судовъ разноцвѣтными огнями, и княжескимъ замкомъ, величественно глядѣвшимъ въ море съ высоты. Въ девять часовъ они сѣли въ поѣздъ, а въ десять съ небольшимъ, когда Брухманы, простившись, поѣхали въ свой отель, Бертышевъ и Вѣра Поликарповна возвращались домой пѣшкомъ по Avenue de la gage.

Городъ былъ оживленъ. Блестящія витрины дорогихъ магазиновъ были ярко освѣщены. На каждомъ шагу попадались многочелюдные кафе, отовсюду лилась музыка. На всѣхъ перекресткахъ продавцы предлагали цвѣты. Все это походило на праздничное торжество, между тѣмъ былъ обыкновенный будній день.

— Я хочу поговорить съ тобой объ одномъ скучномъ дѣлѣ,—сказалъ Владиміръ Николаевичъ.

— Непремѣнно скучномъ?—спросила Вѣра Поликарповна.— Это совсѣмъ не подходитъ къ обстановкѣ.

— Все равно. Вѣдь ты никогда не думаешь о скучномъ. А скучнаго въ жизни гораздо больше, чѣмъ веселаго.

— Но если есть возможность обходиться безъ него, то тѣмъ лучше.

— Нѣтъ возможности, если исключительно счастливыя условія не заглушали въ человѣкѣ чутія.

— Говори безъ морали, Владиміръ,—просто! Что касается морали, то я знаю все, что ты можешь сказать.

— Видишь ли... Я получилъ письмо отъ Скорбянскаго. Онъ пишетъ, что Вольтовъ перевезъ свои картины въ Петербургъ; они готовы, и ты знаешь вѣдь его планъ? Вся остановка за средствами. По его расчетамъ, нужно шесть тысячъ, чтобы организовать дѣло, какъ слѣдуетъ. Я далъ ему изъ своего заработка тысячу, но это мало.

— Ты далъ тысячу? Но откуда же у тебя такія богатства? Тысяча рублей, это—очень большія деньги.

— Я зарабатываю сравнительно много. Но если я далъ тысячу, то ты, такъ какъ ты богаче меня, должна дать больше.

— Выводъ, кажется, тотъ, что недостающія пять тысячъ должна дать я?

— Но всякомъ случаѣ это былъ бы справедливый выводъ!

— Ты, Владиміръ, ребенокъ и хочешь, чтобы я была въ пять разъ больше ребенкомъ, чѣмъ ты.

— Вовсе нѣтъ. Но и знаю, что у тебя есть сто тысячъ, которыя отецъ далъ тебѣ на добрыя дѣла...

— Это назначеніе было у нихъ, когда отецъ былъ живъ, когда мое положеніе было другое, и я никогда не думала о томъ, прочно оно или нѣтъ. А теперь я смотрю на эти деньги, какъ на единственное прочное основаніе, на которое я могу опираться.

— Почему же на единственное? ты получишь еще цѣлое состояніе.

— Потому что прочно только то, что у насъ въ рукахъ. Ты самъ сказалъ сегодня, что коммерческія дѣла зависятъ отъ счастья.

— Но я ручаюсь тебѣ, что твое будущее состояніе такъ же вѣрно, какъ то, что мы идемъ рядомъ съ тобой и говоримъ о немъ.

— Ты ручаешься? ты? ребенокъ, не знающій цѣны деньгамъ и отдающій изъ четырехъ тысячъ, заработанныхъ тобой, тысячу—на осуществленіе какой-то мечты господина Вольтова? Но согласишься самъ, что такое ручательство ничего не значитъ.

— Да, если поручатся тебѣ Брухманы, которые слишкомъ хорошо знаютъ цѣну деньгамъ, это было бы вѣрнѣе, конечно...

— Это само собой разумѣется. Нѣтъ, Владиміръ, я не дамъ пяти тысячъ Вольтову; я могу по пріѣздѣ въ Петербургъ купить

у него картины, если онѣ не дороги и стоятъ что-нибудь. Но давать деньги для прославленія имени Вольтова я считаю большой глупостью.

— Я не сказалъ тебѣ, что онъ очень боленъ и можетъ умереть, не увидѣвши своей мечты осуществленной.

— Ахъ, тысячи людей умираютъ, не увидѣвши своихъ мечтаній осуществленными! Предупредить это несчастье я не въ состояніи. Прекратимъ этотъ разговоръ, Владиміръ. Всякій разъ, когда объ этомъ заходитъ рѣчь, мы съ тобой ссоримся. Что подѣлаешь, Владиміръ, если въ моихъ жилахъ течетъ такая ужъ коммерческая кровь, а въ твоихъ...

— Въ моихъ—кровь труженика-пролетарія. Да, это двѣ крови, которыя никогда не поймутъ другъ друга!

— Видишь, какой ты дѣлаешь выводъ! и это—наканунѣ того дня, когда... когда намъ надо понимать другъ друга лучше, чѣмъ когда бы то ни было.

— А что же должно свершиться завтра?

— Завтра Брухманъ придетъ дѣлать формальное предложеніе.

— И ты до сихъ поръ еще не знаешь, что скажешь ему?

— Это зависитъ отъ тебя, Владиміръ. О, я не думала, что способна на такую нерѣшимость...

— Завтра ты меня не увидишь цѣлый день!—сказалъ Бертышевъ.

— Почему?

— Такъ... Я удалюсь въ пустыню... Я не хочу, чтобъ твое рѣшеніе зависѣло отъ меня... такъ будетъ вѣрнѣе.

— Да, пожалуй...

— Ты рѣшаешь для себя и потому должна рѣшить одна, безъ давленія... Безъ всякаго давленія съ чьей бы то ни было стороны.

— Значитъ, прощай до завтра?—спросила Вѣра Поликарповна, когда они подымались по лѣстницѣ въ своею отелѣ.

— До завтра вечеромъ, когда уже все будетъ рѣшено.

— И ты вернешься изъ пустыни?

— Да.

— И ты не хочешь оставить ни одного слова въ помощь?

— Нѣтъ, нѣтъ. Просто: прощай до завтра!

Онъ какъ-то вяло пожалъ ей руку и быстро повернулъ въ свой корридоръ.

XVIII.

Эту ночь Бертышевъ спалъ плохо. Онъ вынулъ письма, полученные изъ Петербурга и, казалось, посвятилъ себя имъ.

Читая письмо Вѣры Петровны, онъ думалъ о томъ, заклю-

чается ли въ немъ рѣшительный отказъ отъ него? Разрѣзываетъ ли это письмо всѣ нити, соединяющія его съ Вѣрой Петровной. И онъ все больше и больше склонялся къ отрицательному отвѣту.

„Что побудило ее написать это письмо?—размышлялъ онъ.— Вѣдь я не просилъ этого и не требовалъ. Ей казалось, что я безъ этого страдаю, и вотъ она пошла навстрѣчу моему счастью, моему эгоизму... Значить...”

Значить, нити не только не порвались, а даже крѣпче натянулись. Значить, подъ маской холоднаго равнодушія скрывается старое, прочно нустившее корни чувство, которое не удалось вырвать оттуда никакими обидами, никакими оскорбленіями.

И онъ ходилъ по комнатѣ, и въ головѣ его роились тысячи мыслей, но какъ-то не приходило никакого вывода, что-то мѣшало ему сдѣлать этотъ выводъ, можетъ быть—боязнъ, чтобъ этотъ выводъ не заставилъ его сейчасъ же, сію минуту уложить свои вещи и бѣжать отсюда.

Онъ перечитывалъ и другое письмо—Скорбянскаго, ему вспоминался недавній разговоръ съ Вѣрой. „Тутъ стѣна, которую ничѣмъ не прошибешь, — говорилъ онъ себѣ. — Мы съ нею понимаемъ другъ друга во всемъ, въ тончайшихъ мелочахъ, въ глубочайшихъ изгибахъ психологіи, но какъ только вопросъ коснется ея денегъ, тутъ словно вырастаетъ изъ земли другой человекъ. Но вѣдь этотъ человекъ будетъ вырастать постоянно, на каждомъ шагѣ... Онъ стоялъ бы между нами, онъ разъединялъ бы насъ...”

А дѣла Вольтова почему-то неотразимо глубоко трогали его. Что у Вольтова огромный талантъ, это для него не подлежало сомнѣнію, и онъ зналъ также, что онъ недолговѣченъ. И вотъ—измученному, больному, хрупкому—ему удалось въ ранніе годы одной только энергіей и вѣрой въ свою идею создать такія значительныя вещи. И теперь этотъ умирающій организмъ весь горитъ страстнымъ желаніемъ видѣть свою идею проведенной въ жизнь. Это было бы для него единственной наградой за самоотверженіе, за отказъ воспользоваться благами, какими пользуются его товарищи, преимуществами, которыя даетъ талантъ, и онъ умереть, не получивъ этого безкорыстнаго удовлетворенія.

А потомъ, послѣ его смерти, его идею разжуютъ, раскусятъ до того, что она станетъ доступна тупымъ головамъ, и тупыя головы начнутъ кричать о ней на весь міръ, чтобъ связать свое имя съ нею и легко пожать плоды отъ тѣхъ сѣмянъ, которыя съ такой жертвой онъ сѣялъ и лелѣялъ...

Дать такому человѣку возможность самому провести въ жизнь свою идею, вѣдь это—актъ высшей справедливости. Вѣра Поликарповна этого не понимаетъ; она этого не понимала много разъ,

когда объ этомъ заходила рѣчь. Ей, такъ же какъ и ея отцу, этому грубому кулаку, это недоступно.

Но какъ это сдѣлать, какъ сдѣлать, чтобы Вольтовъ, которому все равно суждено умереть раньше времени, умеръ не съ отчаяніемъ человѣка, у котораго все святое разбито, а съ улыбкой мечтателя, увидѣвшаго воочию осуществленіе своихъ плановъ?

Онъ считалъ свои деньги. Съ собой у него было немного болѣе двухъ тысячъ франковъ; дома осталось гораздо меньше; заработокъ его съ небольшимъ избыткомъ какъ разъ покрывалъ то, что было необходимо. Картина? Если оцѣнить на выставкѣ, за нее дадутъ тысячу, можетъ быть немного больше, но вѣдь это недостаточно, — при томъ же къ тому времени явятся десятки новыхъ своихъ нуждъ. И еще эта запутанность въ его личной жизни... Она незамѣтно увеличиваетъ его расходы. Вотъ хотя бы эта поѣздка, во что она обойдется?

А тутъ еще болѣзнь Скорбянскаго, который съ своей семьей тоже вдругъ внезапно можетъ впасть чуть ли не въ нищету. Вѣдь и его надо поддержать. Вѣдь это дѣйствительно его другъ нелицемѣрный.

И онъ ходилъ по комнатѣ, и его мысли постоянно перебѣгали отъ своей личной жизни къ матеріальнымъ невзгодамъ его друзей, отъ письма Вѣры Петровны къ письму Скорбянскаго.

И вдругъ странная мысль осѣнила его голову, странная до того, что въ первую минуту она показалась ему дѣтски-наивной и глупой. Но по мѣрѣ того, какъ онъ присматривался къ ней, въ ней выступали такія стороны, которыя требовали вниманія и обсужденія.

„Наивное и глупое, — подумалъ онъ, — въ нашей жизни гораздо чаще встрѣчается, чѣмъ мы думаемъ. Никогда не быть наивнымъ могутъ быть только Брухманы, можетъ Вѣра Поликарповна, у которыхъ есть такая прочная опора, какъ ихъ милліоны. Да, имъ незачѣмъ пытаться счастье, потому что все къ ихъ услугамъ. Но мы, постоянно ведущіе борьбу за существованіе, вѣчно переходящіе отъ возвышенія къ паденію, мы имѣемъ право всѣми способами пытаться притянуть къ себѣ это пристрастное чудовище-счастье, такъ несправедливо улыбающееся однимъ и поворачивающее спину къ другимъ... Кстати, я общалъ Вѣрѣ завтра на пѣлый день удалиться въ пустыню... Вѣдь этотъ молодой человѣкъ, которому всѣ сегодня аплодировали изъ зависти, дѣлалъ тоже самое и ему удалось вызвать хоть слабую улыбку на лицѣ судьбы. Имѣю ли я право пройти мимо этого шанса, не испробовавъ его? Я не игрокъ. Я на игрѣ не строю своего благополучія. Я ставлю на карту даже не свое счастье, а счастье своихъ друзей, для которыхъ я могу рискнуть тысячей франковъ

Ну, пусть я их выброшу; я отъ этого не разорюсь. А между тѣмъ мнѣ какой-то голосъ шепчетъ, что я могу спасти ихъ... Рѣшено! я завтра съ утра ѣду туда“.

И странное дѣло! послѣ этого рѣшенія онъ легъ въ постель совершенно успокоенный и скоро заснулъ. Какъ будто даже удача въ завтрашней игрѣ рѣшила столь трудный и запутанный вопросъ его личной жизни.

На другой день онъ всталъ въ девять часовъ, торопливо одѣлся, выпилъ кофе и пошелъ на вокзалъ. Утро было свѣжее, прохладное, тихое. Онъ чувствовалъ удовольствіе отъ этой прогулки. Приѣхавъ въ Монте-Карло слишкомъ рано, онъ поднялся въ читальню и пробѣжалъ русскія газеты, которыхъ давно не видалъ. У него было странное ощущеніе увѣренности, какъ будто онъ шелъ навѣрняка, какъ будто вся обстановка была затѣмъ, что онъ не вошелъ въ залъ и не началъ играть, а ему уже было предрѣшено выручить своихъ друзей.

Внизу раздался звонокъ; часы пробили двѣнадцать. Онъ неторопливо спустился по широкой лѣстницѣ, устланной мягкимъ ковромъ. Въ залѣ уже вокругъ столовъ сидѣла публика; многимъ не хватило мѣстъ и они стояли.

Бертышевъ не занялъ мѣста; онъ переходилъ отъ стола къ столу, присматривался къ игрѣ, которая казалась ему вялой. Такъ прошло около часу. Публика прибывала. Онъ замѣтилъ въ себѣ странное ощущеніе, какъ будто его что-то раскачивало или какое-то внутреннее внушеніе приказывало ему сѣсть и играть.

Онъ подошелъ къ одному изъ столовъ, который былъ поближе, размѣнялъ у крупье свой билетъ; ему дали бумажекъ, золота и серебра. Въ этотъ самый моментъ какая-то дама, сидѣвшая около него, кончила игру и встала и никто изъ стоявшихъ не сѣлъ на ея мѣсто.

„Это тоже указаніе“!—съ иронической усмѣшкой сказалъ онъ себѣ и сѣлъ на свободное мѣсто. „Но она очевидно проиграла, иначе не встала бы“!—подумалъ онъ.

Онъ разложилъ передъ собой деньги и сталъ думать, что ему дѣлать? Игру онъ зналъ поверхностно. Всевозможныя комбинаціи, на которыя пускались игроки на его глазахъ, были ему мало понятны, и онъ вспомнилъ о вчерашнемъ молодомъ человѣкѣ. „Онъ игралъ на свои лѣта, я сдѣлаю тоже“, мелькнуло у него въ головѣ. „Это глупо!—мысленно прибавилъ онъ,—но въ игрѣ все должно быть глупо, потому что у нея глупое основаніе—случайность“.

Онъ взялъ золотой и поставилъ на двадцать седьмой номеръ,—вышло три. Второй золотой, поставленный на тотъ же номеръ, онъ проигралъ, третій тоже. Но онъ, самъ не зная почему, про-

должалъ дѣлать то же самое. Ему казалось, что если номеръ не вышелъ до сихъ поръ, то долженъ выйти, и съ каждымъ проигрышемъ эта увѣренность у него росла. У него не хватило золота и онъ размѣнялъ стофранковую бумажку, потомъ другую и третью.

Вдругъ онъ обратилъ вниманіе на оставшуюся сумму и съ ужасомъ увидѣлъ, что изъ тысячи у него осталось не болѣе двухсотъ франковъ и это въ какія-нибудь двадцать минутъ.

Тогда имъ овладѣло сомнѣніе. Продолжать ли эту глупость? А шарикъ уже вертѣлся въ цилиндрѣ и время было дорого. „Вѣдь это будетъ непростительно, если я сейчасъ не поставлю и теперь выйдетъ мой номеръ“. А золота у него не было; онъ хотѣлъ размѣнять, но было поздно. Тогда онъ съ непонятной рѣшимостью дрожащей рукой свернулъ стофранковую бумажку и положилъ ее на двадцать седьмой номеръ. Не прошло и десяти секундъ, какъ надъ его ухомъ былъ произнесенъ—двадцать седьмой номеръ!—онъ выигралъ. Ему дали больше трехъ тысячъ.

Нѣсколько бумажекъ и куча золота лежали передъ нимъ. Тогда онъ машинально, какъ бы невольно подчиняясь примѣру вчерашняго молодого человѣка, и чувствуя къ этому призывъ, прибавилъ золота на номеръ, окружилъ его со всѣхъ сторонъ золотомъ, самъ хорошенько не понимая, что дѣлаетъ и къ чему это поведетъ. Потомъ, видя, что передъ нимъ лежитъ еще нѣсколько бумажекъ, схватилъ ихъ и началъ машинально разсчитывать на цѣтъ, на третью дюжину и еще во всѣ мѣста, гдѣ игралъ какую-нибудь роль двадцать седьмой номеръ и затѣмъ сѣлъ смирно и опустилъ голову и съ ужасомъ увидѣлъ, что у него не осталось больше ничего; что онъ въ эту ставку уложилъ всѣ выигранные и всѣ свои деньги.

„Но вѣдь это безуміе, это больше, чѣмъ безуміе! Я уже рискнулъ не своимъ, а чужимъ! вѣдь то, что я выигралъ, принадлежало не мнѣ, а Вольтову и Скорбянскому“.—*Vingt sept!* раздалось у него надъ самымъ ухомъ и онъ почувствовалъ, что у него какъ будто онѣмѣли всѣ вѣчности и онъ не могъ бы протянуть теперь руку, если бы захотѣлъ.

Въ публикѣ пронесся сочувственный говоръ. Всѣ на него смотрѣли, всѣ громко высчитывали, сколько онъ долженъ получить и называли такую цифру, которая ему казалась невѣроятной.

И онъ видѣлъ, какъ крупье заплатили другимъ мелкіе выигрыши, затѣмъ одинъ изъ нихъ, стуча своимъ деревяннымъ молоточкомъ съ длинной ручкой то по одной, то по другой его ставкѣ, произносилъ цифры, присоединялъ къ нимъ другія. Три тысячи... семь тысячъ восемьсотъ... двѣнадцать тысячъ... семнадцать... двадцать двѣ... двадцать пять... двадцать восемь пятьсотъ... тридцать двѣ тысячи восемьсотъ сорокъ франковъ.

Произошла заминка. Въ наличности такой суммы не оказалось, послали въ банкъ за подмогой. И вотъ эта сумма вручается ему; она лежитъ передъ нимъ. Публика лѣниво дѣлаетъ новыя ставки, все больше мелочь, жалкія пятифранковики. Крупье приглашаетъ къ игрѣ, шарикъ вертится, а онъ все никакъ не можетъ прійти въ себя...

То у него является порывъ опять разбросать золото вокругъ рокового номера, то голосъ благоразумія удерживаетъ его. А въ это время шарикъ уже занялъ свое мѣсто и крупье произнесъ—30!

Къ его удивленію ему опять даютъ много золота. Оказалось, что онъ забылъ снять свои ставки; большая часть ихъ погибла, но тѣ, что стояли между двадцать седьмымъ и тридцатымъ номеромъ, на дюжинѣ и на другихъ подходящихъ шансахъ, дали ему выигрышъ.

Игра продолжалась. Бертышевъ спряталъ бумаги и золото въ карманъ. Онъ почувствовалъ головокруженіе, какъ человѣкъ, съ которымъ случилось что-то сверхъестественное, или который совершилъ черезъ силу какой-нибудь подвигъ. Онъ даже не чувствовалъ силы продолжать игру. Блѣдный, едва держась на ногахъ, онъ всталъ и пошелъ къ выходу.

Войдя въ огромную переднюю, онъ сѣлъ на первый попавшійся диванъ и, приложивъ голову къ холодной колоннѣ, старался придти въ себя. Къ нему подошелъ важный слуга, стоявшій у дверей и контролировавшій входящую публику.

— Вамъ дурно? Вы, должно быть, много проиграли? — сочувственно спросилъ слуга.

— Нѣтъ, напротивъ... я.. слишкомъ много выигралъ! — отвѣтилъ Бертышевъ.

— Да? сколько же?

— Что-то около сорока тысячъ.

— А рисковали?

— Всего только тысячью франковъ.

— Въ такомъ случаѣ поздравляю васъ, вы очень счастливы!

— Благодарю васъ.

— И какъ хорошо, что вамъ во время сдѣлалось дурно и что вы прекратили игру! Это не всякому удастся. Большинство выигравшихъ потомъ все возвращаютъ и еще свои проигрываютъ. Въ этомъ все дѣло...

— Да, вы правы... Это меня спасло... Благодарю васъ.

Онъ вынулъ изъ кармана два золотыхъ и подалъ слугѣ. Тотъ разсыпался въ благодарностяхъ.

Бертышевъ почувствовалъ силу выйти, надѣлъ пальто и, выйдя изъ казино, пошелъ внизъ къ вокзалу.

„Клянусь моими дѣтьми, что никогда въ жизни больше не вернусь туда!“ прошептали его губы. Онъ взялъ билетъ и сѣлъ въ вагонъ.

Было около двухъ часовъ дня, когда онъ, пріѣхавъ въ Ниццу, шелъ обычной дорогой по Avenue de la gare. У него еще горѣла голова и онъ чувствовалъ слабость во всемъ тѣлѣ. Онъ шелъ не домой. У него созрѣлъ планъ, который онъ хотѣлъ во что бы то ни стало привести въ исполненіе.

Но пройдя полдороги, онъ вдругъ остановился.

— Это ты? у тебя безумное лицо!—произнесла Вѣра Поликарповна, которая шла ему навстрѣчу.

— А ты куда идешь?—спросилъ Бертышевъ.

— Я нигуда... Къ намъ пришелъ старшій Врухманъ. У него дѣло къ мамѣ... Для меня ясно, что онъ дѣлаетъ официальное предложеніе, и я ушла... И представь, я почти была увѣрена, что встрѣчу тебя и я этого такъ хотѣла!

— Зачѣмъ?

— Такъ. Мнѣ надо было тебя увидѣть, просто увидѣть... Чтобы рѣшить.

— Ну, и теперь ты меня увидѣла...

— Но ты какой-то сумасшедшій... Гдѣ ты былъ?

— Въ Монте-Карло.

— Ты игралъ?

— Да, я взялъ съ собой тысячу франковъ. Но произошло что-то дикое. Я уже проигралъ почти все и съ отчаянія сдѣлалъ крупную ставку, совершенно такъ, какъ вчерашній молодой человѣкъ, и вдругъ въ два удара выигралъ что-то около сорока тысячъ франковъ.

— Сорокъ тысячъ франковъ! Вѣдь это—пятнадцать тысячъ рублей! Какое безумное счастье! Ты теперь богачъ...

— Да, повидимому... Но, погоди, я долженъ зайти въ Ліонскій кредитъ.

— Зачѣмъ? Ты хочешь вложить туда деньги?

— Какъ вложить? Я хочу сейчасъ переслать Вольтову семь тысячъ рублей. Пять на его дѣло и двѣ на лѣченіе. Пусть уѣдетъ куда-нибудь изъ Петербурга. Ну, и тысячу рублей Скорбянскому,—его дѣла очень плохи.

— Ты еще не пришелъ въ себя, должно быть... Изъ пятнадцати тысячъ выбросить восемь... Это безуміе!

— Я игралъ ихъ именемъ, я думалъ о нихъ.

— Не дѣлай этого, Владиміръ! По крайней мѣрѣ, не сейчасъ, потому что потомъ ты раздумаешь и пожалѣешь. Подумай, ты вѣдь этими деньгами обеспечишь себя на нѣсколько лѣтъ, ты можешь спокойно работать, ты напишешь интересныя вещи.

— Ахъ, Вѣра, въ этомъ пунктѣ мы всегда будемъ разногласить... Я не могу поступить иначе... Понимаешь ли?.. Если у меня есть пятнадцать тысячъ, да еще такъ легко прибрѣтенныхъ, а мои друзья нуждаются въ нихъ, чтобы жить и осуществить лучшую мечту своей жизни... Пойми же, развѣ можно думать объ обезпеченіи, о работѣ?

— Да... Мы дѣйствительно никогда не поймемъ другъ друга. Да, да, Владиміръ, мнѣ просто непонятна, мнѣ чужда эта психологія... И это ужасно! Знаешь ли ты, что здѣсь ужасно?— говорила она, и при этомъ глаза ея горѣли какимъ-то страннымъ блескомъ.—Ужасно то, что я сознаю, что ты выше меня въ этомъ, недосыгаемо выше, и я не могу возвыситься до этого! И знаешь ли почему? Я скажу тебѣ прямо. Иногда я представляю тебя своимъ мужемъ и мнѣ начинаетъ казаться, что ты, не знающій цѣны деньгамъ, разбрасываешь ихъ такъ вотъ, какъ это дѣлаешь сейчасъ,—и меня охватываетъ ужасъ... Да, да, я вотъ сейчасъ почувствовала необходимость сказать тебѣ эту страшную правду и, можетъ быть, это и было причиной моей нервности, моихъ колебаній...

Владиміръ Николаевичъ смотрѣлъ на нее изумленными глазами и она точно выяснялась передъ нимъ съ новой стороны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выяснялось многое изъ того, чего онъ никакъ не могъ понять въ ихъ отношеніяхъ.

Вдругъ онъ протянулъ ей руку:

— Прощай, Вѣра!

— Навсегда?

— Да, да, чѣмъ ты была для меня, навсегда... Я прощаюсь съ Вѣрой... Съ Вѣрой прошло... Но мы вѣдь будемъ встрѣчаться по дѣламъ... вѣдь я веду ваши дѣла... я доведу ихъ до конца! И такъ... До свиданья, Вѣра Поликарповна!..

Она стояла передъ нимъ съ глазами, полными слезъ. Ему тоже хотѣлось плакать. Быть можетъ, при другихъ условіяхъ, эта общая ихъ жалость къ прошлому еще разъ заставила бы ихъ упасть другъ другу въ объятія и еще надолго отдалилось бы неизбежное рѣшеніе. Но теперь они сквозь слезы оба разомъ подумали: „Такъ лучше... мы, настоящіе, такіе, какъ есть, а не такіе, какихъ мы выдумали, никогда, никогда не поймемъ другъ друга!“

— До свиданья!—тихо, дрожащимъ голосомъ, произнесла Вѣра Поликарповна и отвѣтила ему слабымъ пожатіемъ руки.

Онъ быстро пошелъ въ прежнемъ направленіи и, дойдя до огромнаго зданія Ліонскаго кредита, повернулъ въ него. Здѣсь онъ исполнилъ то, что хотѣлъ. Онъ перевелъ все, назначенное для Петербурга, на имя Скорбянскаго, потомъ пошелъ на телеграфъ и послалъ Скорбянскому слѣдующую телеграмму:

„Сегодня выигралъ кучу золота. Совсѣмъ здоровъ и навсегда. Туманъ разсѣлся. Семь тысячъ отдай Вольтову и одну для тебя. Скажи ему, чтобъ ѣхалъ лѣчиться, а вернется съ новыми силами, приступитъ къ своему дѣлу. Вѣрѣ пишу особо. Похлопочи за меня; а тебѣ ручаюсь нашей старой дружбой за вѣрность“.

Вѣрѣ Петровнѣ онъ написалъ: „Твое письмо исцѣлило меня. Если сможешь, прости. Если нѣтъ, какъ-нибудь доживемъ нашъ вѣкъ для дѣтей и любимаго дѣла. Прошу тебя, пришли телеграмму въ Варшаву, до востребованія. Сегодня выѣзжаю“.

Вечеромъ, когда онъ зашелъ проститься съ Марьей Ивановной, онъ узналъ отъ нея, что Вѣра Поликарповна дала Брухману согласіе. Онъ объяснилъ свой внезапный отъѣздъ дѣлами, которыя его зовутъ экстренно и сослался на якобы полученную телеграмму.

— Какъ же такъ? вы съ Вѣрой и не простились?—спросила Марья Ивановна.

— Мы простились уже съ нею днемъ.

Дальше Марья Ивановна объяснила, что Вѣра Поликарповна уѣхала съ Брухманами куда-то въ Каннѣ, смотрѣть какой-то замѣчательный островъ.

— Ахъ, да, я совсѣмъ забыла...—спохватилась старуха,—она вѣдь оставила вамъ записку!

— Мнѣ?

— Да, просила передать... Смѣшная! Она говоритъ: ему въ вагонѣ нечего будетъ дѣлать, такъ пусть займется этимъ!

— Ну, такъ я въ вагонѣ и прочитаю. Прощайте, Марья Ивановна, тороплюсь. Я думаю, вы тоже скоро вернетесь...

— Да, ужъ надо полагать... Не въ вагонѣ же будемъ свадьбу справлять.

Въ девять часовъ вечера Владиміръ Николаевичъ выѣхалъ изъ Ниццы. Только когда улеглось въ душѣ его тревожное чувство, которое всегда бываетъ при внезапномъ отъѣздѣ, разрѣшающемъ важный вопросъ, вопросъ цѣлой жизни,—часа черезъ два послѣ того, какъ покинулъ Ниццу, онъ вынулъ письмо Вѣры Поликарповны и прочиталъ его.

„Все-таки вы должны знать, почему я согласилась быть женой „одного изъ Брухмановъ“ (право, мнѣ было бы все равно, котораго. Вѣдь въ сущности, я выхожу замужъ за фирму „Торговый домъ—братья Брухманы“). Моя любовь къ вамъ была не тѣмъ пошлымъ романомъ, какіе совершаются каждый день. Нѣтъ, наше чувство, которымъ мы жили въ началѣ нашей близости, было такъ высоко... Оно оказалось выше насъ самихъ, и если бы я теперь стала

искать чувства, то все, что я нашла бы, было бы безконечно ниже его. Такъ ужъ и искать не стоитъ. А въ такомъ случаѣ, право, не все ли равно, съ какой фирмой я раздѣлю свою жизнь... Ахъ, какъ бы мы ни рвались къ высокому, все равно намъ суждено пошлое,—намъ, въ жизни которыхъ нѣтъ никакой задачи, кромѣ той, чтобы прожить ее съ наименьшей суммой огорченій. У васъ, по крайней мѣрѣ, есть то утѣшеніе, что вы будете исполнять свой долгъ, а у меня и этого нѣтъ... у меня нѣтъ никакого долга... Но если въ моей жизни когда-нибудь будутъ свѣтлые моменты, то это тѣ, когда я буду вспоминать о нашемъ чувствѣ, о лучшихъ дняхъ его. Счастливой дороги, Владиміръ Николаевичъ!”

Знакомые города Италіи промелькнули. Онъ не останавливался нигдѣ ни на одинъ часъ; черезъ Вѣну онъ проѣхалъ только для того, чтобъ перебраться съ одного вокзала на другой. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ Варшавы.

Здѣсь, вмѣсто одной телеграммы, ему дали двѣ. Скорбянскій писалъ:

„Вольтушка ожилъ; боюсь, что ему грозитъ лишеніе ума отъ восторга. Мой печальный хребетъ ласково сгибается, привѣтствуя тебя. Весь погруженъ въ организацію торжественной встрѣчи“.

Вѣра Петровна писала: „Благословляю небо за твое рѣшеніе: оно справедливо. Теперь намъ надо много снисхожденія другъ къ другу. Хотѣла бы сдѣлать твою жизнь счастливой. Но не моя вина, если я могу отдать тебѣ только истерзанную душу“.

И. Потапенко.

К о н е ц ъ.

НА ВОЕННО-ГРУЗИНСКОЙ ДОРОГѢ.

Мнѣ пѣли Арагвы струи голубыя,
Журча въ благодатной тѣни,
И Грузіи нѣжной холмы золотые
Мнѣ пѣли про лучшіе дни.

Я вѣрилъ имъ вновь легковѣрной душою,
Страданія сталъ забывать...
Зачѣмъ же ты, Терекъ, мятежной волною
Мнѣ горе пророчишь опять!

Ни днемъ и ни ночью покоя не зная,
Ты въ каменныхъ бьешься тискахъ,
Какая-то сила могучая, злая
Живетъ въ твоихъ мутныхъ волнахъ.

Твой стонъ проникаетъ мнѣ въ душу глубоко
И тамъ, не смолкая, звучить,
Онъ ласковый лепетъ Арагвы далекой,
Боюсь, навсегда заглушить.

Allegro.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ КРИТИКИ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

(Окончаніе *).

XXVIII.

Одинъ только разъ Каткову удалось литературными средствами поставить своихъ враговъ—новыхъ людей—въ двусмысленное положеніе—не то побѣжденныхъ, не то не принявшихъ вызова. И даже не самъ Катковъ создалъ это положеніе, а профессоръ кievской духовной академіи Юркевичъ. Катковъ только съ большимъ трескомъ и крикомъ воспользовался чужой статьей противъ философіи Чернышевскаго.

Возражать противъ этой философіи рѣшительно не стоило никакихъ усилій ума и знанія. Возраженій не мало можно найти въ самой статьѣ, чѣмъ, впрочемъ, Юркевичъ именно и не воспользовался, а потому въ многовѣковой полемикѣ идеалистовъ съ материалистами. Даже Катковъ, читавшій въ московскомъ университетѣ весьма посредственныя лекціи по исторіи философіи, могъ бы удачнѣе возражать философу *Современника*: онъ, по крайней мѣрѣ, спасся бы отъ *поколику—потоліку* и прочей семинарской философской оснастки ¹⁹⁸⁾. Въ статьѣ Юркевича нѣтъ ни одного самостоятельнаго довода, ни одной свѣжей и яркой мысли и *Русскій Вѣстникъ* въ компаніи съ *Отечественными Записками* только въ порывѣ полемическаго задора могли придти въ восторгъ отъ учености и даже талантливости профессора. Чернышевскій имѣлъ основаніе съ легкимъ духомъ относиться къ самому Юркевичу, но у него не было ни литературнаго, ни нравственнаго права пренебрегать тѣми возраженіями и запросами, какіе—устаи зауряднаго автора—обращали къ нему логика, наука и общечеловѣчскій здравый смыслъ. Юркевичъ ни единого слова не говорилъ отъ себя, хотя ни на кого и не ссылался; Чернышевскій, дѣй-

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь.

¹⁹⁸⁾ Кур. Каткова. Статья Юркевича перепечатана въ *Русск. Вѣст.*, апрѣль и май 1861 года.

ствительно, во всей статьѣ, съ первой строчки до послѣдней встрѣчалъ все мысли давно ему знакомыя и, можетъ быть, даже полнѣе, чѣмъ Юркевичу. Но значеніе компиляціи кievскаго профессора въ томъ и заключалось, что она представляла не личныя воззрѣнія какого-нибудь метафизика и схоластика или наивнаго школьнаго идеалиста, а повторяла исконную и пока неопровержимую критику истинно-положительныхъ умовъ противъ материализма. Если бы Катковъ и Дудышкинъ обладали серьезными познаніями въ области новой философіи, они могли бы двинуть противъ Чернышевскаго неизмѣримо болѣе внушительную армію фактовъ и авторитетовъ, чѣмъ критика Юркевича. И Чернышевскій не могъ этого не знать; онъ, по обширности и основательности научныхъ свѣдѣній годившійся въ учителя всей редакціи *Русскаго Вѣстника*. Достало бы у него и полемическаго, и литературнаго таланта, чтобы положить на мѣстѣ и Юркевича, и Каткова, перепечатававшего его статьи съ восторженными примѣчаніями.

И все-таки у современной безпристрастной публики должно было остаться впечатлѣніе, весьма невыгодное для Чернышевскаго. Впечатлѣніе это переживаетъ и современный читатель.

Въ самомъ дѣлѣ, допустили-ли въ основныхъ вопросахъ цѣлаго направленія слѣдующая тактика?

Статья Юркевича появляется въ *Трудахъ кievской духовной академіи: Современникъ* пренебрегаетъ. Статью перепечатываетъ *Русскій Вѣстникъ. Отечественныя Записки* спѣшатъ воспользоваться случаемъ, — вся большая публика, слѣдовательно, призывается въ судьи вопроса. Молчать невозможно уже послѣ усердія Каткова, петербургскій журналъ требовалъ еще болѣе рѣшительнаго отвѣта.

И Чернышевскій отвѣчалъ своимъ противникамъ, не Юркевичу собственно, а его популярнымъ покровителямъ, т. е. поступилъ съ самаго начала въ совершенный ущербъ дѣлу.

Нелитературная брань Каткова, его чрезвычайно крѣпкія слова, ва, которыя могли бы сдѣлать честь самой національной московской площади, — все это говорило за себя и не стоило сореboванія. Не стоило уже потому, что *Русскій Вѣстникъ* былъ явно одержимъ сильными чувствами и вовсе не вдохновлялся ни наукой, ни истиной. Юркевичъ не обнаруживалъ недуга и скромно выполнялъ роль пересказывателя выученныхъ и прочитанныхъ философскихъ идей. Съ нимъ можно было говорить, не утрачивая челоvѣческаго достоинства и не прибѣгая къ боксу и кулаку.

Вмѣсто разговора Чернышевскій вдругъ заявляетъ, что вся статья Юркевича не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія. Она ничто иное, какъ одна изъ «задачъ», т. е. школьныхъ семинар-

скихъ диссертаций. Такія задачи ояъ, Чернышевскій, выполнялъ въ саратовской семинаріи и, не читая статьи Юркевича, знаетъ, что въ ней написано. Онъ даже и не прочтетъ ея, а познакомятъ только въ корректурѣ съ отрывкомъ, какой онъ перепечатаетъ въ *Современникъ*, т. е. съ третьей частью статьи. Больше, по закону, перепечатать нельзя, но зато законъ будетъ выполненъ съ точностью: треть статьи придется на *половину слова*, она и будетъ перепечатана безъ окончанія.

И больше ничего. Въ перепечатанномъ отрывкѣ, между прочимъ, заключается указаніе на грубое отождествленіе нервныхъ движеній съ ощущеніями, т. е. сліяніе въ одно двухъ явленійхъ, только необходимо связанныхъ другъ съ другомъ. Эта улика безусловно требовала объясненій. Чернышевскій ихъ не даетъ и настаиваетъ, что Юркевичъ нѣчто въ родѣ алхимика и кабалиста и, слѣдовательно, его возраженія «смѣшны и пусты» и даже будто бы онъ «натуралистовъ» считаетъ «пропащимъ народомъ». Изъ статьи Юркевича послѣдняго вывода никакъ нельзя сдѣлать. Явно, публицистъ *Современника* чувствуетъ себя въ не совсѣмъ выгодной позиціи. Это ясно изъ его весьма нетвердой и подчасъ даже ноожиданной тактики.

Катковъ и *Отечественныя Записки* обзываютъ его невѣждой; онъ напоминаетъ, что и Гегеля называли невѣждою и что вообще «люди рутины упрекаютъ въ невѣжествѣ всякаго нововводителя за то, что онъ нововводитель»¹⁹⁹⁾.

Это поменьшей мѣрѣ неубѣдительно и даже не лишено наивности. Еще хуже другое возраженіе.

Отечественныя Записки напомнили Чернышевскому, что баронъ Брамбеусъ также отвѣчалъ шуточками и пренебреженіемъ на критику Бѣлинскаго. Чернышевскій принимаетъ сравненіе и отвѣчаетъ журналу, рассчитывавшему оскорбить его сопоставленіемъ съ Сенковскимъ: «Почему же Сенковскій любилъ отшучиваться? Потому, что былъ человѣкъ очень сильнаго ума, находившій, что при своемъ умѣ имѣетъ право презирать противниковъ».

И даже Бѣлинскаго?—спросите вы у того самого публициста, кто являлся неизмѣнно восторженнымъ почитателемъ критика. Какъ же такая фраза могла попасть подъ его перо? Только въ состояніи полной безвыходности можно заговориться до такой степени или ужъ питать къ своимъ противникамъ нестерпное презрѣніе, даже не удостоивать ихъ болѣе или менѣе серьезной бесѣды и издѣваться надъ ними, принимая съ удовольствіемъ уподобленіе своей личности барону Брамбеусу? По тону рѣчи этого

¹⁹⁹⁾ *Полемическія красоты*. Коллекція вторая. *Совр.м.* 1861. VII.

нельзя заключить и тогда бы пріемъ публициста оказался бы еще недостойнѣе поднятыхъ имъ самимъ принципиальныхъ вопросовъ.

Очевидно, сраженіе за философію матеріализма кончалось не къ славѣ *новыхъ людей*. Исходъ не заставилъ ихъ одуматься. У Чернышевскаго нашлись послѣдователи съ самой искренней непосредственной вѣрой. Написанный впоследствии романъ *Что дѣлать?* воспроизводитъ *Антропологическій принципъ* въ еще болѣе рѣзкихъ формулахъ, чѣмъ въ статьѣ. Теорія эгоизма посвящена длинная бесѣда Лопухова и Вѣры Павловны. Героиня, какъ женщина, пугается холодности и безпощадности теоріи, но Лопуховъ сравниваетъ свою философію съ ланцетомъ: онъ не долженъ гнутья, иначе плохо придется паціенту...

Жаль только, герой не объясняетъ, отъ какой именно болѣзни лѣчить его теорія исключительно матеріальныхъ побужденій во всѣхъ человѣческихъ дѣйствіяхъ? Выражаться Лопуховъ можетъ очень сильно, особенно, по части сравненій: напримѣръ, «жертва—сапоги въ смятку», но ни научность, ни логичность проповѣдуемой теоріи отъ этой силы не возвышаются; совершенно напротивъ ²⁰⁰⁾.

Въ результатѣ, самые пріемы полемики Чернышевскаго засвидѣтельствовали несостоятельность его философской системы, и именно потому, что она при всѣхъ протязаніяхъ на доказательность явилась только новой формой метафизики и догматизма. Стремленіе создать всеобъемлющее міросозерцаніе на фактахъ химіи и фізіологіи—романтическая мечта, самый слабый пунктъ въ идейномъ творчествѣ шестидесятыхъ годовъ. Она принесла безчисленныя бѣдствія новымъ людямъ и ихъ дѣлу. Она заранѣе подорвала кредитъ у другихъ положительныхъ идей эпохи, наложила незаслуженно широкую окраску легкомыслія и умственной неарѣлости на всю работу молодого поколѣнія, дала въ руки Катковымъ благодарнѣйшее оружіе въ борьбѣ съ дѣятелями великихъ талантовъ и добросовѣстнаго труда.

Провозглашеніе матеріализма философской религіей нанесло непоправимый ударъ именно научности и продуманности публицистики шестидесятниковъ. Кто такъ легко и произвольно обращался съ фактами и такъ стремительно и самоувѣренно на нѣсколькихъ разбросанныхъ камняхъ воздвигалъ міровое и вѣчное зданіе, тотъ самъ себя отрѣзывалъ пути къ глубокимъ и прочнымъ вліяніямъ на общество. Отвагой и неограниченной широтой воззрѣній онъ могъ увлечь нѣсколькихъ молодыхъ талантливыхъ людей, могъ очаровать даже цѣлое поколѣніе непосредственно послѣ гнетущей тьмы и неволи, но упрочить свой *философскій* авторитетъ на будущее у него не было силъ. Мы подчеркиваемъ

²⁰⁰⁾ *Что дѣлать*, VIII. XIX. *Современникъ*, 1-63, мартъ.

философскій и настаиваетъ на рѣзкомъ разграниченіи материалистической метафизики шестидесятихъ годовъ отъ другихъ идейныхъ стремленій молодого поколѣнія.

Источникъ и метафизики, и стремленій одинъ и тотъ же: воззваніе къ природѣ, къ фактамъ, къ естественности. Но метафизика—незаконное дѣтище плодотворныхъ принциповъ, не логическое и не научное. Между нею и ея источникомъ громадная пропасть. Ее можно было перепрыгнуть только въ азартѣ страстного увлеченія новымъ фантастическимъ міросозерцаніемъ подъ влияніемъ ненависти къ старому противоположному, но не болѣе фактастическому. Прыжокъ искупленъ дорогой цѣвой, и только исторія вполнѣ хладнокровно и справедливо съумѣетъ отличать роковое заблужденіе отъ многочисленныхъ жизненныхъ сѣмянъ, брошенныхъ шестидесятниками на ниву русскаго общественнаго развитія.

Тотъ же Чернышевскій, авторъ злополучнаго трактата, явился истиннымъ продолжателемъ просвѣтительной работы Бѣлинскаго, самымъ вѣрнымъ и послѣдовательнымъ изъ всего своего поколѣнія.

XXIX.

Философская статья Чернышевскаго не даетъ и приближительнаго представленія о разносторонности и глубинѣ научнаго образованія Чернышевскаго. Только оно и могло спасти въ немъ сильнаго и грознаго противника даже послѣ печальной исторіи съ *Антропологическимъ принципомъ*.

Одаренный блестящими способностями, Чернышевскій еще дома успѣлъ превратиться въ ученаго, подъ руководствомъ отца, саратовскаго протоіерея, и собственной пламенной охоты къ чтенію²⁰¹). Въ семинаріи онъ пробылъ два съ половиною года, прошелъ реторику и философію, далеко оставляя за собой товарищей, поразительно начитанный, знающій древніе и новые языки, даже арабскій и татарскій, и особенно отличаясь въ сочиненіяхъ по литературѣ «Свѣтило», «профессоръ академіи», иначе не цѣнили преподаватели семинаріи своего питомца. Эпитеты товарищей не менѣе любопытны: «красная дѣвушка», «дворянчикъ». Они характеризовали чрезвычайную застѣнчивость молодого ученаго. Онъ первый не рѣшался ни съ кѣмъ заговорить, не выпускалъ изъ рукъ книги, всегда былъ готовъ помочь другимъ своими знаніями, но съ трудомъ завязывалъ дружбу и не принималъ участія въ товарищескихъ шалостяхъ. Такимъ же скромнымъ Чернышевскій

²⁰¹) Свѣдѣнія о жизни Николая Гавриловича Чернышевскаго. *Русск. Ст.* 1890, томъ 66, стр. 449; томъ 67, стр. 531; *Русскій Архивъ*. 1890. I, стр. 553.

оставался всю жизнь, избѣгая общества, развлеченій и отдавая всѣ свои силы умственному труду.

Въ романѣ *Что дѣлать?* одно изъ немногочисленныхъ лирическихъ отступленій посвящено идеѣ развитія. Авторъ, рисуя отдаленныя перспективы всеобщаго счастья, обращается къ своимъ читателямъ:

«Поднимайтесь изъ вашей трущобы, поднимайтесь, это не такъ трудно, выходите на вольный бѣлый свѣтъ, славно жить на немъ и путь легокъ и заманчивъ, попробуйте: развитіе, развитіе. Наблюдайте, думайте, читайте тѣхъ, которые говорятъ вамъ о чистомъ наслажденіи жизнью, о томъ, что человѣку можно быть добрымъ и счастливымъ. Читайте ихъ—ихъ книги радуютъ сердце, наблюдайте жизнь—наблюдать ее интересно, думайте—думать завлекательно. Только и всего. Жертвъ не требуется, лишній не спрашивается—ихъ не нужно. Желайте быть счастливыми—только, только это желаніе нужно. Для этого вы будете съ наслажденіемъ заботиться о своемъ развитіи: въ немъ счастье. О, сколько наслажденій развитому человѣку! Даже то, что другой чувствуетъ какъ жертву, горе, онъ чувствуетъ, какъ удовлетвореніе себѣ, какъ наслажденіе, а для радостей какъ открыто его сердце и какъ много ихъ у него! Попробуйте:—хорошо» ²⁰²⁾!

Это личная исповѣдь автора. Чернышевскій другого наслажденія, кромѣ *развитія*, не зналъ всю жизнь. Ту же идею усвоить и другіе новые люди. Они будутъ неустанно восторгаться: развитіе—такая же естественная потребность человѣка, какъ пища и питье. Сущность человѣческой природы трудно опредѣлить кратко и точно, но одно несомнѣнно—ея способность къ развитію. Это основа и первоисточникъ всей нравственной жизни ²⁰³⁾.

И Чернышевскій работалъ неустанно, не взирая ни на какія внѣшнія условія, работалъ дома, въ семинаріи, въ университетѣ, въ ссылкѣ, въ Вилуйскѣ, въ Астрахани и, наконецъ, въ томъ же Саратовѣ, и умеръ, окруженный работой, не мѣняя своей замкнутой жизни, до послѣдней минуты не утрачивая вѣры въ плодотворность развитія и полагая всѣ свои силы на помощь ему въ своемъ отечествѣ.

Какой умственный капиталъ могъ собрать подобный работникъ! И Чернышевскій собралъ. Есть извѣстіе, будто бы еще студентомъ петербургскаго университета увлекся матеріалистическими идеями и собирався «мѣрить и вѣсить мозги» ²⁰⁴⁾. Это не суще-

²⁰²⁾ *Что дѣлать?* XXX, *Соврем.* 1863, апрѣль, стр. 526.

²⁰³⁾ Добролюбовъ. Сочиненія, III, стр. 546.

²⁰⁴⁾ *Р. Архивъ.* 1890. I, 559. Эти воспоминанія (Ив. Палимсестова) называли энергическія возраженія (Ф. Духовникова). *Р. Стар.* 1890, т. 67. Они, несомнѣнно, внушены извѣстной «блгонамѣренной» тенденціей и многія, можетъ быть, и достовѣрныя данныя стараются окрасить въ болѣе яркій цвѣтъ.

ственно. Гораздо важнее—изумительная энциклопедическая ученость, обнаруженная Чернышевским в первых же литературных статьях и чисто-религиозная вера в человека и силу добра и разума.

По окончании историко-филологического факультета в 1850 году Чернышевский был оставлен при университете, но по просьбе матери переехал в следующем году в Саратов и стал учителем местной гимназии. Товарищи оказались людьми допотопной формации, в саратовском обществе нашлось всего два-три интеллигентных живых человека. Единственным утешением оставались книги да еще пристальное человеческое руководство умственной работой учеников. После женитьбы и по смерти матери, событий почти одновременных, Чернышевский переселился в С.-Петербург, пробыл недолго учителем кадетского корпуса, и навсегда покончил с педагогической деятельностью.

Но учительский опыт должен был принести большую пользу писателю, поставившему себе целью развитие *новых людей*. Он воочию мог видеть, кого, чему и как предстояло учить. Психология молодежи—важнейшая наука, завоеванная Чернышевским, и настоятельнейшая именно для публициста шестидесятых годов. Чтобы подойти к этой психологии и овладеть ею, Чернышевскому не стоило никаких усилий. Он сам был юношей по непоколебимому оптимизму и неисчерпаемой энергии своей натуры. Он усвоил себе и настоящую философию молодости, веру в естественную правду, в прекрасную сущность природы, в величие науки. Эта вера, мы знаем, подсказала ему материалистическую страсть, но она же внушила ему и его последователям, столь же юным и сильным, ряд действительно вдохновляющих и жизненных идей.

Мы попадаем будто в раннюю весеннюю атмосферу XVIII-го века, преисполненную светлых надежд и героической любви к человеку, к текущему периоду его истории и еще более блестящему будущему.

На русскую жизнь только что повяло еще слабое дыхание тепла, еще только 1856 годъ, а наш писатель уже говорит о «нашемъ благородномъ времени, благородномъ и прекрасномъ, не смотря на всѣ остатки ветхой грязи... Оно всѣ силы свои напрягаетъ, чтобы омыться и очиститься отъ послѣднихъ грѣховъ. Правда, есть и тѣни, но онѣ—результаты злосчастныхъ обстоятельствъ, внѣшнихъ давленій. Въ дѣйствительности «огромное большинство людей всегда имѣетъ склонность къ доброжелательству и правдѣ». Даже мошенники-купцы у Островскаго исключенія:

«огромное большинство нашихъ купцовъ» обладаютъ всѣми добрыми качествами, какія свойственны русскому народу ²⁰⁵).

Вы, пожалуй, усмотрите противорѣчіе въ этихъ похвалахъ и въ провозглашеніи эгоизма, какъ единственной управляющей силы въ природѣ. Противорѣчія нѣтъ. Природа сама по себѣ «благое божество», и все *естественное*, все что натура—все то благо. Эгоизмъ также. Это ясно. Послушайте перваго ученика нашего учителя. Всякій, кто заботится о своемъ развитіи, не выноситъ стѣсненій. Съ этимъ «естественнымъ требованіемъ» сливается «естественное сознаніе», что и ему—человѣку—не надо посягать на права другихъ и вредить чужой дѣятельности. Такимъ путемъ эгоизмъ для себя становится «гуманными чувствами» для другихъ.

И Добролюбовъ этотъ культъ естественнаго, натуры и непосредственности внесетъ въ свое толкованіе литературныхъ явленій. Катерина Островскаго будетъ превознесена надъ всѣмъ русскимъ обществомъ шестидесятыхъ годовъ ради дѣйствующей въ ней *натуры*. Рѣчь восхищеннаго критика безпрестанно будетъ напоминать гимны Руссо во славу «естественнаго человѣка» и его проклятія извращенной цивилизаціи. Да, почти буквально. Мы услышимъ о «тощихъ и чахлыхъ вырожденкахъ неудавшейся цивилизаціи», насмѣшливое заключеніе на счетъ «азарта высокихъ ораторовъ правды въ пользу идеи» и вообще «отвлеченныхъ вѣрованій, образа мыслей, принциповъ», и намъ постараются явить во всемъ блескъ «влеченіе натуры безъ отчетливаго сознанія», «силу естественныхъ стремленій», «жизненную необходимость натуры», «глубину организма»... ²⁰⁶.

Мы увидимъ въ послѣдствіи, въ какую смуту противорѣчій завлекла нашего психолога религія натуры, но въ ней есть и безусловно здоровое зерно. Оно открыто еще Чернышевскимъ и усвоено всѣми публицистами шестидесятыхъ годовъ, за исключеніемъ Писарева. :

Гдѣ природа, какъ нравственный принципъ, тамъ непремѣнно является народъ, какъ политическая сила. Такъ было у философовъ прошлаго вѣка, тоже съ точностью повторилось у насъ. Шестидесятники—демократы и народники не по чувствительности сердца, а по принципамъ философіи и нравственности. Народъ стоитъ ближе къ природѣ и дѣйствительности, его свѣдѣнія глубже, мысль яснѣе, чѣмъ у высшихъ классовъ и даже у людей ученыхъ, онъ можетъ сообщить имъ много новаго и имъ недоступнаго. Прогрессъ заключается въ гражданскомъ развитіи народа, въ его борьбѣ съ людьми исключительнаго политическаго положенія. И

²⁰⁵) Критич. статьи, 288, 331, 333,

²⁰⁶) Добролюбовъ, III, 346, 440, 497, 505 etc.

Чернышевскій, напишетъ цѣлый рядъ статей по новѣйшей исторіи Франціи для доказательства этой мысли.

Мы видѣли, какая оторопь охватила просвѣщенныхъ историковъ благороднѣйшаго образа мыслей, вроде Грановскаго, предъ поступательнымъ движеніемъ демократіи. Шестидесятники поймутъ смыслъ явленія, и первый Чернышевскій представитъ въ должномъ свѣтѣ буржуазный либерализмъ, раскроетъ мертвую эгоистическую политику Гизо и доктринеровъ и объяснитъ русскимъ читателямъ, въ какія горькія заблужденія вводитъ людей наивныхъ «превазорное слово—либерализмъ».

Выяснить истинный смыслъ программы и дѣятельности французскихъ либераловъ и разсѣять ореолъ свободы и прогресса, окружающій ихъ въ глазахъ громаднаго большинства зрителей, было бы немалой заслугой публициста даже гораздо позднѣйшаго времени, не только въ шестидесятыхъ годахъ.

Чернышевскій не открывалъ ни новыхъ фактовъ, ни новыхъ истинъ. Онъ въ общихъ чертахъ повторялъ старую критику сенъ-симонистовъ противъ политическаго либерализма, доказывалъ вслѣдъ за ними, какъ естественно конституціонныя права обращаются въ привилегіи высшихъ классовъ и какъ трудно осуществлять политическую свободу низшимъ при экономической зависимости.

Но это не значитъ, будто эти права и не стоитъ давать народу раньше экономического освобожденія. Совсе нѣтъ. Демократія, являясь на сцену политическимъ дѣятелемъ, обнаруживаетъ свои недостатки—невѣжество, зависимость и, слѣдовательно, ставитъ рѣшительный вопросъ о своемъ ближайшемъ будущемъ. Когда поселяне начали пользоваться правомъ голоса, всѣмъ стало ясно, что лежало въ основѣ злополучныхъ событій французской исторіи. Богѣзнь была тайная и безъ вѣдома политиковъ изнуряла организмъ. Теперь честные люди поймутъ, что необходимо тщательно заняться воспитаніемъ народа, иначе всѣ либеральныя усилія останутся безплодными.

Чернышевскій даже готовъ отрицать всѣ заслуги за либералами и смѣяться надъ ихъ заботой о свободѣ печати, о свободѣ выборовъ, о національной гвардіи ²⁰⁷).

Это опять увлеченіе, а, можетъ быть, и не достаточно полное знакомство съ исторіей либеральной партіи. Относительно, напри- мѣръ, свободы печати она менѣе всего заслуживаетъ насмѣшекъ. Одинъ изъ даровитѣйшихъ вождей либерализма Бенжамэнъ Констанъ правотѣрный либералъ и горячій защитникъ пенза, всѣми си-

²⁰⁷) *Соврем.* 1860, апрѣль, 345. *Борьба партій во Франціи при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X*, августъ и сентябрь 1858 года. *Іюльская монархія.* 860, январь, 265—6. *Кавеньякъ.* Январь и мартъ, 18 58.

лами своего краснорѣчія отстаивалъ свободу печатнаго слова и одинъ изъ главныхъ его аргументовъ—право печати контролировать отношенія труда и капитала и служить органомъ эксплуатируемаго пролетаріата. И самъ Чернышевскій понималъ, что свобода печати, при нынѣшнемъ состояніи западно-европейскихъ обществъ, становится обыкновенно средствомъ для демократической пропаганды. Что Гизо ополчался на свободу слова и въ то же время числился либераломъ, нисколько не опровергаетъ факта.

А потомъ либералы вовсе не смѣшны въ своей борьбѣ съ бурбоиской реставраціей. Нельзя одинаково судить о нихъ, и въ то время, когда они представляли оппозицію и когда явились правительственной партіей. Классовый эгоизмъ и даже сочувствіе реакціи развились послѣ побѣды, а до нея либеральные буржуа все-таки стоятъ выше и дѣйствуютъ благороднѣе, чѣмъ феодальные сеньоры.

Но это второстепенныя частности, въ главномъ Чернышевскій представилъ исторически-вѣрную картину отношеній либерализма къ социальнымъ вопросамъ и буржуазіи къ демократіи. Выводъ получился совершенно опредѣленный: воспитаніе народа—первѣйшая необходимость культурнаго общества.

Это—основной догматъ шестидесятниковъ, и онъ первоисточникъ ихъ литературныхъ воззрѣній.

Всякій человѣкъ прежде всего гражданинъ, а потомъ специалистъ какого-либо дѣла, поэтъ, публицистъ, ученый, философъ. А быть гражданиномъ въ наше время, значить содѣйствовать благосостоянію гражданъ, а не сословія и класса, т. е. быть демократомъ. Каждый долженъ быть *полезенъ* умственному развитію и матеріальному прогрессу народа. Эта мысль высказана Чернышевскимъ въ одной изъ самыхъ раннихъ его статей, еще въ *Отечественныхъ Запискахъ* и неуклонно развивалась во всей его критикѣ. Обширная монографія о Лессингѣ переполнена намеками на положеніе русской литературы, будто авторъ даже нарочно съ этой цѣлью взялъ свою тему. И здѣсь именно онъ многократно настаиваетъ на неразрывной связи писателя съ народомъ.

Устами поэтовъ и литераторовъ высказываются надежды и требованія народа. «Языкъ данъ человѣку не для стихотворнаго или педантическаго пустословія: писатель долженъ быть органомъ желаній своего народа, его руководителемъ и защитникомъ»²⁰⁹).

Чернышевскій указываетъ и путь сближенія литературы съ народомъ. Его указанія—развитіе мыслей Бѣлинскаго о психо-

²⁰⁸) О поэзіи, сочин. Аристотеля, переводъ Ордынскаго, *Отеч. Записк.* 1854, IX.

²⁰⁹) Лессингъ, его время, его жизнь и дѣятельность. *Эстетика и поэзія* Спб. 1893, стр. 292, 307.

логиі русскаго мужика. Настаивая на интеллигентной и просвѣщенной народной литературѣ, Бѣлинскій требовалъ простоты отношеній къ народу, безпощадно издѣвался надъ славянофильскими прибауточными и искусственно-идиллическими издѣліями, надъ барскимъ ухаживаніемъ за мужичкомъ, надъ младенческой идеализаціей его быта и натуры. Мужикъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ нормальные люди: у него много природнаго ума, много разумнаго чутія и онъ отлично понимаетъ всякую фальшь и поддѣлку ²¹⁰⁾.

Чернышевскій столь же энергично возстаеъ противъ «прѣсной лживости, усиливающейся идеализировать мужиковъ». У мужика такая же человѣческая природа, какъ и у людей всякаго другого сословія. Его добродѣтели и пороки вполне соотвѣтствуютъ нравственнымъ качествамъ просвѣщенныхъ господъ, и совершенная бессмыслица подводить мужиковъ подъ одинъ типъ, какъ нѣкихъ дикарей ²¹¹⁾.

А достигнуть этой цѣли—значить основательно изучить дѣйствительность, познакомиться съ реальными фактами. Поэтъ долженъ много *знать* и поэзія должна стоять наравнѣ съ *наукой*, по своей *полезности*. Умственная дѣятельность, слѣдовательно, не менѣе важна, чѣмъ талантъ, даже болѣе. Это доказывается и литературой, и повседневной жизнью.

Наблюдая факты, Чернышевскій дошелъ до слѣдующаго убѣжденія:

«Я почти никогда не нахожу нужды приписывать какому-нибудь дурному намѣренію человѣка поступокъ, который считаю за нехорошій. Я прежде всего смотрю на умъ человѣка; и если онъ поступилъ дурно, то почти всегда нахожу я достаточное объясненіе тому, просто въ недостаткѣ силы соображенія у этого человѣка» ²¹²⁾.

Другими словами, въ недостаткѣ развитія, не учености, а природнаго ума, воспитаннаго непосредственными столкновеніями съ дѣйствительностью. Для шестидесятника это существенная разница: *самобытный* умъ и мудрость, почерпнутая изъ книги, заимствованная у чужого авторитета и не провѣреннаго личной работой. Рахметовъ не желаетъ даже и въ руки брать *не-самобытной* книги, насколько онъ строгъ по этой части, показываетъ его безнадѣжный приговоръ надъ Маколеемъ, Ранке, Гервинусомъ, о Тьерѣ и Гизо нечего и толковать. Все это—«глоскутъя». И ему достаточно четверти часа, взглянуть на разныя страницы, чтобы рѣшить вопросъ. Для самого Чернышевскаго требуется иногда всего «двѣ строки», чтобы бросить книгу, не читая ²¹³⁾.

²¹⁰⁾ *Сочиненія*. VI, 421. IX, 164.

²¹¹⁾ *Критич. статьи*, 367, 382.

²¹²⁾ *Полемич. красоты*. Коллекція вторая.

²¹³⁾ *Соврем.* 1863. апрѣль, 485, 493. *Антроп. принц.* 1860, апр., 325—9.

Такъ велика ненависть этихъ людей къ компиляторамъ и рабамъ чужой мысли! Добролюбовъ безпрестанно будетъ убѣждать своихъ читателей «сохранить личную самостоятельность противъ всякаго авторитета, свою внутреннюю нравственность противъ всякихъ виѣшнихъ внушеній» и никогда ни предъ кѣмъ и предъ чѣмъ не отречься отъ своей воли и ума. «Всякій, кто поступаетъ противъ внутренняго своего убѣжденія, поступаетъ безчестно и подло, всякій, потерявшій силу свободнаго самостоятельнаго дѣйствія, есть жалкая дрянь и тряпка, и только напрасно позорить свое существованіе» ²¹⁴).

Это чрезвычайно сильно и въ міросозерданіи шестидесятниковъ воплоѣ естественно. Если природа человѣка и его самобытность основа его нравственной свободы и умственнаго развитія, очевидно, рабство и всевозможные духовные и практическіе недуги являются извнѣ, подъ вліяніемъ *среды*. Отсюда, неуклонная настойчивость шестидесятниковъ въ вопросѣ о вліяніяхъ и обстоятельствахъ. Имъ не надо было непременно проникаться воззрѣніями Бокля на могущество природы и вообще виѣшняго міра на психологію и исторію человѣка. То же убѣжденіе логически вытекаетъ изъ извѣстнаго представленія о *натурѣ*. Руссо историческаго человѣка сравнивалъ съ прекраснымъ античнымъ произведеніемъ, занесеннымъ грязью, пылью и иломъ. Такова же сущность и философія шестидесятниковъ.

Эта философія, мы видѣли и увидимъ дальше, вовлекала нашихъ публицистовъ въ безвыходныя противорѣчія, но она вознесла на небывалую высоту принципъ личной оригинальности и естественной самобытности. Никто ожесточеннѣе шестидесятниковъ не преслѣдовалъ всякаго рода схоластику, профессиональную узость и нетерпимость мысли, исконное невѣжество, самообольщеніе и надутую притязательность цеховыхъ спеціалистовъ.

«Не мѣшаетъ иной разъ умному человѣку взглянуть на дѣло подобно намъ, свистунамъ, то-есть, безъ самоуниженія передъ вздоромъ» ²¹⁵).

Такъ писалъ Чернышевскій по поводу необузданныхъ домьсловъ филологовъ-фанатиковъ, и сколько разъ «свистуны» были какъ нельзя болѣе на мѣстѣ въ борьбѣ съ безсмысленнымъ жреческимъ священнодѣйствіемъ и тупоумной притязательностью подвижниковъ заугольной учености! Сколько разъ блестящее умное и простое слово публициста нахлобучивало колпакъ на мѣдное чело книгоѣда, разоблачая тунейдство и шарлатанство его величественныхъ аллюрѣ! И какъ еще много пройдетъ времени,

²¹⁴) Сочиненія. III, 248, II, 51, 346 etc.

²¹⁵) Полемич. красоты. Коллекція вторая.

раньше чѣмъ это искусство «свистуновъ» станетъ излишнимъ въ дѣлѣ общественнаго развитія и народнаго просвѣщенія!

Несомнѣнно, и здѣсь свистуны могли впадать и дѣйствительно впадали въ крайности и, напримѣръ, въ лицѣ Писарева брались толковать о предметахъ невидимыхъ и во всякомъ случаѣ основательно изученныхъ. Мы увидимъ, свистуны немедленно и платились за свое геройство. Но Чернышевскій, съ его дѣйствительной ученостью и самообычнымъ умомъ, устроилъ не мало цѣлительныхъ для публики душей холодной воды надъ головами дипломированныхъ ученыхъ. То же самое можно сказать о Добролюбовѣ, и самый принципъ независимости здраваго смысла и жизненнаго умственного развитія предъ самой внушительной книжной ученостью долженъ остаться прочнымъ достояніемъ русскаго общества и всякаго молодого умственного дѣятеля.

Мы видимъ, въ какой неразрывной логической связи слѣдовали руководящія принципы публицистики шестидесятыхъ годовъ. На противоположныхъ концахъ этой цѣпи стоятъ идеи — на одномъ природа и естественное развитіе, на другомъ — писатель-гражданинъ и руководитель общества. И мы снова повторяемъ, эта цѣль и эти звѣнья — основныя культурныя явленія всѣхъ преобразовательныхъ эпохъ. Стоическія опредѣленія философа ²¹⁶⁾ — *paedagogus generis humani, artifex vitae*, — *воспитатель человеческого рода, устроитель жизни* — соотвѣтствуютъ излюбленному вольтеровскому сравненію писателя-энциклопедиста съ *апостоломъ*. Мы знаемъ, первоучитель шестидесятниковъ выразилъ сущность того же воззрѣнія, основалъ на немъ свое эстетическое ученіе, т. е. всю критику шестидесятыхъ годовъ.

XXX.

Въ «Современникѣ» въ 1864 году было объявлено: «Возрожденіе нашей литературы началось, какъ извѣстно, съ 1855 г.» ²¹⁷⁾. Въ этомъ году Чернышевскій сталъ сотрудникомъ *Современника*, одновременно выпустилъ диссертацию: *Эстетическія отношенія искусства къ действительности* и превратился въ перваго критика журнала. Но уже въ слѣдующемъ году въ журналѣ появляется Добролюбовъ, къ нему постепенно переходитъ литературная критика, Чернышевскій пишетъ или чисто-публицистическія статьи, или ограничивается историческими и политико-экономическими работами. Такимъ образомъ, главнѣйшій вкладъ Чернышевскаго въ критику шестидесятыхъ годовъ — его диссертация и его же статья

²¹⁶⁾ Seneca. *Epistolae morales*. Lib. XVIII, ep. V; Lib. XIV, ep. I, II.

²¹⁷⁾ Совр. 1884, февр.

объ этой диссертациі, излагавшая и дополнявшая ея положенія²¹⁸⁾. Эта статья гораздо меньше книги, но по содержанію важнѣе ея и для читателя поучительнѣе: авторъ извлекъ изъ книги все существенное и присоединилъ нѣкоторые поправки и поясненія.

Эстетика Чернышевскаго успѣла выясниться раньше диссертациі въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Въ рецензіи на русскій переводъ аристотелевскаго сочиненія *О поэзіи* Чернышевскій напалъ на идеалистическую эстетику, требующую отъ искусства «идеаловъ» и увижающую «дѣйствительность». Здѣсь же обнаружился и философскій первоисточникъ личныхъ взглядовъ автора, — нападки Платона на искусство. Платонъ обвинялъ его въ бѣдности, слабости, безполезности, ничтожествѣ, и нашъ авторъ находитъ эти обвиненія «во многомъ справедливыми и благородными». Авторъ съ видимымъ удовольствіемъ излагаетъ платоновское дѣленіе искусствъ на производительныя и подражательныя. Одни — земледѣліе, ремесла, медицина — заслуживаютъ полнаго уваженія, другія неизмѣримо ниже ихъ. Они «не даютъ человѣку ничего, кромѣ обманчивыхъ, ни въ какое употребленіе не годныхъ копій съ дѣйствительныхъ предметовъ». Ихъ можно приравнять къ парикмахерскому и поварскому искусству. Они стараются только забавлять. Они служатъ къ пріятному, но безполезному препровожденію времени.

Чернышевскій напоминаетъ, что и Руссо также смотрѣлъ на изящныя искусства и «знаменитый нѣмецкій педагогъ» Кампе говорилъ: «выпрясть фунтъ шерсти полезнѣе, нежели написать томъ стиховъ». Авторъ не сомнѣвается, что «многія» изъ обличеній Платона вполне примѣнимы и къ современному искусству. Онъ убѣжденъ, «искусство для искусства» мысль странная, все равно, какъ «богатство для богатства», «наука для науки». «Всѣ чело-вѣческія дѣла должны служить на пользу человѣку». И онъ безжалостно издѣвается надъ защитниками искусства, будто оно смягчаетъ сердце и облагораживаетъ душу. Правда, изъ картинной галлерей или театра человѣкъ выходитъ добрѣе и лучше, по крайней мѣрѣ на полчаса, пока не разлетѣлось эстетическое довольство. Но вѣдь и послѣ сытнаго обѣда человѣкъ встаетъ снисходительнѣе и добрѣе. Критикъ обличенія Платона дополняетъ чрезвычайно краснорѣчивымъ сравненіемъ: «сидѣнье на завалинѣ (у поселянъ) или вокругъ самовара (у горожанъ) больше развило въ нашемъ народѣ хорошаго расположенія духа и добраго расположенія къ людямъ, нежели естъ произведенія живописи, начинающія съ лубочныхъ картинъ до *Послѣдняго дня Помпеи*».

Это вполне опредѣленно. Искусство должно приносить совер-

²¹⁸⁾ Неподписанная рецензія. *Соврем.* 1855, іюнь, подпись Н. П.—а.

пенно осязательную пользу, иначе оно недостойная забава и тунеядство. И критикъ указываетъ, какую именно пользу поэзія должна распространять въ массѣ читателей свѣдѣнія и понятія, вырабатываемыя наукой, перечекаивать въ ходячую монету тяжелый слитокъ золота, выловленный наукой. *Поэзія—распространительница знаній и образованности*, только на этомъ условіи она можетъ быть одобрена и допущена.

Эти взгляды высказаны въ 1854 году, а годъ спустя появилась диссертация. Ученой степени, по волѣ высшаго начальства, Чернышевскій не получилъ, но сторицей былъ вознагражденъ популярностью книги. Новаго послѣ только установленныхъ принциповъ она ничего не могла дать и приводила только прежнія отрывочныя замѣчанія въ систему.

Цѣль автора—примѣнить общія воззрѣнія новаго времени къ эстетическимъ вопросамъ. А эти воззрѣнія ничто иное, какъ «апологія дѣйствительности сравнительно съ фантазіею». Въ наукѣ метафизика должна уступить мѣсто опытной науцѣ, въ искусствѣ дѣйствительность должна устранить все фантастическое. Сущность эстетическаго трактата опредѣляется ясно: «доказать, что произведенія искусства рѣшительно не могутъ выдержать сравненія съ живою дѣйствительностью» ²¹⁹). И авторъ подробно объясняетъ, до какой степени безсильна фантазія и, слѣдовательно, искусство создать что-либо прекраснѣе и совершеннѣе дѣйствительныхъ явленій жизни.

«Прекрасное есть жизнь», а не воображаемый идеалъ, какъ думаетъ старая эстетика. Мысль эта, повидимому, противорѣчитъ общественнымъ фактамъ. Люди безпрестанно мечтаютъ о совершенствѣ, объ идеальной красотѣ, желаютъ чего-то болѣе возвышеннаго, чѣмъ существующая дѣйствительность. Эти желанія, разъ они ничѣмъ не удовлетворяются, слѣдуетъ признать болѣзненными, а что касается образовъ фантазіи, стоитъ приглядѣться къ нимъ, и непременно обнаружится, что они нисколько не лучше реальныхъ лицъ. Наконецъ, фантазія и желанія у здороваго человѣка разыгрываются только при отсутствіи удовлетворительной дѣйствительности. Напримѣръ, въ сибирскихъ тундрахъ еще можно мечтать о садахъ изъ *Тысячи одной ночи*, но, напримѣръ, въ небогатомъ, но порядочномъ саду въ Курской или Киевской губерніи эти мечты навѣрное исчезнутъ ²²⁰).

Факты, слѣдовательно, согласны съ выводами современной науки, признающей высокое превосходство дѣйствительности надъ мечтою.

²¹⁹) *Эст. отнош. искусства къ дѣйств.* Заключение.

²²⁰) *Пб.* изданіе 1864 года, стр. 6—7, 52. Рецензія. *Соврем.* 1855, VI.

Очевидно, старая теорія «творчества» несостоятельна. Силы творческой фантазіи очень ограниченны. «Она можетъ только комбинировать впечатлѣнія, полученныя изъ опыта; воображеніе только разнообразить и экстенсивно увеличиваетъ предметъ, но интензивнѣе того, что мы наблюдали или испытали, мы ничего не можемъ вообразить. Я могу представить себѣ солнце гораздо больше по величинѣ, нежели каково оно въ дѣйствительности, но ярче того, какъ оно являлось мнѣ въ дѣйствительности, я не могу его вообразить» ²²¹).

Чернышевскій примѣняетъ это соображеніе къ поэтическому созданію типовъ. Обыкновенно думаютъ, будто поэтъ наблюдаетъ множество отдѣльных личностей, подмѣчаетъ у нихъ рядъ общихъ типическихъ чертъ, отбрасываетъ все частное и соединяетъ въ одно художественно-цѣлое.

Такъ, дѣйствительно, говорятъ не только эстетики, но и сами художники. Напримѣръ, Тургеневъ, признавалъ, что онъ въ своемъ творествѣ «никогда не отправлялся отъ *идей*, а всегда отъ *образовъ*», а за недостаткомъ *образовъ*, ему приходилось сидѣть сложа руки. Будто бы онъ даже опредѣлялъ количество необходимыхъ для него знакомствъ—для изученія чертъ извѣстнаго характера, именно до пятидесяти. При окончательномъ воспроизведеніи типа писатель непремѣнно нуждается въ «живомъ лицѣ», какъ исходной точкѣ, напримѣръ, рисуя Базарова, онъ представлялъ себѣ личность нѣкоего молодого врача.

Эти признанія не противорѣчатъ разсужденіямъ Чернышевскаго, но и въ томъ и въ другомъ случаѣ отнюдь нельзя сдѣлать логическаго вывода, будто дѣйствительность, въ данномъ случаѣ, реальное лицо, выше художественнаго образа. Безспорно, художникъ не можетъ отрѣшиться отъ впечатлѣній дѣйствительности, иначе онъ рискуетъ впасть въ сочинительство и чудовищность. Но это не значитъ, будто онъ ограничивается точнымъ воспроизведеніемъ «индивидуальныхъ личностей», т. е. «портретами съ живыхъ людей». Тургеневъ, несомнѣнно, протестовалъ бы, если бы читатели его Базарова отождествили съ его знакомымъ врачомъ. Въ Базаровѣ нашлись бы черты, отсутствовавшія въ личности врача, и художникъ достигъ полной гармоніи, Базаровъ не вышелъ «эклептическимъ существомъ», т. е. уродомъ, составленнымъ изъ частей разныхъ лицъ. Чернышевскій справедливо смѣется надъ подобнымъ процессомъ, достойнымъ гоголевской героини, но это не тотъ процессъ, какимъ создаются типы. Они—не портреты, романъ не мемуары, біографія героя не исторія. Чернышевскій именно всѣ эти понятія отождествляетъ, но

²²¹) *Иб.*, стр. 87—8.

противъ него вопіетъ ежедневный опытъ и писателей, и публики, и простой здравый смыслъ. Всякій знаетъ, какая разница даже между фотографіей и художественно-исполненнымъ портретомъ. Тѣмъ, не менѣе стремительный реалистъ, чѣмъ нашъ критикъ, находилъ, что иной портретъ историческаго лица стѣбитъ груды документовъ. Тѣмъ, по обыкновенію, схватился за истину такъ, что немедленно перевернулъ ее внизъ головой, но сущность мысли—вѣрна. Стѣбитъ только побывать въ галлерейхъ старинной живописи, чтобы вынести чрезвычайно яркое представленіе о самыхъ сложныхъ историческихъ эпохахъ.

Очевидно, даже въ портретахъ-картинахъ заключается нѣчто большее, чѣмъ индивидуальныя черты отдѣльныхъ личностей.

Весь процессъ творчества Чернышевскій готовъ свести къ «пониманію, способности отличать существенныя черты отъ неважныхъ». Самъ критикъ, несомнѣнно, обладалъ этими качествами, почему же онъ написалъ такой плохой романъ? Почему его идеальный «новый человѣкъ»—«свирѣпый» Рахметовъ выпелъ куклой, чрезвычайно пышно убранной многочисленными кричащими ярлыками, но совершенно мертвой и механической? А вѣдь, кажется, рука автора «направлялась живымъ смысломъ» и умомъ, конечно, не уступавшимъ уму даже большихъ художниковъ.

Очевидно, психологія художника и вопросъ о творествѣ несравненно сложнее, чѣмъ представляетъ авторъ. Мы могли бы не настаивать на этой истинѣ, если бы она не оказала губительнаго вліянія на послѣдователей Чернышевскаго. Самъ онъ обладалъ слишкомъ крѣпкимъ здравымъ смысломъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ художниковъ приравнять къ копировальщикамъ и искусство къ парикмахерству. Онъ только представилъ извѣстные запросы художникамъ и ихъ талантамъ, но на самое ихъ существованіе не посягнулъ, не дошелъ до отрицанія художественнаго таланта, какъ явленія природы. Этотъ подвигъ будетъ совершенъ Писаревымъ, и мы видимъ по вдохновенію Чернышевскаго. Онъ поставилъ своего юнаго ученика на предательскій путь—мнимо-реальнаго воззрѣнія на тупность художественнаго творчества и толкнулъ его на такіе же фантастическіе выводы, къ какимъ пришелъ самъ въ общихъ философскихъ понятіяхъ матеріализма. Это существенная отрицательная черта книги Чернышевскаго. Ее миновали многочисленные критики, съ ожесточеніемъ нападавшіе на новую эстетику. Они привязались какъ разъ къ тѣмъ идеямъ Чернышевскаго, какія являлись продолженіемъ критики Бѣлинскаго, и дѣйствительно оживляли и возрождали современную заиндевѣвшую библіографію и шаблонное рецензентство.

Отечественныя Записки усиливались доказать «самую дорогую самую близкую» для нихъ «истину»: «правственное чувство есть

то же, что чувство эстетическое, примѣненное только къ дѣйствительной жизни», «чувство эстетическое и гуманное чувство находятся въ неразрывной связи другъ съ другомъ» ²²²).

Аполлонъ Григорьевъ также фанатически держался этой истины, но уже Шиллеръ блистательно успѣлъ ее разбить, самъ Шиллеръ, прекраснѣйшій поэтъ классической и романтической красоты!

Эдельсонъ, издавшій цѣлую книгу противъ критики шестидесятихъ годовъ, также открылъ въ Чернышевскомъ безумнаго врага искусства именно потому, что онъ требовалъ отъ искусства пользы. Критикъ разсчитывалъ поразить Чернышевскаго авторитетомъ Бѣлинскаго, высоко ставившаго поэзію и требовавшаго отъ нея только серьезнаго содержанія ²²³). Мы знаемъ, *какую* поэзію цѣнилъ Бѣлинскій и что значило для него серьезное содержаніе. Еще въ ранній періодъ онъ горевалъ, что находятся люди съ талантомъ, способные пѣть подобно птицамъ безотчетно и безучастно къ судьбѣ своихъ страждущихъ братій.

Чернышевскій развивалъ именно эту мысль, и нападенія его критиковъ доказывали только ихъ безнадежно-слѣпое пристрастіе къ «святой» старинѣ и «святому» искусству. Психологія творчества не нашла у Чернышевскаго достодолжнаго пониманія, но вопросъ, чѣмъ должно быть искусство, разрѣшенъ критикомъ побѣдоносно для всѣхъ его противниковъ—и современныхъ, и позднѣйшихъ.

XXXI.

«Языкъ человѣку данъ не для стихотворнаго или педантическаго пустословія», въ этой фразѣ вся *активная* эстетика Чернышевскаго, и она почерпнута у Бѣлинскаго. Великій критикъ идеальнымъ художникомъ считалъ талантъ, воспроизводящій дѣйствительность и силой своей творческой природы осмысливающій ее, т. е. одушевляющій свое произведеніе духомъ правды и высокихъ стремленій не подъ вліяніемъ отвлеченной мысли, не предвѣренно, а по внушеніямъ своей натуры.

Чернышевскій развиваетъ этотъ принципъ послѣдовательно и съ математической ясностью.

Область искусства, все интересное для человѣка въ жизни и природѣ, первое положеніе. Второе—назначеніе искусства, служить объясненіемъ воспроизводимыхъ явленій. Третье—если художникъ человѣкъ мыслящій, то его произведеніе непременно будетъ приговоромъ мысли о воспроизводимыхъ явленіяхъ. Въ

²²²) *Вопросъ объ искусствѣ*, Соловьева. От. Зап. 1865, іюнь, стр. 474.

²²³) *О значеніи искусства въ цивилизаціи*. Спб. 1867, стр. 8—10.

такомъ случаѣ искусство пріобрѣтаетъ значеніе *научное*, произведеніе художника становится *учебникомъ жизни*, и здѣсь значеніе его «неизмѣримо огромно», и искусство такая же «насушная потребность человѣка, какъ пища и дыханіе». Одинаково негѣпо ограничивать жизнь человѣка одною головою или однимъ желудкомъ: жизнь умственная и нравственная—«истинно-приличная человѣку» ²²⁴).

Чернышевскій говоритъ о своемъ сочиненіи, что оно «проникнуто уваженіемъ къ искусству». Это несомѣнно, только къ искусству просвѣтительному, «мыслящему», къ искусству содержательному и идейному. Его настойчивое возвышеніе дѣйствительности надъ искусствомъ нисколько не вредитъ достоинству искусства и не лишаетъ его самостоятельности и даже «неизмѣримо огромнаго значенія». Пусть только художникъ будетъ мыслителемъ и стоитъ на уровнѣ современной ему науки и передовыхъ общественныхъ стремленій. Желаніе не новое, оно еще высказывалось Вениковитиновымъ и легло въ основу всей критики Бѣлинскаго.

Но послѣдніе выводы одной и той же идеи оказались далеко не одинаковыми у Бѣлинскаго и его восторженного поклонника, и не одинаковыми у самого Чернышевскаго и его учениковъ. Мы знаемъ одинъ изъ первоисточниковъ этого преобразованія: превратное толкованіе творческаго процесса, другой—еще болѣе сильный, боевой характеръ всей новой литературы и особенно публицистики.

Въ атмосферѣ шестидесятыхъ годовъ трудно было сохранить идеальную послѣдовательность мысли, уравнивленную невозмутимую вѣрность какой-либо теоріи, если только она сама по себѣ не соответствовала кипучему настроенію молодого поколѣнія. До какой степени несовременными являлись мирныя созерцательныя и творческія добродѣтели, показываетъ примѣръ истинно-художественной и сильной натуры Писемскаго. Даже его шестидесятые годы превратили въ тенденціознѣйшаго публициста и внесли полный разгромъ въ эпическій строй его таланта. Чего же было ожидать отъ юной публицистики, воинственной по призванію, страстно отважныхъ по темпераменту и глубоко убѣжденной на основаніи житейскаго опыта и принциповъ своей философіи, что видъ общественныхъ и гражданскихъ интересовъ, можетъ царить только «злослышная и безпутная пошлость», что мужчина безъ чувствъ гражданина—даже не мужчина, а только существо мужескаго пола и что, наконецъ, и лучше не развиваться человѣку, нежели развиваться безъ вліянія мысли объ общественныхъ

²²⁴) *Эстетич. отношенія*, стр. 139, 141—2, 148.

дѣлахъ, безъ всякихъ чувствъ, пробуждаемыхъ участіемъ въ нихъ?» ²²⁵).

Это общее правило. Время, съ своей стороны, нахлынуло на литературу нескончаемыми запросами жизни и науки. Они до такой степени сложны и значительны, что, въ сущности, эстетика среди нихъ, дѣло совершенно второстепенное, и о ней даже можно бы и не говорить ²²⁶). Если и заходитъ рѣчь, то, конечно, не ради нея, а ради все тѣхъ же запросовъ, ради отношенія литературы къ нимъ.

Очевидно, искусство, волей-неволей, въ силу духа времени утрачиваетъ самодовлѣющій интересъ и становится въ подчиненное положеніе къ дѣйствительности, т. е. главный вопросъ о немъ сосредоточивается на его полезности для гражданскаго и научнаго развитія.

Къ этой цѣли и направится критика шестидесятыхъ годовъ, пройдетъ свой путь съ свойственной ей быстротой, въ нѣсколько лѣтъ достигнетъ полюса не только относительно теоріи искусства для искусства, но даже равныхъ идей Чернышевскаго. И самъ учитель пойдетъ впереди.

Мы видѣли, въ одной изъ первыхъ статей Чернышевскій успѣлъ написать совершенно опредѣленное предисловіе къ своей эстетикѣ, заявить непримиримую вражду къ эстетикѣ идеаловъ. Но отъ этихъ заявленій еще далеко до послѣдняго *реальнаго* момента критической эволюціи автора.

Въ 1855 году Чернышевскій начнетъ *Очерки голго夫скаго періода*: смыслъ ихъ въ популяризаціи статей Бѣлинскаго. Онѣ не собраны въ отдѣльное изданіе, современной публикой, можетъ быть, полузабыты и теперь являются во главѣ новаго движенія общественной мысли, хотя автора ихъ пока еще нельзя называть Сужденія Бѣлинскаго и его полемика съ разнаго сорта публицистами и профессорами положены въ основу историческаго обзора критики. Естественнo, очерки украшаются обширѣйшими выдержками изъ статей Бѣлинскаго и множествомъ фактовъ, дѣлающихъ честь авторской начитанности. Чернышевскій оказывалъ русской публикѣ великую услугу, вводя ее въ историческій ходъ критической мысли. Правда, онъ это дѣлалъ путемъ отдѣльныхъ эпизодовъ, не проводилъ связующей нити между идеями и направленіями, оцѣнивалъ заслуги отдѣльныхъ критиковъ и мало обращалъ вниманія на взаимную зависимость ихъ воззрѣній. Только Бѣлинскій прикинуть къ Надеждину и даже тѣснѣе, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Можно указать и другія неточности и пробѣлы:

²²⁵) Чернышевскій. *Критич. ст.*, 261—2.

²²⁶) *Соврем.* 1855, VI; *Крит. ст.*, стр. 253.

первая статья Бѣлинскаго не оцѣнена по достоинству, въ ней и въ его гегельянскихъ увлеченіяхъ не прослѣжены зачатки наступившаго вскорѣ новаго періода его критики ²²⁷). Но всѣ эти недостатки исчезаютъ предъ важностью всего дѣла. Западническая партія въ лицѣ Чернышевскаго выполнила задачу, съ которой тщетно возмущались славянофильскіе патріоты. Она дѣйствительно просвѣщала и поучала публику не декламаціями и пророчествами а фактами и исторіей. Эта задача такъ и останется лестной привилегіей «западниковъ», «прогрессистовъ», «либераловъ». Они дѣйствительно будутъ работать, не отступая предъ чернымъ трудомъ собиранія данныхъ и изученія документовъ. Въ теченіе какихъ-нибудь десяти лѣтъ они передадутъ публикѣ такую массу свѣдѣній, бросятъ въ чуткую среду молодыхъ читателей такое количество философскихъ идей и научныхъ выводовъ, что ихъ противникамъ придется или безнадежно опустить руки, или утѣшаться англійскимъ діалектомъ *Русскаго Вѣстника* и *Московскихъ Вѣдомостей*. И кто же виноватъ, если московскій *Athenaeum* предпочиталъ щеголять компиляціями Дружинина и туманнымъ сладкогласіемъ Анненкова въ то время, когда *Современникъ* давалъ превосходно написанныя статьи по всѣмъ животрепещущимъ наукамъ времени. И статьи отнюдь не партійныя, не полемическія. *Очерки изъ политической экономіи* Чернышевскаго, его тщательнѣйшая критика идей Милля, его монографіи по новой французской исторіи не утратили своего значенія до послѣдняго времени, и не мертвеннымъ, хотя и ученымъ, диссертациямъ Соловьева и не философскимъ экскурсамъ Юркевича было соревновать съ талантомъ одного изъ самыхъ блестящихъ публицистовъ своего времени, не только въ Россіи.

Очерки заканчивались рѣшительнымъ заявленіемъ, что Бѣлинскій остается «лучшимъ и современнымъ выраженіемъ» русской критики. Авторъ это доказываетъ большой статьей о Пушкинѣ.

Она преисполнена почтительныхъ чувствъ къ поэту. Онъ «благороднѣйшій человекъ», онъ «навсегда останется великимъ поэтомъ», но и умъ его равнялся таланту, а по образованности даже теперь въ русскомъ обществѣ найдется немного людей, равныхъ Пушкину. Это видно изъ бѣглыхъ отрывочныхъ замѣчаній Пушкина по разнымъ вопросамъ литературы—о народности, о нѣкоторыхъ писателяхъ, ихъ глубокой обдуманности его поэтическихъ произведеній. Значеніе его въ исторіи русской образованности не меньше, чѣмъ въ исторіи русской поэзіи. «Его произведенія могущественно дѣйствовали на пробужденіе сочувствія къ поэзіи въ массѣ русскаго общества, они умножили въ десять разъ число

²²⁷) *Очерки юголевскаго періода русской литературы*. Спб. 1893, стр. 228, 269.

людей, интересующихся литературою и черезъ то дѣлающихся способными къ воспринятію высшаго нравственнаго развитія» ²²⁸).

Чернышевскій будто предвосхищаетъ позднѣйшую войну своихъ послѣдователей съ Пушкинымъ и старается установить правильную точку зрѣнія на поэта,—заботливость въ высшей степени важная и для вождя шестидесятниковъ краснорѣчивая:

«Говоря о значеніи Пушкина въ исторіи развитія нашей литературы и общества, должно смотрѣть не на то, до какой степени выразились въ его произведеніяхъ различныя стремленія, встрѣчаемыя на другихъ ступеняхъ развитія общества, а принимать въ соображеніе настоятельнѣйшую потребность и тогдашняго, и даже нынѣшняго времени,—потребность литературныхъ и гуманныхъ интересовъ вообще. Въ этомъ отношеніи значеніе Пушкина неизмѣримо велико. Черезъ него разлилось литературное образованіе на десятки тысячъ людей, между тѣмъ какъ до него литературные интересы занимали немногихъ. Онъ первый возвелъ у насъ литературу въ достоинство національнаго дѣла, тѣмъ какъ прежде она была, по удачному заглавію одного изъ старинныхъ журналовъ *Пріятнымъ и полезнымъ препровожденіемъ времени* для тѣснаго кружка дилеттантовъ. Онъ былъ первымъ поэтомъ, который сталъ въ глазахъ всей русской публики на то высокое мѣсто, какое долженъ занимать въ своей странѣ великій писатель. Вся возможность дальнѣйшаго развитія русской литературы была приготовлена и отчасти еще готовится Пушкинымъ» ²²⁹).

Эти мысли Чернышевскій не считаетъ своими. Онъ считаетъ невозможнымъ опредѣлить смыслъ и значеніе пушкинской поэзіи лучше и полнѣе, чѣмъ было сдѣлано Бѣлинскимъ, и онъ съ тоской сравниваетъ современную критику съ прежней. Да, авторитетъ Бѣлинскаго для нашего публициста священенъ, и Чернышевскій будетъ зорко оберегать отъ покушеній невѣждъ и тонкихъ политиковъ, обвиняющихъ Бѣлинскаго въ односторонней «дидактикѣ» ²³⁰).

Это будетъ продолжаться въ то время, когда защита Пушкина утратитъ для критика привлекательность и онъ даже съ особенной настойчивостью станетъ развивать мысль, высказанную также Бѣлинскимъ: Пушкинъ преимущественно художникъ, а не поэтъ-мыслитель. Раньше критикъ не налегалъ на вторую часть этого опредѣленія и краснорѣчиво изображалъ плодотворныя вліянія поэтическаго таланта Пушкина, теперь по поводу Гоголя онъ

²²⁸) Критич. статив. 2, 11, 26, 43.

²²⁹) *Иб.*, 65—6, 119.

²³⁰) Критич. ст., стр. 177.

²³¹) Критич. ст., 128.

Заявляетъ: недалеко уйдетъ художникъ не мыслитель. Поэтому, Пушкинъ оказывается ужъ очень безразличнымъ наблюдателемъ. Онъ равнодушенъ, какъ поэтъ, и не знаетъ, негодованія или удивленія заслуживаетъ изображаемый имъ быть? Новые писатели чужды этого равнодушія, они дѣлаютъ выборъ среди явленій, попадающихся имъ на глаза, а пушкинская наблюдательность просто зоркость глаза и памятьливость. И критикъ поспѣшитъ доказать, что даже Писемскій вовсе не оставляетъ своими разсказами примирительнаго отраднаго впечатлѣнія, какъ съ обычной проницательностью открылъ Дружининъ. Дальше, Пушкинъ страдаетъ еще болѣе важнымъ недостаткомъ. Всего два года назадъ онъ открывалъ критику множество поучительныхъ истинъ, теперь его прозаическія статьи поражаютъ соединеніемъ разнообразныхъ мыслей. Наконецъ, рѣшительный приговоръ: Пушкинъ не могъ повліять благотворно на Гоголя. Онъ могъ въ разговорахъ объ искусствѣ ссылаться на глубокомысленнаго Катенина, могъ обозвать Полевого пустымъ и вздорнымъ крикуномъ, могъ прочесть свое стихотвореніе *Поэтъ и чернь*... Все это не могло создать у Гоголя твердыхъ убѣжденій, сообщить ему широту общественнаго взгляда.

Это писалось въ *Современникъ* въ 1857 году. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ томъ же журналѣ о томъ же предметѣ разсуждалъ Добролюбовъ. Онъ также говорилъ объ отсутствіи у Пушкина серьезныхъ, независимо развившихся убѣжденій и о недостаткѣ серьезнаго образованія, но «пресловутую чернь» не считаетъ точнымъ выраженіемъ взглядовъ Пушкина на поэзію. Кромѣ того Добролюбовъ увѣренъ, что Пушкинъ, никогда не доходилъ до обскурантизма и даже поражалъ, когда могъ, обструантизмъ другихъ. Въ заключеніе Добролюбовъ считаетъ Анненкова достойнымъ искренней благодарности за изданіе сочиненій «нашего великаго поэта»: это «истинная заслуга предъ русской литературой и обществомъ» ²³²⁾.

Критики не совсѣмъ единодушны, но они вполне уподобляются другъ другу въ развитіи своихъ взглядовъ на Пушкина. Два года спустя Добролюбовъ говоритъ о Пушкинѣ въ тонѣ Базарова. По его словамъ, Пушкинъ воспѣвалъ только «преlestь роскошнаго пара, стройность колоннъ, идущихъ въ битву, грандіозность падающей лавины, «благоуханіе словеснаго слоя», пролившагося на него съ какой-то «высоты духовной» и пр. и пр.». Пушкину почти невѣдомо уваженіе къ человѣческой природѣ, развѣ только «въ эпикурейскомъ смыслѣ» ²³³⁾.

²³²⁾ Ст. Чернышевскаго. *Соврем.* 1857, VIII, Добролюбова. 1858, I.

²³³⁾ *Сочиненія.* III, 554.

У третьяго вождя шестидесятниковъ — у Писарева — мы встрѣтимъ ту же эволюцію, и даже въ еще болѣе рѣзкой формѣ.

Фактъ въ высшей степени любопытный. Защищать Пушкина нѣтъ нужды; мы достаточно знакомы съ его художественными и общественными взглядами и имѣли возможность оцѣнить его отношенія къ Радищеву и Полевому. Что касается вообще не серьезности и отсутствія убѣжденій, эту мысль развили еще горячій послѣдователь Бѣлинскаго и его современникъ, написавшій *Очеркъ исторіи русской поэзіи* по статьямъ критика. Книга эта много лѣтъ служила яблокомъ раздора нашихъ литературныхъ лагерей: эстетики ее поносили, шестидесятники — именно Добролюбовъ — восхваляли. Характеристика Пушкина здѣсь изображена рѣзко и опредѣленно, безъ всякихъ противорѣчій и недомолвокъ ²²⁴).

Почему же колебались наши критики?

У автора *Очерка* Пушкинъ являлся великимъ поэтомъ и плохимъ общественнымъ мыслителемъ. Такова идея и Бѣлинскаго. Она тяготѣла надъ всѣми молодыми критиками и они, при всей страстности своихъ запросовъ къ гражданской поэзіи, не могли съ легкимъ сердцемъ покончить съ «любимымъ», «великимъ», «первымъ» поэтомъ. Это все ихъ эпитеты, но они шли не отъ сердца. Достаточно вспомнить безграничные восторги Григорьева предъ Пушкинымъ, чтобы отъ шестидесятниковъ ожидать другого отношенія къ поэту, не изъ протеста, конечно, критику *Москвитянина* и *Эпохи*, а по самому складу нравственного и практическаго міросозерцанія.

Было бы противоестественно, если бы философы, положительные до послѣднихъ выводовъ матеріализма, и публицисты-политики по принципу и страсти оставили неприкосновенной славу Пушкина, весьма неудовлетворительнаго политика и еще менѣе — философа.

Настоящее естественное направленіе критики шестидесятыхъ годовъ обнаружилось одновременно съ отрицательными замѣчаніями Чернышевскаго на счетъ развитія и убѣжденій Пушкина. Въ *Отечественныхъ Запискахъ* Чернышевскій еще могъ кое-какъ мириться съ разсужденіями о поэзіи и художественности, въ *Современникѣ* онъ съ первой же статьи напалъ на безличную, пустопорожнюю критику тѣхъ же *Отечественныхъ Записокъ* и привелъ дѣйствительно поразительные образчики безыдейности и бездарности, царствовавшихъ въ критическомъ отдѣлѣ журнала Дудышкина и Краевского ²²⁵). Чернышевскій не могъ помириться съ такимъ самоубійствомъ критики, и въ каждой статьѣ позаботился

²²⁴) *Очерки исторіи*, А. Милюкова. Спб. 1864, 3-е изд., стр. 209—214. Первое изд. вышло въ 1847 году.

²²⁵) Ст. *Объ искренности въ критикѣ*. *Критич. ст.* 203, 204—7.

высказать вполне определенное, искреннее мнѣніе о предметѣ. Первыми жертвами оказались Бенедиктовъ, давно уничтоженный Бѣлинскимъ, но восстанавливаемый Дружининымъ, потомъ Авдѣевъ, карикатурное воплощеніе Лермонтова или даже Марлинскаго, но тѣмъ не менѣе любимецъ того же Дружинина и *Отечественныхъ Записокъ*, въ послѣдствіи смертельно пораженный Добролюбовымъ. Все это не особенно важно, гораздо любопытнѣе критика на комедію Островскаго *Блѣдность не порокъ*.

Она принадлежит 1854 году, но уже вполне обличаетъ новаго критика, даже съ большой долей нетерпимости и партійнаго увлеченія. Чернышевскій, конечно, не можетъ миновать удивительнаго гимна Григорьева въ честь Любима Торцова, и надо думать, этотъ гимнъ особенно раздражилъ нашего критика.

Если Островскій приводитъ въ такое неистовое восхищеніе писателей *Москвитянина*, въ немъ непремѣнно долженъ таиться духъ москвобѣсія, т. е. мракобѣсія, идеализація татарской старины, замоскворѣцкихъ добродѣтелей, вообще всѣ прелести славянофильской вѣры. И первое впечатлѣніе, повидимому, подтверждаетъ догадку. Въ комедіи *Не въ свои сани не садись* «ясно и рѣзко было сказано: *полуобразованность хуже невежества*, но не прибавлено, что лучше и той, и другого: *истинная образованность*». За это послѣдуетъ разборъ новой комедіи безпощадный. Большинство сценъ окажутся ненужными, и цѣль автора будетъ истолкована именно какъ «апотеоза стариннаго быта» и вся пьеса признана не больше, какъ «сборникомъ народныхъ пѣсенъ и обычаевъ» ²²⁶⁾.

Добролюбовъ въ послѣдствіи въ томъ же *Современникѣ* возьмѣтитъ несправедливость своего учителя, но намъ у Чернышевскаго нужны не столько оцѣнки отдѣльныхъ литературныхъ явленій, сколько общій духъ его критической мысли. Онъ быстро становится воинственнымъ и исключительно публицистическимъ. Еще въ 1856 году онъ подробно и благосклонно разбираетъ художественный талантъ гр. Толстого и восхищается особенно «силой нравственной чистоты» въ *поэзіи* автора *Дѣтства и Отрочества*, говоритъ лирически о чистой юнопеской душѣ, отзывчивой на все чистое и прекрасное и, разчувствовавшись окончатѣльно, соглашается, «не всякая поэтическая идея допускаетъ внесеніе общественныхъ вопросовъ въ произведеніе». И непосредственно мы слышимъ о «законѣ художественности!» ²²⁷⁾...

Вообще, удивительное счастье гр. Толстого. Вполнѣ понятно, почему инородные подписчики воздвигали ему пьедесталъ надъ

²²⁶⁾ *Ib.*, стр. 269, 271—3, 277—8.

²²⁷⁾ *Ib.*, 281 etc.

всей современной литературой, но вотъ критикъ, только что совершившій походъ на Пушкина, какъ на челоуѣка безъ общественныхъ идей, впадаетъ въ идиллическое созерцаніе юношеской души и даже художественности! Правда, пройдетъ четыре года и гр. Толстому жестоко достанется за его педагогическія умствованія. Разоблаченія Чернышевскаго насчетъ обычныхъ спутниковъ философіи графа, т. е. непреодолимой наклонности всѣ вопросы разрубать однимъ взмахомъ руки, страсть къ фантастическимъ обобщеніямъ едва лишь усмотрѣнныхъ и вовсе не понятыхъ фактовъ, совершенная безпомощность въ области теоретическаго анализа идей, вывода заключеній и отыскиванія принциповъ, наконецъ, неограниченная притязательность единоличнаго изобрѣтателя пороха съ высоты своихъ мнимыхъ открытій и скоропалительныхъ комически-незрѣлыхъ истинъ, вѣрять на другихъ, какъ на глупцовъ и невѣждъ, всѣ эти разоблаченія философическаго гения гр. Толстого не утратили своей новизны и своего значенія до нашихъ дней. Еще любопытнѣе смертоносная критика, какой подвергъ Чернышевскій художественные вымыслы гр. Толстого съ педагогической цѣлью ²³⁸⁾.

Все это будетъ какъ бы оплатой за «юношескіе» восторги предъ талантомъ гр. Толстого, но «художественность» все-таки была признана независимо отъ общественныхъ вопросовъ, и въ заключеніе статьи говорилось о «вкусѣ», которому только и доступны «истинная красота, истинная поэзія».

Очень краснорѣчиво, но на этомъ и закончилась чистая эстетика Чернышевскаго. Въ слѣдующемъ году Пушкину наносятся усиленные удары, а еще немного спустя, разборъ тургеневской повѣсти *Ася* уже выходитъ *размышленіями* и называется *Русскій челоуѣкъ на rendez-vous*. Реальная критика, какъ въ послѣдствіи опредѣлялъ Добролюбовъ, устанавливается окончательно, т. е. отношеніе къ художественному произведенію, какъ къ матеріалу для сужденій о дѣйствительности, какъ къ поводу и канвѣ для общественной философіи и политики. Писаревъ поведетъ эту мысль дальше и отождествитъ повѣсти и драмы просто съ обзорѣніями и хрониками. У Чернышевскаго и Добролюбова нѣтъ этого «послѣдняго слова» новой эстетики, но толчокъ данъ ими, и первый Чернышевскимъ.

Онъ воспользовался повѣстью Тургенева для убійственной характеристики «лучшихъ» русскихъ людей, написалъ сатиру на общество, создающее такую дрянъ, и заклеилъ позоромъ всѣхъ Ромео, впадающихъ въ конфузъ и трусость при каждомъ рѣшительномъ моментѣ жизни. Автора нисколько не интересуетъ лю-

²³⁸⁾ *Ib.*, 301 etc.

бовный вопросъ, столь художественно разработанный въ повѣсти: «Богъ съ ними съ эротическими вопросами, не до нихъ читателю нашего времени, занятому вопросами объ административныхъ и судебныхъ улучшеніяхъ, о финансовыхъ преобразованіяхъ, объ освобожденіи крестьянъ».

И не герой собственно занимаетъ критика, а характеръ вообще русской интеллигенціи, и не поступокъ героя съ героиней, а неопытность и растерянность русскаго общества въ самыхъ насущныхъ жизненныхъ вопросахъ. Автора беспокоитъ мысль, какъ поступитъ оно въ только что наступившій великій историческій моментъ? Онъ жестоко боится за русскихъ лучшихъ людей, сьумѣютъ ли они понять свое положеніе, свой домъ и воспользоваться обстоятельствами?

«Противъ желанія нашего, — пишетъ онъ, — ослабѣваетъ въ насъ съ каждымъ днемъ надежда на проницательность и энергію людей, которыхъ мы упрощаемъ понять важность настоящихъ обстоятельствъ и дѣйствовать сообразно здравому смыслу».

Онъ усиливается объяснить обществу смыслъ обстоятельствъ и преподавать совѣты. Онъ обращается къ читателямъ искренне и открыто:

«Поймете ли вы требованіе времени, сьумѣете ли воспользоваться тѣмъ положеніемъ, въ которое вы поставлены теперь, — вотъ въ чемъ теперь для васъ вопросъ о счастіи или несчастіи навѣки» ²³⁹⁾.

Слышится глубокое безпокойство автора въ этихъ словахъ, и намъ понятно, что онъ станетъ дѣлать. «Пусть, по крайней мѣрѣ, не говорятъ они, что не слышали благоразумныхъ совѣтовъ, что не было объясняемо ихъ положеніе!» — восклицаетъ онъ о своихъ читателяхъ, и, насколько хватитъ силъ и представится возможность, онъ не перестанетъ давать совѣты и представлять объясненія.

Въ этихъ задачахъ вся программа новой критики и ея перво-степенныхъ представителей. Со вступленіемъ Добролюбова въ *Современникъ*, журналъ сталъ настоящей общественно-просвѣтительной энциклопедіей своего времени, новымъ философскимъ словаремъ новыхъ энциклопедистовъ. И молодому сотруднику пути уже были проложены; литература въ его рукахъ обратится въ неисчерпаемый источникъ для совѣтовъ и объясненій, старому — останется продолжать свое любимое дѣло, выполнять свое истинное призваніе — учить публику необходимѣйшимъ наукамъ новаго вѣка — исторіи и политической экономіи.

²³⁹⁾ *Ib.*, 247, 250, 265—6.

XXXII.

Предъ нами второй учитель и вождь шестидесятниковъ, не менѣе вліятельный и любимый, чѣмъ его старшій современникъ,—и мы, всматриваясь въ лицо и вглядываясь въ произведенія юнаго героя, — также спрашиваемъ съ недоумѣніемъ: гдѣ же мальчишка? гдѣ баши-бузукъ и наѣздникъ? Мы не встрѣтили ничего подобнаго въ нравственномъ характерѣ и въ критическихъ статьяхъ Чернышевскаго,—напротивъ, — слышали отъ него даже умильные, до послѣдней степени миролюбивыя рѣчи. Здѣсь также мы тщетно стали бы искать малѣйшаго намека на ужасы, открытые гонителями нигилизма въ дѣятельности новыхъ людей.

Мы снова должны повторить: какъ легко было бы сладить съ этими страшными разрушителями, если бы подойти къ нимъ съ искреннимъ, доброжелательнымъ словомъ, внимательно вслушаться въ ихъ откровенную юношескую рѣчь, и признать за ними нравственное и литературное право — смѣть свое сужденіе имѣть! Можно быть увѣреннымъ, — русской публикѣ не пришлось бы присутствовать при одной изъ самыхъ жестокихъ литературныхъ междоусобицъ, какія только знаетъ вся новая европейская литература. Увѣренность тѣмъ болѣе основательная, что у «мальчишекъ» и величественныхъ старцевъ на первыхъ порахъ оказались, повидимому, однѣ и тѣже исходныя точки и ближайшіе идеалы.

Русскій Вѣстникъ усиленно писалъ на своемъ знамени тѣ самыя слова, какія считались священными и въ лагерѣ молодежи: свобода печатнаго слова, развитіе общественной самодѣятельности, коренное преобразование старой Россіи. Конечно, — изъ однихъ и тѣхъ же положеній можно выводить весьма различныя заключенія, — но отъ самихъ партій зависитъ сообщить этимъ заключеніямъ непримиримо-воинственный, нетерпимый смыслъ или попытаться найти почву для совмѣстной борьбы противъ общаго врага.

Мы видѣли, — *Русскій Вѣстникъ* съ самого начала даже не могъ представить, что рядомъ съ нимъ будутъ жить и дѣйствовать какіе то другіе люди, журнальные выскочки и санкюлоты. До разговоровъ ли съ подобными мизераблями! Они виноваты уже фактомъ своего независимаго существованія: долой ихъ, — все равно, о чемъ бы они тамъ ни толковали и какими бы добродѣтелями ни отличались.

И надъ молодежью засвисталъ бѣшеный бичъ, угрожая опозорить ее и смести съ лица земли... Это именно одинъ изъ рѣдкихъ историческихъ моментовъ, когда самому спокойному историку и на какомъ угодно промежуткѣ времени — должно чувствоваться величіе зла и преступленія. Историкъ не можетъ

избѣжать этого чувства, изображая первые шаги молодого поколѣнія въ лицѣ Чернышевскаго и еще въ сильнѣйшей степени тоже самое чувство овладѣваетъ имъ, когда на сценѣ появляется гуманная и до трогательности сердечная личность Добролюбова.

Именно—гуманность—основа всей нравственной природы Добролюбова—человѣка и писателя. Онъ родился съ неутолимой жаждой близкаго, любящаго сердца, ростъ, всецѣло поглощенный счастливымъ сознаніемъ видѣть такое сердце въ лицѣ матери учился и потомъ началъ писать съ единственной вдохновляющей мечтой—вызвать у людей побольше чувствъ любви, пріязни, терпимости, страдалъ и умеръ, угнетаемый ощущеніемъ одиночества и душевнаго сиротства. Это—личность по преимуществу лирическая и, если иногда подъ перомъ Добролюбова являлись слова, холодныя и укоризненно насмѣшливыя,—это былъ голосъ все той же оскорбленной любви, голосъ не злобы и ненависти, а разочарованія, горькой обиды на несбывшуюся надежду и разсѣянную мечту. И самому писателю въ эти минуты чувствовалось гораздо больнѣе, чѣмъ жертвамъ его негодованія и смѣха. Это свойство личности Добролюбова—главная причина его прочной и глубокой популярности, необычайно любовнаго отношенія къ его имени современной и позднѣйшей молодежи.

Съ первой минуты сознанія и до самой смерти какой идеально-почтительный сынъ! И предметъ его особенно горячей любви—мать—вѣрное свидѣтельство нѣжной, и гуманной натуры,—и, что еще замѣчательнѣе—восторженно-религіозной. Сначала вѣра, наивная, по-дѣтски пугливая, преисполненная надеждами на чудеса, на высшее счастье за богобоязненность и—ужасомъ предъ равнодушіемъ и нечестіемъ. Съ годами эти идеи измѣнятся, таинственныя чары исчезнутъ,—но сущность вѣрующаго духа останется навсегда. Онъ только направитъ жаръ своего обожанія на другіе идеалы и поставитъ новыя цѣли своему нравственному подвижничеству. Не исчезнетъ и рыцарственная деликатность въ рѣшеніи грубыхъ задачъ жизни—тамъ, гдѣ придется оберечь безсильную и безправную жертву отъ семейнаго или общественнаго деспотизма. Мужество принциповъ и изящная тонкость впечатлѣній,—важнѣйшія силы Добролюбова, какъ писателя, благороднѣйшіе задатки его первой молодости. Они спасутъ его отъ какихъ угодно давленій среды и выведутъ на прямой независимый путь мысли и дѣла.

Въ дѣтствѣ онъ образецъ прилежанія и серьезности. Онъ краса и слава духовнаго училища и семинаріи. Но онъ совершенно чуждъ духу этихъ закоренѣлыхъ разсадниковъ схоластики и умственной косности. Онъ одинокъ среди товарищей и страшенъ учителямъ. Пока у него это чувство отчужденія не сложилось въ

ясный разсудочный процессъ, пока это невольное отвращеніе благородной, свободной натуры ко всему мелкому и кромѣшному. Юноша не находитъ мѣста въ школѣ, потому что въ ней некого и нечего любить. Одинъ только учитель—Сладкопѣвецъ умѣетъ захватить его душу, вызвать у него своего рода обожаніе, поэтическое увлеченіе,—и за то какой благодарный гимнъ любви! Иначе нельзя назвать слѣдующихъ заочныхъ изліяній ученика по адресу наставника:

«Что то особенное привлекало меня къ нему, возбуждало во мнѣ болѣе чѣмъ привязанность,—какое то благоговѣніе къ нему... Ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ не рѣшился бы я оскорбить его, просьбу его я считалъ для себя закономъ. Вздумаю бы онъ публично наказать меня, я послушался бы, перенесъ наказаніе, и мое расположеніе къ нему нисколько бы оттого не уменьшилось... Какъ собака я былъ привязанъ къ нему и для него я готовъ былъ сдѣлать все, не разсуждая о послѣдствіяхъ».

Это пишется въ дневникѣ. Безъ самопризнаній и самоанализовъ не мыслима такая «прекрасная душа». Если она переполнена такимъ стремительнымъ пристрастіемъ къ учителю-семинаристу,—въ какомъ ореолѣ должна являться предъ ней высшая избранница, предназначенная судьбой—мать! На ней сосредоточены всѣ представленія о возможномъ на землѣ счастьѣ, ея образъ воплощаетъ все прекрасное, чѣмъ только обладаетъ нашъ міръ, все вдохновляющее, что способно двинуть человѣка на подвигъ, на страданія. Она царитъ надъ каждымъ мгновеніемъ въ жизни своего сына. Она представляется ему, какъ непогрѣшимая цѣлительница его достоинствъ, какъ достойнѣйшая участница его успѣховъ. Это не любовь сына къ матери, это романтическое сродство душъ, изъ области вдохновенныхъ мечтаній перешедшее въ самую подлинную и жизненную дѣйствительность.

И Добролюбовъ въ своемъ нравственномъ мірѣ воспроизводитъ цѣльную психологію рыцарскаго служенія идеалу. Онъ по природѣ лишенъ расплывчатой, легко возбуждаемой чувствительности. То, что именуется увлеченіемъ и что въ романахъ и поэмахъ производитъ такое красивое, чарующее впечатлѣніе, совершенно не мирится съ его строгой и сильной личностью. У него вопросы сердца стоятъ рядомъ съ глубочайшими задачами человѣческаго существованія и входятъ въ религію долга и личнаго достоинства... Онъ долженъ любить съ одинаковой силой—чувствомъ и мыслью,—тогда только онъ успокоится на своемъ счастьи. И вотъ, мать является первой героиней этого до фанатизма прямолинейнаго *однолюба*.

Послѣ ея смерти онъ чувствуетъ жгучее, нестерпимо-мучи-

тельное одиночество. Здѣсь ничего нѣтъ общаго съ идеальной поэтической тоской, приносящей чувствительнымъ сердцамъ несравненно больше утѣшенія, чѣмъ горечи и боли. Это—рѣзкій, знобящій холодъ, оставляющій въ памяти человѣка неизгладимые слѣды на многіе годы, часто на всю жизнь. Послушайте, какъ этотъ удивительный сынъ оплакиваетъ смерть матери и кстати раскрываетъ вообще свою душу. Можно подуматъ,—мы читаемъ отрывокъ изъ художественно обработаннаго романа съ самыми драматическими приключеніями и съ героями самой сложной, изысканной психологіи.

Добролюбову, какъ всѣмъ людямъ его природы, приходится выслушивать укоризны въ эгоизмъ, холодности, даже безчувственности. Онъ слышитъ эти навѣты вскорѣ послѣ смерти матери и отвѣчаетъ на нихъ со всею страстью истиннаго оскорбленнаго чувства. Онъ согласенъ, что есть чрезвычайно счастливые характеры: они горятъ любовью ко всему человѣчеству, у нихъ всегда имѣется въ запасъ неограниченное множество предметовъ для чувствительныхъ волненій. Потеря одного не поражаетъ ихъ непоправимымъ ударомъ. Совершенно другая судьба человѣка, не способнаго расточать своихъ чувствъ зря, всякому встрѣчному. Они отдають свое сердце непремѣнно одному существу и тогда, говоритъ будущій критикъ, «въ этомъ существѣ заключается для нихъ весь міръ, и съ потерей его міръ дѣлается для нихъ пустымъ, мрачнымъ и постылымъ, потому что не остается ничего, чѣмъ бы могли они замѣнить любимый предметъ, на что могли бы обратить любовь свою. Изъ такихъ людей и я. Былъ у меня одинъ предметъ, къ которому я не былъ холоденъ, который любилъ со всею пылкостью и горячностью молодого сердца, въ которомъ сосредоточилъ я всю любовь, которая была только въ моей душѣ,—этотъ предметъ была мать моя. Поймешь ли ты теперь, какъ много, необъятно много потерялъ я въ ней?..»

И онъ проситъ своего родственника вѣрить искренности его изліяній. Ему теперь, одиному и обездоленному, легче послѣ признаній, и когда онъ заканчиваетъ письмо стихами изъ Лермонтовскаго *Демона*, читателю не можетъ и на мысль придти малѣйшее подозрѣніе въ изысканномъ краснорѣчіи, въ ловкомъ подборѣ цитатъ ²⁴⁰).

Но жизнь идетъ. Молодость неизмѣнна въ своихъ запросахъ. Одиночество—для нея недугъ, вѣчто неестественное, ни сердцемъ

²⁴⁰) Письмо къ двоюродному брату, Мих. Иван. Благообразову, 15 апр. 1854 года. *Матеріалы для біографіи Добролюбова*. М. 1890. I, 119 etc. О религіозности Д—ва, письма къ отцу и матери, стр. 49, 50, 85, 102; письмо къ отцу, стр. 107,—въ мартѣ 1854 года; письмо къ теткѣ, 25 марта 1856 г., по слѣднее, гдѣ обнаруживается религіозное чувство въ вопросѣ о говѣннѣ.

ни разсудкомъ не допустимое. И чѣмъ шире развертывается жизненная дорога, чѣмъ больше надеждъ подсказываютъ молодыя силы, тѣмъ холоднѣе и тягостнѣе окружающій чуждый міръ.

Добролюбовъ становится писателемъ. Его талантъ настолько ярокъ и богатъ, что у свѣдущихъ людей не является ни малѣйшаго сомнѣнія въ блестящемъ будущемъ. Редакторъ главнствующаго журнала—Некрасовъ—говоритъ ему послѣ первыхъ же статей: пишите сколько хотите и чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Вліятельнѣйшій современный публицистъ, непогрѣшимый вдохновитель молодежи становится его ближайшимъ другомъ. Чернышевскій по цѣлымъ часамъ ведетъ задумевныя бесѣды съ юношей, только что покинувшимъ скамью педагогическаго института. И эти бесѣды, очевидно, до такой степени увлекательны, личность учителя такъ могущественно дѣйствуетъ на трепетно-отзывчивый умъ двадцатилѣтняго собесѣдника, что между ними быстро устанавливается тѣснѣйшая нравственная связь. Старшій ставится авторитетомъ для младшаго, внушительнымъ не столько по уму, учености и талантамъ, сколько по взаимному духовному родству. Оба они одного поколѣнія и одного типа въ этомъ поколѣніи.

Чернышевскій также вступилъ въ жизнь добросовѣстнѣйшимъ обожателемъ книжной учености, «красной дѣвупикой» среди товарищей и маменькинымъ сыночкомъ среди семьи. Жизнь быстро оказала должное вліяніе на прирожденный независимый умъ и постепенно освободила юношу отъ всевозможной практической и идейной пѣсенни. Розовый, застѣнчивый семинаристъ путемъ самостоятельной внутренней работы выросъ въ мужественнаго публициста съ оригинальной и яркой фizioноміей. То же самое должно произойти и съ Добролюбовымъ.

Онъ жалуется, что не можетъ различать времени въ бесѣдахъ съ Чернышевскимъ. Они заговорятся до упоенія, перебираютъ литературу и философію, и съ Добролюбова день за днемъ спадаютъ первобытныя наслоенія домашней и семинарской идилліи. И сами обстоятельства являются на помощь прозрѣнію и просвѣщенію. Одинъ ударъ слѣдуетъ за другимъ. Не успѣла скончаться мать, умираетъ отецъ и многочисленной семьѣ грозитъ чуть не голодная смерть. Бѣ единственный кормилецъ—студентъ педагогическаго института, еще самъ нуждающійся въ помощи. Трудно было при такихъ обстоятельствахъ утѣшаться чудесами. По недавнему еще убѣжденію Добролюбова, сверхестественная сила спасла его—на репетиціи по русской исторіи и онъ, въ искреннемъ умиленіи сердца, могъ сообщить родителямъ о чудныхъ видѣніяхъ, —теперь приходится обращаться къ другимъ способамъ объяснять дѣйствительность и, главное, бороться съ ней. Переворотъ совершается въ сравнительно короткое время: слишкомъ

ужь краснорѣчивы уроки практики и убѣдительны рѣчи авторитета. Уже въ августѣ 1856 года, ровно два года спустя послѣ смерти отца Добролюбовъ пишетъ о своихъ юношескихъ вѣрованіяхъ и иллюзіяхъ, какъ о невозвратномъ прошломъ. Личный опытъ совершенно разочаровалъ его въ сладкоглаголивыхъ поученіяхъ наставниковъ дѣтства. Теперь онъ знаетъ, что такое дѣйствительность и настоящая дѣятельная правда жизни. Онъ покончилъ съ мечтами,—предъ нимъ трудный, но зато какой увлекательный путь сознательной борьбы за разумно сознанныя истины!

И Добролюбовъ вступаетъ на этотъ путь, сначала робко, осторожно, потомъ все смѣлѣй, сообразно съ тѣмъ, какъ крѣпнеть мысль и выясняются цѣли. Онъ занимаетъ мѣсто перваго критика. Его статьи—одно изъ блестящихъ украшеній журнала и одна изъ причинъ его исключительной распространенности. Редакторъ умѣетъ оцѣнить заслуги молодого сотрудника и дѣлаетъ его вторымъ редакторомъ. Въ двадцать два года—это завидная карьера, особенно въ эпоху всеобщаго подъема общественной мысли. Стоять на первомъ планѣ въ *Современникѣ*, заранѣе быть увѣреннымъ, что каждая напечатанная строчка найдетъ живѣйшій отголосокъ среди просвѣщеннѣйшей и честнѣйшей публики, это можно признать высшимъ счастьемъ молодости, идеальнымъ удовлетвореніемъ писателя.

И оно упрочилось бы, это счастье, если бы нашъ критикъ, помимо таланта, не былъ еще надѣленъ безпокойнымъ, мучительно-любящимъ сердцемъ. Борьба, успѣхъ—двѣ побудительнѣйшихъ причины видѣть подлѣ себя особенно близкаго человѣка, способнаго оцѣнить усилія и искусство въ борьбѣ и раздѣлить радость побѣды. Правда, учитель съ безконечной любовью слѣдитъ за развитіемъ своего друга, возлагаетъ на него самыя смѣлыя надежды, готовъ именовать его геніемъ, бережно лелѣять каждую его мысль. Но онъ только другъ и учитель! Въ двадцать два года это слишкомъ отвлеченное благо и невыносимо спокойныя чувства. Только она можетъ цѣликомъ заполнить сердце, утѣпить гнетущую истому молодости и общимъ идеальнымъ стремленіемъ сообщить силу и глубину личнаго всепоглощающаго счастья.

И Добролюбовъ, вѣчно вооруженный воинъ на поприщѣ идей, ведетъ такую же неустанную и еще болѣе тяжелую борьбу съ самими собой. И здѣсь онъ часто остается побѣжденнымъ, ядовитое чувство горечи и безсилія ежеминутно готово сковать юношескій полетъ его мысли и заставить опустить руки подъ напывомъ жгучей тоски, почти отчаянія.

XXXIII.

Какая въ самомъ дѣлѣ странная игра судьбы! Въ годы, когда еще впору учиться, проходить разныя школьныя мытарства, челоѣку выпадаетъ слава, настоящая, разумная слава,—не фейерверкъ случайной мимолетной популярности, а то рѣдкое почетное имя, какое въ неприкосновенной свѣжести и чистотѣ переходитъ въ отдаленное потомство. Умъ, талантъ и сердце, готовое сто-рицей отплатить за малѣйшее доброе чувство, чего еще требуется для любви самой взыскательной, идеально-чистой женщины? Поста-вить вопросъ отвлеченно, значить предрѣшить его. Совершенно другой отвѣтъ дала дѣйствительность. И это непримиримое проти-ворѣчіе логики и фактовъ до такой степени обычно, часто именно въ жизни русскихъ талантливыхъ людей, что, повидимому, логи-ческую бессмыслицу слѣдуетъ считать закономъ природы.

Въ самой разгаръ литературныхъ успѣховъ Добролюбовъ изла-гаетъ слѣдующую исповѣдь одному изъ своихъ товарищей:

«Если бы у меня была женщина, съ которой я могъ бы дѣ-лать свои чувства и мысли до такой степени, чтобы она читала даже вмѣстѣ со мною мои (или, положимъ, все равно, твои) произ-веденія, я былъ бы счастливъ и ничего не хотѣлъ бы болѣе. Лю-бовь къ такой женщинѣ и ея сочувствіе—вотъ мое единственное желаніе теперь. Въ немъ сосредоточиваются всѣ мои внутреннія силы, вся жизнь моя, и сознаніе полной бесплодности и вѣчной неосуществимости этого желанья гнететъ, мучитъ меня, на по-няетъ тоской, злостью, завистью, всѣмъ, что есть безобразнаго и тягостнаго въ человѣческой натурѣ»²⁴¹⁾:

Онъ неистощимъ на эту тему. Разъ заговоривъ о любви, онъ съ трудомъ прерываетъ рѣчь: до такой степени вопросъ захва-тываетъ все его нравственное существо. Мечта о женской ласкѣ преслѣдуетъ его неотступно, виѣшивается въ его работу и пре-вращаетъ ее въ тяжелое бремя, въ отвратительное рабство. Добро-любовъ въ минуты безнадежной, одинокой тоски готовъ видѣть своего рода промыселъ въ своей литературной дѣятельности, тор-говлю «святынками души своей». Правда, это мимолетные припадки, но они свидѣлствуютъ, въ какой тяготѣ и мракѣ жилъ чело-вѣкъ лучшіе годы молодости. Онъ задумываетъ куда-нибудь учести свою грусть, напимѣръ, въ Италію: можетъ быть чудная страна заставила бы его забыть свое безграничное одиночество...

Вамъ удивительно читать всѣ эти жалобы. Неужели блестящій писатель въ ореолѣ славы и съ безграничными надеждами на будущіе успѣхи, не могъ вызвать интереса ни одной женщины?

²⁴¹⁾ *Пб.*, стр. 492.

Или онъ самъ, можетъ быть, предпочиталъ только мечтать и изнывать, и не рѣшается взять приступомъ свое счастье?

Совершенно напротивъ! Неуклюжій семинаристъ и труженикъ всѣми силами старается превратиться въ свѣтскаго, интереснаго кавалера. Онъ одѣвается у лучшаго портного, посѣщаетъ общество, непрочь блеснуть остроуміемъ предъ красивыми дѣвицами, готовъ даже пуститься въ хитрую и тягучую интригу. Вообще, въ немъ нѣтъ ни капли педантизма цеховой литературной тяжеловѣсности, недоступнаго глубокомыслія и отталкивающаго доктринерства. Онъ въ высшей степени легко поддается впечатлѣніямъ, разъ онъ видитъ дѣйствительно нѣчто изящное и прекрасное. Недаромъ онъ отлично владѣетъ стихомъ: въ его груди бьетъ живая струя лиризма и онъ способенъ написать цѣлую поэму по поводу встрѣчи съ очаровательной незнакомкой.

И онъ дѣйствительно пишетъ такую поэму. Она явилась предъ нимъ, чарующая оригинальной красотой: черные глаза, свѣтлые волосы, правильныя изящныя черты лица, и сколько ума и, жизни въ этомъ лицѣ! Одни глаза, кажется, преисполнены ласки, теплоты и свѣта. Нашъ герой замираетъ въ восхищенномъ созерцаніи. Онъ считъ бы себя счастливымъ, если бы одинъ взглядъ этихъ глазъ упалъ на него. Но она занята танцами: отчего онъ не умѣетъ танцевать! Проклятое семинарское воспитаніе! И знаменитый критикъ въ углу залы терзается завистью къ ловкимъ танцорамъ: они такъ близки къ его божеству!

Но судьбѣ угодно пожурить несчастнаго. Случайно, здѣсь же на балу, онъ знакомится съ отцомъ красавицы, попадаетъ въ домъ, и немедленно убѣждается, какую жестокую шутку сыграла надъ нимъ судьба! Она, невѣста другого, и кого же? Такого же рѣдкаго экземпляра человѣческой породы, какъ она сама, одареннаго рѣдкимъ умомъ, наружности и талантами?

Нисколько. Избранникъ—обыкновеннѣйшій изъ смертныхъ, «плюгавенькій офіцерикъ», но красавица ухитрилась, повидимому, открыть въ немъ не меньше достоинствъ, чѣмъ, напримѣръ, Офелія приписываетъ датскому принцу: «дивный духъ», «воителя отвагу, умъ мудреца»... Она читаетъ всѣ эти доблести на самомъ заурядномъ лицѣ своего возлюбленнаго, и нашъ бѣдный герой, увѣнчанный, кажется, всѣми феями, присутствуетъ при этомъ неизглаголанномъ ослѣпленіи. Чтò остается ему? Воскликнуть—«эхъ-ма!» и отступить предъ чужимъ счастьемъ ²⁴²⁾.

И подобная исторія—удѣлъ Добролюбова. Бываетъ даже хуже. На него будто обращать вниманіе, начнутъ говорить нѣжныя рѣчи и писать интересныя записки. Сердце у него таетъ, вотъ, вотъ

²⁴²⁾ *Ib.*, 548 etc.

откроется небо и завѣтная греза станетъ дѣйствительностью! Увы! Она призрачнѣе, чѣмъ когда-либо. Надъ нимъ просто потѣшались, шутили. Правда, къ нему расположены, но только какъ къ хорошему человѣку. Ему даже готовы повѣрять тайны сердца, по очень простой причинѣ: развѣ онъ мужчина! Было бы странно стѣсняться съ нимъ, и еще страннѣе, увлекаться и любить.

Опять, какая мораль исторіи? Безцѣльно доискиваться, развѣ спросить только у себя: «Я не знаю, отчего же я не мужчина? И что же я такое, послѣ этого? Неужели баба?» ²¹³⁾

Дѣйствительно, задача. Плюгавенькій офицерикъ—герой, а онъ, вовсе не обиженный природой даже внѣшностью, пребываетъ на положеніи сандрилоны и на оскорбительнѣйшей роли повѣреннаго женскихъ тайнъ. У него даже нѣтъ утѣшеній некрасовскаго героя: онъ отнюдь не застѣнчивъ и не лишенъ находчивости и блеска въ какомъ угодно разговорѣ, онъ авторъ остроумнѣйшихъ эпиграммъ *Свистка!*

Добролюбовъ могъ бы, пожалуй, развлечься *историческими* разсужденіями на тему своихъ неудачъ. Ему легко припомнился бы цѣлый рядъ такихъ же жертвъ женскаго равнодушія и пренебреженія,—и стать въ ряду этихъ жертвъ ему отнюдь не показалось бы унижительнымъ.

Онъ задался цѣлью отыскать гармоническое счастье ума и сердца, женщину-товарища и спутницу.—кто же нашелъ ее? Его великій предшественникъ мечталъ о томъ же въ теченіе всей молодости и до конца дней горько и подчасъ гнѣвно сѣтовалъ на неосуществимость мечты. У Бѣлинскаго имѣлась семья, но не было родной души въ этой семьѣ. А ужъ онъ ли не писалъ горячихъ, неотразимо-захватывающихъ статей, ужъ ему ли, кажется, было не волновать женскихъ сердецъ. И въ награду мѣщанская любовь и, если угодно, мѣщанское счастье.

Но, положимъ, онъ писалъ статьи, предметъ все-таки не столь доступный. Возьмемъ поэта, о которомъ другой поэтъ сказалъ, будто навстрѣчу ему неслись въ головокружительномъ восторгѣ шестнадцатилѣтнія дѣвушки. Такъ, вѣроятно, и было: нельзя же равнодушно пропустить исторію Татьяны и множество другихъ вещей первостепенной поэтической прелести. И все-таки головокруженья шестнадцатилѣтнихъ читательницъ не помѣшали поэту пережить жесточайшую драму на почвѣ женскаго легкомыслія и равнодушія и заплатить своей кровью за свое «счастье».

И замѣчательно, именно самые рыцарственные защитники женщины и восторженные почитатели вѣчно-женственнаго не находятъ созвучнаго отвѣта на свое подвижничество и свой культъ.

²¹³⁾ *Иб.*, 501, 512.

Онѣгины могли терять счетъ своимъ жертвамъ и не знать куда дѣваться отъ посланій Татьянъ, а Пушкины въ это время являлись притчей во языцѣхъ и вызывали негодованіе въ качествѣ «уродовъ» и «ревнивцевъ». И непростительный грѣхъ совершилъ Достоевскій предъ исторіей и правдой, когда пропѣлъ гимнъ русской женщинѣ и ея идеалу Татьянѣ и забылъ прибавить великое *но*: за этимъ *но* пришлось бы написать самыя свѣтлыя имена русской литературы и мысли отъ Пушкина до Тургенева. И имя Добролюбова заняло бы въ списокѣ одно изъ самыхъ скорбныхъ мѣстъ.

Вся жизнь его распадается на двѣ параллельныя полосы. Въ журналѣ онъ неутомимый воинъ за общее благо, за идеалы гуманности, свободы, женской равноправности; дома, въ письмахъ онъ изнываетъ въ непрерывной агоніи: это сплошной стонъ, грозящій перейти въ рыданія. И онъ бѣжитъ изъ дома въ журналъ, набрасывается на работу, какъ на единственное прибежище въ нестерпимой душевной боли.

«Хочу все», пишетъ онъ, «искушать умъ наукою безплодной», и даже отчасти успѣваю надуть самого себя, задавая себѣ усиленную работу. Но иногда бываетъ необходимость выйти изъ дома, повидаться съ кѣмъ-нибудь по дѣламъ, и тутъ обыкновенно разстраиваться на цѣлый день. Несмотря на мерзѣйшую погоду, все мнѣ представляется на свѣтѣ такимъ веселымъ и довольнымъ, только я совершенно одинъ, не доволенъ ничѣмъ и никому не могу сказать задушевнаго слова» ²⁴⁴).

И такъ до самой смерти. За вѣсколько мѣсяцевъ до кончины Добролюбовъ снова возвращается къ грызущему его вопросу. Будто въ предчувствіи близкаго конца его рѣчь становится еще грустнѣе, звучитъ совершенно безнадежно и ни одинъ поэтъ не могъ бы написать болѣе трогательной и прочувствованной элегіи, чѣмъ будто невольная, годами накипѣвшая жалоба Добролюбова сестрѣ. И эта жалоба писалась въ расцвѣтѣ итальянской весны, подъ небомъ Неаполя, изъ поэтического края, гдѣ писатель искалъ душевнаго мира и гдѣ, по обыкновенію, на нѣсколько лишь мгновений судьба было посулила ему счастье.

Онъ сравниваетъ жизнь замужней сестры съ своей жизнью и читаетъ отходную своимъ мечтамъ и надеждамъ:

«А вотъ я, напримѣръ, шатаюсь себѣ по бѣлому свѣту одинъ одиноконекъ; всѣмъ я чужой, никто меня не знаетъ и не любитъ. Если бы я заговорилъ о своихъ родителяхъ, о своемъ дѣтствѣ, о своей матери, никто бы меня не понялъ, никто не откликнулся бы сердцемъ на мои слова. И принужденъ я жить день за день,

²⁴⁴) *Тб.* 533.

молчать, заглушать свои чувства, и только въ работѣ я и нахожу успокоеніе. Говоря по правдѣ, со времени маменькиной смерти до сихъ поръ я и не видывалъ радостныхъ дней. Но роптать и жаловаться къ чему послужить? И я покорился своей участи» ²⁴⁵).

Подобная покорность не проходитъ безслѣдно. Склониться сильному человѣку предъ судьбой значитъ накопить въ своемъ умѣ и сердцѣ неисчерпаемый запасъ горькихъ мыслей и болѣзненныхъ ощущеній. Ядъ пессимизма неизбѣжно отравляетъ самую могучую и свѣтлую энергію. Погромъ въ стремленіяхъ къ личному счастью налагаетъ рѣзкую и тяжелую печать на все міросозерпаніе человѣка, и Добролюбовъ безпрестанно впадаетъ въ мрачное раздумье уже не только о своей участи, а вообще о своемъ поколѣніи, о своемъ времени.

Кажется невѣроятнымъ, какъ въ самомъ началѣ шестидесятихъ годовъ можно было терять вѣру въ одно изъ энергичнѣйшихъ молодыхъ поколѣній Россіи. Самъ Добролюбовъ, умѣвшій работой заглушать личное горе, повидимому достаточное свидѣтельство противъ всякаго пессимизма. На самомъ дѣлѣ именно онъ говоритъ въ тонѣ современника какого-то нравственнаго и общественнаго упадка. И мы знаемъ источникъ тона. Двадцатидвухлѣтній юноша обладалъ бы сверхъестественнымъ стоицизмомъ, еслибы ни на одну минуту не допустилъ личнымъ настроеніямъ ворваться въ свои идеи. И Добролюбовъ подчасъ будто ищетъ случая высказать слово отрицанія и сомнѣнія, устроить душѣ холодной воды для какого-либо опрометчиваго энтузіаста. Ему видимо доставляетъ особаго рода горькое наслажденіе заявить протестъ противъ слишкомъ самоувѣренныхъ полетовъ идеалистическаго воображенія. На днѣ его души таится глубокій осадокъ скептицизма и ироніи. Онъ на собственномъ опытѣ научился цѣнить по достоинству разныя красивыя мечты и высреннія представленія о мірѣ и людяхъ.

Отсюда его безпощадные окрики на публицистовъ, преувеличивающихъ практическое значеніе литературы, на идеалистовъ восторженно вѣрующихъ въ силу человеческой личности, отсюда наконецъ, склонность критика быстро разочаровываться и говорить жалкія слова по первымъ впечатлѣніямъ.

Уже въ 1858 году Добролюбовъ готовъ отчаяться въ современномъ поколѣніи, обозвать его и себя вмѣстѣ съ нимъ вялымъ дряблымъ, ничтожнымъ, надѣлять тѣми же качествами и «предшественниковъ». Это удивительнѣе всего. Въ туманѣ мрачныхъ думъ Добролюбовъ усмотрѣлъ предшественниковъ своего поколѣнія среди самого несоотвѣтственнаго общества, среди людей,

²⁴⁵) Письмо отъ 16 мая 1861 года. *Тѣ.*, стр. 619.

увѣнчивавшихъ свой разладъ съ обществомъ пьянствомъ, путешествіемъ на Кавказъ и въ Сибирь, вступленіемъ даже въ іезуитскій орденъ. Русской исторіи неизвѣстны образчики подобнаго *общественнаго* героизма, за исключеніемъ нѣкоторыхъ невольныхъ обывателей Кавказа и Сибири. Еще менѣе извѣстны исторіи нравственное разслабленіе, отвращеніе отъ борьбы, страсть къ комфорту, если не матеріальному, то умственному и сердечному,— всѣ эти, по мнѣнію Добролюбова, основныя черты его поколѣнія. Оно дало только совершенно безполезныхъ коптителей неба, негодныхъ ни на какую твердую и честную дѣятельность ²⁴⁶⁾...

Эти изреченія стоятъ запальчивыхъ монологовъ молюеровскаго мизантропа противъ плохихъ стихотворцевъ, достойныхъ будто бы за свою чепуху висѣлицы. И нѣтъ сомнѣнія, русскій шестидесятникъ испытывалъ въ минуты своего общественнаго пессимизма чувства, весьма родственныя обидѣ и гнѣву измученнаго рыцаря Селимены. Не было, конечно, недостатка и въ общихъ источникахъ для грустныхъ настроеній, но именно обиліе этихъ источниковъ рядомъ съ несомнѣнно энергической дѣятельностью людей добролюбовскаго поколѣнія доказываютъ всю неосновательность краснорѣчивыхъ декламаций на счетъ нравственнаго разслабленія и тунеяднаго коптительства. Добролюбовъ, противъ своего ожиданія, изобразилъ не себя и не своихъ сверстниковъ, а людей дѣйствительно отжившаго прошлаго, являющихся привидѣніями среди обновлявшейся Россіи.

Но у Добролюбова пессимизмъ былъ такъ же искрененъ, какъ реальна дѣятельность, отравившая его молодость. Немного людей и еще меньше писателей способно такъ самоотверженно анализировать свою личность, талантъ, значеніе своей дѣятельности. Кажется злѣйшій врагъ не могъ бы нанести столько ужасовъ на особу нашего критика, сколько открылъ онъ самъ. Это—настоящій смертный приговоръ! И нѣтъ у него нравственныхъ силъ, и лишенъ онъ серьезныхъ знаній, и не получилъ онъ никакого воспитанія... Катковъ пришелъ бы въ неописанный восторгъ, если бы могъ перепечатать эту исповѣдь въ своихъ изданіяхъ. Особенно ярко онъ подчеркнулъ бы унижительный отзывъ Добролюбова о своей литературной работѣ. «Я вижу самъ,—признается Добролюбовъ»,—что все, что пишу слабо, плохо, старо, безполезно, что тутъ виденъ только безплодный умъ, безъ знаній, безъ данныхъ, безъ опредѣленныхъ практическихъ взглядовъ. Поэтому я и не дорожу своими трудами, не подписываюсь, и очень радъ, что ихъ никто не читаетъ»... ²⁴⁷⁾.

²⁴⁶⁾ *Тб.*, 463.

²⁴⁷⁾ *Тб.*, 434 etc.

Подъ этими трудами дѣйствительно стоитъ или —*богъ*, или совѣтъ нѣтъ никакой подписи. Также и Бѣлинскій почти никогда не подписывалъ своихъ статей, не злоупотреблялъ своей подписью и Чернышевскій: эти инкогнито не помѣшали именамъ критиковъ стяжать громкую всероссійскую извѣстность. Скромность и покаяныя рѣчи Добролюбова свидѣтельствуютъ, до какого предѣла была развита у него совѣсть, требовательность къ самому себѣ и съ какимъ мужествомъ онъ умѣлъ смотрѣть въ глаза своимъ недостаткамъ, часто даже мнимымъ. Вѣриѣйшій признакъ именно великой нравственной силы!

Въ сѣтованіяхъ Добролюбова на свои ученическіе годы много правды. Онъ дѣйствительно убилъ бездну труда и времени на негодное чтеніе, до двадцати лѣтъ могъ читать на русскомъ языкѣ книги и притомъ далеко не самыя поучительныя. Съ такимъ личнымъ образовательнымъ богатствомъ онъ долженъ выступить въ качествѣ учителя и руководителя публики! Какимъ же запасомъ воли надлежало обладать, какія дарованія необходимо было обнаружить, чтобы съ честью выполнить столь, повидимому, неожиданное и отвѣтственное назначеніе!

Соедините всѣ эти факты вмѣстѣ, представьте себѣ юношу, успѣвшаго къ двадцати пяти годамъ закончить свое земное поприще, пережить за этотъ срокъ неизлѣчиму драму неудовлетвореннаго сердца, ненасытную жажду рыцарски-честной, горячей мысли, и ежеминутно томиться между сомнѣніями въ своемъ нравственномъ правѣ на выполняемое дѣло и вѣрой въ его неотразимый успѣхъ... Вдумайтесь въ эту психологію, независимо отъ какихъ бы-то ни было направленій и партій и сопоставьте этого «мальчишку» и «невѣжду» съ его врагами-олимпійцами и мудрецами,—простѣйшее чувство справедливости и прирожденное человеческое достоинство подскажетъ вамъ окончательный приговоръ и вы безъ всякихъ преднамѣренныхъ толкованій придете къ рѣшительному заключенію: пусть подобные мальчишки и невѣжды ошибаются, пусть обнаруживаютъ недостатокъ учености и отсутствіе солидности во взглядахъ, самыя ихъ ошибки—подлинная жизнь человеческой души, въ то время, какъ даже великая мудрость олимпійцевъ только *внѣшняя* политика. И вы, не соглашаясь со многими идеями и увлеченіями людей добролюбовскаго типа, должны будете сознаться: въ дѣлѣ, какое они защищаютъ, непременно есть что-то благородное и честное. Именно *тиранія* защитниковъ—твердая порука въ идеальномъ характерѣ самой защиты. И въ этомъ заключается разгадка страннаго явленія: нѣкоторыя имена долго остаются знаменами даже послѣ того, какъ позднѣйшія поколѣнія уже переросли ихъ идеалы и разоблачили всѣ ихъ заблужденія и недоразумѣнія. Идеальныя стремленія

мѣняются по эпохамъ и историческимъ обстоятельствамъ, но идеальныя личности безсмертны, въ своемъ величїи и чистотѣ неуязвимы ни для какой давности, ни для какого прогресса.

XXXIV.

Дѣятельность Добролюбова продолжалась около четырехъ лѣтъ. Въ ней нѣтъ ни періодовъ, ни замѣтныхъ переходовъ, ни яркихъ преобразованій. Предъ нами всѣ статьи критика будто одинъ непрерывный монологъ, весьма обширный, но въ основныхъ руководящихъ идеяхъ удивительно выдержанный. Судьба позволила критику произнести только одну рѣчь, на сколько могло хватить у него одного порыва, одного глубокаго подъема груди, и пресѣкла жизнь раньше, чѣмъ онъ успѣлъ перевести духъ. Этой стремительностью и скоротечностью работы объясняется отчасти исключительная *сплоченность* и *цѣльность* идей Добролюбова: ея нѣтъ ни у одного русскаго критика подобнаго дарованія. Но, несомнѣнно, имѣла здѣсь значеніе и ранняя зрѣлость мысли, поразительная способность человека въ двадцать лѣтъ точно и увѣренно опредѣлить свое міросозерцаніе и неуклонно развивать его въ строгой логической послѣдовательности.

Признавая этотъ фактъ, мы не должны, однако, преувеличивать творческихъ силъ Добролюбова въ области идей. Мы не должны забывать, что въ его распоряженіи находился матеріалъ высшаго качества для сооруженія собственнаго принципиальнаго зданія. Сочиненія Бѣлинскаго представляли цѣлую энциклопедію критики и публицистики и достаточно было разобраться въ этомъ наслѣдствѣ, чтобы упрочить за собой вліятельное положеніе въ современной литературѣ. Имѣть подобныхъ предшественниковъ, съ одной стороны, очень полезно, но съ другой—въ высшей степени отвѣтственно. Чернышевскій и Добролюбовъ могли бы и собственными силами подняться на высоту такъ называемой реальной критики и гражданской мысли: прогрессъ въ этомъ смыслѣ, несомнѣнно, составлялъ ихъ нравственную природу. Но разъ существовалъ Бѣлинскій, имъ оставалось только воспринять *чужія* мысли и постигнуть путь ихъ органическаго, естественнаго развитія.

У Добролюбова эта невольная зависимость отъ предшествующаго еще настойчивѣе и шире, чѣмъ у Чернышевскаго. Рядомъ съ Бѣлинскимъ его учителемъ явился тотъ же Чернышевскій, учителемъ, лично глубоко любимымъ, слѣдовательно, неограниченно авторитетнымъ и незамѣтно, *симпатически-властнымъ*. Въ результатѣ, міросозерцаніе Добролюбова неминуемо должно полностью отразить общіе идеалы и частныя увлеченія его предшественни-

ковъ, и главная историческая заслуга молодого критика сведется не къ оригинальнымъ открытіямъ въ области уже раньше все-сторонне разработанной, а къ достойному, вдумчивому продолженію чужого дѣла. Мы опять, слѣдовательно, приходимъ къ прежнему выводу: нравственная личность Добролюбова—его высшее право на нашу признательность. Она воскресила и мужественно повела впередъ забытыя и замершія стремленія великаго гражданина до-реформенной Россіи, она явилась той благородной и отзывчивой почвой, гдѣ долго безпріютныя сѣмена идеализма сороковыхъ годовъ наши, наконецъ, пріютъ и вновь зазеленѣли и зацвѣли.

Да, мы все время въ знакомой, уже изученной нами обстановкѣ. Мы успѣли пройти это зданіе по всѣмъ направленіямъ, правда, всѣхъ подробностей мы, повидимому, не отмѣтили, тщателью не разглядѣли, но мы отлично помнимъ общій планъ, главнѣйшіе орнаменты, и указанія новаго проводника не противорѣчатъ нашимъ представленіямъ. Напротивъ. Мы слушаемъ его съ особеннымъ удовольствіемъ именно потому, что онъ съ рѣдкой ясностью и логичностью умѣетъ вновь развить и доказать дорогіе для насъ принципы.

Во главѣ стоитъ плодотворнѣйшая могущественная идея всякаго прогрессивнаго движенія въ наукѣ и въ общественной мысли—*понятіе факта*. Мы знаемъ, какъ настаивалъ на немъ Чернышевскій,—Добролюбовъ положить это понятіе въ основу всѣхъ своихъ литературныхъ и политическихъ разсужденій и воздвигнетъ стройную систему эстетики и общественнаго идеализма..

Фактъ, это значить добросовѣстно и безкорыстно раскрытая дѣйствительность, отсутствіе фантастическихъ мечтательныхъ украшеній жизненной правды, вражда къ беспочвенной риторикѣ, праздному фразерству, чисто-религіозный культъ *дѣла*, положительныхъ настоятельно-потребныхъ задачъ личности и общества. *Фактъ* въ наукѣ—значить опытное изслѣдованіе и выводы, совершенно свободные отъ предвзятыхъ теорій и метафизическихъ внушеній, *фактъ* въ общественной дѣятельности—честное прямое отношеніе къ современности, умѣнье соразмѣрять силы личности съ нуждами общаго блага, работать на данной почвѣ, при данныхъ обстоятельствахъ, не улетать въ надзвѣздныя сферы и не тѣшить себя мнимо-идеальными призраками среди тупого непониманія или преступнаго равнодушія къ жестокой правдѣ земли.

Вотъ краткій символъ добролюбовской вѣры, все остальное только выводъ и частности. При талантѣ критика эти частности стоятъ общихъ истинъ: до такой степени блестяще и мощно ихъ развитіе!

Прежде всего, насъ поражаетъ удивительно ясная, невозмутимая *трезвость взгляда*. Странно это слышать! Вѣдь Добролю-

бовъ—одинъ изъ самыхъ злокозненныхъ «мальчишекъ»: слѣдовалобъ ждать примѣрнаго легкомыслія и азарта. На самомъ дѣлѣ русская литература именно въ сочиненіяхъ Добролюбова владѣетъ самыми зрѣлыми и обдуманнѣйшими страницами. Предъ этой твердостью и спокойной увѣренностью формы и содержанія—выкиканія *Русскаго Вѣстника* являются какимъ-то психопатическимъ припадкомъ, безтолковыми метаніями раненаго звѣря. И не одного *Русскаго Вѣстника*: подъ ударами этого безпощаднаго анализа и дѣйствительно *реальной* логики могутъ почувствовать краску стыда люди, искренно считающіе себя вѣрными противниками реакціи, консерватизма и блистательными двигателями прогресса.

Добролюбовъ въ самомъ выгодномъ положеніи, чтобы изоблачать злѣйшую язву русской литературы и общественности. И въ его смѣлости и истинно-молодой искренности—великій гражданскій подвигъ. Бороться съ явными мракобѣсами, крѣпостниками и скотолюбцами ему, человѣку шестидесятихъ годовъ, не предстоитъ особенной нужды. Только позже эти породы получаютъ настолько видное значеніе, что состязанія съ ними станутъ вопросомъ дня. Пока праздникъ еще далеко отъ ихъ улицы,—и у молодой публицистики имѣется другой, несравненно болѣе опасный врагъ,—не утратившій своей ядовитости и до послѣднихъ дней.

Послѣ севастопольскаго погрома, съ началомъ новаго царствованія надъ Россіей пронеслась нѣкая живительная сила. Страна будто проснулась и раскрыла свои глаза на свои недуги и язвы. Въ порывѣ самобичеванія она принялась всенародно каяться въ своихъ прегрѣшеніяхъ, раскрывать «свои общественныя раны»,—и въ самое короткое время на сцену выступило множество вопросовъ, задачъ, стремленій. Вышло зрѣлище поучительное и трогательное. Можно было подумать,—просыпается исполинъ на великіе подвиги. И отрадное чувство невольно охватывало свидѣтелей этого величественнаго возрожденія. И особенно нашъ критикъ, только что расправившій крылья своей одаренной природы, увлекался и мечталъ.

Многое, слишкомъ многое наполняло эти мечты. Юноша, вѣроятно, ждалъ мгновеннаго обновленія земли и неба. Мечты—простительныя: въ самомъ дѣлѣ ужъ очень громко происходила всенародная исповѣдь и даже солидные люди старшаго поколѣнія поддавались искушеніямъ минуты.

Но прошло два года, и нашъ молодой наблюдатель долженъ разстаться съ мечтами. Кающіеся люди успѣли уже ослабѣть и утомиться. Самые запальчивые отошли въ сторону и предпочли занять выжидательное положеніе. Почему?

Критика, можетъ быть, неправа въ своемъ быстромъ приговорѣ русскому обществу въ 1857 году: было еще рано клеймить его за

малодушіе и безразличіе. Наступившія вслѣдъ реформы встрѣтили горячій откликъ въ этомъ обществѣ и нашли даже въ его средѣ людей сознательнаго дѣла. Но эти факты не опровергаютъ негодующей рѣчи Добролюбова. Онъ правъ, усматривая среди многихъ свскихъ современниковъ родовую черту русскихъ гражданскихъ скорбниковъ. Еще до реформъ онъ могъ наблюдать немало при-смирѣвшихъ ораторовъ на либеральныя темы и еще больше прогрессивныхъ эксплуататоровъ новыхъ идей. *Фраза*—этотъ злѣйшій врагъ Добролюбова—успѣла и въ первые два года новыхъ вѣяній заявить свое всероссийское значеніе и открыть предъ внимательнымъ молодымъ наблюдателемъ цѣлый рядъ руководителей реторическаго, тунеяднаго, шарлатанскаго «либерализма».

«Подвиги нужно совершать не на однихъ словахъ»—«нужны дѣйствительные труды и пожертвованія»—вотъ страшный голосъ *фактовъ*. Стоило ему раздаться въ ухахъ всероссийскихъ показывиковъ, и героическое зрѣлище мгновенно стало неузнаваемымъ. Проснувшійся было Илья Муромецъ, правда, снова не погрузился въ безпробудный сонъ, но явь его оказалось, пожалуй, еще жалче спячки.

Вотъ галерея какихъ спасителей отечества проходитъ предъ современникомъ столь, повидимому, энергической, вдохновляющей эпохи. Помѣщикъ толкуетъ о правахъ человѣчества и о необходимости развитія личности; чиновникъ жалуется на запутанность и обременительность дѣлопроизводства; офицеръ—на утомительность парадовъ; въ журналахъ читаются «либеральныя выходки» противъ злоупотребленій; въ обществѣ просвѣщенныхъ людей высказывается горячее сочувствіе нуждамъ человѣчества, разсказываются съ одушевленіемъ анекдоты о взяточникахъ и беззаконіяхъ всякаго рода...

Кто же всѣ эти ораторы и публицисты? По глубокому убѣжденію Добролюбова все это Обломовы, и либеральныя статьи пишутся изъ Обломовки. ⁽²⁴⁸⁾.

Обломовскій типъ въ русской природѣ вовсе не ограничивается лежебоками вроде Ильи Ильича. Типъ видоизмѣняется и совершенствуется и признаки его въ высшей степени разнообразны, нерѣдко блестящи и очаровательны, особенно для женскихъ сердецъ. Онѣгинъ, Печоринъ, Рудинъ, Бельтовъ не чета гончаровскому герою, а между тѣмъ всѣ они одной съ ними породы. У всѣхъ у нихъ одна общая черта—*безплодное стремленіе къ дѣятельности, сознание что изъ нихъ многое могло бы выйти, но не выйдетъ ничего*. Это главное, все остальное подробности и

²⁴⁸⁾ Что такое обломовщина? Сочиненія. II, 556—7. Ср. Губернскіе очерки. Ib. I, 435 etc.

для конечнаго результата безразлично, страстный ли *печоринскій* темпераментъ у Обломова или *обломовскій* въ точномъ смыслѣ слова, краснорѣчивъ ли Обломовъ на манеръ Рудина или малозначительно молчаливъ по образцу Онѣгина. Всѣ они проживутъ жизнь байбаками и лишними людьми.

Типичный голосъ шестидесятника! И онъ логическое послѣдствіе критики Бѣлинскаго. У стараго идеалиста не хватило бы духа обозвать Печорина и Рудина тунейдцами и отождествить съ жалкимъ нравственно-недужнымъ отбросомъ крѣпостной теплицы, но запросъ Бѣлинскаго къ сознательному и дѣятельному идеализму былъ смертнымъ приговоромъ блестящему типу при всѣхъ его задаткахъ протеста и виѣшнихъ чарахъ.

Добролюбовъ только иллюстрировалъ общій идеалъ Бѣлинскаго, всей своей натурой отвѣчавшаго на горечь и гнѣвъ своего преемника. И Добролюбовъ, рисуя положительный контрастъ Обломовымъ, невольно и безсознательно характеризуетъ своего первоучителя:

«Всѣ обломовцы никогда не перерабатывали въ плоть и кровь свою тѣхъ началъ, которыя имъ внушили, никогда не проводили ихъ до послѣднихъ выводовъ, не доходили до той грани, гдѣ слово становится дѣломъ, гдѣ принципъ сливается съ внутренней потребностью души, исчезаетъ въ ней и дѣлается единственною силою, двигающею человѣкомъ. Потому-то эти люди и лгутъ безпрестанно, потому-то они и являются такъ несостоятельными въ частныхъ фактахъ своей дѣятельности. Потому-то и дороже для нихъ отвѣченныя воззрѣнія, чѣмъ [живые факты, важнѣе общіе принципы, чѣмъ простая жизненная правда. Они читаютъ полезныя книги для того, чтобы знать, что пишется; пишутъ благородныя статьи затѣмъ, чтобы любоваться логическимъ построеніемъ своей рѣчи; говорятъ смѣлыя рѣчи, чтобы прислушиваться къ благозвучію своихъ фразъ и возбуждать ими похвалы слушателей. Но что далѣе, какая цѣль всего этого чтанія, писанія, говоренія, они или вовсе не хотятъ знать, или не слишкомъ объ этомъ беспокоятся».

Эта характеристика обломовщины должна остаться безсмертной. Одной ея было бы достаточно, чтобы умъ и прямоту молодого критика поставилъ на историческую высоту. Дальнѣйшіе выводы вполне ясны.

Долой теоріи: одна чистая неограниченная правда дѣйствительности! Прочь доктринеровъ, на сцену—практиковъ, дѣятелей хотя бы въ самой ограниченной, но жизненной области. Слѣдуетъ разъ навсегда покончить съ шумомъ и блескомъ, оставить несбыточныя надежды по произволу передѣлывать исторію. Напротивъ, необходимо признать громадную силу обстоятельствъ,

изучать почву и время во всѣхъ подробностяхъ, понять человѣка въ его плоти и крови и подойти къ внѣшнему міру не съ фантастическими представленіями и эффектными криками, а съ сильной, дѣльной рѣчью и практической сноровкой. Въ прошломъ Бѣлинскій былъ такимъ человѣкомъ и еще пять-шесть его единомышленниковъ. Они умѣли довести отвлеченный философскій принципъ до *реальной жизненности и истинной глубокой страстности*. Молодое поколѣніе—слѣдуетъ за ними, и Добролюбовъ противопоставляетъ рабочую толпу, практически освѣдомленную, молчаливо-дѣятельную—пышному фразерству и выпреннимъ отвлеченнымъ полетамъ обломовцевъ ²⁴⁹⁾.

Опять—истинно-историческій голосъ подлиннаго шестидесятника. Мы говоримъ, подлиннаго, потому что на смѣну Добролюбову явятся неспособные и мнимые преемники и совершенно извратятъ его истины. Они поднимутъ войну противъ Тургенева за униженіе молодого поколѣнія. Они захотятъ въ себѣ самихъ воплотить новую породу блестящаго типа, неограниченно-могущественнаго идеальнаго Базарова, однимъ взмахомъ руки способнаго опрокинуть ветхій міръ и возсоздать новый... Какими жалкими и смѣшными покажутся лицедѣйствующіе младенцы геніальному художнику! Въ отвѣтъ на ихъ притязанія и театральство онъ отвѣтитъ имъ той же рѣчью, какую они могли слышать гораздо раньше отъ Добролюбова.

«Мы вступаемъ въ эпоху только *полезныхъ* людей... и это будутъ лучшіе люди»... Стремленія къ *общему* идеалу безплодны, надо ограничить кругъ дѣйствій, надо выбрать малое *спеціальное* дѣло въ 'уровень съ способностями и наклонностями, хотя бы, на примѣръ, учить мужика грамотѣ, лѣчить его и этотъ *частный* идеалъ дастъ жизнь общему. «Въ норку, въ норку, молодые люди!» взывалъ Тургеневъ къ самозванымъ Базаровымъ, залетѣвшимъ подъ седьмое небо теорій и плановъ, и на его языкѣ это означало: «впередъ молодое поколѣніе!» ²⁵⁰⁾.

Но когда говорились эти рѣчи, на сценѣ уже не было Добролюбова, и «русскіе Лео» яростно набросились на творца Базарова, какъ личнаго оскорбителя: въ эти минуты они порывали, правда невмѣняемо, нравственныя связи съ своимъ общепризнаннымъ авторитетомъ.

Этотъ авторитетъ будто избралъ своимъ спеціальнымъ идеаломъ «преслѣдованіе тщедушія и театральства во всѣхъ видахъ». *Платоническая любовь къ общественной дѣятельности, платоническіе любовники либерализма*—на его языкѣ самыя унизитель-

²⁴⁹⁾ *Литературныя мелочи прошлаго года*. Ст. 1359 г. II, 417 etc.

²⁵⁰⁾ Ср. въ нашей книгѣ *И. С. Тургеневъ*. Спб. 1896 г., стр. 261 etc.

ныя наименованія и онѣ неистощимъ на насмѣшки надъ идеальными трогательными героями, даже умирающими въ чахоткѣ и съ самыми краснорѣчивыми монологами на безкровныхъ устахъ. Они—не реальны, не положительны, не дѣятельны по природѣ, и не все ли равно, при какихъ обстоятельствахъ они кончаютъ свое существованіе!

Это, можетъ быть, жестоко и не либерально, но дѣйствительно идеально и прогрессивно. Жизнь не идиллія и человѣческое общество не царство лирическихъ пастушковъ, и человѣческое назначеніе не красиво страдать, а неутомимо работать. И съ этой точки зрѣнія громогласные Лео попадаютъ въ одинъ разрядъ съ жертвожденными жертвами нравственной и физической блѣдной немочи.

Распространите этотъ взглядъ на литературу, и вы логически получите реальную эстетику и правила реальной критики, опять *подлинной*, совершенно не похожей на журнальныя органы позднѣйшихъ вырожденцевъ великаго движенія.

XXXV.

Что такое настоящая *реальная* литература, достойная молодого положительнаго поколѣнія? Отвѣтъ чрезвычайно простъ и онъ данъ тѣмъ же Бѣлинскимъ. Литература—художественно воспроизведенная дѣйствительность, такъ можно вкратцѣ выразить всю эстетику Бѣлинскаго и принципы его критики. Добролюбовъ идетъ дальше.

Бѣлинскій, какъ исконный питомецъ философскихъ системъ, не могъ лишить литературы самостоятельнаго идеальнаго значенія, т. е. принципиальнаго независимаго воздѣйствія на дѣйствительность. Для Бѣлинскаго существуетъ двѣ равноправныя силы—*художникъ* и *жизнь*, *творчество* и *фактъ*. Поэтому онъ такъ и настаивалъ на разностороннемъ нравственномъ развитіи художника, на «духовно-личной самостоятельности» художника, на его «вѣчно-тревожномъ стремленіи къ идеалу и уравниеніи съ нимъ дѣйствительности». Гоголь, при всей гениальной способности воспроизводить дѣйствительность, не удовлетворялъ Бѣлинскаго потому что въ немъ—какъ художникъ—не было этой субъективной стихіи, опредѣленнаго жизненнаго идеала.

Добролюбовъ перетягиваетъ вѣсы на сторону дѣйствительности по очень понятной причинѣ: такимъ путемъ онъ думаетъ сохранить вѣрность факту и реализму. Идея, богатая многочисленными истинами, но въ тоже время представляющая немало опасностей.

Критикъ прекрасно понимаетъ психологію творчества. Онъ

далекъ отъ мысли производить какіе бы то ни было насильственные опыты надъ художественнымъ произведеніемъ и призывать художника на инквизиціонный судъ за отсутствіе направленія. Онъ не станетъ, конечно, разсуждать о томъ, что такое красота, эстетическое волненіе: этимъ на досугъ могутъ заняться чувствительныя барышни ²⁵¹⁾. Критика и въ жизни и литературѣ занимаютъ только жизненные факты, и онъ смотритъ на созданіе искусства совершенно какъ на произведеніе ума и науки. Оно для него таже исторія и тоже естественное описаніе. Въ практической жизни дѣльное пониманіе фактовъ и явленій неизмѣримо дороже и важнѣе, чѣмъ теорія и отвлеченія,—въ художественныхъ произведеніяхъ фактическое содержаніе нужнѣе авторской тенденціи. Это—двѣ стороны одной и той же истины. «Жизнь не уловляется діалектикой—для Добролюбова до такой степени неопровержимая истина, что онъ готовъ впасть въ фатализмъ, признать за личностью одну только способность воспріятія, а жизни и средѣ приписать всемогущую силу создавать такой или иной нравственный міръ въ человѣкѣ. Личность *ничтожна* предъ общимъ ходомъ исторіи ²⁵²⁾. Это вполне естественный выводъ матеріалистической философіи,—и Добролюбовъ, въ качествѣ добросовѣстнаго ученика Чернышевскаго, не перестаетъ твердить о столь же стихійномъ, математически-неуклонномъ развитіи духовнаго міра, какое царствуетъ въ физическомъ.

Совершенно послѣдовательно въ искусствѣ онъ будетъ сосредоточивать свое вниманіе на средѣ и событіяхъ и равнодушно относиться къ теоріямъ художника, какъ нравственной и гражданской личности. Какъ ни странно и даже неожиданно, но именно Добролюбовъ возстанетъ противъ тенденціозности и партійности въ художественномъ творчествѣ и произнесетъ защитительную рѣчь въ пользу объективности. Конечно, онъ поспѣшитъ отречься собственно отъ чистаго искусства и съ одинаковымъ презрѣніемъ встрѣтитъ резонерскій либерализмъ Бенедиктова и беззаботное щебетанье идиллическихъ пѣвцовъ луны и дѣвы. Но все-таки объективность не только законное, а даже великое достоинство художника,—больше: требовать отъ него непремѣнно раздражительнаго содержанія, т. е. тенденціознаго—значитъ непремѣнно хотѣть руководителя даже въ чувствахъ, т. е. впадать въ обломовщину ²⁵³⁾.

Мы должны брать то, что даетъ намъ поэтъ и требовать лишь одного: пусть его *предметъ* будетъ значителенъ, все остальное приложится само собой. Следовательно, вопросъ можетъ быть только

²⁵¹⁾ *Когда же придетъ настоящий день?* III, 275.

²⁵²⁾ I, 441, 558.

²⁵³⁾ II, 531.

о приложеніи таланта, а не о руководящихъ принципахъ художника,—и цѣнность таланта зависитъ не отъ субъективныхъ теоретическихъ задачъ, а отъ объекта творчества. Можно выразиться еще яснѣе: великій талантъ непремѣнно идеенъ и общественно-поучителенъ, независимо отъ преднамѣренныхъ задачъ. Къ этому выводу пришелъ Бѣлинскій и его усвоилъ Добролюбовъ. «У сильныхъ талантовъ,—говоритъ онъ,—актъ творчества такъ проникается всею глубиною жизненной правды, что иногда изъ простой постановки фактовъ и отношеній, сдѣланной художникомъ, рѣшеніе ихъ вытекаетъ само собою». «И для критика,—по его собственнымъ словамъ,—именно тѣ произведенія и важны, въ которыхъ жизнь сказала само собою, а не по заранѣе придуманной авторомъ программѣ» ²⁵⁴).

Задачи критики послѣ этого вполне ясны и, на первый взглядъ, дѣйствительно не хитры, на чемъ настаиваетъ Добролюбовъ. Критика должна подвести итоги даннымъ, разсѣяннымъ въ произведеніи автора, взглянуть на нихъ какъ на явленія, *факты* жизни. Она будетъ имѣть дѣло исключительно съ произведеніемъ, дѣйствующими лицами, а не съ личностью художника. Для нея, на примѣръ, совсѣмъ не существуетъ вопроса, почему Островскій не уподобляется Гоголю и чѣмъ онъ отличается отъ Шекспира? Она не станетъ также допытываться, какихъ воззрѣній придерживается драматургъ на старый и новый бытъ Россіи? Положимъ, онъ изобразилъ старозавѣтнаго и въ тоже время добраго и умнаго героя: реальная критика не позволитъ себѣ сдѣлать заключеніе, что авторъ сочувствуетъ стариннымъ предрасудкамъ,—она сосредоточится на фактѣ: на сценѣ хорошій человѣкъ, зараженный предрасудками,—дѣйствителенъ ли этотъ фактъ? Если дѣйствителенъ, то чѣмъ онъ объясняется? И какія объясненія имѣются въ самомъ произведеніи?

Очевидно, величайшій вредъ художнику можетъ причинить всякая односторонность, исключительность, пристрастіе. Онъ долженъ или сохранить совершенно простой, *младенчески-непосредственный* взглядъ на міръ, или спастись отъ односторонности возможно болѣе широкимъ развитіемъ своихъ понятій, т. е. стать въ уровень съ передовыми людьми мысли своего времени. Отсюда тѣснѣйшая связь искусства и науки ²⁵⁵).

Предъ нами опять воскресаетъ Бѣлинскій и мы должны признать, что болѣе вѣрнаго ученика критикъ не могъ желать. Слѣдуетъ прибавить, и болѣе вліятельнаго, и болѣе краснорѣчиваго въ общемъ *положительномъ* движеніи шестидесятыхъ годовъ.

²⁵⁴) *Забитые люди*. III, 552; 277.

²⁵⁵) III, 276. *Темное царство*. III, 14.

Сколько безсмыслицы, невѣжества или преднамѣренной клеветы въ навѣтахъ, будто шестидесятники — безпощадные гонители искусства, фанатическіе проповѣдники тенденціозныхъ проповѣдей въ беллетристикѣ! Ни одинъ чистый поэтъ не умѣлъ защитить поэзіи и творчества съ такимъ авторитетомъ, съ такой логичностью, какъ это удалось Добролюбову. Онъ, признаетъ *чувство художника* источникомъ нравственнаго возмущенія противъ незаконной дѣйствительности, онъ оберегаетъ Островскаго и Тургенева отъ резонерскихъ натисковъ изъ Обломовки, онъ ощущаетъ страхъ — «прикоснуться своей холодной и жесткой рукой къ нѣжному поэтическому созданію», т. е. къ тургеневской Еленѣ, — и сухимъ безчувственнымъ пересказомъ профанируетъ чувство читателя и поэзію романа, онъ пишетъ лирическую страницу о благодатныхъ слезахъ, свѣтлыхъ воспоминаніяхъ дѣтства, о чарахъ дѣвственныхъ волненій, онъ признаетъ за вдохновеніемъ художника силу проникать въ міръ, закрытый для логическаго мышленія, онъ представляетъ себѣ всю мощь, всю сложность творческой работы, возсоздающей изъ безсвязныхъ, отрывочныхъ, противорѣчивыхъ явленій дѣйствительности стройное цѣлое, — и этотъ онъ — вождь новыхъ вандаловъ! ²⁵⁶⁾. О если бы вѣчно русское искусство знало только такихъ разрушителей и реалистовъ! Не пришлось бы ему переживать періодическія смуты со всѣми бѣдствіями умственнаго междупарствія — художественнымъ декадентствомъ и идейнымъ индифферентизмомъ.

Иногда можно подумать, — Добролюбовъ даже переоцѣнивалъ искусство въ ущербъ чистымъ фактамъ дѣйствительности, — и эта переоцѣнка не мимоетное увлеченіе, а строго обдуманнй выводъ изъ глубокаго и разносторонняго представленія о предметѣ. Вотъ разсужденіе изъ предсмертной статьи Добролюбова: оно — подлинное завѣщаніе истиннаго шестидесятника, оно — послѣднее слово въ эстетикѣ перваго дѣйствительно-прогрессивнаго періода эпохи:

«Художникъ всегда безпристрастенъ: къ спорамъ и теоріямъ онъ не прикасается, а наблюдаетъ только факты жизни да и рисуетъ ихъ какъ умѣетъ, — вовсе не думая, кому это послужитъ, для какой идеи пригодится. И поэтому-то именно замѣчательный художникъ важенъ въ общественномъ смыслѣ: въ жизни-то еще когда наберешь фактовъ, да и тѣ будутъ блѣдны, отрывочны, побужденія не ясны, причины смѣшаны; а тутъ, пожалуй, и одно или два явленія представлены, да за то такъ, что послѣ нихъ уже никакого сомнѣнія не можетъ быть относительно разряда подобныхъ явленій» ²⁵⁷⁾.

²⁵⁶⁾ III, 277, 297, 535.

²⁵⁷⁾ III, 563.

Добролюбовъ не остановился на признаніи могучей просвѣтительной и облагораживающей силы за искусствомъ. Онъ, оберегая неприкосновенность художественной личности, готовъ загорѣться гнѣвомъ противъ «споровъ и партій», только потому что они споры и партіи. Критикъ увлекся объективностью гораздо больше, чѣмъ позволяла его публицистическая натура и допускали задумевшіяся стремленія его поколѣнія. Что-нибудь изъ двухъ—или признавать «глубокую страстность» и «святое недовольство» Бѣлинскаго достоинствами, или считать идеаломъ спокойствіе Гончарова. Критикъ совершенно правъ въ своихъ восторгахъ предъ вдохновенной проникательностью гениальныхъ художниковъ: они дѣйствительно способны схватывать въ жизни и изображать въ дѣйствіи то, что философы только предугадываютъ въ теоріи. Они могутъ являться «полнѣйшими представителями высшей степени человѣческаго сознанія въ извѣстную эпоху» и, слѣдовательно, своимъ творчествомъ внушать человѣчеству яснѣйшее представленіе о силахъ и потребностяхъ даннаго времени. Таковъ, напримѣръ, Шекспиръ. Но значить ли это, что художникъ великъ по мѣрѣ своего отчужденія отъ партій и политическихъ волненій своихъ современниковъ? Какъ же онъ тогда будетъ уяснять «живыя силы» и «естественныя наклонности» своей публики ей же самой? Не слѣдуетъ ли придти къ совершенно обратному заключенію?

Недоразумѣніе рѣшилъ самъ Добролюбовъ удивительными разсужденіями о Берамъ и характеристикой Катерины Островскаго. Обѣ статьи — слабѣйшія произведенія добролюбовскаго пера и свидѣлствуютъ гораздо больше объ искренности критика, чѣмъ объ основательности и вдумчивости его политической мысли и психологическаго анализа. Но, произнося этотъ приговоръ, мы должны помнить первоисточникъ недоразумѣній: не можетъ быть сомнѣнія, что въ недалекомъ будущемъ самъ критикъ внесъ бы необходимыя поправки въ свои нецѣлесообразныя увлеченія, какъ это онъ успѣлъ сдѣлать относительно идей среды и историческаго фатализма.

XXXVI.

Представленіе о всемогуществѣ *среды*, мы знаемъ, возникло на почвѣ матеріалистическаго воззрѣнія, но жизненные опыты быстро доказали несостоятельность прямолинейнаго ученія. У Добролюбова это произошло послѣ перваго же столкновенія съ фактами, доказывавшими, повидимому, невинность личности въ вопіющихъ нарушеніяхъ принциповъ гуманности и культурности. Исторія въ свое время надѣлала много шума: въ положеніи обвиняемаго оказался просвѣщеннѣйшій современный администраторъ—Пироговъ.

Добролюбовъ восторженно привѣтствовалъ *Вопросы жизни*—статьи Пирогова въ *Морскомъ Сборникѣ*. Критику оставалось только развивать его преобразовательныя гуманныя идеи, рѣзко опредѣленные и прямо высказываемыя. Но восторгъ пришлось очень скоро замѣнить другими чувствами и написать негодующую статью *Всероссійскія иллюзіи, разрушаемая розгами*, съ эпиграфомъ *Tu quoque Brute*. Оказывалось, Пироговъ издалъ *Правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ* и не призналъ возможнымъ окончательно и безповоротно изгнать тѣлесныя наказанія изъ учебныхъ заведеній. Сюда поступали дѣти, подвергавшіяся сѣченію дома, отъ родителей, и *Правила* на этомъ основаніи считали невозможнымъ «вдругъ вывести розгу изъ употребленія», хотя и признавали розгу «гнусной и вредной». Пироговъ, лично безусловно враждебный тѣлеснымъ наказаніямъ, уступилъ большинству педагогическаго комитета при учебномъ округѣ. Съ самаго начала онъ положилъ рѣшать всѣ вопросы по округу коллегіальнымъ путемъ, не измѣнилъ рѣшенію и въ вопросѣ о розгахъ.

Правъ онъ или виноватъ?

Съ излюбленной точки зрѣнія Добролюбова на всемогущество среды Пироговъ поступилъ вполне закономѣрно, исторически-фатально и призывать его на судъ рѣшительно не за что; его дѣйствія *естественны*: они оправдываютъ общій неотразимый порядокъ вещей. Съ другой стороны защитники Пирогова восхваляли его за вѣрность коллегіальному началу, за подчиненіе большинству. Особенно сослуживцы Пирогова, зная безукоризненную гуманность и терпимость своего начальника, жестоко возмущались нападками Добролюбова. Одинъ изъ нихъ, много лѣтъ спустя, спрашивалъ: «Что бы сказалъ тотъ же Добролюбовъ, если бы Пироговъ отвергнулъ мнѣніе комитета? Вѣроятно написалъ бы статью подъ заглавіемъ: *Гуманность, превратившаяся въ мандарина*, или что-нибудь въ такомъ родѣ»²⁵⁸).

Несомнѣнно написалъ бы, если бы большинство оказалось *противъ* розогъ, а самъ Пироговъ—за розги. Слѣдовательно, нравственный характеръ дѣйствій Пирогова зависѣлъ исключительно отъ отвѣта на поставленный вопросъ и въ интересахъ желательнаго отвѣта Добролюбовъ вынужденъ придти къ совершенно новому пониманію взаимныхъ отношеній личности и среды. Вся статья *Отъ дождя да въ воду*—обвинительный актъ противъ податливости, уступчивости, подчиненія необходимости со стороны личности предъ какой бы то ни было повелительной средой. И критикъ, вмѣсто прежняго узаконенія факта ничтожества личности предъ ходомъ обстоятельствъ, теперь снабжаетъ личность совѣтами, какъ

²⁵⁸) *Воспоминанія о Пироговѣ* Л. Доброва. *Русск. Ст.* 1885, іюнь, 608.

вести борьбу противъ среды. Съ этихъ поръ онъ усердно примется толковать о значеніи убѣжденій, сильной натуры, нравственной твердости и самостоятельности. Сначала онъ рекомендуетъ честнымъ людямъ приступать къ общественной дѣятельности непремѣнно съ определенной программой и съ неуклоннымъ намѣреніемъ или выполнить ее, или удалиться. Потомъ додумывается до реального опредѣленія среды. Она перестаетъ являться ему какой-то неотразимой фатальной темной силой. Онъ разложилъ ее на составные элементы и пришелъ къ заключенію: «среда—это всѣ мы... и всѣ обязанности хлопотать, на сколько есть силъ и умѣнья о существенномъ измѣненіи нашего положенія, чтобы развязаны были намъ руки на проведеніе нашихъ задушевныхъ убѣжденій» ²⁵⁹).

Эта истина становится главнымъ символомъ Добролюбовской публицистики. Нѣтъ сомнѣнія, и раньше онъ понималъ настоящую цѣну личной силы и убѣжденности, но школьная философская теорія заставляла его чрезмѣрно рѣзко подчеркивать значеніе почвы, среды, вообще внѣшняго міра. Въ этой крайности была своя разумная сторона: Добролюбовъ, мы видѣли, успѣлъ побѣдною разсчитаться съ отвлеченнымъ доктринерствомъ и платоническимъ либерализмомъ. Но риторы и чистые теоретики не должны заслонять собою вообще идейности, личной активной принципиальности. Жизнь не только творить и *позволяетъ* творить, но и *воспринимаетъ* творчество извнѣ. *Среда* безпрестанно поработываетъ и обезсиливаетъ людей, но та же среда можетъ быть возбуждена, взволнована въ своемъ *историческомъ* покоѣ, сдвинута съ мѣста и, если не преобразована, то столкнута съ традиціоннаго коснаго пути. Сдѣлають это, разумѣется, не фразеры и не обломовцы, но все-таки люди слова и идеи, люди личной инициативы и самообытнаго протеста во имя идеала.

Съ правовѣрной точки зрѣнія матеріалистическаго ученія выводъ не логичный и не научный: къ нему шестидесятники и пришли окольнымъ путемъ, не чрезъ разсужденія въ духѣ *Антропологическаго принципа*. Этимъ обходомъ они косвенно подписали приговоръ своей общей философій и неопровержимо доказали превосходство своихъ натуръ и талантовъ подъ опрометчиво-излюбленной доктриной. Понятіе *факта* и *оѣствительности*—положительный капиталъ въ идеяхъ шестидесятниковъ, но война съ метафизикой, культъ научности и жизненной правды имѣють только внѣшнее соприкосновеніе съ матеріализмомъ,—менѣе всего логическое и научное.

Мы видѣли, Добролюбовъ усиленно противопоставлялъ реальное

²⁵⁹) I, 286, 307.

познаніе дѣйствительности, платоническому идеализму, теперь у него та же, но видоизмѣненная параллель: *благонамѣренность и дѣятельность*. Въмѣсто спокойной трезвости взгляда является *истинное, живое, полное убѣжденіе*, до такой степени сросшееся съ человѣкомъ, что онъ на пути къ его осуществленію можетъ пойти на смерть или умереть, вынужденный заглушить свое убѣжденіе ²⁶⁰).

Вотъ до какихъ предѣловъ теперь доходитъ азартъ критика *въ пользу идеи!* Мы употребляемъ его собственные слова и должны запомнить ихъ: они послужатъ намъ неопровержимой уликой противъ нашего критика, слишкомъ склоннаго поддаться очарованію прежнихъ дней. Катерина вновь вызоветъ въ душѣ Добролюбова лирическія движенія, уничтожающія только что воздвигнутый алтарь убѣжденіямъ, принципамъ, сознательному, идейному подвижничеству. Но Катерина, очевидно, рѣдкое поэтическое явленіе, властное надъ сердцемъ критика: Пушкинъ не обладаетъ такою властью и именно онъ станетъ жертвой чрезвычайно суроваго взгляда Добролюбова къ убѣжденіямъ и личной силѣ.

Еще до преобразования понятія среды Добролюбовъ раздѣлялъ позднѣйшее мнѣніе Чернышевскаго насчетъ недостаточной образованности Пушкина, слабости характера и убѣждений. Мы сопоставили сужденія обоихъ критиковъ, по времени крайне сосѣдственныя и внутренне, несомнѣнно, тѣсно связанныя. Съ теченіемъ времени взглядъ Добролюбова сильно обострился и если бы мы не вполнѣ ясно представляли послѣдовательность этого процесса, критикъ раскрылъ бы его въ своей предсмертной статьѣ. Пушкинъ лишь кое-какъ проявляетъ уваженіе къ человѣческой природѣ, къ человѣку, какъ къ человѣку, и то большею частью въ эпикурейскомъ смыслѣ. Пушкинъ по натурѣ былъ слишкомъ мало серьезенъ, на языкѣ эстетиковъ это значитъ—слишкомъ гармониченъ, чтобы заниматься аномаліями жизни ²⁶¹).

Вотъ къ какимъ выводамъ пришелъ критикъ, еще такъ недавно одобрявшій спокойствіе и объективность Гончарова. Мало даже убѣждений, надо обладать протестующей безпокойной натурой, все равно, какъ бы ни былъ великъ художественный талантъ. И во имя этого требованія критикъ, по поводу Пушкина забываетъ о средѣ и обстоятельствахъ, а между тѣмъ, онъ не имѣлъ болѣе повелительнаго и основательнаго случая вспоминать о нихъ, чѣмъ именно при оцѣнкѣ личности и таланта Пушкина. Замѣчательно, ту же самую несправедливость обнаружить и Писаревъ. Какой-нибудь Гейне встрѣтитъ самыя благосклонныя объясненія

²⁶⁰) *Благонамѣренность и дѣятельность*. III, 351.

²⁶¹) III, 554.

и оправданія, на основаніи условій эпохи и обстоятельствъ, а Пушкинъ будетъ взятъ въѣ времени и пространства. Сыграетъ здѣсь не малую роль и простая ограниченность и сбивчивость историко-литературныхъ свѣдѣній, по несомнѣнно, знаменитая писаревская война съ эстетикой должна признать своего предшественника въ добролюбовскомъ недоразумѣніи.

Но пусть на самомъ дѣлѣ Пушкинъ единолично виноватъ въ сомнительномъ идейномъ содержаніи своего творчества, тогда, по крайней мѣрѣ, надлежитъ распространить требованіе убѣжденій и энергически-сознанныхъ принциповъ на всѣ культурныя явленія. Критикъ, отказываясь съ пристрастіемъ допрашивать художниковъ насчетъ ихъ преднамѣренныхъ задачъ, совершенно разумно настаиваетъ на *отзывчивости* художественной натуры. «Всѣ колебанія общественной мысли» должны встрѣчать чуткій отголосокъ въ душѣ художника. «Живое отношеніе къ современности»—единственное условіе широкой популярности и долговѣчности поэта. Этой отзывчивостью именно и силенъ Тургеневъ ²⁶²).

Совершенно вѣрно, и логическій выводъ, повидимому, не подлежитъ сомнѣнію. Разъ даже *колебанія* должны захватывать талантъ художника, очевидно, онъ можетъ принадлежать къ извѣстной политической и общественной партіи. Мы не станемъ требовать, чтобы эта принадлежность существовала во что бы то ни стало, чтобы художникъ ради политики насилывалъ свое вдохновеніе. Мы готовы предоставить художниковъ самимъ себѣ, но мы поставимъ правиломъ: величіе и значительность таланта оцѣниваются богатствомъ и важностью явленій и вопросовъ, возбуждавшихъ его творческую работу. Положеніе, утвержденное еще критикой Бѣлинскаго и признанное Добролюбовымъ. Слѣдовательно, мы можемъ и не подвергать порицанію идейно-безсодержательное вдохновеніе, но мы отведемъ ему законное и отнюдь не первое мѣсто въ нашей исторіи литературы и общественной мысли.

Если все это справедливо, тогда какая ироническая и злая сила могла внушить Добролюбову его восторги предъ личностью и произведеніями Берамже? Критику извѣстно, что правительство Наполеона III торжественно хоронило этого поэта и рядомъ съ этимъ фактомъ онъ ставитъ увѣренность, что въ пѣсняхъ Берамже «всѣ горести и труды бѣдняковъ нашли себѣ живой и полный отголосокъ!» Изумительное пониманіе бонапартистской щедрости, по представленію русскаго критика, расточаемой имени поэта-демократа и социалиста!

Но это лишь вступленіе къ безпримѣрному панегирику въ честь пѣсенника-бонапартиста, вложившаго всю душу свою въ

²⁶²) III, 278 etc.

увѣнчаніи наполеоновской круглой шляпы и сѣраго сюртука и не перестававшаго бить въ барабанъ и наигрывать военные марши въ то время, когда страна напрягала всѣ усилія залѣчить раны и упорядочить культурный внутренній строй послѣ дикой бандитской оргіи «великаго императора». Беранже, конечно, въ перемѣшку съ барабаннымъ боемъ отчаянно либеральничалъ по адресу Бурбоновъ и католической церкви. Но все это купленное свободомысліе не имѣло ни малѣйшаго значенія оригинальности: заблужденіе реставраціи находило достодолжный отпоръ со всѣхъ сторонъ, кромѣ безнадежно-больныхъ мавіаковъ реакціи. Рiemы Беранже приносили пользу современной публикѣ развѣ только въ одномъ отношеніи—давали меткія и остроумныя клички и изреченія всеобще-ненавистнымъ фактамъ и лицамъ. Это остроуміе и бойкость формы спасаютъ удручающую банальность содержанія пѣсенъ Беранже. Французская литература не знаетъ ни одного писателя съ такимъ громкимъ именемъ и съ такой откровенной шаблонностью мысли.

Добролюбовъ миновалъ совершенно вопросъ и о политической подкладкѣ вдохновенія Беранже, и положительномъ смыслѣ его идеаловъ. Критикъ, съ удивительной непосредственностью, съ перваго приступа увѣровалъ въ краснорѣчивыя фразы и звучныя riemы поэта и *его же* чертами обрисовалъ его личность. Для критика оказалось вполне достаточно заявленія Беранже: *Le peuple c'est ma muse, народъ—моя муза*, чтобы безъ оглядки пуститься въ идеализацію совершенно фантастическаго небывалаго представителя французскаго народа. Критикъ жестоко возмущается запросами, какія соотечественники Беранже предъявляютъ къ его *политикъ*. Они не находятъ у прославленнаго пѣсенника твердыхъ политическихъ началъ, напротивъ, полное безразличіе къ современной политической борьбѣ.

Добролюбовъ возмущенъ. Беранже и современная политика! Какая негѣпость! Беранже выше всякой политики. У него имѣется *инстинктъ*, стоящій всякаго либерализма, «инстинктъ благородной натуры». Беранже инстинктивно стремился къ *народному благу* и отдавалъ свое сочувствіе тому, «кто болѣе дѣлалъ или даже только желалъ, обѣщалъ сдѣлать для народа». Хорошо, критикъ догадался прибавить *обшчалъ*: только развѣ способностью Беранже по инстинкту обожать человѣка, даже за *обшчинія* можно объяснить его культъ Бонапартовъ, но Беранже, имѣвшій officialнаго мецената въ лицѣ Людовика Бонапарта и почитателя таланта въ лицѣ Наполеона III, могъ говорить все что угодно и даже объявлять Наполеона I «представителемъ побѣдоноснаго равенства»: русскому шестидесятнику, реалисту въ исторіи и въ общественныхъ идеалахъ, непростительно было съ непосредственной наивностью

довѣряться признаніямъ и стихамъ Беранже. Это значило, убивать всякое критическое отношеніе къ предмету. Правда, низменный пафосъ музы поэта ужъ слишкомъ рѣзко бьетъ въ глаза, и Добролюбовъ, при всей своей необдуманной настроенности, не можетъ не оговориться: «конечно, Беранже ошибался, увлеченія его были ложны». Здѣсь слѣдовало бы и поставить точку; нѣтъ, критикъ считаетъ нужнымъ прибавить: «все-таки нельзя не сказать, что источникъ этихъ увлеченій никакъ не заслуживаетъ порицанія».

Что это за психологическая шарада? Увлеченія ложны, а источникъ ихъ похваленъ! Когда дѣло идетъ о вопросахъ сердца, еще можно представить подобный контрастъ *идеала* и *реального объекта*. Но въ политикѣ, возможно ли отдѣлить вдохновляющій, руководящій принципъ отъ практическаго осуществленія идеи? Возможно ли представить, чтобы серьезно мыслящій политикъ задался цѣлью развивать свободу и равенство, и вѣрнѣйшіе пути къ ней открылъ въ личности и дѣятельности Наполеона? Что-нибудь изъ двухъ—или политикъ рѣшительно не понимаетъ, что такое свобода и равенство, или преднамѣренно пользуется хищнически-приобрѣтенными уборами для украшенія своего недостойнаго идола. Кажется французъ эпохи реставраціи, да еще лично пережившій и видѣвшій революцію и имперію, могъ бы не заблуждаться насчетъ политическихъ и культурныхъ благодѣяній бонапартизма. Что касается критиковъ Беранже, объ уровнѣ его идеаловъ—они могутъ безошибочно судить по его религіознымъ понятіямъ и полету его политической мысли. Мелкое шаблонное вольнодумство въ стилѣ вольтерьянцевъ дурного тона или полужызыческая павибратская вѣра въ добраго бога подъ рукой, не возвышеніе и *политика Лизеты — доброй владѣтельницы*. Беранже, можетъ быть, вполне удовлетворителенъ для уличныхъ пѣвцовъ, но только по недоразумѣнію можно говорить объ его *убѣжденіяхъ* и особенно объ его «служеніи народной пользѣ».

Въ той же статьѣ о Беранже Добролюбовъ надѣлалъ немало открытій, независимо отъ главной темы, признался русской публикѣ въ своемъ восторгѣ предъ ультра-гейневской философіей любви. Эта философія выражена въ двухъ стихотвореніяхъ: въ одномъ поэтъ сегодня вдвойнѣ счастливъ съ возлюбленной, которая завтра-же, навѣрное, броситъ его ради гусаровъ, въ другомъ—онъ преподноситъ пышный букетъ цвѣтовъ своей милой, только что выдержавшей «большой военный постой» въ своемъ сердцѣ. Эти произведенія, превосходно отражающія чисто-гейневское сліяніе полу-естественнаго полу-напускнаго цинизма и холюднаго расчитаннаго кривлянья,—являются для русскаго критика защитой свободы женскаго чувства! И на его взглядъ нѣтъ

средины между пушкинскимъ Алеко и невѣняемымъ рыцаремъ парижскихъ кабацковъ! Естественно,—критикъ долженъ признать поэтическимъ вдохновеніемъ такое, напримѣръ, творчество французскаго народника:

Lisette, ma Lisette
 Tu m'as trompé toujours...
 Mais vive la grisette!
 Je veux, Lisette
 Boire à nos amours!

Весьма тонкое воспроизведеніе гейневскаго романа!

Соберемъ всѣ эти черты вмѣстѣ: проповѣдь непоколебимой принципиальности, наивную увѣренность въ глубокой демократической политикѣ Беранже, идеализацію шалостей амура въ стихахъ французскаго трубадура гризетокъ,—допустимъ, наконецъ, нѣчто невѣроятное и противоестественное—преклоненіе предъ Гейне одновременно съ культомъ убѣжденій и нравственной силы личности,—и со всѣмъ этимъ запасомъ фактовъ и идей подойдемъ къ прославленной статьѣ: *Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ...* Одно ли перо рисовало романтическій образъ этого «луча» и возводило на пьедесталъ личность, вооруженную всѣми знаніями своего времени и ясно сознанными и нерушимо—воспринятыми идеалами общественнаго и политическаго прогресса?

XXXVI.

Чтобъ по достоинству оцѣнить популярнѣйшее и, повидимому, увлекательнѣйшее произведеніе Добролюбова—необходимо во всей полнотѣ представить его идеи о личномъ развитіи, т.-е. о воспитаніи и образованіи. Мы знаемъ, Катерина возведена въ перлъ созданія за *натуру*, за *инстинктивныя влеченія* и *силу естественныхъ стремленій*. Все это превознесено подъ «азартомъ въ пользу идеи»: этотъ азартъ, т.-е. страстная сила убѣжденій, по мнѣнію критика «гораздо ниже и слабѣе того простого, инстинктивнаго, неотразимаго влеченія, которое управляетъ поступками личностей вродѣ Катерины, даже и не думающихъ ни о какихъ высшихъ идеяхъ».

Это очень сильно и, мы указывали, стѣбитъ декламаций Руссо во славу «естественнаго состоянія». Русскій писатель даже превосходитъ женеваго философа: онъ рѣшается поднять руку на людей, неприкосновенныхъ для Руссо въ самые мрачные припадки его человѣконенавистничества. Добролюбовъ издѣвается надъ «высокими ораторами правды, претендующими на «отреченіе отъ себя великой идеи». Эти ораторы, по его наблюденіямъ, *весьма часто* отступаются отъ своего служенія. Дѣло возможное, только

почему изъ-за этихъ хотя бы многочисленныхъ отступниковъ виновато высокое ораторство за правду и отреченіе отъ себя? Все это также возможно и нисколько не забавно. Критикъ, начертывая эти строки, переживалъ очевидно одинъ изъ приливовъ своего скептицизма. Приливъ захватилъ критика на пѣлую длинную статью и заставилъ его наговорить вещей, идущихъ въ разрѣзъ съ его настоящимъ міросозерцаніемъ.

Критикъ искони защищалъ природу, все естественное и преслѣдовалъ все искусственное. Это само собой разумѣется: здѣсь Добролюбовъ только человѣкъ своего времени. Не слѣдуетъ приписывать ему особенныхъ личныхъ заслугъ и въ логическомъ развитіи этого принципа. Въ воспитаніи необходимо самое пристальное попеченіе о нравственной свободѣ воспитанника, о самобытности его натуры и самостоятельности его умственной дѣятельности. Всякое поколѣніе имѣетъ свои потребности и воспитатель не долженъ подчинять ихъ идеаламъ прошлаго *своего* поколѣнія. Вообще вся «апологія правъ дѣтской природы», какъ выражается Добролюбовъ,—непосредственный результатъ основныхъ принциповъ новаго міросозерцанія, и новому публицисту въ педагогикѣ оставалось повторять тѣ же идеи вообще *простительныя мысли*, какія онъ приводилъ въ философіи и политикѣ. Разсужденія Добролюбова, естественно, напоминаютъ краснорѣчивыя безсмертныя страницы Эмиля Руссо,—все равно какъ общая философія шестидесятитниковъ кричитъ о своемъ тѣсномъ культурномъ родствѣ съ проповѣдью энциклопедистовъ. Совершенно логически русскій публицистъ все развитіе личности, можно сказать, весь прогрессъ нравственный и общественный сосредоточиваетъ на укрѣпленіи понятій. Добролюбовъ не довѣряетъ сердцу, какъ исключительному руководителю человѣческихъ дѣйствій. Сердце можетъ создать развѣ только добродушіе по привычкѣ и нисколько не помѣшаетъ шаткости и безсилью убѣжденій

«Можно рѣшительно утверждать»,—говоритъ критикъ,—«что только та доброта и благородство чувствованій совершенно надежны и могутъ быть истинно полезны, которыя основаны на твердомъ убѣжденіи, на хорошо выработанной мысли. Иначе нѣтъ никакого ручательства за нравственность человѣка съ *добрыми* сердцемъ, а тѣмъ менѣе за полезность его для другихъ: вспомнимъ, что услужливый медвѣдь опаснѣе врага» ²⁶³.

Убѣжденія должны быть выработаны самобытно и самостоятельно: тогда только они дѣйствительно будутъ неразрывны съ практикой,—иначе самыя возвышенныя понятія останутся безплодной, мертвой теоріей.

²⁶³) II, 49.

Все это азбука и критика, можетъ быть, даже слишкомъ долго и подробно останавливается на раскрытіи и доказательствѣ подобныхъ истинъ. Нѣсколько любопытнѣе идея о зависимости нравственныхъ принциповъ отъ умственного развитія, т.-е. отъ знаній и образованія. На этой идее построена философія исторіи Бокля и она впоследствии у Писарева превратится въ чисто фетишистское преклоненіе предъ такъ называемыми точными и полезными науками. У Добролюбова дѣло не доходитъ до фанатизма и ослѣпленія—ни въ какомъ случаѣ,—и онъ остается на разумной почвѣ исполнѣ реальной общечеловѣческой психологіи.

Убѣжденія, несомнѣнно, результатъ болѣе или менѣе вѣрныхъ представленій о предметахъ и фактахъ. Принципы отдѣльнаго человѣка и цѣлыхъ обществъ зависятъ отъ ихъ познаній о мірѣ ²⁶⁴.

Доказательства этой истины существуютъ очень внушительныя. Никто, напримѣръ, не усомнится, что религіозныя жестокости и безумства среднихъ вѣковъ развивались на почвѣ—непроницаемой умственной тьмы—и вообще всякій фанатизмъ, всякая нетерпимость и исключительность питаются непремѣнно заблужденіями насчетъ преслѣдуемыхъ явленій, или научнымъ невѣжествомъ, или ограниченностью идейнаго кругозора.

Но изъ этого правила отнюдь нельзя выводить необходимой, по законамъ природы неотразимой связи съ нравственностью и научнымъ прогрессомъ. Это чрезвычайно сложный вопросъ, не поддающійся рѣшенію на основаніи какихъ угодно краснорѣчивыхъ историческихъ примѣровъ. Противъ cadaго изъ нихъ можно представить другой, совершенно противоположнаго смысла, и наблюдателю исторической эволюціи весьма нерѣдко приходится вспомнить извѣстную идею Вико о кругообразномъ движеніи человѣческаго прогресса. Въ началѣ и въ концѣ круга царствуетъ варварство: одно только дикое, непосредственное, инстинктивное, другое чисто-эгоистическое, разсудочное, можно бы сказать, практикуемое по правиламъ науки. И не нашему времени, безпрестанно внимающему призывамъ національной и расовой борьбы, призывамъ изъ самыхъ ученыхъ устъ—успокаиваться на столь простой, красивой и утѣшительной вѣрѣ: знаніе есть нравственность или наука есть гуманность. Мы будемъ имѣть возможность выразить сомнѣніе, по крайней мѣрѣ, въ неограниченномъ приложеніи этихъ истинъ, на основаніи умозаключеній позднѣйшихъ шестидесятниковъ, безраздѣльно преданныхъ послѣдователей философіи Бокля.

Но Добролюбовъ не принадлежитъ къ этому направленію и его позрѣніе сводится въ сущности къ нагляднѣйшей истинѣ: просвѣ-

²⁶⁴) II, 279.

иценіе необходимо для развитія убѣжденій и нравственной силы осуществлять ихъ. И этого для насъ вполне достаточно: мы видимъ, критикъ вовсе не «естественный человѣкъ» въ духѣ Руссо, онъ понимаетъ значеніе цивилизаціи и умѣетъ отвести ей надлежащее мѣсто даже въ своемъ восторженномъ культѣ *природы и самобытности*. Естественныя силы, облагороженные наукой и умственнымъ развитіемъ, личная органическая воля, направленная сознательно и свободно воспринятымъ просвѣщеніемъ—это безспорный идеалъ гуманности и прогресса. Онъ, конечно, не новъ: на немъ сосредоточивалась работа Бѣлинскаго, но на каждомъ шагѣ слѣдуетъ привѣтствовать людей, толково и честно защищающихъ уже выработанныя истины и не истощающихъ свои силы на суетную жажду, во что бы то ни стало поразить міръ оригинальностью и отвагой. Такъ именно будутъ дѣйствовать опрометчивые расточители добролюбовскаго наслѣдства: самъ Добролюбовъ вполне основательно предпочиталъ скромную, но плодотворную роль воскрешенія русской общественной мысли въ духѣ недавняго но почти забытаго прошлаго.

Это не малая заслуга, но Добролюбовъ не остался безупречнымъ до конца на этомъ пути. Безъ всякихъ подробныхъ сопоставленій вполне ясно, что его разсужденія по поводу Екатерины сплошное недоразумѣніе съ его собственной точки зрѣнія на значеніе убѣжденій и умственнаго развитія. Писаревъ рѣшительно разошелся съ Добролюбовымъ въ оцѣнкѣ личности Екатерины и на совершенно убѣдительно основаніи: «сильный развитой умъ» непремѣнный признакъ «свѣтлыхъ явленій». Этотъ взглядъ не противорѣчилъ педагогическимъ взглядамъ Добролюбова и его въ высшей степени рѣзкой общественной программѣ. Очевидно, страдальческій и трогательный образъ Екатерины оказалъ рѣшительное дѣйствіе на симпатическую сторону таланта Добролюбова и перетянулъ вѣсы въ пользу бессознательной, непосредственной стихіи въ ущербъ разуму и идеямъ.

Критикъ не разглядѣлъ *интимическаго* характера поразившей его нравственной силы Екатерины,—даже больше—впалъ самъ въ своего рода гипнозъ предъ этой на самомъ дѣлѣ призрачной силой. Катерина—страстный темпераментъ, а не нравственная сила. Такой силы, какъ въ другихъ случаяхъ отлично понималъ самъ критикъ, и не можетъ быть при одной инстинктивности чувствъ и дѣйствій. Духовная жизнь Екатерины загромождена ужасами и видѣніями, навѣянными дикой болтовней странницъ и кликушъ. Она смотритъ на міръ сквозь густой туманъ суетвѣрій и предразсудковъ «темнаго царства». Она законное дѣтище этого царства и только врожденная страстность въ самомъ прямомъ смыслѣ слова мѣшаетъ ей омоничательно превратиться въ жертву родного

самодурства. Правда, страстность Катерины не лишена поэтической мечтательности, особенно въ ранней молодости, но женская любовная страсть, если она естественна и искренна, всегда поэтична, но, конечно, вовсе не свидѣтельствуетъ о какой-то исключительной натурѣ и силѣ.

Катерина усиленно доказываетъ опрометчивость своего критика-поклонника въ теченіе всей драмы. Она, не находя исхода своимъ порывамъ, грозитъ убѣжать изъ дому и въ заключеніе рѣшается утопиться. Въ этотъ моментъ энтузіазмъ критика достигаетъ высшаго полета и смерть Катерины напутствуется восклицаніемъ: «Вотъ высота, до которой доходитъ наша народная жизнь!..»

На этотъ восторгъ можно замѣтить: ничего не было бы жалче нашего народа, если бы онъ не ушелъ дальше «натуры» Катерины и ея способности утопиться. Такой народъ остался бы безплоднымъ явленіемъ въ исторіи человѣческой культуры, гдѣ потребны не бѣгства и самоубійства, а борьба и то безкорыстное увлеченіе идеями, какое только, по словамъ Канта, и доказываетъ возможность прогресса человѣческаго рода. Катерина,—замѣчаетъ самъ Добролюбовъ, не думаетъ о сопротивленіи, потому что не имѣетъ достаточно основаній для этого. Совершенно справедливо! И Катерина не только не противорѣчитъ основамъ темнаго царства, а даже доказываетъ ихъ непреодолимую силу, и не одной своей смертью, а именно своимъ характеромъ «инстинктивностью своей натуры», «не имѣющей достаточно основаній для сопротивленія», «боязнью за каждую свою мысль». Можно въ какой угодно степени признавать симпатичность Катерины, но нѣтъ никакихъ нравственныхъ и психологическихъ основаній признавать какое-либо вліяніе этой личности на просвѣщеніе «темнаго царства».

Недоразумѣніе Добролюбова въ идеализаціи Катерины тѣмъ печальнѣе, что онъ увидѣлъ въ ней послѣднее слово русскаго народнаго характера. Надо знать, на какую высоту ставилъ критикъ народъ, какъ нравственную и культурную силу, чтобы оценить смыслъ его увлеченія.

Среди всѣхъ шестидесятниковъ, Добролюбова можно назвать народникомъ по преимуществу. До послѣдней степени стуживая практическую инициативу литературы, критикъ съ особенной горечью укоряетъ ее за ея бесполезность для народа, за ея равнодушіе къ народу, за ея непониманіе народнаго міросозерцанія.

Историки не умѣютъ и не хотятъ смотрѣть на событія съ точки зрѣнія народныхъ выгодъ, изслѣдовать, что проигралъ или выигралъ народъ въ извѣстную эпоху. Политическая экономія заботится только о накопленіи и употребленіи капитала, т. е. слѣжитъ только плану капиталистовъ и обращаетъ весьма мало вни-

манія на массу безкапитальныхъ тружениковъ. Даже поэзія увлекалась преимущественно возвышенными личностями и сторонилась отъ простаго люда, и Добролюбовъ подвергаетъ критикѣ русскую литературу подъ авторитетомъ народнической идеи. Его приговоры надъ большими, но не демократическими талантами безпощадны, напримѣръ, надъ Державинымъ, Карамзинымъ, Жуковскимъ, даже надъ Пушкинымъ. Именно по поводу этого поэта критикъ превозноситъ «простое чувство, какимъ обладаетъ народъ» и какого, по мнѣнію Добролюбова, не было у Пушкина съ его генеалогическими предразсудками и эпикурейскими наклонностями. Правда, критикъ и здѣсь остается вѣренъ своему ослѣпленію насчетъ будто бы чрезвычайно яростнаго народолюбія Беранже: но это благодаря просто недостаточному знакомству съ предметомъ—сущность направленія вполне ясна. Порывъ народническаго чувства до такой степени силенъ, что Добролюбовъ перечиркиваетъ всю русскую сатиру, кромѣ гоголевской, какъ не народную, и о Чацкомъ судить съ точки зрѣнія критиковъ промежуточнаго періода, великихъ враговъ всякаго безпокойства и протеста. Критикъ могъ бы сообразить, что существуетъ же извѣстная разница между гнѣвомъ Фамусова на Кузнецкій мостъ и проповѣдями Чацкаго противъ мракобѣсія.

Добролюбовъ неистощимъ на открытія совершенствъ въ душѣ народа. Его контрасты снова напоминаютъ самыя мрачныя выходы Руссо противъ цивилизованнаго общества во имя естественнаго человѣка. У народа глубокое чувство, неисчерпаемый источникъ живыхъ нравственныхъ силъ. Даже дѣти народа всегда вѣрны природѣ и здравому смыслу, пока внѣшняя сила, т. е. «пособія новѣйшей цивилизаціи» не «угоумовитъ» этихъ добродѣтелей. Это совершенно въ духѣ XVIII-го вѣка, страстно любившаго изображать эффектные группы изъ добродѣтельныхъ и непосредственныхъ крестьянскихъ мальчиковъ и въ конецъ испорченныхъ юныхъ сеньеровъ. Но, разумѣется, подобное совпаденіе нисколько не мѣшаетъ идеѣ быть значительной и правдивой одинаково и въ шестидесятые года и столѣтіемъ раньше. Оно только доказываетъ удрученную медлительность европейскаго прогресса даже въ области, повидимому, совершенно безспорныхъ истинъ. Добролюбовъ вынужденъ съ изумительной точностью повторять всѣ отзывы старыхъ писателей о народѣ. Онъ настаиваетъ на способности крестьянина къ глубокимъ и тонкимъ чувствамъ, на его отвращеніи къ риторикѣ и всему показному, о подлинной *деликатности* крестьянской души, о безусловномъ

²⁶⁵) I, 507—9 etc. Статья *О степени участія народности въ развитіи русской литературы*. III, 388 etc. Статья *Черты для характеристики русскаго простонародья*.

джентльмэнствѣ крестьянъ во взаимныхъ отношеніяхъ, о возвышенной житейской философіи народа, по природѣ враждебнаго ко всякому тунеядству, о разумномъ дѣйствительно карающемъ общественномъ мнѣніи деревни, совершенно не похожемъ на сплетни и раболѣпіе высоко-просвѣщенныхъ горожанъ. Добролюбовъ идетъ еще дальше: онъ находитъ въ народѣ несравненно больше терпимости, меньше формализма и педантической привязчивости въ вопросахъ нравственныхъ. Бѣднякъ можетъ въ воскресенье вмѣсто церкви отправиться работать на свою полосу, но зато дѣйствительные нравственные грѣхи судятся очень строго. И среди крестьянъ забота о доброй славѣ встрѣчается чаще, чѣмъ въ другихъ сословіяхъ, и «въ видѣ болѣе нормальномъ» ..

Все это—старыя пѣсни, но для русскихъ литературныхъ и читательскихъ ушей шестидесятыхъ годовъ онѣ должны были звучать смѣлой идеальной новизной. Критикъ обсуждалъ великіе и вѣчныя вопросы политики и нравственности, и рѣчь его поражала задушевностью, простотой, нерѣдко художественной картинностью. Въ одномъ только отношеніи даже истинные народолюбцы должны были ощутить нѣкоторое опасеніе.

Публицистъ избралъ обычный и простѣйшій путь—живописать народныя совершенства, путь контрастовъ, сопоставленія природы и цивилизаціи, крестьянъ и интеллигентовъ, деревни и города. Этотъ путь всегда, во всѣхъ вопросахъ, легко приводитъ къ увлеченіямъ и невольному сгущенію [красокъ.

Несомнѣнно, свѣтское и чиновничье общество преисполнено жалкихъ интересовъ и низменныхъ страстишекъ; оно лишено воли и истиннаго просвѣщенія, образованность его грошова, правила нравственности—попугайство и рутина. Все это справедливо и все это превосходно выяснено именно русской сатирой, можетъ быть, и не особенно усердно прославлявшей народъ, но зато съ неуклоннымъ постоянствомъ клеймившей какъ разъ грошовую образованность и попугайство. У критика на этомъ поприщѣ имѣются многочисленные предшественники и авторитетнѣйшіе учителя. Но одно только обстоятельство нуждается въ оговоркѣ. Зачѣмъ критикъ такъ усиленно налегаетъ на «тощіе и жалкіе выводы неудавшейся цивилизаціи» и на «свѣжіе здоровые ростки народной жизни?» Сущность идеи—сама истина, но, при малѣйшемъ желаніи, ничего не стоитъ какому-нибудь фетишисту-народолюбцу приударить на цивилизацію и свѣжее здоровье. Получится рядъ жупеловъ, до сихъ поръ не вытравленныхъ окончательно изъ русской литературы. Они вопарились здѣсь еще въ теченіе тѣхъ же шестидесятыхъ годовъ, составили символъ вѣры народнической шехерезады.

Мы не желаемъ обвинять Добролюбова въ соучастіи, но онъ одновременно выпустилъ въ свѣтъ двѣ поэмы лирическаго содержания. Въ одной, по поводу разсказовъ Марка Вовчка, возставаъ величественный сіяющій обликъ народа, въ другой, по поводу *Грозы* Островскаго, данъ высшаго удивленія получалъ инстинктъ. Нельзя сказать, чтобы отъ этихъ эффектовъ было слишкомъ далеко до настоящаго «почвеннаго» народничества, склоннаго въ первобытныхъ порывахъ «мужичка» узрѣть евангеліе новой культуры и съ беззавѣтностью только что полученнаго религіознаго откровенія—унижать цивилизацію и блескомъ міровой истины окружать «мускульный трудъ».

Мы, разумѣется, отдаемъ себѣ совершенно ясный отчетъ въ благородныхъ намѣреніяхъ нашего критика. Но благородство намѣреній далеко не всегда обезпечиваетъ достодожную полноту и цѣльность идей и *частныхъ* цѣлей. Даже восторги предъ Беранже у Добролюбова, конечно, вполне рыцарскаго происхожденія, но это не мѣшаетъ имъ быть пятномъ на чистомъ, прогрессивномъ, истинно-идеалистическомъ міросоверпаніи критики. Время устранило бы ложь и осмыслило бы увлеченія. Оно, несомнѣнно, привело бы въ болѣе стройный порядокъ и народническую философію Добролюбова. Теперь она юстается предъ нами съ весьма значительными пробѣлами и слишкомъ поспѣшно обработанными частностями.

XXXVII.

Жертвой пробѣловъ и поспѣшности въ добролюбовскомъ народническомъ лиризмѣ явился одинъ изъ первостепенныхъ современныхъ писателей, Писемскій, и при самыхъ странныхъ обстоятельствахъ.

Мы только что видѣли, съ какой щедростью критикъ увѣнчивалъ народную природу и нравственность. Онъ открылъ въ народной психологіи рѣшительно всѣ сокровища человѣчности и существенныя основы гражданственности. «Народъ способенъ ко всевозможнымъ возвышеннымъ чувствамъ и поступкамъ наравнѣ съ людьми всякаго другого сословія если еще не больше». И на основаніи этого, по мнѣнію критика, неопровержимаго факта, онъ настаиваетъ на сближеніи съ народомъ людей мысли и слова, на довѣріи къ народу, къ его силамъ. Народъ непремѣнно пойметъ, въ чемъ заключается благо и не откажется отъ него по лѣни или малодушію.

Если такъ, тогда какая злополучная тѣнь могла заслонить въ глазахъ Добролюбова жизненное, глубоко-народное творчество Писемскаго? Какъ нашъ критикъ могъ не понять величавой,

истинно-трагической личности Ананія Яковлева? Какъ онъ позволилъ себѣ изложить содержаніе *Горькой Судьбины* по тому самому методу, какой, на примѣръ, употребляли классическіе критики въ судѣ надъ драмами Шекспира или баронъ Брамбеусъ въ приговорахъ надъ произведеніями Гоголя? Добролюбовъ извлекаетъ изъ драмы Писемскаго жестокій остоуъ и сознается въ своемъ непониманіи, почему *Горькую Судьбину* ставятъ выше посредственности? Очень откровенно, и весь дальнѣйшій разговоръ критика о пьесѣ обнаруживаетъ дѣйствительно рѣдкостное непониманіе одного изъ самыхъ яркихъ явленій русской литературы. Ананій Яковлевъ—«малодушное исключеніе», Чегловъ—фигура невозможная въ русской жизни! Останься послѣ Добролюбова только эти изрѣченія, его имя не пережило бы и той книги журнала, гдѣ они нашли пріютъ. Очевидно, критикъ не считалъ нужнымъ вдуматься даже въ фактическое содержаніе драмы, прикинулъ къ ней наивный романтический масштабъ сверхъестественной нравственной силы и заключилъ: «Богъ съ ней съ этой пьесой: она забыта теперь!..» Время жестоко отвѣтило на эту историческую ложь ²⁶⁶).

Не понялъ или не пожелалъ понять Добролюбовъ и другихъ народныхъ созданій Писемскаго. Онъ нашелъ возможнымъ превознести самоубійство Катерины, признать его даже высшимъ проявленіемъ народной души, но когда героиня Писемскаго идетъ въ монастырь послѣ разбитой жизни, для него это забавно: будто Лиза *Дворянскаго инъзда!* Отчего же тогда о Катеринѣ нельзя сказать: будто Офелія у Шекспира!

Дальше. Въ повѣстяхъ Вовчка Добролюбовъ восхищается еще другой Катериной. У этой также жизнь не задалась, но она не прибѣгла ни къ самоубійству, ни къ затворничеству, а придумала нѣчто несравненно болѣе хитрое и свойственное «благовоспитанному обществу», какъ презрительно выражается Добролюбовъ по поводу героини Писемскаго. Катерица, у Марка Вовчка, рѣшила подвизаться въ мірѣ, спастись отъ душевной пустоты и одиочества въ дѣлахъ благотворенія, общей пользы. Она становится лѣкаркой и въ сочувствіи и помощи чужому горю забываетъ свою бѣду. И даже разсуждаетъ на этотъ счетъ, какъ по писаному, и проводитъ свою жизнь, исповѣдуя несчастныхъ и исцѣляя ихъ отъ тѣлесныхъ и нравственныхъ немощей...

Вотъ это дѣйствительно [возвышенно, пожалуй, сверхъ мѣры или, по крайней мѣрѣ, исключительно и необыкновенно. Добролюбовъ согласенъ, что большинство не похоже на Катерину, но онъ не считаетъ ея явленіемъ небывалымъ, напротивъ, она именно

²⁶⁶) Подробно о *Горькой судьбинѣ* въ нашей книгѣ *Писемскій*, стр. 146 etc.

дасть ему темы для народолюбческих изліяній... Послѣдовательно ли все это—отрицать у крестьянки рѣшимость пойти въ монастырь и въ тоже время признать за ней способность достигать высшаго идеала, возможнаго для человѣческой природы: служеніемъ обществу исцѣлять личныя раны своего сердца?

Наконецъ, еще одинъ, едва ли не тягчайшій грѣхъ критика все предъ тѣмъ же авторомъ. Страстно защищая свободу художественнаго творчества, Добролюбовъ, по излюбленному способу, и здѣсь нашелъ контрастъ своей идеѣ; романъ Писемскаго *Тысяча душъ* самое тенденціозное сочиненіе и «общественная сторона этого романа насильно пригнана въ заранѣе сочиненной идеѣ». О романѣ, слѣдовательно, не стоитъ и толковать ²⁶⁷).

И, замѣтите, таковъ романъ Писемскаго по сравненію съ по вѣстью Тургенева *Наканунъ*! Ужъ если говорить объ идеѣ, то, на всякій непредубѣжденный взглядъ, она несравненно болѣе придумана въ фигурахъ Елены и Инсарова, чѣмъ Настеньки и Калиновича. И *Наканунъ* служило программой для разнообразной и горячей публицистики о самыхъ жгучихъ вопросахъ русской общественности. Самъ Добролюбовъ доказалъ это своей статьей *Когда же придетъ настоящій день?* А у Писемскаго такая чисто-эпическая картина провинціальныхъ потемокъ, что, кажется, именно Добролюбовъ, съ своимъ искусствомъ разлагать художественное произведеніе на вереницу публицистическихъ мотивовъ, долженъ бы почувствовать особенную признательность къ такому автору. Нельзя же вѣдь, при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ русской литературой, не признать Писемскаго *Тысячи душъ* единственнымъ соперникомъ Гоголя въ изображеніи пошлости и мелочности человѣческой. Наконецъ, если Островскій захватилъ нашего критика изображеніями «темнаго царства»,—неужели Писемскій могъ пройти безслѣдно съ его единственной по полнотѣ галлереей дореформенныхъ уродовъ обывательскаго и чиновничьяго типа?

Очевидно, предъ нами опять увлеченіе и недоразумѣніе, и на этотъ разъ на столько значительныя и опрометчивыя, что ихъ можно сравнить только съ самыми ранними историко-литературными упражненіями Добролюбова, *статьями о литературѣ* екатерининскаго времени. Здѣсь начерчена поразительная характеристика сѣверной Семирамиды, ничѣмъ не уступающая пѣтическому пьянству вдохновенныхъ мурзъ императрицы-богини. Чего только не нанизалъ молодой историкъ въ свое баснословное ожерелье: и «просвѣщенная терпимость въ дѣлѣ литературы», и необыкновенно проникательное и возвышенное отношеніе къ совре-

²⁶⁷) III, 277.

меннымъ литераторамъ и обществу и, однимъ словомъ, «великая Екатерина». Это писалось въ 1856 году; три года спустя критикъ успѣлъ досрочно до заявленія по поводу той же «великой Екатерины»: «теперь уже нужны не диоирамбы, не безотчетныя хвалы ²⁶⁸⁾, а безпристрастное и спокойное разсмотрѣніе фактовъ того времени во всей ихъ полнотѣ».

И насчетъ «великаго вѣка» Добролюбовъ больше не могъ упасть въ неосновательныя настроенія. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, критикъ пришелъ къ дѣйствительно реальнымъ взглядамъ и на всѣ другіе вопросы, пока остававшіеся для него или не вполне ясными или получавшіе слишкомъ скорые и недостаточно фактическіе отвѣты. Въ такомъ будущемъ добролюбовской критики мы можемъ поручиться, полагаясь преимущественно на личную психологію Добролюбова. Русская литература въ наслѣдникъ Бѣлинскаго могла привѣтствовать такого же благороднаго и убѣжденнаго дѣятеля слова, какимъ былъ самъ неистовый Виссаріонъ. Правда, наслѣднику не доставало именно этого гениальнаго неистовства, не доставало молніеносныхъ идейныхъ вдохновеній, мощной самообытности мышленія и всей нравственной природы. По всѣмъ главнымъ направленіямъ публицистики и критики у Добролюбова есть предшественники и руководители: Бѣлинскій завѣщалъ ему свою эстетику, Чернышевскій внушилъ ему свою философію. И мы могли видѣть, Добролюбовъ далеко не сразу разобрался и въ наслѣдствѣ и въ непосредственныхъ внушеніяхъ. Смерть его застала среди разлада и разброда *отдельныхъ* культурныхъ и художественныхъ взглядовъ. Мы подчеркиваемъ *отдельныхъ*, потому что *принципы* у Добролюбова непоколебимы отъ начала до конца и намъ не представило ни малѣйшихъ затрудненій, выдѣлить ихъ въ самой ясной и полной формѣ изъ неудовлетворительныхъ и смутныхъ частностей.

Въ результатѣ, Добролюбовъ, какъ литературный критикъ, долженъ быть признанъ *практикомъ* по преимуществу. Ему русская литература обязана обширнѣйшими приложеніями реальной мысли, выработанной предыдущей публицистикой. Никто до него и послѣ него не развернулъ такого искусства *толковать* вдохновеніе и творчество художниковъ. Никто съ такимъ постоянствомъ, съ такимъ увѣреннымъ спокойствіемъ и съ такимъ по истинѣ политическимъ тактомъ не умѣлъ поэтическими произведеніями пользоваться, какъ данными своеобразнаго знанія и своимъ всеосвѣщающимъ анализомъ поэзію возвышать до уровня науки. Статьи *Темное царство* и *Черты для характеристики русскаго простонародья* надолго останутся первостепенными образцами

²⁶⁸⁾ I, 37, 39, 45, 109.

критики, сливающей во едино чуткость художественнаго воспріятія и глубину общественной мысли.

Въ извѣстномъ смыслѣ, Добролюбова въ критикѣ можно сравнить съ Гоголемъ. Принципы художественнаго реализма были извѣстны и до *Мертвыхъ душъ*, прелести фламандской живописи прекрасно понималъ Пушкинъ, но только Гоголю суждено было окончательно закрѣпить торжество школы безсмертными образцами реальнаго вдохновенія. Истина получила рядъ незабвенныхъ иллюстрацій, и съ этого времени стала считать свою неограниченную популярность обезпеченной.

Приблизительно то же самое произошло и въ критикѣ.

Бѣлинскій, мы видѣли, снабдилъ Добролюбова всѣми основами критическаго реализма. Но великому критику пришлось слишкомъ долго расчищать дѣвственный или засоренный путь русской публицистики. Къ выѣшней, крайне трудно податливой работѣ присоединился философскій строй натуры Бѣлинскаго, вдохновлявшій его при всякомъ даже мелкомъ литературномъ фактѣ на величественныя обобщенія и на изслѣдованія первоисточника извѣстнаго рода явленій. Бѣлинскій чувствовалъ пробѣлы своей слишкомъ *общей* критической дѣятельности и его до конца дней не покидала мысль, написать исторію русской литературы. Здѣсь установленные принципы получили бы обширное частное примѣненіе и критическій реализмъ владѣлъ бы богатѣйшимъ запасомъ художественно-публицистическихъ анализовъ.

Бѣлинскій не успѣлъ выполнить своего плана, Добролюбовъ занялъ его мѣсто и докончилъ развитіе реальной критики. Эта заслуга останется незабвенной въ исторіи русской литературы. Мало этого: она должна считаться настоящимъ подвигомъ, при тѣхъ нравственныхъ условіяхъ, въ какихъ совершалась работа юнаго писателя. Мы видѣли, ими въ сильной степени объясняются многія краткія сужденія критика. Добролюбовъ дѣйствительно несъ крестъ неустанной умственной работой заглушая естественную жажду молодого личнаго счастья. Въ каждой мысли и въ каждомъ словѣ трепетало обездоленное одинокое сердце и подчасъ душевный мракъ нарушалъ равновѣсіе мысли и могъ заглушить свѣтлый критическій анализъ. Но такихъ мгновений, свидѣтельствующихъ будто о хаосѣ въ сильной и стойкой нравственной природѣ Добролюбова, оказалось немного и историкъ долженъ воздать великую честь волѣ и разуму писателя, не окрашивавшаго въ цвѣтъ личныхъ настроеній своихъ писательскихъ идей. Только близкіе люди знали, на какой Голгоѣ совершалось дѣло просвѣщенія и бескорыстной гуманности, и Чернышевскій могъ заключить некрологъ своего безвременно угасшаго друга простыми, но глубоко-трагическими словами:

«Ему было только 25 лѣтъ, но уже четыре года онъ стоялъ во главѣ русской литературы».

Для своей славы онъ сдѣлалъ довольно. Для себя, ему незначѣмъ было жить дольше. Людямъ такого закала и такихъ стремленій жизнь не даетъ ничего, кромѣ жгучей скорби» ²⁶⁹).

Но за то самъ Добролюбовъ отдалъ всего себя жизни, въ самомъ идеальномъ смыслѣ этого слова, духовной жизни своей родины и своего времени. На смѣну ему придутъ люди, болѣе счастливые, свободные отъ всякой жгучей скорби. Они объявятъ себя наслѣдниками его, изнемогшаго въ трудѣ и горѣ, но они не завѣщаютъ потомству того прочнаго и немеркнущаго свѣта, какимъ сіяла быстро сгорѣвшая подвижническая душа самаго молодого и самаго совершеннаго представителя критики шестидесятыхъ годовъ.

Ив. Ивановъ.

²⁶⁹) *Современникъ*. 1861 года. декабрь.



Адамъ Мицкевичъ.
Родился 24 декабря 1798 г., умеръ 26 ноября 1855 г.

70 YMD
AM90911A0

АДАМЪ МИЦКЕВИЧЪ.

(1798—1898).

...Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужого; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ выше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта...

«Мицкевичъ». Пушкинъ.

Конецъ прошлаго столѣтія ознаменованъ рожденіемъ двухъ великихъ славянскихъ поэтовъ, изъ которыхъ каждому суждено было въ своей поэзіи отразить лучшія, сокровеннѣйшія стороны души своего народа. И въ русской, и въ польской литературѣ были до нихъ замѣчательные писатели, которыхъ съ благодарностью и почтеніемъ вспоминаетъ каждая литература, но какъ съ именемъ Пушкина связано неразрывно начало современной русской литературы, такъ съ Мицкевича начинается свое развитіе польская словесность въ томъ видѣ, какъ мы ее знаемъ теперь. Великій поэтъ и вѣщій пѣвецъ польскаго народа, Мицкевичъ явился въ литературѣ его тѣмъ мощнымъ и геніальнымъ творцомъ слова, который, создавая образы недостигаемой красоты въ различныхъ видахъ литературы, намѣтилъ дальнѣйшій путь ея развитія и поднялъ ея значеніе на высоту національнаго творчества. Одновременно съ нимъ выступилъ рядъ первоклассныхъ поэтовъ, Мальчевскій, Загѣбскій, Словацкій, Красинскій—эти имена и многія другія меньшаго калибра и яркости группируются около имени Мицкевича, являясь какъ бы блестящимъ вѣнкомъ, яркіе цвѣта котораго лишь отбѣиваютъ пластическую строгость поэзіи Мицкевича. Каждый изъ нихъ явился оригинальнымъ въ своей области, далъ въ ней совершеннѣйшіе образцы, составляющіе безсмертное богатство родной словес-

ности, но только въ Мицкевичѣ эта послѣдняя имѣла полного и все-сторонняго выразителя, истиннаго національнаго поэта и художника, въ которомъ, какъ въ граняхъ алмаза чистѣйшей воды, отразился многосторонній духъ народа сверкающими, ослѣпительно яркими разноцвѣтными лучами немеркнувшей силы и блеска. «Онъ вдохновенъ былъ свыше», и печать вдохновенія, лежащая на всемъ, что вышло изъ подъ его пера, придаетъ поэзіи Мицкевича характеръ вѣчности. Съ теченіемъ времени мелкое, случайное и злободневное въ ней отпадаетъ, остается вѣчная правда и красота—любви, свободы и человѣчности, въ ореолѣ которыхъ выступаетъ скорбно-величавая личность великаго поэта.

I.

Родиною Мицкевича была Литва, гдѣ въ небольшомъ уѣздномъ городкѣ Новогрудкѣ, Виленской губерніи, родился 24 декабря, въ сочельникъ 1798 г. будущій пѣвецъ. Родители его имѣли около Новогрудка небольшую сельскую усадьбу, гдѣ и прошло все его дѣтство. Климатъ Литвы, мягкій, безъ рѣзкихъ и суровыхъ переходовъ, разнообразный пейзажъ, отличающій и теперь Виленскую губернію, въ то время еще болѣе живописную благодаря обилію лѣсовъ, богатству воды и широкимъ долинамъ, окаймленнымъ невысокими горами, тихая семейная жизнь небогатаго, но и не знающаго тяжелой нужды родимаго дома, въ которомъ Мицкевичъ провелъ все время до поступленія въ школу,—наложили неизгладимую печать здороваго любовнаго отношенія къ природѣ, къ деревнѣ, къ простому люду на весь душевный складъ поэта. Много лѣтъ спустя, въ періодъ наивысшаго творчества, раннія впечатлѣнія дѣтства, вынесенныя изъ жизни въ деревнѣ, полной простоты и свѣжести, вылились въ чарующіе образы, въ которыхъ поэтъ обезсмертилъ въ «Панѣ Тадеушѣ» картины родной стороны. Этимъ первымъ годамъ, проведеннымъ въ самомъ тѣсномъ единеніи съ природой, при обстановкѣ, болѣе, чѣмъ простой, естественной, живой и ясной, безъ жгучихъ, бьющихъ по нервамъ впечатлѣній, какими такъ богата жизнь большихъ городовъ,—обязанъ Мицкевичъ своимъ здоровымъ и реальнымъ направленіемъ, вѣрнымъ пониманіемъ дѣйствительности, которыя чувствуются въ его лучшихъ произведеніяхъ. Болѣзненная утонченность романтизма Словацкаго, влеченіе къ сверхчувственному міру мистическихъ образовъ Красиньскаго, сентиментализмъ Богдана Залѣскаго—этихъ виднѣйшихъ представителей романтизма въ польской литературѣ—чужды Мицкевичу въ тѣхъ его произведеніяхъ, гдѣ духъ его получаетъ наибольшій полетъ, мысль—особую крѣпость и форма—ту кристальную чистоту и пластику, какими отмѣчены его «Крымскіе сонеты», баллады изъ народной жизни и «Панъ Тадеушъ».

Отъ природы нервный, поразительно впечатлительный, съ темпера-

ментомъ страстнымъ и несдержаннымъ, Мицкевичъ, только благодаря здоровому дѣтству, сохранялъ до послѣдней минуты силу сопротивляемости, которая поддерживала его въ самыя тяжкія мгновенія душевной борьбы и смятенія духа. Въ долгіе года изгнанія, въ дни странничества, когда, обуреваемый сомнѣніями, не зная, куда преклонить голову, больной физически и душевно, поэтъ терялъ пѣль жизни и готовъ былъ усомниться въ самомъ смыслѣ существованія,—память о дняхъ невозвратнаго дѣтства, картины родной стороны, воспоминанія деревенской жизни—встаютъ предъ нимъ свѣтлыми видѣніями, разгоняютъ мракъ настоящаго, поддерживаютъ бодрость, внушаютъ надежду на лучшее будущее и возбуждаютъ слабѣющее чувство любви къ человечеству. Въ 1838 г., живя въ Лозавнѣ, гдѣ онъ занималъ катедру римской литературы, при сравнительно хорошихъ матеріальныхъ и нравственныхъ условіяхъ, въ кругу родныхъ, польскихъ и швейцарскихъ почитателей, дорожившихъ имъ и чтившихъ его, какъ великаго поэта, замѣчательнаго ученаго и несравненнаго лектора, превращавшаго катедру римской литературы въ трибуну пророка и духовнаго вождя,—Мицкевичъ тоскуетъ по меланхолическимъ пейзажамъ литовскихъ деревень, ему снится тихій Новогрудокъ, сняты зеркальныя озера съ мечтательно отражающимися въ нихъ тополями... Ни шумъ парижской жизни, ни революціонныя бури, ни патріотическія цѣли, съ которыми онъ ѣдетъ въ Константинополь, не въ силахъ вытравить въ душѣ этой неизбывной тоски, непреодолимаго влеченія къ новогрудскимъ полямъ, къ таинственной сѣни литовскаго лѣса, къ простому люду съ его нехитрой пѣснью и чарующей прелестью легенды.

Въ обстановкѣ дѣтства слѣдуетъ искать также зачатки той глубокой религіозности, которая отличала Мицкевича во всѣхъ стадіяхъ его развитія и во второй половинѣ его дѣятельности явилась преобладающимъ настроеніемъ души. Онъ заимствовалъ ее прежде всего отъ матери, простой и богобоязненной женщины, немудрая и искренняя вѣра которой, по его словамъ впоследствии, могла бы двигать горами. Такіе типы глубоко вѣрующихъ женщинъ очень распространены на Литвѣ и теперь, а въ то отдаленное время они составляли преобладающую часть женскаго поколѣнія. Маленькій Адамъ какъ-то вывалился изъ окна второго этажа и палъ на землю безъ дыханія. Мать, считая его уже мертвымъ, схватила его на руки и въ порывѣ отчаянія воззвала въ страстной молитвѣ къ Пречистой Дѣвѣ—и, по ея словамъ, «чудо» свершилось: ребенокъ ожилъ и немедленно могъ пойти съ нею въ костелъ, чтобы возблагодарить Бога за возвращенную жизнь. Воспоминаніе объ этомъ поэтъ сохранилъ въ «Панѣ Тадеушѣ» (книга I). Впоследствии, когда однимъ изъ постоянныхъ мотивовъ его общественной проповѣди было страстное убѣжденіе въ силу вѣры, которая однимъ могучимъ порывомъ въ состояніи спасти и преобразить человечество,

поэтъ постоянно съ особымъ натискомъ возвращается къ этому воспоминанію, настаивая, что для истинной вѣры нѣтъ невозможнаго.

Вліяніе религіознаго настроенія матери находило могущественную поддержку въ окружающей дѣтство и юность поэта обстановкѣ. Литовскій народъ отличается глубокой религіозностью, проникающей весь строй его мысли, кладущей на всю его жизнь особый отпечатокъ чистоты и наивности. Проѣзжая по Литвѣ, вы и теперь увидите на каждомъ перекресткѣ «фигуру»,—деревянный крестъ съ изображеніемъ Распятаго, съ небольшою крышей сверху, украшенный дешевыми приношеніями наивной вѣры, въ видѣ кусочковъ полотна, ленточки, засохшаго вѣнка изъ полевыхъ цвѣтовъ. И рѣдко-рѣдко не найдете вы у подножія «фигуры» колѣнопреклоненнаго путника или женщины, жарко шепчущей молитву. По крайней мѣрѣ ни одинъ крестьянинъ или крестьянка не пройдутъ мимо, не склонившись къ подножію и не прошептавъ коротенькой молитвы. Трогательной, захватывающей душу наивностью и дѣтской кротостью вѣетъ отъ этихъ «фигуръ», гдѣ-нибудь въ сторонѣ отъ проѣзжей дороги, на маломъ холмикѣ вырисовывающихся на фонѣ меланхолическаго пейзажа, среди ржаного поля съ синѣющимъ лѣсомъ вдали. Понятно, какія сильныя ощущенія невидимыми нитями должны были опутывать впечатлительную душу мальчика, при видѣ этихъ трогательныхъ знаковъ народной вѣры, этихъ грубыхъ крестовъ, какъ-бы осѣняющихъ нивы, призывая благословеніе Божіе на трудъ зеленѣльца. Намъ яснымъ становится мучительная тоска поэта, влеченіе бездомнаго странника прикинуть головой къ подножію родимаго креста, пасть на эту землю, вспоенную кровью родного народа, и излить въ страстной мольбѣ невыплаканныя слезы истерзанной души. Быть можетъ, на кафедрѣ въ College de France, когда Мицкевичъ провозглашалъ съ свойственнымъ ему вдохновеніемъ и поразительной силой выраженія — миссію славянскихъ народовъ, которымъ суждено осуществить въ жизни *Слово* Бога Живого,—предъ умственнымъ взоромъ поэта вставала далекая бѣдная «фигура», затерянная среди поля тихо волнующейся золотистой ржи, блѣдное небо съ легкими, плавно скользящими облаками, и польскій хлопъ, склоненный у подножія креста, его единственной защиты и прибѣжища. Вѣра этого хлопа ему представляется тѣмъ идеаломъ, къ которому должно стремиться тому, кто ставитъ себѣ цѣлью душевное совершенствованіе. Въ своей проповѣднической дѣятельности послѣдняго періода, когда Мицкевичъ всецѣло отдался мистицизму, онъ постоянно ссылается на примѣры польскаго крестьянина, ищущаго утѣшенія въ чистотѣ и наивности своей вѣры. «Пусть мы много сдѣлали,—взываетъ поэтъ къ обществу интеллигенціи,—пусть велики наши заслуги, но на какую-бы высоту ни вознеслись мы,—крестьянинъ нашъ стоитъ неизмѣримо выше предъ обличемъ Бога, и тайнъ господнихъ ему открыто больше, ибо такую вѣру въ Отца, какъ его, можетъ имѣть только сынъ, возлежащій на груди Его».

Въ духовной школѣ доминиканцевъ, бывшей въ Новогрудкѣ, гдѣ Мицкевичъ началъ и закончилъ курсъ ученія, соответствующій современной средней школѣ, это чувство религіозности могло только окрѣпнуть. Ни дома, ни въ школѣ Мицкевичъ не выдѣлялся среди сверстниковъ. Здоровая организація, унаслѣдованная отъ родителей, простой и естественный режимъ, мѣрная и правильно текущая жизнь сдерживали до поры до времени проявленіе тѣхъ особенностей душевнаго склада поэта, которыя впоследствии выразились въ впечатлительности, потрясавшей Мицкевича до глубины его духа. При видѣ жизнерадостнаго, веселаго школьника, съ дѣтской страстью и живостью отдававагоса свойственнымъ возрасту забавамъ, которымъ онъ посвятилъ великолѣпную строфу въ IV ч. «Дядювъ»,—никто не могъ бы заподозрить въ немъ будущаго вѣщаго пѣвца, «изъ пламя и свѣта рожденное слово» котораго должно было потрясать сердца. Безсознательно запечатлѣвались въ его душѣ картины и ощущенія, которыя потомъ сыграли такую видную роль въ жизни поэта. Къ этому же періоду относится зарожденіе въ Мицкевичѣ культа Наполеона. Тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ видѣлъ полки «великой арміи», двигавшіеся черезъ Новогрудокъ на сѣверъ, видѣлъ польскій легионъ подъ начальствомъ князя Понятовскаго, присутствовалъ на торжественномъ смотрѣ, который дѣлалъ Іеронимъ Бонапартъ, братъ императора, король вестфальскій. Звуки трубъ и барабановъ, громъ привѣтствія проходящихъ полковъ, лязгъ оружія, блескъ свиты—потрясли впечатлительнаго мальчика, на котораго «ангелъ, въ пламенныхъ лучахъ нисходящій съ неба, не могъ бы произвести болѣе сильнаго впечатлѣнія», какъ онъ самъ говорилъ впоследствии. Земля, казалось, дрожала отъ стона волнующихся народовъ и небо отражало громовый кликъ «Наполеонъ!» Въ глазахъ очарованнаго мальчика величіе человѣческое получило божественный отбѣнокъ. Полученное впечатлѣніе глубоко зарылось въ душу, чтобы долго-долго спустя выйти наружу, преобразившись въ культъ Наполеона, который такъ странно переплетается въ Мицкевичѣ съ мистическими порываніями и несомнѣннымъ демократизмомъ.

Переѣздъ въ Вильно и поступленіе въ виленскій университетъ, въ то время прекрасно поставленный и служившій центромъ просвѣщенія не только для Литвы, но и для Польскаго королевства, откуда съѣзжалась молодежь слушать такихъ выдающихся ученыхъ и профессоровъ, какъ Іоакимъ Лелевель, Снядецкій, Вольфъ, Гродекъ,—вывели юношу изъ узкаго круга тихой уѣздной жизни въ широкій свѣтъ мысли. Сначала на математическомъ факультетѣ, на которомъ онъ пробылъ только полгода, затѣмъ на историко-филологическомъ, болѣе отвѣчавшемъ вѣченіямъ и складу ума поэта, Мицкевичъ отдался съ рвеніемъ чистой наукѣ, внѣ которой его, какъ огромное большинство тогдашней молодежи, увлекалъ театръ. Первые два года университетской жизни прошли въ тихой сосредоточенной работѣ надъ филологіей и исторіей, за чтеніемъ

и въ скромныхъ развлеченіяхъ въ тѣсномъ кругу избраннаго товарищества. Только на третьемъ году пребыванія въ университетѣ жизнь Мицкевича оживляется.

Новое начало внесло основаніе особаго кружка, составившаго студенческое общество любителей науки—«филоматовъ», скоро затѣмъ дополненное новымъ, болѣе широкимъ кружкомъ «филаретовъ», — любителей добродѣтели. Мицкевичъ, уже начавшій выдѣляться среди товарищей своей ученостью, знаніемъ литературы и умѣніемъ излагать мысли, явился однимъ изъ основателей обоихъ кружковъ. Цѣли этихъ обществъ были болѣе, чѣмъ скромны—взаимная матерьяльная, научная и нравственная поддержка, общее чтеніе, рефераты по литературѣ и специально-научные, веселыя собранія, прогулки за городъ весною и лѣтомъ. Уставъ филоматовъ и филаретовъ не имѣлъ ничего тайнаго и въ одномъ изъ параграфовъ строго оговаривалось воспрещеніе заниматься политикой. Нужно замѣтить, что положеніе Литвы было въ то время крайне благоприятно во всѣхъ отношеніяхъ, и поводовъ для недовольства не было. Насколько тактично и въ общемъ мягко было отношеніе власти къ населенію, показываетъ, напр., тотъ фактъ, что чествованіе памяти Костюшко, умершаго въ то время, было справляемо торжественно, съ разрѣшенія мѣстной власти.

Участіе въ этихъ обществахъ имѣло для Мицкевича огромное значеніе. Здѣсь завязались для него тѣсныя товарищескія связи, влиявшія на всю послѣдующую дѣятельность его, здѣсь развилась его склонность къ жертвѣ и къ самоотреченію, идеи любви къ отечеству и человѣчеству, возникло представленіе о высокой роли поэта-пѣвца, представленіе о поэзіи, какъ могучемъ орудіи возбуждать благородные порывы. Мысль объ общемъ благѣ, какъ цѣли стремленій человека, зарождалась въ юномъ сердцѣ, вдохновляя Мицкевича, ставшаго какъ бы пѣвцомъ-лауреатомъ общества филаретовъ, которому онъ посвятилъ «Пѣсню филаретовъ», пѣвшуюся на собраніяхъ, и «Оду къ молодости», написанную имъ для того же общества уже послѣ окончанія университета (въ 1822 г.). Нѣсколько восторженная, склонная къ уединенію и мечтательности натура Мицкевича нашла въ этихъ кружкахъ здоровое отвлеченіе отъ одинокихъ думъ и смутныхъ пока порывовъ къ чему-то невѣдомому, но тѣмъ болѣе притягательному.

Для поэта, которому исполнилось тогда 20 лѣтъ, наступала «пора стиховъ, пора любви, веселыхъ сновъ, пора сердечныхъ вдохновеній». На каникулахъ въ домѣ матери, Адамъ познакомился съ дѣвушкой изъ зажиточнаго помѣщичьяго семейства Маріей Верещака, уже обрученной невѣстой богатаго молодого помѣщика Путкамера. Въ жизни поэта Марія или, какъ онъ привыкъ называть ее согласно тогдашней сентиментальной модѣ, «Марія», сыграла роль Лауры Петрарки. Въ литературѣ поэтъ обезсмертилъ ее въ рядѣ пѣсенъ, въ особенности въ знаменитой поэмѣ «Дзяды», четвертая часть. Это увлеченіе, уже съ

самого начала чисто платоническое, такъ какъ поэтъ узналъ Марию только какъ невѣсту другого, въ высокой степени достойнаго и благороднаго человѣка, послужило толчкомъ, разбудившемъ въ Мицкевичѣ дремавшія творческія силы. Сильное, чистое чувство возросло на хорошо подготовленной почвѣ молодого, пламеннаго сердца, только что вдохновеннаго всѣмъ пыломъ высокихъ, молодыхъ идей, бурныхъ стремленій и страстныхъ мечтаній о героизмѣ, о борьбѣ во имя добра, науки и поэзіи. Встрѣча съ Марией была искрой, зажегшей въ душѣ поэта огонь, въ началѣ тихій и ровный, какимъ мы видимъ его въ первыхъ пѣсняхъ и балладахъ, потомъ перешедшій въ бурный пламень, изливавшійся въ страстныхъ строфахъ четвертой части «Дзядовъ».

Первыя произведенія Мицкевича явились въ послѣдніе два года студенческой жизни. Въ 1818 г. напечатано первое стихотвореніе его—«Зима въ городѣ», въ «Виленскомъ Еженедѣльникѣ». Какъ и юношескія стихотворенія Пушкина, первыя произведенія Мицкевича носятъ явные слѣды подраженія французскому ложноклассическому стилю, отъ котораго поэтъ, впрочемъ, скоро отдѣлался подъ вліяніемъ болѣе мощнаго нѣмецкаго романтизма. Съ новымъ эстетическимъ теченіемъ Мицкевичъ познакомился несомнѣнно въ собраніяхъ филаретовъ, гдѣ основатель этого общества, ближайшій другъ Адама—Тома Занъ—былъ страстнымъ поклонникомъ Бюргера и Шиллера и самъ сочинялъ баллады, заимствуя матеріалъ изъ народныхъ преданій. Однако, окончательно подпалъ новому теченію Мицкевичъ только по окончаніи университета въ 1819 г.

Какъ казенно-коштный воспитанникъ учительской семинаріи, основанной при виленскомъ университетѣ для подготовки учителей въ среднеучебныя заведенія, Мицкевичъ былъ обязанъ отслужить определенное число лѣтъ учителемъ и былъ назначенъ въ Ковно, въ одинъ изъ красивѣйшихъ по мѣстоположенію городовъ Литвы. Преподаваніе латинскаго языка и исторіи, монотонная жизнь въ небольшомъ городѣ и одиночество послѣ шумной товарищеской компаніи, вѣчныхъ споровъ и увлеченій въ Вильно—не могли не вліять подавляющимъ образомъ на молодого человѣка. Любовь къ Маріи, сознаніе ея безнадежности, скоро затѣмъ смерть нѣжно любимой матери, врожденная мечтательность и порывистость темперамента—вызывали настроеніе, которому вполне отвѣчало романтическое теченіе нѣмецкой литературы. Бюргеръ, Гете, Жанъ Поль-Рихтеръ и, главнымъ образомъ, Шиллеръ сдѣлались его любимыми писателями, «постоянными и неотступными друзьями», съ которыми молодой учитель дѣлилъ досуги, а ихъ у него было достаточно, не разставаясь съ ними въ одинокихъ прогулкахъ по окрестностямъ Ковно, по словамъ поэта, «самымъ прелестнымъ въ свѣтѣ». Это новое настроеніе въ своей поэзіи Адамъ выразилъ въ стихотвореніи «Романтизмъ», въ которомъ онъ противопоставляетъ чувство сухому разуму, отдаетъ предпочтеніе фантазіи предъ житей-

скимъ опытомъ и заканчивается воззваніемъ къ сердцу: «имѣй сердце и смотри въ сердце»—мысль, очевидно, навѣянная изреченіемъ гетевского Фауста:

«Doch werdet ihr nie Herz zu Herzen schaffen,
Wenn es euch nicht von Herzen geht *).

Романтизмъ Мицкевича, однако, не былъ рабскимъ подражаніемъ такимъ представителямъ вѣмецкой романтики, какъ Новалисъ, Тикъ или Гофманъ. Ихъ увлеченія средними вѣками и реакціонное въ общемъ направленіе, мистическо-консервативное въ политикѣ и туманно-расплывчатое въ философіи, было слишкомъ чуждо здоровой душѣ молодого поэта, еще нетронутой ни глубокой скорбью, ни тѣми житейскими невзгодами, которыя ослабляютъ душу, погружая ее въ мракъ отчаянія. Въ этотъ періодъ больше всего оказали на него вліяніе олимпійски спокойный Гёте и пламенный Шиллеръ. Къ первому его влекла пластическая красота его творчества, столь родственная самому Мицкевичу, въ поэзіи котораго пластика является главной чертой, ярко пробивающейся въ самыхъ раннихъ его произведеніяхъ. Образность и сжатость языка, достигающія апогея въ болѣе зрѣлыхъ произведеніяхъ Мицкевича, какъ «Крымскіе сонеты», «Фарисъ» и, наконецъ, «Панъ Тадеушъ», отличаютъ его баллады этого періода и фантастическую, на половину драматическую поэму «Дзяды», первая и четвертая часть которой написаны тогда же. Съ Шиллеромъ его роднило общее обимъ богатство чувства, доходящаго въ высшія минуты напряженія до страстнаго паѳоса.

Въ этотъ первый періодъ творчества Мицкевича замѣчается въ немъ болѣзненная впечатлительность, доводившая поэта временами до потрясающихъ экспессовъ. Читая однажды пріятелю Одынцу свой переводъ прощанія Чайльдъ-Гарольда, Мицкевичъ, дойдя до словъ «зачѣмъ и по комъ мнѣ плакать, если никто по мнѣ не заплачетъ», упалъ въ обморокъ, продолжавшійся нѣсколько часовъ. Въ значительной степени этой нервностью поэтъ былъ обязанъ нездоровой обстановкѣ жизни, уединенности, которую онъ любилъ въ Ковно, плохому питанію и сильной болѣзни, грозившей ему смертью. Хорошій уходъ спасъ его для польскаго народа. Во всякомъ случаѣ жизнь въ Ковно, прерываемая поѣздками въ Вильно, для свиданія съ филаретами, имѣла огромное значеніе для развитія самостоятельнаго генія, хотя въ двухъ томикахъ балладъ, романсовъ и поэмъ «Дзяды», изданныхъ имъ за этотъ періодъ съ 1810 по 1824 г., Мицкевичъ еще далеко не является «вѣщимъ пѣвцомъ». Это были годы ученія и самовоспитанія, когда поэтъ, предоставленный самому себѣ, чтеніемъ и размышленіемъ до-

*) Въ переводѣ Н. Холодковского:

«Но сердца къ сердцу рѣчь не привлечетъ,
Коль не изъ сердца рѣчь течетъ».

полнялъ университетское образованіе, расширялъ и углублялъ новыя идеи, вынесенныя имъ изъ самостоятельнаго знакомства съ нѣмецкой литературой и потомъ англійской, преимущественно съ Байрономъ, Шелли и Шекспиромъ.

Байронъ, послѣ Гёте и Шиллера, имѣлъ наибольшее на него вліяніе. По его собственному признанію, онъ «бредилъ» Байрономъ. Можно сказать, что въ огненномъ духѣ великаго пѣвца Мицкевичъ получилъ окончательное поэтическое крещеніе. И опять, какъ и съ вліяніемъ романтизма, это не было рабское подчиненіе, которое бы выразилось въ подражаніи творцу «Манфреда» и «Каина». Къ Мицкевичу вполне примѣнима характеристика вліянія Байрона на Пушкина, которую далъ Мицкевичъ въ статьѣ, посвященной памяти Пушкина въ 1837 г.: «Pouchkin tomba dans la sphère d'attraction de Byron... il etait moins imitateur des ouvrages, que possédé de l'esprit de son auteur favori. Il n'était pas un fanatique byroniste, nous l'appellerons plutot un byroniaque» *). Личное настроеніе этого періода нашло въ Байронѣ близкіе и родственные отголоски, и естественное увлеченіе байронизмомъ повело къ созданію твореній, проникнутыхъ байроновскимъ полетомъ. «На новый годъ» — великолѣпное стихотвореніе, заканчивающееся возвышеннымъ мизантропизмомъ: «любить міръ, сочувствовать ему — но вдали отъ людей»; «Морякъ», нѣсколько сонетовъ болѣе поздняго времени, превосходный переводъ «Гяура», начатый въ Ковно и законченный уже въ Парижѣ въ 1833 г., прощаніе Чайльдъ-Гарольда, «Сонъ» и «Тьма» — лучшіе образцы переводовъ въ польской литературѣ, — таковы главнѣйшіе слѣды байронизма въ поэзіи Мицкевича. Можно бы отнести сюда же поэму «Конрадъ Валленродъ», по личности героя, напоминающей созданія Байрона, его Корсара или Лару, но обработка сюжета и все развитіе дѣйствія поэмы вполне своеобразны. Родственныя Байрону черты, которыя ясно проявляются въ «Конрадѣ», это черты двухъ близкихъ по духу поэтическихъ организацій, созданныхъ общими условіями времени, но, чѣмъ не менѣе, и глубоко различныхъ по условіямъ ихъ дѣятельности и жизни, по темпераменту и основнымъ началамъ духа. *Чувство*, возносящееся до пророческихъ вдохновеній, когда поэтъ, какъ бы охваченный неземнымъ порывомъ, гласитъ истины свыше, сближаетъ лирику обоихъ поэтовъ. Но скептицизмъ Байрона, его пессимизмъ, отрицаніе вѣры — чужды Мицкевичу. По крайней мѣрѣ, его ропотъ противъ Божества имѣетъ всегда ясно указанный источникъ въ чисто земныхъ, а не сверхчувственныхъ условіяхъ. Въ поэзіи обоихъ поэтовъ *свобода* является кульминаціоннымъ пунктомъ, около котораго вращается постоянно ихъ вдохновеніе. Но титаническій бунтъ Манфреда и Каина, возстаніе противъ несо-

*) Пушкинъ попалъ въ сферу вліянія Байрона. Онъ не столько подражалъ его произведеніямъ, сколько былъ охваченъ духомъ его любимаго автора. Онъ не былъ фанатическимъ байронистомъ, но, если можно такъ выразиться, байронизировалъ.

вершенствъ самого творенія, вызовъ на бой противъ природы и Творца—находятъ слабый отзвукъ въ поэзіи Мицкевича. Онъ пѣвецъ не *мировой* скорби, а *народной*. Это суживаетъ предѣлы его значенія, какъ общечеловѣческаго поэта. Въ этомъ отношеніи онъ—истинно польскій національный пѣвецъ.

Появленіе двухъ томиковъ поэзіи Мицкевича сразу поставило его въ глазахъ восхищеннаго польскаго общества на вершину современной литературы. Въ его романахъ и пѣсняхъ нашелъ себѣ выраженіе романтическій сентиментализмъ, столь еще распространенный въ первой четверти этого вѣка. Его баллады, заимствованныя изъ народныхъ легендъ, пробудили интересъ къ народной поэзіи, возбуждали національное чувство, такъ же какъ и первая его поэма «Гражина» изъ эпохи борьбы Литвы съ Тевтонскимъ орденомъ. Наибольшій, однако, восторгъ вызвали «Дзяды», I часть, отрывки II и IV часть. Названіе «Дзяды» заимствовано отъ народнаго обряда въ память «дѣдовъ», т. е. умершихъ предковъ. Обрядъ, какъ объясняетъ самъ поэтъ, относится еще къ языческимъ временамъ и заключается въ вызовѣ душъ умершихъ на пиръ, который устраивается общиной гдѣ-нибудь въ глухомъ уголкѣ, вблизи кладбища. Въ первой части описывается самый обрядъ, мѣстами въ чрезвычайно сильныхъ и яркихъ образахъ, какъ, напр., появленіе души жестокаго помѣщика, но въ общемъ въ этой части преобладаютъ чувствительныя сценки пасторальнаго характера, красивыя и сентиментальныя въ духѣ французскаго ложноклассицизма. Подъ конецъ обряда является тѣнь самоубійцы, которая не удаляется, несмотря на всѣ заклинанія и чары. Это тѣнь Густава, несчастнаго любовника, описаніе любовныхъ мукъ котораго и составляетъ содержаніе IV части.

Никогда еще въ польской литературѣ не раздавались такія страстныя жалобы, такой кованый стихъ, пластически образный, яркій и сжатый языкъ, полный невыразимой муки и безпредѣльной страсти. Страданія нераздѣленной любви самого поэта къ Маріи Верещака вылились въ этомъ чудномъ произведеніи, которое по праву зачисляется въ рядъ классическихъ твореній польской литературы. Густавъ Мицкевича—это ея «Вертеръ» и «Новая Элоиза».

Въ 1823 г. въ учительствѣ Мицкевича наступилъ внезапный перерывъ. Подъ вліяніемъ реакціоннаго направленія, охватившаго Европу, всѣ общества молодежи, чрезвычайно развившіяся въ Вильно подъ руководствомъ Тома Зана, были заподозрѣны въ политической неблагонадежности и закрыты. Главные участники ихъ Занъ, Чечотъ и другіе были арестованы, а вскорѣ этой же участи подвергся и Мицкевичъ, какъ признанный пѣвецъ филаретовъ, съ которыми онъ поддерживалъ постоянныя сношенія. Пребываніе его подъ арестомъ въ монастырѣ базилиановъ въ Вильно продолжалось, впрочемъ, недолго, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда обнаружилась чуждая политики дѣятельность этого общества, Мицкевичъ и нѣсколько другихъ близ-

кихъ его друзей и знакомыхъ были высланы во внутреннюю Россію, съ тѣмъ, что Мицкевичъ долженъ былъ тамъ, по указанію министерства, отбыть свой учительскій срокъ.

Во время пребыванія въ монастырѣ базилиановъ и при прощаніи съ друзьями въ Вильно Мицкевичъ обнаружилъ особую поэтическую способность. На одномъ изъ собраній, когда Чечотъ, сочинявшій прелестныя пѣсенки на бѣлорусскомъ нарѣчій, запѣлъ новую пѣсню—«Далатуць, латуць дзикіе гуси, да насъ павязуць до далекой Руси», Мицкевичъ внезапно поблѣднѣлъ и, попросивъ одного изъ присутствующихъ играть тихую печальную мелодію на флейтѣ, началъ импровизировать балладу, въ которой описывалъ выѣздъ въ далекую страну, и закончилъ страннымъ пророческимъ тономъ, до глубины души поразившимъ слушателей, никогда еще не издававшихъ поэта въ такомъ настроеніи. Впослѣдствіи, и въ Вильно на собраніяхъ при проводахъ поэта, и въ Россіи, и въ Парижѣ проявлялась часто эта способность къ импровизаціи, всегда сильно возбуждавшая нервную систему Мицкевича. Нерѣдко возбужденіе разрѣшалось слезами или глубокимъ обморокомъ. Изъ этихъ импровизацій, производившихъ, по словамъ очевидцевъ, потрясающее впечатлѣніе на слушателей, къ сожалѣнію, почти ничего не сохранилось, кромѣ баллады «Ренегатъ», стихотворенія «Къ Александру Ходзько» и нѣсколькихъ отрывковъ. Поэтъ не позволялъ ихъ записывать, говоря, что это «сбиваетъ его съ тона». А между тѣмъ, въ Петербургѣ онъ однажды импровизировалъ въ присутствіи многочисленнаго общества цѣлую драму «Самуилъ Зборовскій», давъ два первыхъ акта, около двухъ тысячъ стиховъ. Бывшій въ числѣ слушателей знаменитый художникъ Орловскій тутъ же иллюстрировалъ нѣкоторыя сцены, но и отъ этого произведенія ничего не осталось, кромѣ сжатого пересказа содержанія, записаннаго наскоро однимъ изъ присутствовавшихъ. Обыкновенно Мицкевичъ начиналъ импровизировать на заданную тему спокойно, холодно, какъ бы колеблясь и подыскивая выраженія, но, постепенно оживляясь, если тема была соотвѣтственная, онъ вдохновлялся, доходя до сильнѣйшаго пафоса. Лицо его блѣднѣло, глаза разгорались, какъ звѣзды, и голосъ, обыкновенно слабый и тихій, получалъ такое необычайное напряженіе и силу, что, пожалуй, больше вліялъ на слушателей, чѣмъ самые стихи. По крайней мѣрѣ, очарованные и потрясенные слушатели не сохранили подробностей относительно главныхъ его импровизацій, оправдываясь невозможностью запомнить ихъ подъ чарующимъ впечатлѣніемъ импровизированія поэта. Большинство описываетъ его въ такія минуты, какъ бы впавшимъ въ безсознательное состояніе, не отдающимъ себѣ отчета въ томъ, что онъ говоритъ, руководимымъ внутренней силой, которая, вырвавшись изъ-подъ власти воли, направляла и вдохновляла поэта. Самъ онъ никогда не помнилъ своихъ импровизацій. Въ такіе минуты онъ вполне оправдывалъ латинское названіе поэта *vates*—«вѣщій».

Импровизаторская способность Мицкевича подчеркивает впечатлительность его, не имѣвшую, впрочемъ, ничего общаго съ болѣзненной нервною. Здоровая и сильная натура поэта охраняла его воображеніе отъ болѣзненной утонченности, чудовищныхъ преувеличеній и дикаго разгула фантазіи. Инстинктивное чувство мѣры не покидаетъ поэта даже въ минуты величайшаго возбужденія, и мысль, облеченная въ образы яркіе и полные жизни, свободнымъ полетомъ возносясь къ небесамъ, не теряетъ въ тоже время чисто земного оттѣнка. Оттого всѣ созданія Мицкевича глубоко реалистичны, какъ бы они ни были фантастичны по замыслу. Феи его балладъ, въ «Свитезянкѣ», «Рыбкѣ», напоминаютъ здоровыхъ крестьянскихъ дѣвушекъ: при всей своей воздушности, онѣ обрисованы вполне земными, понятными намъ чертами, и мы можемъ представить ихъ себѣ не только въ общихъ контурахъ, но даже въ деталяхъ. Его Густавъ, несмотря на чрезвычайность своихъ страданій, вполне человѣкъ, муки котораго вызываютъ живѣйшее сочувствіе, потому что онѣ — вполне наши, вполне земныя, въ большей или меньшей степени знакомы каждому, кому довелось пережить печальную, «старую исторію» любви, не встрѣтившей взаимности.

II.

Пребываніе Мицкевича въ Россіи, продолжавшееся съ ноября 1824 по май 1829 года, имѣло огромное значеніе для развитія его во всѣхъ отношеніяхъ.

Выѣздъ изъ Литвы, куда ему не суждено было вернуться больше, былъ для поэта, въ буквальномъ смыслѣ, выходомъ въ большой свѣтъ. Послѣ однообразія ковенской жизни, изрѣдка прерываемаго свиданіями съ друзьями филаретами въ Вильно, наступила жизнь шумная и полная разнообразійшихъ впечатлѣній. Петербургъ, Москва, Кіевъ, Одесса, Крымъ, безбрежная ширь степей Малороссіи, немолчный шумъ Черваго моря, горы, полвыя дикой прелести, холодный блескъ Невы — какъ въ калейдоскопѣ мѣнялись передъ глазами поэта, оставляя глубокіе слѣды въ его душѣ, впечатлительной, отзывчивой и чуткой. Картины природы смѣнялись не менѣе интересными сценами общественной жизни, народнаго быта, историческими событіями, при которыхъ пришлось присутствовать Мицкевичу, если и не принимать въ нихъ участія. День пріѣзда его въ Петербургъ совпалъ съ знаменитымъ наводненіемъ въ ноябрѣ 24 года. Годъ спустя декабрьскіе дни застали его въ Москвѣ, гдѣ онъ былъ и во время коронаціи. Въмѣсто тѣснаго кружка простыхъ людей и товарищей, на каждомъ шагѣ приходилось сталкиваться съ новыми людьми, съ новыми понятіями и взглядами, то примѣняться къ нимъ, то обходить ихъ съ свѣтской галантною и дипломатическою осторожностію.

По природѣ Мицкевичъ былъ человѣкъ общественный и не выносившій одиночества. Его всегда влекло къ людямъ, и вокругъ него мы никогда не видимъ пустоты. Сердечный и искренній, хотя и не сразу поддающийся на вызовъ къ откровенности и дружбѣ, нѣсколько сдержанный на первыхъ порахъ, даже холодный, и тѣмъ болѣе простой и открытый потомъ, когда при болѣе близкомъ знакомствѣ узнавалъ человѣка и убѣждался въ его искренности, — Мицкевичъ вездѣ становился центромъ избраннаго кружка, съ которымъ дѣлилъ по-братски и горе, и радость.

Въ Одессѣ, куда онъ по собственному желанью получилъ назначеніе на мѣсто учителя эстетики и литературы въ лицей Рихелье, поэтъ познакомился съ свѣтскимъ обществомъ и пережилъ первую страсть, правда, кратковременную и оставившую въ его душѣ принижающее воспоминаніе. Изъ Одессы онъ посѣтилъ Крымъ и скоро, по предписанію начальства, долженъ былъ вернуться въ Москву, гдѣ впервые завязались у него отношенія съ русскимъ обществомъ и русскими литераторами.

Съ обществомъ онъ сошелся въ салонѣ княгини Зинаиды Волконской, «царицы музъ и красоты» (Пушкинъ), воспѣтой Веневитиновымъ Пушкинымъ и о которой такъ тепло отзывается Некрасовъ въ «Русскихъ женщинахъ». Въ домѣ Волконской Мицкевичъ былъ принятъ, какъ дорогой гость и свой человѣкъ, предъ талантомъ котораго даровитая хозяйка, сама писательница, склонялась столько же, какъ и предъ чарующимъ обаяніемъ личности поэта. Воспоминаніе объ этихъ милыхъ и простыхъ отношеніяхъ сохранилось въ стихотвореніи Мицкевича «Греческій салонъ», въ которомъ онъ воздастъ равную дань изящному вкусу хозяйки и ея добротѣ къ «страннику».

Эти свѣтскія отношенія смягчали для поэта суровую жизнь въ чуждомъ городѣ. Но для насъ несравненно интереснѣе его сближеніе съ русскими писателями, главнымъ образомъ, съ Пушкинымъ, въ то время уже признаннымъ главою русской поэзіи, ея гениальнымъ руководителемъ, учителемъ и безцѣннымъ сокровищемъ. Въ Москвѣ Мицкевичъ былъ занятъ изданіемъ своихъ «Советовъ», и хлопоты по цензурѣ познакомили его съ профессорами университета, а черезъ нихъ съ писателями. Прежде всего онъ познакомился съ Николаемъ Полевымъ и черезъ него съ княземъ Вяземскимъ, Одоевскимъ и, наконецъ, съ Пушкинымъ. Знакомство состоялось въ началѣ 27-го года и съ этого времени до отъѣзда Мицкевича за границу не прерывалось.

Оба поэта сблизились; взаимное уваженіе перешло въ тѣсную дружбу, воспоминаванье о которой оба сохраняли до могилы, какъ одно изъ лучшихъ въ жизни. Оба были почти въ одномъ возрастѣ (Мицкевичъ на пять мѣсяцевъ только старше), оба поклонники Байрона, оба творцы новаго направленія, въ общихъ чертахъ одинаковаго въ родныхъ литературахъ, оба въ равной степени знаменитые каждый въ своемъ

отечествѣ,—они сразу нашли много точекъ соприкосновенія для ума и сердца, что и повело къ обоюдной симпатіи. Даже самыя противоположности въ ихъ характерахъ послужили къ тѣснѣйшему союзу. Одинъ огненный, блестящій, искристый, баловень свѣтскихъ салоновъ, другой сдержанный, мечтательный, вдумчивый и страстный, привыкшій къ простотѣ и небрежности кружковой жизни,—они дополняли другъ друга. Мицкевичъ въ своихъ отзывахъ о Пушкинѣ умѣлъ оцѣнить въ немъ и поэта, и человѣка, и никогда впослѣдствіи не мѣнялъ мнѣнія о немъ. Когда въ Парижѣ при немъ однажды начали критиковать произведенія Пушкина, Мицкевичъ горячо возсталъ противъ невѣрной его оцѣнки и заявилъ, что Пушкинъ—величайшій поэтъ русскаго народа, его слава и гордость, а какъ человѣка—онъ считаетъ его «искреннимъ, благороднымъ и открытымъ». Пушкинъ не менѣе цѣнилъ Мицкевича и самъ, съ благородной скромностью и гостепріимнымъ чувствомъ къ бездомному пришельцу, вездѣ выдвигалъ польскаго поэта на первый планъ, признавая за нимъ первенство, какъ объ этомъ рассказываетъ Ксенофонтъ Полевой. О первенствѣ въ данномъ случаѣ, конечно, не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ каждый изъ нихъ—первый и единственный въ родной литературѣ, и мы упоминаемъ объ этомъ преклоненіи Пушкина предъ Мицкевичемъ, какъ о характерной для чудной души русскаго поэта чертѣ, въ которой сказался геній, не способный ни къ зависти, ни къ враждебному отношенію къ славѣ другого. Мицкевичъ лучше зналъ творенія Пушкина, котораго могъ читать, зная русскій языкъ. Пушкинъ узналъ произведенія польскаго поэта сначала въ переводахъ Вяземскаго. Оба переводили произведенія другъ друга. Мицкевичъ перевелъ «Воспоминанія» («Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день»), а послѣ трагической смерти Пушкина посвятилъ ему глубоко прочувствованную статью во французской газетѣ «Globe», въ которой называетъ его величайшимъ русскимъ поэтомъ, сравниваетъ по значенію и генію съ Байрономъ и горько жалѣетъ, что безвременная кончина не дала развиться генію Пушкина до надлежащей высоты. «Я зналъ его близко, довольно долгое время,—заканчиваетъ Мицкевичъ статью,—считалъ всегда за человѣка впечатлительнаго, подчасъ легкомысленнаго, но всегда искренняго, благороднаго, съ открытой душой. Его недостатки завистливы скорѣе отъ обстоятельствъ и общества, въ которомъ онъ жилъ, но все великое въ немъ проистекало изъ его сердца». Въ стихотвореніи «Памятникъ Петра Великаго» Мицкевичъ запечатлѣлъ воспоминанье, какъ однажды, во время дождя, онъ укрылъ плащомъ своего друга. Въ этомъ стихотвореніи онъ сравниваетъ себя и Пушкина съ двумя родными альпійскими скалами, которыя, раздѣленные у подножья шумнымъ потокомъ, склоняютъ другъ къ другу вносящіеся къ небу вершины.

Переводы Пушкина изъ Мицкевича слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы надо было напоминать ихъ читателямъ. По близости къ

линнику и вѣрной передачѣ духа Мицкевича, они несомнѣнно лучшіе изъ переводовъ произведеній этого поэта не только въ русской литературѣ. Свой взглядъ на Мицкевича Пушкинъ высказалъ въ стихотвореніи, начало котораго мы взяли эпиграфомъ. Геніальный провидецъ, Пушкинъ въ немногихъ словахъ сжалъ сущность поэзіи Мицкевича. Если о комъ изъ поэтовъ можно сказать, что «онъ вдохновенъ былъ свыше и съ высоты взираетъ на жизнь», то именно въ примѣненіи къ Мицкевичу эта характеристика получаетъ вполне опредѣленный смыслъ. Печать возвышенности и вдохновенности лежитъ на этой поэзіи, возносящей сердца людей «горѣ». Это не олимпійское спокойствіе Гете, полное благоговѣйной созерцательности передъ святыней красоты, и не дерзновенный полетъ Байрона—превыше солнца, въ надзвѣздную высь, гдѣ безпокойный «духъ отрицанья, духъ сомнѣнья» мощнаго англійскаго индивидуалиста могъ бы найти покой въ угрюмомъ безмолвіи безконечности. Поэзія Мицкевича—это царственное пареніе орла въ ослабительныхъ лучахъ божественнаго солнца, торжественный призывъ съ высоты—къ единенію всего міра, во имя общаго блага, вѣчной правды и человѣчности.

«Не имѣющие сердца и духа—только толпа скелетовъ.

Молодость! Дай мнѣ крылья!

Пусть влечу надъ мертвымъ міромъ

Въ райскій край воображенья,

Гдѣ вдохновенъ творить чудеса,

Разбрасываетъ цвѣты творчества,

И облакаетъ надежду красками живописи!..

Пусть тотъ, кого омрачили годы,

Склоняя къ землѣ новорожденное чело,

Видитъ узкій кругъ,

Какой можетъ очертить его отупѣлый взглядъ.

Ты же, молодость, влечетай

Надъ низменностью жизни

И, подобно солнцу, взоромъ

Проникай изъ конца въ конецъ

Всю безграничность человѣчества!

.....

Въ краю человѣчества еще ночь глухая,

Страсти еще въ борьбѣ.

Но вотъ загорается огонь любви,

Изъ хаоса возсіяетъ свѣтъ духа,

Молодость его восприметъ,

А дружба соединитъ въ вѣчную связь.

Разобьется ледъ равнодушія,

Разсѣются предразсудки, затмевающие свѣтъ.

Привѣтъ тебѣ, заря свободы,

За тобою—солнце избавленія!.. *)

*) Начало и конецъ «Оды къ молодости» въ приближительной передачѣ. Сжатый и лапидарный стихъ этой оды не поддается буквальному переводу, требуя цѣлаго оборота тамъ, гдѣ Мицкевичъ однимъ словомъ создаетъ картину. Ода написана въ 1822 году.

Такъ пѣлъ Мицкевичъ въ кругу филаретовъ на зарѣ жизни и завѣтамъ молодости не измѣнилъ до конца. Мысль «о временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, въ одну семью соединятся» — не покидаетъ его никогда, живетъ и волнуетъ душу поэта и въ тѣхъ отравленныхъ болѣю за страданье родины стихотвореньяхъ, о которыхъ упоминаетъ дальше Пушкинъ:

. . . Онъ

Ушелъ на западъ—и благословіемъ
Его мы проводили. Но теперь
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ и нынѣ
Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной,
Поетъ онъ ненависть: издалека
Знакомый голосъ злобнаго поэта
Доходитъ къ намъ!.. О Боже! возврати
Твой миръ въ его овлобленную душу!

При оцѣнкѣ этого сужденія Пушкина о голосѣ «злобнаго поэта» мы должны прежде всего помнить время, когда оно было высказано. Оба поэта находились тогда подъ живымъ впечатлѣніемъ трагическихъ событій начала тридцатыхъ годовъ,—событій, исторгшихъ изъ лира каждаго нѣсколько рѣзкихъ звуковъ, звенящихъ болѣзненнымъ диссонансомъ съ ихъ прежней гармоніей. Съ тѣхъ поръ прошло достаточно времени, чтобы измѣнить взглядъ на творенья Мицкевича за этотъ короткій въ его жизни періодъ и видѣть въ нихъ не только злобу и ненависть.

Но до этого періода было еще далеко, и Мицкевичъ въ кругу русскихъ писателей былъ принятъ, какъ свой человѣкъ. Кромѣ близости съ Пушкинымъ, онъ сошелся съ Вяземскимъ, Одоевскимъ, Жуковскимъ и, въ особенности, имѣлъ восторженнаго поклонника въ Баратынскомъ, который, послѣ выхода «Конрада Валленрода», напечатаннаго въ 1828 г. въ Петербургѣ, — заклиналъ Мицкевича бросить подражаніе Байрону. Стихотвореніе это было прочитано на прощальномъ обѣдѣ, данномъ въ честь отъѣзжающаго изъ Москвы Мицкевича, который устроили ему братья Кирѣевскіе, Полевой, Елагинъ, Шевыревъ, Соболевскій, Баратынскій и другіе. На прощаніе поэту поднесли серебряную чашу съ вырѣзанными именами подносившихъ. Тронутый до глубины души Мицкевичъ отвѣтилъ импровизаціей на французскомъ языкѣ. Въ ней поэтъ, примѣняясь къ событію, рассказывалъ, какъ не имѣющій пристанища странникъ былъ дружелюбно встрѣченъ въ чужой землѣ, гдѣ его пріютили добрые люди и одарили на память дорогимъ подаркомъ. Отправившись дальше, странникъ влачилъ дни свои въ тоскѣ и нуждѣ среди безпріютной земли и пагъ, наконецъ, удрученный горемъ, измученный голодомъ и жаждой. Тогда подъ плащемъ его нашли драгоценную чашу, подарокъ далекихъ друзей... Восторженный Баратынскій вскочилъ послѣ импровизаціи и воскликнулъ: «Ah mon Dieu! Pourquoi n'est il pas russe!» («Господи! почему онъ не русскій!»).

Кромѣ близкаго знакомства съ русской литературой и виднѣйшими ея представителями, Мицкевичъ могъ, до нѣкоторой степени, узнать и русскій народъ во время своихъ долгихъ переѣздовъ на лошадахъ изъ конца въ конецъ Россіи. Конечно, знакомство это могло быть только бѣглымъ и поверхностнымъ. Въ то время и сами русскіе писатели знали народъ мало и въ этомъ отношеніи едва ли многое могли раскрыть ему. Во всякомъ случаѣ его почти пятилѣтнее пребываніе въ Россіи дало ему возможность понять и оцѣнить русскій народъ, къ которому онъ *не питалъ никогда* ни злобы, ни ненависти. Напротивъ, въ курсѣ литературы славянской въ College de France, говоря объ особенностяхъ, качествахъ, достоинствахъ и недостаткахъ русскаго народа, Мицкевичъ заявляетъ: *«c'est peut-être le peuple le plus intelligent de l'Europe»*. Во всѣхъ его поэтическихъ произведеніяхъ, не исключая и тѣхъ, о которыхъ говоритъ Пушкинъ, *нѣтъ ни одного слова* оскорбительнаго для русскаго народа. Даже говоря о немъ, какъ о врагѣ своей родины, онъ не скрываетъ къ нему своихъ симпатій и уваженія, а въ «Панѣ Тадеушѣ» выводитъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ капитана Рыкова, великолѣпную по художественности и типичности фигуру, истый прототипъ лермонтовскаго Максима Максимовича, обрисованную съ теплотой и любовью. Такъ не пишутъ люди съ злобнымъ сердцемъ. Нужно замѣтить, что «Панъ Тадеушъ» былъ задуманъ и конченъ уже послѣ возстанія 30-го года.

Останавливаться дольше на этомъ вопросѣ считаемъ излишнимъ. Болѣе подробное и близкое его разсмотрѣніе привело бы насъ къ несомнѣнному утвержденію, что проповѣдь ненависти идетъ въ разрѣзъ съ основными мотивами поэзіи Мицкевича—любовью къ человѣчеству, стремленіемъ къ свободѣ и его глубокой религіозностью.

Пребываніе Мицкевича въ Россіи сравнительно не богато въ творческомъ отношеніи. За этотъ періодъ онъ выпустилъ въ свѣтъ книгу «Сонетовъ», «Конрада Валленрода», написалъ «Фариса», нѣсколько балладъ, мелкихъ стихотвореній и переводовъ. Сонеты его, какъ эротическіе, такъ въ особенности «Крымскіе» были многократно переведены на русскій языкъ *) и до сихъ поръ переводятся вновь. Помимо удивительной выдержанности формы, онѣ привлекаютъ сжатой силой чувства и красотой въ описаніяхъ природы. Крымскіе сонеты, кромѣ того, отличаются рѣдкой музыкальностью, которую почти невозможно передать на чужомъ языкѣ. При умѣломъ чтеніи они напоминаютъ то заунывную молитву мусульманина, то восторженный гимнъ благодарности. Художественное соединеніе впечатлѣній природы съ болѣе глубокими чувствами, возбужденными воспоминаніями о прошлой жизни Крыма и невольными сравненіями съ своей жизнью, придаетъ необыкновенную прелесть этимъ сонетамъ, составляя изъ нихъ какъ бы лирическо-описа-

*) Есть шесть полныхъ переводовъ.

тельную поэму, имѣющую единство и цѣльность не только чисто внѣшнюю, по мѣсту и времени, но и внутреннюю, художественную связь, по общему въ советахъ настроенію, задумчиво-грустному и возвышенному. Поэма «Фарисъ» представляетъ въ образѣ неустрашимаго вѣздника стремленіе къ идеалу, неудержимый порывъ впередъ сквозь всѣ преграды и препятствія, встрѣчающіяся на житейскомъ пути для сердца и души пламеннаго и мужественнаго борца. «Фарисъ» является продолженіемъ и дополненіемъ «Оды къ молодости». Юношеское восторженное поклоненіе свободѣ, выраженное въ первой, претворяется въ мужественную борьбу, которая должна повести къ общей любви человѣчества. По выдержанности и силѣ стиха, яркости изображенія и энергіи мысли, «Фарисъ» справедливо считается однимъ изъ шедевровъ поэзіи Мипкевича.

Нельзя сказать того же о «Конрадѣ Валленродѣ», пользующемся гораздо большей извѣстностью среди русскихъ читателей, благодаря многочисленнымъ переводамъ,—восемь полныхъ переводовъ и масса отрывковъ,—особенно знаменита баллада «Альпугаръ». Несмотря на отдѣльныя, сильно и ярко написанныя мѣста, въ общемъ вся поэма не выдержана, и характеръ героя не ясенъ, какъ и основная мысль поэмы, вызвавшая самыя разнообразныя комментаріи. Одни увидѣли въ поэмѣ апопееозъ измѣны, задуманной и предпринятой ради отечества, другіе—мишеніе судьбы человѣку, отрешившемуся отъ родины и потерявшему цѣль и смыслъ существованія, третьи, наконецъ, усмотрѣли аллегорію, скрытый смыслъ которой заключается въ изображеніи современной поэту эпохи заговоровъ, тайныхъ союзовъ и интригъ. Для каждаго изъ этихъ толкованій въ поэмѣ найдется достаточно матеріала, такъ какъ поэтъ не сумѣлъ выдержать характеръ героя въ томъ или иномъ направленіи. По замыслу, Конрадъ, литвинъ по происхожденію, сильный и страстный человѣкъ, способный проникнуться одной идеей и, безъ колебаній и сомнѣній, посвятить ей всю жизнь. Между тѣмъ, въ поэмѣ мы видимъ мечтательнаго, какъ юноша, магистра крестоносцевъ, влюбленнаго, мятущагося между страстью къ прежней возлюбленной и ненавистью къ ордену, настолько падающаго духомъ, что ему необходима чуть не нянька въ образѣ стараго вайделоты, чтобы слѣдить за магистромъ, какъ бы онъ не выдалъ преждевременно тайну всей своей жизни. Казалось бы, у строгаго мстителя, ради любви къ родинѣ бросившаго жену, дѣтей, отечество—все, чѣмъ жизнь мила, было довольно времени закалить себя въ одной мысли, въ одномъ стремленіи, и, надо думать, это ему удалось, если тевтонскіе рыцари избрали его магистромъ. Поэтому, юношеское воркованіе сѣдовласаго магистра у подножья башни, гдѣ проводитъ дни его возлюбленная, нѣсколько комично, хотя въ свое время именно эта сторона поэмы вызывала рѣзки слезъ у читателей. Также непоследовательно и все поведеніе Конрада въ кругу рыцарей, когда онъ поетъ имъ балладу про Альпугару, напивается,

продѣлываетъ тысячи несообразностей, по которымъ развѣ только слѣпой не увидѣлъ бы въ немъ измѣнника.

Но если «Конрадъ Валленродъ» не выдержанъ и не имѣетъ цѣльности вполне художественнаго произведенія,—въ подробностяхъ и въ отдѣльных мѣстахъ онъ представляетъ чудную вещь, вполне оправдывающую увлеченіе и восторги, съ какими его встрѣтили читатели. Если и теперь лирическія отступленія, баллада «Альпугара», пѣснь вайделюты, производятъ сильное впечатлѣніе,—можно представить, чѣмъ явился «Конрадъ Валленродъ» въ глазахъ современныхъ поэту читателей. Это было своего рода откровеніе, первое патріотическое произведеніе, въ яркихъ и сильныхъ образахъ олицетворившее любовь къ отечеству. Самая неясность основной мысли усиливала привлекательность поэмы, давая каждому возможность по своему углубляться въ нее и искать болѣе отвѣчающихъ ему лично настроеній.

Къ тому же періоду относятся столь извѣстныя баллады Мицкевича, знакомыя каждому русскому читателю въ переводѣ Пушкина—«Будрысъ и его сыновья» (въ оригиналѣ «Три Будрысы») и «Воевода» (въ оригиналѣ «На стражѣ»), безспорно лучшія изъ написанныхъ Мицкевичемъ. Въ нихъ нѣтъ ничего фантастическаго, содержаніе всецѣло заимствовано изъ дѣйствительности, форма и мысль слиты въ нихъ нераздѣльно, представляя артистически законченную вещь, истинныя перлы этого рода поэзіи.

Слѣдуетъ упомянуть еще объ оригинальномъ трудѣ, задуманномъ поэтомъ въ этомъ же петербургскомъ періодѣ его жизни. Сильно интересуясь политикой и общественными теченіями, тогда очень живыми, Мицкевичъ задумалъ дать картину будущаго, какъ оно представлялось ему. Утопіи всякаго рода были тогда очень въ модѣ, подъ влияніемъ сенъ-симонизма, ставившаго своей задачей коренной переворотъ въ общественныхъ отношеніяхъ. Будучи крайнимъ противникомъ матеріализма и ставя въ жизни и общественной дѣятельности чувство на первый планъ, какъ главный двигатель человѣчества,—Мицкевичъ нарисовалъ картину общества, въ которомъ разумъ властвуетъ нераздѣльно, чувство подавлено—и въ результатѣ полная гибель духовной жизни человѣчества. Погрязшее въ матеріализмѣ, отказавшись отъ идеаловъ, человѣчество не можетъ выдержать нашествія китайцевъ, которые и покоряютъ весь міръ, будучи еще матеріалистичнѣе европейцевъ. Любопытно, что въ этой вещи, которая, къ сожалѣнію, потеряна и сохранилась только въ воспоминаніяхъ современниковъ, поэтъ предвидѣлъ многія чудеса современной намъ техники. Такъ, онъ представляетъ весь шаръ земной покрытымъ сѣтью желѣзныхъ дорогъ, въ то время извѣстныхъ только въ видѣ попытокъ въ Америкѣ и въ Англіи; рассказываетъ о чудесныхъ приспособленіяхъ, при помощи которыхъ люди, сидя дома у себя въ кабинетѣ, будутъ сноситься другъ съ другомъ, разговаривать на разстояніи, слушать оперу, видѣть пред-

ставленія въ театрѣ, словомъ, предвидѣлъ наши телеграфы, телефоны, и микрофоны.

Упоминаемъ объ этомъ, какъ о проявленіи его рѣдкой фантазіи, которая, уловивъ самъ по себѣ невидный фактъ, могла развернуть изъ него цѣлую сложную картину. Это отчасти бросаетъ свѣтъ на творчество Мицкевича, воображеніе котораго, при всей своей творческой силѣ, исходило всегда отъ жизни, почему нигдѣ въ его произведеніяхъ нѣтъ чудовищностей, фантастическихъ негѣпостей, столь свойственныхъ романтикамъ. Въ основѣ его фантазіи всегда лежитъ зерно реализма, а въ лучшихъ его твореніяхъ міръ фантазіи уступаетъ всецѣло міру реальному. Воображеніе помогало Мицкевичу подняться «надъ низменностью жизни и, подобно солнцу, проникать взоромъ всю безграничность человѣчества изъ конца въ конецъ», но не увлекало его въ міръ сверхчувственныхъ видѣній, утонченныхъ чувствованій, безтѣлесныхъ существъ и неземныхъ страданій, какъ, напр., его современника, и во многихъ отношеніяхъ соперника, поэта Юлія Словацкаго. Этому соединенію трезвости чувства съ богатымъ и творческимъ воображеніемъ Мицкевичъ обязанъ тѣмъ, что въ лицѣ его польская литература получила величайшаго эпика, какимъ онъ является въ «Панѣ Тадеушѣ».

III.

Въ маѣ 1829 г. Мицкевичъ, благодаря стараньямъ своихъ русскихъ друзей, добился позволенія поѣхать въ Западную Европу для завершения образованія. Приѣхавъ въ Россію юношей, онъ уѣзжалъ вполне сложившимся, умственно и нравственно зрѣлымъ мужемъ. Умъ его обогатился, взгляды расширились и углубились, благодаря разнообразному чтенію и постоянному общенію съ лучшими представителями русской интеллигенціи. Благодаря свѣтской жизни и тому уваженію, съ какимъ его принимали вездѣ, Мицкевичъ пересталъ уединяться, охотно шелъ самъ навстрѣчу и во время своего путешествія по Европѣ вездѣ завязывалъ новыя знакомства, изучая жизнь въ самомъ широкомъ значеніи слова.

Въ Берлинѣ, первой остановкѣ на его пути, его встрѣтила съ восторгомъ учащаяся здѣсь польская молодежь, привѣтствовавшая въ немъ своего духовнаго вождя и учителя. Увлеченіе Гегелемъ было здѣсь въ полномъ расцвѣтѣ, и Мицкевичъ вызвалъ противъ себя неудовольствіе своихъ юныхъ поклонниковъ, позволивъ себѣ насмѣшку надъ философомъ, который, по его мнѣнію, врядъ-ли и самъ понималъ себя, выражаясь такъ темно, спутанно и неясно. Мицкевичъ вообще, не былъ сторонникомъ философіи, которой противопоставлялъ вѣру, и любилъ подсмѣиваться надъ философами. «Запримечаніе любого философа,—говорилъ онъ иногда,—въ церкви на ночь или заставъ идти

ночью по кладбищу, — и увидишь, какъ онъ станетъ молиться и креститься». Въ этомъ шутливомъ отзывѣ скрыто присущее Мицкевичу недовѣріе ко всему, что, по его мнѣнію, распатывало простую и искреннюю вѣру, которую онъ такъ живо чувствовалъ въ себѣ самомъ и которой удивлялся въ простомъ народѣ. Вѣра Мицкевича не была деизмомъ Байрона или пантеизмомъ Гёте, — это была вѣра простого сердца, чуждаго всякихъ сомнѣній. Въ періодъ жизни, о которомъ мы говоримъ теперь, она еще не проявилась въ немъ съ такой силой, какъ впоследствии, когда стала главнымъ двигателемъ Мицкевича.

Первые два года въ Западной Европѣ онъ жилъ, что называется, полной душой. Въ расцвѣтѣ силъ, всѣми признанный, какъ великій національный поэтъ, чувствуя въ себѣ жаръ вдохновенія, Мицкевичъ переживалъ тогда лучшую пору жизни. Онъ посѣтилъ Дрезденъ, въ Веймарѣ познакомился съ великимъ Гёте, котораго считалъ однимъ изъ своихъ духовныхъ отцовъ, проѣхалъ Швецарію и долго пробылъ въ Римѣ, гдѣ его застигло извѣстіе о польскомъ возстаніи. Это была первая грозовая туча на ясномъ небѣ поэта. Здѣсь же, въ Римѣ, въ Мицкевичѣ впервые ясно проявилась склонность къ мистицизму. Охваченный трепетнымъ чувствомъ благоговѣнія среди массы католическихъ святыхъ, онъ сталъ очень набоженъ, погрузился въ чтеніе теологическихъ сочиненій, въ которыхъ искалъ откровеній, не только общихъ, но и касающихся лично его. Это настроеніе поддерживалось ближайшимъ ему въ Римѣ семейнымъ домомъ графовъ Анквичей, дочь которыхъ Генріетта, молоденькая еще дѣвушка, по натурѣ тоже склонная къ мистическимъ восторгамъ, особенно сочувствовала ему. Повидимому, обоимъ сближало чувство, болѣе теплое, чѣмъ дружба, хотя эти отношенія не шли за предѣлы тихой, ровной склонности, по крайней мѣрѣ вначалѣ. Въ Римѣ Мицкевичъ исповѣдался и причастился, что совпало съ особымъ пророческимъ сномъ Генріетты, которая увидѣла Мицкевича въ бѣлой одеждѣ съ барашкомъ на рукахъ. Благодаря этому совпаденію, самъ по себѣ простой актъ вѣры въ глазахъ Мицкевича получилъ смыслъ предзнаменованія, указующаго на предстоящій поворотъ въ его жизни.

Грозныя событія на родинѣ отвлекли, однако, поэта отъ мистическихъ упражненій. Захваченный ими врасплохъ, Мицкевичъ полетѣлъ сначала въ Женеву, гдѣ съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ возстанія, въ успѣхъ котораго не вѣрилъ съ самаго начала. Послѣ кратковременнаго посѣщенія Парижа, куда его привлекла обманчивая надежда сдѣлать что-нибудь для подавленной родины, Мицкевичъ переѣхалъ въ Познань, гдѣ пробылъ около года, посѣщая польскихъ помѣщиковъ, знакомясь съ крестьянскимъ бытомъ и сравнивая картины польской жизни съ тѣмъ, что видѣлъ въ Литвѣ. Это время было затишьемъ въ жизни поэта, въ душѣ котораго скопилась масса впечатлѣній, требовавшихъ выхода, но до поры до времени какъ бы

дремавшихъ, подавленныхъ вліяніемъ безпокойной жизни, не дававшей поэту сосредоточиться и отдаться всецѣло вдохновенію.

Оно снизошло на него въ Дрезденѣ, куда онъ переселился въ мартѣ 1832 г. По его словамъ, «надъ головой у него словно пролилась стклянка съ поэзіей». Меньше, чѣмъ въ четыре мѣсяца онъ написалъ здѣсь рядъ стихотвореній, посвященныхъ впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ Россіи («Дорога въ Россію», «Предмѣстье столицы», «Петербургъ», «Смотръ войскамъ»), спенамъ и отдѣльнымъ фактамъ изъ возстанія—«Смерть полковника», «Редутъ Гордона», «Пѣсня солдата», «Ночлегъ»; третью часть «Дзядовъ», «Отрывокъ», «Посланіе русскимъ друзьямъ» и почти закончилъ переводъ «Гяура». Возбужденіе, съ которымъ работалъ Мицкевичъ въ Дрезденѣ, отразилось сильнѣе всего въ третьей части «Дзядовъ». Сначала имъ была написана другая вещь, не то, что теперь извѣстно подъ этимъ названіемъ, но поэтъ уничтожилъ ее, никому не показавъ.

Изъ всѣхъ этихъ произведеній наибольшее значеніе для пониманія Мицкевича имѣетъ эта третья часть, которая, въ сущности, ничѣмъ не связана съ остальными частями «Дзядовъ». Написана она въ полудраматической формѣ, въ видѣ ряда отдѣльных сценъ, видѣній и монологовъ. Сюжетомъ поэтъ взялъ время своего ареста въ монастырѣ базилянговъ и дѣло филаретовъ. Герой поэмы Конрадъ, по замыслу, представляетъ Густава, который въ юношескомъ произведеніи Мицкевича олицетворяетъ безграничную страсть нераздѣленной любви, всецѣло поглощенную личнымъ страданіемъ, страсть, для которой не существуетъ ничего въ мірѣ, кромѣ нея. Дойдя до такого предѣла, это чувство разрѣшается только самоуничтоженіемъ, т. е. самоубійствомъ охваченнаго ею несчастнаго. Въ Конрадѣ мы видимъ этотъ чисто личный мотивъ совершенно преобразованнымъ: Конрадъ является олицетвореніемъ страданія общества и народа. Конрадъ не думаетъ о себѣ, не носитъ съ своими муками: его всецѣло поглощаетъ мысль о народѣ, онъ проникнутъ только чувствомъ общаго всѣмъ страданія, которое испытываетъ сильнѣе другихъ, будучи сильнѣе всѣхъ, выше сердцемъ и душой. Эгоизмъ Густава, подъ вліяніемъ роковыхъ событій, претворился въ страстную жажду жертвы Конрада. Но не его гордому и мощному духу дано постичь тайну провидѣнія, поразившаго народъ.

Въ великолѣпной импровизаціи, наиболѣе сильной и глубокой вещи, написанной Мицкевичемъ, духъ Конрада порывается вторгнуться силою воображенія въ предѣлы, гдѣ создаются судьбы человѣчества; Конрадъ чувствуетъ, однако, все безсиліе одного лишь чувства, готовъ проклясть божество и обезсиленный падаетъ въ обморокъ. Недостаточно одной любви къ человѣчеству и готовности принести себя въ жертву для его блага,—необходима прежде всего вѣра, единственная сила, способная двигать горами, творящая чудеса.

Мы уже указали, что въ Римѣ Мицкевича охватило религіозное

настроение, которое послѣ трагическаго конца возстанія все больше и больше начинаетъ овладѣвать имъ. Подъ вліяніемъ исхода возстанія, постепенно теряя довѣріе къ усиліямъ воли, руководимой разумомъ, Мицкевичъ окончательно противопоставляетъ послѣднему силу вѣры, чувства и вдохновенія. Въ теченіе всего послѣдующаго за событіями 30-года времени вращаясь въ кругу мыслей о положеніи народа, Мицкевичъ пришелъ къ заключенію, что нельзя ожидать улучшенія его судьбы ни отъ матеріальной силы, ни отъ дипломатическихъ комбинацій: спасенія слѣдуетъ ожидать отъ силы вѣры и вдохновенія. Въ письмахъ къ Лелевелю онъ заявляетъ, что «стремленіямъ народа надо придать направленіе религиозно-нравственное, и на католицизмъ основать фундаментъ будущаго. Быть можетъ, нашъ народъ призванъ оповѣстить народамъ евангеліе народности, нравственности и религии, презрѣнія къ бюджетамъ, этой основѣ современной политики».

Эту идею Мицкевичъ олицетворилъ въ другомъ главномъ лицѣ третьей части «Дзядовъ»—ксендзѣ Петрѣ, простомъ, наивномъ, вѣрующемъ по-дѣтски, неиспорченномъ книжной мудростью. Онъ ободряетъ павшаго духомъ Конрада, смиряетъ его гордыню и указываетъ путь спасенія въ вѣрѣ. Видѣнія Петра заканчиваются предсказаніемъ о появленіи страшнаго человѣка, имѣющаго тройной ликъ, три чела, стоящаго на трехъ коронахъ, но самого безъ короны, по матери происходящаго изъ чуждаго народа, но въ жилахъ котораго течетъ кровь бывшихъ богатырей. «Имя ему сорокъ четыре». Это странное и непонятное предсказаніе, въ сущности бессмысленное, и самъ Мицкевичъ никогда не могъ объяснить. Повидимому, въ торжественную минуту творчества оно зародилось путемъ произвольной ассоціаціи въ разгоряченномъ воображеніи поэта, который удержалъ его, какъ нѣкій символъ. Въ произведеніяхъ поэта это единственное мѣсто, гдѣ ему измѣнила обычная трезвость мысли, при всемъ пареніи всегда ясной и понятной.

Думаемъ, что въ концѣ XIX в. едва ли необходимо разбирать критически основную мысль Мицкевича. Достаточно замѣтить, что болѣе трезвые изъ его современниковъ, какъ, напр., Лелевель, отнеслись къ ней вполне отрицательно. Для большинства этотъ призывъ къ вѣрѣ имѣлъ, конечно, утѣшительное значеніе въ то время. Для Мицкевича это было началомъ крутого поворота въ его дѣятельности, хотя главное твореніе его жизни еще не было даже начато. Въ общемъ эта третья часть «Дзядовъ» производитъ сильное впечатлѣніе, хотя какъ художественное произведеніе она не выдержана. Въ ней нѣтъ цѣльности, переходы отъ міра вполне реальнаго, отъ превосходно написанныхъ сценъ въ тюрьмѣ—къ видѣніямъ, въ которыхъ дѣйствуютъ духи, —рѣзки и искусственны, но красота отдѣльныхъ мѣстъ, сила вдохновенія и энергія стиха заставляютъ забывать эти недостатки. Меньше всего художественны самъ Конрадъ, фигура котораго не ясно нарисована, и

ксендзъ Петръ, довольно жалкое созданіе, не смотря на значеніе, которое имѣеть въ поэмѣ. Въ изображеніи его нѣтъ силы, нѣтъ красоты, нѣтъ вдохновенія,—есть только наборъ словъ. Мистикъ убилъ поэта. Это было роковымъ предзнаменованіемъ для Мицкевича.

Послѣ этого краткаго періода творчества, доставившаго поэту, по его словамъ, «неизъяснимое наслажденіе», Мицкевичъ въ іюнѣ 1832 г. перебрался въ Парижъ, который сдѣлался съ тѣхъ поръ его главнымъ мѣстопребываніемъ. Изъ тихаго убѣжища, какимъ былъ Дрезденъ, поэтъ сразу былъ вовлеченъ въ вихрь эмиграціоннаго движенія, партійныхъ столкновеній и революціонныхъ теченій, кипѣвшихъ въ Парижѣ того времени. Обстоятельства ставили его въ положеніе исключительное; хотя лично онъ и не принималъ участія въ возстаніи, но слава національнаго поэта влекла къ нему симпатіи эмигрантовъ, въ кругу которыхъ Мицкевичъ *volens-nolens* долженъ былъ занять одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ.

Онъ не склонился ни къ одной изъ партій среди эмигрантовъ, ни къ революціонно-демократической, ни къ консервативно-аристократической, не раздѣляя крайностей первой и не чувствуя влеченія къ умѣренности, граничащей съ равнодушіемъ—второй. Мистическое воззрѣніе на судьбы народовъ, возникшее въ Римѣ подъ вліяніемъ охватившаго его религіознаго настроенія, чтенія Ламменэ и религіозной практики, вылившееся въ поэтическую формѣ въ дрезденскій періодъ вдохновенія,—окончательно оформилось въ Парижѣ.

Съ цѣлью придать своей мысли возможно большую ясность и общедоступность, чтобы облегчить распространеніе ея среди всѣхъ слоевъ общества, Мицкевичъ остановился на формѣ библейскаго сказа и слогомъ библии написалъ прозой два произведенія—«Книги польскаго народа» и «Книги странничества польскаго». Подражая манерѣ и языку библейскихъ пророковъ, которые въ минуты особенно сильныхъ страданій еврейскаго народа старались поднять и ободрить его, внушая мысль, что народъ еврейскій есть народъ избранный,—Мицкевичъ заимствовалъ изъ библии и основную мысль, проводимую имъ въ этихъ произведеніяхъ, объ избранности польскаго народа, которому суждено путемъ страданія «искупить» всѣ остальные народы. Нужно признать, что языкъ, какимъ написаны эти книги, превосходенъ, и какъ образецъ чистѣйшей, по сжатости стили, польской прозы, онъ не потеряли значенія въ польской литературѣ. Во всемъ остальномъ онъ давно уже потеряли значеніе, хотя при своемъ появленіи были приняты съ восторгомъ и выдержали массу изданій. Самъ поэтъ, придерживаясь убѣжденія, что «слово живое», какъ «хлѣбъ жизни», не можетъ быть продаваемо, раздавалъ ихъ даромъ и за изданія ихъ денегъ не получалъ. Нельзя не замѣтить, между прочимъ, что во взглядахъ Мицкевича на первенствующее значеніе внутренней жизни можно указать близость съ нѣкоторыми изъ основныхъ взглядовъ Толстого. «Царство

Божье внутри насъ» послѣдняго очень подходитъ къ проповѣди Мицкевича о совершенствованіи души, на что онъ обращаетъ главное вниманіе «странниковъ». «Насколько вознесете духъ вашъ и усовершенствуете души ваши, настолько увеличите владѣнія ваши и расширите ваши права», говоритъ онъ, обращаясь къ «странникамъ», которыхъ представляетъ какъ «душу народа», странствующую въ поискахъ свѣта подобно народу израильскому по¹ пустынь, пока путемъ сокрушенія, смиренія и нравственнаго совершенствованія странники не внидутъ въ страну обѣтованную и не откроютъ ея для прочихъ народовъ.

Кромѣ этихъ «книгъ», имѣвшихъ публицистическій характеръ, наполовину поэзія, наполовину проповѣдь, Мицкевичъ принималъ горячее участіе въ издававшихся тогда въ Парижѣ періодическихъ изданіяхъ, именно въ «Пилигримѣ Польскомъ», въ которомъ помѣстилъ рядъ статей по текущимъ вопросамъ, политическимъ и общественнымъ. Въ нихъ онъ призывалъ борцовъ за благо народа прежде всего къ единенію, взаимному довѣрію и любви, предостерегалъ отъ чрезвычайнаго увлеченія крайними теоріями, убѣждалъ работать и работать надъ собой, безъ чего всѣ ихъ усилія будутъ мертвы въ зародышѣ. Въ статьяхъ его было много правды, хотя и горькой, но особаго вниманія онѣ не привлекали, и раздавались голоса, выражавшіе сожалѣніе, зачѣмъ поэтъ покинулъ творческую работу ради служенія злобамъ дня, въ которыхъ онъ самъ не достаточно свѣдущъ. Скоро Мицкевичъ надолго покинулъ публицистическую дѣятельность, увлеченный идеей новаго труда, отвлекавшаго его въ совершенно иную сторону, далеко отъ эмиграціи, Парижа, партійныхъ интересовъ и всякой злобы дня.

8 декабря 1832 г. онъ писалъ другу своему Одынцу въ Дрезденъ: «Пишу теперь шляхетскую поэму, нѣчто вродѣ Германа и Доротеи Гёте; уже накропалъ до тысячи стиховъ. Сильно нравится здѣшней шляхтѣ. Чувствую въ себѣ приливъ вдохновенія, но столько у меня теперь огорченій, заботъ, корректуръ и всякой разной ерунды, статей, статейекъ и проектовъ, что и самъ не знаю, какъ отъ времени до времени могу склентъ пару-другую стиховъ». Эта «шляхетская поэма» была «Панъ Тадеушъ», въ теченіе двухъ лѣтъ самой тягостной жизни поэта служившая для него тихимъ прибѣжищемъ, гдѣ силою воображенія поэтъ воскрешалъ картины родной стороны, жилъ въ возлюбленной Литвѣ, «въ ея лѣсахъ, корчмахъ, съ деревенской шляхтой, евреями etc.». И чѣмъ тоскливѣе шла его жизнь въ Парижѣ, чѣмъ болѣе допекала его забота текущаго дня, тѣмъ съ большимъ жаромъ отдавался онъ въ свободныя минуты «любимому дѣтищу», которое не покидалъ ни въ Парижѣ, ни въ дорогѣ, странствуя съ смертельно больнымъ другомъ своимъ Гарчинскимъ. По смерти послѣдняго, вернувшись въ Парижъ, онъ уже исключительно занимался своимъ «Тадеушкомъ», какъ ласкательно называлъ героя поэмы. Въ половинѣ февраля 1834 г., въ сумерки, когда нѣсколько ближайшихъ друзей, по обыкновенію, со-

брались у него къ вечернему чаю и тихо бесѣдовали, видя хозяина въ другой комнатѣ что-то быстро пишущимъ,—Мицкевичъ всталъ отъ письменнаго стола съ сіяющимъ лицомъ и воскликнулъ, обращаясь къ нимъ: «слава Богу! въ эту минуту я написалъ подъ «Тадеушемъ» большое *Finis*». Любимый трудъ былъ оконченъ и въ концѣ іюня того же года вышелъ въ свѣтъ, блестяще завершивъ творческую дѣятельность польскаго поэта.

Съ тѣхъ поръ какъ появилось это лучшее изъ всѣхъ произведеній Мицкевича, двухъ мнѣній о немъ не существовало и не существуетъ. И критика, и читатели признали его величайшимъ твореніемъ польской литературы, чудной народной эпопеей, въ которой законченность формы сливается съ содержаніемъ въ одно художественное нераздѣльное цѣлое. Не только такова высокая оцѣнка этого произведенія въ польской критикѣ. Брандесъ, напр., ставитъ его не менѣе высоко. «Наше столѣтіе, говоритъ онъ, можетъ гордиться только одной истинной эпопеей, но не нѣмецкой и не англійской,—это «Панъ Тадеушъ» Мицкевича».

Какимъ образомъ могъ ее создать поэтъ, до тѣхъ поръ проявившій необыкновенную силу въ лирикѣ, романтикѣ и субъективнѣйшій пѣвецъ, для котораго чувство прежде всего? Между тѣмъ, въ этомъ произведеніи выступаетъ реалистъ чистѣйшей воды, спокойный и безстрастный повѣствователь, художникъ трезвой обыденной жизни, съ равной любовью и мастерствомъ описывающій самыя ничтожныя событія, создавая изъ нихъ широкую и яркую картину жизни, какъ она есть, съ неуловимымъ юморомъ отмѣчающій смѣшныя стороны своихъ героевъ, отнюдь не прикрашивая и не преувеличивая ни ихъ достоинствъ, ни ихъ недостатковъ. Тайны творчества всегда останутся непостижимыми, но въ данномъ случаѣ нѣкоторые указанія даютъ отдѣльныя черты, разсѣяныя въ прежнихъ твореніяхъ Мицкевича, на что мы указывали попутно. Воображеніе Мицкевича всегда имѣетъ реалистическую подкладку, въ немъ всегда можно найти зерно здоровой дѣйствительности, и романтизмъ не могъ убить въ немъ постоянного стремленія къ реализму. Это ясно чувствуется какъ въ первыхъ его произведеніяхъ, такъ и въ послѣдующихъ, когда онъ, по собственнымъ словамъ, «былъ упоенъ Шиллеромъ и Байрономъ». При всей буйности воображенія, не знающей удержа фантазіи, при безмѣрномъ размахѣ чувствъ, Мицкевичъ инстинктивно сохраняетъ извѣстное спокойствіе въ обрисовкѣ подробностей, удерживается отъ чрезмѣрной фантастичности образовъ и чувствъ и рядомъ съ картинами пламеннаго воображенія пишетъ вполне реальныя и земныя. Можно сказать, что реалистъ и эпикъ въ немъ скрыты подъ пышной мантией романтика.

Въ «Панѣ Тадеушѣ» онъ сбрасываетъ эту мантию и выступаетъ въ своемъ настоящемъ видѣ. Этому преображенію много способствовали какъ обстоятельства, при которыхъ писалась «шляхетская повѣсть», такъ и самый матеріалъ ея. Измученный волненіями эмигрантской жизни,

доведенный почти до отчаянія борьбою разнообразнѣйшихъ элементовъ парижской жизни, среди которыхъ онъ не могъ разобраться, смущаемый сомнѣніями колеблющейся вѣры, которая въ этотъ періодъ его жизни подвергалась сильнѣйшимъ ударамъ,—Мицкевичъ съ тоскою возвращается къ днямъ дѣтства, которые представляются ему въ ореолѣ «ангельской чистоты и спокойствія». Картины далекой родины, тихой и скромной жизни новгородской усадьбы, простые и здоровыя лица, окружавшія его дѣтство, чистыя и наивныя сердца, вѣрные въ несчастіи и радости, манятъ его къ себѣ отъ стука и грома парижской улицы съ ея нервной, не знающей удержа жизнью. Здѣсь шумъ, вѣчныя перемѣны, ни предвидѣть, ни предупредить которыхъ нельзя, постоянная борьба, напрягающая всѣ силы ума и тѣла,—тамъ спокойствіе, жизнь, медленно и правильно текущая въ устойчивыхъ формахъ, сложившихся вѣками, среди неизмѣнной природы, не яркой, не блещущей ослѣпительными красками, но живописной, безъ грозныхъ бурь и потрясеній. На этомъ мягкомъ фонѣ выступаютъ воспоминанія о событіяхъ, при которыхъ поэтъ присутствовалъ въ дни дѣтства и юности,—грозныя полки «великой арміи», громъ далекихъ битвъ, потрясавшихъ тронами, свѣтлыя надежды и сладостныя упованія—и надъ всѣмъ онъ, «великій Наполеонъ», богъ войны, несущійся въ колесницѣ, влекомой орлами, отъ «ливійскихъ пустынь къ поднебеснымъ Альпамъ, бросающій громъ за громомъ въ пирамиды, въ Таборъ, въ Маренго, въ Ульмъ, въ Аустерлицъ».

Таковъ фонъ времени и мѣста, на которомъ разворачивается дѣйствіе эпопеи, неправильно названной поэтомъ «повѣстью пляхетской», такъ какъ предѣлы произведенія несравненно шире. Мицкевичъ создалъ настоящую современную народную эпопею, въ которой художественно нарисовалъ жизнь польскаго общества начала XIX в. въ его частныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, мелкихъ и важныхъ событіяхъ, съ его страданьями и надеждами, достоинствами и недостатками, въ минуты обыденной жизни и моменты общаго приподнятаго настроенія, — словомъ, всѣ стороны жизни охвачены поэтомъ со всей полнотой гениальнаго изображенія, въ которомъ великое и мелкое, важное и незначительное, героизмъ и обыденная пошлость нашли себѣ мѣсто съ чудесной живостью и простотой. На протяженіи всѣхъ 12 книгъ, на которыя раздѣлена повѣсть, поэтъ ни разу не выходитъ изъ роли бытописателя, то безхитростнаго и наивнаго, какъ его герои, то важно-спокойнаго, какъ того требуетъ серьезность излагаемыхъ событій, то добродушно усмѣхающагося, когда на сценѣ дѣйствія разыгрываются комичныя житейскія дѣлишки. Сквозь эту объективность, проходитъ яркой нитью, связующей всю повѣсть въ превосходно выдержанную картину,—любовное, теплое отношеніе поэта къ созданному имъ міру, настроеніе страстной любви къ родинѣ и тоски по ней, настроеніе, незамѣтно охватывающее читателя съ перваго стиха, съ ко-

торымъ поэтъ обращается къ родинѣ: «Литва! родина моя, ты—какъ здоровье! Какъ надо цѣнить тебя, узнаеть лишь тотъ, кто тебя утратилъ. Вижу теперь красоту твою во всей ея прелести и описываю, ибо тоскую по тебѣ!»

Три мотива искусно переплетаются на всемъ протяженіи разсказа, не подавляя другъ друга, но дополняя и увеличивая интересъ и значеніе общей картины. Первый—чисто личнаго свойства, это любовь въ различныхъ оттѣнкахъ и проявленіяхъ, отъ нѣжнаго, едва расцвѣтающаго чувства молоденькой дѣвушки, только что перешагнувшей за порогъ дѣтства, до пламенной всепожирающей страсти, сосредоточившей на себѣ всѣ силы гордаго и энергичнаго человѣка, не знавшаго страха, привыкшаго повелѣвать и смирявшагося только предъ нею, «голубкой робкой.» Любовь Зоси и Тадеуша и Яцка Соплицы къ дочери воеводы—это два крайнихъ предѣла, между которыми проходитъ вся гамма любовной мелодіи, разыгрывающейся въ эпопеѣ. Тутъ и пылкое, но скоро улечивающееся увлеченіе юноши Тадеуша переэрълой «бальзаковского возраста» красавицей Телименой, благоразумно высматривающей себѣ мужа, и сентиментальное, полное рисовки и романтическихъ вздоховъ ухаживаніе графа, и здоровое, простое стремленіе къ браку пана Реента, которому болѣе, чѣмъ зрѣлый возрастъ внушаетъ благоразумное желаніе обзавестись семьей. Каждый изъ этихъ оттѣнковъ любви переданъ съ неподражаемой правдой и художественностью. Въ нѣжныхъ, почти неуловимыхъ, хотя вполне реальныхъ, тонахъ выступаетъ воздушная, полная неизъяснимой прелести фигура расцвѣтающей Зоси, чудный образъ просыпающейся любви, еще не сознающей своей силы и тѣмъ болѣе непобѣдимой. Половъ добродушнаго юмора образъ Телимены, воркующей сорокалѣтней красавицы, выдавшей виды, и графа, сочиняющаго при лунѣ сентиментальные романсы къ милой, и Реента, подыскивающаго себѣ хозяйку. Любовь Яцка Соплицы не выступаетъ на сценѣ, о ней только разсказываетъ самъ печальный герой трагической исторіи. Чрезмѣрно строгая критика усмотрѣла только въ этомъ единственномъ мѣстѣ отголосокъ стараго романтизма. Но исторіи такого рода случаются въ жизни, въ чрезмѣрности подобнаго чувства нѣтъ ничего невѣроятнаго, тѣмъ болѣе, что въ эпопеѣ Яцекъ играетъ совсѣмъ особую роль, и такія сильныя личности не знаютъ удержа страсти, разъ она овладѣваетъ ими всецѣло.

Второй мотивъ—общественнаго характера, вполне во вкусѣ мѣстнаго шляхетскаго быта. Это—ссора изъ за разваливъ стараго замка, которая возгорается между богатымъ шляхтичемъ, судьей Соплицей, и послѣднимъ представителемъ нѣкогда могучаго рода графовъ Горешковъ, хотя и не прямымъ Горешко, а только «по праякѣ», т. е. по матери. Подобная ссора изъ-за предмета, ненужнаго въ сущности ни той, ни другой сторонѣ, превосходно обрисовываетъ шляхетскую страсть къ сутяжничеству. Больше всего въ ней заинтересованы не

господа, не Соплица и не графъ, а ихъ старые слуги, полагающіе всю свою гордость въ отстаиваніи того, что они считаютъ «честью дома». Возный Прогазы со стороны Соплицы и старый шляхтичъ, герба «пулкозицъ», Гервазы, воинственный и суровый, весь проникнутый воспоминаніями о прошломъ величьи дома Горешковъ,—это два заклѣтыхъ врага, изъ которыхъ одинъ пускаетъ въ ходъ всю канцелярскую пронырливость, другой силу руки и свой страшный мечъ, «сцызорикъ», т. е. «ножикъ», какъ онъ мягко и съ нѣжностью называетъ свой обоюдоострый тевтонскій мечъ. Ссора сосредоточиваетъ вниманіе всего уѣзда и дѣлитъ его на двѣ партіи. Въ домѣ судьи устраивается съѣздъ граничной комиссій, чтобы посредствомъ опроса свидѣтелей и тщательнаго разслѣдованія на мѣстѣ рѣшить многолѣтній споръ. Слѣдствіе ведется медленно и чинно, какъ и все въ этой спокойно текущей мирной жизни, среди постоянныхъ обѣдовъ и торжественныхъ ужиновъ, описаніе которыхъ можетъ поспорить развѣ съ гомеровскими пирами героевъ Иліады и Одиссеи. Съѣхавшаяся со всѣхъ сторонъ «шляхта-братья» проводятъ весело время въ домѣ гостепріимнаго Соплицы, занимаясь охотой, собираньемъ грибовъ, политическими разговорами. Устраивается охота на медвѣдя, молодежь ухаживаетъ, графъ сентиментальничаетъ, а дѣло не двигается съ мѣста, пока, наконецъ, воинственный представитель старины Гервазы не разрѣшаетъ его «старымъ обычаемъ», т. е. вооруженной рукой, устроивъ наѣздъ на домъ Соплицы. Въ этомъ ему помогаютъ два обстоятельства—скрытое неудовольствіе мелкой шляхты, зависть ея къ Соплицѣ, такому же шляхтичу, какъ и они, но разбогатѣвшему, и носящіеся по странѣ таинственные слухи о пришествіи французовъ, которые будто бы идутъ освободить Польшу.

Эта мысль о возстановленіи старой свободы отечества и есть третій мотивъ, который, вначалѣ чуть замѣтный, медленно пробивается наружу, становится все сильнѣе, ярче и, наконецъ, заглушаетъ всѣ остальные, сосредоточиваетъ всѣ интересы и объединяетъ всѣ стороны, примиряя даже такихъ непримиримыхъ враговъ, какъ возный Прогазы и старый вояка Гервазы. Торжественнымъ гимномъ въ честь родины разрѣшается эпопея, заканчивающаяся пиромъ польскихъ войскъ, двигающихся на сѣверъ въ рядахъ «великой арміи». Настроеніе эпопеи, вначалѣ тихое и спокойное, все растетъ, расширяется, повышается, доходя подъ конецъ до высшаго предѣла, гдѣ поэтъ и покидаетъ читателя, оставляя его подъ впечатлѣніемъ общаго торжественно-радостнаго порыва, свѣтлыхъ надеждъ и увлекательныхъ мечтаній.

Такова въ грубыхъ чертахъ общая схема этого произведенія, по которой нельзя составить даже приблизительнаго представленія о неисчерпанномъ богатствѣ этихъ «пестрыхъ главъ, полусмѣшныхъ, полупечальныхъ, простонародныхъ, идеальныхъ», о безчисленныхъ ти-

пахъ и бытовыхъ сценахъ, о чудныхъ описаніяхъ природы — весны, лѣта, осени, лѣса, полей, прудовъ, лунной ночи, огорода Зоси и т. п. *).

Значеніе «Пана Тадеуша» въ исторіи развитія польской литературы не меньшее, чѣмъ «Евгенія Онегина» въ русской. «Повѣсть шляхетская» опредѣлила и указала тотъ путь реалистическаго воспроизведенія дѣйствительности, по которому съ тѣхъ поръ пошла польская литература въ романѣ и повѣсти. Коренныя черты различныхъ типовъ польскаго общества, выхваченныя поэтомъ и увѣковѣченныя въ безсмертныхъ образахъ Зоси, Тадеуша, судьи Соплицы, графа, ксендза Робака, слугъ, мелкой шляхты, повторяются затѣмъ и развиваются, получая новые оттѣнки, сообразно измѣнившимся обстоятельствамъ и новымъ условіямъ времени. Въ романахъ и повѣстяхъ Корженевскаго, Крашевскаго, Ежа, вплоть до послѣднихъ романовъ Ожешковой и Сенкевича, красной нитью тянется преемственная связь съ героями «шляхетской повѣсти» Мицкевича. Новое демократическое направленіе, столь сильное въ польской литературѣ послѣдняго періода, углубило и расширило, но не измѣнило основныхъ мотивовъ эпопеи — любви къ родинѣ, горячей преданности общественнымъ интересамъ и готовности къ жертвѣ во имя общаго блага. Осталось неизмѣннымъ и реалистическое отношеніе къ жизни, чуждое аффектаціи, излишней чувствительности и дѣланной восторженности. Художественное соединеніе правды, простоты и естественности, доведенное въ «Панѣ Тадеушѣ» до совершенства, служить идеаломъ, къ которому стремилась и неизмѣнно стремится польская литература послѣ Мицкевича.

IV.

Этимъ великимъ произведеніемъ закончилось поэтическое творчество Мицкевича. Начиная съ перваго появившагося въ печати стихотворенія «Зима въ городѣ» (1818 г.) и до «Пана Тадеуша» (1834 г.), творческія силы поэта растутъ, достигая кульминаціонной точки развитія въ послѣднемъ твореніи. Но здѣсь наступаетъ внезапная остановка, и въ послѣдующіе затѣмъ двадцать слишкомъ лѣтъ Мицкевичъ не создалъ почти *ничего*. Правда, онъ дѣлалъ нѣсколько попытокъ вернуться къ своему излюбленному дѣтищу — «Дзядамъ», хотѣлъ развить и закончить драму, намѣченную въ ихъ третьей части, но эти попытки такъ и остались безъ исполненія. Въ 1836 г. онъ написалъ драму на французскомъ языкѣ — «Барскіе конфедераты», отъ которой сохранились два первыхъ акты, далъ еще нѣсколько отрывочныхъ сценъ изъ задуманной драмы «Яковъ Ясинскій», но эти обѣ драмы не могутъ

*) На русскомъ языкѣ есть два полные перевода «Пана Тадеуша» — Бенедиктова и Верга. Переводъ послѣдняго лучше и ближе къ подлиннику. Нѣкоторые мѣста изъ «Пана Тадеуша» можно найти въ хрестоматіяхъ, напр., у Филонова — описаніе пуши, охоты на медвѣда и игры на рогѣ пана Войскаго.

идти въ счетъ наслѣдства, оставленнаго поэтомъ польской литературѣ: одна потому, что написана по-французски, подъ сильнымъ вліяніемъ требованій французскаго театра, другая—по незаконченности плана.

Мистицизмъ, зародышъ котораго мы видѣли на протяженіи всей творческой дѣятельности Мицкевича, убилъ въ немъ поэта. Его взглядъ на поэзію мѣняется, онъ требуетъ отъ «истиннаго» поэта вдохновеній «свыше», истинъ, «уму непостижимыхъ», ссылается на слова мистика Сень-Мартена: «on ne devrait écrire des vers qu'après avoir fait un miracle». Истинная поэзія ему представляется еще въ будущемъ, когда поэты будутъ «святыми», провозглашающими истины, которыя умъ не можетъ выразить. Современное искусство служить для забавы, оно недостойно высокаго назначенія. Словомъ, началось тоже отношеніе къ творческой дѣятельности, которое почти одновременно высказывалъ Гоголь, а нынѣ Толстой *).

Въ 1834 г. Мицкевичъ женился на Целинѣ Шимаховской, дочери въ свое время знаменитой пьянистки, съ семействомъ которой онъ дружески сблизился еще въ Петербургѣ. Семейная жизнь поэта протекала въ общемъ спокойно: онъ былъ примѣрнымъ мужемъ и отцомъ, и въ тяжкіе годы страннической жизни семья служила ему тихимъ прибіжищемъ, гдѣ поэтъ спасался отъ тревоженій эмиграціи и находилъ утѣшеніе и отдыхъ отъ мукъ мистицизма, который около времени его женитьбы все болѣе и болѣе сталъ овладѣвать душой Мицкевича.

Ростъ религіознаго чувства замѣтно усилился тогда въ эмиграціи, и Мицкевичъ вмѣстѣ съ ближайшими ему друзьями образовалъ религіозное братство «Соединенныхъ братьевъ», изъ котораго впоследствии возникло въ Галиціи религіозно-политическое общество «Братьевъ-змартвыхъ-станцевъ» («воскресающихъ-братьевъ»). Мицкевичъ имѣлъ въ виду преимущественно единеніе эмигрантовъ на почвѣ религіознаго чувства, ту же цѣль, которая преслѣдовалась имъ въ «Книгахъ польскаго странничества». Особаго значенія, однако, основанное братство среди эмигрантовъ не имѣло, и когда главные его руководители переехали въ Галицію, оно совершенно закрылось. Самъ Мицкевичъ, подъ натискомъ матеріальной нужды, не могъ посвящать слишкомъ много времени проповѣднической дѣятельности. Потерпѣвъ фіаско съ своей драмой «Барскіе конфедереты», которая не была принята на сцену, онъ добился каведры въ Лозаннѣ, гдѣ читалъ римскую литературу въ университетѣ и преподавалъ древніе языки въ гимназій. Какъ преподавателемъ и профессоромъ, имъ осталось очень довольно и Лозанское общество, и правленіе университета. Почти двухлѣтнее пребываніе въ Лозаннѣ было самымъ лучшимъ временемъ въ жизни Мицкевича этого періода.

*) Въ русской литературѣ можно указать на интересную статью г. А. Уманскаго, напечатанную въ «Рус. М.» 1893 г., въ которой приводится любопытная аналогія между мистическими увлеченіями Мицкевича и послѣднимъ періодомъ дѣятельности Толстого.

и въ матеріяльномъ, и въ нравственномъ отношеніи. Но каведра чуждой ему литературы мало удовлетворяла его духовную жажду дѣятельности. Въ Парижѣ, между тѣмъ, въ College de France, высшемъ научномъ учрежденіи, открытомъ для всѣхъ, съ самыми широкими курсами наукъ, министр Кузень предложилъ учредить каведру славянскихъ литературъ, которую Мицкевичъ просилъ оставить за нимъ. Имя его, какъ одного изъ знаменитѣйшихъ славянскихъ поэтовъ, было хорошо извѣстно во французской печати и обществѣ. Назначеніе его на эту каведру состоялось, поэтому, довольно легко, и въ декабрѣ 1840 г. Мицкевичъ началъ свой курсъ славянскихъ литературъ.

Предъ началомъ этого курса, въ Парижѣ произошло событіе, разбудившее въ Мицкевичѣ старое еще юношеское увлеченіе. 15 декабря принцъ Жуанвилль прибылъ въ Парижъ съ прахомъ Наполеона съ острова Елены. Погребеніе въ домѣ инвалидовъ состоялось при чрезвычайной торжественности: казалось, вся Франція, съ Парижемъ во главѣ, шла поклониться праху великаго вождя. Присутствовавшій при этомъ Мицкевичъ былъ сильно потрясенъ. Среди бѣлаго дня, осматривая приготовленія къ похоронному торжеству, Мицкевичъ имѣлъ необъяснимое видѣніе. Представилось ему, будто онъ видитъ человѣка, изъ глубины родины ѣдущаго на двуколѣ, запряженной маленькой бѣлой лошадкой, сквозь мглу и по болотамъ,—и онъ почувствовалъ какъ-бы ударъ въ сердце и понялъ, что этотъ невѣдомый ему человѣкъ «везетъ величье, великія дѣла». Тогда же онъ записалъ странный сонъ, видѣнный имъ еще въ Дрезденѣ, который онъ заканчиваетъ стихомъ: «И я проснулся съ лицомъ, обращеннымъ къ небу, съ руками, скрещенными на груди, какъ-бы въ гробу».

Похороны Наполеона, видѣніе, воспоминаніе о странномъ снѣ, начало курса,—все это, совпавшее вмѣстѣ, возбудило впечатлительность Мицкевича до послѣдней степени. А тутъ еще состоялся обѣдъ, устроенный въ честь его въ день именинъ, на которомъ Мицкевичъ выступилъ съ импровизаціей въ отвѣтъ на импровизацію Словацкаго. Въ ней Мицкевичъ снова повторилъ главныя положенія свои о призваніи поэта, какъ борца за благо человѣчества, о дѣйственной любви къ родинѣ, и заключилъ, ударяя себя въ грудь, что для пѣвца нѣтъ иной дороги, какъ, «исходя изъ сердца, путемъ любви возносится къ Богу». Это была послѣдняя искра поэзіи, блеснувшей еще разъ ослѣпительнымъ свѣтомъ. Потрясенные не столько мыслью, сколько формой и вдохновеннымъ тономъ, какимъ была высказана импровизація, слушатели пришли въ неописуемый восторгъ и привѣтствовали поэта, какъ пророка. Такая сцена явилась еще одной отравленной каплей, павшей на почву и безъ того до крайности возбужденной нервной организаціи. Послѣдовавшее затѣмъ чтеніе лекцій, недовольство ими и самого поэта, и окружающихъ, болѣзнь жены, впавшей въ острое помѣшательство,—подготовили дорогу для зловѣщей личности Андрея То-

вяньскаго, прѣхавшаго изъ Парижа въ іюлѣ 1841 г. и съ тѣхъ поръ всецѣло овладѣвшаго больной душой несчастнаго поэта.

Съ момента появленія Товяньскаго въ жизни Мицкевича началась агонія великаго духа, длившаяся четырнадцать лѣтъ. Какъ могъ такой ничтожный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, какъ Товяньскій, подчинить своему вліянію Мицкевича, можно объяснить только до болѣзненности развившимся мистическимъ настроеніемъ послѣдняго. Самъ по себѣ Товяньскій ничѣмъ не выдавался, кромѣ замѣчательнаго упорства, съ какимъ онъ шелъ къ опредѣленной цѣли—добиться признанья людьми своего посланничества какимъ бы то ни было образомъ. Потерпѣвъ много разъ неудачу у различныхъ выдающихся людей, къ которымъ онъ обращался съ проповѣдью о своей миссиі съвыше, Товяньскій, какъ истый маньякъ, ни мало не терялъ увѣренности, пока счастливая звѣзда не привела его къ Мицкевичу. О немъ онъ, конечно, слышалъ не разъ, даже лично сталкивался съ нимъ въ Вильно за 20 лѣтъ до парижской встрѣчи и зналъ о мистическомъ направленіи его дѣятельности въ эмиграціи. Здѣсь онъ, безъ сомнѣнья, билъ навѣрняка въ полной увѣренности, что предъ нимъ не закроютъ дверей. Одного онъ не могъ предвидѣть, что въ Мицкевичѣ найдетъ такого сѣлаго, страстнаго приверженца, готоваго отдаться всецѣло его руководству. Тайнственные слова, съ которыми онъ обратился къ Мицкевичу при первомъ же посѣщеніи, предсказанное имъ выздоровленіе жены, рассказъ о своемъ путешествіи изъ Литвы въ двукolkѣ на бѣлой лошади—вполнѣ отвѣчали разстроенному воображенію поэта, которому онъ сразу представился посланникомъ съвыше, явившимся принести въ міръ «живое слово», о чемъ такъ плакала душа поэта. Тѣмъ болѣе, что Товяньскій не былъ обманщикомъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ мистиковъ-маньяковъ, которыми такъ богаты двадцатые и тридцатые годы этого столѣтія. Онъ глубоко вѣрилъ въ свое посланничество, но, будучи ничтожествомъ въ полномъ смыслѣ слова, никогда не добился бы значенія, если бы не встрѣча съ Мицкевичемъ, который сталъ первымъ слугою и апостоломъ «учителя».

Вначалѣ проповѣдь о пришествіи новаго мессіи не шла дальше круга знакомыхъ и ближайшихъ къ поэту эмигрантовъ. Вліяніе чарующей личности Мицкевича оказало свое дѣйствіе, и сразу явилось нѣсколько горячихъ прозелитовъ. Собравшись вмѣстѣ, они устроили демонстрацію въ соборѣ Notre-Dame, гдѣ Товяньскій обратился съ рѣчью къ присутствующимъ, въ темныхъ и неясныхъ выраженіяхъ призывая ихъ «на службу божьему дѣлу». Успѣхъ, однако не отвѣчалъ ожиданьямъ, и виднѣйшіе изъ эмигрантовъ, на которыхъ особенно рассчитывалъ Мицкевичъ, не только не увлеклись «мессіей», но употребляли всѣ старанія разубѣдить самого Мицкевича. Еще одна попытка въ томъ же родѣ закончилась также неудачно, и съ тѣхъ поръ самъ Товяньскій уже не выступалъ публично, уступивъ эту роль Мицкевичу, котораго

наставлялъ устно, а потомъ письменно, когда парижская префектура, не въ мѣру подозрительная, распорядилась выслать его изъ Парижа.

Самъ Товянскій не сумѣлъ бы изложить основныхъ положеній своей миссіи. Изъ разговоровъ, разсужденій и писемъ его выяснилось, что, во-первыхъ, «земная мудрость ничто, все надо черпать изъ души и *чутьемъ* постигать истину слова Господняго». Далѣе, человѣчеству суждено пережить рядъ эпохъ, нынѣ оно во второй, считая первую—пришествіе Христа, Который жизнью своею осуществилъ на землѣ слово, но люди его не поняли, и слово улетучилось со смертью Христа. Только *Наполеонъ* началъ реализацію слова, умѣя найти «точку экзальтаціи» и постигнувъ «жизнь духа». Наполеонъ былъ человѣкомъ непонятымъ и миссіи своей не довершилъ, ибо дважды прегрѣшилъ—разъ не оказавъ должнаго уваженія папѣ, какъ намѣстнику Христа, а вторично—стремясь поднять промышленность Франціи до совершенства англійской промышленности, «чѣмъ призналъ превосходство Англии и потому палъ». Ибо избраны только три народа: евреи, поляки и французы, имъ же дано свершить «дѣло божье». Страданья евреевъ, пылъ французовъ, простота и набожность поляковъ уготовили имъ особливую милость божью. Но французы лишь тогда снищутъ истинное благословеніе, когда соединятся съ духомъ *Наполеона*. Отсюда и для поляковъ необходимость приобщиться въ духу *Наполеона*, который, претерпѣвъ за грѣхи свои кару въ изгнаніи, освободился въ день погребенья своего въ домѣ инвалидовъ. Чтобы достичь этой особой милости, вѣрующіе должны: возвысить духъ свой, побѣдить плоть и вознести ее до высоты духа. Для этого каждый долженъ возбудить себя до «экзальтаціи», выработать «тонъ», постигаемый «чутьемъ». Нельзя достичь этого безъ сокрушенія духа, безъ «опустошенія души»—до «оглушенія».

Вотъ сжатый экстрактъ «товяныщизны».

Великая борьба настала въ душѣ Мицкевича. Ему, стоявшему въ первомъ ряду интеллигенціи по просвѣщенности, обладавшему несомнѣнно огромными знаніями, удивлявшими своими размѣрами еще его русскихъ друзей въ Петербургѣ и Москвѣ, признанными академіей въ Лозаннѣ и подтвержденными назначеніемъ на каеэдру въ College de France, — трудно было опуститься до «оглушенія», отречься отъ этихъ знаній и выбросить ихъ за бортъ, какъ не только лишній, но прямо вредный балластъ. И устно, и письменно онъ горько жалуется «учителю», что не можетъ «сокрушить» духа, что ведетъ неустанную, но безрезультатную борьбу съ злыми духами. «Мужественно противостоя имъ, но силъ не хватаетъ». Разрѣшилась борьба, съ одной стороны, поразительнымъ смиреніемъ передъ «учителемъ» и окружающими, съ другой—страшнымъ жаромъ, съ какимъ выступилъ Мицкевичъ съ проповѣдью о новомъ посланничествѣ съ каеэдры въ College de France и въ частныхъ бесѣдахъ. Мицкевичъ не могъ, конечно, дойти ни до «оглушенія», ни до презрѣнія и отказа

отъ науки. Въ безсмысленныя формулы Товянскаго онъ влилъ собственное содержаніе, которое выразилось въ преувеличенномъ убѣжденіи въ силу слова и вдохновенной вѣры, способной преобразовать человѣчество и открыть ему двери спасенія. Избраннымъ носителемъ этого «живого слова» является польскій народъ, который въ единеніи съ духомъ Наполеона завоеуетъ свободу народамъ и приведетъ ихъ въ край обѣтованный. Въ числѣ многочисленныхъ ученій, курсировавшихъ тогда въ напряженной атмосферѣ Парижа, пламенная провѣдь Мицкевича о близости новой эры братства народовъ—не могла не привлечь вниманія и не увлечь слушателей, находившихъ въ его рѣчахъ отголоски собственныхъ туманныхъ настроеній.

Курсъ, читанный имъ въ College de France, продолжался три года—съ 1841 по 1844 г. Общая идея, положенная въ основу, заключалась въ живописномъ изложеніи особой миссіи, возложенной на *славянъ*, въ которыхъ Франція и весь міръ найдутъ «будущее войско того слова, ему же предназначено заложить основу новой эпохи». Идею эту Мицкевичъ проводилъ вначалѣ очень осторожно, вплетая ее искусно въ изложеніе исторіи славянскихъ литературъ, высказывая намеками, примѣнительно къ различнымъ передовымъ революціоннымъ теченіямъ 40-ыхъ годовъ. Въ сущности, если оставить въ сторонѣ чисто товянскія подробности, идея Мицкевича сводится къ славянофильству, какъ вѣрно указалъ г. Пыпинъ въ «Исторіи славянскихъ литературъ». «Самымъ громкимъ выраженіемъ польскихъ идей въ славянскомъ вопросѣ,—говоритъ онъ,—сдѣлалась теорія, крайнимъ представителемъ которой былъ *мессіаниззмъ* Мицкевича. Согласно этой теоріи, міръ славянской дѣлится на двѣ половины, изъ коихъ одна, положительная, заключаетъ въ себѣ зародыши будущаго прогресса и братства народовъ: это—миссія Польши. На другой сторонѣ, отрицательной, стоитъ Россія, въ обрисовкѣ которой Мицкевичъ не щадитъ темныхъ красокъ». Первая миссія—вести родъ человѣческій къ братству и прогрессу—досталась въ удѣлъ Польшѣ (точно такъ же,—добавляетъ Пыпинъ,—какъ согласно утвержденію русскихъ славянофиловъ, миссія эта надлежитъ исключительно Россіи), поэтому и спасеніе славянства зависитъ отъ Польши, которая въ федераціи славянскихъ народовъ должна занять передовое мѣсто.

Лекціи Мицкевича привлекали массу слушателей, поляковъ и французовъ, которыхъ увлекала огненная рѣчь лектора, яркія и живописныя картины историческихъ событій въ жизни славянъ, смѣлыя и блестящія характеристики, полныя глубокаго поэтическаго пафоса лирическія отступленія и грандіозныя общія положенія. Эти лекціи были скорѣе импровизаціями на заданную тему, и не столько сущность, сколько форма и тонъ увлекали, возбуждали и потрясали слушателей. Онъ часто уклонялся въ сторону, отъ исторіи переходилъ къ современности и набрасывалъ картину за картиной, одна смѣлѣе другой. На кафедрѣ онъ оста-

вался поэтому и шелъ за вдохновеніемъ, которое руководило имъ, а не обратно.

Смѣсь «товяньщины» съ славянофильствомъ, указанія на духъ Наполеона и на Товяньскаго, какъ носителя и выразителя этого духа, нападки на церковь и на рационалистовъ въ концѣ концовъ возмутили многихъ, и изъ всѣхъ лагерей началась дружная атака на Мицкевича, подъ напоромъ которой онъ долженъ былъ отказаться отъ каведры. Но благодарная память о профессорѣ-поэтѣ сохранилась въ сердцахъ слушателей. Осенью 1845 г. молодежь поднесла Мицкевичу медальонъ съ изображеніемъ трехъ любимыхъ лекторовъ: Мицкевича, Мишле и Кинэ, съ надписью подъ ними—*Ut unum omnes sint* («да составляютъ всѣ одно») и съ подписью на оборотѣ—«La France et les auditeurs du College de France».

Съ потерей каведры исчезла послѣдняя точка опоры для Мицкевича. Послѣднее десятилѣтіе было горячечнымъ метаньемъ изъ стороны въ сторону. Наступившій 1848 г. возбудилъ въ Мицкевичѣ желаніе дѣйствіемъ пропагандировать миссію поляковъ, какъ представителей славянства. Онъ поѣхалъ въ Римъ, гдѣ тогда новый Папа Пій IX своимъ либерализмомъ оживилъ надежды итальянцевъ. Мицкевичъ получилъ аудіенцію и изложилъ Пію свое «вѣру», призывая церковь стать во главѣ новаго движенія въ духѣ первобытнаго христіанства и демократизма. Папа выслушалъ его благодушно, но не далъ никакого положительнаго отвѣта. Въ Римѣ Мицкевичъ задумалъ организовать польскій легіонъ для борьбы съ Австріей за свободу Итали. Вездѣ Мицкевича принимали съ торжествомъ, папа, у котораго Мицкевичъ имѣлъ вторую аудіенцію, благословилъ знамя легіона. Съорганизованный съ большими усиліями легіонъ принялъ участіе въ войнѣ въ войскахъ піемонтскаго короля, а самъ Мицкевичъ вернулся въ Парижъ. Іюньскіе дни разбили надежды его на союзъ народовъ во имя свободы и повергли въ полное отчаяніе, особенно усилившееся послѣ ареста Товяньскаго, котораго скоро снова выслали.

Нѣсколько оживился Мицкевичъ послѣ избранія Луи Наполеона президентомъ. «Духъ Наполеона» не только освободился, какъ казалось поэту, но и снова вступаетъ въ свою роль—вождя народовъ. При помощи друзей Мицкевичъ основалъ газету «La Tribune des peuples», въ которой проводилъ идею о братствѣ народовъ, въ духѣ чистой демократіи. Черезъ три мѣсяца газета была закрыта правительствомъ. Начавшаяся реакція, однако, не казалась Мицкевичу страшной. Онъ утѣшалъ себя возстановленіемъ религіозности, несмотря на официальность которой онъ заявлялъ, что вѣра въ концѣ концовъ побѣдитъ и сблизитъ народы. Жизнь его въ это время цѣликомъ сосредоточилась въ семейномъ кругу, среди небольшой группы «вѣрующей братии». Часто его навѣщали поляки, пріѣзжавшіе съ родины, и уносили печальное воспоминанье, какъ о «руинѣ прошлаго величья». Любимымъ товари-

щемъ его былъ въ то время бывший легіонеръ итальянской кампаніи, Генрихъ Служальскій, враль, болтунъ и весельчакъ, истый типъ стараго шляхтича—остряка и говоруна, возсозданный Сенкевичемъ въ Заглубѣ. Мицкевичъ оправдывалъ свою привязанность къ нему тѣмъ, что онъ напоминаетъ ему родимую сторону своимъ неистощимымъ добродушьемъ, волчьимъ аппетитомъ и несукрушимымъ весельемъ духа.

Декабрьскій переворотъ оживилъ было упованія поэта на «духъ Наполеона», но вскорѣ онъ снова погрузился въ апатію, изъ которой его вывели извѣстія о событіяхъ на Востокѣ. Онъ даже подалъ записку правительству о лучшемъ планѣ войны съ Россіей, записку довольно фантастическаго характера, не обратившую особаго вниманія.

Въ мартѣ 1885 г. умерла его жена, которую онъ нѣжно любилъ и уважалъ, какъ главнаго товарища въ союзѣ «товяныщизны». Потеря жены была страшнымъ ударомъ для поэта, уже надломленнаго, часто хворавшаго и думавшаго о скорой смерти, которую онъ предсказывалъ въ ближайшемъ будущемъ. Отвлеченіемъ отъ этихъ печальныхъ мыслей явился проектъ, еще годъ назадъ поданный нѣкоторыми лицами, объ организованиіи польскихъ легіоновъ въ Турціи. Мицкевичъ ухватился за эту идею и выхлопоталъ для себя особую миссію въ Константинополь, чтобы на мѣстѣ присмотрѣться къ положенію дѣлъ, и отправился туда въ сопровожденіи своего неизмѣннаго товарища Служальскаго. Прибывъ въ Стамбулъ, Мицкевичъ больше занялся изученіемъ мѣстной жизни, восхищался красотами Константинополя и мало интересовался дѣломъ. Впрочемъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ Чайковскимъ (Садыкъ-паша) сочинялъ проекты объ организаціи казачьихъ полковъ изъ охотниковъ и даже устройствѣ легіона изъ евреевъ.

26 ноября Мицкевичъ внезапно почувствовалъ себя душно, хотя ни онъ, ни окружающіе не придали особаго значенія охватившей его слабости. Но скоро выяснилось, что часы его жизни сочтены: это была холера. Помощь врачей, собранныхъ со всѣхъ сторонъ, оказалась безсильной. Больной исповѣдался и пріобщился. Началась послѣдняя агонія. Послѣднія слова, обращенныя къ бывшему тутъ начальнику штаба египетскихъ войскъ полковнику Кучинскому, были: «Кучинскій, полкъ казаковъ отоманскихъ!» Въ 9 часовъ вечера Мицкевича не стало.

Набальзамированный прахъ его былъ перевезенъ въ Парижъ и похороненъ на кладбищѣ въ Монтморанси, рядомъ съ тѣломъ его жены.

Смерть поэта всѣхъ примирила съ нимъ, заставила забыть его ошибки и увлеченія въ послѣдній періодъ его дѣятельности и оживила воспоминанія о его неоспоримыхъ достоинствахъ, какъ поэта, о чистотѣ и благородствѣ его личности, о несомнѣнномъ величіи души, даже въ болѣзненныхъ порывахъ своихъ стремившейся неизмѣнно къ истинѣ и свободѣ во имя человѣчества.

Человѣкъ умеръ, остались его творенія. Въ нетлѣнныхъ образахъ они свидѣлствуютъ міру о тѣхъ началахъ добра и красоты, которымъ служилъ поэтъ словомъ и жизнью, никогда не раздѣляя одного отъ другой.

И памятникъ, который, съ разрѣшенія высшей власти, готовитъ Мицкевичу благодарный народъ, пусть явится символомъ братства народовъ, о чемъ мечталъ поэтъ, провидя тѣ времена грядущія,

Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся...

А. Богдановичъ.



Адамъ Мицкевичъ.

(Барельефъ, сдѣланный съ бюста работы Давида въ 1829 г. въ Веймарѣ).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Рассказы г. Вересаева—«Безъ дороги», «Повѣтріе».—Попытки автора уловить новыя настроенія въ интеллигенціи.—Его объективизмъ.—«Ученія» открытія о. Н. Влинова въ вопросѣ о воякахъ и ихъ культѣ.—Г. Минскій о старой и новой повѣи: Байронизмъ Пушкина и Лермонтова—«чумное пятно», горѣвшее до сихъ поръ на русской повѣи, и жизнерадостность новой.—«Тишина», новый сборникъ стихотвореній г. Вальмонта, какъ образчикъ «жизнерадостности» новой повѣи.

Рассказы г. Вересаева, появившіеся сначала въ «Рус. Богатствѣ» и другихъ журналахъ, сразу выдѣлили автора изъ сѣровой толпы многочисленныхъ сочинителей очерковъ и рассказовъ, судьба которыхъ довольно однообразна—появиться на мигъ и кануть въ лету, не возбуждивъ ни въ комъ ожиданій и не оставивъ по себѣ особыхъ сожалѣній. Иначе было съ рассказами г. Вересаева. Каждый изъ нихъ рѣзко выдѣлялся и особымъ настроеніемъ автора, и содержаніемъ, и манерой обработки сюжета. Словомъ, оригинальность автора выступала несомнѣнно, давая право надѣяться, что въ лицѣ г. Вересаева литература получитъ новую незаурядную силу. Теперь, собранные вмѣстѣ, эти очерки и рассказы не только не ослабляютъ прежняго впечатлѣнія, но въ значительной степени усиливаютъ его. То, что въ каждомъ изъ нихъ было отрывочно и лишь намѣчалось отдѣльными чертами, выступаетъ въ сборникѣ въ совокупности, дополняясь взаимно и создавая въ общемъ вполне определенное настроеніе, которое, начиная съ первыхъ страницъ, все усиливается, оставляя читателя подъ впечатлѣніемъ чего-то сильнаго и новаго.

Главное содержаніе сборника составляютъ собственно двѣ вещи—повѣсть «Безъ дороги» и непосредственно дополняющій ее очеркъ «Повѣтріе», появившіеся въ печати первый разъ. Небольшіе рассказы—«На мертвой дорогѣ», «Товарищи», «Прекрасная Елена», «Порывъ», «Загадка», помѣщенные въ началѣ сборника, служатъ какъ бы введеніемъ, въ которомъ намѣчены «лейбъ-мотивы», употребляя терминъ вагнеровской музыки,—руководящія начала, развертывающія затѣмъ въ цѣлую картину душевнаго настроенія въ повѣсти «Безъ дороги».

Въ первомъ очеркѣ, «На мертвой дорогѣ», по выдержанности, пожалуй, лучшемъ во всей книгѣ, читателя съ первыхъ строкъ охватываетъ впечатлѣніе мертвой неподвижности, которою вѣетъ отъ прекрасно набросанной картины выжженной солнцемъ степи и убѣгающей вдаль заброшенной линіи желѣзной дороги. Эта линія когда-то кипѣла жизнью, центромъ которой былъ нынѣ выработанный рудникъ, угольная шахта, гдѣ сотни рабочихъ бодро стучали кайлой, выбрасывая на поверхность живительный уголь. Теперь здѣсь тишина и опустошеніе: бурьяномъ поросли рельсы и шпалы, жизнь идетъ мимо, мимо тянутся скрипучіе обозы, мимо снуютъ толпы рабочихъ, а сторожъ, неподвижно покуривающій трубку и тоскливо поглядывающій на свою мертвую линію, убѣгающую въ глухой уголь, гдѣ зияетъ глубокая шахта, еще усиливаетъ впечатлѣніе пустоты и мертвенности. Изрѣдка забредаетъ въ сторожку унылый путникъ укрыться отъ палящаго солнца, какъ, напр., мечта-

тель Никитинъ, шахтеръ, задавшійся цѣлью своими «плантами» въ самое сердце поразить тѣхъ, кто небрежетъ о здоровьи и жизни шахтеровъ, либо загнанная дождемъ богомолка, повѣствующая о чудесахъ богоспасаемаго града Іерусалима. «И степь» безсильно выгорѣвшая подъ солнцемъ, и лѣнивый, душный воздухъ, и негодующія сѣтованія сторожа, все дышало чѣмъ-то такимъ тоскливымъ, расслабляющимъ и безнадежнымъ... Странно было думать, что гдѣ-нибудь тѣрь. свѣжо и прохладно, что есть на свѣтѣ добрые, дѣятельные, неунывающие люди...

Въ слѣдующемъ разсказѣ, «Товарищи», та же мертвая тишь и безотрадная тоска, только вбѣтъ ею не отъ мертвой дороги, а отъ мертвыхъ людей. Когда-то бодрые и радостные, они составляли живую дружную семью молодежи, кипѣвшую мечтами, надеждами и планами, теперь, заброшенные службою въ одинъ изъ безчисленныхъ русскихъ городишекъ, они тянутъ лямку, кто по акцизу, кто учителемъ, словомъ, всѣ чиновники, либо добываютъ себѣ средства мало привлекающимъ ихъ трудомъ. «Еще работы въ жизни много, работы честной и святой», припоминается одному изъ нихъ слова юношеской пѣсни. Гдѣ же она, эта «честная и святая работа»? «Онъ думалъ о томъ, что уже цѣлыхъ два года прожилъ въ Инсарскѣ, эти два года пролетѣли страшно быстро, какъ одна недѣля, а между тѣмъ воспоминаю не на чѣмъ остановиться: дни вязо тонули за днями, скучные, бессмысленные; опротивѣвшая служба, безконечныя прогулки, выпивки и тупая тоска, изъ которой нѣтъ выхода, которая стала его обычнымъ состояніемъ...» Тоже испытываетъ каждый изъ его товарищей, и, собираясь вмѣстѣ, они въ глазахъ другъ друга читаютъ ту же тоску, то же сознаніе безцѣльности жизни, такой далекой отъ юношеской радости бытія. Что же привело ихъ всѣхъ къ такому безотрадному существованію? Почему мечты разбились при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью, въ которую наши герои не сумѣли внести ни искры изъ прежняго огня, горѣвшаго въ сердцахъ, огня свободы, чести и высокихъ душевныхъ порывовъ? «Въ семьѣ, въ школѣ, — уныло размышляетъ одинъ изъ нихъ, — намъ никто никогда не говорилъ о нашихъ обязанностяхъ... Не воруй, не лги, не обижай другихъ, не, не, не... вотъ была мораль... Мы думали спокойно прожить съ этой моралью, какъ жили наши отцы. И вдругъ приходитъ книга и обращается къ намъ съ неслыханно-громаднымъ запросомъ: она требуетъ, чтобы вся жизнь была однимъ сплошнымъ подвигомъ. Но гдѣ взять для этого силъ? Книга этихъ силъ дать не могла, она ихъ предполагала уже существующими... И вотъ результатъ: она только искалѣчила насъ и пустила гулять по свѣту съ больною совѣстью...»

Минувшія слѣдующіе разсказы — «Порывъ», «Прекрасная Елена», «Загадка», какъ бы иллюстрирующіе это мертвое настроеніе неподвижной жизни, переходящее къ центральной повѣсти сборника «Безъ дороги», гдѣ отрывочныя настроенія предыдущихъ разсказовъ слагаются въ опредѣленную и выдержанную картину опустошенной души. Предъ нами два типа — вѣковѣчные, старые типы русской интеллигенціи: онъ уже истрепанный жизнью, извѣтрившійся въ «великія слова» и «имена» и сознающій себя въ этой жизни «безъ дороги»; она — вся трепетъ и ожиданіе, уже воспріявшая въ себя отраву «книжной проповѣди» о подвигѣ и готовая ринуться по первому указанію. Ей нуженъ «вождь» и «пророкъ», за которыми она могла бы слѣпо пойти, а онъ, умудренный опытомъ жизни, прежде всего не вѣритъ всякимъ вождямъ и всему, что отдаетъ пророческими упованіями. Можно бы подумать, что изъ столкновенія этихъ двухъ типовъ разыграется обычная любовная драма, какихъ тысячи заполняютъ русскую литературу, и тогда въ повѣсти г. Вересаева мы бы имѣли тысяча-первую, можетъ быть и хорошо написанную, но не вносящую ничего новаго. Авторъ гораздо самостоятельнѣе и оригинальнѣе.

Драма разыгрывается и гораздо ужаснѣ всякихъ любовныхъ перипетій. Предъ нами драма одного изъ русской интеллигенціи, захваченнаго жизнью врасплохъ въ тягостную минуту переходной эпохи, когда старое изжито, истрепано въ концѣ, а новое еще даже не мелькнуло вдали.

Повѣсть написана въ видѣ дневника, и герой самъ раскрываетъ «корни и нити» душевнаго разлада, который неминуемо долженъ былъ привести къ тому или иному трагическому концу. Больной и усталый онъ попадаетъ въ деревню, въ родственную ему дружную семью, жизнерадостная молодежь которой, еще не оперившаяся и не испробовавшая себя въ жизни, но кипящая всѣми силами нетронутой молодой души, вызываетъ невольное сравненіе, заставляетъ оглянуться назадъ и подвести итоги его собственному прошлому. Эти итоги неутѣшительны.

«...Да, мало хорошаго вспомнишь за эти прожитые три года. Сидѣть въ своей раковинѣ, со страхомъ озираться кругомъ, видѣть опасность и сознавать, что единственное спасеніе для тебя—уничтожиться, уничтожиться тѣломъ, душою, всѣмъ, чтобы ничего отъ тебя не осталось... Можно ли съ этимъ жить? Невесело сознаваться, но я именно въ такомъ настроеніи прожилъ всѣ эти три года. «Зачѣмъ я отъ времени зависѣть буду? Пускай же лучше оно зависить отъ меня». Мнѣ часто вспоминаются эти гордые слова Базарова. Вотъ были люди! Какъ они вѣрили въ себя! А я, кажется, настоящимъ образомъ въ одно только и вѣрю, это именно въ неодолимую силу времени. «Зачѣмъ я отъ времени зависѣть буду!» Зачѣмъ? Оно не отвѣчаетъ; оно незамѣтно захватываетъ тебя и поведетъ, куда хочетъ; хорошо, если твой путь лежитъ туда же, а если нѣтъ? Сознавай тогда, что идешь не по своей волѣ, протестуй всѣмъ своимъ существомъ, оно все-таки дѣлаетъ по своему. Я въ такомъ положеніи и находился. Время тяжелое, глухое и сумрачное со всѣхъ сторонъ охватываетъ меня, и я со страхомъ видѣлъ, что оно посягаетъ на самое для меня дорогое, посягаетъ на мое міросозерпаніе, на всю душевную жизнь... Гартманъ говоритъ, что убѣжденія наши—плодъ «безсознательнаго», а умомъ мы лишь подыскиваемъ къ нимъ болѣе или менѣе подходящія основанія; я чувствовалъ, что тамъ гдѣ то, въ этомъ неудовимомъ «безсознательномъ», шла тайная, предательская, невѣдомая мнѣ работа, и что въ одинъ прекрасный день я вдругъ окажусь во власти этого «безсознательнаго». Мысль эта наполняла меня ужасомъ: я слишкомъ ясно видѣлъ, что правда, жизнь — все въ моемъ міросозерпаніи, что если я его потеряю, я потеряю все.

«То, что происходило кругомъ, лишь укрѣпило меня въ убѣжденіи, что страхъ мой не напрасенъ, что сила времени—сила страшная и не по плечу человѣку. Какимъ чудомъ могло случится, что въ такой короткій срокъ все такъ измѣнилось? Самыя свѣтлыя имена вдругъ потускнѣли, слова самыя великія стали пошлыми и смѣшными; на смѣну вчерашнему поколѣнію явилось новое, и не вѣрилось, неужели *эти* — всего только младшіе братья вчерашнихъ? Въ литературѣ медленно, но непрерывно шло какое-то общее заворачиваніе фронта, и шло вовсе не во имя какихъ-либо новыхъ началъ. — о нѣтъ! Дѣло было очень ясно: это было лишь ренегатство, —ренегатство общее, массовое и, что всего ужаснѣе, безсознательное. Литература тщательнo оплевывала въ прошломъ все свѣтлое, хорошее, но оплевывала наивно, сама того незамѣчая, воображая, что поддерживаетъ какіе-то «завѣты»; прежнее чистое знамя въ ея рукахъ давно уже обратилось въ грязную тряпку, а она съ гордостью несла эту опозоренную ею святыню и звала къ ней читателя; съ мертвымъ сердцемъ, безъ огня и вѣры, говорила она что-то, чему никто не вѣрилъ...»

Въ этой сжатой и сильной характеристикѣ обрисовано унылое настроеніе лучшей части интеллигенціи 80-хъ годовъ, которая подъ давленіемъ времени, дѣйствительно сжалась до полнаго почти самоуничтоженія, какъ герой повѣсти.

Его спасала работа, которой ему, земскому врачу, было по горло, но эта работа ему была нужна затѣмъ, чтобы «наркотизироваться» ею до совершеннаго самозабвенія. И когда эта работа въ его жизни внезапно оборвалась, предъ нимъ всталъ съ удвоенною силой старый вопросъ, что дѣлать?—вопросъ, получающій еще большую остроту, когда съ нимъ обращается къ герою его молоденькая кузина Наташа

Для нея этотъ вопросъ еще настоятельнѣе требуетъ разрѣшенія. Она только-что начинаетъ жить и увлекаться тѣми высокими словами, великими именами, которые сыграли свою роль въ жизни героя и въ силу которыхъ онъ уже извѣрился. Онъ, какъ истый идолопоклонникъ, бросилъ своихъ боговъ, когда увидаль, что они не сумѣли защитить сами себя. Что же онъ можетъ сказать ей, этой разспѣвающей жизни, жадно раскрывающейся ему навстрѣчу, жаждущей съ страстнымъ нетерпѣніемъ, что онъ, старшій по возрасту и развитію, преданный самымъ высокимъ началамъ, ради которыхъ бросилъ университетъ и ушелъ «служить народу» въ земство, сумѣетъ освѣтить ей грядущій путь жизни свѣтомъ своего идеала, свѣтомъ, испробованнымъ на дѣлѣ, на пути собственной жизни. «Преемственности» идей и дѣла—вотъ чего она ждетъ отъ старшаго поколѣнія.

Казалось бы, чего же лучше? «Отъ ея разговоръ вѣетъ такимъ старымъ-старымъ, но такимъ хорошимъ; она хочетъ знать, какъ я смотрю на общину, какое значеніе придаю сектанству, считаю-ли возможнымъ и желательнымъ развитіе въ Россіи капитализма. И въ разспросахъ ея скрывается предположеніе, что я непременно долженъ интересоваться всѣхъ этимъ... Она разспрашиваетъ меня о моей дѣятельности, объ отношеніяхъ къ мужикамъ, усматривая во всѣмъ этомъ глубокую идейную подкладку; въ разговорѣ ея проскальзываютъ слова: «долгъ народу», «дѣло», «идея». *Мнѣ же эти слова тѣжутъ ухо, какъ визгъ стекла подъ тупымъ шиломъ.*»

О «преемственности», какъ видно изъ подчеркнутыхъ словъ, не можетъ быть и рѣчи. Герой слишкомъ правдивъ, чтобы вводить въ обманъ наивную кузину. Съ гибелью міросозерцанія, разрушеннаго *силою* времени, для него потеряли вѣсъ и значеніе слова «долгъ народу», «дѣло», «идея», для которыхъ въ жизни не нашлось реального осуществленія. Да, онъ бросилъ университетъ, чтобы служить въ земствѣ, но эта служба убѣдила его въ ничтожности этой работы для народа и въ непрочности ея. «Я рассказывалъ о голодѣ, о тифѣ, о томъ, какъ жалко было при этомъ положеніи насъ, врачей: требовалось лишь одно—кормите, получше кормите здоровыхъ, чтобы сдѣлать ихъ болѣе устойчивыми, но пособій едва хватало на то, чтобы не дать имъ умереть съ голоду. И вотъ одного за другимъ валила страшная болѣзнь, и мы безпомощно стояли передъ нею съ своими ненужными лѣкарствами»... А прочность?—первый самодуръ, съ которымъ довелось столкнуться герою, уничтожилъ его земскую службу, лишивъ возможности «отдать долгъ народу».

Тѣмъ не менѣе на категорически поставленный вопросъ—что дѣлать?—герой ничего не находитъ лучшаго, какъ пѣть ей старую пѣсенку о призваніи интеллигенціи идти въ деревню, стать ближе народу, хотя и корчитъ въ душѣ отъ лжи и фальши своихъ словъ, которыхъ не можетъ не чувствовать и не сознавать.

«—Помнишь, Митя,—заговорила Наташа,—помнишь, ты говорилъ недавно о сознаніи, что живешь не напрасно, что это самое главное въ жизни... Я и прежде, до тебя, много думала объ этомъ... Вѣдь это ужасно—жить и ничего не видѣть впередъ: кому ты нужна? Вѣдь это сознаніе, о которомъ ты говорилъ, вѣдь это самое большое счастье!..

«Я молча шелъ, кусая губы. Въ душѣ у меня поднималось злобное враждебное чувство къ Наташѣ: вѣдь она должна же бы, наконецъ, понять, что

для меня этотъ разговоръ тяжелъ и непріятенъ, что его бесполезно затѣвать; должна бы она хоть немного пожалѣть меня; и меня еще больше настраивало противъ нея именно то, что мнѣ приходится ждать сожалѣнія и пощады отъ этого почти ребенка.

«—Я слышала, что ты прошлую зиму занималась здѣсь съ деревенскими ребятами,—проговорился я.—Ну, какъ ты, съ охотой занималась, нравится тебѣ это дѣло?»

«—Д-да,—сказала Наташа запнувшись.

«—Ну, вотъ тебѣ и дѣло. Если хочешь совершенно отдаться ему, поступи въ сельскія учительницы. Тогда ты будешь близко стоять къ народу, можешь сойтись съ нимъ, вліять на него ..

«Я говорилъ это, какъ плохой актеръ говоритъ заученный монологъ, и мерзко было на душѣ... Мнѣ вдругъ пришла въ голову мысль: а что-бы я ска- залъ ей, если бы не было этой спасительной сельской учительницы, альфы и омеги «настоящаго» дѣла?..

«Наташа шла, опустивъ голову.

«— Голубушка, это дѣло мелко, что говорить,—сказалъ я помолчавъ.—Но, тѣ теперь блестящія, великія дѣла? Да не по нимъ и узнается человѣкъ. Это дѣло мелко, но оно даетъ великіе результаты...

«Я почти физически страдалъ: какъ все фальшиво и фразисто! Мнѣ ка- залось, что теперь Наташа видитъ меня насквозь; и казалось мнѣ еще, что и самъ я только теперь увидѣлъ себя въ настоящемъ свѣтѣ, увидѣлъ, какая безнадѣжная пустота во мнѣ...»

Понятны жгучія муки, испытываемыя бѣднымъ героемъ.

И скромная дѣятельность сельской учительницы, и неменѣе скромная ра- бота земскаго врача могутъ увлечь людей лишь въ томъ единственномъ случаѣ, когда онѣ являются частью болѣе широкой и высокой программы, которая по- дымала бы человѣка надъ жизнью, открывая ему широкую и далекую перспек- тиву. У Глѣба Успенскаго есть пріемный рассказъ про одного сапожника, ко- торый, желая возвысить въ глазахъ сына свое ремесло, говоритъ ему, что весь міръ ходитъ въ сапогахъ, а потому нѣтъ почетнѣе занятія, какъ шить сапоги. Но герой повѣсти, потерявъ цѣльность своего міросозерцанія, которое одно могло бы объединить всякую невидную работу на пользу народа съ широкой общей идеей,—необходимымъ образомъ долженъ сознать, что его совѣтъ юной душѣ, рвущейся къ «смыслу жизни», стать сельской учительницей — хуже, чѣмъ камень вмѣсто хлѣба голодному. Въ немъ нѣтъ воодушевленія, какое руководить упомянутымъ бѣднымъ сапожникомъ, а безъ него нельзя воодуше- вить другихъ, хотя бы и проповѣдывались очевиднѣйшія истины. Истину самую высокую не передать другому въ видѣ сухой формулы. Только давая почув- ствовать неизяснимое, живительное наслажденіе, какое испытываешь самъ отъ чувства воспріятой истины, только зажигая въ другомъ тотъ огонь, которымъ пылаешь самъ, можно внушить убѣжденіе въ непреложности истины и готов- ность посвятить ей всю жизнь. Если же вмѣсто всеохватывающаго чувства есть только разумная разсудочность, нельзя привлечь другихъ къ служенію дѣлу, которое, можетъ быть, и очень полезно, и очень своевременно, но которое не захватываетъ всего человѣка.

А именно этихъ-то началъ и нѣтъ въ злополучномъ героѣ, истомъ пред- ставителѣ растерянной интеллигенціи восьмидесятыхъ годовъ. Онъ говоритъ высокія слова—и самъ ихъ стыдится, потому что самъ не вѣритъ въ ихъ силу и значеніе. Вѣра, придававшая имъ внутренній смыслъ, улетучилась, и герой повѣсти, несомнѣнно искренній, честный и потому неспособный играть словами ради одной игры, спасовалъ предъ доврчивой юной душой, «почти ребенкомъ». Когда Наташа, возвращаясь къ вышеприведенному разговору, спра-

шиваетъ его, — «вѣрилъ ли ты въ то, что говорилъ» — онъ окончательно кладетъ оружіе и заявляетъ: «Ты хочешь идеи, которая бы наполнила всю жизнь, которая бы захватила тебя цѣликомъ и упорно веда къ опредѣленной цѣли; ты хочешь, чтобъ я вручилъ тебѣ знамя и сказалъ: «вотъ тебѣ знамя, — борись и умирай за него»... Я больше тебя читалъ, больше видалъ жизнь, но со мною тоже, что съ тобой: *я не знаю!* — и въ этомъ вся мука».

Эта честная прямота подкупаетъ насъ въ пользу героя, который дѣйствительно обладаетъ всѣми задатками для героическихъ подвиговъ. Когда началась холера, и всѣ разбѣжались изъ одного болѣе другихъ опаснаго пункта, онъ смѣло идетъ туда, какъ солдатъ на приступъ, хотя и не вѣрить въ побѣду. Смерть его подъ ударами стихійной остервенѣлой силы не только примиряетъ читателя съ нимъ, но вызываетъ глубокую жгучую скорбь за великую нравственную силу, которая погибла такъ безплодно. Чего не могла бы создать она, если бы условія благопріятствовали ей! Предъ нами истинный герой, потому что и умирая онъ также прямо смотреть въ лицо судьбѣ и не скрываетъ отъ себя, что его жертва безцѣльна. «За что ты боролся, во имя чего умеръ? — говоритъ онъ умирая. — Чего ты достигъ своею смертью? Ты только *жертва*, жертва бессмысленная, никому ненужная»... И вы невольно склоняете голову передъ величіемъ этой смерти: кто могъ *такъ* умереть, могъ бы достичь великихъ результатовъ въ жизни.

Къ людямъ переходныхъ эпохъ принято относиться нѣсколько свысока. То, молъ, были герои, а это — жалкіе люди, къ добру и злу постыдно равнодушные. Положимъ, бываетъ много такихъ, но какъ и въ яркія, кипящія жизнью и одушевленіемъ эпохи не всѣ сплошь герои, такъ и во времена унылаго застоя, когда жизнь словно толчется на мѣстѣ, а на поверхность этой мертвой зыби выносятся всякая муть и дрянь, — есть тоже свои герои, которые, не имѣя собственного знамени, не преклоняются предъ «грязными тряпками», честно сознаются въ своемъ незнаніи, гдѣ искать это «знамя», и находятъ въ себѣ достаточно силъ принести себя въ жертву, хотя и не вѣря въ спасительность ея. Имъ не дано счастья оставить послѣ себя преемниковъ, которымъ они могутъ передать дорогое дѣло, потому что такого дѣла нѣтъ у нихъ. Самое большее, что они могутъ, это передать остающимся свою неизмѣнную вѣру въ людей и лучшее будущее, какъ умирающій герой повѣсти — Наташѣ: «и я говорю ей, чтобъ она любила людей, любила народъ; что не нужно отчаиваться, нужно много и упорно работать, нужно искать дорогу... И теперь мнѣ не стыдно говорить эти «высокія» слова».

Повѣсть этимъ кончается. Написана вся вещь очень хорошо, а сцена въ холерномъ баракѣ и особенно сцена дикой расправы съ докторомъ превосходны по яркости изображенія и силѣ впечатлѣнія, какое они производятъ на читателя. Это лучшее, а, пожалуй, и единственное художественное произведеніе, въ которомъ описано смутное время холеры, какъ-то удивительно безслѣдно промелькнувшее въ нашей литературѣ.

Драма героя безъ знамени, безъ опредѣленной цѣли и дороги закончилась, какъ мы видѣли, прекраснѣйшей и поучительнѣйшей, хотя на его взглядъ и бессмысленной жертвой. Драма Наташи только начинается. Въ слѣдующемъ разсказѣ «Повѣтріе» мы снова встрѣчаемся съ нею. Она выполнила до извѣстной части совѣтъ своего злополучнаго кузена, — она искала и нашла дорогу, на которой мы ее и застаемъ въ разсказѣ. Смерть кузена и ея обстановка произвели на нее ужасное впечатлѣніе. «Всѣми помыслами, всѣмъ своимъ существомъ она какъ бы ушла тогда въ одно желаніе, — желаніе страданія и жертвы... Она настойчиво разспрашивала, что теперь всего нужнѣе дѣлать, на что отдать свои силы. Вскорѣ Наташа уѣхала на югъ сестрою милосердія, затѣмъ, по окончаніи холеры, за границу... И вотъ что теперь стало изъ нея!» — горестно восклицаетъ

ея старый другъ и руководитель, пожилой земскій врачъ, весь ушедшій въ свою практику, старый, убѣжденный народникъ, въ которомъ жизнь не убила прежняго идеалиста.

Что же стало съ Наташей, отчего докторъ приходитъ въ такой ужасъ?

Мы застаемъ ее въ числѣ дѣйствующихъ, или лучше сказать, разговаривающихъ лицъ за столомъ у нашего почтеннаго земца-народника. Къ нему завернулъ по дорогѣ прежній его товарищъ, такой же убѣжденный народникъ, какъ и онъ, Киселевъ, устраивающій артели кустарей. Докторъ страшно радъ, что можетъ провести съ нимъ вечеръ, забывъ обычныя заботы и горести. Радость еще усиливается при мысли, что общала пріѣхать и Наташа, которую ему смертельно хочется познакомить съ Киселевымъ, чтобы наивно похвастать предъ нею, какіе дѣятели вышли изъ среды народниковъ. Возвратившись изъ больницы, докторъ застаётъ Киселева въ жаркомъ спорѣ съ студентомъ-технологомъ Даевымъ, сыномъ мѣстнаго деревенскаго дьячка. Даевъ стоитъ на совершенно противоположной Киселеву и доктору точкѣ зрѣнія. Споръ разгорается, пріѣзжаетъ Наташа. сначала только слушаетъ, но когда докторъ обращается къ ней за сочувствіемъ, въ полной увѣренности найти въ ней союзницу, она спокойно, но рѣшительно становится на сторону Даева.

Она очень заинтересовывается артелями Киселева, съ любопытствомъ просматриваетъ ихъ уставъ, Киселевъ увлекается описаніемъ того, что уже сдѣлано, и еще болѣе перспективами будущаго, хотя и скорбитъ, что «г. Даевъ не согласенъ съ этимъ». Наташа замѣчаетъ, что и она не согласна. Оба народника такъ и вскидываются—«почему»? Начинается рѣшительный, хотя и сдержанный съ обѣихъ сторонъ споръ, въ которомъ все больше и больше уясняется невозможность найти общую почву для спорящихъ.

Это одинъ изъ тѣхъ споровъ, какіе приходится теперь слышать на каждомъ шагѣ между сторонниками двухъ теченій, народниками и «марксистами», или, какъ ядовито замѣчаетъ Даевъ, «марксятами» по остроумной терминологіи г.г. народниковъ. Приводить его здѣсь не станемъ, хотя онъ вполне заслуживаетъ вниманія по замѣчательно выдержанному тону, который авторъ съумѣлъ сохранить до конца, ни разу не становясь самъ ни на ту, ни на другую сторону. Благодаря этой объективности, обѣ спорящія стороны выступаютъ рельефно, и невозможность примиренія между ними становится очевидной. Киселевъ и докторъ—оба почтенные, достойные полнаго уваженія люди, идеалисты-народники въ лучшемъ значеніи слова, доказавшіе всю жизнь искренность своей вѣры. Противники ихъ Наташа и Даевъ—не менѣе искренни и стойки, но воздавая полную дань уваженія добрымъ намѣреніямъ народниковъ, они съ тѣмъ большей неумолимостью разрушаютъ ихъ идеалистическія построенія, съ холодной логикой разбивая всѣ ихъ положенія. Авторъ ничего не подчеркиваетъ, но для самого предубѣжденного читателя становится ясно, на чьей сторонѣ логика жизни.

Присутствуя въ качествѣ постороннихъ свидѣтелей при этомъ спорѣ, вы испытываете вначалѣ сожалѣніе, что вотъ такіе хорошіе люди, а не могутъ столковаться, понять другъ друга. Но вскорѣ это чувство исчезаетъ, такъ какъ дѣло тутъ не только въ непониманіи, а въ разницѣ настроеній, всего душевнаго облика противниковъ. Имъ нужно бы переродиться, чтобы понять и сблизиться. Киселевъ фанатикъ народничества, слѣпо вѣрующій въ жизненность артели, общины, міра. Для него факты не существуютъ. Онъ исключительная личность, для которой вся жизнь свелась къ одной единственной мечтѣ, въ ней же «весь законъ и пророки». По словамъ Даева, «онъ настолько вѣрить въ свое дѣло и настолько туго, что его никто не переубѣдитъ». Докторъ, напротивъ, вполне средній человекъ, представитель той интеллигенціи, которая очутилась «безъ дороги», какъ герой только что разобранной нами повѣсти. Потерявъ вѣру въ прошлое, измученный настоящимъ, онъ хватается за обрывки

народнической программы, видя въ артеляхъ, общинѣхъ—дѣло текущаго дня, дѣло помощи тѣмъ, кто въ ней сейчасъ, немедленно нуждается. И потому, сталкиваясь съ взглядами, которые принципиально отрицаютъ спасательность этихъ средствъ, онъ чувствуетъ себя въ положеніи человѣка, у котораго выбиваютъ послѣднюю доску изъ подъ ногъ. Отсюда его раздраженіе и негодованіе противъ людей, которые нашли «дорогу». Повернуться къ нимъ и стать на ихъ дорогу, онъ не въ силахъ: это значило бы поставить крестъ надъ всей своей дѣятельностью, какъ сдѣлалъ его болѣе рѣшительный товарищъ, герой повѣсти «Безъ дороги».

Разница въ настроеніяхъ особенно рѣзко сказывается въ докторѣ и Наташѣ. Послѣдняя, раздраженная его упреками въ «звѣрствѣхъ» ея выводовъ, въ «безчеловѣчномъ» отношеніи къ тѣмъ, кого жизнь безжалостно стираетъ со своей дороги,—ставить ему снова тѣ же вопросы, съ какими обращалась когда-то: «Но вѣдь выдвигаетъ же эта жизнь какія-нибудь историческія задачи? Во что же вѣрить, какимъ путемъ идти? Что нужно дѣлать?» И докторъ, который раньше и самъ задавалъ такіе же вопросы и обсуждалъ ихъ съ Наташей, когда она вмѣстѣ съ нимъ искала на нихъ отвѣта, негодуетъ и раздражается теперь, когда робкая ученица обрасываетъ его руководство и самостоятельно ищетъ пути. Его «приводила въ негодованіе самая возможность тѣхъ вопросовъ, которые она ему задавала». «Волнуясь и раздражаясь, онъ сталъ доказывать, что жизнь предъявляетъ много разнообразныхъ запросовъ, и удовлетвореніе всѣхъ ихъ одинаково необходимо, а что будущее само уже должно рѣшить. «историческою» ли была данная задача или нѣтъ; что нельзя гоняться за какими-то отвлеченными историческими задачами, когда кругомъ такъ много насущнаго дѣла и такъ мало работниковъ». Это отвѣтъ человѣка, который, не рѣшивъ общаго вопроса, весь отдался текущей жизни съ ея прямыми ежедневными задачами,—настроеніе будничной жизни, не дающей углубиться и разобраться въ ея хаосѣ. И великодушную оцѣнку этого настроенія дѣлаетъ Наташа.

«— Ну да, то же самое я слышала отъ васъ и четыре года назадъ: — «не знаю», и потому всякое дѣло одинаково хорошо и важно; только тогда вы не думали, что иначе и быть не можетъ... Какъ можете вы съ этимъ жить?» — произнесла она, съ дрожью поведши плечами.—Киселевъ наивенъ и живетъ вѣкъ времени, но онъ, по крайней мѣрѣ, вѣрить въ свое дѣло; а во что вѣрите вы? Въ окружающей жизни идетъ коренная, давно невиданная ломка; въ этой ломкѣ падаетъ и гибнетъ одно, незамѣтно нарождается другое, жизнь перестраивается на совершенно новый ладъ, выдвигаются совершенно новыя задачи. И вы стоите передъ этимъ хаосомъ, потерявъ подъ ногами всякую почву; старое вы бы рады удержать, но понимаете, что оно гибнетъ безповоротно; къ нарождающемуся новому не испытываете ничего, кромѣ недовѣрія и ненависти. Гдѣ же для васъ выходъ? На все вы можете дать только одинъ отвѣтъ: «не знаю»! Вѣдь предъ вами такая пустота, такой кромѣшный мракъ, что подумать жутко!.. И во имя этой-то пустоты вы вооружаетесь противъ насъ, и готовы обвинить чуть не въ ренегатствѣ всѣхъ, кто покидаетъ вашъ лагерь! Да оставаться въ вашемъ лагерѣ невозможно уже по одному тому, что это значитъ прямо обречь себя на духовную смерть».

Обѣ стороны разстаются, ни до чего не договорившись, потому что «говорятъ на разныхъ языкахъ».

Въ сущности, это старая исторія отцовъ и дѣтей. Дѣти нѣсколько жестковаты и поглядываютъ на отцовъ съ снисходительной усмѣшкой сожалѣнія. Отцы горестно недоумѣваютъ, «что стало съ ихъ дѣтьми», какъ могли они вырастить у себя подъ крылышкомъ такое странное потомство? «Да, что-то они сдѣлаютъ?»—говоритъ докторъ, проводивъ своихъ гостей.

Такимъ вопросомъ заканчиваетъ г. Вересаевъ свой интересный очеркъ, на-

писанный съ большимъ знаніемъ современныхъ отношеній между двумя борющимися теченіями, съ большою выдержкой и рѣдкой въ наше время объективностью.

Помимо этихъ существенныхъ достоинствъ, любопытна попытка г. Вересаева намѣтить слагающійся новый типъ въ лицѣ Наташи. Путь ея развитія, который она проходитъ въ повѣсти «Безъ дороги», и то направленіе, какое принимаетъ она въ «Повѣтріи»,—обозначены ясно и рѣзко. Сначала предъ нами наивная дѣвочка, инстинктивно поворачивающаяся въ сторону свѣта, какимъ ей представляется ея злополучный кузентъ съ своимъ несомнѣнно благороднымъ прошлымъ. Она ищетъ у него отвѣта на естественные запросы проснушагося сознанія, вполне увѣренная, что человѣкъ, всѣмъ жертвовавшій для другихъ, съумѣетъ указать и цѣль, и путь къ ней. Жестокое разочарованіе, испытываемое ею при его честномъ и благородномъ отвѣтѣ «не знаю», повергаетъ ее въ горькое недоумѣніе передъ сложной загадкой жизни. Трагическій конецъ ея кузена вызываетъ цѣлую бурю смѣшанныхъ чувствъ. Тутъ и ужасъ передъ безцѣльностью жертвы, и безконечная жалость къ темной стихійной силѣ, и страстная готовность себя самое принести въ жертву этимъ безыннымъ убійцамъ. Но «благодатна всякая буря душъ молодой». Крѣпкая натура находитъ въ себѣ источникъ исцѣленія. Наташа обращается къ жизни, ищетъ въ ней того отвѣта, котораго не могли ей дать ни ея кузентъ, ни старый другъ,—и постепенно среди хаоса находитъ дорогу, на которой мы ее застаемъ въ «Повѣтріи».

Будь она приведетъ ее, авторъ не рѣшаетъ этого вопроса, и умно дѣлаетъ. Рѣшеніе его—дѣло будущаго. Какъ художникъ, онъ выполнилъ свою задачу, отмѣтивъ новое направленіе въ развитіи нашей интеллигенціи, причины, вызвавшія его, и ту стадію, на которой оно остановилось теперь.

Всѣмъ еще памятно, конечно, дѣло о мултанскомъ жертвоприношеніи, надѣлавшее въ свое время столько шума, отголоски котораго и до сихъ поръ еще носятся въ воздухѣ и будятъ вниманіе общества. Самой послѣдней новинкой въ этомъ вопросѣ является небольшая брошюрка: «Языческій культъ у вотяковъ», за подписью: «Свящ. Николай Блиновъ, дѣйствительный членъ Императорскаго русскаго географическаго общества, почетный членъ нижегородскаго и дѣйствительный членъ вятскаго статистическихъ комитетовъ». Такая помпезная подпись явно разсчитана на вполне опредѣленный эффектъ, почему и читатель въ правѣ разсчитывать, что въ брошюрѣ онъ услышитъ здравое, обоснованное на точныхъ данныхъ слово мѣстнаго изслѣдователя и при томъ священника, т. - е. человѣка, своимъ положеніемъ обязаннаго быть нарочито осторожнымъ. Довѣріе къ брошюрѣ вызывается еще болѣе тѣмъ, что это докладъ, читанный на послѣднемъ сѣздѣ естествоиспытателей въ Кіевѣ, гдѣ, по словамъ газетныхъ отчетовъ, онъ произвелъ глубокое и тяжелое впечатлѣніе.

Но уже въ газетныхъ отчетахъ было такъ много странностей и прямыхъ несообразностей, что приходилось или не довѣрять имъ, или изумляться, какъ могъ человѣкъ, болѣе или менѣе дорожащій своей репутаціей, такъ легкомысленно жертвовать ею ради какой-то, намъ, по крайней мѣрѣ, совершенно непонятной цѣли. Выходъ брошюры о. Блинова разсѣялъ всякія недоумѣнія. Въ газетахъ если и были кое-какія неточности,—не было и половины тѣхъ поразительныхъ даже и для профана «ученыхъ» открытій и «научныхъ» достоинствъ изслѣдованія, какими на каждой страницѣ щеголяетъ авторъ. Давно уже ничего подобнаго не появлялось въ научно-популярной литературѣ, и мы считаемъ прямымъ долгомъ остановиться на этомъ произведеніи, интересъ котораго еще усиливается тѣмъ, что оно вызвало великое одобреніе въ нѣкоторой части печати,

какъ, напр., въ «Новомъ Времени», явившемся ярымъ союзникомъ о. Блинова. Истинно, не только «les beaux esprits se rencontrent».

Авторская фязіономія о. Блинова вырисовывается съ первыхъ же строкъ, гдѣ съ видомъ строгой объективности онъ заявляетъ, что не коснется вопроса о виновности оправданныхъ по мултанскому дѣлу вотяковъ, хотя и обойти молчаніемъ это дѣло не представляется ему возможнымъ, — и затѣмъ при-вноситъ увѣсительный камешекъ если не на вѣсы правосудія, уже сказавшаго свое вѣское слово, то въ оцѣнку вотяцкаго культа, игравшаго въ этомъ дѣлѣ такое огромное значеніе. Коснувшись пространно разныхъ неясностей и неточностей въ вопросѣ объ этомъ культѣ вообще, о. Блиновъ ставитъ категорическое утвержденіе, что смущающій русскую этнографію вотяцкій богъ—«Бурбонъ», «Акташъ», «Имаръ», какъ его величали на слѣдствіи, есть *Булда*, представляющій ничто иное, какъ всѣмъ извѣстнаго *Будду*. Булда—«это богъ страшный и человѣческія жертвы приносятся ему». Правда, «почитаніе Будды въ настоящее время сохранилось далеко не вездѣ», но «въ сѣверо-восточномъ углу Елабужскаго уѣзда, въ глухой Ильинской волости, указываютъ одну деревню, вблизи которой *Булда сидѣлъ на деревѣ* (курсивъ вездѣ автора). Даже этой одной черты достаточно для того, чтобы вывести заключеніе, что вотскій Булда—индійскій *Будда*» (стр. 46). Такая рѣшительность о. Блинова смутить, навѣрное, не одного читателя, пока мы не вспомнимъ, что Будда, кроткій царевичъ Сиддарта, любилъ сидѣть *подъ* деревомъ. Вполнѣ понятно, что, преобразившись изъ кроткаго Сиддарты въ «страшнаго бога» Будду, Будда могъ взлѣзть и *на* дерево.

Во всякомъ случаѣ это гораздо легче представить себѣ, чѣмъ понять удивительныя филологическія открытія о. Блинова, который утверждаетъ дальше, что Булда образовался изъ Будды чрезвычайно просто. «При сдвоеніи согласныхъ *д* и *т* въ вотскомъ языкѣ, одна изъ нихъ переходитъ въ *л*: аттай—алтай, будда—булда или будла, и др.» (стр. 41, прим). Легкость и простота такого словообразованія не уступаетъ теоріи Вельтмана, по которой любая гласная переходитъ въ любую гласную, любая согласная въ любую согласную. Этимъ упрощеннымъ способомъ Вельтманъ выводилъ происхожденіе русскихъ отъ гунновъ (гунновъ = гунъ = гусь = русь).

Но чрезвычайная простота открытой о. Блиновымъ родственной связи между Булдой и Буддой блѣднѣетъ предъ дальнѣйшими откровеніями нашего «ученаго», «почетнаго» и «дѣйствительнаго» члена всякихъ обществъ. Въ подтвержденіе своего открытія, что вотяки—буддисты, онъ приводитъ слѣдующее глубокое соображеніе.

«Народная жизнь вотскаго племени, въ идеалѣ, есть проявленіе тѣхъ духовныхъ силъ, о которыхъ выражено въ формулѣ буддійскаго догмата о трійственности: «Будда, законъ и община». Эти завѣты, усвоенные по мѣрѣ возможности культурнаго развитія, неизмѣнно сохраняются въ вотскомъ племени второе тысячелѣтіе. *Будда*. Возможно ли выше чествовать Будду, если фанатики не останавливаются при умилостивленіи бога даже предъ человѣческой жертвой? *Законъ*. Усвоенныя вѣрованія и религіозныя воззрѣнія на боговъ, природу и свою жизнь сохраняются вотяками неизмѣнно, неподвижно; съ нелицемѣрнымъ, рѣшительнымъ принятіемъ «русской» христіанской вѣры вотякъ «сжигаетъ» символъ буддизма—«мудоръ», а не допускаетъ компромиссовъ, какъ того добиваются съ миссіонерскими цѣлями. *Община*. «Вотякъ весь въ семьѣ и общинѣ и почти не имѣетъ личной инициативы. Попалъ вотякъ въ бѣду, *вся* деревня за него ходатайствуетъ и, гдѣ нужно, не жалѣетъ денегъ. (Одна мысль, въ одну рѣчь—вотъ идеалъ вотскихъ общественныхъ рѣшеній. Но за тѣсныя предѣлы рода или, въ крайнемъ случаѣ, своего племени, альтруизмъ вотяковъ не простирается». Такъ характеризуетъ общинныя отношенія

вотяковъ проф. Смирновъ. Высшій идеалъ буддизма—въ самоотреченіи, въ самопожертвованіи и терпѣніи. Терпѣніе вотяковъ, можно сказать, идеальное. Они уже въ историческое время «вытерпѣли» гнѣть черемисъ, татаръ и въ прежнее время русскихъ. Презрѣніе вотяка къ удобствамъ жизни, къ пищѣ и обстановкѣ, къ болѣзнямъ острымъ и хроническимъ тоже можно признать за крайнее самоотреченіе» (стр. 53—54).

Въ этомъ коротенькомъ разсужденіи о. Блинновъ ухитрился вмѣстѣ столько же забавнѣйшихъ ошибокъ, сколько и грубаго прямого невѣжества. Среди нѣсколькихъ сотъ милліоновъ буддистовъ, различнѣйшихъ по національности и культурѣ,—индусовъ, китайцевъ, монголовъ, бурятовъ, калмыковъ,—нѣтъ и намѣка на человѣческія жертвоприношенія. За тысячелѣтія существованія этого культа никому изъ его послѣдователей и въ въ голову не приходило, что высшее почитаніе Будды состоитъ въ принесеніи человѣческой жертвы тому, кто многократно повторяетъ и кладетъ въ основу своей вѣры положеніе, что «высшая жертва—когда не лишаютъ жизни ни одно живое существо» (Ольденбергъ, на котораго имѣетъ дерзость ссылаться, между прочимъ, и о. Блинновъ). «Познай самого себя во всякомъ живомъ существѣ, и не убивай и не причиняй смерти. Все живое отвращается отъ страданія, все живое дорожитъ жизнью; пойми же самого себя во всякомъ живомъ существѣ,—не убивай и не причиняй смерти» (стихъ 130 и 131, «Путь къ истинѣ», изрѣченія буддійской мудрости *). Поэтому, одно изъ двухъ—или вотяки буддисты, и тогда они *не могутъ* приносить человѣческихъ жертвъ, что кореннымъ образомъ противорѣчило бы ихъ культу,—или же, если они, какъ утверждаетъ о. Блинновъ, приносятъ такіа жертвы, то они никоимъ образомъ *не могутъ быть* буддистами. Совмѣстить человѣческія жертвоприношенія съ буддизмомъ можетъ только «ученость» о. Блиннова, для котораго также легко сочинять законы филологіи, какъ и превратить кроткаго Будду въ «страшнаго бога» Будду.

Еще болѣе забавна ошибка его относительно буддійской *общины*, которая есть ни что иное, какъ община *монаховъ*, живущихъ въ одной діоцесіи (тотъ же Ольденбергъ), а вовсе не *земледѣльческая* община, какъ у вотяковъ. Мало того, въ буддійской монашеской общинѣ *строю воспрещается* заниматься земледѣліемъ и скотоводствомъ, какъ занятіями, отвлекающими монаховъ отъ истиннаго ихъ призванія. Буддійскіе монастыри можно встрѣтить вездѣ, гдѣ существуетъ буддійскій культъ, но сельская община, съ ея земельными и общественными распорядками, огромному большинству буддистовъ совершенно неизвѣстна. Тамъ же, гдѣ она существуетъ, напр., у многихъ индусскихъ племенъ, она ничего общаго не имѣетъ съ буддизмомъ, возникнувъ за долго до него. Смѣшать монашескую общину съ земледѣльческой можетъ только «ученая» фантазія такого глубокомысленнаго «дѣйствительнаго и почетнаго члена» разныхъ обществъ, какъ нашъ авторъ.

Тожѣ самое сдѣлалъ онъ и съ понятіемъ буддійскаго «закона», который есть строго и точно формулированная система догматическихъ положеній, опирающихся на откровеніе. Подмѣнить эту замѣчательно точно разработанную религіозную систему смутнымъ, расплывчатымъ культомъ вотяковъ,—можетъ или грубѣйшее невѣжество, или намеренное желаніе ввести читателей въ заблужденіе. Последнее мы безусловно отрицаемъ. О. Блинновъ далъ слишкомъ много доказательствъ своей «учености», чтобы еще заподозрить его въ неискренности.

Доказавъ, что вотяки—буддисты, авторъ переходитъ къ изслѣдованію вопроса о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ. Въ началѣ брошюры онъ ставитъ тезисъ: «судившіеся три раза мултанскіе жители не виновны въ убійствѣ ни-

*) Переводъ съ предисловіемъ Н. Герасимова. 1898 г. Москва.

щаго, но *вообще* человѣческія жертвоприношенія въ исключительныхъ случаяхъ *возможны* у вотяковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ» (стр. 6—7, курсивъ автора). Правда, продолжаетъ онъ, доказать это очень трудно и ссылается на слова другого мѣстнаго изслѣдователя о. Верещагина, что «жрецы тайну видѣнія божества и галлюцинацій, равно и порядокъ жертвоприношеній въ скрытныхъ мѣстахъ охраняють зорко. И своимъ единомышленникамъ, неособенно приверженнымъ къ обычаямъ предковъ, сообщать кое-что считалось какъ бы преступленіемъ, влекущимъ за собою кару божества» (стр. 9—10). Но, утѣшаетъ насъ авторъ на страницѣ 49. «если повнимательнѣе разспросить мѣстныхъ жителей, то навѣрное окажется гдѣ-либо поблизости селенія подходящая для собраній гора, лѣсокъ, вообще «веселое мѣсто»,—гдѣ и «моленія живыхъ существъ могутъ случиться». Конечно, оговаривается далѣе на стр. 81 нашъ осторожный изслѣдователь, «если жертвоприношеніе совершено, то ни о немъ, ни объ участвующихъ въ немъ лицахъ никто изъ вотяковъ, хотя бы между ними были противники всѣхъ языческихъ жертвъ, *не согласится* не только свидѣтельствовать предъ начальствомъ, а даже не выскажется въ *частномъ разговорѣ* съ постороннимъ лицомъ». «Только наивные люди,—добавляетъ онъ на стр. 82,—или желающіе показаться таковыми, могутъ разсуждать, что если ужъ приносить въ жертву человѣка, то вотяки должны сдѣлать это, какъ въ циркѣ, всенародно». Отмѣтивъ такъ настойчиво и рѣшительно трудность не то что видѣть жертвоприношеніе, но даже услышать разсказъ о немъ, о. Блиновъ на той же 82-й страницѣ расписываетъ подробнѣйшимъ образомъ ритуальъ человѣческаго жертвоприношенія.

Хотя «о самомъ ритуалѣ человѣческихъ жертвоприношеній, само собой, имѣются неполныя свѣдѣнія», и «присутствующія на нихъ лица ничего о немъ не будутъ разсказывать, а постороннихъ русскихъ, конечно, не бываетъ»,—тѣмъ не менѣе онъ, о. Блиновъ, членъ всякихъ ученыхъ обществъ, свидѣтельствуетъ слѣдующее: «Участники задуманнаго моленія избранную жертву, напивъ кумышкой, тщательно обмываютъ, окутываютъ, вмѣсто бѣлья, съ ногъ до головы чистымъ холстомъ, выводятъ на дворъ, или въ какое либо холодное зданіе, или уносятъ въ подполье (это,—замѣтимъ отъ себя,—и есть, должно быть, «веселое мѣсто», о которомъ о. Блиновъ говорилъ раньше, не безъ коварства совѣтуя поискать его около селенія Мултанъ). Тамъ сначала привязываютъ обреченнаго къ столбу. Жрецъ молится и парчаськись вонзаетъ въ пахъ жертвы узкій, какъ шило, ножъ. Бодзимъ-воссясь подставляетъ чашку для вытекающей крови. Когда кровотеченіе остановится, жертву, уже безъ сознанія, отвязываютъ отъ столба и кладутъ на вѣтки ели (замѣтите—ели, а не березы; эти подробности прямо восхитительны); подъ шею и плечи подставляютъ корыта. Это дѣлается въ тѣхъ случаяхъ, когда шея перерѣзывается на-прочь и въ тоже время отрубается правая рука. Чтобы не вызвать подозрѣнія частымъ (!?) появленіемъ безголовыхъ труповъ, или по другимъ причинамъ, ограничиваются отнятіемъ одной правой руки у плеча, при чемъ повреждаются и ребра, такъ какъ въ образующееся отверстіе вынимается сердце. Далѣе трупъ вывозится на землю сосѣдней деревни» (стр. 82).

Можно ли требовать болѣе точнаго описанія, какое могъ дать только очевидецъ? Гдѣ же и когда видѣлъ этотъ обрядъ о. Блиновъ или, по крайней мѣрѣ, когда и отъ кого онъ о немъ слышалъ? Самъ же онъ усиленно внушалъ намъ, что русскихъ при этомъ не бываетъ, а вотяки ничего не разсказываютъ. «Научный» методъ изслѣдованія о. Блинова напоминаетъ «историческій» разсказъ, приведенный Костомаровымъ, о гибели Сусанина, гдѣ подробно изложена рѣчь Сусанина и отвѣты поляковъ, при чемъ добавляется, что всѣ поляки погибли въ лѣсу; или еще «историческую» записку о смерти патріарха Гермогена, въ которой приведена предсмертная рѣчь патріарха, умершаго въ одиночномъ

заключеніи, безъ очевидцевъ. Такова же достовѣрность и ритуала, сочиненнаго о. Блиновымъ.

Впрочемъ, беретъ свое слово назадъ: его описаніе не *сочинено* имъ, а просто *позаимствовано* изъ обвинительнаго акта по дѣлу о мултанскомъ жертвоприношеніи. Очевидно, фантазія его истощиалась подъ конецъ. Создавъ оригинальную филологическую теорію, сдѣлавъ рядъ открытій въ буддизмѣ, о. Блиновъ счелъ себя въ правѣ прибѣгнуть и къ чужой помощи. Обвинительный актъ по мултанскому дѣлу нисколько не хуже тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ о. Блиновъ черпаетъ «факты», приводимые имъ затѣмъ въ доказательство дѣйствительности человѣческихъ жертвъ. Оказывается, по его объясненіямъ, — всѣ люди, безъ вѣсти пропавшіе, всѣ трупы, гдѣ-либо найденные въ обширныхъ лѣсахъ вятской губерніи, всѣ случаи смерти, недостаточно объяснимой, — все это жертвы, принесенныя «страшному богу» Буддѣ его усердными поклонниками буддистами.

Самъ профессоръ И. Смирновъ, обнаружившій въ дѣлѣ мултанцевъ рѣдкую ученую проницательность, можетъ позавидовать о. Блинову, его остроумію, глубокомыслию и обширности познаній. О. Блиновъ превзошелъ размахомъ своей ученой фантазіи, даже того корреспондента, который десять лѣтъ тому назадъ настроилъ въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» корреспонденцію о томъ, какъ вотяки хотѣли принести въ жертву священника Ба—го. Въ корреспонденціи подробно описывалось, какъ бѣднаго о. Ба—го привязали къ доскѣ, какъ ужасный «Бодзимъ-восаясь» готовился уже воткнуть ему въ «пахъ» ножъ, «тонкій, какъ шило», и какъ его спасъ храбрый урядникъ, ворвавшійся на крикъ жертвы въ подполье и выстрѣлами изъ револьвера разотнавшій толпу. Корреспонденція эта въ свое время надѣлала страшнаго шума, изъ разныхъ ученыхъ и неученыхъ обществъ полетѣли запросы въ газету, и по справкамъ секретаря Казанскаго этнографическаго общества оказалось, что о. Ба—ій, по свидѣтельству мѣстнаго земскаго врача, страдая въ это время горячкой, нытался въ припадкѣ остраго возбужденія выброситься въ окно, отъ чего былъ удержанъ во время окружающихъ.

Должно быть, лавры этого корреспондента не давали спать г. Блинову и «побудили къ перу его руки». Иначе трудно понять, какую цѣль преслѣдовалъ человѣкъ, имѣвшій смѣлость выступить съ такой ахинеей публично. Еще труднѣе понять, какъ могъ ученый съѣздъ, выслушавъ ее, испытать «глубокое и тяжелое впечатлѣніе». Мы можемъ допустить, что г. Блиновъ, заплативъ три рубля, могъ воспользоваться своимъ правомъ и, взобравшись на кафедру, «булдохнуть» любую нелѣпость. Но, чтобы послѣдняя произвела глубокое, а не смѣхотворное впечатлѣніе, надо совсѣмъ особое настроеніе.

Не въ этомъ ли настроеніи слѣдуетъ искать разгадки подобныхъ «ученыхъ» трудовъ по мултанскому дѣлу? Это «темное», какъ его называетъ «Новое Время», дѣло разбудило *темные* инстинкты толпы, давъ пищу всякимъ суевѣрнымъ слухамъ и толкамъ. По отношенію къ вотякамъ оно сыграло такую же роль, какъ извѣстное обвиненіе еврейскаго культа въ употребленіи христіанской крови, до сихъ поръ бросаемое въ евреевъ разными «учеными» опредѣленнаго лагеря. И пока не исчезнетъ это настроеніе нетерпимости и враждебности къ чуждымъ національностямъ и культамъ, до тѣхъ поръ разные гг. Блиновы будутъ имѣть успѣхъ не только на страницахъ «Новаго Времени», посвятившаго этой брошюрѣ хвалебную статью (см. приложение къ № 8143, отъ 23 окт.), но даже на ученыхъ съѣздахъ.

Лишившись г. Воынскаго, декадентская поэзія пріобрѣла новаго собственнаго критика, каковымъ выступаетъ нынѣ г. Минскій. Нѣкогда поэтъ, согласно подпѣвавшій Надсону, даже подчасъ хватая, что называется, черезъ край, — теперь

г. Минскій съ ревностью только что обращеннаго неофита низвергаетъ прежнихъ боговъ и восторженно воспѣваетъ хвалу новому направленію въ поэзіи. Въ фельетонѣ «Новостей», гдѣ г. Минскій занялъ амплуа присяжнаго критика, онъ легкой рысцой и не безъ игривости дѣлаетъ наѣзды на области старой поэзіи, которую громить во славу новой красоты. Ополчившись на г. Гриневича, недочетливо признавашаго всю «молодую» поэзію соромъ, г. Минскій выступилъ на ея защиту, высказавъ нѣсколько достойныхъ вниманія замѣчаній какъ о поэзіи прошлаго, такъ и о современной.

Главную разницу между ними онъ видитъ въ слѣдующемъ. Мнѣніе г. Минскаго приводимъ дословно, чтобы читатели могли сами судить, до чего можетъ договориться человѣкъ «въ здоровомъ умѣ и полной памяти», разъ имъ утрачено чутье правды и столь необходимое для писателя чувство мѣры.

Возражая г. Гриневичу, называющему всѣхъ молодыхъ поэтовъ новаго направленія «декадентами», г. Минскій говоритъ:

«Между современною русскою поэзіей и декадентствомъ нѣтъ ни одной точки соприкосновенія, и только глупость и недобросовѣстность могли смѣшать эти два литературныхъ явленія. Въ подтвержденіе своихъ словъ я могъ бы сослаться хотя бы на г. Гриневича, который, желая охарактеризовать нашихъ «символистовъ», приводитъ, прежде всего, ихъ философскіе взгляды на жизнь, а философія и декадентство, какъ я уже сказалъ, — два міра, исключających другъ друга. Г. Гриневичъ правъ, указывая на общность философскихъ настроеній у всѣхъ нашихъ современныхъ поэтовъ, но онъ непростительно ошибается, называя эти настроенія невѣріемъ, скептицизмомъ, отрицаніемъ идеаловъ. Никогда еще литературное движеніе не было у насъ такъ далеко отъ скептицизма, какъ современная поэзія. Ея настроенія діаметрально противоположны смятенной тоскѣ, громкой міровой скорби, духу гнѣва и печали, словомъ всему тому, что принято называть байронизмомъ, и что, по традиціи Пушкина и Лермонтова, до сихъ поръ омрачало русскую поэзію, юрло на ней, какъ чумное пятно (курсивъ всѣхъ нашъ). Наконецъ-то, въ поэзіи настало затишье и вѣра въ право человека на жизнь и счастье. Правда, современная поэзія чуждается публицистики и политики, но изъ этого не слѣдуетъ, что она безразлично относится къ вопросу о человѣческомъ благѣ. И мнѣ кажется, что даже съ точки зрѣнія утилитарной эта поэзія должна быть привѣтствуема, какъ явленіе отрадное и давно желанное. Въ дѣтствѣ мы всѣ заучивали въ школахъ, что «жизнь, какъ посмотрѣшь съ холоднымъ вниманіемъ вокругъ, такая пустая и глупая штука». И кто знаетъ, сколько силы воли, сколько способности къ счастью убили въ насъ эти ядовитые и невѣрные стихи! Въ современной русской поэзіи этотъ байроновскій ядъ, наконецъ, нейтрализованъ. Прочтите прозу и стихи г. Мережковского, и вы увидите, что поэтъ влечетъ къ ренессансу не внѣшняя форма культуры, а священное веселье, которымъ дышитъ эта эпоха. Отсюда же тяготѣніе г. Мережковского къ философіи Ницше, самой жизнерадостной и устойчивой изъ всѣхъ, до нынѣ созданныхъ философскихъ системъ. Другой поэтъ, г. Бальмонтъ, переводитъ Шелли, величайшаго оптимиста нашего вѣка, и ему же подражаетъ. Та же бодрость, та же увѣренность въ своемъ правѣ на жизнь звучатъ въ стихахъ всѣхъ другихъ нашихъ поэтовъ, воплощаясь у одного въ стремленіе къ красотѣ, у другого — въ любовь къ невидимому богу. Оптимизмъ этотъ не дѣтски-наивная вѣра въ то, что погибнетъ Ваалъ и откуда-то вернется любовь. Это спокойная увѣренность души, пережившей и страданіе, и отрицаніе, но не разбитой, а закаленной ими и потому неуязвимой. *Благодаря современной русской поэзіи, мы, наконецъ, получили право глядѣть безъ печали на наше поколѣніе въ увѣренности, что его грядущее не темно и не ничтожно.* («Новости», № 305, отъ 5-го ноября).

Не знаемъ, отдавалъ ли себѣ отчетъ г. Минскій въ томъ, что пишетъ,

когда рѣшился провозгласить байронизмъ Пушкина и Лермонтова «чумнымъ пятномъ» на русской поэзіи, но думаемъ, что въ числѣ величайшихъ непостей, какими ознаменовало себя новое направленіе въ русской критикѣ и поэзіи, это «чумное пятно» займетъ перворазрядное мѣсто. Предъ нимъ блѣднѣетъ даже знаменитая «мозговая линія» г. Волинскаго, которая долго фигурировала въ качествѣ послѣдняго слова новой критики. Г. Минскій побилъ рекордъ и можетъ по праву гордиться, что сильнѣе его никто не «лягнулъ» Пушкина и Лермонтова, — «пускай мое копыто знаютъ». И время выбрано имъ крайне удачно, чтобы быть возможно замѣтнѣе. Именно теперь, когда вся русская литература въ содрогѣ готовится праздновать столѣтнюю годовщину рожденія своего творца, — «чумное пятно» г. Минскаго выдѣляется яркимъ «символомъ» новой критики и новой русской поэзіи. И если никѣмъ непревзойденная неаппетитность даетъ право провозгласившему ее на память потомства, то, мы увѣрены, имя г. Минскаго «пройдетъ вѣковъ завистливую даль», украшенное этимъ «чумнымъ пятномъ», какъ эмблемой дикаго, безудержнаго пустословія и полного безсилія и ничтожества мелкой души, неспособной ни понять величія, ни почувствовать красоты.

Новая русская поэзія облагодѣтельствовала насъ жизнерадостностью, бодростью и веселіемъ, по увѣренію новаго ея истолкователя. Очень кстати появился теперь новый сборникъ г. Бальмонта, чтобы подкрѣпить это положеніе. Обратимся, поэтому, лучше къ источнику и изопьемъ этого рѣдкаго и драгоцѣннаго напитка.

Не будемъ останавливаться на претенціозномъ и ничего не говорящемъ уму и сердцу заглавіи «Тишина». Оно также подходитъ къ сборнику, какъ и всякое другое, напр., «Шумиха», или «Въ безбрежности», заглавіе предшествующаго сборника того же автора. Жизнерадостнаго или бодрата въ немъ пока не видно, какъ и въ подзаголовкахъ: «Мертвые корабли», «Воздушно-бѣлые», «Кошмары», «Въ царствѣ льдовъ», какъ озаглавлены разные отдѣлы сборника — для профана непонятно и таинственно. Раскроемъ лучше сборникъ и уьемся изъ него радость бытія, что общаетъ намъ г. Минскій.

На первой страницѣ — «Возрожденіе»:

За дальней Мексикой, въ предѣлахъ Аризоны,
Межъ рудниковъ нашли окаменѣлый лѣсъ,
Въ потухшемъ кратерѣ, гдѣ скаты и уклоны
Безмолвно говорятъ о дняхъ былыхъ чудесъ.
Предъ взоромъ пристальнымъ ниспала мгла завѣсъ,
И вотъ горитъ агатъ, сафиры, халцедоны,
Въ тропическихъ лѣсахъ цвѣтущей Аризоны
Сквозь тьму временъ возсталъ давно отжившій лѣсъ.
Онъ былъ засыпанъ здѣсь могучимъ слоємъ пыли,
Стихійной вспышкой отторгнуть отъ земли
Съ ея созвѣздыми, горящими вдали.
Но канули вѣка, и кратеры остыли,
Скитальцы блѣдные владыками пришли,
И новымъ сномъ зажглись обломки давней были.

Все. Что долженъ означать этотъ сонетъ? Какой скрытый смыслъ въ этомъ лѣсѣ, куда поэтъ посылаетъ насъ въ кратеръ, какіе «новые сны» зажгли «обломки давней были», — на эти вопросы, можетъ быть, и дастъ отвѣтъ г. Минскій, общающій «дать характеристики всѣхъ представителей этой поэзіи». Намъ же это не по силамъ, въ чемъ и сознаемся безъ всякой ложной скромности.

Но если это стихотвореніе только темно и вяло, то что же мы должны сказать относительно удивительнаго *credo*, которое г. Бальмонтъ высказалъ въ слѣдующемъ стихоизложеніи:

Кому я молюсь? Холодному вѣтру.
Кому я молюсь? Равнинѣ морской.

Я братъ не людамъ, а бурѣ и вѣтру,
Я братъ холодной равнины морской.

Куда иду я? Къ горнымъ вершинамъ.
Куда иду я? Къ пустынямъ глухимъ.
Я братъ холодному горному вѣтру,
Живу одиноко и растаю какъ дымъ.

Чего хочу я? Тѣни послѣдней.
Чего хочу я? Смерти одной.
Я духъ бестрастный, духъ безпріютный,
Хочу я дремоты, дремоты ночной.

Если это не бессмысленный наборъ словъ, то что же тогда называется вздоромъ? И чѣмъ этотъ вздоръ лучше ахинеи гг. Брюсовыхъ, Емельяновъ-Коханскихъ и Добролюбовыхъ, которыхъ г. Минскій презрительно называетъ «дѣтскими подражателями декадентства?» Г. Минскій въ томъ же фелетонѣ даетъ такую характеристику декадентской поэзіи: «Въ декадентской поэзіи внѣшнимъ звуковымъ эффектомъ слова дается предпочтеніе предъ его внутреннимъ смысломъ; такая поэзія предполагаетъ читателя съ утонченными нервами и съ атрофированнымъ мозгомъ». Приведенное стихотвореніе г. Бальмонта словно по этому рецепту состряпано: внѣшніе эффекты слова и ни капли внутренняго смысла. Не обладая ни «мозговой линіей» г. Волынского, ни «атрофированнымъ мозгомъ» цѣнителя декадентскихъ стиховъ, нельзя понять, почему г. Минскій не считаетъ автора такихъ кунштюковъ декадентомъ, а, напротивъ, видитъ въ немъ одну изъ надеждъ и основъ современности, приветствуетъ въ немъ возрожденіе жизни и проч.

Въ числѣ другихъ подобнаго же рода и качества стиховъ, есть и отрывки поэмы «Донъ-Жуанъ». Личность всѣмъ знакомая. Любопытно посмотрѣть на Донъ-Жуана конца вѣка. Здѣсь то ужъ мы навѣрное найдемъ «бодрое, жизнерадостное, оптимистическое» настроеніе новой поэзіи. Поэтъ кипитъ, волнуется, вѣщаетъ о побѣдахъ и такъ ихъ расписываетъ:

...Я вижу за туманомъ
Усадьбу, садъ, нарядный балный залъ,
Гдѣ тѣмъ же сладко-чувственнымъ обманомъ
Я вворы русскихъ женщинъ зажигалъ.
На зовъ любви къ красавицѣ-княгинѣ
Вошелъ я тихо-тихо, точно воръ.
Она ждала. И ждетъ меня донинѣ...

Читатели въ недоумѣніи, какъ странно ведетъ себя новый Донъ-Жуанъ...
Еще болѣе удивляетъ его дальнѣйшее поведеніе.

Промчалась дни желанья свѣтлой славы,
Желанья быть среди полубоговъ.
Я полюбилъ жестокия забавы,
Полеты акробатовъ, бой быковъ,
Звѣринцы, гдѣ свиваются удавы...

Подумать только какіе ужасы: акробаты, бой быковъ, звѣринцы!.. Въ циркѣ что-ли сталъ ходить Донъ-Жуанъ? Но что же тутъ особеннаго? Въ звѣринцы и цирки ходятъ даже дѣти. Вотъ дальнѣйшія его похождения, пожалуй, ярче характеризуютъ новаго Донъ-Жуана:

И дѣвственность, введенную въ альковъ,
На путь неописуемыхъ видѣній,
Блаженно извращенныхъ наслажденій.
Я полюбилъ плѣняющій развратъ
Съ его неутоляющей услдой,
Съ его пренебреженьемъ всѣхъ преградъ,
Съ его—ему лишь свойственной—отрадой.

Эта гаденькая черточка гнусно-подаенького старческаго сластолюбыя—тоже отличительная черта декадентскихъ стихотвореній, столь презираемыхъ г. Минскимъ. А въ сборникѣ г. Бальмонта она нѣтъ-нѣтъ и проглянеть. Таковъ «жизнерадостный» и «бодрый Донъ-Жуанъ» новой поэзіи, котораго г. Минскій предпочитаетъ старому герою Байрона.

Если исключить нѣсколько,—по нашему мнѣнію, не больше пяти *),—стихотвореній, въ которыхъ и г. Бальмонтъ не ломается, не говоритъ безмыслицъ, а болѣе или менѣе удачно передаетъ свое настроеніе,—все остальное представляетъ сплошь такой же сумбуръ словъ, какъ и приведенные образчики. Ни радости, ни печали, ни оптимизма, ни пессимизма въ «поэзіи» г. Бальмонта и слѣда нѣтъ. Есть одно кривлянье, пустая игра словами, приемами и неестественно-манерными созвучьями.

Это третій уже самостоятельный сборникъ г. Бальмонта, и приходится отмѣтить, что авторъ быстро катится подъ гору, въ лужу декадентства. Первый сборникъ «Подъ сѣвернымъ небомъ» былъ проще, искреннѣе и гораздо изящнѣе по формѣ стихотвореній. Во второмъ уже ясно проявилась склонность г. Бальмонта наборомъ звучныхъ словъ прикрыть душевную пустоту, которая въ третьемъ выступила вполнѣ наружу. Искра таланта тонетъ здѣсь въ морѣ бессмысленныхъ эпитетовъ, вымученныхъ образовъ и истерическихъ криковъ, образчикомъ которыхъ можетъ служить «Кому я молюсь».

И г. Минскій увѣряетъ насъ, что такая то «поэзія» является украшеніемъ русской литературы, цѣлебнымъ средствомъ противъ «чумнаго пятна» байронизма Пушкина и Лермонтова! Если это такъ, мы не желаемъ ей такого «исцѣленія». За одинъ лермонтовскій «желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью» мы охотно отдали бы всю новую поэзію съ г. Минскимъ на придачу, потому что такой «выстрадаанный стихъ, пронзительно-унылый», ударивъ «по сердцамъ съ невѣдомою силою», высѣкаетъ изъ нихъ искры гнѣва, боли, страданья, возбуждаетъ новыя силы и новую энергію для борьбы за жизнь, за счастье, за свѣтъ и свободу, что и составляетъ сущность поэзіи, ея безпредѣльную силу и вдохновляющую людей мощь слова.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Изъ голодныхъ мѣстъ. Газеты полны самыми неутѣшительными вѣстями изъ голодающихъ губ. Г-жа Сѣрова (въ «Спб. Вѣдом.») описываетъ печальное положеніе села Судосева Симбирской губ., гдѣ ей пришлось быть свидѣтельницей второй голодовки—въ 1891 г. и 1898 г. Сравнивая эти два года, г-жа Сѣрова замѣчаетъ, что теперешняя голодовка переживается труднѣе, чѣмъ 8 лѣтъ тому назадъ и вотъ по какимъ причинамъ: «Не забудемъ», говоритъ она, «всѣ эти восемь лѣтъ со всѣхъ сторонъ были приняты энергическія мѣры, чтобы просвѣтить и нравственно поднять мужика; какъ разъ въ этой полосѣ Россіи губернскія и уѣздныя попечительства о народной трезвости открывали чайныя, библіотеки, читальни, театры; съ каждымъ годомъ разрастались пункты, гдѣ показывались фоари съ чтеніемъ, пѣніемъ и проч.

*) «Въ Оксфордѣ», «Вечеръ», «Ручей», «Сфинксъ» и «На вершинѣ».

Человѣкъ умеръ, остались его творенія. Въ нетлѣнныхъ образахъ они свидѣтельствуютъ міру о тѣхъ началахъ добра и красоты, которымъ служилъ поэтъ словомъ и жизнью, никогда не раздѣляя одного отъ другой.

И памятникъ, который, съ разрѣшенія высшей власти, готовитъ Мицкевичу благодарный народъ, пусть явится символомъ братства народовъ, о чемъ мечталъ поэтъ, провидя тѣ времена грядущія,

Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся...

А. Богдановичъ.



Адамъ Мицкевичъ.

(Барельефъ, сдѣланный съ бюста работы Давида въ 1829 г. въ Веймарѣ).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Разсказы г. Вересаева—«Безъ дороги», «Повѣтріе».—Попытки автора уловить новыя настроенія въ интеллигенціи.—Его объективизмъ.—«Ученныя» открытія о. Н. Влинова въ вопросѣ о вотякахъ и ихъ культѣ.—Г. Минскій о старой и новой поэзіи: Байронизмъ Пушкина и Лермонтова—«чумное пятно», горѣвшее до сихъ поръ на русской поэзіи, и жизнерадостность новой.—«Тишина», новый сборникъ стихотвореній г. Бальмонта, какъ образчикъ «жизнерадостности» новой поэзіи.

Разсказы г. Вересаева, появившіеся сначала въ «Рус. Богатствѣ» и другихъ журналахъ, сразу выдѣлили автора изъ сѣровой толпы многочисленныхъ сочинителей очерковъ и разсказовъ, судьба которыхъ довольно однообразна—появиться на мигъ и кануть въ лету, не возбудивъ ни въ комъ ожиданій и не оставивъ по себѣ особыхъ сожалѣній. Иначе было съ разсказами г. Вересаева. Каждый изъ нихъ рѣзко выдѣлялся и особымъ настроеніемъ автора, и содержаніемъ, и манерой обработки сюжета. Словомъ, оригинальность автора выступала несомнѣнно, давая право надѣяться, что въ лицѣ г. Вересаева литература получитъ новую незаурядную силу. Теперь, собранные вмѣстѣ, эти очерки и разсказы не только не ослабляютъ прежняго впечатлѣнія, но въ значительной степени усиливаютъ его. То, что въ каждомъ изъ нихъ было отрывочно и лишь намѣчалось отдѣльными чертами, выступаетъ въ сборникѣ въ совокупности, дополняясь взаимно и создавая въ общемъ вполне опредѣленное настроеніе, которое, начиная съ первыхъ страницъ, все усиливается, оставляя читателя подъ впечатлѣніемъ чего-то сильнаго и новаго.

Главное содержаніе сборника составляютъ собственно двѣ вещи—повѣсть «Безъ дороги» и непосредственно дополняющій ее очеркъ «Повѣтріе», появившіеся въ печати первый разъ. Небольшіе разсказы—«На мертвой дорогѣ», «Товарищи», «Прекрасная Елена», «Порывъ», «Загадка», помѣщенные въ началѣ сборника, служатъ какъ бы введеніемъ, въ которомъ намѣчены «лейбъ-мотивы», употребляя терминъ вагнеровской музыки,—руководящія начала, развертывающія затѣмъ въ цѣлую картину душевнаго настроенія въ повѣсти «Безъ дороги».

Въ первомъ очеркѣ, «На мертвой дорогѣ», по выдержанности, пожалуй, лучшемъ во всей книгѣ, читателя съ первыхъ строкъ охватываетъ впечатлѣніе мертвой неподвижности, которою вѣетъ отъ прекрасно набросанной картины выжженной солнцемъ степи и убѣгающей вдаль заброшенной линіи желѣзной дороги. Эта линія когда-то кипѣла жизнью, центромъ которой былъ нынѣ выработанный рудникъ, угольная шахта, гдѣ сотни рабочихъ бодро стучали кайлой, выбрасывая на поверхность живительный уголь. Теперь здѣсь тишина и опустошеніе: бурьяномъ поросли рельсы и шпалы, жизнь идетъ мимо, мимо тянутся скрипящіе обозы, мимо снуютъ толпы рабочихъ, а сторожъ, неподвижно покуривающій трубку и тоскливо поглядывающій на свою мертвую линію, убѣгающую въ глухой уголь, гдѣ зіяетъ глубокая шахта, еще усиливаетъ впечатлѣніе пустоты и мертвенности. Нарѣдка забредаетъ въ сторожку унылый путникъ укрыться отъ палящаго солнца, какъ, напр., мечта-

тель Никитинъ, шахтеръ, задавшійся цѣлью своими «плантами» въ самое сердце поразить тѣхъ, кто небрежетъ о здоровьи и жизни шахтеровъ, либо загнанная дождемъ богомолка, повѣствующая о чудесахъ богоспасаемаго града Іерусалима. «И стены, безсильно выгорѣвшая подъ солнцемъ, и лѣнливый, душный воздухъ, и негодующія сѣтованія сторожа, все дышало чѣмъ-то такимъ тоскливымъ, разслабляющимъ и безнадежнымъ... Странно было думать, что гдѣ-нибудь терять свѣжо и прохладно, что есть на свѣтѣ добрые, дѣятельные, неунывающие люди...»

Въ слѣдующемъ разсказѣ, «Товарищи», та же мертвая тишь и безотрадная тоска, только вѣетъ ея не отъ мертвой дороги, а отъ мертвыхъ людей. Когда-то бодрые и радостные, они составляли живую дружную семью молодежи, кипѣвшую мечтами, надеждами и планами, теперь, заброшенные службою въ одинъ изъ безчисленныхъ русскихъ городишекъ, она тянутъ ляжку, кто по акцизу, кто учителемъ, словомъ, всѣ чиновники, либо добываютъ себѣ средства мало привлекающимъ ихъ трудомъ. «Еще работы въ жизни много, работы честной и святой», припоминается одному изъ нихъ слова юношеской пѣсни. Гдѣ же она, эта «честная и святая работа»? «Онъ думалъ о томъ, что уже цѣлыхъ два года прожилъ въ Инсарскѣ, эти два года пролетѣли страшно быстро, какъ одна недѣля, а между тѣмъ воспоминаю не на чѣмъ остановиться: дни вало тянулись за днями, скучные, безмысленные; опротивѣвшая служба, безконечныя прогулки, выпивки и тупая тоска, изъ которой нѣтъ выхода, которая стала его обычнымъ состояніемъ...» Тоже испытываетъ каждый изъ его товарищей, и, собираясь вмѣстѣ, они въ глазахъ другъ друга читаютъ ту же тоску, то же сознаніе безцѣльности жизни, такой далекой отъ юношеской радости бытія. Что же привело ихъ всѣхъ къ такому безотрадному существованію? Почему мечты разбились при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью, въ которую наши герои не сумѣли внести ни искры изъ прежняго огня, горѣвшаго въ сердцахъ, огня свободы, чести и высокихъ душевныхъ порывовъ? «Въ семьѣ, въ школѣ, — уныло размышляетъ одинъ изъ нихъ, — намъ никто никогда не говорилъ о нашихъ обязанностяхъ... Не воруй, не лги, не обижай другихъ, не, не, не... вотъ была мораль... Мы думали спокойно прожить съ этой моралью, какъ жили наши отцы. И вдругъ приходитъ книга и обращается къ намъ съ неслышанно-громаднымъ запросомъ: она требуетъ, чтобы вся жизнь была однимъ сплошнымъ подвигомъ. Но гдѣ взять для этого силъ? Книга этихъ силъ дать не могла, она ихъ предполагала уже существующими... И вотъ результатъ: она только искалѣчила насъ и пустила гулять по свѣту съ большою совѣстью...»

Минуя слѣдующіе разказы—«Порывъ», «Прекрасная Елена», «Загадка», какъ бы иллюстрирующіе это мертвое настроеніе неподвижной жизни, перейдемъ къ центральной повѣсти сборника «Безъ дороги», гдѣ отрывочныя настроенія предыдущихъ разказовъ слагаются въ опредѣленную и выдержанную картину опустошенной души. Предъ нами два типа—вѣковѣчные, старые типы русской интеллигенціи: онъ уже истрепанный жизнью, извѣрившійся въ «великія слова» и «имена» и сознающій себя въ этой жизни «безъ дороги»; она — вся трепеть и ожиданіе, уже воспріявшая въ себя отраву «книжной проповѣди» о подвигѣ и готовая ринуться по первому указанію. Ей нуженъ «вождь» и «пророкъ», за которымъ она могла бы слѣпо пойти, а онъ, умудренный опытомъ жизни, прежде всего не вѣритъ всякому вождямъ и всему, что отдаетъ пророческими упованіями. Можно бы подумать, что изъ столкновенія этихъ двухъ типовъ разыграется обычная любовная драма, какихъ тысячи заполняютъ русскую литературу, и тогда въ повѣсти г. Вересаева мы бы имѣли тысяча-первую, можетъ быть и хорошо написанную, но не вносящую ничего новаго. Авторъ гораздо самостоятельнѣе и оригинальнѣе.

Драма разыгрывается и гораздо ужаснѣе всякихъ любовныхъ перипетій. Предъ нами драма одного изъ русской интеллигенціи, захваченнаго жизнью врасплохъ въ тягостную минуту переходной эпохи, когда старое изжито, истреблено въ конецъ, а новое еще даже не мелькнуло вдали.

Повѣсть написана въ видѣ дневника, и герой самъ раскрываетъ «корни и нити» душевнаго разлада, который неминуемо долженъ былъ привести къ тому или иному трагическому концу. Больной и усталый онъ попадаетъ въ деревню, въ родственную ему дружную семью, жизнерадостная молодежь которой, еще не оперившаяся и не испробовавшая себя въ жизни, но кипящая всѣми силами нетронутой молодой души, вызываетъ невольное сравненіе, заставляетъ оглянуться назадъ и подвести итоги его собственному прошлому. Эти итоги неутѣшительны.

«...Да, мало хорошаго вспомнишь за эти прожитые три года. Сидѣть въ своей раковинѣ, со страхомъ озираться кругомъ, видѣть опасность и сознавать, что единственное спасеніе для тебя — уничтожиться, уничтожиться тѣломъ, душою, всѣмъ, чтобы ничего отъ тебя не осталось... Можно ли съ этимъ жить? Невесело сознаваться, но я именно въ такомъ настроеніи прожилъ всѣ эти три года. «Зачѣмъ я отъ времени завиcѣть буду? Пускай же лучше оно завиcѣтъ отъ меня». Мнѣ часто вспоминаются эти гордые слова Базарова. Вотъ были люди! Какъ они вѣрили въ себя! А я, кажется, настоящимъ образомъ въ одно только и вѣрю, это именно въ неодолимую силу времени. «Зачѣмъ я отъ времени завиcѣть буду!» Зачѣмъ? Оно не отвѣчаетъ; оно незамѣтно захватываетъ тебя и поведетъ, куда хочетъ; хорошо, если твой путь лежитъ туда же, а если нѣтъ? Сознавай тогда, что идешь не по своей волѣ, протестуй всѣмъ своимъ существомъ, оно все-таки дѣлаетъ по своему. Я въ такомъ положеніи и находился. Время тяжелое, глухое и сумрачное со всѣхъ сторонъ охватываетъ меня, и я со страхомъ видѣлъ, что оно посягаетъ на самое для меня дорогое, посягаетъ на мое міросозерцаніе, на всю душевную жизнь... Гартманъ говорить, что убѣжденія наши — плодъ «безсознательнаго», а уметь мы лишь подыскиваемъ къ нимъ болѣе или менѣе подходящія основанія; я чувствовалъ, что тамъ гдѣ то, въ этомъ неуловимомъ «безсознательномъ», шла тайная, предательская, невѣдомая мнѣ работа, и что въ одинъ прекрасный день я вдругъ окажусь во власти этого «безсознательнаго». Мысль эта наполнила меня ужасомъ: я слишкомъ ясно видѣлъ, что правда, жизнь — все въ моемъ міросозерцаніи, что если я его потеряю, я потеряю все.

«То, что происходило кругомъ, лишь укрѣпило меня въ убѣжденіи, что страхъ мой не напрасенъ, что сила времени — сила страшная и не по плечу человѣку. Какимъ чудомъ могло случится, что въ такой короткій срокъ все такъ измѣнилось? Самыя свѣтлыя имена вдругъ потускнѣли, слова самыя великія стали пошлыми и смѣшными; на смѣну вчерашнему поколѣнію явилось новое, и не вѣрилось, неужели *эти* — всего только младшіе братья вчерашнихъ? Въ литературѣ медленно, но непрерывно шло какое-то общее заворачиваніе фронта, и шло вовсе не во имя какихъ-либо новыхъ началъ. — о нѣтъ! Дѣло было очень ясно: это было лишь ренегатство, — ренегатство общее, массовое и, что всего ужаснѣе, безсознательное. Литература тщательно оплевывала въ прошломъ все свѣтлое, хорошее, но оплевывала наивно, сама того незамѣчая, воображая, что поддерживаетъ какіе-то «завѣты»; прежнее чистое знамя въ ея рукахъ давно уже обратилось въ грязную тряпку, а она съ гордостью несла эту опозоренную ею святыню и знала къ ней читателя; съ мертвымъ сердцемъ, безъ огня и вѣры, говорила она что-го, чему нѣкто не вѣрилъ...»

Въ этой сжатой и сильной характеристикѣ обрисовано унылое настроеніе лучшей части интеллигенціи 80-хъ годовъ, которая подъ давленіемъ времени, дѣйствительно сжалась до полнаго почти самоуничтоженія, какъ герой повѣсти.

Его спасала работа, которой ему, земскому врачу, было по горло, но эта работа ему была нужна затѣмъ, чтобы «наркотизироваться» ею до совершеннаго самозабвенія. И когда эта работа въ его жизни внезапно оборвалась, предъ нимъ всталъ съ удвоенною силой старый вопросъ, что дѣлать?—вопросъ, получающій еще большую остроту, когда съ нимъ обращается къ герою его молоденькая кузина Наташа.

Для нея этотъ вопросъ еще настоятельнѣе требуетъ разрѣшенія. Она только-что начинаетъ жить и увлекаться тѣми высокими словами, великими именами, которые сыграли свою роль въ жизни героя и въ силу которыхъ онъ уже извѣрился. Онъ, какъ истый идолопоклонникъ, бросилъ своихъ боговъ, когда увидалъ, что они не сумѣли защитить сами себя. Что же онъ можетъ сказать ей, этой разспѣвающей жизни, жадно раскрывающейся ему навстрѣчу, жаждущей съ страстнымъ нетерпѣніемъ, что онъ, старшій по возрасту и развитію, преданный самымъ высокимъ началамъ, ради которыхъ бросилъ университетъ и ушелъ «служить народу» въ земство, сумѣетъ освѣтить ей грядущій путь жизни свѣтомъ своего идеала, свѣтомъ, испробованнымъ на дѣлѣ, на пути собственной жизни. «Преемственности» идей и дѣла—вотъ чего она ждетъ отъ старшаго поколѣнія.

Казалось бы, чего же лучше? «Отъ ея разговоръ вѣетъ такимъ старымъ-старымъ, но такимъ хорошимъ; она хочетъ знать, какъ я смотрю на общину, какое значеніе придаю сектанству, считаю-ли возможнымъ и желательнымъ развитіе въ Россіи капитализма. И въ разспросахъ ея сказывается предположеніе, что я непремѣнно долженъ интересоваться всѣхъ этимъ... Она разспрашиваетъ меня о моей дѣятельности, объ отношеніяхъ къ мужикамъ, усматривая во всѣмъ этомъ глубокую идейную подкладку; въ разговорѣ ея проскальзываютъ слова: «долгъ народу», «дѣло», «идея». *Мнѣ же эти слова рѣжутъ ухо, какъ визъ стекла подъ тупымъ шиломъ.*»

О «преемственности», какъ видно изъ подчеркнутыхъ словъ, не можетъ быть и рѣчи. Герой слишкомъ правдивъ, чтобы вводить въ обманъ наивную кузину. Съ гибелью міросозерцанія, разрушеннаго *силою* времени, для него потеряли вѣсъ и значеніе слова «долгъ народу», «дѣло», «идея», для которыхъ въ жизни не нашлось реального осуществленія. Да, онъ бросилъ университетъ, чтобы служить въ земствѣ, но эта служба убѣдила его въ ничтожности этой работы для народа и въ непрочности ея. «Я рассказывалъ о голодѣ, о тифѣ, о томъ, какъ жалко было при этомъ положеніе насъ, врачей: требовалось лишь одно—кормите, получше кормите здоровыхъ, чтобы сдѣлать ихъ болѣе устойчивыми, но пособій едва хватало на то, чтобы не дать имъ умереть съ голоду. И вотъ одного за другимъ валила страшная болѣзнь, и мы безпомощно стояли передъ нею съ своими ненужными лѣкарствами»... А прочность?—первый самодуръ, съ которымъ довелось столкнуться герою, уничтожилъ его земскую службу, лишивъ возможности «отдать долгъ народу».

Тѣмъ не менѣе на категорически поставленный вопросъ—что дѣлать?—герой ничего не находитъ лучшаго, какъ пѣть ей старую пѣсенку о призваніи интеллигенціи идти въ деревню, стать ближе народу, хотя и корчится въ душѣ отъ лжи и фальши своихъ словъ, которыхъ не можетъ не чувствовать и не сознавать.

«—Помнишь, Митя,—заговорила Наташа,—помнишь, ты говорилъ недавно о сознаніи, что живешь не напрасно, что это самое главное въ жизни... Я и прежде, до тебя, много думала объ этомъ... Вѣдь это ужасно—жить и ничего не видѣть впереди: кому ты нужна? Вѣдь это сознаніе, о которомъ ты говорилъ, вѣдь это самое большое счастье!..

«Я молча шелъ, кусая губы. Въ душѣ у меня поднималось злобное враждебное чувство къ Наташѣ: вѣдь она должна же бы, наконецъ, понять, что

для меня этотъ разговоръ тяжелъ и непріятенъ, что его бесполезно затѣвать; должна бы она хоть немного пожалѣть меня; и меня еще больше настраивало противъ нея именно то, что мнѣ приходится ждать сожалѣнія и пощады отъ этого почти ребенка.

«—Я слышала, что ты прошлую зиму занималась здѣсь съ деревенскими ребятами,—проговорился я.—Ну, какъ ты, съ охотой занималась, нравится тебѣ это дѣло?»

«—Да,—сказала Наташа запнувшись.

«—Ну, вотъ тебѣ и дѣло. Если хочешь совершенно отдаться ему, поступи въ сельскія учительницы. Тогда ты будешь близко стоять къ народу, можешь сойтись съ нимъ, вліять на него ..

«Я говорилъ это, какъ плохой актеръ говоритъ заученный монологъ, и мерзко было на душѣ... Мнѣ вдругъ пришла въ голову мысль: а что-бы я сказала ей, если бы не было этой спасительной сельской учительницы, альфы и омеги «настоящаго» дѣла?..

«Наташа шла, опустивъ голову.

«— Голубушка, это дѣло мелко, что говорить,—сказала я помолчавъ.—Но, гдѣ теперь блестящія, великія дѣла? Да не по нимъ и узнается человекъ. Это дѣло мелко, но оно даетъ великіе результаты...

«Я почти физически страдалъ: какъ все фальшиво и фразисто! Мнѣ казалось, что теперь Наташа видитъ меня насквозь; и казалось мнѣ еще, что и самъ я только теперь увидѣлъ себя въ настоящемъ свѣтѣ, увидѣлъ, какая безнадѣжная пустота во мнѣ...»

Понятны жгучія муки, испытываемыя бѣднымъ героемъ.

И скромная дѣятельность сельской учительницы, и неменѣе скромная работа земскаго врача могутъ увлечь людей — и въ томъ единственномъ случаѣ, когда онѣ являются частью болѣе широкой и высокой программы, которая подымала бы человека надъ жизнью, открывая ему широкую и далекую перспективу. У Глѣба Успенскаго есть пріятный рассказъ про одного сапожника, который, желая возвыситься въ глазахъ сына свое ремесло, говоритъ ему, что весь міръ ходитъ въ сапогахъ, а потому нѣтъ почетнѣе занятія, какъ шить сапоги. Но герой повѣсти, потерявъ цѣльность своего міросозерцанія, которое одно могло бы объединить всякую невидную работу на пользу народа съ широкой общей идеей,—необходимымъ образомъ долженъ сознать, что его совѣтъ юной душѣ, рвущейся къ «смыслу жизни», стать сельской учительницей — хуже, чѣмъ камень вмѣсто хлѣба голодному. Въ немъ нѣтъ воодушевленія, какое руководить упомянутымъ бѣднымъ сапожникомъ, а безъ него нельзя воодушевить другихъ, хотя бы и проповѣдывались очевиднѣйшія истины. Истину самую высокую не передать другому въ видѣ сухой формулы. Только давая почувствовать неизяснимое, живительное наслажденіе, какое испытываешь самъ отъ чувства воспринятой истины, только зажигая въ другомъ тотъ огонь, которымъ пылалъ самъ, можно внушить убѣжденіе въ непреложности истины и готовность посвятить ей всю жизнь. Если же вмѣсто всеохватывающаго чувства есть только разумная разсудочность, нельзя привлечь другихъ къ служенію дѣлу, которое, можетъ быть, и очень полезно, и очень своевременно, но которое не захватываетъ всего человека.

А именно этихъ-то началъ и нѣтъ въ злополучномъ героѣ, истомѣ представителѣ растерянной интеллигенціи восьмидесятыхъ годовъ. Онъ говоритъ высокія слова—и самъ ихъ стыдится, потому что самъ не вѣритъ въ ихъ силу и значеніе. Вѣра, придававшая имъ внутренній смыслъ, улетучилась, и герой повѣсти, несомнѣнно искренній, честный и потому неспособный играть словами ради одной игры, спасовалъ предъ доверчивой юной душой, «почти ребенкомъ». Когда Наташа, возвращаясь къ вышеприведенному разговору, спра-

шиваетъ его, — «вѣрилъ ли ты въ то, что говорилъ» — онъ окончательно кладетъ оружіе и заявляетъ: «Ты хочешь идеи, которая бы наполнила всю жизнь, которая бы захватила тебя цѣликомъ и упорно веда къ опредѣленной цѣли; ты хочешь, чтобы я вручилъ тебѣ знамя и сказалъ: «вотъ тебѣ знамя, — борись и умирай за него»... Я больше тебя читалъ, больше видалъ жизнь, но со мною тоже, что съ тобой: *я не знаю!* — и въ этомъ вся мука».

Эта честная прямота подкупаетъ насъ въ пользу героя, который дѣйствительно обладаетъ всѣми задатками для героическихъ подвиговъ. Когда началась холера, и всѣ разбѣжались изъ одного болѣе другихъ опаснаго пункта, онъ смѣло идетъ туда, какъ солдатъ на приступъ, хотя и не вѣрить въ побѣду. Смерть его подъ ударами стихійной остервенѣлой силы не только примираетъ читателя съ нимъ, но вызываетъ глубокую жгучую скорбь за великую нравственную силу, которая погибла такъ бесплодно. Чего не могла бы создать она, если бы условія благопріятствовали ей! Предъ нами истинный герой, потому что и умирая онъ также прямо смотритъ въ лицо судьбѣ и не скрываетъ отъ себя, что его жертва безцѣльна. «За что ты боролся, во имя чего умеръ?» — говоритъ онъ умирая. — Чего ты достигъ своею смертью? Ты только *жертва*, жертва бессмысленная, никому ненужная»... И вы невольно склоняете голову передъ величіемъ этой смерти: кто могъ *такъ* умереть, могъ бы достичь великихъ результатовъ въ жизни.

Къ людямъ переходныхъ эпохъ принято относиться нѣсколько свысока. То, молъ, были герои, а это — жалкіе люди, къ добру и злу постыдно равнодушные. Положимъ, бываетъ много такихъ, но какъ и въ яркія, кипящія жизнью и одушевленіемъ эпохи не всѣ сплошь герои, такъ и во времена унылаго застоя, когда жизнь словно толчется на мѣстѣ, а на поверхность этой мертвой зыби выносятся всякая муть и дрянь, — есть тоже свои герои, которые, не имѣя собственнаго знамени, не преклоняются предъ «грязными тряпками», честно сознаются въ своемъ незнавіи, гдѣ искать это «знамя», и находятъ въ себѣ достаточно силъ принести себя въ жертву, хотя и не вѣря въ спасительность ея. Имъ не дано счастья оставить послѣ себя преемниковъ, которымъ они могутъ передать дорогое дѣло, потому что такого дѣла нѣтъ у нихъ. Самое большее, что они могутъ, это передать остающимся свою неизмѣнную вѣру въ людей и лучшее будущее, какъ умирающій герой повѣсти — Наташѣ: «я говорю ей, чтобы она любила людей, любила народъ; что не нужно отчаиваться, нужно много и упорно работать, нужно искать дорогу... И теперь мнѣ не стыдно говорить эти «высокія» слова».

Повѣсть этимъ кончается. Написана вся вещь очень хорошо, а сцена въ холерномъ баракѣ и особенно сцена дикой расправы съ докторомъ превосходны по яркости изображенія и силѣ впечатлѣнія, какое они производятъ на читателя. Это лучшее, а, пожалуй, и единственное художественное произведеніе, въ которомъ описано смутное время холеры, какъ-то удивительно безслѣдно промелькнувшее въ нашей литературѣ.

Драма героя безъ знамени, безъ опредѣленной цѣли и дороги закончилась, какъ мы видѣли, прекраснѣйшей и поучительнѣйшей, хотя на его взглядъ и бессмысленной жертвой. Драма Наташи только начинается. Въ слѣдующемъ разсказѣ «Повѣтріе» мы снова встрѣчаемся съ нею. Она выполнила до извѣстной части совѣтъ своего злополучнаго кузена, — она искала и нашла дорогу, на которой мы ее и застаемъ въ разсказѣ. Смерть кузена и ея обстановка произвели на нее ужасное впечатлѣніе. «Всѣми помыслами, всѣмъ своимъ существомъ она какъ бы ушла тогда въ одно желаніе, — желаніе страданія и жертвы... Она настойчиво разспрашивала, что теперь всего нужнѣе дѣлать, на что отдать свои силы. Вскорѣ Наташа уѣхала на югъ сестрою милосердія, затѣмъ, по окончаніи холеры, за границу... И вотъ что теперь стало изъ нея!» — горестно восклицаетъ

ея старый другъ и руководитель, пожилой земскій врачъ, весь ушедшій въ свою практику, старый, убѣжденный народникъ, въ которомъ жизнь не убила прежняго идеалиста.

Что же стало съ Наташей, отчего докторъ приходитъ въ такой ужасъ?

Мы застаемъ ее въ числѣ дѣйствующихъ, или лучше сказать, разговаривающихъ лицъ за столомъ у нашего почтеннаго земца-народника. Къ нему завернулъ по дорогѣ прежній его товарищъ, такой же убѣжденный народникъ, какъ и онъ, Киселевъ, устраивающій артели кустарей. Докторъ страшно радъ, что можетъ провести съ нимъ вечеръ, забывъ обычныя заботы и горести. Радость еще усиливается при мысли, что обѣщала пріѣхать и Наташа, которую ему смертельно хочется познакомить съ Киселевымъ, чтобы наивно похвастать предъ нею, какіе дѣятели вышли изъ среды народниковъ. Возвратившись изъ больницы, докторъ застаётъ Киселева въ жаркомъ спорѣ съ студентомъ-технологомъ Дасевымъ, сыномъ мѣстнаго деревенскаго дьячка. Дасевъ стоитъ на совершенно противоположной Киселеву и доктору точкѣ зрѣнія. Споръ разгорается, пріѣзжаетъ Наташа, сначала только слушаетъ, но когда докторъ обращается къ ней за сочувствіемъ, въ полной увѣренности найти въ ней союзницу, она спокойно, но рѣшительно становится на сторону Даева.

Она очень заинтересовывается артелями Киселева, съ любопытствомъ просматриваетъ ихъ уставъ, Киселевъ увлекается описаніемъ того, что уже сдѣлано, и еще болѣе перспективами будущаго, хотя и скорбитъ, что «г. Дасевъ не согласенъ съ этимъ». Наташа замѣчаетъ, что и она не согласна. Оба народника такъ и вскидываются—«почему»? Начинается рѣшительный, хотя и сдержанный съ обѣихъ сторонъ споръ, въ которомъ все больше и больше уясняется невозможность найти общую почву для спорящихъ.

Это одинъ изъ тѣхъ споровъ, какіе приходится теперь слышать на каждомъ шагѣ между сторонниками двухъ теченій, народниками и «марксистами», или, какъ ядовито замѣчаетъ Дасевъ, «марксистами» по остроумной терминологіи г.г. народниковъ. Приводить его здѣсь не станемъ, хотя онъ вполне заслуживаетъ вниманія по замѣчательно выдержанному тону, который авторъ сумѣлъ сохранить до конца, ни разу не становясь самъ ни на ту, ни на другую сторону. Благодаря этой объективности, обѣ спорящія стороны выступаютъ рельефно, и невозможность примиренья между ними становится очевидной. Киселевъ и докторъ—оба почтенные, достойные полнаго уваженія люди, идеалисты-народники въ лучшемъ значеніи слова, доказавшіе всю жизнь искренность своей вѣры. Противники ихъ Наташа и Дасевъ—не менѣе искренни и стойки, но воздавая полную дань уваженія добрымъ намѣреніямъ народниковъ, они съ тѣмъ болѣе неумолимо разрушаютъ ихъ идеалистическія построенія, съ холодной логикой разбивая всѣ ихъ положенія. Авторъ ничего не подчеркиваетъ, но для самого предубѣжденнаго читателя становится ясно, на чьей сторонѣ логика жизни.

Присутствуя въ качествѣ постороннихъ свидѣтелей при этомъ спорѣ, вы испытываете вначалѣ сожалѣніе, что вотъ такіе хорошіе люди, а не могутъ столковаться, понять другъ друга. Но вскорѣ это чувство исчезаетъ, такъ какъ дѣло тутъ не только въ непониманіи, а въ разницѣ настроеній, всего душевнаго облика противниковъ. Имъ нужно бы переродиться, чтобы понять и сблизиться. Киселевъ фанатикъ народничества, слѣпо вѣрующій въ жизненность артели, общины, міра. Для него факты не существуютъ. Онъ исключительная личность, для которой вся жизнь свелась къ одной единственной мечтѣ, въ ней же «весь законъ и пророки». По словамъ Даева, «онъ настолько вѣритъ въ свое дѣло и настолько тупъ, что его никто не переубѣдитъ». Докторъ, напротивъ, вполнѣ средній человѣкъ, представитель той интеллигенціи, которая очутилась «безъ дороги», какъ герой только что разобранной нами повѣсти. Потерявъ вѣру въ прошлое, измученный настоящимъ, онъ хватается за обрывки

народнической программы, видя въ артелях, общинахъ—дѣло текущаго дня, дѣло помощи тѣмъ, кто въ ней сейчасъ, немедленно нуждается. И потому, сталкиваясь съ взглядами, которые принципиально отрицаютъ спасательность этихъ средствъ, онъ чувствуетъ себя въ положеніи человѣка, у котораго выбиваютъ послѣднюю доску изъ подъ ногъ. Отсюда его раздраженіе и негодованіе противъ людей, которые нашли «дорогу». Повернуться къ нимъ и стать на ихъ дорогу, онъ не въ силахъ: это значило бы поставить крестъ надъ всей своей дѣятельностью, какъ сдѣлалъ его болѣе рѣшительный товарищъ, герой повѣсти «Безъ дороги».

Разница въ настроеніяхъ особенно рѣзко сказывается въ докторѣ и Наташѣ. Последняя, раздраженная его упреками въ «звѣрствѣ» ея выводовъ, въ «безчеловѣчномъ» отношеніи къ тѣмъ, кого жизнь безжалостно стираетъ со своей дороги,—ставитъ ему снова тѣ же вопросы, съ какими обращалась когда-то: «Но вѣдь выдвигаетъ же эта жизнь какія-нибудь историческія задачи? Во что же вѣрить, какимъ путемъ идти? Что нужно дѣлать?» И докторъ, который раньше и самъ задавалъ такіе же вопросы и обсуждалъ ихъ съ Наташей, когда она вмѣстѣ съ нимъ искала на нихъ отвѣта, негодуетъ и раздражается теперь, когда робкая ученица сбрасываетъ его руководство и самостоятельно ищетъ пути. Его «приводила въ негодованіе самая возможность тѣхъ вопросовъ, которые она ему задавала». «Волнуясь и раздражаясь, онъ сталъ доказывать, что жизнь предъявляетъ много разнообразныхъ запросовъ, и удовлетвореніе всѣхъ ихъ одинаково необходимо, а что будущее само ужъ должно рѣшить. «историческою» ли была данная задача или нѣтъ; что нельзя гоняться за какими-то отвлеченными историческими задачами, когда кругомъ такъ много насущнаго дѣла и такъ мало работниковъ». Это отвѣтъ человѣка, который, не рѣшивъ общаго вопроса, весь отдался текущей жизни съ ея прямыми ежедневными задачами,—настроеніе будничной жизни, не дающей углубиться и разобраться въ ея хаосѣ. И великодушную оцѣнку этого настроенія дѣлаетъ Наташа.

«— Ну да, то же самое я слышала отъ васъ и четыре года назадъ: — «не знаю», и потому всякое дѣло одинаково хорошо и важно; только тогда вы не думали, что иначе и быть не можетъ... Какъ можете вы съ этимъ жить?—пронесла она, съ дрожью поведши плечами.—Киселевъ наивенъ и живетъ внѣ времени, но онъ, по крайней мѣрѣ, вѣрить въ свое дѣло; а во что вѣрите вы? Въ окружающей жизни идетъ коренная, давно невиданная ломка; въ этой ломкѣ падаетъ и гибнетъ одно, незамѣтно нарождается другое, жизнь перестраивается на совершенно новый ладъ, выдвигаются совершенно новыя задачи. И вы стоите передъ этимъ хаосомъ, потерявъ подъ ногами всякую почву; старое вы бы рады удержать, но понимаете, что оно гибнетъ безповоротно; къ нарождающемуся новому не испытываете ничего, кромѣ недовѣрія и ненависти. Гдѣ же для васъ выходъ? На все вы можете дать только одинъ отвѣтъ: «не знаю»! Вѣдь предъ вами такая пустота, такой кромѣшный мракъ, что подумать жутко!.. И во имя этой-то пустоты вы вооружаетесь противъ насъ, и готовы обвинить чуть не въ ренегатствѣ всѣхъ, кто покидаетъ вашъ лагерь! Да оставаться въ вашемъ лагерѣ невозможно уже по одному тому, что это значитъ прямо обречь себя на духовную смерть».

Обѣ стороны разстаются, ни до чего не договорившись, потому что «говорятъ на разныхъ языкахъ».

Въ сущности, это старая исторія отцовъ и дѣтей. Дѣти нѣсколько жестковаты и поглядываютъ на отцовъ съ снисходительною усмѣшкой сожалѣнія. Отцы горестно недоумѣваютъ, «что стало съ ихъ дѣтьми», какъ могли они вырастить у себя подъ крылышкомъ такое странное потомство? «Да, что-то они сдѣлаютъ?»—говоритъ докторъ, проводивъ своихъ гостей.

Такимъ вопросомъ заканчиваетъ г. Вересаевъ свой интересный очеркъ, на-

писанный съ большимъ знаніемъ современныхъ отношеній между двумя борющимися теченіями, съ большою выдержкой и рѣдкой въ наше время объективностью.

Помимо этихъ существенныхъ достоинствъ, любопытна попытка г. Вересаева наметить слагающійся новый типъ въ лицѣ Наташи. Путь ея развитія, который она проходить въ повѣсти «Безъ дороги», и то направленіе, какое принимаетъ она въ «Повѣтрін»,—обозначены ясно и рѣзко. Сначала предъ нами наивная дѣвочка, инстинктивно поворачивающаяся въ сторону свѣта, какимъ ей представляется ея злополучный кузентъ съ своимъ несомнѣнно благороднымъ прошлымъ. Она ищетъ у него отвѣта на естественные запросы проснушагося сознанія, вполнѣ увѣренная, что человекъ, всѣмъ жертвовавшій для другихъ, сумѣетъ указать и цѣль, и путь къ ней. Жестокое разочарованіе, испытываемое ею при его честномъ и благородномъ отвѣтѣ «не знаю», повергаетъ ее въ горькое недоумѣніе передъ сложной загадкой жизни. Трагическій конецъ ея кузена вызываетъ цѣлую бурю смѣшанныхъ чувствъ. Тутъ и ужасъ передъ безцѣльностью жертвы, и безконечная жалость къ темной стихійной силѣ, и страстная готовность себя самое принести въ жертву этимъ безвиннымъ убійцамъ. Но «благодатна всякая буря душѣ молодой». Крѣпкая натура находитъ въ себѣ источникъ исцѣленія. Наташа обращается къ жизни, ищетъ въ ней того отвѣта, котораго не могли ей дать ни ея кузентъ, ни старый другъ,—и постепенно среди хаоса находитъ дорогу, на которой мы ее застаемъ въ «Повѣтрін».

Куда она приведетъ ее, авторъ не рѣшаетъ этого вопроса, и умно дѣлаетъ. Рѣшеніе его—дѣло будущаго. Какъ художникъ, онъ выполнилъ свою задачу, отиѣтивъ новое направленіе въ развитіи нашей интеллигенціи, причины, вызвавшія его, и ту стадію, на которой оно остановилось теперь.

Всѣмъ еще памятно, конечно, дѣло о мугланскомъ жертвоприношеніи, надѣлавшее въ свое время столько шума, отголоски котораго и до сихъ поръ еще носятся въ воздухѣ и будятъ вниманіе общества. Самой послѣдней новинкой въ этомъ вопросѣ является небольшая брошюрка: «Языческій культъ у войковъ», за подписью: «Свящ. Николай Блиновъ, дѣйствительный членъ Императорскаго русскаго географическаго общества, почетный членъ нижегородскаго и дѣйствительный членъ вятскаго статистическихъ комитетовъ». Такая помпезная подпись явно рассчитана на вполнѣ опредѣленный эффектъ, почему и читатель въ правѣ разсчитывать, что въ брошюрѣ онъ услышитъ здравое, обоснованное на точныхъ данныхъ слово мѣстнаго изслѣдователя и при томъ священника, т. е. человека, своимъ положеніемъ обязаннаго быть нарочито осторожнымъ. Довѣріе къ брошюрѣ вызывается еще болѣе тѣмъ, что это докладъ, читанный на послѣднемъ сѣздѣ естествоиспытателей въ Кіевѣ, гдѣ, по словамъ газетныхъ отчетовъ, онъ произвелъ глубокое и тяжелое впечатлѣніе.

Но уже въ газетныхъ отчетахъ было такъ много странностей и прямыхъ несообразностей, что приходилось или не довѣрять имъ, или изумляться, какъ могъ человекъ, болѣе или менѣе дорожащій своею репутаціей, такъ легкомысленно жертвовать ею ради какой-то, намъ, по крайней мѣрѣ, совершенно непонятной цѣли. Выходъ брошюры о. Блинова разсѣялъ всякія недоумѣнія. Въ газетахъ если и были кое-какія неточности,—не было и половины тѣхъ поразительныхъ даже и для профана «ученыхъ» открытій и «научныхъ» достоинствъ изслѣдованія, какими на каждой страницѣ щеголяетъ авторъ. Давно уже ничего подобнаго не появлялось въ научно-популярной литературѣ, и мы считаемъ прямымъ долгомъ остановиться на этомъ произведеніи, интересъ котораго еще усиливается тѣмъ, что оно вызвало великое одобреніе въ нѣкоторой части печати,

какъ, напр., въ «Новомъ Времени», явившемся ярымъ союзникомъ о. Блинова. Истинно, не только «les beaux esprits se repaissent».

Авторская фізіономія о. Блинова вырисовывается съ первыхъ же строкъ, гдѣ съ видомъ строгой объективности онъ заявляетъ, что не коснется вопроса о виновности оправданныхъ по мултанскому дѣлу вотяковъ, хотя и обойти молчаніемъ это дѣло не представляется ему возможнымъ, — и затѣмъ приносить увѣсительный камешекъ если не на вѣсы правосудія, уже сказавшаго свое вѣское слово, то въ оцѣнку вотяцкаго культа, игравшаго въ этомъ дѣлѣ такое огромное значеніе. Коснувшись пространно разныхъ неясностей и неточностей въ вопросѣ объ этомъ культѣ вообще, о. Блиновъ ставитъ категорическое утвержденіе, что смущающій русскую этнографію вотяцкій богъ — «Курбонъ», «Акташъ», «Инаръ», какъ его величали на слѣдствіи, есть *Булда*, представляющій ничто иное, какъ вѣзмъ извѣстнаго *Будды*. Булда — «это богъ страшный и человѣческія жертвы приносятся ему». Правда, «почитаніе Будды въ настоящее время сохранилось далеко не вездѣ», но «въ сѣверо-восточномъ углу Елабужскаго уѣзда, въ глухой Ильинской волости, указываютъ одну деревню, вблизи которой *Булда сидѣлъ на деревѣ*» (курсивъ вездѣ автора). Даже этой одной черты достаточно для того, чтобы вывести заключеніе, что вотскій Булда — индійскій *Будда*» (стр. 46). Такая рѣшительность о. Блинова смутить, навѣрное, не одного читателя, пока мы не вспомнимъ, что Будда, кроткій царевичъ Сиддхарты, любилъ сидѣть *подъ* деревьями. Воплѣтъ понятно, что, преобразившись изъ кроткаго Сиддхарты въ «страшнаго бога» Будду, Будда могъ взлѣзть и *на* дерево.

Во всякомъ случаѣ это гораздо легче представить себѣ, чѣмъ понять удивительныя филологическія открытія о. Блинова, который утверждаетъ дальше, что Булда образовался изъ Будды чрезвычайно просто. «При слвоеніи согласныхъ *д* и *т* въ вотскомъ языкѣ, одна изъ нихъ переходитъ въ *л*: аттай — алтай, будда — булда или будла, и др.» (стр. 41, прим). Легкость и простота такого словообразованія не уступаетъ теоріи Вельтмана, по которой любая гласная переходитъ въ любую гласную, любая согласная въ любую согласную. Этимъ упрощеннымъ способомъ Вельтманъ выводилъ происхожденіе русскихъ отъ гунновъ (гунны = гунъ = гусь = русь).

Но чрезвычайная простота открытой о. Блиновымъ родственной связи между Булдой и Буддой бѣлѣветъ предъ дальнѣйшими откровеніями нашего «ученаго», «почетнаго» и «дѣйствительнаго» члена всякихъ обществъ. Въ подтвержденіе своего открытія, что вотяки — буддисты, онъ приводитъ слѣдующее глубокое соображеніе.

«Народная жизнь вотскаго племени, въ идеалѣ, есть проявленіе тѣхъ духовныхъ силъ, о которыхъ выражено въ формулѣ буддійскаго догмата о трйственности: «Будда, законъ и община». Эти завѣты, усвоенные по мѣрѣ возможности культурнаго развитія, неизмѣнно сохраняются въ вотскомъ племени второе тысячелѣтіе. *Будда*. Возможно ли выше чувствовать Будду, если фанатики не останавливаются при умилостивленіи бога даже предъ человѣческой жертвой? *Законъ*. Усвоенныя вѣрованія и религіозныя воззрѣнія на боговъ, природу и свою жизнь сохраняются вотяками неизмѣнно, неподвижно; съ нелицемѣрнымъ, рѣшительнымъ принятіемъ «русской» христіанской вѣры вотякъ «сжигаетъ» символъ буддизма — «мудоръ», а не допускаетъ компромиссовъ, какъ того добиваются съ миссіонерскими цѣлями. *Община*. «Вотякъ весь въ семьѣ и общинѣ и почти не имѣетъ личной инициативы. Попалъ вотякъ въ бѣду, *вся* деревня за него ходатайствуетъ и, гдѣ нужно, не жалѣетъ денегъ. (Одна) мыслью, въ одну рѣчь — вотъ идеалъ вотскихъ общественныхъ рѣшеній. Но за тѣсныя предѣлы рода или, въ крайнемъ случаѣ, своего племени, альтруизмъ вотяковъ не простирается». Такъ характеризуетъ общинныя отношенія

вотяковъ проф. Смирновъ. Высшій идеалъ буддизма—въ самоотреченіи, въ самопожертвованіи и терпѣніи. Терпѣніе вотяковъ, можно сказать, идеальное. Они уже въ историческое время «вытерпѣли» гнетъ черемисъ, татаръ и въ прежнее время русскихъ. Презрѣніе вотяка къ удобствамъ жизни, къ пищѣ и обстановкѣ, къ болѣзнямъ острымъ и хроническимъ тоже можно признать за крайнее самоотреченіе» (стр. 53—54).

Въ этомъ коротенькомъ разсужденіи о. Блиновъ ухитрился вмѣстѣ столько же забавнѣйшихъ ошибокъ, сколько и грубаго прямого невѣжества. Среди нѣсколькихъ сотъ милліоновъ буддистовъ, различнѣйшихъ по національности и культурѣ,—индусовъ, китайцевъ, монголовъ, бурятовъ, калмыковъ,—нѣтъ и намека на человѣческія жертвоприношенія. За тысячелѣтія существованія этого культа никому изъ его послѣдователей и въ въ голову не приходило, что высшее почитаніе Будды состоитъ въ принесеніи человѣческой жертвы тому, кто многократно повторяетъ и кладетъ въ основу своей вѣры положеніе, что «высшая жертва—когда не лишаютъ жизни ни одно живое существо» (Ольденбергъ, на котораго имѣетъ дерзость ссылаться, между прочимъ, и о. Блиновъ). «Познай самого себя во всякомъ живомъ существѣ, и не убивай и не причиняй смерти. Все живое отвращается отъ страданія, все живое дорожитъ жизнью; пойми же самого себя во всякомъ живомъ существѣ,—не убивай и не причиняй смерти» (стихъ 130 и 131, «Путь къ истинѣ», изрѣченія буддійской мудрости)*). Поэтому, одно изъ двухъ—или вотяки буддисты, и тогда они *не могутъ* приносить человѣческихъ жертвъ, что кореннымъ образомъ противорѣчило бы ихъ культу,—или же, если они, какъ утверждаетъ о. Блиновъ, приносятъ такіа жертвы, то они никоимъ образомъ *не могутъ быть* буддистами. Совмѣстить человѣческія жертвоприношенія съ буддизмомъ можетъ только «ученость» о. Блинова, для котораго также легко сочинять законы филологіи, какъ и превратить кроткаго Будду въ «страшнаго бога» Булду.

Еще болѣе забавна ошибка его относительно буддійской *общины*, которая есть ни что иное, какъ община *монаховъ*, живущихъ въ одной діоцессіи (тотъ же Ольденбергъ), а вовсе не *земледѣльческая* община, какъ у вотяковъ. Мало того, въ буддійской монашеской общинѣ *строго воспрещается* заниматься земледѣліемъ и скотоводствомъ, какъ занятіями, отвлекающими монаховъ отъ истиннаго ихъ призванія. Буддійскіе монастыри можно встрѣтить вездѣ, гдѣ существуетъ буддійскій культъ, но сельская община, съ ея семейными и общественными распорядками, огромному большинству буддистовъ совершенно неизвѣстна. Тамъ же, гдѣ она существуетъ, напр., у многихъ индусскихъ племенъ, она ничего общаго не имѣетъ съ буддизмомъ, возникнувъ за долго до него. Смѣшать монашескую общину съ земледѣльческой можетъ только «ученая» фантазія такого глубокомысленнаго «дѣйствительнаго и почетнаго члена» разныхъ обществъ, какъ нашъ авторъ.

Тотъ же самый сдѣлалъ онъ и съ понятіемъ буддійскаго «закона», который есть строго и точно сформулированная система догматическихъ положеній, описанныхъ на откровеніи. Подмѣнить эту замѣчательно тонко разработанную религіозную систему смутнымъ, расплывчатымъ культомъ вотяковъ,—можетъ или грубѣйшее невѣжество, или намѣренное желаніе ввести читателей въ заблужденіе. Последнее мы безусловно отрицаемъ. О. Блиновъ далъ слишкомъ много доказательствъ своей «учености», чтобы еще заподозрить его въ неискренности.

Доказавъ, что вотяки—буддисты, авторъ переходитъ къ изслѣдованію вопроса о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ. Въ началѣ брошюры онъ ставитъ тезисъ: «судившіеся три раза мултанскіе жители не виновны въ убійствѣ ни-

*) Переводъ съ предисловіемъ Н. Герасимова. 1898 г. Москва.

ащаго, но *вообще* человѣческія жертвоприношенія въ исключительныхъ случаяхъ *возможны* у вотяковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ» (стр. 6—7, курсивъ автора). Правда, продолжаетъ онъ, доказать это очень трудно и ссылается на слова другого мѣстнаго изслѣдователя о. Верещагина, что «жрецы тайну видѣнія божества и галлюцинацій, равно и порядокъ жертвоприношеній въ скрытыхъ мѣстахъ охраняютъ зорко. И своимъ единомышленникамъ, неособенно приверженнымъ къ обычаямъ предковъ, сообщать кое-что считалось какъ бы преступленіемъ, влекущимъ за собою жару божества» (стр. 9—10). Но, утѣшаетъ насъ авторъ на страницѣ 49. «если повнимательнѣе разспросить мѣстныхъ жителей, то навѣрное окажется гдѣ-либо поблизости селенія подходящая для собраній гора, лѣсокъ, вообще «веселое мѣсто»,—гдѣ и «моленія живыхъ существъ могутъ случиться». Конечно, оговаривается далѣе на стр. 81 нашъ осторожный изслѣдователь, «если жертвоприношеніе совершено, то ни о немъ, ни объ участвующихъ въ немъ лицахъ никто изъ вотяковъ, хотя бы между ними были противники всѣхъ языческихъ жертвъ, *не согласится* не только свидѣтельствовать предъ начальствомъ, а даже не выскажется въ *частномъ разговорѣ* съ постороннимъ лицомъ». «Только наивные люди,—добавляетъ онъ на стр. 82,—или желающіе показаться таковыми, могутъ разсуждать, что если ужъ приносить въ жертву человѣка, то вотяки должны сдѣлать это, какъ въ дикѣхъ, всенародно». Отмѣтивъ такъ настойчиво и рѣшительно трудность не то что видѣть жертвоприношеніе, но даже услышать разсказъ о немъ, о. Блиновъ на той же 82-й страницѣ расписываетъ подробнѣйшимъ образомъ ритуальное человѣческаго жертвоприношенія.

Хотя «о самомъ ритуалѣ человѣческихъ жертвоприношеній, само собой, имѣются неполныя свѣдѣнія», и «присутствующія на нихъ лица ничего о немъ не будутъ разсказывать, а постороннихъ русскихъ, конечно, не бываетъ»,—тѣмъ не менѣе онъ, о. Блиновъ, членъ всякихъ ученыхъ обществъ, свидѣтельствуетъ слѣдующее: «Участники задуманнаго моленія избранную жертву, напоивъ кумышкой, тщательно обмываютъ, окутываютъ, вмѣсто бѣлья, съ ногъ до головы чистымъ холстомъ, выводятъ на дворъ, или въ какое либо холодное зданіе, или уносятъ въ подполье (это,—замѣтимъ отъ себя,—и есть, должно быть, «веселое мѣсто», о которомъ о. Блиновъ говорилъ раньше, не безъ коварства совѣтуя поискать его около селенія Мултанъ). Тамъ сначала привязываютъ обреченнаго къ столбу. Жрецъ молится и парачаськисъ вонзаетъ въ пахъ жертвы узкій, какъ шило, ножъ. Бодзимъ-восясь подставляетъ чашеу для вытекающей крови. Когда кровоточеніе остановится, жертву, уже безъ сознанія, отвязываютъ отъ столба и кладутъ на вѣтки ели (замѣйте—ели, а не березы; эти подробности прямо восхитительны); подъ шею и плечи подставляютъ корыта. Это дѣлается въ тѣхъ случаяхъ, когда шея перерѣзывается на-прочь и въ тоже время отрубается правая рука. Чтобы не вызвать подозрѣнія частымъ (!?) появленіемъ безголовыхъ труповъ, или по другимъ причинамъ, ограничиваются «отнятіемъ одной правой руки у плеча, при чемъ повреждаются и ребра, такъ какъ въ образующееся отверстіе вынимается сердце. Далѣе трупъ вывозится на землю сосѣдней деревни» (стр. 82).

Можно ли требовать болѣе точнаго описанія, какое могъ дать только очевидецъ? Гдѣ же и когда видѣлъ этотъ обрядъ о. Блиновъ или, по крайней мѣрѣ, когда и отъ кого онъ о немъ слышалъ? Самъ же онъ усиленно внушалъ намъ, что русскихъ при этомъ не бываетъ, а вотяки ничего не разсказываютъ. «Научный» методъ изслѣдованія о. Блинова напоминаетъ «историческій» разсказъ, приведенный Костомаровымъ, о гибели Сусанина, гдѣ подробно изложена рѣчь Сусанина и отвѣты поляковъ, при чемъ добавляется, что всѣ поляки погибли въ лѣсу: или еще «историческую» записку о смерти патріарха Гермогена, въ которой приведена предсмертная рѣчь патріарха, умершаго въ одиночномъ

заключеніи, безъ очевидцевъ. Такова же достовѣрность и ритуала, сочиненнаго о. Блиновымъ.

Впрочемъ, беремъ свое слово назадъ: его описаніе не *сочинено* имъ, а просто *позаимствовано* изъ обвинительнаго акта по дѣлу о мултанскомъ жертвоприношеніи. Очевидно, фантазія его источилась подъ конецъ. Создавъ оригинальную филологическую теорію, сдѣлавъ рядъ открытій въ буддизмѣ, о. Блиновъ счелъ себя въ правѣ прибѣгнуть и къ чужой помощи. Обвинительный актъ по мултанскому дѣлу нисколько не хуже тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ о. Блиновъ черпаетъ «факты», приводимые имъ затѣмъ въ доказательство дѣйствительности человѣческихъ жертвъ. Оказывается, по его объясненіямъ, — всѣ люди, безъ вѣсти пропавшіе, всѣ трупы, гдѣ-либо найденные въ обширныхъ лѣсахъ вятской губерніи, всѣ случаи смерти, недостаточно объяснимой, — все это жертвы, принесенныя «страшному богу» Буддѣ его усердными поклонниками буддистами.

Самъ профессоръ И. Смирновъ, обнаружившій въ дѣлѣ мултанцевъ рѣдкую ученую проникательность, можетъ позавидовать о. Блинову, его остроумію, гибкомыслію и обширности познаній. О. Блиновъ превзошелъ размахомъ своей ученой фантазіи, даже того корреспондента, который десять лѣтъ тому назадъ настрочилъ въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» корреспонденцію о томъ, какъ вотяки хотѣли принести въ жертву священника Ба—го. Въ корреспонденціи подробно описывалось, какъ бѣднаго о. Ба—го привязали къ доскѣ, какъ ужасный «Бодзимъ-восясъ» готовился уже воткнуть ему въ «пахъ» ножъ, «тонкій, какъ шило», и какъ его спасъ храбрый урядникъ, ворвавшійся на крикъ жертвы въ подполье и выстрѣлами изъ револьвера разогнавшій толпу. Корреспонденція эта въ свое время надѣлала страшнаго шума, изъ разныхъ ученыхъ и неученыхъ обществъ полетѣли запросы въ газету, и по справкамъ секретаря Казанскаго этнографическаго общества оказалось, что о. Ба—ій, по свидѣтельству мѣстнаго земскаго врача, страдая въ это время горячкой, нытался въ припадкѣ остраго возбужденія выброситься въ окно, отъ чего былъ удержанъ во время окружающихъ.

Должно быть, лавры этого корреспондента не давали спать г. Блинову и «побудили къ перу его руки». Иначе трудно понять, какую цѣль преслѣдовалъ человѣкъ, имѣвшій смѣлость выступить съ такой ахинеей публично. Еще труднѣе понять, какъ могъ ученый сѣзды, выслушавъ ее, испытать «глубокое и тяжелое впечатлѣніе». Мы можемъ допустить, что г. Блиновъ, заплативъ три рубля, могъ воспользоваться своимъ правомъ и, взобравшись на кафедру, «булдохнуть» любую нелѣпость. Но, чтобы послѣдняя произвела глубокое, а не смѣхотворное впечатлѣніе, надо совсѣмъ особое настроеніе.

Не въ этомъ ли настроеніи слѣдуетъ искать разгадки подобныхъ «ученыхъ» трудовъ по мултанскому дѣлу? Это «темное», какъ его называютъ «Новое Время», дѣло разбудило *темные* инстинкты толпы, давъ пищу всякимъ суевѣрнымъ слухамъ и толкамъ. По отношенію къ вотякамъ оно сыграло такую же роль, какъ извѣстное обвиненіе еврейскаго культа въ употребленіе христіанской крови, до сихъ поръ бросаемое въ евреевъ разными «учеными» опредѣленнаго лагеря. И пока не исчезнетъ это настроеніе нетерпимости и враждебности къ чуждымъ національностямъ и культамъ, до тѣхъ поръ разные гг. Блиновы будутъ имѣть успѣхъ не только на страницахъ «Новаго Времени», посвятившаго этой брошюрѣ хвалебную статью (см. приложеніе къ № 8143, отъ 23 окт.), но даже на ученыхъ сѣздахъ.

Лишившись г. Волинскаго, декадентская поэзія приобрѣла новаго собственнаго критика, каковымъ выступаетъ нынѣ г. Минскій. Нѣкогда поэтъ, согласно подбѣгавшій Надсону, даже подчасъ хватая, что называется, черезъ край, — теперь

г. Минскій съ ревностью только что обращеннаго неофита низвергаетъ прежнихъ боговъ и восторженно воспѣваетъ хвалу новому направленію въ поэзіи. Въ фельетонѣ «Новостей», гдѣ г. Минскій занялъ амплуа присяжнаго критика, онъ легкой рысцой и не безъ игривости дѣлаетъ наѣзды на области старой поэзіи, которую громить во славу новой красоты. Ополчившись на г. Гриневича, непочтительно признавашаго всю «молодую» поэзію соромъ, г. Минскій выступилъ на ея защиту, высказавъ нѣсколько достойныхъ вниманія замѣчаній какъ о поэзіи прошлаго, такъ и о современной.

Главную разницу между ними онъ видитъ въ слѣдующемъ. Мнѣніе г. Минскаго приводимъ дословно, чтобы читатели могли сами судить, до чего можетъ договориться человѣкъ «въ здоровомъ умѣ и полной памяти», разъ имъ утрачено чутье правды и столь необходимое для писателя чувство мѣры.

Возражая г. Гриневичу, называющему всѣхъ молодыхъ поэтовъ новаго направленія «декадентами», г. Минскій говоритъ:

«Между современной русскою поэзіей и декадентствомъ нѣтъ ни одной точки соприкосновенія, и только глупость и недобросовѣстность могли смѣшать эти два литературныхъ явленія. Въ подтвержденіе своихъ словъ я могъ бы сослаться хотя бы на г. Гриневича, который, желая охарактеризировать нашихъ «символистовъ», приводитъ, прежде всего, ихъ философскіе взгляды на жизнь, а философія и декадентство, какъ я уже сказалъ, — два міра, исключаютъ другъ друга. Г. Гриневичъ правъ, указывая на общность философскихъ настроеній у всѣхъ нашихъ современныхъ поэтовъ, но онъ непростительно ошибается, называя эти настроенія невѣріемъ, скептицизмомъ, отрицаніемъ идеаловъ. Никогда еще литературное движеніе не было у насъ такъ далеко отъ скептицизма, какъ современная поэзія. Ея настроенія діаметрально противоположны смятенной тоскѣ, громкой мировой скорби, духу гнѣва и печали, словомъ всему тому, что принято называть байронизмомъ, и что, по традиціи Пушкина и Лермонтова, до сихъ поръ омрачало русскую поэзію, горько на ней, какъ чумное пятно (курсивъ вездѣ нашъ). Наконецъ-то, въ поэзіи настало затишье и вѣра въ право человѣка на жизнь и счастье. Правда, современная поэзія чуждается публицистики и политики, но изъ этого не слѣдуетъ, что она безразлично относится къ вопросу о человѣческомъ благѣ. И мнѣ кажется, что даже съ точки зрѣнія утилитарной эта поэзія должна быть привѣтствуема, какъ явленіе отрадное и давно желанное. Въ дѣтствѣ мы всѣ заучивали въ школѣ, что «жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманіемъ вокругъ, такая пустая и глупая штука». И кто знаетъ, сколько силы воли, сколько способности къ счастью убили въ насъ эти ядовитые и невѣрные стихи! Въ современной русской поэзіи этотъ байроновскій ядъ, наконецъ, нейтрализованъ. Прочтите прозу и стихи г. Мережковского, и вы увидите, что поэтъ влечетъ къ ренессансу не внѣшняя форма культуры, а священное веселье, которымъ дышитъ эта эпоха. Отсюда же тяготѣніе г. Мережковского къ философіи Ницше, самой жизнерадостной и устойчивой изъ всѣхъ, до нынѣ созданныхъ философскихъ системъ. Другой поэтъ, г. Бальмонтъ, переводитъ Шелли, величайшаго оптимиста нашего вѣка, и ему же подражаетъ. Та же бодрость, та же увѣренность въ своемъ правѣ на жизнь звучатъ въ стихахъ всѣхъ другихъ нашихъ поэтовъ, воплощаясь у одного въ стремленіе къ красотѣ, у другого — въ любовь къ невидимому богу. Оптимизмъ этотъ не дѣтски-наивная вѣра въ то, что погибнетъ Вааль и откуда-то вернется любовь. Это спокойная увѣренность души, пережившей и страданіе, и отрицаніе, но не разбитой, а закаленной ими и потому неуязвимой. *Благодаря современной русской поэзіи, мы, наконецъ, получили право глядѣть безъ печали на наше поколѣніе въ утренности, что его грядущее не темно и не ничтожно*». («Новости», № 305, отъ 5-го ноября).

Не знаемъ, отдавалъ ли себѣ отчетъ г. Минскій въ томъ, что пишетъ,

когда рѣшился провозгласить байронизмъ Пушкина и Лермонтова «чумнымъ пятномъ» на русской поэзіи, но думаемъ, что въ числѣ величайшихъ негѣпостей, какими ознаменовало себя новое направленіе въ русской критикѣ и поэзіи, это «чумное пятно» займетъ перворазрядное мѣсто. Предъ нимъ блѣднѣетъ даже знаменитая «мозговая линія» г. Волынскаго, которая долго фигурировала въ качествѣ послѣдняго слова новой критики. Г. Минскій побилъ рекордъ и можетъ по праву гордиться, что сильнѣе его никто не «лягнулъ» Пушкина и Лермонтова,—«пускай мое копыто знаютъ». И время выбрано имъ крайне удачно, чтобы быть возможно замѣтнѣе. Именно теперь, когда вся русская литература въ содрогѣ готовится праздновать столѣтнюю годовщину рожденія своего творца,—«чумное пятно» г. Минскаго выдѣляется яркимъ «символомъ» новой критики и новой русской поэзіи. И если никѣмъ непревзойденная негѣпость дастъ право провозгласившему ее на память потомства, то, мы увѣрены, имя г. Минскаго «пройдетъ вѣковъ завистливую даль», украшенное этимъ «чумнымъ пятномъ», какъ эмблемой диваго, безудержнаго пустословія и цолнаго безсилія и ничтожества мелкой души, неспособной ни понять величія, ни почувствовать красоты.

Новая русская поэзія облагодѣтельствовала насъ жизнерадостностью, бодростью и веселіемъ, по увѣренію новаго ея истолкователя. Очень кстати появился теперь новый сборникъ г. Бальмонта, чтобы поддержать это положеніе. Обратимся, поэтому, лучше къ источнику и изопьемъ этого рѣдкаго и драгоценнаго напитка.

Не будемъ останавливаться на претенціозномъ и ничего не говорящемъ уму и сердцу заглавіи «Тишина». Оно также подходит къ сборнику, какъ и всякое другое, напр., «Шумиха», или «Въ безбрежности», заглавіе предшествующаго сборника того же автора. Жизнерадостнаго или бодрнаго въ немъ пока не видно, какъ и въ подзаголовкахъ: «Мертвые корабли», «Воздушно-бѣлые», «Божмары», «Въ царствѣ льдовъ», какъ озаглавлены разные отдѣлы сборника—для профана непонятно и таинственно. Раскроемъ лучше сборникъ и уьемся изъ него радость бытія, что общается намъ г. Минскій.

На первой страницѣ—«Возрожденіе»:

За дальней Мексикой, въ предѣлахъ Аризоны,
Межъ рудниковъ нашли окаменѣлый лѣсъ,
Въ потухшемъ кратерѣ, гдѣ скалы и уклоны
Безмолвно говорятъ о дняхъ былыхъ чудесъ.
Предъ взоромъ пристальнымъ испала мгла завѣсь,
И вотъ горитъ агаты, сафиры, халцедоны,
Въ тропическихъ лѣсахъ цвѣтущей Аризоны
Сквозь тьму временъ возсталъ давно отжившій лѣсъ.
Онъ былъ засыпанъ здѣсь могучимъ слоемъ пыли,
Стихійной вспышкой отторгнуть отъ земли
Съ ея совѣздами, горящими вдали.
Но канули вѣка, и кратеры остыли,
Скитальцы блѣдные владыками пришли,
И новымъ сномъ заглясь обломки давней были.

Все. Что долженъ означать этотъ сонетъ? Какой скрытый смыслъ въ этомъ лѣсѣ, куда поэтъ посылаетъ насъ въ кратеръ, какіе «новые сны» загляли «обломки давней были»,—на эти вопросы, можетъ быть, и дастъ отвѣтъ г. Минскій, общающій «дать характеристики всѣхъ представителей этой поэзіи». Намъ же это не по силамъ, въ чемъ и сознаемся безъ всякой ложной скромности.

Но если это стихотвореніе только темно и вяло, то что же мы должны сказать относительно удивительнаго *credo*, которое г. Бальмонтъ высказалъ въ слѣдующемъ стихоизложеніи:

Кому я молюсь? Холодному вѣтру.
Кому я молюсь? Равнинѣ морской.

Я братъ не людямъ, а бурѣ и вѣтру,
Я братъ холодной равнины морской.

Куда иду я? Къ горнымъ вершинамъ.
Куда иду я? Къ пустынямъ глухимъ.
Я братъ холодному горному вѣтру,
Живу одиноко и растаю какъ дымъ.

Чего хочу я? Тѣни послѣдней.
Чего хочу я? Смерти одной.
Я духъ бестрастный, духъ безпріютный,
Хочу я дремоты, дремоты ночной.

Если это не бессмысленный наборъ словъ, то что же тогда называется вздоромъ? И чѣмъ этотъ вздоръ лучше ахинеи гг. Брюсовыхъ, Емельяновъ-Коханскихъ и Добролюбовыхъ, которыхъ г. Минскій презрительно называетъ «дѣтскими подражателями декадентства»? Г. Минскій въ томъ же фельетонѣ даетъ такую характеристику декадентской поэзіи: «Въ декадентской поэзіи внѣшнимъ звуковымъ эффектамъ слова дается предпочтеніе предъ его внутреннимъ смысломъ; такая поэзія предполагаетъ читателя съ утонченными нервами и съ атрофированнымъ мозгомъ». Приведенное стихотвореніе г. Бальмонта словно по этому рецепту состряпано: внѣшніе эффекты слова и ни капли внутренняго смысла. Не обладая ни «мозговой линіей» г. Волинскаго, ни «атрофированнымъ мозгомъ» цѣнителя декадентскихъ стиховъ, нельзя понять, почему г. Минскій не считаетъ автора такихъ кунштюковъ декадентомъ, а, напротивъ, видитъ въ немъ одну изъ надеждъ и основъ современности, привѣтствуетъ въ немъ возрожденіе жизни и проч.

Въ числѣ другихъ подобнаго же рода и качества стиховъ, есть и отрывки поэмы «Донъ-Жуанъ». Личность всѣмъ знакомая. Любопытно посмотрѣть на Донъ-Жуана конца вѣка. Здѣсь то ужъ мы навѣрное найдемъ «бодрое, жизне-радостное, оптимистическое» настроеніе новой поэзіи. Поэтъ кипитъ, волнуется, вѣщаетъ о побѣдахъ и такъ ихъ расписываетъ:

...Я вижу за туманомъ
Усадьбу, садъ, нарядный балный залъ,
Гдѣ тѣмъ же сладко-чувственнымъ обманомъ
Я взоры русскихъ женщинъ зажигаю.
На востъ любви къ красавицѣ-княгинѣ
Вошелъ я тихо-тихо, точно воръ.
Она ждала. И ждетъ меня донинѣ...

Читатели въ недоумѣніи, какъ странно ведетъ себя новый Донъ-Жуанъ... Еще болѣе удивляетъ его дальнѣйшее поведеніе.

Промчались дни желанья свѣтлой славы,
Желанья быть среди полубоговъ.
Я полюбилъ жестокия забавы,
Полеты акробатовъ, бой быковъ,
Звѣринцы, гдѣ свиваются удавы...

Подумать только какіе ужасы: акробаты, бой быковъ, звѣринцы!.. Въ циркъ что-ли сталъ ходить Донъ-Жуанъ? Но что же тутъ особеннаго? Въ звѣринцы и цирки ходятъ даже дѣти. Вотъ дальнѣйшія его похождения, пожалуй, ярче характеризуютъ новаго Донъ-Жуана:

И дѣвственность, введенную въ альковъ,
На путь неопикуемыхъ видѣній,
Блаженно извращенныхъ наслажденій.
Я полюбилъ плѣняющій развратъ
Съ его неутоляющей усладой,
Съ его пренебреженьемъ всѣхъ преградъ,
Съ его—ему лишь свойственной—отрадой.

Эта гаденъкая черточка гнусно-подаенъкаго старческаго сластолюбья—тоже отличительная черта декадентскихъ стихотвореній, столь презираемыхъ г. Минскимъ. А въ сборникѣ г. Бальмонта она нѣтъ-нѣтъ и проглянетъ. Таковъ «жизнерадостный» и «бодрый Донъ-Жуанъ» новой поэзіи, котораго г. Минскій предпочитаетъ старому герою Байрона.

Если исключить нѣсколько,—по нашему мнѣнію, не больше пяти *),—стихотвореній, въ которыхъ и г. Бальмонтъ не ломается, не говоритъ безсмыслицъ, а болѣе или менѣе удачно передаетъ свое настроеніе,—все остальное представляетъ сплошь такой же сумбуръ словъ, какъ и приведенные образчики. Ни радости, ни печали, ни оптимизма, ни пессимизма въ «поэзіи» г. Бальмонта и слѣда нѣтъ. Есть одно кривлянье, пустая игра словами, приемами и неестественно-манерными созвучьями.

Это третій уже самостоятельный сборникъ г. Бальмонта, и приходится отмѣтить, что авторъ быстро катится подъ гору, въ лужу декадентства. Первый сборникъ «Подъ сѣвернымъ небомъ» былъ проще, искреннѣе и гораздо изящнѣе по формѣ стихотвореній. Во второмъ уже ясно проявилась склонность г. Бальмонта наборомъ звучныхъ словъ прикрыть душевную пустоту, которая въ третьемъ выступила вполнѣ наружу. Искра таланта тонетъ здѣсь въ морѣ бессмысленныхъ эпитетовъ, вымученныхъ образовъ и истерическихъ криковъ, образчикомъ которыхъ можетъ служить «Кому я молюсь».

И г. Минскій увѣряетъ насъ, что такая то «поэзія» является украшеніемъ русской литературы, цѣлбнымъ средствомъ противъ «чумнаго пятна» байронизма Пушкина и Лермонтова! Если это такъ, мы не желаемъ ей такого «исцѣленія». За одинъ лермонтовскій «желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью» мы охотно отдали бы всю новую поэзію съ г. Минскимъ на придачу, потому что такой «выстраданный стихъ, провозительно-унылый», ударивъ «по сердцамъ съ невѣдомою силою», высѣкаетъ изъ нихъ искры гнѣва, боли, страданья, возбуждаетъ новыя силы и новую энергію для борьбы за жизнь, за счастье, за свѣтъ и свободу, что и составляетъ сущность поэзіи, ея безпредѣльную силу и вдохновляющую людей мощь слова.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Изъ голодныхъ мѣстъ. Газеты полны самыми неутѣшительными вѣстями изъ голодающихъ губ. Г-жа Сѣрова (въ «Спб. Вѣдом.») описываетъ печальное положеніе села Судосева Симбирской губ., гдѣ ей пришлось быть свидѣтельницей второй голодовки — въ 1891 г. и 1898 г. Сравнивая эти два года, г-жа Сѣрова замѣчаетъ, что теперешняя голодовка переживается труднѣе, чѣмъ 8 лѣтъ тому назадъ и вотъ по какимъ причинамъ: «Не забудемъ», говоритъ она, «всѣ эти восемь лѣтъ со всѣхъ сторонъ были приняты энергическія мѣры, чтобы просвѣтить и нравственно поднять мужика; какъ разъ въ этой полостѣ Россіи губернскія и уѣздныя попечительства о народной трезвости открывали чайныя, бібліотеки, читальни, театры; съ каждымъ годомъ разрастались пункты, гдѣ показывались фонари съ чтеніемъ, пѣніемъ и проч.

*) «Въ Оксфордѣ», «Вечеръ», «Ручей», «Сфинксъ» и «На вершинѣ».

«Открылись двухклассныя школы, гдѣ юношество продолжало свое ученіе по окончаніи земской, мѣстами открылись повторительные курсы, учреждались низшія земледѣльческія заведенія—да неужели все это вмѣстѣ не подвинуло крестьянства впередъ? Развѣ деревенское молодое поколѣніе похоже на своихъ предшественниковъ? Бѣто близко стоитъ къ крестьянству, замѣчаетъ въ немъ не только прогрессъ: но видно, что совсѣмъ другія стремленія заговорили въ немъ. Пробудилось *сознаніе*, пробудилось желаніе выйти изъ положенія дикаго невѣжества. А какъ обставлено крестьянское новое поколѣніе съ матеріальной стороны въ неурожайныхъ мѣстностяхъ средней полосы Россіи? Въ 1891 и частью въ 1892 году шла усиленная борьба съ недородомъ, съ болѣзнями, съ холерными эпидеміями. Начиная съ 1893 г. всѣ мужицкія силы уходили на покрытіе долга за подати, не взимавшіяся въ предшествующіе года. Долги эти доходили мѣстами до почтенныхъ цифръ (въ одномъ Судосевѣ накопилось недоимки 15.000 руб., еще теперь онѣ не всѣ покрыты, а вотъ уже набѣгаютъ новыя).

«Три года народъ выбивался изъ силъ, пользовался всѣми возможными заработками, чему особенно способствовали постройки желѣзныхъ дорогъ; случайно выпали урожайные годы, скотина вздорожала, хлѣбъ подешевѣлъ и мужикъ вздохнуть полегче.

«Крестьянство растетъ и потребности его растутъ. Молодая мать уже не хочетъ употреблять прокислый рожокъ для новорожденного младенца, стремится купить резиновый, потому что она читала книжку «Совѣты молодымъ матерямъ»; парень, вышедшій изъ двухкласснаго училища, мечтаетъ соорудить себѣ одѣяло, ибо тамъ читали популярную гигиену и онъ вынесъ убѣжденіе, что вредно накрываться и зиму и лѣто все тѣмъ же тулупомъ. Иному хочется приобрѣсти книжку: «въ складѣ все хорошія книжки и дешево продаются!» А прошедши земледѣльческую школу, иной видитъ во снѣ дешевый плугъ, посѣвы клевера... Вотъ и понятно, почему недородъ 1898 года болѣе удручаетъ, чѣмъ бѣдствія 1891 г. Теперь и помысловъ не можетъ быть ни о покупкѣ книжки, ни о стеганомъ одѣялѣ, такъ какъ крестьянская семья должна выработать въ годъ податей 5—6 р. на душу; за аренду земли мужикъ платитъ 7—12 рублей за десятину; не арендовать онъ не можетъ, потому что своей земли не хватаетъ, чтобы прокормиться непокупнымъ хлѣбомъ (у насъ дарственный надѣлъ по десятинѣ на душу); нужна одежда, ремонтъ избы, топливо, соль, деготь—все на деньги покупается. Наши крестьяне уходятъ на заработки въ степь, въ Самарскую губ., и всѣ, по установившейся традиціи, въ с. Семениху (Николаевскаго уѣзда), или въ Астрахань на рыболовство. При урожаѣ изъ Самарской губ. судосевцы приносятъ 70—100 руб., на рыболовствѣ высшій заработокъ—15 руб. за три мѣсяца усиленнаго труда; а уходятъ крестьяне въ Астрахань въ половодье безъ гроша денегъ».

Г-жа Сѣрова предприняла обходъ судосевскихъ избъ и получила слѣдующія свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи этой деревни: «въ Судосевѣ—565 домохозяевъ, считая въ томъ числѣ обитательницъ келій и квартирантовъ коношенъ и бань, въ которыхъ часто поселяется деревенская голытьба. Если отбросить 65 человекъ одиночекъ и если на каждый изъ оставшихся 500 дворовъ класть, какъ это принято, среднимъ числомъ семью въ 6 человекъ, то смѣло можно считать въ селѣ Судосевѣ около 3.000 обывателей. Чтобы прокормить семью до сбора новаго хлѣба, надо, по меньшей мѣрѣ, имѣть 40 пудовъ въ запасъ; мы же нашли всего 104 дома, располагающихъ свободно этимъ количествомъ зерна; есть между ними даже богачи, у которыхъ еще уцѣлѣли прошлагодня одонья.

«Покупающихъ хлѣбъ или бѣдноты, вынужденной нищенствовать ради поддержки своего существованія, мы нашли 228 домовъ. Остальные 233 дома

кое-какъ перебиваются и съ грѣхомъ пополамъ прокормятся до Рождества, но послѣ этого срока окажутся въ положеніи безхлѣбныхъ. Скотины теперь еще много въ Судосевѣ: интересно будетъ провѣрить, сколько ея останется до весны. Мы нашли 575 лошадей (безлошадныхъ 168 дворовъ), коровъ—482, овецъ—1.331 и свиней—336 штукъ. Сохранись вся скотина—народъ нашъ былъ бы спасенъ, но сейчасъ у него нѣтъ абсолютно нисколько корму: цѣны на коровъ пали до 5 рублей, а непервосортная лошадь уже теперь при продажѣ оцѣнивается стоимостью одной шкуры. Весной еще новое горе—навозу не хватить для полей! Впрочемъ, особенно зловѣщаго пока въ деревнѣ ничего не разразилось: не слышно ни объ эпидеміяхъ, ни о падежѣ скота, но если не подойдетъ своевременно помощь, то, пожалуй, повторится исторія 1892 года.

«Хлѣбъ еще пока не дорогъ (80 коп. за пудъ, въ 1891 году онъ доходилъ до 1 р. 60 коп.), но вѣдь и нужда не такъ еще велика, а къ Рождеству все можетъ переѣвиться къ худшему. Повидимому, вездѣ приняты мѣры, чтобы не повторилось печальное прошлое, но трудно безъ надежныхъ проводниковъ быстро распространять въ глуши эти предохранительныя мѣры. Въ 1891 году функционировало сельское попечительство, понаѣхало въ деревню много свѣжаго, бодрого люда съ нервами, еще не притупленными лицедрвіемъ вѣчнаго бѣдствія: живо была оказана помощь, и народъ пережилъ грозу.

«И еще одно бѣдствіе у насъ: дрова вдвое вздорожали: въ прежніе годы сажень стояла 3 руб., а нынче и за 5 не найдешь. Въ 1891 и 1892 годахъ дозволялось вывозить сушникъ изъ удѣльныхъ лѣсовъ; теперь дожили до зимы, а разрѣшеніе на пользованіе имъ еще не получено».

Такъ обстоятъ дѣла въ Корсунскомъ уѣздѣ Симбирской губ. Изъ Самарской губерніи, пишетъ въ журналѣ «Петербургъ» землевладелецъ и извѣстный общественный дѣятель Н. А. Шишковъ.

«Пока въ нашемъ краѣ еще очень мало признаковъ надвигающейся бѣды; крестьяне добываютъ остатки прежнихъ запасовъ, распродаютъ лѣтнюю скотину и т. п. Къ ноябрю, вѣроятно, хлѣба уже не останется; примутся за не лѣтнюю скотину и весь движимый инвентаръ. Къ Рождеству развѣ у самыхъ богатыхъ что-нибудь уцѣлѣетъ, а тамъ... для голода, тифа и цынги останется еще 6 страшныхъ мѣсяцевъ. Какъ я уже говорилъ вамъ, наши крестьяне ничего этого не понимаютъ и не видятъ; они спокойно говорятъ: «на осень хватить, а тамъ... Царь накормитъ,—у него хлѣба много». Полный неурожай картофеля и овощей несомнѣнно приведетъ насъ къ цынгѣ и тифу,—а я знаю эти ужасныя болѣзни. Онѣ страшны не процентомъ смертности, а дѣятельнымъ разслабленіемъ организма, на цѣлые мѣсяцы лишаящимъ пораженныхъ ими возможности работать. А тутъ (вѣрнѣе, въ Петербургѣ) толкуютъ о томъ, что продовольствіе слѣдуетъ выдавать лишь до открытія весеннихъ работъ,—точно въ работѣ ѣсть не надо, или можно питаться землей и травой... Я теперь усиленно добываю учрежденія общественныхъ работъ, а у себя въ имѣніи думаю приступить къ заготовкѣ 600—800 пудовъ солонины, вываркѣ вѣпчаккаго бульона (Либиха) и солкѣ капусты, арбузовъ и огурцовъ для будущихъ цынготныхъ».

Редакція журнала сообщаетъ и адресъ г. Н. А. Шишкова (Часовенская почтовая станція близъ Симбирска), по которому можно посылать всякія жертвы на борьбу голодающихъ—деньги, вещи и продукты.

Изъ Бугульминскаго уѣзда той же Самарской губ., г-нъ Ярмонкинъ пишетъ въ «С.-Петербургскія Вѣдомости», что старожилы, какъ изъ крестьянъ, такъ и изъ интеллигенціи, говорятъ, что такого года они не запомнятъ. «Приходятъ ко мнѣ,—пишетъ онъ,—крестьяне изъ села Евфановки (Крымъ-Сарай тожъ) и рассказываютъ слѣдующую грустную исторію. Имъ назначили брать эти 35 ф на ѣдока за 115 верстъ, или съ обратнымъ путемъ, за 230 верстъ. На совер-

шенно обезсиленныхъ теперь крестьянскихъ лошаденкахъ возможно привезти пудовъ 12. Такой путь возможно совершить шагомъ въ 7 сутокъ. Сѣно—20 коп. за пудъ, овесъ—90 к. Если сосчитать прокормъ лошади, возчика и прокормленіе за это время семьи, то нужно посчитать за этотъ пудъ 4 р. Такимъ образомъ, привозъ 12 пудовъ хлѣба обойдется въ 4 р., или по 34 коп. съ пуда. Вотъ такъ помощь! Но въ результатѣ вышло еще дороже, такъ какъ отъ бездорожья и безкормицы по пути пало пять лошадей, что явилось, конечно, новымъ накладнымъ расходомъ. Послѣ ухода крестьянъ села Крымъ-Сарай, вижу крестьянъ моего села Чирково, которые съ горемъ мнѣ объявили, что имъ назначено брать за 130 верстъ, т. е. за 260!.. Послѣ нихъ явились ко мнѣ хохлы деревни Александровки, которые объявили, что имъ совсѣмъ не назначено. Послѣ хохловъ пришли крестьяне деревни Ключей, которые съ ужасомъ и недоумѣніемъ рассказали мнѣ, что у нихъ отобрали ихъ собственный хлѣбъ и начали его дѣлить по 35 ф. на фдока. Дѣло въ томъ, что это—единственная деревня, въ которой, относительно, существуетъ порядокъ. Въ многіе изъ нихъ на случай неурожая засыпали по 8 пудовъ. Этотъ-то хлѣбъ взяли и начали дѣлить поровну и между тѣмъ, кто засыпалъ и кто—нѣтъ. Такимъ образомъ была единственная деревня, которая завела порядокъ на случай неурожая, но и у той теперь отбили охоту совершенно необъяснимымъ распоряженіемъ. Да и въ другихъ уѣздахъ нѣтъ утѣшенія въ распоряженіяхъ. Въ Бугурусланскомъ уѣздѣ селу Сокъ-Кармала назначено брать хлѣбъ у Васильчикова за 80 верстъ, тогда какъ до Бугуруслана, т. е. до станціи Самаро-Златоустовской желѣзной дороги всего 50 в. Назначеніе помощи дѣлается тоже не въ должномъ порядкѣ. Такъ, въ томъ селѣ Сокъ-Кармала Колесниковъ, содержатель почтовой станціи, имѣющій до 50 лошадей и большое хозяйство, получилъ 13 пудовъ. Тамъ же Столяровъ, торгующій мануфактурнымъ товаромъ и имѣющій оборотъ до 8 тысячъ въ годъ, получилъ тоже 13 пудовъ».

Начинаетъ проявляться и частная инициатива помощи голодающему населенію. Въ Самарѣ, какъ сообщаетъ корреспондентъ «Руси», учредилось недавно, по инициативѣ А. С. Пругавина, М. А. Трофимова, П. В. Пигѣва и Крылова, общество, поставившее себѣ цѣлью кормить дѣтей-школяровъ въ наиболѣе нуждающихся селеніяхъ губерніи, и всѣ служащіе губернской земской управы присоединились къ нему, согласившись на отчисленіе въ пользу его полупроцента мѣсячнаго оклада. Учреждена подписка на это доброе дѣло и уже теперь многіе дѣятельно откликнулись на нее.

Но народная нужда, пишетъ корреспондентъ, такъ велика, что удовлетворить ее можно только съ помощью затраты несравненно большихъ средствъ, нежели какія можетъ дать мѣстная благотворительность (по примѣрному расчету, только на продовольствіе надо потратить не менѣе 12 милл. руб.). Нужна помощь отовсюду.

Народная нужда еще болѣе обостряется вслѣдствіе недостатка кормовъ для скота и недостатка топлива. Земство въ первомъ случаѣ пришло на помощь, организовавъ выдачу ссудъ на прокормъ рабочаго скота, но помощь эта слишкомъ незначительна сравнительно съ размѣрами нужды, да и не можетъ быть значительной, потому что тогда земству пришлось бы просить у правительства не 8 милл. руб. ссуды, какъ теперь, а по меньшей мѣрѣ, 30 милл. руб. Что мы не преувеличиваемъ, показываетъ подробный расчетъ, сдѣланный бузулукской земской управой для Бузулукскаго уѣзда: согласно этому расчету, для Бузулукскаго уѣзда недостаетъ 3 милл. пудовъ озимаго хлѣба, $5\frac{3}{4}$ милл. пудовъ ярового хлѣба, $\frac{3}{4}$ милл. пудовъ картофеля, 150 тыс. пудовъ масличныхъ сѣмянъ и 36 милл. пудовъ сѣна, или: на 6 милл. руб. хлѣба и на 8 милл. руб. кормовъ—на продовольствіе населенія, обсеменение полей и прокормъ скота.

Къ вопросу о сельско-хозяйственных рабочих. Въ прошломъ году при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ работала особая коммисія, разсматривавшая проектъ о наймѣ сельско-хозяйственных рабочих, представленный саратовскимъ предводителемъ дворянства Кривскимъ. На ряду съ этимъ, какъ сообщалось въ петербургскихъ газетахъ, министерствомъ собраны были мнѣнія особыхъ губернскихъ совѣщаній по тому же вопросу. Полученный такимъ образомъ матеріалъ былъ переданъ на обсужденіе іюньской экстренной сессіи сельско-хозяйственного совѣта при Министерствѣ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Въ основу проекта г-на Кривскаго положенъ обязательный наемъ по договорнымъ книжкамъ съ установленіемъ цѣлаго ряда суровыхъ наказаній для нарушителей договорныхъ условій, обозначенныхъ въ книжкахъ. Книжки эти предполагается сдѣлать обязательными въ томъ смыслѣ, что за каждый случай заключенія договора не по книжкѣ устанавливается уголовная кара. По свѣдѣніямъ «Сына Отеч.», всѣ 43 губернскихъ совѣщаній, на обсужденіе которыхъ былъ представленъ проектъ г-на Кривскаго, дали утвердительный отвѣтъ на вопросъ о томъ, существуютъ ли какія-либо неурядицы въ отношеніяхъ между нанимателями и рабочими въ сельскомъ хозяйствѣ, при чемъ большинство изъ нихъ прибавило, что неурядицы эти встрѣчаются сравнительно рѣдко и далеко не представляютъ обычнаго явленія. Только три совѣщанія—владимірское, костромское и харьковское указываютъ на болѣе или менѣе широкое распространеніе фактовъ самовольнаго ухода рабочихъ отъ нанимателей въ самое горячее, страдное время.

Изъ отвѣтовъ губернскихъ совѣщаній выясняется, что всѣ существующія неурядицы въ этой области могутъ быть раздѣлены на три категоріи: къ первой относятся неурядицы, вытекающія изъ характера отношеній рабочихъ къ нанимателямъ, ко второй—неурядицы, связанные съ характеромъ отношеній нанимателей къ рабочимъ и къ третьей—неурядицы, вызываемыя болѣе общими и болѣе глубокими причинами социальна-экономическаго характера.

Неурядицы, находящіяся въ зависимости отъ самихъ рабочихъ, заключаются въ слѣдующемъ: 1) рабочіе отлучаются безъ дозволенія; 2) съ хозяйскимъ скотомъ, орудіями и прочимъ имуществомъ обращаются небрежно; оставляя службу, сдаютъ въѣзденное имъ имущество не полностью и при томъ въ самомъ жалкомъ видѣ; 3) оставляютъ службу до сроковъ найма, совершенно произвольно или подъ какими-либо вымышленными предлогами; 4) въ работахъ очень часто бываютъ неисправны; 5) самовольно пользуются и даже присваиваютъ себѣ имущество нанимателя; 6) неосторожно обращаются съ огнемъ, и 7) нанимаются на такіе работы, къ которымъ оказываются совершенно неспособными. Такой перечень неурядицы даетъ минское губернское совѣщаніе. Перечень этотъ является наиболѣе полнымъ. Другія совѣщанія въ сущности только повторяютъ его по частямъ.

Причина этихъ неурядицъ многія губернскія совѣщанія видятъ въ свойствахъ самого русскаго рабочаго, въ его невѣжествѣ, лѣни и безнравственности.

Мѣры, предлагаемыя этими совѣщаніями для «обузданія рабочихъ» весьма просты: онѣ сводятся къ увеличенію уголовнаго наказанія за нарушеніе договора.

Довольно значительный процентъ совѣщаній (къ сожалѣнію, «Сынъ Отеч.» не приводитъ цифровыхъ данныхъ по этому вопросу), высказывается въ другомъ смыслѣ о причинахъ неурядицъ.

Одни изъ этихъ совѣщаній въ своихъ отзывахъ по настоящему вопросу ограничиваются только констатированіемъ того распространеннаго явленія, что у хорошихъ хозяевъ недоразумѣній съ рабочими, обыкновенно, не бываетъ. Такъ екатеринославское совѣщаніе, напримѣръ, указываетъ, что у тѣхъ хозяевъ, которые принимаютъ всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, дабы рабочіе не

имѣли никакихъ поводовъ къ нарушенію заключенныхъ съ ними договоровъ, отношенія съ рабочими устанавливаются вполне мирныя. По отзывамъ такихъ хорошихъ хозяевъ, въ экономіяхъ ихъ наблюдается среди рабочихъ даже наслѣдственное преемство труда; туда, гдѣ всю жизнь работали отцы, идутъ заниматься и дѣти ихъ, зная, что тутъ жизнь рабочему хорошая. Вообще, при немнѣннѣй поводахъ нарушенія договоровъ о наймѣ, т. е. при точной расплатѣ, хорошихъ харчахъ и т. п., рабочій, въ большинствѣ случаевъ, исправно исполняетъ свои обязанности. Причины же неурядицъ видятъ въ условіяхъ найма. Прежде всего подрачки и коммиссіонеры часто эксплуатируютъ рабочихъ. Далѣе практикуется между нанимателями обычай переманивать рабочихъ, уже связанныхъ задатками ранѣе съ другимъ нанимателемъ. Рабочіе переманиваются обыкновенно въ самую горячую пору и не по одиночѣ, а цѣлыми артелями. Чтобы сманить рабочихъ, наниматели предлагаютъ имъ наивысшую заработную плату, а также пускаются на всякія неблаговидныя средства. Волынское совѣщаніе, отмѣчая въ своемъ отзывѣ это явленіе, указываетъ, что въ Волынской губерніи встрѣчаются такіе наниматели, которые переманиваютъ рабочихъ у сосѣднихъ помѣщиковъ устройствомъ у себя угощеній водкой, танцевъ подъ музыку, раздачей грошовыхъ подарковъ и т. п. Особенно часто практикуется это въ крупныхъ имѣніяхъ съ сахарными заводами.

Наиболѣе серьезными и частыми причинами, вызывающими различнаго рода недоразумѣнія и нарушенія договоровъ, являются слѣдующія незаконныя дѣйствія хозяевъ: чрезмѣрные штрафы, затягиваніе платы, плохіе харчи, грязныя и тѣсныя помѣщенія, чрезмѣрныя требованія работы, грубое обращеніе и проч. Въ отзывахъ совѣщаній имѣется очень много указаній именно на такія ненормальныя отношенія хозяевъ къ своимъ рабочимъ. Для иллюстраціи приведемъ нѣкоторые наиболѣе характерные отзывы по данному вопросу. Тамбовское совѣщаніе, напримѣръ, отмѣчаетъ, что «чрезмѣрное требованіе работъ, въ особенности въ лѣтнюю пору, неправильное назначеніе на эти работы, дурное содержаніе рабочихъ и не всегда аккуратный платежъ заработанныхъ денегъ»,— все это довольно часто служитъ предметомъ жалобъ со стороны рабочихъ. Наиболѣе часты бывають случаи несвоевременныхъ расплатъ съ рабочими. Такъ, въ Бозловскомъ уѣздѣ у земскаго начальника 10 уч. изъ 227 гражданскихъ дѣлъ, бывшихъ въ производствѣ за 1894—1896 гг., 109 возникли по искамъ рабочихъ къ нанимателямъ, вслѣдствіе неуплаты денегъ за исполненныя работы.

Общія причины недоброкачества труда сельскихъ рабочихъ, по мнѣнію огромнаго большинства совѣщаній, коренятся въ социальныхъ и экономическихъ условіяхъ жизни русской деревни. Сюда относятся: низкій уровень культуры, слабое развитіе грамотности между крестьянскимъ населеніемъ. Последнее обстоятельство является и значительнымъ тормазомъ для распространенія договорныхъ книжекъ. Неграмотный мужикъ, по словамъ многихъ хозяевъ, чрезвычайно боится заключенія всякихъ письменныхъ договоровъ.

Къ этому надо прибавить еще и малодоходность сельскаго хозяйства, вслѣдствіе которой трудъ оплачивается весьма низко. Поэтому лучшіе рабочіе уходятъ въ городъ, на фабрики и заводы, а на долю сельскаго хозяйства остаются худшіе рабочіе.

Относительно проекта г-на Бривскаго о договорныхъ книжкамъ большинство совѣщаній, какъ передають «Новости», высказалось несочувственно.

Предлагаемый порядокъ чрезвычайно осложняетъ самый процессъ найма, обставляя его соблюденіемъ довольно многочисленныхъ письменныхъ формальностей. При наймѣ рабочихъ нужно каждый разъ тщательно пересмотрѣть всѣ записи въ ихъ договорныхъ книжкахъ, чтобы убѣдиться въ отсутствіи другихъ обязательствъ на тотъ же срокъ. Затѣмъ нужно отправиться въ ближайшее волостное правленіе за нѣскольکو верстъ, а иногда и нѣскольکو десятковъ верстъ

для заключенія договора. При такомъ порядкѣ процедура найма повлечетъ для сельскихъ хозяевъ столь значительную потерю времени въ самое горячее страдное время, что переходъ нею окажутся пустяками тѣ потери, которыя причиняются теперь недобросовѣстнымъ выполнениемъ договоровъ со стороны рабочихъ. На это обстоятельство указываетъ большинство отзывовъ совѣщаній.

Такимъ образомъ, новыя правила окажутся чрезвычайно стѣснительными не только для рабочихъ, но и для хозяевъ.

Вообще, по справедливому замѣчанію херсонскаго совѣщанія, думать, что «хорошаго рабочаго можетъ создать какая бы то ни было регламентація, не основательно». Она лишь до крайности стѣснитъ какъ нанимателей, такъ и нанимающихся, ухудшивъ даже положеніе сельскихъ хозяевъ, которые будутъ вѣчно находиться подъ дамокловымъ мечомъ уголовной отвѣтственности. Въ руки же недобросовѣстныхъ нанимателей, односторонняя регламентація дастъ новое орудіе для эксплуатаціи населенія.

Желѣзнодорожные заводы и инструкція чинамъ заводской инспекціи Министерства Путей Сообщенія. Тридцать пять лѣтъ назадъ для возникновенія у насъ въ Россіи заводовъ, приготовляющихъ желѣзнодорожныя принадлежности потребовался Высочайшій указъ (6 октября 1863 года), воспрещающій заказы подвижного состава на заграничныхъ заводахъ и требующій постройки паровозовъ и вагоновъ «внутри Россіи, несмотря ни на какія затрудненія, которыя это могло бы представить на первыхъ порахъ». Для поддержки развивающагося дѣла начали выдавать частнымъ предпріятіямъ долгосрочныя ссуды, назначать преміи за издѣлія, даровать льготы, обезпечивать сбытъ. Результатомъ всего этого было, съ одной стороны, потеря, за время съ 1867 г. по 1892 годъ, 116.316.000 рублей, переплаченныхъ за русскія издѣлія сравнительно со стоимостью ихъ за границу; 25.420.000 рублей, уплаченныхъ въ видѣ премій за рельсы и паровозы; 4.853.000 р. потери, выданныхъ въ ссуду денегъ, а всего на покровительство и насажденіе русскихъ желѣзнодорожныхъ заводовъ пошло 147.000.000 рублей («Очеркъ сѣти желѣзныхъ дорогъ». Изд. И. Р. Т. О. Отд. II, гл. I, т. I, стр. 21—23); съ другой же стороны, явился ростъ заводовъ, сперва небольшой, а затѣмъ твердый и рѣшительный.

Въ 1863 году существовалъ одинъ Коломенскій заводъ, который началъ строить подвижной составъ (паровозы) для желѣзныхъ дорогъ съ 1869 года; тогда же это производство распространилось на заводы Воткинскомъ, Невскомъ и Мальцовскомъ; въ 1892 году дѣйствовало уже девять заводовъ, т. е. въ теченіи 23-хъ лѣтъ возникло пять новыхъ, а еще черезъ шесть лѣтъ, въ 1898 г., ихъ было уже не девять, а восемнадцать (девять вагоностроительныхъ, три—паровозостроительныхъ и шесть паровозо- и вагоностроительныхъ вмѣстѣ).

Въ послѣднее десятилѣтіе быстрый ростъ крупной промышленности въ Россіи, проявившійся, между прочимъ, въ значительномъ увеличеніи сѣти желѣзныхъ дорогъ (въ 1880 г. протяженіе желѣзныхъ дорогъ было равно 21.196 в., въ 1890 г.—27.208 вер., въ 1896 г.—35.066 в.), повлекъ за собою увеличеніе числа заводовъ, имѣющихъ цѣлью снабжать желѣзныя дороги не только подвижнымъ составомъ, но и всѣми желѣзнодорожными принадлежностями. Такихъ заводовъ въ 1894 году насчитывалось 88, въ 1895 году открыли дѣйствія еще три завода, въ 1896 году—двѣнадцать, въ 1897 г.—десять, всего сто тринадцать заводовъ, которые по роду изготовляемыхъ издѣлій распределяются слѣдующимъ образомъ: 18 изготовляющихъ подвижной составъ, 36—чугунолитейныхъ и механическихъ, 13—желѣзодѣлательныхъ и металлическихъ, 8—стале-литейныхъ, 5—машиностроительныхъ и судостроительныхъ, 5—рельсопрокатныхъ, 3—мѣднопрокатныхъ, 9—котельныхъ, 5—трубопрокатныхъ, 5—проволочныхъ и гвоздильныхъ, 3—мостовыхъ, 2—рессорныхъ и 1 электротехнической.

Изъ одного этого перечня желѣзнодорожныхъ заводовъ видно, что покровительственная система съ высокими пошлинами на иностранный товаръ, съ ста сорока семи милліонной затратой для поддержки частныхъ предпріятій, сдѣлала свое дѣло; въ теченіе тридцати пяти лѣтъ она насадила и укрѣпила заводское желѣзнодорожное дѣло, которое въ послѣдніе годы достигло своего апогея; желѣзные дороги получаютъ теперь не только подвижной составъ, но и всѣ принадлежности съ русскихъ заводовъ (хозяева и капиталъ, однако, по большей части иностранные), отъ русскихъ техниковъ, мастеровъ и рабочихъ.

Такимъ образомъ, наступилъ періодъ, когда заводское дѣло вообще и желѣзнодорожно-заводское въ частности вступило на тотъ путь, на которомъ для дальнѣйшаго развитія дѣла и для охраны интересовъ рабочихъ становится не-обходимымъ уже не покровительство государства, но его вмѣшательство. Отмѣченный выше ростъ числа желѣзнодорожныхъ заводовъ вызвалъ особыя заботы министерствъ и, между прочимъ, повлекъ за собою образованіе заводской инспекціи и увеличеніе числа заводскихъ инспекторовъ Министерства Путей Сообщенія на заводахъ. Въ 1898 году на 113 перечисленныхъ заводахъ для испытанія и приемки изготовляемыхъ желѣзнодорожныхъ издѣлій состояло 35 инспекторовъ, дѣятельность которыхъ опредѣлена выработанною въ августѣ мѣсяцъ этого года «Временной инструкціей чинамъ заводской инспекціи Министерства Путей Сообщенія».

Прежде всего чинами заводской инспекціи назначаются лица, получившія высшее техническое образованіе и хорошо знакомыя съ производствомъ сырыхъ матеріаловъ (металловъ) и обработкой ихъ. Инспекторамъ вмѣняется въ обязанность состоять на государственной службѣ (§ 3), получать содержаніе, опредѣленное по штату (§ 5), носить полную парадную форму, когда пробѣзжаетъ начальство (§ 6) и проч. Главное занятіе чиновъ заводской инспекціи состоитъ въ освидѣтельствованіи и испытаніи всѣхъ заводскихъ издѣлій, которыя подлежатъ приему, но кромѣ того въ кругъ ихъ обязанностей входятъ сношенія съ главной инспекціей при министерствѣ въ видѣ рапортовъ и донесеній; въ рапортахъ излагаются событія, непосредственно относящіяся къ дѣятельности инспекторовъ, какъ-то приемка издѣлій и т. п., а въ донесеніяхъ излагаются всѣ требуемыя главной заводской инспекціей подробныя справки, разъясненія, всѣ особо важныя происшествія: пожары, наводненія, взрывы, стачки рабочихъ, остановки дѣйствій заводовъ и т. п. и вообще случаи, могущіе повліять на исполненіе заводами договоровъ, заказовъ и т. д.

Отсутствіе, однако, заботы о самомъ производствѣ и о его производителяхъ и рядомъ забота инструкціи о чинахъ инспекціи доходитъ до того, что инспекторамъ вмѣняется въ обязанность стоять совершенно изолировано отъ окружающихъ ихъ людей на опекаемомъ заводѣ. Сношенія инспекторовъ съ заказчиками допускаются только для выясненія частныхъ вопросовъ и недоразумѣній и то въ формѣ письменныхъ «отношеній»; сношенія съ заводомъ допускаются только въ лицѣ директора завода или его замѣстителя, при чемъ инспектора «ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ права носиться по дѣлу службы съ другими лицами заводской администраціи» (§ 12) и, наконецъ, «всякія сношенія чиновъ заводской инспекціи съ рабочими безусловно воспрещаются» (§ 13).

Получается въ концѣ концовъ то, что чинамъ заводской инспекціи, — людямъ съ высшимъ техническимъ образованіемъ, — предоставляется право: получать содержаніе по штату, носить парадную форму, принимать издѣлія и писать «дonoшенія».

Такимъ образомъ, институтъ заводскихъ инспекторовъ Министерства Путей Сообщенія стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ заводской жизни и не только не является контрольнымъ органомъ надъ дѣйствіями завода и надъ отношеніями между предпринимателемъ и рабочимъ, но ему даже вмѣняется въ обязанность

держаться дальше отъ жизни завода. Заводскій инспекторъ, по временной инструкціи, есть пріемщикъ заказа и ничего больше, тогда какъ при скудномъ составѣ фабричной инспекціи (одинъ инспекторъ на сотни заводовъ) они могли бы, при согласіи Министерства Финансовъ совмѣщая въ своемъ лицѣ дѣятельность и тѣхъ и другихъ, принести много пользы, какъ посредники между заводомъ и рабочими.

Теперь же Министерство Путей Сообщенія, въ видахъ неотложной потребности, вызываемой ростомъ крупной промышленности и связаннымъ съ нимъ развитіемъ желѣзнодорожной сѣти и числа заводовъ, образовало заводскую инспекцію *), которая, чтобы не отстать отъ времени, увеличила число своихъ инспекторовъ и издала для урегулированія ихъ дѣятельности приведенную выше инструкцію.

Общество «Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ» въ Петербургѣ. Общество «Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ» существуетъ очень недавно, всего съ 1896 г., а между тѣмъ, какъ видно изъ доставленнаго намъ отчета о его дѣятельности, за два года своего существованія оно успѣло уже сдѣлать очень многое въ смыслѣ удовлетворенія духовныхъ нуждъ бѣднѣйшаго населенія столицы. Задача общества заключается въ содѣйствіи вышкольному образованію народа, путемъ разсылки книгъ въ читальни и больницы, устройствѣ читальнъ библіотекъ, организаціи народныхъ чтеній.

Въ виду неостаточности средствъ, въ первый годъ своего существованія общество ограничило свою дѣятельность устройствомъ склада изъ пожертвованныхъ книгъ и передачу этихъ книгъ въ пользованіе различнымъ учрежденіямъ.

Для снабженія библіотекъ и больницъ книгами, правленіе обратилось путемъ печати къ лицамъ, могущимъ жертвовать книги, газеты и журналы. Съ этой цѣлью оно устроило пріемъ пожертвованій у нѣкоторыхъ членовъ правленія, а также, съ разрѣшенія надлежащихъ властей выставило ящики: при зданіи публичной библіотеки, окружного суда, института инженеровъ путей сообщенія, по желанію представителей студенческой библіотеки института, при университетѣ, городской думѣ и внутри зданія вокзала николаевской жел. дороги. Такимъ образомъ изъ пожертвованныхъ книгъ при правленіи общества образовался небольшой книжный складъ, откуда и распредѣлялись книги по назначенію.

Всего изъ склада было разослано книгъ разнаго содержанія: беллетрист. 1.011, журналовъ 489, научно-попул. 37, духовныхъ 257. Общее число книгъ составляло 1.794.

Помимо даровыхъ пожертвованій складъ пополнялся книгами на средства, ассигнованныя правленіемъ общества. Благодаря этому на первое время представилась возможность удовлетворить запросъ обращающихся къ нему городскихъ больничныхъ учрежденій съ просьбой снабдить ихъ книгами.

Кромѣ того въ этомъ же году дѣятельность общества распространилась и внѣ предѣловъ столицы.

Въ первомъ году дѣятельность общества сосредоточилась преимущественно въ правленіи, подъ предсѣдательствомъ профессора П. Ф. Лесгафта. Въ слѣдующемъ 1897 г. дѣятельность его значительно расширилась: въ немъ организовалось три комиссіи—библіотечная, комиссія по устройству народныхъ чтеній и комиссія по завѣдыванію складомъ. Каждая изъ этихъ комиссій много поработала надъ организаціей новаго дѣла. Остановимся прежде всего на комиссіи народныхъ чтеній. Въ прошломъ году функционировало 5 народныхъ аудиторій общества:

*) В. М. П. С., № 33, 1893 г.

Названіе аудиторій.	Число чтеній.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Дѣтей.	Всего.
Гаванская	9	147	90	144	381
Глазовская	10	665	113	117	895
Пороховская	9	940	320	220	1.480
Путиловская	7	130	50	238	418
Смоленска	9	495	273	139	897

5 аудиторій	44	2.377	846	848	4.071
-----------------------	----	-------	-----	-----	-------

Чтенія состояли изъ двухъ отдѣленій: литературнаго и музыкальнаго. Литературный отдѣлъ заключалъ статьи дѣлового и беллетристическаго характера.

Въ осеннее полугодіе до 1-го янв, 1898 г. дѣйствовали три аудиторіи:

Названіе аудиторіи.	Число чтеній.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Дѣтей.	Всего.
Смоленская	12	1.535	537	—	2.072
Путиловская	8	894	377	819	2.090
Ружейная	4	231	162	147	540
3 аудиторіи	24	2,660	1.076	966	4.702

Осенью 1897 г. комиссія обсуждала вопросъ объ общей постановкѣ дѣла народныхъ чтеній: рѣшено было пересмотрѣть матеріалъ, разрѣшенный для народныхъ чтеній (III отдѣлъ министерскаго каталога для низшихъ учебныхъ заведеній) и намѣтить рядъ новыхъ чтеній, для которыхъ желательно получить разрѣшеніе со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія. Дѣятельность библиотечной комиссіи общества за отчетный годъ выразилась въ устройствѣ двухъ библиотекъ—на Путиловскомъ заводѣ и въ народной столовой Дервиза. Средства, которыми располагали библіотеки, были крайне ограничены; въ наличности библиотекъ на 1 января 1898 года имѣлось въ:

	1-й библіотекѣ.	2-й библіотекѣ.
авторовъ	287	298
названій	482	553

Несмотря на такую крайнюю бѣдность въ книгахъ, число подписчиковъ за истекшее время было, сравнительно, велико.

По словамъ отчета, чтобы видѣть, какъ сами читатели относятся къ библиотекѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ ждутъ они тѣхъ книгъ, которыя уже получили популярность въ ихъ средѣ,—лучше всего придетъ къ часу открытія библиотеки: не успѣютъ дежурныя отворить двери и просмотрѣть имѣющіяся въ шкафу книги, какъ предъ столомъ стоитъ уже толпа оживленныхъ читателей и непрерывно заявляетъ свои требованія. Дежурныя едва успѣваютъ удовлетворять ихъ требованія и выслушивать отзывы о прочитанныхъ книгахъ, стараясь въ то же время сохранять необходимую тишину и порядокъ.

Нельзя не пожелать полнаго успѣха и возможно широкаго развитія этому молодому Обществу. Ничтожный членскій взносъ (1 р. въ годъ) открываетъ доступъ къ нему всякому, желающему работать, но съ другой стороны, благодаря этому средства общества крайне ограничены, а это, въ свою очередь, значительно мѣшаетъ развитію его дѣятельности.

Дѣло ксендза Бѣлякевича. Читателямъ вѣроятно извѣстна напечатанная въ «Свѣтѣ» исторія ксендза Бѣлякевича, которая затѣмъ обошла всѣ другія газеты и въ газетахъ извѣстнаго направленія породила соответствующія случаю толки, при чемъ поступки одного ксендза, по всей вѣроятности, душевно-

больного, конечно, послужили къ обвиненію всего католическаго духовенства вообще. Теперь тотъ же «Свѣтъ» вынужденъ напечатать опроверженіе на свою статью, и это опроверженіе написано ковенскимъ губернаторомъ, г. Суходольскимъ.

Г. Суходольскій пишетъ:

«Въ № 247 газеты «Свѣтъ», отъ 19-го сентября текущаго года напечатана корреспонденція подъ заглавіемъ «Письмо изъ Ковны», въ которой авторъ, описывая обнаруженныя полиціей 17 августа текущаго года противозаконные поступки викарнаго ксендза при одномъ изъ ковенскихъ римско-католическихъ костеловъ Бѣлякевича, между прочимъ, говорить, что по городу давно уже ходили слухи о томъ, что «въ городскихъ костелахъ имѣются подземелья, куда фанатики-ксендзы заключаютъ своихъ прихожанъ, заподозрѣваемыхъ въ близкихъ сношеніяхъ съ русскими и православными и, вообще, провинившихся противъ вѣры и ойчизны», и гдѣ «путемъ инквизиторскихъ пріемовъ и истязаній выѣдряли вражду и неприязнь къ русскимъ; слухи эти не чужды были не только всему русскому обществу, но и мѣстнымъ властямъ, но никто не придавалъ имъ значенія вѣроятія, несмотря на ихъ упорство»; что «вѣсть о заключеніи въ тюрьму облетѣла весь городъ и привлекла къ тюрьмѣ массу женщинъ-католичекъ»; что «во-время осмотра подземелій, собравшаяся нафанатизированная толпа приняла настолько угрожающій характеръ, что вызваны были пожарныя и пѣхотныя команды, которыя и сдержали эту толпу отъ проявленія открытаго фанатизма и вражды»; что, тѣмъ не менѣе, послѣ этого событія, имѣвшаго мѣсто 17 августа, «возненіе въ городѣ не прекращается, при чемъ дни и ночи тюремный замокъ осажденъ сплошною стѣною нафанатизированнаго преимущественно женскаго элемента», что «были попытки забрасывать чиновъ полиціи камнями», и, наконецъ, что «женская прислуга находящаяся въ услуженіи у русскихъ, или совершенно оставила свои мѣста и бродила вокругъ тюрьмы и по костеламъ, или прекратила всякія работы и открыто выражаетъ вражду и неприязнь къ русскимъ». Въ томъ же номерѣ помѣщена и передовая статья отъ 18 сентября, авторъ которой, не ограничиваясь разсужденіями по поводу приведенной корреспонденціи, положительно удостовѣряетъ, что ковенскія фанатички и теперь, т. е. спустя болѣе мѣсяца послѣ происшествія, осаждаютъ ковенскую тюрьму и что «ксендзъ Бѣлякевичъ не одинъ расправляется такимъ образомъ» и «есть все данныя думать, что на судѣ выяснится цѣлая серія подобныхъ преступленій» и что «женщину (Бернатовичъ) истязали не за грѣхъ, а за то, что этотъ грѣхъ былъ съ русскимъ».

«Приведенное сообщеніе въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ преувеличено, а въ остальныхъ совершенно не вѣрно.

«1) До ковенской полиціи и, вообще, до мѣстныхъ властей ранѣе не доходили ни заявленія, ни слухи о какихъ-либо истязаніяхъ или пыткахъ, а равно и о жестокомъ обращеніи, которымъ, будто бы, подвергались прихожане со стороны ксендзовъ. Такія заявленія или слухи не замедлили бы появляться, если бы къ нимъ былъ достаточный поводъ, а въ случаѣ ихъ возникновенія не были бы оставлены безъ должной провѣрки, каковая и была произведена по дѣлу ксендза Бѣлякевича немедленно по полученіи полиціею отъ потерпѣвшей Бернатовичъ заявленія о причиненіи ей названнымъ ксендзомъ побоевъ въ костельномъ подвалѣ. Произведенное по этому заявленію дознаніе въ тотъ же день было передано судебной власти.

«2) При арестованіи ксендза Бѣлякевича никакихъ уличныхъ безпорядковъ въ г. Ковнѣ не происходило и сборищъ народа не было; при заключеніи же его въ тюрьму, противъ послѣдней, на тротуарѣ, дѣйствительно, собралось было человекъ до двадцати преимущественно женщинъ, которыя, однако, по пригласенію полиціи, скорѣ разошлись. На слѣдующій день, когда по требованію

прокурора ковенскаго окружнаго суда, потерпѣвшія Бернатовичъ и Жуковская были вытребованы полиціей для указанія помѣщеній, въ которыхъ они были заключены, толпа народа собралась на улицѣ подлѣ костела, при чемъ нѣкоторые изъ этой толпы обнаруживали намѣреніе броситься на этихъ женщинъ, но полиціей и на сей разъ водворенъ былъ порядокъ.

«3) Военная команда не вызывалась и въ вызовѣ ея не встрѣчалось никакой надобности, такъ какъ никакихъ враждебныхъ дѣйствій по отношенію къ полиціи ни разу проявляемо не было. Равнымъ образомъ, не происходило никакихъ уличныхъ беспорядковъ, какъ во время вторичнаго арестованія ксендза Бѣлякевича въ ночь на 12 сентября, такъ и впослѣдствіи; извѣстіе же о томъ, что тюрьма осаждалась и теперь (18 сентября) осаждается фанатичками, принадлежитъ къ области вымысловъ.

«4) Такой же вымыселъ составляетъ сообщенное въ упомянутомъ «Письмѣ» извѣстіе о забастовкѣ въ г. Ковнѣ женской прислуги римско-католическаго вѣроисповѣданія, находящейся въ услуженіи у русскихъ, и объ открытомъ выраженіи ею вражды и непріязни къ русскимъ. Ничего подобнаго, какъ положительно извѣстно, не было, и никакой непріязни къ русскимъ ни по поводу объясненнаго дѣла, ни по какимъ-либо другимъ поводамъ за послѣднее время не проявляется.

«По имѣющимся свѣдѣніямъ, предварительное слѣдствіе о ксендзѣ Бѣлякевичѣ по обвиненію его въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1.542 ст. улож., окончено производствомъ и получаетъ установленный дальнѣйшій ходъ, а затѣмъ судебное слѣдствіе не замедлитъ представить всѣ обстоятельства этого дѣла въ надлежащей полнотѣ, выяснивъ, безъ сомнѣнія, и тѣ побужденія, которыми руководствовался обвиняемый Бѣлякевичъ. Въ виду сего, всякаго рода извѣстія, сообщаемыя на основаніи не вполне провѣренныхъ и въ большинствѣ случаевъ неосновательныхъ слуховъ, появившихся подъ вліяніемъ возбужденія, вызваннаго возникновеніемъ настоящаго дѣла, затемняя истину, могутъ способствовать лишь нежелательному возбужденію племенного и религіознаго антагонизма, за послѣднее время среди населенія губерніи положительно ни въ чемъ не проявлявшася».

За границей.

Суданская экспедиція. Въ числу выдающихся событій послѣдняго времени безспорно принадлежитъ покореніе Судана и окончательное освобожденіе его отъ варварскихъ ордъ махдистовъ, проповѣдовавшихъ самый узкій мусульманскій фанатизмъ и производившихъ всевозможныя насилія и убійства чуть ли не на самой границѣ страны, гдѣ уже водворилась европейская цивилизація.

Бѣлый Нилъ былъ открытъ не болѣе шестидесяти лѣтъ тому назадъ. Послѣ постройки Хартума египтянами въ 1822 году нѣсколько изслѣдователей отправлялись вверхъ по Нилу, но никто не дошелъ до его истоковъ, а тѣ мѣста, гдѣ находились эти истоки, все еще оставались неизвѣстными. Но въ 1839 году египетскій намѣстникъ Мегеметъ Али, вводящій всевозможныя реформы въ Египтѣ, задумалъ изслѣдовать неизвѣстныя области на югѣ египетскаго Судана и приказалъ ни болѣе ни менѣе, какъ «открыть источники Бѣлаго Нила». Отправлены были три экспедиціи, но ни одна изъ нихъ не достигла источниковъ Нила. Однако все же, благодаря этимъ экспедиціямъ было добыто много новыхъ географическихъ свѣдѣній и установлено, что Бѣлый Нилъ судолодеенъ до извѣстнаго пункта и что племена, населяющія страну, миролюбивы, а также, что страна очень богата слоновою костью. Тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ европейцы и арабы снарядили суда изъ Хартума за грузомъ слоновой кости, и, дѣйствительно, туземцы охотно отдавали ее въ промѣнъ на пустыя побрякушки и такимъ образомъ, мало-по-малу возникло въ Суданѣ настоящее ком-

мерческое движеніе, вызвавшее учрежденіе въ разныхъ мѣстахъ укрѣпленныхъ постовъ, гдѣ проживали скупщики слоновой кости. Къ несчастію къ этому законному промыслу вскорѣ присоединился беззаконный и возмутительный промыселъ—торговля невольниками. Торговля эта процвѣтала во всемъ египетскомъ Суданѣ и ежегодно солдаты регулярной египетской арміи, съ офицерами во главѣ, отправлялись изъ Хартума, Сенаара или Эльобеида въ поиски за неграми и цѣлыми сотнями уводили ихъ въ рабство. Въ 1869 году новый хедивъ Исмаиль-паша задумалъ однако прекратить эту постыдную торговлю и поручилъ это дѣло путешественнику Самюэлю Бекеру, который и отправился въ верховья Нила, гдѣ учредилъ нѣсколько египетскихъ постовъ. Но это не привело ни къ какимъ результатамъ и торговля невольниками продолжалась по-прежнему.

Черезъ годъ Исмаиль-Паша, продолжавшій мечтать объ распространеніи египетской власти въ Суданѣ, пригласилъ на службу англійскаго генерала Гордона, который во главѣ 2.000 египтянъ и негровъ вступилъ въ Суданъ и затѣмъ назначенъ былъ губернаторомъ этой провинціи. Цѣлыхъ два года Гордонъ оставался въ области Верхняго Нила, не взирая ни на опасности, ни на отсутствіе помощниковъ, такъ какъ большинство европейцевъ не могло перенести нездороваго климата той мѣстности, гдѣ находилась резиденція Гордона. Но Гордонъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые отступаютъ: онъ поражалъ даже привычныхъ людей своею кипучею энергіею и дѣятельностью, и у арабовъ не даромъ сложилась про него поговорка, что это «человѣкъ, который садиться не любитъ». Онъ велъ ожесточенную борьбу съ торговцами невольниковъ, но не могъ окончательно уничтожить этотъ постыдный торгъ и добился только того, что торгъ пересталъ совершаться открыто, тайно же процвѣталъ по-прежнему.

Обезкураженный и огорченный бесплодностью своихъ усилій Гордонъ вернулся въ Англію, но такъ какъ ему нужно было найти кого-нибудь, кому бы онъ могъ передать управленіе экваторіальной провинціей, то выборъ его палъ на Эмина-пашу, человѣка, уже обратившаго на себя вниманіе цивилизованнаго міра своими путешествіями и научными работами въ той части Африки, которую до того времени интересовались развѣ только одни географы. Эминъ-паша, настоящее имя котораго Эдуардъ Шнитцеръ, былъ по происхожденію еврей, но мать его, овдовѣвъ и выйдя замужъ во второй разъ за протестанта, крестилась сама и крестила своего маленькаго сына. Эдуардъ Шнитцеръ, позднеѣ присвоившій себѣ имя Эмина, по профессіи былъ врачъ, кончившій курсъ въ одномъ изъ нѣмецкихъ университетовъ; въ 1875 году онъ пріѣхалъ въ Каиръ и съ той поры, уже не покидалъ почвы Африки. Эминъ-паша былъ наиболѣе подходящимъ чиновникомъ для должности губернатора экваторіальныхъ провинцій, такъ какъ зналъ превосходно турецкій и арабскій языки и такъ хорошо изучилъ Коранъ, что даже могъ выдавать себя за мусульманина, что и дѣлалъ обыкновенно. Но съ другой стороны Эминъ былъ человѣкомъ науки и въ ней находилъ всегда утѣшеніе во всѣхъ своихъ неудачахъ. Онъ не былъ администраторомъ въ настоящемъ значеніи этого слова и слишкомъ далеко стоялъ отъ своихъ солдатъ и офицеровъ, которые совершенно не понимали его. Это обстоятельство много способствовало распушенности его войска, чего Эминъ не могъ не замѣчать; но онъ легко мирился съ этимъ и утѣшался изслѣдованіемъ черена какой-нибудь рѣдкой птицы, или разглядывая какое-нибудь рѣдкое насекомое.

Однако, несмотря на отсутствіе административныхъ способностей, Эминъ-паша все-таки обладалъ неоцѣненными качествами для губернатора экваторіальной провинціи: во-первыхъ, онъ любилъ Африку и не стремился, подобно другимъ европейскимъ колонистамъ, назадъ въ Европу. Путешественникъ Юнкеръ, хорошо знавшій Эмина, всегда удивлялся, что Эминъ никогда въ своихъ

разговорахъ съ нимъ не вспоминалъ о родинѣ, ни разу даже не сдѣлалъ ни одного намека на свою семью и т. п. Онъ какъ будто умеръ для всего того, что не было Африкой, и не помышлялъ о возвращеніи въ Европу. Во-вторыхъ, Эминъ умѣлъ обращаться съ неграми и не смотрѣлъ на нихъ, какъ это дѣлаютъ большинство европейскихъ колонизаторовъ, какъ на низшія существа или какъ на рабочій скотъ, а считалъ ихъ такими же людьми и относился къ нимъ съ большимъ человѣколюбіемъ. Онъ любилъ свою экваторіальную провинцію и мечталъ для нея о блестящей будущности, дѣлалъ въ душѣ множество проектовъ, направленныхъ къ ея процвѣтанію и развитію въ ней цивилизации. Но возстаніе махдистовъ нанесло окончательный ударъ его честолюбивымъ мечтамъ. Экваторіальная провинція была отрѣзана отъ Египта; генералъ Гордонъ, посланный въ Хартумъ, чтобы усмирить возстаніе, былъ убитъ и скоро вся эта область оказалась въ рукахъ варварскихъ ордъ дервишей. Но дервиши, направлявшіеся было къ резиденціи Эмина, почему-то повернули обратно и Эминъ остался въ Ваделаѣ, гдѣ онъ прожилъ, изолированный отъ всего остального міра вплоть до того момента, когда къ нему явился Стэнли. Объ этомъ времени своей жизни онъ самъ писалъ слѣдующее: «У насъ осталось только воспоминаніе о потребностяхъ цивилизованной жизни. У насъ нѣтъ ни свѣчей ни сахара, ни кофе. Служанки-негритянки вернулись къ своимъ прежнимъ привычкамъ. Послѣдніе остатки одежды, въ которую мы ихъ нарядили изъ чувства приличія, уже исчезли и онѣ каждое утро отправляются за листьями, которыя имъ замѣняютъ одежду». Но больше всего Эминъ страдалъ отъ недостатка книгъ. «Дни тянутся ужасно медленно, говоритъ онъ, несмотря на то что я стараюсь забыться въ работѣ. Чего бы я не далъ за какую-нибудь научную книгу или даже хоть за какой-нибудь скверный романъ!»

Между тѣмъ, пока Эминъ-паша прозябалъ въ Ваделаѣ, не получая ни помощи, ни извѣстія отъ египетскаго правительства, которое какъ будто совершенно отреклось отъ всей этой части Судана, Махди-Ахметъ-Махомедъ укрѣпилъ свое господство настолько, что даже англичане не сочли возможнымъ мстить за убійство генерала Гордона и оставили Хартумъ въ рукахъ дервишей.

Религиозно-политическое движеніе въ Суданѣ, вызвавшее всѣ эти событія, подготовлялось, однако, постепенно. Давно уже въ Суданѣ процвѣтала мусульманская секта, отличавшаяся фанатизмомъ, главою которой состоялъ нѣкто Мохамедъ-Шерифъ, называвшій себя потомкомъ Магомета. Въ эту секту поступилъ юный Ахметъ-Мохамедъ, бѣдный сирота, который, однако, также велъ свою генеалогію отъ самого пророка. Молодой Ахметъ не только сдѣлался горячимъ послѣдователемъ Мохамеда-Шерифа, но въ своемъ рвеніи превзошелъ и учителя. Онъ обладалъ даромъ краснорѣчія, красивою наружностью и умѣлъ дѣйствовать на толпу, такъ что слава его, какъ проповѣдника, вскорѣ разнеслась по всему Судану. Глава секты, конечно, встревожился и, опасаясь за свой престижъ, прогналъ юнаго проповѣдника, который удалился на островъ на Нилѣ и поселился тамъ въ гротѣ. Вскорѣ распространился слухъ, что Ахмета посѣщаютъ ангелы, и къ нему сталъ собираться народъ. Его проповѣдь сильно дѣйствовала на слушателей и наивные суданцы въ самомъ дѣлѣ готовы были вѣрить, что онъ открываетъ имъ доступъ въ царство правды и справедливости.

Племена возставали за племенами и группировались вокругъ чернаго знамени, которое Ахметъ, присвоившій себѣ титулъ «махди», сдѣлалъ своимъ знаменемъ. Среди мусульманъ существуетъ преданіе, что когда нибудь появится изъ рода пророка челоуѣкъ, который соберетъ вокругъ себя истинно вѣрующихъ, поддержитъ религію и воцарится надъ мусульманскими государствами. Это и будетъ «махди», т. е. «благонравленный». Ахметъ въ глазахъ экзальтированной толпы, слушавшей его рѣчи, былъ именно такимъ по-

сланнымъ пророка и многимъ казалось, что чело его окружено сіяніемъ. Неудивительно, что этотъ необыкновенный успѣхъ вскружилъ голову Ахмету и онъ, дѣйствительно, самъ повѣрилъ въ свою миссію и въ свое могущество. Мало-по-малу юноша, благочестивый и богобоязненный, проводившій время въ постѣ и молитвѣ, превратился въ свирѣпаго деспота, не знавшаго границъ своимъ желаніямъ и ни передъ чѣмъ не останавливающагося. Суровый аскетъ, никогда не позволявшій себѣ ни малѣйшей роскоши и отворачивавшійся отъ черномазыхъ красавицъ Данголы и Бербера, измѣнилъ всѣмъ своимъ привычкамъ и, очутившись на высотѣ могущества и славы, завелъ огромный гаремъ и началъ вести жизнь настоящаго изнѣженнаго восточнаго деспота.

Онъ избралъ своею столицею Омдурманъ и тамъ, окруженный преданною стражей, предавался всевозможнымъ оргіямъ и излишствамъ, которыя не замедлили отразиться на его здоровьѣ. Онъ умеръ въ самый разгаръ своей славы, черезъ пять мѣсяцевъ послѣ взятія Хартума и гибели храбраго Гордона. Но, разумѣется, приверженцы махди окружили его смерть особеннымъ ореоломъ. Махди не могъ, конечно, умереть естественною смертію, какъ умираютъ всѣ всѣ люди и болѣзнъ его скрывали отъ народа до послѣдней минуты и только передъ самымъ концомъ объявили народу, что пророкъ призвалъ къ себѣ своего посланнаго и приказалъ ему передать свою земную власть одному изъ своихъ главныхъ помощниковъ, калифу Абдуллаи. Никакихъ похоронъ, никакихъ оплакиваній! смерти махди не было и, спустя нѣсколько часовъ послѣ его кончины, тѣло его было погребено въ могилѣ, вырытой тремя его помощниками-калифами, въ его же домѣ.

Преемникъ Ахмета, калифъ-Абдуллаи, сдѣлавшійся махди, также былъ родомъ изъ очень бѣдной семьи. Отецъ его, умирая, посоветовалъ ему искать покровительства у какого-нибудь религіознаго вождя и сынъ, несмотря на свою всегдашнюю непокорность, съ точностью выполнялъ этотъ совѣтъ. Какъ разъ въ это время Мохамедъ-Ахмедъ поднялъ знамя возстанія въ Данголѣ и Абдуллаи тотчасъ же явился къ нему и предложилъ свои услуги. Ахметъ сразу оцѣнилъ его и не только принялъ его къ себѣ на службу, но между ними завязалась тѣсная дружба, которая порвалась только со смертію Ахмета. Ахметъ, умирая, назначилъ его своимъ преемникомъ и, такимъ образомъ, вознаградилъ его за его преданность.

Абдуллаи безъ всякихъ затрудненій занялъ мѣсто умершаго, и вскорѣ превзошелъ прежняго махди въ фанатизмъ и жестокости. Трудно пересказать всѣ тѣ ужасы, которые творились въ Омдурманѣ, гдѣ воля и капризъ новаго махди были единственными законами и гдѣ царилъ самый безграничный произволъ. Плѣнники, бѣжавшіе изъ Омдурмана или освобожденные теперь англичанами, всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что съ воцареніемъ новаго махди-Суданъ отступилъ на нѣсколько столѣтій назадъ и началось царство слѣпого фанатизма и кровожаднаго варварства. Съ Ахметомъ все-таки можно было говорить, онъ отличался недюжиннымъ умомъ, но новый Махди былъ настоящій кровожадный варваръ. Надо помнить, что всѣ эти ужасы совершались всего лишь въ нѣсколькихъ миляхъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ уже европейская цивилизація вступила въ свои права и гдѣ горитъ электричество и по улицамъ мчатся велосипеды и т. д. Съ этой точки зрѣнія англичане несомнѣнно оказали услугу всему цивилизованному міру, сломивъ могущество махдистовъ и прекративъ насилие и варварства, которыя творились подъ сѣнью мусульманскаго фанатизма.

Опыты одного фабриканта. Большинство крупныхъ голландскихъ фабрикантовъ въ Амстердамѣ, Дортрентѣ и разныхъ другихъ мѣстахъ, завели у себя при фабрикахъ всевозможныя учрежденія, носящіе преимущественно благоотво-

рительный характеръ и имѣющія цѣлю поднять до нѣкоторой степени благосостояніе рабочихъ. Вездѣ въ этихъ мѣстахъ существуютъ вспомогательныя кассы, введено страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, увѣчья, смерти, устроены больницы, школы, библіотеки, общественныя собранія и т. д. Все это устроено большею частью по образцу нѣмецкихъ учрежденій подобнаго рода и только владѣлецъ фабрикъ въ Дельфшдѣ Ванъ Маркенъ рѣшилъ произвести у себя на фабрикахъ опыты другого рода, заинтересовавъ самихъ рабочихъ въ производствѣ, для чего онъ сдѣлалъ ихъ участниками въ барышахъ.

Ванъ Маркенъ стоитъ во главѣ трехъ крупныхъ промышленныхъ предприятий: фабрики прессованныхъ дрожжей, спиртнаго завода и типографіи. Чтобы лучше судить о достоинствахъ той или другой системы, онъ на одномъ изъ своихъ заводовъ не сдѣлалъ никакихъ нововведеній и оставилъ все по прежнему; на другомъ ввелъ систему премій, а въ типографіи ввелъ совершенно новую систему организациі акціонернаго общества среди рабочихъ, благодаря которому рабочіе получаютъ возможность не только имѣть долю въ прибыли, но и сдѣлаться со временемъ соучастниками промышленнаго предприятия.

Нововведенія эти на фабрикахъ существуютъ еще слишкомъ недавно, такъ что не дали еще положительнаго результата, во кое что уже выяснилось. Изъ фабричныхъ отчетовъ видно, что производительность повысилась на томъ заводѣ, на которомъ введена система премій, хотя въ общемъ эта система уже теперь обнаруживаетъ много пробѣловъ. На заводѣ введены классифицированныя преміи, выдаваемыя рабочимъ за большее или меньшее усердіе въ работѣ. Самое неудачное въ этой системѣ—это выставленіе отѣтокъ за усердіе, весьма напоминающее гимназическую систему балловъ, и уже поднятъ вопросъ о замѣнѣ этой системы другимъ способомъ оцѣнки заслугъ рабочихъ и ихъ права на премію; что же касается премій, то она не выдается цѣликомъ на руки рабочему, а изъ нея вычитается извѣстный процентъ, при помощи котораго образуется капиталъ, выдаваемый рабочему по достиженіи имъ 60-ти-лѣтняго возраста. Если же онъ умретъ раньше, то деньги выдаются его наследникамъ.

Несмотря на нѣкоторыя неудовлетворительныя стороны этой системы выдачи премій, она все-таки повліяла на усиленіе производительности. Но лучше всего, какъ оказывается по отчетамъ, дѣло идетъ въ типографіи, гдѣ разъ на всегда чистая прибыль, причитающаяся капиталу установлена въ шесть процентовъ; остальная же часть барышей обращается въ акціи, по сто гульденовъ каждая, распределяемая между рабочими, такъ что въ концѣ концовъ рабочіе должны сдѣлаться собственниками типографіи. Въ виду этого имъ уже теперь предоставлено право принимать непосредственное участіе въ дѣлахъ учрежденія и во всѣхъ вопросахъ, касающихся типографіи, такъ что всѣ такіе вопросы обсуждаются на общихъ собраніяхъ и рѣшаются голосованіемъ. На другихъ заводахъ, хотя рабочіе и не пользуются такими привилегіями, но и у нихъ существуютъ комитеты, гдѣ, кромѣ выборныхъ лицъ отъ рабочихъ, принимаютъ участіе и завѣдывающіе мастерскими и эти комитеты завѣдуютъ всѣми учрежденіями, существующими при фабрикахъ, какъ то: школами, ссудо-сберегательными кассами, жилищами рабочихъ, а также организацией общественныхъ увеселеній и т. п. Но главнымъ нововведеніемъ на всѣхъ трехъ заводахъ является специальный органъ «Фабричный Вѣстникъ», издающійся при каждомъ изъ этихъ промышленныхъ учрежденій. Въ этой газетѣ, кромѣ сообщенія различныхъ полезныхъ свѣдѣній рабочимъ, обсуждаются всѣ вопросы, касающіеся фабричнаго дѣла, быта и положенія рабочихъ и т. д. и предоставляется право какъ рабочимъ, такъ и завѣдующимъ различными мастерскими и отдѣлами, высказывать свое мнѣніе относительно того или иного способа производства или другихъ вопросовъ, излагать проекты и предлагать мѣропріятія

и усовершенствованія. При каждомъ изъ заводовъ существуетъ типографія, за-вѣдующая изданіемъ этой газеты, и «Фабричный Вѣстникъ» пользуется среди рабочихъ большою популярностью.

Банъ Маркенъ предполагаетъ еще расширить, съ теченіемъ времени, рамки своего опыта. До сихъ поръ онъ еще не имѣлъ случая пожалѣть о томъ, что сдѣлалъ эти нововведенія, такъ какъ на его заводахъ никогда не было никакихъ безпорядковъ и ни одной стачки.

Двадцатипятилѣтіе университетскаго движенія въ Англіи. Въ этомъ году исполнилось 25 лѣтъ со времени организаціи университетскаго движенія въ Англіи. По этому случаю въ зданіи университетскаго сената въ Кембриджѣ состоялось торжественное собраніе всѣхъ лекторовъ и представителей различныхъ синдикатовъ, устраивающихъ курсы въ различныхъ городахъ Англіи и организуемыхъ повсемѣстное университетское движеніе. Кембриджскій синдикатъ пригласилъ на собраніе всѣхъ, кто участвовалъ въ организаціи первыхъ лекцій и своими трудами много содѣйствовалъ распространенію университетскаго движенія. Изъ отчета о дѣятельности синдикатовъ, прочитаннаго на собраніи можно было наглядно убѣдиться въ томъ, какъ разраслось движеніе за двадцать пять лѣтъ. Докторъ Робертсъ, одинъ изъ первыхъ организаторовъ движенія, подводя итоги двадцатипятилѣтнимъ трудамъ, указалъ на то, что съ каждымъ годомъ число слушателей прогрессивно увеличивалось и въ этомъ году, за послѣднюю сессію, было уже организовано 488 университетскихъ курсовъ, которые посѣщало 46.741 человекъ. Эти возрастающія цифры слушателей указываютъ, что университетское движеніе дѣйствительно удовлетворяетъ потребностямъ общества и оправдываетъ его довѣріе. Кромѣ того, однимъ изъ важныхъ результатовъ этого движенія является не только популяризація знаній, но и образованіе болѣе тѣснаго сближенія между народомъ и университетомъ. Прежде, напримѣръ, Кембриджскій и Оксфордскій университеты стояли очень далеко отъ народа, который считалъ ихъ привилегированными заведеніями, недоступными для простыхъ смертныхъ. Но теперь между этими старинными англійскими университетами и народомъ образовалась тѣсная связь, благодаря устройству университетскихъ курсовъ и чтенію лекцій для народа въ залахъ университетскаго сената. Оба университета приняли самое горячее участіе въ распространеніи знаній въ странѣ и въ особенности огромныя услуги этихъ университетовъ заключаются въ томъ, что они готовятъ будущихъ лекторовъ, будущихъ руководителей университетскихъ курсовъ для народа, проникнутыхъ горячимъ стремленіемъ къ добру и высшей культурѣ. Благодаря этимъ «интеллектуальнымъ миссіонерамъ», культура проникаетъ во всѣ слои народа и организуется настоящее національное движеніе, постепенно захватывающее всѣ классы общества. Университеты дѣйствительно являются теперь тѣмъ источникомъ, изъ котораго знаніе и свѣтъ распространяются по всей странѣ. Докторъ Робертсъ въ своей рѣчи въ особенности подчеркнул эту роль университетовъ въ организаціи національнаго движенія и указалъ на то, что университеты должны стремиться къ тому, чтобы воспитать хорошихъ гражданъ, сознающихъ свои права и обязанности.

Послѣ Робертса прекрасную рѣчь сказалъ бристольскій епископъ, нѣсколько лѣтъ стоявшій во главѣ университетскаго движенія въ Кембриджѣ. Онъ говорилъ о важномъ значеніи университетовъ въ народной жизни, о необходимости тѣснаго общенія между народомъ и университетами, о томъ, что кембриджскій университетъ вступилъ на такой путь, на которомъ онъ уже остановиться не можетъ и долженъ волею неволею двигаться далѣе. Но необходимо озаботиться о томъ, чтобы онъ не свернулъ съ этого пути на ложную дорогу и двигался бы впередъ ровно и сознательно, не дѣлая скачковъ и не раскидываясь въ раз-

ныя стороны. Во всякомъ случаѣ нельзя не привѣтствовать того, что Оксфордъ и Кембриджъ нарушили свою прежнюю исключительность, свое изолированное положеніе и превратились въ дѣйствительный центръ, откуда распространяются свѣтъ и знаніе по странѣ.

Въ заключеніе былъ прочитанъ докладъ объ организаціи еще нѣсколькихъ новыхъ центровъ университетскаго движенія.

Театръ мистерій въ Зельцахѣ. Маленькая деревушка Зельцахъ, пріютившаяся у подножія Юрскихъ горъ, ежегодно въ праздникъ Успенія бываетъ мѣстомъ паломничества, куда стекаются толпы крестьянъ изъ окрестныхъ деревень, да кое-кто изъ туристовъ (преимущественно англичане), чтобы присутствовать на представленіи мистерій въ народномъ театрѣ, вродѣ тѣхъ, какія черезъ каждыя десять лѣтъ устраиваются въ Обераммергау въ Баваріи и пріобрѣли всемірную извѣстность.

Мистеріи въ Зельцахѣ носятъ нѣсколько иной характеръ. Это чисто народное празднество и лишь немногіе иностранцы, находящіеся въ это время въ Риги или гдѣ-нибудь по-близости, услышавъ про эти представленія, отправляются посмотреть на нихъ, огромное же большинство публики составляетъ сельское населеніе и горожане, пріѣхавшіе по желѣзной дорогѣ изъ ближайшихъ городовъ Швейцаріи.

Театръ находится посреднѣй большой равнины и съ виду похожъ на огромное гумно или сарай, сколоченный изъ досокъ. Ни снаружи, ни внутри театра нѣтъ никакихъ украшеній, одни голыя доски и ничего больше. Сцена очень просторна и занимаетъ большое пространство; отъ зрительной залы она отдѣлена, также какъ и въ театрѣ Байрета, углубленіемъ, въ которомъ помѣщаются невидимые для зрителей хоры и оркестръ. Все вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе чего-то примитивнаго и переноситъ зрителя въ отдаленныя времена и только громадныя афиши, наклеенныя у входа и носящія уже чисто современный характеръ, нѣсколько нарушаютъ это впечатлѣніе. Въ этихъ афишахъ, между прочимъ, дамъ приглашаютъ снимать шляпки и головные уборы. Впрочемъ, и безъ этого приглашенія всѣ поторопятся освободиться отъ лишняго принадлежностей костюма, такъ какъ представленіе бываетъ днемъ, когда солнце палитъ и въ залѣ, переполненной публикой, становится нестерпимо жарко. Всѣ мужчины, за исключеніемъ иностранцевъ, которые составляютъ очень незначительное меньшинство, снимаютъ сюртуки и въ такомъ непринужденномъ костюмѣ наслаждаются зрѣлищемъ, которое развертывается передъ ними.

На деревенской площади звонятъ въ большой колоколъ, извѣщающій за-поздавшихъ, что представленіе сейчасъ начнется. Затѣмъ двери закрываются и новый звонокъ возвѣщаетъ, что занавѣсъ сейчасъ поднимется. Въ залѣ все затихаетъ. На сцену выходитъ актеръ, голова котораго украшена діадемой, и произноситъ въ стихахъ прологъ. Этотъ актеръ, во все время представленія, которое длится съ 11 часовъ утра до десяти вечера, будетъ пояснять въ стихахъ, заимствованное изъ Библіи и Евангелія, содержаніе живыхъ картинъ, появляющихся на сценѣ. Мистеріи въ Зельцахѣ въ значительной степени отличаются отъ тѣхъ, которые устраиваются боварскими крестьянами въ Обераммергау. Въ Зельцахѣ первая часть мистерій посвящена Ветхому Завѣту, между тѣмъ какъ въ Обераммергау изображаются только страсти Господни. Затѣмъ въ Зельцахѣ музыкальный элементъ занимаетъ преобладающее мѣсто, между тѣмъ какъ въ Обераммергау представленіе носитъ чисто драматическій характеръ и на сценѣ фигурируютъ драматическіе актеры. Въ Зельцахѣ же живыя картины сопровождаются хорами, оркестромъ, аріями, речитативомъ и декламацией, причемъ оркестръ исполняетъ очень искусно составленную партитуру изъ разныхъ ораторій, религіозныхъ гимновъ, сонатъ и оперныхъ арій, произведеній

Баха, Вагнера, Мендельсона. Моцарта, Гайдна и Генделя. Конечно, вкус избалованных зрителей не могут удовлетворить ни эта музыка, ни исполнение актеров, зачастую не знающих, куда дѣвать свои руки во время декламации, но, съ другой стороны, вся сценическая обстановка и аранжировка картинъ, отличающаяся необыкновенною наивностью и простотой, съ которою такъ хорошо гармонируетъ окружающая природа, а также толпа крестьянъ, наряжавшаяся въ свои праздничныя одежды и принимающая такое близкое участіе въ исполненіи актеровъ—все это производитъ совершенно особенное впечатлѣніе, которое трудно изглаживается. Одинъ изъ сотрудниковъ «Revue des Revues», посѣтившій Зельпахъ, рассказываетъ, что по окончаніи представленія, онъ пробрался къ выходу артистовъ, чтобъ посмотреть на нихъ, когда они сбрасываютъ традиціонныя костюмы и явятся въ образѣ простыхъ смертныхъ. Передъ нимъ прошелъ Пилать въ обыкновенной курткѣ со скрипкою подъ мышкой, такъ какъ въ сценѣ, т. е. въ жизни, этотъ «правитель» занимаетъ скромную должность въ оркестрѣ. За нимъ слѣдовалъ Іуда, несущій на рукахъ славнаго толстаго мальчугана, который изображалъ въ живой картинѣ младенца Моисея. Самымъ послѣднимъ вышелъ тотъ актеръ, который изображалъ Христа. Французскій журналистъ подошелъ къ нему и выразилъ желаніе поговорить съ нимъ. Тотъ изъявилъ тотчасъ же согласіе, какъ человѣкъ, привыкшій къ «interview», и пригласилъ журналиста въ гостиницу «Бѣлая лошадь», гдѣ, какъ онъ сказалъ, «мы найдемъ прекрасное пиво и прохладу». Разговоръ, конечно, зашелъ о представленіи, на которомъ только что присутствовалъ журналистъ: «Наша маленькая деревушка, сказала актеръ, насчитывается не болѣе 1.500 жителей, а исполнителей у насъ 250. У насъ уже давно существуетъ хоровое общество, въ которомъ участвуютъ мужчины и женщины; есть также оркестръ и драматическій кружокъ, устраивающій представленія въ залѣ гостиницы. Мы ставимъ, конечно, популярныя драматическія произведенія и уже исполняли на этой сценѣ «Разбойники» Шиллера. Когда часовой фабрикантъ Шлофли, побывавшій въ Обераммергау, задумалъ устроить и здѣсь что-нибудь подобное, то почва оказалась вполне подготовленной: необходимо было только организовать хоръ и музыку. Школьный учитель намъ сдѣлалъ партитуру для оркестра, которую вы только что слышали... Мы не скоро добились такихъ результатовъ и нѣсколько лѣтъ, въ долгіе зимніе вечера, готовили свои роли и репетировали, но всѣхъ насъ воодушевляло одно общее желаніе и мы единодушно стремились къ своей цѣли».

Крестьянинъ, сначала говорившій такимъ спокойнымъ разсудительнымъ тономъ, какимъ онъ привыкъ обсуждать деревенскія дѣла, постепенно воодушевился и журналистъ съ удивленіемъ смотрѣлъ, какъ преобразилось его лицо и загорались глаза. Въ это время служанка принесла кружки съ пивомъ и поставила ихъ на столъ съ обычнымъ привѣтствіемъ. Журналистъ взглянулъ на нее: это была та самая дѣвушка, которая только что изображала Марію Магдалину. Она улыбнулась, видя, что ее узнали, и съ достоинствомъ выслушала комплиментъ, сказанный ей по поводу ея игры.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des deux Mondes». — National Review. — Fortnightly Review. — Cassell's Magazine.

Французскій критикъ Рене Думикъ въ «Revue des deux Mondes» говоритъ по поводу недавно появившейся новой книги «Женщины Возрожденія» (Les femmes de la Renaissance par de Maulde la Clasiere) о той роли, которую играла эпоха Возрожденія въ дѣлѣ измѣненія положенія женщины. Въ средніе вѣка

женщина не имѣла никакой личной жизни и имѣла значеніе лишь по столько, по сколько она была нужна для продолженія рода и управленія домашнимъ хозяйствомъ. Ее выдавали замужъ почти ребенкомъ и она тотчасъ же привыкала смотрѣть на своего мужа какъ на повелителя, которому должна безусловно повиноваться во всемъ и который даже имѣетъ право бить ее. Она никогда не жила такъ, какъ живутъ наши современные молодыя дѣвушки и молодыя женщины, но врядъ ли была способна ощущать пустоту своей жизни. Она была слишкомъ занята: вставала съ восходомъ солнца, наблюдала за слугами, за хозяйствомъ и, вѣроятно, ей некогда было скучать. Она не получала утонченнаго воспитанія и поэтому грубость ея супруга не слишкомъ бросалась ей въ глаза и ей не приходило въ голову считать себя непонятою, хотя она и чувствовала себя порою очень несчастною. Она обманывала своего мужа, потому что не могла, какъ и всякая другая, устоять порою противъ увлеченія страсти, но не тщеславилась своими побѣдами и не искала въ нихъ развлеченій. Ея положеніе въ обществѣ всегда было подчиненное и только въ лирической поэзіи и въ романахъ ее выдвигали на первый планъ, но въ другихъ произведеніяхъ, напримѣръ, въ «*Chanson de geste*», женщина занимаетъ положеніе низшаго существа. Идеи, измѣнившія положеніе женщины, народились въ Италіи и легли въ основу эпохи Возрожденія. Прежде всего тутъ имѣла вліяніе идея правъ личности, освободившейся изъ подъ ига общины гражданской, религіозной и семейной и громко заявившей о своей независимости, и заимъ культъ красоты. Долгіе вѣка человечество, сгибаясь подъ игомъ христіанской дисциплины, ставило своимъ идеаломъ воздержаніе и самопожертвованіе, отрекаясь отъ жизни и опасаясь ея соблазновъ. Но съ эпохи Возрожденія во взглядахъ на жизнь произошла существенная перемѣна: человечество какъ будто устало стремиться къ умерщвленію плоти и перестало считать грѣхомъ жажду земного счастья и поклоненіе красотѣ. Этотъ культъ красоты и сознаніе правъ личности не замедлили оказать вліяніе на положеніе женщины, которая почувствовала себя человѣкомъ и также заявила о своихъ правахъ. Ея роль въ обществѣ была уже не такая второстепенная какъ прежде; женщина служила воплощеніемъ красоты и одухотворенія матерін и ввела искусство въ жизнь. Благодаря ей, прежніе замки, выстроенные лишь такъ, чтобы противостоять натиску непріятеля, измѣнили свой внѣшній видъ и украсились художественными произведеніями; художники, скульпторы и архитекторы начали соперничать другъ съ другомъ въ изобрѣтеніи красиваго стиля, формъ и всевозможныхъ украшеній. Мрачныя средневѣковыя жилища преобразовались и на всемъ строѣ жизни отразилось стремленіе къ красотѣ и изяществу формы. Но кромѣ красоты формъ люди научились цѣнить и высокую культуру ума, смотря на нее какъ на благо, дающее цѣну жизни, и женщины не остались въ сторонѣ отъ этого стремленія. Мало сказать про женщинъ Возрожденія, что «онѣ были образованныя, — онѣ были ученые». Въ Италіи онѣ получали такое же воспитаніе какъ мужчины, и мальчики и дѣвочки учились одинаково; разница заключалась лишь въ томъ, что онѣ не учились всему безразлично, а, главнымъ образомъ, изучали литературу и искусство и поддерживали культъ красоты въ обществѣ. Но дойдя до своего апогея этотъ культъ перешелъ въ XVI вѣкѣ въ разнузданіе чувственности и кончился воцареніемъ произвола и насилій. Это было банкротствомъ феминизма временъ Возрожденія и культъ красоты, также какъ и идея правъ личности, потонули въ потокахъ крови и бряцаніи оружія.

Обсуждая этотъ печальный конецъ блестящей эпохи, авторъ справедливо замѣчаетъ, что культъ красоты, выдѣлившій женщину изъ ея поработеннаго положенія, не могъ служить прочною основой и въ концѣ концовъ долженъ былъ привести къ тому, что красивое зданіе рушилось. Въ сущности все дер-

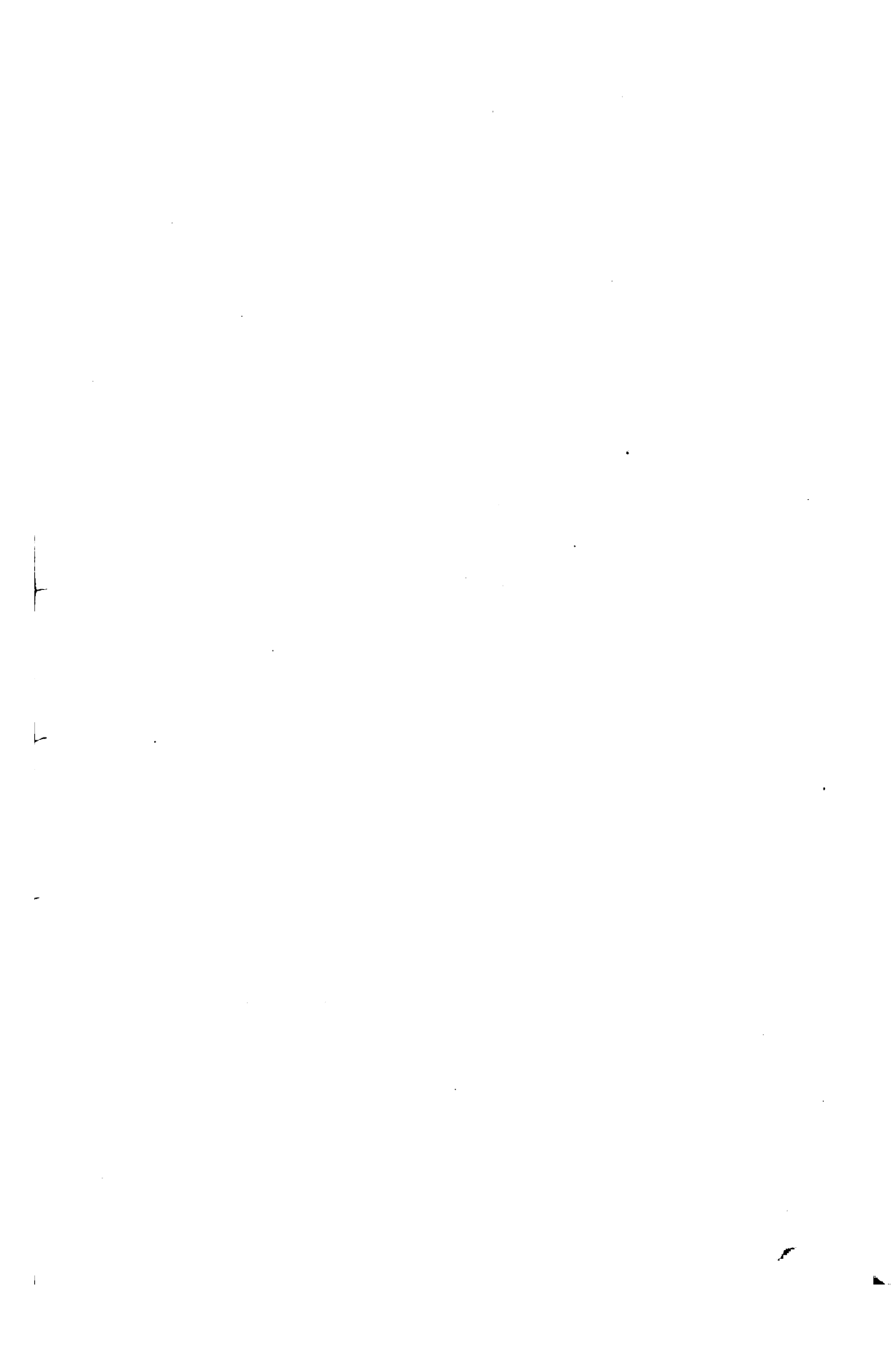
жалось только на внешней красотѣ и внутри была пустота. Женщины стремились реализовать счастье въ жизни, украшая ее съ чисто внешней стороны; роскошная рамка, которую онѣ такъ разукрасили, была пустая внутри. О внутреннемъ содержаніи жизни никто не заботился и никто не думалъ о томъ, что красота не должна быть религіей и что ничего нельзя основывать на чисто эгоистическихъ чувствахъ. Авторъ напоминаетъ объ этомъ современнымъ женщинамъ и предостерегаетъ ихъ отъ впаденія въ крайности. Чрезмѣрный культъ красоты, чисто внешней, погубилъ феминизмъ Возрожденія, но теперь авторъ, какъ истый французъ, повидимому опасается другой крайности; онѣ боятся какъ бы женщина, занявъ мѣсто рядомъ съ мужчиной въ современномъ обществѣ, не потеряла своей женственности. Онѣ уже видятъ признаки этой страшной опасности и приписываютъ этому «омужествленію» женщины то, что современные нравы становятся грубѣе. Но въ этомъ отношеніи авторъ повторяетъ лишь то, что говорятъ почти всѣ французскіе писатели, такъ или иначе касающіеся женскаго вопроса и больше всего опасующіеся, что женщина, ставъ человѣкомъ въ истинномъ значеніи этого слова, перестанетъ быть женщиной—«la vraie femme», какъ они ее называютъ.

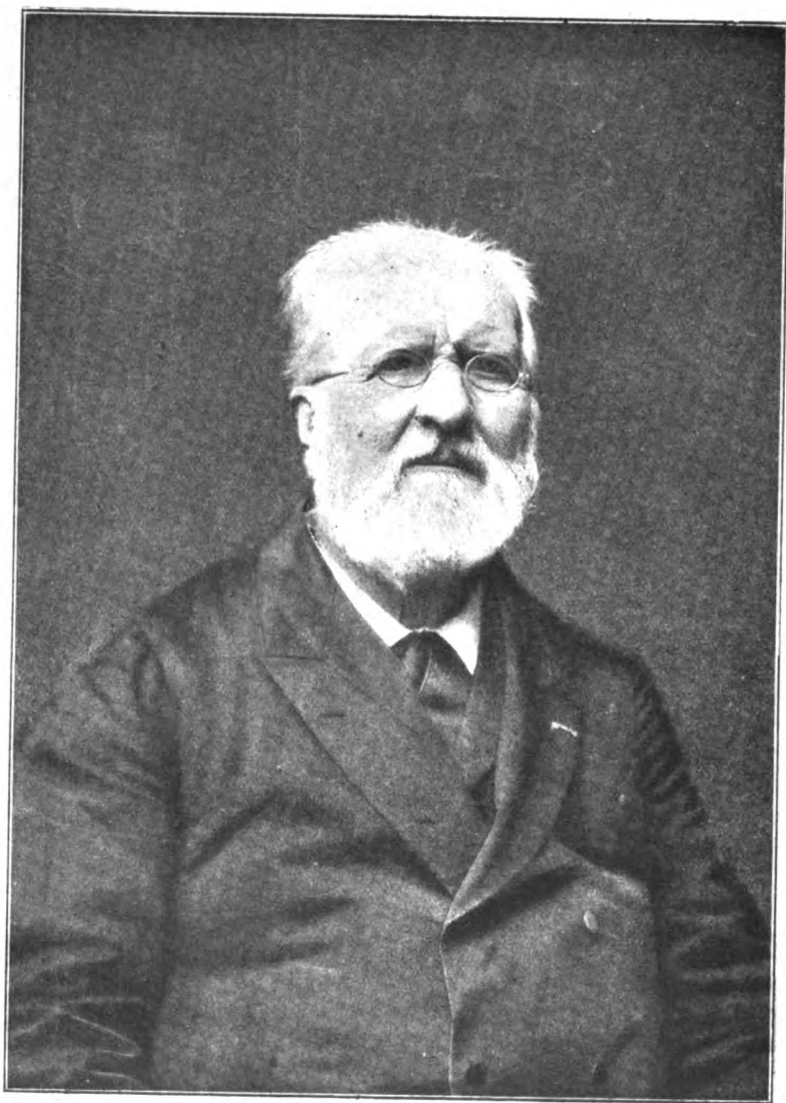
Анонимный авторъ, подписавшійся «журналистомъ-ветераномъ», обсуждаетъ въ «National Review» журнализмъ, какъ карьеру, при чемъ прежде всего заявляетъ, что самъ достигъ успѣха и положенія въ этой профессіи и поэтому можетъ о ней судить болѣе безпристрастно, такъ какъ сужденіями его въ данномъ случаѣ не будетъ руководить весьма естественное чувство досады, заставляющее высказываться неблагоприятнымъ образомъ объ этой карьерѣ всѣхъ тѣхъ, кто потерпѣлъ въ ней неудачу. Но «журналистъ-ветеранъ» находитъ нужнымъ предостеречь молодыхъ людей, слишкомъ опрометчиво избирающихъ эту карьеру. Путь этотъ усыпанъ терніями въ особенности для молодыхъ начинающихъ журналистовъ, такъ какъ и тутъ спросъ въ значительной мѣрѣ превышаетъ предложение, и лишь немногіе могутъ рассчитывать выбиться на дорогу и составить себѣ опредѣленное и обеспеченное положеніе въ области журнализма. Огромному же большинству приходится довольствоваться лишь весьма скромнымъ положеніемъ въ журналистикѣ. Но главное зло, по мнѣнію «журналиста-ветерана», заключается въ томъ, что журнализмъ постепенно обращается въ ремесло и съ каждымъ днемъ періодическая печать приобретаетъ все болѣе и болѣе «американскій характеръ», такъ что мѣсто литературныхъ талантовъ занимаетъ репортерское искусство, погоня за сенсационными новинками и угожденіе вкусамъ толпы. Все это является послѣдствіемъ того, что нація, хотя и научилась читать, но не научилась «читать съ выборомъ». Каждый истинный журналистъ, а не ремесленникъ, долженъ именно стремиться къ тому, чтобы научить націю «читать съ выборомъ», и поэтому было бы очень желательно, чтобы тѣ молодые люди, которые избираютъ журналистику своею профессіею, не стремились бы только къ тому, чтобы сдѣлать въ ней карьеру, усвоивъ необходимыя приемы, но искренно и горячо любили бы свое дѣло, стараясь поднять журналистику на ту высоту, на которой она должна находиться.

Миссъ Люси Гарнетъ, прожившая нѣсколько лѣтъ въ Манилѣ, описываетъ въ «Fortnightly Review» нравы и обычаи туземцевъ. По ея словамъ, туземное населеніе Филиппинскихъ острововъ отличается добродушіемъ и привѣтливостью, но христіанскую религію туземцы усвоили себѣ лишь самымъ поверхностнымъ образомъ и въ сущности остались такими же язычниками, какъ прежде, только мѣсто идоловъ у нихъ заступаютъ католическіе святые. Главнымъ покровителемъ Манилы они считаютъ св. Франциска Слезоточиваго, который проливалъ такіа обильныя слезы въ теченіе трехъ часовъ, оплакивая участь Ма-

нили, что смочилъ нѣсколько платьевъ. Самое интересное на Филиппинскихъ островахъ представляютъ, однако, законы, касающіеся собственности; по этимъ законамъ женщина, замужняя или незамужняя, всегда остается полноправною владѣтельницей своей собственности. Мужъ не имѣетъ никакихъ правъ на имущество своей жены или на ея заработокъ и поэтому въ экономическомъ отношеніи женщина независима и это въ особенности имѣетъ значеніе среди рабочихъ классовъ. Главнымъ условіемъ, породившимъ такую экономическую независимость женщинъ было то, что на правительственныхъ сигарныхъ фабрикахъ почти исключительно работаютъ женщины, и такъ какъ главная промышленность края находится, такимъ образомъ, въ рукахъ женщинъ, то различныя другія занятія и работы, обыкновенно исполняемыя женщинами, выпадаютъ на долю мужчинъ, и въ то время, какъ женщины зарабатываютъ средства къ жизни, мужчины занимаются работами по хозяйству, надзираютъ за дѣтьми и готовятъ обѣдъ. Такимъ образомъ въ филиппинской семьѣ мужья и жены помѣнялись обязанностями и мужчины нисколько не считаютъ ниже своего достоинства нянчить дѣтей, пока жены ихъ работаютъ на фабрикахъ.

Публичные приемы въ Бѣломъ Домѣ представляютъ одну изъ характерныхъ особенностей великой Американской республики и до нѣкоторой степени являются настоящимъ испытаніемъ, которое налагаетъ обычай на президента и его жену. Въ «Cassel's Magazine» описывается одинъ изъ такихъ приемовъ въ бытность Кливленда президентомъ Соединенныхъ Штатовъ. О днѣ приема приема оповѣщаютъ газеты. Въ назначенные дни, обыкновенно отъ 9 до 11 часовъ вечера каждый, кто желаетъ, можетъ придти въ Бѣлый Домъ и пожать руку президенту и его женѣ. Уже къ семи часамъ вечера въ день приема, къ Бѣлому Дому со всѣхъ сторонъ стекаются люди, желающіе видѣть президента и скоро образуется изрядная толпа, которая вытягивается въ шеренгу. Многие торопятся придти пораньше, чтобъ попасть въ число первыхъ. Толпа, перебивающая въ Бѣломъ Домѣ въ такіе дни, часто достигаетъ шести-семи тысячъ. Приемы въ Бѣломъ Домѣ представляютъ въ высшей степени интересное зрѣлище и европейцамъ, впервые посѣтившимъ такой приемъ и привыкшимъ къ этикетамъ, господствующимъ при европейскихъ дворахъ, конечно будетъ пораженъ тою разношерстной и разнокалиберною толпою, которая наполняетъ въ этотъ день залы Бѣлаго дома. Тутъ можно видѣть женъ миллионеровъ въ роскошныхъ, чуть не бальныхъ туалетахъ, залитыхъ брилліантами, и джентльменовъ въ изящно сшитыхъ костюмахъ, и простыхъ рабочихъ, надѣвшихъ праздничное платье и пожимающихъ своими мозолистыми руками руки президента и его супруги. И президентъ и его жена одинаково любезно привѣтствуютъ каждого, кто къ нимъ подходитъ, кто бы онъ ни былъ, и также ласково улыбаются мальчугану газетному разнощику, который распродалъ весь свой дневной запасъ газетъ и пришелъ поглядѣть на президента, какъ и сыну какого-нибудь высокопоставленнаго чиновника, одного изъ членовъ кабинета и т. д. и т. д. Во всякомъ случаѣ это пожатіе рукъ составляетъ одну изъ нелегкихъ обязанностей, въ особенности для жены президента, но оно является символомъ общенія главы государства съ народомъ, и ни одному изъ президентовъ, конечно, никогда не придетъ въ голову отмѣнить этотъ обычай или ограничить число гражданъ, спѣшащихъ пожать руку своему президенту.





G. de Mortillet

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Габріэль де-Мортилье и доисторическая археологія.

Есть имена, неразрывно связанныя съ наукой. Въ числу ихъ безспорно принадлежитъ имя недавно скончавшагося на 78 году отъ рожденія профессора парижской антропологической школы—Габріэля де-Мортилье. Большая часть жизни и изумительной энергіи покойнаго была посвящена изслѣдованію различныхъ областей и вопросовъ науки о человѣкѣ—антропологіи, въ особенности же того отдѣла ея, который получилъ названіе доисторической археологіи или палеоэтнологіи. Предлагаемая вниманію читателя статья главною своею цѣлью имѣетъ ознакомленіе съ тѣми трудами Габріэля де-Мортилье, которые справедливо создали ему имя въ наукѣ и съ которыми русская публика не имѣла возможности широко познакомиться, благодаря отсутствію въ русскомъ переводѣ капитальнаго труда Мортилье по доисторической археологіи, озаглавленнаго *Le préhistorique* *).

Доисторическая археологія или, по выраженію Мортилье, «доисторическая исторія человѣчества» ставитъ своею задачею изученіе исторіи культуры человѣчества и его быта въ тѣ времена, которыя получили названіе *доисторическихъ*, такъ какъ о нихъ у насъ не осталось не только писанныхъ документовъ, но даже устныхъ преданій. Цѣль этой науки—дать намъ полную картину постепеннаго развитія первобытнаго человѣчества. Доисторическій бытъ человѣчества въ ту отдаленнѣйшую отъ насъ эпоху, о которой не сохранилось, повидимому, никакихъ слѣдовъ, жизнь эта, казалось, вовсе и навсегда стертая отъ нашихъ взоровъ безжалостною рукою времени,—трудами археологовъ изъ пыли и праха возстаетъ предъ нами, благодаря тому крайне своеобразному матеріалу, который они съумѣли раздобыть, а внимательнымъ наблюденіемъ и изученіемъ съумѣли превратить безмолвную, мертвую матерію въ живыя слова, изъ которыхъ, со временемъ, можно будетъ составить подробный и связанный рассказъ о послѣдовательныхъ фазахъ, пережитыхъ человѣчествомъ въ его первобытной исторіи. Отдѣльные моменты этой исторіи, нѣкоторыя эпохи ея и теперь уже съ достаточной отчетливостію ожили предъ нашимъ духовнымъ взоромъ.

Полна интереса, а въ отдѣльныхъ своихъ моментахъ весьма поучительна исторія развитія археологіи и той борьбы за существованіе, которую ей пришлось выдержать при своемъ появленіи, а потому я позволю себѣ въ крайне общихъ чертахъ затронуть исторію археологіи; тѣмъ болѣе, что попутно мы встрѣтимся съ вопросами существенной важности, выясненіе которыхъ имѣетъ прямое отношеніе къ нашей задачѣ и поможетъ болѣе отчетливому ознакомленію съ той важной ролью, какую въ этой области знанія играютъ труды

*) *Le préhistorique. «Antiquité de l'homme», par G. de Mortillet. Deuxième Edit. Paris 1885.*

Габріэля де-Мортилье. Появляется археологія какъ бы посрединѣ между двухъ наукъ, на двухъ противоположныхъ полюсахъ обѣихъ. Въ самомъ дѣлѣ, появленіе на землѣ въ концѣ безконечнаго періода медленнаго развитія органической жизни человѣка есть, какъ мы увидимъ далѣе, послѣдняя страница исторіи земли и первая страница исторіи человѣчества. Къ этому моменту подошли съ двухъ сторонъ: съ одной—геологи, съ другой—историки: первые, поднимаясь изъ тьмы наиболѣе отдаленныхъ эпохъ къ настоящему, вторые—уходя отъ настоящаго въ полное тайнъ, отдаленное прошлое.

Томсенъ, Нильсонъ и другіе шведскіе и датскіе ученые, побуждаемые желаніемъ отыскать свѣдѣнія о первобытныхъ обитателяхъ сѣвера Европы и тѣмъ раздвинуть рамки исторіи своего отечества, напали на счастливую идею разыскивать слѣды этихъ первобытныхъ обитателей сѣвера Европы въ морскихъ и рѣчныхъ наносахъ, насыпныхъ холмахъ морскихъ, побережій—дюнахъ, торфяникахъ и озерахъ. Въ указанныхъ мѣстахъ и были найдены ими тѣ болѣе чѣмъ скромные, непримечательные на видъ и первый взглядъ предметы, которымъ со временемъ суждено было сыграть столь важную роль въ дѣлѣ познанія прошлаго человѣчества. Среди обломковъ раковинъ и костей, черепковъ битой посуды, разнаго мусора и кусочковъ обугленнаго дерева были открыты остатки самого человѣка—человѣческіе кости и черепа. Внимательное наблюденіе и тщательное изученіе этихъ скромныхъ реликвій позволило, со временемъ, возстановить въ ихъ постепенномъ развитіи не только культурное состояніе исчезнувшихъ расъ, ихъ бытъ и дѣятельность, но даже ихъ вѣншній и нравственный обликъ. Ни для кого уже въ самомъ началѣ этихъ открытій не оставалось сомнѣнія въ томъ, что эти находки нельзя отнести къ какой-нибудь опредѣленной хронологической датѣ. Единственный возможный исходъ изъ этого затрудненія заключался въ томъ, что пришлось удовольствоваться установленіемъ относительной древности тѣхъ или иныхъ находокъ. Но для этого нужно было найти какой-нибудь признакъ. Датчанинъ Томсенъ нашелъ въ постепенномъ развитіи человѣческой индустріи основаніе для такой относительной хронологической классификаціи найденныхъ предметовъ. Тщательное изученіе находокъ показало Томсену, что, по мѣрѣ удаленія отъ нашего времени, человѣческая индустрія становится проще, грубѣе. Это открытіе послужило признакомъ для классификаціи доисторическихъ временъ; данной Томсеномъ въ 1836 г. Было время, когда человѣкъ вовсе не былъ знакомъ съ употребленіемъ металловъ. Въ отдаленнѣйшія отъ насъ времена для приготовленія большинства орудій главнымъ матеріаломъ служилъ камень; этотъ періодъ времени, столь характерный для цѣлой эпохи человѣческой культуры по употребленію каменныхъ орудій—получилъ названіе *каменнаго вѣка*. На смѣну камню явился первый металлъ—мѣдь—въ видѣ сплава съ оловомъ, извѣстнаго подъ названіемъ бронзы; бронза является послѣ камня не только на сѣверѣ, но и во всей Европѣ вообще, отчего Томсенъ и далъ этому періоду названіе *бронзоваго вѣка*. Появленіе желѣза, металла, имѣющаго столь широкое распространеніе въ нашъ вѣкъ, характеризуетъ послѣдній періодъ доисторическихъ временъ, который и получилъ названіе *желѣзнаго вѣка*. Еще за нѣсколько лѣтъ до опубликованія Томсеномъ его нахонокъ, въ 28 и 29 гг. во Франціи поднялся горячій споръ изъ-за вопроса о томъ, существуетъ ли или нѣтъ *геологическій, ископаемый* человѣкъ. Что же собственно подразумѣвается подъ этими терминами? Геологи называютъ *ископаемыми* всѣ тѣ органическіе остатки, которые находятся въ различныхъ слояхъ земной коры и которые сыграли столь важную роль въ изученіи исторіи земли, послуживши основаніемъ для опредѣленія времени образованія, конечно относительнаго, различныхъ слоевъ, изъ которыхъ состоитъ земная кора. Въ этомъ лабиринтѣ, который часто представляютъ изъ себя взаимныя отношенія различныхъ слоевъ и породъ твердой оболочки земли, вышеупомянутые организмы

сыграли роль путеводной нити и дали возможность установить классификацію этихъ слоевъ по относительной древности ихъ образованія. Громадный періодъ времени отъ перваго появленія органической жизни на землѣ до нашихъ дней, эту длинную исторію земли, геологи *) дѣлятъ на 4 громадныхъ эпохи: первичную или палеозойскую, вторичную или мезозойскую, третичную или неозойскую и, наконецъ, четвертичную, которая для современнаго геолога характеризуется появленіемъ на землѣ человѣка **). Только двѣ послѣднія эпохи, третичная и четвертичная, имѣли связь съ вопросами антропологіи, а потому мы остановимся лишь на краткой характеристикѣ этихъ двухъ эпохъ. Третичная характеризуется широкимъ развитіемъ млекопитающихъ отъ низшихъ формъ до высшихъ формъ этого класса—обезьянъ включительно. Четвертичная, какъ уже сказано выше, для современной науки характеризуется присутствіемъ человѣка. Но то, что въ наше время стало неоспоримой истиной, потребовало для своего доказательства многихъ усилій и упорной борьбы, всего лишь 50 лѣтъ тому назадъ. Основываясь на находкахъ человѣческихъ костей и остатковъ человѣческой индустріи наряду съ вымершими, ископаемыми животными видами, жившими въ четвертичную эпоху, французскіе изслѣдователи Tougna, de-Christol и др. отвѣчали утвердительно на вопросъ о существованіи геологическаго, ископаемаго человѣка. Эти первые факты, говорившіе въ пользу новаго воззрѣнія, отмѣченные въ 1828 и 1829 гг., встрѣтили со всѣхъ сторонъ бурную оппозицію. На нихъ ополчились потому, что они шли въ разрѣзъ со всѣми привычными взглядами на этотъ предметъ и, отодвигая появленіе человѣка въ неизмѣримо отдаленныя отъ насъ времена, подрывали авторитетъ старыхъ традицій. Сначала оспаривали подлинность новыхъ фактовъ, затѣмъ просто старались молчаніемъ обойти затруднительные вопросы, но когда новые и новые факты, накопляясь въ болѣебольшемъ количествѣ, все больше пробивали дорогу новому воззрѣнію, противъ нихъ была выдвинута, если не сама наука, то, во всякомъ случаѣ, громадный научный авторитетъ Кювье. Геніальный Кювье, создавшій цѣлую науку палеонтологію, Кювье, по одной кости восстанавливавшій животное, котораго никто никогда не видѣлъ, великій Кювье въ своемъ сочиненіи «Sur les revolutions du globe» объявилъ, что ископаемый, геологическій человѣкъ, не существовалъ, что на ряду съ послѣдними вымершими животными видами человѣкъ не жилъ. Для борьбы съ свидѣтельствомъ фактовъ, такимъ образомъ, призванъ былъ авторитетъ и временно авторитетъ взялъ верхъ: на 30 лѣтъ, по меньшей мѣрѣ, авторитетъ Кювье задержалъ развитіе археологическихъ знаній. Но истина въ концѣ-концовъ восторжествовала, хотя борьба со старыми воззрѣніями въ данномъ случаѣ потребовала энергіи и настойчивости такихъ замѣчательныхъ людей, какими были Эймаръ и Буше-де-Пертъ. Особенно интересна исторія Буше-де-Перта, который, исходя изъ ложной въ своемъ основаніи идеи, сдѣлалъ, тѣмъ не менѣе, истинныя и очень важныя открытія. Ходъ мысли Буше-де-Перта былъ слѣдующій: такъ какъ человѣкъ жилъ до потопа, то нужно искать остатковъ человѣка и его индустріи въ тѣхъ наносахъ, которые остались отъ всемірнаго потопа, т. е., по мнѣнію Буше-де-Перта, въ такъ-называемыхъ *диллювіальныхъ* ***) отложеніяхъ. Понятно, что съ научной точки зрѣнія разсужденія эти не выдерживали ни малѣйшей критики, такъ

*) См. A. de-Lapparent. Traité de géologie III édit. II part. p. 708.

**) A. de-Lapparent. l. c. p. 1338. § 1.

***) Терминъ *диллювій*, *диллювіальный отложеніе*, своей этимологіей введшій въ заблужденіе Буше-де-Перта, принадлежатъ къ крайне неудачнымъ терминамъ, появившимъ въ геологическую номенклатуру отъ англичанъ; теперь стремятся совершенно вывести ихъ изъ употребленія, замѣняя ихъ выраженіемъ *аллювій* четвертичной эпохи и обозначая этимъ названіемъ рѣчные наносы четвертичной геологической эпохи.

какъ наукѣ неизвѣстны наносы, которые могли бы быть приписаны всемірному потопу. Твердо увѣренный въ справедливости своего разсужденія, Буше-де-Перть горячо принялся за раскопки и его старанія вскорѣ увѣнчались блестящимъ успѣхомъ; въ долину рѣки Соммы у г. Аббевиля во Франціи въ рѣчныхъ наносахъ четвертичной геологической эпохи (въ дилювіальныхъ, какъ прежде выражались, отложеніяхъ), Буше-де-Перть нашелъ кремневые орудія, которыя и приписалъ допотопному человѣку. Когда въ его рукахъ скопилось достаточное количество матеріала, онъ опубликовалъ его въ 1847 г. подъ заглавіемъ: «Кельтическія и допотопныя древности». Какъ и прежнія находки этого рода, такъ и находки Буше-де-Перта встрѣтили самое равнодушное отношеніе, тѣмъ болѣе, что и ученый міръ отнесся скептически къ труду, узнавши объ исходной мысли автора о всемірномъ потопѣ. Но такой пріемъ не обезкуражилъ Буше-де-Перта: онъ еще ревностнѣе принялся за новыя раскопки и вскорѣ внимательное наблюденіе показало ему самому, что дѣло обстоитъ гораздо серьезнѣе, чѣмъ онъ самъ вначалѣ предполагалъ: онъ убѣдился въ томъ, что его находки принадлежали не допотопному, а геологическому, ископаемому человѣку. Непоколебимое убѣжденіе въ своей правотѣ поддержало его непреклонную энергію; всю свою жизнь онъ посвятилъ борьбѣ за свои открытія и пропагандѣ своихъ идей и только послѣ двадцатилѣтнихъ усилій, особенно же послѣ вмѣшательства въ споръ англійскихъ ученыхъ—Джона Эванса и Прествича, открытія Буше-де-Перта были признаны всѣмъ ученымъ міромъ. Въ 1863 г. англійскій геологъ Чарльзъ Ляналль, посѣтивши лично мѣста находокъ ископаемаго человѣка, издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: «Геологическія доказательства древности человѣка», переведенное почти на всѣ языки, между прочимъ и на русскій. Вотъ въ краткихъ чертахъ исторія важнѣйшихъ моментовъ въ развитіи археологіи, которая, получивши, наконецъ, всеобщее и полное признаніе и право на самостоятельное существованіе какъ отдѣльной отрасли знанія, съ тѣхъ поръ быстрыми шагами пошла впередъ и принесла человѣчеству много новыхъ драгоцѣнныхъ фактовъ въ общую сокровищницу знанія.

Такъ какъ ископаемый, четвертичный человѣкъ уже доказанъ вполне точными, неопровержимыми данными, такъ какъ установлено, что человѣкъ жилъ уже въ началѣ четвертичной эпохи, то естественнымъ образомъ возникъ вопросъ: не жилъ ли человѣкъ уже въ предыдущую, т.-е. третичную геологическую эпоху? Вопросъ этотъ извѣстенъ въ археологіи подъ названіемъ вопроса о «третичномъ человѣкѣ». Его подробное изложеніе завело бы насъ слишкомъ далеко, а потому мы ограничимся лишь приведеніемъ заключительныхъ выводовъ, которыми Габріэль де-Мортилье оканчиваетъ главу, посвященную этому вопросу въ «le préhistorique». На этомъ примѣрѣ мы будемъ имѣть возможность убѣдиться въ той громадной проникаемости и силѣ критической мысли, которою обладалъ покойный ученый. «Въ третичную эпоху, говоритъ онъ, существовали достаточно разумныя существа; они обрабатывали камень и знали огонь. Существа эти не были еще людьми; это были предшественники человѣка на землѣ, существа промежуточныя между нынѣ извѣстными антропоидными обезьянами и человѣкомъ; мы можемъ назвать ихъ антропомитеками. До сихъ поръ мы не встрѣчали остатковъ скелета этихъ антропомитековъ и въ этомъ отношеніи нужно ждать важныхъ открытій». Конечно, уже изъ основныхъ положеній теоріи Дарвина можно было вывести такое предположеніе, но до Габріэля де-Мортилье никто не высказалъ его съ такою ясностью и опредѣленностью. Притомъ же выводы свои де-Мортилье, если не цѣликомъ—то въ значительной мѣрѣ построилъ на наблюденіяхъ надъ матеріаломъ, добытымъ археологіей. И что же? Не прошло и 15 лѣтъ и эти гипотетическія представленія получили блестящее подтвержденіе въ находкѣ доктора Дюбуа, сдѣланной имъ на островѣ Явъ.

Здѣсь были найдены части скелета существа, изученіе которыхъ показало, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ существомъ, занимающимъ промежуточное положеніе между всѣми извѣстными ископаемыми и нынѣ живущими расами человѣчества и высшими антропоидными обезьянами *). Итакъ, общій выводъ, къ которому приходятъ и антропологи и геологи сводится къ тому, что человѣкъ появляется лишь въ четвертичную геологическую эпоху. Когда эта истина была установлена, ближайшая задача археолога свелась къ тому, чтобы прослѣдить развитіе человѣчества въ тотъ громаднѣйшій промежутокъ времени, который обнимаетъ собою четвертичная геологическая эпоха. Задача въ высшей степени трудная по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, изъ историческихъ временъ мы уходимъ во времена геологическія, а потому прежде всего должны отрѣшиться отъ нашихъ обыденныхъ представленій о времени, такъ какъ геологія не дала еще возможности даже съ приблизительной точностью до вѣковъ и тысячелѣтій опредѣлять хотя бы относительную продолжительность отдѣльныхъ эпохъ, не говоря уже объ абсолютной. Сейчас мы убѣдимся изъ фактовъ, что наука имѣетъ лишь несомнѣнные доказательства крайней продолжительности періода времени, соответствующаго четвертичной эпохѣ. Второе затрудненіе состоитъ въ томъ, что какъ въ началѣ такъ и въ концѣ этой длинной эпохи мы находимъ человѣка въ одномъ и томъ же каменномъ вѣкѣ; мало того, мы находимъ его въ одномъ и томъ же періодѣ каменнаго вѣка, получившемъ названіе палеолитическаго періода или древняго періода каменнаго вѣка въ отличіе отъ такъ-называемаго неолитическаго или новаго періода каменнаго вѣка. Въ этотъ послѣдній, неолитическій періодъ главное орудіе человѣка, каменный топоръ, часто подвергался полировке, отчего періодъ этотъ называется иногда также періодомъ полированного камня въ отличіе отъ палеолитическаго періода, когда полировка каменныхъ орудій была вовсе неизвѣстна. Не нужно, однако, думать, что этимъ слишкомъ вѣтхимъ признакомъ исчерпывается вся разница между нео-и палеолитическими періодами; для этого подраздѣленія есть много другихъ, болѣе вѣскихъ, существенныхъ основаній, чѣмъ этотъ на первый взглядъ случайный признакъ, но онъ оказался удобнымъ для классификаціи и удержался въ наукѣ. Дѣло въ томъ, что неолитическій періодъ каменнаго вѣка, представляетъ въ сравненіи съ палеолитическимъ уже очень высокую культурную ступень въ развитіи человѣчества, гораздо болѣе близкую къ намъ по времени. Вся обстановка жизни неолитическаго человѣка уже болѣе близка къ нашей, современной: человѣкъ былъ уже знакомъ съ агрикультурой, имѣлъ домашнихъ животныхъ, умѣлъ строить себѣ жилище и хоронилъ умершихъ своихъ собратьевъ. Ни одного изъ только что перечисленныхъ признаковъ мы не встрѣтимъ въ палеолитическомъ человѣкѣ. Неолитическій періодъ къ тому же не принадлежитъ къ четвертичной геологической эпохѣ, онъ принадлежитъ уже цѣликомъ къ современному геологическому періоду. Четвертичная, эпоха такимъ образомъ вполнѣ совпадаетъ съ палеолитическимъ періодомъ, который и подлежитъ теперь нашему детальному разсмотрѣнію.

Чтобы дать нѣкоторую идею о продолжительности четвертичной эпохи мы должны обратиться къ даннымъ геологіи и палеонтологіи. Палеонтологія говоритъ намъ, что въ четвертичную эпоху наряду съ человѣкомъ жили животныя виды, нынѣ совершенно исчезнувшіе съ лица земли. Такъ, напр., въ Европѣ въ разное время жили 3 разныхъ вида слоновъ: *Elephas meridionalis*, *Elephas antiquus* et *Elephas primigenius*; послѣдній всѣмъ болѣе или менѣе извѣстенъ

*) Интересующихся болѣе подробно вопросамъ о третичномъ человѣкѣ и детальнымъ описаніемъ важной находки д-ра Дюбуа мы отсылаемъ къ статьѣ, напечатанной въ № 6 «Міра Божія», за текущій годъ, подъ заглавіемъ: «Интересная находка д-ра Дюбуа».

подъ названіемъ мамонта; онъ имѣлъ гораздо большее распространеніе сравнительно съ двумя первыми видами и его видовое названіе *primigenius* (буквально — первородный) крайне неудачно, такъ какъ онъ явился лишь позже и притомъ на смѣну двумъ первымъ видамъ. Уже одинъ тотъ фактъ, что *Elephas antiquus* столь распространенный, напр., на территоріи современной Франціи въ самомъ началѣ четвертичной эпохи, затѣмъ исчезаетъ совершенно и на его мѣсто является *Elephas primigenius* или мамонтъ, говоритъ намъ о какой-то перемѣнѣ. Чтобы судить о характерѣ послѣдней, достаточно сравнить между собою два упомянутыхъ вида слоновъ; *Elephas antiquus* былъ приспособленъ къ жизни въ теплыхъ странахъ; онъ занимаетъ по своей организаціи срединное положеніе между нынѣ извѣстными индійскимъ и африканскимъ слонами, которые не могутъ выносить холода; тогда какъ мамонтъ, покрытый густою и длинною шерстью, могъ выносить очень суровый климатъ. Очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ измѣненіемъ климатическихъ условій. Къ вполне аналогичному выводу насъ приводятъ и носороги: ихъ также было два вида — *Rhinoceros Merckii*, любившій теплый климатъ и *Rhinoceros tichorinus* *), приспособленный къ суровому климату, благодаря густому мѣху, которымъ онъ былъ покрытъ; этотъ послѣдній жилъ одновременно съ мамонтомъ. Можнобыло бы и еще умножить примѣры, но и этихъ уже достаточно для того, чтобы сдѣлать слѣдующее заключеніе: въ теченіе четвертичной эпохи было два рѣзко другъ отъ друга отличавшихся періода — одинъ теплый, другой холодный; теплый предшествовалъ холодному. Къ такому выводу насъ привела фауна четвертичной эпохи т.-е. палеонтологическія данныя. Посмотримъ теперь не найдется ли геологическихъ доказательствъ въ пользу того же вывода. Дѣйствительно, геологія даетъ намъ богатый матеріалъ. Оказывается, что была эпоха, когда ледники, область распространенія которыхъ въ Европѣ въ наше время ограничивается лишь областью очень высокихъ горъ, напр., Альпъ, Пиренеевъ, имѣли гораздо болѣе широкое распространеніе. Изученіе распространенія ледниковъ въ четвертичную геологическую эпоху приводитъ геологовъ къ слѣдующему выводу: въ началѣ этой эпохи ледники существовали лишь на высокихъ горахъ (какъ и теперь), климатъ былъ очень теплый и влажный. Затѣмъ, въ связи съ глубокими климатическими измѣненіями, выразившимися въ измѣненіи температуры воздуха и сохраненіи ею обильной влажности, наступаетъ періодъ громаднаго распространенія ледниковъ. Далѣе вновь наступаетъ измѣненіе климатическихъ условій и ледники начинаютъ свое обратное отступленіе. Къ концу четвертичной эпохи они вновь уменьшаются до тѣхъ скромныхъ размѣровъ, какіе мы находимъ и въ наше время. Показанія геологич., такимъ образомъ, совершенно сходятся съ показаніями палеонтологич. Изъ всего сказаннаго можно составить себѣ нѣкоторую идею о продолжительности четвертичной эпохи; ясно, что такія существенныя перемѣны въ климатѣ, такія ихъ грандіозныя послѣдствія, какъ громадное распространеніе ледниковъ и крупныя перемѣны въ фаунѣ — все это для своего совершенія потребовало не одного десятка и не одной сотни лѣтъ; прошли, вѣроятно, десятки тысячелѣтій, прежде чѣмъ все это успѣло произойти. Современникомъ и свидѣтелемъ всѣхъ этихъ событій и перемѣнъ на нашей планетѣ былъ человекъ.

Ничто въ мірѣ не стоитъ неподвижно, все идетъ впередъ, прогрессируетъ, развивается! отъ этого общаго закона не должно было и не могло уйти и человечество. Въ этотъ колоссальный періодъ времени оно, хотя бы и медленно,

*) Единственные по той сохранности, въ которой они дошли до нашего времени, экземпляры мамонта и носорога (*R. tichorinus*) находятся въ зоологическомъ музѣ Императорской Академіи Наукъ. Своему прекрасному сохраненію они обязаны сибирскимъ холодамъ, которые сохраняли до нашего времени не только скелеты, но даже части кожи и шерсти животныхъ.

должно было развиваться, идти вперед! Уловить основной смысл этого развития, типическія черты его и послѣдовательныя фазы—вотъ задача археолога, изучающаго исторію культуры человѣчества, вотъ смыслъ того подраздѣленія или той классификаціи и ея принциповъ, которыхъ долгое время и тщетно искали археологи, чтобы подраздѣлить безконечно длинный палеолитическій періодъ, или четвертичную эпоху, на болѣе короткіе промежутки времени. Нужно было найти существенный признакъ, которымъ можно было бы характеризовать отдѣльныя эпохи этого огромнаго періода, разбить его на болѣе мелкія единицы и, изучивши отдѣльные моменты исторіи развитія человѣчества, представить ее затѣмъ въ ея цѣломъ и въ непрерывной, логической послѣдовательности.

Въ исторіи попытокъ классификаціи палеолитическаго періода особенный интересъ представляетъ попытка французскаго палеонтолога Эдуарда Лартэ, который пытался установить 3 археологическія эпохи и характеризовать ихъ современными фауной. Его система имѣла слѣдующій видъ: первую археологическую эпоху была эпоха пещернаго медвѣдя, второю—эпоха мамонта и, наконецъ, третьею—эпоха сѣвернаго оленя. Еще въ настоящее время нерѣдко говорятъ объ эпохѣ сѣвернаго оленя. Не говоря уже о томъ, что самый признакъ для классификаціи взять Лартэ безъотносительно къ человѣку, въ сферы его жизни и дѣятельности, эта схема имѣла и еще большія неудобства. Оказалось, что всѣ перечисленные виды животныхъ, и пещерный медвѣдь, и мамонтъ, и сѣверный олень, жили одновременно и, если бы, на основаніи этого признака, пришлось характеризовать отдѣльныя эпохи, онѣ могли бы быть характеризованы лишь болѣшимъ или меньшимъ относительнымъ распространеніемъ перечисленныхъ животныхъ. Что же получилось бы въ результатъ такой характеристики эпохъ? Какіе могла она дать практическіе выводы? Мамонтъ жилъ въ равнинахъ и его остатками изобилуютъ рѣчные наносы; олень жилъ повсюду и его остатки находятъ въ самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ; пещерный медвѣдь, какъ уже показываетъ его названіе, жилъ въ пещерахъ, искалъ утесовъ и гористыхъ мѣстъ и дѣйствительно тамъ и находятъ по большей части его остатки. Но и въ пещерахъ, и въ рѣчныхъ наносахъ могутъ быть найдены и дѣйствительно находятся орудія, принадлежавшія человѣку. Спрашивается: къ какой археологической эпохѣ отнести найденное орудіе на основаніи этого фаунистическаго признака? Невозможность установить относительную хронологію той или иной находки на основаніи этого признака—очевидна. Громадная научная заслуга Габріэля де-Мортилье и состоитъ въ томъ, что онъ далъ вѣрный принципъ для классификаціи *) палеолитическаго періода, что онъ самъ строго провелъ на практикѣ этотъ принципъ при изученіи каменной индустріи на французской территоріи, распространилъ его, поскольку это оказалось возможнымъ, на находки другихъ странъ и далъ цѣльную, стройную и систематическую картину культурнаго развитія человѣчества отъ самыхъ зачатковъ его. Признакомъ, на основаніи котораго Габріэль де-Мортилье характеризуетъ отдѣльныя эпохи палеолитическаго періода, является постепенная эволюція типа орудій человѣка, ходъ постепеннаго развитія человѣческой индустріи, дѣятельности самого человѣка. По основной своей идеѣ такой принципъ классификаціи является какъ бы продолженіемъ знаменитаго дѣленія археологическихъ временъ Томсена, а также подраздѣленія каменнаго вѣка на нео- и палеолитическіе періоды и, такимъ образомъ, заслуга Мортилье заключается въ установленіи единства въ археологической классификаціи. Но не только въ указаніи вѣрнаго принципа заключается заслуга Мортилье, которая и въ этомъ случаѣ была бы очень

*) Classification de diverses periodes de l'âge de la pierre. Compte rendu du congrès de Bruxelles. 1873.

велика. Ему всецѣло археологія обязана тѣмъ, что упомянутая эволюція человѣческой индустріи была найдена, установлена, провѣрена и детально изучена. Мы легче составимъ себѣ идею о томъ громадномъ трудѣ мысли, который потребовала эта работа, если мы представимъ себѣ дѣло практически. Первой стадіей этого труда было собрать достаточное количество орудій, принадлежность которыхъ палеолитическому періоду не оставалась бы никакихъ сомнѣній. Габріэль де Мортилье постоянно и настойчиво ставилъ на видъ, что этотъ отдѣлъ археологіи долженъ исключительно опираться на геологическія данныя, что тогда лишь возможна увѣренность въ принадлежности орудія палеолитическому человѣку, когда строгая провѣрка геологическихъ указаній устранивъ всякое сомнѣніе на этотъ счетъ. Будучи лично большимъ знатокомъ новѣйшихъ геологическихъ формаций и ихъ фауны, онъ неоднократно опровергалъ многія увлеченія археологовъ. Далѣе, собранную такимъ образомъ и провѣренную коллекцію нужно было подвергнуть дальнѣйшему, детальному изученію, установить типы орудій, вѣроятный способъ фабрикаціи того или иного типа, преобладающую найденныхъ типовъ, наконецъ, ихъ примѣненіе къ практическимъ потребностямъ и въ результатъ закончить описаніемъ того внѣшняго облика, какой должна была представлять изъ себя жизнь человѣка въ каждый соотвѣтствующій періодъ времени. Плодомъ этого огромнаго труда, благодаря тонкой наблюдательности, оригинальной и творческой мысли Габріэля де-Мортилье, явилось подраздѣленіе палеолитическаго періода на четыре археологическія эпохи и полная захватывающаго интереса, живая характеристика ихъ. Эпохи получили слѣдующія названія, идя отъ болѣе древнихъ къ болѣе новымъ: шельская эпоха, мустьерская, сюлутрейская и, наконецъ, мадленская. Названія произошли отъ соотвѣтствующихъ мѣстностей въ разныхъ департаментахъ Франціи, гдѣ индустрія того или иного типа, соотвѣтствующаго данной эпохѣ, болѣе типична, наилучше изучена и, по возможности, чиста, т. е. не представляетъ смѣшенія типовъ. Вотъ названія соотвѣтствующихъ мѣстностей: Chelles—въ департаментѣ Сены и Марны, Moustier—въ деп. Дордоньи, Solutré—въ деп. Саоны и Луары и, наконецъ, La-Madeleine въ деп. Дордоньи.

Первая, т. е. шельская эпоха, по мнѣнію Мортилье, предшествовала ледниковому періоду. Она отличалась теплымъ и влажнымъ климатомъ (температура въ центрѣ Франціи не опускалась ниже $+8^{\circ}$ Ц. Къ этому выводу пришелъ палеофитологъ Г. де-Сапорта, изучая растительность соотвѣтствующей эпохи). Человѣкъ живетъ на ряду съ слономъ (*elephas antiquus*), носорогомъ, (*Rh. Merckii*), гиппопотамомъ, львомъ, большимъ пещернымъ медвѣдемъ, пещерной гіеной и др. нынѣ вымершими видами животныхъ. Издѣлія человѣка шельской эпохи состоятъ изъ грубыхъ каменныхъ орудій клинообразной формы (см. рис. 1 и 2), оббитыхъ грубыми ударами съ обѣихъ сторонъ. Это единственное орудіе шельской эпохи получило у французовъ названіе *coup-de-poing*. Оно не имѣло спеціального назначенія и служило для удовлетворенія всѣхъ цѣлей и потребностей, названіе же указываетъ на то, что оно не имѣло никакой оправы, что, пользуясь имъ, человѣкъ держалъ его прямо въ рукъ. У насъ всѣ орудія этого рода извѣстны подъ названіемъ топоровъ, вслѣдствіе неразвитой еще археологической терминологіи; названіе въ данномъ случаѣ безусловно неудачно, такъ какъ можетъ вести къ заблужденію. Матеріаломъ для фабрикаціи его служили, главнымъ образомъ, гальки, находимые человѣкомъ по берегамъ рѣкъ и горныхъ потоковъ. Найденную гальку оббивали съ двухъ сторонъ грубыми ударами и тѣмъ придавали орудію его типичную миндалевидную форму, заостренную сверху. Орудіе расширено внизу, гдѣ оно нѣсколько закруглено (на рис. 2 между прочимъ прекрасно видно его происхожденіе отъ гальки) и быстро утончается сверху. Края его представляютъ угловатую, ломанную линію. Нѣкоторые археологи оспаривали то мнѣніе, что это былъ единственный инструментъ эпохи.

Членъ парижской академіи наукъ палеонтологъ Альбертъ Годри велъ подъ личнымъ наблюденіемъ раскопки у г. Аббевиля, желая провѣрить находки Буше-де-Перта. Онъ нашелъ только 9 орудій одного и того же шельскаго типа. Замѣтивши, что въ нижнихъ слояхъ наносовъ этой эпохи орудія болѣе грубой обработки, а въ верхнихъ болѣе тщательной, Габріэль де-Мортилье подраздѣлилъ позднѣе шельскую эпоху на двѣ: шельскую собственно, болѣе древнюю, и ашельскую болѣе новую. Такъ какъ температура воздуха была постоянно высокая, человѣкъ могъ не заботиться объ одеждѣ и ходить совершенно голымъ.

Затѣмъ слѣдуетъ такъ называемая мустьерская эпоха, которая соответствовала ледниковому періоду. Климатъ, слѣдовательно, рѣзко измѣнился по сравненію съ климатомъ шельской эпохи и ледники приобрѣли то широкое распространеніе, о которомъ мы говорили выше. Неприспособленные для жизни въ холодныхъ странахъ животныя исчезли и замѣнились другими видами: нѣтъ болѣе гиппопотама, *elephas antiquus* и *Rhinoceros Merckii*; послѣдніе два вида замѣнились



Рис. 1. $\frac{1}{3}$ нат. вел.



Рис. 2. $\frac{1}{3}$ нат. вел.

другими—*elephas primigenius* и *Rhinoceros tichorinus*. Въ предшествующую эпоху было тепло и человѣкъ могъ ходить безъ всякой одежды и не заботиться о приисканіи себѣ жилища. Наступившіе холода заставили его позаботиться объ убѣжищѣ. Такими убѣжищами явились, прежде всего, естественныя пещеры и гроты, но и на эти неприхотливыя квартиры кромѣ человѣка были и другіе претенденты, вродѣ, напр., громаднаго пещернаго медвѣдя (*ursus spelaeus*), пещерной гienны и другихъ хищныхъ животныхъ, имѣвшихъ, вѣроятно, и права первенства на эти скромныя убѣжища. Археологическое изслѣдованіе гротовъ и пещеръ раскрываетъ предъ нашими взорами картины тѣхъ драматическихъ коллекцій, той жестокой борьбы за существованіе, которая при этомъ имѣла мѣсто и превѣсь въ которой зачастую оставался не на сторонѣ нашихъ предковъ. Снѣгъ, морозы и холодные вѣтры заставили человѣка подумать и объ одеждѣ. Матеріаломъ для изготовленія ея служили шкуры убитыхъ животныхъ. Но шкуру нужно прежде всего снять съ убитаго животнаго, затѣмъ обработать хотя бы самымъ грубымъ образомъ, удаливши мясо и жиръ, а для ношенія на тѣлѣ нужно сдѣлать въ ней отверстія, чтобы какъ-нибудь укрѣпить ее на тѣлѣ. Изъ новой обстановки, въ какую попалъ человѣкъ, естественно вытекаютъ и новыя виды дѣятельности его. И дѣйствительно, къ каменнымъ орудіямъ мустьерской эпохи мы находимъ такія формы, которыя могли удовлетворить нарощія

потребности. Это, съ одной стороны, заостренные орудія (pointes) (см. рис. 3), годныя для прокалыванія дыръ въ шкурахъ, а также и для другихъ цѣлей, съ другой—скребла (rascoir) (см. рис. 4), какъ нельзя лучше приспособленные для обскабливанія шкуръ убитыхъ животныхъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что съ усложнившимися потребностями и условиями жизни усложняются и орудія. Но этого мало: сами орудія по характеру дѣятельности, потребной для

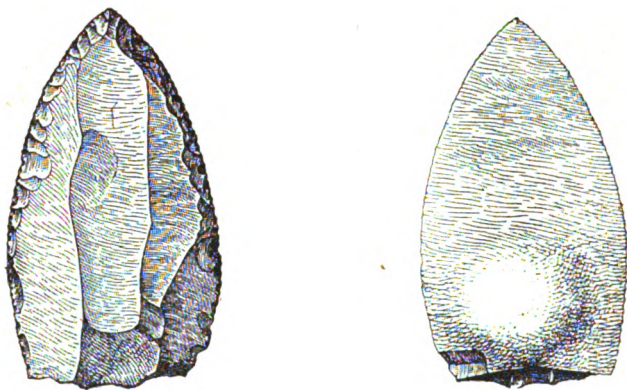


Рис. 3. $\frac{2}{3}$ нат. вел.

производства ихъ самихъ, являются какъ бы логическимъ слѣдствіемъ, вытекающимъ изъ предыдущаго, прямо происходя отъ своихъ предшественниковъ, грубыхъ топоровъ шельской эпохи. Отличіе ихъ состоитъ въ томъ, что орудіе не подвергается уже оббивкѣ съ двухъ сторонъ, какъ было прежде, а лишь съ одной стороны; другая же остается гладкой и получается непосредственно отъ сильнаго удара, которымъ будущее орудіе отбивается отъ куска горной по-

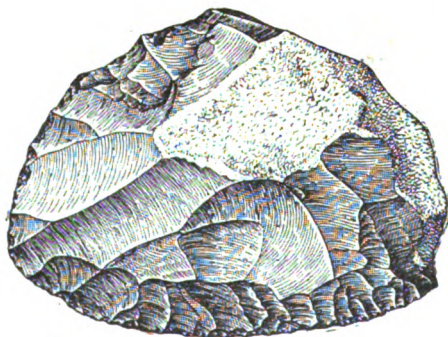


Рис. 4. $\frac{2}{3}$ нат. вел.

роды для дальнѣйшей обработки. Занимаясь въ теченіе долгаго времени отдѣлкой галекъ для фабрикаціи топоровъ шельскаго типа, человекъ могъ случайно получить новыя формы орудій и приспособить ихъ для новыхъ выросшихъ потребностей. Оба рода орудій—и скребла и острія, первыя на нижнемъ краю, вторыя часто съ обѣихъ сторонъ до верху носятъ слѣды уже болѣе тщательной обработки или ретуша (retouche). Ихъ происхожденіе отъ удара сказывается въ маленькомъ кругломъ возвышеніи (bulbe de percussion) невдалекѣ отъ мѣста, по которому пришелся ударъ; оно происходитъ отъ свойства кремня

давать, какъ говорятъ минералогъ, раковистый изломъ. Орудія эпохи Мустье также употреблялись безъ всякой рукоятки: ихъ также держали прямо въ рукахъ.

Слѣдующая солютрейская эпоха относится уже къ послѣдниковому періоду. Климатъ къ этому времени сдѣлался болѣе умѣреннымъ. На территоріи Франціи появляется масса дикихъ лошадей и сѣверныхъ оленей; живеть также и мамонты. Человѣкъ ведетъ исключительно охотничью жизнь: лошадь и олень любимая дичь его. На стоянкѣ Solutré, сдѣлавшейся типомъ для эпохи, остатки скелетовъ лошадей представляютъ слой въ 3 метра толщины и покрываютъ пространство въ 100 метровъ длиною. Считаютъ, что въ этомъ мѣстѣ погибло до 20.000 лошадей. Одинъ скелетъ лошади былъ цѣликомъ восстановленъ и хранится въ Ліонскомъ музеѣ. Маленькаго роста, съ большой головой и крѣпкими челюстями животное имѣло сильную мускулатуру и изящные члены и должно было обладать быстрымъ бѣгомъ. Интересно, что въ гравюрахъ на кости,



Рис. 5. $\frac{1}{2}$ нат. вел.

относящихся къ слѣдующей мадленской эпохѣ, гравюрахъ, свидѣтельствующихъ о крайне раннемъ развитіи въ человѣкѣ художественныхъ наклонностей, мы находимъ точное воспроизведеніе всѣхъ отличительныхъ чертъ лошадей той эпохи (см. рис. 12). Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что лошадь въ ту эпоху была уже ручнымъ, домашнимъ животнымъ, но, по внимательному разсмотрѣніи многихъ данныхъ, вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, тѣмъ болѣе, что и современная этнографія подтверждаетъ тотъ взглядъ, что первымъ ручнымъ животнымъ у человѣка является собака. Человѣкъ солютрейской эпохи былъ охотникомъ. Изученіе рельефа мѣстности у стоянки Solutré, гдѣ погибло такое количество лошадей, показало и причину ихъ гибели. Человѣкъ загонялъ лошадей на крутой обрывъ; не имѣя возможности отступленія, животные падали внизъ съ крутизны и погибали, становясь добычею человѣка. Орудія этой эпохи отличаются тонкостью отдѣлки и изяществомъ формы. Въ солютрейскую эпоху каменная индустрія достигаетъ апогея своего развитія въ палеолитическій періодъ каменнаго вѣка. Въ слѣдующую эпоху, мадленскую, въ конкуренцію съ камнемъ вступаетъ другой матеріалъ—кость и это ведетъ къ



Рис. 6. $\frac{2}{3}$ нат. вел.

упадку каменной индустріи. Долголѣтняя обработка одного камня приводитъ къ тому искусству въ его обработкѣ и тѣмъ изящнымъ формамъ каменной индустріи, которыя типичны для солютрейской эпохи. Характерными орудіями являются острія (см. рис. 5) въ формѣ лавроваго листа, а также болѣе мелкія въ видѣ лезвія ножа (см. рис. 6). Уже самая ихъ форма говоритъ намъ о томъ, что эти орудія имѣли уже рукоятку или были опрaвлены. Нѣкоторые археологи даже допускаютъ, что въ эту эпоху уже были специалисты, занимавшіеся фабрикаціей каменныхъ орудій. Болѣе тонкой, изящной формы скребки (grattoir) бывають иногда обоюдоострыми, иногда же одинъ конецъ орудія представляетъ изъ себя острое шило, другой — скребокъ. Вообще о скребкѣ должно замѣтить, что это столь невзрачное на первый взглядъ орудіе играло въ исторіи культурнаго развитія человѣчества чрезвычайно важную роль и было въ высшей степени полезнымъ; не даромъ со времени своего перваго по-

явленія въ отдаленнѣйшія отъ насъ времена палеолитическаго періода орудіе это сохраняется и приобѣтаетъ самое широкое распространеніе не только въ теченіе всего неолитическаго періода, но даже доходитъ до историческихъ временъ въ каменной индустріи древнихъ культуръ Гренландіи и Мексики.

Послѣднюю эпоху палеолитическаго періода была мадленская эпоха, соответствующая постпліоценовому періоду четвертичной геологической эпохи. Со стороны фауны она характеризуется большимъ распространеніемъ сѣвернаго оленя, отчего она извѣстна также подъ названіемъ эпохи сѣвернаго оленя. Зимы отличаются суровостью, лѣто же становится жаркимъ и олень уходитъ на сѣверъ въ лѣтнее время, увлекая за собой и человека, который ведетъ кочевой, охотничій образъ жизни. Принужденный постоянно жить среди холода, онъ попрежнему ищетъ естественныхъ убѣжищъ для защиты отъ холода и непогоды, но, кромѣ кромѣ, онъ долженъ уже быть одѣтымъ настоящимъ образомъ. И дѣйствительно, въ индустріи этой эпохи мы встрѣчаемъ громадное развитіе принадлежностей портняжнаго искусства: шиль, ножей, иглокъ (рис. 10) и т. п. На конкуренцію камню выступаетъ другой матеріалъ—кость, и каменная индустрія приходитъ въ упадокъ въ томъ, конечно, смыслѣ, что въ каменной индустріи мадленской эпохи мы уже не встрѣчаемъ тѣхъ особенно изящныхъ формъ орудіи, какія мы видѣли въ предыдущую эпоху. Ножи (рис. 7) и скребки (рис. 8 представляетъ собственно ножъ, одинъ конецъ котораго обращенъ въ скребокъ) приобѣтаютъ самое широкое рас-



Рис. 7.
 $\frac{1}{2}$ нат. вел.



Рис. 8.
 $\frac{2}{3}$ нат. вел.



Рис. 9.
 $\frac{2}{3}$ нат. вел.



Рис. 10.
нат. вел.



Рис. 11.
 $\frac{2}{3}$ нат. вел.

пространеніе. Ножи — часто очень тонкія, изящныя пластинки трехгранной формы цѣлыми массами отбиваются отъ кусковъ различной горной породы, главнымъ образомъ, кремня. Изъ другихъ каменныхъ орудіи упоминаемъ еще о такъ-называемомъ *burin* (рис. 9). Это очень острое на концѣ орудіе служило для мелкихъ и нѣжныхъ работъ, напр., для просверливанія уха въ иглокъ, сдѣланной изъ кости. Это же орудіе служило, вѣроятно, рѣзцомъ въ первыхъ попыткахъ человека въ области изящныхъ искусствъ. Изъ кости и оленьяго рога приготавливаются прекрасные гарпуны (рис. 11), шила, наконечники стрѣлъ и копій. Оленьи жилы служатъ для шиванія шкуръ убитыхъ животныхъ. Къ числу странныхъ предметовъ, находимыхъ въ пещерахъ и гротахъ мадленской эпохи, о которыхъ трудно сказать что-нибудь достоверное, относится особая издѣлія изъ оленьяго рога (рис. 12) съ просверленными

въ нихъ дырами, концентрическими кругами и выгравированными изображеніями различныхъ животныхъ (въ данномъ случаѣ лошадей). Мортилье называетъ эти предметы начальническими жезлами (*bâton de commandement*), обозначая этимъ названіемъ свое предположеніе, что предметы эти служили символомъ власти у лицъ, которымъ они принадлежали. Вѣрнѣе же, пожалуй, будетъ сознаться, что мы ничего не знаемъ о томъ назначеніи, которое они могли

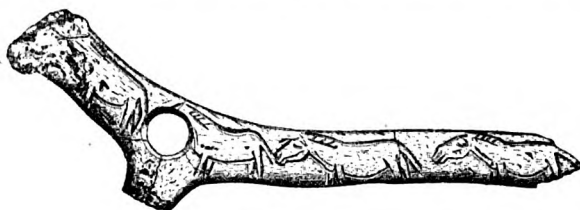


Рис. 12. $\frac{1}{4}$ нат. вел.

имѣть. Громадный интересъ они представляютъ для насъ помимо вопроса объ ихъ назначеніи: они свидѣлствуютъ намъ о крайне раннемъ развитіи въ человѣкѣ художественныхъ наклонностей. Очень рано, на самыхъ низшихъ ступеняхъ культурнаго развитія, среди тяжелой, трудовой жизни и жестокой борьбы за существованіе человѣкъ становится артистомъ. Изъ гравюръ на кости и камнѣ

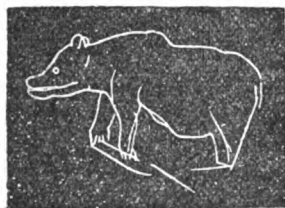


Рис. 13. $\frac{1}{3}$ нат. вел.



Рис. 14. $\frac{1}{3}$ нат. вел.

(рис. 13, 14 и 15) и статуэтокъ мадленской эпохи мы видимъ, что первые мотивы творчества человѣкъ заимствуетъ изъ окружающей его природы; вниманіе его останавливается на самомъ живомъ, бьющемъ въ глаза, наиболѣе импрессионнующемъ чувствѣ. Человѣкъ стремится къ непосредственному воспроизведенію образовъ, приковавшихъ его вниманіе, и въ результатъ мы получаемъ живыхъ

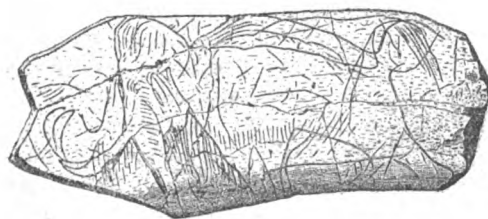


Рис. 15. $\frac{1}{2}$ нат. вел.

реальныя фигуры, полныя жизненной правды. Рис. 13 представляетъ изображеніе пещернаго медвѣдя съ соблюденіемъ всѣхъ признаковъ, типичныхъ для этого вида медвѣдя, рис. 14—статуэтку мамонта, сдѣланную изъ бивня этого

животного и, наконецъ, рис. 15—представляетъ рисунокъ мамонта, покрытаго длинною шерстью и съ типичнымъ сверху загнутыми бивнями.

Вотъ въ крайне общихъ чертахъ изложенная система Габріэля де-Мортилье, данная имъ для классификаціи палеолитическаго періода въ томъ видѣ, какъ авторъ изобразилъ ее во второмъ изданіи *le préhistorique* въ 1885 г. Съ тѣхъ поръ прошло достаточно времени. Явились новые факты, сдѣланы были новыя изслѣдованія и открытія и Габріэль де-Мортилье могъ въ нѣкоторыхъ частяхъ пополнить свою классификацію, указавши переходныя формы между индустріей разныхъ эпохъ. На нѣкоторые вопросы археологіи установились новыя взгляды, но для той эпохи, разсмотрѣніемъ которой мы занимались въ настоящей статьѣ, основанія классификаціи Мортилье, ея сущность остались безъ измѣненія, такъ какъ съ тѣхъ поръ еще болѣе прочно установлено было однообразіе въ главныхъ, общихъ чертахъ доисторической индустріи на всемъ земномъ шарѣ и ея повсемѣстная эволюція отъ болѣе простыхъ формъ къ болѣе сложнымъ. Если даже порядокъ этой эволюціи, разработанный для французской территоріи Габріэлемъ де-Мортилье и не можетъ быть всецѣло и абсолютно распространенъ не только на цѣлый міръ, но даже и на всю Европу, если даже эволюція каменной индустріи и модифицировалась подъ вліяніемъ различныхъ мѣстныхъ условій, если, наконецъ, отдѣльныя эпохи, сходство индустріи которыхъ можетъ быть установлено для нѣкоторыхъ областей и странъ, и не синхроничны въ этихъ странахъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы система Мортилье потеряла свой смыслъ и громадное значеніе. Конечно различныя культурныя ступени далеко не синхроничны въ отдѣльныхъ странахъ! Развѣ въ нашъ вѣкъ пара и электричества не были открыты народы, жившіе всецѣло въ каменномъ вѣкѣ? Даже враги системы Мортилье не отрицаютъ ея топологическаго значенія. Основная идея, принципъ, методъ изслѣдованія остаются вѣрными и свидѣтельствуютъ о правильномъ ходѣ и критическомъ характерѣ мысли автора классификаціи. Еще болѣе рельефно и во всемъ своемъ нравственномъ величіи выступаютъ эти качества ума Габріэля де-Мортилье, если вспомнить съ какою добросовѣстностью и неутомимой энергіей онъ провѣрялъ подлинность и часто опровергалъ ее во многихъ археологическихъ находкахъ, которыя часто были выгодными для его теоретическихъ взглядовъ. Истина всегда была ему дороже, чѣмъ самая излюбленная теорія. Нерѣдко Мортилье высказывалъ болѣе чѣмъ смѣлыя гипотезы, но важно то, что онъ всегда первый готовъ былъ отступить отъ нихъ, если факты не оправдывали предположеній. Начиная съ самаго своего появленія классификація Мортилье вызвала возраженія, которыя часто переходили во враждебныя нападки. Но любопытно, что всѣ возраженія сводятся къ тому, что классификація преждевременна, что многія находки не вполне подтверждаютъ ее, что она не универсальна, что эпохи въ разныхъ странахъ не синхроничны и т. д.; словомъ, всѣ возраженія далеко не принципиальны. Всего-же любопытнѣе то обстоятельство, которое обнаружилось въ 1891 году во время конгресса въ Марселѣ: оказалась что классификація Мортилье принята даже противниками ея; лучшаго доказательства ея основательности не нужно!...

Многочисленныя позднѣйшія попытки классификаціи, принадлежащія Піетту, Булю, д'О дю-Менілю, Ами и др., представляютъ ничто иное какъ модификацію классификаціи Мортилье и въ основаніи своемъ вполне тождественны съ нею. Честь открытія правильнаго принципа классификаціи всецѣло принадлежитъ, слѣдовательно, Габріэлю де-Мортилье и въ этомъ его большая научная заслуга. Дальнѣйшее изученіе археологіи всѣхъ странъ внесетъ несомнѣнно многія поправки и прибавки къ этой первой попыткѣ классификаціи и дастъ возможность замѣнить нераціональныя мѣстныя названія отдѣльныхъ эпохъ, терминами болѣе общими, раціональными, естественно-научными. Не нужно забы-

вать, что археологія еще слишкомъ молода, что она далеко еще не сказала своего послѣдняго слова: здѣсь все еще находится въ періодѣ созиданія.

Находки относящіяся къ палеолитическому человѣку извѣстны и у насъ въ Россіи. Къ таковымъ относятся, напр., находки графа Уварова, сдѣланныя имъ въ наносахъ рѣки Оки въ Муромскомъ уѣздѣ Владимирской губерніи. Габріэль де-Мортилье имѣлъ возможность познакомиться съ находками графа Уварова и его мнѣніе сводится къ тому что онѣ не относятся ни къ шельской эпохѣ, ни къ эпохѣ Мустье. Другія, новыя находки, сдѣланныя въ г. Кіевѣ въ 1895 году Хвойкою, также, повидимому, должны быть отнесены къ болѣе позднимъ эпохамъ *).

Въ заключеніе остается еще очень трудный, но слишкомъ соблазнительный вопросъ. Сколько же времени длился палеолитическій періодъ, выражаясь не геологическимъ, а нашимъ человѣческимъ языкомъ? Мы уже упоминали въ началѣ насколько рискованно подводить наши абсолютныя цифры къ столь отдаленнымъ геологическимъ эпохамъ и какъ мало точныхъ данныхъ имѣемъ мы для ихъ исчисленія. Ошибки, въ которыя мы рискуемъ впасть при такомъ подсчетѣ, очень велики. Только лишь настроивши читателя вполне скептически ко всѣмъ подобнаго рода попыткамъ, мы укажемъ тѣ цифры, къ которымъ приходятъ нѣкоторые изслѣдователи. Основываясь на разныхъ болѣе или менѣе остроумныхъ соображеніяхъ геологическаго характера, перечисленіемъ которыхъ мы не будемъ утомлять читателя, Мортилье даетъ для продолжительности палеолитическаго періода цифру въ 222 тысячи лѣтъ. Другіе, напр., Прествичъ **) опредѣляютъ древность человѣка, жившаго въ началѣ ледниковаго періода до неолитическихъ временъ въ 25—30 тысячъ лѣтъ. Проф. Иностранцевъ, предупреждая что расчетъ не можетъ отличаться точностью, опредѣляетъ древность Ладожскаго, до-историческаго человѣка въ 8, 9 тысячъ лѣтъ ***). Но какъ-бы скептически мы ни относились къ этимъ подсчетамъ, какъ ни разнорѣчны иногда ихъ результаты, одно для насъ остается вѣ въ всякаго сомнѣнія: древность человѣка на землѣ очень велика: она значительно больше, чѣмъ обыкновенно допускали.

Трудно было бы въ рамкахъ небольшой статьи разсказать обо всѣхъ трудахъ Габріэля де-Мортилье. Упомянемъ лишь нѣкоторые, наиболѣе крупныя его сочиненія. Въ сотрудничествѣ съ сыномъ, Андріеномъ де-Мортилье, онъ издалъ прекрасный атласъ для изученія доисторическаго человѣка подъ заглавіемъ «Musée préhistorique» (откуда заимствованы рисунки, воспроизведенные въ текстѣ этой статьи). Крупный трудъ представляетъ сочиненіе подъ заглавіемъ «Origines de la chasse, de la pêche et de l'agriculture.» Въ прошломъ году въ изданіи «Bibliothèque scientifique internationale» вышло крупное сочиненіе его по французской этнологіи: «Formation de la nation française.» Много крупныхъ статей написано Габріэлемъ де-Мортилье для словаря антропологическихъ наукъ ****), а также для многихъ періодическихъ изданій. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ издавалъ и въ сотрудничествѣ съ другими редактировалъ журналъ «l'Homme» посвященный всѣмъ вообще вопросамъ антропологіи.

Въ самое послѣднее время Габріэль де-Мортилье былъ занятъ переработкой и подготовкой къ новому изданію своего главнаго труда «Le préhistorique». Смерть застала его за этимъ занятіемъ. Свой трудъ онъ успѣлъ лишь довести до неолитическаго періода, по къ счастью для науки у Габріэля де-Мортилье есть продолжатель начатаго имъ дѣла въ лицѣ его сына Адріена де-Мортилье, про-

*) Th. Volkov. Découvertes préhistoriques de M. Chvoika de Kiev. Bull. de la Société-téd'Anthrop. de Paris. T. XI (IV serie).

**) Л. Нидерле. «Человѣчество въ доисторическія времена». Стр. 69. Спб. 1898.

***) А. Иностранцевъ. «Геологія». Т. II. Стр. 512.

****) Dictionnaire des sciences anthropologiques. Paris.

фессора сравнительной этнографіи въ той же антропологической школѣ. Будучи постоянно въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, сотрудничая во всѣхъ почти научныхъ предпріятіяхъ отца, онъ находится вполне въ курсѣ новыхъ идей своего отца и является лучшимъ преемникомъ его научныхъ трудовъ, такъ что въ свѣтъ переработаннаго изданія «Le préhistorique» — вопросъ времени. Габріэль де-Мортиль съ особеннымъ сочувствіемъ отнесся къ предложенію нашего соотечественника Ө. К. Волкова перевести это сочиненіе на русскій языкъ, обѣщая передавать по мѣрѣ выхода корректурные листы новаго изданія. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Адріенъ де-Мортиль съ величайшею готовностью выполнить обѣщаніе отца и явится возможностью въ подлинникъ познакомиться съ этой интересной и поучительной книгой.

Но наряду съ крупнымъ ученымъ, хлопотливо и безпристрастно изучавшимъ археологическія находки, въ Габріэлѣ де-Мортилѣ живъ еще человекъ съ крайнѣ развитымъ общественнымъ чуткомъ и темпераментомъ, человекъ борьбы. Мы уже сказали, что въ основаніи характеристики Мортиль, какъ ученаго, должно поставить его постоянное и неуклонное стремленіе къ истинѣ. *Amicus Plato, sed magis amica veritas* — была его любимая фраза, которую онъ часто повторялъ на своихъ лекціяхъ. То-же самое качество характеризовало его и какъ человека въ его личныхъ и общественныхъ отношеніяхъ. Правдивость его и прямое слѣдованіе исповѣдаемымъ убѣжденіямъ нерѣдко тяжело отзывались на его личной судьбѣ: въ 1849 году онъ принужденъ былъ эмигрировать изъ Франціи въ Савойю и изъ своего изгнанія онъ могъ вернуться на родину лишь въ 1864 году. Въ этотъ пятнадцатилѣтній промежутокъ времени много тяжелыхъ годинъ и разныхъ испытаній пришлось пережить Габріэлю де-Мортилю: былъ онъ и инженеромъ путей сообщенія въ Италіи и хранителемъ музеевъ въ Аннеси, затѣмъ въ Женевѣ. О стѣсненномъ положеніи его въ то время достаточно говорить, напр., тотъ фактъ, что сынъ его Адріенъ, въ то время мальчикъ, принужденъ былъ добывать себѣ средства къ жизни тяжелымъ трудомъ при одномъ изъ торговыхъ домовъ въ г. Москвѣ. Вернувшись въ Парижъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Габріэль де-Мортиль добывалъ средства къ жизни содержаніемъ пенсіона, или начальной школы. Въ 1881 году онъ былъ избранъ городскимъ головою въ Сень-Жерменъ. Въ этомъ городѣ онъ и жилъ уже до конца своей жизни. Этотъ періодъ его общественной дѣятельности характеризуется непрерывною борьбою съ клерикальною партіею, благодаря проискамъ и ярости которой ему пришлось оставить эту должность. Избранный депутатомъ съ департамента Сены и Уазы въ 1885 году Габріэль де-Мортиль и въ палатѣ депутатовъ явился поборникомъ демократическихъ идей и крайнимъ врагомъ централизма, которымъ, какъ извѣстно, сильно пропитывута внутренняя политика современной Франціи. Его выборомъ въ депутаты воспользовались враги, чтобы удалить его отъ должности хранителя Сень-Жерменскаго музея національныхъ древностей, археологическая коллекція котораго представляетъ изъ себя рѣдкій образецъ научной и учебной коллекціи, гдѣ весь матеріалъ расположенъ въ удивительно стройной системѣ. Въ послѣднее время всѣ средства къ жизни Габріэля де-Мортиль заключались въ скромномъ доходѣ отъ продажи научныхъ трудовъ, да еще болѣе чѣмъ скромнаго профессорскаго жалованья въ антропологической школѣ (1.200 fr. въ годъ! около 450 руб.). Въ этой послѣдней должности Габріэль де-Мортиль состоялъ съ 1876 года, изъ года въ годъ читая курсъ доисторической археологіи. Курсъ этотъ, привлекающая большое количество слушателей, каждый годъ заканчивался археологическими экскурсіями, иногда довольно продолжительными, въ мѣстности, знаменитыя находками, и до послѣднихъ лѣтъ Габріэль де-Мортиль лично руководилъ ими; лишь въ послѣдніе два года онъ возложилъ эту обязанность на своего сына, такъ какъ ослабѣвшее зрѣніе затрудняло его.

Въ заключеніи для полноты характеристики Габріэля де-Мортилье намъ остается еще упомянуть о томъ, что это былъ въ высшей степени живой членъ всякаго общества, гдѣ онъ ни появлялся. Всегда веселый, остроумный и обходительный онъ сразу привлекалъ къ себѣ всеобщую симпатію. Съ его смертью общество потеряло полезнаго, энергичнаго и безкорыстнаго общественнаго дѣятеля, наука—одного изъ рѣдкихъ адептовъ. Миръ праху его!

Н. Могилянскій.

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

Химія. Новый элементъ эфиріонъ.—**Биологія.** Полъ потомства.—**Зоологія.** Психологія пчелъ.—**Ботаника.** Интересный случай тератологіи растений.—**Антропологія.** Древнѣйшій способъ добыванія огня.—**Медицина.** 1) Прививка противъ чумы въ Индіи. 2) Часы смерти и рожденія.—**Географія и путешествія.** Море бѣлаго цвѣта.

Химія. Крупная новость получилась недавно изъ Америки. Журналъ «Scientific american» сообщаетъ о докладѣ профессора Чарльза Брѣша, прочитанномъ имъ на сѣздѣ американской научной ассоціаціи въ Бостонѣ, въ которомъ онъ сообщаетъ объ открытіи имъ новаго газа съ весьма замѣчательными свойствами. Только лишь въ самое послѣднее время его удалось получить въ сравнительно чистомъ видѣ и изслѣдовать его свойства. Вновь открытый газъ отличается очень большою теплопроводностью при низкомъ давленіи и превосходить въ этомъ отношеніи даже такой газъ, какъ водородъ. Брѣшъ думаетъ, что этотъ газъ можетъ оказаться состоящимъ изъ двухъ или трехъ неизвѣстныхъ до сихъ поръ газовъ. Быстрота молекулярнаго движенія частицъ газа громадна и онъ долженъ быть въ много разъ легче водорода. Далѣе Брѣшъ полагаетъ, что весьма вѣроятно распространеніе этого газа далеко за предѣлы земной атмосферы. Онъ не останавливается даже предъ гипотезой, что газъ этотъ наполняетъ собою междупланетное пространство и, быть можетъ, представляетъ собою то гипотетическое, невѣсомое нество, которое допускають физики подъ названіемъ мірового эфира. Исходя изъ этой идеи Брѣшъ назвалъ новое вещество etherion или эфиромъ. Сообщение Брѣша вызвало большой интересъ со стороны членовъ сѣзда. Понятно то огромное значеніе, которое можетъ имѣть для науки открытіе Брѣша, если дальнѣйшія изслѣдованія подтвердятъ его подлинность.

Биологія. Полъ потомства. Въ послѣднее время, какъ извѣстно, ученые много работаютъ надъ вопросомъ о причинахъ, вліяющихъ на полъ потомства. Еще не такъ давно опредѣляющимъ моментомъ въ этомъ смыслѣ считался возрастъ родителей. По этому воззрѣнію условіемъ, благоприятствующимъ роженію мальчиковъ считался болѣе зрѣлый возрастъ отца сравнительно съ возрастомъ матери: если возрастъ родителей одинаковъ или, если мать старше отца, результатъ долженъ получиться, по этой теоріи, обратный: дѣвочки должны преобладать надъ мальчиками. Всѣмъ извѣстна, далѣе, теорія надѣлавшая въ прошломъ году столько шума, высказанная вѣнскимъ профессоромъ Шенкомъ, по которой главнымъ, оказывающимъ вліяніе на полъ потомства, моментомъ является пищевой режимъ материнскаго организма. Въ послѣднемъ засѣданіи академіи наукъ въ Парижѣ, ботаникъ Гастонъ Бонье прочелъ интересный докладъ о вліяніи на

поль потомства у растений—температуры. Основаніемъ для доклада послужили интересные опыты ученика Г. Бонье, М. Малльера, производившаго опытное изслѣдованіе вопроса о вліяніи температуры на поль потомства у растений въ лабораторіи біологіи растений въ Фонтенблѣ. Для опыта Малльеръ выбралъ раздѣльнополюсыя растенія, какъ напр., конопли и др. Въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ относительно почвы, поливки, освѣщенія, выращивались растенія при разныхъ температурныхъ: одні—сравнительно низкой, другія сравнительно высокой. Во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ было констатировано, что температура оказываетъ прямое вліяніе на количество особей женскаго пола. Такъ наприимѣръ, при низкой температурѣ, на 100 мужскихъ особей получалось 86 особей женскихъ; при высокой температурѣ количество женскихъ особей увеличивалось до 99 и 100 мужскихъ. Результатъ тѣмъ болѣе убѣдителенъ, что, онъ не представляетъ исключеній.

Зоологія. Психологія пчелъ. Нѣмецкій натуралистъ Bethe, извѣстный своими трудами по зоопсихологіи, занялся недавно изученіемъ психологіи пчелъ. Пчеловодамъ извѣстно, что пчелы одного и того же улья узнають другъ друга и сейчасъ же набрасываются на пчелъ другого, если таковыя попадутъ въ ихъ улей. Какъ же пчелы узнають другъ друга? Вотъ первый вопросъ, который былъ поставленъ на разрѣшеніе. Оказалось, что, какъ и муравьи, пчелы не знаютъ другъ друга лично, онѣ узнають лишь членовъ одной колоніи, благодаря особому общему запаху, «запаху гнѣзда», какъ выражаеся Bethe. Всякій индивидуумъ, обладающій этимъ запахомъ, встрѣчаетъ радушный пріемъ и всѣ индивидуумы, отличающіеся по запаху, встрѣчаютъ, наоборотъ, враждебный пріемъ. Это объясняетъ намъ и тотъ пріемъ, посредствомъ котораго въ улей, потерявшій свою матку, вводится новая матка. Если бы ее впустить въ улей сразу, она была бы немедленно убита. Но, если новую матку, введенную въ улей, продержатъ нѣсколько дней въ клѣткѣ и затѣмъ только выпустятъ на свободу—вся колонія охотно приметъ ее. Сидя въ клѣткѣ она пропитывается запахомъ колоніи и, по выходѣ изъ нея, уже признается принадлежащею къ ней. Для изслѣдованія этого запаха колоніи, Bethe сдѣлалъ нѣсколько любопытныхъ опытовъ. Онъ раздѣлилъ на двѣ части одинъ улей и половину личинокъ отдалъ на попеченіе одной колоніи, а другую другой. Когда по прошествіи нѣсколькихъ дней личинки вывелись, онъ взялъ нѣсколько личинокъ изъ стараго улья и перенесъ ихъ въ новый; онѣ были дружелюбно приняты обитателями послѣдняго. Въ теченіе трехъ или четырехъ недѣль можно было продолжать переносы даже вновь родившихся личинокъ изъ улья въ улей, не возбуждая враждебнаго отношенія. Но послѣ того, когда появились на свѣтъ молодыя пчелы, родившіяся отъ новой матки (въ новомъ ульѣ), и когда ихъ хотѣли перевести въ старый улей, онѣ были безжалостно умерщвлены. Тоже произошло въ новомъ ульѣ съ введенными въ него молодыми пчелами старой колоніи и даже со старыми ея членами. Старыя пчелы новаго улья принимались обратно, если онѣ пробыли въ изоляціи 24 часа. Но спустя три недѣли и этой предосторожности уже не хватало: очевидно запахъ новаго гнѣзда не могъ уже разсѣяться; запахъ гнѣзда созданный потомствомъ новой матки наполнилъ улей и пропиталъ и новыхъ и старыхъ его обитателей.

Затѣмъ Bethe занялся другимъ вопросомъ: какъ пчелы находятъ обратный путь къ улью?.. Не оставляютъ ли пчелы въ воздухѣ такого же слѣда своего запаха, какъ муравьи на землѣ? Это представлялось маловѣроятнымъ. Извѣстно, что бабочки-самцы издали чуютъ самокъ того же вида; возможно, что запахъ отъ гнѣзда распространяется на далекое разстояніе въ атмосферѣ и служить путеводителемъ для насекомыхъ. Если это такъ, то положеніе улья не должно играть никакой роли. Оказалось, что положеніе улья играетъ важ-

ную роль. Если улей повернуть на 180° , то пчелы подходят къ нему не съ той стороны, гдѣ находится отверстіе теперь, а съ противоположной, гдѣ оно находилось раньше. Если улей смѣщался всего на 50 сантиметровъ отъ своего первоначальнаго положенія, то пчелы сначала собирались на то мѣсто, гдѣ находилось прежде отверстіе и, уже полетавъ немного вокругъ, открывали новое положеніе улья. Если же улей смѣщался на 2 метра, насѣкомыя сотнями собирались на мѣстѣ его прежней стоянки и ни одно не открывало его новаго положенія. Пчелы безъ колебанія забирались въ первый попавшійся ящикъ, поставленный на то мѣсто, гдѣ прежде стоялъ ихъ улей. Какъ же изъ этихъ наблюденій придти къ заключенію о способѣ пчелъ ориентироваться? Во всякомъ случаѣ обоняніе здѣсь, повидимому, играетъ очень второстепенную роль. Не зрѣніе ли играетъ въ данномъ случаѣ существенную роль? Одинъ улей съ этою цѣлью былъ замаскированъ и скрытъ отъ взоровъ разными приспособленіями; въ то же время все, что находилось вокругъ него также было измѣнено до неузнаваемости. Пчелы, тѣмъ не менѣе, сразу нашли дорогу. Единственное, что приводило ихъ въ смущеніе—это перемѣна окраски улья. Въ особенности сильно было ихъ смущеніе, если улей выкрашивался въ красную или бѣлую краску. Повидимому улей не узнается пчелами по внѣшнему виду. Не находятъ ли его пчелы по знакомымъ зрительнымъ впечатлѣніямъ, которыя имъ пришлось уже неоднократно наблюдать? Для провѣрки этой гипотезы Bethe взялъ извѣстное число пчелъ изъ одного улья и выпустилъ однихъ въ городѣ, гдѣ очень мало садовъ и гдѣ почти никогда не видно пчелъ, другихъ въ цвѣтущихъ лугахъ, куда пчелы навѣрное часто отправлялись за добычею. Первая, возвращаясь домой, не должны были встрѣчать на пути знакомыхъ зрительныхъ впечатлѣній и руководиться ими, вторыя—наоборотъ. Въ обоихъ случаяхъ разстояніе было одинаково. Время потребовавшееся для обратнаго возвращенія пчелъ оказалось одинаковымъ: замѣтной разницы во времени не оказалось. Къ тому же нужно замѣтить, что въ обоихъ случаяхъ пчелы не могли непосредственно видѣть того мѣста, куда имъ нужно было вернуться и однако всѣ онѣ сразу взяли вѣрное направленіе. Что же заключить о способѣ пчелъ ориентироваться на основаніи этихъ наблюденій? Единственное возможное представленіе заключается въ томъ, что топографическое чутье у пчелъ очень сложно, что исходными пунктами его являются неизвѣстные намъ способы ориентироваться и что нужны новыя изслѣдованія и наблюденія, чтобы наши предположенія насчетъ природы этого чутья не были гадательными.

Ботаника. *Интересный случай тератологіи растений.* Г. Кабанесъ сообщаетъ въ Bulletin de le société d'étude des sciences naturelles de Nimes интересный случай растительной тератологіи, наблюдавшійся въ прошломъ году въ Нимѣ. Много растений, и въ особенности деревьевъ, цвѣли и дали плоды два раза въ теченіе 1897 г., вслѣдствіе необыкновенно теплой осени. Въ Нимѣ, въ особенности въ низменныхъ мѣстностяхъ, это явленіе наблюдалось во многихъ случаяхъ. Причину его можно объяснить тѣмъ, что между двумя періодами дѣятельности въ растительномъ царствѣ былъ періодъ застоя, вслѣдствіе засухи, которая была очень сильна въ 1897 году, и растенія, не находя воды, въ почвѣ, потеряли листья и пережили періодъ зимовки среди лѣта. Возобновленіе дѣятельнаго періода началось подъ вліяніемъ осеннихъ дождей, въ связи съ высокою температурой, которой отличалась осень этого года. Возобновленіе вегетативнаго періода обнаружилось обыкновенными признаками: вѣтви удлиннились, развивались почки и за цвѣтами послѣдовали плоды. Такъ появились вторично яблоки, вишни, груши и проч. Но эти плоды не всѣ были нормальны и въ особенности груши часто представляли интересный случай тератологіи. Аномалія заключалась въ присутствіи на плодахъ листьевъ болѣе мелкихъ чѣмъ

обыкновенные, но достаточно крупных (от 3 до 4 сантим. длины) и прекрасно развитых, вполне индентичных съ нормальными. Эти листья помѣ-
пались или на основаніи плоза у хвостика, или на самой мясистой, вздутой
его части, или же на концѣ. Тѣ изъ нихъ, которые сидѣли на мясистой части
плода были безъ черешка и представляли нѣчто вродѣ полулистьевъ, состав-
лявшихъ одно цѣлое съ плодомъ. Одно и то же дерево давало отъ 10 до 15
плодовъ и всѣ они отличались этой особенностью. Самъ по себѣ фактъ не
представляетъ чего-либо необъяснимаго: и листья, и цвѣты, и плоды—образо-
ванія очень аналогичныя по своему происхожденію, и нѣтъ ничего удивитель-
наго въ столь близкой связи между листьями и плодами, которая обнаружи-
лась въ описанномъ случаѣ. Тѣмъ не менѣе, намъ остается непонятнымъ зна-
ченіе и причина, почему растенія представляли эту аномалію. Очевидно она
лежитъ въ своеобразномъ характерѣ обстоятельствъ, вызвавшихъ ея появленіе:
то-есть разница въ условіи развитія весною и осенью; эта разница и обусло-
вила аномалію. Наблюденіе во всякомъ случаѣ интересно и могло бы послу-
жить для новыхъ опытовъ въ томъ же направленіи (*Revue Scientifique*).

Антропология. *Древнѣйшій способъ добыванія огня.* Въ послѣдней книжкѣ
«*Archiv für Anthropologie*» помѣщена статья Геднигера, посвященная одному
изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ доисторической археологии—вопросу о перво
начальномъ способѣ, посредствомъ котораго человѣкъ добывалъ огонь. Авторъ
вышеупомянутой статьи считаетъ наиболѣе вѣроятнымъ, что при фабрикаціи
орудій изъ камня человѣкъ познакомился впервые съ искусственнымъ огнемъ
въ видѣ искръ, сопровождавшихъ обработку камня посредствомъ камня. Впо-
слѣдствіи человѣкъ и воспользовался этими искрами, вызывая ихъ намѣренно
посредствомъ ударовъ камня о камень, чтобы поджечь ими легко-воспламеняю-
щіеся вещества: сухую траву, мелкій хворостъ и пр. Конечно, для этого нужно
было время и навыкъ, но временемъ первобытный человѣкъ не стѣснялся.
Только значительно позже человѣкъ научился добывать огонь посредствомъ тре-
нія двухъ кусковъ дерева. Тѣмъ болѣе вѣроятнымъ представляется автору его
предположеніе, что еще въ древне-греческія и отчасти римскія времена, суще-
ствовалъ способъ добыванія огня посредствомъ двухъ камней, безъ примѣненія
при этомъ желѣза или стали.

Медицина 1) *Прививки противъ чумы въ Идii.* Предохранительныя при-
вивки противъ заболѣванія чумою практикуются теперь въ широкихъ размѣ-
рахъ въ округѣ Бомбея, гдѣ эта болѣзнь уноситъ тысячи жертвъ ежемѣсячно.
Интересные результаты прививки, основанные на статистическихъ свѣдѣніяхъ,
сообщаетъ «*Revue Scientifique*»: въ г. Губби до 40.000 жителей; къ 7 сентября
прививка была сдѣлана 35.000 и изъ нихъ $\frac{2}{3}$ была сдѣлана повторная при-
вивка. Оставалось слѣдовательно до 5.000 человѣкъ, которые этой прививкѣ
подвергнуты не были. Оказалось, что наибольшая смертность отъ чумы приш-
лась какъ разъ на эти 5.000 человѣкъ. На 32.000 жителей, которымъ была
сдѣлана прививка было 69 больныхъ, а на 8.500 человѣкъ безъ предохра-
нительной прививки оказалось 417 больныхъ. Эти цифры достаточно краснорѣ-
чивы сами по себѣ и должны бы убѣдить тѣхъ, кто упорно отказывается под-
вергнуться противо-чумной прививкѣ.

2) *Часы смерти и часы рожденія.* *Rasari* въ Британскомъ медицинскомъ
журналѣ сообщаетъ о результатѣ своихъ наблюденій надъ часами, на которые
приходится наибольшее число смертей и рожденій. Матеріаломъ послужили свѣ-
дѣнія о 25.474 смертяхъ и 36.515 рожденіяхъ. Оказалось, что больше всего
смертей приходится на послѣподуденные часы отъ 2 до 7 и меньше всего
на послѣдніе часы предъ полночью. Наибольшее число рожденій приходится

на первые часы по полудни. Raseti обращаетъ вниманіе на то, что часы, на которые приходится наибольшее количество смертей, какъ разъ совпадаютъ съ съ тѣми часами, когда пульсъ и температура нормальнаго организма показываютъ maximum.

Географія и путешествія. *Море бѣлаго цвѣта*. Корреспондентъ «Natura» Barrettъ рассказываетъ о любопытномъ явленіи, свидѣтелемъ котораго ему пришлось быть во время путешествія по Индійскому океану. Въ августѣ мѣсяцѣ въ 1¹/₂ ч. утра съ парохода, на которомъ находился наблюдатель, онъ увидѣлъ впереди нѣчто вродѣ стелющагося тумана, къ которому приближался пароходъ. Ночь была темная, безъ луны и море спокойное. Когда пароходъ вѣхалъ въ пространство, гдѣ предполагался туманъ, оказалось, что никакого тумана не было, бѣлый же цвѣтъ, принятый вначалѣ за туманъ, происходилъ отъ измѣненія цвѣта воды въ океанѣ. Вода была бѣла, какъ молоко. Лишь волны представляли извѣстное явленіе свѣченія. Barrettъ зачерпнулъ воды, она не представляла по вѣшнему виду ничего ненормальнаго. Море оставалось бѣлымъ въ теченіе часа, затѣмъ окраска потеряла интенсивность, которая къ четыремъ часамъ утра усилилась вновь. Пройденное пароходомъ во время наблюденія разстояніе ровно 78 километрамъ. Barrettъ не даетъ никакого объясненія явленію и предлагаетъ желающимъ заняться изслѣдованіемъ этого вопроса пробы воды, которую онъ для этой цѣли сохранилъ.

Н. М.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Декабрь.

1898 г.

Содержаніе: Русскія и переводныя книги.—Бритика и исторія литературы.—Публицистика.—Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія.—Философія.—Естествознаніе.—Содержаніе библиографическаго отдѣла за 1898 г.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—*Иностранная литература.*—Изъ западной культуры. «Безумецъ или мученикъ?» Ив. Иванова.—Новости иностранной литературы.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. Шаховъ. «Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX в.».

А. Шаховъ. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Изданіе 2-е. Спб. 1898. Занятія исторіей литературы до послѣднихъ дней считается дѣломъ очень увлекательнымъ и легкимъ. Главнѣйшіе творцы литературы—поэты, матеріалъ изученія—романы, поэмы, драмы, пѣсни, всюду мотивы одинаковой пріятности, такъ какъ предполагается—и біографіи поэтовъ такіе же романы и драмы, какъ и самыя произведенія. Программа устанавливается сама собою, весьма художественная и въ тоже время съ несомнѣнными признаками научности. Исторія жизни поэта—это значитъ болѣе или менѣе интересныя впечатлѣнія дѣтства, изображеніе внѣшнихъ вліяній—обстановки, мѣстности, первыя привязанности сердца, сначала въ формѣ дружбы, потомъ любви и страсти. Съ какими бы учеными притязаніями ни приступалъ историкъ ко всѣмъ этимъ вопросамъ, рѣшенія ихъ непременно должны выходить граціозными и живописными. Напримѣръ, вліяніе Шампани на личность и талантъ Лафонтэна, эпохи Возрожденія на поэзію Шекспира слагается у французскихъ критиковъ въ своего рода художественное путешествіе съ лирическими и драматическими впечатлѣніями. Такую исторію литературу иначе и нельзя именовать, какъ *Impressions, Causeries*, и явись Мольеръ,—и онъ современную изящную критику могъ бы представить въ не менѣе занимательныхъ сценахъ, чѣмъ его остроумная *Критика на школу женщинъ*.

Но даже мольеровскому остроумію не удалось бы превратить множество литературныхъ вопросовъ въ художественное произведеніе, именно весь девятнадцатый вѣкъ. Художникъ и сатирикъ и здѣсь нашли бы не мало эстетическихъ мотивовъ, еще больше темъ для драматическихъ положеній, но самая художественная литература и, повидимому, чистая поэзія потребовала бы отъ нихъ не столько вдохновенія и живописнаго таланта, сколько философіи и политики. На каждомъ шагѣ вмѣсто старыхъ романтическихъ исторій приходится имѣть дѣло съ беспощадной политической борьбой. Красивые пейзажи заслоняются городскими улицами, вмѣсто юныхъ опытовъ въ области дружбы и любви прозаическіе опыты какой-нибудь официальной службы или парламентской трибуны. Поэзія окончательно связала свою участь съ будничными интересами земли и исторіи не осталось ни малѣйшей возможности ограничиться лиризмомъ и анализомъ «науки страсти вѣчной». Онъ самъ долженъ обладать инстинктомъ публициста и міросозерцаніемъ политика, иначе онъ рискуетъ не понять

существеннѣйшихъ чертъ въ нравственной личности и художественномъ талантѣ своихъ героевъ.

— Всѣ эти соображенія особенно примѣнимы къ французской литературѣ XIX го вѣка. Здѣсь что ни поэтъ то *duel intellectuel*, часто въ высшей степени страстная и партійная. Эти «умственные поединки» поглощаютъ всѣ силы поэтовъ и самую идею о чистомъ вдохновеніи хотятъ превратить чуть не въ преданіе легендарной старины. Читать «лекціи по исторіи французской литературы», чему посвящена книга Шахова, значить быть изслѣдователемъ прежде всего политическихъ и социальныхъ движеній новаго времени и умѣть отыскать и освѣтить многочисленныя точки соприкосновенія этихъ движеній съ талантами поэтовъ и содержаніемъ ихъ произведеній.

При первомъ же знакомствѣ съ книгой Шахова бросается въ глаза неполнота и неудовлетворительность ея *фундамента*. Авторъ начинаетъ свою исторію характеристикой литературы и философіи XVIII вѣка, чтобы потомъ выставить, какъ контрастъ ей, литературу девятнадцатаго. Вся характеристика написана по совершенно ошибочному шаблону, пущенному въ ходъ мнимо историческими работами Тэна. Вслѣдъ за этимъ сначала лукавымъ, а потомъ совершенно откровеннымъ панегиристомъ стараго режима русскій лекторъ изображаетъ типичную фигуру философа-просвѣтителя, какъ явленіе сплошь оптимистическое и даже восторженное. Съ точки зрѣнія эта живопись понятна: ему требуется представить, съ одной стороны, почти младенческую наивность, съ другой—школьническое невѣжество и легкомысліе идеологовъ-энтузіастовъ. Впослѣдствіи, когда температура въ чувствахъ историка поднимется до надлежащей высоты, идеологи превратятся въ «опасныхъ скотовъ» и «бѣсноватыхъ». Теперь они пока только пустословы и увеселители празднаго общества. Шаховъ не понимая умысла «политичнаго» историка и нарисовавъ по Тэну исторически фальшивый портретъ жизнерадостнаго, беззаботно болтающаго *вольнодумца* просвѣтительной эпохи. Въ дѣйствительности, именно этотъ мнимо оптимистическій и жизнерадостный XVIII вѣкъ долженъ считаться родоначальникомъ *философскаго* пессимизма. И что особенно любопытно пессимизмъ этотъ являлся достояніемъ не только избранныхъ умовъ, въ родѣ Вольтера, Руссо, Даламбера, но даже заурядной болѣе или менѣе интеллигентной толпы. Переписка Вольтера съ Даламберомъ переполнена пессимистическими изліяніями. Вольтеръ перенесетъ ихъ и въ свою беллетристику и всю свою философію обобщить въ безысходно грустномъ наставленіи современникамъ и потомству: *воздѣлывайте свой садъ*. Это значить, всякое вмѣшательство въ человѣческія дѣла, даже простое общеніе съ людьми влечетъ рядъ разочарованій и неизлѣчимыхъ нравственныхъ мукъ. Вольтеръ безпрестанно останавливается на печальной участи истинныхъ благодѣтелей человечества, на вѣчной трагической судьбѣ свободной идеальной мысли. Его любимый эпитетъ для философіи *poor lady*, своего рода отверженная богиня, принужденная бродить среди негодующихъ или враждебныхъ людей безъ привѣта и пріюта. Даламберъ безусловно сочувствуетъ сѣтованіямъ друга и прибавляетъ еще новую горечь къ рѣчамъ Вольтера, не переставая предостерегать его и противъ, повидимому, усердныхъ соперниковъ философіи. На знаменитаго энциклопедиста по временамъ нападала мрачная меланхолія и онъ, одинъ изъ самыхъ блестящихъ салонныхъ гостей, бѣжалъ искать одиночества и пустынный аллей Тюльери предпочиталъ обществу самыхъ восторженныхъ слушателей и слушательницъ. Самъ неутомимо-дѣятельный и вѣчно кинуцій Дидро впадаетъ періодами въ тонъ уставшаго и неудовлетвореннаго труженика. Онъ знаетъ, какъ мало отзывчивы люди вообще и его современники въ частности на безкорыстные идеи и отлично понимаетъ, сколько иллюзіи заключается въ благородныхъ усиліяхъ его и его сотрудниковъ.

«Быть полезнымъ людямъ!»—воскликаетъ онъ въ письмѣ къ Вольтеру,—не

значитъ ли это забавлять ихъ, и существуетъ ли на самомъ дѣлѣ большая разница между философомъ и флейтистомъ? Публика слушаетъ того и другого съ удовольствіемъ или отвращеніемъ, и остается тѣмъ, чѣмъ была. Афиняне никогда не были до такой степени жестокими, какъ во времена Сократа и, можетъ быть, именно его существованію мы обязаны только жалкимъ преступленіемъ».

Нѣтъ! Энциклопедисты прекрасно знали зло, въ которомъ міръ лежитъ и ихъ отличительная черта не вольнодумное ослѣпленіе и не школьнической энтузіазмъ, а способность выше уроковъ дѣйствительности ставить личную вѣру въ торжество разума и справедливости, какъ ее понимали философы.

«Я все-таки возвращаюсь къ *Энциклопедіи*», заканчиваетъ Дидро свои пессимистическія изліянія; «надо работать, надо быть полезнымъ, слѣдуетъ отдавать отчетъ въ своихъ талантахъ», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. И вотъ эти *все-таки, надо* типично энциклопедическія заключенія, достойныя занимать мѣсто на ряду съ галилеевскимъ *А все таки она вертится*. Одна только разница: галилеевое изреченіе не исполнѣе удостовѣрено исторіей, а энциклопедическія слова безусловно реальныя факты.

И было странно, исторически-невозможно, чтобы столь рѣшительные преобразователи отжившаго порядка вещей не ощущали по временамъ громадной тяжести своей задачи. Люди обыкновенно счастливы и довольны, когда они не сомнѣваются въ общихъ и личныхъ основахъ своей нравственной и практической жизни. А если имъ приходится заново перестраивать эти основы и въ своихъ общихъ планахъ и пріемахъ искать опоры только въ своемъ разумѣ и своей энергіи, мучительное сомнѣніе, даже временный упадокъ силъ, неминуемо должны сопровождать эту творческую оригинальную дѣятельность. Такими недугами жестоко страдалъ еще Лютеръ на пути къ освобожденію человѣческаго ума и завѣщалъ эти муки всѣмъ будущимъ своимъ преемникамъ. И именно эти явленія историкъ долженъ отмѣтить съ особенной тщательностью: безъ борьбы нѣтъ заслугъ,—говоритъ Бѣлинскій. И мы, вычеркивая изъ своей памяти воспоминанія о жестокихъ нравственныхъ конфликтахъ, претерпѣнныхъ людьми прошлаго, этимъ самымъ посягаемъ на ихъ законную славу. Мало было бы чести энциклопедистамъ, если бы они, рѣзвяся и играя, подвизались на поприщѣ самоувѣреннаго остроловія и вольнодумства: тогда бы Вольтера дѣйствительно слѣдовало считать настоящимъ духовнымъ отцомъ разношерстныхъ вольтерьянцевъ отъ какой-нибудь «бабочки-философа» до фонвизиновскаго Иваушки.

Заблужденіе русскаго автора объясняется отсутствіемъ политической и социальной основы въ его литературной исторіи. Изучи онъ подробности общественныя условія прошлаго вѣка, на его картинѣ явилось бы не мало весьма темныхъ штриховъ. Онъ тогда по достоинству оцѣнилъ бы многочисленныя заявленія современниковъ будто бы жизнерадостной эпохи, что «смѣхъ повинувъ французскую націю» даже еще съ первыхъ лѣтъ XVIII вѣка; что, по наблюденіямъ Даламбера, хохотъ въ театрѣ сталъ считаться неприличнымъ и что современные зрители смѣются только кончиками губъ *du bout des lèvres* и то въ исключительныхъ случаяхъ. Общество слишкомъ научено печальными опытами жизни, чтобы забавляться вымыслами фантазіи, и этимъ фактомъ въ сильной степени объясняется чрезвычайно быстрый и безопасный темпъ, какой приняло движеніе революціи съ перваго же момента.

Наговариваетъ Шаховъ не мало несправедливаго на XVIII вѣкъ и въ другихъ отношеніяхъ, не точно представляетъ идею прогресса, какъ она выразилась въ произведеніяхъ философовъ, не знаетъ международныхъ тенденцій среди беллетристовъ и историковъ той же эпохи, воображаетъ, будто изученіе иностранныхъ литературъ во Франціи началось только съ XIX вѣка, между тѣмъ какъ уже со второй половины предшествовавшаго столѣтія націоналисты жалуются на «бѣса-переводчика», овладѣвшаго современной литерату-

рой. Тотъ самый Шекспиръ, который явился пророкомъ для романтиковъ, былъ переведенъ въ XVIII вѣкѣ и переводъ посвященъ королю; тогда же драматургъ и публицистъ Мерсье представилъ параллель между шекспировскимъ и французскимъ классическимъ творчествомъ, съ цѣлью окончательно унизить «французскихъ рюмачей». Упустилъ изъ виду Шаховъ и еще болѣе существенный фактъ—начало и осуществленіе литературнаго реализма у Дидро. Въ послѣднее время именно на эту сторону многостороннихъ критическихъ работъ энциклопедиста обращено особенное вниманіе и онъ по праву занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди основателей реального и отчасти натурального искусства нашего вѣка.

Но всѣ эти пробѣлы объясняются все тѣмъ же основнымъ упущеніемъ, пренебреженіемъ къ политической и соціальной почвѣ литературной эволюціи. Эстетика романтиковъ и реалистовъ вовсе не литературная теорія, а прежде всего *политическій символъ*. Такою эта эстетика явилась въ началѣ и такимъ же путемъ шло ея развитіе, вплоть до Гюго, уже прямо отождествлявшаго романтизмъ съ либерализмомъ. Классицизмъ погибъ прежде всего потому, что политическія событія и соціальная перемѣна въ обществѣ устранили съ перваго плана публику классическихъ трагедій. Мѣсто ея заняла буржуазія, вскорѣ и демократія потребовала своей части въ государственной жизни,—литература только покорно слѣдовала за этими *политическими* преобразованіями. Шаховъ заблуждается, утверждая, будто «классическая драма была любимымъ зрѣлищемъ вѣка просвѣщенія». Всѣ источники, напротивъ, свидѣтельствуютъ совершенно противоположное: уже со второй четверти вѣка нѣтъ зрителей даже для мольеровской комедіи, о Расинѣ и Корнельѣ нечего и говорить. И это вполне понятно: иначе откуда взялась бы популярность просвѣдательной и даже революціонной литературы? Только въ эпоху реакціи, при возстановленныхъ Бурбонахъ и отчасти раньше, при Наполеонѣ, классицизмъ снова воскресаетъ на сценѣ опять въ полномъ соотвѣтствіи съ политическими явленіями времени.

Отсутствіе политической подкладки отражается и на сужденіи Шахова объ отдѣльныхъ литературныхъ дѣятеляхъ. У автора очень подробно характеристика Шатобріана, самая пространная въ книгѣ, и все-таки читатель получаетъ далеко не полное представленіе о «величайшемъ поэтѣ реакціи». О Шатобріанѣ нельзя сказать ни одного дѣльного слова, забывши хотя бы на мгновеніе политическія вождѣлнія Ренэ. Онъ всю жизнь изнывалъ жаждой играть перво-степенную политическую роль, и весь траги-комическій пафосъ шатобріановской личности и судьбы именно и заключается въ неизбѣжномъ противорѣчii политическаго честолюбія и политической бездарности,—это одно, другое—громкая *литературная* популярность, какъ почва для самыхъ выспренныхъ *государственныхъ* стремленій. Эта разорванность генія Шатобріана и растерянность его дѣйствій блистательно сказались въ первомъ же его произведеніи о французской революціи. Историкъ обязанъ параллельно слѣдить за этими психологическими фактами, отдавая преимущество не поэзіи, а критикѣ, потому что она вполне ярко характеризуетъ героя, между тѣмъ какъ поэзія его на каждомъ шагѣ или лживая или вздорная декламація. У Шахова почти совсѣмъ нѣтъ даже политической *біографіи* Шатобріана, не говоря уже о психологіи его, какъ дѣятеля при имперіи реставраціи. Шаховъ оказываетъ несомнѣнную услугу читателямъ, подробно пересказывая содержаніе нѣкѣмъ въ настоящее время не читанныхъ поэмъ автора *Генія христіанства*, но для современнаго читателя сущность здѣсь не въ явныхъ безмыслицахъ и наивностяхъ Шатобріана, а въ вопросѣ, какъ могло случиться, что эти безмыслицы и наивности создали своему автору громадную славу и заставили французскихъ государственныхъ людей ухаживать за производителемъ истинно-артистической чепухи? Видъ Шатобріану иногда удавалось подниматься на такую высоту, что онъ могъ,

напримѣръ, испанскую войну, т. е. подавленіе испанской революціи французскими войсками приписывать своему дипломатическому давленію на европейских монарховъ. И въ этомъ заявленіи заключалась отнюдь не сплошная похвала: любопытно, поэтому, знать, какія силы могли столь необузданного лицедрѣя превратить въ вершителя судебъ народовъ?

Въ рѣшеніи этого вопроса не поможетъ никакой эстетическій анализъ и подробнѣйшее перечисленіе качествъ Шатобріана, какъ писателя. А Шаховъ именно и удѣляетъ все свое вниманіе Шатобріану-автору и только въ нѣсколькихъ строкахъ, въ формѣ конспекта, перечисляетъ его политическія роли. Какъ разъ обратное тому, что слѣдовало сдѣлать, если имѣлась въ виду ясная характеристика Шатобріана, какъ не только поэта, но и дѣятеля реакціи.

Послѣ Шатобріана у Шахова слѣдуетъ лекція о г-жѣ Сталь—самая неполная во всей книгѣ. Авторъ опять сосредоточиваетъ свое вниманіе на *литературѣ*, какъ искусствѣ или какъ художественной школѣ. Онъ крайне отрывочно говоритъ о содержаніи одного изъ важнѣйшихъ сочиненій Сталь *De la littérature*, сопровождая цитаты хвалебными замѣчаніями общаго содержанія. Автору, видимо, не удалось справиться съ міросозерцаніемъ писательницы, какъ чрезвычайно яркимъ и сильнымъ явленіемъ въ исторіи вообще новой европейской мысли и онъ излагаетъ ея взгляды по рубрикамъ: о прогрессѣ, о литературѣ, объ исторіи. Естественно, у автора ускользаетъ не мало темъ первостепенной важности, затронутыхъ у Сталь. Политическая сторона ея сочиненій, какъ и слѣдовало ожидать, замалчивается отъ начала до конца, и это въ сочиненіяхъ той писательницы, которая имѣла честь вызывать неудовольствіе или открытыя гоненія у всѣхъ правительствъ, отъ директоріи до реставраціи! Не одно же ученіе о прогрессѣ превратило Сталь въ такую злополучную отверженницу. Еще съ эпохи революціи она усвоила себѣ «привычку энтузіазма»—*l'habitude de l'enthousiasme*, а «опьяненіе талантами»—*l'ivresse des talents*; естественно, о чемъ бы она ни писала, на ея страницахъ непремѣнно обнаруживалась «вакханка революціи», какъ именovali ее эмигранты. Вотъ этой-то *bacchante de la Revolution* и нѣтъ у русскаго историка. Читатель не долженъ понимать подъ этимъ выраженіемъ какойнибудь головокружительный радикализмъ: то, что въ глазахъ эмиграціи было «вакханаліей», въ дѣйствительности представляло только скромную либеральную программу, тщательно обдуманную и спокойно развитую. Сталь начала ее психологическимъ анализомъ партійной борьбы и партійныхъ страстей, которыя она наблюдала во время революціи,—и закончила специальной работой о великомъ переворотѣ. Шаховъ опускаетъ оба сочиненія и даже знаменитыя *Considérations*, ставшія вскорѣ общепринятою программой либеральныхъ политиковъ и историковъ и первоственнымъ источникомъ для такихъ писателей, какъ Минье.

Можно ли послѣ такого поистинѣ грандіознаго пробѣла ждать болѣе или менѣе удовлетворительнаго отчета о дѣятельности Сталь? Слѣдуетъ еще прибавить, что Шаховъ не коснулся и религіознаго вопроса, занимающаго очень много мѣста въ идейной работѣ Сталь. А между тѣмъ этотъ вопросъ для русскаго читателя, помимо общаго, имѣетъ еще не малый частный интересъ. Сталь, какъ извѣстно, была одна изъ восторженныхъ поклонницъ Александра I, какъ восстановителя европейскаго мира и свободы отъ власти Бонапарта. Этотъ восторгъ въ сильной степени внушался религіозными настроеніями Сталь,—фактъ въ высшей степени краснорѣчивый для всего умственного движенія нашего вѣка. Сталь—горячая проповѣдница идеи «совершенствованія», умъ положительный и критическій, въ высшей степени трезвый въ сужденіяхъ объ историческихъ явленіяхъ, въ то же время одна изъ пламенныхъ прозелитокъ религіознаго энтузіазма! Уже это сильнѣе нравственныхъ наклонностей, съ трудомъ мыслимое во времена Вольтера и энциклопедіи, должно бы дать историкѣ благодарнѣйшій матеріалъ для психологической и культурной характеристики.

Послѣ Сталь Шаховъ переходитъ къ романтизму: это понятно,—Сталь одна изъ родоначальницъ школы. Но куда же дѣвался первостепенный литературный талантъ XIX вѣка и блестящій идеологъ—Венжаменъ Констанъ? Мыслима ли исторія французской литературы безъ автора *Адольтфа* и сколько-нибудь исчерпывающій обзоръ идейныхъ теченій въ пореволюціонной Франціи безъ основательнаго разбора книги *De la religion considérée dans sa sonne, ses formes et les développements*, т. э. первой попытки представить исторію религиозныхъ системъ и оцѣнку ихъ нравственнаго и культурнаго смысла?

Посвящать три лекціи Шатобріану, одну—Сталь и ни одной Констану,—по меньшей мѣрѣ, странное распредѣленіе матеріала. Благодаря этому недоразумѣнію, читатель книги Шахова можетъ вообразить, будто «религиозное возрожденіе» въ началѣ XIX вѣка выразилось только въ идеяхъ реакціонныхъ метафизиковъ и риторовъ—въ родѣ Деместра и Бональда, да еще фанатическихъ папистовъ—въ родѣ Ламенна, въ его раннемъ періодѣ политически-литературной дѣятельности. Въ дѣйствительности, вопросъ о религіи переполнялъ литературу рѣшительно всѣхъ партій—отъ реакціонеровъ до либераловъ въ лицѣ Сталь и Констана и особенно социалистовъ въ лицѣ Сень-Симона. О роли послѣдняго въ самомъ началѣ XIX вѣка у Шахова нѣтъ ни слова, несомнѣнно, потому что авторъ *Новаго христіанства* не писалъ стиховъ и романовъ. Но онъ косвенно, чрезъ своихъ послѣдователей, создалъ Жоржъ-Зандъ въ беллетристикѣ, Огюста Конта—въ философіи, Огюстѣна Тьерри—въ исторіи и цѣлый рядъ политиковъ въ парламентѣ и внѣ парламента. Можно ли было обойти молчаніемъ писателя и лично представлявшаго одно изъ любопытѣйшихъ психологическихъ явленій новаго времени?

Мы не станемъ отмѣчать еще другихъ упущеній историка: читателю понятенъ основной азъянтъ книги Шахова и печальные практическіе результаты этого изъяна. Въ книгѣ нѣтъ весьма многого, безъ чего книга не имѣетъ права быть названной «Лекціи по исторіи французской литературы», да еще читанныя въ высшемъ учебномъ заведеніи, хотя бы и женскомъ. Но мы такъ подробно остановились на недостаткахъ, именно имѣя въ виду положительныя заслуги безвременно умершаго лектора. Кому много дано, отъ того много и требуется. А Шахову было дано не мало. Все, чтó онъ счелъ нужнымъ описать и объяснить, описано превосходно—прекраснымъ языкомъ, съ молодымъ отзывчивымъ чувствомъ, во всеоружіи широкаго истинно культурнаго міросозерцанія. Мы даже увѣрены, что подвергнись лекціи дальѣйшей обработкѣ, намъ не пришлось бы наполнять нашъ отчетъ о нихъ перечисленіемъ пропусковъ и недоразумѣній. Это можно заключить по образцовой оцѣнкѣ, какую Шаховъ даетъ многимъ явленіямъ въ менѣе сложной литературной области, чѣмъ французская,—въ нѣмецкой. Напримѣръ, портретъ Гейне долженъ обратить особенное вниманіе русскаго читателя, рискующаго за послѣднее время привыкнуть къ школьническимъ рецензентскимъ шаблонамъ, безотчетнымъ во всѣхъ смыслахъ—и въ нравственномъ, и въ гражданскомъ, и даже въ литературномъ. Шаховъ умѣетъ распознать удручающую нравственную немощъ и полнѣйшее идейное разгильдяйство подъ наборомъ самыхъ звучныхъ римовъ. «Онъ всегда жаждалъ неограниченной свободы для *своей* личности, для *своихъ* затѣй, порывовъ и грезъ. Все пустяки, вся суть во мнѣ, въ моей прихоти, въ моемъ задорѣ и капризѣ... Для Гейне эстетическая форма шутки уже сама по себѣ имѣетъ значеніе, содержаніе стоитъ на второмъ планѣ. Изъ страсти къ красному словцу, для перца и пикантности, онъ позволяетъ себѣ играть всѣмъ, чтó подвернется подъ руку...» Этого достаточно, чтобы отвести подобающее мѣсто подобному повту хотя бы только въ искусствѣ, не говоря уже объ идеяхъ, и съ другой стороны, чтобы оцѣнить искренность и энергію молодого историка. Онъ навѣрное никогда бы не дошелъ до новѣйшаго приживальческаго всепримиряю-

щого бормотання, угрожающего превратить русскую публицистику въ богоугодное заведеніе. Мы, поэтому, горячо рекомендуемъ книгу Шахова: самыя ея недостатки—только руда, которую мастеръ не успѣлъ отдѣлить отъ чистаго золота.

ПУБЛИЦИСТИКА.

А. Шоу. «Городскія управленія въ Западной Европѣ».—А. Лабріола. «Къ вопросу о материалистическомъ взглядѣ на исторію».

Альбертъ Шоу. Городскія управленія въ Западной Европѣ. Пер. А. В. Бяловескаго. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва 1899 г. Ц. 2 руб. 50 коп. Недавно въ нашемъ журналѣ было отмѣчено появленіе въ русскомъ переводѣ сочиненія Б. Гуго, посвященнаго характеристикѣ городского самоуправленія въ Англіи («Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи», изданіе О. Н. Поповой). Книга Альберта Шоу касается того же предмета, но въ болѣе широкихъ рамкахъ: она даетъ обстоятельныя монографическія описанія типичнѣйшихъ городскихъ управленій и хозяйствъ какъ Англіи, такъ и континента. Вопреки мнѣнію переводчика, мы не находимъ, чтобы А. Шоу посвящалъ свое вниманіе *главнымъ образомъ* процессу «муниципализаціи» крупныхъ общественныхъ предпріятій, т. е. отобранію отъ частныхъ кампаній монопольныхъ предпріятій (водоснабженія, канализаціи, освѣщенія, передвиженія и пр.), что составляетъ исключительную тему работы Б. Гуго. Американскій авторъ, въ поученіи своимъ соотечественникамъ, стремится охарактеризовать на рядѣ типичныхъ примѣровъ ту грандіозную, охватывающую всѣ стороны городской жизни, не останавливающуюся ни передъ какими жертвами дѣятельность западныхъ городскихъ управленій, которая заставляетъ перерождаться европейскіе города. Эта дѣятельность имѣетъ характеръ безпримѣрнаго въ исторіи порыва, о силѣ, значеніи и плодотворности котораго желаетъ дать понятіе авторъ. Обращаясь къ вопросу о томъ, чѣмъ вызванъ подобный порывъ, Шоу указываетъ, какъ на причину его происхожденія, на безпримѣрное, въ свою очередь, развитіе въ концѣ истекающаго вѣка городской жизни, на небывалый ростъ городовъ. По выраженію его, очевидно, что «заря XX столѣтія взойдетъ надъ группою государствъ, большинство населенія которыхъ будетъ сосредоточено въ городахъ» (стр. 277). Повсемѣстно, въ Западной Европѣ деревенское населеніе почти не возрастаетъ въ противоположность городскому. Населеніе Англіи и Уэльса въ 1891 г. простиралось до 29.000.000; изъ нихъ 11.000.000 приходилось на 302 поселенія, пользовавшіяся полными правами городовъ. Сверхъ того надо считать около 6.000.000 жителей, населяющихъ «Великій Лондонъ» и нѣсколько миллионѣвъ, обитающихъ въ пригородныхъ частяхъ большихъ городовъ. Населеніе городскихъ санитарныхъ участковъ, составляющее приблизительно 72% общаго числа жителей Англіи, возрасло за время съ 1881 по 1891 годъ на 15,3%, тогда какъ за тотъ же періодъ населеніе деревенскихъ участковъ возрасло всего на 3,4%. Судя по этому, въ городахъ соберется скоро около $\frac{3}{4}$ всего англійскаго народа. Въ Шотландіи въ прежнія времена на трехъ деревенскихъ жителей приходился одинъ горожанинъ, а теперь трое горожанъ на одного поселанина, если не считать полумилліона поселянъ, живущихъ то въ городѣ, то въ деревнѣ. Во Франціи за послѣднія 50 лѣтъ цифра поселянъ держалась на 25.000.000 и обнаруживаетъ склонность къ слабому, но постоянному пониженію; между тѣмъ городское населеніе возрасло съ 7 до 13 миллионѣвъ. Въ самомъ непродолжительномъ времени городское населеніе Франціи составитъ 40% всего населенія страны. Въ Германіи, странѣ недавно земледѣльческой, со времени франко-прусской войны городское

населеніе возрастало со скоростью 20% въ десятилѣтіе, между тѣмъ, какъ сельское населеніе оставалось неподвижнымъ. Въ Голландіи въ 1893 г. городское населеніе составило $\frac{1}{3}$ всего населенія страны. Аналогичныя явленія наблюдаются въ Бельгіи, Италіи, Австро-Венгріи.

Всеобщность указаннаго явленія объясняется тѣмъ, что повсюду дѣйствуютъ одні и тѣже, вызывающія его причины. Современной индустриализмъ группируетъ народныя массы въ крупныхъ городскихъ промышленныхъ центрахъ, тогда какъ все развивающееся машинное фермерское хозяйство въ земледѣліи позволяетъ отбывать деревенскому населенію въ города. Разсуждать о томъ, зло это или нѣтъ—безполезно; въ виду неизбежности совершающагося процесса, остается озабочиться, чтобы условія жизни въ городахъ не вели къ вырожденію и упадку большинства населенія. Довольствоваться прежними условіями городской жизни является невозможнымъ.

Дѣятельность городскихъ управленій, направленная на удовлетвореніе всѣхъ этихъ житейскихъ нуждъ и общественныхъ потребностей, поднимаетъ цѣлый рядъ общихъ принципиальныхъ вопросовъ, экономического и финансоваго, политическаго и административнаго, социологическаго и нравственнаго, техническаго и инженернаго свойства и, такимъ образомъ, развивается особое знаніе, которое, по выраженію автора, «можетъ составить науку и искусство о новомъ управленіи городами» (стр. 11).

Книга Альберта Шоу представляетъ двѣ части: въ первой онъ разсматриваетъ городскія управленія въ Англіи, во второй даетъ очерки городского хозяйства на материкѣ Европы. Это дѣленіе русскаго изданія отвѣчаетъ двумъ томамъ англійскаго оригинала. Авторъ не только описываетъ во всѣхъ существенныхъ частяхъ образцовыя хозяйства избранныхъ имъ наиболее типичныхъ городовъ, онъ даетъ интересныя очерки историческаго развитія муниципальной системы въ главныхъ странахъ континента и общія ихъ характеристики. Безспорное первенство и инициативу въ рѣшеніи задачи придать городамъ, какъ органическимъ единицамъ, такую внѣшнюю форму, чтобы она наилучше служила для широкаго развитія въ ней жизни, авторъ отдалъ Парижу. «Парижъ, пишетъ онъ въ началѣ второй части, во всѣмъ былъ пионеромъ и до сихъ поръ все еще не утратилъ своего передового типичнаго положенія — города, болѣе другихъ преобразованнаго на новый ладъ и стоящаго на высотѣ всѣхъ современныхъ требованій. Французская, а не иная общественная власть, французскіе, а не иные инженеры, архитекторы, техники оцѣнили впервые и практически воспользовались въ дѣлѣ городского устройства идеями симметріи и правильнаго размѣщенія, идеями чистоты и хорошей санитарной обстановки (стр. 276). Правда, это обошлось Парижу цѣною потери многихъ замѣчательныхъ памятниковъ древней архитектуры: монастырей, аббатствъ, но дѣло перестройки Парижа совершалось въ связи съ переживаемыми имъ бурными эпохами политической жизни, пренебрежительно относившимися къ старымъ формамъ. На примѣрѣ современнаго Рима Альбертъ Шоу показываетъ, что въ настоящее время дѣло преобразованія городовъ и приспособленія ихъ къ увеличившимся требованіямъ населенія, можетъ совершаться и безъ излишняго вандализма: вводя въ городахъ улучшенія, нынѣ стараются сохранить и надлежащимъ образомъ сберечь все, что имѣетъ дѣйствительную археологическую цѣнность.

Но, если Парижъ ушелъ настолько раньше другихъ европейскіхъ городовъ и ушелъ настолько далеко въ отношеніи благоустройства и санитаріи, то другіе областныя французскіе города, Ліонъ, Марсель, Гавръ и проч., восхищая туристовъ внушительными бульварами, красивыми зданіями прекрасно содержимыми парками, изяществомъ памятниковъ, не могутъ похвалиться примѣненіемъ современныхъ санитарныхъ знаній и заботливостью о потребностяхъ низшихъ классовъ населенія. Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію автора, «франц-

замъ есть чему поучиться у англійскихъ городовъ, которые хотя и менѣе привлекательны со стороны внѣшности, зато, вообще говоря, далеко лучше обставлены въ смыслѣ снабженіи чистою водою въ связи съ превосходной канализаціей, въ смыслѣ квартирныхъ улучшеній и вообще прогресса, какъ въ области городской гигиены, такъ и многихъ другихъ общественныхъ удобствъ» (стр. 423). Какъ частный примѣръ такого англійскаго города авторъ приводитъ Глазговъ, подробно описывая всѣ городскія учрежденія и предпріятія, принимаемыя его управленіемъ, служащія къ удобству жизни, оздоровленію, умственному и нравственному развитію жителей и торгово-промышленному росту этого населеннаго пункта. «Глазговъ доказалъ, заключаетъ главу о немъ авторъ, что широкая, смѣлая и просвѣщенная политика во всемъ, что касается здоровья, комфорта и прогресса массы гражданъ вполне совмѣстима съ разумной экономіей и финансовой состоятельностью городовъ» (стр. 121).

Своеобразный интересъ представляетъ глава, посвященная управленію Лондона, который, благодаря своему многолюдству и историческому прошлому, никогда не имѣлъ и до сихъ поръ не имѣетъ, собственно говоря, ни опредѣленной городской черты, ни городского управленія. Старинный Лондонъ (Сити) сохранилъ свои старыя границы и свои хартіи, но занимаемая имъ площадь равняется всего одной квадратной милѣ съ населеніемъ менѣе 40.000, тогда какъ метрополитанъ Лондонъ занимаетъ пространство въ сто квадратныхъ миль, а «Великій Лондонъ» (Greater London) расположенъ въ трехъ графствахъ—Мидлсексѣ, Контѣ и Серро съ громадными пригородами въ Эссексѣ, занимая отъ 500 до 1.000 кв. миль съ населеніемъ въ 6 съ лишнимъ миллионъ. Управляется онъ самымъ ненормальнымъ и запутаннымъ образомъ—и непосредственно парламентомъ, и коронными министрамъ, и магистратами нѣсколькихъ графствъ, и особыми совѣтами, комиссіями и десятками приходскихъ собраній. Въ 1889 г. онъ обращенъ былъ въ особое административное графство и получилъ особый представительный совѣтъ. Этотъ совѣтъ лондонскаго графства служить ядромъ пробуждающейся и малу по малу централизующейся жизни «великаго» Лондона, подкапываясь подъ «достопочтенныя» хартіи и привилегіи торговыхъ компаній Сити и значеніе приходскихъ управленій. «Но съ другой стороны, дѣлаетъ авторъ замѣчаніе, заслуживающее особаго вниманія,—можно примѣнить къ управленію городскими дѣлами большихъ городовъ начало федераціи, которая лучше обезпечитъ потребности мѣстнаго административнаго устройства и въ то же время возвыситъ значеніе и дѣлесообразность центральнаго городского управленія во всѣхъ случаяхъ общаго характера. Въ этомъ именно и состоитъ владѣть Лондономъ въ науку метрополитаннаго (столичнаго?) управленія» (стр. 218).

Касаясь современныхъ преобразованій въ общественномъ благоустройствѣ городовъ Германіи, А. Шоу отмѣчаетъ, что нѣмецкія города, если и запоздали съ введеніемъ у себя современныхъ удобствъ и улучшеній, то теперь вводятъ ихъ у себя гораздо систематичнѣе, полнѣе и дѣловитѣе, нежели другіе города въ Европѣ, Америкѣ или Австраліи. Въ заключеніе А. Шоу даетъ очеркъ городского хозяйства столицы Венгріи Буда-Пешта, росту и общественному развитію котораго онъ удивляется. За какихъ-нибудь 40—50 лѣтъ «на развалинахъ примитивнаго и самаго запущеннаго положенія, городъ этотъ разцвѣлъ какъ одна изъ великолѣпнѣйшихъ и превосходно обставленныхъ столицъ новаго времени». При этомъ столь быстрое развитіе его совершалось не какъ-либо случайно и неправильно, а рядомъ предусмотрительныхъ и разумныхъ мѣропріятій, систематически и обдуманно проведенныхъ. Примѣръ Буда Пешта даетъ автору основаніе заключить свою книгу словами: «Первыя десятилѣтія XX вѣка будутъ свидѣтелями удивительныхъ преобразованій въ городахъ юго-восточной Европы».

Мы уже говорили выше, что всю эту широкую картину общественной само-

дѣятельности въ Европѣ авторъ выставляетъ въ назиданіе своимъ американскимъ соотечественникамъ. Онъ находитъ, что въ дѣлѣ городскихъ преобразованій Соединенные Штаты отстаютъ отъ Запада, въ особенности если взять самое послѣднее время, что самоувѣренность и невѣжество мѣшаютъ имъ замѣтить, что имъ давно и во многомъ есть чему поучиться у Старого Свѣта. Это полемическое увлеченіе налагаетъ извѣстную печать на трудъ автора. По отношенію къ западно европейскимъ образцамъ онъ не рѣшается выступать съ такой же беспощадной критикой, какъ по отношенію къ своей странѣ, преклоняясь нерѣдко передъ силою существующаго факта. Такъ, безъ сомнѣнія, это сказывается при обсужденіи имъ вопроса о желательности или нежелательности преобразования дѣйствующей муниципальной системы въ Парижѣ, характеризующейся преобладаніемъ административной опеки въ лицѣ префектовъ. А. Шоу затрудняется высказаться за усиленіе автономіи городского совѣта (стр. 291). Между тѣмъ, примѣръ англійскихъ и шотландскихъ городскихъ управленій, которыя самъ же онъ характеризуетъ, какъ «управленіе посредствомъ группы людей, составляющихъ какъ бы великій комитетъ городского общества, состоящаго изъ всѣхъ горожанъ или полноправныхъ гражданъ» (стр. 55), могъ бы показать ему, что подобная организація не хуже всякой другой можетъ и группировать достойный контингентъ городскихъ служащихъ, и образцово вести дѣло городского хозяйства.

Что касается русскаго изданія цѣннаго труда А. Шоу, то оно отличается достоинствами большинства изданій К. Т. Соллатенкова, а въ виду крайне умѣренной цѣны (2 р. 50 коп. при 641 страницѣ текста) можетъ рассчитывать на самое широкое распространеніе среди образованной публики вообще и лицъ, имѣющихъ отношеніе къ городскимъ дѣламъ. Въ Америкѣ книга Шоу появилась въ 1894 году и въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ выдержала нѣсколько изданій. Русскій переводъ сдѣланъ съ изданія 1895 г. Напрасно только переводчикъ опустилъ приложенныя къ оригиналу два городскихъ бюджета Парижа и Берлина, считая ихъ «маловразумительными», тѣмъ болѣе, что намѣреніе свое замѣнить этотъ пробѣлъ общимъ сводомъ бюджетныхъ суммъ, однообразно изложенныхъ, по всѣмъ большимъ городамъ, и извлеченнымъ изъ «Бюллетеня» извѣстнаго венгерскаго статистика Керези, онъ не привелъ въ исполненіе.

Ошибки и опечатки, списокъ которыхъ приведенъ въ концѣ книги, обильны и нѣкоторыя изъ нихъ настолько существенны, что требуютъ исправленія до начала чтенія.

Антоніо Лабріола. Къ вопросу о материалистическомъ взглядѣ на исторію. Перев. съ франц. изд. Н. И. Березина и М. Н. Семенова. Ц. 50 коп. Книжка Лабріола извѣстна читателямъ изъ обстоятельнаго отзыва г. Н. Каменскаго въ журналѣ «Новое Слово» за 1897 г. (№ 6), и нѣтъ нужды, въ виду этого, излагать ея содержаніе. Отмѣтимъ только, что главный интересъ ея въ выясненіи вопроса о факторахъ.

Къ сожалѣнію, приходится сказать, что переводъ не выдерживаетъ самой снисходительной критики. Часто не знаешь, переводъ ли это, изложеніе или толкованіе. Это еще не такъ важно, если излагаются мысли самого Лабріола, подчеркивается то, что подчеркиваетъ авторъ, и нѣтъ мѣста искаженію. А между тѣмъ, какъ же назвать иначе, если не искаженіемъ переводъ словъ *development* на русскомъ языкѣ *прогрессомъ* (стр. 50): «Исторіографія въ теченіе вѣковъ видѣла въ этихъ проявленіяхъ соціальной жизни (правѣ и государствѣ) сущность *прогресса*; болѣе того, она усматривала развитіе въ измѣненіи этихъ формъ». Послѣдняя мысль совсѣмъ уже не та. Во французскомъ текстѣ сказано, что исторіографія въ этихъ формахъ видѣла сущность *развитія*: «болѣе того, она видѣла это развитіе *только* (курсивъ нашъ) въ измѣненіяхъ

этихъ формъ (соб. пер.) *). Или, напр., такой переводъ: «функція государствъ являются источникомъ новаго дѣленія труда и служатъ почвой...» французской фразы... *par suite d'une nouvelle division du travail, les fonctions de l'état donnent naissance* (54 стр.). На этой же страницѣ: «государство на почвѣ общественныхъ противорѣчій, *государство... являющееся слѣдствіемъ экономической дифференціаціи общества*», — тогда какъ у автора отбѣнена совсѣмъ другая мысль: «государство... какъ гарантія общественныхъ противорѣчій, *которыя суть* (дословн. пер.) слѣдствіе экономическихъ дифференціацій». Такихъ примѣровъ можно найти изрядное количество, и мы выбрали почти наугадъ. Если здѣсь переводчикъ толкуетъ, то въ другихъ мѣстахъ онъ просто искажаетъ. Напр., на стр. 90 слово *evaluation* (оцѣнка) переведено *эволюцией*, что совершенно искажаетъ мысли подлинника, пожалуй уничтожаетъ всякій смыслъ въ предложениі; то же слово на стр. 66 переводится «*дѣйствіе*». Далѣе, *analyse psychologique* переводится *физиологическій* анализъ; *schose rationnelle* (у переводчика курсивъ) на 60 стр. и *les produits* на 63 стр. одинаково переводятся *факторы*, въ первомъ случаѣ только «самостоятельный»; *bourgeoisie se bruta contre...* — буржуазія *хотѣла бороться* съ... (стр. 47); *la bourgeoisie révolutionnaire* у переводчика превращается въ *буржуазную революцію* (49); *socialisme scientifique* — современный матеріализмъ: мысль: «*hommes inégaux par suite de la différenciation économique*» передана: благодаря дифференціаціи общества люди... были въ неодинаковомъ экономическомъ положеніи, т. е. совершенно наоборотъ.

Послѣ всѣхъ этихъ примѣровъ, количество которыхъ можно весьма значительно увеличить, не знаешь, опечатка или грубѣйшій недосмотръ въ переводѣ слова *nations* — «наука», ибо ко всему этому есть французское слово *notion*, такъ или иначе подходящее подъ слово «наука».

Никакихъ указаній на то, какъ дѣлался переводъ, съ какой цѣлью выпущены, къ сожалѣнію, не имѣется, не сказано даже, что это переводъ только части книги Лабріола, и приходится лишь пожалѣть, что такъ переведена именно эта прекрасная книга.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Н. Павловъ-Сильванскій. «Государевы служилые люди». — М. А. Дьяконовъ. «Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ». — *Лавинъ и Рамбо*. — «Всеобщая исторія».

Н. Павловъ-Сильванскій. Государевы служилые люди. Происхождение русскаго дворянства. Стр. 330. Спб. 1898 г. Ц. 2 р. Трудъ Н. П. Павлова-Сильванскаго посвященъ обзору судебъ служилаго класса Московскаго государства, изъ котораго въ началѣ XVIII вѣка выработалось русское дворянское сословіе. Оглянуться назадъ на судьбы этого сословія, дать себѣ отчетъ въ условіяхъ его происхожденія — не бесполезно теперь, когда то и дѣло поднимается вопросъ о современномъ положеніи дворянства, вопросъ, получающій часто столь странныя рѣшенія въ извѣстныхъ кругахъ русскаго общества и въ нѣкоторыхъ органахъ русской печати. Слишкомъ часто чувствуется въ этихъ толкахъ недостаточное знакомство съ историческими условіями, опредѣлившими положеніе и значеніе нашего «высшаго» сословія.

Н. П. Павловъ-Сильванскій даетъ обзоръ исторіи дворянства въ до-петров-

* (Между *developpement* и *progrès* у Лабріола цѣлая пропасть, на что есть въ самомъ же предлагаемомъ переводѣ прямое указаніе (см. начало XI гл. 87 стр.).

ской Руси, заканчивая свой трудъ главой о «шляхетствѣ въ царствованіе Петра Великаго». Авторъ, послѣ очерка положенія разныхъ разрядовъ служилаго люда—вольныхъ и невольныхъ слугъ въ кievскій и удѣльный періодъ, слѣдитъ за постепеннымъ образованіемъ класса служилыхъ людей въ XV—XVI в. и даетъ описаніе состава, порядка службы и землевладѣнія служилыхъ людей XVII вѣка. Изложеніе почти не оставляетъ желать лучшаго. Авторъ не только вкладываетъ всей ученой литературой, но проработалъ весь вопросъ по первоисточникамъ: обширныя примѣчанія позволяютъ судить о солидномъ фундаментѣ, на которомъ построено изложеніе. По задачѣ своей книга и. П. Сильванскаго не есть самостоятельное ученое изслѣдованіе, цѣль котораго установить какіе-либо новые выводы. Она даетъ сводъ того, что сдѣлано исторической наукой въ области даннаго вопроса, и дѣлаетъ результаты ученой работы общедоступными. И, тѣмъ не менѣе, никто не назоветъ этой книги компиляціей; авторъ провѣряетъ высказанныя другими мнѣнія, приводитъ всѣ важнѣйшія данныя для изучаемаго вопроса и отлично вводитъ въ него читателя. Читается книга Павлова-Сильванскаго легко и съ большимъ интересомъ. Ея нельзя не рекомендовать тѣмъ, кто или приступая къ систематическому изученію русской исторіи, или удовлетворяя своему интересу къ историческому чтенію, нуждается въ хорошемъ пособіи для русской сословной исторіи.

Можно пожалѣть только объ одномъ: судя по «заключенію», гдѣ говорится объ «узаконеніяхъ о вольности дворянства» и на нѣсколькихъ страничкахъ даются очень бѣглыя свѣдѣнія о томъ, какъ «полагалось начало образованію привилегированнаго дворянскаго сословія», — авторъ считаетъ свой трудъ о «происхожденіи русскаго дворянства» законченнымъ. Въ сущности же онъ далъ только предварительныя свѣдѣнія, необходимыя для знакомства съ этимъ вопросомъ. Впрочемъ, для исторіи русскаго дворянства въ XVIII и началѣ XIX в. имѣется въ русской литературѣ трудъ проф. Романовича-Словатинскаго: «Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмены крѣпостного права», который можетъ служить продолженіемъ труда Н. П. Павлова-Сильванскаго. Но книга проф. Романовича-Словатинскаго вышла еще въ 1870 г. и заслуживала бы серьезнаго пересмотра; тутъ собраны данныя для изученія дворянства въ эпоху расцвѣта крѣпостного права, но онѣ систематизированы по рубрикамъ, такъ что картины постепеннаго развитія дворянства, измѣненія его склада и значенія въ сущности нѣтъ.

М. А. Дьяконовъ. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ Государствѣ (XVI—XVII вв.) Спб. 1898 г. III + 344 стр. Трудъ проф. Дьяконова посвященъ изученію вопроса о происхожденіи крестьянскаго прикрѣпленія. Это одинъ изъ коренныхъ вопросовъ исторіи русскаго соціального строя и одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ русской исторической науки. «Вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ» — писалъ М. А. Дьяконовъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ интересной брошюрѣ: «Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія» (Спб. 1893 г., — «до сихъ поръ раздѣляетъ мнѣнія изслѣдователей въ такой же мѣрѣ, какъ это было и 35 лѣтъ тому назадъ», и указывалъ на причину такого безотраднаго положенія въ томъ, что за это время историческая наука не обогатилась новыми матерьялами по исторіи прикрѣпленія крестьянъ. Въ трудѣ своемъ авторъ не ставитъ этого сложнаго вопроса во всемъ его объемѣ и во всемъ его соціологическомъ значеніи. Въ рядѣ очерковъ авторъ даетъ разработку отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ въ зависимости отъ того, весьма цѣннаго и новаго матеріала, который ему удалось собрать. Но матеріалъ этотъ оказался недостаточно обиленъ для разработки затронутыхъ вопросовъ съ необходимой полнотой, и авторъ предпочелъ воздержаться отъ общихъ выводовъ и заключеній относительно исторической судьбы тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Самъ авторъ признаетъ, что «очерки не

могутъ претендовать, на полноту, а вся книга рискуетъ вызвать впечатлѣніе отрывочности и незаконченности». Но онъ безусловно правъ, находя, что «эти недочеты не могли, однако, послужить препятствіемъ къ изданію книги въ свѣтъ». Научное значеніе книги М. А. Дяконова несомнѣнно существенно: автору удалось установить нѣсколько частныхъ положеній, устраняющихъ устарѣлыя воззрѣнія и необходимыхъ для дальнѣйшаго изслѣдованія; еще больше поднимаетъ онъ вопросовъ, которыхъ рѣшеніе еще впереди, указывая на то, что матеріалъ для изслѣдованія далеко еще не исчерпанъ. М. А. Дяконовъ даетъ описаніе и очень осторожный анализъ положенія отдѣльныхъ разрядовъ сельскаго населенія: крестьянъ старожильцевъ и новопорядчиковъ, половниковъ и бобылей, задворныхъ и дѣловыхъ людей, монастырскихъ дѣтенышей. Между всѣми этими этюдами, какъ самъ авторъ указываетъ, есть несомнѣнная связь, которая «должна бы, естественно, повести къ общимъ выводамъ и заключеніямъ». Къ сожалѣнію они не сдѣланы, хотя бы въ видѣ гипотезы, въ видѣ отвѣта на вопросъ: къ какому взгляду на причины, время и характеръ прикрѣпленія, повидимому, ведутъ имѣющіяся на лицо данныя? Намеки на такой отвѣтъ разсыяны по всей книгѣ, и попытка его формулировать могла бы быть плодотворной, не умаляя научнаго достоинства работы М. А. Дяконова, столь привлекательной для специалистовъ по добросовѣстной научной осторожности. Въ общемъ, работа эта носитъ характеръ предварительныхъ этюдовъ для будущаго построенія, даетъ много конкретныхъ чертъ для характеристики древне-русскаго быта, но, къ сожалѣнію, авторъ не нашелъ возможнымъ связать свои наблюденія съ попыткой освѣтить основныя черты экономической и юридической жизни древне-русскаго общества. Это въ своемъ родѣ, знаменіе времени. Старые труды по исторіи русскаго права, считающіеся классическими, именно сильны тѣмъ, что въ составѣ ихъ всегда лежитъ общая мысль, широкая и плодотворная. Новѣйшіе изслѣдователи общія свои мысли оставляютъ про себя, заставляя читателей угадывать ихъ между строкъ. Стремленіе къ строгой научности, которой вызвано это явленіе, могло бы ничего не потерять при нѣсколько большой смѣлости въ формулировкѣ общихъ задачъ изслѣдованія. Въ трудѣ М. А. Дяконова эта особенность тѣмъ болѣе поражаетъ, что мы имѣемъ дѣло съ работой юриста, а выносимъ впечатлѣніе, что его книгѣ мѣсто скорѣе въ отдѣлѣ книгъ историческихъ, чѣмъ юридическихъ.

Эрнестъ Лависсъ и Альфредъ Рамбо. Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Томъ четвертый: Возрожденіе и Реформація; Новый Свѣтъ. (1492—1559) переводъ Невѣдомскаго. М. 1898. XXII + 933 стр. Ц. 3 р. Изданіе въ русскомъ переводѣ обширной «Всеобщей Исторіи», составленной группой французскихъ историковъ подъ руководствомъ профессоровъ парижскаго университета Лависса и Рамбо, успешно подвигается впередъ. Главное достоинство новаго тома, какъ и предыдущихъ, состоитъ въ полнотѣ сообщаемыхъ фактическихъ и библіографическихъ свѣдѣній. Томъ этотъ посвященъ великому историческому періоду, когда слагались основныя черты новой культуры Западной Европы. Политическая исторія этого періода изложена въ сжатыхъ, но подробныхъ очеркахъ. Внутренняя исторія государствъ очерчена такъ обстоятельно, какъ ни въ одномъ изъ существующихъ на русскомъ языкѣ трудовъ, не исключая даже громоздкой исторіи Вебера. Особенно хороши очерки, посвященные внутренней исторіи Франціи и Испаніи. Они даютъ полную картину роста новыхъ монархій въ ихъ борьбѣ съ остатками средневѣковаго сепаратизма. Что касается характеристики великихъ культурныхъ теченій XV—XVI вв.—то онѣ блѣдны, что, впрочемъ, естественно, при конспективномъ изложеніи. Читатель «Всеобщей исторіи» часто будетъ ощущать недостатокъ болѣе глубокихъ характеристикъ отдѣльныхъ великихъ дѣятелей и цѣлыхъ теченій; съ трудомъ помирится онъ, напримѣръ, съ тѣмъ, что Лютеру посвящено лишь нѣсколько

довольно безсодержательныхъ страницъ. За то несомнѣнную услугу русскимъ читателямъ окажетъ изложеніе основныхъ фактовъ исторіи экономическаго развитія Франціи, судебъ ея литературы и исторіи искусства въ Европѣ. Если для исторіи нѣмецкой реформациі русская литература располагаетъ хорошими переводными трудами (Гейссера, Берда), то для знакомства съ реформацией во Франціи «Всеобщая исторія» Лависса и Рамбо послужитъ главнымъ пособіемъ. Весьма полезнымъ надо признать изложеніе исторіи Скандинавскихъ государствъ, Венгрии, Оттоманской имперіи—для которой у насъ нѣтъ иныхъ пособій. Въ концѣ тома находятся обзоры исторіи сѣверной Африки и Индостана съ древнѣйшихъ временъ до XVI в., сообщающіе свѣдѣнія по исторіи турецкихъ завоеваній и имперіи Великаго Могола, которыя будутъ новинкой для большинства любителей историческаго чтенія. Затѣмъ—и эта одна изъ самыхъ странныхъ особенностей плана «Всеобщей исторіи»—слѣдуютъ очерки открытій и колонизаціи новыхъ странъ. Очерки эти составлены хорошо, но, помѣщенные въ концѣ тома, въ видѣ какаго-то приложенія, они остаются внѣ связи съ общимъ изложеніемъ событій великой эпохи, что, конечно, мѣшаетъ оцѣнѣ глубокихъ послѣдствій, какія имѣло для европейской культуры завоеваніе новаго міра. На этомъ примѣрѣ всего виднѣе, что «Всеобщая исторія» Лависса и Рамбо не претендуетъ на стройное изложеніе общаго историческаго курса, и является цѣнной хрестоматіей, очень полной и систематичной, которая обогатитъ читателя новыми фактическими знаніями, а представителямъ исторіи можетъ послужить хорошимъ пособіемъ справочнаго характера.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

П. Рузье. «Профессіональные рабочіе союзы въ Англіи». «Торгово-промышленная Россія».

Поль де Рузье. Профессіональные рабочіе союзы въ Англіи (*Le trade unionisme Angleterre*). Перев. съ франц. подъ ред. и съ пред. П. Струве. Изд. О. Н. Поповой. «Экономическая бібліотека». Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 коп. Предлагаемое изслѣдованіе есть результатъ коллективнаго труда. Въ 1895 г. парижскій «Соціальный музей», бібліотека котораго заключаетъ самую полную коллекцію документовъ и періодическихъ изданій по англійскому рабочему движенію, предпринялъ изслѣдованіе современнаго состоянія англійскаго трэдъ-юніонизма, поручивъ это Полю де Рузье въ сотрудничествѣ съ Карбонелемъ, Фести, Флери и Вильгельмомъ. Означенныя лица лично изучали состояніе рабочихъ организацій въ различныхъ отрасляхъ промышленности, посѣщая рабочія мастерскія, семьи, конгрессы, опрашивая участниковъ и вождей рабочихъ союзовъ въ Англіи. Въ результатъ явился рядъ монографическихъ описаній главнѣйшихъ типовъ англійскихъ рабочихъ союзовъ, составленный указанными лицами. Главы, касающіяся общей характеристикъ трэдъ-юніонизма и соображенія о будущемъ его развитіи принадлежатъ главному редактору изданія Полю де Рузье.

Англійскіе рабочіе союзы (трэдъ-юніоны) ведутъ свое начало отъ комитетовъ, которые избирались рабочими для установленія соглашеній съ предпринимателями съ цѣлью прекращенія стачекъ. Современная форма промышленности, характеризующаяся преобладаніемъ машиннаго производства, сгущая рабочихъ на большихъ фабрикахъ, рѣзко разграничиваетъ ихъ интересы отъ интересовъ предпринимателей. Сознаніе, что рабочій не можетъ защищать единичными усиліями своихъ интересовъ, приводитъ къ потребности въ коллективномъ договорѣ о наймѣ. Въ этомъ заключается главный смыслъ рабочихъ союзовъ въ Англіи въ томъ видѣ, какъ они существуютъ въ настоящее время.

«Современный профессиональный рабочий союз в Англии есть общество рабочих, сгруппированное с целью коллективной защиты их собственных интересов» (стр. 43). К этой основной цели примыкает деятельность союзов, преследующих развитие взаимопомощи и поднятие умственного и нравственного уровня участников союзов. «Тредъ-юніоны—это английское разрешение задачи, общей всемъ промышленнымъ странамъ» (стр. 11).

Въ различныхъ профессиональных рабочих союзахъ Великобританіи насчитывается всего 1.500.000 членовъ, что составляетъ двадцатую часть всего населенія и пятую часть рабочихъ мужского пола. Но цифра эта показываетъ только численность организованной рабочей армии, и далеко не служитъ мѣркою ни симпатій, которыми пользуется тредъ-юніонизмъ въ народной массѣ, ни истиннаго успѣха дѣла. Результаты, достигнутые организацией въ смыслѣ улучшения матеріальнаго положенія рабочихъ, несомнѣнны. Статистическіе отчеты о заработной платѣ въ Англии и о продолжительности рабочаго дня показываютъ, что въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ первая неизмѣнно увеличивалась, второй неизмѣнно сокращался. Въ 1860 г. десятичасовой рабочій день считался *minimum*омъ рабочаго времени, теперь онъ сталъ *maximum*омъ. Конечно, въ этомъ процессѣ имѣло значеніе, не одно вліяніе союзовъ, а и другія вліянія; и, главнымъ образомъ, увеличеніе производительности труда, благодаря развитію техники, но значительную долю участія въ этомъ процессѣ слѣдуетъ отнести и на долю союзовъ. Одну изъ причинъ такой успѣшности въ дѣятельности английскихъ рабочихъ союзовъ, авторы видятъ въ высокомъ нравственномъ уровнѣ какъ вообще участниковъ союзовъ, такъ въ особенности ихъ вождей и администраціи, выдержкѣ, дѣловитости, умственному развитію, внушающимъ уваженіе самимъ предпринимателямъ. Личный составъ союзовъ является въ значительной степени результатомъ подбора (стр. 40). Но именно это-то обстоятельство и ведетъ въ послѣднее время къ существенному расколу въ средѣ современнаго тредъ-юніонизма. Самыя старинныя и самыя сильныя изъ рабочихъ ассоціацій, союзы строительныхъ, машиностроительныхъ, текстильныхъ, судостроительныхъ рабочихъ не всегда охотно допускаютъ въ свою среду рабочихъ, помогающихъ имъ въ ихъ профессіи, а допуская, подвергаютъ ихъ иногда аксиплатации. Среди этой, своего рода рабочей аристократіи, распространено убѣжденіе, что тредъ-юніонизмъ долженъ оставаться удѣломъ небольшого числа лицъ, что только обученные рабочіе могутъ удѣлять изъ своего заработка суммы для довольно значительныхъ взносовъ въ кассы союзовъ. Но рядомъ съ этими союзами, представляющими старый юніонизмъ, складываются союзы, открывающіе доступъ въ свою среду и необученнымъ рабочимъ, работающимъ совместно въ одной профессіи. Таковы земледѣльческіе рабочіе и докеры. Эти тредъ-юніоны новаго типа отличаются тою особенностью, что у нихъ слабо развиты учрежденія взаимопомощи, выдача извѣстныхъ суммъ въ случаяхъ безработицы, несчастныхъ случаевъ, болѣзни, похоронныхъ пособій и пенсій престарѣлымъ рабочимъ. Однако, если нѣкоторые изъ союзовъ, принадлежащихъ къ старому типу тредъ-юніонизма, развиваются въ сторону большей доступности, то, въ свою очередь, и союзы новаго типа сознаютъ значеніе взаимопомощи въ своей средѣ и, если мало могутъ сдѣлать въ этомъ отношеніи, то лишь въ виду бѣдности участниковъ. Помимо указаннаго раздѣленія въ английской рабочей средѣ воздѣлалось движеніе, принципиально отрицающее значеніе тредъ-юніонизма въ борьбѣ за улучшеніе положенія рабочихъ. Это такъ называемая независимая рабочая партія, считающая юніонизмъ орудіемъ притупленнымъ, не достигающимъ своей цѣли. Основнымъ положеніемъ партіи является необходимость дѣйствовать путемъ активнаго участія въ политической жизни страны.

Французскіе авторы разсматриваемаго труда смотрятъ на нѣкоторыя стороны разрабатываемаго ими предмета съ либерально-буржуазной точки зрѣнія. Но это

не мѣшаетъ имъ сборнику быть весьма содержательнымъ въ смыслѣ фактическихъ данныхъ. Важно также то, что давая характеристики различныхъ профессиональных рабочихъ союзовъ: строительнаго промысла, земледѣльческаго, углекоповъ, докеровъ и проч., авторы всегда разсматриваютъ ихъ организацію и дѣятельность на фонѣ общихъ условій данной отрасли труда, что раскрываетъ передъ нами картину трудовой жизни Англіи въ рядѣ типичныхъ примѣровъ.

Переводчикъ снабдилъ русское изданіе предисловіемъ, въ которомъ высказываетъ свои критическія замѣчанія о работѣ де Рузье и его сотрудниковъ, а также приводитъ нѣкоторыя поправки, сдѣланныя англійскимъ экономистомъ Ф. Гольтономъ въ рецензіи о разсматриваемой книгѣ.

Торгово-промышленная Россія. Справочная книга для купцовъ и фабрикантовъ. Составлена подъ редакціей А. А. Блау. Изд. Департамента Торговли и Мануфактуръ. Спб. 1899. Цѣна 10 р. Это изданіе заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія со стороны всѣхъ лицъ, интересующихся нашимъ промышленнымъ развитіемъ. Помимо разнаго рода справочныхъ свѣдѣній (сюда входятъ, напр., статьи о фабричномъ законодательствѣ, страхованіи, государственномъ промысловомъ налогѣ, ярмаркахъ, элеваторахъ и пр.), въ изданіи имѣется обширный историко-статистическій обзоръ промышленности и торговли Россіи. Главный интересъ этого обзора заключается въ томъ, что въ немъ впервые опубликованы данныя о числѣ фабрикъ и заводовъ въ Россійской Имперіи, цѣнности производства на нихъ и числѣ рабочихъ за 1896 г. Последніе суммарныя данныя по нашей фабрично-заводской промышленности относились къ 1893 г. («Сводъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности Россіи за 1893 г.», изд. Д-та Торговли и Мануфактуръ). Вышедшее въ прошломъ году официальное изданіе—«Перечень фабрикъ и заводовъ въ Россіи», въ 1894—1895 г.—не заключало въ себѣ никакихъ общихъ итоговъ, очевидно, въ виду того, что содержащіяся въ этомъ изданіи данныя о числѣ фабрикъ, рабочихъ и пр. имѣли отрывочный характеръ и никоимъ образомъ не могли претендовать на полноту. Общая сумма фабрикъ и фабричныхъ рабочихъ по даннымъ «Перечня» оказывается значительно уменьшенной и ни для какихъ сравненій съ предшествовавшими итогами нашей фабрично-заводской промышленности служить не можетъ. На это необходимо указать, такъ какъ въ нашей литературѣ уже дѣлались попытки (проф. Карышевымъ) выводить общія заключенія о ходѣ нашего промышленнаго развитія по даннымъ «Перечня». Въ новомъ изданіи Департамента Торговли и Мануфактуръ мы находимъ суммарныя данныя о состояніи нашей фабрично-заводской промышленности въ 1896 г. По этимъ даннымъ оказывается, что развитіе нашей фабрично-заводской промышленности идетъ, поистинѣ, гигантскими шагами. Въ 1893 г. въ Россійской Имперіи, по даннымъ «Свода», насчитывалось 22.483 фабрикъ и заводовъ, съ годовой суммой производства въ 1.759.331 т. р. и числомъ рабочихъ 1.406.775. Въ 1896 г., по новѣйшему изданію департамента, въ Россійской Имперіи зарегистрировано 38.401 фабрикъ и заводовъ, съ годовой производительностью въ 2.745.345 т. р. и общей суммой рабочихъ 1.742.181. Правда, огромное увеличеніе числа фабрикъ, до извѣстной степени, есть только кажущееся и обуславливается усовершенствованіемъ статистической техники. Но огромное увеличеніе числа рабочихъ (за 3 года число рабочихъ возросло на 336 тысячъ, т.-е. приблизительно на 24%) и производительности фабрикъ только въ незначительной степени можетъ зависѣть отъ этой послѣдней причины, ибо фабрики, не попадавшія, благодаря плохой регистраціи, въ прежніе официальные итоги, естественно, должны были принадлежать къ числу мелкихъ, почему регистрація ихъ, значительно вліяя на общую численность фабрикъ, могла лишь относительно мало повліять на число рабочихъ.

Такимъ образомъ, общая сумма фабрично-заводскихъ рабочихъ въ Имперіи уже въ 1896 г. приближалась къ 2 милліонамъ, а теперь, вѣроятно, значительно превысила эту цифру. Общая численность фабричнаго рабочаго класса въ Россіи растетъ значительно быстрѣе населенія (за послѣдніе годы на 8% въ годъ, въ то время, какъ населеніе увеличивается въ годъ менѣе, чѣмъ на 1,5%) вопреки теоріямъ нашихъ самобытныхъ экономистовъ, гг. В. В., Карышева, Николая —она и др., отрицающихъ возможность капиталистическаго развитія Россіи.

ФИЛОСОФІЯ.

Кроненбергъ. «Философія Канта». — Б. Чичеринъ. «Политическіе мыслители древняго и новаго міра».

Кроненбергъ. Философія Канта и ея значеніе въ исторіи развитія мысли. Перев. съ нѣм. В. Щиглевой. Изд. О. Н. Поповой. «Образовательная бібліотечка», № 10. Спб. 1898. Ц. 40 коп. Настоящій переводъ сочиненія Кроненберга является съ нѣкоторымъ, впрочемъ, несущественнымъ измѣненіемъ сравнительно съ подлинникомъ: біографія Канта, составляющая его первую половину, нѣсколько сокращена. Имѣя, однако, въ виду, что фактическая сторона жизни великаго философа не представляетъ собою ничего особенно выдающагося, а нравственная личность его достаточно ясно выступаетъ въ томъ, что оставлено изъ его біографій, объ упомянутомъ сокращеніи сожалѣть особенно не приходится. Главное—это, конечно, развитіе и изложеніе его идей, что выполнено у Кроненберга, хотя и сжато, но послѣдовательно, ясно и содержательно.

Кроненбергъ совершенно справедливо говоритъ, что, «вліяніе, которое—производитъ Кантъ въ настоящее время и еще окажетъ на будущее, вовсе не связано съ формою его системы, и тѣмъ менѣе съ формами его мыслей. Напротивъ, многое изъ даннаго имъ обнаружится во всей своей силѣ, когда собственно Кантовскія формы будутъ разбиты, освобождая заключенный въ нихъ духъ». Какъ ни далеко пошелъ Кантъ въ своемъ критицизмѣ и отрицаніи метода логическихъ сужденій, какъ единственно ведущаго къ истинному познанію, онъ не могъ стать исполнѣе выше своего времени и совершенно отрѣшиться отъ догматизма и рационализма. Философія Канта уподобляется, по выраженію Кроненберга, двуликому Янусу: одно лицо ея обращено къ реализму, другое къ идеализму. Однако, высказывая, что познаваемое ограничено единственно областью точнаго опыта, что въ виду накопленія полезныхъ знаній, приобретаемыхъ естественными науками, вредно тратить время на «безполезную ветошь» школьной логики, когда скоро не будетъ хватать жизни на ознакомленіе съ научными фактами, — утверждая все это, Кантъ давалъ толчокъ развитію современнаго позитивизма, сложившагося позднѣе подъ вліяніемъ англійскихъ и французскихъ философовъ. Не надо, впрочемъ, преувеличивать значеніе этого вліянія, какъ, повидимому, дѣлаетъ это Кроненбергъ: нѣмецкая философская мысль стала оказывать это вліяніе, въ особенности въ Англіи, слишкомъ поздно, когда общее направленіе всегда трезвой англійской мысли уже въ значительной степени опредѣлилось въ духѣ реализма, завѣщаннаго еще Бэкономъ.

Ученію Канта, съ его философіею чистаго разума и практическаго разума, недоставало единства міровоззрѣнія. Въ усиліяхъ найти и установить это единство нѣмецкая философія черезъ Фихтѣ и Шеллинга достигла Гегеля, въ ученіи котораго нашла какъ разъ ту идею развитія, которую тщетно искать у Канта: «въ его глазахъ познаніе, нравственность, религія—являются чѣмъ-то прочно

установленнымъ, законченнымъ, а не продолжающимъ развиваться». И, однако, филіація между Кантомъ и Гегелемъ очевидна, это лишь доказываетъ на сколько Кантъ умѣлъ пробуждать духъ свободнаго и критическаго изслѣдованія. Какъ Сократъ, онъ училъ не столько философіи, сколько философствованію.

Кроненбергъ не скрываетъ недостатковъ изложенія мысли у Канта: безжизненной систематики, темной и тяжелой терминологіи, объясняя это трудностью для Канта избѣжать схоластической манеры изложенія, внесенной въ современную ему науку Вольфіанской философіей. Когда Кантъ хотѣлъ, онъ умѣлъ, излагать свои мысли и популярно, какъ то доказываютъ нѣкоторыя его статьи и лекціи. Въ научныхъ же трудахъ Кантъ не обращалъ вниманія на слогъ, отличающійся тяжеловѣстностью и неудобопонятностью. Буно Фишеръ сравниваетъ, однако, его длинные и запутанные періоды съ тяжело нагруженнымъ возомъ, надъ разгрузкою котораго приходится не мало потрудиться. Но разобравшись въ такомъ періодѣ, всякій невольно будетъ пораженъ ясностью самой мысли и послѣдовательностью ея развитія. Тѣмъ не менѣе, работы того же Буно Фишера или разсматриваемыя нами Кроненберга могутъ быть весьма полезны для первоначальнаго уясненія философіи Канта.

Однако, Кроненбергъ не избѣжалъ обычнаго нѣмецкимъ авторамъ преувеличеннаго взгляда на значеніе нѣмецкой культуры и мысли. Съ самаго начала онъ заявляетъ, что «три главныхъ поворотныхъ пункта отмѣчаютъ ходъ цивилизаціи, всѣ приблизительно равнаго значенія и каждый освѣщенъ ореоломъ великаго имени. Въ хронологическомъ же порядкѣ имена эти такъ слѣдуютъ другъ за другомъ: Сократъ, Лютеръ и Кантъ». Поворотные пункты въ ходѣ цивилизаціи врядъ ли вообще могутъ быть связаны съ именами отдѣльныхъ, хотя бы и великихъ личностей. Ниже, говоря объ ученіи Канта о религіи, Кроненбергъ пишетъ: «До Канта въ философіи существовало мнѣніе, что религія есть, быть можетъ, единственный и, навѣрное, истинный источникъ нравственности». Это не совсѣмъ вѣрно: отдѣленіе нравственности отъ религіи уже до Канта было произведено англійскими мыслителями еще XVII вѣка и французскими конца XVIII.

Б. Н. Чичеринъ. Политическіе мыслители древняго и новаго міра. Выпускъ I. (XIV+469 стр.). Выпускъ II (433 стр.). Москва 1894. (Библиотека для самообразованія). Цѣна за оба выпуска 3 руб. 50 коп. «Библиотека для самообразованія» уже настолько зарекомендовала себя, что отъ каждаго новаго выпуска ея всегда ожидается существеннаго вклада въ нашу популярно-научную литературу. Два выпуска, принадлежащіе перу г. Чичерина, несомнѣнно восполняютъ весьма ощутительный пробѣлъ въ этой литературѣ. Политическія воззрѣнія древняго и новаго времени обыкновенно излагаются либо въ курсахъ исторіи, либо въ книгахъ, посвященныхъ исторіи философіи; но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ политическія ученія не излагаются съ достаточной полнотой: историка интересуютъ преимущественно такія политическія воззрѣнія, которыя такъ или иначе отразились на историческомъ ходѣ событій; а исторія философіи интересуется, главнымъ образомъ, общимъ міросозерпаніемъ философа. Такимъ образомъ отсутствіе болѣе или менѣе систематическаго изложенія политическихъ ученій чувствовалось довольно сильно.

Книга Чичерина восполняетъ этотъ пробѣлъ только отчасти. Политическія ученія новѣйшаго времени здѣсь вовсе не затронуты. Это произошло сттого, какъ заявляетъ въ предисловіи самъ авторъ, что его книга представляетъ «извлеченіе изъ болѣе обширнаго сочиненія» того же автора «Исторіи политическихъ ученій», еще не доведеннаго до конца. Тѣмъ же обстоятельствомъ объясняется и отрывочность изложенія: это не исторія политическихъ ученій, а изложеніе наиболѣе важныхъ политическихъ теорій, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ. Само собою разумѣется что при такомъ изложеніи связь и преемственность этихъ теорій можетъ быть выявлена только отчасти. Этой

задачей авторъ въ сущности и не задавался. Каждую теорію онъ старается объяснить общимъ философскимъ міросозерцаніемъ ея творца и потому, прежде чѣмъ излагать собственно политическія воззрѣнія автора, онъ излагаетъ его философское ученіе. Главное вниманіе г. Чичеринъ обращаетъ на точное изложеніе политическихъ взглядовъ даннаго мыслителя и критикуетъ ихъ, главнымъ образомъ, на основаніи его же собственнаго міросозерцанія, отмѣчая непоследовательности и противорѣчія, въ которыя онъ впадалъ. Такимъ образомъ изложеніе отличается достаточной степенью объективности. Но это же обстоятельство еще болѣе замыкаетъ каждую теорію въ самой себѣ.

Въ книгѣ изложены политическія ученія слѣдующихъ мыслителей: Платона; Аристотеля, Фомы Аквинскаго, Данте, Марсилія Падуанскаго, Томаса Мора, Макиавелли, Бодена, Гуго Гроція, Гоббесса, Мильтона, Кумберланда, Локка, Монтескьё, Руссо, Вольфа, Бентама, Бента, Вильгельма Гумбольдта, Роттека, Галлера и Гегеля.

Съ внѣшней стороны изданіе можно назвать даже изящнымъ, какъ и всѣ другіе выпуски «Библіотеки для самообразованія».

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

О. Д. Хвольсонъ. «Курсъ физики». — М. Неймайеръ. «Корни животнаго царства».

Курсъ физики О. Д. Хвольсона. Томъ первый 1897 г. Томъ второй 1898 г. С.-Петербургъ. Появленіе первыхъ двухъ томовъ курса физики профессора Петербурскаго университета О. Д. Хвольсона можно считать событіемъ въ лѣтописяхъ русской физики. Насколько можно судить о всемъ трудѣ по первымъ двумъ томамъ, — наконецъ, и на русскомъ языкѣ появится курсъ физики, который по полнотѣ можно будетъ поставить рядомъ съ французскими курсами Жамэна и Виоля и съ нѣмецкими Мюллера и Вюльнера. Томъ первый содержитъ: 1) введеніе, которое стоитъ на высотѣ не только современной физики, но и теоріи познанія, 2) механику, 3) измѣрительные приборы и способы измѣреній, 4) ученія о газахъ, жидкостяхъ и твердыхъ тѣлахъ. Второй томъ посвященъ: 1) ученію о звукахъ и 2) ученію о лучистой энергіи. 3-й томъ будетъ содержать — ученіе о теплотѣ; 4-й — ученія о магнетизмѣ и электричествѣ.

Какъ видитъ читатель, и самая группировка научнаго матеріала у проф. Хвольсона оригинальна и вполне соответствуетъ современному уровню нашихъ физическихъ знаній — давно пора изъ ученія о теплотѣ выкинуть такъ называемую «лучистую теплоту» и присоединить ее къ отдѣлу лучистой энергіи, равно какъ и электрическіе лучи Герца. «...Предметомъ физики, говоритъ проф. Хвольсонъ (т. II. стр. 119), можетъ быть только лучистая энергія вообще, какъ особаго рода физическое явленіе. Между прочимъ физика должна разсматривать случаи перехода этой энергіи въ тепловую, химическую или иную форму энергіи, а также разнаго рода дѣйствія лучей, между которыми дѣйствіе на органъ зрѣнія, конечно, представляетъ особый интересъ. Но физика не можетъ отдѣлять другъ отъ друга свѣтъ и лучистую теплоту, представляющіе лишь два случая проявленія одного и того же, а именно — лучистой энергіи. Ученію о свѣтѣ нѣтъ мѣста въ физикѣ, такъ какъ неудобно расширить физическое понятіе о свѣтѣ сравнительно съ понятіемъ фیزیологическимъ, отождествляя свѣтъ съ лучистой энергіей всѣхъ видовъ...» Съ другой стороны, «незнакомство съ электрическими и магнитными свойствами луча «свѣта», очевидно, не должно насъ заставлять разсматривать свѣтовые и электрическіе лучи въ различныхъ отдѣлахъ физики».

Нельзя не привѣтствовать также и того, что проф. Хвольсонъ, слѣдую Максвелю, Гельмгольцу и В. Томсону, ввелъ въ свой курсъ понятіе объ эфирѣ, какъ о веществѣ, совершенно равноцѣнномъ тому веществу, которое мы зовемъ «вѣсомой матеріей»; эфиръ такъ же, какъ и послѣдней, присуща масса, въ немъ такъ же, какъ и въ «матеріи», происходятъ деформаціи и возмущенія, «составляющія источникъ безконечно разнообразныхъ явленій свѣтовыхъ и электрическихъ; намъ извѣстны законы этихъ явленій, но мы пока еще не въ состояніи указать, какія именно деформаціи или пертурбаціи въ каждомъ данномъ частномъ случаѣ представляютъ объективную сущность наблюдаемаго явленія» (Томъ II стр. 116). Поэтому, конечно, совершенно правильно авторъ счелъ преждевременнымъ выдѣлить въ особый отдѣлъ физики ученіе о деформаціяхъ и пертурбаціяхъ въ эфирѣ, отнеся къ нему явленія электрическія, магнитныя и свѣтотыя, въ обширномъ смыслѣ лучистой энергіи. «Еще въ недостаточной мѣрѣ выяснена всесторонне связь между электромагнитными и свѣтовыми явленіями; эту связь еще не удалось выразить въ достаточно удобопонятной и простой формѣ, чтобы можно было въ общемъ учебникѣ физикѣ идти по этому *наиболѣе правильному пути*» (т. II, стр. 120).

Достоинствомъ курса физики проф. Хвольсона является также ясный и простой языкъ и умѣренное пользованіе высшей математикой. Видимо, уважаемый профессоръ имѣлъ въ виду не только лицъ, получившихъ широкое математическое образованіе, но и читателя знакомаго только съ элементарной математикой: за исключеніемъ нѣкоторыхъ главъ, гдѣ необходимъ высшій математическій анализъ, данный курсъ можетъ изучать всякій образованный человѣкъ, желающій ближе познакомиться съ физикой.

Не можемъ не остановиться на одной характерной особенноти разбираемаго нами труда: работамъ русскихъ ученыхъ, какъ въ самомъ текстѣ, такъ и въ обширныхъ библиографическихъ приложеніяхъ, отведено почетное мѣсто, изрѣдка намъ кажется, даже въ ущербъ внутреннему разнообразію данной главы. Но и маленькая слабость къ работамъ своихъ соотечественниковъ понятнѣе и менѣе вредна, чѣмъ столь частое среди русскихъ преклоненіе предъ иноземными именами и игнорированіе своихъ, порой не менѣе крупныхъ. Во всякомъ случаѣ въ этой слабости нашъ авторъ менѣе грѣшенъ, чѣмъ любой французъ, нѣмецъ или англичанинъ.

Оба тома заключаютъ громадное количество прекрасно исполненныхъ рисунковъ (974 рис.); вообще, изданіе книги не оставляетъ желать ничего лучшаго и цѣна является крайне скромной (5 р. за томъ въ 600—700 страницъ).

М. Неймайръ. Корни животнаго царства. Введеніе въ науку о происхожденіи животныхъ, съ 28-ю рисунками въ текстѣ. Переводъ М. В. Павловой. Съ предисловіемъ профессора Московскаго университета А. П. Павлова (Научно-образовательная библіотека). Москва. 1898 г. Цѣна 40 коп. Разбираемая книжка составляетъ одинъ изъ номеровъ «Научно-образовательной библіотеки», симпатичнаго московскаго изданія, рассчитаннаго на большую публику. Какъ выпущенныя уже шесть книжекъ этой библіотеки, такъ и объявленныя указываютъ на очень разнообразную программу изданія, а имена авторовъ (Токвилъ, Вюльменъ, Гринъ, Гетчинсонъ, Тойнби, Неймайръ, Ранке и др.) и редакторовъ переводовъ (проф. Тимирязевъ, Павловъ, Виноградовъ, Чупровъ) ручаются и за научность, и за интересъ выпускаемыхъ книжекъ. Является только вопросъ, рассчитаны ли всѣ книжки на болѣе или менѣе однородный по подготовкѣ составъ читателей, или различные номера библіотеки имѣютъ въ виду и различный кругъ читателей. Намъ кажется, что редакция библіотеки должна была бы стремиться къ первой цѣли: къ возможной эквивалентности своихъ книжекъ; это стремленіе должно неизбѣжно вытекать изъ самой цѣли изданія, выраженной словами «научно-образовательная библіотека».

Мы вернемся еще къ этому вопросу, когда выйдетъ въ свѣтъ достаточное количество книжекъ этой бібліотеки и можно будетъ выяснитъ въ общихъ чертахъ планъ и характеръ изданія. Теперь же остановимся на прекрасной книжкѣ Неймайра, которая и навела насъ на мысль, что составъ «бібліотеки» не имѣетъ выдержаннаго, однороднаго, если можно такъ выразиться, характера. «Корни животнаго царства» не является книгой написанной спеціально для широкаго круга читателей: это не популяризація и даже не популярная книга. Редакція «научно-образовательной бібліотеки» не только не скрываетъ этого, но устами проф. А. Павлова даже подчеркиваетъ: «Сочиненіе «Корни животнаго царства» не принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ популярныхъ сочиненій, говоритъ г. Павловъ. Оно едва ли будетъ вполне доступно пониманію читателя, не имѣющаго нѣкоторой подготовки по біологическимъ наукамъ и особенно по зоологіи...» Мы выразимся даже еще рѣзче: эта книга можетъ быть прочтена съ глубокимъ интересомъ и съ большою пользою только лицами, получившими хорошее естественно-историческое образованіе. На такихъ читателей и рассчитывалъ авторъ, когда обрабатывалъ сочиненіе, въ которомъ стремился, съ одной стороны, провести теорію эволюціи въ животное ископаемое царство, съ другой — дать «критическую» переработку общей морфологіи ископаемыхъ беспозвоночныхъ животныхъ». «Особенное вниманіе, говоритъ Неймайръ, посвящено взаимному отношенію палеонтологіи и зоологіи, въ той надеждѣ, что книга эта можетъ быть полезна не только палеонтологамъ, но чтобы и зоологи могли извлечь изъ нея свѣдѣнія, относящіяся къ соотвѣстной области знаній, столь поразительно чуждой многимъ изъ нихъ». Такая цѣль всего сочиненія отразилась, конечно, и на предисловіи къ нему, а это предисловіе и есть разбираемая нами книга «Корни животнаго царства». Проф. Павловъ прекрасно характеризуетъ ея содержаніе: «Она представляетъ собою изложеніе основаній эволюціонной теоріи въ ея современномъ развитіи, при чемъ обращается особенное вниманіе на тѣ факты, которые дали изученіе ископаемыхъ животныхъ въ послѣдніе годы, и которые не могли быть приняты во вниманіе въ эпоху созданія этой теоріи...» «Послѣдніе годы» нужно понимать — восьмидесятые годы, такъ какъ сочиненіе Неймайра появилось въ 1888 г. Дѣйствительно, книга «Корни животнаго царства» даетъ краткую, но замѣчательно искусную и яркую группировку палеонтологическихъ фактовъ, которые заставляютъ палеонтолога признать эволюціонную теорію единственно возможною для объясненія тѣхъ поразительныхъ измѣненій, которыя претерпѣвалъ животный міръ въ теченіе геологической жизни земли.

Авторъ не скрываетъ, что теорія эта далеко не сказала еще своего послѣдняго слова, что она будетъ измѣняться и эволюционировать. «Если мы захотимъ, говоритъ Неймайръ (стр. 206—207), представить себѣ прогрессъ познанія, вызванный теоріей Дарвина, то увидимъ, что прежде всего она указала на превращеніе, на постепенное измѣненіе организмовъ и ихъ происхожденіе изъ простѣйшихъ перичныхъ формъ; послѣ того разъяснила образованіе новыхъ формъ только черезъ накопленіе индивидуальных отклоненій по механическимъ законамъ при непосредственномъ вліяніи естественнаго подбора... Но при этомъ мы далеко не достигли того, чтобы понимать великую задачу органической жизни и органическаго образованія формъ, какъ это утверждается нѣкоторыми. Съ рѣшеніемъ вопроса о возникновеніи готовыхъ формъ и о силахъ, которыя вліяютъ на ихъ измѣненіе, являются другіе задачи. Индивидуальные варіаціи и ихъ причины, половое размноженіе и передача по наслѣдству со всѣми ихъ запутанными явленіями, первое возникновеніе органической жизни на землѣ — вотъ новыя задачи, требующія работы новыхъ поколѣній, къ пониманію которыхъ человѣчество будетъ приближаться, хотя и молденно, но которыя теперь представляютъ намъ, несмотря на всѣ усилія и попытки, непонятную загадку и этимъ вызываютъ еще большее стремленіе къ изслѣдованію».

Мы сдѣлали эту выписку, чтобы показать, какъ осторожно, критически относится авторъ къ эволюціонной теоріи, тѣмъ болѣе цѣнно его глубокое убѣжденіе въ великомъ значеніи этой теоріи, какъ въ ближайшемъ прошломъ, такъ и будущемъ науки. И съ этой точки зрѣнія появленіе данной книги въ русскомъ пореводѣ имѣетъ большое значеніе въ настоящее время, когда и у насъ, частью съ чужого голоса, раздаются запоздалые, но все же смѣлые и ожесточенные крики противъ эволюціонной теоріи и физико-механическаго объясненія біологическихъ явленій. При свѣтѣ этихъ двухъ руководящихъ принциповъ создана современная наука и отказаться отъ нихъ значило бы затормозить ея блестящее развитіе. Переводъ книги Неймайра сдѣланъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, весьма точно и близко къ подлиннику.

Содержаніе бібліографическаго отдѣла за 1898 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

- Мартъ. О. Н. Чюмина. «Стихотворенія».
 М. А. Лохвицкая. «Стихотворенія».
 Макс. Леоновъ. «Стихотворенія».
 В. М. Грибовскій. «Студенческіе рассказы».
 И. С. Тургеневъ. «Полное собраніе сочиненій».
 Ж. Ж. Руссо. «Исповѣдь».
- Апрѣль. Д. Н. Маминъ. «Въ глуши». «Въ дорогѣ».
 И. А. Саловъ. «Забытыя картинки».
 Гёте. «Фаустъ».
- Май. К. Баранцевичъ. «Сказки жизни».
 Ю. Э. Ромеръ. «Сказки и правда».
 Вл. Шуфъ. «Свароговъ».
 Альфонсъ Додэ. «Опора семьи».
- Сентябрь. Эрнманъ Шатріанъ. «Сочиненія».
- Октябрь. Ив. Бунинъ. «Подъ открытымъ небомъ». Стихотворенія.
 А. Ленцевичъ. «Стихотворенія».
 К. Бальмонтъ. «Стихотворенія Шелли».
 Бичеръ Стоу. «Хижина дяди Тома».
- Ноябрь. Загоскинъ. «Полное собраніе сочиненій».
 Э. Ожешко. «Сильвекъ».
 Генрихъ Гейне. «Собраніе сочиненій».

КРИТИКА, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА.

- Февраль. Я. В. Абрамовъ. «Пѣвецъ тоски».
 Е. Дюрингъ. «Великіе люди въ литературѣ».
- Мартъ. А. Н. Пыпинъ. «Исторія русской литературы».
 Н. С. Тихонравовъ. «Сочиненія», т. III.
- Апрѣль. Н. С. Тихонравовъ. Томъ второй.
 А. Фонъ-Фрикентъ. «Итальянское искусство въ эпоху Возрожденія».
- Май. М. З. Златковскій. «А. Н. Майковъ».
 А. Н. Тенъ-Бринкъ. «Шекспиръ».

- Августъ. Г. Сэйль. «Леонардо да-Винчи».
 Ноябрь. Левесъ. «Женскіе типы Шекспира».
 А. Галле. «Бомарше».
 Декабрь. Шаховъ. «Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX в.».

ПУБЛИЦИСТИКА.

- Январь. «Отчетъ комиссіи по организаціи домашняго чтенія за 1896 г.»
 Т. Циглеръ. «Нѣмецкій студентъ конца XIX столѣтія».
 Февраль. С. Н. Юмаковъ. «Вопросы просвѣщенія».
 В. Ф. Дерюжинскій. «Замѣтки объ общественномъ призрѣніи».
 Анатолий Леруа-Болье. «Антисемитизмъ».
 Мартъ. А. Ирэнсъ. «Организація свободы и общественный долгъ».
 А. П. Энгельгардтъ. «Русскій сѣверъ».
 Апрель. Луи Рейбо. «Жеромъ Патюро».
 Н. Дружининъ. «Новое сельское общество».
 Августъ. Ларра. «Общественные очерки Испаніи».
 Л. Поманъ. «Нищенствующій Парижъ».
 Сентябрь. Е. Левассеръ. «Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ».
 Б. Глинскій. «В. Бѣлинскій и чествованіе его памяти».
 Октябрь. «Финляндія». Подъ редакціей Д. Протопопова.
 Ноябрь. «Братская помощь армянамъ».
 С. С. Шашковъ. «Собраніе сочиненій».
 Ф. Паульсенъ. «Нѣмецкіе университеты».
 Декабрь. А. Шоу. «Городскія управленія въ Западной Европѣ».
 А. Лабріола. «Къ вопросу о материалистическомъ взглядѣ на исторію».

ИСТОРИЯ РУССКАЯ И ВСЕОБЩАЯ.

- Январь. «Жизнь Бенвенуто Челлини».
 С. В. Рождественскій. «Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ».
 Февраль. Л. Грегуаръ. «Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ».
 Мартъ. Ванъ Мюйденъ. «Исторія швейцарскаго народа».
 О. М. Уманецъ. «Гетманъ Мазепа».
 Май. Э. Лависсъ и А. Рамбо. «Всеобщая исторія».
 А. Трачевскій. «Германія наканунѣ революціи и объединенія».
 Е. С. Шумигорскій. «Екатерина Ивановна Неладова».
 Июль. Суворовъ. «Средневѣковые университеты».
 А. С. Лаппо Данилевскій. «Очеркъ внутренней политики Екатерины II».
 Эли Соренъ. «Исторія Италіи».
 Сентябрь. Л. Нидерле. «Человѣчество въ доисторическія времена».
 А. Бороздинъ. «Протопопъ Аввакумъ».
 Н. Захарьинъ. «Хива».
 Октябрь. Ж. Ревиль. «Религія въ Римѣ при Северахъ».
 І. Шерръ. «Комедія всемірной исторіи».
 С. Зенченко. «Учебникъ древней исторіи». «Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ».
 Декабрь. Павловъ-Сильванскій. «Государевы служилые люди».
 Дьяконовъ. «Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ».
 Лависсо и Рамбо. «Всеобщая исторія».

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

- Январь. Дж. Гобсонъ. «Эволюція современнаго капитализма».
 Февраль. «Исторія труда» изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaft».
 Апрель. Джонъ Нельсъ Ингрэмъ. «Исторія политической экономіи».
 А. Богдановъ. «Краткій курсъ экономической науки».
 Августъ. А. Тойнби. «Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII в.»
 Парвусъ. «Мировой рынокъ и сельско хозяйственный переворотъ».
 Сентябрь. «Фабрично заводская промышленность Россіи».
 А. Сиворцовъ. «Основанія политической экономіи».
 Н. Рейхсбергеръ. «Статистика и наука объ обществѣ».
 Октябрь. Л. Слонимскій. «Экономическое ученіе Карла Маркса».
 Ноябрь. Франческо Нитти. «Народонаселеніе и общественный строй».
 Декабрь. П. де-Рузье. «Профессиональные союзы рабочихъ въ Англіи».
 «Торгово-промышленная Россія».

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

- Іюль. В. Д. Спасовичъ. «Новыя направленія въ наукѣ уголовного права».
 А. Эсменъ. «Общія основанія конституціоннаго права».
 Н. П. Дружининъ. «Общепонятное законовѣдѣніе».

ФИЛОСОФІЯ.

- Іюль. Ремке. «Очеркъ исторіи философіи».
 С. Г. Ковнеръ. «Спиноза, его жизнь и сочиненія».
 Виндельбандъ. «Исторія древней философіи».
 Фр. Юдль. «Исторія этики».
 Декабрь. Кроненбергъ. «Философія Канта».
 Чичеринъ. «Политическіе мыслители»

СОЦІОЛОГІЯ.

- Май. Б. Поллокъ. «Исторія политическихъ ученій».
 Г. Ольденбергъ. «Будда, его жизнь ученіе и община».
 Іюль. Э. Мейеръ. «Экономическое развитіе древняго міра».
 Ю. Липпертъ. «Исторія семьи».
 Августъ. Э. Порритъ. «Современная Англія».
 А. Бартъ. «Религіи Индіи».

ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ.

- Августъ. П. Кампфмейеръ. «Очерки изъ исторіи нѣмецкой культуры».
 Р. Андерсъ. «Исторія вымершихъ цивилизацій востока».

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

- Январь. Грантъ-Алленъ. «Жизнь растений».
 Ф. Федо. «Ботаникъ-любитель».
 Февраль. Т. Паркеръ. «Лекціи по элементарной біологіи».
 Э. Ланнастеръ. «Полчаса съ микроскопомъ».

- Іюнь. Клейнъ. «Астрономическіе вечера».
 «Сборникъ статей для самообразованія».
- Сентябрь. Поль-Жане. «Произвольное зарожденіе и превращеніе видовъ».
- Н. Покровский. «Путеводитель по небу». «Русскій астрономическій календарь».
- Октябрь. Н. Линдеманъ. «Основы общей зоологій».
- Э. Ретферъ. «Общедоступная анатомія и фізіологія».
- Декабрь. Хвольсонъ. «Курсъ физики», т. I и II.
- Неймайръ. «Корни животнаго царства».

ЭТНОГРАФІЯ.

- Августъ. Черевкова. «Очерки Японіи».
- Д. Шрейдеръ. «Нашъ дальній Востокъ».

МЕДИЦИНА И ГИГИЕНА.

- Январь. Э. Крепелинъ. «Гигіена труда».
- «Физическое развитіе воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній».
- Э. Дюкло. «Пастеръ, броженіе и самозарожденіе».
- Февраль. Л. Ландуа. «Учебникъ фізіологій человѣка».
- Л. Бертенсонъ. «Бакинскіе нефтяные промыслы».
- Мартъ. Н. М. Любимовъ. «О борьбѣ съ заразными болѣзнями».
- Н. Н. Михайловъ. «Очеркъ современныхъ условій кумысолѣченія».
- Августъ. В. И. Раммъ. «Массажъ и врачебная гимнастика».

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

- Май. Л. Купріянова. «Современная Бельгія».
- Шрейдеръ. «Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ».
- «Японія». «Изд. постоянной комиссіи народныхъ чтеній». «Іерихонъ, Іорданъ и Мертвое море». «Генисаретское озеро».
- Іюнь. И. Н. Захарьинъ. «Для народа».
- Е. Погожева. «Безъ денегъ горе, при деньгахъ вдвое».
- В. Луньянская. «Воспоминанія часового мастера». «Сказаніе про дикаго графа».
- Е. Ожешко. «Болдуныя».
- Уйда. «Нелло и Патрамъ».
- Ноябрь. М. Михайловъ. «За предѣлами исторіи».
- І. Малиновскій. «О томъ, какъ воевали въ старину и какъ теперь въ старину». «Разсказы о подвигахъ человѣческаго ума или о чудесахъ науки».

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

съ 15-го октября по 15-е ноября 1898 года.

- Дангъ Алигieri. Вожественная комедія. Часть II. Чистилище. Пер. съ итальянскаго М. А. Горбова. Москва. 1898.
- В. Минуличъ. Зарницы. Изданіе 2-е. Спб. 1898. Ц. 1 р.
- Ея же. Черемуха. Изд. 1-е. Спб. 1898. Ц. 1 р.
- Ея же. Мимочка. Изд. 2-е. Спб. 1898. Ц. 1 р.
- Карпенко-Карый. Разумный и дуракъ. Комедія въ 5 дѣйств. Черкассы. 1898. Ц. 8 к.
- Его же. Сто тысячъ. Комедія въ 4 дѣйств. Черкассы. 1898. Ц. 8 к.
- М. Высоцкій. На югѣ. Разказы и стихотворенія. Рига. 1898. Ц. 80 к.
- Бр. Гриммъ. Иллюстрированная сказочная библіотека. Изданіе Ф. Павленкова. Выпуски №№ 93, 94, 95, 96.
- Мельшинъ. Въ мѣрѣ отверженныхъ. Изданіе «Русскаго Богатства». Т. II. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.
- Баранцевичъ. Чудныя ночи. Изд. «Дѣтскаго Чтенія». Москва. 1899. Ц. 45 к.
- Н. Поздняковъ. Въ лучшіе годы. Изд. 2-е. Спб. 1898.
- Сборникъ статей въ помощь самообразованію. Вып. IV. Москва. 1898. Ц. 1 р. 20 к.
- Проф. Г. Давидъ. Любовь съ психологической точки зрѣнія. Изданіе Митурникова. Спб. 1899. Ц. 60 к.
- Джонъ Морлей. Воспитательное значеніе литературы. Спб. 1898. Ц. 15 к.
- Проф. Гальти. Популярныя очерки по нравственной философіи. Спб. 1898. Ц. 50 к.
- Р. Гаймъ. Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ. Описаніе его жизни и характеристика. Изд. Солдатенкова. Москва. 1899. Ц. 3 р.
- Артуръ Шопенгауэръ. Мѣръ, какъ воля и представленіе. Съ портр. автора. Перевъ съ нѣмецкаго. Изданіе 4-е, Маркса. Спб. 1899. Ц. 2 р.
- Арцыбашевъ. Простѣйшіе приборы по молочному хозяйству. Изд. Тихомірова. Москва. 1898. Ц. 15 к.
- Шиндлеръ. Земледѣльческія орудія и машины. Изд. Тихомірова. Москва. 1898. Ц. 15 к.
- Селивановскій. Берестяное производство. Изд. Тихомірова. Москва. 1898. Ц. 10 к.
- Пригорский. Первая бѣда о дренажѣ. Изд. Тихомірова. Москва. 1898. Ц. 7 к.
- Лангъ. Зараза. Изд. Тихомірова. Москва. 1898. Ц. 6 к.
- Практическая зоотомія. Вып. I. Лягушка. Съ 22 рис. въ текстѣ. Спб. 1898. Ц. 50 к.
- М. Гюйо. Собраніе сочиненій. Т. I. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1898. Ц. за 4 тома по подпискѣ 4 рубля.
- Гербертъ Спенсеръ. Хорошее и дурное поведение. Перевъ съ англ. Спб. 1899. Ц. 50 к.
- Е. Церетели. Елена Ивановна. Біографич. очеркъ. Въ пользу Общества вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на Спб. высшихъ женскихъ курсахъ. Ц. 1 р. 50 к.
- В. Вальтеръ. Въ защиту искусства мысли музыканта по поводу статьи Л. Н. Толстого: «Что такое искусство?». Спб. 1899. Ц. 40 к.
- Максъ Нордау. Литературное воображеніе. Изд. Зинченко. Спб. 1898. Ц. 25 к.
- Гербертъ Спенсеръ. Права женщинъ. Спб. 1898. Ц. 15 к.
- Фонъ Аминторъ. За правду и за честь женщины. (Противъ «Крейцеровой сонаты» Л. Н. Толстого). Изд. 2-е. Спб. 1898. Ц. 50 к.
- Основные вопросы воспитанія по сочиненіямъ Пирогова. Изд. М. В. Попова. Спб. 1899. Ц. 25 к.
- Зинченко. О подготовкѣ преподавателей средних учебныхъ заведеній къ педагогической дѣятельности. Москва. 1898. Ц. 25 к.
- Сборникъ арифметическихъ задачъ и прикладныхъ. Вып. I (числа 1-й сотни). Изд. Тихомірова. Москва. 1898. Ц. 15 к.
- Проф. Гарриссонъ. Развѣтленіе силы. Спб. 1898. Ц. 35 к.
- Проф. Архангельскій. Къ лекціямъ по исторіи русской литературы. Казань. 1898. Ц. 30 к.
- Коммерческій словарь. Сост. I. П. Сениговъ. Изд. Сойкина. Спб. 1898. Ц. 2 р.
- Инженерскій. Заграничныя наброски. (По музеямъ и лабораторіямъ Западной Европы). Спб. 1898.
- Д-ръ Цигельротъ. Нервность нашего времени, причины ея и средства къ устраненію. Спб. 1898. Изданіе Павленкова. Ц. 25 к.
- В. Д. Смирнова. А. И. Герценъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Изданіе Павленкова. Ц. 25 к.
- Е. Орловъ. Александръ Македонскій

- Юлій Цеварь, нхъ живнѣ и военная дѣятельность. Изданіе Павленкова. Ц. 25 к.
- В. Чепинскій. Г. Вашингтонъ, его живнѣ, военная и обществ. дѣятельность. Изд. Павленкова. Ц. 25 к.
- Б. Д. Порозовская. Мартинъ Лютеръ. Его живнѣ и реформаторская дѣятельность. Изд. Павленкова. Ц. 25 к.
- Е. Орловъ. Демосеенъ и Циперонъ, нхъ живнѣ и дѣятельность. Ц. 25 к.
- А. Фуллеръ. Психологія французскаго народа. Перев. съ франц. Н. Кончевской. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1898. Ц. 1 р.
- Д-ръ Робинъ. Положительная философія Огюста Конта. Перев. съ франц. Е. А. Предтеченскаго. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1898.
- Э. Б. Тичинеръ. Очерки психологіи. Перев. съ 2-го англ. изд. М. Чепинской. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1898. Ц. 1 р.
- Г. Рибо. Эволюція общихъ идей. Перев. съ франц. М. Гольдсмитъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1898. Ц. 60 к.
- Э. Клодъ. Исторія первобытныхъ людей. Съ 88 рис. Перев. съ англ. М. А. Энгельгардта. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1898. Ц. 40 к.
- Томасъ Карлейль. Герои и героическое въ исторіи. Перев. съ англ. В. И. Яковенко. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1898. Ц. 1 р.
- А. Мензисъ. Исторія религіи. Перев. съ англ. М. Чепинской. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1898. Ц. 1 р.
- Эспинасъ. Соціальная жизнь животныхъ. Перев. съ франц. Ф. Павленкова. Второе пересмотрѣнное изданіе. 1898. Ц. 1 р.
- А. Сабатье. Жизнь и смерть. Перев. съ франц. В. Обреимова. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1898. Ц. 75 к.
- Г. Брандесъ. Литература XIX вѣка въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ. Перев. съ нѣм. М. Юлшина. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1898. Ц. 75 к.
- Ш. Сеньобосъ. Политическая исторія современной Европы. 1814—1896 г. Перев. съ франц. подъ ред. проф. Трачевскаго. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к.
- Трайль. Общественная жизнь Англіи. Т. V. Изд. Солдатенкова. Перев. съ англійск. Москва. 1898. Ц. 2 р. 50 к.
- «Нашъ родной учитель» (К. Д. Ушинскій). Изд. ред. журн. «Дѣтское Чтеніе». Москва. 1899. Ц. 20 к.
- Альманахъ Ежегодникъ Яблонскаго на 1899 годъ. 5-й годъ изданія. Спб.
- Г. Рибо. Философія Шопенгауэра. Перев. съ франц. Суперанскаго. Спб. 1898. Ц. 80 к.
- Величкина. Швейцарія. Изд. «Посредника». Москва. 1898. Ц. 50 к.
- Сидней Веббъ. Положеніе труда въ Англіи. Изд. Березина и Семенова. Спб. 1899. Ц. 15 к.
- Литературный сборникъ «Волжскаго Вѣстника». Казань. 1898. Ц. 1 р. 50 к.
- Проф. Э. Эсмаркъ. Въ поискахъ за квартирой. Перев. съ нѣм. Изд. Югансона. Кіевъ. 1898. Ц. 25 к.
- И. Тэнъ. В. Шекспиръ. Перев. съ франц. Изд. 2-е Юровскаго. Одесса. 1898. Ц. 15 к.
- Н. Сперанскій. О дурной болѣзни. Изд. 4-е Общества русскихъ врачей въ память Пирогова. Москва. 1898. Ц. 5 к.
- Дорфъ. Сибирская язва. Изд. Общ. русскихъ врачей въ память Пирогова. Москва. 1898. Ц. 5 к.
- Архангельская. Для чего доктора дѣлають операціи. Изд. Общ. русскихъ врачей въ память Пирогова. Москва. 1899. Ц. 5 к.
- Г. Юревичъ. Сборникъ ариметическихъ задачъ для начальныхъ училищъ. Части I и II. Спб. 1899. Ц. за обѣ части 20 к.
- Г. Соколовъ. Положеніе начальнаго образованія въ Тобольской губ. за 1896—1897 учебный годъ. Тобольскъ. 1898.
- Отчетъ по устройству сельскихъ библиотекъ Харьк. Общества распротр. въ народѣ грамотности за 1897 г. Харьковъ. 1898.
- Отчетъ Общества взаимнаго вспомошествованія учащимъ и учившимъ въ начальныхъ училищахъ Вятск. губ. съ 1 іюля 1818 г. Вятка.
- Рецензіи народныхъ изданій по медицинѣ и гигиенѣ. Труды комиссіи по распространенію гигиеническихъ знаній въ народѣ Общества русск. врачей въ память Пирогова. Москва. 1898. Ц. 50 к.
- Отчетъ Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1897 годъ.
- Отчетъ Общества поощренія женскаго профессиональнаго образованія за 1897 г. Москва. 1898.
- Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана съ 1-го октября 1897 г. по 1-е октября 1898 г. Кіевъ. 1898.
- Еропкины. Исслѣдованіе по нѣкоторымъ podatнымъ вопросамъ надѣльнаго землевладѣнія. Рязскій уѣздъ. Рязскъ. 1898.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

ВЕЗУМЕЦЪ ИЛИ МУЧЕНИКЪ?

По поводу статьи *Le centenaire d'Auguste Comte, par Levy-Brühl, Revue des deux Mondes, 1898.*

I.

Въ нынѣшнемъ году исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Конта, срокъ, какъ извѣстно, юбилейный и вполне законный для такого опредѣленія заслугъ *философа* и исторической оцѣнки чело-вѣка. Попытки въ этомъ смыслѣ и были сдѣланы періодической печатью и учеными обществами. Попытокъ въ результатѣ оказа-лось гораздо меньше, чѣмъ, повидимому, заслуживаетъ громкое имя творца позитивной философіи и родоначальника социологіи. И самыя попытки вышли чрезвычайно скромными, пожалуй, даже отчасти обидными для памяти юбиляра.

Говорилось, конечно, съ достаточной увѣренностью о большихъ дарованіяхъ, даже о геніи Конта, обязательно излагалось содержаніе его *позитивной философіи* и *позитивной политики*, воздавались должныя хвалы знаменитой системѣ позитивныхъ наукъ и еще болѣе знаменитому открытію закона трехъ стадій умствен-наго развитія человѣчества. Всего этого слѣдовало ожидать и большая публика съ удовольствіемъ могла пережить удовольствіе прежнихъ поколѣній, приходившихъ еще такъ недавно въ чисто религиозный восторгъ предъ стройностью, можно сказать, логи-ческой художественностью философскихъ созданій Конта.

Но даже въ самыхъ искреннихъ юбилейныхъ славословіяхъ чув-ствовалаcя какая-то фальшивая, будто надорванная нота. Можно по-думать, философомъ въ настоящее время позволительно восхищаться съ нѣкоторой оглядкой и ежеминутно сохраняя за собой свободу отступленія. Въ извѣстные моменты она становилась рѣшительно необходимой и отнюдь не по случайнымъ личнымъ усмотрѣніямъ критиковъ, а по самому существу вопроса.

Дѣло въ томъ, что предъ судомъ современниковъ и потомства стоятъ два Конта. Эта двойственность не изобрѣтеніе партій и пристрастныхъ толкованій, а фактъ, признанный еще при жизни философа его преданнѣйшими послѣдователями. Въ личности и умственной работѣ Конта, въ одну изъ злополучнѣйшихъ эпохъ его духовнаго развитія, произошелъ непоправимый болѣзненный переломъ. По ту сторону роковой грани—забвенный основатель новой философіи, учитель самаго отдаленнаго будущаго въ области истинно-научной и геніально-обобщающей мысли, по сую сторону—

мечтатель съ разстроеннымъ мозгомъ, безсознательный измѣняющій своему собственному великому дѣлу.

Основаніе этому взгляду положилъ Литтре, лично одинъ изъ первостепенныхъ ученыхъ своего времени и привлекательнѣйшій человѣкъ. Надо услышать отъ него самого, что сдѣлалъ для него Контъ, надо прочесть по истинѣ молитвенныя изліянія, посвященныя памяти учителя, надо представить себѣ безнадежно томившійся молодой умъ среди смутъ отрывочныхъ и сбивчивыхъ знаній и внезапно достигающій ясности и непоколебимыхъ точекъ опоры, чтобы оцѣнить *вѣру* Литтре въ Конта и его сыновню, прозелитскую благодарность.

И вотъ, этотъ-то человѣкъ нашелъ нравственно-обязательнымъ отступить отъ своего учителя, порвать даже личныя отношенія съ нимъ и, сохраняя по-прежнему глубокое чувство благоговѣнія къ творцу *позитивной философіи*, онъ произноситъ безповоротный приговоръ надъ авторомъ *позитивной политики*. И приговоръ явился въ самой, повидимому, неопровержимой, хотя и крайне жестокой формѣ.

Систему позитивной политики сочинилъ невѣняемый субъектъ, утратившій способность развивать здравыя логическія идеи и сознательно справляться съ фактами. Сумасшествіе не можетъ подлежать сомнѣнію: имѣется рядъ неопровержимыхъ *историческихъ* свидѣтельствъ душевнаго недуга несчастнаго философа. Самая придирчивая медицинская экспертиза должна приписать только мозговому разстройству превращеніе положительнаго ученаго въ первосвященника и пророка.

И Литтре не стоило ни малѣйшаго труда доказать свое мнѣніе просто біографическими подробностями изъ втораго періода жизни своего учителя.

Прежде всего, Конту сходить съ ума уже не впервые. Еще въ молодости, всего двадцати восьми лѣтъ, Контъ попалъ въ больницу для умалишенныхъ. Произошло это въ началѣ блестящей философской карьеры, въ самый разгаръ работы надъ позитивной системой. Молодой философъ только что привелъ въ порядокъ свои основныя идеи, вознамѣрился познакомить съ ними избранную публику Парижа, открылъ курсъ и, прочитавъ всего три лекціи, впалъ въ умопомѣшательство. Насколько заботѣваніе оказалось серьезнымъ, показываютъ письма Конта въ самомъ началѣ катастрофы. Онъ бѣжитъ изъ дому, ищетъ уединенія и пишетъ своему другу записки самаго страннаго содержанія. Онъ будто сознаетъ опасное состояніе своей мысли, говоритъ объ излѣченіи собственными средствами, но каждымъ, совершенно невпопадъ подчеркнутымъ словомъ, странностью выраженій, убѣдительно доказываетъ бесплодность средствъ и рѣзкій характеръ недуга. Близкимъ людямъ остается просто отправить его въ лѣчебницу.

Это приходится выполнить при помощи обмана и даже насилія. Больной доходитъ до бѣшенства, подозрѣваетъ интригу личныхъ враговъ и проявляетъ медицински-точные признаки маніи величія. Онъ покушается броситься въ воду и увлечь за собой жену: онъ убѣжденъ, что даже не умѣя плавать, онъ не можетъ потонуть. Онъ воображаетъ себя знаменитымъ докторомъ и вообще не оставляетъ у знаменитаго спеціалиста Эскироля ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ силы и рода недуга.

Его начинаютъ лѣчить по всѣмъ правиламъ современной психіатріи. Онъ не только не поддается лѣченію, но съ каждымъ днемъ становится все опаснѣе для своихъ врачей. Онъ не можетъ видѣть, безъ припадка сильнѣйшей ярости, больничныхъ сторожей, бросается на нихъ и пробиваетъ одному изъ нихъ лицо вилокъ. Родители Конта рѣшаются взять его на свое попеченіе. Главнымъ докторомъ становится его жена, и съ этихъ поръ излѣченіе идетъ быстро. Въ теченіе шести недѣль она съ чисто-женскимъ искусствомъ и самоотверженностью ухаживаетъ за больнымъ и совершаетъ, на взглядъ посрамившихся специалистовъ, настоящее чудо. Контъ спасенъ. Онъ теперь отдаетъ себѣ ясный отчетъ во всемъ случившемся, пѣнитъ по достоинству заботливость жены и, немного спустя, воспользуется личнымъ опытомъ для анализа патологическихъ явленій нравственнаго міра.

Все это, повидимому, свидѣтельство въ пользу совершеннаго выздоровленія. Но одновременно происходитъ нѣчто не вполне нормальное.

Контъ чувствуетъ, что онъ не въ состояніи жить прежней повышенной умственной жизнью, что болѣзнь оставила слѣды, можетъ быть, неизлѣчимые. Имъ овладѣваетъ отчаяніе и онъ рѣшается покончить съ собой. Въ отсутствіи жены онъ уходитъ изъ дому и съ моста бросается въ Сену. Его спасаютъ, къ великому его огорченію.

Это происходитъ незадолго до полнаго, выздоровленія. Но и позже Конту долго не удается пріобрѣсти душевное равновѣсіе. Тринадцать лѣтъ спустя, его жена снова подозрѣваетъ приближеніе умственнаго мрака и спѣшитъ предупредить его друга. Самъ Контъ въ это время не сознаетъ себя больнымъ, но, можетъ быть, именно потому, что боленъ.

Во всякомъ случаѣ онъ работаетъ съ чрезвычайнымъ напряженіемъ силъ надъ величайшимъ трудомъ своей жизни. Обработка послѣднихъ томовъ *Системы позитивной философіи* падаетъ именно на тотъ періодъ, когда г-жѣ Контъ почудилось новое заболѣваніе ея мужа. Въ 1842 году вышелъ послѣдній, шестой томъ, и нельзя сказать, чтобы при вполне обыкновенныхъ обстоятельствахъ.

Идея такъ-называемой «мозговой гігіены» по меньшей мѣрѣ оригинальна. Она означала—ничего не читать даже ученыхъ сочиненій, воспитывать себя эстетически, т. е. на произведеніяхъ творчества и вдохновенія. Эта гігіена довольно послѣдовательно могла подготовить философа къ новой стадіи его дѣятельности, къ пророческой и религіозной, но врядъ ли согласовалась съ строго положительной философской и научной работой.

Три года спустя мы застаемъ Конта уже въ полномъ развитіи новаго фазиса. Онъ доканчиваетъ планъ своего «второго великаго произведенія», какъ онъ самъ называетъ *систему позитивной политики*, и это событіе, по свидѣтельству Литтре, совпадаетъ съ тяжелой нервнѣй болѣзью», т. е.—надо понимать—рецидивомъ сумасшествія. Самъ Контъ въ письмѣ къ Миллю подтверждаетъ это совпаденіе.

Онъ откровенно говоритъ о «нервномъ кризисѣ», его «дѣйствительной важности», о «настоящей мозговой опасности»,—un veritable danger cerebral. Но, продолжая Контъ, ему удалось

предотвратить опасность «энергическими личными воспоминаніями» и строгимъ режимомъ—на всю остальную жизнь.

Очень дѣльное сообщеніе, но гораздо краснорѣчивѣе другое извѣстіе. Контъ открывалъ своему ученику тайну своего сердца. Ему посчастливилось встрѣтить женщину, насытившую, наконецъ, его исконную жажду идеальнаго сердечнаго единенія съ идеальнымъ женскимъ существомъ. Съ того момента предъ философомъ открывается новое поприще и сердце теперь будетъ принимать въ его работѣ такое же участіе, какое и умъ. Вопарится «восхитительная гармонія».

Никто не станетъ сомнѣваться, что такъ можетъ говорить сумасшедшій, но въ то же время не всякій легко примирится съ дальнѣйшими послѣдствіями «гармонія».

Виновица ея, Клотильда Во, тридцатилѣтняя разведенная жена осужденнаго преступника. Имѣя всѣ законныя права стать женой другого, Клотильда рѣшаетъ до конца дней остаться безупречно вѣрной своему несчастному мужу. Контъ можетъ разсчитывать и дѣйствительно разсчитываетъ только на платоническую любовь. Церковь въ извѣстной степени освящаетъ этотъ оригинальный союзъ. Контъ вмѣстѣ съ Клотильдой креститъ ребенка и придаетъ громадный таинственный смыслъ этой церемоніи, какъ освященію своего идеальнаго счастья.

Дальше начинается уже безраздѣльное царство тайнъ и откровеній. Клотильда превращается въ божество, кресло, въ которое она садится, становится алтаремъ; предъ нимъ ежедневно совершаются молитвословія и вообще образованіе позитивной религіи идетъ быстрыми шагами. Трудно сказать, какъ относилась къ этимъ происшествіямъ сама богиня, но не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ искренности и непоколебимой религіозной восторженности ея жреца.

Поклонялся онъ собственно не Клотильдѣ: она служила для него только своего рода иконой. Само божество представляло *троицу*, чрезвычайно хитроумно придуманную. Въ нее входятъ земля, пространство, человѣчество; великій фетишъ, великая среда, великое существо. Почему собственно три предмета и именно эти?

Отвѣтъ Литтре очень правдоподобенъ: вліяніе католическаго воспитанія заставило Конта сочинить позитивную троицу въ противовѣсъ религіозной. И эта троица стала предметомъ религіознаго культа, явилась новая теологія. Каждое изъ лицъ троицы отнюдь не абстракція. Контъ желаетъ вѣровать и молиться не менѣе сердечно и искренно, чѣмъ исповѣдникъ откровенной религіи, и эта вѣра подчасъ поражаетъ чисто младенческой наивностью. Она готова одушевить весь видимый міръ вдохнуть чувство и даже мысль въ небесныя тѣла, землю и планеты признать за разумныя существа. Да, въ такомъ смыслѣ слова. Наша земля сама была одарена разумомъ раньше, чѣмъ ее заселили люди. Она посвящала свои силы на то, чтобы приготовить мѣстопробываніе для человѣчества. Она умѣла истощить эти силы и тогда только на планетѣ могъ развиваться социальный строй. Земля, въ періодъ своей разумности, пользовалась своей физико-химической дѣятельностью, чтобы измѣнить свое астрономическое положеніе, установить менѣе эксцентрическую орбиту, т. е. не увлекаться за предѣлы солнечной теплоты и свѣта, измѣнить наклонъ оси—

и все это сообразно интересамъ великаго существа, т. е. чело-вѣчества.

Ту же самую исторію можно предположить и относительно дру-гихъ небесныхъ свѣтилъ. Всѣ они проходятъ громаднѣйшій періодъ подготовительной жизни, растрачиваютъ свою матерьяльную мощь ради будущаго населенія и замираютъ въ тотъ моментъ, когда появляется существо чело-вѣческаго типа.

Слѣдовательно, два лица троицы — великій фетишъ и великое существо—связаны другъ съ другомъ неразрывно во времени и пространствѣ. Одно, по вѣчному закону эволюціи, служитъ почвой и пьедесталомъ для другого,—служить сознательно и вполне цѣ-лесообразно.

Третье лицо троицы естественно примыкаетъ къ первымъ двумъ, можно сказать, заключаетъ въ себѣ ихъ предустановленную связь. Это—*судьба, рокъ*, соединеніе условий, необходимыхъ для осу-ществленія міровой эволюціи, т. е. совокупность законовъ міро-вого порядка. Эти законы осуществляются въ безграничномъ про-странствѣ, и это именно пространство будетъ третьимъ боже-ствомъ контовскаго Олимпа.

Нѣтъ нужды и даже возможности подвергать это богословіе разсудочной критикѣ. Первосвященникъ, конечно, и не разсчиты-валъ на подобную критику, вовсе не считаясь ни съ логикой, ни съ наукой и, что особенно важно, съ принципами своей собственной философской системы.

Какъ въ самомъ дѣлѣ примирить явное стремленіе философа превратиться въ богослова съ его собственнымъ представленіемъ объ историческомъ прогрессѣ? Идея, создавшая ему міровую славу и увлекшая множество первостепенныхъ умовъ во всѣхъ куль-турныхъ странахъ! Она дѣйствительно поразительной красоты и стройности.

Чело-вѣчество проходитъ три стадіи культурнаго развитія: те-ологическую, метафизическую и научную. На первой стадіи онъ молится божествамъ олицетворяемымъ, на второй превращаетъ ихъ въ общія разсудочныя отвлеченія, на третьей изслѣдуетъ фактъ и законы естественныхъ явленій. Самый ранній, первобыт-ный періодъ распадается на нѣсколько—эпохъ фатализма, много-божія и единобожія.

Но это зданіе можетъ очень удачно быть укрѣплено на исто-рическихъ данныхъ и оно становится тѣмъ внушительнѣе, что контовскія стадіи весьма легко можно примѣнить и къ духовному развитію отдѣльныхъ личностей.

Теперь сравните это открытіе съ позднѣйшимъ? Развѣ ученіе о троицѣ не богословская затѣя, развѣ великій фетишъ не на-поминаетъ первой народной точки умственной эволюціи, развѣ уче-ніе о великомъ существѣ, о судьбѣ имѣетъ что вибудь общее съ наукой? Мало этого. Контъ подъ конецъ жизни додумался до *вѣнншихъ міру независимыхъ силъ*: онѣ, по мнѣнію философа, без-престанно и неизбѣжно вмѣшиваются въ ходъ міровой жизни.

Это уже прямо богословское разсужденіе, во всякомъ случаѣ противорѣчивое философіи, отвергавшей даже возможность пу-темъ опыта обосновать законъ причинности.

Выводъ очевидный. Контъ, даже если судить по его собствен-ной программѣ, во второй половинѣ жизни сдѣлалъ громаднѣйшій

шагъ назадъ. Даже если бы мы не имѣли подлинныхъ свѣдѣній о сумасшествіи философа, объ его удивительной религіозной практикѣ,—ученіе о троицѣ непрѣмѣнно навело бы насъ на трагическія мысли. И трагизмъ показался бы намъ неопровержимымъ послѣ того, какъ мы узнали бы послѣднее предсмертное откровеніе Конта.

Произошло оно, несомнѣнно, подъ прямымъ вліяніемъ обоженія Клотильды Во. Контъ задался вопросомъ, какъ достойнымъ образомъ почтить женщину, подарившую его душевной гармоніей и пророческимъ творчествомъ? Надо ее возвысить надъ законами природы, подчиняющими ея личность и жизнь волѣ мужчины. Надо поставить ее на недостижимую высоту надъ инстинктами и страстями. Средство одно — пусть женщина станетъ матерью-дѣвственницей...

Контъ пытается обставить свою «смѣлую гипотезу» нѣкоторыми *правдоподобными* соображеніями, но гипотеза отъ начала до конца остается только *смѣлой*, на иной взглядъ даже больше: прямо безумной.

Именно такъ полагаетъ Литтре. И на первый взглядъ не можетъ быть ничего естественнѣе. Впослѣдствіи, по смерти Конта, суду пришлось рѣшать тотъ же вопросъ. Онъ возникъ по поводу завѣщанія, крайне жестоко оскорблявшаго г-жу Контъ. Завѣщаніе устраняло ее отъ распоряженія сочиненіями мужа и кромѣ того приносило рѣшительный приговоръ надъ ея нравственнымъ поведеніемъ. Опровергнуть завѣщаніе не представлялось другого пути, какъ доказать ненормальность умственныхъ способностей завѣщателя. Дальнѣйшія послѣдствія означали: признаніе позитивной политики невѣняемымъ бредомъ, полное уничтоженіе работъ философа за всю вторую половину его жизни и провозглашеніе міру *единственнымъ* Конта—автора позитивной философіи, систематизатора наукъ и творца социологіи.

Судъ высказался противъ этого взгляда и призналъ завѣщаніе Конта дѣйствительнымъ. Судъ только постановилъ не публиковать оскорбительные отзывы завѣщанія на счетъ г-жи Контъ. Слѣдовательно,—память философа могла считаться очищенной отъ клейма безумія. Религія Конта превращалась въ серьезный фактъ европейской мысли.

Такъ надлежало бы понимать приговоръ суда. Но немедленно возникалъ вопросъ: почему же судъ счелъ необходимымъ исправить текстъ завѣщанія? Вѣдь одинъ и тотъ же человѣкъ объявлялъ себя первосвященникомъ человѣчества и называлъ г-жу Контъ недостойной супругой? Или судъ поддался рыцарскимъ движеніямъ сердца и совершилъ актъ насилія надъ волей покойнаго ради прекрасныхъ глазъ вдовы или превратно понятаго общественнаго приличія?

Какъ бы то ни было, но непослѣдовательность суда очевидна. И, можетъ быть, онъ не отвергъ всего завѣщанія, не находя въ себѣ духу поднимать руку на прославленнаго соотечественника. По крайней мѣрѣ адвокатъ душеприкащиковъ вовсе не опровергнулъ странности пророческихъ подвиговъ философа. Онъ прибѣгъ къ весьма наивной, даже забавной уловкѣ: неужели, спрашивалъ онъ у судей, Контъ безуменъ въ тѣхъ идеяхъ, которыя противорѣчатъ вашимъ и геніаленъ только тамъ, гдѣ его мысли совпа-

даютъ съ вашими? И какое право у Литтре дѣлать подобное разграниченіе?

Очевидно, съ такой точки зрѣнія нѣтъ ни сумасшедшихъ, ни здоровыхъ,—во всякомъ случаѣ врядъ ли кого можно будетъ признать безумнымъ.

Итакъ, вопросъ остается открытымъ. Одно несомнѣнно: Литтре правъ, обвиняя своего учителя въ возвратѣ къ богословской стадіи. Обожаніе великаго существа, созданіе позитивистскаго календаря съ учеными вмѣсто святыхъ, культъ предъ алтаремъ—все это стоитъ католическаго катехизиса. Но дѣйствительно ли Конту надо было непременно сойти съ ума прежде, чѣмъ впасть въ теологію? Это общій вопросъ.

Другой частный, но не менѣе важный: оскорбительныя выходки завѣщанія противъ г-жи Контъ могутъ ли быть приписаны невѣжливости, ничемъ необъяснимой злобѣ и новоманичному обожанію Клотильды Во—на самомъ дѣлѣ одинъ изъ симптомовъ душевнаго недуга?

Мы думаемъ,—отвѣчать на эти вопросы на основаніи хотя бы и бьющей въ глаза бессмыслицы нѣкоторыхъ поступковъ и рѣчей Конта—не позволительно ни съ какой точки зрѣнія, ни исторической, ни психологической. По нашему мнѣнію существуетъ только одинъ надежный путь рѣшить поставленные вопросы,—путь очень простой, но почему-то еще ни разу не примѣненный къ основателю позитивной философіи и религіи. Слѣдуетъ взять Конта, какъ обыкновенную *историческую* личность, т. е. какъ современника извѣстной эпохи, ближайшаго умственного сотрудника людей одного съ нимъ поколѣнія и сходныхъ идеальныхъ задачъ.

Не является ли Огюстъ Контъ только однимъ изъ многихъ? Пусть его странности будутъ безпримѣрны, пусть ни у кого изъ его современниковъ не было Клотильды Во и «храма человечества»,—но вѣдь это лишь внѣшнія проявленія какого-то внутренняго побужденія. Въ разныхъ людяхъ оно могло создаться различно. Это зависитъ отъ натуры, отъ темперамента. Одинъ, на примѣръ, герой романа отъ неудачной любви кончаетъ самоубійствомъ, другой бѣжитъ отъ людей и свѣта, третій начинаетъ переживать медленную нравственную агонію и постепенно превращаться въ «бывшаго человѣка». Всѣ они переживаютъ одну и ту же драму, но только въ разныхъ формахъ и съ различными пятнами актами. То же самое, можетъ быть, вѣрно и относительно Конта.

Онъ одинъ изъ многихъ: только другіе нѣсколько иначе закончили свой путь не по существу, а по чисто внѣшнимъ эпизодамъ. Вѣдь въ самыхъ разнообразныхъ смыслахъ можно пережить теологическую стадію и впасть въ релігіозное творчество. Это извѣстно каждому изъ обыденной жизни. Можетъ быть и Контъ исключительно подъ влияніемъ личныхъ случайныхъ причинъ слишкомъ рѣзко натянулъ струну отнюдь не оригинальнаго тона, выдался изъ толпы другихъ дѣйствующихъ лицъ только диапазономъ голоса и широтой жестовъ.

Тотъ или другой отвѣтъ бросаетъ вполне опредѣленный свѣтъ на Конта, какъ философа и какъ жреца новой религіи, и самый вопросъ о сумасшествіи переходитъ съ личной почвы на историческую и культурную.

II.

Рѣшеніе вопроса приходится начать съ того же Литтре. Мы упоминали о его восхищенномъ преклоненіи предъ личностью и гениемъ Конта. Литтре говоритъ о «крайнемъ умственномъ авторитетѣ» Конта надъ нимъ, его ученикомъ и духовнымъ сыномъ. Литтре потребовалось много лѣтъ не малой нравственной работы, чтобы освободиться отъ мощнаго давленія. Окончательный разрывъ произошелъ только послѣ декабрьскаго переворота: Контъ оказался на сторонѣ Наполеона III-го, — этого рѣшительно не могъ переварить Литтре и порвалъ связи съ учителемъ. Причина, слѣдовательно, чисто-политическая, не философская. Но и послѣ разрыва Литтре сохранилъ благоговѣйныя чувства къ своему учителю, можно сказать, спасителю своей молодости.

Да, Контъ даже для этого прирожденнаго позитивиста, идеально-точного и строгаго мыслителя явился чѣмъ-то больше, чѣмъ «умственный авторитетъ». Онъ овладѣлъ сердцемъ и всѣмъ нравственнымъ существомъ великаго ученаго и захватилъ его даже не одной философской истиной. Для Литтре, по крайней мѣрѣ, на первое время оказались обаятельными ошибки и недоразумѣнія наставника и гипнозъ былъ такъ глубокъ, что прошло нѣкоторое время до полнаго проясненія мысли и совершеннаго освобожденія отъ чарующей могучей силы.

Въ признаніяхъ глубокой старости, много лѣтъ спустя послѣ смерти Конта, онъ трогательно вспоминалъ о незабвенныхъ благодѣяніяхъ учителя.

«Сравнительно съ живымъ свѣтомъ», писалъ онъ, «которымъ я обязанъ ему, я не придаю ни малѣйшаго значенія нѣкоторымъ заблужденіямъ, въ которыя онъ увлекъ меня. Если бы не его мысль и не его произведенія, я—по природѣ моего ума и моихъ занятій—остался бы навсегда на пути отрицанія, увѣровалъ бы, что при всѣхъ усиліяхъ я не могу признать никакой богословской и метафизической системы. Самъ, собственными силами я не въ состояніи былъ подняться до стройнаго міросозерцанія, могущаго замѣнить эти системы. Такое міросозерцаніе далъ мнѣ Контъ. Мое душевное состояніе глубоко измѣнилось, мой умъ сталъ спокоенъ и я обрѣлъ, наконецъ, жизнь». *).

Такъ могъ бы говорить человѣкъ, постигшій, наконецъ, «невѣдомаго бога» и откровенную истину. И дальнѣйшая исповѣдь Литтре какъ разъ въ этомъ направленіи. Онъ рассказываетъ грозную мучительную драму, пережитую имъ до знакомства съ Контомъ. Онъ лирическими, прочувствованными красками рисуетъ моментъ нравственнаго перелома, тотъ моментъ, когда человѣкъ внезапно чувствуетъ себя среди пустоты, лицомъ къ лицу съ своимъ безпомощнымъ я, безъ всякихъ опоръ и безъ всякаго убѣдительнаго смысла и цѣли въ своемъ настоящемъ и будущемъ. Эта внезапность подготавливается годами, часто незамѣтными, почти безсознательными процессами зрѣющаго ума. День за днемъ накапливаются факты, группируются въ общія идеи и настааетъ, наконецъ, день... Будто мгновенно приподнимается по-

*) *La philosophie positive*, 1880, № 6. *Pour la dernière fois.*

кровь Изида и пораженный искатель истины видитъ себя предъ великаномъ, подавляющимъ *ничто*.

Такой моментъ пришлось пережить Литтре въ молодости, въ самый разгаръ раннихъ ученыхъ работъ. Въ тотъ день ничего особеннаго не случилось. Литтре днемъ слушалъ обычные лекціи, вечеромъ намѣревался приняться за очередную работу и вдругъ остановился. Безъ всякихъ предварительныхъ размышленій онъ задалъ себѣ вопросъ: какой смыслъ въ его занятіяхъ? На чемъ основана его вѣра въ разныя возвышенныя истины, — въ Бога, душу, безсмертіе? Можетъ ли онъ признать ее несомнѣннымъ положительнымъ фактомъ? *).

Отвѣта не находилось и не могло найтись. Въ тысячный разъ повторялась драма Гамлета и Фауста, только теперь она происходила во всей неподдѣльной прозаической правдѣ, являлась источникомъ самыхъ реальныхъ мукъ, безъ всякихъ украшеній творческаго вдохновения.

Нормально ли подобное состояніе духа? Найдется не мало людей, готовыхъ дать самый рѣшительный отрицательный отвѣтъ, даже сострадательно посмѣяться надъ наивнымъ искателемъ истины. Такой вскорѣ и нашлся, почти въ то самое время, когда Литтре переживалъ вечера невыносимыхъ, по его словамъ, нравственныхъ страданій. Онъ—этотъ смѣшной человѣкъ и множество подобныхъ ему—по полугоду непремѣнно воображаютъ себя гамлетами и «смотрятъ на концы своихъ сапогъ въ надеждѣ открыть міровую истину!» Не правда ли остроумно? И этотъ остроумецъ—Тэнъ—никогда, повидимому, не чувствовалъ болѣе глубокаго удовлетворенія, какъ изощряясь надъ гамлетами девятнадцатаго вѣка.

Можно ли сомнѣваться, какъ *этотъ* положительный ученый мыслить о положительномъ ученомъ типа Литтре? Конечно, *Словарь*, составленный Литтре, вещь превосходная и истинно-научная, но вотъ его трагическія изліянія и рассказы о какихъ-то несчастныхъ вечерахъ—явная бессмыслица. Ученый, очевидно, не всегда владѣлъ равновѣсіемъ духа и въ нѣкоторыя злополучныя минуты сходилъ съ ума.

Вы видѣте, какъ легко и, повидимому, вполне основательно можно примѣнить къ человѣку психіатрическій діагнозъ.

И даже не къ одному. Литтре настаиваетъ на *цѣломъ поколѣніи* такихъ же Гамлетовъ. Онъ отмѣчаетъ въ высшей степени яркую черту—«глубокій разрывъ въ умахъ» — *un vaste déchirement dans les esprits*. Впослѣдствіи, новый философъ, по поводу Литтре, современное ему поколѣніе назоветъ «исполненнымъ нравственной смуты» *). А самъ Литтре напишетъ о своихъ современникахъ: «они знали весь ужасъ сомнѣній, гложащихъ сердце днемъ и заставляющихъ ночью обливаться слезами изголовье» **).

И Литтре понимаетъ эти настроенія; онъ признаетъ ихъ своими, онъ, слѣдовательно, одновременно съ трезвостью и неумолимой страстью мысли допускаетъ самыя патетическія чувства, какія только способенъ испытывать человѣкъ въ полномъ умѣ и твердой памяти.

*) *La philos. posit.*, 1877, № 2. *De la situation théologique du monde.*

*) Caro. *Revue des deux Mondes*. 1882. 1 mai.

**) *Pour la dernière fois.*

Еще болѣе лирическій разсказъ о «смутѣ» оставилъ намъ другой современникъ эпохи, Жуффруа, даровитѣйшій психологъ и ученый, менѣе всего склонный къ экспансивной откровенности и трогательнымъ изліяніямъ, изобразилъ чрезвычайно картинно свой гамлетическій припадокъ. Сущность та же, что и у Литтре, но сила ощущеній неизмѣримо выше, рѣчь рассказчика уподобляется самому стремительному драматическому монологу.

Невыразимая тоска, съ каждой минутой все глубже охватывающая человѣка предъ гибелью его иллюзій, предъ пропастью сомнѣній и невѣрія. Напрасно хватается онъ за обрывки былыхъ надеждъ и вѣрованій, будто утопающій за обломки корабля: волна несетъ его въ безграничное, невѣдомое пространство, гдѣ больше нѣтъ ни семьи, ни родины, ни воспоминаній и, наконецъ, онъ окончательно убѣждается: въ глубинахъ души его не осталось ничего.

«Это мгновеніе», продолжаетъ Жуффруа, было ужасно и когда на разсвѣтѣ я бросился въ изнеможеніи на постель, мнѣ казалось,—я чувствую, какъ моя первая такая улыбающаяся и такая полная жизнь угасаетъ, а за мной открывается другая мрачная, мрачная и пустынная, гдѣ отнынѣ я долженъ буду жить одинъ, одинъ съ моею роковою мыслію. Она изгнала меня туда и ее я готовъ былъ проклясть. Дни, слѣдовавшіе за этимъ открытіемъ, были печальнѣйшими днями моей жизни. Рассказывать, какія чувства меня волновали тогда,—было бы слишкомъ долго. Хотя мой умъ съ нѣкоторой гордостью созерцалъ свои подвиги, но душа не могла примириться съ состояніемъ, такъ мало соотвѣтствующимъ человѣческой слабости. Могучими порывами она усиливалась вернуться къ берегамъ, которые потеряла изъ виду. Въ пеплѣ своихъ прежнихъ вѣрованій она отыскивала искры, которые, казалось, по временамъ снова разжигали ея вѣру... Но убѣжденія, отвергнутыя разумомъ, только имъ и могутъ быть восстановлены, и искры быстро погасали».

Рѣчь до такой степени искренняя, что даже Тэна поразила печалью и онъ невольно припомнилъ «возвышенные вопли Байрона и Ламартина».

• И доказательство искренности—не только наше впечатлѣніе. Мы можемъ совершенно не раздѣлять никакихъ возвышенныхъ воплей, не имѣть отъ природы ни малѣйшей способности глубоко вѣровать и слезно оплакивать утрату вѣры,—но мы не можемъ устроить исторически удостовѣреннаго явленія. Нисколько не сочувствуя Жуффруа, мы должны сознаться: были дѣйствительно странные люди, не спавшіе ночей изъ за какихъ-то утерянныхъ береговъ и воображавшіе себя безнадежно одинокими только потому, что католичество больше не заполняло сердца и не удовлетворяло ума, а другой *истины* не обрѣталось среди старыхъ сожженныхъ боговъ.

Тэну припомнился Ламартинъ по поводу исповѣди Жуффруа. На нашъ взглядъ нѣсколько неожиданно подобное сопоставленіе. Положимъ, Ламартинъ—очаровательный, голубоглазый, гармонически-воркующій поэтъ, неотразимо-прекрасный въ своей безпредметной музыкальной грусти. Но драма мысли, неутолимая жажда вѣры—и этотъ золотой геній сень-жерменскихъ салоновъ! Для насъ это непонятно. Иначе чувствовали современники,—и не

какія-нибудь нервно-разстроенныя, психопатическія души, а люди въ родѣ Кюве.

Ни одинъ критикъ, кажется, не увѣнчалъ такими пышными и почетными лаврами томно-тоскующій талантъ автора *Размышленій* и *Гармоній*. Знаменитый естествоиспытатель впалъ въ настоящій экстазъ, прочитавши стихи Ламартина и произнесъ, вмѣсто критики, стихотвореніе въ прозѣ.

Онъ также говорилъ о мгновеніяхъ печали, овладѣвающей даже сильнѣйшими душами, о замираніи жизни и надеждъ въ уставшемъ сердцѣ, о холодѣ темной ночи, со всѣхъ сторонъ охватывающей человѣческій ужъ, о вѣчной потребности услышать среди этого лабиринта чей-нибудь сочувственный голосъ, встрѣтить путевода, говорящаго о свѣтѣ и вѣрѣ. Геніальный ученый жаловался на безжизненные отвлеченія разсудочной философіи и негодовалъ на легкомысленные умы, безсильные рѣшить «ужасную проблему» и желающіе отдѣлаться отъ нея беззаботностью и забвеніемъ.

Такое впечатлѣніе произвелъ даже Ламартинъ своими неуловимыми, какъ лунные лучи, намеками на горькія надежды и утѣшенія, своими едва осязаемыми образами и полуподозрѣваемыми тайнами.

И подобными фактами переполнены первые десятилѣтія XIX-го вѣка. О нихъ свидѣлствуютъ очевидцы самыхъ разнородныхъ направленій и характеровъ. Вѣчно скептическій, эпикурействующій Сентъ-Бевъ заявляетъ: «человѣчество ждетъ, оно, видимо, чувствуетъ себя дурно». Чего именно ждетъ?—Отвѣтъ: «замѣчательнѣйшая черта современнаго соціальнаго положенія Франціи—множество системъ и преобразовательныхъ плановъ.» Всѣ они общаются обществу вѣрное средство отъ страданій, всѣ они стремятся явиться людямъ въ блескѣ всеобщихъ истинъ, религиозныхъ ученій.

Нѣкая пустота ощущалась всѣми, кто только способенъ былъ возвышаться надъ будничными матеріальными вопросами. У всѣхъ являлся вопросъ: развѣ власть духа окончательно прекратилась надъ человѣчествомъ? Развѣ никакая сила не займетъ мѣста разрушенныхъ преданій?

Это немыслимо, спѣшилъ отвѣтить Луи-Бланъ: иначе прогрессъ человѣчества прекратится. Неизвѣстно только, кто и какъ наполнить эту пустоту и возстановить силу идеи, духовную власть—*le pouvoir spirituel*. Такъ называютъ страстно желаемую силу всѣ эти искатели всеобъемлющей нравственной истины,—всѣ, безъ различія политическихъ партій и личныхъ психологій. Деместръ оказывается рядомъ съ г-жей Сталь. Для одного вся современная философская работа должна сосредоточиться на одной изъ двухъ цѣлей: или создать новую религію, или какимъ нибудь «необыкновеннымъ способомъ» обновить католичество.

Г-жа Сталь, одна изъ самыхъ сильныхъ и трезвыхъ умовъ эпохи, почти въ тождественныхъ выраженіяхъ ставитъ ту же программу. Она не перестаетъ мечтать о новомъ откровеніи. Она въ восторгѣ отъ разсужденія Лессинга о религіозномъ развитіи человѣчества и заранѣе торжествуетъ появленіе новаго христіанства...

Культурный міръ вновь переживалъ то самое томительное ожиданіе, какое на закатѣ языческой цивилизаціи заставляло мудрецовъ и простыхъ людей воздвигать жертвенники «невѣдомому Богу». Теперь могли совершенно иначе представлять этого бога, не допускать сверхъестественнаго вмѣшательства въ возникновеніе новой религіи, могли искать ея символовъ путемъ науки и разума, но сущность явленія оставалась прежняя. Человѣчеству во что бы то ни стало нуженъ былъ единый вдохновляющій духовный принципъ, нужна была всеобъемлющая формула, способная подчинить личные страсти, привести въ гармонію отдѣльные умы на пути къ міровому прогрессу.

И формулы—возникаютъ одна за другой. Прежде всего стараются воскресить католичество въ его средневѣковой неприкосновенности. Іезуиты и разныхъ цвѣтовъ монахи устремляются на религиозное завоеваніе Франціи. Во всѣхъ концахъ начинаютъ раздаваться проповѣди, совершаются пышныя церковныя церемоніи, но въ самомъ предпріятіи заключается его приговоръ: никакимъ силамъ не вернуть Европы ХІХ-го вѣка ко временамъ чудесъ и инквизиціи.

Другіе стараются, по рецепту Деместра, подновить и омолодить католичество. Но даже самъ Деместръ считалъ подобное намѣреніе «необыкновенной» мѣрой, и католичество оказывается еще менѣе способнымъ преобразоваться, чѣмъ воскреснуть изъ мертвыхъ.

Наконецъ, являются вполне оригинальные, назависимые пророки. Они заранѣе отрекаются отъ неосуществимой надежды на сгнившемъ корнѣ вызвать молодые побѣги. Они желаютъ выполнить первую часть программы Деместра—«образовать новую религію» и на новыхъ, прогрессивныхъ основаніяхъ. До сихъ поръ человѣческій умъ разрушалъ, у только что отжившаго поколѣнія философовъ-просвѣтителей являлся исключительно боевой силой. Отчего же не быть ему создателемъ? Мѣсто расчищено, предъ нимъ необозримое поприще природы и неограниченное совершенствованіе человѣческихъ способностей. Цѣлые вѣка человѣчество собираетъ знаніе и опытность, и все нѣтъ ему нравственнаго утѣшенія и непоколебимой опоры! И это потому, что никто не приложилъ рукъ къ громадной массѣ накопленнаго капитала, не пронизалъ его организующею мыслью, не вдохнулъ въ хаосъ творческаго духа. Объедините частности, обобщите подробности, приведите въ систему факты и выводы, и «страшный разрывъ въ умахъ» исчезнетъ. «Смущенное поколѣніе» вернетъ себѣ ясность духа и нравственную энергію.

Такова господствующая мысль эпохи. Ею, можно сказать, дышалъ воздухъ, ею были напряжены нервы самыхъ чуткихъ и даровитыхъ современниковъ, она присутствовала въ волненіяхъ счастья и въ мукахъ жгучаго горя у лучшихъ представителей науки и мысли. И, наконецъ, она дождалась отвѣта и оправданія.

III.

Когда въ античномъ мірѣ умъ опустошилъ Олимпъ, среди софистовъ и скептиковъ явился проповѣдникъ новаго религиознаго принципа—*внутренняго юлоса совѣсти* и, слѣдовательно, новаго

бога. Вокругъ него собрались ученики и слушатели. Онъ умеръ насильственной смертью и не оставилъ по себѣ ни одного достойнаго продолжателя и апостола. Но его личность и сущность его ученія глубоко взволновали современниковъ и свѣтъ его *совѣсти* донесли до нашихъ дней.

Нѣчто подобное произошло во Франціи, на развалинахъ средне-вѣковаго католичества. Въ положеніи Сократа явился человѣкъ несравненно болѣе сложнаго характера, съ болѣе смутнымъ нравственнымъ міромъ, какъ и слѣдовало ждать отъ пророка новаго времени. Его жизнь не представляла прозрачнаго, безукоризненнаго образца благоразумія, его мысль не поражала стройностью и ясностью, но на всей его личности разлито было обаяніе, подчинявшее людей и заставлявшее ихъ самоотверженно искать искры, разсѣянной истины въ сбивчивыхъ, подчасъ странныхъ прорицаніяхъ учителя.

И они нашли эту истину, и когда явились съ ней предъ людьми, оказалось, многіе именно ея ждали и теперь жадно припали къ источнику живой воды.

Иначе нельзя выразить энтузіазмъ, какой вызвали сенъ-симонисты въ первое время своего проповѣдничества. Предъ нами вполне достовѣрныя свидѣтельства дѣйствующихъ лицъ и очевидцевъ, публичныя исповѣди, тайныя признанія, и историкъ можетъ подумать, ужъ не вернулись ли въ самомъ дѣлѣ старыя чудеса и откровенія?

Какихъ только лицъ и типовъ мы не встрѣчаемъ въ сенъ-симонистской церкви! Ничего нѣтъ удивительнаго, если въ числѣ прозелитовъ—Евгеній Родригъ это—юноша, болѣзненный физически, но одаренный пламенной душой, давшій обѣтъ цѣломудрія, весь проникнутый восторженнымъ стремленіемъ къ чистѣйшимъ идеаламъ человѣческаго бытія. Смерть постигаетъ его на двадцать четвертомъ году. Въ лѣтописяхъ сенъ-симонизма онъ остается поэтически-трогательнымъ явленіемъ. За краткій вѣкъ онъ успѣваетъ основательно изучить всѣ религіи, мечтаетъ примирить еврейство съ христіанствомъ, увлекается идеей Лессинга о религіозной эволюціи, ведетъ смертельный бой съ вольтерьянскимъ духомъ во имя Сенъ-Симона и умираетъ весь охваченный прозелитскимъ трепетомъ предъ грядущимъ счастьемъ человѣчества.

Отчасти того же типа — студентъ политехнической школы — Трапсонъ. Скромный, застѣнчивый, отъ природы мягкій и нѣжный до женственности, онъ испыталъ на себѣ чудо, внезапнаго ниспосланія дара слова. Ни онъ самъ и никто другой рѣшительно не подозрѣвали въ немъ ни малѣйшаго краснорѣчія. Ученіе Сенъ-Симона потрясло его мощныхъ вдохновеніемъ: онъ быстро сталъ однимъ изъ первостепенныхъ проповѣдниковъ церкви и очаровывалъ аудиторію блескомъ рѣчи, граціей и привлекательностью всей своей фигуры.

Объяснимъ энтузіазмъ и третьяго прозелита. Шартонъ—наивный, первобытно-благородный мечтатель, непосредственный провинціалъ, пріѣхалъ въ столицу, съ запасомъ идеальнѣйшихъ иллюзій. Трудно и описать въ какомъ ореолѣ представлялись ему геніи столичной литературы и герои парламентской политики. Дѣйствительность, разумѣется, не замедлила разсѣять иллюзію и

сразу, безъ всякихъ предисловіи, сбросить юнаго мечтателя съ седьмого неба въ темную бездну себялюбія и индифферентизма.

Нестерпимое горе овладѣваетъ Шартономъ: онъ начинаетъ помышлять о самоубійствѣ, но однажды случайно попадаетъ въ собраніе сенъ-симонистовъ. Съ изумленіемъ онъ прислушивается къ рѣчамъ: всѣ онѣ—отголосокъ его личныхъ страданій. Проповѣдники будто подслушали его одинокое горе и теперь зовутъ его на путь надежды и вѣры.

Вопросъ рѣшенъ. Шартонъ становится усерднѣйшимъ послѣдователемъ церкви и однимъ изъ счастливѣйшихъ людей въ мірѣ.

Но все это, можетъ быть, особенно предрасположенные субъекты, недостаточно уравновѣшенные, съ преобладаніемъ чувства и воображенія надъ разумомъ и логикой. Любопытнѣе знать, поддавались ли чарамъ сенъ-симонизма люди безусловно здоровые, не обнаруживавшіе ни женственности, ни воспримчивости къ чуждымъ?

Отвѣтъ самый эффектный, какого только можно было ожидать. Сенъ-симонизмъ наwerbоvалъ свою церковь преимущественно между политехниками, молодежью, по преимуществу положительной, инженерами, механиками, математиками и вообще практическими дѣятелями. Политехническая школа съ самаго начала явилась будто катехизаторской школой, обществомъ *олашенимъ* сенъ-симонистской секты.

Во главѣ стоитъ Ланфонтэнъ, вполнѣдствіи «папа» новой церкви. Курса онъ не кончилъ: отецъ не въ состояніи былъ платить за него, и для молодого студента началась въ высшей степени безпокойная практическая дѣятельность. Онъ служитъ въ арміи, въ послѣднія минуты имперіи обнаруживаетъ доблестную храбрость, послѣ Ватерлоо превращается въ торговца винами, потомъ беретъ службу въ банкѣ, попадаетъ въ Петербургъ, составляетъ здѣсь кружокъ изъ товарищей-политехниковъ и дѣлитъ свое время между конторой банка и бесѣдами о важнѣйшихъ вопросахъ современнаго културнаго и соціального строя. Члены кружка поочереді читаютъ рефераты, самъ Ланфонтэнъ занимается преимущественно политическою экономіей и соціальными вопросами. Но пока у него еще нѣтъ твердаго соціального принципа. Онъ находитъ такой принципъ немедленно по возвращеніи въ Парижъ. Произведенія Сенъ-Симона, озаряютъ его желаннымъ свѣтомъ. Онъ находитъ въ нихъ стремленіе разрѣшить вопросъ о соціальномъ прогрессѣ на почвѣ исторіи, устранить безплодную политическую метафизику, миновать жалкую газетную полемику о мелочной политикѣ парламентскихъ партій и утвердить основы новаго соціального порядка съ помощью положительнаго знанія.

Съ этихъ поръ Лафонтэнъ душой и тѣломъ принадлежитъ сенъ-симонизму. За нимъ слѣдуетъ Мишель Шевалье, блестящій экономистъ и «старый вольтерьянецъ»,—какъ называетъ его Лафонтэнъ. Оба они менѣе всего неуропаты и мечтатели. Статьи Мишеля Шевалье образецъ полемическаго искусства и разностороннихъ свѣдѣній въ предметѣ. Лафонтэна вся жизнь готовила къ управленію чужой волей. Врядъ ли кто обладалъ болѣе разнообразными практическими свѣдѣніями, кто глубже зналъ отри-

пательную литературу XVIII-го вѣка и кто, не смотря на все это, съ большей искренностью отдался новому ученію.

Политехники не замедлили обнаружить не одинъ идейный энтузіазмъ. Какъ истинные прозелиты они, безъ всякихъ колебаній, бросали выгодныя карьеры, жертвовали успѣхамъ въ обществѣ и въ политикѣ, являлись къ сенъ-симонистамъ и говорили просто и внушительно: «располагайте нами!»

Такъ поступилъ инженеръ Фурнель, только что получившій мѣсто главноуправляющаго горными заводами въ Крѣзо, съ громаднымъ содержаніемъ. Жанъ Рейно отличился такимъ же безкорыстіемъ. Онъ служилъ въ Корсикѣ горнымъ инженеромъ и стоялъ на вѣрной дорогѣ къ богатству и почестямъ. Первый же призывъ Лафонтэна заставилъ его все бросить.

«Я услышалъ, писалъ онъ Лафонтэну», голосъ отца, говорившій мнѣ: «приди» и я прихожу».

Излишне прибавлять, что эта готовность сопровождалась матеріальными пожертвованіями, часто въ совершенно христіанскомъ духѣ. Фурнель отдалъ «церкви» все свое состояніе. Обильныя лепты приносили и остальные послѣдователи, и прежде всего—люди безусловно солидные, банкиры и промышленники.

Но, несомнѣнно, самымъ цѣннымъ и краснорѣчивымъ капиталомъ являлся энтузіазмъ, одушевлявшій секту. И легко повѣять, на чемъ онъ зиждился. Новое ученіе обнаружило поразительную способность успокаивать трудящихся и обремененныхъ. Мы видѣли, оно спасло Шартона отъ самоубійства. Съ другими не доходило до такой крайности, но множество прозелитовъ могло рассказать печальныя вещи о своемъ прошломъ и возблагодарить «церковь» за утѣшеніе. И они дѣйствительно рассказывали,—нерѣдко публично. И эти исповѣди производили на публику потрясающее впечатлѣніе, на публику, даже предубѣжденную противъ «церкви» и ея отцовъ.

Такой успѣхъ выпалъ однажды на долю Борро.

Южанинъ по происхожденію, страстный и смѣлый,—онъ, казалось, не былъ прирожденнымъ ораторомъ, но энтузіазмъ предъ новымъ ученіемъ вооружилъ его побѣдоносной властью надъ самой разнородной аудиторіей. По словамъ очевидцевъ,—Борро умѣлъ приводить въ трепетъ своихъ слушателей и пробуждать въ нихъ совѣсть глубже всякаго церковнаго проповѣдника. Однажды онъ рассказалъ свою молодость и обратилъ къ аудиторіи рядъ стремительныхъ вопросовъ. Онъ сомнѣвался, знаютъ ли его слушатели—кто они? Христіане, философы-отрицатели или сторонники всѣхъ обетшавшихъ предавій? Можетъ быть, они либералы, богѣзненно чувствительные къ такъ называемымъ правамъ личности и сильно ненавидящіе вѣчную идею объ авторитетѣ? Или они люди, приходящіе въ ужасъ отъ всякой новой идеи и впадающіе въ лихорадочное состояніе предъ призракомъ прогресса?

Ораторъ не находилъ утвердительнаго отвѣта ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ. Присутствующіе, очевидно, не исповѣдовали искрене никакого опредѣленнаго убѣжденія, иначе было бы безуміемъ приходить и съ религіознымъ вниманіемъ слушать сенъ-симонистовъ. Очевидно, сюда являются несчастные, пораженные скептицизмомъ, исполненные душевнаго томленія и точно усталые отъ индифферентизма и умственной смуты. Чего же

ипнутъ они? Разсужденій и краснорѣчія? И голосъ оратора дрожалъ отъ негодованія при одной мысли о подобномъ безсердечіи. И онъ заканчивалъ свою рѣчь огненными картинами современныхъ народныхъ бѣдствій...

Въ стѣнахъ раздались рыданія, все пришло въ неописуемое волненіе, всѣ бросились обвинять другъ друга.

И эти сцены происходятъ въ 1831 году, въ Парижѣ, въ самомъ очагѣ современной цивилизаціи, среди ожесточеннѣйшей политической борьбы!

Даже она не отвлекаетъ странныхъ людей отъ религиозныхъ мечтаній. Блестящій примѣръ Базоръ,—одинъ изъ «отцовъ» церкви. Его молодость прошла въ бурной политической борьбѣ. Одаренный сильнымъ логическимъ умомъ, фанатикъ принциповъ, ненавистникъ всякихъ романическихъ, неопредѣленныхъ чувствъ и страстныхъ поклонникъ ясной неуклонно-последовательной мысли,—онъ носилъ въ себѣ всѣ задатки вождя и агитатора. И онъ пользовался ими съ самоотверженнымъ мужествомъ. Награжденный за военные подвиги почетнымъ легіономъ, Базоръ развилъ неутомимую гражданскую дѣятельность. Онъ создалъ множество тайныхъ обществъ по образцу итальянскихъ карбонаріевъ, составлялъ заговоры, былъ, наконецъ, уличенъ и осужденъ заочно. Приговоръ не помѣшалъ ему снова колесить по Франціи, устраивать революціонныя сборища и всѣми средствами вести ожесточенную борьбу съ правительствомъ Бурбоновъ.

Но все это оказалось чадомъ молодости. Въ результатѣ лихорадочной политической агитаціи Базоръ пришелъ къ убѣжденію въ ея бесплодности. Въ немъ постепенно созрѣла еще болѣе важная идея: политическая форма—вопросъ второстепенный въ дѣлѣ социального благоустройства. Если даже реставрація исчезнетъ, кто поручится, что міръ пойдетъ лучше? И дѣйствительно, порука была бы опрометчивой. Базоръ это понялъ и съ нимъ першился умственный кризисъ. Ему ясно представилась неудовлетворительность отрицательной философіи, душа возжаждала идей, созидающихъ и творческихъ, и таковыя нашлись въ сентъ-симонизмѣ.

Мы видимъ,—какое разнообразіе характеровъ, житейскихъ карьеръ, личныхъ и общественныхъ стремленій слилось въ вѣрующую массу предъ новой религіей. Правда,—время вызвало толки, секты и раздѣленія. Но для насъ важны не позднѣйшіе раздоры: они неизмѣнно возникали во всѣхъ философскихъ и религиозныхъ обществахъ. Для насъ великое историческое явленіе эти стремительныя поиски положительнаго преобразовательнаго принципа, эта чисто-религіозная жажда владѣть общимъ смысломъ человѣческаго прогресса и на немъ построить социальное будущее. Мы видимъ,—эта жажда вызывала часто неожиданный, почти чудесный подъѣмъ нравственной природы и новое ученіе являлось будто ударомъ молніи по истомившейся и заглохшей почвѣ. Подъ чарующей силой новаго слова начинали бить живыя струи вдохновенія и энергіи. Перерожденіе человѣка совершалось на глазахъ у всѣхъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходило даже границы будничнаго здраваго смысла и общедоступной логики. Лафонтэнъ и Базоръ выросли въ отцовъ и первосвященниковъ, открывали въ себѣ сверхъестественную власть надъ вѣрующими,

измышляли церемоніалы и богослужебныя формулы. И никто не могъ бы сказать, что въ эти минуты они подвергались припадкамъ сумасшествия. Особенной страстью къ сектантскому творчеству и пророческимъ затѣямъ отличался Лафонтэнъ,—и между тѣмъ до конца дней во мнѣніи всѣхъ знавшихъ его онъ оставался человѣкомъ вполне здравомыслящимъ.

Какъ теперь смотрѣть на дѣйствительно странныя зрѣлища и идеи въ сенъ-симонистской церкви? Если не безуміе, то, можетъ быть, лицедейство. Нѣтъ,—и это будетъ неправдой. Непременное свойство лицедейя—повсюду носиться съ своей собственной особой и разыгрывать эффектные роли исключительно за свой счетъ. Ничего подобнаго нельзя сказать о сенъ-симонистахъ. Они, напротивъ, скромно тусовались за величественной фигурой своего «отца» и многие изъ нихъ обнаруживали настоящее сыновнее самоотреченіе и послушаніе. И они также не были сумасшедшими.

Правда, сенъ-симонизмъ не одержалъ побѣды надъ современнымъ обществомъ. Секта распалась и разсыпалась, но она не исчезла безслѣдно. Именно ее позднѣйшіе защитники буржуазнаго благополучія и мѣщанской справедливости считали первоисточникомъ соціальнаго движенія во Франціи. Именно она, по ихъ мнѣнію, разучила демократію терпѣливо сносить парламентскія фарсы и политическое шарлатанство разбогатѣвшихъ лавочниковъ и биржевиковъ. Именно сенъ-симонисты поставили на первомъ планѣ рабочій вопросъ, соціальныя задачи, а не игру въ политическія формы и парламентскія партіи. Наконецъ, только въ сенъ-симонизмѣ, среди всѣхъ современныхъ системъ и теорій, пролетарій могъ встрѣтить подлинное пониманіе своихъ нуждъ и искреннее желаніе помочь имъ.

Все это неопровержимо, но въ нашемъ вопросѣ поучительно совмѣстное развитіе выдающихся практическихъ талантовъ, долголѣтнихъ соціальныхъ программъ и крайне приподнятыхъ симпатическихъ способностей. Сенъ-симонисты могли вести чрезвычайно ненужную политику, поражать современную публику перво-степенными публицистическими талантами и въ то же время съ величавымъ спокойствіемъ и непоколебимой самоувѣренностью изображать своеобразный культъ, совершать обряды, распѣвать нарочито сочиненные гимны, облекаться въ эффектную сектантскую форму.

Какъ примирить эти факты? Слѣдуетъ помнить, что не всѣ даже самые восторженные послѣдователи Сенъ-Симона поддавались религиознымъ наитіямъ. Они усвоивали въ сенъ-симонизмѣ научныя и соціальныя идеи и оставляли въ сторонѣ область чувства и воображенія. Другимъ казалось недостаточнымъ только разсуждать и доказывать: необходимо еще вдохновлять и очаровывать. И на одной и той же почвѣ выросли позитивная философія и философская церковь.

Какъ это могло произойти, показываетъ сначала примѣръ Конта, а потомъ Литтре. Они оба пережили одинъ и тотъ же фазисъ умственнаго развитія, одинъ только сдѣлалъ шагъ дальше по тому самому пути, какой сначала было повергъ его въ ужасъ и оттолкнулъ отъ учителя,—другой съумѣлъ удержаться. Въ результатѣ, болѣе осмотрительный занялъ, конечно, болѣе

привилегированное положеніе съ точки зрѣнія именно осмотри-тельности и благоразумія.

IV.

Контъ въ молодости принадлежалъ къ самымъ искреннимъ и преданнымъ ученикамъ Сентъ-Симона. Онъ вмѣстѣ съ нимъ работалъ, скромно называя себя предъ публикой «ученикомъ Сентъ-Симона». Онъ впиталъ въ себя основные принципы историческаго міросозерцанія Сентъ-Симона, окончательно убѣдился въ необходимости положительной, организующей философской системы, усвоилъ извѣстные взгляды на главнѣйшіе моменты прогресса, вообще широко воспользовался логическимъ и научнымъ капиталомъ сентъ-симонизма. Разрывъ произошелъ изъ-за стремленій Сентъ-Симона отвести въ своей системѣ такое же почетное мѣсто чувству, какъ и разуму. Контъ усмотрѣлъ опасность для положительной науки и покинулъ учителя. Забудьте, покинулъ какъ разъ изъ-за того, что въ послѣдствіи ему самому казалось высшей истиной и даже совершеннымъ счастьемъ и что оттолкнуло отъ него самыхъ его даровитѣйшихъ учениковъ.

Но устранить чувство изъ области позитивизма, на взглядъ Конта, даже во время разрыва съ Сентъ-Симономъ, отнюдь не значило уничтожить религиозный характеръ новой философіи. Напротивъ. Молодой Контъ избралъ даже своей специальностью въ органѣ сентъ-симонистовъ, въ *Производителѣ*, развивать идею *духовной власти*. Это происходило еще въ 1825 году и въ послѣдствіи *Позитивная политика* задалась цѣлью только осуществить эту идею. О *принципиальномъ* разрывѣ между Контомъ-сентъ симонистомъ и Контомъ-первосвященникомъ, очевидно, не можетъ быть и рѣчи. Вся бѣда оказалась именно въ *осуществленіи* идея: сама идея, вдохновлявшая сентъ-симонистскую церковь, предшествовала и позитивной дѣятельности Конта и его «сумасшествію». Мало этого. Та же идея, мы видѣли, стояла на очереди дня у цѣлаго поколѣнія, занимала людей, вовсе не принадлежащихъ къ сентъ-симонистскому толку: въ ней воплощалась неумирающая, по мнѣнію современниковъ, жажда человеческой природы жить и дѣйствовать подъ вліяніемъ единого всеобъемлющаго нравственнаго принципа.

Эта жажда должна имѣть степени и видоизмѣняться въ зависимости отъ личныхъ преобладающихъ наклонностей каждаго человека отдѣльно. Литтре могъ страдать не меньше Родрига среди стараго опустошеннаго міра вѣрованій и идеаловъ, но, по свойству своей по преимуществу логической природы, могъ удовлетвориться болѣе или менѣе *вѣроятнымъ* отвѣтомъ на жгучій вопросъ. Родригу такой отвѣтъ показался бы недостойной сдѣлкой съ своею совѣстью и его страданія усилились бы именно отъ неполноты и неопредѣленности истины.

Практически это значить: Литтре разъ на всегда признаетъ границы человеческой мысли, безграничный, невѣдомый океанъ, омывающій берега нашихъ житейскихъ опытовъ и знаній. Онъ будетъ говорить объ этомъ, исполненный глубокаго, грустнаго раздумья, самоотреченіе будетъ звучать въ его словахъ, но философъ останется вѣрекъ себѣ до конца: онъ, дѣйствительно,

ограничиться предѣлами разума и откажется отъ разгадки неразгаданныхъ тайнъ *).

Но не всякому дано вмѣстить такое завидное благоразуміе и стойкую резонанцію. Именно всего этого не дано было Сень-Симону, а впоследствии и Контъ перешагнулъ заповѣдные берега и пустился въ неизслѣдованный океанъ.

Какъ могъ рѣшиться онъ на подобное путешествіе—вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ мы уже знаемъ. Все его поколѣніе рвалось въ тотъ же путь и къ той же цѣли, другіе только, не имѣя компаса и отчаявшись его имѣть, во время успѣли остановиться. А нашъ философъ стремился все впередъ, дѣлая все новыя открытія и, наконецъ, дѣйствительно достигъ высшей цѣли, возможной для человѣка,—гармоніи личнаго нравственнаго міра.

Контъ достигъ счастья, на сколько оно вообще достижимо. Это и было задачей путешествія и вѣнцомъ осуществленія давнишней идеи. Мы открыли основной двигательный нервъ контовской умственной дѣятельности во вторую половину жизни.

Надъ философомъ тяготѣло страшное личное горе. Всѣ другіе могли впадать въ отчаяніе, какъ мыслители, какъ люди логическаго ума и безпокойной совѣсти,—Контъ оказался безпріютнымъ и неудовлетвореннымъ, какъ человѣкъ. Совершалась драма сердца, всегда и для всѣхъ неизмѣримо болѣе гнетущая, чѣмъ гамлетовская драма мысли. Блестящее доказательство—простое сопоставленіе судьбы Литтре и того же Конта.

Ученикъ, примирившись съ ограниченностью силъ и задачъ человѣческаго ума, спокойно отдался безпримѣрно упорной научной работѣ. Шелъ день за днемъ, проходилъ годъ за годомъ, ученый съ неуклоннымъ постоянствомъ, въ одни и тѣ же часы, садился за свой письменный столъ и покидалъ его съ чувствомъ удовлетворенія, счастливый сознаніемъ исполненнаго долга. Кругомъ святилища царствовали миръ и рѣяли геніи будничнаго, но прочнаго счастья.

Обратитесь теперь къ Конту... Какая печальная, по истинѣ, трагическая участь. До сихъ поръ, вкривъ и вкось обсуждая умъ и безуміе философа, занимались исключительно *философомъ, человекомъ* будто не существовавшимъ. Даже во время посмертнаго процесса—на сцену выступилъ преимущественно авторъ философскихъ произведеній, а не жертва житейской драмы. Только слегка и съ явнымъ опасеніемъ и неохотой судьи и адвокаты тронули самый болѣзненный нервъ въ личности и въ біографіи Конта. Но и при такомъ поверхностномъ, можно сказать, преступно-боязливомъ прикосновеніи, это «потомство» ухитрилось наговорить не мало лжи и напустить юридической казуистики въ исторію по истинѣ мученической души.

Вопросъ шелъ о Клотильдѣ де Во и о вдовѣ покойнаго философа. Одна женщина смѣнила другую и, очевидно, смѣна была вызвана извѣстными свойствами женщины, покинутой и смѣненной, если даже въ завѣщаніи философъ нашелъ справедливымъ укорить свою бывшую супругу.

Адвокатъ г-жи Контъ для объясненія факта привелъ банальнѣйшее, въ данномъ случаѣ почти циническое соображеніе: мужъ

*) Littré. *Comte et la philosophie positive*. Paris 1864, p. 519.

и жена не сошлись характерами, все же остальное обстояло благополучно. Адвокатъ противной стороны остался на уровнѣ своего коллеги и подкрѣпилъ его догадку даже общимъ философскимъ разсужденіемъ: «великіе мыслители не созданы были для мирнаго существованія у домашняго очага», и съ ними, полубогами, не легко уживаться въ мирѣ...

Очевидно, этотъ судъ признавалъ Конта завѣдомо виноватымъ, просто въ виду его чрезмѣрнаго превосходства надъ женой. Онъ — гений, и да будетъ ему стыдно: такова сущность адвокатскихъ упражненій. Дальнѣйшій выводъ, уже окончательно уничтожающій Конта: если ты великій человѣкъ, то и не ищи «домашняго очага», если ты «полубогъ» — то и не сходишь со смертной женщиной... Г-жа Контъ могла быть вполне довольной: не искала же она признанія своей гениальности.

Но она искала своей чести противъ завѣщанія своего мужа. Предъ французскимъ судомъ она нашла ее, но врядъ-ли этотъ рыпарскій судъ останется судомъ исторіи.

Предъ нами вполне достовѣрные факты. Правда, большой публикѣ они стали извѣстными весьма недавно, но врядъ ли они были недоступны адвокатамъ и суду. Непосредственный смыслъ фактовъ чрезвычайно краснорѣчивъ.

Контъ женился двадцати семи лѣтъ. Избранница дочь актера, съ весьма темнымъ прошлымъ и наклонностями, неудобными не только для полубоговъ, а даже для самыхъ невзыскательныхъ смертныхъ. Контъ, по отношенію къ супругѣ, именно таковымъ и оказался.

Прежде всего онъ, по собственному сознанию, женился на Каролинѣ Массэнъ, отдавая себѣ полный отчетъ въ странности этого союза. Онъ увлекся ею, какъ женщиной, и рассчитывалъ на ея «благодарность» за столь «исключительный бракъ». Наивнѣе ничего и быть не можетъ: несчастный философъ съ паразитическимъ ослѣпленіемъ вырылъ себѣ пропасть.

Онъ живетъ съ женой въ теченіе семнадцати лѣтъ. За это время она успѣваетъ измѣнить ему безчисленное число разъ. Контъ терпитъ, но по временамъ имъ овладѣваетъ глубокое отчаяніе и онъ не знаетъ, что съ собою дѣлать. Въ одномъ изъ писемъ къ Литтре онъ теряетъ обычную сдержанность и разражается жестокими жалобами на свою жизнь.

Мы узнаемъ, что жена уже нѣсколько разъ бросала его и жила по недѣлямъ въ меблированныхъ комнатахъ. «Эти случаи, замѣчаетъ Контъ», безчисленны съ начала нашего брака. Независимо отъ этихъ «второстепенныхъ приключеній» происходили и «рѣшительныя разлуки», съ заключеніемъ денежныхъ условій. Такая разлука въ первый разъ произошла годъ спустя послѣ брака. И именно она-то явилась главной причиной сумасшествія Конта *).

Разлука совпала съ чрезвычайно усиленной умственной работой. И въ этой чрезвычайности также была виновата достойная супруга. Она требовала средствъ, возможно болѣе выгоднаго заработка и Контъ рѣшилъ поскорѣ открыть курсъ публичныхъ лекцій. Работать приходилось чуть ли не по 24 часа въ сутки,

*) La Folie d'Auguste Comte. Revue de Paris. 15 septembre 1897.

однажды даже и на самомъ дѣлѣ цѣлыя сутки. Для г-жи Контъ это, повидимому, было совершенно безразлично. Въ томъ же письмѣ къ Литтре Контъ пишетъ:

«Если бы она была только безнравственна, я бы все ей простилъ, но она выказала себя безсердечной и неделикатной, и я, наконецъ, долженъ былъ почувствовать къ ней презрѣніе».

Болѣе чѣмъ презрѣніе. Г-жа Контъ сошлась съ однимъ изъ своихъ бывшихъ возлюбленныхъ до брака съ Контомъ, и это обстоятельство особенно поразило философа. И онъ совпаденіе вызывающей невѣрности жены съ напряженной умственной работою считаетъ причиной своего душевнаго недуга.

Катастрофа, наконецъ, произвела впечатлѣніе на г-жу Контъ и она, мы видѣли, принялась ухаживать за больнымъ мужемъ. Контъ оцѣнилъ ея услуги и писалъ Литтре:

«Хотя эта неисправимая женщина никогда не могла искренне сознаться въ своемъ тяжкомъ преступленіи, я приписываю упрекамъ совѣсти ея прекрасное поведеніе при моемъ весьма трудномъ положеніи. Это единственный дѣйствительно достойный періодъ въ жизни г-жи Контъ».

Но упреки, очевидно, продолжались не долго. Г-жа Контъ вступила на свой обычный путь и успѣла на столько отравить душу своего мужа, что онъ даже предъ смертью не могъ забыть своихъ огорченій и называть ее иначе, какъ «*épouse indigne*». Болѣе чѣмъ заслуженное привѣтствіе!

Мы рассказали драму въ краткихъ и общихъ чертахъ, но переживалась она далеко не такъ кратко и не такъ просто. Восторженный культъ Клотильды долженъ вполнѣ соотвѣтствовать глубинѣ горя и обиды, пережитой Контомъ. И не случайно, конечно, этотъ культъ совпадаетъ съ усиленнымъ развитіемъ религиозныхъ созерцаній у нашего философа.

Онъ шелъ въ сущности старымъ сенъ-симонистскимъ путемъ. Уже современники обратили вниманіе на большое количество всякихъ униженныхъ и оскорбленныхъ среди прозелитовъ новой церкви. Извѣстный намъ энтузіастъ Родригъ потерпѣлъ крушеніе въ своихъ ученыхъ планахъ: какъ еврей онъ не нашелъ доступа въ нормальную школу. Лафонтэнъ еще сильнѣе пострадалъ какъ сынъ банкрота: его не приняли въ гвардію, отказали въ рукѣ любимой дѣвушки. Базоръ съ самаго дѣтства подвергался униженіямъ еще въ своей семьѣ, какъ незаконный ребенокъ. И они сами въ своихъ увлеченіяхъ сенъ-симонизмомъ приписываютъ большое значеніе этимъ печальнымъ опытамъ жизни. Новое ученіе умѣло залѣчивать раны оскорбленнаго самолюбія и даже обездоленнаго сердца. И намъ понятно, почему такой энтузіазмъ долженъ былъ охватить именно Родрига, почему у него родилась идея примирить христіанство съ іудействомъ.

Среди всѣхъ этихъ отверженныхъ Контъ, несомнѣнно, самый униженный и самый оскорбленный и притомъ осужденный считаться съ своими обидами почти въ полномъ одиночествѣ. Отъ природы болѣзненно-самолюбивый, наклонный къ ученому отшельничеству, бѣгушій отъ дѣйствительности и крайне наивный во всѣхъ ея запросахъ и явленіяхъ, онъ неминуемо долженъ чувствовать съ особенной болью всякій дерзкій и грубый натискъ этой дѣйствительности. Его удивляютъ даже самыя обыкновенныя тѣни

человѣческой психологiи: онъ искренне не въ состоянiи понять, какъ люди могутъ быть несправедливыми, неблагодарными, эгоистичными. Онъ человѣческую душу представляетъ совершенно по-своему. Онъ изумляется, какъ это его жена лишена нѣжности этого, по его соображеніямъ, «главнаго свойства ея пола». Онъ безпрестанно употребляетъ выраженія: «инстинктъ доброты», «инстинктъ благоговѣнія». Величайшій порокъ въ его глазахъ и жесточайшее порицаніе на его языкѣ «природа исключительно революціонная», т. е. исключительно скептическая и отрицательная. Онъ ненавидитъ внѣшнія отличія, ему совершенно чуждо официальное честолюбіе и жена причиняетъ ему не мало огорченій, требуя отъ него денегъ и карьеры.

И вотъ на такого-то человѣка обрушивается бѣдствіе, какое не всегда по силамъ и самому опытному и стойкому борцу съ житейскими невзгодами. Контъ могъ вынести бѣдность, примириться съ одинокой умственной работой, но одиночество души и жгучую обиду сердца надо было перестрадать годами. И съ какимъ все также наивнымъ восторгомъ онъ бросается на первый лучъ свѣта, ворвавшійся въ его по истинѣ схизмическое существованіе! Какимъ огнемъ должна была загорѣться исконная мечта найти Бога и символъ вѣры! Она ярко горѣла и у другихъ, но никто не могъ прочувствовать нравственной отрады вѣровать и молиться въ такой степени, какъ Огюстъ Контъ, ни для кого превращеніе науки въ религію, логики въ вдохновеніе, знаній въ догматы не являлось такой душевно-захватывающей потребностью, какъ у нашего философа. Предъ нами самый «смущенный» среди «смущеннаго поколѣнія», великій умъ съ самымъ болѣзненнымъ «разрывомъ» въ эпоху всеобщаго «глубокаго разрыва въ умахъ»... Кто же броситъ въ этого человѣка страшнѣйшій изъ приговоровъ: онъ безумецъ!.. А если кто не побоится своей смѣлости, онъ все таки долженъ признать: врядъ ли когда въ самомъ здоровомъ умѣ было заключено больше *человѣческаго* и *человѣчнаго*.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*A Life of William Shakespeare*» by Sidney Lee. With Portraits and Facsimiles. (Smith Elder and Co). (Жизнь Вильяма Шекспира). Въ своемъ предисловіи авторъ, написавшій уже краткую біографію Шекспира для «*Dictionary of National Biography*», говоритъ что онъ воспользовался огромнымъ матеріаломъ, который у него находится въ рукахъ, для того, чтобы познакомить тѣхъ, кто изучаетъ Шекспира, съ вполне достоверными фактами изъ его жизни. Несмотря на это трудъ автора, представляющій очень цѣнный вкладъ въ литературу о Шекспирѣ, ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать сухимъ изложениемъ фактовъ, авторъ написалъ очень интересную біографію великаго англійскаго писателя, основанную на тщательно проверенныхъ свѣдѣніяхъ и документахъ.

(Literary World).

«*Foreign Courts and Foreign Homes*». By A. M. F. (Longman Green and Co). (Иностранные дворы и государства). Занимательная книга, заключающая въ себѣ очень просто, безыскусственно и живо написанныя воспоминанія неизвѣстнаго автора о разныхъ дворахъ и правителяхъ, съ которыми авторъ такъ или иначе вступалъ въ сношенія. Воспоминанія обнимаютъ полстолѣтія и оканчиваются эпохою Наполеона III, о дворѣ котораго авторъ рассказываетъ много любопытнаго, и хорошо обрисовываетъ французское общество Второй Имперіи.

(Literary World).

«*Problems of Modern Industry; Essays*» by Sidney and Beatrice Webb. (Longmans Green). (Проблемы современной промышленности). Этотъ новый совмѣстный трудъ двухъ авторовъ, уже издавшихъ нѣсколько капитальныхъ сочиненій по исторіи промышленности, рабочихъ союзовъ (Trade Unionism) и т. д., касается важнѣйшихъ проблемъ современной промышленности: фабричныхъ законовъ, женскаго фабричнаго труда, регулированія рабочихъ часовъ, отношенія между кооперацией и рабочими союзами, реформы законовъ о бѣдныхъ (Poor Law) и такъ-называемой «Sweating

System» (системы выпотѣванія), распределенія національнаго дивиденда и т. п. Книга состоитъ изъ пѣлаго ряда очерковъ, посвященныхъ отдѣльнымъ вопросамъ и написанныхъ отдѣльно которымъ нибудь изъ авторовъ, специально изучившимъ именно этотъ вопросъ. (Athaeneum).

«*Pioneering in Formosa*» by W. A. Pickering (Hurst Blackett Limited). (Жизнь пионера на Формозѣ). Очень живо и увлекательно написанный разсказъ о жизни на Формозѣ, знакомящій читателей съ исторіей этого острова, его населеніемъ и природой. Авторъ описываетъ свои приключенія и свое пребываніе среди дикарей, обитающихъ на островѣ. Въ приложеніи онъ говоритъ объ интересахъ Англіи въ Китаѣ и на крайнемъ востоцѣ.

(Athaeneum).

«*Autour de Nohant*» par Ed. Planchut. (Вокругъ Ногана). Авторъ этой новой біографіи Жоржъ Зандъ имѣлъ въ виду изобразить, главнымъ образомъ, ту обстановку, въ которой выросла и развилась великая французская писательница, но кромѣ того, онъ говоритъ и о другихъ историческихъ личностяхъ, имена которыхъ связаны съ этою же мѣстностью, гдѣ жила Жоржъ Зандъ. Авторъ вспоминаетъ о Талейранѣ, Агнесѣ Сорель и др. и разсказавъ нѣсколько любопытныхъ историческихъ эпизодовъ, относящихся къ этимъ личностямъ, переходитъ къ Жоржъ Зандъ и знакомитъ читателей съ очень интересными письмами Барбеса, написанными въ 1848 и 1870 годахъ. Несмотря на то, что существуетъ нѣсколько біографій Жоржъ Зандъ и опубликована уже ея переписка съ разными лицами, эта новая книга все-таки заключаетъ въ себѣ не мало интересныхъ и неизвѣстныхъ до селѣ свѣдѣній, касающихся жизни Жоржъ Зандъ въ Ноганѣ и тѣхъ лицъ, которые такъ или иначе связаны съ этимъ замкомъ и его обладателями.

(Indépendance Belge)

«*Formation de la nation française*» par Gabriel Mortillet (F. Alcan). (Образованіе французской націи). Въ этой книгѣ изслѣ-

дуются происхождение французского общества и отыскиваются его начала въ самыя отдаленныя эпохи на основаніи археологическихъ и антропологическихъ документовъ. Авторъ книги одинъ изъ основателей доисторической археологіи и въ своей книгѣ сообщаетъ результаты многолѣтнихъ изслѣдованій и трудовъ въ этой области.

(Revue internationale).

«*Social and ethical interpretations in mental development*» by Mark Baldwin. New-York and London (Macmillan). (Соціальное и этическое толкованіе умственного развитія). Авторъ называетъ свой трудъ изслѣдованіемъ соціальной психологіи, потому что онъ разсматриваетъ умственное развитіе человѣка и его нравственную эволюцію съ соціологической точки зрѣнія. Вліяніе Тарда очень замѣтно на его трудѣ, такъ какъ авторъ на первый планъ выдвигаетъ теорію подражанія. Въ первой части книги авторъ изучаетъ подражаніе, во второй онъ говоритъ о значеніи изобрѣтательности и о гениальныхъ людяхъ, являющихся самыми главными источникомъ всякихъ нововведеній. Затѣмъ онъ переходитъ къ изученію инстинктовъ, эмоцій, идей и чувствъ, дѣйствующихъ въ обществѣ и изслѣдуетъ вліяніе общественнаго мнѣнія на поведеніе и индивидуальныя понятія и представленія, а также различныя воздѣйствія со стороны общества (педагогическія, гражданскія и религіозныя) и вліяніе имущихъ, желаній и нравственныхъ тенденцій на отдѣльныхъ индивидовъ.

(Revue internationale).

«*Eighty Years and More*» 1815—1897. Reminiscences of Elizabeth Cady Stanton. New-York. European Publishing Company. (Восемьдесятъ лѣтъ и болѣе). Имя автора этихъ воспоминаній хорошо извѣстно всѣмъ тѣмъ, кто интересовался развитіемъ женскаго движенія въ Америкѣ и связанными съ ними фактами и общественными событіями, какъ, напримѣръ, движеніе въ пользу освобожденія невольниковъ и всеобщаго голосяванія. Чрезвычайно интересно и живо рассказываетъ авторъ о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми приходилось бороться мужчинамъ и женщинамъ, вступающимъ за права человѣка. Вся исторія женскаго движенія развертывается передъ глазами читателя, такъ же какъ и связанное съ нимъ абolicіонистское движеніе.

(Ethical World).

«*Louise Otto Peters*» von Auguste Schmidt und Hado Roesch. Biographische Volksbücher. Leipzig. (Луиза Отто Петерсъ; биографическая библіотека для народа). Маленькая книга, написанная въ память одной изъ первыхъ женщинъ, возвысившихъ голосъ въ защиту правъ всѣхъ женщинъ вообще. Героиня разсказа—писательница и предводительница женскаго движенія въ Германіи— всю жизнь свою стремилась къ объединенію всѣхъ женщинъ Германіи и, понимая

женскій вопросъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, доказывала, что его нельзя отдѣлять отъ экономической подкладки и отъ рабочаго вопроса, съ которыми онъ находится въ тѣсной связи. Она мечтала о томъ, что работницы организуютъ такіе же союзы, какъ и рабочіе мужчины, но ей не удалось дожить до осуществленія этой мечты. Къ книгѣ приложенъ списокъ ея трудовъ.

(Die Frauenbewegung).

«*The Plan of an Ethical Sunday School*» by W. L. Sheldon. Lectures of the Ethical Society of St. Louis. Ethical Addresses. 1898. Philadelphia Burns Weston. (Планъ этической воскресной школы). Авторъ прежде всего заявляетъ, что онъ цѣнитъ глубокое довѣріе къ воскреснымъ школамъ и ихъ вліянію въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія; поэтому онъ и предлагаетъ свой проектъ устройства этической воскресной школы, подробно излагая свою программу преподаванія, имѣющую цѣлю развитіе этическихъ понятій и чувства учениковъ. Авторъ приводитъ, кромѣ того, нѣсколько примѣровъ этическихъ уроковъ въ классѣ и бесѣдъ съ учениками о разныхъ предметахъ.

(Ethical World).

«*Les théories économiques dans la Grèce antique*» par Auguste Soucron. Paris Larose. 1898. (Экономическія теоріи въ древней Греціи). Авторъ сумѣлъ сосредоточить въ небольшой книгѣ все самое существенное, относящееся къ предмету его изслѣдованія и единственный упрекъ, который ему можно сдѣлать, заключается въ томъ, что онъ слишкомъ мало отводитъ мѣста замѣчательнымъ теоріямъ Аристотеля; во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ книга его представляетъ очень серьезный трудъ и представляетъ цѣнный вкладъ въ литературу предмета.

(Revue internationale).

«*A Concise History of Religion*» in three volumes by F. S. Gould. (Краткая исторія религій). Это единственный въ своемъ родѣ трудъ, заключающій въ небольшомъ объемѣ огромную массу свѣдѣній и фактовъ, представляющихъ громадный интересъ и значеніе. Въ первомъ томѣ авторъ, развертываетъ передъ читателями духовный міръ дикарей и первобытныхъ народовъ и знакомитъ съ предрассудками дикарей и главными чертами, характеризующими религіи Америки, Финляндіи, Китая, Египта, Аравіи, Халдеи, Сиріи, Индіи, Японіи, Персіи, кельтовъ, грековъ и римлянъ. Во второмъ томѣ разбирается вся литература ветхаго завета и объясняются его различныя стороны. Въ послѣдней главѣ изображаются условія, при которыхъ возникло и развилось христіанство. Въ третьемъ томѣ уже выдвигаются на сцену самыя трудныя историческія проблемы, описывается ростъ и развитіе христіанскаго мировоззрѣнія и т. п. при чемъ въ объясненію нѣкоторыхъ фактовъ прилагается рационалистическая точка зрѣнія.

(The Ethical World).

«*M-r Gladstone; a Monograph. By Sir Edward W. Hamilton (John Murray. (Гладстонъ; монографія).* Авторъ этой интересной и очень полной биографіи Гладстона, Эдвардъ Гамильтонъ, принадлежалъ къ числу людей, находившихся въ очень близкихъ отношеніяхъ съ Гладстономъ и его семьей въ теченіе многихъ лѣтъ. Отецъ автора былъ также близкимъ пріятелемъ и товарищемъ Гладстона въ Оксфордѣ и поэтому авторъ, со словъ отца, могъ сообщить много различныхъ подробностей, касающихся юности Гладстона. Очень интересны также подробности интимной жизни Гладстона, его домашняго круга, занятій, симпатій и антипатій и т. п. Вообще образъ «великаго старца» встаетъ какъ живой передъ глазами читателя, обрисованный умѣлою и дружескою рукою автора, подмѣтившаго такіа тонкія черты въ характерѣ Гладстона, которыя не могли не ускользнуть отъ глазъ обыкновенныхъ наблюдателей и официальныхъ биографовъ. (Daily News).

«*John Ruskin; Social Reformer*» by S. A. Hobson. *Author of «Problems of Poverty» «The Evolution of Modern Capitalism» etc. With Photogravure Portraits (James Nisbet).* (Джонъ Рёскинъ; социальный реформаторъ). Въ этой книгѣ заключается не только описаніе жизни и карьеры Рёскина, но также изслѣдованіе его характера и эволюціи его образа мыслей. Авторъ — известный экономическій писатель — поставилъ себѣ цѣлью опредѣлить значеніе Рёскина и изслѣдовать вліяніе его экономическихъ и социальныхъ взглядовъ на современный строй и мышленіе. (Literary World).

«*With Peary near the Pole*» by Eivind Astrup (Pearson). (Съ лейтенантомъ Пири близъ полюса). Молодой норвежецъ, Аструпъ, авторъ этой книги, сопровождалъ Пири въ его замѣчательномъ путешествіи по ледянымъ полямъ сѣверной Гренландіи. Аструпъ былъ еще несовершеннолѣтнимъ юношей, когда Пири взялъ его съ собою, несмотря даже на то, что Аструпъ не зналъ совершенно англійскаго языка. Это незнаніе языка однако не помѣшало Аструпу очень скоро приобрести довѣріе своего начальника, такъ что, отправляясь во вторую экспедицію

на сѣверъ, Пири снова пригласилъ съ собою норвежца. Аструпъ описываетъ въ своей книгѣ оба путешествія, которыя онъ совершилъ вмѣстѣ съ Пири и сообщаетъ очень много любопытныхъ свѣдѣній объ эскимосахъ, обитающихъ въ сѣверныхъ поляхъ сѣверной Гренландіи, еще не тронутыхъ цивилизаціей и сохранившихъ въ полной неприкосновенности свои первобытные нравы. Въ этихъ общинахъ эскимосовъ, куда еще не проникли ни миллионеры ни купцы, — деньги неизвѣстны и взаимопомощь считается обязательной. (Athaenaeum).

«*Progress in Women's Education in the British Empire (Longmans and Co).* (Успѣхи женскаго воспитанія въ Великобританіи). Въ книгѣ собраны подробныя свѣдѣнія о положеніи и воспитаніи женщинъ въ различныхъ частяхъ британской имперіи и сообразно съ этимъ вся книга раздѣлена на три отдѣла подъ слѣдующими заголовками: 1) воспитаніе дѣтей; 2) профессіи, открытыя для женщинъ; 3) воспитаніе въ Индіи и колоніяхъ; университетское движеніе. Въ каждомъ отдѣлѣ заключается рядъ статей, написанныхъ разными авторами, изучавшими ту или другую сторону вопроса. Статьи объ университетскомъ движеніи написаны такими авторитетами какъ докторъ Робертсъ, Гудсонъ Шоу и Садлеръ. Приведенная въ нѣкоторыхъ статьяхъ статистика образованія указываетъ, что Англія дѣйствительно можетъ гордиться достигнутыми успѣхами въ этой области и добытые результаты въ особенности поразительны въ англійскихъ колоніяхъ. (Athaenaeum).

«*The Study of Man*» by Alfred C. Hudson (Bliss Sands and Co). (Изученіе человека). Авторъ говоритъ, что онъ задался цѣлью настолько заинтересовать своимъ предметомъ «интеллигентнаго читателя», чтобы это побудило его къ дальнѣйшему изученію науки о человѣкѣ. Руководствуясь этимъ, авторъ, несмотря на строго-научный характеръ своего трактата о человѣкѣ, постарался все-таки придать ему такую форму, чтобы сдѣлать его доступнымъ и понятнымъ болѣе обширному кругу читателей. (Athaenaeum).

Календарь нашъ имѣетъ одну странность: онъ начинаетъ годъ съ 1-го января. Этотъ день не составляетъ начала ни астрономическаго, ни метеорологическаго времени года. Разумѣется, было бы болѣе рationally начинать годъ съ 21 декабря или 21 марта, а еще лучше съ 1 декабря или 1 марта, такъ какъ эти числа считаются теперь всѣми первыми днями зимы и весны въ метеорологическомъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, гораздо естественнѣе называть зимою мѣсяцы—декабрь, январь и февраль—наиболѣе холодные въ году, и лѣтомъ мѣсяцы самые теплые: июнь, июль и августъ.

Итакъ мы видѣли, что, начиная съ 21 декабря, дни прибываютъ, а съ 21 июня—убываютъ. Если построить кривую, которая указываетъ одновременно послѣдовательныя измѣненія продолжительности дня и колебанія температуры. то мы замѣтимъ, что продолжительность дня даетъ кривую почти одинаковую съ кривой астрономическихъ временъ года.

Максимумъ температуры сохраняется дольше, чѣмъ максимумъ пребыванія солнца надъ горизонтомъ. Повышеніе и пониженіе температуры довольно точно слѣдуютъ продолжительности дней въ мартѣ, апрѣлѣ и май—въ періодъ прибыванія дня и въ августѣ, сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ—въ періодъ его убыли. Температура остается около своего максимум'а и минимум'а гораздо дольше, чѣмъ свѣтъ, что вполне естественно. Свѣтъ испытываетъ рѣзкіе и внезапные переходы, тогда какъ теплота распределяется медленно и измѣненія въ ней происходятъ постепенно.

Солнце, безъ котораго мы не могли бы существовать, доставляетъ намъ ежедневно два раза зрѣлище, величіемъ и красотой котораго мы никогда не перестанемъ восхищаться. Обращеніе земли вокругъ своей оси проявляется для нашихъ чувствъ въ видѣ движенія небснаго свода вокругъ нашей планеты, что долго принималось людьми за дѣйствительность.

Солнце восходитъ и заходитъ каждый день во всѣхъ пунктахъ земного шара, начиная отъ экватора до полярныхъ круговъ сѣвернаго и южнаго полушарія. По мѣрѣ приближенія къ полюсамъ время, протекающее отъ восхода солнца до его заката или наоборотъ, постепенно увеличивается и на самомъ полюсѣ продолжается 180 сутокъ сряду. Впрочемъ, до сихъ поръ, ни одинъ человѣкъ не достигалъ еще этого пункта, относительно котораго существуетъ не мало гадательныхъ предположеній и странныхъ гипотезъ.

Что касается умѣренного климата, то тамъ утреннія и вечернія зори смѣняются одинъ разъ каждыя сутки.

Представимъ себѣ, что мы находимся въ прекрасную лѣтнюю ночь въ полѣ. Все погружено въ глубокій мракъ и только часть неба на сѣверо-востокѣ вдругъ озаряется слабымъ сіяніемъ, предъ ясностью и бѣлизною котораго дискъ луны кажется такимъ же желтымъ, какъ электрическій фонарь при лунномъ свѣтѣ. Эта сначала незначительная свѣтлая полоска неба постепенно увеличивается, медленно двигаясь отъ С.-В къ В. Заря занялась уже на востокѣ, а звѣзды все еще видны на небѣ. Мало-по-малу свѣтъ увеличивается, звѣзды гаснутъ одна за другой, изъ сосѣдняго лѣса начинаютъ доноситься первые голоса пробуждающейся природы. Сначала это не ясный гулъ, словно легкій ропотъ, который растетъ постепенно съ увеличеніемъ свѣта.

Въ воздухѣ чувствуется пріятная прохлада, почва увлажняется росой, которая улетучится при первыхъ лучахъ солнца. Облака, располуженныя грядами на востокѣ, медленно поднимаясь надъ горизонтомъ,

окрашиваются въ розовый, потомъ въ красный цвѣтъ, по мѣрѣ приближенія солнца. Вдругъ легкую дымку тумана на горизонтѣ прорѣзываетъ огненный дискъ и все приходитъ въ оживленіе, поднимается легкій вѣтерокъ, раздаются звонкіе голоса пробудившихся птицъ и дневное свѣтло является во всемъ своемъ блескѣ, изливая благотѣльное тепло и свѣтъ на земную поверхность.

Какъ при восходѣ солнца, такъ и при его закатѣ, происходитъ рядъ весьма любопытныхъ явленій.

Разсмотримъ прежде всего его вліяніе на облака. Очень рѣдко, даже послѣ лунныхъ ночей, чтобы во время утренней зари на небѣ не было облаковъ, располагающихся обыкновенно полосами вблизи горизонта. Иногда эти облака образованы туманами. Они медленно поднимаются надъ горизонтомъ и скоро исчезаютъ безслѣдно: видимые пары воды дѣлаются невидимыми подъ дѣйствіемъ солнечнаго тепла. Такъ, обыкновенно при восходѣ солнца образуются многочисленные облака, которыя придаютъ особую прелесть картинѣ солнечнаго восхода. Но если, вслѣдствіе особаго состоянія атмосферы, облака образуются въ такомъ количествѣ, что преграждаютъ путь солнечнымъ лучамъ, водяные пары, скопившіеся между ними и почвой, поднимутся вверхъ и увеличатъ еще болѣе ихъ густоту, небо сплошь покроется облаками и останется такимъ большую часть утра, если солнечная теплота окажется недостаточной, чтобы разсѣять ихъ.

Всѣ эти свѣдѣнія не носятъ строго научнаго характера, но онѣ вытекаютъ изъ ряда наблюденій, вполне согласныхъ между собою.

Существуетъ много народныхъ примѣтъ относительно этихъ явленій. Если небо облачно утромъ послѣ ясной ночи, всякій крестьянинъ скажетъ вамъ, что «это ничего, солнце прояснитъ небо». Точно также, если небо остается облачнымъ до полудня, то онъ знаетъ, что оно останется такимъ во весь день.

Мы уже говорили, что солнечный дискъ подвергается деформациямъ при восходѣ и закатѣ надъ моремъ. Къ сожалѣнію, наблюденія этого рода весьма рѣдки: ученые живутъ больше ночью и не любятъ рано утромъ подниматься съ постели.

Но одно изъ самыхъ интересныхъ явленій, которыя происходятъ утромъ, безспорно, составляетъ роса. Невидимые пары осаждаются на почвѣ, образуя капли воды иногда въ значительномъ количествѣ. Объясненіе этого явленія очень просто. Во время дня земля нагрѣвается отъ солнечныхъ лучей, но какъ только наступаетъ ночь, она отдаетъ лучеиспусканіемъ часть своей теплоты и всѣ тѣла, лежащія на почвѣ, охлаждаются на нѣсколько градусовъ; если атмосфера почти насыщена парами, то послѣдніе соприкасаясь съ болѣе холодными предметами, сгущаются въ капельки жидкости, образуя росу.

Такое объясненіе кажется до очевидности простымъ и точнымъ. Но недавно *Макферсонъ* (Macpherson) обратилъ вниманіе ученыхъ на возможность происхожденія явленія росы отъ другихъ и весьма разнообразныхъ причинъ.

Главнѣйшія изъ этихъ причинъ—это выдѣленіе водянистыхъ соковъ различными и весьма многочисленными породами растеній. Прогуливаясь утромъ по огороду, вы замѣчаете на листьяхъ капусты крупныя, прозрачныя какъ кристаллы, капли, въ которыхъ вспыхиваютъ искрами лучи солнца. То же самое вы видите дальше на листьяхъ свекловицы и т. д. Всякій скажетъ вамъ, что это капли росы, но это заблужденіе.

На самомъ дѣлѣ эти жемчужныя капельки воды образуются вслѣдствіе выпота растений. Достаточно взглянуть на какой-нибудь мертвый листъ или другой предметъ мертвой природы, чтобы увидѣть различіе между этимъ явленіемъ и истинной росой. Осадокъ влаги покрываетъ равномерно всю поверхность этихъ предметовъ; — это и есть истинная роса.

Арткенъ бралъ кусокъ дерна, помѣщалъ его подъ опрокинутымъ стекляннымъ сосудомъ и по прошествіи нѣкотораго времени, наблюдалъ на немъ появленіе капелекъ воды. Затѣмъ, онъ выбиралъ стебель травы, на которомъ была капелька воды, и, тщательно обтеревъ его, помѣщалъ въ герметически закрытый стеклянный шаръ. Черезъ нѣсколько минутъ на такомъ совершенно изолированномъ отъ влажности стеблѣ появлялись капли воды — несомнѣнное доказательство, что они произошли вслѣдствіе выпота изъ самого растенія. Рядомъ осторожныхъ взвѣшиваній дерна до момента появленія на немъ капелекъ росы и послѣ этого, тотъ же наблюдатель нашелъ потерю его въ вѣсѣ, которая можетъ быть объяснена только тѣмъ, что растенія выдѣлили изъ себя часть паровъ воды, которыя осадились въ формѣ «росы» на окружающихъ предметахъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что прозрачныя капли на листьяхъ происходятъ изъ воды, содержащейся въ самихъ растеніяхъ, которыя способствуютъ отчасти образованію росы.

При закатѣ солнца такъ же, какъ и при восходѣ, происходятъ особыя явленія.

Разсмотримъ сначала измѣненія, испытываемыя облаками при наступленіи сумерекъ. Почти всегда они быстро измѣняются въ это время свою форму и исчезаютъ. Любопытно, что то же самое происходитъ, какъ съ облаками, расположенными въ самыхъ высокихъ слояхъ атмосферы, напр., перистыми, такъ и съ туманами, поднимающимися очень невысоко отъ земной поверхности.

Впрочемъ, я полагаю, что перистыя облака не исчезаютъ, а только дѣлаются невидимыми съ того момента, какъ солнечныя лучи перестаютъ ихъ освѣщать.

Слѣдуетъ замѣтить, что образованіе облаковъ при восходѣ солнца и измѣненіе ихъ формы при закатѣ, продолжается очень короткое время и явленіе это можетъ пройти незамѣченнымъ, если небо очень облачно. Чтобы хорошо наблюдать его, надо находиться на берегу моря или въ равнинѣ и при небѣ, не очень густо покрытомъ тучами.

Другое явленіе сумерекъ состоитъ въ ощущеніи прохлады въ воздухѣ немедленно послѣ захода солнца. Въ эти часы температура быстро падаетъ; кромѣ того, обыкновенно при этомъ поднимается легкій вѣтерокъ, который усиливаетъ еще болѣе пріятное ощущеніе свѣжести воздуха. Какъ при восходѣ, такъ и при закатѣ солнца, дискъ его подвергается деформациі, принимая всевозможныя формы отъ неправильнаго круга до треугольника и квадрата. Явленіе это всего лучше наблюдать на берегу моря и при ясномъ небѣ.

ГЛАВА VI.

Атмосферное электричество. — Первые опыты. — Громоотводъ. — Электрическія искры.

Перейдемъ теперь къ атмосферному агенту, самому изумительному, какъ по заключающейся въ немъ силѣ и необычайной энергіи, такъ и во его непонятному дѣйствию и происхожденію еще не установленному

твердо наукой. Между тѣмъ наблюденіе и изученіе молніи идетъ съ очень древнихъ временъ: съ царствованія Туллія Гостилія, римскаго царя, существованіе котораго оспаривается даже!!

По нѣкоторымъ преданіямъ, царь этотъ занимался магіей, волшебствомъ и даже, кажется, былъ знакомъ со свойствомъ острія грома-отвода. Царь этотъ умеръ, вѣроятно, отъ несчастнаго случая во время своихъ опытовъ или же былъ убитъ грозой во время одной религиозной церемоніи. Титъ Ливій указываетъ на второе, какъ на болѣе вѣроятное. Нужно только замѣтить, что вообще очень трудно отдѣлать всѣ эти первыя попытки, всѣ эти первые опыты зарождавшейся физики, если можно такъ выразиться, отъ басенъ и мифологическихъ сказокъ древности. Наиболѣе достовѣрное существованіе первыхъ представленій объ атмосферномъ электричествѣ можетъ быть отнесено къ V или VI вѣку до Р. Х., но задолго до этого времени древніе знали электрическія свойства янтаря.

Если Римляне мало были знакомы съ природою молніи, зато о громѣ свѣдѣнія ихъ были очень обширны. У нихъ существовалъ длинный списокъ—здѣсь были и громы семейные, и дружескіе, и родительскіе и т. д.

Во весь періодъ почти въ 1600 лѣтъ, отъ Р. Х. до *Отто Герике*, не было ничего сдѣлано для изученія и пониманія электричества. Народы находились въ почти непрерывныхъ войнахъ, а единственными людьми науки были астрологи, которые занимались предсказаніемъ будущаго или отыскиваніемъ философскаго камня.

Отто Герике, бургомистръ Магдебурга, изобрѣтатель пневматической машины, былъ первымъ ученымъ, получившимъ электрическую искру отъ шара изъ сѣры и догадавшимся сразу объ ея родствѣ съ молніей. Но такъ какъ онъ занимался астрономіей, химіей и многими другимъ еще, и ему было невозможно усовершенствоваться во всѣхъ областяхъ знанія, то и изученіе электричества не сильно подвинулось впередъ. Англійскій докторъ *Wall* добывалъ электрическія искры изъ янтарнаго цилиндра почти одновременно съ *Отто Герике* и такъ же, какъ и онъ, указывалъ на однородность этихъ искръ съ молніей.

Но пока только подозрѣвали тождественность этихъ двухъ «жидкостей»—небесной и земной», какъ тогда выражались.

Извѣстный физикъ *Де-Рома*, жившій въ маленькомъ городѣ Неракѣ, первый доказалъ полнѣйшую однородность этихъ двухъ жидкостей и, самъ не подозрѣвая того, сильно рисковалъ своей жизнью.

Онъ отдался съ жаромъ изученію электрическихъ явленій въ атмосферѣ послѣ того, какъ въ 1710 году молнія ударила въ одинъ замокъ. Рома придумалъ даже инструментъ брантометръ, который служилъ или долженъ былъ служить для отвлеченія ударовъ молніи.

Де-Рома зналъ свойство острія.

Въ облачную погоду онъ запустилъ воздушный змѣй, оканчивавшійся желѣзнымъ остріемъ (не сказано, былъ ли змѣй на мокрой или сухой веревкѣ или же на металлической проволоцѣ. Принимая во вниманіе громадную величину полученныхъ искръ, я склоненъ думать, что змѣй былъ на желѣзной проволоцѣ или, по крайней мѣрѣ, на очень мокрой веревкѣ). Какъ только змѣй поднялся на извѣстную высоту, стали получаться, съ помощью разрядника, гигантскія искры, въ нѣсколько футовъ длины, какъ теперь предполагаютъ.

Такимъ образомъ было доказано на опытъ, что атмосферное электричество во всѣхъ отношеніяхъ тождественно съ электричествомъ, до-

бываемымъ въ лабораторіяхъ и на лекціяхъ физики. Записка, составленная Де-Рома по этому случаю, доставила ему званіе члена-корреспондента парижской Академіи Наукъ.

Русскій академикъ *Рихманъ* придумалъ приборъ, носящій его имя, для привлеченія молніи къ землѣ.

Однажды, во время сильной грозы, въ 1753 г. онъ собирався заняться опытами, какъ вдругъ въ комнату вошелъ его граверъ; *Рихманъ*, желая подойти къ нему, приблизился неосторожно къ мѣсту электрическаго разряда, и тотчасъ же былъ убитъ молніей. Граверъ былъ опрокинутъ сотрясеніемъ, но отдѣлся только легкимъ пораненіемъ.

Производя опыты и Рома и *Рихманъ*, особенно первый, обратили вниманіе на необычайную способность металлическаго острія проводить электричество въ землю вполне безопасно и безвредно для окружающихъ.

Если бы они поглубже вдумались въ это и подумали бы о практической сторонѣ своихъ опытовъ, то, вѣроятно, дошли бы до изобрѣтенія громоотвода, и не уступили бы честь его генію Франклина.

Когда слухъ объ этихъ опытахъ дошелъ до нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ въ Америкѣ, то Франклину было поручено провѣрить точность сдѣланныхъ выводовъ. Такимъ образомъ, не онъ первый, воспользовался летучимъ змѣемъ, чтобы привлечь молнію и установить тожество «земного» и «небеснаго» электричества.

Онъ занялся рядомъ опытовъ съ обыкновеннымъ змѣемъ, спускавшимся на обыкновенной бичевкѣ и, несмотря на это, много разъ получалъ искры, которыя при мокрой веревкѣ, т. е. при хорошемъ проводникѣ, могли бы причинить смерть. Франклинъ тотчасъ же подумалъ объ извлеченіи практической выгоды изъ этого открытія и изобрѣлъ громоотводъ.

Такимъ образомъ, въ хронологическомъ порядкѣ идутъ: *Отто Герике, Wall, Ноллэ, Рома, Рихманъ, Франклинъ*—ихъ можно считать первыми учеными, изучавшими атмосферное электричество и доказавшими его полнѣйшую тождественность съ электричествомъ, называвшимся тогда «земной жидкостью».

Еще въ глубокой древности были знакомы съ свойствомъ нѣкоторыхъ тѣлъ—отталкивать и притягивать легкіе предметы, напр., янтаря, натертаго шерстяной матеріей. Напримѣръ, *Θαλες Μιλετский*, одинъ изъ семи мудрецовъ Греціи, былъ знакомъ со свойствомъ янтаря и далъ ему слѣдующее интересное объясненіе: «Янтарь одаренъ душою и привлекаетъ легкія тѣла какъ бы дуновеніемъ ея». Янтарь есть ископаемая смола, которую находятъ въ отложеніяхъ третичной системы. Финикиане привозили янтарь въ Грецію, а греки приписывали ему божественное происхожденіе; они считали его слезами Геліады, дочерей солнца.

Шестисотъ лѣтъ спустя послѣ *Θαλεса Μιλετскаго* Плиній прибавляетъ, что «треніе необходимо для возбужденія тепла и жизни». Названіе «электричество» произошло отъ греческаго слова «ηλεκτρον» (электронъ), т. е. янтарь.

За нѣсколько лѣтъ до *Отто Герике* одинъ англійскій ученый *Вильямъ Джилбертъ*, написалъ трактатъ, въ которомъ утверждалъ, что не только янтарь, но и драгоценные камни, какъ алмазъ, сапфиръ, опалъ и простыя вещества, какъ сѣра, смола, стекло, также обладаютъ способностью притягивать и отталкивать легкія тѣла. Обра-

зованіе же при этомъ электрическихъ искръ ему остается неизвѣстнымъ и честь ихъ открытія принадлежить, какъ мы видѣли, Отто Герике.

Такимъ образомъ, отъ Фалеса до 1600 г. не было никакихъ открытій въ области электричества. Наоборотъ съ 1600 г., т. е. въ продолженіе неполныхъ 300 лѣтъ въ области электричества сдѣлано такъ много, что можно только поражаться необычайному развитію открытій и чудесъ, создаваемыхъ человѣческимъ гениемъ.

Кто могъ бы предсказать сто лѣтъ тому назадъ, что эта сила, которую едва могли вызвать, служить теперь для освѣщенія городовъ и передвиженія насъ съ поразительной быстротой.

Отто Герике, первый, вызвалъ искру, *Рома* доказалъ тождественность двухъ жидкостей, *Франклинъ* изучаетъ свойство острія и извлекаетъ изъ этого изученія полезную и практическую сторону—изобрѣтаетъ громоотводъ.

Разсмотримъ условія, необходимыя для устройства хорошо дѣйствующаго громоотвода.

Прежде всего, какова должна быть длина проводника? Былъ произведенъ цѣлый рядъ опытовъ, и ни разу ни одинъ грозовой ударъ не могъ накалить до красна четырехгранной желѣзной полосы въ 4 метра длиною и 15 миллиметровъ толщиною или въ 225 кв. миллим. въ разрѣзѣ, такъ что этотъ размѣръ признають наиболѣе подходящимъ для проводника громоотвода.

По послѣднимъ сообщеніямъ Академіи Наукъ видно, что нѣтъ необходимости опускать проводникъ въ землю непременно по вертикальной линіи. Громоотводъ ничего не теряетъ въ своей силѣ, если проводникъ даже въ значительной части своего протяженія идетъ по изогнутымъ, горизонтальнымъ или наклоннымъ линіямъ. Главное необходимое условіе состоитъ въ томъ, чтобы проводникъ, доходя до поверхности подземной воды и чтобы онъ свободно и на большомъ протяженіи соприкасался съ нею.

Представимъ себѣ громоотводъ установленный при этихъ условіяхъ и разсмотримъ въ общихъ чертахъ явленія, происходящія во время грозы. Электричество, развившееся черезъ вліяніе на поверхности подземныхъ водъ, вмѣсто того, чтобы тамъ накапливаться, встрѣчаетъ основаніе проводника, стремится вверхъ по нему и быстро собирается у вершины громоотвода, гдѣ и происходятъ слѣдующія интересныя явленія.

Если громоотводъ оканчивается очень тонкимъ остриемъ изъ платины или золота, «жидкость», привлекаемая облакомъ, оказываетъ на воздухъ, который считается дурнымъ проводникомъ, настолько сильное давленіе, что выходитъ изъ острія, образуя свѣтящійся пучокъ (въ родѣ огней св. Эльма). Расходящіеся лучи этого пучка уменьшаются въ блескъ по мѣрѣ удаленія отъ острія; они бываютъ рѣдко длиннѣе 15 или 20 сантиметровъ. Воздухъ кругомъ сильно наэлектризовывается и едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что эти молекулы воздуха, заряженные жидкостью изъ острія, будутъ приведены въ соприкосновеніе съ самимъ облакомъ, если воздухъ спокоенъ, и нейтрализуютъ часть электрической жидкости этого облака.

Это разряженіе и составляетъ такъ-называемое «предупредительное дѣйствіе громоотвода».

Въ то же самое время, когда острие испускаетъ пучокъ свѣта, проходящій электрическій токъ пріобрѣтаетъ иногда такую интенсивность, что острие накаливается до точки плавленія; золото и платина

стекаютъ тогда большими каплями вдоль желѣзнаго или мѣднаго стержня, на которомъ они насажены.

Впрочемъ, при этомъ сплавленіи острія громоотводъ теряетъ въ сущности очень незначительное преимущество. Комиссія работавшая надъ этимъ вопросомъ пришла къ слѣдующему выводу:

Совѣтуютъ заканчивать громоотводъ цилиндромъ изъ красной мѣди въ 2 сантиметра въ діаметрѣ и 20 или 25 сантиметровъ въ длину, вершина же должна образовать конусъ въ 3 или 4 сантиметра вышины.

Мѣдный конусъ также можетъ иногда производить блестящіе пучки, но гораздо рѣже, чѣмъ золотыя или платиновыя острія; но и въ этомъ случаѣ онъ не подвергается плавленію вслѣдствіе большей своей проводимости и тепла, и электричества.

Когда разражается гроза, то молнія черезъ конусъ проникаетъ въ стержень и въ проводникъ, а черезъ нихъ нейтрализуется въ подземной части; такъ происходитъ обыкновенный ударъ грозы; только онъ не причиняетъ вреда ни громоотводу, ни защищаемому имъ зданію.

Разсмотрѣвъ цѣлый рядъ явленій, связанныхъ съ громоотводомъ, парижская Академія даетъ намъ любопытные и интересные подробности, какъ устраивать громоотводъ. Желѣзный стержень громоотвода оканчивается вверху конусообразнымъ цилиндромъ изъ красной мѣди; на мѣстѣ соединенія стержня съ цилиндромъ первый дѣлается круглымъ и въ 2 сантиметра въ діаметрѣ; ниже же онъ остается четырехграннымъ и идетъ постепенно утолщаясь до точки соединенія съ проводникомъ, гдѣ каждая его стѣнка должна имѣть 4 или 5 сантим. Длина стержня и цилиндра вмѣстѣ колеблется отъ 3 до 5 метровъ, смотря по обстоятельствамъ.

Почти всегда гораздо выгоднѣе увеличить число стержней, подерживая ихъ въ этихъ границахъ и соединяя ихъ между собою общимъ проводникомъ, чѣмъ ограничивать число и увеличивать высоту до 7 или 8 метровъ. Та часть стержня, которая идетъ ниже проводника или ниже самаго глубокаго изъ проводниковъ, если ихъ нѣсколько, не считается уже громоотводомъ, — форму ея можно варьировать въ цѣляхъ болѣе простой установки.

Проводникъ. Проводникъ соединяется со стержнемъ, посредствомъ хорошей оловянной спайки. Эта первая часть проводника должна имѣть 2 сантим. толщины съ каждой стороны, а круглая его часть, отполированная и вылуженная заранее, должна имѣть 15 миллим. въ діаметрѣ, такъ что обѣ желѣзныя поверхности, соединенныя спайкой, будутъ имѣть около 20 кв. сантиметровъ.

Сообщеніе съ водной поверхностью.

Колодець для громоотвода устраивается, какъ самый обыкновенный колодець; онъ долженъ служить только для предназначенной ему цѣли и не получать никакихъ сточныхъ водъ.

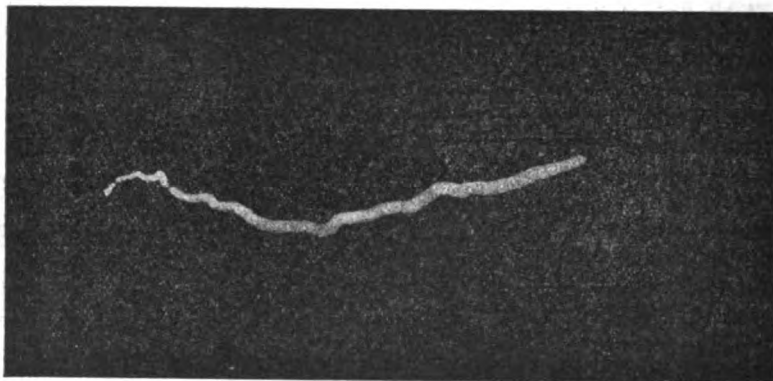
Если обстоятельства того требуютъ, обыкновенный колодець можетъ быть замѣненъ артезіанскимъ въ 20 — 25 сантим. шириною со вставленною въ него трубою во избѣжаніе обваловъ и осыпаній земли. Часть проводника, опускаемая въ колодець, дѣлается изъ желѣзнаго бруска, каждая сторона котораго равняется 2 сантиметрамъ; къ нижнему концу его прикрѣпляются четыре тонкія пластинки по 60 сантиметровъ длины; все это приспособленіе хорошо запаивается.

Пластинки или вѣрнѣе «корешки» могутъ быть замѣнены спиралью въ пять или шесть оборотовъ, образующей какъ пробочникъ, нижній

конецъ самого проводника, или же желѣзной корзиной, наполненной углемъ.

Мы остановились такъ долго на этомъ предметѣ, потому что онъ, по нашему мнѣнію, имѣетъ громаднѣйшій интересъ.

Слѣдуетъ прибавить, что только очень немногіе громоотводы установлены, при соблюденіи всѣхъ этихъ условій. Въ большинствѣ же случаевъ они скорѣе опасны, чѣмъ полезны: причина многихъ пожаровъ, происшедшихъ отъ грозы, заключается въ громоотводахъ. Въ одномъ случаѣ проводникъ въ плохомъ состояніи; въ другомъ — онъ перерѣзанъ, и электричество, не находя выхода, причиняетъ громадныя опустошенія.



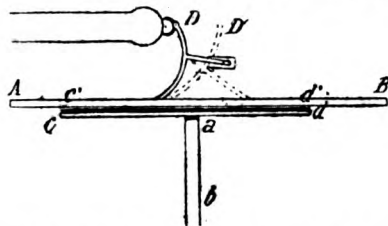
Простая искра Рис. 28.

Обратимся теперь къ искрамъ, получаемымъ въ лабораторіяхъ, и укажемъ на тѣ, которыя имѣютъ, повидимому, сходство съ молніей, равно какъ и на тѣ, которыя кажутся совершенно различными отъ нея.

Если мы вызовемъ искру между двумя полюсами сильной электрической машины, то простымъ глазомъ мы увидимъ блестящую полосу безъ точно-обрисованныхъ контуровъ, воспроизведя же ее съ помощью фотографическаго аппарата, мы получимъ рисунокъ, изображенный на прилагаемомъ рис. 28.

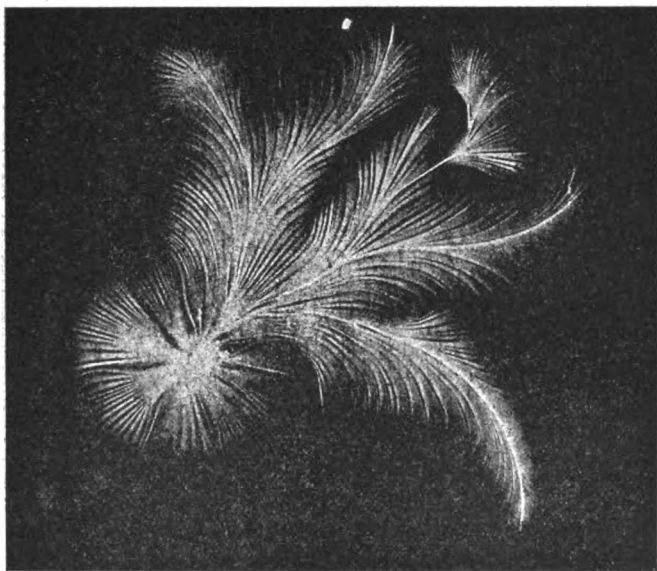
Развѣ онъ не похожъ на молнію?

Полоса немного толста, но это могло произойти отъ плохой установки аппарата. Замѣтимъ, что, вопреки существующему мнѣнію, искра

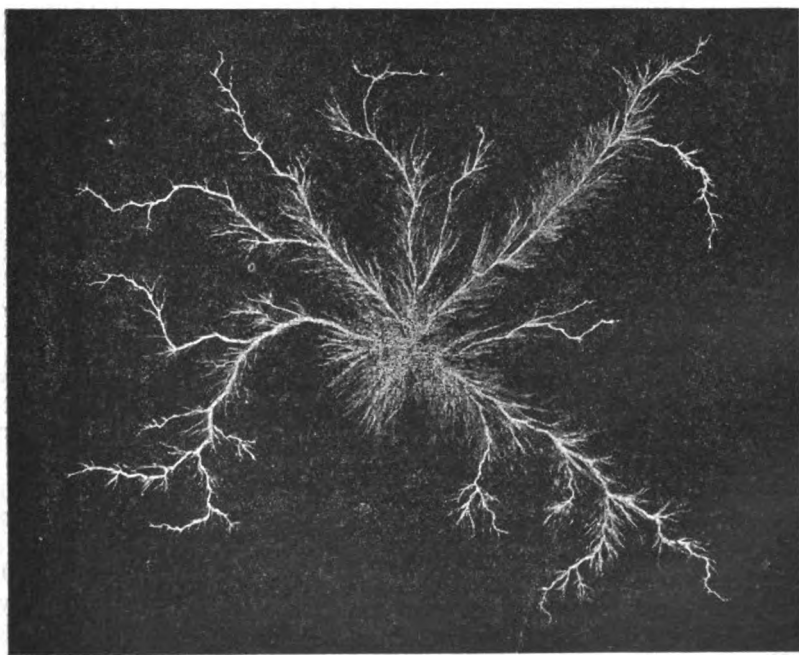


Расположеніе прибора для полученія сложныхъ электрическихъ искръ. Рис. 29.

дѣлаетъ углы, зигзаги. Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ простой искрой, съ такой, съ которой, какъ думали *Герике* и *Ноллэ*, молнія имѣетъ наибольшее сходство. Чтобы получить болѣе сложныя искры, поступаютъ слѣдующимъ образомъ.



Сложная электрическая искра (отрицательный полюсь) Рис. 30.



Сложная электрическая искра (положительный полюсь). Рис. 31.

Чувствительную фотографическую пластинку AB , кладутъ на тонкій мѣдный листъ cd , немного меньшаго размѣра, чѣмъ сама пластинка, а между ними (непременное условіе) прокладываютъ листъ черной бумаги $c'd'$, чтобы избѣгнуть отраженія искры отъ мѣдной поверхности; все это изолируется съ помощью стеклянной ножки ab . Машину заряжаютъ посредствомъ конденсаторовъ. Одинъ изъ полюсовъ приводится въ постоянное сообщеніе съ землею. Чтобы вызвать искру, подносятъ возбудитель D' , который находится въ соприкосновеніи съ чувствительной пластинкой AB , къ другому полюсу D машины. Для лучшаго проявленія электричества необходимо, чтобы концы возбудителя оканчивались остриемъ. Понятно, что опыты эти должны производиться въ полнѣйшей темнотѣ, которая всегда предпочтительнѣе краснаго свѣта фотографической лабораторіи. Смотря потому, приложить ли возбудитель къ положительному полюсу, получаютъ и искры различныя; назовемъ ихъ *отрицательной* и *положительной*. Рис. 30—отрицательный, рис. 31—положительный.

Познакомившись съ искрами, получаемыми въ лабораторіяхъ, мы перейдемъ теперь въ обширную міровую лабораторію, въ атмосферу, и постараемся изучить другія встрѣчаемыя тамъ электрическія явленія.

Глава VII.

Громъ.—Явленія, сопровождающія электрическія бури.—Атмосферное электричество.

Во всѣ времена на грозу смотрѣли какъ на сверхъестественную, высшую, божественную силу: древніе приписывали молнію отцу боговъ, Юпитеру, онъ былъ ея единственнымъ повелителемъ и направлялъ свои стрѣлы куда и въ кого ему вздумается. И позднѣе, понятіе о молніи, какъ о силѣ необычайной и непонятной, остается прежнимъ.

Деревенскіе жители сильно боятся молніи, а между тѣмъ не умѣютъ защищаться отъ нея. Идетъ дождь, сверкаетъ молнія, а они часто укрываются подъ большими деревьями. Просматривая лѣтомъ хронику, поражаешься, какое громадное количество людей и животныхъ убивается или калѣчится молніей.

Странно, что нѣкоторыя деревья повидимому обладаютъ свойствомъ притягивать молвію, другія же, наоборотъ, какъ бы самой природой защищены отъ нея.

Съ 1835 по 1885 годъ, т. е. въ продолженіе 50 лѣтъ, число убитыхъ молніей въ одной только Франціи простирается до 5.578, т. е. $\frac{1}{5500}$ всего населенія (30 милліоновъ), цифра нѣсколько низкая, сравнительно съ средней, начиная съ 1835 г., но это компенсируется тѣмъ, что довольно значительное число случаевъ смерти отъ удара молніи ускользаетъ отъ регистраціи.

Такимъ образомъ человекъ, живущій на свѣтѣ 50 лѣтъ, подвергается риску 1 изъ 5.500 быть убитымъ молніей. Опасность эта гораздо больше въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ, гдѣ много высокихъ и снабженныхъ громоотводами домовъ. Молнія часто ударяла въ Эйфелеву башню, а между тѣмъ не было ни одного несчастнаго случая, такъ какъ громоотводы были въ хорошемъ состояніи. Башня эта должна очень сильно притягивать молнію, а потому окрестности ея на большое разстояніе застрахованы отъ губительнаго вліянія этой послѣдней.

Какова сфера дѣйствія громоотвода?

На основаніи многочисленныхъ опытовъ сдѣланъ выводъ, что громоотводъ защищаетъ всѣ предметы, находящіеся около него по радіусу, равному двойной высотѣ его. Такимъ образомъ громоотводъ, стержень котораго имѣетъ 10 метровъ, распространяетъ сферу своего вліянія по окружности съ радіусомъ въ 20 метровъ. Всѣ строенія около башни Эйфеля на разстояніи 600 метровъ по радіусу застрахованы отъ ударовъ молніи, такъ какъ громоотводы башни поднимаются на 300 метровъ надъ поверхностью земли.

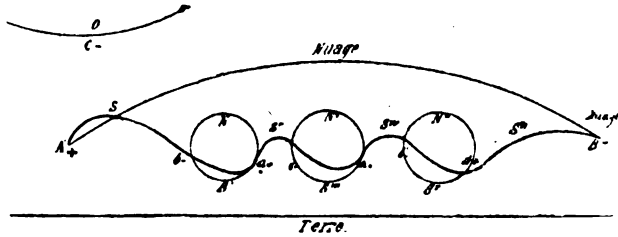
Атмосфера представляетъ громаднѣйшій электрическій резервуаръ, гдѣ всѣ явленія разыгрываются съ поразительной, фантастичной интенсивностью. Молнія—только искра, но искра гигантская, получаемая между двумя полюсами гигантской машины. Онѣ дѣлятся на:

- 1) молніи линейныя.
- 2) молніи разсѣянныя, такъ называемыя тепловыя.

Линейныя молніи называются также первоклассными, а разсѣянныя второклассными.

Первыя, въ свою очередь, дѣлятся на два различные вида.

- 1) молнія, происходящая между двумя облаками.
- 2) молнія, происходящая между облакомъ и землею.



Образованіе молніи 1-го класса. Рис. 32.

Посмотримъ сперва, что происходитъ во время удара молніи 1-го класса. *Г. Перрэнъ* даетъ слѣдующее объясненіе: «Представимъ себѣ облако въ видѣ свода, такія облака бывають часто во время грозы; края этого облака *A* и *B* содержатъ извѣстныя количества электричества. Фиг. 32.

Между этими двумя краями предположимъ различныя небольшія количества водяныхъ паровъ *N*, *N'*, *N''*, въ парахъ этихъ сосредоточилось электричество, полученное черезъ вліяніе *A* и *B*.

Внѣ этой массы паровъ находится облако *C*, немного удаленное, наэлектризованное отрицательно или само по себѣ или черезъ индукцію. Напряженіе достаточно сильное для полученія искры; посмотримъ, какъ она образуется.

Такъ какъ *A* является пунктомъ, гдѣ сосредоточено большое количество положительнаго электричества, образовавшагося во время бури, то электричество вырвется отсюда и соединится съ отрицательной массой *b*, дѣйствующей сильнѣе другихъ.

Каковъ будетъ путь искры? Если она не подвергнется иному вліянію кромѣ вліянія отрицательной массы *b* и среды, гдѣ происходитъ ея движеніе по кривой, она разсѣется въ этомъ же пространствѣ; но мы допустили существованіе отрицательной массы *C* въ облакѣ *O*, находящемся недалеко отъ точки *A*; въ такомъ случаѣ разряженіе произойдетъ въ плоскости *CAb*, и электричество, привлекаемое къ *C* пой-

детъ по линіи ASb , образуя блестящую кривую полосу. Теперь замѣтимъ, что такъ какъ сила притяженія массы b , дѣйствуетъ обратно квадрату разстоянія, то количество положительнаго электричества, которое стремится изъ A къ b будетъ непремѣнно меньше количества b и послѣ соединенія двухъ электричествъ въ b , часть отрицательнаго электричества останется на своемъ прежнемъ мѣстѣ.

Положительное электричество, собранное въ a , направляется къ b' по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ оно стремилось изъ A въ b . Для второго вида молній, т. е. для тѣхъ, которыя разряжаются между облакомъ и землею, можно дать то же самое объясненіе.

Но не будемъ дольше распространяться объ этомъ, потому что въ настоящее время мы наканувѣ появленія новыхъ теорій для объясненія образованія молній и причинъ, почему молніи, по мнѣнію однихъ, дѣлають углы, а по мнѣнію другихъ—описываютъ дуги.

Чтобы запечатлѣть форму молніи прибѣгаютъ къ помощи фотографіи.

Прилагаемая фотографія одна изъ самыхъ красивыхъ въ этомъ родѣ.

Разглядывая ее со вниманіемъ, мы замѣчаемъ безчисленное количество развѣтвленій, болѣе или менѣе блестящихъ, болѣе или менѣе длинныхъ, берущихъ начало изъ главныхъ стволовъ.

Этихъ развѣтвленій больше пятидесяти, разныхъ величинъ, разной длины, но самая маленькая изъ нихъ въ сотни разъ сильнѣе нашихъ лабораторныхъ искръ. Кажется очевиднымъ, при внимательномъ изученіи этого клише, что молнія дѣлаетъ зигзаги. Увеличивъ нашъ фотографическій снимокъ, мы замѣтимъ въ серединѣ главныхъ стволовъ различныя блестящія отѣнки, дающіе впечатлѣніе спирали.

Сколько таинственнаго, сколько неизвѣстнаго даже въ простой фотографіи молніи.

Въ послѣднее время метеорологи изъ Національнаго двора въ Вашингтонѣ занялись измѣреніемъ различными способами разрушительной энергіи молніи.

Результаты, полученные имъ, такъ необычайны, что едвали возможно сразу даже охватить все ихъ значеніе. Корреспондентъ New-York Herald'a говоритъ, что сила большинства молній равняется 50.000 «лошадямъ», а въ выдающихся случаяхъ сила молніи можетъ достигать до 100.000 лошадиныхъ силъ.

Второй классъ молній, такъ называемыхъ тепловыхъ, гораздо менѣе интересенъ, хотя молніи эти производятъ значительно болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ линейныя молніи. Облака какъ бы разрываются и открываютъ намъ странныя и замысловатыя формы этой молніи.

Объясненіе ихъ очень просто, если только вѣрно. Молніи эти разсматриваются какъ отраженія линейныхъ.

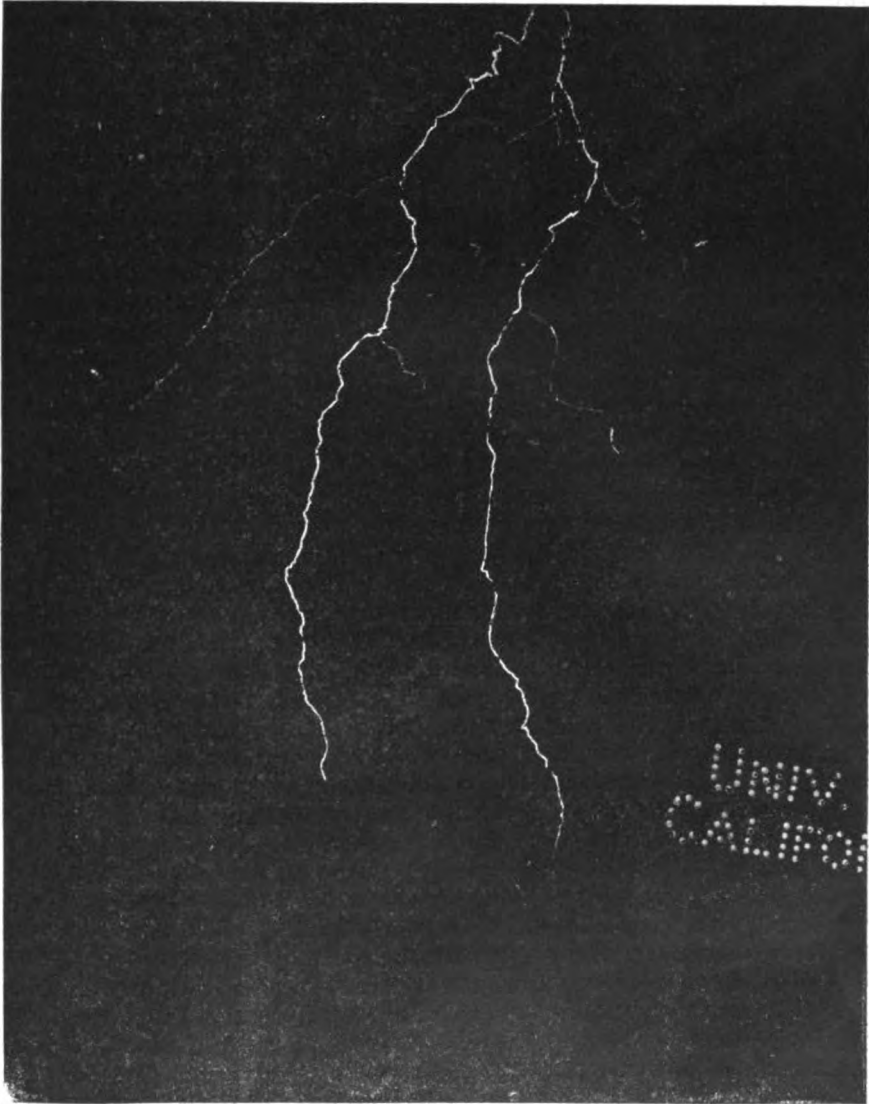
Мнѣ кажется, что, во время сильныхъ лѣтнихъ грозъ, онѣ происходятъ вслѣдствіе другой причины: вслѣдствіе медленнаго разряженія между двумя очень близкими облаками.

Послѣ каждой сильной линейной молніи чувствуется электрическое сотрясеніе, какъ будто рѣзко нарушенное равновѣсіе стремится къ быстрому восстановленію.

Вообще электрическія грозы заключаютъ въ себѣ много таинственнаго.

Какъ объяснить, напр., молнію въ видѣ четокъ, которую пришлось *Планте* наблюдать 18 августа 1876 г. на высотахъ Медона надъ Парижемъ?

Громадное облако, закрывавшее небо произвело вначалѣ,—говорить Плате,—цѣлый рядъ молній разнообразной длины и формы. Молніи эти, въ общемъ, какъ бы были составлены изъ блестящихъ точекъ, похожихъ на огненные бороздки, проводимыя по влажной поверхности электрическимъ токомъ высокаго напряженія.



Фотографія молніи. Рис. 33.

Но самая интересная изъ нихъ была молнія, ударившая въ землю описавъ изогнутую линію въ видѣ французской буквы S. Линія эта, видимая довольно долгое время, представляла собою какъ бы четки изъ блестящихъ зеренъ, нанизанныхъ на очень тонкую блестящую нитку. Этотъ родъ молніи представляетъ явленіе, составляющее пере-

ходъ отъ обыкновенной формы молніи, извилистой или прямолинейной, къ шаровидной. Легко понять, что, если на пути молніи встрѣчается болѣе сильное напряженіе электричества, то зерна могутъ пріобрѣсти довольно большой объемъ и дать начало шарамъ, видимымъ въ продолженіе нѣкотораго времени.

Молніи эти могутъ составить третій классъ подъ названіемъ *молній въ видѣ четокъ*.

Искры, получаемыя въ лабораторіяхъ, рѣдко бываютъ длиннѣе 50 сантим., грозовыя искры достигаютъ иногда до 17.000 метр., т. е. бываютъ въ 34.000 раза длиннѣе нашихъ.

Араго собралъ нѣкоторое число наблюденій надъ длиною молній.

Наблюдатели.	Года.	Длина.	Мѣстность.
De l' Isle	1712	13.143	По
»	»	13.817	»
»	»	15.166	»
(D' Abbadie) Абадъ.	»	6.700	Абиссинія
(Petit) Пети	»	17.000	Тулузъ.
Вейссембергъ	1839.	8.680	

Было бы интересно измѣрить длину самыхъ маленькихъ искръ... Когда гроза разражается между двумя облаками или между землею и облакомъ, между появленіемъ молніи и грома проходитъ нѣкоторый промежутокъ времени. Промежутокъ этотъ сильно мѣняется, начиная съ 0 до 72 секундъ; принявъ быстроту звука равной 330 метровъ, это будетъ соответствовать разстоянію отъ 0 до 24.000 метровъ.

Когда молнія разражается на большой высотѣ, то обыкновенно она пріобрѣтаетъ фіолетовый цвѣтъ, сходный съ цвѣтомъ разрядовъ въ гейслеровыхъ трубкахъ. Вообще же молніи бываютъ различныхъ цвѣтовъ: голубыя, красныя, пурпуровыя. Мы говорили уже, что ни воздухъ, ни облака не бываютъ никогда вполне однородными, отъ этого условія и зависятъ раскаты грома.

Облачныя массы являются препятствіемъ звуковымъ волнамъ и, отсылаютъ звукъ съ различной силой, смотря по своему составу и разстоянію. Кто не замѣчалъ, что иногда громъ, повидимому окончившійся, возобновляется съ новой силой; явленіе это объяснено своимъ происхожденіемъ: отраженію звука какими-нибудь отдаленными громадными массами.

Подобно молніи, громъ продолжается то очень долго, то быстро кончается. Крайнія величины, собранныя мною, 4"—50". Слѣдовательно, звуковыя волны проходятъ разстоянія, колеблющіяся между 1.330 и 16.500 метр. Особенно сильныя и величественныя грозы бываютъ въ горахъ, среди ледниковъ. Эхо покрытыхъ снѣгомъ вершинъ отвѣчаетъ эху облаковъ, и за шумомъ грома нерѣдко раздается менѣе сильный, но болѣе ужасный шумъ обвала.

Звукъ пушки слышится на большее разстояніе, чѣмъ шумъ небеснаго грома: между тѣмъ какъ звукъ второго не простирается дальше 25 километровъ, звукъ первой слышенъ за 40 километровъ.

Когда молнія попадаетъ въ песчанистую почву, то образуетъ иногда въ ней трубки въ нѣсколько метровъ длиною, внутреннія стѣнки которыхъ стекловидны; это такъ-называемыя громовыя стрѣлы.

Послѣ удара грома слышится иногда сѣрный запахъ, который является вслѣдствіи измѣненія, которому подвергся кислородъ подъ вліяніемъ электрической искры, именно образуется озонъ (O³).

Но молнія имѣетъ еще другую очень странную способность, обнаруженную весьма недавно: она вызываетъ иногда образованіе такъ называемыхъ камней молніи (фульгуритъ) Г. Станиславъ Менье дѣлалъ анализъ этого вещества, собраннаго въ Лютьнѣ 28 іюля 1885 г. Этотъ фульгуритъ мягокъ, стеклообразенъ и однороденъ. Несмотря на то, что онъ былъ собранъ и съ кристаллическаго сланца и съ коры деревьевъ и съ другихъ предметовъ. Поэтому весьма вѣроятно, что это вещество свойственно молніи; при сжиганіи его, мы ощущаемъ запахъ резины и образуется много дыму.

Другой наблюдатель Г. Трекюль видѣлъ, какъ послѣ удара молніи съ неба упало странное вещество, повидимому похожее на какое-нибудь тяжелое тѣло; Трекюль предполагаетъ, что это былъ фульгуритъ; такъ что, по его мнѣнію, эти два факта наблюденія, его собственное и Гурдена, дополняютъ другъ друга. Трекюль видѣлъ паденіе вещества изъ темнаго облака, но не нашелъ его, Гурденъ собралъ это вещество, не зная точно его происхожденія.

Мы входимъ положительно въ область невѣроятнаго и чудеснаго, знакомясь съ необычайными фантазіями молніи, когда она опускается на землю.

Три приводимыя дальше наблюденія даютъ намъ представленіе о странностяхъ молніи.

1°. Въ 1838 году въ Vic sur Aisne во время сильной грозы трое солдатъ стали подъ защиту липы. Ударъ молніи убиваетъ ихъ всѣхъ троишь за разъ. Между тѣмъ они остаются стоять, какъ ни въ чемъ не бывало; одежда ихъ не тронута. Послѣ грозы прохожіе ихъ замѣчаютъ, заговариваютъ съ ними, но, не получая отвѣта, приближаются, дотрогиваются до нихъ, и они падаютъ въ видѣ кучи пепла.

2°. Однимъ изъ самыхъ любопытныхъ проявленій электричества былъ случай со священникомъ, убитымъ въ то время, какъ онъ ѣхалъ верхомъ. Животное продолжало свой путь и привезло домой своего мертваго хозяина, который продолжалъ, какъ живой, сидѣть въ сѣдлѣ; отъ мѣста удара до дому было двѣ мили разстоянія. (Будентъ).

3°. Въ журналахъ за мартъ 1867 г. описывается слѣдующій случай: Трое дѣтей укрылись подъ деревомъ. Блеснула молнія, ударила въ дерево и описала вокругъ него цѣлый рядъ круговъ. Дѣти, оглушенные не надолго, пришли въ себя, и на тѣлѣ одного изъ нихъ получился прекрасный отпечатокъ дерева, подъ которымъ укрывались дѣти. Отпечатокъ былъ такъ точенъ, что можно было легко различить всѣ вѣночки и листья (Фламмаріонъ).

Молнія можетъ иногда причинить смерть и не непосредственнымъ путемъ.

Иногда, человѣкъ и животныя подвергались смертельному сотрясенію, хотя и находились на значительномъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ ударила молнія. Явленіе это называется *ударъ съ отдачей*.

Перейдемъ теперь въ область бурь и сопровождающихъ ихъ явленій.

Мы знаемъ уже, что бури чаще всего суть спутники депрессій, если только онѣ не являются слѣдствіемъ мѣстной аномаліи. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онѣ бываютъ менѣе ужасными.

Наблюдая глѣтомъ за облаками, можно замѣтить какое-то притяженіе между ними: облака соединяются другъ съ другомъ, образуя малю-по-малу центръ бури. Я наблюдалъ это явленіе съ воздушнаго шара на высотѣ 3.000 метровъ надъ Шампань. Облака fracto-cumululus поднимаются и измѣняютъ свою форму: сначала изрѣзанные края,

округляются и образуютъ маленькіе *simulus*, которые затѣмъ увеличиваются въ объемѣ. Другіе присоединяются къ нимъ, какъ бы притягиваясь и образуютъ настоящій центръ бури тамъ, гдѣ за пятнадцать минутъ до того воздухъ былъ чистъ и ясенъ.

Это взаимопритяженіе облаковъ представляетъ очень интересное явленіе, и въ этомъ то вѣроятно надо искать причину беспорядочныхъ движеній иныхъ небольшихъ облаковъ во время, предшествующее бурѣ; движенія эти кажутся вполнѣ независимыми отъ какого бы то ни было вліянія вѣтра.

Электрическое напряженіе сильнѣе всего бываетъ внутри грозовыхъ тучъ, но большинство электрическихъ явленій совершается черезъ вліяніе на земной поверхности, за исключеніемъ молній конечно, о которыхъ мы уже говорили достаточно.

Весьма возможно, что есть явленія, свойственныя исключительно облакамъ, но человѣку не приходится наблюдать ихъ, и о нихъ мы ничего не знаемъ.

Впрочемъ одинъ знаменитый аэронавтъ Ж. Безансонъ рассказывалъ, что будучи застигнутъ грозой въ облакахъ, онъ былъ какъ бы втянутъ кверху какой-то невѣдомой силой; даже открывъ клапанъ онъ долгое время не могъ опуститься на землю.

Перейдемъ теперь къ двумъ очень интереснымъ проявленіямъ электричества.

1) Огни св. Эльма.

2) Шаровидная молнія.

Огни св. Эльма были извѣстны еще въ глубокой древности: Титъ Ливій, Юлій Цезарь и др. говорятъ о нихъ, какъ о хорошо извѣстномъ и обычномъ явленіи, даже какъ о благопріятной, хорошей примѣтѣ.

Объясненіе этого электрическаго явленія не сложно: это медленное проявленіе электричества, истеченіе безопасное, на концахъ громоотводовъ трубъ, мачтъ, крышъ, когда земное электричество притягивается небеснымъ.

Нѣтъ необходимости, чтобы состояніе атмосферы было грозовое въ точномъ смыслѣ этого слова; слѣдующее наблюденіе подтверждаетъ это. 8 іюня 1886 г., около 10 ч. вечера, въ Грауѣ (Штиріи) во время сильнаго дождя были видны огни св. Эльма, при чемъ не наблюдалось никакихъ грозовыхъ явленій, хотя гроза была всего за нѣсколько часовъ до того. Св. Эльмскій огонь имѣлъ форму остроконечнаго пламени и былъ виденъ въ продолженіе значительнаго времени надъ крестомъ церкви св. Маріи. Пламя было неподвижно, красноватаго цвѣта, до 0, 50 вышины, по временамъ оно укорачивалось и затѣмъ исчезло внезапно. Св. Эльмскіе огни появляются часто на желѣзныхъ наконечникахъ палокъ путешественниковъ и туристовъ. Явленіе это чаще всего случается къ горахъ: знаменитые альпинисты—Соссюръ и проводникъ Куте наблюдали его.

Въ 1891 г., 28 февраля около 7 ч. вечера, одинъ изъ жителей Готше замѣтилъ свѣтъ, выходившій какъ бы изъ снѣга; но, взглянувъ внимательно, онъ убѣдился, что свѣтъ выходилъ изъ стального наконечника его палки. Поднявъ ее, онъ замѣтилъ на концѣ ея огонь, яркій блескъ и даже настоящія искры.

Иногда все тѣло человѣка, и въ особенности голова, свѣтятся и испускаютъ лучи свѣта.

Вторымъ явленіемъ электрическихъ грозъ въ сосѣдствѣ съ поверхностью земли будетъ молнія въ видѣ шара.

Въ продолженіе очень долгаго времени существованіе такой шарообразной молніи отрицалось учеными на томъ основаніи, что фактъ этотъ наблюдался деревенскими жителями, и предполагалось, что это былъ просто обманъ зрѣнія вслѣдствіе вліянія ослѣпительнаго блеска молніи на утомленную сѣтчатку глаза. И только нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ вполне установленъ фактъ существованія шарообразной молніи. Араго приводитъ очень любопытное наблюденіе, сдѣланное лицомъ вполне заслуживающимъ довѣріе, маринистомъ Батти, художникомъ императрицы Австрійской. Наблюденіе Батти такъ интересно и такъ характерно, что я привожу его цѣликомъ:

«Въ 1841 г., если я не ошибаюсь, въ іюнѣ мѣсяцѣ, я былъ въ Миланѣ и жилъ во второмъ этажѣ гостиницы l'Aguello, въ комнатѣ, выходившей окнами на Corso dei Servi. Время было послѣ полудня, около 6 ч., дождь лилъ ручьями, молніи ежеминутно освѣщали мрачныя комнаты. Время отъ времени раздавались сильнѣйшіе удары грома. Окна въ домахъ были заперты, улицы совершенно пустыняны, такъ какъ шелъ сильный дождь и по улицѣ стремились потоки воды. Я сидѣлъ спокойно, курилъ сигару и посматривалъ въ открытое у меня окно. Дождь, освѣщаемый мѣстами солнцемъ, походилъ на золотистыя нити; какъ вдругъ на улицѣ послышались голоса людей и дѣтей, говорившихъ: посмотрите, посмотрите! и въ ту же минуту я услышалъ топотъ тяжелыхъ сапогъ. Привыкнувъ за послѣдніе полчаса къ полнѣйшей тишинѣ, я невольно обратилъ вниманіе на шумъ; я бросился къ окну и, повернувъ голову въ сторону шума, т. е. направо, увидѣлъ огненный шаръ, двигавшійся посреди улицы на уровнѣ моего окна; направленіе его было не горизонтальное, но замѣтно наклонное. Восемь или десять человѣкъ продолжали кричать: *guarda! guarda!* не спуская глазъ съ метеора и слѣдуя за нимъ шагомъ. Метеоръ пропелъ спокойно мимо моего окна, я долженъ былъ повернуть голову назадъ, чтобы посмотреть, чѣмъ кончится его капризъ. Минуту спустя, боясь потерять его изъ виду за сосѣдними домами, я выбѣжалъ на улицу и успѣлъ просоединиться къ любопытнымъ, шедшимъ за нимъ. Метеоръ продолжалъ двигаться такъ же медленно, но былъ уже значительно выше, такъ какъ, я уже говорилъ, что онъ двигался по наклонной плоскости вверхъ; черезъ три минуты онъ натолкнулся на крестъ церкви del Servi и исчезъ. Исчезновеніе его сопровождалось глухимъ шумомъ, какъ бы выстрѣломъ пушки.

«Чтобы дать представленіе о величинѣ этого огненнаго шара и его цвѣтѣ, я могу сравнить его съ луною, когда она встаетъ надъ Альпами въ свѣтлую зимнюю ночь, какъ я видѣлъ ее иногда въ Инспрукѣ, т. е. желтокраснаго цвѣта, на которомъ выступаетъ нѣсколько темно-красныхъ пятенъ. Разница замѣчалась въ томъ, что у метеора контуры выступали не такъ рѣзко, не такъ ясно, какъ у луны; весь метеоръ казался какъ бы охваченнымъ блестящей атмосферой, границы которой не были точно обозначены».

Наблюденіе это заключаетъ въ себѣ почти всѣ свойственныя этимъ метеорамъ явленія: 1° медленное и независимое отъ направленія вѣтра движеніе; 2° огненный шаръ съ неясными контурами; 3° взрывъ.

Нѣкоторые наблюдатели видѣли огненные шары, исчезающіе безъ всякаго шума и взрыва; другіе—причинявшіе опустошенія и смерть животныхъ и людей, какъ это было около Парижа (1891 г. въ мѣстечкѣ Montfort l'Amaugri, гдѣ метеоромъ была убита лошадь). Но въ большинствѣ случаевъ дѣло происходитъ такъ, какъ описано у Батти.

Но электричество распространено въ атмосферѣ не только въ видѣ молніи, С. Эльмскихъ огней, шаровидной молніи, оно находится въ ней постоянно и подвергается измѣненіямъ, какъ температура и давленіе. Мы знаемъ, что источникомъ тепла является солнце, что барометрическое давленіе зависитъ отъ вѣса воздушной колонки, также необходимо знать, насколько, конечно, состояніе науки дозволить это, какіе главные источники электричества въ атмосферѣ.

Де-ла-Рива знаменитый физикъ, даетъ теорію, которая можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: изъ всѣхъ сдѣланныхъ наблюденій слѣдуетъ, что земля наэлектризована отрицательно и служить хорошимъ проводникомъ электричества. До сихъ поръ мы не знаемъ вполнѣ точно причины происхожденія этого электричества. Весьма возможно, что соприкосновеніе расплавленной массы и твердой оболочки служить одной изъ главныхъ причинъ. Съ другой стороны, на земной поверхности происходитъ постоянная работа—испареніе чистыхъ и грязныхъ водъ, т. е. насыщенныхъ солями или органическими остатками; испареніе это, повидимому, служить главнымъ источникомъ положительнаго электричества, существованіе котораго доказано молніями.

Знаменитые опыты *Пулье* доказали, что испареніе чистой или загрязненной воды служатъ источникомъ положительнаго электричества. Опыты эти производились и другими учеными; лучше всего они удались *Пальмери*.

Пальмери наполнилъ водою платиновую капсулу, поставилъ ее на доску электроскопа и произвелъ кипѣніе, сосредоточивъ на поверхности воды солнечные лучи съ помощью увеличительнаго стекла. Капсула оказалась наэлектризованной отрицательно, изъ чего слѣдуетъ, что водяные пары были наэлектризованы положительно.

При другомъ опытѣ онъ заставилъ воду кипѣть обыкновеннымъ способомъ и, проведя пары на платиновую капсулу, нашелъ, что эта послѣдняя заряжена положительно. Опыты эти казались убѣдительными; но новыя изслѣдованія *Вэка* и *Каллизера* доказываютъ, что для того, чтобы и опытъ удался, необходимо, чтобы вода непременно кипѣла и, что, слѣдовательно, весьма вѣроятно, — электричество происходитъ отъ тренія частицъ воды о частицы воздуха.

Изъ всѣхъ этихъ опытовъ слѣдуетъ одинъ только ясный выводъ—что атмосферное электричество имѣетъ множество производящихъ его причинъ.

Въ послѣднее время изобрѣли остроумный приборъ для измѣренія электрическаго напряженія въ атмосферѣ.

Въ обсерваторіи Монсури уже въ продолженіе многихъ лѣтъ идутъ попытки установить электрическую среднюю за день. Можно замѣтить, что колебанія электрическаго напряженія очень значительны и не имѣютъ никакого отношенія къ ходу температуры.

Минимумъ приходится въ 3 часа дня, и максимумъ въ 9 ч. вечера. Вотъ двѣ крайнія точки,—кривая заключается между 304 и 185.

Кривая за годъ представляется болѣе правильной и, по крайней мѣрѣ для Парижа, совершенно обратна съ температурной кривой. Съ перваго взгляда казалось бы, что электрическое напряженіе въ атмосферѣ должно быть сильнѣе всего въ лѣтніе мѣсяцы, въ періодъ грозъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ это не такъ, а какъ разъ наоборотъ.

Наблюденія эти, еще очень первобытныя, представляютъ большой интересъ и весьма возможно, что въ недалекомъ будущемъ разрабо-

таются электрическія среднія такія же точныя и основанныя на долго-временныхъ наблюденіяхъ, какъ это существуетъ для термометрическихъ.

Атмосферное электричество измѣняется не только по времени дня и года, но и въ зависимости отъ высоты мѣста.

Въ безоблачный день электричество всегда положительное. Напряжение его ничтожно почти на разстояніи 1 метра отъ поверхности земли, но выше оно увеличивается. Безъ сомнѣнія, дойдя до известной высоты, пока еще не определенной, но которая, навѣрное, не отстоитъ далеко отъ полюса сѣвернаго сіянія, мы встрѣтимъ тахімшм напряжения, выше же напряжение электричества снова будетъ уменьшаться. Здѣсь мы находимся пока вполне въ области гипотезъ, и каждое точное наблюденіе важнѣе вѣтъ нашихъ предположеній.

Пальмери, который спеціально занимался этимъ вопросомъ, нашелъ, что тамъ, гдѣ идетъ дождь—образуется положительное электричество, окруженное болѣе или менѣе обширнымъ поясомъ отрицательнаго электричества, за которымъ слѣдуетъ другой поясъ положительный, медленно уменьшающійся до нѣкотораго разстоянія.

Такимъ образомъ мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ концентрическихъ круговъ, то положительныхъ, то отрицательныхъ, которые идутъ, сжимаясь все болѣе и болѣе до мѣста дождя. Не напоминаетъ ли это бурю, во время которой изобары направляются къ центру наибольшаго давленія? Кто знаетъ, нѣтъ ли общей связи между этими двумя силами—электричествомъ и атмосфернымъ давленіемъ?

Каждый дождь служитъ источникомъ электричества или благодаря тренію, или сжиманію; когда же электричество, не въ состоянію быстро разсѣяться въ окружающемъ воздухѣ, то разряжается въ видѣ молніи.

Изъ всего сказаннаго видно, сколько надо условій для образованія атмосфернаго электричества. Дѣятель этотъ, почти совсѣмъ неизвѣстный сто пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, становится мало-по-малу достояніемъ науки, которая изучаетъ его колебанія даже и въ такихъ областяхъ, гдѣ и существованія его не предполагалось. Явленія, описанныя въ этой главѣ правда довольно коротко, дали возможность заглянуть въ тайны атмосфернаго электричества; но пройдетъ еще много вѣковъ пока наука съумѣетъ открыть и разяснить всѣ необычныя странности и чудеса атмосфернаго электричества.

ГЛАВА VIII.

Магнетизмъ.—Компасъ.—Магнитный свѣтъ.—Сѣверныя и южныя сіянія.

Электричество распространено не только вокругъ нашей земли въ атмосферѣ, но и внутри земного шара. Такъ напр., если бы вздумали нарисовать поперечный разрѣзъ атмосферы съ точки зрѣнія напряжения электричества, то тахімшм вѣроятно оказался бы на извѣстныхъ высотѣхъ надъ поверхностью земли; равно какъ если бы мы добрались до внутренности земного шара, то и здѣсь нашли бы тахімшм напряжения на извѣстной глубинѣ. Проявленія электричества могутъ быть раздѣлены на два главныхъ класса: 1—видимыя явленія; 2—явленія невидимыя, но оказывающія вліяніе на приборы.

Къ первому классу относятся С. Эльмскіе огни, шаровидная молнія, молніи и сѣверное сіяніе.

Ко второму классу относятся колебанія электрическаго напряженія въ воздухѣ, магнитныя возмущенія и годовыя колебанія отклоненія и склоненія магнитной стрѣлки.

Однимъ словомъ, существуетъ видимое и невидимое электричество, какъ существуютъ видимыя и невидимыя водяныя пары. Магнитная сила, дѣйствующая на намагниченную стрѣлку, проявляетъ свое таинственное вліяніе во всѣхъ мѣстахъ земного шара: и на горахъ, и на морѣ, и въ глубинѣ самыхъ глубокихъ рудниковъ. Мѣстопробываніе ея въ самомъ земномъ шарѣ, который представляетъ изъ себя какъ бы огромный магнитъ; нейтральная линія этого магнита проходитъ недалеко отъ экватора, а полюсы вблизи полюсовъ земного шара. Магнитныя «жидкости» получили свое названіе отъ полюсовъ, гдѣ чувствуется ихъ большее напряженіе, такъ, различаютъ сѣверную и южную «жидкость». А такъ какъ «жидкости» одноименныя отталкиваются, а разноименныя притягиваются, то конецъ стрѣлки, направляющійся къ сѣверу земли, получилъ названіе *южнаго полюса*, а противоположный конецъ—*сѣвернаго*.

Въ магнетизмѣ, какъ и въ географіи, есть точно опредѣленный магнитный меридіанъ. Меридіанъ этотъ—вертикальная плоскость, проходящая черезъ линію, соединяющую полюсы намагниченной иголки, постановленной въ этомъ мѣстѣ и поддерживаемой горизонтально въ равновѣсіи на вертикальной оси. Линія эта не совпадаетъ точно съ земнымъ меридіаномъ и подвергается годовымъ измѣненіямъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ склоненіе ничтожно и стрѣлка наклоненія держится горизонтально. Мѣстности эти находятся то на 16° ниже, то 15° выше земного экватора. Приближаясь къ полюсамъ мы увидимъ, что стрѣлка приподымается и становится вертикально на 75° сѣверной широты и 72° южной широты. Магнитная энергія подвергается сильнымъ аномаліямъ, которыя зависятъ безъ сомнѣнія отъ особенныхъ свойствъ земной поверхности.

Помимо этихъ аномалій, еще точно не объясненныхъ, существуютъ *магнитныя бури*.

25 сентября 1841 года (говоритъ Лемстромъ) земной магнетизмъ подвергся необыкновенному возмущенію. Въ Гринвичѣ магнитная стрѣлка показывала сильныя уклоненія. Послѣ каждого скачка въ одномъ направленіи она останавливалась на нѣсколько секундъ, затѣмъ бросалась въ другую сторону. Въ Торонто, въ Америкѣ, на разстояніи 5.200 километровъ отъ Гринеля, на островѣ Св. Елены (1.200 кил. отъ Лондона и 9.000 отъ Торонто), на мысѣ Доброй Надежды и въ Индіи наблюдались одновременно съ этимъ сильныя магнитныя уклоненія. Буря охватила весь земной шаръ и причина, безъ сомнѣнія, была въ солнцѣ. Магнитныя бури извѣстны только благодаря специальнымъ инструментамъ. Замѣчено, что въ тѣ недѣли, когда солнце больше покрыто пятнами, когда магнитная стрѣлка начинаетъ сильнѣе беспокоиться, то и циклоны, и атмосферныя бури сильнѣе и многочисленнѣе.

Эта странная связь между дѣятельностью солнца и магнетизмомъ одно изъ самыхъ любопытныхъ и неожиданныхъ открытій.

Такъ какъ солнечныя пятна, главная причина магнитныхъ возмущеній, претерпѣваютъ значительныя измѣненія черезъ каждыя одиннадцать лѣтъ, неудивительно, что и магнитныя колебанія идутъ параллельно съ этими измѣненіями.

Солнечныя изверженія, равно какъ землетрясенія, и проявленіе вулка-

чической дѣятельности въ большей или меньшей степени тоже вліяютъ на магнитныя аномалии.

Для измѣренія склоненія и наклоненія существуютъ различные приборы, есть даже автоматическіе регистраторы.

Компасъ или буссоль склоненія состоитъ изъ горизонтальнаго циферблата, въ центрѣ котораго вертикальный стальной стержень. Очень легкая магнитная стрѣлка свободно двигается на агатовомъ каточкѣ по этому стержню. На циферблатѣ проведены два діаметра СЮ и ВЗ.

Чтобы найти склоненіе какого-нибудь мѣста съ помощью этого прибора, его ориентируютъ, т. е. ставятъ линію СЮ по плоскости меридіана. Уголъ, образуемый магнитной стрѣлкой съ этой линіей указываетъ на величину склоненія.

Компасъ служитъ также для отысканія меридіана какого-нибудь мѣста, если склоненіе его извѣстно.

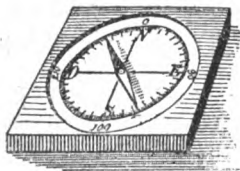


Рис. 34. Буссоль склоненія.

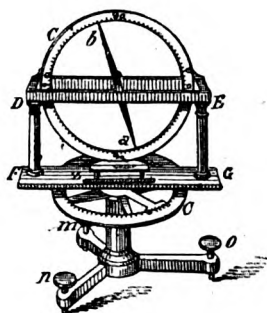


Рис. 35. Буссоль наклоненія.

Буссоль наклоненія состоитъ изъ вертикальнаго мѣднаго круга, раздѣленнаго на градусы; въ центрѣ круга помѣщается горизонтальная ось, поддерживающая стрѣлку въ центрѣ ея тяжести. И кругъ, и ось установлены въ подвижную рамку на горизонтальномъ кругу, тоже раздѣленномъ на градусы. На рамкѣ утвержденъ ватерпасъ для наблюденія за полнѣйшей горизонтальностью, для урегулированія которыхъ устроены три винта. Смотря по тому, гдѣ мы находимся—около полюса или около экватора—стрѣлка колеблется между 0° (горизонтально) и 90° (вертикально). Мы уже говорили, что магнитный экваторъ колеблется, приблизительно, между 16° сѣверной и южной широтъ земного экватора и что магнитные полюсы находятся одинъ около 75° сѣверной а другой 72° южной широты.

Склоненіе испытываетъ довольно быстрое вѣковое измѣненіе.

Прилагаемая табличка даетъ намъ цифровыя свѣдѣнія съ 1580 до 1878 г.

Года.	Склоненія.	Года.	Склоненія.
1580	$11^\circ 30' \text{ В.}$	1830	$27^\circ 10' \text{ З.}$
1618	8° В.	1850	$20^\circ 21' \text{ З.}$
1663	0	1855	$19^\circ 57' \text{ З.}$
1700	$8^\circ 10' \text{ З.}$	1860	$19^\circ 32' \text{ З.}$
1800	$22^\circ 05' \text{ З.}$	1865	$18^\circ 57' \text{ З.}$
1814	$22^\circ 34' \text{ З.}$	1870	17° З.

Такимъ образомъ зап. тахіумъ $22^{\circ}34'$. Съ 1580 по 1878 гг., т. е. въ продолженіе 298 л., стрѣлка прошла по кругу: $11^{\circ}30' + 20^{\circ}34' + 5^{\circ}34'$, или въ общемъ $39^{\circ}38'$ или $23^{\circ}78'$ или же, наконецъ, годовое колебаніе почти въ $7^{\circ}50''$.

Въ 1885 г. годовое измѣненіе въ Лиллѣ было— $7^{\circ}7'$; въ Парижѣ— $7^{\circ}4''$; въ Ниццѣ— $6^{\circ}5''$; на сѣверѣ оно сильнѣе, чѣмъ на югѣ.

Магнитная стрѣлка наклоненія, наблюденія надъ которой производятся съ 1670 года въ то время находилась на 75° . Въ 1878 г. она перешла только на $65^{\circ}30'$ и продолжаетъ подвигаться дальше. Годовое измѣненіе (1670—1678) = $2^{\circ}48''$ приблизительно. Весьма возможно впрочемъ, что удаляясь въ продолженіе вѣкотораго времени, она снова будетъ приближаться и колебанія ея будутъ сходны съ колебаніями стрѣлки склоненія, но только большаго періода.

Мы видѣли, что атмосферное электрическое напряженіе измѣняется въ продолженіе дня и года; то же самое бываетъ и съ склоненіемъ.

Махіумъ приходится на самое жаркое время дня—2 ч. пополудни. Средняя величина склоненія за день измѣняется довольно замѣтно; колебаніе достигаетъ $2'$.

Можетъ, колебаніе это болѣе устойчиво въ жаркое время года, это все, что можно сказать объ этой кривой, другихъ правильностей незамѣтно. Впрочемъ, всѣ эти вопросы не отличаются желательной точностью, такъ какъ строго научныя наблюденія ведутся очень еще недавно.

Въ странахъ полярныхъ, сѣверныхъ и южныхъ помимо сіяній на вершинахъ холмовъ, на деревьяхъ и въ воздухѣ замѣчаются магнитный свѣтъ. Въ воздухѣ присутствіе его открывается только съ помощью спектроскопа.

Очевидно, что въ полярныхъ странахъ, еще очень мало извѣстныхъ, происходитъ множество весьма странныхъ проявленій электричества; грозъ тамъ не бываетъ, слѣдовательно электричество должно раздражаться какимъ либо инымъ образомъ.

Среди всѣхъ проявленій магнитнаго свѣта на первомъ мѣстѣ стоитъ чудное зрѣлище извѣстное подъ именемъ сѣвернаго сіянія, которымъ мы и займемся.

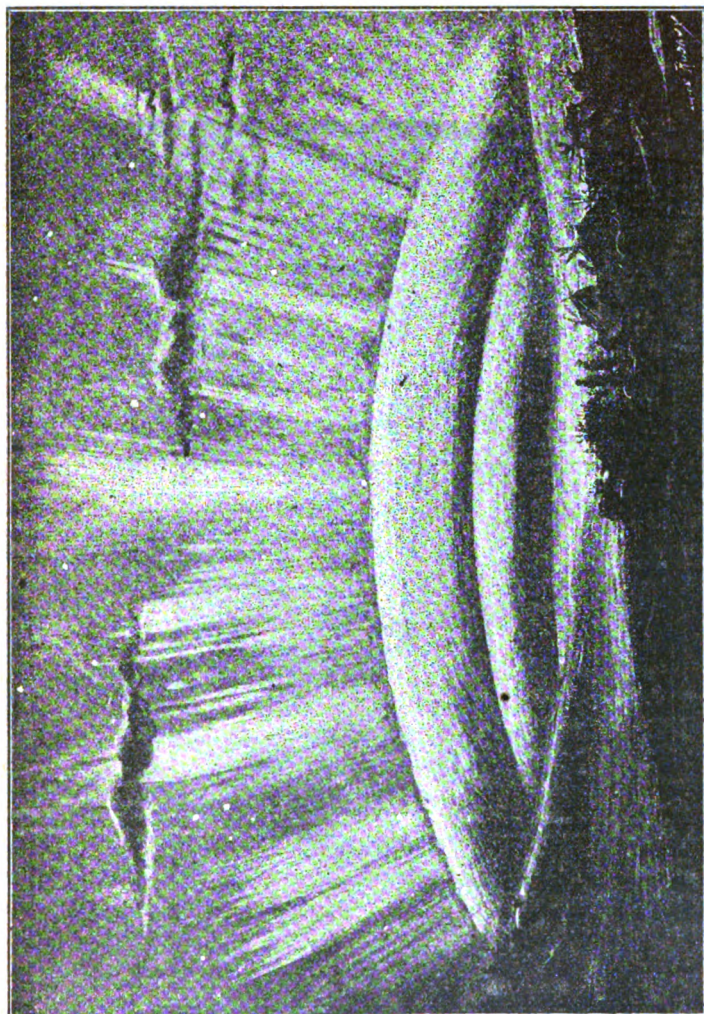
Прежде всего, на какомъ основаніи сѣверному сіянію приписывается электрическое происхожденіе? Вотъ три главныхъ основанія:

1° Токи, производимые сіяніемъ, оказываютъ вліяніе на магнитную стрѣлку.

2° Сходство съ электрическимъ свѣтомъ въ разряженномъ воздухѣ.

3° Спектральный анализъ, дающій спектръ по крайней мѣрѣ въ двѣнадцать полосъ, указывающій на присутствіе газа въ раскаленномъ состояніи. Только электричество даетъ удовлетворительный отвѣтъ. Знаменитый ученый, *Де-ла-Ривъ* (De la Rive) даетъ слѣдующее объясненіе, которое, не обладая большою научностью, имѣетъ преимущество простоты. Вслѣдствіе неравномернаго распредѣленія теплоты на земной поверхности, испареніе и электричество проявляются съ тахіумомъ напряженіе въ жаркомъ поясѣ; но явленія эти происходятъ повсюду, гдѣ только испаряется нечистая вода т. е. насыщенная солями. Развивающееся здѣсь электричество черезъ посредство паровъ проводится изъ земли, наэлектризованной положительно, въ высшіе слои атмосферы, затѣмъ вѣтрами электричество это относится къ полюсамъ, гдѣ разряжается полярными сіяніями. Этому способу разряженія благоприят-

ствуется постоянная влажность воздуха холодного пояса; влажный воздух, благодаря своей большей электропроводимости допускает медленное разряжение вмѣсто быстрого—молніи, которая произошла бы при сухомъ воздухѣ. Вотъ простое и остроумное объясненіе причины полярныхъ сіяній.



Сѣверное сіяніе. Рис. 36.

Между южнымъ и сѣвернымъ сіяніемъ нѣтъ существенной разницы и даже, по изслѣдованіямъ Араго, существуетъ связь между электрическими проявленіями на обоихъ полюсахъ.

Наблюдали множество полярныхъ сіяній, но не было ни разу двухъ совершенно одинаковыхъ. Они различаются между собою еще больше, чѣмъ облака, начиная съ самыхъ блѣдныхъ и кончая яркимъ заревомъ по всему небу.

Тѣмъ не менѣе, сдѣланы попытки ихъ классификаціи, заключающей слѣдующія категории:

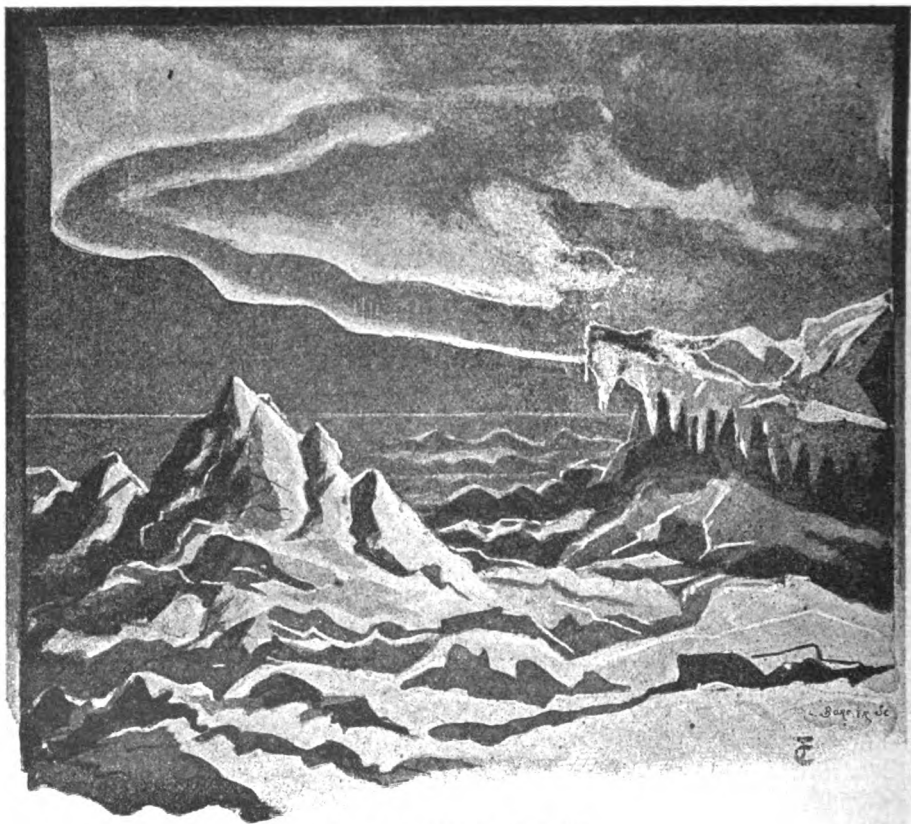
1°. Слабый свѣтъ, безъ строго опредѣленныхъ формъ;

2°. Болѣе сильный свѣтъ, расположенный пятнами на подобіе облаковъ:

3°. Хорошо видимыя арки изъ однородной блестящей массы; концы арокъ упираются въ края горизонта. Это настоящее полярное сіяніе.

Считаю нелишнимъ привести описаніе полярнаго сіянія, наблюдавшагося въ Парижѣ 24 октября 1870 г. извѣстнымъ астрономъ К. Фламариономъ.

«Въ эту памятную зиму я жилъ въ Пасси; въ день сѣвернаго сіянія, въ 6^{1/2} ч. вечера я замѣтилъ очень странный красный свѣтъ надъ Кассіопеей; я догадался въ чемъ дѣло и рѣшилъ отправиться въ Тро-



Сѣверное сіяніе. Рис. 37.

кадеро на совершенно открытое мѣсто. Когда я пришелъ туда, тамъ не было ни души; дулъ холодный сѣверный вѣтеръ. Красный свѣтъ все еще видѣлся на небѣ. Вскорѣ неопредѣленный бѣлый свѣтъ покрылъ сѣверную часть неба за исключеніемъ одного темнаго сегмента; мои предположенія подтверждались. Но мнѣ пришлось ждать еще полчаса до полнаго проявленія электрической энергіи.

«Явленіе началось въ 7^{1/2} ч. усиленіемъ бѣлаго свѣта, настолько интенсивнаго, что исчезли двѣ нижнія звѣзды Большой Медвѣдицы *B.* и *U.* Пять остальныхъ были видны несмотря на яркій свѣтъ, занимавшій четвертую часть неба. Красноватое облачко, перемѣнивъ мѣсто, было теперь надъ Андромедой. Вдругъ въ 7 ч. 40 м. до самаго зенита зажглись широкія полосы краснаго, волнующагося свѣта. Затѣмъ чу-

лесное зрѣлище открылось почти въ 50° надъ горизонтомъ и заняло треть неба: развернулась красная, муаровая, блестящая занавѣсь, шириною въ 20° , съ золотистыми переливами (по контрасту немного зеленоватыми) и въ продолженіе минуты остается неподвижной на безмолвномъ небѣ.

«Затѣмъ складки какъ бы колеблются и исчезаютъ. Въ центрѣ сіянія загорается пучокъ бѣлаго пламени; лучи его расходятся какъ серебряныя блестящія нити.

«Нѣсколько времени спустя, громадный красный снопъ свѣта вырывается слѣва и подымается до зенита. Послѣ этого верхъ неба остался освѣщеннымъ позже 8 час. какъ-бы заревоиъ отъ громаднаго бенгальскаго огня».

Сѣверныя сіянія находятся въ связи съ солнечными пятнами, а слѣдовательно и съ колебаніями и аномаліями магнитной стрѣлки.

Связь эта такъ твердо установлена, что когда на сѣверѣ разыгрывается полярное сіяніе, то ученые предупреждаются объ этомъ безпорядочными движеніями магнитной стрѣлки болѣе, чѣмъ за 2.000 километровъ.

Такъ, на примѣръ, 25 февраля 1894 г. полярное сіяніе наблюдалось и въ Сибири и въ Австріи. А въ то время, когда совершалось это явленіе, въ паркѣ С. Моръ магнитныя стрѣлки склоненія и наклоненія дѣлали странные скачки, предупреждавшіе тѣхъ, кто наблюдалъ приборы, что за тысячи километровъ отъ нихъ разыгрывается полярное сіяніе. Колебанія стрѣлокъ, достигшія въ этотъ день особенной интенсивности, находились въ связи съ присутствіемъ громаднаго пятна на солнцѣ, видимаго простымъ глазомъ. Пятно это было въ 80.000 кил. длиною, т. е. въ семь разъ больше діаметра земли.

Полярныя сіянія подвергаются годовымъ колебаніемъ въ числѣ, и безъ сомнѣнія интенсивности.

Два maximum'a выражены очень ясно — въ апрѣлѣ и сентябрѣ. Два minimum'a — въ декабрѣ и іюнѣ. Лѣтомъ и зимою, сіянія менѣе многочисленны, въ противоположность господствующему мнѣнію, что полярныя сіянія бывають чаще въ холодное время года.

Наблюденія эти присланы намъ изъ Нью-Йорка и весьма возможно, что въ Европѣ дѣло обстоитъ иначе.

Впрочемъ, весьма вѣроятно, что когда разыгрывается полярное сіяніе, оно бываетъ видно на огромномъ разстояніи.

Полярный свѣтъ, происходящій одинаково и днемъ и ночью, виденъ бываетъ только, когда солнце ушло за горизонтъ. Число сіяній колеблется въ продолженіе дня въ зависимости отъ времени. Оно увеличивается ночью съ 6 ч. до 11 ч. вечера, затѣмъ медленно уменьшается до 2 ч. утра, послѣ чего быстро падаетъ до 6 ч. утра. Иногда, когда полярное сіяніе появляется передъ очень темными облаками, его можно замѣтить и днемъ. Но это бываетъ очень рѣдко.

По мѣрѣ приближенія къ экватору, годовое число полярныхъ сіяній постепенно уменьшается.

Существуетъ поясъ maximum'a, но онъ не находится на самомъ полюсѣ, но колеблется между 66° и 75° для Европы и 55° и 62° для Америки. Затѣмъ число сіяній медленно убываетъ со стороны Атлантическаго океана и очень быстро со стороны Аляски, между Сѣв. Америкой и крайней западной точкой Азіи.

Въ южномъ полушаріи число наблюденій не такъ велико, чтобы можно было опредѣлить максимальный поясъ.

Говорятъ, что жители полярныхъ странъ слышатъ какой то шумъ во время сіяній, но этотъ фактъ еще не вполне установленъ.

Лемстромъ говоритъ: «что касается насъ, мы ни разу не слышали этого шума; но мы признаемъ, что въ различныхъ случаяхъ, когда мы присутствовали при этомъ зрѣлищѣ, какія-нибудь случайныя обстоятельства, какъ шумъ моря или вѣтра, не позволяли намъ вслушиваться въ другіе, слабые звуки.

«Такъ какъ причиной свѣта служитъ электрическій токъ, то мы можемъ разсматривать его, какъ цѣлый рядъ безконечно малыхъ искръ, перескакивающихъ изъ одной молекулы воздуха въ другую. Если воздухъ содержитъ маленькія ледяныя иглы, искры бываютъ больше, чѣмъ въ воздухѣ, насыщенномъ водяными парами, какъ при туманѣ, наприимѣръ.

«Какъ только что искры достигнутъ извѣстныхъ размѣровъ, то несомнѣнно произойдетъ шумъ, который долженъ быть слышенъ особенно при невысокой температурѣ воздуха. Следовательно, шумъ этотъ можно слышать».

Замѣтимъ только, что если полярное сіяніе происходитъ на высотѣ 150.000 метровъ (среднее число), какъ это признано, то, чтобы звукъ его достигъ до земли, необходимъ не легкій шумъ, а сильнѣйшій громъ, что едва ли вѣроятно. Громъ, сопровождающій молнію, не бываетъ слышенъ далѣе 25 килом. и то не въ высоту.

А такъ какъ средняя высота сіянія въ шесть разъ больше, то мы сомнѣваемся, чтобы звукъ его былъ бы слышенъ; если же и слышится таковой, то причина его должна быть иная — шелестъ, вѣтеръ въ листьяхъ и т. п.

К о н е ц ъ .

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1899 годъ
на ежедневную газету

ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

выходящую въ ОДЕССѢ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ
съ воскресными иллюстраціями въ текстъ.

Годъ изданія III-й.

Рисунки событій дня, портреты общественныхъ дѣятелей, копіи съ картинъ
извѣстн. художниковъ, виды мѣстностей и т. д.

Подписная цѣна на газету „ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

Въ Одессѣ съ дост. на домъ на годъ—6 р., на 6 мѣс.—3 р. 50., на 3 мѣс.—1 р. 80 к., на 1 мѣс.—60 к., На города (съ пересылкой) на годъ—8 р., на 6 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—2 р., на 1 мѣс.—80 к.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА.

Отдѣльные №№ продаются по 3 коп.

Требованія адресуются: Въ Одессу, въ главную контору газеты „Южное Обозрѣніе“, Гаванная ул., д. Михайловой.

1—1

Редакторъ-издатель А. В. Лазарисъ.

Годъ XVIII

1899 г.

Годъ XVIII

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

ПРІАЗОВСКАГО КРАЯ

„ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

Редакція «Таганрогскаго Вѣстника» ставитъ своей задачей разработку вопросовъ мѣстной, экономической и общественной жизни, отводя въ то же время мѣсто и интересамъ современной государственной и общественной жизни Россіи.

Газета выходитъ три раза въ недѣлю: по ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ, СРЕДАМЪ и ПЯТНИЦАМЪ, въ размѣрѣ полного листа, не исключая и дней послѣ праздничныхъ.

Подписная цѣна: Безъ доставки: на 12 мѣс.—6 р., на 11 мѣс.—5 р. 50 к., на 10 мѣс.—5 р. 25 к., на 9 мѣс.—4 р. 75 к., на 8 мѣс.—4 р. 50 к., на 7 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—3 р. 50 к., на 5 мѣс.—3 р., на 4 мѣс.—2 р. 75 к., на 3 мѣс.—2 р. 25 к., на 2 мѣс.—1 р. 50 к., на 1 мѣс.—75 к. Съ доставкой и пересылкой: на 12 мѣс.—7 р., на 11 мѣс.—6 р. 50 к., на 10 мѣс.—6 р., на 9 мѣс.—5 р. 50 к., на 8 мѣс.—5 р., на 7 мѣс.—4 р. 50 к., на 6 мѣс.—4 р., на 5 мѣс.—3 р. 50 к., на 4 мѣс.—3 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 2 мѣс.—1 р. 70 к., на 1 мѣс.—85 к.

Подписка принимается: въ Таганрогѣ въ конторѣ редакціи, Николаевская улица, д. № 5-й.

Тарифъ за объявленія. За строку петита или занимаемое ею мѣсто: на 1-й страницѣ: за 1-й разъ 20 к., за послѣдующіе—10 к.; на 4-й страницѣ: за 1-й разъ 10 к., за послѣдующіе—5 к.

Издатель М. А. Мироновъ.

1—1

Редакторъ М. И. Красновъ.

ИЗДАНИЯ РЕДАКЦІИ

ЖУРНАЛА

„ОБРАЗОВАНИЕ“

№ 1. Счастье. Популярныя очерки по нравственной философіи проф. К. Гильти. Перев. съ нѣмецк. *Александра Острогорскаго*. 4-е изданіе. Цѣна 50 к.

№ 2. Что такое нравственности? Проф. Т. Циллера. Перев. съ нѣмецк. *Александра Острогорскаго*. 2-е изданіе. Цѣна 50 к.

№ 3. Воображеніе и память. Ф. Кейра. Перев. съ франц. *Е. Максимовой*. 2-е изданіе. Цѣна 40 к.

№ 4. Очерки начальнаго образованія въ скандинавскихъ странахъ. *Е. Спринглюбской*. Цѣна 30 к.

№ 5. Аффективная память. Т. Рибо. Перев. съ франц. *Е. Максимовой*. Цѣна 25 коп. 2-е изд. (печатается).

№ 6. Этика и политическая экономія. Проф. Ф. Гюдла. Перев. съ нѣмецк. *Александра Острогорскаго*. 2-е изданіе. Цѣна 20 к.

№ 7. Внушеніе и воспитаніе. Ф. Тома. Перев. съ франц. *Е. Максимовой*. Ц. 40 к.

№ 8. Объ утомленіи глаза. Д-ра медицины Р. Кана. 2-е изданіе, съ 2 рис. въ текстѣ. Цѣна 20 к.

№ 9. Исторія первобытнаго человѣчества. *М. Гернеса*. Перев. съ нѣмецкаго, съ предисловіемъ и примѣч. *Н. Березина*, съ 45 рис. 2-е изданіе. Цѣна 50 к.

№ 10. Исторія человѣческой культуры. *Г. Гомеппера*. Перев. съ нѣмецкаго *М. Челнинской*. Цѣна 60 к.

№ 11. Чарльзъ Дарвинъ, его жизни и ученіе. Проф. Г. Гейфдингга. Перев. съ нѣмецкаго *М. Эмминой*. Цѣна 20 к. (съ портрет.).

№ 12. Очерки по философіи математики. *Ш. Фрейсина*. Перев. съ франц. *В. Обреимова*. Цѣна 60 к.

№ 13. Этюды по философіи наукъ. *А. Ланда*. Перев. съ французскаго. 2-е изданіе. Цѣна 75 к.

№ 14. Мозгъ и душа. Проф. Флексига. Перев. съ нѣмецк. съ табл. въ 7 красокъ. Цѣна 40 к.

№ 15. Гуманность въ исторіи человѣчества. *В. Штальберга*. Переводъ съ нѣмецкаго *Н. Леонтьевой*. Цѣна 80 к.

№ 16. Исторія политическихъ ученій. Проф. Ф. Поллоха. Перев. съ англ. *А. М. Гердъ*. Цѣна 50 к.

№ 17. Денежное обращеніе и его общественное значеніе. *М. Шиннеля*. Перев. съ нѣмецк. подъ редакц. и съ предисл. *Петра Струве*. Цѣна 50 к.

№ 18. О причинахъ явленій въ органическомъ мірѣ. *Томаса Гексли*. Перев. съ англ., съ биогр. очерк., *Н. Березина*. Портр. и 13 рис. Цѣна 60 к.

№ 19. Исторія французской литературы. XIX вѣк. Проф. Г. Лансона. Перев. съ франц. подъ редакц. *П. О. Морозова*. Ц. 1 р.

№ 20. XVIII вѣк. Пер. *П. О. Морозова*. Цѣна 1 р.

№ 21. XVII вѣк. Перев. *З. Венгеровой*. Цѣна 1 р.

№ 22. Статистика и наука объ обществѣ. *Н. Рейхсберга*. Переводъ съ нѣмецкаго *А. Струве*. Цѣна 50 к.

№ 23. Критика новѣйшихъ оценокъ морали. *Альфреда Фюлье*. Перев. съ франц. *О. Конради* и *Е. Максимовой*. Ц. 2 р.

№ 24. Очеркъ исторіи искусствъ. *М. Брекера* съ 46 рис. Перев. съ нѣмецк. *Н. Лемана*. Цѣна 1 р. 50 к.

№ 25. Очерки изъ исторіи нѣмецкой культуры. *П. Кампфмейера*. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. *Петра Струве*. Цѣна 60 к.

№ 26. Популярныя биологическія очерки. Проф. Спб. Универс. *В. Шимкевича*, съ 65 рис. и 4 портр. Цѣна 1 р. 25 к.

№ 27. Введеніе въ исторію социологіи. Проф. Вѣнскаго Универс. *Л. Гумпловича*. Перев. съ польскаго. Цѣна 40 к.

№ 28. Библіотека философовъ:

Вып. I. Гербертъ Спенсеръ. *Отто Гауна*. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. *А. Острогорскаго*, съ портр. Ц. 50 к.

Вып. II. Фридрихъ Ницше, какъ художникъ и мыслитель. Проф. *А. Рила*. Перев. съ нѣмецк. *З. Венгеровой*, съ портр. Цѣна 50 к.

Вып. III. Жакъ Жакъ Руссо и его философія. Проф. *Г. Гейфдингга*. Перев. съ нѣм. *Л. Давыдовой*. Цѣна 50 к.

Вып. IV. Иммануилъ Кантъ. Проф. *Ф. Паульсена*. Перев. *Н. Лоскаго*, съ портр. Цѣна 1 р.

Выписывающіе изъ редакціи (С.-Петербургъ, Загородный пр., д. 28) за перес. не платять. За наложенный платежъ не менѣе 10 к.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ журнала «Образованіе» (Спб., Загородный пр., 28) высылаетъ всѣ поступившія въ продажу книги и принимаетъ подписку на журналы и газеты.

—❧— ПЕРЕСЫЛКА ЗА СЧЕТЪ ПОКУПАТЕЛЯ. —❧—

лись въ міровую столицу разнообразнѣйшія произведенія природы и искусства. И Римъ все это поглощалъ, развивая до невѣроятныхъ предѣловъ свои потребности.

Роскошь, царившая тогда въ Римѣ, приняла поистинѣ изумительные размѣры. Предметы роскоши, драгоценныя украшенія, тонкія вина и т. п., пріобрѣтались римскими вельможами за баснословныя цѣны. Лукуллъ тратилъ на одинъ ужинъ по 50.000 динаріевъ (40.000 франковъ). Цезарь преподнесъ Сервиліи, матери Брута, жемчужину, купленную за 6.000.000 сестерцій, т. е. 1.200.000 франковъ.

IV. Промышленность въ Римѣ.

Говоря о торговлѣ въ Римѣ, мы не упомянули до сихъ поръ объ одной изъ очень важныхъ ея отраслей—о торговлѣ рабами. Обширныя завоеванія римлянъ бросали иногда на римскіе базары чуть не цѣлыя народности, захваченныя вѣдлѣннѣ побѣдителями. Этотъ живой товаръ скоплялся порой въ Римѣ въ такомъ изобиліи, что цѣны на него падали до смѣшного. Плутархъ рассказываетъ, что въ лагерѣ Лукулла плѣнныхъ продавали по четыре драхмы ($3\frac{1}{2}$ франка) за человѣка.

Семьи римскихъ патриціевъ владѣли цѣлыми стадами рабовъ. Если припомнить въ то же время, что всякій трудъ, кромѣ земледѣльческаго, считался въ Римѣ позорнымъ, то станетъ само собою понятно, что всѣ ремесла должны были исполняться руками рабовъ. Все, въ чемъ нуждалась для жизни семья патриція, производилось его рабами. Они строили его домъ, дѣлали его мебель и утварь, ткали и шили его одежды и т. д. Даже драгоценныя украшенія выдѣлывались первоначально искусными мастерами изъ рабовъ. Патрицій гордился тѣмъ, что все необходимое для его семьи готовится въ его же домѣ.

Но мало-по-малу, съ увеличеніемъ числа рабовъ, патриціи стали все чаще и чаще отпускать часть своихъ рабовъ на волю, и въ Римѣ образовался многочисленный классъ вольноотпущенниковъ, слившійся съ свободнорожденными, но неимущими пролетаріями. Нѣкоторые изъ нихъ остались кліентами своихъ бывшихъ господъ или пользовались даровой раздачей хлѣба, но большинство должно было кормиться своимъ трудомъ.

Конкурируя съ рабами, которыхъ ихъ господа тоже сплошь и рядомъ заставляли работать на продажу, эти пролетаріи занимались разными ремеслами и искусствами.

Они образовали между собой родъ союзовъ или коллегій съ цѣлью оказывать взаимно нѣкоторую поддержку.

По мѣрѣ роста императорской власти такое положеніе вещей стало постепенно измѣняться. Войны, столько времени кормившія шутя населеніе, стали происходить все рѣже и рѣже. Въ то же время трудъ пересталъ считаться унижительнымъ; императоры взяли его, напротивъ,

подъ свое покровительство, дали ему разныя льготы и привилегіи, и подчинили его государству. Въ концѣ концовъ работа превратилась въ государственную службу; были организованы государственныя мастерскія, рабочіе стали чиновниками и государство безъ колебаній брало рабочихъ изъ маленькихъ свободныхъ мастерскихъ и опредѣляло ихъ на свою службу. Такимъ путемъ соціальный вопросъ былъ разрѣшенъ, хотя самымъ худшимъ способомъ—сверху.

V. Кредитъ и проценты.

Въ первый періодъ римской исторіи займы были обставлены самыми тяжелыми условіями. Постановленія законовъ Двѣнадцати Таблицъ относительно этого поражаютъ своей жестокостью. Если по истеченіи мѣсяца послѣ срока ссуды должникъ не выплатитъ своего долга полностью, онъ отдается всецѣло во власть кредитора, и тогда «пустъ кредиторъ свяжетъ его ремнями или закуетъ ноги его въ цѣпи не тяжѣе пятнадцати фунтовъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, если желаютъ, чтобы онъ самъ себя прокармливалъ, если же нѣтъ, пусть кредиторъ даетъ ему не менѣе одного фунта муки въ день. На третій день базара, пусть они (кредиторы) раздѣляютъ его на куски; если они отрѣжутъ болѣе или менѣе крупныя части, въ этомъ не будетъ ничего дурного» *). Кроме того, законъ двѣнадцати таблицъ давалъ право кредитору обращать въ рабство должника или продавать его за предѣлами Рима. Это послѣднее ограниченіе вызывалось тѣмъ, что въ границахъ римскаго государства ни одинъ свободный римлянинъ не могъ быть проданъ.

Ссуды выдавались обыкновенно подъ залогъ скота, рабовъ, земли и т. п. и до покрытія долга взятые подъ залогъ предметы считались собственностью кредитора. Позднѣе, они перестали считаться его собственностью, а только находились въ его временномъ пользованіи; только въ случаѣ не уплаты долга въ срокъ, они удерживались окончательно кредиторомъ.

Законный максимумъ процентовъ былъ установленъ децемвирами въ 12 годовыхъ процентовъ. Но на дѣлѣ этотъ максимумъ никогда не соблюдался и доходилъ иногда до 24, 48 и даже 50 годовыхъ процентовъ.

Всѣ виды финансовыхъ операцій, о которыхъ намъ приходилось упоминать, говоря о Греціи, были извѣстны и въ Римѣ. Особенно славились различными спекуляціями на мошеннической подкладкѣ римскіе

*) Жестокость этого закона не должна изумлять читателя, если принять во вниманіе время, когда онъ примѣнялся. Стоитъ только припомнить, что у насъ по уложенію [Алексѣя Михайловича кредиторъ имѣлъ право ставить должника на правожъ, т. е. выводить на базаръ и бить палками, пока какая-нибудь добрая душа не сжадется надъ нимъ и не выкупитъ его; если же доброй души не оказывалось, то его заколачивали на смерть.

всадники. Титъ Ливій описувае цѣлую организацію, устроенную однимъ откупщикомъ Постуміемъ, съ цѣлю потопленія кораблей, заложенныхъ за высокія суммы.

VI. Деньги.

При такомъ развитіи финансовой жизни деньги естественнымъ образомъ играли важную роль въ Римѣ, и денежная система должна была достичь полной опредѣленности и единообразности.

Въ первое время существованія Рима роль единицы обмѣна играли тамъ скотъ. На это съ достаточной ясностью указываетъ самое происхожденіе римскихъ словъ capital (капиталъ) отъ caput—голова, голова скота, и pecunia (деньги) отъ pecus—скотъ.

Даже первыя металлическія деньги, появившіяся въ Римѣ, носятъ еще явные слѣды того, какія первобытныя денежныя единицы они собой замѣнили; на нихъ всегда почти находятся изображенія быковъ и овецъ. Эти первобытныя монеты чеканились изъ мѣди и имѣли опредѣленный вѣсъ въ сто граммовъ. Стоимость ихъ равнялась стоимости заключенной въ нихъ мѣди.

Послѣ покоренія Греціи въ Римъ проникла и серебряная монета — динарій. Сначала право чеканки монеты принадлежало всѣмъ свободнымъ римлянамъ. Каждый имѣлъ право превращать свои сокровища въ звонкую монету. Золотая монета встрѣчалась очень рѣдко въ республиканскій періодъ; только военачальники чеканили монеты изъ золота, чтобы платить жалованье войску.

Золото, приливавшее массами изъ покоренныхъ провинцій, хранилось въ слиткахъ въ государственной казнѣ, пока Цезарь не наложилъ на него руку для удовлетворенія своихъ возраставшихъ потребностей.

Императоры оставили за собой право чеканки монеты и только нѣкоторымъ провинціямъ и городамъ уступалось въ видѣ особой милости это право. Съ теченіемъ времени оно стало даваться все рѣже и все дороже оплачиваться, императоры поняли выгоду держать его исключительно въ своихъ рукахъ. Но по мѣрѣ роста потребностей императорскаго двора и это перестало удовлетворять императоровъ, и они превратились въ фальшивыхъ монетчиковъ. Ко времени Септимія Севера римская серебряная монета заключала въ себѣ только 50 и даже 40% того количества серебра, которое значилось по ея номинальной стоимости. Золотыя деньги тоже поддѣльвались, стали выпускать монеты изъ накладного серебра. Публика стала искать старыхъ республиканскихъ мѣдныхъ монетъ, но онѣ быстро исчезли изъ обращенія, и въ области финансовыхъ отношеній воцарилась величайшая смута.

Для развитія разнаго рода спекуляцій такое положеніе вещей было въ высшей степени благоприятно, и дѣйствительно банкиры въ это время приобрѣли громадное значеніе въ Римѣ. Чеки и векселя принимались

гораздо охотнѣе государственныхъ денегъ. Ростовщичество расло не по дилмъ, а по часамъ. Юстиніанъ пробовалъ ограничить доходы банкирскихъ домовъ, опредѣливъ максимумъ законныхъ процентовъ въ 8 годовыхъ; но, конечно, та ой законъ создалъ только еще больше многочисленные обходы его.

ГЛАВА XVIII.

Торговля въ варварской и средневѣковой Европѣ.

I. Иберы. — Европа въ до-римскую эпоху. — Дикіе иберы. — II. Скифы и славяне. — III. Германцы. — Ихъ превращеніе къ работѣ. — Торговля посредствомъ обмѣна. — Превращеніе къ благороднымъ металламъ. — Незнакомство съ ростовщичествомъ. — IV. Кельты и галлы. — Торговля бретанцевъ. — Слитки. — Права кредиторовъ Ирландіи. — Этнологія Галліи. — Торговля въ римской провинціи — Галліи. — V. Варварскій періодъ средневѣковья. — Торговое вліяніе иностранцевъ. — VI. Германское завоеваніе. — Организація трудовъ римской Галліи. — Введеніе германцами рабства. — Ихъ таможенные пошлины. — Германскія деньги. — VII. О деньгахъ. — Остатки прежняго въ денежной системѣ западной имперіи. — Золотая монета. — Деньги Людовика святого. — Флорентійскій золотой флоринъ. — Князья-фальшивые монетчики. — VIII. Ссуды и проценты. — Повышеніе размѣра процентовъ. — Храмовники и ихъ увлеченіе коммерческими дѣлами. — Ломбардскіе и флорентійскіе финансисты. — Евреи-ростовщики. — Средневѣковой антисемитизмъ. — Итальянскіе банки. — Векселя. — Ссуды подъ большіе проценты. — Трудъ и капиталъ. — IX. Гильдіи. — Цехи. — Ихъ организація. — Итальянскіе торговые города. — Фламандскія гильдіи. — Корпораціи. — Монополіи и запретительные законы. — Подчиненіе корпорацій королевской власти. — Законы Кольтера. — Ростъ мастерскихъ. — Красивая промышленность во Флоренціи. — Шелковая промышленность въ Испаніи.

I. И б е р ы.

Греція и Римъ достигли очень высокиxъ ступеней цивилизаціи и, конечно, цивилизація эта не погибла послѣ паденія обоихъ этихъ государствъ, она оказала громадное вліяніе на новыя государства, возникшія впоследствии въ западной Европѣ. Но вліяніе это сказалось значительно позднѣе. Современные имъ народы, населявшіе страны къ сѣверу отъ Италіи и Греціи, находились еще долгое время въ состояніи полнѣйшаго варварства; греко-римская цивилизація скользила по нимъ, почти не затрогивая ихъ.

Въ періодъ римскихъ завоеваній западную Европу населяли различные племена, отчасти слившіяся потомъ другъ съ другомъ, отчасти сохранившія свои характерныя особенности и до нашихъ дней. На крайнемъ западѣ, главнымъ образомъ на Пиринейскомъ полуостровѣ, жили различные иберійскія племена; среднюю Европу населяли галлы, кельты и германцы, а дальше на востокъ кочевали славяне и нѣкоторые монгольскія племена. До римскаго завоеванія большая часть иберійскихъ племенъ не вышли еще изъ состоянія самой первобытной

дикости; нѣкоторые ихъ обычаи напoминали даже краснокожихъ индѣйцевъ. Но этого никакъ нельзя сказать относительно всѣхъ вообще иберійцевъ. Тѣ изъ нихъ, которые входили въ сношенія съ финикійцами, а позднѣе съ римлянами, достигали значительно высшихъ ступеней культуры. Страбонъ рассказываетъ, что въ его время они занимались земледѣліемъ, выдѣлывали виноградныя вина, добывали каменную соль, разводили прекрасную породу овецъ, цѣнящуюся чрезвычайно высоко, и всѣми этими продуктами вели оживленную торговлю съ римлянами. Но главнымъ предметомъ обмѣна у иберійцевъ было золото. Въ пескѣ ихъ рѣкъ встрѣчалось прекрасное, чистое золото и они добывали его самыми первобытными способами, вырывая колодцы и промывая въ нихъ золотиносный песокъ. Относительно самой организаціи торговли у иберійцевъ до насъ дошло очень мало точныхъ свѣдѣній.

II. Скиѣ и славяне.

Еще менѣе опредѣленныхъ извѣстій имѣется у насъ относительно торговли у древнѣйшихъ славянъ. Данныя о бытѣ древнѣйшихъ славянъ, встрѣчающіяся у греческихъ и римскихъ авторовъ, крайне скудны и противорѣчивы.

Греки и римляне приходили очень рѣдко въ соприкосновеніе съ славянами, они встрѣчались съ ними только на Нижнемъ Дунаѣ и на сѣверныхъ побережьяхъ Чернаго моря. Притомъ въ Крыму они, кромѣ славянъ, встрѣчали также татарскія племена и всѣхъ ихъ смѣшивали подъ общимъ названіемъ скиѣовъ. Занимались эти скиѣы преимущественно охотой и скотоводствомъ, хотя мѣстами имъ было извѣстно и земледѣліе. Главнымъ предметомъ обмѣна съ греческими купцами служили у нихъ шкуры дикихъ звѣрей и, вѣроятно, эти же шкуры являлись первоначальнымъ денежнымъ знакомъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія имѣются только о познѣйшей исторической эпохѣ, когда русскіе славяне завязали самостоятельныя торговыя сношенія съ западными купцами черезъ Новгородъ Великій *).

III. Германцы.

О германцахъ древніе авторы сообщаютъ намъ значительно больше подробностей. По словамъ Тацита, въ его время германскія племена находились еще въ отношеніи торговли на самой первой ступени ея развитія. Они относились съ презрѣніемъ ко всякаго рода мирному труду и признавали войну единственнымъ занятіемъ, достойнымъ сво-

*) Для русскихъ читателей описаніе этого періода не представитъ интереса, тѣмъ болѣе, что въ него вкрались у автора нѣкоторыя неточности и ошибки. Поэтому мы опускаемъ конецъ этой главы.

боднаго челоуѣка. «Они считали позорнымъ покупать цѣною цѣла то, что могли пріобрѣсти цѣною крови; въ мирное время они предавались охотѣ, сну и безконечнымъ пирамъ; всякій имѣлъ тѣмъ больше права на бездѣлье, чѣмъ храбрѣе онъ себя выказалъ во время войны. Всѣ работы исполнялись рабами подѣ наблюдѣніемъ женщинъ, увѣчныхъ, стариковъ и небольшого числа вольноотпущенныхъ». Рабы воздѣлывали ихъ землю, пасли стада, строили жилища и приготовляли ихъ любимый напитокъ—пиво. Торговля ограничивалась очень рѣдкими случаями непосредственнаго обмѣна. Между собой имъ почти не приходилось прибѣгать къ обмѣну, такъ какъ частной собственности они не знали, все имущество было общее, а рабы добывались при военныхъ набѣгахъ на сосѣдей. Только пограничныя съ римлянами племена познакомились естественнымъ путемъ съ торговлей и стали цѣнить благородные металлы, которымъ остальные германцы не придавали никакого значенія.

IV. Кельты и галлы.

Гальскія и кельтическія племена стояли въ культурномъ отношеніи нѣсколько выше славянъ и германцевъ. Они раньше перешли къ осѣдлому быту и занимались земледѣлемъ. Наименѣе цивилизованную вѣтвь ихъ составляли кельты британскіе; но и имъ не была чужда торговля. Они продавали рабовъ, охотничьихъ собакъ прекрасной породы, скотъ, хлѣбъ, золото, серебро и желѣзо; мѣдь они получали изъ другихъ странъ. И мѣдь, и золото, и желѣзо въ слиткахъ играли у нихъ роль денежныхъ знаковъ.

У ирландскихъ кельтовъ роль мѣновой единицы игралъ, вѣроятно, скотъ. По крайней мѣрѣ намъ извѣстенъ существовавшій у нихъ обычай отдавать скотъ въ долгъ, какъ деньги, подѣ процентъ. Обыкновенно начальники небольшихъ племенъ давали своимъ подданнымъ небольшія стада срокомъ на семь лѣтъ. Весь приплодъ этихъ стадъ шелъ въ видѣ процентовъ собственнику; по приблизительному разсчету это составило бы на деньги около 33% ежегодно, такъ что въ семь лѣтъ кредиторъ получалъ болѣе 200% барыша, но зато первоначальное стадо дѣлалось уже по истеченіи срока собственностью должника.

Кельты, жившіе въ Галліи, особенно въ сѣверной вели совершенно такой же образъ жизни, какъ и британскіе кельты; у нихъ были громадныя стада скота и, кромѣ того, они сѣяли просо и занимались нѣкоторыми ремеслами, матеріи и ковры, которые они ткали, получили даже извѣстность среди сосѣднихъ народовъ.

Южная Галлія, составлявшая римскую провинцію, стояла, конечно, значительно выше сѣверной. Марсель познакомилъ ее съ промышленностью и торговлей еще до римскаго завоеванія. Въ 118 г. до Р. Х. она была окончательно присоединена къ Риму и съ тѣхъ поръ соста-

вляла равноправную часть римской имперіи. Она вела постоянную оживленную торговлю съ сѣверной Галліей и даже съ Британіей.

V. Торговля въ варварскій періодъ средневѣковья.

Первобытное населеніе Европы, принадлежавшее къ самой высшей по типу человѣческой расѣ, начинало въ отношеніи промышленности и торговли съ тѣхъ же самыхъ примитивныхъ приѣмовъ, какъ и цвѣтное населеніе Африки и Америки. Прежде чѣмъ на нихъ стали оказывать вліяніе болѣе цивилизованные народы—финикійцы, греки и римляне, они ни чѣмъ не отличались отъ чернокожихъ и краснокожихъ дикарей. Постепенно, знакомство съ этими цивилизованными народами вывело ихъ изъ состоянія варварства, они стали перенимать отъ нихъ нѣкоторые виды промышленности, заимствовали приѣмы земледѣлія и, наконецъ, освоились не только съ обмѣномъ, но и съ болѣе сложными способами торговли.

Кельты, которые ближе остальныхъ европейскихъ народовъ сталкивались съ римлянами, скорѣе всѣхъ продѣлали весь этотъ путь. Славяне, оставшіеся долгое время совершенно въ сторонѣ отъ постороннихъ вліяній, развивались значительно медленнѣе, но зато они въ большей степени сохранили свою самостоятельность и характерныя особенности своего типа.

Германцы, какъ и кельты, испытали на себѣ въ полной мѣрѣ вліяніе римской цивилизаціи, но только не въ качествѣ побѣжденныхъ, а въ качествѣ побѣдителей. Поэтому образовавшіяся на мѣстѣ римской имперіи новыя государства не явились точнымъ сколкомъ съ Рима, побѣдители наложили на нихъ все-таки хоть до нѣкоторой степени свой отпечатокъ.

VI. Германское завоеваніе.

Ко времени германскаго завоеванія промышленность и торговля въ Галліи были организованы совершенно по римскому типу. Въ ней были тѣ же государственныя мастерскія и тѣ же купеческія корпораціи, какъ и въ Римѣ. Государственный централизмъ былъ доведенъ до высшей степени. Интересы частныхъ людей и ихъ свобода были совершенно подавлены во имя государственныхъ интересовъ.

Германское завоеваніе нѣсколько измѣнило характеръ этой зависимости, но ни въ какомъ случаѣ не облегчило ея. Государственныя мастерскія исчезли, но рабочіе не получили свободы; они попали въ крѣпостную зависимость отъ землевладѣльцевъ, отъ монастырей и т. п. Организациія финансоваго управленія осталась римская. Товары были обложены всевозможными пошлинами. Кромѣ пограничныхъ таможенъ, страна была покрыта цѣлою сѣтью таможенъ внутреннихъ. Товары должны были уплачивать пошлины при въѣздѣ и при выѣздѣ изъ cadaго города, при переѣздѣ черезъ мосты и т. п. Германцы приба-

вили къ этимъ римскимъ пошлинамъ еще нѣсколько своихъ, такъ что торговля была поставлена въ очень затруднительныя условія.

VII. О деньгахъ.

Ознакомившись съ римскими деньгами, германскіе государи пожелали, конечно, присвоить себѣ право римскихъ императоровъ чеканить монету. Появленіе монетъ съ изображеніемъ королей-меровинговъ знаменуетъ собой несомнѣннымъ образомъ фактъ окончательнаго паденія западно-римской имперіи.

Первоначальныя средневѣковыя монеты носятъ на себѣ ясныя слѣды перехода отъ слитковъ благородныхъ металловъ: это были фунтъ золота, фунтъ серебра и опредѣленные по вѣсу части ихъ — су и динаріи. Разница была только въ томъ, что эти слитки носили изображеніе королей и ихъ не надобно было каждый разъ перевѣшивать. Мѣдные деньги, попадавшіеся иногда въ римской имперіи, въ средніе вѣка исчезаютъ совершенно, обращаются исключительно золотыя и серебряныя монеты. Изъ отдѣльныхъ монетъ, обращавшихся въ средніе вѣка, слѣдуетъ упомянуть ливръ (tournois), введенный Людовикомъ Святымъ, стоившій на современные деньги одинъ франкъ шесть сантимовъ, и золотыя динаріи, называвшіеся овцами или агнцами, такъ какъ на нихъ находилось изображеніе Божественнаго Агнца.

Большіе итальянскіе города сохранили за собой и послѣ паденія западно-римской имперіи право чеканки монеты. Вслѣдствіе этого въ западной Европѣ обращалось въ средніе вѣка множество различныхъ видовъ монетъ, что очень затрудняло торговля сдѣлки. Кромѣ разнообразія денежныхъ знаковъ, большой помѣхой для торговли служило обиліе фальшивыхъ денегъ. Кромѣ частныхъ лицъ, поддѣлкой монетъ по примѣру римскихъ императоровъ, стали заниматься и средневѣковые князья и короли. Эта поддѣлка денегъ принимала такіе размѣры, что въ концѣ концовъ самимъ государямъ приходилось бороться съ ней. Людовикъ Святой, выпуская новыя монеты, старался вернуть имъ прежнюю чистоту и преслѣдовалъ поддѣлку ихъ.

VIII. Ссуды и проценты.

Послѣ паденія западно-римской имперіи многіе мѣстные обычаи, заглушіе подъ нивелирующей властью Рима, вновь проявились и окрѣпли. Прежде всего воскресла подавленная Римомъ идея объ извѣстной солидарности всѣхъ членовъ одной общественной группы, городской или сельской общины, и т. п. Эта солидарность выражалась прежде всего взаимной круговой отвѣтственностью всѣхъ членовъ такой общины. Если какой-нибудь генуэзецъ давалъ ссуду пизанцу, и тотъ не уплачивалъ ему въ срокъ своего долга, генуэзская община снабжала кредитора полномочіями, по которымъ онъ могъ искать свой долгъ съ любого гражданина Пизы. Въ этомъ случаѣ пизанская об-

щина или понуждала неисправнаго должника возвратить долгъ, или раскладывала его между всѣми своими членами. Къ такимъ мѣрамъ прибѣгали не только частныя лица, но и государи; они налагали взысканіе на имущество цѣлаго города при неисправности какого-нибудь изъ его купцовъ.

Между тѣмъ случаи неисправной уплаты ссудъ происходили чрезвычайно часто въ средніе вѣка, что объясняется очень высокими процентами на ссуды. Уровень процентовъ въ разныхъ государствахъ и въ разное время сильно колебался, но, можно сказать, что въ обществѣ рѣдко спускался ниже 20% въ годъ, а иногда поднимался и до 40—45%.

Вслѣдствіе такой высоты процентовъ занятія всякими финансовыми операціями было очень выгодно и количество разнаго рода банковъ и конторъ росло съ каждымъ годомъ. Даже духовенство не чуждалось денежныхъ спекуляцій, не смотря на многократныя запрещенія этой дѣятельности папскимъ престоломъ. Цѣлый монашескій орденъ храмовниковъ прославился искусными финансовыми операціями. Онъ давалъ ссуды подъ проценты, занимался размѣномъ денегъ, страхованіемъ и т. п., умножая свои богатства, пока его главный должникъ Филиппъ Красивый не добился его уничтоженія въ 1311 г.

Въ средніе вѣка еще не было въ финансовыхъ дѣлахъ такой спеціализаціи, какъ въ настоящее время; обыкновенно всѣ виды денежныхъ операцій сосредоточивались въ однѣхъ рукахъ. Сѣверная Италія и главнымъ образомъ Ломбардія особенно славилась своими искусными дѣльцами. Банкиры-ломбардцы не довольствовались дѣятельностью у себя на родинѣ, ихъ конторы разсѣлились по всей Италіи и даже Франціи; въ каждомъ городѣ можно было найти Ломбардскую улицу, гдѣ группировались банкирскія конторы. Другіе итальянскіе города не отставали отъ Ломбардіи и въ каждомъ было нѣсколько домовъ, составившихъ себѣ крупныя состоянія разнаго рода спекуляціями.

Рядомъ съ ломбардцами въ отношеніи занятій финансовыми операціями стояли въ средніе вѣка евреи. По словамъ средневѣковыхъ авторовъ, евреи брали еще болѣе большой процентъ, чѣмъ остальные банкиры, и часто доводили до полнаго разоренія своихъ должниковъ. Отсюда происходили вспыхивавшіе постоянно еврейскіе безпорядки и преслѣдованія, которымъ подвергались евреи во всѣхъ почти государствахъ. Во многихъ мѣстахъ для противодѣйствія евреямъ стали возникать національныя банки; первый изъ такихъ банковъ былъ основанъ въ

Венеціи въ 1157 г. Почти всѣ типы финансовыхъ операцій, извѣстныя теперь, ведутъ свое начало отъ среднихъ вѣковъ. Векселя, чеки, акціи были распространены немногимъ менѣе, но особенно выгодной операціей считалось страхованіе ссуды подъ рискованныя предпріятія. Проценты на такого рода ссуды достигали иногда до 20 мѣсячныхъ т. е. 240% въ годъ, но, конечно, кредиторъ могъ зато при неблаго-

пріятныхъ обстоятельствахъ сразу потерять затраченный капиталъ. Очень большія преміи брали также банкирскія конторы, страхуя товары отъ всякаго рода несчастныхъ случаевъ.

IX. Промышленность и цехи.

Устройство цеховъ въ средніе вѣка послужило началомъ большого движенія, сказавшагося впоследствии въ городскихъ общинахъ. Римская имперія знала только рабочихъ непосредственно подчиненныхъ государству. Въ германскихъ государствахъ, возникшихъ непосредственно вслѣдъ за паденіемъ Рима, рабочіе почти повсемѣстно превратились въ крѣпостныхъ. Когда въ IX и X вѣкахъ случаи освобожденія крѣпостныхъ сдѣлались довольно многочисленны, вольноотпущенники стали соединяться въ союзы, чтобы сколько-нибудь защититься отъ притѣсненій; эти союзы съ теченіемъ времени превратились въ цехи. Цехъ до нѣкоторой степени ограждалъ своихъ членовъ.

Въ XIII вѣкѣ цехъ представлялъ общество ремесленниковъ, живущихъ въ одномъ городѣ и занимающихся однимъ ремесломъ. Общество имѣло свои законы, свои привилегіи, свои управленія и свои доходы; оно ограждало своихъ членовъ отъ феодальныхъ притѣсненій и отъ конкуренціи. Соединяясь, ремесленники присваивали себѣ исключительное право заниматься даннымъ мастерствомъ и устанавливали постоянное число мастеровъ. Въ каждомъ цехѣ были мастера, рабочіе и ученики, но число учениковъ было ограничено. Чтобы быть принятымъ, ученикъ долженъ былъ получить право работать и заключить съ однимъ изъ мастеровъ условіе работать на него въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ, обыкновенно отъ шести до десяти. Ученикъ жилъ у своего мастера и ѣлъ за его столомъ. Сдѣлавшись рабочимъ, онъ могъ работать, гдѣ ему угодно; число рабочихъ не было ограничено, но никто изъ нихъ не имѣлъ право покинуть своего хозяина, не окончивъ данную ему работу и не получивъ увольненія; притомъ онъ долженъ былъ предупредить мастера за три мѣсяца впередъ.

Чтобы стать самому мастеромъ, рабочій долженъ былъ представить свою лучшую работу (*chef-d'œuvre*). Послѣ этого только управленіе цеха могло ему дать званіе мастера. Но и тутъ еще не все кончалось; послѣ торжественнаго приѣма въ цехъ мастеръ долженъ получить подтвержденіе своего права отъ короля или отъ сеньера. Но зато послѣ этой сложной процедуры мастера становились въ привилегированное положеніе и въ своей сферѣ дѣлались, въ свою очередь, всемогущими деспотами. Они запрещали постороннимъ заниматься своимъ ремесломъ; строгими правилами они уравнивали положеніе мастеровъ и опредѣляли съ мелочной точностью достоинство производимыхъ товаровъ, чтобы устранить такимъ образомъ возможность конкуренціи.

Въ республиканскихъ городскихъ общинахъ Италіи цехи сдѣлались основой всего общественнаго строя; они взяли въ свои руки все городское управленіе.

Во Фландріи могущественные крупные цехи тоже захватили всю политическую власть, устранивъ болѣе мелкіе отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ.

Но въ то же время вездѣ, гдѣ существовалъ феодальный строй, цехи были подчинены сеньерамъ и ихъ уполномоченные вѣдали съ нихъ всякаго рода пошлыны, подати и штрафы. Они могли даже налагать запрещеніе на товары, арестовывать мастеровъ, закрывать ихъ лавки, а въ крайнемъ случаѣ уничтожать и самый цехъ. Всѣ эти стѣсненія стремились какъ бы уравновѣсить данныя цехамъ привилегіи. Съ своей стороны, цехи обставляли занятіе ремесломъ всевозможными стѣснительными условіями. Они опредѣляли до мельчайшихъ подробностей, какъ въ Китаѣ, качество, вѣсъ, объемъ, форму и способъ производства товаровъ. Въ Абевильѣ, наприимѣръ, всякая штука сукна, признанная правленіемъ цеха не сходной съ образцомъ, торжественно сжигались при звонѣ колоколовъ, а сдѣлавшій ее мастеръ изгонялся на одинъ годъ и одинъ день.

Когда королевская власть во Франціи подчинила себѣ феодальную аристократію, она стала дѣлать попытки распространить свое господство и на цехи. Карлъ VI уничтожилъ въ Парижѣ управляющихъ цехами и подчинилъ ихъ парижскому префекту; та же судьба постигла цехи Руана, Амьена и другихъ городовъ. Но подъ условіемъ полной покорности королевской власти, цехи сохраняли все-таки свою внутреннюю организацію и свои промышленныя привилегіи. Королевская власть сохраняла за собой право измѣнять постановленія цеховъ и часто она даже еще увеличивала ихъ тираническій надзоръ за производствомъ. Особенно много зла сдѣлалъ въ этомъ направленіи Кольберъ. Въ 1676 году этотъ министръ объявилъ правила для руанскихъ ткачей. По этимъ правиламъ мастера обязывались ткать матеріи опредѣленной ширины и длины и употреблять при этомъ опредѣленное количество нитокъ опредѣленнаго достоинства; всѣ мастерскія и лавки цеховъ подчинены были надзору правительственныхъ чиновниковъ, слѣдившихъ за исполненіемъ этихъ правилъ и привлекавшихъ къ отвѣтственности за малѣйшее отступленіе отъ нихъ. Постепенно и другіе цехи были подчинены такимъ же правиламъ. Въ то же время Генрихъ IV, а потомъ и его преемники, не смотря на протесты цеховъ, стали открывать въ Луврѣ свободныя мастерскія. Въ этихъ мастерскихъ подъ наблюденіемъ самихъ королей стали вводиться разныя новшества, которыя не допускались въ цехахъ.

При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ развивалась средневѣковая промышленность и росло количество цеховъ. При Людовикѣ Святомъ въ Парижѣ ихъ насчитывалось до 150. Во Франціи и Италіи особенно процвѣтало ткацкое ремесло, причѣмъ ткались главнымъ образомъ шерстяныя ткани, шелкъ же былъ сравнительно мало распространенъ въ средніе вѣка.

Глава XIII.

Торговля въ средніе вѣка и въ новое время.

I. Стѣсненіе торговли.—Правила, ордонамы и привилегіи.—Спеціализація цеховъ.—Нормировка цѣнъ и платы за трудъ.—Королевскіе ордонамы.—Сенъеріальныя пошлины.—Недостатки мореплаванія.—Пираты.—Монополія.—II. Расширеніе торговли въ средніе вѣка.—Торговая дѣятельность.—Ганза.—Хартія Іоанна Безземельнаго.—Свобода торговли въ Англіи.—Англіійскій протекціонизмъ.—Сильный ростъ промышленности.—Торговые города Італіи.—Перепроизводство.—Погоня за сбытомъ.—Рынки и торговые договоры итальянскихъ городовъ.—Франція.—Ярмарки и ихъ организація.—Морская торговля.—Охранныя грамоты.—Ганзейская лига и пираты.—Морское консульство.—Договоръ въ Висби.—III. Торговля въ новое время.—Могущество торговой аристократіи.—Истинныя причины Возрожденія.—Протекціонизмъ.—Кольбертизмъ.—IV. Морскія экспедиціи.—Прогрессъ въ мореплаваніи.—Руль и компасъ.—Морская астролябія.—Открытіе Америки.—Великіе мореплаватели.—V. Колоніи.—Жестокость европейцевъ-колонизаторовъ.—Мнѣніе Монтеня.—Захватъ колоній метрополіей.—Эксплуатація американскихъ индѣйцевъ.—VI. Крупныя компании.—Индійская компанія.—Жадность и деморализація.—Вліяніе денегъ.—Слѣдствіе открытія Америки.—Эксплуатація колоній.

I. Стѣсненіе торговли.

Средневѣковая промышленность не отдѣлялась еще отъ торговли; мастера являлись въ то же время и торговцами. Торговля была стѣснена не менѣе, чѣмъ промышленность. Внутренніе законы цеховъ и королевскіе указы регулировали продажу товаровъ точно такъ же, какъ и ихъ производство. Всякій цехъ имѣлъ свои привилегіи и очень дорожилъ ими. Было запрещено зазывать къ себѣ покупателей, отылекая ихъ отъ сосѣднихъ лавокъ. Одинъ цехъ не долженъ былъ ни подъ какимъ видомъ вторгаться въ область другого. Кузнецъ не имѣлъ права сдѣлать ключъ и мелочной торговецъ продать его, такъ какъ и то, и другое составляло право слесаря. Портной не могъ починить стараго платья, а лоскутникъ—сшить новое.

Иногда королевскій указъ отмѣнялъ эти стѣсненія и изобрѣталъ на ихъ мѣсто новыя. Такъ, король Іоаннъ издалъ въ 1351 г. ордонамы которыми устанавливались цѣны на всѣ товары и опредѣлялась плата за трудъ. Поденные рабочіе должны были получать содержаніе и шесть денье въ день. Пара сапогъ стоила четыре денье и т. д. Съ другой стороны тѣмъ же самымъ указомъ отмѣнялись нѣкоторыя привилегіи цеховъ. Число учениковъ не ограничивалось болѣе; работать имѣлъ право всякій при условіи, чтобы «работа его была хороша и одобрена экспертами, назначенными префектомъ». Иногородніе купцы имѣли право торговать въ городѣ безъ разрѣшенія цеховъ. Такого рода указы одновременно и освобождали и еще болѣе связывали и промышленность, и торговлю, и во всякомъ случаѣ вносили большую путаницу въ существовавшія отношенія.

Изъ одного города въ другой товары перевозились частью по рѣкамъ, частью по сухопутнымъ дорогамъ. И тѣ, и другіе не отличались удобствомъ и безопасностью. Съ одной стороны, на каждомъ шагѣ мѣстные сеньеры требовали уплаты всевозможныхъ пошлинъ, съ другой—угрожали разбойничьимъ нападеніямъ.

Для перевозки товаровъ купцы соединялись обыкновенно въ особые товарищества и путешествовали караванами. Такія дорожныя товарищества обращались къ сеньерамъ и баронамъ, черезъ земли которыхъ лежалъ ихъ путь, и, уплативъ всѣ слѣдующія пошлины, просили взаимнаго охраненія. Сеньеры назначали отъ себя вооруженную стражу для сопровожденія каравановъ, обязывались защищать отъ разбойниковъ и отъ всякихъ другихъ дорожныхъ случайностей. Такія вооруженныя свиты оказывались нелишними даже при проходѣ черезъ вольные города.

Моря даже и въ мирное время не могли считаться безопасными. Съ одной стороны мореплаваніе само по себѣ было сопряжено съ большимъ рискомъ, вслѣдствіе плохого состоянія кораблей, невѣжества моряковъ и полного незнакомства съ морскими теченіями. Съ другой стороны, морскіе разбои процвѣтали во всѣхъ европейскихъ моряхъ. На сѣверѣ—скандинавы, на югѣ—берберы занимались морскимъ разбоемъ, какъ ремесломъ. Англійскіе короли до XV вѣка не могли добиться покорности отъ своихъ пиратовъ. Всѣ рѣки въ сѣверной Франціи были устьяны разными подводными машинами для остановки кораблей норманнами.

Если кораблю удавалось избѣжать всѣхъ этихъ опасностей, ему предстояло еще множество стѣсненій въ портовыхъ городахъ, заручившихся всевозможными монополіями и привилегіями. Такъ, напримѣръ, граждане Руана получили въ 1150 г. хартію, предоставлявшую имъ всю ввозную и вывозную торговлю виномъ Франціи. Кромѣ того, ни одинъ корабль не могъ отправиться изъ Франціи въ Ирландію иначе какъ изъ Руана. Между Парижемъ и Руаномъ существовалъ родъ торговаго договора, по которому Сена признавалась путемъ, по которому имѣли право перевозить свои товары только парижскіе и руанскіе купцы; всякій посторонній корабль появившійся на Сенѣ, долженъ былъ быть немедленно остановленъ.

Такую же исключительность можно было встрѣтить и въ другихъ средневѣковыхъ городахъ. Такъ, въ Венеціи всякій мастеръ, завязавшій торговыя сношенія съ иностранными купцами, считался виновнымъ въ государственномъ преступленіи.

II. Развитіе торговли въ средніе вѣка.

Не смотря на всѣ стѣсненія, средневѣковая торговля развивалась очень широко. Особенно содѣйствовало ея развитію усиленіе и постепенное освобожденіе городскихъ общинъ. Они росли, дѣлались все

силѣе и независимѣе, добивались у королей и сеньеровъ необходимыхъ привилегій и заключали между собой оборонительные союзы. Самый значительный и могущественный изъ этихъ союзовъ былъ Ганзейскій союзъ, основанный въ XIII вѣкѣ Гамбургомъ, Бременомъ и Любекомъ.

Въ 1215 году Іоаннъ Безземельный издалъ великую хартію, по которой англійскіе купцы получили полную свободу. Они могли съ этихъ поръ безпошлинно торговать внутри своей страны, разѣзжать по ней куда угодно, покидать Англію и возвращаться въ нее, не испрашивая особаго разрѣшенія, и заводить торговые сношенія со всѣми странами. До тѣхъ поръ Англія была страной по преимуществу земледѣльской и пастушеской. Изъ всѣхъ видовъ промышленности въ ней раньше всего появилась ткацкая шерстяная, съ которою ее познакомили голландцы. Но вслѣдъ затѣмъ промышленность стала развиваться въ ней очень быстро и она вскорѣ опередила всѣ остальные европейскія страны, именно потому, что внутренняя торговля была тамъ совершенно свободна. Въ этомъ отношеніи одна Голландія стояла въ одинаковыхъ съ нею условіяхъ. Лондонъ сталъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ городовъ Европы и иноземные купцы стремились туда отовсюду. Но англійское купечество и крупные англійскіе промышленники, добившись для себя такихъ исключительныхъ привилегій, не желали, чтобы иностранцы пользовались въ своихъ видахъ выгодами свободной конкуренціи. По отношенію къ нимъ англичане являлись, наоборотъ, строгими протекціонистами. Иностранные товары были обложены высокими, почти запретительными пошлинами. Они добивались иногда прямого запрещенія ввоза нѣкоторыхъ товаровъ; такъ, Эдуардъ III запретилъ своимъ подданнымъ носить одежду изъ иностранныхъ матерій. Такая протекціонистская политика вызывалась тѣмъ обстоятельствомъ, что промышленность развивалась не въ одной только Англіи: во всѣхъ европейскихъ странахъ она начала расти очень быстро, и результатомъ этого часто являлось перепроизводство, товары не находили себѣ сбыта внутри страны, приходилось искать внѣшнихъ рынковъ. Въ этой торговой борьбѣ особенно дѣятельное участіе принимали на сѣверѣ Европы Англія и Голландія, на югѣ—Италія, хотя, конечно, и другія страны были также въ большей или меньшей степени втянуты въ нее.

Широкое движеніе крестовыхъ походовъ было въ значительной степени вызвано стремленіемъ открыть европейскимъ товарамъ свободный путь на Востокъ.

Наиболѣе дѣятельныя сношенія съ Востокомъ поддерживали крупные торговые города Италіи: Пиза, Венеція, Флоренція и Генуя. Вообще итальянскіе города умѣли очень искусно добиваться въ разныхъ странахъ правъ и привилегій для своихъ купцовъ. Венеція, напримеръ, торговала и съ Византіей, и съ Венгріей, и съ Арменіей, и

съ Германією, а кромѣ того, съ странами дальняго Востока—Индією, Китаємъ и т. п. Ея торговые корабли путешествовали по всѣмъ извѣстнымъ морямъ. Генуя мало отставала отъ нея въ этомъ отношеніи, у нея были постоянныя торговыя сношенія съ Константинополемъ, съ Сирією, съ Египтомъ. Мало того, генуэзскіе купцы купили небольшой участокъ земли у крымскихъ татаръ, основали въ Крыму свою факторію и вели дѣятельную торговлю съ Россією и черезъ нее съ средней Азією.

Флоренція и Пиза, съ своей стороны, мало въ чемъ уступали Венеціи и Генуѣ. До самаго открытія Америки, измѣнившаго направленіе міровой торговли, итальянскіе города росли и богатѣли, развивая все шире и шире свои торговыя и финансовыя операціи.

Франція въ средніе вѣка и въ торговомъ, и въ промышленномъ отношеніи развивалась довольно туго. На сѣверѣ ее подавляли Англія и Голландія, на югѣ Італія. Одинъ только Марсель поддерживалъ торговыя сношенія съ востокомъ, вообще же внѣшняя, наиболѣе выгодная торговля была развита слабо. Французскимъ купцамъ приходилось довольствоваться торговыми оборотами внутри страны, а они никогда не могли давать такихъ колоссальныхъ барышей. Внутренняя торговля въ средніе вѣка происходила преимущественно на ярмаркахъ, которыя стали устраиваться въ западной Европѣ вскорѣ послѣ паденія римской имперіи. Во Франціи особенно знаменитыя ярмарки происходили въ Тарасконѣ, Бокерѣ, Марселѣ, и Шампани. Онѣ сопровождались всегда большими празднествами и религіозными церемоніями. На время ярмарки въ этихъ городахъ организовывалось цѣлое специальное ярмарочное управленіе. Товары приливали туда со всѣхъ концовъ страны и крупные покупатели—сеньеры, монастыри, богатые горожане предпочитатели дѣлать всѣ свои закупки на ярмаркахъ.

Въ Германіи еще со времени Карла Великаго было основано нѣсколько большихъ ярмарокъ—въ Гамбургѣ, Магдебургѣ, Эрфуртѣ, Ахенѣ и т. п. Но все-таки крупныхъ коммерсантовъ мало привлекалъ этотъ родъ торговли, они предпочитали пускать свои капиталы въ болѣе выгодную внѣшнюю морскую торговлю. Конечно, эта торговля была сопряжена съ большимъ рискомъ, но съ теченіемъ времени рискъ этотъ все же уменьшался, а барышъ получался все такой же. Главная опасность морской торговли заключалась въ постоянныхъ нападеніяхъ пиратовъ всѣхъ національностей. Купцы старались оградить себя отъ нихъ путемъ охранныхъ грамотъ, которыя они доставали по возможности отъ всѣхъ приморскихъ странъ. Но грамоты эти помогали далеко не всегда, такъ какъ не всѣ пираты признавали надъ собою власть своихъ государей. Болѣе дѣйствительнымъ средствомъ борьбы съ ними являлось устройство союзовъ торговыхъ городовъ, вродѣ Ганзейскаго союза. Города, вошедшіе въ составъ Ганзы, заключили между собой договоръ, по которому ихъ союзный флотъ обязывался преслѣдовать всякій корабль, напавшій на одно изъ ихъ торговыхъ судовъ. Дѣй-

ствительно, ихъ сильный флотъ держалъ въ страхѣ пиратовъ тѣхъ морей, гдѣ плавали ганзейскіе корабли. Кромѣ того, мало-по-малу европейскія государства стали учреждать у себя по взаимному соглашенію должность морскихъ консуловъ; на ихъ обязанности лежало разбирать всѣ дѣла, возникающія при морской торговлѣ, и немедленно привлекать къ отвѣтственности своихъ подданныхъ, занимающихся морскимъ разбоемъ и нападающихъ на суда союзныхъ государствъ.

Положеніе матросовъ и другихъ служащихъ на корабляхъ тоже стало понемногу упорядочиваться. Раньше они находились въ полной безконтрольной зависимости судовладѣльцевъ и командировъ, но потомъ договоромъ въ Висби, принятымъ большинствомъ европейскихъ государствъ, имъ были даны нѣкоторыя права. Такъ, капитанамъ кораблей запрещено было пускаться въ плаваніе, не спросивъ предварительно согласія экипажа. Жалованье матросовъ тоже было опредѣлено закономъ и судовладѣльцы обязывались оказывать помощь матросамъ, пострадавшимъ на службѣ имъ. Въ общемъ правила для судорабочихъ напоминали нѣсколько позднѣйшіе уставы цеховъ.

III. Торговля въ новое время.

Границею среднихъ вѣковъ принято обыкновенно считать взятіе турками Константинополя (1453 г.), и дѣйствительно, въ этому времени въ жизни западной Европы произошли нѣкоторыя довольно существенныя измѣненія. Во-первыхъ, восточные рынки послѣ этого въ значительной степени закрылись, и европейскимъ товарамъ приходилось въ иныхъ мѣстахъ искать себѣ сбыта; во-вторыхъ, тысячи мастеровъ, художниковъ и писателей хлынули изъ Византіи на западъ и распространили въ Европѣ знакомство съ греческими произведеніями и идеями; наконецъ, въ-третьихъ, къ этому времени въ самой Европѣ уже подготовилась почва для нѣкоторыхъ перемѣнъ въ соціальной жизни. Городскія общины постепенно приобрѣли независимость, попутно съ этимъ сильно развилась и до нѣкоторой степени освободилась отъ средневѣковыхъ стѣсненій промышленность, расширилась и окрѣпла торговля, главнымъ образомъ, крупная морская торговля.

Переворотъ, начавшійся съ XV вѣка въ европейской жизни, былъ очень великъ, но никакъ нельзя сказать, чтобы средневѣковый духъ, весь, цѣликомъ внезапно умеръ отъ соприкосновенія съ древне-греческой цивилизаціей. Напротивъ, многія характерныя особенности средневѣковой жизни сохранили силу и жизненность вплоть до великой французской революціи, а нѣкоторыя даютъ себя чувствовать и до нашего времени. Протекціонизмъ, на которомъ создавалась и выросла средневѣковая промышленность и торговля, продолжалъ до революціи считаться неперемѣннымъ условіемъ промышленнаго роста страны. Въ сферѣ торговли соперничество между различными европейскими государствами все обострялось и каждое стремилось оградить себя, изо-

брѣтая новыя стѣсненія и ограниченія. Даже внутри государствъ шла таможенная война. Каждая французская провинція облагала всѣ товары особыми вывозными и ввозными пошлинами, и Кольберъ тщетно пытался установить по крайней мѣрѣ одинъ общій тарифъ. Только двѣнадцать провинцій приняли его предложеніе, остальные стояли на своемъ. Кольберъ, думавшій въ началѣ понизить пограничныя пошлины и высказывавшійся даже за свободу торговли, подпалъ въ концѣ концовъ подъ вліяніе общественнаго мнѣнія и довелъ протекціонизмъ во Франціи до крайности. Таможенная война съ Голландіей превратилась въ настоящую войну со всѣми ея обычными послѣдствіями.

Совокупность протекціонистскихъ мѣръ, введенныхъ Кольберомъ внутри страны и на границахъ, принято называть кольбертизмомъ; подъ этимъ названіемъ подразумѣвается слѣпой, мелочный и крайній протекціонизмъ; но въ сущности эта политика далеко не создана Кольберомъ, она является прямымъ наслѣдіемъ среднихъ вѣковъ, которое много пережило министра Людовика XIV, и въ наши дни еще не совсемъ сошла со сцены. Конечно, теперь не осмѣлились бы, какъ въ 1694 году, запретить употреблять для платьевъ пуговицы, обтянутыя шерстяной матеріей, и повелѣть употреблять исключительно шелковыя пуговицы, чтобы открыть сбытъ для національной шелковой промышленности. Но въ менѣе грубыхъ формахъ покровительственная система продолжаетъ примѣняться во многихъ государствахъ.

IV. Морскія экспедиціи.

Благодаря развитію протекціонизма, торговля между европейскими государствами все болѣе и болѣе затруднялась. А въ то же время подъ охраной того же протекціонизма промышленность даже въ отставшихъ странахъ развивалась очень быстро. Голландскія и итальянскія мануфактуры стали повсюду встрѣчать соперниковъ. Надо было сбывать куда-нибудь свои товары. А между тѣмъ торговля съ Востокомъ сильно затруднялась, турки мало-по-малу вытѣснили оттуда и венеціанцевъ, и генуэзцевъ. Приходилось искать новыхъ рынковъ, и это было вполне возможно. Далеко не весь земной шаръ былъ извѣстенъ европейцамъ къ концу среднихъ вѣковъ, и далекія морскія путешествія были почти невозможны благодаря несовершенству мореплаванія, и, главное, незнакомству съ рулемъ и компасомъ. Торговля суда предпочитали держаться вблизи берега, а среди моря ихъ единственнымъ путеводителемъ была полярная звѣзда. Но къ концу среднихъ вѣковъ эти неблагоприятныя условія стали мало-по-малу измѣняться. Прежде всего введенная итальянцами система страхованія отъ несчастныхъ случаевъ придавала въ значительной степени отважности мореплавателямъ, а попутно съ этимъ рядъ полезныхъ изобрѣтеній сдѣлалъ и въ дѣйствительности морскія путешествія менѣе рискованными. Отъ китайцевъ

европейцы заимствовали руль; отъ нихъ же, по всей вѣроятности, перешелъ и компасъ, который былъ извѣстенъ въ Европѣ еще съ начала XIII в., но сталъ употребляться только въ концѣ XIV в. Наконецъ, въ XV вѣкѣ была изобрѣтена *морская астролябія*, инструментъ очень несовершенный, но тѣмъ не менѣе дававшій возможность вычислять приблизительную широту мѣстности.

Всѣ эти изобрѣтенія дали возможность отважнымъ мореплавателямъ пуститься на изслѣдованіе новыхъ путей и открытіе новыхъ странъ. Въ 1492 г. Христофоръ Колумбъ вновь открылъ Америку, путь въ которую былъ забытъ европейцами со времени давнихъ путешествій скандинавовъ, посѣщавшихъ сѣверную Америку еще въ началѣ XI вѣка. За Колумбомъ послѣдовали другіе путешественники—Васко-де-Гама, Картье, Магелланъ; весь міръ былъ открытъ теперь европейскимъ товарамъ и предприимчивымъ искателямъ быстрой наживы. И въ духовной, и въ промышленной жизни Европы произошла цѣлая революція.

У. Колоніи.

Европейцы не замедлили воспользоваться новымъ поприщемъ, открывшимся для коммерческой дѣятельности. Въ Европѣ общность религіи, нравовъ, учрежденій являлась все-таки нѣкоторымъ тормазомъ для полнаго расцвѣта всякаго рода спекуляціи. Во вновь открытыхъ странахъ никакихъ такихъ препятствій не существовало. Объектами выгодныхъ коммерческихъ оборотовъ являлись по большей части дикари и во всякомъ случаѣ не христіане. Они были недостаточно цивилизованы и опыты, чтобы оградить себя отъ ловкихъ маневровъ завоевателей. Съ другой стороны, съ ними, какъ съ язычниками, нечего было особенно церемониться; даже церковь не осуждала никакихъ крутыхъ мѣръ по отношенію къ нимъ. Напротивъ, она склонна была поощрять приведеніе ихъ къ полной покорности, лишь бы попутно имѣлось въ виду обращеніе ихъ въ христіанскую вѣру. Въ результатъ этого является уже совершенно беззастѣнчивая эксплуатація туземцевъ вновь открытыхъ странъ, приводящая сплошь и рядомъ къ полному ихъ истребленію. Возмутительное поведеніе испанцевъ въ завоеванныхъ странахъ служитъ только яркимъ проявленіемъ той политики, какой придерживались всѣ, безъ исключенія, европейскія государства въ своихъ колоніяхъ.

При включеніи одной американской области въ число владѣній кастильской короны, донъ Алонзо Ойеда обращается къ туземцамъ съ воззваніемъ. Въ этомъ воззваніи онъ говоритъ, что Тріединый Богъ, творецъ неба и земли, вручилъ всѣ народы во власть папы, а папа, съ своей стороны, передалъ Америку во владѣніе кастильскаго короля Фердинанда и Изабеллы. Американскимъ туземцамъ остается только повиноваться; если они будутъ покорны, то и его величество кастильскій

король будетъ къ нимъ милостивъ. «Но,—продолжаетъ онъ дальше,—если вы будете коварно уклоняться отъ повиновенія, я съ помощію Христа ворвусь силою въ вашу землю, я поведу съ вами жестокую войну, и я покорю васъ власти церкви и короля. Я обращаю въ рабство вашихъ женъ и дѣтей, я буду продавать или поступлю съ ними иначе, согласно желанію моего государя. Я завладѣю вашимъ имуществомъ и буду причинять вамъ всякое зло, какъ мятежникамъ, возмущившимся противъ законной власти. И я предупреждаю, что пролитая кровь и всѣ послѣдующія бѣдствія падутъ на васъ, а не на его величество, не на меня и не на служащихъ подъ моимъ начальствомъ дворянъ».

Сложивъ съ себя посредствомъ подобныхъ заявленій всякую отвѣтственность, завоеватели считали свою совѣсть совершенно спокойной и поступали уже дальше, какъ подсказывала имъ жажда власти и наживы.

Единственнымъ принципомъ управленія колоніями была эксплуатація ихъ въ интересахъ метрополіи. Поэтому колоніямъ воспрещено было вести торговлю съ какимъ бы-то ни было государствомъ, кромѣ метрополіи. Имъ разрѣшались только нѣкоторые виды промышленности, другіе же безусловно воспрещались. Главное же вниманіе европейцы обращали на эксплуатацію естественныхъ богатствъ завоеванныхъ странъ и на эксплуатацію силъ мѣстнаго населенія. При этомъ завоеватели не проявляли не только гуманности, но даже простой расчетливости; они стремились тотчасъ же выжать всѣ соки изъ туземцевъ, не заботясь о томъ, что они быстро истощаются и гибнутъ и такимъ образомъ исчезаетъ самый объектъ эксплуатаціи.

Испанцы, а также и остальные европейцы-завоеватели заставляли туземцевъ обрабатывать землю, если она была плодородна, работать въ своихъ мастерскихъ, въ рудникахъ, наравнѣ съ каторжниками; не больше раза въ недѣлю ихъ выпускали на свободу къ ихъ семьямъ, давали имъ за это минимальную плату; а въ то же время европейскіе купцы продавали товары за неизмѣрно высокую цѣну. Въ Бразиліи, наприимѣръ, цѣны всѣхъ товаровъ были на 45% выше, чѣмъ въ Португаліи.

Конечно, при такой системѣ американскіе индѣйцы начали быстро вымирать и тогда на смѣну имъ явились другіе, тоже даровые работники—африканскіе негры. И такая разбойничья политика господствовала вездѣ до конца прошлаго вѣка, а мѣстами практикуется и въ наши дни.

VI. Крупныя компаніи.

Систему безпорядочной эксплуатаціи туземцевъ вольными охотниками, переселявшимися туда изъ метрополіи, смѣнила мало-по-малу система крупныхъ колоніальныхъ компаній. Теперь уже не было надобности ѣхать въ колонію, чтобы поживиться на счетъ ея жителей; можно было, спокойно сидя на родинѣ, пользоваться барышами отъ торговли съ

колоніей. Для этого надо было сдѣлаться акціонеромъ какой-нибудь крупной компаніи, которая уже брала на себя всѣ хлопоты по эксплуатаціи колоніи. За это она получала исключительныя привилегіи; помимо нея, никто не имѣлъ права вступать въ торговыя сношенія съ жителями даннаго района, отданнаго въ ея вѣдѣніе.

Сначала эти компаніи носили смѣшанный характеръ; онѣ организовались на средства нѣсколькихъ крупныхъ коммерсантовъ, но управляли ими правительственные чиновники. Потомъ онѣ приняли болѣе чистый видъ; онѣ составлялись и управлялись исключительно частными лицами, а правительство уступало имъ монопольное право торговли съ данною колоніей.

Первая изъ такихъ крупныхъ компаній была французская *компанія западной Индіи*, основанная въ 1664 году. Кольберъ далъ ей на срокъ лѣтъ привилегію вести торговлю въ Америкѣ отъ Ореноко до Новой Земли и въ Африкѣ отъ Зеленаго мыса до мыса Доброй Надежды. Вслѣдъ за ней организовалось еще нѣсколько французскихъ компаній—*сенегальская*, *гвинейская* и др.; главной задачей этихъ послѣднихъ компаній было поставлять первой черныхъ рабочихъ по умѣренной платѣ 13 франковъ за одного негра.

Въ Англіи *восточная индійская компанія* была основана въ 1600 г., а въ 1602 году возникла въ Голландіи *компанія Великой Индіи*, которая получила право торговать за мысомъ Магеллана, вести войну и заключать миръ съ восточными князьями, основывать порты и крѣпости, назначать чиновниковъ и судей, однимъ словомъ, всѣ права самостоятельной державы. Эта знаменитая компанія повела блестяще свои дѣла; она никогда не упускала изъ вида своихъ главныхъ, т. е. коммерческихъ цѣлей, и подчиняла имъ всецѣло политическую сторону своей дѣятельности; она воздерживалась и отъ излишнихъ экспедицій, и отъ религіозной пропаганды. Съ 1603 по 1698 годъ она извлекала съ Индіи ежегодно отъ ста двадцати до ста шестидесяти милліоновъ дохода. Но эти чрезмѣрные барыши и погубили ее. Дѣла ея запутались и въ 1795 году она должна была ликвидировать съ большимъ убыткомъ. Но этотъ примѣръ не послужилъ ни для кого предостереженіемъ. Компаніи продолжали основываться чуть не ежегодно, приносили громадныя барыши акціонерамъ и кончали по большей части разореніемъ, доведя предварительно до полнаго разоренія эксплуатируемую колонію. Знаменитая англійская *компанія Восточной Индіи*, имѣвшая право монопольной торговли чаемъ, солью, опиумомъ и т. д., дошла до того, что въ погонѣ за наживой искусственно создала въ Индіи голодъ, стоявшій жизни милліонамъ индійцевъ. Къ подобнымъ же средствамъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, прибѣгали и другія компаніи и, конечно, въ концѣ концовъ такая политика приводила къ ихъ собственному разоренію. Въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ было организовано до семидесяти крупныхъ колониальныхъ компаній, приносившихъ громадныя барыши и кончавшихъ полнымъ банкротствомъ.

ГЛАВА XX.

Заключеніе.

Съ самаго своего появленія на землѣ человѣкъ жилъ всегда обществомъ. Но на первыхъ ступеняхъ жизни это общество представляло собою просто анархическую орду, изъ которой только постепенно выдѣлился первобытный кланъ или родъ, въ которомъ уже замѣтны нѣкоторые зачатки общественной организаціи. Пока продолжался періодъ родового быта, идея о торговлѣ не могла зародиться въ мозгу нашихъ предковъ. Все имущество рода было общее, и, кромѣ того, не было ни скотоводства, ни земледѣлія, т. е. не являлось никакихъ предметовъ обмѣна. Промышленность ограничивалась производствомъ самыхъ грубыхъ орудій и оружія. Сосѣдніе кланы, связанные между собой узами отдаленнаго родства, составлявшіе вмѣстѣ одно племя, жили въ одинаковыхъ условіяхъ, изготовляли одинаковые предметы и тоже не имѣли товаровъ для обмѣна.

Отношенія между отдѣльными племенами складывались нѣсколько иначе; они жили иногда далеко другъ отъ друга, въ разныхъ климатическихъ условіяхъ и обстановка ихъ жизни нерѣдко бывала различна. Очень долгое время такія различныя племена не вступали другъ съ другомъ ни въ какія сношенія. Когда съ теченіемъ времени они стали сталкиваться, столкновенія эти носили преимущественно враждебный характеръ. Если одно племя желало овладѣть имуществомъ другого, скотомъ, женщинами и т. п., оно стремилось отнять это вооруженной рукой, мысль о возможности мирнаго обмѣна еще не приходила въ голову. Такое положеніе вещей мы видѣли у огнеземельцевъ, у австралийцевъ, у готтентотовъ.

Откуда явилась впервые идея обмѣна? Вѣроятно, она возникла изъ обычая дѣлать подарки. Подарки дѣлались и членами одного и того же первобытнаго клана и позднѣе ими обмѣнивались въ знакъ дружбы члены разныхъ племенъ. Подарки служили проявленіемъ гостепріимства, которое считается обязательнымъ во всѣхъ первобытныхъ племенахъ и существуетъ бокъ-о-бокъ съ постоянными грабежами и разбоями. Подарокъ, полученный кѣмъ-нибудь, неминуемо вызываетъ у него мысль о томъ, что и онъ, съ своей стороны, долженъ отвѣтить на него тоже подаркомъ; а отсюда уже одинъ шагъ до обмѣна. Взаимные подарки превращаются въ обмѣнъ по предварительному соглашенію.

Формы, въ которыхъ совершается этотъ первобытный обмѣнъ, тоже возникаютъ сами собой. Обмѣнивающіяся товарами стороны еще не привыкли встрѣчаться для мирныхъ сношеній, они предпочитаютъ избѣгать излишнихъ столкновеній, поэтому они естественнымъ образомъ прибѣгаютъ къ заглазному обмѣну; эта форма обмѣна почти всюду является самой первой. Съ перваго взгляда кажется, что любая изъ

сторонѣ можетъ при такихъ условіяхъ злоупотреблять своимъ положеніемъ и захватить и свои, и чужіе товары. Но на самомъ дѣлѣ страхъ мести всегда удерживаетъ торгующія стороны отъ взаимнаго обмана.

Когда такимъ образомъ было положено начало торговлѣ въ самомъ ея первобытномъ видѣ, она уже стала развиваться самостоятельно подѣ влияніемъ различныхъ благопріятныхъ условій. Первымъ изъ этихъ условій было развитіе промышленности, совершавшееся не вездѣ одинаково. Разныя племена занимались разными ремеслами, и такимъ образомъ у нихъ являлись различные продукты, которыми имъ выгодно было обмѣниваться. Впрочемъ, на первыхъ порахъ едва ли не самымъ главнымъ предметомъ обмѣна являлся рабъ. Какъ только дикія племена перестали убивать всѣхъ своихъ плѣнныхъ, они начали обмѣниваться ими и у многихъ народовъ рабъ явился даже первою единицею обмѣна.

Но самымъ важнымъ условіемъ для быстрого роста торговли являлось всегда влияніе болѣе цивилизованныхъ иностранныхъ купцовъ. Пока обмѣнъ происходилъ между племенами, стоящими, приблизительно, на одномъ уровнѣ цивилизаціи, онъ рѣдко принималъ особенно широкіе размѣры. Но стоитъ появиться среди дикарей челоѣку, стоящему много выше ихъ и имѣющему въ своихъ рукахъ вещи, совершенно имъ неизвѣстныя, какъ въ нихъ тотчасъ же просыпается жадность, желаніе во чтобы то ни стало овладѣть этими вещами. Они пытаются сначала просто присваивать ихъ хитростью или силою, но когда это не удается, они завязываютъ съ иностранцами правильныя торговыя сношенія. Обыкновенно эта торговля съ иностранцами происходитъ въ опредѣленные сроки и въ опредѣленныхъ мѣстахъ, т. е. начинаютъ устраиваться первобытныя базары или рынки, куда всѣ желающіе свозятъ свои товары и обмѣниваются ими между собою. Очень часто эти базары устраиваются въ пограничныхъ мѣстностяхъ и торгующія стороны являются на нихъ подѣ защитой вооруженныхъ людей. Подобныя базары мы видѣли, напримѣръ, въ Нубіи.

Именно на этихъ первобытныхъ базарахъ должна была впервые зародиться мысль о денежныхъ знакахъ. Прежде обмѣнъ совершался непосредственно; но теперь, когда товаровъ скапливалось довольно много, такой непосредственный обмѣнъ затруднялся. Не всегда покупатель могъ найти продавца, желающаго дать нужный ему товаръ въ обмѣнъ именно на его товаръ. Единственнымъ выходомъ изъ этого затрудненія было принять одинъ изъ общепотребительныхъ товаровъ за единицу обмѣна, такъ чтобы на данный товаръ можно было обмѣнивать любой изъ остальныхъ товаровъ. Роль такой единицы обмѣна играли въ началѣ украшенія, мѣха, потомъ матеріи, рабы, скотъ и т. д.

Изъ украшеній наибольшимъ распространеніемъ въ качествѣ единицы обмѣна служили раковины—*каурисы*. Шкуры животныхъ встрѣчаются только на самыхъ первобытныхъ ступеняхъ у тѣхъ народовъ,

которымъ еще совершенно чужда даже примитивная промышленность. Знакомство съ ткацкимъ ремесломъ немедленно вытѣсняетъ шкуры, мѣсто которыхъ занимаютъ матеріи.

Изъ предметовъ необходимости ролью денежной единицы очень часто является соль, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ добываніе ея сопряжено съ большими трудностями. По мѣрѣ знакомства съ металлами, эти послѣдніе начинаютъ очень быстро замѣнять въ этомъ отношеніи всѣ остальные товары. Ихъ красота, прочность, удобство перевозки и дробленія на части заставляютъ предпочитать ихъ всѣмъ остальнымъ денежнымъ знакамъ.

Знакомство съ деньгами даже въ такой примитивной ихъ формѣ производитъ сразу громадный переворотъ въ нравахъ и строѣ социальной жизни. Пока торговля совершалась путемъ непосредственнаго обмѣна, она не могла служить источникомъ большого неравенства между людьми. Люди приобретали только то, что было имъ непосредственно нужно, копить различные товары не представляло никакой выгоды. Но какъ только появились денежные знаки, такъ сейчасъ же проснулось желаніе накапливать ихъ—они представляли собой извѣстную силу, съ помощью которой можно было въ любой моментъ приобрести всякій товаръ, въ томъ числѣ даже трудъ или личность другого. Рядомъ съ этимъ явилась возможность увеличивать свое богатство, не производя никакихъ новыхъ товаровъ на продажу, а просто пуская въ оборотъ накопленные денежные знаки. Еще задолго до изобрѣтенія денегъ въ нашемъ смыслѣ слова ссуды подъ проценты уже широко практиковались. Папуасы, не знающіе другихъ денегъ, кромѣ раковинъ, перьевъ и цыновокъ, ссужаютъ уже ихъ подъ 100% годовыхъ.

Во всѣхъ первыхъ историческихъ государствахъ земного шара мы находимъ торговлю уже существующую, но во многихъ отношеніяхъ еще не далеко ушедшую отъ торговли дикарей. Многія стороны торговли въ варварскихъ государствахъ носятъ на себѣ явные слѣды тѣхъ первобытныхъ формъ, изъ которыхъ онѣ развились. Очевидно, торговля въ нихъ еще очень недалеко ушла отъ грабежа и разбоя, такъ какъ сословіе, специально занимающееся торговлей, нигдѣ почти не пользуется уваженіемъ. Торговля считается такимъ занятіемъ, за которымъ не обходимо постоянное и бдительное надзоръ правительственной власти.

Денежная система въ этихъ государствахъ тоже не далеко ушла отъ первобытныхъ мѣновыхъ единицъ дикарей. Повсюду почти роль денегъ играютъ слитки металловъ, которые должны взвѣшиваться при каждой сдѣлкѣ. А между тѣмъ, не смотря на несовершенства денежной системы, ростовщичество, а за нимъ и другія формы финансовыхъ спекуляцій развиваются чрезвычайно широко. Всѣ почти религіи борются съ этимъ назрѣвающимъ зломъ, но борются совершенно безуспѣшно. Исламъ запрещаетъ безусловно ссуды подъ проценты, еврейская религія не допускаетъ ихъ по отношенію къ единоувѣрцамъ, а между

тѣмъ ростовщичество все растетъ и вѣстѣ съ этимъ растутъ законныя права кредиторовъ. Кульминаціонную точку въ этомъ отношеніи представляетъ древнеримское законодательство, разрѣшавшее кредиторамъ дѣлить на части должника. Праго обращать въ рабство должника признавалось за кредиторомъ почти всѣми древними законодательствами.

Рядомъ съ этимъ развитіемъ спекуляцій росла въ варварскихъ государствахъ и промышленность. Но вездѣ она сохраняла еще форму мелкой семейной промышленности и находилась главнымъ образомъ въ рукахъ рабовъ. Развитіе промышленности давало возможность и торговлѣ приобретать все больше значенія, но на пути своего роста торговлѣ приходилась бороться съ многими неблагоприятными условіями. Первымъ изъ нихъ была боязнь и ненависть къ иностранцамъ, которою страдали всѣ варварскія государства. Вслѣдствіе этого торговля съ ними была обставлена всевозможными стѣсненіями, или же безусловно воспрещалась, какъ, напримѣръ, въ древнемъ Египтѣ. Тамъ, гдѣ внѣшняя торговля допускалась правительствомъ, иностраннымъ купцамъ назначался обыкновенно одинъ какой-нибудь портъ, или одинъ пограничный городъ, куда они могли привозить свои товары. Кромѣ этого, внѣшняя торговля, какъ морская, такъ и сухопутная, была сопряжена съ большими трудностями и рискомъ, вслѣдствіе отсутствія удобныхъ путей сообщенія, несовершенства мореплаванія и обилія разбойниковъ и на сушѣ, и на морѣ.

Широко развитую и правильно организованную внѣшнюю торговлю мы встрѣчаемъ только въ Греціи и въ Римѣ, но и тамъ она далеко не свободна, только прежнія запрещенія и ограниченія замѣнены тамъ болѣе или менѣе высокими таможенными пошлинами. Наиболѣе высокими пошлинами облагались тѣ предметы ввоза, которые производились также внутри страны; сырые же продукты, особенно если въ нихъ чувствовался недостатокъ, совсѣмъ не платили пошлинъ. Вывозъ вообще былъ менѣе стѣсненъ, чѣмъ ввозъ.

Такой протекціонизмъ перешелъ отъ древнихъ государствъ и къ средневѣковымъ и оставался руководящимъ принципомъ экономической политики всѣхъ европейскихъ государствъ вплоть до конца прошлаго вѣка. И въ наши дни онъ еще далеко не вездѣ потерялъ значеніе. Благодаря этому протекціонизму, промышленность въ средневѣковыхъ государствахъ развилась очень сильно, а международная торговля была сильно стѣснена, такъ какъ внутри Европы товары европейскихъ государствъ съ трудомъ находили себѣ сбытъ. Открытіе Новаго Свѣта дало новое направленіе европейской торговлѣ. Весь міръ могъ теперь служить рынкомъ для европейскихъ товаровъ. Послѣ этого великаго перелома и промышленность, и торговля Европы вступили въ новую современную фазу существованія.

Конецъ.

старичекъ, съ виду военный, съ сѣдыми усами, въ грязномъ черномъ мундирѣ, обѣлъ на земь и снялъ сапогъ; подошва его была вся въ крови; вытряхнувъ камешки изъ сапога, старикъ снова обулся и заковылялъ дальше. Маленькая дѣвочка, лѣтъ десяти, съ плачемъ выбѣжала въ боковую улицу и повалилась подъ изгородь, почти у ногъ брата, крича:

— Я не могу идти дальше, не могу!

Этотъ плачъ вывелъ брата изъ оцѣпенѣнія; онъ взялъ дѣвочку на руки и, ласково уговаривая ее, понесъ ее къ миссъ Эльфинстонъ. Она мгновенно притихла, словно испуганная лаской чужого.

Въ толпѣ раздался крикъ: «Элленъ! Элленъ!» Голосъ былъ женскій; въ немъ слышались слезы. Дѣвочка вырвалась изъ рукъ брата и стрѣлой метнулась назадъ, крича въ отвѣтъ: Мама!

— Идутъ! Идутъ!—крикнулъ всадникъ, проскакавъ мимо.

— Пади! прочь съ дороги!—ревѣлъ не своимъ голосомъ толстый кучеръ, шелкая бичемъ. Братъ взглянулъ: на нихъ неслась во весь опоръ щегольская карета.

Бывшіе на дорогѣ шарахнулись въ сторону. Братъ отодвинулъ пони и колясочку къ изгороди; карета пронеслась мимо и остановилась на поворотѣ. Карета была съ дыпломъ, рассчитанная на пару лошадей, но везла ее только одна.

Сквозь облако пыли братъ смутно видѣлъ, какъ двое людей вынули изъ кареты что-то, лежащее на бѣлыхъ носилкахъ, и осторожно опустили это что-то на траву.

Одинъ изъ нихъ подбѣжалъ къ брату.

— Нѣтъ ли здѣсь воды? Онъ при смерти, проситъ пить. Это лордъ Гаррикъ.

— Лордъ Гаррикъ? Предсѣдатель судебной палаты?

— Есть здѣсь вода?

— Можетъ быть, и найдется въ какомъ-нибудь домѣ. У насъ нѣтъ. Я не могу оставить своихъ.

Тотъ бросился къ воротамъ угловой дачи. Толпа не пускала его, крича:

— Прочь! Прочь! Они идутъ! Марсиане!

Вниманіе брата было отвлечено бороатымъ мужчиной съ орлинымъ носомъ и небольшимъ саквояжемъ въ рукѣ. Саквояжникъ неоживленно треснулъ, и куча золотыхъ разсыпалась по землѣ. Сокровища катились во всѣ стороны, попадали подъ ноги людямъ и лошадямъ. Бородачъ остановился, тупо глядя на свои деньги. Дышло кэба ударило его въ плечо; онъ зашатался, отскочилъ назадъ и чуть не попалъ подъ колеса ломовой телеги.

— Дорогу!—кричали ему со всѣхъ сторонъ.—Не задерживай! Проходи!

Какъ только проѣхалъ кэбъ, бородачъ кинулся на кучу монетъ и началъ обѣими руками набивать себѣ карманы. Лошадь, везшая тяжелую фуру, споткнувшись на него, взвилась на дыбы; онъ приподнялся и въ ту же минуту очутился подъ копытами лошади.

— Стой!—крикнулъ братъ и, оттолкнувъ женщину, загородившую ему дорогу, бросился въ толпу, чтобы схватить лошадь подъ уздцы.

Но, прежде чѣмъ онъ успѣлъ добраться до нея, раздался отчаянный крикъ, и колесо фуры переѣхало спину несчастному. Бородачъ извивался въ пыли, напрасно стараясь дотянуться до денегъ, такъ какъ позвоночникъ его былъ переломленъ, и ноги не дѣйствовали. Братъ подбѣжалъ вслѣдъ за фурой; возница стегнулъ его кнутомъ. Братъ остановился, крича: «Стой!» слѣдующему экипажу; какой-то всадникъ на вороной лошади вызвался помогать ему.

— Надо его убрать прочь съ дороги,—посоветовалъ всадникъ. Братъ схватилъ за воротъ парализованнаго и потащилъ его въ переулокъ, но тотъ все цѣплялся за свои деньги и, мечая яростные взоры на своего спасителя, колотилъ его по рукѣ полной пригоршней золота.

— Проходите! проходите!—кричали имъ со всѣхъ сторонъ.—Дайте дорогу!

Раздался трескъ. Въ задокъ телеги, которую всадникъ на вороной лошади заставилъ остановиться, ударило дышло слѣдующаго экипажа. Братъ поднялъ голову; бородачъ воспользовался этимъ и, что было мочи, укусилъ его за руку. Въ то же мгновеніе вороной конь ша-

рахнувся въ сторону; телѣга двинулась дальше; лошадиное копыто мелькнуло въ воздухѣ, на волосокъ отъ виска брата. Онъ невольно вздрогнулъ и отскочилъ, выпустивъ воротъ раненаго. На лицѣ того гнѣвъ мгновенно смѣнился ужасомъ. Еще мигъ, и братъ потерялъ его изъ виду; его самого сдвинула толпа и вынесла впередъ, мимо устья проселочной дороги, такъ что онъ лишь съ большимъ трудомъ могъ вернуться къ своимъ.

Онъ видѣлъ, какъ миссъ Эльфинстонъ закрыла глаза рукой, какъ ребенокъ, стоявшій возлѣ, съ дѣтскимъ отсутствіемъ жалости, впился любопытными, широко раскрытыми глазами въ пыльную, сѣрую массу, лежавшую безъ движенія подъ колесами переѣзжавшихъ черезъ нее экипажей. «Поѣдьте назадъ!—крикнулъ онъ и повернулъ пони;—намъ не пробиться черезъ этотъ адъ!» Они отъѣхали шаговъ на сто и остановились, когда уже не стало видно большой дороги. На поворотѣ братъ увидалъ во рву подъ деревомъ лицо умирающаго лорда Гарриза, мертвенно блѣдное, въ поту, съ обострившимися чертами. Обѣ женщины сидѣли молча, съжившись на своихъ мѣстахъ и вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

Теперь надо было рѣшить, что дѣлать дальше. Миссъ Эльфинстонъ была блѣдна, какъ полотно; невѣстка ея горько плакала, забывъ даже звать къ Джорджу. Братъ находился въ нерѣшимости. Какъ только порывъ ужаса и отвращенія улегся въ его душѣ, онъ понялъ, что необходимо во что бы то ни стало пересѣчь большую дорогу, такъ какъ ѣхать больше некуда. Онъ вдругъ, рѣшительно обратился къ миссъ Эльфинстонъ:

— Надо ѣхать сюда!—и снова повернулъ пони.

Молодая дѣвушка второй разъ въ этотъ день выказала необычайную твердость характера. Чтобы пробить себѣ дорогу сквозь живой потокъ, братъ нырнулъ въ него и задержалъ мимо ѣдущій кабъ. Миссъ Эльфинстонъ ударила пони, и колясочка проскользнула подъ носомъ у лошади, причемъ потеряла кусокъ обшивки, сѣдлившіе колеса съ какимъ-то фургономъ. Еще мигъ, и потокъ под-

хватилъ ихъ и увлекъ за собою. Братъ, съ красными рубцами на лицѣ и рукахъ отъ бича разозленнаго кучера, вскарабкался на свое мѣсто и, взявъ возжъ изъ рукъ дѣвушки, передалъ ей револьверъ.

— Если станутъ напирать, цѣльтесь въ задняго кучера;—нѣтъ! цѣльтесь въ лошадь!

Теперь надо было найти случай свернуть вправо, но это оказывалось не такъ-то легко. Разъ захваченная потокомъ, колясочка потонула въ немъ, сдѣлалась каплей въ этомъ живомъ морѣ. Наши путники, помимо воли, пробѣжали весь Чиппингъ-Барнетъ и отъѣхали еще на милю отъ городка, прежде чѣмъ имъ удалось перерѣзать дорогу, и то лишь благодаря ея многочисленнымъ развѣтвленіямъ.

Они двинулись на востокъ, черезъ Гэдди, то и дѣло натываясь на группы людей, жадно пившихъ изъ ручья, припавъ къ самой водѣ; многіе пробивали себѣ дорогу къ ручью кулаками. Съ вершины холма возлѣ Истъ-Барнета видны были два поѣзда, медленно слѣдовавшіе одинъ за другимъ безъ всякихъ сигналовъ, переполненные пассажирами—даже на угольной платформѣ видѣлись человѣческія фигуры—и направлявшіеся на сѣверъ, къ Большой Сѣверной желѣзной дорогѣ. Вѣроятно, они были наполнены гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Лондона, потому что изъ самой столицы, при такомъ столпотвореніи, отправлять поѣзда было немыслимо.

Вскорѣ они остановились, чтобы сдѣлать привалъ; жара и сильныя впечатлѣнія совершенно изнурили ихъ. Всѣ трое начинали страдать отъ голода, ночь была холодна; уснуть ни одинъ не рѣшался. По дорогѣ, въ томъ направленіи, откуда пріѣхалъ братъ, то и дѣло стремились бѣглецы, спасаясь отъ невѣдомыхъ опасностей, ожидавшихъ ихъ впереди.

XVII.

«Дочь Грома».

Еслибъ марсіане стремились только къ разрушенію, въ этотъ понедѣльникъ

они могли бы уничтожить все населеніе Лондона. Всѣ дороги, ведущія на востокъ и на сѣверъ изъ Лондона, превратились въ живые потоки; наблюдателю, находящемуся на воздушномъ шарѣ, онѣ показались бы усѣянными милліонами черныхъ точекъ, изъ которыхъ каждая заключала въ себѣ цѣлый міръ скорби и ужаса, нравственнаго и физическаго страданія. Я нарочно привелъ въ послѣдней главѣ рассказъ брата о его бѣгствѣ черезъ Чиппингъ-Барнетъ, чтобы читатель могъ судить, какими представлялись эти черныя точки тому, кто самъ былъ одной изъ нихъ. Никогда еще въ исторіи міра не было примѣра массоваго передвиженія и страданія такого множества человѣческихъ существъ. Сказочныя рати гунновъ и готовъ, величайшія рати, когда-либо видѣнныя Азіей, потонули-бы, какъ капля, въ этомъ потокѣ. Это было не дисциплинированное движеніе, но бѣгство стада, подгоняемаго паническимъ страхомъ, — нѣчто колоссальное и ужасное, — безпорядочное и безцѣльное: шесть милліоновъ людей, безоружныхъ, безъ запасовъ провіанта, шли, куда глаза глядятъ, не рассчитывая ни на что впереди. Это было начало конца цивилизаціи, поголовнаго избіенія человѣчества.

У себя подъ ногами воздухоплаватель увидать бы сѣтъ улицъ, широкихъ и длинныхъ, дома, церкви, площади и сады, раскинувшіеся внизу. словно гигантская карта съ *пятнами* на югѣ, надъ Илингомъ, Ричмондомъ, Вимблдономъ. Слово чье-то чудовищное перо брызнуло черниломъ на карту. Постепенно и непрерывно каждое черное пятно ширилось, развѣтвлялось въ разныя стороны, окружая, точно валомъ, возвышенныя мѣста и стекая въ долины, — совершенно какъ чернильная капля расплывается по пропускной бумагѣ.

А вдали, надъ голубыми холмами къ югу отъ Темзы, двигались блестящія фигуры марсіанъ, спокойно и методически направляя то въ ту, то въ другую сторону облака ядовитаго дыма и поливая его струями пара, какъ только онъ выполнить свое назначеніе. Пришельцы вступали во владѣніе покорен-

ной страной. Они, повидимому, хотѣли не столько истребить родъ человѣческій, сколько деморализовать его и въ корнѣ подавить сопротивленіе. Они взрывали всѣ пороховые склады, попадавшіеся имъ по пути, портили желѣзныя дороги, перерѣзывали телеграфныя проволоки. Они не убавали совсѣмъ, но подрѣзывали поджилки. Они видимо не спѣшили расширять кругъ своихъ дѣйствій и весь этотъ день не покидали центральной части столицы. Возможно, что значительная часть жителей Лондона, вмѣсто того, чтобы бѣжать, укрылись въ своихъ домахъ; большинство ихъ конечно, погибали, задушенные чернымъ дымомъ.

До самаго полудня Темза между Лондонскимъ мостомъ и Блэкуолемъ представляла собой удивительное зрѣлище. Сюда собралось множество судовъ всякаго рода, привлеченныхъ огромными суммами, предлагаемыми за провозъ бѣглецами; масса людей бросалась въ воду съ берега и плыла къ судамъ, но ихъ, говорятъ, просто-на-просто отталкивали баграми. Сколько при этомъ потонуло народу — и не перечесть. Около часу между арками Блэкфрайеръ-бриджа показалось облако черного дыма. Что тутъ произошло — описать невозможно. Въ безумномъ смятеніи всѣ суда, сбѣлываясь и толкая другъ друга, двинулись къ Тоуэръ-бриджу; множество лодокъ и барокъ застряли подъ его сѣверной аркой; матросы и грузовики бѣшено отбивались отъ непрошенныхъ пассажировъ, прыгавшихъ на ихъ суда прямо съ берега. Говорятъ, находились смѣлчаки, спускавшіеся въ лодки съ моста, по сваямъ...

Часъ спустя, когда на рѣкѣ, за Блокъ-тоуэромъ, показался первый марсіанинъ, онъ не нашелъ ничего, кромѣ обломковъ.

О паденіи пятого цилиндра я скажу въ свое время. Шестой упалъ въ Вимблдонъ. Братъ, стоявшій на стражѣ возлѣ своихъ дымъ, уснувшихъ въ колысѣхъ, ясно видѣлъ зеленый свѣтъ, мелькнувшій далеко за холмами. Во вторникъ маленькое общество, порѣшивъ переправиться на континентъ, двинулось дальше, къ Кольчестеру. Мѣстность кишѣла наредомъ. Вѣсти о томъ, что марсіане за-

владѣли Лондономъ, подтверждались. Ихъ видѣли въ Гай-гэйтъ и даже въ Нислонѣ. Но брату довелось увидать ихъ только на слѣдующій день.

Уже во вторникъ среди бѣглецовъ обнаружился недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ. Голодная толпа не уважаетъ правъ собственности. Фермерамъ пришлось съ оружіемъ въ рукахъ защищать свои стада, амбары и зрѣющіе хлѣба на поляхъ. Большинство, подобно брату, стремились къ востоку, но нашлись отчаянныя головы, вернувшіяся въ Лондонъ за пищей. Это были главнымъ образомъ жители сѣверныхъ предмѣстій, знавшіе черныя дымы только по паслышкѣ. Говорили, будто правительство, почти въ полномъ составѣ, собралось въ Бирмингемъ и будто заготовлены огромные запасы взрывчатыхъ веществъ, съ цѣлью подведенія автоматическихъ минъ внутри страны.

Говорили также, что заправили внутреннѣйшія желѣзныя дороги наняли новый персоналъ служащихъ, что движеніе возобновилось, и изъ Севтъ-Альбанса по вѣсколку разъ въ день отправляются поѣзда на сѣверъ. Въ Чиппингъ-Онгарѣ выѣшено было громадное объявленіе, возвѣщавшее, что въ сѣверныхъ городахъ имѣются большіе запасы муки и что черезъ двадцать четыре часа голодающихъ будутъ одѣлять хлѣбомъ. Но это не удержало нашихъ путниковъ отъ выполненія задуманнаго ими плана бѣгства; они ѣхали весь день — и хорошо сдѣлали, потому что обѣщанная раздача хлѣба существовала только на бумагѣ. Въ ночь со вторника на среду упала седьмой целивдръ на вершину Примрозъ-хилля. Его видѣла миссъ Эльфинстонъ, стоявшая въ это время на стражѣ, такъ какъ она дежурила попеременно съ братомъ.

Ночь наши бѣглецы провели на полѣ недозрѣлой пшеницы и въ среду утромъ добрались до Чельмсфорда. Здѣсь группа обывателей, именовавшая себя комитетомъ общественнаго продовольствія, завладѣла пони, въ качествѣ провіанта, не давъ ничего взамѣнъ, кромѣ обѣщанія доли въ этомъ «провіантѣ». Ходили слухи, что марсіане уже въ Эппин-

гѣ и что пороховой заводъ при Вальтгемскомъ аббатствѣ разрушенъ ими, послѣ неудачной попытки взорвать на воздухъ одного изъ пришленовъ.

Обыватели, кто половчѣе, съ колоколенъ высматривали марсіанъ. Братъ мой, — какъ оказалось, къ счастью для него, — рѣшилъ не ждать обѣщаннаго угощенія, но продолжать путь пѣшкомъ, хотя всѣ трое были очень голодны. Въ полдень они прошли черезъ Тиллингхэмъ, до странности тихій и пустынный, если не считать вѣсколкихъ субъектовъ, шарившихъ по домамъ, въ чаяніи найти что-либо съѣстное. За Тиллингхэмомъ передъ ними открылся видъ на море, покрытое цѣлымъ лѣсомъ мачтъ и множества судовъ всѣхъ видовъ и формъ.

Не имѣя возможности войти въ Темзу, суда приставали теперь къ берегамъ Эссекса, въ Гарвичѣ, Уольтонѣ, Клактонѣ, потомъ въ Фаульнессѣ и Шебери, забирая пассажировъ. Они расположились по кривой линіи, большимъ серпомъ, одинъ конецъ котораго терялся въ туманѣ. Около берега море кишѣло мелкими рыболовными судами — англійскими, шотландскими, французскими, голландскими и шведскими; тутъ были рѣчные пароходы изъ Темзы, яхты, электрическія лодки; даже шли суда большей виѣстимости: огромныя грязныя баржи для перевозки угля, скота, керосина; коммерческія и пассажирскіе пароходы; большіе океанскіе и въ числѣ ихъ одинъ старый бѣлый транспортный корабль, на какихъ возятъ каторжниковъ; чистенькія сѣрыя съ бѣлымъ суда, дѣлающія рейсы между Соутгэмптономъ и Гамбургомъ. У Блэкватера, вдоль сивѣющей линіи берега, видѣлась пѣлая флотилія лодокъ, хозяева которыхъ вели переговоры съ людьми, стоявшими на берегу; флотилія эта тянулась непрерывной линіей вплоть до Мельдона.

Въ двухъ миляхъ отъ берега, въ открытомъ морѣ, стояла на якорѣ глубоко погруженная въ воду миноноска «Дочь Грома». Она сидѣла такъ глубоко, что брату въ первую минуту показалось, будто она тонетъ. Это былъ единственный военный корабль, видный глазу,

но вдали, направо, надъ гладкой поверхностью водъ—море было въ тогъ день необычайно спокойно—видѣлся змѣйкой черный дымокъ. Тамъ стояло нѣсколько броненосцевъ изъ Ламаншской эскадры; съ разведенными парами, готовые къ дѣлу, они крейсировали у входа въ устье Темзы, во время опустошенія Лондона марсіанами, все видя, но не имѣя возможности придти на помощь.

При видѣ моря, м-ръ Эльфинстонъ, несмотря на всѣ просьбы и уговоры своей *belle soeur*, пришла въ неописанный ужасъ. Она ни за что не уйдетъ; она никогда не выѣзжала изъ Англіи; лучше умереть, чѣмъ жить на чужбинѣ, одной безъ друзей и т. д. и т. д. Бѣднѣжка, кажется, воображала, что марсіане недалеко ушли отъ французовъ. За два дня путешествія она страшно изнервничалась, все время находилась въ подавленномъ состояніи и пугалась каждаго шороха. Она мечтала объ одномъ—вернуться въ Стэнморъ. Въ Стэнморѣ живется такъ хорошо и покойно. Въ Стэнморѣ они найдутъ Джорджа...

Лишь съ величайшимъ трудомъ удалось уговорить ее спуститься на берегъ. Брату удалось привлечь вниманіе колеснаго парохода, стоявшаго невдалекѣ отъ устья Темзы. Оттуда послали лодку и за тридцать шесть фунтовъ согласились взять всѣхъ троихъ. Пароходъ отправлялся въ Остенде.

Въ два часа, уплативъ на шкафутѣ условленные тридцать шесть фунтовъ, братъ и его спутницы наконецъ очутились на палубѣ. Здѣсь можно было даже поѣсть, хотя за непомѣрную цѣну. Наши путники расположились закусить на носу.

На борту было уже дюжины двѣ пассажировъ, изъ которыхъ иные отдали за проѣздъ свои послѣдніе деньги, но капитанъ до пяти часовъ не снимался съ якоря, забирая все новыхъ и новыхъ пассажировъ,—до того, что становилось страшно за участь парохода, —и, вѣроятно, остался бы еще дольше, еслибы на югѣ не раздался пушечный залпъ. Какъ бы въ отвѣтъ, броненосецъ на рейдѣ вывалилъ изъ небольшой пушки и под-

нялъ цѣлую линію флаговъ. Изъ трубы его столбомъ пошелъ дымъ.

Часть пассажировъ была того мнѣнія, что стрѣляютъ въ Шеберинессъ, но выстрѣлы становились слышнѣе; канонада приближалась.

Въ то же время, вдали, на юго-востоку, выдвинулись одна за другой, мачты и реи трехъ броненосцевъ, окутанныхъ облаками черного дыма. Но вниманіе брата было скоро снова отвлечено канонадой на югѣ; ему показалось, что онъ видитъ въ той сторонѣ, надъ сѣрыми туманомъ, столбъ дыма.

Маленькій пароходикъ уже вышелъ изъ круга судовъ; низкій Эссекскій берегъ уже началъ заволакиваться голубоватой дымкой, когда на берегу, въ сторонѣ Фаульнесса, показался марсіанинъ. За дальностью разстоянія, фигура его была плохо видна и казалась миніатюрной. Капитанъ, стоя на мостикѣ, въ страхѣ и досадѣ на себя самого, ругался во все горло. Страхъ его какъ будто передался пароходу; колеса, казалось, едва поворачивались. Пассажиры тѣснились у борта, вскакивали на скамейки, не могли глазъ оторвать отъ эгой странной фигуры, выше роста, чѣмъ деревья и колокольни, шагавшей на подобіе человѣка.

Братъ въ первый разъ еще видѣлъ марсіанина и скорѣе съ удивленіемъ, чѣмъ съ испугомъ, слѣдилъ за титаномъ, который теперь шелъ уже по водѣ, не спѣша приближаясь къ судамъ. Вдали, за Кручемъ, надъ низкорослымъ кустарникомъ, показался другой житель Марса и,—еще дальше,—третій, на блестящей кося, врѣзывавшейся клиномъ между небомъ и моремъ. Всѣ трое, казалось, имѣли въ виду отрывать отступленіе множеству судовъ, толпившихся между Фаульнессомъ и Нэзомъ. Не смотря на судорожныя вздрагиванія машины, на тучи пѣны, вздымаемыя колесами, пароходикъ отступалъ съ ужасающей медленностью, а грозныя фигуры марсіанъ все приближались.

Огромный серпъ судовъ уже разбился на части. Почувявъ опасность, суда прятались другъ за друга, съ тревожными свистками металась изъ стороны въ сто-

рону, распускали паруса и отчаянно дымили. Братъ былъ такъ поглощенъ этимъ зрѣлищемъ и сознаниемъ надвигающейся опасности, что совершенно не замѣчалъ, что дѣлается вокругъ. Внезапно пароходикъ круто свернулъ въ сторону (чтобы избѣжать солкновѣнія съ другимъ); и не ожидавшій этого братъ мой упалъ со скамейки, на которой стоялъ. Вкругомъ вдругъ все засуетилось, забѣгало; раздался привѣтственный окрикъ; издали откуда-то донесся слабый отвѣтъ. Пароходъ накренило, и братъ еще разъ перекатился со спины на животъ.

Братъ поднялся и, съ трудомъ держась на ногахъ, такъ какъ пароходъ страшно качало, увидалъ за штирбортомъ, не дальше, какъ въ ста ярдахъ отъ нихъ, что-то вродѣ огромнаго желѣзнаго плуга, рѣзавшаго волны, вздымая съ обѣихъ сторонъ дѣлныя горы пѣны, обрушивавшіяся на пароходикъ. Колеса его безпомощно вертѣлись на воздухѣ, палуба почти сравнялась съ ватерлиніей.

Внезапно брата обдало дождемъ водныхъ брызгъ. Когда онъ протеръ глаза, чудовище уже миновало ихъ и стремилось дальше, держа прямо на берегъ. Надъ надводной частью его высились двѣ трубы, выбрасывавшія клубы дыма, смѣшаннаго съ огнемъ. Это миноноска «Дочь Грома» на всѣхъ паряхъ шла на выручку къ меньшей братіи.

Держась за ванты, братъ вышелъ на палубу посмотреть, что дѣлаютъ марсіане. Они сошлись теперь вмѣстѣ всѣ трое и стояли на такой глубинѣ, что треножники ихъ были совершенно покрыты водою. Видимые издали, въ перспективѣ и только наполовину, они казались ничтожными, въ сравненіи съ морскимъ гигантомъ, несшимся къ нимъ на встрѣчу. Казалось, они съ удивленіемъ глядѣли на этого новаго противника. Можетъ быть, онъ представлялся имъ такимъ же существомъ, какъ они сами. «Дочь Грома» летѣла на всѣхъ паряхъ, не стѣбляя; потому, можетъ быть, ей и удалось подойти къ нимъ такъ близко. Они не знали, какъ быть съ ней, что предпринять. Одинъ выстрѣлъ—

и они пустили бы ее ко дну своимъ тепловымъ лучемъ.

Миноноска шла такъ быстро, что черезъ минуту была уже на половинѣ дороги между марсіанами и пароходикомъ, представляясь его пассажирамъ постепенно уменьшающимся чернымъ пятномъ на горизонтальной линіи Эссекскаго берега.

Внезапно передній марсіанинъ поднялъ трубу и выпустилъ въ миноноску зарядъ чернаго дыма. Банка ударилась о бакбордъ и разбилась; струя чернаго дыма разлилась по морю, но «Дочь Грома» была уже далеко. Наблюдателямъ съ пароходика казалось, что она уже врѣзалась въ группу марсіанъ; но имъ судить было трудно, такъ какъ они находились почти на одной линіи съ поверхностью воды, притомъ же солнце свѣтило имъ прямо въ глаза.

Группа марсіанъ раздѣлилась; длинныя фигуры ихъ все росли по мѣрѣ того, какъ отступали къ берегу; одна изъ нихъ подняла кверху генераторъ тепловаго луча, направивъ его наклонно внизъ. Клубъ пара поднялся надъ водою въ мѣстѣ его соприкосновенія съ ней. Этотъ лучъ долженъ былъ пронизать желѣзную обшивку судна, какъ раскаленный гвоздь листъ бумаги.

Огненная искра взвилась надъ тучей пара, раздался грохотъ выстрѣла,—марсіанинъ дрогнулъ и зашатался. Еще мигъ—и онъ исчезъ подъ водою, выбросивъ высоко кверху дѣлный фонтанъ воды и пара. На миноноскѣ продолжали палить изъ пушекъ; одно изъ ядеръ ударилося въ воду возлѣ самого пароходика и рикошетомъ отлетѣло къ другимъ судамъ, слегка задѣвъ мачту.

Но на это никто не обратилъ особеннаго вниманія. При видѣ гибели марсіанина, капитанъ, стоявшій на мостикѣ, невольно вскрикнулъ отъ радости, а за нимъ и вся толпа пассажировъ. Мгновеніе спустя съ парохода снова раздался единодушный радостный крикъ: изъ бѣлаго водоворота вынырнуло что-то длинное, черное, изрыгающее дымъ и пламя.

«Дочь Грома» была еще жива; штурвалъ уцѣлѣлъ, машина работала. Она неслась прямо на втораго марсіанина и

была всего во ста ярдахъ отъ него, когда онъ снова выстрѣлилъ въ нее тепловымъ лучемъ... Страшный трескъ, ослѣпительный свѣтъ,—и обѣ палубы вмѣстѣ съ трубами взлетѣли на воздухъ. Сила взрыва была такъ велика, что марсіанинъ зашатался; мигъ спустя, пылающій обломокъ миноноски, увлекаемый силой инерціи, наскочилъ на него и смялъ его, какъ карточный домикъ. Братъ мой невольно вскрикнулъ. «Еще одинъ!»—заревѣлъ капитанъ. Въ то же мгновеніе клубы пара скрыли отъ нихъ мѣсто битвы.

Пассажиры неистовствовали отъ восторга, крикъ ихъ подхватили другіе суда, спѣшившія выйти въ открытое море; по всей эскадрѣ пронесся вопль ликованія.

Когда разсѣялся паръ, заволакивавшій берегъ и третьяго марсіанина, на мѣстѣ его глазамъ зрителей предстала колеблющаяся завѣса чернаго дыма; разсмотрѣть что бы то ни было не было никакой возможности. «Дочь Грома» исчезла безъ слѣда, зато другіе броненосцы подошли теперь совсѣмъ близко къ берегу.

Пароходикъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы поскорѣе выйти въ открытое море, колеса его работали безъ устали, разстояніе между нимъ и завѣсой изъ дыма и пара все увеличивалось. Видъ этой завѣсы поминутно мѣнялся; комбинаціи дыма и пара придавали ей самыя при-

чудливыя очертанія. Пробираясь между плававшими на поверхности обломками крушенія, бѣглецы держали путь на сѣверо-востокъ. Военные корабли взяли на востокъ, потомъ круто повернули назадъ и скоро ихъ скрыли сгущавшіяся вечернія тѣни. Линія берега все болѣе и болѣе смутно рисовалась вдаль; низко надъ горизонтомъ собирались тучи вокругъ заходящаго солнца.

Внезапно раздался пушечный залпъ, на золотомъ фонѣ заката задвигались какія-то черныя тѣни. Пассажиры снова бросились къ периламъ и окнамъ, но разобрать что-нибудь было трудно; скоро туча дыма скрыла послѣдній отблескъ заката. А пароходикъ шелъ все впередъ и впередъ.

Солнце спряталось за свинцовыя тучи; небо вспыхнуло и потемнѣло; въ вышинѣ задрожали звѣздочки. Было уже совсѣмъ темно, когда вдругъ раздался испуганный возгласъ капитана. Братъ поднялъ глаза, напрягая зрѣніе. Что-то огромное, плоское и широкое вынырнуло изъ сумрака, поднялось наискось въ воздухъ, молніей сверкнуло надъ тучами, на фонѣ розоватаго отблеска вечерней зари описало дугу, становясь все меньше и меньше, и снова потонуло въ таинственномъ сумракѣ ночи. И тьма, на мигъ оваренная свѣтомъ, казалась теперь еще гуще.

КНИГА II.

ЗЕМЛЯ ПОДЪ ВЛАДЫЧЕСТВОМЪ МАРСІАНЪ.

I.

Подъ пятою.

Я такъ распространился о приключеніяхъ брата, что совершенно отвлёкся отъ разсказа о своихъ собственныхъ. Въ продолженіе всего времени, описаннаго въ послѣднихъ двухъ главахъ, мы съ викаріемъ не выходили изъ пустого дома въ Галлифордъ, куда спрятались отъ чернаго дыма. Вечеръ воскресенья и весь понедѣльникъ—день паники,—мы провели въ этомъ небольшомъ оазисѣ дневнаго свѣта, отрѣзанномъ стѣной чернаго дыма отъ всего остального міра. Дѣлать намъ было нечего, оставалось только ждать; эти два томительныхъ дня, проведенныхъ въ полномъ бездѣйствіи, показались намъ безконечно долгими.

Я весь былъ поглощенъ тревогой за жену. Я представлялъ себѣ её, среди опасностей, напуганную, оплакивающую меня, какъ мертваго. Я бѣгалъ по комнатамъ и громко рыдалъ при мысли о томъ, что мы съ ней отрѣзаны другъ отъ друга, и обо всемъ, что съ ней могло случиться въ мое отсутствіе. Родственникъ, у котораго я помѣстилъ её, былъ человѣкъ, способный храбро смотреть въ лицо какой угодно опасности, но тяжелый на подъемъ и ненаходчивый. Здѣсь же нужны были именно предусмотрительность и находчивость, а не храбрость. Я утѣшалъ себя только мыслью, что марсіане идутъ на Лондонъ, оставивъ Лезерхэдъ позади. Отъ такой смутной тревоги болѣзненно изощряется нервная чувствительность. Постоянное нытье священника страшно меня утомляло и раздражало; я усталъ смотрѣть на его

эгоистическое отчаяніе. Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ привести его въ лучшее настроеніе, я ушелъ отъ него и засѣлъ въ комнатѣ, очевидно, служившей классной, такъ какъ въ ней стояло нѣсколько скамеекъ, глобусъ, и валялись по столамъ тетради. Онъ нашелъ меня и снова принялся допытывать меня своими жалобами: тогда я поднялся на вышку въ библіотеку и заперся на ключъ, чтобы остаться наединѣ съ своей мучительной тоской.

Весь вечеръ и все утро слѣдующаго дня мы не имѣли никакой надежды вырваться изъ оковъ чернаго дыма. Вечеромъ въ воскресенье въ сосѣднемъ домѣ появились нѣкоторые признаки жизни: забѣгали огоньки въ окнахъ, въ одномъ даже показалось чье-то лицо, позже кто-то хлопнулъ дверью. Но я такъ и не узналъ, что за люди ходили тамъ и что съ ними стало. На другой день мы ужъ ихъ не видали. Все утро понедѣльника черныи дымъ ползъ къ рѣкѣ, придвигаясь къ намъ все ближе и ближе и, наконецъ, разлился по дорогѣ, проходившей мимо нашего дома.

Въ полдень показался вдали марсіанинъ, шедшій напрямикъ черезъ поле, поливая черныи дымъ струей горячаго пара, отъ прикосновенія котораго лопались стекла. Струя эта, шипя, ударялась о стѣны и обожгла руку священника, имѣвшаго неосторожность подойти близко къ окну. Нескоро мы рѣшились войти въ залитыя водой лицеваы комнаты и выглянуть наружу. — Вся мѣстность къ сѣверу, казалось, была занесена снѣ-

гомъ, только черного цвѣта. Мы съ удивленіемъ замѣтили, что у рѣки къ черному цвѣту сожженныхъ луговъ примѣшивался какой-то непонятный красный оттѣнокъ.

Мы не сразу сообразили, насколько эта переѣвна мѣняетъ наше положеніе; мы поняли только, что намъ нечего больше бояться черного дыма. Я первый замѣтилъ, что стѣна, преграждавшая намъ путь, рухнула, и теперь ничто не мѣшаетъ намъ выйти. Какъ только я понялъ, что путь свободенъ, во мнѣ снова проснулась жажда дѣйствія, но священника нельзя было ни убѣдигъ, ни вывести изъ его апатического состоянія.

— Здѣсь мы въ безопасности, — повторялъ онъ; — здѣсь не страшно.

Я рѣшилъ оставить его — и жалъ, что не сдѣлалъ этого! Умудренный опытомъ и наставленіями артиллериста, на этотъ разъ я позаботился захватить съ собой провизіи и воды. Мнѣ посчастливилось найти немного масла и чистыхъ тряпокъ, чтобы перевязать свои обожженные руки; въ одной изъ спаленъ лежали на кровати шляпа и фланелевая рубашка, которыя я также взялъ себѣ. Когда священникъ понялъ, что я уйду и безъ него, онъ вдругъ собрался тоже въ дорогу. Мы подождали, пока спала жара, и приблизительно часовъ въ пять направились по черной отъ осѣвшего дыма дорогѣ въ Сеибѣри.

Все было такъ странно и необычно вокругъ, что вызывало въ душѣ жуткое чувство. Намъ попадались на пути человѣческіе и лошадиные трупы, скорченные, обезображенные, брошенная кладь, опрокинутыя повозки, густо покрытые чернымъ налетомъ. Этотъ пепельнаго цвѣта налетъ напомнилъ мнѣ рассказы о разрушеніи Геркуланума и Помпеи. Мы безъ всякихъ приключеній добрались до Гамптонъ-корта и здѣсь были пріятно удивлены видомъ зеленого оазиса, какимъ то чудомъ ускользнувшего отъ губительнаго дѣйствія черного дыма. Это былъ Буши-паркъ, гдѣ подтѣнью каштановъ спокойно расхаживали олени. Дорога шла паркомъ до самаго Твикенгема. Намъ попалося навстрѣчу

нѣсколько мужчинъ и женщинъ, спѣшавшихъ въ Гамптонъ. Это были первые люди, видѣнные нами за послѣдніе два дня.

По ту сторону дороги, за Патерсгемомъ все еще горѣли дѣса. Ни тепловой лучъ, ни черный дымъ не коснулись Твикенгема, и здѣсь народу попалося больше, но никто не могъ сообщить намъ ничего новаго. Большинство, подобно намъ, пользовались временнымъ затишьемъ, чтобы поискать болѣе безопаснаго мѣста. Мнѣ показалось, что во многихъ домахъ прятались обыватели, слишкомъ напуганные даже для того, чтобы спастись бѣгствомъ. И здѣсь дорога были усѣяны явными слѣдами поспѣшнаго бѣгства. Живо помню три брошенныхъ велосипеда, лежавшіе кучей на дорогѣ, всѣ переломанные колесами переѣхавшихъ черезъ нихъ экипажей.

Въ половинѣ девятаго мы перешли черезъ Ричмондскій мостъ, при чемъ, конечно, очень спѣшили, чтобы меньше времени оставаться на виду, но все же я успѣлъ замѣтить плывущія по рѣкѣ вдали какія-то красныя массы. Я не зналъ, что это такое, — разбирать было некогда, — и я далъ имъ болѣе ужасное объясненіе, чѣмъ онѣ того заслуживали. И здѣсь, на берегу Суррея, мы видѣли все то же: — черную пыль, осадокъ черного дыма, и мертвыя тѣла, — возлѣ станціи онѣ лежали грудой — но марсіанъ не было и въ поминѣ, пока мы не дошли до Барнса.

Въ чернѣющей дали видѣлась группа изъ трехъ человѣкъ, бѣжавшихъ переломомъ къ рѣкѣ; помимо этого окрестность была пустынна. На вершинѣ холма пылали зданія города Ричмонда; кругомъ не было и слѣдовъ черного дыма.

Возлѣ Кью мы неожиданно столкнулись съ цѣлой толпой бѣглецовъ, и тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ, не болѣе, какъ во ста ярдахъ отъ насъ, надъ крышами домовъ показалась верхняя часть фигуры марсіанина. Мы обезумѣли отъ страха: стоило ему опустить глаза, и мы бы погибли. Завидѣвъ въ сосѣднемъ саду сарайчикъ, мы поспѣшили укрыться туда. Священникъ забился въ уголъ и тихонько плакалъ, отказываясь идти дальше.

Но я не могъ отказаться отъ мысли попасть въ Лезерхэдъ и, какъ только смерклося, вышелъ изъ своего убѣжища. Ощупью пробираясь сквозь кусты, потомъ по задворкамъ большого дома-особняка, я вышелъ около Кью на большую дорогу. Священника я оставилъ въ сараѣ, но онъ бросился бѣгомъ догонять меня.

Эта вторая попытка была положительно безуміемъ. Около насъ со всѣхъ сторонъ бродили марсіане. Не успѣлъ мой спутникъ догнать меня, какъ вдали показалась фигура марсіанина на треножникѣ, шагавшая черезъ лугъ по направленію къ Кью-лоджу. Впереди нея на зеленомъ фонѣ луга выдѣлялось четыре-пять маленькихъ человѣческихъ фигурокъ; марсіанинъ, очевидно, преслѣдовалъ ихъ. Въ три шага онъ нагналъ людей; они бросились отъ него вразсыпную.

Онъ, даже не прибѣгая къ тепловому лучу, хваталъ ихъ одного за другимъ и бросалъ въ большую металлическую корзину, привѣшенную у него за спиной.

Мнѣ въ первый разъ пришлось въ голову, что марсіане могутъ имѣть относительно людей другія намѣренія, кромѣ уничтоженія ихъ. На мигъ мы оцѣпнѣли отъ ужаса, потомъ повернулись и бросились бѣжать; какъ разъ позади насъ были ворота, выходившія въ обнесенный стѣною садъ; мы кинулись туда и, по счастью, тотчасъ же наткнулись на канаву, гдѣ и засѣли, не смѣя даже шепотомъ разговаривать другъ съ другомъ, пока на небо не высыпали звѣзды.

Было, должно быть, уже около 11 вечера, когда мы, наконецъ, набрались храбрости и вышли изъ канавы. Идти по дорогѣ мы уже не рискнули, а ползли вдоль изгороди и по огородамъ, зорко выглядываясь въ темноту, онъ съ правой стороны дороги а съ лѣвой, такъ какъ марсіане, повидимому, заняли всю эту мѣстность. Въ одномъ мѣстѣ мы наткнулись на обожженный и почернѣвшій участокъ земли, покрытый остывающимъ пепломъ; на немъ валялись разбросанные человѣческіе трупы; головы и тѣла ихъ были страшно изуродованы, но ноги и сапоги не тронуты. Тутъ же валялись мертвыя лошади, а въ шагахъ въ пя-

тидесяти позади стояли 4 подбитыхъ орудія и поломанные передки.

Мѣстечко Шиппъ упѣляло, но зато въ немъ было пусто и тихо какъ въ могилѣ; здѣсь намъ не попадались мертвецы; впрочемъ и ночь была слишкомъ темна, чтобы смотрѣть по сторонамъ. Въ Шиппѣ мой спутникъ сталъ жаловаться на слабость и жажду, и мы рѣшили попытать счастья въ одномъ изъ домовъ.

Первый домъ, въ который мы не безъ труда влѣзли черезъ окно, оказался небольшой виллою-особнячкомъ; я не нашелъ тамъ ничего съѣдобнаго, кромѣ заплесневѣвшаго сыра. Зато нашлась вода; кромѣ того, я взялъ топоръ, который могъ пригодиться для слѣдующей нашей кражи со взломомъ.

На перекресткѣ, гдѣ дорога сворачиваетъ въ Муртлэкъ, стоялъ бѣлый домъ съ огороженнымъ садомъ, и здѣсь въ кладовой мы нашли цѣлый запасъ провизіи: двѣ ковриги хлѣба, большой кусокъ сырого ростбифа и полъ-окорока ветчины; я потому такъ подробно перечисляю все это, что намъ пришлось довольствоваться этой провизіей двѣ недѣли. На нижней полкѣ стояло пиво въ бутылкахъ, лежало два мѣшка бобовъ и увядшій салатъ. Кладовая выходила въ чисто выбѣленную кухню, гдѣ были сложены дрова и стоялъ шкафъ, въ которомъ мы нашли около дюжины бургонскаго, бисквиты и двѣ жестянки консервовъ.

Усѣвшись въ кухнѣ, въ темнотѣ, (свѣчи мы не рѣшались зажечь), мы поѣли хлѣба съ ветчиной и выпили бутылку пива. Священникъ все никакъ не хотѣлъ успокоиться: онъ метался по кухнѣ, и я не могъ уговорить его подкрѣпить свои силы пищей. Въ это время произошло нѣчто неожиданное.

Около полуночи насъ рѣзнулъ по глазамъ ослѣпительный ярко-зеленый свѣтъ. Вся обстановка кухни на мигъ выступила изъ мрака рѣзкими очертаніями и снова скрылась. Затѣмъ раздался ударъ: ничего подобнаго я не слыхалъ ни раньше, ни послѣ. Почти моментально вслѣдъ за тѣмъ позади меня раздался трескъ, стукъ разбившагося стекла, грохотъ падающихъ камней и сейчасъ же съ потолка сва-

лилась вся штукатурка разбившаяся на нашихъ головахъ. Меня съ размаха швынуло на полъ; я ударился головой о ручку печной дверцы и долго лежалъ безъ чувствъ, какъ мнѣ сказалъ священникъ. Когда я пришелъ въ себя, вокругъ было снова темно; онъ съ мокрымъ лицомъ — какъ оказалось послѣ, это была кровь изъ раны на лбу, вспыскивалъ меня холодной водой.

Нѣсколько времени я не могъ сообразить, что случилось, потомъ мало-помалу началъ припоминать и тутъ только ощутилъ острую боль въ вискѣ.

— Лучше ли вамъ, — спросилъ шепотомъ священникъ. Я не отвѣчалъ, стараясь подняться.

— Не двигайтесь, — сказалъ онъ, — полъ весь усыпанъ битой посудой изъ шкафа. Вы напумите, а я увѣрю, что они здѣсь близко.

Мы сидѣли до того тихо, что даже не слышали дыханія одинъ другого. Кругомъ царила мертвая тишина; разъ только гдѣ-то неподалеку съ грохотомъ обвалился кусокъ кирпича или штукатурки; за стѣной по временамъ раздавались какіе-то непонятные звуки.

— Слышите, — сказалъ священникъ, когда звуки повторились.

— Да; что это?

— Марсіанинъ.

Я прислушался и замѣтилъ:

— Это не похоже на тепловой лучъ.

Я былъ склоненъ думать, что домъ обрушился благодаря тому, что на него навалился марсіанинъ, какъ это было на моихъ глазахъ съ Шеппертонской колокольней.

Наше положеніе было такъ странно и загадочно, что мы пролежали часа трицѣтыре, не смѣя шевельнуться. Когда началось утро, лучъ свѣта проникъ въ кухню, не черезъ окно, которое оставалось темнымъ, но черезъ трехугольное отверстіе между балкой и кучей битыхъ кирпичей, возлѣ развалившейся стѣны. Въ этомъ сѣромъ полусвѣтѣ мы могли, наконецъ, рассмотреть внутреннее убранство кухни.

Оно было разбито кучей влетѣвшихъ въ него цѣлѣнныхъ горшковъ; съ силой брошенные извнѣ чьей-то невѣдомой ру-

кой, они выбили стекла, градомъ обрушились на столъ, за которымъ мы сидѣли, и теперь валялись разбитыми у нашихъ ногъ. У стѣны дома образовался настоящій земляной валъ. У верхняго косяка окна виднѣлась сломанная водосточная труба. Полъ весь былъ устланъ осколками и черепками; уголъ кухни, примыкавшей къ дому, обвалился и такъ какъ въ него виденъ былъ дневной свѣтъ, очевидно, большая часть дома тоже обвалилась. Станный контрастъ съ этой картиной разрушенія представлялъ опрятный посудный шкафъ, выкрашенный по модѣ въ блѣдно-зеленый цвѣтъ, со множествомъ мѣдной и жестяной посуды на полкахъ, и часть уцѣлѣвшей стѣны съ чистенькими обоями въ клѣтку, бѣлое съ голубымъ. Когда совѣтъ разсвѣло, сквозъ трещину въ стѣнѣ мы разглядѣли фигуру марсіанина, вѣроятно, стоявшаго на стражѣ надъ еще не остывшимъ цилиндромъ. При видѣ его, мы поспѣшили благоразумно ретироваться изъ полутемной кухни въ совершенно темную кладовую. Внезапно истина блеснула въ моемъ умѣ.

— Это пятый цилиндръ, — шепнулъ я своему спутнику, — пятая стрѣла съ Марса разрушила этотъ домъ и похоронила насъ подъ его развалинами! Священникъ ничего не отвѣтилъ, потомъ прошепталъ: — Господи сжался надъ нами! — Немного погодя я услышалъ тихое всхлипываніе.

Кромѣ этого звука ничто не нарушало тишины. Я затаилъ дыханіе, глаза мои были прикованы къ слабому свѣту, выходившему изъ кухонной двери; мнѣ ясно видѣнъ былъ блѣдный овалъ лица священника, его отложенный воротникъ и брыжи. За стѣной опять раздался мetailлическій звукъ, потомъ рѣзкое гиканье и, послѣ минутной паузы, свистъ, похожій на свистокъ паровоза; эти загадочные шумы то прерывались, то начинались снова; промежутки тишины постепенно становились все короче и короче, наконецъ, раздался мѣрный и сильный стукъ, такой сильный, что отъ сотрясенія воздуха дрожала и звенѣла вся посуда въ шкафу. Что-то заслонило намъ свѣтъ изъ кухни, и мы нѣсколько

часовъ просидѣли скорчившись въ темнотѣ, не смѣя говорить, дрожа отъ страха, пока, наконецъ, силы не измѣнили намъ... Мы проспали, вѣроятно, большую часть дня; проснувшись, я почувствовалъ сильный голодъ, который, наконецъ, вывелъ меня изъ апатіи. Я сказалъ священнику, что пойду искать пищи. Онъ не отвѣтилъ, но какъ только услышалъ, что я жую, ползкомъ последовалъ за мной.

II.

Что мы видѣли изъ разрушеннаго дома.

Подкрѣпивъ свои силы, мы вернулись въ кладовую и здѣсь я должно быть опять вздремнулъ, потому что, очнувшись, не нашелъ возлѣ себя своего спутника. Звонкій стукъ за стѣной продолжался съ утомительнымъ однообразіемъ. Я нѣсколько разъ шепотомъ звалъ священника, но онъ не откликался; тогда я снова нащупалъ дорогу въ кухню. Тамъ было еще свѣтло и я увидалъ его на другомъ концѣ комнаты, лежавшимъ на полу у трехугольной дыры, выходившей наружу: плечи его были подняты кверху такъ, что головы не было видно.

Въ кухнѣ стоялъ невообразимый шумъ и звонъ, словно на механическомъ заводѣ; уцѣлѣвшая часть зданія вся вздрагивала отъ непрерывныхъ ударовъ молота. Сквозъ отверстіе въ стѣнѣ мнѣ видна была вершина дерева, позолоченная лучами заходящаго солнца, и голубой кусочекъ безоблачнаго неба. Я постоялъ минуты двѣ, наблюдая за священникомъ, потомъ направился къ нему, нагибаясь и ступая съ величайшей осторожностью между черепками, устилавшими полъ.

Я взялъ священника за ногу; онъ вздрогнулъ такъ сильно, что отъ толчка снаружи обвалился большой кусокъ штукатурки. Я схватилъ его за руку, боясь, какъ бы онъ не вскрикнуть, и мы долгое время оставались неподвижны. Наконецъ, я осмотрѣлся вокругъ: отъ нашего укрѣпленія осталось немного; послѣ обвала штукатурки въ стѣнѣ образовалась вертикальная щель; осторожно придерживаясь за балку, я заглянулъ въ

эту щель и увидалъ то, что вчера еще было мирнымъ деревенскимъ ландшафтомъ; теперь онъ сталъ неузнаваемъ.

Пятый цилиндръ упалъ должно быть какъ разъ посрединѣ дома, который мы постѣлили первымъ. Зданіе это было буквально стерто съ лица земли, разрушено и развѣяно въ прахъ. Цилиндръ ушелъ въ землю гораздо ниже фундамента, вырывъ яму значительно болѣе глубокую, чѣмъ та, которую я видѣлъ въ Уокингѣ. Земля вокругъ вся расплескалась отъ этого страшнаго удара—расплескалась тутъ самое подходящее слово—и лежала кучами, скрывавшими очертанія сосѣднихъ домовъ. Произошло совершенно тоже, что при сильномъ ударѣ молоткомъ по грязи. Нашъ домъ осѣлъ назадъ; лицевая часть его, вплоть до фундамента, была совершенно разрушена, кухня и кладовая случайно какимъ-то чудомъ уцѣлѣли и были теперь погребены подъ развалинами, обнесенныя землянымъ валомъ со всѣхъ сторонъ кромѣ той, гдѣ лежалъ цилиндръ. Мы находились на самомъ краю большой ямы, искусственно расширенной марсіанами. Стукъ раздавался очевидно позади насъ; отъ времени до времени отверстіе, въ которое мы наблюдали окрестность, заволакивалось ярко-зеленымъ паромъ.

Цилиндръ, находившійся въ серединѣ ямы ужъ открылся; на дальнемъ краю ямы, среди поломанныхъ и засыпанныхъ камнями кустовъ, стоялъ высокій треножникъ, очевидно покинутый своимъ обладателемъ.

Въ началѣ я почти не замѣчалъ ни ямы, ни цилиндра, хотя ихъ слѣдовало бы описать прежде всего; все мое вниманіе было обращено на какой то необычайно блестящій механизмъ, выбрасывающій землю изъ ямы, и на странныхъ существъ, медленно и съ трудомъ карабкавшихся по кучѣ земли. Больше всего меня заинтересовала машина. Это былъ одинъ изъ тѣхъ сложныхъ механизмовъ, которые получили потомъ такое большое распространеніе на землѣ и дали большой толчокъ человѣческой изобрѣтательности. Въ первую минуту онъ мнѣ представился чѣмъ-то вродѣ металлическаго паука съ пятью подвижными,

суставчатыми ножками, къ тѣлу котораго было прикрѣплено огромное количество суставчатыхъ рычаговъ, переключинъ и шупальцевъ. Тримя длинными шупальцами онъ выуживалъ изъ цилиндра множество шестовъ, пластинокъ и переключинъ, которыми были высланы я, можетъ быть, укрѣплены стѣнки цилиндра. Всѣ эти предметы складывались одинъ за другимъ въ кучу на землѣ. Машина работала такъ быстро и аккуратно, что въ началѣ я даже не призналъ ее за машину, несмотря на металлическій блескъ ея поверхности. Уже боевыя машины марсіанъ поражали соотвѣтствіемъ своихъ частей и какъ бы сознательнымъ своимъ дѣйствіемъ, но они не могли идти въ сравненіе съ этой. Кто вѣкогда не видалъ такихъ машинъ и судить о нихъ лишь по наброскамъ художниковъ и неполнымъ описаніямъ такихъ очевидцевъ, какъ я, тотъ едва ли можетъ представить себѣ ясно подобный живой механизмъ.

Помню, къ одному изъ памфлетовъ, описывавшему борьбу двухъ мировъ, былъ приложенъ рисунокъ, изображавшій такую машину, прозванную потомъ «многоручной»; художникъ не сумѣлъ ничего изобразить, кромѣ высокаго треножника съ крышкою, не высокаго и не гибкаго, малоподвижнаго, способнаго лишь къ однообразному дѣйствію. Этотъ памфлетъ очень распространенъ, и я упомянулъ о немъ лишь для того, чтобы предупредить читателя отъ неправильнаго впечатлѣнія. Сохранившееся изображеніе марсіанъ похоже на живыхъ марсіанъ, видѣнныхъ мною за работой, не больше, чѣмъ голландская кукла на человѣка. Въ началѣ я даже принялъ этотъ механизмъ не за машину, а за живое существо вродѣ крабба съ блестящей оболочкой; фигура марсіанина, легкими движеніями шупальцевъ управлявшаго дѣйствіемъ машины, показала мнѣ вначалѣ просто головой крабба. Но вскорѣ я замѣтилъ сходство этой мнимой головы, покрытой сѣрбурой, лоснящейся оболочкой, съ другими существами двигавшимися въ ямѣ и понялъ, кто былъ на самомъ дѣлѣ этотъ искусный механикъ. Послѣ этого я сталъ съ боль-

шимъ интересомъ разглядывать эти существа, т. е. марсіанъ въ ихъ природномъ видѣ, не связанныхъ съ машиною. Я уже видѣлъ ихъ мелькомъ раньше, и отвращеніе не мѣшало мнѣ теперь наблюдать: къ тому же я былъ обреченъ на неподвижность, молчаніе и бездѣйствіе.

Это были чрезвычайно странныя существа, не имѣющія на землѣ себѣ подобнаго. Представьте себѣ огромное круглое тѣло, или вѣрнѣе голову, около четырехъ футовъ въ діаметръ и впереди этого тѣла лицо. На лицѣ нѣтъ ноздрей—марсіане, повидямому лишены чувства обонянія,—но есть пара огромныхъ темныхъ глазъ и подъ ними какой-то мясистый наростъ. Сзади этой головы, или тѣла,—ужъ и не знаю, какъ назвать,—узкая поверхность, затянута перепонкой; наши анатомы признали въ ней ухо, хотя въ болѣе плотной атмосферѣ нашей планеты оно, вѣроятно, не могло оказать никакихъ услугъ своему обладателю. Вокругъ узкаго клинообразнаго рта расположены шестнадцать тонкихъ, какъ веревки, шупальцевъ въ двѣ группы, по восьми въ каждой. Эти шупальцы извѣстный анатомъ проф. Хауссъ довольно удачно окрестилъ руками. Уже первые видѣнные мной марсіане пытались приподняться на этихъ рукахъ, но разумѣется при большей силѣ тяготѣнія на землѣ это оказалось невозможнымъ. Къ основанію предполагать, что на планетѣ Марсъ они довольно легко передвигаются при помощи своихъ шупальцевъ.

Замѣтимъ кстати, что внутреннее устройство ихъ организма не менѣе просто, какъ это показали вскрытія. Больше всего мѣста занимаетъ мозгъ, отъ котораго идутъ толстыя, какъ канаты, нервы къ глазамъ, уху и шупальцамъ. затѣмъ легкія, имѣющія непосредственное сообщеніе со ртомъ, сердце,—тогъ и всѣ органы марсіанъ. Вредное дѣйствіе на легкія болѣе плотной земной атмосферы и большей силы притяженія наглядно проявлялось въ конвульсивныхъ движеніяхъ наружныхъ покрововъ.

Можетъ показаться страннымъ, что марсіане совершенно лишены сложнаго пищеварительнаго аппарата, который со-

ставляетъ центръ тяжести нашего тѣла. Они не ѣдятъ и потому не перевариваютъ пищи. Въмѣсто того они впрыскиваютъ себѣ въ жилы свѣжую кровь другихъ живыхъ тварей. Я самъ видѣлъ, какъ это дѣлается, но не въ состояніи описывать то, на что не могъ даже смотрѣть,—пусть меня хоть подымутъ на смѣхъ за мою брезгливость... Довольно, если я скажу, что кровь, взятая у еще живого животного, и чаще всего у человека, переливалась съ помощью маленькой пипетки прямо въ пріемникъ...

Самая мысль объ этомъ противна для насъ, но развѣ нашъ способъ питанія не показался бы отвратительнымъ и кровавымъ интеллигентному кролику?

Физиологическія преимущества такого переливанія крови неоспоримы, если принять въ расчетъ, сколько времени и энергии тратитъ человекъ на ѣду и пищеварительные процессы. Наше тѣло наполовину состоитъ изъ железъ, трубокъ и органовъ, преобразующихъ пищу въ кровь. Пищеварительный процессъ реагируетъ на нервную систему, поглощаетъ наши силы, омрачаетъ духъ нашъ. Человекъ чувствуетъ себя счастливымъ, или несчастнымъ, смотря по тому, здорова ли его печень, хорошо ли дѣйствуютъ его желудочныя железы. Марсіане же выше этихъ органическихъ колебаній настроенія духа и эмоцій.

При выборѣ живыхъ существъ для переливанія крови, марсіане несомнѣнно оказывали предпочтеніе людямъ; это отчасти объясняется сходствомъ человека съ останками жертвъ, которыхъ марсіане перенесли на землю съ своей планеты. Судя по съезженнымъ и сморщеннымъ останкамъ, попавшимъ въ наши руки, существа эти двуногія, съ ноздреватымъ, рыхлымъ строеніемъ костей и слабой мускулатурой, около шести футъ росту, съ круглыми прамыми головами и большими глазами, сидящими глубоко въ глазныхъ орбитахъ. Въ каждомъ цилиндрѣ находилось, повидимому, два-три такихъ существа, и всѣ были убиты раньше, чѣмъ цилиндры упали на землю. Оно и лучше, потому что, при первой же попыткѣ встать на ноги на нашей планетѣ, у нихъ поломались бы всѣ кости.

Кстати, сообщу здѣсь кое-какія подробности, которыя въ то время еще не были вполне ясны для меня самого, но читателю, лично не видавшему марсіанъ, помогутъ составить себѣ болѣе ясное представленіе объ этихъ опасныхъ существахъ.

Физиологическое устройство ихъ отличается отъ нашего еще въ трехъ вещахъ. Во-первыхъ, они не спятъ, какъ не спитъ сердце человека, вѣроятно, потому, что у нихъ нѣтъ развитой мускулатуры, которая нуждалась бы въ періодическомъ отдыхѣ, и не знаютъ усталости. На землѣ каждое движеніе стоило имъ усилій, а между тѣмъ они работали безъ перерыва по двадцать четыре часа въ сутки, какъ муравьи.

Затѣмъ, какъ это ни странно, марсіане—существа абсолютно безполыя и, слѣдовательно, не подверженныя бурнымъ волненіямъ, вытекающимъ изъ различія между людьми. Не подлежитъ сомнѣнію, что во время войны на землѣ прибавился одинъ марсіанинъ и найденъ былъ на тѣлѣ своего родителя въ видѣ почкообразнаго нароста; совершенно такъ же размножаются лиліи и прѣсноводные полипы.

Высшія породы земныхъ животныхъ не знаютъ такого способа размноженія, но, несомнѣнно, было время, когда этотъ первобытный способъ практиковался и на землѣ, у низшихъ животныхъ, на ряду съ половымъ методомъ, но затѣмъ послѣдній взялъ верхъ. Но Марсѣ, очевидно, имѣла мѣсто обратная эволюція.

Интересно, что одинъ остроумный мыслитель, пользовавшійся репутаціей *quasi*-ученаго, задолго до нашествія обитателей Марса предсказалъ человеку въ будущемъ устройство тѣла, весьма близкое къ строенію тѣла марсіанъ. Помню, это пророчество появилось въ ноябрѣ или декабрѣ 1893 г. въ блаженной памяти *Pall Mall Budget*'n; помню и карикатуру, появившуюся по этому поводу въ *Punch*'n, одномъ изъ лучшихъ юмористическихъ журналовъ того времени. Онъ шутливо предсказывалъ, что въ послѣдствіи усовершенствованные механическіе приборы замѣнятъ людямъ члены, что химія въ концѣ-концовъ

упразднить пищевареніе, что такіе органы, какъ волосы, наружная часть носа, зубы, уши, подбородокъ, мало-по-малу утратятъ всякое значеніе для человѣческаго тѣла и, путемъ естественнаго подбора, исчезнуть, какъ ненужные. Останется только мозгъ, да руки—«слуги и наставники мозга». Все тѣло будетъ постепенно уменьшаться; руки, наоборотъ, развиваться и расти.

Не мало правдивыхъ словъ было сказано въ шутку, и пророчество, безспорно, осуществилось.

Марсианинъ — живое воплощеніе побѣды разума надъ животной жизнью организма, духа надъ плотью. Я охотно готовъ допустить, что марсіане произошли отъ существъ человѣкоподобныхъ, путемъ постепеннаго развитія мозга и рукъ, мало-по-малу превратившихся въ два пучка чувствительныхъ щупальцевъ, за счетъ остальныхъ частей тѣла. Мозгъ, освобожденный отъ тѣла, отъ всѣхъ эмоцій, свойственныхъ человѣку, несомнѣнно долженъ былъ сдѣлаться вмѣстилищемъ разума, высоко развитого и холодно-эгоистичнаго.

Наконецъ, третье, въ чемъ марсіане отличаются отъ насъ, можетъ показаться инымъ весьма мелкой подробностью. Микроорганизмы, причиняющіе столько вреда на землѣ, никогда не появлялись на Марсѣ, или же уничтожены столѣтія тому назадъ санитарной наукой марсіанъ. Поэтому сотни болѣзней, отъ которыхъ страдаемъ мы, люди,—лихорадки, горячки, чахотка, ракъ, опухоли и т. под.—имъ совершенно неизвѣстны и не нарушаютъ теченія ихъ жизни.

Естати, по поводу разницы между жизнью на Марсѣ и на землѣ, не мѣшаетъ упомянуть о *красной травѣ*.

Повидимому, растительность на Марсѣ окрашена не въ зеленый, какъ у насъ, а въ ярко-красный цвѣтъ. Какъ бы тамъ ни было, сѣмена, которыя марсіане (случайно, или умышленно) занесли съ собою, дали красные ростки. Ползучія растенія, выросшія изъ нихъ, скоро завяли; немногіе люди и видѣли ихъ. Зато такъ называемая «красная трава» быстро привилась и теперь соперничаетъ съ земными растеніями. Осо-

бенно быстро и пышно росла она въ первое время. На третій или на четвертый день послѣ паденія пятого цилиндра, она покрыла всѣ стѣны ямы, примыкавшей къ нашей тюрьмѣ, и побѣги ея, похожіе на вѣтви кактуса, свѣсились красной бахромой по краямъ нашего трехугольнаго окошечка. Впослѣдствіи, я находилъ ее во многихъ мѣстахъ, особенно по берегамъ ручьевъ и протоковъ.

То, что мы считаемъ слуховымъ органомъ марсіанъ, есть не болѣе, какъ круглое отверстіе на задней сторонѣ головы—плотно затянутое барабанной перепонкой; устройство ихъ зрительнаго аппарата мало тѣмъ отличается отъ нашего, съ тою разницей, что, по мнѣнію Филиппса, синій и фіолетовый цвѣта кажутся имъ черными. Большинство думаютъ, что они сообщались между собой съ помощью звуковъ или прикосновенія щупальцевъ; такъ полагаетъ, напримѣръ, авторъ памфлета, о которомъ я уже упоминалъ,—остроумнаго, но слишкомъ поспѣшно составленнаго и не основаннаго на личныхъ наблюденіяхъ; очень жаль, что этотъ памфлетъ служить главнымъ источникомъ свѣдѣній о марсіанцахъ. Изъ людей ни одинъ не имѣлъ возможности такъ близко и такъ долго наблюдать марсіанъ, какъ наблюдалъ ихъ я. Ничуть не думаю ставить это себѣ въ заслугу, но это—фактъ. Я наблюдалъ ихъ часами, изо дня въ день, видѣлъ по четыре, по пяти, однажды даже шесть марсіанъ за разъ, выполнявшихъ самыя сложныя работы, не обмѣниваясь ни звукомъ, ни жестомъ. Характерный крикъ, издаваемый ими, обыкновенно предшествовалъ принятію пищи; это былъ звукъ безъ модуляціи, и я вовсе не считалъ его сигналомъ; по моему, они просто выпускали воздухъ изъ легкихъ, передъ тѣмъ, какъ всасывалъ кровь. Я имѣю претензію на по крайней мѣрѣ элементарное знаніе психологій и твердо убѣжденъ, что обмѣнъ мыслей происходитъ у марсіанъ непосредственно, путемъ телепатическимъ. Я увѣрился въ этомъ, несмотря на сильное личное предубѣжденіе противъ телепатической теории, которое, если

припомнить читатель, я не разъ и довольно энергично высказывалъ въ своихъ сочиненіяхъ.

Марсіане совсѣмъ не носятъ одежды. Ихъ понятія о красотѣ и приличіи по необходимости должны развиться отъ нашихъ; притомъ же они, очевидно, не только менѣ насъ чувствительны къ переѣмамъ температуры, но и переѣмы давленія не вліяютъ серьезно на ихъ здоровье. Они отстаютъ отъ насъ въ эстетикѣ, зато ушли гораздо дальше насъ по пути пользы и удобства. Мы, люди, съ нашими велосипедами и коньками, съ воздушными шарами и пушками, только начинаемъ эволюцію, которая у нихъ уже закончена. Они на практикѣ сдѣлались интеллектами, облекающимися, смотря по надобности, въ разные тѣла, какъ мы мѣняемъ платье, садимся на велосипедъ, когда торопимся, или беремъ зонтикъ, когда идетъ дождь.

Въ устройствѣ ихъ приборовъ есть одна поразительная особенность: мы нигдѣ не встречаемъ въ нихъ *колеса*. Трудно предположить, чтобъ марсіане совсѣмъ не имѣли о немъ понятія; между тѣмъ они не только исключили его изъ своего обихода, но и вообще избѣгаютъ вращательнаго движенія въ одной плоскости, равно какъ и неподвижной оси. Во всѣхъ ихъ машинахъ дѣйствуетъ сложная система рычаговъ, соединенныхъ между собою на подобіе суставовъ и приводимыхъ въ движеніе электричествомъ. Электрический токъ идетъ черезъ диски, обтянутые эластической оболочкой и представляющіе собой нѣкоторое подобіе искусственныхъ мышцъ; при прохожденіи тока, диски поляризуются, съ силой сокращаются и приводятъ въ дѣйствіе рычаги. Вотъ почему эти машины, съ перваго взгляда, можно принять за живыя существа.

Именно такъ устроена была крабообразная машина, на моихъ глазахъ распакующая цилиндръ. Она несравненно больше походила на живое существо, чѣмъ сами марсіане, грѣвшіеся на солнышкѣ, расправляя свои валыя щупальца, и медленно передвигавшіеся съ мѣста на мѣсто.

Я не могъ оторвать отъ нихъ глазъ,

отмѣчалъ въ умѣ каждую особенность ихъ внѣшняго вида, какъ вдругъ кто-то сильно дернулъ меня за руку. Это священникъ напомнилъ мнѣ о моемъ присутствіи. Я обернулся и увидалъ мрачное, нахмуренное лицо и краснорѣчивый взглядъ. Онъ хотѣлъ, чтобъ я пустилъ его къ щели; ея было достаточно только для одного. Пришлось отойти и уступить ему мѣсто.

Когда снова пришла моя очередь, неустоимая машина уже повытаскала изъ цилиндра всѣ отдѣльныя части механизмовъ и теперь составляла изъ нихъ аппаратъ, весьма похожій на нее самое. Кругомъ ямы по-прежнему бѣгали маленькій аппаратикъ, методически углубляя дно и обравнивая бока ея. Онъ шипѣлъ и свистѣлъ, и поминутно съ шумомъ выбрасывалъ струи зеленого пара; отсюда-то и происходили ритмическіе удары, отъ которыхъ вздрагивали стѣны нашего полуразрушеннаго убѣжища. Насколько я могъ судить, онъ дѣйствовалъ совершенно самостоятельно; при немъ не было ни одного марсіанина.

III.

Дни заключенія.

Появленіе второго треножника заставило насъ опротивѣть броситься въ кладовую; мы боялись, какъ бы марсіанинъ, съ своей возвышенной позиціи, не увидалъ насъ. Позже мы перестали этого бояться, потому что снаружи, да еще въ солнечный день, наше отверстіе должно было казаться темной дырой, въ которой нельзя различить никакихъ подробностей; но вначалѣ стоило марсіанину подойти хоть на шагъ ближе, и мы съ замираніемъ сердца устремлялись въ кладовую. Однако же, искушеніе поглядѣть въ щелочку было слишкомъ сильно и скоро преодолевало страхъ. Странно вспомнить: въ эти тяжелые дни, подъ гнетомъ такой опасности, — вѣдь мы были между двумя смертями, голодной смертью и другой, еще болѣе ужасной, — мы ухитрялись даже ссориться изъ-за очереди. Мы наперегонки бѣжали къ отверстію,

стараясь при этомъ не дѣлать шума,—что должно было казаться со стороны очень комично,—отталкивали другъ друга, доходили даже до драки.

Дѣло въ томъ, что наши характеры, привычки и взгляды были совершенно несовѣстимы, и насильственное уединеніе вдвоемъ еще болѣе подчеркивало эту разницу. Еще въ Галифордіи мнѣ опротивѣли его тупое упрямство и бессильныя жалобы. Его вѣчное бормотанье себѣ подъ носъ заставляло меня терять нить мыслей, не давало сосредоточиться, придумать какой-нибудь выходъ изъ нашего положенія, доводило иногда до безумія. Онъ совершенно не умѣлъ сдерживаться: то капризничалъ, какъ женщина, то плакалъ по дѣльнымъ часамъ, какъ балованное дитя, воображая, что эти безпомощныя слезы и причитанья могутъ избавить его отъ опасности. Къ тому же онъ ѣлъ больше меня, и я напрасно доказывалъ ему, что намъ необходимо беречь пищу, такъ какъ нашъ единственный шансъ на спасеніе—продержаться въ разрушенномъ домѣ до тѣхъ поръ, пока марсіане не уйдутъ изъ ямы. Онъ продолжалъ ѣсть по-прежнему и спать очень мало.

День за днемъ его безпечность и пренебреженіе къ моимъ просьбамъ усугубляли опасность и тягость нашего положенія; пришлось прибѣгнуть къ угрозамъ и даже,—какъ это ни было противно для меня,—къ кулакамъ. На время онъ образумился, потомъ опять пошло то же. Онъ былъ изъ тѣхъ слабыхъ натуръ, которые вѣчно хитрятъ, виляютъ, лгутъ не только Богу и людямъ, но даже самимъ себѣ,—трусливая, анемичная, мелко-ненавистническая душонка. Мнѣ непріятно вспоминать и тѣмъ болѣе писать объ этомъ, но въ своемъ рассказѣ я не долженъ пропускать ничего. Это никогда не заглядывалъ въ мрачныя глубины жизни, кто черпалъ лишь изъ прописей понятія о добротѣ и злѣ, тотъ осудить меня за жестокость, въ особенности за послѣдній порывъ ярости во время финала нашей трагедіи. Но кто самъ былъ на волосокъ отъ смерти, кто, подвергаясь ежеминутной опасности, поневолѣ долженъ былъ вернуться къ пер-

вобытному состоянію, тотъ будетъ снисходительнѣе.

Пока мы шепотомъ бранились въ темнотѣ и дрались за питье и пищу, снаружи, подъ знойными лучами яркаго юньскаго солнца, изъ дня въ день шла непривычная и странная для насъ, но крайне дѣятельная жизнь марсіанъ. Возвращаясь къ рассказу о моихъ наблюденіяхъ.

Когда, послѣ долгаго выжиданія, я рѣшился, наконецъ, снова заглянуть въ отверстіе, оказалось, что къ пришельцамъ присоединились еще три марсіанина на треножникахъ, принеся съ собой запасъ новыхъ машинъ и приспособленій. Вторая многоручная машина была теперь совершенно готова и хлопотала возлѣ одного изъ принесенныхъ приборовъ. Приборъ состоялъ изъ металлическаго цилиндра, похожаго на кружку для молока; надъ цилиндромъ висѣлъ грушеобразный приемникъ; изъ цилиндра сыпался непрерывной струей бѣлый порошокъ въ подставленный внизу круглый бассейнъ.

Многоручная машина одной рукой общала приемнику маховое движеніе; двумя другими, лопатовидными, копала глину со дна ямы и бросала ее въ приемникъ; четвертой отъ времени до времени отворяла дверку цилиндра и вытаскивала нѣчто вродѣ пережженного шлака. Пятая стальная рука направляла порошокъ изъ резервуара по желобу, въ какой то невидимый для меня другой приемникъ, скрытый за кучей голубоватой пыли. Изъ этого невидимаго приемника поднималась вертикально кверху тоненькая струйка зеленого дыма. На моихъ глазахъ многоручная машина, мелодически звякнувъ, выдвинула впередъ новую руку, которая мигъ назадъ представляла собой лишь тупую выпуклость, какъ выдвигаютъ трубку изъ телескопа. Еще мигъ,—и новая стальная рука вытаскивала изъ-за кучи глины только что отлитую, ослѣпительно блестящую полосу бѣлаго алюминія, сверкнула ею въ воздухъ и опустила на грудь такихъ же полосъ, присловенныхъ къ одной сторонѣ ямы. Отъ заката солнца до восхода звѣздъ машина выковала болѣе

сотни такихъ полосъ, а куча голубой пыли выросла до такой степени, что даже выдвинулась изъ ямы.

Рѣзкій контрастъ представляла быстрая и сложная работа машинъ съ неподвижностью или неуклюжими движениями ихъ повелителей; просто не вѣрилось, что изъ двухъ живыхъ существа не первые, а вторые.

Въ то время, какъ въ яму въ первый разъ притаились люди, у отверстія находился священникъ. Я сидѣлъ на полу, скорчившись, и напрягая слухъ изъ всѣхъ силъ. Вдругъ онъ отшатнулся; я чуть не умеръ отъ ужаса, воображивъ, что мы открыты. Онъ безшумно соскользнулъ внизъ и скорчился возлѣ меня, молча жестикую. Съ минуту я не шевелился, напуганный не меньше его, но потомъ сообразилъ, что онъ уступаетъ мнѣ свое мѣсто, и любопытство пересилило страхъ. Я всталъ, перешагнулъ черезъ него и полѣзъ на кучу щебня, къ отверстию.

Вначалѣ я не могъ понять причины его испуга. На дворѣ совѣтъ смеркло, звѣзды слабо мерцали, но яма была освѣщена дрожащимъ зеленымъ свѣтомъ происходящимъ отъ плавки алюминія. Въ промежуткахъ между вспышками зеленого пламени, по ямѣ бродили колеблющіяся, черныя тѣни; все вмѣстѣ представляло странную картину, крайне утомительную для глазъ. Надъ ямой, привлеченныя свѣтомъ, носились летучія мыши. Марсіанъ совѣтъ не было видно за огромной кучей синева-зеленой пыли; въ одномъ углу стоялъ треножникъ, съ подогнутыми ножками. Среди лязга и звона металла мнѣ слышались было человѣческіе голоса, но вначалѣ я не повѣрилъ своимъ ушамъ.

Скорчившись, я принялся наблюдать за треножникомъ и замѣтилъ, что въ клубѣ его сидитъ марсіанинъ. Вспышки зеленого пламени освѣщали его блестящіе глаза и лоснящуюся кожу. Вдругъ кто то вскрикнулъ, и стальная рука протянулась черезъ плечо машины къ небольшой кѣткѣ, висѣвшей у нея за спиной, — протянулась, чтобы извлечь оттуда что то темное и отчаянно сопротивлявшееся. Затѣмъ темный предметъ

опустился, блеснулъ свѣтъ, и я увидалъ—человѣка. Нѣсколько секундъ я отчетливо видѣлъ его. Это былъ плотный рыжеватый господинъ среднихъ лѣтъ, хорошо одѣтый; дня три тому назадъ онъ, онъ, вѣроятно, представлялъ собой особу, пользовался въ своемъ кругу почетомъ и уваженіемъ. Я какъ сейчасъ вижу его выкатившіеся отъ ужаса глаза, игру свѣта на его цѣпочкѣ и запонкахъ. Онъ исчезъ за кучей пыли, и на минуту все стихло. Затѣмъ послышался радостный пискъ марсіанъ...

Я кубаремъ скатился съ кучи щебня, зажалъ руками уши и кинулся въ кладовую. Священникъ, до тѣхъ поръ молча раскачивавшійся на мѣстѣ, обхвативъ руками голову, замѣтивъ мое бѣгство, чуть не громко разрыдался и побѣждалъ вслѣдъ за мной...

Всю эту ночь мы провели въ кладовой; насъ тянуло къ отверстию, но отвращеніе пересиливало. Я чувствовалъ, что не въ состояніи больше оставаться безъ дѣла, но напрасно старался придумать планъ бѣгства; только на другой день мнѣ удалась вполнѣ осмыслить наше положеніе. Посовѣтоваться было не съ кѣмъ: священникъ, подъ вліяніемъ постоянного страха, совершенно потерялъ способность разсуждать и сдерживать свои порывы; въ сущности, это былъ ужъ не человѣкъ, а животное. Но я, какъ говорится, обѣими руками цѣплялся за ускользящій разумъ. Обдумавъ все хорошенъко, я понялъ, что, какъ ни ужасно наше положеніе, отчаяваться пока было нечего. Возможно, что марсіане лишь временно расположились въ ямѣ;—это былъ нашъ главный шансъ на спасеніе. Или же, если они и останутся въ ямѣ, то не будутъ особенно тщательно стеречь ее, и намъ, можетъ быть, удастся бѣжать. Не попытаться ли прорыть подземный ходъ подъ ямой и черезъ него выбраться наружу? Я тщательно взвѣсилъ всѣ шансы за и противъ. Нѣтъ, это слишкомъ рискованно: мы легко можемъ наткнуться на караульщика марсіанина. Притомъ же мнѣ пришлось бы копать одному. Священника не убѣдишь помогать.

На третій день, если не ошибаюсь,

въ ямѣ снова былъ убитъ человѣкъ. Это былъ единственный разъ, что я видѣлъ своими глазами, какъ питаются марсіане... Послѣ этого я долго не могъ подойти къ отверстию. Я пошелъ въ кладовую и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ копалъ топоромъ, стараясь дѣлать это по возможности безшумно; но едва я успѣлъ выкопать ходъ фута въ два глубины, какъ верхняя стѣнка его обрушилась, и я не смѣлъ продолжать. Я совсѣмъ упалъ духомъ и долго лежалъ на полу кладовой, не имѣя силы даже пошевелиться. Послѣ этого у меня пропала надежда спастись черезъ под-копъ.

Вначалѣ мнѣ и на умъ не приходило ждать избавленія отъ людей,—вотъ до чего я былъ подавленъ могуществомъ марсіанъ. Но на четвертую или пятую ночь стали слышаться какъ будто пушечные выстрѣлы.

Было за полночь, луна свѣтила ярко. Аппаратикъ для выгребанія земли куда то убрали; кромѣ треножника на дальнемъ концѣ ямы и многоручной машины работавшей какъ разъ подъ моимъ окошечкомъ и потому невидимой для меня, въ ямѣ никого не было. Мрачная глубина ея освѣщалась лишь слабымъ блескомъ, исходившимъ отъ многоручной машины, да полосами луннаго свѣта; кромѣ звяканья металлическихъ рукъ не было слышно ни звука. Ночь была чудная, удивительно теплая и тихая; на небѣ безраздѣльно царила луна. Гдѣ то завyla собака; я невольно сталъ прислушиваться къ знакомому звуку. Вдругъ вдали глухо грянулъ пушечный залпъ. Я насчиталъ шесть выстрѣловъ, затѣмъ послѣ долгаго промежутка, еще шесть. И снова все стихло.

IV.

Смерть священника.

На шестой день, отвернувшись на минуту отъ отверстия, чтобы дать отдыхъ глазамъ, я не нашелъ возлѣ себя никого. Вмѣсто того, чтобы цѣпляться за меня и стараться оттащить меня отъ отверстия, какъ онъ это обыкновенно

дѣлалъ, священникъ ушелъ въ кладовую. Внезапно догадка какъ молнія, мелькнула въ моемъ умѣ. Я поспѣшилъ назадъ въ кладовую и еще у дверей услышалъ бульканье: онъ очевидно шилъ. Я протянулъ руку и въ темнотѣ нащупалъ бутылку бургонскаго.

Нѣсколько минутъ мы молча боролись. Бутылка упала на полъ и разбилась; тогда я выпустилъ руки священника: мы стояли другъ противъ друга, тяжело дыша, какъ два врага. Наконецъ, я рѣшительно загородилъ собой полки съ провизіей и объявилъ, что дольше этого не потерплю. Я раздѣлилъ все оставшееся на десять порцій, которыхъ намъ должно было хватить на десять дней, и сказалъ, что не позволю ему ѣсть больше назначеннаго. Подъ вечеръ онъ опять пытался добраться до провизіи. Я дремалъ, но, заслышавъ, какъ онъ шарить, мигомъ проснулся. Весь день и всю ночь мы сидѣли другъ противъ друга: я усталъ, но твердо рѣшилъ настоять на своемъ; онъ плакалъ и жаловался на голодъ. Я зналъ, что мы сидѣли такъ только день и ночь, но мнѣ эти сутки показались вѣчностью.

Наша взаимная вражда все росла и, наконецъ, прорвалась наружу. Два безконечныхъ дня мы ссорились и мирились, стараясь говорить шепотомъ. Я то набрасывался на него съ кулаками, то ласкалъ и уговаривалъ его, какъ ребенка, разъ даже подкупилъ его послѣдней бутылкой бургонскаго;—мнѣ оставался насосъ, съ помощью котораго я всегда могъ получить воду. Но ни ласки, ни побоя не дѣйствовали: онъ совсѣмъ лишился разсудка. Онъ не прекращалъ ни своихъ набѣговъ на провизію, ни своего монотоннаго и слишкомъ громкаго бормотанья, не хотѣлъ соблюдать самыхъ примитивныхъ предосторожностей. Мало-по-малу я понималъ, что имѣю дѣло съ помѣшаннымъ, что единственный мой товарищъ по заключенію пересталъ быть человѣкомъ.

Судя по нѣкоторымъ обрывкамъ воспоминаній, надо думать, что временами я самъ былъ близокъ къ безумію. Во снѣ меня душилъ кошмаръ, преслѣдовали отвратительныя видѣнія. Какъ

это ни странно, я положительно убѣжденъ, что только близость помѣшаннаго поддержала во мнѣ бодрость духа и спасла мой разумъ.

На восьмой день священникъ началъ говорить громко, и я ничѣмъ не могъ заставить его понизить голосъ.

— Правъ Ты, Господи, и справедливо караешь насъ!—повторялъ онъ снова и снова.—На мнѣ проклятіе Твое,—на мнѣ и подобныхъ мнѣ! Мы согрѣшили передъ Тобою, мы были недостойны своего званія. Кругомъ горе, нищета; бѣдныхъ топтали въ грязь, а я стоялъ и смотрѣлъ. Я проповѣдывалъ терпѣніе—жалкій безумецъ!—вмѣсто того, чтобы возстать и громить нечестивыхъ, хотя бы мнѣ пришлось заплатить за это жизнью,—и призывать утѣснителей къ раскаянію. Покайтесь, угнетающіе бѣднаго и немущаго!.. Тиски готовы въ виноградникъ Божіемъ!..

Эти безсвязныя рѣчи прерывались жалобами на то, что я не даю ему ѣсть, и попытками завладѣть пищею. Онъ просилъ, умолялъ, плакалъ, наконецъ, сталъ грозить. Замѣтивъ, что меня пугаетъ каждый его громкій возгласъ, онъ сталъ грозить, что нарочно крикомъ соберетъ сюда марсіанъ. Сначала это напугало меня, но уступить было немилосливо: это значило рисковать голодной смертію. Я сдѣлалъ видъ, что не боюсь его угрозъ, хотя не былъ увѣренъ, что онъ не приведетъ ихъ въ исполненіе. Однако день окончился благополучно. Весь слѣдующій день онъ говорилъ, не умолкая и постепенно повышая голосъ. Угрозы, мольбы, полубезумные укоры себѣ за то, что онъ не былъ достоинъ своего призванія, не умѣлъ служить Богу, лились потокомъ изъ устъ его. Жалость закралась въ мое сердце, и я ужъ не прерывалъ его. Наконецъ, онъ уснулъ.

Подкрѣпившись сномъ, онъ сѣлъ и заговорилъ такъ громко, что я самъ чуть не крикнулъ:

— Замолчите!

Не слушая меня, онъ сталъ на колѣни.

— Я слишкомъ долго молчалъ. Пора мнѣ свидѣтельствовать о Господѣ. Горе нечестивому городу! горе! горе! горе! Трепещите, земные! Прозвучала труба...

Онъ такъ кричалъ, что въ ямѣ на-вѣрно было слышно.

— Замолчите!—прохрипѣлъ я, въ неопisanномъ ужасѣ вскакивая на ноги,—Ради самого Бога!...

— Нѣтъ!—прервалъ онъ меня, зычнымъ голосомъ, тоже вставъ и простирая руки.—Говорить надо! Глаголомъ жечь сердца!

Въ три прыжка онъ очутился у двери.

— Я долженъ свидѣтельствовать о Господѣ. Я слишкомъ долго медлилъ. Иду!

Я протянулъ руку, нащупалъ висѣвшую на стѣнѣ сѣчку для мяса, схватилъ ее и, обезумѣвъ отъ ярости, бросился велѣть за священникомъ. Онъ не успѣлъ еще перебѣжать черезъ кухню, какъ я настигъ его. Движимый остаткомъ состраданія, я повернулъ лезвіе къ себѣ и ударилъ его рукояткой. Онъ упалъ и растянулся на полу, такъ что я споткнулся объ него. Бѣжать было дальше некуда; я стоялъ, тяжело дыша; онъ лежалъ неподвижно.

Вдругъ снаружи послышалось шуршанье, шумъ отъ паденія штукатурки, и чья-то тѣнь закрыла отъ насъ трехугольное отверстіе въ стѣнѣ. Я поднялъ глаза. Въ щель виднѣлась блестящая поверхность многоручной машины; одна рука ея разворачивала мусоръ, другая ощупью пробиралась между упавшими брусками. Я оцѣпенѣлъ на мѣстѣ. Но вотъ въ зеркальной пластинкѣ, прикрѣпленной къ этой рукѣ отразилось лицо и глаза марсіанина, очевидно, осматривавшаго наше помѣщеніе съ помощью зеркала. Еще мигъ—и длинная металлическая змѣя-рука медленно продвинулась сквозь отверстіе.

Я заставилъ себя отвернуться и по-пятился къ двери кладовой. Рука вошла уже ярда на два и рѣзкими угловатыми движеніями поворачивалась то въ одну сторону, то въ другую, изслѣдуя мѣстность. Я стоялъ, какъ очарованный и, не отрываясь, слѣдилъ за этими странными порывистыми движеніями, затѣмъ, вдругъ опомнившись, съ глухимъ, слабымъ крикомъ бросился въ кладовую. Я дрожалъ всѣмъ тѣломъ, колѣни мои подгибались. Стоя въ темнотѣ, я съ

ужасомъ глядѣлъ на слабо освѣщенную дверь, ведущую въ кухню, и прислушивался. Замѣтилъ-ли меня марсіанинъ? Что тамъ теперь творится?

Стальная рука продолжала шарить по комнатѣ, ощупывая стѣны и полъ, съ легкимъ металлическимъ звономъ, напоминающимъ звяканье ключей на кольцахъ. Затѣмъ слышно было, какъ она тащила къ отверстію какое-то тяжелое тѣло,—я слишкомъ хорошо зналъ, чье. Будучи не въ силахъ оставаться далѣе въ неизвѣстности, я подкрался къ двери и заглянулъ въ кухню. Въ отверстіе виденъ былъ, весь на свѣту, марсіанинъ, осматривавшій голову священника. Мнѣ сразу пришло въ голову, что знакъ отъ удара на вискѣ несчастнаго выдастъ ему мое присутствіе.

Я неслышно отступилъ назадъ, спрятавшись въ дровяной чуланъ и, забившись въ самый дальній уголъ, принялся наваливать на себя уголь и дрова. По временамъ я останавливался и прислушивался.

Немного погода металлическое звяканье послышалось снова, свачала въ кухню, потомъ ближе—должно быть, въ кладовой. Рука опять ощупывала полъ. Оставалась одна надежда,—что она недостаточно длинна, чтобы достать до чулана. Никогда въ жизни я не молился такъ горячо... Вотъ что-то звякнуло у самой двери, потомъ дальше... Слава Богу, мимо!.. Еще цѣлая вѣчность нестерпимо мучительнаго ожиданія—и кто-то тронулъ щеколду. Рука нашла дверь! Марсіане умѣютъ обращаться съ дверями!..

Съ минуту рука возилась за щеколдой, затѣмъ дверь отворилась.

Что-то длинное, тонкое, вродѣ слоновьяго хобота, направлялось ко мнѣ, ощупывая по пути стѣны, уголь, дрова, потолокъ,—что-то похожее на чернаго червя, раскачивающаго во всѣ стороны своей слѣпой головой.

Разъ онъ дотронулся до моего каблука. Я закусилъ руку, чтобы не вскрикнуть. Нѣсколько времени все было тихо; я сталъ надѣяться, что рука убралась. Вдругъ она, сильно звякнувъ, схватила что-то—я ужъ думалъ, что меня—

и потащила вонъ изъ чулана. Должно быть ей попался мѣшокъ съ углемъ.

Я воспользовался случаемъ расправить затекшіе члены, перемѣнилъ положеніе и снова сталъ прислушиваться, горячо моля Бога избавить меня отъ такой ужасной смерти.

Послышался шорохъ, тихое звяканье—рука опять приближалась, ощупывая стѣны и мебель. Внезапно она ударила въ дверь чулана и затворила ее. Я слышалъ, какъ она шарилъ въ шкафу, стуча жестянками изъ подъ бискупитовъ; одна бутылка разбилась; потомъ что-то тяжелое упало на полъ у самой двери чулана, потомъ—наступило безконечное, томительное молчаніе.

Ушла-ли рука?

Въ концѣ концовъ я рѣшилъ, что ушла.

Въ кладовой ея, во всякомъ случаѣ, уже не было, но я весь день пролежалъ въ темнотѣ, между углемъ и дровами, не смѣя выползти даже для того, чтобы напиться, хотя жажда страшно меня мучила. Только на одиннадцатый день я рѣшился выйти изъ своего убѣжища.

У.

Безмолвіе.

Я вылѣзъ въ кладовую, плотно приотворилъ дверь въ кухню и началъ шарить въ шкафу, но провизія исчезла безъ слѣда. Очевидно, марсіанинъ всю ее выбралъ наканунѣ. Это открытіе привело меня въ отчаяніе. Весь этотъ день и слѣдующій я ничего не ѣлъ и не пилъ.

Во рту и въ горлѣ у меня пересохло и саднило нестерпимо; силы мои быстро убывали. Я сидѣлъ въ кладовой, въ полной темнотѣ, предаваясь безсильному отчаянію. Думать я не могъ ни о чемъ, кромѣ пищи. Мнѣ казалось, что я оглохъ, такъ какъ изъ ямы до меня не доносилось болѣе привычныхъ звуковъ. Я не чувствовалъ въ себѣ даже силы подкрасться безшумно къ отверстію, иначе, конечно, выглянуть бы наружу.

На двѣнадцатый день у меня до того

разболѣлось горло, что, рискуя привлечь вниманіе марсіанъ, я накачалъ себѣ два стакана дождевой воды изъ неистово скрипѣвшаго насоса, помѣщавшагося рядомъ съ помойной ямой. Вода была мутная и съ какимъ-то подозрительнымъ вкусомъ, но все-таки страшно освѣжила меня; притомъ же, убѣдившись, что несмотря на скрипѣнье насоса, стальная рука не появляется въ отверстіи, я значительно ободрился.

На тринадцатый день я выпилъ еще воды и, дремля, то мечталъ о ѣдѣ, то строилъ туманные и невыполнимые планы бѣгства. Потомъ я уснулъ по настоящему и все время меня мучилъ кошмаръ: представлялась то картина смерти священника, то роскошный пиръ; но и во снѣ, и на яву боль въ горлѣ не унималась, и я снова и снова заливалъ ее водой. Свѣтъ, проникавшій въ кладовую, казался ужъ не сѣрымъ, а краснымъ. Разстроенное воображеніе подсказывало мнѣ, что это цвѣтъ крови.

На четырнадцатый день я вышелъ въ кухню и поразился, увидавъ, что красная трава бахромой своей завѣсила все наше окошечко; оттого-то полумракъ, царившій въ кухнѣ, и принялъ красноватый оттѣнокъ.

На пятнадцатый день рано утромъ я услышалъ какіе-то знакомые звуки въ кухнѣ и, прислушавшись, сообразилъ, что это паралается собака. Я прошелъ туда. Дѣйствительно, сквозь красную листву просунулся собачій носъ и обнюхивалъ воздухъ. Это очень удивило меня. При видѣ меня собака тявкнула.

Мнѣ пришло въ голову, что хорошо было-бы заманить ее сюда, чтобы убить и съѣсть, и потомъ,—что убить ее во всякомъ случаѣ не мѣшало бы, такъ какъ лай ея можетъ привлечь вниманіе марсіанъ.

Я поползъ впередъ и сталъ ласково звать ее: «Поди, поди сюда, собачка»; но она отскочила назадъ и убѣжала.

Теперь я убѣдился, что не оглохъ,—сталъ прислушиваться, но изъ ямы положительно ничего не было слышно. Разъ только раздалось хлопанье крыльевъ, хриплое карканье—и снова все стихло.

Долго я лежалъ возлѣ самаго отверстія, не смѣя раздвинуть бахрому листьевъ. Раза два кто-то легкими шагами пробѣжалъ по песку,—должно быть, собака,—снова раздалось хлопанье крыльевъ и снова все смолкло. Наконецъ, ободренный этой тишиной, я рѣшился выглянуть.

Въ ямѣ не было ни души; только въ углу, надъ остатками труповъ дрались и копошились вороны.

Я оглядѣлся вокругъ, не вѣря глазамъ. Машины исчезли всѣ до одной. Еслибъ не куча шлага въ углу, нѣсколько забытыхъ полозъ алюминія, не вороны и скелеты въ углу, лагерь марсіанъ ничѣмъ не отличался-бы отъ обыкновенной большой круглой песочной ямы.

Я осторожно высунулся изъ отверстія. Теперь мнѣ видна была окрестность по тремъ направленіямъ; марсіанъ не было и въ поминѣ. Подъ ногами у меня былъ обрывъ, но нѣсколько дальше можно было безопасно спуститься по скату. Путь къ бѣгству открытъ. Я весь задрожалъ отъ радости.

Нѣсколько времени я колебался, потомъ, въ приливѣ отчаянной рѣшимости, съ сильно бьющимся сердцемъ, вскарабкался на вершину холма, подъ которыми былъ такъ долго похороненъ, и снова оглядѣлся кругомъ.

Нигдѣ ни признака марсіанъ.

Послѣдній разъ, какъ я видѣлъ эту часть деревни при дневномъ свѣтѣ, она представляла собой чистенькую, въ гору идущую улицу съ хорошенькими домиками, обсаженными высокими тѣнистыми деревьями. Теперь я стоялъ на кучѣ битаго кирпича, глины и щебня, густо поросшей красными, кактусообразными растеніями, доходившими мнѣ до коѣнъ; лишь кое-гдѣ пробивалась уцѣлѣвшая зеленая травка. Деревья возлѣ меня почернѣли и засохли; подальше виднѣлись еще живые стволы, обвитые сѣтью красныхъ побѣговъ.

Сосѣдніе дома всѣ были разрушены, но ни одинъ не сгорѣлъ; стѣны мѣстами совсѣмъ уцѣлѣли, но окна всѣ были выбиты и двери сорваны съ петель. Комнаты, лишенные половъ, заросли

той-же красной травой. Подъ ногами у меня зіяла огромная яма, гдѣ вороны дрались надъ трупами. Множество всякой другой птицы рѣяло и прыгало по развалинамъ. Вдали, по стѣнѣ, крадучись, пробиралась исхудалая кошка; но нигдѣ незамѣтно было никакихъ слѣдовъ человѣка.

По контрасту съ моей недавней тюрьмой, дневной свѣтъ показался мнѣ ослѣпительнымъ, небо—необычайно яркимъ. Легкій вѣтерокъ колебалъ верхушки красной травы, заполонившей все свободное пространство. А этотъ свѣжій ароматный воздухъ! Нѣтъ словъ описать, съ какимъ наслажденіемъ я вдыхалъ его.

VI.

Что произошло за эти двѣ недѣли.

Нѣсколько времени я простоялъ на холмѣ, забывая даже о томъ, что меня могутъ увидѣть. Въ темной норѣ, гдѣ я провелъ эти двѣ недѣли, я могъ думать только объ одномъ—о собственной безопасности, и не дѣлалъ никакихъ догадокъ насчетъ того, что происходило въ это время съ землею, и зрѣлище, открывшееся моимъ глазамъ, поразило меня своей необычайностью. Я ожидалъ увидать Шинъ въ развалинахъ,—передо мной былъ мрачный ландшафтъ, перенесенный съ другой планеты.

Въ эти минуты я испытывалъ чувство, невѣдомое обыкновенному человѣку, но слишкомъ хорошо знакомое бѣднымъ животнымъ, которыхъ мы подчинили себѣ. Такое чувство, вѣроятно, испытываетъ кроликъ, когда, вернувшись къ своей норѣ, онъ вдругъ видитъ на ея мѣстѣ яму, выкопанную для закладки дома. Впервые въ эти минуты въ умѣ моемъ мелькнула мысль, которая потомъ выяснилась, приняла опредѣленную форму и долго мучила меня—сознаніе, что меня свергли съ престола, что я уже не царь творенія, не господинъ, но такое же животное, какъ всѣ животныя, прижатое пятою марсіанъ,—что теперь мнѣ предстоитъ, какъ животному, прятаться, подстерегать, лукавить и спасаться бѣг-

ствомъ,—что владычество человѣка миновало навсегда.

Но лишь только я уяснилъ себѣ эту мысль, какъ она исчезла, и остался главный импульсъ—голодь. Невдалекѣ отъ ямы, за стѣной, обвитой красной порослью, я увидалъ нетронутый уголокъ сада и пошелъ туда, иногда по колѣни, иногда и по шею въ красной травѣ. Это мнѣ было даже пріятно, такъ какъ я чувствовалъ себя въ безопасности. Стѣна была футовъ въ шесть вышины; я попробовалъ влѣзть на нее и не могъ. Я пошелъ въ обходъ и наткнулся на камень, который помогъ мнѣ взобраться на гребень стѣны, а оттуда я кубаремъ скатился въ садъ. Здѣсь нашлось нѣсколько грядъ и на нихъ зеленый лукъ, сельдерей и множество незрѣлой моркови. Я поѣлъ, наварилъ овощей про запасъ и, выѣзши черезъ отверстіе въ стѣнѣ, пошелъ по направленію къ Бью. По бокамъ дороги стѣной стояли алыя и малиновыя деревья,—словно гигантскія капли крови. Два побужденія руководили мной—добыть себѣ пищи и выбраться поскорѣе изъ проклятаго района марсіанской ямы.

Нѣсколько дальше, на полянкѣ, поросшей сочной травой, мнѣ попались грибы, которые я также съѣлъ и еще дальше неглубокая темная лужа съ точной водой, на томъ мѣстѣ, гдѣ еще недавно были луга. Вначалѣ меня удивило появленіе этой лужи, тѣмъ болѣе, что лѣто стояло сухое и жаркое, но потомъ я встрѣчалъ еще много такихъ же и понялъ, откуда онѣ взялись. Всею причиной была красная трава. Встрѣтивъ воду, она начинала расти съ необычайной быстротой и плодovitостью. Сѣмена ея попали въ волны Воя и Темзы; быстро разрастаясь, она увлекала съ собой воду и въ концѣ концовъ заставила обѣ рѣки соединиться.

Въ Путни изъ-за красной травы не видно было моста; въ Ричмондѣ Темза, подъ напоромъ ея, выпустила изъ себя широкій и мелкій ручей, протекавшій по лугамъ Гемптона и Твикенгема. Чѣмъ дальше разливался ручей, тѣмъ гуще разрасталась по берегамъ его красная трава, покрывая собой слѣды разру-

шенія; въ ней потонули всѣ развалины дачъ въ долині Темы.

Скажемъ кстати, что красная трава погибла такъ же быстро, какъ и наполнила землю. На нее напала какая-то болѣзнь, вродѣ ржавчины. Земныя растенія, путемъ естественнаго подбора, работали себѣ способность противодѣйствовать бактеріямъ и погибаютъ только послѣ долгой борьбы; красная же трава бороться не умѣла и лишь только на листьяхъ ея появлялись бѣлыя пятна, они съеживались, становились хрупкими и отпадали, какъ мертвые, при малѣйшемъ прикосновеніи. Тѣ же ручьи, которые были вызваны наружу ея быстрымъ ростомъ, унесли остатки ея въ море...

Подойдя къ лужѣ, я, конечно, первымъ дѣломъ напился вдоволь. Жажда была утолена, зато голодъ сталъ мучить меня еще сильнѣе; съѣденные мной овощи только раззадорили аппетитъ. Я сталъ было жевать листья красной травы, но они были водянисты и съ непріятнымъ металлическимъ вкусомъ. Тогда я пошелъ по водѣ, находя это болѣе безопаснымъ; но ноги мои путались въ красной травѣ; къ тому же ручей, чѣмъ ближе къ рѣкѣ, тѣмъ становился глубже. Пришлось повернуть къ Мортлаку. Стараясь держаться въ сторонѣ отъ дороги, крадучись вдоль разрушенныхъ дачъ и изгородей, я, наконецъ, добрался до вершины холма, съ котораго виденъ Рогемптонъ, а оттуда вышелъ на Путнійскій лугъ.

Декорация измѣнилась: передо мной опять была знакомая картина, только носившая слѣды разрушенія. Мѣстами точно циклонъ пронесся по землѣ; мѣстами же попадались полосы совершенно нетронутыя, чистенькіе домики съ опущенными жалюзи, какъ будто обитатели ихъ уѣхали на день, или же мирно спали. Красной травы здѣсь было меньше и по стволамъ деревьевъ она не вилась. Я искалъ ягодъ, но не нашелъ, обшарилъ два-три дома, но здѣсь уже видимо побывали раньше меня и выбрали все, что только было можно. Остатокъ дня я пролежалъ въ кустахъ, слишкомъ усталый и ослабѣвшій, чтобы двинуться дальше.

Все это время я не встрѣчалъ ни людей, ни марсіанъ. Попались мнѣ только два изголодавшихся пса, да и тѣ кружили около, но близко не подходили, несмотря на всѣ мои авансы и увѣщанія. Подъ Рогемптономъ я нашелъ два человѣческихъ скелета, — именно скелета, а не трупа, притомъ образцово очищенныхъ. Въ лѣсу валялись разбитыя кости кошекъ и кроликовъ и черепъ барана. Я поглотилъ было косточку, но это мало помогло, такъ какъ на ней не было и признака мяса.

Послѣ заката солнца, я опять выbralся на дорогу, ведущую въ Путни, и въ одномъ саду нашелъ изрядное количество незрѣлаго картофеля, которыми нѣсколько утолил свой голодъ. Изъ сада видны были мѣстечко Путни и рѣка. Тамъ марсіане должно быть пустили въ дѣло тепловой лучъ. Вся мѣстность, особенно въ сумерки, имѣла необычайно унылый видъ: черныя деревья, черныя руины домовъ; у подножія холма вздувшаяся рѣка съ красной водой. И кругомъ — безмолвіе. Неописанный ужасъ охватилъ меня, когда я вспоминалъ, какъ ожоро наступила эта печальная черемта.

Одно время я думалъ, что родъ человѣческой стертъ съ лица земли, и что я единственный человѣкъ, оставшійся въ живыхъ. У вершины Путни-Хилла я наткнулся на второй скелетъ, съ оторванными руками, валявшимися поодаль отъ тѣла. Съ каждымъ шагомъ я все болѣе убѣждался, что люди, — по крайней мѣрѣ, населеніе Англіи, — всѣ уничтожены, за исключеніемъ отдѣльныхъ единицъ, вродѣ меня, и марсіане ушли искать себѣ пищи въ другомъ мѣстѣ. Быть можетъ, теперь они опустошаютъ Берлинъ или Парижъ, или же двинулись дальше на сѣверъ...

VII.

Человѣкъ на Путни-хиллѣ.

Эту ночь я провелъ въ гостиницѣ, которая стоитъ на вершинѣ Путни-хилла, и въ первый разъ со дня бѣгства своего въ Лезерхэдъ, спалъ въ настоящей по-

стели. Не стану описывать, какого труда, — притомъ бесполезнаго, такъ какъ входная дверь оказалась потомъ даже незапертой, — мнѣ стоило пробраться въ домъ и какъ я обшарилъ всѣ комнаты въ напрасныхъ поискахъ за пищей. Въ послѣднюю минуту, уже дойдя до отчаянія, я нашелъ, кажется, въ спальнѣ служанки хлѣбную корку, изъѣденную мышами, и двѣ жестянки съ консервами ананаса. Очевидно, и здѣсь побывали ужь до меня. Въ буфетѣ потомъ нашлись еще забытые сухари и сандвичи. Послѣднихъ ѣсть уже нельзя было; первыми же я не только утолилъ голодъ, но и набилъ карманы про запасъ. Лампы я не зажигалъ, боясь привлечь вниманіе марсіанъ. Кто ихъ знаетъ — можетъ быть, они бродятъ здѣсь по ночамъ, подстерегая добычу. Къ ночи на меня напалъ страхъ; я переходилъ отъ окна къ окну, вглядываясь въ темноту и напрасно отыскивая какіе-либо признаки близости этихъ чудовищъ. Долго я не рѣшался лечь, заснулъ не скоро и спалъ очень мало. Зато, лежа въ постели, я много думалъ и думалъ послѣдовательно, — въ первый разъ со времени моего послѣдняго спора со священникомъ. Послѣднее время я испытывалъ лишь смутныя эмоціи, тупо воспринималъ впечатлѣнія, не перерабатывая ихъ; но въ эту ночь, вѣроятно, благодаря тому, что я поѣлъ, въ головѣ у меня прояснилось, и я опять началъ думать.

Думалъ я сразу о трехъ вещахъ: о смерти священника, о марсіанахъ и о судьбѣ моей жены. Первая мысль не вызвала во мнѣ ни ужаса, ни раскаянія; я смотрѣлъ на это, какъ на совершившійся фактъ, воспоминаніе о которомъ крайне непріятно, но не имѣетъ ничего общаго съ упорами совѣсти. Меня постепенно довели до этого цѣлымъ рядомъ мелкихъ случайностей; такая развязка была неизбѣжна. Я не осуждалъ себя, но картина его смерти неотступно стояла у меня передъ глазами. Во мракѣ и безмолвіи ночи, когда сильнѣе чувствуется близость Бога, я въ первый и послѣдній разъ призвалъ себя къ отвѣту за вспышку гнѣва и страха, заставившую меня нанести ему роковой ударъ.

Я припомнилъ, шагъ за шагомъ, все наше знакомство, съ того момента, какъ я увидалъ его сидящимъ возлѣ меня и разглагольствующимъ вмѣсто того, чтобы дать мнѣ напитокъ. Мы не годились въ товарищи другъ другу; слѣпой случай насъ сблизилъ. Еслибъ я предвидѣлъ, чѣмъ это кончится, я оставилъ бы его еще въ Галифордіѣ. Но я не предвидѣлъ, а преступленіе въ томъ, чтобы предвидѣть и сдѣлать. Свидѣтелей у меня не было: я могъ бы скрыть этотъ прискорбный фактъ; но я внесъ его въ свои записки, на ряду со всѣми остальными. Пусть читатель судить меня, какъ знаетъ.

Усилиемъ воли я отогналъ отъ себя образъ священника, распростертаго на полу, и сталъ думать о другомъ — о марсіанахъ и о судьбѣ жены. Ни для какихъ выводовъ данныхъ у меня не было; я могъ только строить догадки. И вотъ опять началось мученіе. Я сидѣлъ на постели, вглядываясь въ темноту, и молился — о томъ, чтобы тепловой лучъ сразу и безболѣзненно прекратилъ ея жизнь. Со дня своего возвращенія изъ Лезерехда я не молился. На краю гибели, въ минуты отчаянія, я шепталъ молитвы, какъ язычники бормочутъ заклинанія, но только теперь, среди мрака и безмолвія, лицомъ къ лицу съ неисповѣдимою тайной всемогущества Божія, я молился, по-настоящему, какъ разумный человѣкъ и хрістіанинъ. Странная ночь! и еще страннѣе то, что на утро, чуть свѣтъ, я, ночью бесѣдовавшій съ Богомъ, выползъ изъ дому, крадучись, какъ крыса изъ норы, чувствуя себя такой же крысой, низшимъ животнымъ, которое могутъ затравить и убить, которое исполнѣ зависитъ отъ прихоти своего господина. Кто знаетъ, можетъ быть животныя тоже вѣрятъ и молятся. Если война не научила насъ ничему другому, зато она, по крайней мѣрѣ, научила насъ состраданію къ бѣднымъ, безсловеснымъ тварямъ, страдающимъ подъ нашимъ владычествомъ.

Утро было свѣжее, ясное; небо на востокѣ окрасилось въ розовый цвѣтъ; легкія облачка скользили по немъ. Дорога, ведущая отъ вершины Путии-хиалы къ Вимблѣдону, была усыпана слѣдами

паническаго бѣгства, начавшагося съ вечера достопамятнаго воскресенья. Я видѣлъ, напримѣръ, двухколесную тележку съ надписью: «Томасъ Лоббсъ, зеленщикъ, Нью-Мольденъ»; возлѣ валялось сломанное колесо и пустой жестяной сундукъ; дальше—завязла въ уже отвердѣвшей грязи соломенная шляпа; на вершинѣ Вестъ-хилля, у опрокинутой водопойной колоды лежала куча битаго стекла, перепачканнаго кровью.

Я брелъ, едва передвигая ноги; въ головѣ моей роились смутные планы. Тянуло меня въ Лезерхэдъ, хотя я зналъ, что найти тамъ жену очень мало надежды. Само собой, она бѣжала вмѣстѣ съ семьей двоюроднаго брата, если только смерть не захватила ихъ всѣхъ врасплохъ; но мнѣ казалось, что тамъ можно узнать, куда направились бѣглецы изъ Суррея. Мнѣ страстно хотѣлось найти жену; сердце мое болѣло за нее и за все человечество, но какъ искать ее—этого я себѣ ясно не представлялъ. Только теперь я созналъ ясно свое полное одиночество.

Подъ прикрытіемъ деревьевъ и кустовъ я незамѣтно добрался до окраины Вимблдонскаго луга. На темной поверхности его выдѣлялись желтыми пятнами заросли дрова; красной травы не было видно. Съ того мѣста, гдѣ я стоялъ, открывался довольно обширный видъ на окрестность. Со страхомъ и трепетомъ въ душѣ я рѣшился, наконецъ, выйти на открытое мѣсто; въ это время взошло солнце, разливая вокругъ свѣтъ и жизнь. Лагушки дружно квакали въ маленькомъ болотцѣ между деревьями. Я долго слѣдилъ за ними, учась у нихъ крѣпкой рѣшимости жить. Внезапно я почувствовалъ на себѣ чей-то взглядъ, обернулся и увидалъ что то темное, притаившееся между кустами. Я шагнулъ въ ту сторону; темная масса приподнялась,—это былъ человекъ, вооруженный кортикомъ. Я медленно подошелъ къ нему. Онъ не шевелился и разглядывалъ меня молча.

Подойдя ближе, я замѣтилъ, что платье на немъ такое же пыльное и грязное, какъ и на мнѣ, даже хуже: его какъ будто таскали по подземелью или сквозь водосточную трубу. Вблизи я могъ разли-

чить на его одеждѣ слѣды зеленой тины, присохшіе комки глины и черныя полосы отъ сажки или угля. Волосы свѣшивались ему на глаза; лицо было темное и грязное, щеки впали; нижняя часть лица перерѣзана краснымъ шрамомъ. Я не сразу узналъ его.

— Стой!—крикнулъ онъ, хриплымъ голосомъ, когда я былъ уже въ десяти шагахъ. Я остановился.—Откуда идешь?

Я отвѣтилъ не сразу.

— Изъ Мортлака. Я былъ похороненъ подъ развалинами дома, близъ ямы, вырытой марсіанами для своего цилиндра. Потомъ мнѣ удалось выбраться наружу, и я убѣжалъ.

— Здѣсь ѣды не добудешь,—объявилъ онъ на отрѣзъ.—Это мой край: отъ холма до рѣки и назадъ, до Чобхэма, и весь лугъ,—все это мое. Тутъ пищи хватитъ только одному. Ты куда идешь?

Я медленно выговорилъ:

— Не знаю. Тринадцать или четырнадцать дней я прятался въ развалинахъ дома. Что происходило въ это время—не знаю.

Онъ посмотрѣлъ на меня подозрительно, потомъ вздрогнулъ и лицо его просвѣтлѣло.

— У меня нѣтъ никакого желанія оставаться здѣсь, — продолжалъ я. — Мнѣ хочется пройти въ Лезерхэдъ; тамъ осталась моя жена.

Онъ указалъ на меня пальцемъ.

— Это вы. Тотъ самый, что былъ въ Уэкинѣ. Такъ васъ не убили въ Вайбриджѣ?

Тутъ и я узналъ его.

— Вы тотъ артиллеристъ, который забрался ко мнѣ въ садъ.

— Вотъ такъ удача! — воскликнулъ онъ.—Что называется, везетъ!—Вотъ ужъ не чаялъ встрѣтиться съ вами.

Онъ протянулъ мнѣ руку; я пожалъ ее.

— Я залѣзъ въ сточную трубу, а когда они ушли, вылѣзъ и полями добрался до Уолтона. Однако—не прошло шестнадцати дней, какъ мы видѣлись,—а у васъ волосы совсѣмъ сѣдые.

Онъ вдругъ тревожно оглянулся черезъ плечо.

— Ничего, грачъ пролетѣлъ. Вотъ времячко настало! Отъ птицы тѣнь упадетъ, — и то боишься. Однако, здѣсь того... мѣсто ужъ очень открытое. Заберемся-ка лучше въ кусты и потолкуемъ ладкомъ.

— Видѣли вы марсіанъ? Съ тѣхъ поръ, какъ я выползъ изъ своего убѣжища...

— Они за Лондономъ. Должно быть, у нихъ тамъ большой лагерь. Ночью на небѣ цѣлое зарево отъ ихнихъ огней. И самихъ марсіанъ видно, какъ они ходятъ. А днемъ не видать. Въ здѣшнія мѣста они не заходили — онъ сосчиталъ по пальцамъ — вотъ уже пять дней. Последний разъ я видѣлъ двоихъ въ Гаммерсмитъ; они тащили что-то большое, тяжелое. А позавчера ночью — онъ остановился и продолжалъ тихо, подчеркивая каждое слово, — позавчера ночью что-то носилось по воздуху. Они должны были построить летательную машину и учатся летать. Я, какъ ползъ черезъ кусты на четверенькахъ, такъ и замеръ въ этой позѣ.

— Летать!

-- Да-съ, летать.

Я залѣзъ въ канаву и сѣлъ.

— Ну ужъ, коли они выучатся летать, тогда человѣчеству крышка. Они завоюютъ весь міръ.

Онъ кивнулъ головой.

— Конечно. Зато, они не будутъ притѣснять насъ однихъ. И притомъ... — онъ посмотрѣлъ на меня, — развѣ вы не увѣрены, что міръ уже завоеванъ? Я вполне увѣренъ... Мы разбиты, мы покорены.

Я уставился на него. Какъ это ни странно, до сихъ поръ я не могъ признать этого совершившимся фактомъ; у меня все еще оставалась смутная надежда, вѣриѣ, привычка думать извѣстнымъ образомъ. Теперь, послѣ его словъ, наше поражение стало для меня очевиднымъ. Онъ повторилъ: «Мы покорены». Слова его звучали глубокимъ убѣжденіемъ.

— Все кончено. Они потеряли *одного*, только *одного*, да и то случайно, а укрѣпились, какъ не надо лучше. Ни одинъ завоеватель не забиралъ такой силы. Они прямо-таки топчутъ насъ по-

гами. И это пионеры. Придутъ другіе. Я уже пять-шесть ночей не видалъ зеленыхъ звѣздъ, но навѣрное они падаютъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Ничего не подѣлаешь. Покорены! Побиты!

Я не отвѣчалъ. Уныло глядя передъ собой, я напрасно искалъ возраженій.

— Это не война, — продолжалъ артиллеристъ. — Какая это война! все равно, что между людьми и муравьями.

Мнѣ вдругъ пришла на память ночь, проведенная въ обсерваторіи.

— Они сдѣлали десять выстрѣловъ и больше не стрѣляли, по крайней мѣрѣ до паденія перваго цилиндра.

— Откуда вы это знаете?

Я объяснилъ. Онъ подумалъ немного.

— Должно быть, пушка испортилась. Да хоть бы и такъ. Починять, народъ дошлый. Ну, дадутъ передышку маленькую, такъ развѣ это мѣняетъ дѣло? Конечно все одинъ. Все равно, что люди и муравьи. Мураши понастроятъ городовъ, живутъ себѣ по своему: войны у нихъ, революціи, а человѣкъ пришелъ, наступилъ ногой на муравейникъ, и баста! Такъ и мы теперь — настоящіе муравьи. Только...

— Что?

— Только сѣдобные.

Мы переглянулись.

— Что же они съ нами сдѣлаютъ? — спросилъ я.

— Вотъ объ этомъ-то я и самъ думаю, все время думалъ. Послѣ Вэйбриджа, я двинулся на югъ. Перевидалъ много чего. Народъ больше слабый, визжитъ, суется... Ну, а я визжать не охотникъ. Мнѣ эту самую смерть-то ужъ не разъ приходилось видѣть лицомъ къ лицу. Не даромъ же я служилъ въ солдатахъ, не для забавы. Смерть такъ смерть и есть. У кого голова на плечахъ, тому и смерть не страшна, тотъ отъ всякой бѣды отвертится. Всѣ побѣждали на сѣверѣ, а я себѣ думаю: «Что они ѣсть-то будутъ? Ыды вѣдь на всѣхъ не хватить. Семья-ка я поверну въ другую сторону». И пошелъ прямо на марсіанъ, какъ воробей летитъ на человѣка. Тамъ, онъ указалъ рукой на горизонтъ, — люди сотнями мрутъ съ голодухи, дерутся, давятъ другъ друга.

Замѣтивъ выраженіе моего лица, онъ неловко запнулся.

— Конечно, у кого деньги есть, тѣ переселись во Францію...—Онъ какъ будто хотѣлъ извиниться, но, поймавъ мой взглядъ, продолжалъ:

— Здѣсь бѣды вдосталь: консервы, вино, водка, минеральныя воды. А трубы всѣ до одной пустыя, и водопроводы, и сточныя. Такъ вотъ, говорю, о чемъ я думалъ. Марсіане, очевидно, существа разумныя. Нужны мы имъ для того, чтобы нами питаться. Значитъ, сначала надо насъ покорить. Такъ они и сдѣлали. Корабли, желѣзныя дороги, пушки, города, все это уничтожено. Общественнаго строя, какъ не бывало. Что еще не ушло, то уйдетъ. Будь мы такъ же малы, какъ муравьи, еще можно было бы какъ-нибудь скрыться. Но мы не муравьи. Тутъ не уберешься. Стало, это дѣло рѣшенное. Вы какъ полагаете?

Я согласился.

— Ладно, такъ и запишемъ. Теперь дальше. Теперь насъ ловятъ, какъ случится, когда понадобится. Марсіанину стоитъ пройти нѣсколько миль, чтобы наткнуться на цѣлую толпу людей: хватать и угощать. Я самъ видѣлъ, какъ одинъ изъ нихъ, это было въ Вандевортѣ, разбивалъ дома и шарилъ между обломками. Но не всегда же они такъ будутъ дѣлать. Потопятъ всѣ корабли, перепортятъ пушки и желѣзныя дороги, водворятъ повсюду мерзость запустѣнія, какъ теперь здѣсь, и тогда начнутъ ловить насъ уже систематически, отбирать лучшихъ, а другихъ откармливать въ клѣткахъ. Вотъ увидите,—это скоро начнется. Пока они за насъ еще и не принимались, какъ слѣдуетъ.

— Не принимались!

— Понятное дѣло. Все, что было до сихъ поръ, произошло только потому, что у насъ не хватило ума сидѣть смирно, полѣзли на нихъ съ пушками и т. под. Эка выдумали—развѣ ихъ этимъ возьмешь! А потомъ и совсѣмъ голову потеряли: кинулись бѣжать, какъ стадо барановъ, точно въ другомъ мѣстѣ безопаснѣе. Они бы насъ пока и не тронули. У нихъ своего дѣла по горло: нужно здѣсь построить, чего нельзя было захватить съ

собою, все приготовить, какъ слѣдуетъ быть, для тѣхъ, которые придутъ позже. Можеть, они оттого и цилиндры перестали пускать, что боялся попасть въ своихъ. А намъ, вмѣсто того, чтобы спастись бѣгствомъ или подводить мины, нужно было приспособиться къ новому положенію вещей, выдумать себѣ иной образъ жизни, чѣмъ мы вели до сихъ поръ. Я такъ и сдѣлалъ. Правда, для человѣка это не очень-то почетно, да что подѣлаешь: надо подчиняться обстоятельствамъ. Вотъ мое правило. Города, народы, цивилизація, прогрессъ, все это миновалось. Игра проиграна. Мы побиты.

— Если такъ, для чего же тогда жить?

Артиллеристъ съ минуту пристально смотрѣлъ на меня.

— Да, миллиончикъ лѣтъ, или около того не будетъ ни концертовъ, ни академій художествъ, ни вкусныхъ завтраковъ въ ресторанахъ! Если вы гонитесь за развлечениями,—такъ это ужъ, братья, ах! ихъ не будетъ. Если у васъ хорошія манеры, если вы не можете видѣть, какъ чистятъ грушу ножомъ, или сморкаются безъ платка, вы это лучше оставьте. Теперь это не понадобится.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что люди вроде меня останутся жить, ради продолженія рода. Я лично руками и зубами буду цѣпляться за жизнь. Да и вы, если не ошибаюсь, моего поля ягода. Насъ такъ скоро не уморишь! И въ руки я имъ не дамъ, чтобъ они меня приручили и откармливали, какъ быка на убой. Уфъ! И думать-то противно объ этихъ бурныхъ ползунахъ!

— Не захотите же вы...

— Вотъ именно. Я хочу жить и буду. Хотя бы подъ ногами у нихъ. Планъ у меня уже готовъ; я все обдумалъ. Мы, люди, побиты. Мы слишкомъ мало знаемъ. Надо поучиться и тогда воспользоваться случаемъ. А для этого надо знать, и жить независимо, чтобъ имѣть возможность учиться. Понимаете? Вотъ что надо дѣлать.

Я глядѣлъ на него во всѣ глаза, удивленный и глубоко потрясенный этой силой воли.

— Вы по истинѣ *человѣкъ*!—воскликнулъ я, пожимая ему руку. Онъ сверкнулъ глазами.

— А что? Недурно придумано, а?

— Продолжайте,—сказалъ я.

— Ну-съ, такъ вотъ: кто не хочетъ попасть имъ въ лапы, долженъ заранѣе приготовиться. Я уже готовлюсь. Надо только помнить, что не всякій человѣкъ способенъ стать дикимъ звѣремъ. Вотъ почему я слѣдилъ за вами. У меня были сомнѣнія. Вы такой тонкій, жиденькій. Притомъ же я васъ не узналъ и не зналъ, что вы вынесли. Всѣ здѣшніе обыватели, да и вся эта мелюзга, которая живетъ по-*зѣтинему*,—ни къ чорту не годится. Въ нихъ души нѣтъ,—нѣтъ ни гордости, ни сильныхъ страстей, а коли у человѣка ничего этого нѣтъ,—Господи, да на что же онъ годенъ? Вѣчно боится, вѣчно дрожитъ. Знаю я этихъ писарьковъ; ихъ тутъ сотни такихъ.—Глядишь, мчитъ, не кончивъ завтрака, съ недожденнымъ кускомъ въ рукѣ, чтобы поспѣть на поѣздъ; потому билетъ-то абонементный, не на всѣ поѣзда пускаютъ, а опоздаешь, пожалуй, со службы выгонятъ; бѣжить и трусить. Работаетъ кой какъ, потому боится дать себѣ трудъ вникнуть въ дѣло; назадъ тоже бѣжить со всѣхъ ногъ, боится опоздать къ обѣду; послѣ обѣда сидитъ дома, боится, какъ бы его не ограбилъ кто въ глухомъ переулкѣ; не измѣняетъ женѣ, не потому, чтобъ любилъ ее, а потому, что у нея есть капиталецъ, обезпечивающій его жалкое, сѣренькое существованіе. Онъ не то что застрахуетъ жизнь, а самъ ее задвинуть въ себѣ, чтобъ, храни Богъ, чего не случилось. А придетъ воскресенье—новый страхъ! Что будетъ дальше? Какъ будто адъ существуетъ для бродягъ! Ну съ, такъ вотъ для такихъ людишекъ марсіане будутъ сущими благодѣтелями. Чистыя просторныя кѣлки, сытная пища, хорошій уходъ, работы никакой: чего же еще? Погуляютъ съ недѣлку по полямъ и лугамъ на голодное брюхо, такъ рады будутъ и сами отдаться въ руки. Придетъ время—удивляться будутъ, какъ это люди могли жить, когда о нихъ не заботились марсіане. Всѣ эти

праздношатаи, актеры пѣнды,—я ихъ себѣ отлично представляю. Отлично!—повторилъ онъ съ какимъ-то мрачнымъ злорадствомъ.—А большинство ударится въ сантименты, религіозность. Много я насмотрѣлся въ своей жизни такого, что началъ понимать какъ слѣдуетъ только теперь. Половина людей примирится съ совершившимся фактомъ, будутъ себѣ жирѣть и тупѣть; другая половина будетъ мучиться сознаніемъ, что на свѣтѣ стало какъ-то неладно. И что имъ слѣдовало что-то сдѣлать. Ну а когда люди чувствуютъ, что имъ что-то надо сдѣлать, а силы у нихъ нѣтъ, то они всегда выдумываютъ для себя религію недѣланія, приписывающую покорность угнетателямъ и волѣ Божіей. Такъ всегда поступаютъ люди слабыя и тѣ, у кого воля ослабѣла, оттого что они только размышляютъ. Все это очень высоко и благородно, но для дѣла тоже не годится. Вы навѣрное сами наблюдали такія вещи. Будутъ себѣ сидѣть въ кѣткахъ, распѣвая псалмы и гимны. А кто не такъ простъ, тѣ ударятся въ другое—какъ это называется эротизмъ, что ли?

Онъ остановился, потомъ продолжалъ.

— Очень возможно, что марсіане сами привыкнутъ къ нѣкоторымъ изъ насъ. Будутъ растить, баловать, учить разнымъ штукамъ—кто знаетъ?—пожалуй, умилаться будутъ надъ какимъ-нибудь маленькимъ мальчуганомъ, что вотъ, молъ, онъ выросъ, а нужно его зарѣзать.

— Нѣтъ!—вскричалъ я,—это невозможно. Ни одинъ человѣкъ...

— Полноте, что пользы лгать? Охотниковъ на это найдется много. Неужели вы рѣшитесь утверждать, что не найдется.

Я молча поникъ головой.

— Пожалуй и за мной будутъ охотиться. Ну ужъ я имъ живой не дамъ въ руки—выговорилъ онъ и погрузился въ мрачныя думы.

Я тоже задумался. Возражать было нечего, онъ разсуждалъ совершенно правильно. Еще недавно до вторженія марсіанъ, никто бы не усумнился въ моемъ умственномъ превосходствѣ надъ нимъ: помирите, я извѣст-

ный профессиональный писатель-философъ,—онъ простой солдатъ и однако онъ уже успѣлъ резюмировать положеніе, которое я только начиналъ понимать.

— Что же вы дѣлали все это время?—спросилъ я.—Какіе у васъ планы?

Онъ колебался.

— Ну, да ужъ ладно—скажу. Что намъ дѣлать? Надо устроиться такъ, чтобы жить и воспитывать дѣтей, по возможности, не подвергаясь опасности. Погодите минутку—я вамъ объясню. Ручные по природѣ люди и будутъ жить, какъ ручныя животныя; черезъ нѣсколько поколѣній они станутъ крупными, полнокровными, глупыми—дрянь, а не люди! ихъ и жалѣть нечего. Страшно, вотъ, какъ бы другіе не одичали—не превратились въ большихъ дикихъ крысъ... Видите ли, я думаю, что надо жить подъ землею. Я сразу подумалъ о водосточныхъ трубахъ. Кто ихъ не знаетъ, представляеть себѣ Богъ знаетъ что. А вѣдь на самомъ дѣлѣ ничего въ нихъ нѣтъ ужаснаго. На цѣлыя мили, на сотни миль; теперь Лондонъ пустъ; пройдетъ хорошій дождикъ и они станутъ совсѣмъ чистыя. О водопроводныхъ трубахъ и говорить нечего; въ тѣхъ довольно мѣста и воздуха для кого угодно. А затѣмъ подвалы, погреба, подземныя кладовыя, отъ которыхъ можно проложить ходъ къ трубамъ, а затѣмъ желѣзно-дорожной тунели и т. п. Что, начинаете понимать? Мы сплотимся всѣ въ одну шайку людей смѣлыхъ, сильныхъ, разумныхъ: разнаго дрянца брать не станемъ. Трусовъ и слабыхъ будемъ отсылать обратно.

— Какъ хотѣли отослать меня?

— Вѣдь я же вамъ говорилъ, что я къ вамъ присматривался.

— Ну хорошо, не будемъ ссориться изъ-за этого. Продолжайте.

— Для тѣхъ, кто останется, нужно будетъ ввести строгую дисциплину. Нужны намъ и женщины—матери и наставницы, конечно, тоже сильныя и здоровыя, не какія-нибудь кисейныя барышни, закатывающія глаза. Слабыя и глупыя намъ не годятся. Жизнь пойдетъ по-настоящему! Все бесполезное, лишнее, не

нужное должно умереть. Такіе люди сами должны желать смерти. Вѣдь въ сущности это безчестно—жить и портить расу. Счастливы они все равно быть не могутъ. Къ тому же смерть вовсе не такъ ужъ страшна: она страшна только трусамъ... Жить будемъ въ Лондонѣ и поблизости. Иногда будемъ собираться вмѣстѣ; иной разъ, можетъ быть, удастся подышать свѣжимъ воздухомъ и погулять на просторѣ въ отсутствіи марсіанъ. Можетъ быть, даже въ кроватъ будемъ играть. Такимъ образомъ, мы спасемъ расу. Что? Вы думаете невозможно? Вполнѣ возможно. Но спасти расу, само по себѣ, еще ничего не значить. Живутъ вѣдь и крысы. Надо спасти наши знанія и приумножить ихъ. Набрать побольше такихъ людей, какъ вы, книгъ, моделей машинъ, скоронить эти книги въ большихъ надежныхъ помѣщеніяхъ подъ землею; понятно, надо брать не романы и всякія поэтичныя бредни, а хорошія книги—научныя. Вотъ тутъ-то и понадобятся такіе люди, какъ вы. Надо пойти въ Британскій музей и выбрать оттуда все лучшее. Особенно надо стараться науку сберечь и научиться болшему.

Будемъ слѣдить за марсіанами, у нихъ учиться. Нѣкоторымъ изъ насъ придется взять на себя роль шпіоновъ. Можетъ я самъ стану шпіономъ, т.-е. нарочно отдамся имъ въ руки, чтобы вывѣдать, что и какъ у нихъ дѣлается. А главное—надо оставить марсіанъ въ покоѣ. Не надо даже особенно прятаться. Повстрѣчалъ марсіанина—сойди съ дороги, и только. Надо показать имъ, что мы не желаемъ имъ зла... Да, я знаю, что вы хотите сказать. Но вѣдь они существа разумныя; не станутъ же они охотиться за нами, когда у нихъ будетъ всего вдоволь. Что же мы для нихъ? Безвредныя звѣрьки, ничего болше.

Артиллеристъ пріостановился и положилъ мнѣ на плечо свою потемнѣвшую руку.

— Въ сущности, можетъ быть намъ и не такъ ужъ долго придется учиться... Представьте себѣ такую картину: четыре-пять треножниковъ расхаживаютъ по полю,—дѣйствуя направо и налѣво

тепловымъ лучемъ, но управляютъ ими не марсіане, а люди,—люди, научившіеся этому у своихъ враговъ. Можетъ, и мы съ вами доживемъ до этого. Представьте себѣ, что вы на треножникѣ, что въ вашемъ распоряженіи тепловой лучъ! Развѣ это не чудесно? Что за бѣда, если въ концѣ-концовъ самъ разобьешься въ куски? Зато поцарствовали! Вотъ-то марсіане выпятятъ свои глаза! Вы только представьте себѣ ихъ,—какъ они бѣгутъ, суетятся, пыхтятъ, сѣбѣ взираются на другіе треножники. Глазъ—въ каждомъ что-нибудь да испорчено. А человѣкъ, не будь глупъ, тамъ повертѣлъ, здѣсь подвинутилъ, пустилъ тепловой лучъ,—смотришь, и получилъ свое обратно.

Эта сила воображенія, этотъ увѣренный и бодрый тонъ дѣйствовали на меня подавляющимъ образомъ. Я сразу увѣровалъ и въ его предсказанія относительно судьбы человѣка, и въ удобоисполнимость его удивительной схемы. Можетъ быть кому-нибудь изъ читателей покажется смѣшной и глупой моя довѣрчивость, но пусть онъ не удивляется, пусть вспомнитъ разницу нашихъ положеній. Онъ, спокойный, все обдумавшій, говоритъ съ твердымъ убѣжденіемъ; я, изголодавшійся, измученный страхомъ и тревогой, лежу, скорчившись въ кустахъ, и слушаю горячія убѣжденные рѣчи. Кто же изъ насъ долженъ былъ вліять на другого? Естественно, онъ на меня.

Въ такой бесѣдѣ мы провели почти все утро, потомъ выползли изъ кустовъ, поискали на небѣ отблеска пламени, ничего не увидѣли и бѣгомъ побѣжали въ домъ на Пути-хиллѣ, который артиллеристъ избралъ своимъ пріютомъ. Жилъ онъ, какъ оказалось, въ угольномъ погребѣ. Осмотрѣвъ результаты его работы за недѣлю,—подземный ходъ ядровъ въ десять длины, который онъ рассчитывалъ довести до главной водосточной трубы на Пути-хиллѣ,—я впервые понималъ, какая пропасть лежитъ между его честолюбивыми замыслами и его способностью къ выполненію ихъ. Я такую нору могъ бы выкопать въ одинъ день. И все же я еще вѣрилъ въ него на-

столько, что проработалъ полдня вмѣстѣ съ нимъ, предварительно подкрѣпившись консервированнымъ черепаховымъ супомъ и хорошимъ виномъ. Мы копали садовыми заступами, а землю отбрасывали въ кухню. Въ этомъ тяжеломъ трудѣ я находилъ какое-то странное облегченіе. Налегая на заступъ, я въ то же время обдумывалъ проектъ артиллериста. Много сомнѣній и возраженій тѣснилось въ моей головѣ, но я не переставалъ копать, радуясь, что у меня есть теперь хоть какой-нибудь определенный планъ дѣйствія. Я думалъ о громадномъ разстояніи, отбѣляющемъ насъ отъ клоаки, о томъ, что мы рискуемъ направить свой ходъ въ другую сторону и совсѣмъ не попасть туда, куда нужно. Особенно смущала меня мысль, зачѣмъ намъ рыть длинный ходъ, когда можно влѣзть въ трубу черезъ одно изъ отверстій съ улицы и ужъ оттуда проложить ходъ къ дому. Да и самый выборъ дома казался мнѣ неудачнымъ, такъ какъ онъ отстоялъ далеко отъ трубы. Не успѣлъ я хорошенько обсудить все это, какъ артиллеристъ бросилъ заступъ и посмотрѣлъ на меня.

— Однако мы здорово поработали. Не мѣшаетъ и передышку сдѣлать. Давайте, слазимъ на крышу, посмотримъ, что дѣлается кругомъ.

Я предпочиталъ продолжать. Онъ неохотно взялся опять за работу; внезапно въ умѣ моемъ блеснула догадка; я остановился, онъ тоже.

— Зачѣмъ вы бродили по лугу вмѣстѣ того, чтобъ сидѣть здѣсь?—спросилъ я.

— Хотѣлось воздухомъ подышать. Ночью оно, знаете безопаснѣе. Я возвращался, когда встрѣтился съ вами.

— А работа какъ же?

— Нельзя же все время работать—выговорилъ онъ нерѣшительно, вертя въ рукахъ заступъ.—А все-таки на крышу слазить бы не мѣшало. А то, если они близко, пожалуй, услышатъ, какъ мы копаемъ, и прихлопнутъ насъ невзначай.

Противорѣчить мнѣ больше не хотѣлось. Въ одинъ моментъ я раскусилъ этого человѣка. Мы пошли на чердакъ и выглянули въ слуховое окно. Марсіанъ нигдѣ не было видно. Тогда мы

вылѣзли на самую крышу, спустились по черепицамъ до края и усьлились возлѣ парапета.

Отсюда намъ видна была лишь не большая часть Пути-хилля, — остальное закрывали деревья; зато хорошо видна была рѣка внизу, сплошь заросшая красной травой, и покрашенъшая наводненная низменная часть Ламбета. Всѣ деревья около стараго дворца были обвиты ползучей красной травой; между фестонами ея кой-гдѣ печально выглядывали ихъ засохшія, мертвыя вѣтви. Странно, насколько распространеніе обоихъ видовъ красной травы зависить отъ того, имѣется ли въ данной мѣстности гекучая вода. Возлѣ насъ на холмѣ ея совсѣмъ не было; деревья, свѣжія и цвѣтушія, радостно улыбались солнышку. За Кенсингтономъ виднѣлся густой дымъ, скрывавшій цѣль холмовъ на сѣверѣ.

Артиллеристъ рассказывалъ мнѣ о судьбѣ тѣхъ, которые остались въ Лондонѣ.

— Какъ то ночью, на прошлой недѣлѣ, какому то дураку вздумалось позажигать элекрические фонари въ Риджентъ Стритѣ и возлѣ цирка. Освѣщеніе такое устроили что на поди! Собралась куча народу, — мужчины оборванные, женщины намазанныя, всѣ пьяные, — и плясали до разсвѣта. Мнѣ очевидецъ рассказывалъ. А на утро глянь — возлѣ Лангхэма стоитъ марсіанинъ на треножникѣ и смотритъ на нихъ сверху внизъ. Господь его знаетъ, сколько онъ времени тамъ стоялъ. А потомъ пошелъ къ нимъ да и нахваталъ съ полсотни такихъ, которые со страху или съ похмѣлья не успѣли унести ноги.

Характерная страничка изъ исторіи эпохи, которая никогда не будетъ описана въ точности!

Постепенно, въ отвѣтъ на мои разспросы, мой собесѣдникъ увлекся и снова перешелъ къ своимъ грандіознымъ планамъ. Онъ говорилъ съ такимъ одушевленіемъ и такъ краснорѣчиво, что я опять наполовину увѣровалъ въ него. Но теперь, когда я началъ понимать, что это за человѣкъ, меня уже не удивляли его безпрестанныя повторенія, что

нужно дѣлать все обдуманно, не торопясь. Я замѣтилъ еще, что теперь онъ уже не поднималъ вопроса о своемъ личномъ участіи въ дѣлѣ захвата треножника.

Немного погодя мы опять спустились въ погребъ. Ни одинъ изъ насъ, повидимому, не былъ расположенъ копать. Онъ предложилъ поѣсть; я не имѣлъ ничего противъ. Мы закусили; онъ съ чего-то вдругъ расчехнулся и вернулся съ нѣсколькими превосходными сигарами. Мы оба закурили; это привело его въ еще болѣе оптимистическое настроеніе. Онъ придавалъ также много значенія встрѣчѣ со мной.

— А знаете что, — началъ онъ, — въ погребѣ есть шампанское?

— Не лучше ли намъ вернуться къ раскупоркѣ этого берега Темзы?

— Нѣтъ, сегодня я угощаю. Велика бѣда выпить глотокъ шампанскаго, когда передъ нами столько работы. Надо же отдохнуть и накопить силъ, пока можно. Поглядите на мои руки, — онъ всѣ въ мозоляхъ.

Онъ положительно рѣшилъ устроить себѣ праздникъ. Послѣ обѣда онъ предложилъ поиграть въ карты и научилъ меня множеству разныхъ игръ. Мы раздѣлили между собою Лондонъ — онъ взялъ сѣверную часть, я — южную — и принялись играть на приходы. Трезвому человѣку это покажется дико, но такъ оно было на самомъ дѣлѣ, и любопытнѣй всего, что всѣ игры, которыя онъ мнѣ показывалъ, чрезвычайно интересовали меня.

Странно устроенъ человѣкъ! Въ такія минуты, когда все человѣчество находилось на краю гибели или глубокаго униженія, когда у насъ не было ничего опредѣленнаго впереди, кромѣ большаго вѣроятія погибнуть позорной смертью, — мы могли перебрасываться раскрашенными кусочками картона, испытывая при этомъ живѣйшее удовольствіе. Въ концѣ концовъ онъ научилъ меня покеру, а я его шахматной игрѣ и далъ ему матъ въ три хода. Мы такъ заинтересовались игрой, что, когда наступили сумерки, не побоялись даже риска и зажгли лампы.

Наигравшись вдоволь, мы поужинали, и артиллеристъ прикончилъ шампанское; потомъ мы оба закурили сигары. Снова зашелъ разговоръ на ту же тему, но теперь я уже не видѣлъ передъ собой энергичнаго оберегателя и возродителя вида. Оптимизмъ его принялъ другой оттѣнокъ, болѣе спокойный, болѣе обдуманный. Помню, онъ пилъ за мое здоровье и говорилъ рѣчь на тему о необходимости выдержки и терпѣнія. Въ концѣ концовъ мнѣ это надобно. Я взялъ сигару и пошелъ наверхъ, поглядѣть на зеленые огни надъ Хайгэтомъ, о которыхъ онъ мнѣ давеча рассказывалъ.

На небѣ я ничего не увидалъ; долина Лондона и сѣверные холмы тонули во мракѣ; возлѣ Кенингтона видѣлись огни, только красные; кой гдѣ оранжево-красные языки пламени взлетали кверху и тотчасъ исчезали въ голубомъ сумракѣ ночи. Остальная часть Лондона то же была обята тьмою; зато неподалеку я замѣтилъ странный, блѣднобѣло-лилово-пурпуровый свѣтъ, колеблемый ночнымъ вѣтеркомъ. Я не сразу догадался, въ чемъ дѣло, но потомъ сообразилъ, что это должно быть флюоресцируетъ красная трава. И опять во мнѣ проснулось сознаніе чуда, переворота на землѣ, замѣны всѣхъ существующихъ условій другими. Я взглянулъ на Марсъ, ясный и чистый, горѣвшій высоко на западѣ, потомъ сталъ вглядываться въ темноту по направленію къ Гемпстэду и Хайгэту.

Долго я просидѣлъ на крышѣ, перебирая въ памяти всѣ событія этого дня, отъ полночной молитвы, до нелѣпой игры въ карты. Сердце мое снова исполнилось жалости съ людьми; помню, между прочимъ, какъ я съ отвращеніемъ швырнулъ сигару. Это должно было знаменовать собой переворотъ въ моихъ мысляхъ. По обыкновенію, я страшно преувеличивалъ: мнѣ казалось, что я измѣнилъ женѣ и всѣмъ людямъ, что я предалъ ихъ; меня мучили угрызенія совѣсти. Я рѣшилъ оставить этого фантазера, великаго только на словахъ. Пусть онъ себѣ пьетъ и объѣдается, а я пойду въ Лондонъ. Мнѣ казалось, что тамъ легче всего узнать, что дѣлаютъ мар-

сіане и что случилось съ людьми. Поздняя луна застала меня еще на крышѣ.

VIII.

Вымершій Лондонъ.

Разставшись съ артиллеристомъ я спустился съ холма и пошелъ по Гай-стритъ къ Ламбету. Мостъ на пути и вся дорога густо заросли красной травой, но листья ея уже побѣлѣли мѣстами отъ жестокой болѣзни, которая вскорѣ затѣмъ безслѣдно уничтожила это чуждаемое растеніе.

На углу улицы, ведущей къ станціи Путни-бриджъ, на землѣ лежалъ человѣкъ, весь черный, какъ сажа, отъ черной пыли, живой, но мертвецки пьяный. Я попробовалъ растолкать его, но ничего не добился, кромѣ проклятій и брани. Вѣроятно, я все-таки остался бы и по дождалъ, пока онъ проспится, но лицо у него было такое разбойничье, что я предпочелъ продолжать путь.

Вся дорога отъ моста была покрыта черной пылью; въ Фульгамѣ она лежала на землѣ густымъ слоемъ. Городокъ былъ необычайно спокоенъ. Въ одной булочной я нашелъ себѣ пищу — хлѣбъ былъ кислый, черствый и заплеснѣвшій, но все же годный для ѣды. Подъ Вальгемъ-гриномъ пыли на улицахъ не было, зато пылали дома. Шумъ и трескъ пламени положительно былъ пріятенъ послѣ этой жуткой тишины. Поближе къ Бромптону опять все стало тихо.

Здѣсь я опять наткнулся на черную пыль и трупы. На коротенькой Фульгемской дорогѣ валялось болѣе дюжины мертвыхъ тѣлъ, уже разлагавшихся. Я поспѣшилъ пройти мимо. Черная пыль покрыла ихъ саваномъ, смягчивъ очертанія. Два-три были изгрызены собаками.

Тѣ кварталы, гдѣ пыли не было, ужасно походили на Сити въ воскресенье: всѣ дома на запорѣ, въ лавкахъ заперты ставни, въ домахъ спущены шторы, всюду тишина и безлюдье. Кой-гдѣ видимо побывали воры, но грабили только винныя лавки и мясныя. Въ

одномъ ювелирномъ магазинѣ было выбито окно, но вору должно быть помѣшались, и онъ спѣшно бѣжалъ, растерявъ по дорогѣ золотые часы и цѣпочки. Я даже не наклонился поднять ихъ. У одной двери сидѣла, скорчившись женщина въ лохмотьяхъ; одна рука ея, свѣсившаяся на колѣно, была порѣзана и кровь тонкой струйкой капала на темное платье. На мостовой возлѣ стояла лужа отъ пролитаго шампанскаго. Женщина казалась спящей, но на самомъ дѣлѣ была мертва.

Чѣмъ ближе къ центру Лондона, тѣмъ глубже становилась тишина. Но это не было безмолвіе смерти, скорѣй затишье, полное тревожнаго ожиданія. Губительный лучъ, уничтожившій сѣверныя окраины столицы, каждую минуту могъ коснуться этихъ домовъ и превратить ихъ въ дымящіяся развалины. Это былъ городъ, покинутый жителями и обреченный на гибель...

Въ южномъ Кенсингтонѣ на улицахъ не было ни пыли, ни труповъ. Здѣсь я впервые услышалъ вой марсіанина. Я не сразу даже сообразилъ, что это такое. Въ воздухѣ монотонно звенѣли, безпрестанно повторяясь, двѣ жалобныя ноты: «Ул-ла, ул-ла, ул-ла!» Звоня по пути то заглушали его, то вновь открывали ему свободный доступъ къ моему слуху. Чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ слышнѣе становился крикъ и на Эгзибишнъ-родъ превратился уже въ настоящій вопль. Я остановился, не понимая, откуда идутъ эти странные звуки. Казалось, эта огромная пустыня, покинутыхъ зданій и улицъ внезапно обрѣла голосъ, чтобы жаловаться на свой страхъ и одиночество.

«Улла, улла, улла!» — неслись нечеловѣческіе звуки, плыли волной надъ широкой, залитой солнцемъ дорогой, разливались между высокими зданіями. Я напрасно оглядывался вокругъ: ни въ кенсингтонскихъ садахъ, ни за желѣзными воротами Чайлдъ-парка не видно было треножника. Я хотѣлъ было проникнуть въ естественно-историческій музей и взобраться на башню обсерваторіи, чтобы осмотрѣть паркъ, но потомъ рѣшилъ остаться на улицѣ, гдѣ легче спрятаться, и пошелъ по Эгзибишнъ-

родъ. Высокіе дома по обѣимъ сторонамъ улицы были мрачны и пусты; шаги мои гулко отдавались въ тишинѣ, повторяемые каменными стѣнами. У воротъ парка я увидалъ странное зрѣлище: опрокинутый омнибусъ и рядомъ обглоданный до чиста остовъ лошади. На минутку я задумался надъ этимъ, потомъ пошелъ дальше, по мосту черезъ Серпентайнъ. Невѣдомый голосъ звучалъ все слышнѣе, хотя надъ вершинами домовъ на сѣверъ отъ парка не видно было ничего, кромѣ синеваго дыма.

«Улла, улла, улла, улла!» Мнѣ казалось, что звуки несутся со стороны Риджентъ-парка. Этотъ унылый, жалобный вопль дѣйствовалъ на меня угнетающимъ образомъ. Вся моя бодрость духа куда-то исчезла и вмѣсто того, напала на меня страшная тоска. Я вдругъ почувствовалъ страшную усталость, боль въ ногахъ, мучительный голодъ и жажду.

Было уже послѣ двѣнадцати. Меня мучили горькія мысли. Къ чему я брожу здѣсь одинъ въ этомъ городѣ мертвыхъ? Зачѣмъ я одинъ живу, когда весь Лондонъ лежитъ на смертномъ одрѣ, закутанный въ черный саванъ. На душѣ у меня было страшно тоскливо, одиночество давило нестерпимо. Вспоминались друзья молодости, давно позабытые. Воображеніе рисовало яды въ банкахъ на полкахъ аптекарскихъ складовъ, ликеры и водки въ винныхъ погребахъ; хотѣлось вѣчнаго покоя или, по крайней мѣрѣ, забвенія...

Черезъ Мраморную арку я вышелъ въ Оксфордъ-стритъ; здѣсь опять была черная пыль и трупы; въ рѣшетчатыхъ окнахъ подваловъ несло тяжелое зловошіе. Меня мучила жажда; ноги горѣли и были отъ долгой ходьбы. Съ величайшимъ трудомъ мнѣ удалось высадить дверь ближайшаго трактира и войти въ домъ, гдѣ я нашелъ питье и пищу. Подкрѣпившись я тутъ же и уснулъ на кожанномъ диванчикѣ, въ комнатѣ за буфетомъ.

Пробудившись, я услышалъ все тотъ же жалобный вой: «Улла, улла, улла, улла!» Уже совсѣмъ смерклося; я запасся въ буфетѣ сыромъ и сухарями, было и мясо, но все покрытое бѣлыми червями, я снова пустился въ путь. По какимъ улицамъ

я шелъ, теперь такъ и не помню; знаю только, что вышелъ около Риджентъ-парка и увидѣлъ вдали, подъ деревьями, на фонѣ заката, шлемъ гиганта-марсіанина. Онъ-то и издавалъ эти жалобные звуки. Я не испугался, напротивъ, пошелъ прямо на него, какъ будто такъ и слѣдовало. Нѣсколько времени я наблюдалъ за нимъ; онъ не шевелился, стоялъ на одномъ мѣстѣ и вылъ,—почему, я не зналъ и, конечно, догадаться не могъ.

Я пытался составить планъ дѣйствія, но монотонное «улла! улла! улла!» разбивало мои мысли. Быть можетъ, я слишкомъ усталъ, чтобы особенно испугаться. Какъ бы тамъ ни было, я испытывалъ скорѣе желаніе узнать причину этого воя, чѣмъ страхъ. Я повернулъ назадъ, обогнулъ паркъ подъ прикрытіемъ террасъ, и вышелъ къ Сентъ-Джонсъ-вуду. Марсіанинъ по-прежнему стоялъ на мѣстѣ и вылъ. Пройдя шаговъ двѣсти, я услышалъ другіе звуки; прямо на меня бѣжала собака съ кускомъ гнилого мяса въ зубахъ; за ней гналась цѣлая стая дворняшекъ. Завидѣвъ меня, собака описала большой кругъ, словно боясь, какъ бы и я не полестился на ея добычу. Лай замеръ вдали, тогда жалобное «улла, улла, улла!» раздалось снова.

На подорогѣ къ стаціи я наткнулся на испорченную многоручную машину. Сначала я принялъ ее за обвалившійся домъ. Только пробираясь между обломками, я разсмотрѣлъ рухнувшего гиганта, съ поломанными и погнутыми стальными руками. Передняя часть его была разбита въ куски. Должно быть машина наскочила съ разбѣга на домъ и рухнула вмѣстѣ съ нимъ. Но какъ могло это случиться? Или при ней не было управляющаго ею марсіанина? Я не могъ осмотрѣть всѣхъ обломковъ; къ тому же темнота мѣшала мнѣ разсмотрѣть кровь на сидѣннхъ и обѣденные собаками останки марсіанина.

Все больше удивляясь видѣнному, я пошелъ дальше, къ Примрозъ-гиллю. Вдали, въ просвѣтѣ между деревьями, видѣлась фигура другого марсіанина, стоявшаго въ паркѣ возлѣ Зоологическаго сада и такого же неподвижнаго, какъ

первый, съ тою разницею, что этотъ молчалъ. За обломками разбитой машины опять пошла красная трава; Регентовъ каналъ превратился въ сплошное болото, покрытое губчатыми темно-красными кочками.

Лишь только я перешелъ черезъ мостъ, крикъ «улла! улла! улла!» вдругъ сразу прекратился, словно оборвался. Ударъ грома не могъ бы больше поразить меня, чѣмъ эта неожиданно наступившая тишина.

Смутно рисовались въ сумеркахъ темныя очертанія ближнихъ домовъ; деревья въ паркѣ казались совсѣмъ черными.

Красная трава обступила меня со всѣхъ сторонъ; надвигалась ночь, чреватая страхомъ и тайной. Пока звучалъ голосъ, еще можно было сносить это тоскливое одиночество: Лондонъ казался еще живымъ и это сознаніе близости жизни поддерживало во мнѣ бодрость. И вдругъ что-то измѣнилось, что-то пролетѣло—не знаю что—и наступила жуткая осязаемая тишина, зловѣщее безмолвіе.

Дома вокругъ меня казались привидѣніями, окна въ нихъ—глазными впадинами скелета. Воображеніе рисовало мнѣ въ темнотѣ тысячи безшумно приближающихся враговъ. Ужасъ охватилъ меня; мнѣ было страшно своей дерзкой отваги. Какая-то темная масса, лезавшая поперекъ дороги, загородила мнѣ путь. Я не могъ заставить себя подойти къ ней. Я повернулъ и, какъ безумный бросился бѣжать къ Кильбурну, спасаясь отъ этой невыносимой тишины, но уйти отъ нея мнѣ удалось только послѣ полуночи, когда я спрятался въ баракъ, устроенный для извозчиковъ на Хароуродѣ. Когда стало свѣтать, мужество вернулось ко мнѣ и я снова пошелъ къ Риджентъ-парку. Звѣзды поблѣднѣли, но еще не скрылись. Я заблудился и, дойдя до конца какой-то длинной улицы, увидалъ передъ собой контуры Примрозъ-гилля. На вершинѣ его, казалось касаясь головой звѣздъ, стоялъ третій марсіанинъ, такой-же неподвижный и безмолвный, какъ и первые два.

Въ умѣ моемъ сложилось дикое рѣшеніе. Надо умереть, надо кончить эту муку. Пусть онъ меня убьетъ, по крайней

мѣрь я забавлю себя отъ этого труда. Я пошелъ прямо на гиганта—и подожди ближе—въ сѣромъ свѣтѣ занимающагося утра увидалъ множество сѣрыхъ птицъ кружившихся надъ треножникомъ. Сердце мое забилось сильнѣе; я ужъ не шелъ, а бѣжалъ.

Красная трава загораживала мнѣ путь; вся Сентъ-Эдекунская терасса заросла ею; въ одномъ мѣстѣ мнѣ пришлось перейти по грудь въ водѣ черезъ новообразовавшійся потокъ. Тѣмъ не менѣе еще до восхода солнца я добрался до гребня холма, окруженнаго высокимъ валомъ. Это было послѣднее и самое обширное укрѣпленіе марсіанъ; изъ за вала подымался вверхъ тонкой струйкой дымокъ. На горизонтѣ показался силуэтъ бѣгущей собаки и скрылся. Догадка, блеснувшая въ моемъ умѣ, превращалась въ увѣренность. Я не испытывалъ страха; весь дрожа отъ какого-то дикаго восторга, я бѣгомъ взбѣжалъ на вершину холма, гдѣ неподвижно стояло чудовище. Изъ подъ шлема его свѣшивались длинные, темные лоскуты, которые клевали и рвали голодные птицы.

Черезъ минуту я вскарабкался на земляной валъ и, стоя на гребнѣ его, могъ обозрѣть всю внутренность редута. Это была обширная яма, тамъ и сямъ стояли гигантскія машины и страннаго вида навѣсы; грудами навалены были матеріалы и отдѣльныя части механизма. И повсюду нине въ опрокинутыхъ треножникахъ, другіе въ неподвижныхъ многоручныхъ машинахъ, большинство просто на землѣ, валялись мертвые марсіане—*мертвые!* убитые болѣзнетворными микробами, которыхъ они не знали у себя дома, загубленные ими какъ красная трава, уничтоженные скромнѣйшими созданіями Божіими, послѣ того какъ всемогущество человѣка оказалось безсильнымъ справиться съ ними.

Все это я и многіе другіе могли бы предвидѣть, еслибы страхъ и неожиданность обрушившагося на насъ бѣдствія не помрачили нашего разума. Микроскопическія существа, носяція въ себѣ зародыши болѣзни, отъ начала міра ведутъ борьбу съ человѣкомъ и еще до созданія человѣка они вели борьбу съ

его предками. Путемъ естественнаго подбора нашъ организмъ выработалъ себѣ силу сопротивленія; мы никакимъ микробамъ не поддаемся безъ борьбы, а для многихъ—напримѣръ для тѣхъ, которые вызываютъ гнѣвіе въ мертвыхъ тѣлахъ—организмъ нашъ при жизни совершенно недоступенъ. Но на Марсѣ нѣтъ бактерій, и какъ только пришельцы спустились на землю, съ первымъ же глоткомъ воздуха, съ первой же каплей человеческой крови, попавшей въ ихъ жилы, наши микроскопическіе союзники начали свою работу. Уже въ тотъ день, какъ я впервые видѣлъ ихъ, они были безповоротно обречены, умирали медленной смертью и гнили внутри на ходу. Гибель ихъ была неизбежна. Биліонами жертвъ человѣкъ купилъ себѣ право первородства на землѣ и никто этого права у него не отыметъ, будь марсіане еще въ десять разъ могущественнѣе, чѣмъ они есть, ибо люди живутъ и умираютъ не даромъ.

Передъ моими глазами лежало ихъ больше пятидесяти, застигнутыхъ врасплохъ неожиданной и непонятной имъ смертью. Въ то время она была не понятна и для меня. Я видѣлъ только, что грозные пришельцы, еще недавно наводившіе на людей паническій ужасъ, были мертвы.

Я ликовалъ, глядя на этихъ поверженныхъ безсильныхъ враговъ; сердцемъ радостно билось. Восходящее солнце, казалось, лило потоки огня на освобожденный, ликующій міръ. Дно ямы еще тонуло во мракѣ; огромныя, сложныя машины причудливыхъ формъ, не имѣвшія въ себѣ ничего земного, высились, величавыя и странныя, словно тянулись изъ мрака къ свѣту. На днѣ ямы слышно было злобное ворчанье: должно быть собаки дрались изъ-за труповъ. По ту сторону, на краю, лежала большая, плоская, невиданныхъ очертаній летательная машина, съ которой марсіане дѣлали опыты въ нашей болѣе плотной атмосферѣ, пока болѣзнь и смерть не прервали ихъ работы. Смерть пришла какъ разъ въ время. Надъ головой моей раздалось карканье. Я поднялъ глаза и снова увидалъ на вершинѣ Примрозъ-Гилля неподвижный

треножники и висящіе изъ подъ плема красные клочья мяса.

Я повернулся; у подножія холма стояли еще двое марсіанъ, видѣнныхъ мною ночью, въ тѣхъ самыхъ позахъ, въ какихъ застигла ихъ смерть. Обоихъ, кругомъ обѣли птицы. Одинъ изъ нихъ умеръ, напрасно взывая о помощи къ своимъ собратьямъ; а можетъ быть онъ умеръ еще раньше, и кричала только сирена. заведенная имъ, пока не перестала дѣйствовать пружинка. Теперь это были просто напросто безобидныя трехногія башни, изъ блестящаго металла, весело сверкавшія въ лучахъ солнца...

Кругомъ ямы, чудомъ спасенный отъ гибели, разстился великій городъ. Кто видѣлъ Лондонъ лишь закутаннымъ въ темный покровъ тумана и дыма, не можетъ себѣ представить, какъ онъ красивъ въ ясное лѣтнее утро, въ часы тишины и безмолвія...

И съ удвоенной силой въ душѣ, моей проснулась тоска по женѣ по нашей безмятежной и дружной жизни, тоска о загубленномъ счастьѣ, которое не вернется ужъ никогда!..

IX.

Обломки крушенія.

Теперь пойдетъ самое странное во всей моей исторіи. А впрочемъ, можетъ быть, это и не такъ ужъ странно. Я помню, ясно и живо помню все, что я дѣлалъ въ этотъ день вплоть до того момента, какъ я стоялъ, плача и благодаря Бога, на вершинѣ Примрозъ-хилля. Но дальше ничего ужъ не помню.

Прошло три дня; какъ я провелъ ихъ—не знаю. Потомъ я узналъ, что не я первый открылъ гибель марсіанъ, что такіе же бездомные скитальцы, какъ я, набрели на трупы ихъ еще наканунѣ ночью. Первому, кто узналъ объ этомъ, удалось дать знать по телеграфу въ Парижъ. Оттуда радостная вѣсть облетѣла весь міръ. Тысячи городовъ, со страхомъ и трепетомъ ожидавшихъ рѣшенія своей участи, съ радости устроили у себя блестящую иллюминацію; въ Дублинѣ, Эдин-

бургѣ, Манчестерѣ, Бирмингамѣ уже знали обо всемъ и ликовали, въ то время какъ я стоялъ надъ ямой. Люди плакали отъ радости, бросали работу, чтобы обнять и поздравить соседей; со всѣхъ сторонъ спѣшили въ Лондонъ бѣткомъ набитые поѣзда. Во всѣхъ церквахъ звонили въ колокола. По дорогамъ и тропинкамъ катили люди на велосипедахъ, запыленные, съ вытянутыми, измученными лицами, возвѣщая освобожденіе другимъ скорбнымъ путникамъ, дошедшимъ до полнаго отчаянія. По Ламаншу, Ирландскому морю, Атлантическому океану, къ намъ спѣшили суда, нагруженные зерномъ, хлѣбомъ и мясомъ. Казалось, флоты всего міра направились къ Лондону.

Но я лично всего этого не помню. Я на время лишился разсудка. Очнулся я въ домѣ добрыхъ людей, которые нашли меня на третій день бродящимъ, съ громкимъ плачемъ и причитаньями, по улицамъ Сентъ-Джонсъ вуда. Потомъ они говорили мнѣ, что я распѣвалъ на разные лады какую то чепуху, вроде: «Послѣдній человѣкъ, оставшійся въ живыхъ, ура! Послѣдній человѣкъ, оставшійся въ живыхъ!» Люди, случайно нашедшіе меня,—не могу привести зѣкъ ихъ имени, какъ мнѣ ни хотѣлось бы выразить имъ мою благодарность,—взяли меня съ собой, пріютили и слѣдили за тѣмъ, чтобы я не причинилъ себѣ вреда.

Вѣроятно, изъ моего бреда они поняли, что случилось со мной, потому что, когда я пришелъ въ себя, они очень деликатно и ласково рассказали мнѣ о судьбѣ, постигшей Лезерхэдъ. Два дня спустя послѣ того какъ я нечаянно угодилъ въ тюрьму, онъ былъ разрушенъ марсіаниномъ, говорятъ, безъ всякаго повода со стороны людей, просто ради потѣхи, какъ мальчишки разоряютъ муравейники. Жители погнали всѣхъ до одного: никто не спасся.

Пріютившая меня семья была очень добра ко мнѣ. Мой угрюмый и печальный видъ не раздражалъ моихъ хозяевъ; они старались утѣшить меня. Я провелъ у нихъ четыре дня, не считая тѣхъ, что былъ въ бреду. Все это время я

испытывалъ смутное, съ каждымъ днемъ усиливавшееся желаніе еще разъ взглянуть на свой домъ, гдѣ я жилъ такъ спокойно и счастливо. Это была какая-то болѣзненная потребность насладиться своимъ несчастьемъ. Меня отговаривали, дѣлали все возможное для того, чтобы отвлечь меня отъ этого намѣренія, но я не могъ долѣе противиться ему. Простившись съ моими новыми друзьями, — признаюсь, не безъ слезъ, — и давъ слово вернуться къ нимъ, я снова пустился въ путь.

Улицы, еще недавно мрачныя и пустынные, теперь кишѣли народомъ. Лавки были открыты; изъ фонтановъ била вода.

Помню, день былъ необычайно яркій и солнечный; это казалось мнѣ насмѣшкой надъ моимъ горемъ. Пульсы жизни такъ мощно бились вокругъ; повсюду парило такое оживленіе, — даже не вѣрилось, что мы потеряли такое множество людей. Однако, немного погодя, я сталъ замѣчать, что у всѣхъ встрѣчавшихся мнѣ были изможденные, желтые лица, всклокоченные волосы, расширенные, блестящіе глаза, что большинство были одѣты въ грязныя лохмотья. Всѣ лица выражали одно изъ двухъ — ликованіе и энергію, или же мрачную рѣшимость. Еслибъ не это выраженіе, Лондонъ могъ бы показаться царствомъ бродягъ. Большинство шли пѣшкомъ, лошадей встрѣчалось мало, и тѣ исхудалыя, съ торчавшими наружу ребрами. На папертяхъ церквей раздавали хлѣбъ, присланный французскимъ правительствомъ. По угламъ улицъ стояли специальные констаблы, съ бѣлыми кокардами на шляпахъ. Пока я видѣлъ мало слѣдовъ нашествія марсіанъ, но Веллингтонова улица уже заросла красной травой, обвивавшей быки Ватерлооскаго моста.

На мосту я наткнулся на одно изъ курьезныхъ явленій, обычныхъ въ эту эпоху, богатую контрастами: на толстомъ стеблѣ красной травы развѣвался листъ бумаги, приколотый гвоздикомъ. Это было объявленіе «Daily Mail», — первой газеты, возобновившей свою дѣятельность послѣ гибели марсіанъ.

Со станціи Ватерлоо кажде два часа

отправлялись поѣзда, развозившіе бѣглецовъ по домамъ. Я попалъ въ одинъ изъ нихъ. Первая горячка уже прошла, и народу въ поѣздѣ было мало; въ тому же я былъ вовсе не въ такомъ настроеніи, чтобъ заводить случайныя знакомства. Я взялъ отдѣльное купе и сидѣлъ, скрестивъ руки на груди, мрачно глядя на залитую солнцемъ картину опустошенія. Одно время поѣздъ шелъ, трясясь и подпрыгивая, по временнымъ рельсамъ, между обуглившимися развалинами домовъ. Вплоть до Блангэмской станціи Лондонъ былъ весь черный отъ пыли, осѣвшей послѣ чернаго дыма; даже двухдневный проливной дождь не могъ смыть ея. За Блангэмомъ дорога оказалась попорченной; сотни клерковъ и приказчиковъ не у дѣлъ работали на полотнѣ бокъ о бокъ съ землекопами по профессіи. Здѣсь опять были положены временные соединительные рельсы.

Не доѣзжая Уокинга, сообщеніе опять прерывалось. Я вышелъ въ Байфлитъ и пошелъ пѣшкомъ въ Мэйбери, мимо того мѣста гдѣ мы съ артиллеристомъ повстрѣчали гусаря, и того, гдѣ я впервые видѣлъ, при блескѣ молніи, марсіанина на треножникѣ. Движимый любопытствомъ, я свернулъ въ сторону и скоро нашелъ опрокинутую и поломанную тележку и обглоданный остовъ лошади, той самой, на которой я ѣхалъ. Долго я стоялъ, глядя на эти обломки крушенія...

Я пошелъ домой черезъ сосновую рощу, мѣстами по шею въ красной травѣ, но трупа хозяина «Пестрой собаки» уже не нашелъ; его должно быть похоронили. У открытой двери ближайшаго къ опушкѣ коттеджа стоялъ человѣкъ; онъ поздоровался со мной, назвавъ меня по имени, когда я проходилъ мимо.

При видѣ моего дома въ душѣ моей, какъ молнія, блеснулъ лучъ надежды и тотчасъ же погасъ. Дверь была выломана и едва держалась на петляхъ; когда я толкнулъ ее, она медленно отворилась и снова захлопнулась.

Въ кабинетѣ окно, изъ котораго мы съ артиллеристомъ наблюдали за марсіанами, такъ и осталось открытымъ; занавѣси развѣвались по вѣтру. Помятые

кусты внизу имѣли совершенно такой же видъ, какъ мѣсяцъ тому назадъ. Шаги мои гулко отдавались въ передней; домъ былъ совершенно пустъ. Коверъ на лестницѣ сбился въ кучу и вылинялъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ на него текла вода съ моего платья, намокшаго во время грозы. На ступенькахъ еще сохранились грязные слѣды нашихъ ногъ.

Я спустился внизъ, въ столовую. На столѣ валялись сгнившіе объѣды хлѣба и баранины, поодаль—опрокинутая бутылка изъ-подъ пива; все было въ томъ же видѣ, какъ мы оставили, уходя... Грустный видъ имѣло мое жилище. Я понялъ, какое безуміе было съ моей стороны, питать какія-либо надежды. Но тутъ произошло нѣчто странное. Чей-то голосъ произнесъ: «Это бесполезно. Домъ пустъ. Въ него уже не дѣли двѣ никто не входилъ. Оставаться здѣсь только мучить себя. Пойдемъ отсюда».

Я вздрогнулъ. Что это? Неужели я выговорилъ вслухъ свою мысль? Позади меня французское окно, доходившее до земли, было открыто. Я подошелъ къ нему.

За окномъ, испуганные и удивленные не меньше меня стояли мой двоюродный братъ и жена моя,—блѣдная, выплакавшая всѣ свои слезы. Увидавъ меня, она слабо вскрикнула:

— Я пришла. Я знала... Знала...

Она поднесла руку къ горлу—пошатнулась... Я шагнулъ впередъ и принялъ ее въ свои объятія.

Э п и л о г ъ .

Въ заключеніе могу только пожалѣть о своей некомпетентности въ обсужденіи многихъ сложныхъ вопросовъ, поднятыхъ нашествіемъ марсіанъ и до сихъ поръ еще нерѣшенныхъ. Моя специальность—спекулятивная философія, по сравнительной же физиологій я прочелъ всего двѣтри книги, но мнѣ кажется, что догадавъ Карвера относительно причины быстрой гибели марсіанъ вполне справедлива. Я писалъ, именно руководствуясь его мнѣніемъ.

Несравненно интереснѣе и важнѣе

вопросъ о возможности вторичнаго нападенія на землю со стороны марсіанъ. Я нахожу, что этотъ вопросъ недостаточно разработанъ. Въ настоящее время планета Марсъ далеко отъ насъ, но съ каждымъ ея приближеніемъ, я начинаю бояться новой напасти. Во всякомъ случаѣ надо приготовиться, чтобъ бѣда не застала насъ врасплохъ. Мнѣ кажется возможнымъ опредѣлить положеніе пушки, выбрасывающей цилиндры, и неуспынно наблюдать за этой частью планеты, чтобы не пропустить первыхъ признаковъ грозы.

Уже упавшій цилиндръ можно взорвать динамитомъ, прежде чѣмъ онъ откроется, или же перебить марсіанъ, какъ только они отвинтятъ крышку. Мнѣ кажется, что они много потеряли, благодаря первой неудачной попыткѣ, и теперь у нихъ нѣтъ надъ нами почти никакихъ преимуществъ. Можетъ быть, и сами они думаютъ также.

Лессингъ находитъ весьма вѣсскія основанія предпологать, что марсіане уже успѣли переселиться на Венеру. Семь мѣсяцевъ тому назадъ Венера и Марсъ стояли на одной линіи съ солнцемъ, т. е. находились въ оппозиціи другъ другу. Какъ разъ въ это время астрономы замѣтили странное, извилистое свѣтовое пятно на освѣщенной части первой планеты, и почти одновременно такой же формы темное пятно на дискѣ Марса. Стоитъ взглянуть на фотографическіе снимки съ этихъ пятенъ, чтобъ убѣдиться въ ихъ замѣчательномъ сходствѣ между собою.

Какъ бы тамъ ни было, слѣдуетъ ли ждать новаго вторженія, или не слѣдуетъ, происшедшее сильно измѣнило наши воззрѣнія на будущее человѣчества. Мы узнали, что земля не представляетъ собой надежнаго убѣжища для человѣка, что каждую минуту изъ пространства на насъ можетъ свалиться новая бѣда, или нежданная радость,—что именно, предугадать невозможно. Въ широкомъ смыслѣ слова, результаты нашествія марсіанъ, пожалуй, окажутся благотворными для человѣчества; оно отняло у насъ безмятежную увѣренность въ будущемъ—источникъ регресса и лѣпи:

оно сглотило людей между собою и подвинуло впередъ науку. Быть можетъ, и марсіане, съ своей стороны, получили хорошій урокъ, если только слѣдили за своими піонерами, и съумѣли лучше устроиться при переселеніи на другую планету. Какъ бы тамъ ни было, люди еще много лѣтъ будутъ неусыпно наблюдать за дискомъ Марса, и каждая огненная стрѣла небесная, каждый упавшій аэролитъ будетъ будить въ нихъ тревогу.

Бругозоръ нашъ расширился; это уже само по себѣ важный результатъ, значеніе котораго трудно преувеличить. До паденія цилиндровъ люди были убѣждены, что жизнь существуетъ только на поверхности нашей миниатюрной планеты. Теперь мы знаемъ больше. Если марсіане могутъ переселиться на Венеру, нѣтъ никакого основанія думать, что это невозможно для людей, и когда солнце остынетъ, и земля сдѣлается необитаемой, можетъ быть, нить нашей жизни будетъ переброшена на другую планету. Кто-то побѣдитъ тогда?

Въ смутныхъ грезахъ мнѣ видится, какъ эта хрупкая ниточка вытягивается, растетъ, переноситъ жизнь съ одной планеты на другую, населяя бездушную пустыню звѣзднаго пространства. Но это далекая мечта. Съ другой стороны, возможно, что гибель марсіанъ была только отсрочкой, что марсіане вернуться, и неизвѣстно еще, кому принадлежитъ будущее: намъ, или имъ.

Долженъ сознаться, что во мнѣ лично пережитыя скорбь и опасности оставили глубокій слѣдъ. Я сталъ недовѣрчивъ, пугливъ, страдаю галлюцинаціями. Сидишь, напримѣръ, у себя въ кабинетѣ, при лампѣ, за работой, и вдругъ слышатся внизу, въ долинѣ, отчаянные

вопи, шумъ и трескъ пламени, или домъ покажется опять брошеннымъ и пустымъ. Идешь по Байфлиту, встрѣчаешь экипажи, мясника въ телѣжкѣ, барина въ коляскѣ, рабочаго на велосипедѣ, школьниковъ—и вдругъ покажется, что все это призраки, а я опять иду съ артиллеристомъ по пыльной дорогѣ, подъ палящими лучами солнца, среди жуткаго, ничѣмъ не нарушаемаго безмолвія. Ночью мнѣ представляются тихія улицы, покрытыя черной пылью, и окутанные ею, какъ саваномъ, трупы, скорченные, окоченѣвшіе, изгрызанные собаками. Они что-то невнятно бормочутъ, корчатся, приподымаются,—и я вскакиваю на постели, обливаясь холоднымъ потомъ.

Когда я бываю въ Лондонѣ, при видѣ шумной толпы на Флитъ-стритъ и страндъ, мнѣ начинаетъ казаться, что все это только призраки былого, бродящіе по безмолвнымъ улицамъ, фантасмогорія мертваго города, пародія жизни въ гальванизованномъ трупѣ. Странно мнѣ стоять на вершинѣ Примрозъ-хилля—между прочимъ я былъ тамъ не дальше, какъ вчера, и смотрѣть на широко раскинувшуюся панораму домовъ, окутанную завѣсой тумана и дыма, сливающуюся на горизонтѣ съ низко нависшимъ небомъ, на цвѣтникахъ, разбитые по склонамъ холма, на гуляющихъ по дорожкамъ людей, на многоручную машину, до сихъ поръ стоящую здѣсь,—на шумныя игры дѣтей, и вспоминать тѣ минуты, когда вся эта окрестность лежала передо мной величаво суровая, безмолвная, въ яркомъ свѣтѣ занимавшагося великаго дня...

Но всего страннѣе держать руку моей жены и думать, что мы оба считали другъ друга погибшими.

К о н е ц ъ .

Содержаніе 1898 г. журнала „Міръ Божій“.

Алегго, Стихотворенія: май, стр. 241, «Въ лѣсу», май, стр. 280, «Лѣтомъ», іюнь, стр. 14, «Осенью» ноябрь, стр. 80, «На Военно-Грузинской дорогѣ», декабрь.

Анненскій, И. Ѳ. «Финикіянки», трагедія Эврипида (стихотворный переводъ), апр., стр. 1.

Баженовъ, А. «Стихотвореніе», янв. стр. 30.

Безродная Юлія. «Черный флагъ», рассказъ, ноябрь, стр. 30.

Богдановичъ, А. «Адамъ Мицкевичъ», дек. стр. 239.

Бунинъ, Ив. «Мать», стихотвор. янв., стр. 126, «Ночная вьюга», февр., 30, «Изъ пѣсенъ о веснѣ», апр., стр. 124, «Осень», октябрь, стр. 16.

В. М. «Туманы» (Изъ Ады Негри), окт., стр. 121, стихотвореніе «Изъ Ады Негри», декабрь.

Войничъ, Е. «Оводъ» (романъ изъ итальянской жизни), перев. съ англ. З. Венгеровой, отд. III съ января по іюль.

Гаринъ, Н. «На ночлегѣ», набросокъ, февр., стр., 183.

Гаррадонъ Беатриса, «Гильда Страффордъ», повѣсть, перев. съ англ. Л. Давыдовой, стр. 109.

Генкель, Г. «Ребѣ Дувилъ», психологическій очеркъ, дек., стр. 25.

Герцыкъ, А. «Идеалъ». (Изъ Сюлли Прюдома), стихотвор., ноябрь, стр. 242.

Герценштейнъ, Г. «Женщины врачи на поприщѣ практической дѣятельности въ Россіи», апр., стр. 146.

Гольдштейнъ, І. «Индустрія и земледѣіе какъ основы экономическаго и финансоваго могущества», авг. стр. 69.

Горбуновъ, А. «Общественное призрѣніе и экономическая политика», іюль, стр. 1.

Грантъ Чарльзъ, «Пеппиньелло», рассказъ, сент., стр. 80.

— «Донъ Антонио», рассказъ, перев. съ англ. Д. Муратова, ноябрь, стр. 125.

Гурѣвъ, В. Д. «Очеркъ исторіи русскаго театра», окт., стр. 181.

Ивановъ, Ив. «Исторія русской критики». янв., стр. 235, февр., стр. 214, мартъ, стр. 220, апр., стр. 234, май, стр. 242, іюнь, стр. 218, іюль, стр. 233, авг., стр. 195, сент., стр. 104, окт., стр. 70, ноябрь, стр. 81, дек., стр. 169.

«Изъ дневника Шелгунова», ноябрь, стр. 1, дек., стр. 61.

Колтоновскій, А. Стихотворенія: «Лѣтнею ночью». (Изъ Конопницкой), мартъ, стр. 200; «Гуси», мартъ, стр. 266; «Изъ послѣднихъ пѣсенъ» (Изъ Конопницкой), май, стр. 25.

Конопницкая. М. «Со взломомъ», рассказъ. перев. съ польск. янв. стр. 213.

— «Картинки изъ тюремной жизни», перев. съ польск. іюль, стр. 114.

К—а, Л. «Начальное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ», іюль, стр. 1.

Красноперовъ, И. «1891 годъ.», (Изъ воспоминаній), дек., стр. 43.

Крживицій, Л. «Капіталізація земледільческой промисленности», февр., стр. 52, мартъ, стр. 1, май, стр. 159, іюнь, стр. 101, авг., стр. 148, сент., стр. 153, ноябрь, стр. 160.

Кэнъ Холль, «Въ поискахъ свѣта» романъ, перев. съ англ. З. Журавской, янв., стр. 94, февр., стр. 143, мартъ, стр. 120, апр., стр. 166, май, стр. 179, іюнь, стр. 174, іюль, стр. 197, авг., стр. 238, сент., стр. 232, окт., стр. 200, ноябрь, стр. 183, дек., стр. 129.

Ладыженскій, Стихотворенія: «Надъ грудью жаждущей земли» (Изъ Браша), янв., стр. 270. «Цвѣтокъ я люблю» (Изъ Гейне), авг., стр. 34.

Летурно, Ш. «Эволюція торговли», перев. съ франц. Т. Богдановичъ. Отд. III, съ мая по декабрь.

Лундегордъ, «Новый Тангейзеръ», романъ, перев. съ шведскаго В. Фирсова. Отд. III, съ іюля по ноябрь.

Лѣткова, Е. «Бабьи слезы», рассказъ, май, стр. 26.

Маковскій Сергій, «В. М. Васнецовъ и Владимірскій соборъ», мартъ, стр. 201.

— «Очерки по исторіи роскоши», іюль, стр. 55, авг., стр. 82.

Малисъ, Ю. «Рудольфъ Вирховъ», янв., стр. 70, февр., стр. 68, май, стр. 99, іюнь, стр. 46.

Мачтетъ, Г. «Два письма», повѣсть, авг., стр. 161.

Мецгеръ, Э. «Борьба будущаго между бѣлой и желтой расами», перев. съ нѣм., Т. Стрѣльниковой, іюль, стр. 178.

Минцесъ, Б. «Новая исторія XIX столѣтія», окт., стр. 156.

Нелидова, Ен. «Миражъ», рассказъ, апрѣль, стр. 100.

Острогорскій, Викторъ. «Пушкинскій уголокъ земли», сент. стр. 201.

Павловъ, «Морское дно», февр., стр. 1, мартъ, стр. 92.

Познеттъ Манолей, «Сравнительная литература», перев. съ англ. 9. Пименовой, Отд. III, съ января по апрѣль.

Потапенно, И. «Два счастья» романъ, янв., стр. 31, февр., стр. 99 мартъ, стр. 20, апр., стр. 126, май, стр. 120, іюнь, стр. 128, іюль, стр. 147, авг., стр. 35, сент., стр. 173, окт., стр. 123, ноябрь, стр. 210, дек. стр. 141.

Рейтеръ Габріэль, «Перемудрилъ», повѣсть, перев. съ нѣм. М. Чепинской, іюнь, стр. 61.

Серао, Матильда. Рассказы, перев. съ итальянск., мартъ, стр. 82.

Сперанскій, Н. «Система классическаго образованія въ Германіи», янв., стр. 174, мартъ, стр. 50, апр., стр. 114.

Станюковичъ. К. «Письмо», рассказъ, окт., стр. 19.

Струве, П. «Марксъ о Гёте», февр., стр. 177.

— «Историческое и систематическое мѣсто русской кустарной промышленности». (Отвѣтъ, П. Н. Милюкову), апр., стр. 188.

Стуартъ, Анна. «Парусъ», рассказъ, перев. съ голланд. Ек. Половцовой, февр., стр. 190.

Тарле, Е. «Дѣло Бабефа», апр., стр. 73, май, стр. 1.

— «Политическій дѣятель старой Франціи», авг., стр. 1, сент., стр. 1.

Телешовъ, Н. «Сухая бѣда», рассказъ, іюль, стр. 19.

Тимирязевъ, К. «Физиологія растений, какъ основа рациональнаго земледѣлія», янв., стр. 128.

Туганъ-Барановскій, М. «Капитализмъ и рынокъ», іюль, стр. 128.

Туганъ-Барановская, Л. «Іосифъ Арчъ; англійскій крестьянинъ - депутатъ», окт., стр. 1.

Уэлльсъ, Г. «Борьба міровъ», романъ, перев. съ англ. З. Журавской, отд. III, съ окт. по декабрь.

Фаминцынъ, А. «Современное естествознание и психологія», янв., стр. 1, февр., стр. 121, мартъ, стр. 167, апр., стр. 201, май, стр. 209, июнь, стр. 152, июль, стр. 92.

Фарманъ, Морицъ. «Чудеса воздушнаго океана», перев. съ франц. под. ред. Агафонова, отд. III, съ авг. по декабрь.

Фаусенъ, Викторъ. «Автотомія и болевая чувствительность у животныхъ», май, стр. 80, июнь, стр. 30.

Фирсовъ, В. «Причины культурнаго роста Финляндіи», дек., стр. 1.

Фриче, Вл. «Философія лѣни или поэзія праздности», июль, стр. 134.

Хвольсонъ, О. Д. «Позитивная философія и физика», май, стр. 41.

Хлоповъ, «Захолустные очерки», янв., стр. 157, июнь, стр. 15.

Чириковъ, Е. «Калигула», разск. февр., стр. 31.

Чюмина, О. «Примиреніе», «Художникъ», (Изъ Рипшена), апр., стр. 232.

Церасскій, В. «По поводу программы математической географіи», январь, отд. II, стр. 13.

Шницлеръ, А. «Прощаніе», перев. съ нѣм. Л. Давыдовой, окт. стр. 169.

— «Мертвые молчатъ», перев. съ нѣм. Л. Давыдовой, дек.

Шрейнеръ, Олива. Очерки, перев. съ англ., май, стр. 59.

Штейнъ, Л. «Фридрихъ Ницше и его философія», перев. съ нѣм. Н. Бердяева, сент., стр. 61, окт., стр. 51, ноябрь, стр. 63.

Яблоновскій, А. «На изысканіяхъ», сент., стр. 33.

Я. П. Стихотворенія: «Изъ признаній», февр., стр. 189; «Думы и отклики», мартъ, стр. 19; «Пловцы», июнь, стр. 268; «Сказочный городъ», июль, стр. 231; «Сонъ колодника», авг., стр. 146; «Учителю», сент., стр. 152; «Въ странѣ Сопокъ», сент., стр. 268; «Сонъ колодника», ноябрь, стр. 28; стихотвореніе, декабрь.

Яхонтовъ, С. «Осенній день», сент., стр. 60; «Затерянные стихотворенія Лермонтова», окт., стр. 224; «Сонетъ», дек.

Оедоровъ, А. «Прощанье», стихотв., июль, стр. 17.

Содержаніе постоянныхъ отдѣловъ.

Критическія замѣтки. *Январь.* Наслѣдіе минувшаго года въ литературѣ. «Инвалиды» г. Чирикова. Полное собраніе сочиненій Н. Н. Златовратскаго. Стихотворенія П. Я.

Февраль. «Тяга», романъ изъ фабричной жизни, г. Боборыкина. Намѣченные авторомъ типы рабочихъ. Не-русскій характеръ ихъ. «Зеркала», новые рассказы г-жи Гиппиусъ.

Мартъ. «Спирька» г-на Елпатьевскаго. Народническая схема капитализма. Устарѣлое освѣщеніе вопроса. Образчики народнической критики.

Апрѣль. Выставки иностранныхъ художниковъ. Русскія выставки. Семирадскій и Котарбинскій. Л. Н. Толстой объ искусствѣ. «Пустыя слова» о наукѣ.

Май. Памяти В. Г. Бѣлинскаго.

Июнь. Критика искусства Л. Н. Толстого. Окончаніе «Тяги» г. Боборыкина». Фабрика, какъ подсобіе для деревни. Ошибочность такого заключенія. Седьмое изданіе книги г. Джанишѣева «Эпоха великихъ реформъ».

Июль. Очерки и рассказы Максима Горькаго. Различныя типы босой комачды. «Бывшіе люди». Безпокойныя души, философія приволья и свободной жизни.

Августъ. Романъ Золя «Парижъ». Трилогія автора: вѣра, сомнѣніе, религія милосердія. Пустота и безцѣльность высшей буржуазіи. Страхи и опасенія Золя за будущее. Молодость—надежда и спасительница общества. Примирительная тріада автора: любовь, трудъ, наука. Англійскій журналъ о русской литературѣ.

Октябрь. Послѣднія произведенія г. Чехова: «Человѣкъ въ футлярѣ», «Крыжовникъ», «Любовь». Пессимизмъ автора. Первая народная выставка въ Петербургѣ. 70-ти-лѣтіе Л. Н. Толстого.

Ноябрь. Эпигоны народничества. Г. Меньшиковъ, какъ яркій представитель ихъ. Его откровенія или «Думы о счастьи». Народничество прежняго времени. Н. В. Петропавловскій (Баронинъ). Полное собраніе его сочиненій.

Декабрь. Разказы г. Вересаева. Попытка намѣтить новое направленіе въ интеллигенціи. Обьективизмъ автора. «Ученые» открытія г. Блиннова по вотяцкому култу. Г. Минскій о старой и новой поэзій. Сборникъ стихотвореній г. Бальмонта.

На родинѣ. Январь. Къ вопросу о всеобщемъ обученіи. Бѣгство народныхъ учителей изъ школъ. Народныя бібліотеки въ Тамбовской губерніи. Переселенцы въ семипалатинской области. Еврейскій пролетаріатъ. Изъ наблюденій надъ кавказскими духоворами.

Февраль. Вольный университетъ въ Петербургѣ. Голодь на Сѣверномъ Кавказѣ. Вилуйская колонія прокаженныхъ. Толстой объ искусствѣ. Ненапечатанное стихотвореніе Н. А. Некрасова.

Мартъ. Изъ деревень. Крестьянское общество попеченія о народномъ образованіи. Сельскіе учителя въ Тульской губерніи. Курьевый проектъ. Страникъ Антоній.

Апрѣль. Продовольственное дѣло въ Россіи. Вѣсти изъ деревни. Крестьяне въ земствѣ. Городское населеніе Европейской Россіи. Летучая бібліотека. Въ колоніи толстовцевъ. Духоборы въ Якутской области. Шевченко, какъ живописецъ и граверъ.

Май. Еврейскіе беспорядки въ Минскѣ. Религіозное движеніе среди крестьянъ. Книжный складъ елизаветградскаго земства. Просвѣтительная дѣятельность московской думы. Увлеченіе Сибирью. Изъ голодающихъ губерній. Чествованіе памяти Бѣлинскаго въ Москвѣ.

Іюнь. Изъ неурожайныхъ мѣстностей. Народные толки о переписи 1897 г. Статистика ссылки въ Россіи. Кустарное ткачество въ Черниговской губерніи. Семья Бѣлинскаго послѣ его смерти.

Іюль. Разорившаяся губернія. Движеніе на заработки и условія труда. Курьерскій сквозной поѣздъ на сибирскомъ пути. Новая бѣда въ Забайкальѣ. Событіе въ Анджеанѣ.

Августъ. Земскіе книгошны. Вымираніе розги. «Кугусорта». Психическія заболѣванія среди сельскаго населенія. Положеніе рабочихъ на спичечныхъ фабрикахъ. Дѣятельность лицъ, окончившихъ высшіе женскіе курсы. По раскольничьимъ скитамъ. Описаніе поля битвы подъ Бородинымъ. Н. А. Ярошенко. (Некрологъ).

Сентябрь. Открытіе памятника Императору Александру II. Положеніе церковно-приходскихъ школъ. Духоборы-переселенцы на Кавказѣ. Добываніе желѣзной руды въ Херсонской губ. Переутомленіе желѣзнодорожныхъ служащихъ. Истязаніе деньщиковъ. Что читаетъ простой народъ въ Петербургѣ. М. Г. Черняевъ (Некрологъ).—*Изъ прошлаго.* Оправдательная записка Ѳ. М. Достоевскаго. Письма Тургенева къ управляющему. Изъ приказнаго быта духовнаго вѣдомства прежняго времени. Царица Алая.

Октябрь. О борьбѣ съ голодомъ. Вопросъ о всеобщемъ обученіи на кievскомъ съѣздѣ естествоиспытателей. Общество защиты патшихъ женщинъ. Къ вопросу о разоруженіи. Къ 70-лѣтнему дню рожденія Л. Н. Толстого. Изъ прошлаго. Передъ казнью.

Ноябрь. Изслѣдованіе народнаго образованія въ Россіи. Къ вопросу о голодѣ. Въ Тургайской степи. Бустари-личильщики. Рѣзказъ сектанта. Эксплуатация паломниковъ. Я. П. Половскій (Некрологъ).

Декабрь. Изъ голодающихъ мѣстностей. О сельскихъ рабочихъ. Положеніе инспекціи на желѣзнодорожныхъ заводахъ. Общество помощи въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ. Дѣло ксендза Бѣлякевича.

Корреспонденціи. Январь. «Женская субботняя еврейская школа въ Одессѣ» (письмо изъ Одессы). А. М.

Февраль. «Женскіе кустарные промыслы въ Тверской губерніи». И. Красноперевова.

Мартъ. «Моя думская практика» (очеркъ изъ быта рабочаго населенія въ Петербургѣ). Женщины-врача М. И. Покровской.

Юль. «Дни Бѣлинскаго въ Пензѣ» (26 и 27 мая 1898 г.). Письмо изъ Пензы В. Острогорскаго.

За границей. Январь. Негритянскій вопросъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Журналистъ въ роли освободителя. Альфонсъ Додэ (Некрологъ).

Февраль. Дѣло Дрейфуса и французская печать. Столѣтіе Огюста Конта. Общежитіе для престарѣлыхъ мужчинъ и женщинъ въ Калифорніи. Пять тысячъ книгъ, написанныхъ женщинами. Въ колоніи «шекеровъ».

Мартъ. Эмиль Золя передъ судомъ присяжныхъ. Бузувайо. Политическій клубъ въ Парижѣ. Миссъ Вилларъ—апостолъ трезвости.

Апрѣль. Новое университетское поселеніе. Англійскіе политическіе клубы. У Генриха Ибсена. Банкетъ въ память Вашингтона въ Парижѣ. Нью-Йоркскій король.

Мій. Кубинская война. Бѣгство съ острова Дьявола. Китайскіе врачи. Лордъ Байронъ въ Греціи. Выборы въ швейцарской общинѣ.

Юнь. Гладстонъ (Некрологъ). Микель и Вагнеръ въ роли героевъ 1848 г. Американское войско. Женское движеніе въ Индіи. Этическое движеніе въ Германіи.

Юль. Что читаетъ нѣмецкій народъ. Лордъ Фицджеральдъ. Бюро новостей въ Нью-Йоркѣ. Японскій министръ о просвѣщеніи.

Августъ Князь Бисмаркъ (Некрологъ). Ростъ Германской имперіи. Медицинскія школы въ Соединенныхъ Штатахъ. Первобытные обитатели Антильскихъ острововъ. Представленіе страстей Господнихъ въ Новой Мексикѣ.

Сентябрь. Евронейскій концертъ и его результаты. Филиппинскіе острова. Вечерніи университеты въ Англіи. Успѣхи женскаго движенія въ Австріи. Этическое движеніе въ Италіи.

Октябрь. Китай и Японія. Пытки въ современной Испаніи. Этическое движеніе въ разныхъ странахъ. Соціальное движеніе въ Голландіи. Школьные кооперативные союзы. Клубы для несовершеннолѣтнихъ рабочихъ въ Америкѣ.

Ноябрь. Китайскія дѣла. Двѣнадцать лѣтъ въ плѣну у махдистовъ. Причины самоубійствъ съ точки зрѣнія вегетаріанца. Суевѣрія въ концѣ XIX в. Изъ области женскаго движенія.

Декабрь. Суданская экспедиція. Опыты одного фабриканта. Двадцатипятилѣтіе университетскаго египетскаго движенія въ Англіи. Театръ мистерій въ Зельцахъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ. **Январь.** «Revue de Paris». «Temps».

Февраль. «Revue Bleue». «Revue des deux Mondes». «Revue de Paris».

Мартъ. «Review of Reviews». «Fortnightly Review». «Cosmopolis».

Апрѣль. «Revue de Paris». «Revue des deux Mondes». «Nineteenth Century». «Revue des Revues».

Май. «North American Review». «Century Magazin». «Revue des Revues». «Quinzaine». «Pearson's Magazine».

Іюнь. «Revue des Revues». «La Science Sociale». «Century Magazine».

Іюль. «Revue Scientifique». «Nineteenth Century». «Revue des deux Mondes». «Ethical World». «Revue de Revues».

Августъ. «Review of Reviews». «Pearson's Magazine». «The English Woman's Reviews». «North American Review».

Сентябрь. «Revue des deux Mondes». «Nineteenth Century». «Century Magazine».

Октябрь. «Revue des Revues». «Revue de Paris». «National Review». «Pearson's Magazine».

Ноябрь. «Fortnightly Review». «Contemporary Review». «Review of Reviews». «Revue des deux Mondes».

Декабрь. «Revue des deux Mondes». «National Review». «Fortnightly Review». «Cassels Magazine».

Корреспонденціи. **Январь.** «Университетское движеніе въ Бельгіи» (письма изъ Брюсселя), *М. Гр.*

Февраль. «Домъ народа въ Брюсселѣ», *Анны Ф—ръ.*

Мартъ. «Школьный праздникъ въ Швейцаріи», *В. Францовой.*

Апрѣль. «Низкій процентъ рождаемости въ связи съ общественнымъ движеніемъ во Франціи» (письмо изъ Парижа), *П. Б.*

Августъ. «Изъ жизни современной Италіи» (письмо изъ Рима), *А. З—ю*

Сентябрь. «Новый факторъ въ жизни современной Франціи» (изъ путешествій замѣтокъ и наблюденій), *В. Битнера.*

Октябрь. «Нѣсколько словъ по поводу послѣднихъ событій во Франціи» (письмо изъ Парижа), *П. Б.*

Ноябрь. «Берлинскіе студентки» (письмо изъ Берлина), *В. Вишневскаго.*

Научный обзоръ. **Январь.** «Обзоръ успѣховъ физиологіи», академика, *И. Тарханова.*

Февраль. «Успѣхи физики», проф. *О. Хвольсона.* — «Отвѣтъ академику А. С. Фаминицину» (письмо въ ред.), *К. Тимирязева.*

Мартъ. «О жизни и смерти» (нѣкоторые взгляды и гипотезы послѣднихъ лѣтъ), *В. Г.*

Апрѣль. «Музыка и вліяніе ея на человѣка» (психо-физиологическій очеркъ), врача *С. Бродскаго.*

Май. «Работа мысли въ новѣйшей зоологіи», проф. *Н. Холодовскаго.*

Іюнь. «Интересная находка д-ра Дюбуа» (антропологическій очеркъ), *Н. Момиланскаго.*

Іюль. «Новости ботаники за 1897 г.», *И. Б.*

Августъ. «Чашотка и народныя санаторіи», врача *В. Г. Батъ.*

Сентябрь. «Путешествіе Свенъ-Хедина» (географическій очеркъ), *З.*

Октябрь. «Инстинкты и нравы насѣкомыхъ», *Я—аго.*

Ноябрь. «Фалисификація пищи», женщины-врача *М. И. Покровской.*

Декабрь. «Габріэль Мортилье и доисторическая археологія», *Н. Момиланскаго.*

Научныя новости. **Январь.** **Астрономія.** 1) Ноябрьскій потокъ падающихъ звѣздъ. 2) Поверхность солнца въ концѣ 1897 г. 3) Еще новые астеронды. **Физика.** Простыя ли тѣла аргонъ и гелій? **Геологія.** 1) Морскія глубины. 2) Вѣроятная причина магнитности горныхъ породъ. 3) Интересное озеро.

Біологія. 1) Гистологическія измѣненія нервныхъ кѣтокъ подѣ влияніемъ усталости. 2) Проказа и ракъ. 3) Микробы чумы рогатаго скота. 4) Ферментъ кѣтчатки. 5) Появленіе разновидностей подѣ влияніемъ тепловыхъ измѣненій. 6) *Nostoc punctiforme*. **Техника.** 1) Электрическая луна. 2) Какъ американцы убираютъ снѣгъ съ улицы. *В. Алафонова.*

Мартъ. **Астрономія.** 1) Полное солнечное затмѣніе. 2) Оптическое доказательство отсутствія на Марсѣ морей. **Физика** 1) Какіе цвѣта лучше видны на далекомъ разстояніи. 2) Выстрѣлы въ озерахъ. **Геологія.** 1) Рельефъ земной коры. 2) Новое ископаемое. 3) Доисторическая битва. **Біологія.** 1) Благодѣтельная роль мухъ, комаровъ, москитовъ въ уничтоженіи микробовъ. 2) Температура тѣла у низшихъ млекопитающихъ. 3) Замерзаніе растений и вліяніе крайне низкихъ температуръ на сѣмена. 4) Оригинальныя гнѣзда. 5) Периодическое выпаденіе зубовъ у рыбъ. 6) Измѣненіе окраски рыбъ во время сна. 7) Сонливость и ея микробы. *В. Алафонова.*

Апрѣль. **Астрономія.** 1) Новая луна. 2) О важности нормального зрѣнія для астрономовъ. **Физика и метеорологія.** 1) Опыты съ жидкимъ воздухомъ. 2) Суточные колебанія барометра. **Біологія.** 1) Къ вопросу о движеніи діатомовыхъ водорослей. 2) Роль энцикловъ въ жизни растений. 3) Новое каучуковое дерево и новое хлопчатобумажное растеніе. 4) Вліяніе цвѣтныхъ лучей на амебу. 5) О паразитахъ и сожителяхъ муравьевъ. **Географія и научныя экспедиціи.** 1) Новѣйшія изслѣдованія материковъ Азіи, Австраліи и Америки. 2) Огонь изъ-подо льда. **Техника и изобрѣтенія.** 1) Успѣхи аэронавтики. 2) Искусственный шелкъ. *В. Алафонова.*

Май. **Астрономія.** 1) Новая гипотезы о строеніи Марса и его каналовъ. 2) Лунная атмосфера. **Физика.** Последняя работа Рентгена о X-лучахъ. **Геологія метеорологія.** 1) О подводныхъ сейсмическихъ явленіяхъ. 2) Дожди—кровавый и пыльный. 3) Смоляное озеро. **Біологія.** 1) Къ вопросу о вліяніи среды на половую дифференціацію. 2) Вліяніе рентгеновскихъ лучей на растенія. 3) Дождевые черви и растительность. 4) Свистящее дерево. *В. Алафонова.*

Іюнь. **Астрономія.** 1) Тѣнь, отбрасываемая луною. 2) Новая комета. **Физика и метеорологія.** 1) Аномалія сплавовъ желѣза съ никелемъ. 2) Лучи, испускаемые элементомъ торіемъ и его соединенія. 3) Лунная радуга. 4) Удары молніи въ Юго-Западной Россіи. **Геологія и минералогія.** 1) Фергюссонитъ—эндотермическій минералъ. 2) Новый замѣчательный гротъ Армонъ. **Біологія.** 1) Сумчатое животное съ плацентой. 2) Мозгъ и эмбриональное развитіе. 3) Вліяніе алкоголя на мозговую работу. *В. Алафонова.*

Іюль. **Астрономія.** 1) Каналы Марса и каналы луны. 2) Разстояніе отъ земли звѣздъ Большой Медвѣдицы. **Физика и физическая географія.** 1) Превращеніе водорода въ жидкое состояніе. 2) Морскія глубины. **Біологія.** 1) Пахучія железы у насѣкомыхъ. 2) Вліяніе сильно сжатыхъ газовъ на микроорганизмы. 3) Чума и муравьи. **Техника. Агрономія.** 1) Утилизациія силы морскихъ волнъ. 2) Нитрагинъ.—Бессемеръ. (Некрологъ). *В. Алафонова.*

Августъ. **Физика.** Открытіе новаго газа въ воздухѣ. **Геологія и минералогія.** 1) Новая данныя о строеніи льда и движеніи ледниковъ. 2) Алмазы въ слаткахъ. **Біологія.** О ростѣ прѣсноводныхъ рыбъ. *В. Алафонова.*

Сентябрь. Солнечный свѣтъ.—Образованіе облаковъ, вызванное пожаромъ.—Электрическій истребитель тумана.—Вліяніе атмосферическихъ условій на результаты наблюденій въ обсерваторіяхъ.—Автоматическій фотографъ.—Телефонъ индѣйцевъ.—Древній госпиталь.—Новое освѣщеніе.

Октябрь. **Астрономія.** 1) Новый гигантскій телескопъ. 2) Новый астероидъ. **Физика.** Новая изслѣдованія радуги. **Метеорологія.** Необычныя градъ.

Ботаника. Веселящее растеніе. Зоологія. 1) Алкоголизмъ у насѣкомыхъ. 2) Психологія муравьевъ. 3) Вѣсъ мозга и тѣла у млекопитающихъ. Агрономія. Культура тропическихъ растений въ климатѣ нашихъ широтъ. Медицина и гигиена. 1) Горная болѣзнь. 2) Мыло, какъ средство дезинфекціи. Антропология. 1) Ногти человѣческой руки. 2) Развитие частей человѣческаго мозга въ связи съ устройствомъ черепа. *Н. М.*

Ноябрь. Астрономія. 1) Новые свѣтила. 2) Возрастъ солнца. Физика. Новый телеграфъ безъ проволоки. Біологія. 1) Дѣйствіе анестезирующихъ веществъ на животныя и растительныя организмы. 2) Вліяніе разбѣяннаго свѣта на растенія. Физиологія. Велосипедъ и его вліяніе на организмъ. Медицина и гигиена. 1) Лѣченіе желтой лихорадки сывороткой. 2) Окисъ углерода при взрывахъ въ шахтахъ. Географія и путешествія. 1) Калифорнское землетрясеніе. 2) Полярная экспедиція Нансена 1893—1896 гг. 3) Къ полету Андрѣ. Техника. Два новыхъ подводныхъ кабеля. *Н. М.*

Декабрь. Химія. Новый элементъ эфиріонъ. Біологія. Полъ потомства. Зоологія. Психологія пчелы. Ботаника. Интересный случай тератологіи растений. Антропология. Древнѣйшій способъ добыванія огня. Медицина. 1) Прививка противъ чумы въ Индіи. 2) Часы смерти и часы рожденій. Географія и путешествія. Море бѣлаго цвѣта.

Изъ Западной культуры. *Ив. Иванова.*

Январь. «Ренанъ».

Февраль. «Культурные плоды Германскаго единства».

Мартъ. «Великобританской лордъ и естественный человѣкъ».

Май. «Политическій гамлетизмъ XIX в.»

Іюнь. «Современный сфинксъ».

Іюль. «Эволюція вѣрующаго духа».

Августъ. «Incorrigée et incorrigibles».

Сентябрь. «Современная Италія».

Октябрь. «Литературная любовь».

Ноябрь. «Горькая участь одной молодой науки».

Декабрь. «Безумецъ или мученикъ».



КЪ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКѢ.

Въ 1898 году экземпляры «Міра Божьяго» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки.

экз.		экз.
1.	С.-Петербургская губ. (въ томъ числѣ Петерб.—906).	972
2.	Московская губ. (въ томъ числѣ Москва—640).	755
3.	Кіевская губ. (въ томъ числѣ Кіевъ—236).	396
4.	Херсонская губ. (въ томъ числѣ Одесса—198).	375
5.	Пермская губ. (въ томъ числа Пермь—84).	313
6.	Саратовская губ. (въ томъ числѣ Саратовъ—104).	253
7.	Обл. Войска Донского (въ томъ числѣ Ростовъ Н.-Д.—82).	238
8.	Харьковская губ. (въ томъ числѣ Харьковъ—140).	235
9.	Таврическая губ.	234
10.	Екатеринославск. губ. (въ томъ числѣ Екатеринославъ—56).	232
11.	Полтавская губ. (въ томъ числѣ Полтава—48).	214
12.	Казанская губ. (въ томъ числѣ Казань—120).	198
13.	Тифлисская губ. (въ томъ числѣ Тифлисъ—142).	176
14.	Вятская губ. (въ томъ числѣ Вятка—42).	173
15.	Самарская губ. (въ томъ числѣ Самара—74).	163
16.	Владимірская губ.	154
17.	Тамбовская губ.	152
18.	Черниговская губ.	151
19.	Курская губ. (въ томъ числѣ Курскъ—54).	147
20.	Томская губ. (въ томъ числѣ Томскъ—72).	137
21.	Воронежская губ. (въ томъ числѣ Воронежъ—52).	136
22.	Орловская губ. (въ томъ числѣ Орелъ—37).	136
23.	Тверская губ. (въ томъ числѣ Тверь—37).	134
24.	Бессарабская губ. (въ томъ числѣ Кишиневъ—49).	131
25.	Иркутская губ. (въ томъ числѣ Иркутскъ—68).	123
26.	Подольская губ.	119
27.	Нижегородская губ. (въ томъ числѣ Н.-Новгородъ—64).	116
28.	Смоленская губ. (въ томъ числѣ Смоленскъ—37).	113
29.	Кубанская обл. (въ томъ числѣ Екатеринод.—46).	108
30.	Костромская губ.	107
31.	Пензенская губ.	106
32.	Рязанская губ.	105
33.	Лифляндская губ. (въ томъ числѣ Рига—52).	104
34.	Тульская губ.	103
35.	Подольская губ.	100
36.	Ставропольская губ.	99
37.	Ярославская губ. (въ томъ числѣ Ярославль—46).	99
38.	Минская губ. (въ томъ числѣ Минскъ—33).	96

	экз.		экз.
39. Енисейская губ. (въ томъ числѣ Красноярскъ—37).	94	63. Закаспійская обл. . . .	40
40. Волынская губ. . . .	93	64. Архангельская губ. (въ томъ числѣ Арханг.—21).	38
41. Уфимская губ. . . .	88	65. Петровская губ. (въ томъ числѣ Лодзь—15).	36
42. Сибирская губ. . . .	87	66. Сыръ - Дарьинская обл. (въ томъ числѣ Ташкентъ—26).	33
43. Бакинская губ. (въ томъ числѣ Баку—57) . . .	81	67. Елисаветпольская губ. .	32
44. Витебская губ. (въ томъ числѣ Витебскъ—32). .	81	68. Уральская обл.	29
45. Варшавская губ. (въ томъ числѣ Варшава—58). .	80	69. Черноморскій округъ . .	27
46. Забайкальская обл. . .	79	70. Семирѣченская обл. . .	25
47. Могилевская губ. . . .	71	71. Якутская обл.	24
48. Астраханск. губ. (въ томъ числѣ Астрахань—54). .	70	72. Олопецкая губ.	23
49. Тѣрская обл. (въ томъ числѣ Владикавк.—30). .	70	73. Амурская обл. (въ томъ числѣ Благовѣщен.—19).	22
50. Виленская губ. (въ томъ числѣ Вильна—44). . .	68	74. Семипалатинская обл. .	22
51. Гродненская губ. . . .	67	75. Сувальская губ.	21
52. Кутанская губ.	67	76. Эриванская губ.	18
53. Новгородская губ. . . .	66	77. Финляндія.	16
54. Курляндская губ. . . .	64	78. Эстляндская губ. . . .	15
55. Оренбургская губ. . . .	62	79. Сѣдлецкая губ.	13
56. Псковская губ. (въ томъ числѣ Псковъ—25) . .	59	80. Ломжинская губ. . . .	11
57. Калужская губ. (въ томъ числѣ Калуга—27) . .	57	81. Ферганская обл.	9
58. Ковенская губ.	57	82. Дагестанская обл. . . .	7
59. Акмолинская обл. (въ томъ числѣ Омскъ—45). . .	56	83. Калишская губ.	7
60. Вологодская губ. . . .	54	84. Плоцкая губернія. . . .	7
61. Приморская обл. (въ томъ числѣ Владивост.—24). .	46	85. Радомская губ.	7
62. Люблинская губ. . . .	41	86. Кѣлецкая губ.	6
		87. Тургайская обл.	6
		88. Самаркандская обл. . .	5
		За границу.	124
		Итого . .	9984

Изъ этого числа 841 экз. пошло на удовлетвореніе подписчиковъ „Новаго Слова“, согласно ихъ требованію, по соглашенію съ бывшей редакціей этого журнала.

ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ „РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

(36-й годъ изданія).

Въ Москвѣ			На города			За границу		
съ доставкой:			съ пересылкой:			съ пересылкой:		
на 12 мѣсяцевъ	10 р. — к.		на 12 мѣсяцевъ	11 р. — к.		на 12 мѣсяцевъ	18 р. — к.	
» 6	» 5	50	» 6	» 6	—	» 6	» 9	—
» 3	» 3	—	» 3	» 3	50	» 3	» 4	80
» 1	» 1	—	» 1	» 1	20	» 1	» 1	90

«Русскія Вѣдомости» будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ праздничныхъ, листами большого формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву въ контору «Русскихъ Вѣдомостей», Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гг. иногороднихъ подписчиковъ, затруждающихся единовременнымъ внаосмъ годовой платы, допускается разсрочка при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му іюня 5 р. или б) при подпискѣ 5 р., къ 1-му марта 3 р. и къ 1-му августа 3 р. Въ случаѣ неввноса денегъ въ срокъ дальнѣйшая высылка газеты приостанавливается.

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, учителей и учительницъ городскихъ и сельскихъ школъ въ Москвѣ съ доставкой на 1 мѣсяцъ—85 коп., съ пересылкой въ другіе города на 1 мѣсяцъ—1 руб. 2—1

Открыта подписка на 1899 г. на ежемѣсячный литературный журналъ

„ЖЕНСКОЕ ДѢЛО“.

Журналъ «Женское Дѣло» ставитъ своей главной цѣлью отвѣчать на всѣ запросы русской женщины не только, какъ матери, но и какъ члена семьи и общества.

Въ виду все болѣе и болѣе усложняющихся условій культурной жизни и вполнѣ опредѣлившася женскаго движенія у насъ и за границей, журналъ «Женское Дѣло» является необходимымъ подспорьемъ, какъ въ вопросахъ чисто семейнаго характера, такъ и въ вопросахъ женскаго образованія и труда на различныхъ поприщахъ дѣятельности общественной.

Въ Европѣ, не говоря уже объ Америкѣ, издается множество подобныхъ журналовъ, и всѣ они имѣютъ большой кругъ читателей; у насъ въ Россіи подобнаго рода изданіе является впервые.

Разобраться въ вопросахъ, которые легли въ основу «Женскаго Дѣла», задача трудная, но она можетъ быть значительно облегчена, если интеллигентныя женщины нашего обширнаго отечества будутъ смотрѣть на него, какъ на свое личное дѣло и примутъ участіе въ трудахъ редакціи и въ распространеніи самаго журнала.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Исторія развитія женщины и ея положеніе въ семьѣ, въ обществѣ и государствѣ у насъ и за границей.—2) Лѣтопись женскаго движенія и женскаго труда у насъ и за границей.—3) Біографіи женщинъ, выдающихся на разныхъ поприщахъ дѣятельности.—4) Беллетристика и стихотворенія оригинальныя и переводныя.—5) Голоса изъ провинціи.—6) Критика и бібліографія по женскому вопросу.—7) Отчеты о женскихъ конгрессахъ, союзахъ, обществахъ научныхъ, художественныхъ, благотворительныхъ и проч.—8) Смѣсь.—9) Объявленія. При статьяхъ о женщинахъ, выдающихся на разныхъ поприщахъ дѣятельности, будутъ помѣщаться ихъ портреты, а также снимки съ картинъ и другихъ проявленій женскаго творчества.

Подписная цѣна на годъ за 12 книгъ шесть руб., съ доставкой и пересылкой семь рублей. За границу девять рублей.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Гончарная, д. 10, куда гг. подписчиковъ и книгопродавцевъ просятъ исключительно обращаться.

3 р. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1899 г. 3 р.

(VI-й годъ)

„НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ“,

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

ПОСВЯЩЕННОЕ ВОПРОСАМЪ ВОСПИТАНІЯ И САМООБРАЗОВАНІЯ.

Вступая въ 6-й годъ изданія **«НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ»**, мы будемъ пользоваться сотрудничествомъ тѣхъ же лицъ, которыя въ продолженіе **пяти лѣтъ**, помогая редакціи своимъ участіемъ, способствовали успѣху этого изданія. Наша главная задача—**помочь женщинамъ-матери**, въ особенности неопытной, разобратся въ тѣхъ вопросахъ, которые ей ежедневно предъявляетъ жизнь.

Въ изданіе входятъ: статьи по физическому и нравственному воспитанію, популярно-медицинскія, статьи по гигиенѣ, обзоры новыхъ книгъ, извлеченія изъ педагогическихъ и общихъ журналовъ, относящихся не только къ воспитанію дѣтей, но и къ самообразованію. Отчеты о дѣятельности педагогическихъ и другихъ обществъ, родительскихъ кружковъ, приютовъ, яслей у насъ и за границей. Практическія свѣдѣнія по домоводству, хозяйству, ручному труду, преобразованію женскаго туалета въ связи съ гигиеной, различные виды женскаго спорта и проч. Смѣсь. Мелкія сообщенія. Объявленія.

Въ трудахъ редакціи принимаютъ участіе: д-ръ А. Г. Архангельская, д-ръ филозофіи М. В. Безобразова, д-ръ А. С. Виреніусъ, д-ръ М. М. Волкова, З. Л. Воронова, К. В. Ельницкій, д-ръ А. Г. Лаврентьевъ, д-ръ Е. Ф. Литвинова, д-ръ И. В. Малиревскій, А. П. Нечаевъ, В. П. Острогорскій, М. А. Паскевичъ, А. Полторацкая, М. М. Соколова, Е. А. Чебышева-Дмитріева, д-ръ А. Н. Шабанова, А. Шеталова.

Изданіе **«НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ»** выходитъ 9 разъ въ годъ (кромя лѣтнихъ мѣсяцевъ).

Годовая подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой **3 р.** За границу **5 р.**

Адресъ редакціи и конторы: **С.-Петербургъ. Гончарная, д. 10**, куда гг. подписчиковъ и книгопродавцевъ просятъ исключительно обращаться.

1—1

Редакторъ-издательница **А. Н. Пыикова-Толмачева.**

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

ВРАЧЪ,

посвященная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигиены и всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, будетъ выходить и въ будущемъ 1899 году подъ тою-же редакціей и по той-же программѣ, какъ и въ первые 19 лѣтъ.

Статьи (въ заказныхъ бандероляхъ) высылаются на имя редактора Вячеслава Авксентьевича Манассеина (Петербургъ, Симбирская, д. 12, кв. 6).

Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургъ, 9 р.; за полгода 4 р. 50 к.; за 3 мѣсяца 2 р. 25 к. Подписка принимается у издательницы Ольги Александровны Риккеръ (Петербургъ, Невскій, 14). Къ ней же исключительно слѣдуетъ обращаться и по всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ вообще (относительно высылки говора, отдѣльныхъ оттисковъ, неполученныхъ №№ и т. д.).

2—2

ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ

ДЛЯ ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ КАРТИНЪ НА БУМАГѢ

Изобрѣтенія полков. **МАЛИНОВСКАГО**. Специальная мастерская **С. К. АКИМОВОЙ**. Москва, Плющиха, соб. д. Освѣщеніе керосиновое, а также переносными лампами

НАСИЛЬНѢЙШАГО СВѢТА АЦЕТИЛЕНОВА ГАЗА

годными для всѣхъ системъ фонарей. Цѣны дешевыя. Полный каталогъ 3-го изд. фонарей, лампъ, книгъ, картинъ, съ отзывами заказчиковъ и печати за 20 к. марк.

ДИПЛОМЪ за всероссійскую выставку за 1896 г.

1—1

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“

ИЗДАНИЕ П. П. СОЙКИНА

XV годъ изд.

подъ редакціею А. И. ПОПОВИЦКАГО и при участіи
ОТЦА ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО
52 иллюстрированныхъ №№, 12 ежемѣсячныхъ книгъ
КРОМЪ ТОГО, БЕЗПЛАТНО, ИСПОЛНЕННУЮ КРАСКАМИ НА МЕТАЛЛЪ,
копію съ чудотворной КУРСКОЙ иконы Пресвятой Богородицы.

„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“ одобренъ всѣми вѣдомствами, въ которыхъ
былъ представленъ. 1897 г. Особымъ Отд.
Учен. Ком. Нар. Просв. одобренъ для библиотекъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній,
для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Подробное объявленіе и пробный № высылается за 7 коп. марку.

Въ 12 книжкахъ „РУССКАГО ПАЛОМНИКА“ будетъ дано: 1) Размышленія
о жизни Иисуса Христа. Соч. *Фомы Кемпійскаго*. 2) Ополченцы. Историческая повѣсть изъ
гоненія на православныхъ въ Польшѣ, въ 2-хъ частяхъ. *С. Л. Астафьева*. 3) Святини земли
русской. *Е. Поселянина*. 4) Царьградскіе иноки, ч. I. Исторія Константинопольскаго мона-
шества до IX вѣка. Сочин. аббата *Марена*. 5) Царьградскіе иноки, ч. II. Его же. 6) Сестры
Фабіолы. Повѣсть изъ исторіи гоненій на христіанъ. *К. Н. Семенова*. 7) Среди раскольниковъ
и сектантовъ Поволжья. *С. Александрова*. 8) Библія и наука. Историческія разясненія къ
Ветхому Завету. Соч. *Раулинсона*. 9) Конецъ Іуды. Историческая повѣсть первыхъ временъ
христіанства въ Римѣ. *С. Кончиловича*. 10) Наши заграничныя миссіи. *С. Арганьева*.
11) Принцезы острова. *А. П. Березова*. 12) Соловецкій бунтъ. Историческая повѣсть въ
2-хъ частяхъ. *С. Л. Астафьева*.

Подписная цѣна: на годъ безъ доставки въ Спб. 5 руб., въ Москвѣ (у Н. Печ-
ковской) 5 р. 50 к., съ доставкой въ Спб. и Москвѣ и пересылкою по всей Россіи шесть руб.
За границу 8 руб. ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ
1 июля остальные.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Стремянная улица, № 12, собств. домъ.

1—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 г.
НА

„САМАРСКУЮ ГАЗЕТУ“

литературно-политическую и экономическую, выходящую, еже-
дневно, кромѣ дней послѣднихъ праздничныхъ.

Газета ставитъ свою задачей—быть вѣрнымъ отраженіемъ интересовъ Поволжья,
Уфимскаго и Оренбургскаго краевъ и дать читателямъ систематическій матеріалъ,
касающійся какъ областныхъ, такъ и общегосударственныхъ вопросовъ и вообще раз-
ныхъ сторонъ русской общественной жизни, чтобы читатель, узнавая изъ газетъ
мѣстныя самарскія и областныя новости, могъ вмѣстѣ съ ними, обходясь безъ
чтенія столичныхъ газетъ.

Подписная цѣна: Въ гор. съ доставк.: на 12 мѣс. 6 р., на 11 мѣс., 5 р. 50 к., на
10 мѣс. 5 р., на 9 мѣс. 4 р. 50 к., на 8 мѣс. 4 р., на 7 мѣс. 3 р. 50 к., на 6 мѣс.
3 р. на 5 мѣс. 2 р. 50 к., на 4 мѣс. 2 р., на 3 мѣс. 1 р. 50 к., на 2 мѣс. 1 р. въ
1 м. 60 к. Иногород. съ пересыл.: на 12 мѣс. 7 р., на 11 мѣс. 6 р. 60 к., на 10 мѣс.
6 р. на 9 мѣс. 5 р. 60 к., на 8 мѣс. 5 р., на 7 мѣс. 4 р. 60 к., на 6 мѣс. 3 р. 50 к., на
5 мѣс. 3 р., на 4 мѣс. 2 р. 60 к., на 3 мѣс. 2 р., на 2 мѣс. 1 р. 20 к., на 1 мѣс. 70 к.

Иногородніе адресуютъ подписныя деньги: въ Самару, въ контору редакціи «Са-
марской Газеты».

Редакторъ-печатель *С. И. Костеринъ*.

1—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ

(2-й годъ изданія)

на ежедневную научно-литературную, политическую и экономическую газету

„ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ“

издаваемую въ г. Екатеринославѣ М. С. Коньзовымъ.

Газета будетъ издаваться въ 1899 году подъ тою же редакціей (В. В. СВЯТЛОВСКАГО) при томъ же составѣ главныхъ сотрудниковъ и по той же программѣ.

Съ 1899 года «Приднѣпровскій Край» будетъ выходить въ значительно-увеличенномъ форматѣ и также, какъ въ минувшемъ году, ежедневно, т. е. и въ праздники, и въ послѣпраздничные дни. Всѣхъ номеровъ увеличеннаго формата будетъ выпущено 359 и, такимъ образомъ, въ теченіе года газета не выйдетъ лишь всего 6 дней. Форматъ газеты будетъ восьми-столбцовый въ размѣрѣ большого листа по образцу «Новаго Времени». Кроме того, газета будетъ давать особо по воскресеньямъ второй листъ (8 страницъ) съ иллюстраціями, рисунками и беллетристическими произведеніями.

Условія подписки на 1899 г.: Съ доставкой въ Екатеринославѣ: на 12 мѣс.—10 р., на 11 мѣс.—9 р., на 10 мѣс.—8 р., на 9 мѣс.—7 р., на 8 мѣс.—6 р. 50 к., на 7 мѣс.—6 р., на 6 мѣс.—5 р. 50 к., на 5 мѣс.—5 р., на 4 мѣс.—4 р. 50 к., на 3 мѣс.—3 р. 50 к., на 2 мѣс.—2 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 р. 25 к. Съ пересылкой поч. въ др. гор.: на 12 мѣс.—12 р., на 11 мѣс.—11 р., на 10 мѣс.—10 р., на 9 мѣс.—9 р., на 8 мѣс.—8 р., на 7 мѣс.—7 р. 20 к., на 6 мѣс.—6 р. 50 к., на 5 мѣс.—6 р., на 4 мѣс.—5 р. 25 к., на 3 мѣс.—4 р., на 2 мѣс.—2 р. 75 к., на 1 мѣс.—1 р. 40 к. Съ пересылкой за границу: на 12 мѣс.—23 р., на 11 мѣс.—21 р., на 10 мѣс.—19 р., на 9 мѣс.—17 р., на 8 мѣс.—15 р., на 7 мѣс.—13 р. 50 к., на 6 мѣс.—12 р., на 5 мѣс.—10 р. 50 к., на 4 мѣс.—9 р., на 3 мѣс.—7 р., на 2 мѣс.—4 р. 50 к., на 1 мѣс.—2 р. 50 к.

1—1

REVUE DES REVUES

Un Numéro spécimen
SUR DEMANDE

ET

REVUE D'EUROPE ET D'AMÉRIQUE

24 Numéros par an
Richement Illustrés

Au prix de 20 fr. en France et de 24 fr. à l'étranger (ou en envoyant par lettre 9 roubles, on a un abonnement d'Un an pour la Revue des Revues, RICHEMENT ILLUSTRÉE.

«Avec elle, on sait tout, tout de suite» (ALEX. DUMAS FILS), car «la Revue des Revues est extrêmement bien faite et constitue une des lectures des plus intéressantes, des plus passionnantes et des plus amusantes» (FRANCISQUE SARCEY); rien n'est plus utile que ce résumé de l'esprit humain» (E. ZOLA); elle a conquis une situation brillante et prépondérante parmi les grandes revues françaises et étrangères» (*Les Débats*), etc.

La Revue paraît le 1^{er} et le 15 de chaque mois, publie des articles inédits signés par les plus grands noms français et étrangers, les meilleurs articles des Revues du monde entier, etc., etc.

Les nouveaux abonnés pour 1899 recevront gratuitement la Revue jusqu'à fin de cete année.

La collection annuelle de la Revue forme une vraie encyclopédie de 4 gros volumes, ornés d'environ 1.500 gravures et contenant plus de 400 articles, études, nouvelles, romans, etc.

La Revue offre de NOMBREUSES PRIMES à ses abonnés.

On s'abonne sans frais dans tous les bureaux de poste de la France et de l'étranger, chez tous les principaux libraires du monde entier et dans le bureaux de la Revue.
Rédaction et Administration: 12, AVENUE DE L'OPÉRA, PARIS.

1—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„НИЖЕГОРОДСКИЙ ЛИСТОКЪ“

въ 1899 году.

Вступая въ седьмой годъ существованія, «Нижегородскій Листокъ» ставитъ своей задачей разработку вопросовъ нижегородской и поволжской жизни, отводя въ то же время мѣсто и интересамъ современной государственной и общественной жизни Россіи.

Редакція обращаетъ особое вниманіе на мѣстную жизнь въ губерніи. Помимо корреспонденцій, нѣсколько разъ въ недѣлю помѣщается фельетонъ «ИЗЪ ЖИЗНИ ГУБЕРНІИ», въ которомъ освѣщаются факты изъ уѣздной жизни.

Въ 1899 году въ «Нижегородскомъ Листкѣ» будутъ помѣщаться ПОРТРЕТЫ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей и РИСУНКИ, иллюстрирующіе наиболѣе выдающіяся событія изъ нижегородской, общерусской и заграничной жизни.

Въ «Нижегородскомъ Листкѣ» принимаютъ участіе: *Н. П. Ашешовъ, А. И. Бойдановичъ, Е. Ф. Волкова, Н. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), В. А. Голышевъ, С. И. Гриневскій, И. В. Ермаковъ, А. М. Ешинъ, Е. М. Ешинъ, Ивановичъ, Вл. Г. Короленко, П. И. Кошечичъ, С. И. Лавровъ, В. А. Мосолова, А. Д. Мысовская, М. А. Плотниковъ, С. Д. Протопоповъ, А. М. Пышковъ (М. Горькій), А. А. Савельевъ, Н. А. Скворцовъ, К. М. Станюковичъ, С. Л. Тейтель, В. Е. Чешинъ, Е. Н. Чириковъ (Е. Валинъ), А. А. Штевенъ и мн. друг.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1899 ГОДЪ: Для городскихъ подписчиковъ: на 1 мѣс.—1 р., на 2 мѣс.—1 р. 25 к., на 3 мѣс.—1 р. 50 к., на 4 мѣс.—2 р., на 5 мѣс.—2 р. 50 к., на 6 мѣс.—3 р., на 7 мѣс.—3 р. 50 к., на 8 мѣс.—4 р., на 9 мѣс.—4 р. 50 к., на 10 мѣс.—5 р., на 11 мѣс.—5 р. 50 к., на 12 мѣс.—6 р. Для иногороднихъ подписчиковъ: на 1 мѣс.—1 р. 25 к., на 2 мѣс.—1 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 р., на 4 мѣс.—2 р. 75 к., на 5 мѣс.—3 р. 50 к., на 6 мѣс.—4 р., на 7 мѣс.—4 р. 50 к., на 8 мѣс.—5 р., на 9 мѣс.—5 р. 50 к., на 10 мѣс.—6 р., на 11 мѣс.—6 р. 50 к., на 12 мѣс.—7 р.

УСЛОВІЯ РАЗСРОЧКИ: Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: городскіе подписчики при подпискѣ уплачиваютъ 1 р., иногородніе—при подпискѣ 1 р. 50 к. и тѣ, и другіе по 50 к. ежемесячно 20 числа, начиная съ января 1899 г. до уплаты всей подписной суммы.

Лица, не бывшіе подписчиками «Нижегородскаго Листка» и подписавшіяся на 1899 г. въ ноябрѣ и текущаго года, могутъ получать «Нижегородскій Листокъ» со дня подписки до 1 января 1899 года **БЕЗПЛАТНО**. Для этого слѣдуетъ сдѣлать заявленіе при самой подпискѣ.

1—1

Редакторъ-издатель *Г. Н. Казачковъ*.

„НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

въ 1899 году

(Шестнадцатый годъ изданія)

будетъ выходить въ Тифлисѣ, какъ и въ прошлые годы, ежедневно, по программѣ газеты литературной, общественной и политической.

Въ газетѣ въ истекшемъ году принимали участіе, кромѣ мѣстныхъ силъ: *К. С. Баранцевичъ, Ивановичъ, В. В. Лункевичъ, В. В. Лесевичъ, проф. Марръ, К. В. Назарьева, М. А. Протопоповъ, А. Хах—овъ, Ячевскій и др.*

Условія подписки, съ пересылкою и доставкою: на годъ—10 р., на полгода—6 р., на три мѣсяца 3 р. 50 к., на одинъ мѣсяць 1 р. 50 к. *За границу:* на годъ—17 р., на полгода—9 р., на три мѣсяца—5 р. (Подписка принимается не иначе какъ считая съ 1-го числа любого мѣсяца).

Для годовыхъ подписчиковъ: какъ городскихъ, такъ и иногороднихъ, обращающихся непосредственно въ контору редакціи, **ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА,** на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносятся—3 р., къ 1-му марта—2 р., къ 1-му мая—3 р. и къ 1-му сентября—2 р. для сельскихъ учителей год. плата—7 руб. полугодовая—4 р.

1—1

Открыта подписка на 1899 годъ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ

политическую, общественную, литературную и торговую газету

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Подписная цѣна съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города:

на годъ—7 рублей,

11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 р., 9 мѣс.—5 р. 50 к., 8 мѣс.—5 р., 7 мѣс.—4 р. 50 к.,
6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 р. 40 к., 2 мѣс.—1 р. 70 к.,
1 мѣс.—90 к., $\frac{1}{2}$ мѣс.—50 к.

Подписка съ переносомъ на слѣдующій годъ не принимается.

Редакція проситъ гг. подписчиковъ, при желаніи выписывать газету въ разсрочку, ОБЯЗАТЕЛЬНО при первомъ же взносѣ дѣлать надписи въ письмѣ — ВЪ РАЗСРОЧКУ, иначе газета будетъ высылаться лишь до того срока, по который внесены деньги. ДЛЯ УДОБСТВА ПОДПИСЧИКОВЪ подписка принимается и съ РАЗСРОЧКОЙ, съ платою не менѣе какъ въ мѣсяцъ 1 р., до выплаты всей суммы, причемъ высылка газеты прекращается въ соответственный взносу срокъ.

Въ ОРЛѣ подписка принимается въ конторѣ Орловскаго Вѣстника».

1—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ

НА

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“,

ГАЗЕТУ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНУЮ и ПОЛИТИЧЕСКУЮ

(XVІІІ-й годъ изданія).

«Восточное Обозрѣніе» будетъ издаваться ЕЖЕДНЕВНО,
КРОМѢ ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ.

Цѣна газеты: въ Россіи за годъ—8 р., полгода—5 р., три мѣсяца—3 р.
и за одинъ мѣсяцъ—1 р., за границу за годъ—12 р., полгода—6 р. 50 к.
три мѣсяца—3 р. 75 к., на одинъ мѣсяцъ—1 р. 40 к. При газетѣ
издается «Сибирскій Сборникъ». Цѣна 2 р. въ годъ.
Объявленія по 10 к. за строчку петита на 4-й страницѣ и 20 к. на 1-й страницѣ.

Адресъ: Иркутскъ, Редакція газеты «ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ».

1—1

Редакторъ-издатель И. И. Поповъ.

16. За границей. Суданская экспедиція. — Опыты одного фабриканта. — Двадцатипятилѣтіе университетскаго движенія въ Англіи. — Театръ мистерій въ Зельцахъ	28
17. Изъ иностранныхъ журналовъ. «Revue des deux Mondes». — «National Review». — «Fortnightly Review». — «Cassell's Magazine».	35
18. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Габріэль де-Мортилье и доисторическая археологія. Н. Могилянскій	49
19. НАУЧНЫЯ НОВОСТИ. Химія. Новый элементъ эфиріонъ. — Біологія. Полъ потомства. — Зоологія. Психологія пчелъ — Ботаника. Интересный случай тератологіи растений. — Антропология. Древнѣйшій способъ добыванія огня. — Медицина. 1) Прививка противъ чумы въ Индіи. 2) Часы смерти и рожденія. — Географія и путешествія. Море бѣлаго цвѣта. Н. М. .	55
20. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя книги. — Критика и исторія литературы. — Публицистика. — Исторія всеобщая и русская. — Политическая экономія — Философія. — Естествознание. — Содержаніе библиографическаго отдѣла за 1898 г. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. — Иностранная литература. — Изъ западной культуры. Ив. Иванова. — Новости иностранной литературы.	60
21. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. Безумецъ или мученикъ? По поводу статьи Le centenaire d'Auguste Comte, par Levy Brühl, Revue des deux Mondes, 1898. Ив. Иванова	87
22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	109

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

23. ЧУДЕСА ВОЗДУШНАГО ОКЕАНА. Морица Фармана. Переводъ съ французскаго, съ дополненіями и подъ редакціей В. Агафонова. (Окончаніе)	71
24. ЭВОЛЮЦІЯ ТОРГОВЛИ У РАЗЛИЧНЫХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ РАСЪ. Шарля Летурно. Переводъ съ французскаго Т. Богдановичъ. (Окончаніе)	159
25. БОРЬБА МІРОВЪ. Романъ Г. Уэллса. Переводъ съ англійскаго З. Журавской. (Окончаніе)	49
26. СОДЕРЖАНІЕ 1898 ГОДА ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ».	
27. КЪ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКѢ. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

При этомъ номерѣ разсылаются объявленія: 1) «Нивы». 2) Каталоги изданій О. Н. Поповой. 3) «Вѣстника Воспитанія». 4) «Руси» и «Недѣли». 5) «Всходовъ». 6) «Дѣтскаго Чтенія». 7) «Научнаго Обзорія». 8) «Журнала для всѣхъ».

„МІРЪ БОЖІЙ“

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ Печковской, Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій м-тъ, д. Коха.

1) *Рукописи*, присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей

2) Непринятые мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятые статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятые же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лича*, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣчную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльной срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) *Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи*. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ cadaго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, *кроме праздниковъ*, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час., *кроме праздничныхъ дней*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи 8 руб.,
безъ доставки 7 руб., за границу 10 руб. Адресъ:
С.-Петербургъ. Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6753

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

DEC 5 1991

REC CIRC OCT 24 1991

U.C. BERKELEY LIBRARIES



C038441613



RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6753

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

DEC 5 1991

REC CIRC OCT 24 1991

U.C. BERKELEY LIBRARIES



C038441613

